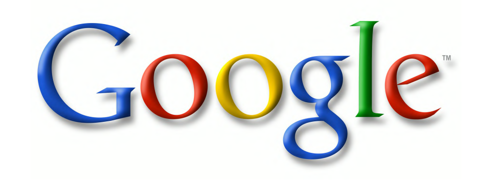
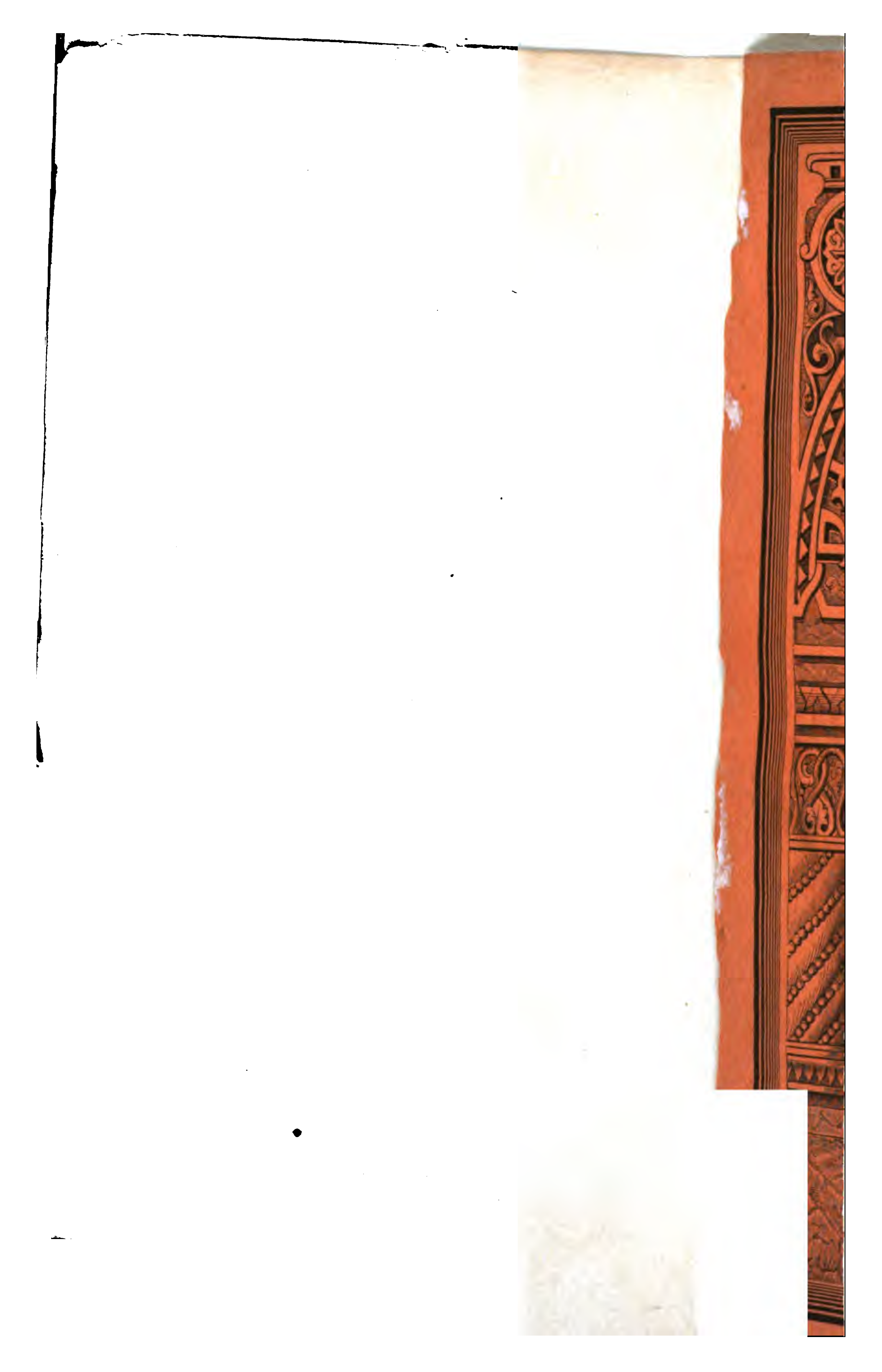
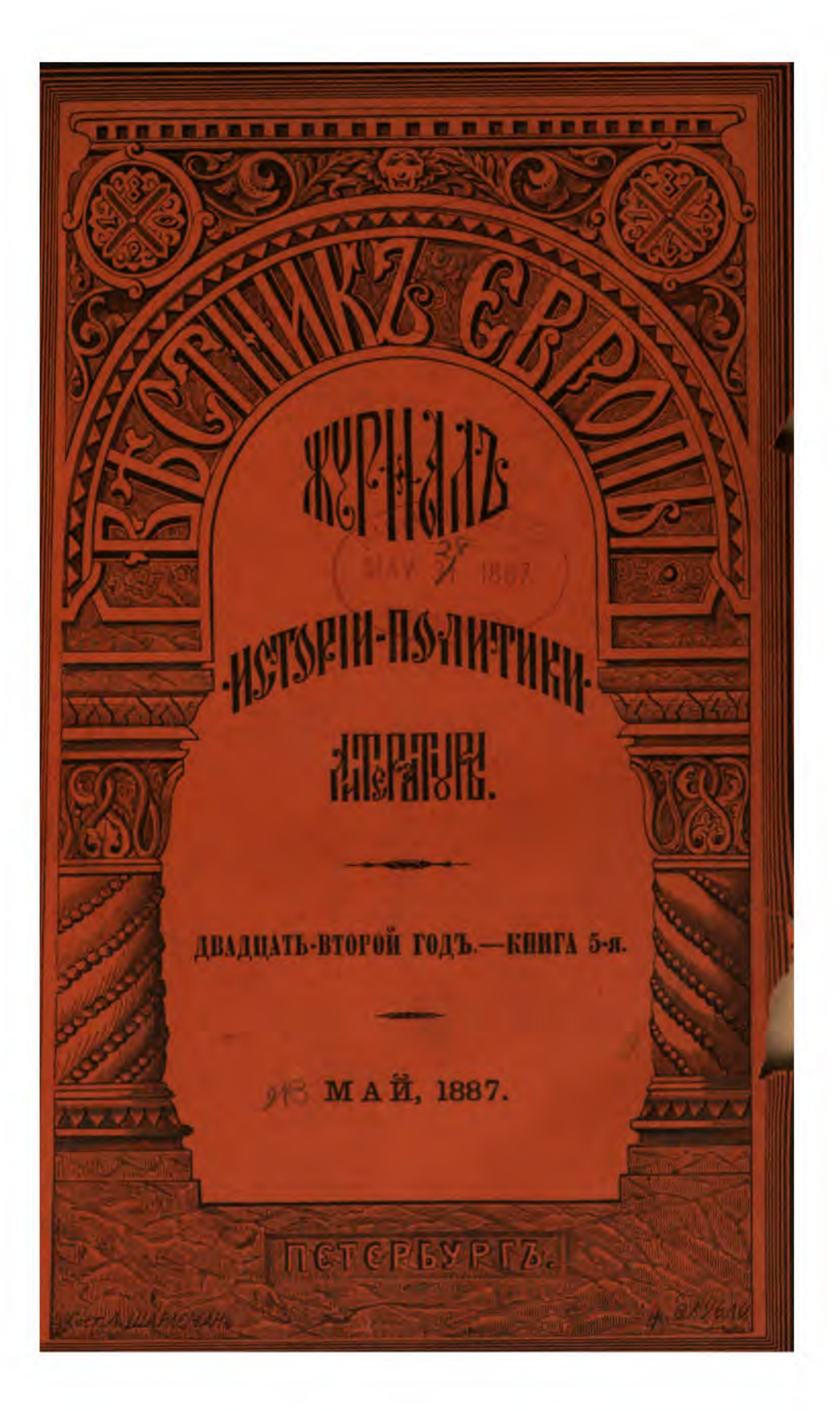


SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.
МАЙ, 1887.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1887.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1887 г. см. ниже, на обертке.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LI. — ТОМЪ CCXCIX. — 1/13 МАЯ, 1887.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1887

(1862)

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ
КАВЕЛИНЪ

Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній.

X *).

Изъ семейной переписки, въ 1872 и 73 гг.

Въ семейной перепискѣ Кавелина за 1872 и 1873 гг. выражается безрадостное настроеніе его мыслей еще съ бо́льшей силой, чѣмъ въ его письмахъ 1868—1871 гг. Оно опредѣляется, кромѣ причинъ, указанныхъ въ предыдущей главѣ, еще нѣкоторыми обстоятельствами личной жизни Кавелина въ эту эпоху.

1872-й годъ начался для Кавелина очень грустно смертію одного изъ самыхъ близкихъ ему людей—Н. А. Милютина. Въ томъ же году появился въ печати многолѣтній трудъ Кавелина, плодъ его продолжительныхъ размышленій—„Задачи Психологіи“, которому, какъ мы видѣли, онъ придавалъ весьма большое значеніе. „Задачи Психологіи“ хотя и не „канули въ вѣчность“, чего опасался Кавелинъ при ихъ появленіи въ печати, но производили — и среди спеціалистовъ, и среди массы читающей публики — впечатлѣніе неблагопріятное для автора. На нихъ взглянули какъ на трактатъ недодѣланный, недоконченный, съ произвольными иногда предпосылками и выводами, и ими оста-

*) См. выше: апрѣль, 457 стр.

лись неудовлетворены какъ люди стараго философско-идеалистическаго воззрѣнія, такъ и люди новаго, научно-реалистическаго. Кавелинъ долженъ былъ вступить въ полемику съ двумя выдающимися представителями того и другого лагеря: съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и съ профессоромъ И. М. Сѣченовымъ. Въ 1873 году въ семейной жизни Кавелина, въ тѣсный кругъ которой онъ замыкался все болѣе и болѣе съ 1868 года, произошла весьма важная перемѣна. Нѣжно-любимая имъ дочь, Софья Константиновна, зажила самостоятельною семейною жизнію. Съ замужествомъ дочери, Кавелинъ, весьма естественно, ощутилъ пустоту въ своемъ домашнемъ очагѣ, которому придавалось его ненаглядной „Соней" столько теплоты и оживленія.

Всѣ эти обстоятельства, конечно, болѣзненно отзывались въ впечатлительной и глубоко-чувствующей душѣ Кавелина. При этомъ не мелочное оскорбленное авторское самолюбіе и не ревнивая, слѣпая родительская любовь руководили имъ въ данномъ случаѣ. Кавелинъ, какъ богато-надѣленная духовными дарами натура, былъ чуждъ всякаго мелкаго эгоистическаго чувства и всегда покорялся факту, какъ бы ни было тó лично для него тяжело и скорбно; но онъ, въ силу того же своего духовнаго богатства, ясно сознавалъ свое одиночество, изолированность среди всего, окружающаго его... Онъ переносилъ свое положеніе съ большимъ мужествомъ, съ стоическою твердостью, по прежнему сохраняя глубокую вѣру въ свои идеалы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ не замѣчать, что его лучшая пора миновала безвозвратно, что полдень его жизни смѣнялся сумерками, съ чѣмъ по-неволѣ приходилось мириться... И вотъ, Кавелинъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, ищетъ успокоенія въ деревнѣ, все сильнѣе и сильнѣе предаваясь въ Ивановѣ хозяйственнымъ заботамъ и тѣснѣе сближаясь съ крестьянскимъ *міромъ*, ища въ немъ, какъ прежде, основъ для *мира* душевнаго. Но тщетно усиливается онъ обрѣсти въ деревнѣ „тихое пристанище" послѣ своего бурнаго плаванія по „житейскому морю". Въ деревенскомъ кругѣ отношеній, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ощущаетъ онъ рѣзкое противорѣчіе между дѣйствительностію и своими идеальными воззрѣніями, и печатно заявляетъ сѣтованія на печальныя условія русской сельской жизни.

Глубокая, гнетущая скорбь западаетъ въ любящее, честное сердце Кавелина, и этою-то скорбью запечатлѣна вся его семейная переписка 1872—1873 гг.

15-го января 1872 г., писалъ онъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее:

„...1-го января я поспѣшно уѣхалъ въ Москву, по извѣстію о тяжкой болѣзни Н. А. Милютина, и воротился лишь 10-го. Милютинъ еще живъ, но не надолго. Болѣзнь сердца, Брайтова болѣзнь почекъ и водяная скоро справятся съ этой сильной натурой. Моему пріѣзду онъ былъ очень радъ...

„...Начало моей работы теперь уже ты читалъ, конечно. Она будетъ больше, чѣмъ я думалъ, листовъ 14 печатныхъ. Въ февральской книжкѣ („Вѣст. Европы") три главы займутъ листовъ 6. Все кончится въ апрѣлѣ. Мнѣ обѣщали возраженія письменныя. Пожалуйста напиши, если что́ услышишь, хотя бы ругательства: la vérité, et rien que la vérité. Это интереснѣе всего на свѣтѣ.

„Пишу на парахъ, какъ всегда, въ проклятомъ Петербургѣ, гдѣ милліоны мельчайшихъ дѣлъ не даютъ вздохнуть, и день деньской намаешься, какъ каторжный.

„Соня мила по прежнему, много работаетъ и становится изъ добродушнаго субъекта иронизирующимъ. Ее очень озабочиваютъ уроки средней исторіи, къ которой она приступаетъ теперь.

„Я было началъ заниматься исторіей философіи и началъ штудировать, для Индіи, Дункера; но куда! Рѣшительно нѣтъ минуты свободной. Едва успѣешь прочесть на сонъ грядущій по двѣ-три страницы Гартмана, новаго философа, производящаго фуроръ въ Германіи, но буддиста по направленію".

Предчувствіямъ Кавелина, выраженнымъ въ этомъ письмѣ, суждено было исполниться скорѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ предполагалъ. Н. А. Милютинъ скончался въ Москвѣ 26-го января 1872 года. Въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы" за этотъ годъ, въ некрологѣ его, Кавелинъ представляетъ слѣдующую характеристику своего друга:

„Лѣтъ за пять, за шесть тому назадъ, имя покойнаго упоминалось очень часто, одними—съ ожесточеніемъ и злобой, другими—съ глубокимъ, непритворнымъ сочувствіемъ. Знали это имя всѣ, потому что Н. А. Милютинъ принималъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ, совершившихся въ Россіи за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Еще не наступило время опредѣлить мѣру этого участія, выдѣлить то, что̀ собственно ему принадлежитъ, отъ того, что̀ принадлежитъ другимъ или обстоятельствамъ. Матеріалы для такой оцѣнки хранятся пока въ архивахъ, нетронутые,—да въ памяти товарищей Милютина по работѣ. Но, судя по глубокой непріязни, какую къ нему питали одни, по восторгу, преданности и сочувствію, какіе онъ

возбуждалъ въ другихъ, можно вывести уже теперь безъ ошибки, не дожидаясь послѣдующаго суда исторіи, что покойный Милютинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые получаютъ извѣстность не по занимаемому мѣсту или должности, не по происхожденію и связямъ, а завоевываютъ ее сами, своими личными свойствами и трудами. Сдѣланное имъ опредѣляется не количествомъ и формальными достоинствами сочиненныхъ имъ проектовъ, инструкцій, предписаній и другихъ бумагъ, а мыслями и началами, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, и тѣмъ, какъ онъ ихъ проводилъ. Составленіе дѣловыхъ бумагъ, какъ бы онѣ ни были написаны толково, искусно и хорошимъ слогомъ, никогда не доставило бы ему и малой доли извѣстности, какой онъ пользовался. Но съ именемъ его соединилось представленіе объ извѣстныхъ направленіяхъ и началахъ нашего законодательства и администраціи, которыя ненавистны однимъ, дороги другимъ. Около нихъ, изъ-за нихъ, идетъ у насъ борьба, начавшаяся Богъ знаетъ съ котораго времени, задолго до Петра Великаго. Эта борьба опредѣляетъ ходъ и смыслъ нашей исторіи, наше развитіе, къ ней сводится весь интересъ нашей общественной и государственной жизни. Кто, какъ покойный Милютинъ, принималъ въ ней горячее участіе, тотъ, въ какомъ бы онъ ни находился положеніи, не можетъ оставаться неизвѣстнымъ публикѣ, не можетъ не быть популярнымъ, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ. Какъ дѣятеля, его можно было любить или ненавидѣть, но не знать его было невозможно.

„Большой его извѣстности много содѣйствовали, сверхъ того, и его замѣчательныя личныя свойства... Онъ не только былъ человѣкъ большихъ способностей, но и въ высокой степени почтеннаго, достойнаго характера. Съ умомъ яснымъ, необыкновенно живымъ, оборотливымъ и въ то же время точнымъ и нѣсколько рѣзкимъ, онъ соединялъ непоколебимую, ничѣмъ неподкупную гражданскую и политическую честность и строгость убѣжденій. Слащавое заискиванье въ высшихъ и популярничанье передъ низшими были ему одинаково чужды. Прямо, смѣло проводилъ онъ свои мысли, которыя всѣ знали, и за которыми никогда не таилось никакихъ лукавыхъ заднихъ мыслей. Друзья и враги Милютина хорошо знали, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣютъ дѣло, и только невѣжество или злонамѣренность могли приписывать ему тѣ или другія подразумѣваемыя намѣренія и планы. Политическимъ своимъ противникамъ онъ былъ страшенъ не закулисными интригами, которыхъ гнушался, а рѣдкимъ умѣньемъ сразу схватить суть дѣла, понять его живую, практическую обстановку въ

данную минуту и необыкновеннымъ искусствомъ вести его посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и препятствій. Затрудненія не только не охлаждали его, не отталкивали отъ дѣла, а, напротивъ, подымали его силы, которыя росли съ трудностями; онъ точно былъ рожденъ для борьбы. Работавшіе съ Милютинымъ, сослуживцы и подчиненные, не могли надивиться его находчивости посреди препятствій, повидимому, неодолимыхъ, его счастливой способности вдругъ открыть нѣсколько выходовъ изъ затрудненій тамъ, гдѣ, казалось, не было никакого выхода, его поразительной, чисто русской смёткѣ, благодаря которой онъ, въ короткое время, умѣлъ оріентироваться въ самыхъ запутанныхъ и притомъ мало извѣстныхъ ему вопросахъ, основательно съ ними ознакомиться и вести ихъ къ разрѣшенію съ такимъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, до котораго другіе достигаютъ только годами кропотливаго изученія.

„Замѣчательныя качества и таланты покойнаго Милютина естественно выдвинули его впередъ, открыли дорогу къ государственной дѣятельности, создали ему горячихъ приверженцевъ и политическихъ враговъ. Частныхъ, личныхъ враговъ, сколько мы знаемъ, у него было мало; напротивъ, рѣдко кто у насъ, особливо изъ государственныхъ людей, имѣлъ стольких преданныхъ, горячо привязанныхъ почитателей и друзей. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ людей, любилъ окружать себя талантами, охотнѣе работалъ съ ними, не боялся, что они могутъ затмить его, дѣлалъ имъ уступки, когда онѣ были нужны для пользы дѣла, которое всегда у него шло на первомъ планѣ, впереди всего. Оттого ему охотно прощали его нетерпѣливость, порой его раздражительность, обыкновенные недостатки живыхъ, дѣятельныхъ натуръ. Милютинъ бывалъ рѣзокъ, насмѣшливъ, но никогда не былъ высокомѣренъ; чувство презрѣнія было чуждо его благородной и мягкой душѣ“ [1])...

Въ этой характеристикѣ Милютина, начертанной талантливымъ перомъ Кавелина, встрѣчается очень много качествъ, общихъ тому и другому. Кавелинъ такъ же, какъ и его другъ, былъ чуждъ „слащавому заискиванью въ высшихъ и популярничанью передъ низшими“. Онъ, одинаково съ Милютинымъ, прямо, смѣло проводилъ свои мысли, которыя всѣ знали и за которыми никогда не таилось никакихъ „лукавыхъ заднихъ мыслей“. Онъ

[1]) См. „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., мартъ, стр. 461—463. Этотъ некрологъ Н. А. Милютина Кавелинъ подписалъ двумя произвольными буквами: *П. В.* Самый конецъ некролога со словъ: „Всѣ эти черты мы старались собрать отъ лицъ, коротко знавшихъ покойнаго“—писанъ другимъ лицомъ.

точно также никогда не былъ „высокомѣренъ, и чувство презрѣнія было чуждо его благородной и мягкой душѣ". Эта-то общность нравственныхъ качествъ, такъ-сказать, духовное сродство между Кавелинымъ и Н. А. Милютинымъ и служило прочнымъ основаніемъ ихъ постоянной и неразрывной дружбы...

23-го февраля 1872 г., Кавелинъ писалъ своей сестрѣ слѣдующее и, между прочимъ, по поводу „Задачъ Психологіи".

„Ты меня задѣла за живое, упрекнувъ косвеннымъ образомъ, что я будто бы не отвѣчаю и даже—о, ужасъ!—не читаю твоихъ писемъ. Корреспондентъ я дѣйствительно очень плохой, но, повѣрь, не отъ недостатка доброй воли, а потому, что верчусь какъ бѣлка въ колесѣ, часто до истощенія силъ. Рѣшительно недостаетъ времени вздохнуть,—такъ тормошатъ со всѣхъ сторонъ...

„...Тысячу разъ благодарю тебя и твоего милаго мужа за разсказы о впечатлѣніи, которое произвела статья въ Казани и на васъ. Авторскому самолюбію это пріятно. Я получилъ уже нѣсколько писемъ, съ выраженіемъ большого сочувствія, изъ разныхъ мѣстъ. Вчера получилъ анонимное письмо по городской почтѣ, съ замѣчаніями, въ самомъ дружескомъ тонѣ. Все это показываетъ, что моя десятилѣтняя работа не прошла незамѣченной, что она появилась кстати, что интересъ къ вопросу возбужденъ. Это очень хорошій признакъ, что интересъ возбужденъ къ дѣлу. Пора намъ стряхнуть то полное пренебреженіе къ нравственнымъ предметамъ, которое дѣлаетъ намъ столько зла. Мнѣ хотѣлось доказать, что наши матеріалисты договорились до чортиковъ, до попранія здраваго смысла, и это, кажется, мнѣ удалось. Серьезные люди изъ естествовѣдовъ намѣрены мнѣ возражать, чему я былъ бы душевно радъ. Это послужило бы только къ разъясненію вопроса".

Отцу моему онъ писалъ 3-го марта:

„...Меня чрезвычайно радуетъ, что я вамъ потрафилъ своей работой. Вы,—пишетъ мнѣ Митя,—читали работу Сѣченова [1]).

„Я противъ нея главнымъ образомъ и полемизирую. Со всѣхъ сторонъ получаю выраженія сочувствія—письменныя (даже анонимныя) и словесныя за первую статью, которая читается легко. Вторая—труднѣе; за третью многіе со мной поссорятся, а за

---

[1]) Книга И. М. Сѣченова: „Рефлексы головного мозга", вышла въ Спб. 1866 г.; 2-е изд. Спб. 1871.

послѣднюю опять помирятся. Вообще я радъ тому, что работа не канула въ воду, какъ я боялся".

1872-ой годъ имѣетъ и въ моей жизни важное значенiе. Вернувшись въ 1870 году изъ-за границы здоровымъ и бодрымъ, какимъ желалъ меня видѣть Кавелинъ, я получилъ, наконецъ, возможность исполнить мое давнишнее и самое задушевное желанiе—держать экзаменъ на магистра русской исторiи. Въ концѣ ноября 1870 года я приступилъ къ экзамену и окончилъ его къ концу марта слѣдующаго, 1871 года. Кавелинъ участливо слѣдилъ за ходомъ моего экзамена, постоянно спрашивая меня въ письмахъ о подробностяхъ его и искренно радуясь, что давно задуманное мною дѣло, наконецъ, исполняется. 5-го марта 1872 г. происходилъ въ Казани мой магистерскiй диспутъ; въ концѣ этого мѣсяца я былъ утвержденъ приватъ-доцентомъ русской исторiи въ казанскомъ университетѣ, а 24-го мая избранъ совѣтомъ университета въ штатные доценты при каѳедрѣ русской исторiи, которую занималъ тогда профессоръ Н. А. Ѳирсовъ. Осуществилась лучшая мечта моей юности—и я считалъ себя вполнѣ счастливымъ.

9-го апрѣля 1872 г. Кавелинъ мнѣ писалъ слѣдующее:

„Любезнѣйшiй другъ Дмитрiй Александровичъ!

„Отъ всей души и отъ глубины любящаго сердца поздравляю тебя съ полученiемъ магистерскаго диплома и званiя доцента (хотя и привата) по русской исторiи. Ты совершилъ подвигъ, добился съ честью предположенной цѣли: это еще больше чѣмъ дипломъ и venia docendi. Каждый новый фактъ, т.-е. выполненный годами планъ, не безъ препятствiй и не безъ труда, внутреннихъ усилiй, борьбы съ собою и съ обстоятельствами, формируетъ человѣка и его характеръ гораздо больше, чѣмъ десять прочитанныхъ умныхъ книгъ и блистательныхъ мыслей, которыя приходятъ въ голову и опять уходятъ, помимо нашего участiя и нашихъ заслугъ. Ты, пожалуй, сгрустнулся на то, что я тебѣ не писалъ до сихъ поръ, и, навѣрное, не одно прискорбное подозрѣнiе, не одно болѣзненное сомнѣнiе зашевелилось по этому случаю въ твоей душѣ. Но вотъ тебѣ сущая правда. Съ начала марта по 28-е число я такъ усиленно работалъ надъ одесскимъ дѣломъ, которое должно было быть кончено, просмотрѣно министромъ, напечатано и отослано въ Государственный Совѣтъ къ 1-му апрѣля, во что бы то ни стало, что, наконецъ, не въ состоянiи былъ писать самъ, а диктовалъ Сонѣ, и къ ужасу своему заболѣлъ,—впрочемъ, слава Богу на одинъ только день. Суди

самъ, было ли мнѣ время радоваться съ тобой и поздравить тебя? Я даже не могъ читать твоей диссертаціи; она лежала недѣли на моемъ столѣ. И смотрѣлъ-то на нее украдкой. Когда же страда кончилась, я не хотѣлъ, да и совѣстно было, писать тебѣ, не прочитавши ея отъ доски до доски и не написавъ о ней статейки въ „С.-Петербургскія Вѣдомости". Сегодня я послѣднее окончилъ"...

Обращаясь затѣмъ къ русской дѣйствительности начала 70-хъ годовъ и утѣшая меня въ томъ, что я вступаю на путь высшаго университетскаго преподаванія, послѣ долгихъ трудовъ съ моей стороны, только привать-доцентомъ, Кавелинъ, между прочимъ, говоритъ:

„...Теперь всюду такая гниль, что занимать въ ней первое или послѣднее мѣсто—право, не велика честь и не велико безчестье. Было бы самое дѣло—вотъ первое и главное, а остальное—пустяки! Особливо когда за спиной—независимый кусокъ хлѣба"...

Далѣе, онъ останавливается на моемъ предположеніи начать чтенія въ университетѣ спеціальнымъ курсомъ по новѣйшей русской исторіи, съ царствованія императора Павла. „Никакъ бы этого не совѣтовалъ!—пишетъ Кавелинъ:—по теперешнимъ условіямъ путнаго ты сказать ничего не можешь и не смѣешь съ каѳедры, а станешь говорить — слетишь ни за нюхъ табаку. Александръ I разоблачается съ каждымъ новымъ документомъ изъ его времени, который печатается. Не думаю, чтобы фигура Сперанскаго долго продержалась. А затѣмъ, кто же и что̀ же? Голенищевъ-Кутузовъ? Аракчеевъ, что ли? Время было дрянное, люди были гнусные и... Для праведнаго суда надъ этимъ временемъ время еще не наступило, а читать курсъ въ Кайдановскомъ вкусѣ у тебя духу не хватитъ"...

Послѣ этого Кавелинъ снова обращается къ состоянію русской общественности 70-хъ годовъ: „Пошлость общества, дряблость или дрянность молодежи—скажи на милость—неужто это все для тебя такъ ново?.. Слава Богу, къ этимъ мефитическимъ воздухамъ, живя на россійской почвѣ 27 или 28 лѣтъ, можно бы, кажется, и принюхаться... Вымираетъ цѣлый періодъ русской исторіи, а ты удивляешься, отчего такъ скверно пахнетъ! Подумай, что̀ перепрѣваетъ—и успокойся. Финны, татары, фанаріоты, Польша, Франція временъ послѣднихъ Людовиковъ, Москва и

Петербургъ, разлагаясь въ одной кучѣ, не могутъ пахнуть розанами и ландышами.

„*10 апрѣля.* Мы теперь осуждены, милый другъ, немножко похоже на римскихъ стоиковъ, предшественниковъ христіанъ, опираться только на самихъ себя, выполнять долгъ, какъ мы его понимаемъ, крѣпко стоять на своемъ, не озираясь и не прислушиваясь, что̀ и какъ думаютъ посторонніе, потому что они того не сто̀ятъ. Затѣмъ, случается, отъ единицъ слышать умныя рѣчи. Надо не быть самодуромъ, умѣть ихъ выслушать, оцѣнить и ихъ послушать; но это совсѣмъ не то, что прислушиваться къ общему говору и сужденію. Трудность жизни въ наше время въ томъ и состоитъ, что не на что̀ опереться, нельзя плыть по теченію, нельзя облегчить себя и свою ношу. Кругомъ—пустота и развалины. Подъ-часъ жутко становится отъ одиночества, но дѣлать нечего. Надо къ нему привыкать, надо умѣть опираться только на себя и на свои силы. Значитъ—иди себѣ своей дорогой, не думая, что̀ скажутъ другіе, работай серьезно, отдыхай въ трудѣ, копи зернышко къ зернышку, песчинку къ песчинкѣ, ставь выше всего исполненный долгъ—и пусть будетъ, что̀ будетъ. Въ эту формулу сложились мои мысли, посреди нашей печальнѣйшей общественности, послѣ бурной жизни. Мои „психологическія задачи"—результатъ долгихъ исканій точки опоры, спасительной доски послѣ кораблекрушенія тысячи надеждъ и не осуществившихся требованій отъ окружающей среды. Посмотри, какъ глупы люди. Три четверти нашихъ радикаловъ строятъ самыя невозможныя и непрактическія требованія на теоріи, которая въ принципѣ отрицаетъ всякую самодѣятельность. Вѣдь это безсмыслица; а лучшіе люди не догадываются, что они сами съ собою въ вопіющемъ противорѣчіи. При такой путаницѣ въ головѣ у лучшихъ людей, чего же ждать отъ массы, живущей въ грязи умственной, нравственной и физической?

„Ну, теперь перейду къ себѣ. Работа моя, какъ ты уже знаешь, кончена. Первая статья немного расшевелила мозги. Надѣялись, двигаясь на готовыхъ шаблонахъ, что я стану отвоевывать у естественныхъ наукъ то, что̀ онѣ захватили въ свою область по праву. Но какъ этого не случилось (и, разумѣется, не могло случиться), то работа и перестала обращать на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что она требуетъ внимательнаго чтенія, предполагаетъ способность думать связно и логически, а никакихъ такихъ способностей мы не имѣемъ. Сначала я получалъ много заявленій сочувствія, но съ февральской книжки они замолкли и не возобновлялись. Получилъ сочувственное, но до-

вольно нелѣпое анонимное письмо, въ которомъ меня, между прочимъ, спрашиваютъ, почему я не говорю о религіи и религіозномъ чувствѣ,—неужели „страха ради іудейска" (т.-е. передъ атеистами и нигилистами)? Какъ будто въ Россіи можно говорить печатно о религіи! Но, несмотря на такое видимое равнодушіе, я не теряю куражу. Не вдругъ, а исподоволь, дѣло будетъ за себя говорить, и люди, волей-неволей, придутъ къ тому же ряду мыслей, который привелъ меня къ напечатанной недавно работѣ. До какой степени мы бѣдны—можешь судить изъ того, что до сихъ поръ ни одинъ крайній реалистъ не нашелся серьезно возразить мнѣ. А съ какою самоувѣренностью они проповѣдуютъ „послѣднее слово науки"! Подумаешь—на гранитномъ пьедесталѣ стоитъ ихъ мудрость! И все у насъ такъ.

„Цѣлый рядъ работъ вертится въ головѣ, но глазъ видитъ, да зубъ нейметъ. Нѣтъ времени, нѣтъ досуга, тормошеніе безпрестанное! Хочется написать статью о Шопенгауерѣ и Гартманѣ, его ученикѣ, по крайней мѣрѣ, послѣдователѣ и очень талантливомъ; написать очеркъ исторіи философіи, съ точки зрѣнія психологической своей работы. Думается написать книгу объ этикѣ, съ той же точки зрѣнія, и при сей вѣрной оказіи освободить евангельское ученіе отъ тысячи произвольныхъ толкованій, вольныхъ и невольныхъ, которыя дѣлаютъ его непонятнымъ при теперешнемъ состояніи наукъ и степени развитія культуры. Мечтается и о нѣкоторыхъ юридическихъ работахъ.

„Разумѣется, всего этого я не успѣю сдѣлать, развѣ судьба пошлетъ мнѣ презентъ въ видѣ лотерейнаго выигрыша, достаточнаго, чтобъ я могъ бросить службу. Но на это нельзя разсчитывать. Хоть бы часть этихъ работъ выполнить,—и то было бы отлично. Тебя я прошу объ одномъ. Такъ какъ ты теперь совершенно свободенъ, прочти внимательно „Задачи Психологіи" и напиши мнѣ откровенно свое личное мнѣніе, съ присовокупленіемъ отзывовъ дѣйствительно умныхъ и толковыхъ людей, какого бы они ни были лагеря. Это меня обрадуетъ и будетъ мнѣ полезно. Кстати, напиши имя, отчество и фамилію того молодого профессора философіи въ вашемъ университетѣ, о которомъ ты мнѣ писалъ разъ [1]. Я бы хотѣлъ отправить къ нему экземпляръ книги, когда она выйдетъ, что̀ должно послѣдовать скоро. Весь текстъ отпечатанъ уже особыми оттисками. Остается заглавіе,

---

[1]) Рѣчь идетъ о В. А. Снегиревѣ, въ то время доцентѣ, а теперь ординарномъ профессорѣ философіи въ казанской духовной академіи. Г. Снегиревъ былъ приглашенъ въ 1872 г. преподавателемъ философіи въ казанскій университетъ, въ которомъ эта каѳедра оставалась вакантною, за переходомъ въ Варшаву М. М. Троицкаго.

посвященіе и предисловіе, которыхъ жду изъ типографіи на этихъ дняхъ. Очень жалѣю, что юный профессоръ не писалъ мнѣ ничего, какъ намѣревался. Я теперь отовсюду собираю отзывы о моей работѣ, чтобы составить статью, объяснительную и дополнительную.

„Теперь, кажется, сказалъ все. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Нечего тебѣ и говорить, какъ я и мои будемъ рады видѣть тебя въ Ивановѣ и пожить съ тобой, сколько поживется. Тебѣ надо отдохнуть... Проѣздись и разсѣйся.

„Прощай и будь здоровъ. Спасибо за твою горячую любовь и дружбу. Мнѣ весело умирать, думая, что наука и любовь къ ней не умрутъ со мною въ нашемъ родѣ, а перейдутъ, послѣ меня, къ дочери и къ тебѣ. Она очень дружески тебѣ кланяется и желаетъ всего лучшаго. Работаетъ по прежнему и преподаетъ исторію съ удивительнымъ успѣхомъ. Она съумѣла сдѣлать изъ нея для дѣтей уроки политики, школу политическаго и юридическаго образованія. Я видѣлъ тетрадки 12-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ,—такъ онѣ хороши. Знаетъ Соня по исторіи страшно много: я и въ 25 лѣтъ половины того не зналъ. Привычка ея къ постоянному, ежедневному труду составляетъ предметъ моей всегдашней зависти. Если бы смолоду моя обстановка была другая, и я бы вышелъ совсѣмъ другой.

„Теперь пора приниматься за другія дѣла. Передо мной списокъ въ 24 нумера разныхъ разностей, которыя я долженъ еще передѣлать до отъѣзда—писемъ, комиссій, дѣлъ, бумагъ и т. д. Одурь беретъ“.

Въ упомянутой выше рецензіи на мою магистерскую диссертацію: „Меря и Ростовское княжество“, Кавелинъ затрогиваетъ весьма интересные общіе вопросы изъ прошлаго и настоящаго русской жизни. Поэтому позволяю себѣ привести отрывки изъ этой рецензіи, исключая изъ нея, конечно, все, что̀ касается лично меня и моей книги. Сами по себѣ мнѣнія, выраженныя здѣсь Кавелинымъ, достойны полнаго вниманія, но они получаютъ еще бо̀льшее значеніе въ виду того обстоятельства, что рецензія на мою магистерскую диссертацію была послѣдней его печатной статьей по русской исторіи. Съ 1872 г. онъ всецѣло посвятилъ себя философіи, публицистикѣ и спеціальнымъ изслѣдованіямъ по гражданскому праву.

Указавъ на мою книгу, какъ на попытку въ разработкѣ мѣстной исторіи одной изъ важнѣйшихъ русскихъ областей, въ которой возникло и сложилось великорусское племя,—Кавелинъ говоритъ:

„Мы слишкомъ долго и слишкомъ много вертѣлись въ однихъ общихъ соображеніяхъ, вторя въ наукѣ тому, что совершалось въ дѣйствительной жизни. Московскій и петербургскій періоды русской исторіи съ большимъ пренебреженіемъ относились ко всему мѣстному, усердно стирали всѣ мѣстныя особенности, все намекавшее на самостоятельное мѣстное развитіе. Это направленіе длилось столѣтія и, конечно, имѣло и свои глубокія причины, и свои благотворныя послѣдствія. Но теперь оно сдѣлало свое дѣло, разрѣшило вполнѣ задачу, которою было вызвано, и въ наше время видимо слабѣетъ. Въ строѣ всей русской жизни чувствуется поворотъ къ болѣе правильной, справедливой и разумной оцѣнкѣ той важной роли, какую мѣстные, провинціальные элементы играютъ въ общей экономіи государственной и народной жизни. Дѣятельность, въ теченіе многихъ вѣковъ, сосредоточенная исключительно въ центрѣ, начинаетъ мало-по-малу переливаться въ периферіи, и долго онѣмѣвшія оконечности начинаютъ понемногу оживать. Общественное и научное сознанія, въ которыхъ волей-неволей отражается ходъ событій и настроеніе времени, не могутъ уже болѣе, какъ прежде, исключительно сосредоточиваться на однихъ общихъ историческихъ и политическихъ воззрѣніяхъ, и мѣстная жизнь, мѣстные интересы, въ прошедшемъ и настоящемъ, все больше и больше манятъ къ себѣ людей. Это безспорно значительный шагъ впередъ русской мысли, серьезный поворотъ нашего сознанія къ лучшему.

„Но не будемъ слишкомъ убаюкивать себя розовыми надеждами. На первыхъ шагахъ по этому новому пути насъ ожидаютъ, и въ наукѣ, и въ дѣйствительности, печальнѣйшія неожиданности, горькія разочарованія. Провинція заброшена нами Богъ знаетъ какъ давно. Послѣ такого продолжительнаго абсентеизма — чего можно въ ней ожидать, при возвращеніи? Разумѣется, нищету, развалины, дичь и глушь. Пока провинція снова станетъ хоть немного похожа на удобное человѣческое жилье, пройдетъ много времени. Объ этомъ знаютъ помѣщики, не мало интереснаго могутъ поразсказать земскія управы и думы, новые городскіе головы и городскія собранія. Такъ въ дѣйствительности. То же самое и въ научной разработкѣ русской исторіи“...

Затѣмъ Кавелинъ останавливается на незначительности *историческихъ* остатковъ въ русской мѣстной, провинціальной жизни и на невозможности возсоздать изъ этихъ остатковъ что-либо полное, цѣльное. „Какъ все это блѣдно, слабо, ничтожно! Какъ все это дразнитъ любопытство, не удовлетворяя его! Абсентеизмъ

науки въ вопросахъ мѣстной русской исторіи, какъ нашъ дѣйствительный абсентеизмъ въ провинціи—полный, поразительный!“ —восклицаетъ Кавелинъ.

Далѣе онъ говоритъ: „Въ Европѣ филологія возсоздала, по однимъ даннымъ языка, давно несуществующихъ аріевъ — ихъ бытъ, нравы, обычаи, устройство домашнее и политическое, религію и культъ; а мы, мы ровно ничего не знаемъ о финскомъ народѣ, посреди котораго зародилось великорусское племя. У каждаго добросовѣстнаго изслѣдователя невольно должны, при мысли объ этомъ, опуститься руки. Вѣдь нельзя, въ одно и то же время, быть и филологомъ и археологомъ, и этнографомъ и знатокомъ русской филологіи и исторіи; нельзя ѣздить на мѣстахъ, собирать живые памятники старины, и въ то же время изслѣдовать ихъ критически. Наука дѣлаетъ прочные успѣхи при дружныхъ усиліяхъ спеціалистовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, направившихъ свои изслѣдованія на одинъ и тотъ же предметъ; а этихъ-то дружныхъ силъ и дружныхъ усилій у насъ и нѣтъ. Каждый вынужденъ отдѣльно пробовать своротить гору, и изъ этого, разумѣется, выходитъ очень мало, далеко не соразмѣрно съ потраченнымъ трудомъ и доброй волей“.

Мѣстная, областная древне-русская жизнь приводитъ Кавелина къ слѣдующимъ общимъ выводамъ относительно національнаго русскаго самосознанія.

„Вездѣ, на каждомъ шагу,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— видно, что были ростки и зародыши живыхъ мѣстныхъ интересовъ, складывалось что-то похожее на живую мѣстную жизнь, были свои мѣстные дѣятели, великіе люди, подвижники, представители мѣстнаго земскаго дѣла, любимые тѣми, чьи интересы они принимали къ сердцу, въ чью пользу они трудились. Весь этотъ міръ, прежде тѣмъ успѣлъ выработаться, окрѣпнуть и принять опредѣленныя формы, завялъ и заглохъ, оттого, что на очереди стоялъ вопросъ государственный, политическаго объединенія, во что бы то ни стало. Мы думаемъ, вопреки мнѣнію г. Костомарова, что не татарская буря сломила мѣстную жизнь въ древней Руси, а московская, какъ впослѣдствіи петербургская. Теперь это теченіе русской исторіи пріостанавливается. Мы начинаемъ искать себѣ новыхъ путей, и, оборачиваясь назадъ, съ ужасомъ видимъ однѣ развалины, одно запустѣнье. Историческая память у насъ точно отшиблена. Сзади пустота и впереди пустота! Мысль наша какъ-то виситъ на воздухѣ; ей въ своихъ исканіяхъ не на чтò опереться, не за чтò уцѣпиться. Личное существованіе не имѣетъ у насъ почвы, въ которую оно могло бы пустить корни и врости крѣпко. Такую

твердую, крѣпкую почву можетъ дать лицу ближайшая обстановка, историческое преданіе, бытъ и нравы, переходящіе по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Вырванный съ корнемъ изъ этой ближайшей среды, человѣкъ слабъ и безпомощенъ, слоняется посреди другихъ, себѣ подобныхъ, какъ тѣнь, не имѣя живыхъ интересовъ, не принимая ни въ чемъ горячаго участія. Общіе интересы, государственная и политическая жизнь только тогда не пустыя фразы, когда подкладкой имъ служитъ развитая, бьющая живымъ ключемъ мѣстная, провинціальная жизнь. Общая политическая жизнь, общіе вопросы, общіе интересы имѣютъ дѣйствительный смыслъ, когда они являются итогами, выводами изъ жизни провинціальной, сводятъ ее къ одному, не даютъ ей чрезмѣрно расползтись, разобщиться, замкнуться въ узкій и эгоистическій партикуляризмъ. Общенародная, какъ и общечеловѣческая жизнь есть только освѣжающій элементъ, регуляторъ мѣстной жизни, какъ съѣздъ ученыхъ или спеціалистовъ имѣетъ живой смыслъ только тогда, когда они работаютъ усердно и добросовѣстно каждый про себя и у нихъ оттого есть чѣмъ обмѣняться при встрѣчѣ. Но другіе вопросы были поставлены въ русской исторіи и въ русской жизни, когда начало слагаться московское государство Намъ нужно было, прежде и больше всего, стать единымъ сильнымъ государствомъ... На достиженіе этой жизненной цѣли пошли всѣ силы въ продолженіе пяти столѣтій; остальное было пренебрежено, забыто, и если обращало на себя вниманіе, то не болѣе, какъ сколько было нужно все для той же цѣли — для государственнаго единства. Во имя ея заметенъ и самый слѣдъ тѣхъ зачатковъ мѣстной гражданской, религіозной, политической жизни и культуры, которые, здѣсь и тамъ, начали-было проявляться и вырваны съ корнемъ. Очень вѣроятно, что мы теперь уже никогда, даже при самыхъ настойчивыхъ усиліяхъ, не будемъ въ состояніи доискаться полнаго смысла тѣхъ обломковъ старины, которые какъ-то чудомъ сохранились до насъ. Но, какъ бы эти обломки ни были скудны и жалки, мы съ большимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ смотримъ на попытки и усилія собрать, сберечь ихъ и объяснить ихъ загадочный смыслъ. Попытки эти свидѣтельствуютъ, что строй нашихъ мыслей измѣняется, что мы начинаемъ болѣе серьезно относиться къ самимъ себѣ. Благотворныя послѣдствія такой перемѣны не замедлятъ выказаться. Давно ли тому назадъ, чехи и другіе славяне считали себя за австрійцевъ—какую-то выдуманную, фиктивную національность? И вотъ, съ легкой руки двухъ-трехъ ученыхъ, они, путемъ науки и изслѣдованій, чрезъ архео-

логію и исторію, при помощи пыльныхъ архивовъ и книжной мудрости, доработались до сознанія своей національности и возстановили забытую и потерянную связь прошедшаго съ настоящимъ; только тогда они и стали на свои ноги, опустились съ воздуха на землю и приросли къ ней. Намъ, слава Богу, нечего припоминать, что мы—русскіе; мы этого никогда не забывали, и съ этой стороны задача наша, конечно, легче; но зато она гораздо труднѣе, хотя и совсѣмъ по другимъ причинамъ. Печальная доля чеховъ и западныхъ славянъ, само собою, невольно наталкивала ихъ на путь, которымъ они пошли. Нѣмцы, усердно и тщательно стирая съ нихъ слѣды національности, не могли не вызвать реакціи; фактъ былъ слишкомъ ярокъ и нагляденъ; противодѣйствіе ему рождалось невольно и безсознательно. Какъ было имъ не обратиться на самихъ себя, когда все кругомъ было чуждое и вдобавокъ враждебное? Мы, напротивъ, плаваемъ въ своемъ соку, вращаемся въ своемъ, русскомъ элементѣ, и потому намъ гораздо труднѣе, чѣмъ имъ, догадаться, въ какомъ мы глубокомъ и пагубномъ заблужденіи, живя одними общими государственными, политическими и международными интересами, и воображая, что сколько-нибудь правильная, благоустроенная общая государственная и политическая жизнь возможна безъ сильно развитой мѣстной, провинціальной. На этотъ счетъ мы всѣ одинаково горько заблуждаемся. Видно и намъ, подобно чехамъ и западнымъ славянамъ, предстоитъ добираться до сознанія простѣйшей изъ простыхъ истинъ путемъ науки и изслѣдованія, а не непосредственнымъ чутьемъ, которое, трудно сказать почему, въ насъ развито очень слабо".

Заканчиваетъ рецензію Кавелинъ слѣдующимъ опредѣленіемъ задачъ русской исторіи:

„Только серьезными историческими трудами можетъ мало-помалу выясниться наше народное и историческое сознаніе, и будетъ положенъ давно желанный конецъ тѣмъ произвольнымъ кочеваньямъ по необозримымъ степямъ россійской исторіи, которыя сбиваютъ съ толку нашу мысль, не даютъ ей правильно осѣсться и скристаллизоваться. Молитва и постъ для нашего ребяческаго, затуманеннаго, блуждающаго народнаго самосознанія есть исторія, исторія и опять-таки исторія, — критическая, добросовѣстная, правдивая" [1]).

---

[1]) Рецензія помѣщена въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1872, № 102.

Кавелинъ привѣтствовалъ мое вступленіе на университетскую каѳедру теплымъ, задушевнымъ письмомъ и снова звалъ меня на лѣто къ себѣ въ Иваново. Въ концѣ мая 1872 г. я отправился въ Москву на празднованіе двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго и проѣхалъ оттуда въ Иваново, возлагая большія надежды на бесѣды съ Кавелинымъ, столь для меня важныя въ то время, при началѣ моей университетской преподавательской дѣятельности. Но къ моему великому огорченію Кавелина не оказалось въ Ивановѣ: онъ былъ задержанъ въ Петербургѣ работой по безконечному дѣлу о куяльницко-хаджибейскомъ соляномъ промыслѣ близъ Одессы. Въ Ивановѣ я засталъ его жену и Соню, и, пробывъ съ ними дней 5—6, возвратился въ Казань.

Въ письмѣ ко мнѣ изъ Петербурга, отъ 11-го іюля 1872 г., Кавелинъ выражалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что наше свиданіе съ нимъ не состоялось и, между прочимъ, писалъ: „Отчего ты мнѣ не пишешь ничего о моей работѣ „Задачи Психологіи“? Послѣ первыхъ похвалъ, я ждалъ критики, разбора, хоть ругни. Но ты молчишь, какъ рыба. Изъ этого заключаю, что ты недоволенъ, но деликатишься высказаться. Напрасно. Ты не повѣришь, какъ мнѣ хочется услышать дѣльную, толковую критику, конечно, не такую, какая напечатана въ „Дѣлѣ“, которая мало говоритъ о книгѣ, больше обо мнѣ,—что я—неспособность, старая брюзга, недовольная тѣмъ, что потерпѣлъ убытки отъ освобожденія крестьянъ! Посреди моря личныхъ выходокъ противъ меня встрѣчаются двѣ-три мысли, показывающія, что критикъ не далъ себѣ труда прочесть книгу, нѣсколько грубѣйшихъ ошибокъ и цитаты моихъ словъ въ кавычкахъ, въ которыхъ приводится то, чего я не говорилъ [1]). Конечно, тàкъ ты не напишешь; но что-нибудь мнѣ, въ письмѣ, ты долженъ написать, ради предмета, который не принадлежитъ къ числу спеціальныхъ. Книга идетъ хорошо. Черезъ мѣсяцъ по ея выходѣ куплено 200 экз. Значитъ, интересъ къ предмету возбужденъ“.

Съ сентября 1872 г. я началъ чтеніе лекцій въ казанскомъ университетѣ. Подготовка къ нимъ брала много времени, и переписка съ Кавелинымъ не могла быть слишкомъ частой и ограничивалась, притомъ, небольшими, записками и даже открытыми письмами.

24-го января 1873 г., Кавелинъ писалъ моему отцу:

„Дорогой и глубоко уважаемый другъ Александръ Львовичъ!

[1]) См. „Дѣло“ 1872, кн. 6-я, іюнь; Совр. Обозр., стр. 42—49.

Я у васъ, какъ всегда, вѣчнымъ должникомъ. До сихъ поръ не собрался написать вамъ лично и поздравить съ праздниками. Правда, сказать и то, что поздравлять съ новымъ годомъ какъ-то совѣстно, такіе они всѣ, эти года, дрянные, что рукой только махнешь: одинъ другого хуже и глупѣе, и если бы не занятія, да Соня, которая дѣлаетъ меня совершенно, вполнѣ счастливымъ, то, кажется, умеръ бы со скуки.

„Особеннаго сообщить вамъ ничего не имѣю. Вездѣ кругомъ—стоячее болото. Людишки все такая дрянь, что не только чего-нибудь очень умнаго, а даже средственнаго ожидать нельзя.

„О томъ, что вы можете знать изъ газетъ, распространяться нечего. Напишу лучше о томъ, чего нѣтъ въ газетахъ. А все-таки надо начать съ газетъ. Одна изъ петербургскихъ газетъ, въ видѣ праздничнаго подарка, напечатала пасквиль на Литературный Фондъ, въ томъ числѣ на меня. Долго мы не знали, какъ поступить. Отвѣчать на такую грязь—значитъ, себя унизить; не отвѣчать—тоже нельзя: вѣдь мы представляемъ Общество, которое отъ того терпитъ. Ревизіонная коммиссія выручила насъ изъ бѣды. Найдя дѣла въ блистательномъ положеніи (16 тыс. доходу, 12 тыс. расходу, а капиталъ 53 тыс. возросъ до 56 тыс. руб.), коммиссія разобрала дѣло, отобрала отъ насъ показанія, навела въ дѣлахъ справки и вывела виновныхъ въ пасквилѣ на чистую воду. Отзывъ ея будетъ напечатанъ. По этому поводу Общество оживилось. Возникло предположеніе устроить въ общихъ собраніяхъ чтенія, обратить часть капитала въ ссудную казну и т. д. Словомъ, дѣло идетъ въ гору.

„Я пишу отвѣтъ своимъ критикамъ, Сѣченову и другимъ [1]). Возраженія ихъ очень слабы; они даже не дали себѣ труда хорошенько понять, что̀ я говорю. Надѣюсь окончить эту работу мѣсяца въ два и къ веснѣ напечатаю. Статья выйдетъ большая.

„Это лѣто думаю пораньше убраться въ деревню и заранѣе радуюсь тому. Начинаетъ мнѣ очень быть противнымъ Петербургъ. Болото и въ физическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Только ни за что не хотѣлъ бы въ Москву; эта—еще хуже.

---

[1]) Замѣчанія *И. М. Сѣченова* на „Задачи Психологіи“ помѣщены въ „Вѣстн. Евр.“ 1872, ноябрь, стр. 386--420.—Послѣ рецензіи Сѣченова, изъ появившихся въ 1872 г. должны быть упомянуты слѣдующія: 1) Г. Кавелинъ, какъ психологъ. О. З. 1872, кн. 8-я, 10-я и 11-я; 2) *Литвинова* — въ „Знаніи“ 1872, № 4: 3) *Гусева* въ „Гражданинѣ“ 1872, №№ 25 — 31 и 34. — Кавелинъ не окончилъ своихъ возраженій къ предположенному имъ сроку, потому что И. М. Сѣченовъ вслѣдъ за „Замѣчаніями“ выступилъ съ самостоятельной статьей: „Кому и какъ разрабатывать психологію“ („Вѣстн. Евр.“ 1873, апр., стр. 548—628), въ которой стоялъ на чисто реально-научной, физіологической, точкѣ зрѣнія.

„И вотъ—почти все. Видите, какъ я бѣденъ новостями! А все-таки до смерти радъ, что собрался перекинуться съ вами словечкомъ“.

19-го февраля 1873 г. Кавелинъ писалъ мнѣ:

„Любезнѣйшій другъ, Дмитрій Александровичъ! Сегодня великій день въ моей жизни, съ которымъ связано все мое прошедшее и судьба всей моей жизни. Грустно встрѣчаю его, при мысли, что многихъ, которые желали этого дня и которые его приготовили и привели,—

„Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!“

„Нѣтъ Милютина, Тарновскаго, нѣтъ цѣлой фаланги людей, которые сочли бы себя счастливыми праздновать его — Бѣлинскаго, Грановскаго. Грота (К. К.) нѣтъ въ Россіи: онъ за границей. И многихъ, многихъ нѣтъ!“

Коснувшись затѣмъ разныхъ вопросовъ, поднятыхъ мною въ одномъ изъ писемъ къ нему, Кавелинъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„Общая, самая общая мысль—и спеціальное, самое спеціальное дѣло—вотъ лозунгъ, который должны бы взять себѣ всѣ до единаго у насъ на Руси, въ настоящихъ условіяхъ. Но, кромѣ пошляковъ и вѣтрогоновъ, съ доброй дозой негодяевъ, никого и ничего не видно. Все, и прежде всего характеры, страшно истрепались. Кругомъ все валится. Нѣтъ явленія, производящаго сенсацію, которое бы не свидѣтельствовало о преждевременномъ растлѣніи, о гниломъ броженіи, которому не видать ни конца, ни края. За чтò ни возьмись — все разсыпается подъ руками въ гниль. И когда это кончится?! Кое-что какъ будто копошится въ женскомъ образованіи, да въ живописи. Меня поразилъ на послѣдней выставкѣ „Христосъ“ Крамского. Такого Христа я еще *нигдѣ* не видывалъ! Мӯзыка россійская, въ новыхъ произведеніяхъ, по моему мнѣнію, есть послѣднее слово отрицанія музыки. литературѣ и не говорю: ея нѣтъ; только Салтыковъ (Щедринъ составляетъ блистательное исключеніе; этотъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ обличитель пошлости и навоза, въ которыхъ мы загрязли по уши, пребывая въ немъ даже съ какимъ-то Wohlbehagen. Я часто спрашиваю себя: да ужъ не взаправду ли мы туранцы, какъ говорилъ Духинскій и, съ его словъ, Henry Martin? Чтò-жъ въ насъ европейскаго? Азія,—какъ есть Азія!

„...Свѣденія объ отзывахъ Снегирева и о намѣреніи L... [1]), какъ ты легко можешь представить себѣ, крайне польстили моему самолюбію и были приняты мною съ восхищеніемъ. Могу сказать, не предаваясь самообожанію, что критики мои не только не стояли на высотѣ задачи, но даже не дали себѣ труда прочесть порядочно мою книжку. Такъ и осталась она безъ серьезнаго, добросовѣстнаго разбора. Ты понимаешь, что подъ добросовѣстнымъ я разумѣю не сочувственный или благопріятный мнѣ, а толковый, безъ глупыхъ придирокъ, съ серьезнымъ пониманіемъ и предмета, и того, что̀ я говорю. А этого-то и нѣтъ! Профессоръ Снегиревъ оказалъ бы мнѣ большую услугу, если бы написалъ серьезный разборъ въ этомъ смыслѣ; и наша публика, совершенный ребенокъ по части философіи, сбитая съ толку пустыми рѣчами и невѣжествомъ, тоже сказала бы ему спасибо. Видѣть этотъ разборъ, котораго до смерти желаю, я *могу* только въ печати, а не въ рукописи, по причинамъ, которыя нечего объяснять: мы не знаемъ другъ друга, и предварительное чтеніе критики только бы стѣснило насъ обоихъ и поставило въ неловкое и деликатное отношеніе другъ къ другу, чего я никакъ не хочу. Печатная критика—другое дѣло.

„Гдѣ напечатать разборъ—я и не придумаю. Журналы избѣгаютъ опроверженій того, что́ въ нихъ напечатано, и крайне неохотно допускаютъ на своихъ страницахъ полемику обѣихъ сторонъ... Можетъ быть, возьметъ „Знаніе“, хотя я въ этомъ отчасти сомнѣваюсь, особенно не зная воззрѣній проф. Снегирева. „Знаніе“ — крайне реалистическій журналъ. Наконецъ, думаю, что статью, можетъ быть, приняли бы духовные журналы, которые не могутъ не интересоваться психологическими и философскими вопросами.

„Вопросъ г. L... гораздо проще. Передайте ему, что я съ *величайшей благодарностью* принимаю его предложеніе, и если Revue de deux Mondes печатаетъ переводы, то готовъ содѣйствовать ему въ помѣщеніи его перевода въ этомъ изданіи чрезъ пріятеля, французскаго профессора, Alfred Rambaud, съ которымъ въ перепискѣ [2]). Никакого гонорара мнѣ не нужно. Я ставлю

---

[1]) L... въ то время преподавалъ французскій языкъ въ Казани въ университетѣ и въ женскомъ Родіоновскомъ институтѣ и вызвался перевести на французскій языкъ монографію Кавелина: „Мысли и замѣтки о русской исторіи“.

[2]) Извѣстный французскій ученый, изслѣдователь русской исторіи и современнаго быта Россіи, профессоръ Альфредъ Рамбо находился въ близкихъ отношеніяхъ къ К. Д. Кавелину. Познакомившись со мной въ 1874 г., въ Кіевѣ, на археологическомъ съѣздѣ, г. Рамбо предлагалъ мнѣ свое посредничество для помѣщенія французскаго

только условіемъ, во-первыхъ, чтобъ переводъ былъ мною просмотрѣнъ, и готовъ, если г. L... признаетъ это нужнымъ, напечатать объ этомъ при изданіи перевода; во-вторыхъ, чтобъ мнѣ было доставлено 50 экземпляровъ оттисковъ, брошюрованныхъ, для раздачи пріятелямъ въ Россіи и за границею. Чтобъ не протягивать переписку, я прилагаю особо записку, для передачи г. L..., за моею подписью...

„...Обними своего милаго отца и поцѣлуй мать. Антонина и Соня вамъ всѣмъ очень кланяются. Соня на масляницѣ веселилась во всѣ тяжкія, чтò не мѣшаетъ ей начать скоро уроки о реформаціи. Вотъ эта госпожа наполняетъ мою личную жизнь и составляетъ то солнце, которое ее живитъ и освѣщаетъ!"

По окончаніи перваго года университетскихъ чтеній я собирался сдѣлать небольшое путешествіе за границу, чтобы освѣжиться послѣ усидчивыхъ занятій; лѣтомъ 1873 года открывалась въ Вѣнѣ международная выставка, и я мечталъ провести полтора или два мѣсяца въ Вѣнѣ, въ обществѣ Сони Кавелиной, которая также собиралась туда вмѣстѣ съ матерью. На обратномъ пути я располагалъ повидаться съ Кавелинымъ въ Ивановѣ, куда онъ меня снова радушно приглашалъ. Но мечтамъ моимъ не суждено было исполниться. Здоровье моего отца ухудшалось съ каждымъ днемъ, и 7-го іюня 1873 года онъ скончался. Его кончина производила значительныя измѣненія въ моихъ жизненныхъ условіяхъ, и поѣздка въ Вѣну являлась для меня немыслимою. Незадолго до кончины моего отца, въ семейныхъ условіяхъ Сони Кавелиной произошла еще бòльшая перемѣна, чѣмъ въ моихъ; въ маѣ 1873 года, она вышла замужъ за П. А. Брюллова, сына извѣстнаго архитектора Александра Павловича и племянника еще болѣе извѣстнаго живописца Карла Павловича Брюллова. Свадьба совершилась въ Баденѣ, небольшомъ городкѣ близъ Вѣны. Кавелинъ не присутствовалъ на свадьбѣ дочери, не имѣя возможности пріѣхать въ Вѣну изъ Иванова. Онъ провелъ все лѣто въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ и приготовляя возраженія И. М. Сѣченову на его статьи по поводу „Задачъ Психологіи" [1]). Только въ первыхъ числахъ ноября 1873 года моло-

---

перевода „Мыслей и замѣтокъ" Кавелина въ одной изъ парижскихъ „Revue".—Въ бумагахъ Кавелина находится прекрасный переводъ этой монографіи на французскій языкъ, сдѣланный, повидимому, лицомъ, хорошо знакомымъ и съ французскимъ, и съ русскимъ языками, и просмотрѣнный авторомъ.

[1]) Полемика съ И. М. Сѣченовымъ возникла у Кавелина по поводу указанныхъ выше двухъ статей Сѣченова. Она печаталась въ „Вѣстн. Евр." слѣдующаго, 1874 г.

дые Брюлловы вернулись изъ-за границы въ Петербургъ, и Соня свидѣлась съ отцомъ послѣ пятимѣсячной разлуки: давно уже не разставались они на такой продолжительный срокъ. „Молодые живутъ въ пяти минутахъ ходьбы отъ насъ, и мы видимся ежедневно",—пишетъ Кавелинъ моей матери 6-го декабря 1873 г., и затѣмъ прибавляетъ:—„Антонина никакъ не можетъ утѣшиться, что Соня улепетнула изъ дома. Я тоже еще не совсѣмъ привыкъ къ новому своему положенію, хоть меня очень успокаиваетъ, что она, повидимому, очень счастлива и довольна своей судьбой".

Въ 1873 г., Кавелинъ зажился въ Ивановѣ, противъ обыкновенія, до конца сентября. Онъ доволенъ положеніемъ своего хозяйства, а въ особенности радуется устройству въ своей деревнѣ сельской школы. „Въ Ивановѣ дѣла идутъ понемногу на ладъ,—пишетъ онъ своей сестрѣ, 22-го октября:—имѣніе устроивается и принимаетъ приличный видъ. Крестьяне ивановскіе, зеновскіе и кудринскіе (сосѣднихъ деревень), съ общаго согласія, открываютъ въ Ивановѣ школу. Назначена учительница, и завтра, 23-го, должно начаться ученіе. Это меня крайне радуетъ". Но это довольство только кажущееся. Всматриваясь ближе и глубже въ русскую деревенскую жизнь во время этого долгаго пребыванія въ Ивановѣ, Кавелинъ приходитъ къ грустнымъ мыслямъ. Розовыя мечты, съ которыми онъ принимался за хозяйство три года тому назадъ, блекли подъ напоромъ реальныхъ фактовъ, иллюзіи разбивались въ прахъ тяжестью суровой дѣйствительности. Свои мысли о русской деревнѣ Кавелинъ изложилъ въ статьѣ, подписанной имъ псевдонимомъ: *Ивановскій*, подъ заглавіемъ: „Изъ деревенской записной книжки", съ эпиграфомъ: „Jurez que vous direz la vérité et rien que la vérité.—Je jure" [1]).

Представляю выдержки изъ этой, во многихъ отношеніяхъ, интересной и почти неизвѣстной публикѣ статьи Кавелина. Эти выдержки послужатъ нагляднымъ доказательствомъ тому, о чемъ не разъ говорилось въ настоящихъ „матеріалахъ", именно, что Кавелинъ не смотрѣлъ на русскаго крестьянина сквозь розовыя очки и не раздѣлялъ предвзятыхъ, произвольныхъ на него воззрѣній ни славянофиловъ, ни позднѣйшихъ такъ-называемыхъ

—Въ 1873 г. Кавелинъ вступилъ изъ-за „Задачъ Психологіи" въ письменную, неофиціальную, полемику съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, появившуюся въ печати также въ „Вѣстн. Евр.", но еще позже, а именно въ 1875 году. О той и другой полемикѣ я буду имѣть случай упомянуть въ слѣдующихъ главахъ матеріаловъ для біографіи К. Д. Кавелина.

[1]) Статья помѣщена въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1873, №№ 259, 260, 264.

народниковъ. Считая „деревню“ типическимъ выраженіемъ великорусской общественности и симпатизируя ей, онъ въ то же время сознавалъ неприглядныя ея стороны, которыя, прежде всего, зависѣли отъ необыкновенно низкаго, первобытнаго уровня культуры „мужицкаго царства“.

„Я опять въ деревнѣ, и на этотъ разъ на цѣлое лѣто,—такъ начинаетъ свою статью Кавелинъ.—Цѣль моя—подышать свѣжимъ воздухомъ, полечиться и заняться хозяйствомъ, которое, какъ ни верти, даетъ, даже при хорошемъ урожаѣ, не доходы, а убытки. Надо же какъ-нибудь разгадать мудреную загадку, отчего это мы, бывшіе помѣщики, идемъ постепенно, но неудержимо, къ совершенному разоренію, и рѣшить вопросъ: надо ли продолжать хозяйничать, или лучше закрыть лавочку, ликвидировать свои дѣла и помѣстить капиталъ куда-нибудь въ банкъ, на проценты“.

Указавъ затѣмъ на „по истинѣ печальное положеніе какъ его собственнаго хозяйства, такъ и сосѣднихъ съ нимъ помѣщиковъ“, которое выражается въ прогрессивно-увеличивающемся дефицитѣ сельско-хозяйственнаго бюджета, Кавелинъ вспоминаетъ, что его отецъ доходами съ того же самаго небольшого имѣнія—Иванова—жилъ очень прилично съ цѣлымъ семействомъ, воспиталъ и поставилъ на ноги своихъ дѣтей, и задается вопросомъ, почему теперь дѣла въ деревнѣ пошли такъ плохо? Чтобы открыть причину этого явленія, Кавелинъ пристально приглядывается ко всему, что̀ его окружаетъ, и къ образу дѣйствій помѣщика въ деревенской средѣ. Результатамъ его наблюденій онъ предпосылаетъ слѣдующій интересный общій взглядъ на значеніе деревни во всей русской общественной жизни.

„О деревнѣ у насъ много говорятъ и пишутъ,—замѣчаетъ Кавелинъ, — а знаютъ и понимаютъ деревню очень, очень немногіе. Въ послѣднее время особенно у насъ развелось множество людей, толкующихъ о сельскомъ населеніи, о сельскомъ хозяйствѣ, о ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Но я замѣтилъ, что, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, понимаютъ дѣло очень немногіе. Говорится и пишется и умное, и хорошее, но бо̀льшая часть совѣтовъ непригодны къ дѣлу въ данное время, при данныхъ условіяхъ. Всего хуже, что многое говорится въ виду борьбы партій, съ консервативными или прогрессивными, реакціонными или либеральными задними мыслями. Тутъ уже теряется всякая тѣнь пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ деревнѣ, и тѣ, кото-

рые хотѣли бы что-нибудь узнать, да и сами говорящіе и пишущіе совершенно сбиваются съ толку. Нашъ деревенскій бытъ, наша сельская школа — арена для борьбы взглядовъ и партій! Да это просто безсмыслица! Наша деревня и до сихъ поръ — эмбріонъ, почти безразличная стихійная почва. Относиться къ ней съ предвзятыми общественными или политическими взглядами такъ же нелѣпо, какъ учить грудного ребенка политической экономіи. Въ примѣненіи къ нашему селу и сельской жизни нѣтъ пока мѣста ни для какихъ политическихъ соображеній.

„Потомъ: всякій знаетъ, что ни универсальныхъ причинъ зла или добра, ни универсальныхъ лекарствъ нѣтъ и быть не можетъ. Это вообще справедливо, а въ примѣненіи къ сельскому быту и подавно. Нигдѣ, ни въ чемъ нѣтъ такой тѣсной, прямой, близкой зависимости всѣхъ условій и ихъ дѣйствій, какъ въ деревенскомъ быту, гдѣ они связаны другъ съ другомъ непосредственно. Оттого смѣшно и жаль видѣть, когда способъ обсужденія разныхъ вопросовъ болѣе сложной общественной и государственной жизни цѣликомъ переносится въ обсужденіе мѣръ къ усовершенствованію и поднятію сельскаго быта. Тамъ все расчленилось, обособилось, и потому нельзя сказать: издайте такой-то законъ, примите такую-то мѣру, введите то-то, отмѣните то-то, и дѣло пойдетъ хорошо. Село, деревню, условія сельскаго быта и хозяйства никакой такой мѣрой, распоряженіемъ и даже многими хорошими мѣрами и законами поднять и преобразовать нельзя. Универсальныхъ, быстро дѣйствующихъ лекарствъ и ядовъ для деревни нѣтъ; рецепты тутъ никуда не годятся, и не они нужны. Тутъ необходимо дружное, къ одной цѣли направленное, выдержанное дѣйствіе множества лицъ, условій и мѣръ. Результатъ не вдругъ скажется, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; зато не вдругъ его и уничтожишь противоположными усиліями и мѣрами. Нѣтъ ничего въ мірѣ упорнѣе, неподвижнѣе русской сельской жизни, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Это страшная пассивная сила, которую нѣтъ средствъ направить такъ или иначе быстрыми мѣрами; скорѣй самъ изнеможешь, чѣмъ ее сдвинешь съ мѣста на куриный шагъ. Предупреждаю читателя, что въ вопросахъ о сельскомъ бытѣ и его условіяхъ я, въ политическомъ смыслѣ, совершенный индифферентъ [1]). Силу и

[1]) Этотъ вопросъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, обсужденіе которыхъ чаще всего повторялось въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ съ добрѣйшимъ Константиномъ Дмитріевичемъ. Онъ никакъ не могъ допустить, что именно въ исповѣдуемомъ имъ спеціальномъ „индифферентизмѣ“ и скрывается разгадка того недоумѣнія, которое поражало его самого, въ виду тщеты всякихъ мѣропріятій и реформъ, какъ впередъ, такъ

дѣйствительность административныхъ рецептовъ и тонкихъ комбинацій разныхъ политическихъ взглядовъ, въ примѣненіи къ сельскому быту и его условіямъ, я рѣшительно отрицаю. Совсѣмъ не въ этихъ рецептахъ и комбинаціяхъ дѣло. Наконецъ, то, что̀ я имѣю сказать, относится не къ сельско-хозяйственной или какой-нибудь другой спеціальности, а понемножку ко всѣмъ возможнымъ сторонамъ существованія русскаго люда въ деревнѣ, на сколько мнѣ удалось ихъ подмѣтить и понять ихъ дѣйствіе и значеніе".

Установивъ такой общій взглядъ на деревню, Кавелинъ переходитъ къ изложенію невзгодъ сельскаго хозяйства, столь хорошо знакомыхъ всѣмъ дворянамъ-землевладѣльцамъ средней руки, въ особенности же тѣмъ, кто при этомъ не имѣетъ и должной опытности въ веденіи сельскаго хозяйства. Недостатокъ не только въ запасномъ, но и въ оборотномъ капиталѣ, безъ котораго немыслимо никакое хозяйство, является первой и самой существенной изъ этихъ невзгодъ. При небольшихъ денежныхъ средствахъ такой землевладѣлецъ, по словамъ Кавелина, бываетъ вынужденъ или пустить крестьянъ на выкупъ и потерпѣть убытокъ отъ размѣна выкупныхъ свидѣтельствъ, или же заложить имѣніе въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Получивъ такъ или иначе деньги, возникаетъ вопросъ о приказчикѣ: это дѣло весьма нелегкое, и въ концѣ концовъ приходится остановить свой выборъ на мужикѣ, потому что сколько-нибудь умный и толковый мужикъ все-таки изъ худшаго—лучшее.

Затѣмъ Кавелинъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за всѣми возникающими хлопотами и непріятностями у землевладѣльца сельскаго хозяина: затѣваетъ ли онъ какія-нибудь постройки—неизбѣжно натолкнется, при наймѣ рядчика и рабочихъ, на безсовѣстность, неспособность, незнаніе дѣла или пьянство. Пашня приведена въ ужасное состояніе, благодаря тому, что бо̀льшая часть полей удобрялась кое-какъ, а помѣщики при крѣпостномъ правѣ не

и назадъ, по отношенію „деревенскаго міра". Онъ—возражали мы ему—задался невозможною мыслью: — исправить въ часовомъ механизмѣ неправильность движенія одного колеса, безъ всякой связи съ общимъ пересмотромъ и приведеніемъ въ порядокъ всего механизма и всѣхъ его колесъ и рычаговъ. Опровергая своихъ противниковъ,—говаривали мы ему,—онъ повторяетъ ошибку своихъ противниковъ, и также думаетъ, что „тутъ (т.-е. въ деревнѣ) необходимо дружное, къ одной цѣли направленное, выдержанное дѣйствіе множества лицъ, условій и мѣръ". Но если не одно и не два, а цѣлыя сотни лицъ будутъ дружно исправлять одно колесо, оставаясь „индифферентными" по отношенію благоустройства всего механизма, то какимъ образомъ, при этомъ, частичное исправленіе принесетъ пользу?—*Ред.*

обращали вниманія, насколько хороши урожаи, такъ какъ пользовались даровымъ трудомъ. Скотъ находится въ такомъ же разореніи, какъ и пашня, потому что не задаютъ себѣ вопроса, сколько скота держать и для чего—для удобренія, для убоя или для молочнаго хозяйства. Въ тульской губерніи (въ которой находится сельцо Иваново) могутъ приносить хорошій доходъ фруктовые сады, но и они въ плачевномъ состояніи.

Изъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій деревенскаго хозяйства самое печальное—это рабочая сила. Всѣ работы производятся крайне плохо и недобросовѣстно; на каждомъ шагу видишь мелкое воровство и терпишь убытки отъ небрежнаго обращенія рабочихъ съ инструментами и машинами. Съ рабочими-спеціалистами еще болѣе хлопотъ. Они—остатокъ крѣпостного права, бывшіе дворовые, обученные господами той или другой отрасли деревенскаго хозяйства и вынесшіе на себѣ все плутовство и всю испорченность старинной дворни. Перемѣнишь по нѣскольку такихъ рабочихъ въ годъ—и руки опустятся, потому что новыхъ совсѣмъ нѣтъ.

Какъ наблюдатель въ высшей степени безпристрастный, Кавелинъ останавливается и на вопросѣ о томъ, какъ самъ землевладѣлецъ относится къ перечисленнымъ условіямъ? При истощенной почвѣ и дороговизнѣ труда, недочеты давно замѣнили доходы. Сельскій хозяинъ жалуется на непогоду, на неурожаи, но съ ними ничего не подѣлаешь, а потому все свое неудовольствіе онъ обращаетъ въ сторону рабочихъ. Онъ всячески старается урѣзать плату и содержаніе рабочихъ, притѣсняетъ ихъ и тѣмъ лишаетъ себя иногда лучшихъ изъ нихъ. Заведя рѣчь объ отношеніяхъ землевладѣльца къ своимъ рабочимъ, Кавелинъ отмѣчаетъ и отношенія землевладѣльцевъ къ сосѣднимъ крестьянамъ, большею частью бывшимъ крѣпостнымъ. Ихъ взаимные интересы тѣсно связаны между собою, потому что встрѣчаются почти ежедневныя надобности во взаимныхъ уступкахъ и услугахъ; но тѣмъ не менѣе отношенія въ большинствѣ случаевъ далеко не хорошія, и съ обѣихъ сторонъ замѣтны какое-то раздраженіе, неуступчивость, которыя переходятъ во вражду и приводятъ иногда къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ.

Таковы, по изложенію Кавелина, тяжелыя условія, въ которыя поставлено помѣщичье хозяйство. Гдѣ же выходъ изъ нихъ? Кавелинъ видитъ этотъ выходъ прежде всего въ необходимости коренньмъ образомъ измѣнить *всю систему хозяйства* (сельскаго), но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не признать трудности исполненія на практикѣ предложеннаго имъ средства. „Но легко сказать—перемѣ-

нить коренным образомъ систему хозяйства! Спрашивается: какъ же это сдѣлать?“ —говоритъ онъ.—На перемѣну системы прежде всего нужны свободный капиталъ и спеціальное знаніе дѣла и практическій въ немъ навыкъ? Откуда все это добыть?

Долгосрочный дешевый кредитъ (3-хъ-или 4-хъ-процентный, вмѣстѣ съ погашеніемъ долга),—и рабочіе со спеціальными знаніями по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства могли бы, по мнѣнію Кавелина, оказать дѣятельную помощь въ томъ и другомъ отношеніи. Въ послѣднемъ случаѣ Кавелинъ возлагаетъ надежду на земство. Въ каждой почти мѣстности найдутся хорошо устроенные: скотный дворъ, конюшня, фруктовый садъ, кузнечная, слесарная и другія порядочныя мастерскія. Если бы земства явились посредниками между этими заведеніями, помѣщиками и мѣстнымъ населеніемъ, то получился бы добрый результатъ при незначительныхъ затратахъ: бѣдные жители городовъ и деревень стали бы отдавать въ обученіе своихъ дѣтей, мастеровые были бы рады получить даровыхъ работниковъ, а помѣщики черезъ нѣсколько времени могли бы имѣть порядочныхъ рабочихъ-спеціалистовъ.

Было бы также, по мнѣнію Кавелина, крайне желательно, чтобы небогатые землевладѣльцы обмѣнивались между собою мыслями о сельскомъ хозяйствѣ, дѣлились выводами и познаніями и соединяли свои незначительныя денежныя средства на сельско-хозяйственныя предпріятія, которыя не подъ-силу отдѣльнымъ личностямъ.

Въ заключеніе статьи, Кавелинъ останавливается на излюбленной своей идеѣ—на нравственной сторонѣ вопроса, которая, по его глубокому убѣжденію, какъ и вездѣ, есть въ данномъ случаѣ главная и имѣетъ рѣшающее вліяніе на наши сельско-хозяйственныя удачи и неудачи. Между тѣмъ нравственная сторона дѣла у насъ въ деревнѣ находится въ слишкомъ большомъ пренебреженіи. Всѣ наши соображенія постоянно вертятся на сѣвооборотахъ, машинахъ, рабочей силѣ, капиталѣ и т. д., а нравственныя начала замѣняются у насъ совершенно противоположными имъ. „Глаголъ *объегорить*,—мѣтко замѣчаетъ Кавелинъ,—спрягается у насъ въ деревняхъ на всѣ лады, по всѣмъ наклоненіямъ и временамъ. Владѣльцы „объегориваютъ“ крестьянъ и рабочихъ, крестьяне и рабочіе—владѣльцевъ; мы „объегориваемъ“ другъ друга, крестьяне точно также „объегориваютъ“ другъ друга. Кругъ „объегориваній“ обходитъ всѣхъ, проникаетъ всѣ отношенія и дѣлаетъ жизнь невыносимо тяжелой, ведя всѣхъ, владѣльцевъ и крестьянъ, къ обѣднѣнію, тормазя всякое благое начи-

ваніе по сельскому хозяйству, дѣлая его невозможнымъ и лишая всѣхъ охоты положить въ него трудъ и деньги". Кавелинъ указываетъ, затѣмъ, на убыточность системы „объегориванья" и на необходимость со стороны помѣщиковъ совершенно перемѣнить тактику ихъ обращенія съ рабочими, изучать рабочую среду и воспитать въ себѣ новыя начала хозяйничанья.

Эти новыя начала должны выразиться въ нарождающемся уже типѣ „хозяина" взамѣнъ отживающаго свой вѣкъ „барина".

„По виду наши сельскіе рабочіе и крестьяне тѣ же, что были прежде, — говоритъ Кавелинъ: — такъ же низко кланяются, такъ же стоятъ передъ нами безъ шапокъ, такъ же молча принимаютъ наши выходки. На самомъ же дѣлѣ они теперь стали совсѣмъ другіе. Они знаютъ, что имѣютъ передъ нами какія-то права, хотя и не всегда ясно ихъ сознаютъ. Крестьяне и рабочіе взвѣшиваютъ каждое наше слово, зорко присматриваются къ нашимъ поступкамъ. Выводъ—благопріятный или неблагопріятный—слагается въ репутацію, отъ которой зависитъ очень многое въ успѣхѣ или неуспѣхѣ нашихъ сельскихъ дѣлъ. Сколько я могъ примѣтить, типъ барина мало-по-малу вытѣсняется въ народномъ уваженіи типомъ хозяина, который еще не успѣлъ вполнѣ выясниться и сложиться, отчасти, можетъ быть, потому, что мы упорно и безсознательно живемъ и поступаемъ по старому. Насколько народъ становится равнодушенъ къ типу барина, настолько типъ хозяина, напротивъ, пользуется сочувствіемъ. Баринъ—это, по понятіямъ простого народа, человѣкъ ничего не дѣлающій, мало понимающій въ деревенскомъ хозяйствѣ и вовсе имъ не интересующійся. У барина денегъ много, и онъ не знаетъ имъ счету; бросаетъ ихъ зря, на пустяки. Баринъ можетъ быть милостивъ и щедръ по капризу, зато и оборветъ, и обидитъ ни за что, ни про что. Понятія, привычки, образъ жизни у него совсѣмъ особенные, совсѣмъ не похожіе на то, какъ у другихъ людей, точно онъ человѣкъ съ луны. Съ бариномъ надо и говорить, и обращаться умѣючи, не такъ, какъ съ другими, потому что онъ человѣкъ совсѣмъ особенный. Не то—хозяинъ. Хозяинъ—дѣловой человѣкъ, знаетъ всѣ порядки. Каждая копѣйка у него на счету. Свое добро онъ бережетъ, какъ глазъ, заботливъ, взыскателенъ, строгъ, иной разъ и суровъ, только не по пустякамъ, не изъ-за вздора, потому что онъ разуменъ и толковъ, и хозяйственное дѣло понимаетъ какъ слѣдуетъ; а въ прочемъ—онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди, только съ достаткомъ. Каждаго купца крестьянинъ считаетъ хозяиномъ, идетъ къ нему охотнѣе на службу и въ работу, даже за мéньшую цѣну, живетъ

у него годами и десятками лѣтъ; а у барина рѣдко онъ уживается долго. Прослыть барину хозяиномъ въ глазахъ народа чрезвычайно трудно, а пожелать этого всякому можно. Кто разъ въ мнѣніи народа попалъ въ разрядъ хозяевъ, тому жить и управляться съ людьми съ пола-горя, и главная трудность въ веденіи сельскаго хозяйства устранена. Съ хозяиномъ рабочій не лебезитъ, не забѣгаетъ передъ нимъ лишній разъ, чтобъ снять шапку, не показываетъ вида, что работаетъ, не дѣлая ничего и будучи лѣнтяемъ; хозяина этими штуками не проведешь и никакими поклонами и льстивыми словами не умаслишь, какъ барина: онъ знаетъ и видитъ рабочаго насквозь. Зато ужъ онъ его задаромъ не разсчитаетъ, а за дѣло; пока хорошъ, будетъ его держать и приваживать ко двору".

Но типъ хозяина, по мѣткому наблюденію Кавелина, только зарождается и въ нашей промышленной купеческой средѣ, и едва-едва начинаетъ переноситься въ сельско-хозяйственную, деревенскую. Типъ этотъ лишенъ еще совершенно нравственныхъ началъ и культурныхъ элементовъ, а безъ нихъ онъ не можетъ быть ни развитъ, ни одухотворенъ. Въ этомъ и заключается настоящая задача землевладѣльца. Второй его задачей, въ его же интересахъ, является поднятіе культуры въ народныхъ массахъ, орудіями для чего являются сельскія школы и стоящія рядомъ съ ними правильно-организованныя сельскія хозяйства: таковы основныя идеи Кавелина.

Въ 1873 году, передъ Рождествомъ, я ѣздилъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ до половины января слѣдующаго года. Каждый день я видался съ Кавелинымъ и молодыми Брюлловыми. Кавелинъ былъ опять раздраженъ, недоволенъ и жаловался на плохое состояніе здоровья. Но бесѣдовать онъ любилъ по прежнему много и все на тѣ же тэмы, которыя постоянно развивалъ въ вышеприведенныхъ письмахъ и статьяхъ...

Д. Корсаковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЗАВѢЩАНІЕ.

Похорони меня подъ сѣнію березъ, —
Тамъ ландышъ чистый такъ благоухаетъ,
И съ сочной муравой, роняя капли слезъ,
Немолчно ручеекъ студеный разсуждаетъ...
Тамъ все—мечта, все—нѣга, все—покой,
И, въ сумракѣ таясь голубоватомъ,
Двѣ сосны замерли счастливою четой
И дышутъ въ небеса смолистымъ ароматомъ...
Тамъ на зарѣ росистой соловей
Привыкъ мечтать надъ сонными водами,
Тамъ и свѣтлякъ, коварный другъ ночей,
Мерцаетъ въ зелени холодными лучами...
Пусть все, что здѣсь я такъ любилъ,
Чего лишенъ былъ странною судьбою,
Живетъ вокругъ, исполненное силъ,
И дышетъ вольно надо мною!!..
Пусть все тамъ говоритъ о жизни яркомъ днѣ,
Сіяетъ радостно, исполнено привѣта!!..
Похорони меня, чтобъ въ чистой вышинѣ
Тебѣ все вспоминало обо мнѣ
Игрою воздуха, цвѣтовъ и свѣта!!..

***

Еще ребенкомъ я любилъ
Храмину тайную лѣсовъ;
Въ ней я впервые пережилъ
Всю панораму дѣтскихъ сновъ...
Бывало, ляжешь вверхъ лицомъ,
И міръ волшебный надъ тобой —
Вершинъ, раскинутыхъ шатромъ,
Тонущихъ въ безднѣ голубой...
А тамъ, какъ въ бурный ледоходъ,
Сверкая въ солнечныхъ лучахъ,
Громада облаковъ плыветъ,
Мѣняясь въ формѣ и цвѣтахъ...
Весь этотъ міръ, лѣсовъ просторъ
Былъ дорогъ мнѣ, хотя тогда
Не понималъ я разговоръ
Ихъ темныхъ дебрей иногда.
Но что-то все шептало мнѣ,
Что этотъ лепетъ ихъ рѣчей,
Тамъ, въ этой чистой вышинѣ,
Былъ неземной, былъ чуждъ людей...
И до сихъ поръ, родимый лѣсъ,
Съ душой истерзанной, угрюмъ,
Я не могу забыть небесъ,
Твоихъ вершинъ услышавъ шумъ!!..
И нѣтъ ни вѣры, нѣтъ ни грезъ —
Ихъ не съумѣлъ я уберечь, —
Но не могу безъ дѣтскихъ слезъ
Твою внимать святую рѣчь!!..
Еще недавно я созналъ,
Пріййдя къ тебѣ, какъ умъ мой спитъ,
Какъ глубоко я духомъ палъ,
Какъ исковерканъ, какъ разбитъ!!..
Да, я желалъ бы, чтобъ потомъ,
Когда ужъ мой исчезнетъ слѣдъ,
Ты внукамъ тѣмъ же языкомъ
Шепталъ и сказки, и совѣтъ!!!..

А. Ж—чъ.

ИЗЪ НОВЫХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

По мраморной лѣстницѣ „Европейской Гостинницы", въ Петербургѣ, сходилъ внизъ и на ходу нѣсколько придавливалъ каблуками красный коверъ ступенекъ Парменій Никитичъ Рынинъ. Газъ, сквозь матовыя стекла, кидалъ на сѣни мягкій и грустный свѣтъ. Рынинъ спускался медленно, надѣвалъ перчатку и держалъ во рту папиросу. Мундиръ новаго образца, съ грудью, покрытою орденами, медалями и знаками, прикрывало надѣтое въ рукава, но до верху еще не застегнутое, зимнее пальто, съ погонами полковника.

Онъ ѣхалъ на званый обѣдъ и что́-то обдумывалъ; по лицу его—отъ житья въ деревнѣ оно загорѣло и сдѣлалось жестче—пробѣгали струйки еле замѣтныхъ усмѣшекъ.

— А! это ты, Рынинъ! — крикнулъ ему высокій, сочный голосъ снизу.

Въ сѣни только-что вошелъ Снѣткинъ, въ очень низкой котиковой шапкѣ и въ пальто со стоячимъ барашковымъ воротникомъ. На мѣхѣ и на бородѣ, остриженной клиномъ, еще блестѣли звѣздочки мелкаго снѣга. Щеки его такъ и рдѣли.

— Зина ждетъ тебя,—степенно сказалъ ему Рынинъ, оста-

---

*) См. выше: апр., 572 стр.

новился на предпослѣдней ступенькѣ и доканчивалъ надѣваніе перчатки.

Руки они другъ другу, по-пріятельски, не подали. Снѣткинъ держалъ еще руки въ карманахъ своего узко-скроеннаго пальто. Оно обливало его плотный, тучнѣющій станъ.

— Я, кажется, не опоздалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Она не желаетъ за табльд'отъ. Не выноситъ...

— И прекрасно дѣлаетъ!—Снѣткинъ разсмѣялся. Ты не приревнуешь, если мы en tête-à-tête? Да и вообще вѣдь женщина для тебя—о государственникъ!—только подробность!..

— Ну, ну!—остановилъ его Рынинъ, застегнулся до верху и скорыми шагами пошелъ къ подъѣзду.

— Послушай!—окликнулъ его сверху Снѣткинъ.

— Что такое?

— Ты знаешь... Мы съ Зинаидой Мартыновной условились въ циркъ?.. Сегодня суббота, le jour chic.

— Она мнѣ говорила...

— Но супругъ и повелитель поморщился?

— Почему же? Ее еще никто здѣсь не знаетъ. Вы, надѣюсь, въ ложѣ?

— И при ложѣ будутъ еще состоять двое. Я ихъ отдаю въ полное распоряженіе Зинаиды Мартыновны.

— Кто это? Прожигатели, въ родѣ тебя?

— Deux bons jeunes hommes! Шварцъ и Кремлевъ. Это такой типъ—нынче: „un bon jeune homme". Безъ него нельзя, все равно, что за границей безъ курьеровъ для высокопоставленныхъ особъ.

— Воображаю! Однако, мнѣ пора. Прощай!

— Ты куда такъ парадно? Въ какое-нибудь, поди, bureau de placement, для честолюбцевъ?

Рынинъ ничего не отвѣтилъ и только кивнулъ головой въ бараньей шапкѣ, сидѣвшей у него низко, до самыхъ бровей.

Снѣткинъ сталъ бойко шагать черезъ ступеньку.

Въ каретѣ Рынинъ оправилъ пальто, выдвинулъ ноги въ высокихъ сапогахъ и закурилъ новую папироску. Встрѣча со Снѣткинымъ, тонъ этого вивёра невольно вызвали въ головѣ Парменія Никитича взглядъ на самого себя, на то, какъ онъ живетъ и къ чему онъ стремится.

„Государственникъ", „честолюбецъ", — повторилъ онъ нѣсколько разъ про себя:—„Ладно!"

Онъ зналъ, куда онъ шелъ и зачѣмъ онъ на свѣтѣ; а тѣ тамъ, жена его, Снѣткинъ, только маются...

„И пускай ихъ!“

Сизый свѣтъ Невскаго проникъ сразу въ карету и заставилъ его посмотрѣть вправо и влѣво. Карета ѣхала быстро, внизъ, къ Аничкову мосту. Порошилъ снѣжокъ. Улица казалась еще шире. Въ магазинахъ языки газа желтѣли среди общаго холодящаго, таинственнаго освѣщенія.

Безъ волненія и безъ „сангвиническихъ“ надеждъ ѣхалъ онъ на званый обѣдъ, къ старухѣ Моршанской. Она „кормила“ сановниковъ и показывала хорошенькихъ женщинъ, о какихъ въ истекшую зиму начиналъ говорить Петербургъ. Эту старуху Рынинъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ выскочки, не признавалъ за ней никакихъ правъ на выдающееся положеніе. Но она съумѣла какъ-то втереться, лѣтъ десять-пятнадцать назадъ, каждую зиму хлопотала о томъ, чтобы у нея ѣли сановники и всѣ, кто выдвигается, и добилась своего. Квартира у нея совсѣмъ не по пріему, и столъ—неважный, да, кажется, и родовыхъ связей у нея нѣтъ, а все-таки къ ней ѣздили.

Сегодня онъ найдетъ цѣлый наборъ безполезныхъ для него людей—покрупнѣе и помельче, всѣ—„у дѣлъ“. Старуха—тѣхъ, что не „у дѣлъ“, не приглашаетъ или зоветъ по другимъ днямъ, изрѣдка, въ разсчетѣ: „можетъ быть, и они опять всплывутъ наверхъ?“

Да, ни сангвиническихъ надеждъ, ни волненій мелкаго карьериста не сознавалъ въ себѣ Парменій Никитичъ. Вѣра въ свое достоинство, признаніе за собой особой цѣны росли въ немъ здѣсь, въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ, проводимымъ въ пріемныхъ и въ гостиныхъ. Онъ и прежде зналъ, какой народъ поднимается; теперь — и подавно!.. Сегодня, съ обѣда у старухи Моршанской онъ поѣдетъ на раутъ въ такой домъ, гдѣ увидитъ многихъ изъ „бывшихъ“, въ салонъ „огорченныхъ“. Этотъ контрастъ ему нуженъ.

До Николаевской пара сѣрыхъ денного каретнаго извозчика довезла его въ пять-шесть минутъ. У крыльца уже стояло нѣсколько каретъ.

Швейцаръ, въ обширныхъ сѣняхъ съ каминомъ, попросилъ его оставить пальто внизу и предложилъ ему подняться на машинѣ. Моршанская жила въ третьемъ этажѣ.

Рынинъ отказался и сталъ входить, не торопясь; оправилъ правый эполетъ, немного спавшій съ плеча, и крестъ на шеѣ.

Въ тѣсноватую переднюю дверь была отворена. Пахло керо-

синомъ. Два ливрейныхъ лакея поднялись съ ясеневаго дивана, при входѣ Рынина. Лакей въ черномъ фракѣ спросилъ его: какъ о немъ доложить, и у дверей гостиной хмуро выговорилъ:

— Полковникъ Рынинъ!

Это докладываніе, вслухъ, на званыхъ обѣдахъ, старуха заимствовала въ посольскихъ домахъ, гдѣ тоже бывала; но у нея оно мало подходило къ размѣрамъ и отдѣлкѣ салона.

Комната была въ три окна, по улицѣ. Бѣлыя обои съ золотомъ, штофная мебель bouton d'or, двѣ-три картины, бѣлесоватый съ разводами коверъ, большой столъ по срединѣ, съ блюдомъ изъ майолики для карточекъ—„отдѣлка шестирублеваго номера", —такъ и прежде опредѣлялъ Рынинъ.

Около стола, на диванѣ и на креслахъ, сидѣло цѣлое общество.

Хозяйка — сухая, широкая въ плечахъ, горбоносая, съ сѣдыми бандо подъ чепцомъ съ цвѣтами, покрыла половину желтаго дивана обширной юбкой ярко-краснаго платья изъ тяжелаго дама́ съ старомодными воланами. Кажется, она носила кринолинъ. Рядомъ съ нею, на диванѣ—красивая брюнетка въ темномъ бархатѣ; а по другую сторону, въ креслѣ—бритый, очень моложавый мужчина, высокій, держащійся прямо, въ стоячихъ воротничкахъ и бѣломъ галстухѣ съ чуть замѣтнымъ бантомъ. Ближе къ столу—два пожилыхъ гостя со звѣздами, одинъ приземистый, краснолицый, съ лысиной во всю голову, другой—съ свѣтло-рыжеватыми волосами, зачесанными по-чиновничьи; жидкія бакенбарды чуть замѣтно шли отъ ушей; пробритая верхняя губа топырилась. На обоихъ были черные галстухи. Между ними помѣстился подкрашенный, усатый иностранецъ, съ двумя большими иностранными звѣздами, очень смуглый и въ парикѣ. Онъ былъ въ бѣломъ галстухѣ и даже въ бѣломъ жилетѣ съ золотыми пуговицами.

Нѣсколько мужчинъ, въ томъ числѣ двое съ генеральскими эполетами, въ сюртукахъ, стояли въ глубинѣ, у дверей въ столовую. У столика, приставленнаго къ углу, спиной, дама съ бѣлыми плечами, одѣтая по бальному, говорила съ двумя мужчинами, заслоняя ихъ лица.

Рынинъ все это бѣгло окинулъ. Оба пожилыхъ господина были самые крупные гости старухи. И тому, и другому онъ уже былъ представленъ раньше. Красивую брюнетку—жену сенатора —онъ также зналъ. Въ группѣ мужчинъ, у дверей столовой, узналъ онъ Брынцева, пріѣзжаго губернатора, съ которымъ былъ на „ты". Подкрашенный иностранецъ, въ парикѣ, съ двумя звѣздами, былъ, конечно, дипломатъ, изъ третьестепенныхъ. Лицо бри-

таго, моложаваго блондина, въ высокихъ воротничкахъ, онъ смутно припоминалъ. Они гдѣ-то встрѣчались. Рынинъ считалъ его тоже пріѣзжимъ изъ провинціи, навѣрно—по судебному вѣдомству. И онъ не ошибался.

Старуха начала представлять его заново и тѣмъ, кого онъ уже зналъ. Отъ обоихъ сановниковъ онъ получилъ по рукопожатію. Усатый брюнетъ, въ парикѣ, не былъ—какъ „особа"— названъ хозяйкой. Но, обернувшись къ Рынину, она ему сказала потише:

— L'ambassadeur,—и назвала какое-то посольство.

„Не изъ важныхъ, такъ я и думалъ", — подтвердилъ, про себя, Рынинъ.

Бритаго блондина хозяйка назвала просто:

— Monsieur Blinoff.

Тотъ привсталъ, подалъ руку Рынину и отчетливо, какъ говорятъ только бывшіе воспитанники лицея или училища правовѣденія—лѣтъ за сорокъ—выговорилъ:

— Nous nous connaissons un peu...

И онъ улыбнулся Рынину своимъ актерскимъ лицомъ, гдѣ, вблизи, можно было замѣтить множество тонкихъ морщинокъ, у глазъ, угловъ рта и вдоль крыльевъ носа.

Одинъ только Рынинъ пріѣхалъ въ мундирѣ. Всѣ остальные военные были въ сюртукахъ при эполетахъ. Это его немного задѣло.

Онъ не желалъ показывать старухѣ, что заискиваетъ въ ней; да и въ самомъ дѣлѣ не заискивалъ. Ему надо было отправляться отъ нея на вечеръ; онъ такъ и одѣлся. Это онъ ей скажетъ, какъ только будетъ удобно, „чтобы она знала".

Разговоръ у большого стола продолжался; говорила почти одна хозяйка. За двѣ недѣли—она „кормила" два раза въ мѣсяцъ—набирала она отовсюду, точно въ ридикюль, новостей: придворныхъ, министерскихъ, салонныхъ, банкирскихъ, изъ губерній,—отовсюду. И все это она передавала на своемъ французскомъ языкѣ, полномъ провинціальныхъ выраженій и упорныхъ русскихъ ошибокъ, но съ неизмѣнявшимъ ей никогда самообладаніемъ.

Отдѣльныя маленькія фразы она говорила, въ видѣ a parte, по-русски.

Такъ и Рынину, сѣвшему около двери всего ближе къ тому углу дивана, гдѣ она помѣщалась, старуха кинула:

— Жду графа. Только-что прибылъ изъ края. Большіе проекты привезъ.

Онъ зналъ, про какого „графа" она ему говоритъ. Моршанская выдавала этого „начальника края" за своего дальняго родственника. Она уже спрашивала Рынина, на той недѣлѣ, когда онъ былъ у нея съ визитомъ: — „отчего онъ не попросится, черезъ нее, служить къ графу?"

Онъ отвѣтилъ, что слишкомъ далеко.

— Я все-таки о васъ упомяну, — сказала старуха.

Но къ ея протекціи онъ не думалъ прибѣгать.

Пріѣхало еще нѣсколько приглашенныхъ, въ томъ числѣ двѣ дамы, обѣ красивыя, съ мужьями, кажется, изъ финансоваго міра. Старуха играла на биржѣ и ладила съ „жидками", какъ она называла, за глаза, своихъ пріятелей-банкировъ.

Не раньше четверти седьмого лакей все тѣмъ же хмурымъ голосомъ доложилъ:

— Графъ Ергасовъ!

Вошелъ сѣдой, курчавый, съ подстриженной бородой, генералъ, весь искрящійся отъ металлическихъ переливовъ эполетъ, патронташей на груди, аксельбантовъ, звѣздъ, крестовъ, позументовъ и брелоковъ на цѣпочкѣ.

Съ хозяйкой онъ поздоровался, какъ со старой кумушкой, хриплымъ голоскомъ бывшаго полкового кутилы, почтительно-благодушно пожалъ руку обоимъ господамъ со звѣздами, сейчасъ же поцѣловалъ руку у брюнетки и сдѣлалъ, черезъ столъ, веселый кивокъ головой бритому блондину.

— Проголодался, тетенька! — сказалъ онъ вполголоса хозяйкѣ и сейчасъ же заговорилъ по-французски съ дипломатомъ, бойко, съ своеобразнымъ московскимъ акцентомъ.

Рынинъ стоялъ вбокъ отъ него и ждалъ своей очереди — раскланяться. Графа онъ встрѣчалъ въ кампаніи. Ему вспомнился даже обѣдъ, послѣ С.-Стефано, на Принцевыхъ островахъ, въ отелѣ. Тогда графъ былъ облеченъ какими-то полномочіями. Пріѣхалъ онъ хорошо пообѣдать, и дѣтски радовался тому, что метръ-д'отель принялъ его, кажется, за посланника. Съ нимъ была цѣлая свита и одинъ корреспондентъ, надъ которымъ онъ все подтрунивалъ, безпрестанно называлъ его „публицистъ" и смѣялся этой остротѣ.

Жидкимъ казался уже и тогда Рынину этотъ недавній кутила, стоявшій уже на очень видной дорогѣ. И вотъ, онъ теперь настоящая особа. А все-таки въ его хитрыхъ карихъ глазкахъ и кудряхъ и маленькихъ размѣровъ головѣ — сидитъ то же самое количество государственныхъ идей и дарованій.

— Рынинъ!—обратился къ нему графъ и подалъ руку.— Очень радъ!.. Давненько не видалъ васъ...

Не дожидаясь отвѣта, онъ повернулся въ сторону хозяйки, которая шепнула ему:

— Prenez le bras de madame!..

Графъ почти подбѣжалъ къ брюнеткѣ. Старуху повелъ лысый сановникъ.

Не для всѣхъ достало дамъ. Остальные мужчины двинулись гурьбой.

Закуска была скудная, въ углу; да около нея мужчины и не успѣли постоять. Голосъ хозяйки призвалъ ихъ къ супу.

Столовая—узкая, длинная и скучная комната—едва вмѣщала столъ на двадцать персонъ. Было такъ тѣсно сидѣть, что Рынинъ сейчасъ же толкнулъ своего сосѣда, бритаго прокурора изъ провинціи. Справа отъ него помѣстился губернаторъ, бывшій съ нимъ на „ты".

— Какъ сельди въ боченкѣ!—шепнулъ тотъ Рынину и бросилъ насмѣшливый взглядъ на весь столъ.

По тому же направленію поглядѣлъ и Рынинъ. Два канделябра и одна висячая лампа со свѣчами рѣзко освѣщали два ряда лицъ, причесокъ, лысыхъ лбовъ, бородъ и усовъ. Всѣмъ было тѣсно сидѣть и всѣ находили, что супъ холодный, что пирожки отзываются саломъ. Старуха, на своемъ концѣ, одна сидѣла просторно и поочередно говорила то съ графомъ, то съ лысымъ сановникомъ, сидѣвшимъ отъ нея по лѣвую руку.

Каждый изъ этихъ господъ—ихъ было больше дюжины — что̀-нибудь значилъ въ высшей или средней администраціи. Рынинъ точно дѣлалъ имъ смотръ. И онъ, черезъ годъ, если пріѣдетъ изъ провинціи съ губернаторскаго поста, понюхать, чѣмъ пахнетъ въ Петербургѣ, будетъ сидѣть тутъ въ качествѣ молодого, бойко пошедшаго въ ходъ администратора. Его тогда вправѣ будетъ каждый приравнять ко всѣмъ нимъ, да и не ко всѣмъ, а вотъ къ этимъ, что сидятъ подальше отъ троихъ сановниковъ: одного военнаго и двухъ штатскихъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не добьется ихъ положенія, ему цѣна,—какъ инымъ часамъ,—будетъ дюжинная.

Эти мысли не огорчили его; напротивъ, вызвали легкую усмѣшку на его сжатыя губы. Онъ одинаково относился ко всѣмъ: и къ особамъ, и къ тѣмъ, что готовились въ особы; онъ ихъ равно считалъ людьми „случайными", безъ идеи, главное, безъ характеровъ, безъ своей физіономіи. „Еслибъ всѣхъ сидѣвшихъ здѣсь,—такъ думалъ онъ, — пригласить высказать свои

мнѣнія по тому, что̀ французы называютъ „la situation“, какая какофонія вышла бы, что̀ за безтолочь, непониманіе, какой вредный для страны личный задоръ!.. Каждый тянетъ одѣяло только за свой конецъ, и одно вѣдомство скандально интригуетъ противъ другого. А руководящая власть въ отсутствіи“.

Онъ зналъ, что такая оцѣнка давно сдѣлана въ Москвѣ, тамъ, куда онъ ѣздилъ съ визитомъ и лѣтомъ, и недавно, во время болѣзни Зины; но такъ понималъ онъ дѣло всегда: тѣмъ лучше, если тѣ умы въ прессѣ, которые онъ считалъ самыми сильными и вліятельными, думали въ ноту съ нимъ.

„La situation“, повторилъ онъ мысленно еще разъ, и вспомнилъ тотчасъ же, какъ въ Парижѣ,—это было въ его поѣздку въ Остенде, за Зиной, — на одномъ вечерѣ, онъ слушалъ уморительный монологъ „Коклэна-младшаго“, гдѣ какой-то тревожный, по части политики, парижанинъ ходилъ по пріятелямъ: чиновникамъ, писателямъ, кутиламъ, и всѣхъ ихъ спрашивалъ: „quelle est la situation?“

Что̀ бы и теперь начать, поочередно, спрашивать про русское „положеніе дѣлъ“ у каждаго чиновнаго гостя, приступающаго ко второму блюду старухи Моршанской — осетринѣ, такой же плохой, каковъ былъ и супъ.

Свою мысль онъ сообщилъ, подъ шумъ начавшихся разговоровъ, сосѣду справа, губернатору. Тотъ разсмѣялся и повторилъ громко раза два:

— Quelle est la situation?

Точно въ отвѣтъ, слѣва, въ сановномъ концѣ стола, заговорили о крестьянскомъ банкѣ, потомъ—о слѣдствіи по какой-то растратѣ. Прокуроръ сталъ мягко и отчетливо излагать по-французски, какія онъ произвелъ мѣропріятія и какъ ему нелегко было довести до конца свою кампанію.

— Une небрежность impardonnable!..—выговорилъ онъ съ конца губъ и держа въ лѣвой рукѣ корочку, которой подправлялъ куски рыбы.

Рынинъ и губернаторъ переглянулись.

— Какого тебѣ вина, краснаго?—спросилъ губернаторъ.— Извини... забылъ предложить... une impardonnable небрежность... —прибавилъ онъ на ухо Рынину.

Оба разсмѣялись, но тотчасъ же смолкли и продолжали прислушиваться къ разговору въ углу сановниковъ.

Французскія фразы прокурора звучали еще мягче, еще отчетливѣе и покрывали гулъ голосовъ справа, гдѣ красивыя дамы завели съ своими сосѣдями довольно живую бесѣду. Прокуроръ

старался красиво и остроумно передать подробности своего вмѣшательства, и всѣмъ тономъ своимъ показалъ онъ обоимъ сановникамъ другихъ вѣдомствъ, на какую независимость дѣйствій способны такіе дѣятели, какъ онъ, ищущіе высшихъ ступеней, чтобы развернуть свои государственныя способности. Такъ объяснилъ это себѣ Рынинъ.

— Хлыщъ!—шепнулъ ему губернаторъ.

Рынинъ кивнулъ головой.

И подъ гулъ разговоровъ, стукъ вилокъ и ножей, ходьбу прислуги, онъ смотрѣлъ на профиль прокурора, на его бритый подбородокъ и красивый носъ, на движенія его губъ. Вотъ вѣдь съ такимъ „жрецомъ правосудія" ему придется скоро, въ провинціи, ладить или воевать. Губернаторъ обреченъ на „контры" съ главой судебной власти. И каждый изъ нихъ будетъ считать другого „дрянью", „вреднымъ человѣкомъ"; тотъ его: „невѣждой", „кадетомъ"; онъ того—„снобомъ", „пустозвономъ", „фальшивымъ либералишкой!"...

Рынинъ уже и теперь не можетъ отдѣлаться отъ пренебрежительнаго чувства къ нему. Нужды нѣтъ, что тотъ и говорить умѣетъ, быть можетъ, и учился хорошо, и способный администраторъ, пожалуй, и честный. „Не того поколѣнія, не того времени"—вотъ что! Такому краснобаю должно теперь быть около сорока; стало, онъ начиналъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ; чтобы сдѣлать себѣ карьеру тогда, надо было раздѣлять „фанаберію" новыхъ судейскихъ и воображать себя спасителями отечества... А потомъ онъ сталъ, разумѣется, вилять, и знаетъ теперь только свои повышенія...

Не такимъ считаетъ Рынинъ себя. Пускай онъ—не блестящъ и не ученъ, но онъ полонъ иного духа; онъ „не того времени".

Французская рѣчь прокурора уже смолкла; Рынинъ все еще оглядывался на его профиль.

— Посмотри! — окликнулъ его шопотомъ губернаторъ: — Графъ-то какъ подсѣлъ... къ той... Какъ, бишь, ея фамилія?..

Онъ говорилъ о красивой брюнеткѣ.

Рынинъ назвалъ.

— Неунывающій кавалеристъ!.. А вотъ переведутъ въ его край... и станешь ему рапортовать... Насъ старуха посадила скверно... Отъ дамъ для насъ и хвостика не останется...

Рынинъ оглядѣлъ и тѣхъ дамъ, что сидѣли на правомъ концѣ,—всѣ были хорошенькія, но онѣ ему казались чѣмъ-то совершенно ненужнымъ. Это щеголянье красивыми женщинами

старухи Моршанской просто отвратительно. Какой это политическій салонъ? Просто, кухмистерская съ претензіями!..

Рынинъ сообщилъ свое сравненіе губернатору; онъ зналъ, что тотъ его не выдастъ, хоть и является къ старухѣ на поклонъ, чтобы потереться около вліятельныхъ лицъ.

— Ха, ха, ха!—разразился опять губернаторъ, не настолько, однако же, громко, чтобы обратить на себя вниманіе.

Но свои собственныя а parte, на ухо губернатору, показались Рынину дурного вкуса. Онъ замолчалъ и занялся-было ѣдой; но все, что̀ подавали, мало его прельщало. Оглянувшись вправо, онъ остановился взглядомъ на лицѣ мужчины, котораго въ залѣ что-то не замѣтилъ.

Это былъ блондинъ, съ бородкой и свѣтло-желтыми, рѣдкими волосами на узкомъ и высокомъ черепѣ, юркій, нестарый человѣкъ, въ ловко сидѣвшемъ фракѣ; не то помѣщикъ, не то купецъ изъ новыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не петербуржецъ.

— Кто это?—указалъ на него сосѣду Рынинъ.

— Вотъ тотъ? Рыжеватый?

— Да...

— Ты не знаешь? Свѣдущій человѣкъ—Авлухинъ! Здѣсь на него какъ на перваго умницу смотрятъ.

— Что̀ ты говоришь?!

И Рынинъ еще разъ всмотрѣлся въ этого рыжеватаго блондина, съ полукупеческой, полупомѣщичьей наружностью.

Во всемъ лицѣ была та же бойкость, что̀ и въ глазахъ. Рынинъ, по нѣкоторымъ пріемамъ, по манерѣ держаться, призналъ его „своимъ братомъ, дворяниномъ".

— Какъ его фамилія?—переспросилъ онъ Брынцева.

— Авлухинъ.

— Откуда?

Тотъ назвалъ губернію.

Авлухинъ разговаривалъ съ сосѣдями безъ устали, но больше все отрывочными фразами, должно быть, остроумными или забавными: сосѣди часто улыбались.

— Ты знакомъ съ нимъ?—спросилъ Рынинъ Брынцева.

— Знакомъ...

— Послѣ обѣда познакомь насъ.

Онъ давно не толковалъ съ такимъ земцемъ изъ провинціи. И онъ самъ, на мѣстѣ свѣдущаго человѣка, пріѣхалъ бы обѣдать къ Моршанской, чтобы потолковать запросто съ тѣми, кто изъ Петербурга мудритъ съ русской землей. Этотъ долженъ быть

изъ „датошныхъ“, — употребилъ про себя Рынинъ мѣстное, крестьянское слово.

За „табль-д'отомъ“ старухи хорошо было хоть то, что обѣдъ не затягивался. Винами и дессертомъ было тоже скудновато.

Минутъ черезъ десять, обѣдъ кончился. Дамъ повели подъ руку. Свободные мужчины потянулись въ маленькую курильню. Въ гостиной уже раскрыли два стола, и хозяйка, тотчасъ послѣ кофе, сама сѣла играть съ графомъ и двумя штатскими особами.

Въ курильнѣ, Брынцевъ познакомилъ Рынина съ земцемъ. Тотъ сейчасъ же какъ-то весь передернулся, попросилъ огня у Рынина и заговорилъ тономъ давно знакомаго, съ бойкостью и жаргономъ скорѣе банкира изъ купцовъ, чѣмъ дворянина-помѣщика. Они отошли въ сторонку и сѣли. Курильня ужъ стала пустѣть.

— Рынинъ!—окликнулъ губернаторъ:—я здѣсь еще съ недѣлю... Ты свободенъ въ будущій вторникъ, днемъ? хочешь позавтракать... въ кабачкѣ?...

— Хорошо!.. Гдѣ?..

— Да все у того же Петра Иваныча!..

— Буду...

Оставшіеся трое мужчинъ курили въ углу у двери.

„Свѣдущій человѣкъ“ былъ помѣщикомъ сосѣдней губерніи и хорошо зналъ уѣздъ Рынина. Онъ служилъ директоромъ мѣстнаго банка и состоялъ цѣлое трехлѣтіе предсѣдателемъ губернской управы.

Сейчасъ же онъ, двумя-тремя шуточками и подмигиваніями, далъ понять Рынину, что Петербургъ, тотъ, что̀ мудритъ и умничаетъ, и правитъ, онъ прекрасно раскусилъ и уже давно. Вотъ сюда попалъ, чтобы присмотрѣться къ этакой „закусочкѣ“ — онъ такъ и выразился. Все это облегчило Рынину дальнѣйшую бесѣду съ нимъ.

Они проговорили цѣлый часъ. Въ гостиной продолжали играть; въ угловой комнатѣ, въ родѣ кабинета хозяйки, сидѣли сначала дамы, но къ девяти часамъ всѣ уѣхали.

Рынинъ больше слушалъ земца. Тотъ какъ будто говорилъ въ духѣ его собственныхъ идей; была тутъ: и необходимость поднять „первенствующее сословіе“, и разсчеты на скорое учрежденіе дворянскаго банка, и дѣловыя скептическія замѣчанія насчетъ „крестьянскаго“, и много кое-чего другого, все самаго новаго и хлёсткаго. Только, чѣмъ больше говорилъ земецъ, тѣмъ все чаще въ его выраженіяхъ, въ разныхъ готовыхъ фразахъ, Рынинъ схватывалъ печатныя клишé, и не изъ Москвы, не изъ

того органа, гдѣ они выдѣлывались впервые, а здѣшнія, петербургскія, изъ вторыхъ рукъ.

Въ этомъ бытовикѣ дворянской провинціи онъ все меньше видѣлъ своего человѣка; черезъ него совсѣмъ не дышало на него деревней, къ которой онъ все-таки же присматривался. Банкиръ изъ шустрыхъ помѣщиковъ питался дешевой газетной пищей; тò же, чтò было въ немъ несомнѣнно своего, отзывалось дѣлечествомъ.

Рынину вспомнилась подробность, когда онъ ѣздилъ въ сосѣдній губернскій городъ: въ мѣстномъ дворянскомъ банкѣ онъ нашелъ какъ разъ такого свѣдущаго человѣка, въ званіи директора. Его всѣ любили, но, подъ-рукой, разсказали Рынину, что онъ „ловкачъ", изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, въ пять лѣтъ сталъ крупнымъ, живетъ широко, отбиваетъ женъ у мужей; по банковскимъ дѣламъ распоряжается самовластно, надавалъ ссудъ выше стоимости, за сотни имѣній. И языкъ, жесты, обхожденіе того были совершенно въ такомъ же родѣ. Пахло отъ нихъ биржевикомъ, коммиссіонеромъ, банковскимъ дѣльцомъ. Только развѣ, вглядываясь въ лицо, можно было разсмотрѣть нѣкоторую сословную породу...

А когда Рынинъ захотѣлъ придать разговору другой тонъ, заговорилъ объ „идеѣ" государственнаго склада родины, о „власти и самобытности внутреннихъ распорядковъ", земецъ сталъ отшучиваться, и опять полились у него газетныя обличительныя словечки.

Около десяти часовъ, земецъ крѣпко пожалъ руку своего собесѣдника и, вставая, спросилъ его:

— Вы тоже скрываетесь?.. По-французски, безъ саламалѣка?

Рынину рано было на раутъ, для котораго онъ надѣлъ мундиръ. Онъ выкурилъ еще папиросу и вышелъ въ гостиную, гдѣ карты продолжались.

Столъ, за которымъ играла хозяйка съ тремя главными своими гостями, выдѣлился передъ нимъ, окруженный табачнымъ дымомъ—графъ съ однимъ штатскимъ сановникомъ курили—какъ чтò-то символическое... Вотъ передъ нимъ Петербургъ, тотъ, чтò долженъ знать: „quelle est la situation", и думаетъ, что знаетъ это, и смотритъ на себя „въ серьёзъ", а внутри у него „пустушка"... Зинаида Мартыновна сказала бы: „pas de beafsteck sur la conscience!" И прекрасно! Теперь-то и надо начинать, подняться на первую ступень фактической власти. И не лучшее ли время именно вотъ нынѣшнее?

Такъ постоялъ онъ въ дверяхъ—его никто не замѣтилъ—и

черезъ столовую и курильную вышелъ въ переднюю. Онъ былъ почти увѣренъ въ томъ, что не позднѣе, какъ къ великому посту, когда ему удобно будетъ переименоваться гражданскимъ чиномъ, произойдетъ его назначеніе. Каждый вечеръ ему нужно проводить въ серьезныхъ гостиныхъ. Зина не рвется въ свѣтъ. Пускай при ней состоитъ Снѣткинъ. Только бы она не вздумала ѣздить съ нимъ по цыганамъ да по кабачкамъ.

„On y mettra ordre",—подумалъ онъ по-французски, сходя съ лѣстницы третьяго этажа.

Такъ пройдутъ два мѣсяца. На будущей недѣлѣ надо взять въ отелѣ, отдѣленіе помѣсячно; будетъ дешевле. Денежныя дѣла ихъ въ образцовомъ порядкѣ, благодаря его умѣнью. Да и Зина не транжиритъ; даже скуповата. Ея десять тысячъ доходу она можетъ тратить на себя, т. е. на туалетъ и все, что—ея личный расходъ. Съ имѣнія уже получили доходъ—до трехъ тысячъ, да четыре онъ имѣетъ съ другого имѣнія, доставшагося ему отъ тётки по завѣщанію. Этихъ семи тысячъ ему достанетъ на его долю; расходы по отелю они дѣлятъ пополамъ. Въ денежныхъ счетахъ онъ держится щекотливой аккуратности. Онъ принялъ отъ жены выкупъ родовой вотчины, но доходъ съ нея идетъ на общіе расходы по дому.

Въ каретѣ онъ почувствовалъ, что почти голоденъ.

„Неужели изъ-за этакихъ паскудныхъ обѣдовъ ѣздить къ этой старушенціи?"—спросилъ онъ и вывелъ сейчасъ заключеніе.

Развѣ примѣръ такой старухи Моршанской не показываетъ, что въ Россіи, да и вездѣ, стоитъ только неизмѣнно бить въ одну точку: вотъ она, пріѣхала откуда-то изъ провинціи и задалась идеей, чтобы бывали у нея люди во власти, и живетъ въ третьемъ этажѣ, кормитъ плохо, сидѣть у нея тѣсно, скука немалая, несмотря на приглашеніе хорошенькихъ бабенокъ. А все-таки къ ней ѣздятъ, и она можетъ, съ полнымъ правомъ, хвастать, что у нея всѣ перебывали, кто состоялъ у дѣлъ.

Что такая старуха—передъ человѣкомъ съ желѣзными мышцами, какъ онъ?..

II.

Зина прилегла на кушетку. Снѣткинъ сидѣлъ въ креслахъ у круглаго стола, откуда человѣкъ еще не убралъ кофе и ликеры. Зеленая комната, съ триповой мебелью и пестрымъ ковромъ, при свѣтѣ одной лампы, глушила ихъ голоса тяжелыми гардинами. Затуманеннымъ взглядомъ смотрѣла Зина на своего

пріятеля. Шампанское и ликеры привели ее въ то состояніе, какое она, бывало, за границей, у Cocò, испытывала послѣ каждаго удачнаго обѣда. Переодѣваться ей не надо. Она поѣдетъ — въ чемъ она теперь, въ своемъ простомъ туалетѣ, demi-deuil, изъ смѣси бѣлаго, чернаго и свѣтло-сѣраго цвѣтовъ. Этотъ туалетъ особенно идетъ къ блѣдно-розовымъ ея щекамъ и къ прическѣ. Волосы только-что отросли настолько, что ихъ можно носить безъ искусственнаго „front"... Они закурчавились на лбу. Ей на видъ девятнадцать лѣтъ; глаза кажутся больше; во всемъ тѣлѣ особенная мягкость волнистыхъ очертаній и лѣнивая плавность жестовъ.

Прошло слишкомъ два мѣсяца со смерти ея матери. Вотъ сейчасъ, со стаканомъ шампанскаго въ рукахъ, она уже, по-пріятельски, разсказывала Снѣткину о своихъ „безумствахъ". Да, она собралась умереть послѣ „toquade" къ князю и похоронъ матери, схватила тифъ – и очень жестокій; лежала въ безпамятствѣ, а когда пришла въ себя, увидала у кровати своего мужа. Умереть она не умерла, но все забыла, и цѣлыхъ двѣ недѣли, пока выздоравливала, съ трудомъ припоминала понемногу, чтò съ ней случилось.

Теперь она опять прежняя Зина Ногайцева, но только безъ всякой горечи и тревоги. Выздоровленіе принесло съ собою новый вкусъ къ жизни. Когда она говорила Снѣткину, сейчасъ за обѣдомъ, какъ пріятно оправляться отъ тифа, онъ вскричалъ:

— Не продѣлать ли и мнѣ того же?

Ея „escapade", въ деревнѣ князя, — она ничего не скрыла отъ Снѣткина,—представляется ей чѣмъ-то до-нельзя дикимъ и смѣшнымъ. Теперь она способна встрѣтиться съ княземъ только какъ съ чудакомъ. Ей потому такъ и легко, что она на мужчинъ смотритъ какъ на товарищей или на чтò-то, принадлежащее къ обстановкѣ ея жизни, ея развлеченій. Такъ она относится и къ мужу. Бороться съ нимъ, воевать, затѣвать чтò-нибудь въ родѣ развода, она не желаетъ. Пускай онъ будетъ такой, какимъ сталъ въ послѣднее время: не стѣсняетъ ее въ привычкахъ и удовольствіяхъ, больше ей ничего не надо.

За кофе и ликеромъ Зина чувствовала пріятную истому во всемъ тѣлѣ, и ея мозгъ такъ все просто и легко перерабатывалъ. Прежде она столькихъ вещей стыдилась. Вотъ, хоть бы, своего незаконнаго происхожденія. Она ни за чтò не стала бы говорить Снѣткину о своей матери. А тутъ она всё разсказала. Въ Москвѣ ею овладѣла особая жалость къ покойницѣ. Кровная связь съ матерью сказалась въ ней послѣ той ужасной ночи въ

Ширяевѣ. Но она не хочетъ хитрить и лицемѣрить. Она носитъ только „demi-deuil" и не думаетъ отказывать себѣ въ развлеченіяхъ, ѣдетъ сегодня съ нимъ въ циркъ, появится и въ театрахъ, и въ свѣтѣ, если ей захочется. Мужъ стоитъ вѣдь только за соблюденіе декорума. Она для него — законная дочь Мартына Ногайцева. Отецъ еще живъ; про мать ея—онъ врядъ ли самъ будетъ распространяться. И ему она дѣлаетъ услугу, что избавляетъ отъ разспросовъ, по комъ она въ глубокомъ траурѣ?

Да и вообще у нея, послѣ тифа, пропала былая строгость насчетъ свѣта, того, что̀ она признавала высшимъ стилемъ; всего больше насчетъ: „qu'en dira-t-on", которое начало было проникать въ нее, въ Россіи... Въ шутливомъ тонѣ припомнила она, между прочимъ, исторію на кумысѣ.

Снѣткинъ сказалъ ей:

— Вотъ видите... кровь заиграла тогда. Это и теперь можетъ повториться.

— Можетъ,—отвѣтила Зина,—и пускай это будетъ лучше съ какимъ-нибудь мальчуганомъ. Nous allons rire!..

До такой степени ей все равно, что она и въ Петербургѣ будетъ выѣзжать только покуда ей это не надоѣстъ. Никакого „положенія" она не желаетъ, и до плановъ, разсчетовъ ея мужа ей дѣла нѣтъ.

— И мы основываемъ товарищество прожигателей? — спросилъ Снѣткинъ и допилъ рюмку ликера.

— Что такое?—лѣниво окликнула Зина.

— Такъ вашъ мужъ выражается... Прожигателей... Des viveurs!..

— Да, да!.. Il n'y a que ça de bon!..

Она помолчала и добавила:

— Только, Снѣткинъ, не дурить!

— Въ какомъ смыслѣ?

— Pas de toquades bêtes!

И онъ ей разсказывалъ за обѣдомъ про свой „collage". Его, кажется, начинало затягивать. Зина почуяла тутъ что̀-то не совсѣмъ ладное. Снѣткинъ читалъ ей стихи, присланные изъ Москвы, куда временно удалялась „la petite", на опереточную сцену. Они хотѣли, по общему согласію, пожить экономнѣе; здѣсь, на два дома, деньги шли какъ вода. Но теперь она опять въ Петербургѣ, и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, Снѣткину приходится частенько весьма не вкусно.

— Vous me la montrerez? — сказала Зина, перемѣнивъ позу.

Ей стало жаль этого красиваго, веселаго и умнаго малаго. Если пойдетъ такъ дальше, она должна его освободить отъ такого „collage“.

— N'est-ce pas?—добавила она.

— Volontiers!..

Случай представится навѣрное. Но почему же не показать ей эту „petite“ поближе, гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, на островахъ, у цыганъ?

— А Парменій Никитичъ?

Зина только повела головой.

— Гдѣ, напримѣръ, она сегодня?—спросила Зина настоятельнѣе.

Онъ хорошенько самъ не знаетъ. Кажется, обѣдаетъ у своей пріятельницы, Машеньки Адашевой, играющей въ клубныхъ спектакляхъ.

— Une brune bien jolie, d'une distinction rare,—добавилъ Снѣткинъ.

Обѣ эти пріятельницы были, стало быть, русскія. Это заинтересовало еще больше Зину. Ей бы хотѣлось посмотрѣть на русскихъ „horizontales“. Она и начала разспрашивать: давно ли онѣ появились и сколько ихъ, и есть ли надежда, что образуется изъ нихъ „quelque chose de bien“?

Ихъ уже не мало; француженки теперь рѣдки и плохи — такъ докладывалъ Зинѣ Снѣткинъ—да и деньги не тѣ. Есть уже свои „irrégulières de haute marque“, не такія, какъ прежде, изъ швей и горничныхъ или обѣднѣвшихъ купеческихъ дочерей, и не такія, какъ танцовщицы; тѣ остались по старому; нынѣшнія — „plus fantaisistes“; иныя побывали и въ Парижѣ, умѣютъ болтать, хорошо одѣваются, съ талантикомъ, съ своимъ жаргономъ.

Зина слушала и тихо улыбалась. Право, это гораздо занимательнѣе, чѣмъ толки о „настоящемъ“ свѣтѣ, куда ее совсѣмъ что-то не влекло. Отъ Снѣткина она уже знала, что въ Петербургѣ есть и въ свѣтѣ всего десять-пятнадцать женщинъ, всюду являющихся: „сборъ всѣмъ пожарнымъ частямъ“, какъ давно зовутъ ихъ. Всюду ихъ видишь, гдѣ только „весь Петербургъ“, а всего чаще въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ Зина еще не была— на благотворительныхъ базарахъ, на раутахъ, балахъ, пикникахъ, музыкальныхъ утрахъ.

— И вы попадали въ этотъ сборъ!—проронилъ онъ ей.

Но ей это нисколько не льстило. Она хочетъ прожить зиму одну или двѣ,—пока Парменій Никитичъ не получитъ своего „поста“,—иностранкой, пріѣзжей, безъ всякихъ строгихъ обязан-

ностей передъ обществомъ. Вотъ они и составятъ товарищество; пріѣдетъ Сосо—она уже телеграфировала о своемъ возвращеніи въ Россію—отецъ былъ очень слабъ; Снѣткинъ прикомандируетъ къ нимъ обѣимъ двоихъ своихъ пріятелей, тѣхъ, что ждутъ уже сегодня въ ихъ ложѣ, въ циркѣ.

— Et la petite, y sera-t-elle aujourd'hui? - спросила Зина и поднялась съ кушетки.

Онъ не зналъ; но врядъ ли. Ему бы этого и не хотѣлось. Его Надя способна на какую-нибудь выходку, увидавъ его вмѣстѣ съ такой красивой женщиной.

— Mon vieux,—сказала ему Зина, въ дверяхъ,—vous la craignez, votre petite. Il faut que je la tranquillise!

И со смѣхомъ она скрылась въ свой будуаръ позвонить горничную. Шелъ уже десятый часъ. Снѣткинъ, какъ только пріѣхалъ, отпустилъ свои сани и приказалъ имъ ѣхать къ „Надеждѣ Андреевнѣ", на квартиру ея пріятельницы. За каретой онъ хотѣлъ послать изъ отеля; но Зина не пожелала кареты; потребовала троечныхъ саней, которыя и дожидались съ семи часовъ у подъѣзда.

Весело болтали они, когда шли по корридору бель-этажа. Около лѣстницы далъ имъ дорогу и церемонно поклонился старшій кельнеръ, изъ нѣмцевъ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Снѣткинъ шепнулъ Зинѣ:

— Je vous compromets... Ça a bigrement l'air d'une partie fine!..

Оба разсмѣялись.

Въ своей песцовой шубѣ и шапочкѣ, покрытой наполовину бѣлымъ платкомъ, Зина спускалась по ступенямъ лѣстницы легкой и величавой поступью. Снѣткинъ засмотрѣлся на нее. Но она его не волновала, какъ женщина. Они были созданы только для пріятельства. Онъ глядѣлъ на ея профиль, строгій самъ по себѣ, но смягченный, въ ту минуту, блуждающей улыбкой и полуопущенными рѣсницами.

„Барыня любитъ кутнуть—и хорошо дѣлаетъ!"—думалъ онъ. „Пускай въ холодномъ да въ ликерахъ находитъ забвеніе!"

Ему сдавалось, что это забвенье ей нужно. Она извѣдала страсть, и онъ ей не вѣритъ, что теперь все прошло, что она способна встрѣтить князя Ряжскаго съ насмѣшечками надъ самой собой. Мужа не любитъ, петербургскій свѣтъ пріѣстся ей въ одну, въ двѣ зимы: она видѣла всякій high-life; что же остается? Но и кутить можетъ оказаться неудобнымъ, при такомъ мужѣ, какъ Рынинъ. Развѣ найдетъ забавнымъ обманывать его? Такой жен-

щинѣ нужна встрѣча съ человѣкомъ, у котораго милліоны, дьявольскій темпераментъ, жажда жизни, вкусъ. А гдѣ онъ?..

Глаза Снѣткина вдругъ потускнѣли. Ему стало какъ бы досадно на Зину, что она выздоровѣла. Значитъ, разъ уже жаждала смерти?.. Тогда-то бы и жить, вернуться въ деревню, пустить въ ходъ всѣ свои чары, притянуть къ себѣ богомольца, „le rouler, sacré-dieu“! Для всего этого еще стоило жить; а теперь?..

— Qu'avez-vous?—окликнула его Зина, остановившись на послѣдней ступенькѣ.

Она посмотрѣла на него, и ей вдругъ вспомнились его слова, въ Ширяевѣ, во время спора съ Рынинымъ: какъ онъ не задумается покончить съ собою, когда проживать больше будетъ уже нечего. И въ его глазахъ она прочла въ эту минуту точно новое подтвержденіе такого конца.

— Pas de bêtises!—вдругъ сказала она Снѣткину совсѣмъ другимъ тономъ.

— Et quoi?—удивленно спросилъ онъ.

— Je veux vivre, mon ami,—продолжала она, напирая на каждое слово:—entendez-vous?.. Et je vous y engage aussi!..

Снѣткинъ откинулъ голову назадъ и разсмѣялся.

— Vous lisez dans mon âme! Parole d'honneur!

Они стояли уже на площадкѣ, противъ лѣстницы. Мальчикъ отворялъ имъ дверь. Въ передней два швейцара ждали ихъ.

— Тройку прикажи подать!—крикнулъ Снѣткинъ мальчику.

Тотъ передалъ приказаніе ближайшему швейцару.

— Nous sommes perdus!.. Une troïka!—дурачился Снѣткинъ.

Прислуга могла думать, что̀ ей угодно; Зина нисколько этимъ не смущалась. Она потребовала тройку, потому что ей хотѣлось послѣ спектакля въ циркѣ—онъ кончится рано—ѣхать на острова, кататься на горахъ. Ночь была славная, съ легкимъ снѣжкомъ, мягкая и не очень холодная.

Тройка спустилась со двора подъ ворота. Бубенчики звонко раздались подъ сводомъ. Двое мужчинъ съ дамой, дожидавшіеся экипажа, смотрѣли на это отправленіе красивой пары въ тройкѣ. Посыльные засуетились. Швейцаръ усаживалъ Зину и застегивалъ полость. Все это забавляло ее. Она смѣло оглядывала зрителей, принявшихъ ее, навѣрное, за женщину полусвѣта.

Сани вылетѣли изъ-подъ воротъ съ задорнымъ гудѣньемъ бубенцовъ и круто повернули налѣво, къ Михайловскому скверу. Маленькій переѣздъ къ цирку показался Зинѣ смѣшнымъ, по своей быстротѣ. Вотъ такъ хотѣла бы она переходить отъ одного

ощущенія къ другому, чувствовать себя по-дѣтски, ни на чемъ не останавливать ни мысли, ни страстнаго желанія...

Тройка стояла уже передъ подъѣздомъ цирка. Опять артельщикъ разстегивалъ полость. Снѣткинъ освѣдомился объ имени извозчика.

Они вошли въ проходъ между двумя половинами амфитеатра въ ту минуту, когда съ другой стороны, подъ интродукцію оркестра, показалась наѣздница, француженка, въ свѣтло-шоколадной амазонкѣ, стройная, прекрасной школы и такого строгаго стиля во всемъ своемъ туалетѣ, что Зина остановилась на ходу и стала разглядывать ее. Она не была особенно красива и уже не очень молода, съ крупнымъ профилемъ.

— Господа кавалеристы одобряютъ,—замѣтилъ Снѣткинъ.— А на вашъ вкусъ какъ?

— Très stylée,—убѣжденно отвѣтила Зина, и тутъ же представила себѣ, какая она сама могла бы быть видная наѣздница высшей школы.

Служитель провелъ ихъ къ ложѣ. Тамъ уже дожидались „les bons jeunes hommes", Шварцъ и Кремлевъ. Они сѣли на двухъ заднихъ стульяхъ. Шварцъ, смуглый, длинный, носилъ остроконечную бородку; правильныя черты лица были въ восточномъ типѣ. Кремлевъ—пухленькій блондинъ средняго роста. Оба были одинаково подстрижены, носили пальто съ мерлушковыми воротниками одной высоты, шапочки изъ мерлушки же и одноцвѣтныя грубыя, вязаныя, заграничныя варежки. Оба были въ pince-nez и съ палками.

Они встали. Снѣткинъ кивнулъ на каждаго головой, назвалъ ихъ по-одиночкѣ и, когда всѣ разсѣлись, сказалъ имъ:

— Вамъ предоставляется состоять при ложѣ сегодня, и если Зинаидѣ Мартыновнѣ будетъ угодно, то и вообще.

И онъ сталъ объяснять Зинѣ, что всѣ вотъ такіе петербургскіе „jeunes hommes" состоятъ „при ложахъ", и безъ этого немыслимо ихъ существованіе.

Шварцъ и Кремлевъ не возражали; оба своими кроткими минами показывали Зинѣ, что она ими будетъ довольна, и лучше адъютантовъ она не найдетъ.

Ей они понравились. Съ ними будетъ удобно, это сейчасъ же чувствовалось.

— Наѣздница—парижская, изъ Cirque d'hiver!—доложилъ Кремлевъ.

Другъ его Шварцъ подтвердилъ это наклоненіемъ головы и прибавилъ:

— Загряжскій уже сдѣлалъ отличное mot насчетъ ея невыразимыхъ.

— Чего?—переспросила Зина.

— Пьедесталовъ!—Кремлевъ показалъ на свои панталоны.—Они у нея couleur muraille... на штрипкахъ.

— Такъ надо,—серьезнымъ тономъ одобрила Зина.

И всѣ четверо обернулись къ наѣздницѣ. Та заставляла своего венгерскаго караковаго жеребца кланяться въ ихъ сторону. Черезъ двѣ минуты, когда лошадь обошла арену особымъ труднымъ аллюромъ, нѣсколько гусаръ захлопали. Зинѣ показали, вправо, Луку Загряжскаго, перваго каламбуриста Петербурга, уже сдѣлавшаго „mot" насчетъ панталонъ наѣздницы. Онъ сидѣлъ съ двумя мужчинами въ ложѣ. Шинель съ бобромъ и такая же шапка скрывали немного его лицо.

— Superbe tête!—почти со вздохомъ сказалъ Шварцъ.

— И умница,—добавилъ Кремлевъ.

Зина остановилась подольше на лицѣ Загряжскаго. Тотъ снялъ шапку. Подъ гребенку остриженные пепельные волосы, уже немного рѣдѣющіе, красивымъ выемомъ выступали на лбу; въ очертаніи черепа, со сдавленными висками, было что-то татарское, суховатое и чинное, также и въ хрящеватомъ, нервномъ носѣ, въ бровяхъ, въ бородѣ двумя клинушками.

— Одобряете?—спросилъ Снѣткинъ.

— Онъ навѣрно не изъ благочестивыхъ,—сказала она вполголоса,—mais il n'a pas l'air fat.

— Насчетъ этого Шварцъ разскажетъ вамъ знаменитую его остроту.

Кремлеву ужасно хотѣлось разсказать раньше Шварца, но онъ уступилъ другу.

— Былъ смотръ,—началъ Шварцъ, медленно и съ неподвижнымъ лицомъ.

— Не тяни!—вырвалось у Кремлева.

— Начальникъ дивизіи, старичокъ, князь Рукавицынъ, обращается къ строю и вызываетъ: „кто имѣетъ претензію?" Загряжскій былъ тогда вольноопредѣляющимся; выѣзжаетъ и говоритъ: „я, ваше сіятельство, заявляю претензію".— „На что?.."—„На красоту... ваше сіятельство!.."

Кремлевъ засмѣялся раньше Шварца. Снѣткинъ покрылъ его жидкій смѣхъ своимъ густымъ и болѣе жирнымъ; Зина вторила имъ. Остроту она нашла очень смѣшной, можетъ быть, оттого, что ей въ циркѣ, въ эти десять-пятнадцать минутъ, стало еще веселѣе, чѣмъ въ отелѣ, когда они шли со Снѣткинымъ по коридору и лѣстницѣ.

— Претензію... на красоту!—повторила она вслухъ и поглядѣла въ сторону ложи Загряжскаго.

И онъ, и тѣ, кто съ нимъ были, обратили вниманіе на Зину, какъ только она вошла. Загряжскій точно понялъ, что въ ложѣ этой неизвѣстной еще никому дамы говорять о немъ. Онъ пустилъ быстрый боковой взглядъ и кивнулъ головой мужчинамъ, сидѣвшимъ съ Зиной.

Она еще разъ остановилась на немъ глазами и сказала Снѣткину такъ, чтобы остальные не слыхали.

— Décidément, je le gobe!

— И какъ стрѣляетъ!..—доложилъ Кремлевъ.

— Голубей!..—прибавилъ Шварцъ.

— Un chasseur de femmes.—Снѣткинъ сказалъ это, наклонившись къ Зинѣ.

Она все слушала съ улыбкой, не сходившей съ ея губъ.

Развѣ такой вотъ острякъ и стрѣлокъ менѣе красивъ, чѣмъ тотъ, изъ-за котораго она бѣсновалась? И такъ ей вдругъ живо представился зимній вечеръ, когда она стояла въ снѣгу, въ однихъ чулкахъ, и морозила себя, по доброй волѣ искала смертельной болѣзни!

— Ха, ха, ха! — разразилась она, отвѣчая какъ будто на кувырканье клоуна съ летучей мышью на спинѣ и въ крашеномъ войлочномъ колпакѣ.

Но не клоунъ разсмѣшилъ ее такъ; она сама себѣ показалась такой смѣшной... на кладбищѣ, въ однихъ чулкахъ, въ сугробѣ!..

Она окинула глазами весь амфитеатръ, ложи, кресла и стулья, рядъ головъ въ первыхъ и вторыхъ мѣстахъ, царскую ложу, весь этотъ малиновый трипъ и фрески потолка, и трапеціи, оркестръ, красныя и бѣлыя фуражки офицеровъ, мѣха женщинъ, ихъ шляпки; потомъ группу артистовъ цирка въ парадныхъ венгеркахъ и большихъ сапогахъ,—и ей стало вдругъ, въ этомъ Петербургѣ, такъ удобно, хорошо; она была въ густомъ воздухѣ пользованья жизнью, наравнѣ со всѣми этими женщинами и мужчинами, штатскими и военными, посѣщавшими субботы цирка. Вотъ опять то масонство, „къ которому она принадлежала“ за границей; но тамъ оно было все-таки—чужое, случайное, заѣзжее; здѣсь же все это—свое. Связь есть несомнѣнная. И Снѣткинъ, и два ея новыхъ адъютанта, и тотъ острякъ и красавецъ, да и всѣ русскіе люди, всѣ, какъ выражался ея мужъ, „прожигатели“, они ее прекрасно поймутъ и оцѣнятъ, и съ ними она точно у пристани. Вѣдь сколько между этими мужчинами есть—самыхъ лучшихъ фамилій? Имъ мѣсто въ салонахъ здѣшняго „high-life“; а

они живутъ только въ своей кутильной компаніи, вотъ здѣсь, въ циркѣ, съ такими же дамами, любящими пожить, въ игорномъ домѣ, на пикникахъ, у цыганъ; надъ свѣтомъ они посмѣиваются, хотя и бываютъ въ немъ, по обязанности... И навѣрное, самые веселые, умные, острые, смѣлые—въ ихъ числѣ...

Зина захлопала штукѣ наѣздника, вскочившаго на крупъ лошади, на всемъ скаку. Его трико въ чешуйчатыхъ блесткахъ, гибкій станъ искрились передъ ней и наполняли ее этимъ новымъ для нея и радостнымъ чувствомъ своего освобожденія отъ всякихъ прежнихъ оковъ и узъ, страстей и недуговъ... Она ни за что̀ не повѣрила бы въ ту минуту, что съ нею могутъ случиться припадки... Какіе?.. Съ ней?.. Какой вздоръ! Щеки ея разгорѣлись, глаза блестѣли; она откинула на плечо шубу и высвободила совсѣмъ руки.

Шварцъ и Кремлевъ разомъ заглядѣлись на Зину; потомъ обмѣнялись усмѣшками.

Снѣткинъ наклонился къ нему и шепнулъ:

— Что?.. какова барыня?..

— Прелесть!—сказалъ Шварцъ.

— Прелесть!—повторилъ его другъ.

И оба захлопали наѣзднику.

Зина уже мечтала объ ужинѣ. Она непремѣнно будетъ ужинать, и эти господа должны ее угостить цыганами. Она потребуетъ, чтобы съ нея взяли ея часть. Отнынѣ она будетъ кутить по-мужски, платить за свою часть.

Но... одна дама и трое мужчинъ... А почему бы сегодня же не познакомиться съ той, avec la petite de Sniétkine?

Въ антрактѣ она спросила его:

— Elle n'y est pas?

— Non...

Было не мало дамъ въ ложахъ, въ креслахъ, и „порядочныхъ“, и „такихъ“; Зина „такихъ“ еще не особенно скоро различала и приняла одну барыню съ двумя гусарами за русскую кокотку.

— C'est tout comme!—замѣтилъ Снѣткинъ.

Зина почти потребовала, чтобы онъ добылъ свою Надю послѣ спектакля, одну или съ ея пріятельницей, непремѣнно!

Онъ было началъ возражать, но Зина распорядилась сама.

— Шварцъ,—приказала она обрадованному брюнету,—поѣзжайте туда, куда васъ пошлетъ Снѣткинъ, и привезите сейчасъ отвѣтъ.

— Почему же не я?—запросился Кремлевъ.

— Ступайте вы оба, это еще лучше; но одинъ тамъ останется, а другой вернется съ отвѣтомъ. Маршъ!..

Къ ней этотъ русскій, безцеремонный тонъ чрезвычайно шелъ. Всѣ мужчины засмѣялись разомъ, и Снѣткинъ, на ухо Шварцу, разсказалъ, въ чемъ дѣло. Надо было отыскать Надю и Машеньку и предложить имъ ѣхать на тройкѣ, въ „Самаркандъ", одному съ ними остаться, другому вернуться съ отвѣтомъ, или обоимъ, если тѣ упрутся.

— Не являться обоимъ!—погрозила Зина.

Въ перерывѣ для устройства сѣтки—должна была качаться подъ потолкомъ какая-то дѣвица—друзья ушли, оба чрезвычайно довольные; Зина начала разспрашивать Снѣткина почти о каждомъ мужчинѣ, въ ложахъ и креслахъ, кого онъ зналъ, и ихъ дамахъ. Выборъ—довольно большой, особенно для одной Зины. Снѣткинъ называлъ ей фамиліи, и это дѣлало ихъ ближе къ ней. Всматриваясь въ лица, въ жесты, въ манеру держаться, она замѣчала, что всѣ эти виверы гораздо проще, чѣмъ заграничные; въ нихъ мало рисовки, никто не позируетъ „pour le torce ou autre chose", какъ она сказала тутъ же Снѣткину.

— Такъ что вы нашъ человѣкъ на вѣки? — спросилъ Снѣткинъ.

— О, да!..

Ему все-таки надо было предупредить Зину насчетъ своей Нади. Та можетъ оказаться очень бурной. Потомъ, надо же было приготовиться и насчетъ Парменія Никитича...

Зина ничего не боялась. Что̀ бы ни вышло у цыганъ, она впередъ на все готова. Мужъ будетъ на раутѣ и можетъ сидѣть тамъ, сколько ему угодно. Если она явится домой въ два, даже и позднѣе, это—прекрасный опытъ на будущее время.

— Et voilà!—заключила она молодо и задорно.

Дѣвица вся въ трико тѣльнаго цвѣта, съ яркимъ бархатомъ вокругъ пояса, качалась на ужасной высотѣ. Зина взглянула на нее и безъ всякаго жуткаго чувства стала ею любоваться. Смѣлость этой акробатки сообщалась и ей. И она была бы способна такъ качаться на трапеціи, подъ потолкомъ.

Среди грома аплодисментовъ явился сіяющій Кремлевъ, одинъ, и односложно доложилъ:

— Улажено!

Онъ былъ еще менѣе щедръ на слова, чѣмъ его другъ.

Въ половинѣ пантомимы, Зина дала сигналъ къ отъѣзду. Было около одиннадцати. Ее тянуло на воздухъ въ снѣжную ночь. Она узнала отъ Кремлева, что „тѣ дамы" будутъ не раньше

двѣнадцати въ „Самаркандѣ", и потребовала цѣлый часъ кататься.

— Въ какихъ духахъ Надя?—спросилъ Снѣткинъ тихонько у пріятеля.

— Въ отличныхъ... И съ Машенькой—водой не разольешь!

— Про барыню умолчалъ, надѣюсь? Это сюрпризомъ надо.

— Еще бы!..

Зина прекратила это a parte въ сѣняхъ и услала Кремлева торопить сани.

III.

Изъ первой, главной, гостиной приносился гулъ голосовъ слѣва; справа, такой же гулъ изъ столовой, гдѣ, около буфета, было еще больше гостей. Въ дверь виднѣлся край стола съ пучкомъ свѣчей высокаго канделябра. Этотъ край обступила цѣлая стѣна мужчинъ. Подъ канделябромъ переливала разными цвѣтами глыба льду съ углубленіемъ по срединѣ. Туда метръ-д'отель безпрестанно вливалъ красноватую сладкую смѣсь двухъ винъ. Внизу, вокругъ глыбы, стояли лампочки съ цвѣтными рефлекторами. Онѣ и заставляли толщу льда переливать радугой.

Всѣ восхищались этой ледяной ступой. Напитокъ, хотя и не изъ первосортнаго шампанскаго, всѣмъ очень нравился. Нѣкоторые изъ мужчинъ протискивались съ стаканами и подставляли ихъ подъ разливательную ложку метръ-д'отеля. Дальше, въ глубинѣ довольно короткой столовой, шли разговоры; вдоль буфета стояли больше дамы. Военные въ густыхъ эполетахъ и пожилые штатскіе преобладали.

Проходная узковатая гостиная была почти пуста. Въ самомъ углу, подъ раскидистой латаніей, Рынинъ сидѣлъ противъ дамы, лѣтъ за сорокъ, полной, широколицей брюнетки, въ тяжеломъ платьѣ, темноватаго цвѣта, и въ наколкѣ съ цвѣтами. Ея маленькіе глаза, немного насмѣшливые и холодные, глядѣли на него пристально. При разговорѣ, ротъ ея шевелился отчетливо и голосъ, сдержаннаго звука, выходилъ изъ горла точно съ легкимъ скрипомъ.

Они сидѣли уже больше десяти минутъ.

Эту барыню ему давно хотѣлось разсмотрѣть. Онъ съ ней немножко притворился: ни однимъ словомъ не выдалъ оттѣнка своихъ взглядовъ. Барыня, не дальше какъ пять лѣтъ назадъ, держала вліятельный домъ, куда не легко было попасть.

Тогда ея ближайшіе друзья были у дѣлъ. Теперь она показывалась мало, но продолжала принимать пріятелей. Въ манерѣ

держать себя, въ тонѣ, осталась она та же; и то, и другое—какъ бы говорили: „я—въ тѣни, но это меня не смущаетъ".

Въ Рынинѣ она сейчасъ же почуяла военнаго, выжидающаго случая: пойти въ ходъ. Она говорила съ нимъ на извѣстномъ разстояніи, давая ему понять, что еще не такъ давно онъ многое бы далъ за то, чтобы попасть къ ней.

И онъ, слушая ея отчетливыя фразы и скрипучій звукъ ея голоса, про себя опредѣлялъ ее. Онъ не вѣрилъ въ ея „идею". Какія идеи могутъ быть у женщинъ? Просто, попала, по мужѣ, въ извѣстный кружокъ дѣльцовъ и карьеристовъ, потомъ, когда овдовѣла,—смекнула, что, заручившись бойкимъ, богатымъ и вліятельнымъ пріятелемъ, можно „проводить дѣла".

„Я тебя, матушка, вижу насквозь!"—думалъ онъ, взглядывая на нее исподлобья. „Ты — кулакъ и маклакъ. Боже избави отъ такой политической бабы! Тебѣ бы—въ концессіи нагрѣть руку, а то и прямо въ руку получить кушъ".

— Вы, я вижу, — сказала она ему съ сухой усмѣшкой,— удивлены, что здѣсь такъ много бываетъ?..—Она намекала на то, что хозяинъ вечера — „изъ бывшихъ" и его пѣсенка, вѣроятно, уже спѣта.

Рынинъ очень почтительно замѣтилъ ей, что это ему нравится. Стало быть, въ обществѣ есть хоть какая-нибудь самостоятельность. Да и, наконецъ, этотъ домъ продолжаетъ быть очень пріятнымъ именно потому, что сюда такъ много ѣздятъ; хозяйка держитъ свой салонъ замѣчательно.

— И, видите, цѣлый ледяной домъ устроенъ!—указалъ онъ на глыбу.

Она просвѣчивала сквозь толпу.

„Вы обѣ, голубушки,—продолжалъ думать Рынинъ, —локти кусаете, и больше вамъ ничего не осталось, какъ фразы сочинять и показывать свои люмьеры".

Ему забавно дѣлалось, что вотъ такая „жохъ-баба", и могла даже самое себя увѣрить въ своемъ патріотизмѣ и безкорыстныхъ государственныхъ идеяхъ.

Но и она не вѣрила его сдержанному тону. Она распознавала въ немъ одного изъ „нынѣшнихъ", и захотѣла ему показать, что ее провести не такъ легко.

— Вы изъ чающихъ воды?—спросила она его, и глаза ея зло моргнули.

— Какъ это?

Рынинъ точно будто не понялъ сразу; но краска выступила у него на щекахъ, оставшаяся незамѣтной въ полусвѣтѣ комнаты.

— Ждете очереди?

Игривый тонъ не шелъ къ ея широкой, сырой фигурѣ; но въ звукѣ голоса была немалая язва.

Нетрудно было Рынину и разсердиться, но онъ не желалъ не только показать, что она его задѣла, даже и внутренно почувствовать какую-нибудь обиду.

— Если хотите, да,—отвѣтилъ онъ просто.—Для каждаго, кто начинаетъ, Петербургъ—обязательная пріемная. Всѣ ждутъ! Однихъ пригласятъ въ кабинетъ сейчасъ же; другіе постоятъ и потерпятъ.

— Вы сюда ѣздите, стало быть, присмотрѣться къ... отставнымъ?—сказала она съ нѣкоторымъ усиліемъ.—А не правда ли, говорятъ все:—„въ Россіи нѣтъ никакихъ партій"? Это вздоръ! Развѣ и у насъ нѣтъ: la hausse et la baisse внутренней политики? Или вы, быть можетъ, не допускаете, чтобы въ Россіи было что-нибудь на западный образецъ? Теперь только и слышишь вездѣ: „намъ того не нужно, намъ этого не нужно, мы совсѣмъ не Европа, мы—Азія, и наше единственное призваніе—смотрѣть на востокъ". Вы не раздѣляете такого взгляда?

Она положила ногу-на-ногу и вызывающе посмотрѣла на него.

— Это слишкомъ мудреный вопросъ,—сказалъ онъ съ усмѣшкой.—Гдѣ же мнѣ его рѣшать? И сейчасъ же! Только мнѣ думается, что здѣсь, въ Петербургѣ, всѣ взгляды на Россію —что-то въ родѣ оптическаго обмана...

— Не новая мысль; но положимъ и такъ—откуда же смотрѣть на свое отечество? Непремѣнно изъ Москвы, со Страстного бульвара, или какъ, бишь, ее... эту улицу?.. Вы навѣрно тамъ бывали?

Рынинъ не подсказалъ ей улицы, и лицомъ своимъ далъ ей почувствовать, что онъ и скрываться отъ нея не желаетъ, да и картъ своихъ выкладывать — также.

Разговоръ пошелъ въ этомъ неискреннемъ направленіи. Они уже терпѣть не могли другъ друга, и ихъ глаза не лгали. Вдаваться въ споръ Рынинъ счелъ бы рискованнымъ. Хоть онъ не признавалъ за женщинами ни идей, ни настоящаго ума, онъ всегда боялся оказаться недостаточно начитаннымъ. А женщина, всякая, не то что ужъ такая проводительница дѣлъ, сейчасъ начнетъ дѣлать сноски, экзаменовать насчетъ авторовъ. У нихъ всегда есть время читать книжки и языковъ онѣ больше знаютъ.

Но эта напряженная бесѣда съ барыней вызвала въ немъ мысль о томъ, что вѣдь его жена, Зина, право, могла бы говорить то же самое, или противоположное, при небольшой дрессировкѣ. У него, Рынина, свой скептическій взглядъ на женскую

голову; не всѣ такъ смотрятъ. Вѣдь несомнѣнно, что такая вотъ „баба-жохъ“ играла роль, да и теперь еще денежныя дѣла не безвыгодно пускать черезъ нее. Да и она ли одна въ Петербургѣ? Мужчины слишкомъ стали дрянны; ничтожныя натуришки ищутъ преобладанія женщинъ. И вотъ такая барыня—безъ красоты, кое-чего начитавшаяся, съ нюхомъ, съ ловкостью и при видномъ мужѣ или другѣ, можетъ сплотить цѣлый кружокъ. Въ дѣлахъ это—все! Это и есть „русская партія“: другихъ у насъ нѣтъ.

Зина весьма неглупа, оригинальна, съ мужчинами умѣла и въ дѣвицахъ говорить находчиво и рѣзко. И, при ея наружности, тонѣ, туалетахъ, она могла бы быть блестящей хозяйкой вліятельной гостиной. Богъ дастъ, она поумнѣетъ, надоѣстъ ей жить такъ, какъ она теперь живетъ. Модничанье можетъ перейти въ высшее тщеславіе, хоть отъ скуки. А умничать онъ ей не дастъ.

Этотъ рядъ мыслей проходилъ въ его головѣ между фразами, которыя онъ выговаривалъ вслухъ, или какъ будто слушая свою собесѣдницу. Она, какъ личность, уже болѣе не интересовала его. Этотъ „фасонъ“ онъ уже зналъ, и такія точно мысли и фразы слышалъ отъ мужчинъ; только у всякой бабы выходитъ, какъ будто она это сама сочинила: до такой степени мужчины привыкли слышать отъ женщинъ одну болтовню.

— Къ себѣ я васъ не приглашаю,—сказала ему барыня, и встала съ мѣста.—Вамъ у меня будетъ.. не занимательно... Вы, я вижу, новый человѣкъ, а мои пріятели все больше—заштатные.

— Вы это говорите такимъ тономъ,—позволилъ себѣ остановить ее Рынинъ,—что думаете совсѣмъ по другому.

— Будто?

— И, быть можетъ, вы и правы. У насъ нельзя сказать, что всплываетъ опять на верхъ... Помните у Грибоѣдова...

„...знать, время не приспѣло,
„А что безъ нихъ не обойдется дѣло!“

Онъ не удержался отъ своего смѣха, сквозь зубы.

— Vous êtes méchant!—сказала ему барыня:—c'est bon pour la lutte.

И, съ довольно важнымъ поклономъ, удалилась.

Рынинъ подошелъ на минуту къ камину и облокотился о него. Мимо, изъ столовой въ большую гостиную и въ другую сторону проходили гости. Онъ спросилъ себя: не напрасно ли онъ немного посчитался съ той „бабой“? Вѣдь, кто ее знаетъ, она, можетъ быть, и очень пригодится. Кто знаетъ: и „бывшіе“, и тѣ, что „не у дѣлъ“, не всѣ, а одинъ, другой могутъ опять

очутиться „у дѣлъ“. Онъ тоже, въ эту минуту, въ домѣ одного изъ такихъ очутившихся „заштатными“, какъ называла барыня. Однако сколько народа сюда ѣздить, и всѣ почти безъ исключенія—служащіе. Вонъ сколько военныхъ; и штатскіе всѣ, до безбородыхъ молодыхъ лицъ, всѣ на службѣ. И летятъ они сюда ужъ, конечно, не затѣмъ, чтобы любовныя дѣла обдѣлывать. Если они и ухаживаютъ, такъ за пожилыми дамами или за старухами съ тономъ и вѣсомъ.

„Кто знаетъ!“—въ третій разъ повторилъ онъ мысленно, но все-таки не упрекнулъ себя въ безтактности или въ томъ, что слишкомъ показалъ свои карты этой барынѣ. Уже то, что она говорила съ нимъ на особый ладъ, вовсе не какъ съ первымъ попавшимся военнымъ молодыхъ лѣтъ, что-нибудь да значило. Она, стало, почуяла уже въ немъ кое-что побольше полковника, носившаго прежде бѣлую фуражку. Но и онъ, съ своей стороны, хорошо сдѣлалъ, что хоть и не вполнѣ, а показалъ ей, съ кѣмъ она разговаривала. Даже еслибъ и всплылъ опять кто-нибудь изъ ея пріятелей, нужды нѣтъ, это будетъ временная удача; будущее—за такими, какъ онъ.

И ему представлялась вотъ такая же квартира, еще обширнѣе. Весь этотъ людъ у него, на его субботахъ; ему уже подъ пятьдесятъ, онъ наверху своего поприща. Всѣ улыбаются, кланяются, жмутъ руку, поддакиваютъ всему, что̀ онъ скажетъ. Верхъ петербургскаго вліянія и власти!

Но такъ ли это соблазнительно? Полно, нужна ли ему вотъ такая свѣтская декорація, которая остается почти одинаковой у настоящаго „патрона“ и у бывшаго, находящагося „не у дѣлъ“?

Нѣтъ, онъ чувствовалъ равнодушіе собственно къ свѣтской обстановкѣ. Не на это положитъ онъ свою душу. Это только—неизбѣжный аксессуаръ, въ которомъ его Зина могла бы сослужить ему службу. Вѣдь онъ тогда, черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ, еще больше убѣдится въ ничтожествѣ и мелкотѣ окружающихъ, въ томъ, какъ они бродятъ безъ царя въ головѣ, здѣсь, въ этомъ Петербургѣ. Не это будетъ наполнять его высокимъ сладострастьемъ, а сознаніе своей силы, характера, идеи, ума. Или онъ ошибается, или онъ правъ въ пониманіи того, что̀ нужно его отечеству. Если не ошибается, и самое высшее вліяніе будетъ въ его рукахъ — какой еще побѣды, какого больше духовнаго наслажденія?..

За другими двумя военными, сталъ онъ протискиваться въ столовую. Хозяинъ, самъ въ мундирѣ, для приданія своимъ рау-

тамъ тона, весело говорилъ съ двумя пожилыми дамами. Безпечнѣе выраженія лица трудно было выбрать въ эту минуту.

Такимъ онъ, Рынинъ, конечно бы, не могъ или не съумѣлъ бы казаться, еслибъ онъ такъ споткнулся...

„Не дипломатія это,—думалъ онъ, — не сила воли; просто легкость нрава... Ему только бы гдѣ-нибудь и съ кѣмъ-нибудь поболтать“.

Жену его, хозяйку дома, оставшуюся въ гостиной, Рынинъ считалъ гораздо умнѣе и честолюбивѣе, опять-таки насколько можетъ быть умна женщина, на его взглядъ...

Къ хозяину надо было подойти. Онъ еще не успѣлъ этого сдѣлать. Да и тутъ, въ тѣснотѣ, не совсѣмъ было удобно. Тотъ его замѣтилъ, когда обернулся въ направленіи дверей. Рынинъ на полголовы былъ выше почти всѣхъ.

— Очень радъ! — приласкалъ его хозяинъ, и подалъ всю ладонь.

И въ этомъ звукѣ—Рынину такъ показалось—слышно было вниманіе къ человѣку, который пойдетъ и пригодится со временемъ.

— Будете въ нашемъ засѣданіи?—спросилъ онъ вдругъ Рынина, обернувшись къ нему опять, точно онъ сейчасъ вспомнилъ о чемъ-то.

Онъ предсѣдательствовалъ въ обществѣ, гдѣ Рынинъ считался очень свѣдущимъ по части порядковъ за Балканами.

Дамы овладѣли хозяиномъ. Рынинъ пробирался дальше. Знакомыхъ онъ находилъ очень мало. Отъ Петербурга онъ поотсталъ, а въ нѣкоторыя гостиныя и строевымъ офицеромъ не былъ вхожъ. Но весь этотъ „людъ“ (такъ онъ называлъ) ничего не прибавитъ ему, даже еслибъ онъ и со всѣми раскланивался, и вездѣ бывалъ. Теперь ему надо держаться двухъ-трехъ гостиныхъ —онъ знаетъ, какихъ.

Ужъ, конечно, не салона вонъ той старѣющей грѣшницы, проводящей зимы въ Петербургѣ, послѣ того, какъ она всѣмъ надоѣла за границей. Чтò онъ у нея забылъ? Какъ она ни пыжится, ни болтаетъ, ни собираетъ къ себѣ въ гостиную всякихъ „знаменитостей“, но ничего изъ этого не выходитъ.

„Спѣта, матушка, и твоя пѣсенка, спѣта!“ —говорилъ Рынинъ, поглядывая на нее съ того мѣста, куда онъ дошелъ наконецъ, и взялъ себѣ рюмку мадеры и сандвичъ.

До него долетѣлъ изъ толпы рѣзковатый голосъ той барыни. Она такъ и сыпала французскими фразами. Имена ея парижскихъ друзей то-и-дѣло выскакивали.

„Ладно, — проговорилъ онъ про себя, — мели безъ помолу! Какъ ты ни хлопотала объ этомъ, а тебя даже и за свѣтскую шпіонку перестали принимать за границей; ты бы и на томъ помирилась, только бы за что-нибудь принимали тебя“.

Не пойдетъ онъ и къ той, вонъ, толстухѣ, снѣдаемой то же жаждой общественной роли. Ее, какъ пушку, чѣмъ ни заряди, она противъ кого угодно выпалитъ! Двадцать лѣтъ мѣшала она свои любовныя дѣла съ благотворительными, отъ любовныхъ дѣлъ должна была, за негодностью, отказаться, да и какъ „dame-patronesse“ потеряла уже кредитъ, а все еще выпаливаетъ, чѣмъ ее ни заряди.

Такъ безцеремонно и зло раздумывалъ онъ, съ рюмкой въ рукахъ, среди гула и толкотни столовой, гдѣ сдѣлалось уже немного попросторнѣе. Нѣтъ, въ такія гостиныя онъ не будетъ ѣздить. Всѣ эти старыя грѣшницы, какъ онъ ихъ разумѣлъ, такія же „бонапартистки“, какъ и та княгиня, при которой состояла когда-то добровольной чтицей его жена. Изъ той же „военно-исправительной роты“, какъ онъ называлъ по-офицерски. Еслибъ онѣ сбросили съ себя и свой теперешній мундиръ оппозиціи и либеральныхъ идей, онъ бы и тогда не взялъ ихъ себѣ ни въ тётеньки по части карьеры, ни въ простыя исполнительницы.

Глаза его выбрали въ толпѣ длинную, худощавую фигуру иностраннаго дипломата, съ которымъ онъ былъ немного знакомъ. И къ нему онъ не станетъ ѣздить! Да не то что къ нему, да и къ болѣе дѣльнымъ, чѣмъ этотъ высохшій отставной красавецъ, торчащій у всѣхъ барынекъ легкихъ нравовъ. Ему особенно пріятно, что теперь вся эта братья не играла даже тутъ, въ Петербургѣ, никакой роли. Нечего передъ ними прыгать! Молодые люди, секретари, всякіе attaché, пускай себѣ остаются той же пустельгой. Это гораздо лучше, чѣмъ предательская дѣльность двоихъ-троихъ нѣмцевъ, черезъ-чуръ много знающихъ. И къ тѣмъ онъ заѣзжать не будетъ, хоть и знакомъ со всѣми.

Вотъ это хорошо, что передъ ними теперь не прыгаютъ. Къ дипломатіи, и къ чужой, и къ своей, у него было смѣшанное чувство пренебреженія и непріязни. Ненужная мебель, умишки, способные испортить всякое дѣло, гдѣ замѣшаны истинные интересы родины... И чужіе-то болтаются зря, когда не служатъ соглядатаями, даромъ получаютъ жалованье, отводятъ глаза отъ настоящихъ потребностей государства. Изъ всѣхъ дипломатовъ его лѣтъ, знавалъ онъ одного американца, — о нѣмцахъ Рынинъ не хотѣлъ и думать — дѣйствительно дѣльнаго; такъ тотъ смотритъ на всю Европу какъ

настоящій янки. Его отечеству ни тепло, ни холодно отъ того, чтò для русскаго патріота—дѣло первой важности...

У буфета стало еще просторнѣе. Рынинъ не хотѣлъ больше толкаться ни тутъ, ни въ большой гостиной. День его былъ черезъ-чуръ наполненъ. Онъ почувствовалъ утомленіе въ спинѣ и въ груди отъ визитовъ, съ длинными пріемами, отъ обѣда и раута. Ему теперь захотѣлось сбросить съ себя это петербургское дежурство. Да и слишкомъ много насмотрѣлся онъ, именно сегодня, на такихъ же „чающихъ", какъ и онъ самъ. Всѣхъ онъ, болѣе или менѣе, презиралъ, потому что не вѣрилъ въ нихъ, не признавалъ за ними ничего, кромѣ стремленія къ окладу. И бритыя лица, и съ бакенбардами, и бородатыя, въ вицмундирахъ, фракахъ, военныхъ кафтанахъ, въ аксельбантахъ и толстыхъ жилетахъ,—всѣ одинаково были ему прѣсны и безвкусны, подъ конецъ этого дня, такъ набитаго петербургской сутолокой.

И его никуда не тянуло, гдѣ бы онъ могъ отдаться какой-нибудь страсти или любимому развлеченію. Онъ не игралъ. Ему не нужно было пріятельской компаніи за веселымъ ужиномъ, ни кутежа съ женщинами.

И „очага" у него не было. Онъ живетъ въ разныхъ нумерахъ съ женой, точно два холостяка; она его не ждетъ, теперь должна уже быть въ постели. Ихъ брачная жизнь складывается такъ странно; такъ мало можетъ онъ считать себя мужемъ...

Его потянуло, однако, домой, въ холостой номеръ отеля. Изъ большой гостиной онъ, не прощаясь, вслѣдъ за нѣсколькими мужчинами, перешелъ, черезъ узкую комнатку, на лѣстницу. Спускался онъ позади двухъ господъ во фракахъ со звѣздами, изъ такихъ, которыхъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ называетъ „чинуши". Ихъ лица, походка, воротнички давали ему заключительную ноту всего дня, проведеннаго имъ въ каретѣ, въ пріемныхъ, въ дѣловыхъ кабинетахъ, столовыхъ и салонахъ.

Оба господина со звѣздами говорили о питьѣ въ ледяной ступѣ.

— Настоящее ли? — усомнился одинъ изъ нихъ, насчетъ вина.

— Красное, пополамъ съ голицынскимъ.

— Говорятъ, очень недурное вино... Я не пивалъ его такъ, просто, безъ примѣси.

— Дорого для русскаго шампанскаго!

Въ швейцарской разговоръ о голицынскомъ шампанскомъ смолкъ.

Рынинъ подумалъ: „смѣсь краснаго съ голицынскимъ"—вотъ петербургское „situation", которую онъ пожелалъ бы опредѣлить.

Было около часу, когда карета Рынина въѣхала подъ ворота Европейской гостинницы. Ночной швейцаръ впустилъ его.

— Моя жена вернулась?—спросилъ онъ.

— Ихъ ключъ наверху, — отвѣтилъ швейцаръ.—Тамъ дѣвушка...

Рынинъ поднялся въ коридоръ бель-этажа. Ему захотѣлось проститься съ Зиной, передъ уходомъ въ свой номеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ они въ Петербургѣ, онъ этого ни разу не дѣлалъ. Зина ложилась раньше его. Но тутъ онъ подумалъ, что, вѣроятно, она еще не легла. Можетъ быть, Снѣткинъ пилъ у нея чай.

Зина жила черезъ нѣсколько номеровъ отъ его помѣщенія. Онъ подошелъ къ номеру двадцать - шестому; внутри—свѣтъ въ передней и ключъ въ двери.

Въ передней—никого, и нѣтъ шубы на вѣшалкѣ.

— Wer da?—окликнулъ изъ боковой комнаты голосъ Милли.

— Ich,—отвѣтилъ онъ, удивленный.

Милли выскочила къ нему, немного заспанная. Барыня еще не возвращалась; уѣхала съ молодымъ господиномъ, тотчасъ послѣ обѣда. Докладывая объ этомъ, нѣмка начала путаться. Это его разсердило.

— Ну, хорошо!—не дослушалъ онъ ея и вошелъ въ гостиную, гдѣ догорала лампа.

Заглянулъ онъ мелькомъ въ спальню. Она была темная. Въ пальто и шапкѣ постоялъ онъ нѣсколько секундъ посрединѣ гостиной и вышелъ, сказалъ только горничной, чтобы вынесли лампу, иначе останется запахъ.

Къ себѣ онъ пришелъ нахмуренный. Человѣкъ его спалъ отдѣльно. Онъ за нимъ не сталъ посылать, сбросилъ съ себя мундиръ и въ панталонахъ и рубашкѣ долго ходилъ по первой комнатѣ, гораздо скромнѣе отдѣланной, чѣмъ у Зины.

Она, стало быть, ужинаетъ съ Снѣткинымъ... и съ тѣми двумя мальчишками, о которыхъ онъ говорилъ. Съ какой стати? Послѣ такой болѣзни, два мѣсяца послѣ смерти матери—причины Зининой болѣзни онъ не зналъ—и, вдругъ, накинуться сейчасъ на петербургское виверство, съ хлыщами... въ какомъ-нибудь кабакѣ?.. Ужъ не на островахъ ли, у цыганъ?..

Виноватъ самъ!.. Распустилъ, размякъ, во время ея тифа, въ Москвѣ. Его женѣ совсѣмъ ужъ не пристало попадать въ отдѣльные кабинеты...

Онъ такъ задумался, что проходилъ больше получаса. И какъ онъ не отговорилъ Зину и въ циркъ-то ѣхать со Снѣтки-

нымъ? Положимъ, настоящій трауръ она сама не пожелала носить, да и мало ее знаютъ въ городѣ; но все-таки это была непростительная слабость съ его стороны.

Не раздѣваясь, прилегъ онъ на кушетку, около столика, куда поставилъ свѣчу, и взялъ книгу. Сначала онъ читалъ довольно внимательно;—посмотрѣлъ на часы: прошло всего двадцать минутъ, уже безъ пяти два. Отель весь замеръ. Беззвучно чувствовался корридоръ, тамъ, за двойными дверьми комнаты и передней. Раздались глухіе шаги, мужскіе, тяжелые. И опять—все замерло.

Это жданье показалось Рынину унизительнымъ. Дѣло очевидное: они кутятъ, ужинаютъ; ему надо завтра быть у обѣдни въ одной домовой церкви, и онъ не желаетъ имѣть заспанный видъ.

Свѣчу перенесъ онъ въ спальню, скоро раздѣлся и легъ въ постель. Читать онъ больше не будетъ. Когда темнота обволокла его, Рынинъ повернулся къ стѣнѣ, тотчасъ же закрылъ вѣки и сталъ усиленно отгонять всякія тревожныя и непріятныя мысли.

Но сонъ не шелъ. Онъ пробовалъ даже начать считать: „разъ, два, три"—до ста. Совсѣмъ отлетѣлъ сонъ; слухъ все изощрялся. Онъ, противъ желанія, прислушивался къ тишинѣ отеля. Внизу два раза отворяли дверь. По лѣстницѣ поднимался кто-то, навѣрно вдвоемъ: мужчина съ дамой. Можно было различить женскій, молодой голосъ. Но Зина должна была пройти мимо его номера. Въ его сторону никто не проходилъ.

Такъ лежалъ онъ, по крайней мѣрѣ, полчаса. Недовольство собою зàново овладѣло имъ. Вся отвѣтственность за такую выходку жены лежала на немъ, на мужѣ.

Это обвиненіе „мужа" повело его мысль дальше. Его женитьба, въ первый разъ, въ эту ночь, представилась ему въ видѣ больше чѣмъ годового итога. Онъ — мужъ... Но развѣ у него, въ самомъ дѣлѣ, есть супружеская жизнь?

Никакой!.. Даже подобія того, чтò люди ищутъ въ бракѣ. Жена его не любитъ. Только силой добился онъ того, что она перестала ему выказывать отвращеніе. Съ самаго выздоровленія Зины, они живутъ какъ товарищи или, лучше, какъ компаньоны. Между ними—родъ перемирія, вовсе не миръ. Она поуспокоилась и, кажется, стала менѣе истеричной—и только. Ни къ чему онъ ее еще не пріучилъ серьезному. Да, сдается ему, и прежнее ея преклоненіе передъ стилемъ, свѣтскость заграничной gommeuse тоже уходитъ. Она можетъ сдѣлаться просто скучающей, кутящей барыней. Не даромъ она—родная дочь Мартына

Ногайцева. Кутежъ поведетъ за собой и распущенность. Подвернется какой-нибудь фатъ... тотъ же Снѣткинъ...

„Неужели,—продолжалъ допрашивать себя Рынинъ,—только на ея приданомъ женился я?.. Нѣтъ!“—чуть не вслухъ крикнулъ онъ.—„Это неправда!“... Онъ могъ найти себѣ партію, могъ выкупить свое Ширяево, взять въ Москвѣ невѣсту—простую, но строго держанную дѣвушку, хотя бы и купеческаго рода... Да и какой-же „родъ“ у Зины? Всѣ знали, что она—бывшая побочная дочь, уже взрослой дѣвушкой не имѣвшая имени... Зарвался онъ своимъ мужскимъ тщеславіемъ, захотѣлось пересилить „шальную бабенку“—показать себя какимъ-то героемъ изъ „Укрощенія строптивой“. Больше ничего и нѣтъ.

Никогда еще не спрашивалъ онъ себя съ такой ясностью головы и безстрастіемъ: какое у него чувство къ женѣ? Съ ея болѣзни, она не привлекаетъ его теперь и какъ женщина. Со стриженой головой она смотритъ мальчикомъ. Нѣжности онъ къ ней никогда не имѣлъ. Она не умѣетъ, да и не хочетъ тронуть его сердце; ни одного ласковаго слова не слыхалъ онъ отъ нея.

И все это онъ выносилъ и выносилъ, до сихъ поръ, добровольно.

Что же подъ этимъ? Вѣроятно, что-нибудь да есть. Будутъ ли дѣти?.. Врядъ ли... Съ этимъ онъ почти помирился.—Если не будутъ—къ чему же сведется совмѣстная жизнь? Но не самъ ли онъ виноватъ? Не слишкомъ ли онъ уходилъ, да и теперь уходитъ, въ свое мужское самообладаніе и спокойствіе, въ сознаніе превосходства надъ другими мужчинами!..

Приравнивать хоть немного Зину къ кому бы то ни было не пришло ему ни разу на умъ. И онъ совсѣмъ вѣдь не знаетъ, что̀ у нея на сердцѣ, такая ли она теперь, какая была въ Ширяевѣ.

Ему вспомнилось лицо князя Ряжскаго, его первый визитъ, то, какъ держала себя Зина, ея туалетъ въ тотъ день, когда они его ждали завтракать и обѣдать; особенный тонъ, какимъ она про него говорила, что̀-то такое, что̀ противорѣчило ея возбужденности. А въ его отсутствіе? Что тамъ было? Видались они или нѣтъ? Онъ у нея ни разу не спрашивалъ.

Пробило три часа. Рынинъ такъ сильно перевернулся въ постели, что она хрустнула. Кутежъ? До четвертаго часа! Онъ не хотѣлъ больше ждать ни одной минуты, но сонъ отлетѣлъ совсѣмъ.

Вотъ слышны шаги; да, это навѣрно она!.. Впереди кто-нибудь идетъ и несетъ свѣчу. Прислуга будетъ знать, что го-

спожа Рынина возвращается одна, послѣ барина, можетъ быть, еще съ провожатымъ... Да, мужской голосъ. Только не Снѣткинъ...

Еще немного—Рынинъ вскочилъ бы и сталъ одѣваться. Проходятъ мимо его двери...

На такомъ ужинѣ Зина, навѣрно, пила и шампанское, и любимые свои ликеры. Послѣ болѣзни она стала забывать свои „аглицкія“ привычки; но съ такимъ молодцомъ, какъ Снѣткинъ, онѣ могутъ вернуться.

Звуки шаговъ затихли въ нѣсколькихъ аршинахъ. Это—она.

Пойти къ ней сейчасъ? Сдѣлать сцену? Рынинъ отвѣтилъ: „Нѣтъ!... Завтра!“—И успокоился.

Идти просто, на правахъ мужа, онъ тоже не захотѣлъ. Ему не слѣдуетъ показывать ей, что онъ слѣдитъ, слушаетъ, дожидается ея возвращенія. Только такимъ пикникамъ онъ положитъ конецъ.

Щелкнулъ ключъ изнутри, очень звонко. Это заперлась Зина или ея нѣмка повернула такъ ключъ.

И ничего бы такого онъ не испытывалъ, если бы настоялъ на одномъ помѣщеніи, на одной спальнѣ, менѣе бы деликатничалъ съ ней, на томъ основаніи, что у нея былъ опасный тифъ.

Его порядочности она не оцѣнитъ и не пойметъ. Онъ для нея не что иное, какъ „roublard“—все то же слово, въ которомъ она сосредоточила, когда-то, всю его душевную жизнь. Слово это вырвалось у нея во время ихъ схватокъ въ деревнѣ. Оно ему было памятно еще въ Петергофѣ, гдѣ пустила его старая „бонапартистка“, княгиня Трубчевская, первая руководительница его жены, мастерица давать прозвища и проникать въ чужія души.

— Ну ее къ чорту!—выбранился вслухъ Рынинъ, когда въ его памяти всплыло лицо княгини. Онъ повернулся въ послѣдній разъ и сталъ засыпать.

IV.

Давно уже Зина не просыпалась съ тяжелой головой, послѣ ночнаго кутежа. За границей случались кутильные обѣды и ужины. Къ вину и ликерамъ она тамъ привыкла; но никогда не сидѣла она такъ долго за столомъ.

Какая дикая ночь! Совершенно петербургская! Ей и смѣшно, и немножко жутко перебирать въ головѣ своей всѣ эпизоды вчерашняго пикника. Она долго оставалась въ постели, ожидая

мигрени; но настоящая мигрень не являлась. И тяжесть головы начала немножно опадать, послѣ компресса изъ ароматическаго уксуса.

А вѣдь она-таки поужинала, въ „Самаркандѣ", съ русскими „irrégulières". Долго катались они втроемъ по островамъ; часовъ около двѣнадцати взяли наверху большой кабинетъ въ ресторанѣ; позваны были цыгане и заказанъ ужинъ. Потомъ пріѣхали „ces dames" съ провожатымъ. Ихъ все-таки Шварцъ предупредилъ. Когда онѣ входили, Снѣткинъ указалъ ей глазами на свою Надю. Она, блондинка, маленькая, широкая въ плечахъ, съ лицомъ красивой швеи, точно и теперь стоитъ передъ нею и смотритъ своими большими, странными, не то злыми, не то безумными глазами, въ такомъ же странномъ туалетѣ парижскаго, однако, покроя, вся въ лентахъ и разноцвѣтныхъ шу, перетянутая, съ полуоткрытыми руками, твердыми и бѣлыми, какъ у акробатки. Пріятельница ея—Машенька, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ наружностью молодой трагической актрисы; густыя брови, тонкій греческій носъ, сѣрые строговатые глаза: дѣйствительно, большая distinction. Обѣ онѣ сначала немного смутились. Разговоръ пошелъ по-русски, но Надя вставляла французскія слова. У Машеньки былъ особенный, провинціальный выговоръ, который Зинѣ еще не случалось слышать.

Цыгане пропѣли свои десять или пятнадцать пѣсенъ. Разносили шампанское. Обѣ пріятельницы сидѣли, все время пѣнія, довольно чопорно и больше шептались между собою или отвѣчали на короткія шутки Шварца и Кремлева. Машенька не смотрѣла тѣмъ, чтò она была. Надю трудно было принять за что-либо другое. Машенька ничего не пила. Надя еще до ужина выпила нѣсколько стакановъ шампанскаго съ сельтерской водой. Снѣткинъ, какъ только она пріѣхала, сталъ иначе держать себя: тихо улыбался, поглядывалъ на нее издали, раза два спросилъ Зину:

— Comment la trouvez-vous?

На что она ему всякій разъ отвѣчала:

— Mais très bien...

И Снѣткинъ жалъ ей руку съ чувствомъ. Онъ былъ сильно увлеченъ и терялъ обыкновенный тонъ, увѣренность, видимо побаивался своей Нади. Ей такъ забавна казалась любовь, въ лицѣ этого красиваго и умнаго малаго, влюбленнаго въ такую ординарную русскую кокотку. „Вотъ,—говорила она себѣ, глядя на нихъ обоихъ,—вѣдь и я была похожа на Снѣткина, когда терялась при князѣ Ряжскомъ, когда у меня туманилось въ

головѣ, я замирала и готова была броситься на него съ ножемъ за то, что онъ меня не взялъ за талью и не поцѣловалъ".

На мѣстѣ Снѣткина, она лучше выбрала бы одну изъ солистокъ-цыганокъ, ту въ особенности, про которую Шварцъ и Кремлевъ все ей разсказывали. Она по крайней мѣрѣ была своего рода знаменитость, еще съ остатками оригинальной красоты; правда, бѣлилась и румянилась, но вечеромъ, при свѣчахъ, это къ ней шло. Какая у нея изящная манера держать себя и прекрасный темный туалетъ съ гирляндой живыхъ цвѣтовъ, сбоку корсажа. Другая солистка—худая, отцвѣтшая дѣвушка, съ большимъ, породистымъ цыганскимъ лицомъ, говорила съ мужчинами такъ неглупо и порядочно, что Зина заинтересовалась ею и пожелала, чтобы обѣ цыганки были приглашены ужинать.

Удалился хоръ, вернулись старухи и попросили „на чай"; пришли назадъ и басы и попросили на что-то еще. За ужиномъ Надя вдругъ разошлась, стала дурачиться, передразнивать разныхъ русскихъ актрисъ и опереточныхъ пѣвицъ; съ полчаса была очень забавна, хоть и слишкомъ шумна. Цыганки сдержанно смѣялись; но за ними пришли—звать ихъ пѣть. Снѣткинъ взглядывалъ все на Зину, ища ея одобренія. Шварцъ и Кремлевъ хохотали. Машенька ничего не ѣла и почти ничего не пила. Надя вдругъ стала заставлять ее пить. Та не соглашалась... Тутъ и пошло!..

Присутствіе Зины Надя совсѣмъ забыла. Блѣдность щекъ и злые глаза показывали, что вино разобрало ее. Она начала говорить ужасныя вещи Машенькѣ. Та ударилась въ слезы. Снѣткинъ сталъ утѣшать. Это только подлило масла. Надя накинулась и на него—и полетѣли тутъ такіе возгласы, слова и выраженія, которыхъ Зина отъ роду не слыхала. Но она не испугалась. Она желала узнать, что̀ изъ этого выйдетъ, чѣмъ это можетъ кончиться. Шварцъ и Кремлевъ перестали улыбаться и сидѣли растерянные. Машенька зарыдала, съ ней сдѣлалась истерика. Ее отвели въ сосѣдній кабинетъ и положили на диванъ.

Снѣткинъ не зналъ, какъ ему разорваться, просилъ извиненія у Зины, предлагалъ ей сейчасъ же ѣхать, упрашивалъ Надю, хотѣлъ увести ее насильно внизъ, но она не шла и вдругъ крикнула ему на весь верхній этажъ ресторана:

— Я знаю, ты меня стращать будешь, что застрѣлишься. Отдай мнѣ револьверъ, слышишь?!

Зина сидѣла въ большой комнатѣ, гдѣ ужинали, и въ отворенную дверь видѣла и слышала то, что̀ происходило въ корридорѣ.

— Прикажете подать тройку?—спросилъ ее испуганно Кремлевъ.

Шварцъ хлопоталъ около Машеньки.

Она опять отказалась и все повторяла про себя:

— Чѣмъ же кончится?

Надя кинулась въ догонку за Снѣткинымъ и въ концѣ коридора схватила его за бортъ визитки. Зина подумала, что они подерутся. Они и стали какъ бы бороться. Снѣткинъ отталкивалъ ее. Надя шарила руками по его карманамъ и, наконецъ, выхватила изъ бокового кармана визитки небольшой револьверъ-бульдогъ, отскочила и крикнула:

— Ты меня не стращай больше! Гадость какая!

Зина помнила прекрасно, какъ она вбѣжала въ кабинетъ, прямо къ окну, отворила форточку и кинула въ нее револьверъ. Все это взяло не больше двухъ минутъ.

Снѣткинъ вбѣжалъ за нею, красный, пристыженный, и отъ сильнаго волненія почти упалъ на диванъ. Ему совѣстно было взглянуть на Зину. Но она засмѣялась, и этимъ смѣхомъ вызвала въ Надѣ, успѣвшей немного отрезвиться, рѣзкую перемѣну настроенія.

Надя подошла къ ней съ шутовской миной и, указывая на Снѣткина, сказала, какъ говорятъ бабы и горничныя:

— Матушка-барынька, мы оба безумненькіе, не обезсудьте насъ!

И тотчасъ побѣжала къ Машенькѣ, растормошила ее и привела опять ужинать. Та все еще глотала слезы и держала себя чопорно. И тутъ опять вышла сцена, во второй разъ ужаснѣе. Пришлось разнять обѣихъ пріятельницъ, и Зина хорошенько уже не могла вспомнить, какъ она очутилась въ тройкѣ. Она ѣхала одна со Шварцемъ; Снѣткинъ остался въ ресторанѣ усмирять Надю.

— Она его побьетъ!—говорилъ Шварцъ дорогой.—Ему не слѣдовало соглашаться—посылать за ней.

Шварцу было совѣстно за свою даму, но Зина успокоила его и, прощаясь съ нимъ у отеля, весело сказала:

— Je ne regrette rien!

Было уже около четырехъ часовъ.

Зина позвонила. Пора и вставать.

Голова совсѣмъ почти не тяжелая. Это ее порадовало; значитъ, въ самомъ дѣлѣ, ей прибавилось здоровья послѣ тифа? Но для цвѣта лица и свѣжести кожи нельзя себѣ позволять часто такіе пикники. Часто—нѣтъ, но отказываться—она ни отъ чего не будетъ.

И тутъ только она вспомнила о мужѣ. Вчера онъ вернулся раньше ея. Можетъ быть, справился у швейцара? Чтожъ! И прекрасно, если справлялся. Онъ могъ легко сообразить, что она поѣхала ужинать. Никакихъ особенныхъ разрѣшеній она у него спрашивать не будетъ. Къ этому пора пріучить, да онъ и самъ, кажется, начинаетъ понимать, что надо иначе устроиваться въ своей супружеской жизни. Этотъ ужинъ въ „Самаркандѣ“ можетъ послужить прекраснымъ предлогомъ для рѣшительнаго разговора.

Вошла Милли, все такая же бѣлая и краснощекая, съ роскошной грудью истой вѣнки, въ шелковомъ фартукѣ и свѣтло-сѣромъ платьѣ. Во время болѣзни Зины, она перепала въ лицѣ, не спала ночей, но скоро оправилась. Зина къ ней гораздо больше привязалась послѣ тифа и позволяла ей болтать съ собою. Прежнихъ окриковъ Милли уже не слыхала отъ нея.

У Милли Зина спросила о мужѣ. Онъ уѣхалъ рано; но приказалъ сказать, что будетъ къ завтраку „непремѣнно“.

„Желаетъ отчета и сдѣлаетъ нотацію“,—подумала Зина, когда умывалась. Завтракали они въ Петербургѣ очень рѣдко вдвоемъ. Парменій Никитичъ возвращался обыкновенно не раньше двухъ, мѣнялъ мундиръ на сюртукъ и отправлялся опять съ визитами.

Зина выпила чашку чая и тотчасъ занялась туалетомъ; она хотѣла послѣ завтрака ѣхать кататься. Кожа была желтѣе, чѣмъ всѣ эти дни, когда нѣжный цвѣтъ лица Зины замѣчалъ нѣсколько разъ и мужъ. И днемъ сохранялась моложавость отъ стриженой головы. Право, разъ въ недѣлю можно позволить себѣ „un petit baltazar“—какъ говаривала Сосѳ, но не больше.

Отъ своей кузины она, послѣ болѣзни, получила одно письмо изъ Америки и одно изъ Европы. Знала она, что старикъ Кунъ плохъ и вызывалъ дочь проститься съ собою. Очень можетъ быть, что на дняхъ Сосѳ нагрянетъ. Въ письмахъ ея Зина чувствовала что-то напускное, чего прежде не было. Она хитритъ и скрываетъ изъ самолюбія, изъ нежеланія сознаться, что сдѣлала великую глупость, выйдя, съ такими жертвами, за своего „растакуэра“.

Собственная глупость представилась Зинѣ въ эту минуту—она все еще оправляла на себѣ платье передъ зеркаломъ—гораздо сноснѣе. Быть женой иностранца, да еще Богъ вѣсть какого и откуда—большое неудобство. Только теперь Зина начала это сознавать, и сознаніе явилось само собою, послѣ житья вдвоемъ.—Она имъ была довольна.

Завтракать мужъ съ женой сходились въ салонѣ, гдѣ вчера

обѣдалъ съ Зиной Снѣткинъ. На этотъ разъ Зина сама рѣшила подождать Парменія Никитича и приказала доложить ему, какъ онъ только пріѣдетъ, что проситъ его кушать.

Въ половинѣ перваго Рынинъ вошелъ, въ мундирѣ. Онъ ѣздилъ къ кому-то представляться. На лицѣ его Зина ничего не прочла, кромѣ неопредѣленной усмѣшки; но то, что онъ не перемѣнилъ туалетъ, показывало ей ясно нетерпѣніе—разспросить поскорѣе, гдѣ она вчера была до такого поздняго часа.

Они пожали другъ другу руки. Такъ они здоровались уже нѣсколько мѣсяцевъ. Только разъ Рынинъ поцѣловалъ у нея руку, когда она начала оправляться и докторъ объявилъ, что опасность окончательно прошла. На глазахъ его она замѣтила тогда слезы, и это впервые заставило ее подумать, что онъ еще не очень жестокъ сердцемъ.

Изъ Петербурга онъ пріѣхалъ тотчасъ же и цѣлыхъ три недѣли находился при ней, вмѣстѣ съ Лукашинымъ и Милли. Болѣзнь и дала ровность ихъ тону.

Первая Зина спросила его, въ которомъ часу онъ вернулся и былъ ли онъ удивленъ, что она еще не возвратилась?

Рынинъ какъ будто ожидалъ такого хода со стороны Зины. Онъ отвѣтилъ, также вопросительной фразой:

— А вы, мой другъ, поздненько?

Разговоръ только при людяхъ шелъ у нихъ по-французски, да и то не всегда. Рынинъ пріучилъ Зину къ русской рѣчи и даже сталъ замѣчать, что она начинаетъ употреблять разныя слова жаргона.

Человѣкъ подалъ имъ и ушелъ.

— Я кутила,—начала Зина, подвигая къ себѣ блюдо котлетъ:—была въ „Самаркандѣ“, слушала цыганъ, ужинала... съ цыганками и даже...

Она остановилась и вскинула на него глазами.

— Съ кѣмъ, Боже мой?—тревожно спросилъ онъ.

— Avec des cocottes...

— Невозможно!

— De marque!—прибавила она все тѣмъ же шутливымъ тономъ.

— Вы дурачитесь?

Рынинъ, дѣйствительно, не хотѣлъ вѣрить.

— Серьезно, честное слово!

Онъ всталъ, съ салфеткой за воротникомъ.

Неужели Снѣткинъ позволилъ себѣ свести ее, жену Парменія Никитича, съ своей содержанкой?

Щеки Рынина побурѣли и пошли пятнами. Онъ присѣлъ опять къ столу и положилъ салфетку около тарелки.

— Vous plaisantez... Cela serait trop roide!

Французская фраза вырвалась у него при новомъ появленіи лакея.

— C'était bien drôle...

И она, во-первыхъ, выгородила своего пріятеля. Снѣткинъ и не думалъ предлагать ей знакомство съ своей Надей. Она сама потребовала этого, въ циркѣ; потребовала потому, что ей было весело и захотѣлось чего-нибудь новаго, въ русскомъ вкусѣ. Она получила больше, чѣмъ могла мечтать. Не давая ему говорить, Зина съ нѣкоторымъ даже актерскимъ талантомъ, какого онъ у нея не замѣчалъ, описала ему ужинъ, цыганъ, обѣихъ пріятельницъ—Надю и Машеньку, выходку Нади, истерику Машеньки, наконецъ бѣгство и возню въ корридорѣ и эпизодъ съ револьверомъ.

Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Что же это такое? Заговоръ противъ него? Весь этотъ безобразный кутежъ былъ устроенъ затѣмъ, чтобы имѣть поводъ къ разрыву?..

Такъ дѣло представилось Рынину, когда Зина остановилась и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за ѣду.

Не сразу нашелъ онъ слово. Но онъ уже приказалъ себѣ сдерживаться, не выдавать своего волненія.

— Ты теперь довольна?—спросилъ онъ шутливо, но губы у него дрогнули. — Это все программа, завѣщанная бонапартистками... Галлифе-Пурталесъ!..

— Почему это?—безпечно спросила Зина.

— А какъ же? Вѣдь это про бонапартистокъ ходилъ извѣстный разсказъ: какъ онѣ послѣ обѣда въ Café Fay—тѣ хоть съ мужьями были—захотѣли выйти на бульваръ et faire deux hommes... на пари.

— C'était crâne!—вскричала Зина.

— Такъ-то crâne,—продолжалъ Рынинъ, блѣдный,—что ихъ сейчасъ же сцапали два инспектора... знаете, такіе есть въ Парижѣ... pour les filles... И еслибъ не вмѣшательство мужей, ихъ отправили бы въ St.-Lazar... Ха, ха!

— Вы, душечка, кажется, сердитесь?—спросила Зина.

Это слово „душечка" она прежде никогда не употребляла, въ разговорахъ съ мужемъ. Рынину оно показалось съ особеннымъ значеніемъ. Оно было спокойно-пренебрежительное.

— Я не сержусь, мой другъ,—отвѣтилъ онъ и выпрямился,—но согласись: то, что ты себѣ позволила, выходитъ изъ предѣловъ. .

Зина жестомъ прервала его.

— Ахъ, полно, голубчикъ!—слово опять рѣзнуло его:—Ne fût-ce que comme ballon d'essai!

— Un ballon d'essai?—переспросилъ онъ.

— Ну да! какъ будто я не знала, что тебя это возмутитъ... Мнѣ захотѣлось — и я такъ сдѣлала!.. Je veux m'amuser... et rester femme honnête; вотъ моя программа. Она гораздо лучше, чѣмъ то, чтò мы видимъ въ свѣтѣ.

Рынинъ хотѣлъ возразить, но Зина продолжала все въ томъ же веселомъ тонѣ. Она предложила ему—теперь вотъ, въ Петербургѣ,—гдѣ у нея не будетъ такихъ „défaillances", какъ въ Ширяевѣ, жить пріятелями и не мѣшать другъ другу. Конечно, ему, человѣку, который дорожитъ своей репутаціей и добивается виднаго положенія, опасно было бы, если бы его жена рисковала публично себя компрометтировать. Но этого не будетъ. Про такой пикникъ, „un peu fantaisiste", самъ Снѣткинъ разсказывать не станетъ; а двумъ своимъ адъютантамъ она прикажетъ молчать. Да еслибъ кто изъ нихъ и проболтался, какое ей дѣло!

— Какъ какое дѣло?—уже строго перебилъ Рынинъ, на этотъ разъ не давъ ей договорить. Если не для него, то хоть для себя, она должна же знать, чтò допустимо и чтò отнимаетъ у женщины всякое обаяніе. И передъ кѣмъ такъ марать себя—передъ хлыщами-мальчишками?..

Рынинъ, когда кончалъ свою тираду, увидалъ передъ собою улыбающееся, и не ядовито, а весело, почти по-дѣтски, лицо жены своей... Это его изумило.

— Знать, чтò допустимо?—повторила она его фразу, и даже его голосомъ.—Allons donc, mon ami! какъ будто это легко для женщины? Мы всѣ немного сумасшедшія... И, право, если ужъ нужно было надо мной наблюдать, такъ не теперь.

Она сказала это съ веселымъ подмигиваніемъ и тихо разсмѣялась.

У Рынина мелькнула мысль: ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ его жена приходитъ въ разстройство? Дѣло возможное. Она—дочь своего отца.

Возражать серьезно онъ не сталъ и выжидалъ, чтò она дальше будетъ говорить.

— Ты, какъ всѣ мужья,—продолжала Зина:—узналъ бы послѣдній, что твоя жена...

Она немного остановилась, почти на полусловѣ:—Enfin, voilà l'histoire!..

И опять также весело, и даже съ бòльшими шутливыми подробностями, разсказала она ему свою деревенскую исторію: какъ налетѣлъ на нее un coup de passion къ князю Ряжскому, какъ она притворялась и какъ безумствовала. Свою поѣздку къ нему,

желаніе броситься на него, ночь въ Ширяевѣ, Москву, кладбище, все...

— Et bien, mon ami?—спросила она, когда кончила свой разсказъ:—qu'en dites-vous maintenant?

Рынинъ молчалъ.

— И вотъ видишь,—продолжала она по-русски:—тогда ты могъ бы бояться за меня... Но ты слишкомъ былъ занятъ своими дѣлами. Ты и не замѣтилъ. Я теперь здорова, и все съ меня слетѣло. И даже я выучилась говорить по-русски. Теперь для меня ни князь Ряжскій, да и никакой мужчина не опасенъ!..

Она встала. Поднялся и Рынинъ, и отошелъ къ камину. Онъ чувствовалъ, что проигралъ всѣ свои ходы. Это была не ширяевская сцена, въ гостиной и въ кабинетѣ, когда онъ пригнулъ ее къ креслу, удачно улучивъ минуту физическаго приниженія истерической женщины. И, въ самомъ дѣлѣ, она точно преобразилась. Тифъ освободилъ ее отъ припадковъ, отъ болѣзненной нервности. Она не злится, не шипитъ, не безумствуетъ; смѣется надъ собой, говоритъ товарищескимъ тономъ, предлагаетъ ему супружество, но не фиктивное, а такое, чтобы каждая половина вела свой образъ жизни. Вѣдь то, что она сейчасъ ему разсказала—была правда! Она могла это скрыть, и не захотѣла: значитъ, она не боится его; да не боится и себя, искренно рада, что не подпадетъ больше обаянію мужчины. Кто знаетъ? Но, по крайней мѣрѣ, онъ теперь предупрежденъ и долженъ быть благодаренъ судьбѣ, этому святошѣ-князю и натурѣ жены своей за то, что его миновалъ высшій срамъ, какой только мужчина переживаетъ въ званіи мужа.

Всѣ эти мысли быстро смѣнялись въ головѣ Рынина, и ихъ натискъ мѣшалъ ему сказать что-нибудь отъ себя такое, что давало бы заключительную ноту.

— Sans rancune!—Зина близко подошла къ нему.—Что было, то прошло. А теперь я вотъ что еще скажу, мой другъ: когда ты сдѣлаешься un haut dignitaire—я погляжу, какъ тогда будетъ; а пока, я хочу жить au jour le jour, au gré de ma fantaisie! Идетъ?—спросила она и протянула ему руку.

Ему ничего не оставалось больше, какъ протянуть и свою. Послѣ такой исповѣди, гдѣ не было, съ ея стороны, даже ни одного звука раскаянія за прошлое или извиненія передъ нимъ, законнымъ мужемъ, самое лучшее было ладить съ нею, положиться на ея натуру, для которой мужчина никогда не будетъ играть рѣшительной роли.

„А зачѣмъ тебѣ такая жена?"—спросилъ онъ себя въ эту минуту.—„Неужели одно упрямство дѣйствуетъ въ тебѣ?"

И ему сдѣлалось ее жалко. Она не возбуждала его чувственности, ему не нужно было ея состоянія, она не особенно льстила и его свѣтскому тщеславію, но развестись съ ней онъ не хочетъ, по своей волѣ. Еслибъ онъ не жалѣлъ ея, онъ не простилъ бы ей ни такой ея исповѣди, ни того, какъ она пересилила его сегодня. Его захватили врасплохъ, а ему всегда необходимо было подготовиться; онъ разсчитывалъ, что послѣднее слово останется за нимъ.

— Я хочу прокатиться,—сказала Зина:—у насъ сани или карета?

— Саней я не приказывалъ. Съ кѣмъ же ты поѣхала бы?

— Ахъ, Боже мой, одна! Или съ тобой! Мнѣ все равно.

Вошелъ человѣкъ съ депешей на подносѣ.

— Кому?—спросилъ его Рынинъ.

— Pour madame.

Зина уже схватила депешу и разорвала печать.

— Вотъ это мило! Cocò будетъ сегодня! Я не успѣю ее встрѣтить.

— Успѣешь, мой другъ; она изъ-за границы?..

— Да!

— Такъ, стало, съ варшавскимъ поѣздомъ. Онъ приходитъ въ шесть часовъ.

Эта депеша разомъ оборвала нить ихъ объясненія. Рынину нельзя уже было зà-ново начать его. Еще разъ онъ сказалъ себѣ: „да, меня она пересилила“, и еще разъ ему стало ее жалко.

Зина сейчасъ попросила его распорядиться насчетъ номера въ отелѣ. Cocò отмѣтила это въ своей телеграммѣ. Позвали оберъ-кельнера. Въ бель-этажѣ всѣ номера были заняты. Но въ отдѣленіи, съ подъѣздомъ на Большую Итальянскую, свободна цѣлая квартира изъ двухъ спаленъ, салона, передней и комнаты для горничной.

— Съ мужемъ она?—спросилъ Зину Рынинъ, уходя къ себѣ.

— Не знаю. Стоитъ въ депешѣ только: „Arrive aujourd'hui“.

— Значитъ, одна.

Они поглядѣли другъ на друга.

— Да ужъ онъ не бросилъ ли ее?—спросилъ Рынинъ.

— Не знаю!

Зина отвѣтила такъ, какъ будто она сама допускала этотъ фактъ.

— А я былъ бы радъ!

— Почему? Cocò—сама доброта!

— Не швыряй такъ бракомъ: точно пару туфель съ ногъ

долой; одинъ мужъ не нравится—прочь его, другого, выписного попробуемъ! Онъ ее и пуститъ въ трубу, послѣ смерти старика-отца.

И Рынинъ громко затворилъ за собой дверь. Шпоры его зазвучали сильнѣе по полу передней и корридора.

Съ депешей въ рукахъ, Зина стояла посреди комнаты, откуда прислуга еще не прибрала стола съ приборами. Она думала о Сосѐ, о ея судьбѣ и о своей теперешней жизни...

Кто выигралъ, кто проигралъ? Въ Ширяевѣ она была такъ несчастна; а теперь, кажется, добилась своего и начинаетъ находить то, что̀ люди называютъ, и по-французски, и по-русски, „своей тарелкой".

У Сосѐ, въ ея помѣщеніи, съ ногами на большомъ турецкомъ диванѣ, послѣ поздняго обѣда—Рынинъ не участвовалъ въ немъ—сидѣли онѣ и курили.

Зина, еще на вокзалѣ желѣзной дороги, нашла въ своей шумной и рьяной кузинѣ что̀-то не то. Софья Германовна, сейчасъ же послѣ объятій и слезъ — это было въ ея натурѣ — въ каретѣ, кинула нѣсколько словъ объ отцѣ, его болѣзни, боязни не застать его въ живыхъ въ Москвѣ—но три дня она согласна была провести съ Зиной!—начала допрашивать кузину, какъ она живетъ, счастлива или нѣтъ, не нужна ли ей поддержка ея вѣрной Сосѐ, которую она совсѣмъ забыла; потомъ расплакалась она по поводу тяжелой болѣзни Зины, и опять попеняла за то, что извѣстіе объ этомъ пришло къ ней не прямо отъ Рыниныхъ,—черезъ доктора Лукашина. По-дѣтски разсмѣялась она вдругъ, обнимая въ каретѣ Зину, и повторяла:

— Ты жива и здорова! Voilà qui est tout!

О себѣ, своихъ планахъ, дѣлахъ, а главное, о своемъ мужѣ, ни слова. На вопросъ Зины:

— А мужъ твой гдѣ?

Сосѐ отвѣтила вскользь:

— Онъ остался тамъ... И даже не прибавила, гдѣ—„тамъ".

— Parlons de toi d'abord.

Эту фразу она повторила нѣсколько разъ, по дорогѣ въ отель.

Хоть и въ полусвѣтѣ вокзала и потомъ кареты, Зина разглядѣла ее достаточно. Сосѐ похудѣла во всемъ тѣлѣ, какъ-то вся ссохлась, потемнѣла въ лицѣ, стала говорить хриплымъ голосомъ, отрывисто, безъ прежней яркости звуковъ; только картавость ея осталась все та же. И въ туалетѣ замѣтно было нѣчто новое. Прежняя законченность и строгость стиля куда-то ушли,

Зимнее пальто, шляпа и муфта, разныя мелочи дорожнаго костюма были слишкомъ скромны для Сосѳ.

Нѣсколько разъ она вставляла въ свои вопросительныя фразы, обращенныя къ Зинѣ, возгласъ:

— Il faut faire des économies!..

Такъ, въ отрывочныхъ разговорахъ, доѣхали онѣ до отеля. За обѣдомъ, Сосѳ — пеньюаръ, надѣтый ею, тоже не поражалъ чѣмъ-нибудь особенно новымъ—то вздыхала, то бросалась цѣловать Зину, то разсказывала, безъ всякой связи, про разныя сцены въ Америкѣ, про знакомства въ Лондонѣ, Ниццѣ, Монако.

— Вы играли?—спросила ее Зина, при словѣ „Монако".

Сосѳ точно не разслыхала вопроса и понеслась дальше; но тонъ ея, къ которому Зина привыкла, какъ къ покрою ея платьевъ и запаху духовъ, былъ не прежній. И это тревожило Зину. Въ ней всплыла къ Сосѳ старая дѣвичья дружба и сознаніе своего превосходства. Одного часа сегодняшней бесѣды довольно было, чтобы это превосходство перешло въ другое, новое чувство, гораздо мягче, теплѣе и спокойнѣе. Сосѳ казалась ей теперь еще болѣе „маленькой", чѣмъ прежде, скорѣе птицей, чѣмъ человѣкомъ, существомъ, на которое она, Зина, не въ состояніи уже была ни сердиться, ни кричать, какъ, бывало, за границей или въ Петергофѣ.

Послѣ обѣда, обѣ сѣли съ ногами на диванъ и закурили. Сосѳ прильнула къ плечу Зины и заплакала, не такъ, какъ при встрѣчѣ и въ каретѣ, тихо, точно крадучись, скрывая слезы. Зина обняла ее, поцѣловала въ лобъ и тономъ старшей, мягко и авторитетно, сказала ей по-русски:

— Сосѳ, ты поймалась!

— Comment?

Сосѳ какъ будто не дослышала. Зина повторила свое слово. Разговоръ пошелъ и дальше по-русски, какъ и прежде бывало, когда онѣ оставались вдвоемъ; теперь Зина уже бойко владѣла рѣчью; у Сосѳ безпрестанно недоставало словъ, и она затыкала эти остановки всякими иностранными словами.

— Онъ тебя бросилъ, или ты его?

— О, нѣтъ!—закричала Сосѳ, выпрямилась и даже перекрестилась.—Клянусь тебѣ!

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Ничего, ничего!

— Какъ ничего?

Но вмѣсто того, чтобы, какъ бывало когда-то, приструнить ее, Зина опять привлекла ее къ себѣ подъ плечо и поцѣловала

въ темя, продолжительно. Отъ этого поцѣлуя Сосо разомлѣла и уже не старалась глотать слезы.

Зина узнала то, что предчувствовала. Мужъ еще не бросилъ Сосо, но она сама не знала, что ей дѣлать и какъ ей быть.

— Я не могу его любить! Не могу! — повторяла она, двигаясь своимъ маленькимъ, красивымъ тѣломъ по обширному дивану.—C'est plus fort que moi! Ты меня знаешь—я за честность. La franchise avant tout; чтобы настоящая... real affection! И я всегда была за свободную любовь...

— Ну, онъ ее и показалъ тебѣ — свободную любовь, — съ тихимъ смѣхомъ добавила Зина.

— Послушай!

Сосо поднялась на этотъ разъ съ бывалой своей стремительностью.

— Сейчасъ послѣ свадьбы я ему говорила: „Archibald, ne me trompe pas. Больше ничего. Разлюбилъ—скажи“. Но такъ! Это хуже вышло, чѣмъ у Ожиговыхъ, ты помнишь, тамъ у насъ!

Она было хотѣла, въ подробностяхъ, нарисовать Зинѣ картину грязныхъ невѣрностей своего „растакуэра“ (теперь и она его такъ называла), но объявила, что это ниже ея достоинства. Какъ скоро обманъ, ложь, „la débauche clandestine“—любви нѣтъ, брака нѣтъ! И мужъ пересталъ для нея существовать.

— И прекрасно!—вырвалось у Зины.—Брось его, разведись. Онъ иностранецъ. Вы вѣнчались за границей.

Сосо вдругъ смолкла. Зина почуяла что-то иное и сразу угадала что:

— Онъ тебя обобралъ, —сказала она увѣренно. — Не отпирайся...

— La question d'argent, c'est la moindre des choses.

— Ta-ta-ta, ma chérie,—остановила Зина,— не говори пустяковъ! Въ этомъ все дѣло. Если ты не удержала въ своихъ рукахъ состоянія, ты — ничто! Знай это! И со всѣми, даже и съ честными людьми, не то, что... съ твоимъ... извини меня, авантюристомъ...

Послѣ паузы—Сосо сдѣлала надъ собой усиліе—полились новыя признанія, уже по денежной части...

Зина узнала, что мужъ Сосо успѣлъ получить отъ нея полную довѣренность, игралъ на биржѣ вездѣ, гдѣ могъ, и въ Лондонѣ, и въ Нью-Іоркѣ, и въ Парижѣ; и тутъ обманывалъ ее, какъ и „sur l'article des femmes“, обманывалъ грубо, какъ глупую дѣвчонку. А она, въ своемъ ослѣпленіи,—всему вѣрила.

— Je gobais tout cela comme une vraie oie!—закричала Cocô и даже разсмѣялась истерическимъ смѣхомъ.

— Не убивайся!—сказала ей Зина:—и не одна ты дѣлала глупости.

Послѣ биржевой пошла и просто азартная игра. Въ Монако спустили они до ста тысячъ, и когда Cocô охладѣла къ этому „saligot“, потребовала отъ него отчета, двѣ трети ея состоянія не существовали. А чтобъ спасти остальную треть — довѣренность она только теперь уничтожила—надо просить „бѣднаго, бѣднаго отца“—Cocô опять всплакнула:—поддержать ее своимъ кредитомъ, иначе и оставшіяся бумаги придется продать со страшнымъ убыткомъ или сейчасъ же заплатить „la différence“, наличными.

Разсказавъ о денежныхъ потеряхъ, Cocô задорно спросила:

— C'est du prorpre, hein?..

И опять истерически разсмѣялась. Но не денегъ ей было жаль, а своей любви—Зина должна же понять ее—любви, которой она принесла столько жертвъ.

Зина остановила ее и начала тихо, почти нѣжно, но настойчиво доказывать ей, что любовь тутъ ни-при-чемъ. Ей понравился „растакуэръ“, прельстилъ ее своими сьютами, панталонами и жилетами; — больше ничего въ немъ она никогда не видала. Чѣмъ скорѣе произошло просвѣтлѣніе, тѣмъ лучше. Но потеря состоянія для нея, Cocô, хуже смерти. Только съ большими деньгами можетъ она исполнять свои прихоти, а прихоти у нея всегда будутъ: такой она сойдетъ и въ могилу. Надо ей поскорѣе ѣхать въ Москву и, рискуя огорчить отца, просить его о поддержкѣ. Она это сдѣлаетъ и скажетъ спасибо Зинѣ за то, что та настаиваетъ теперь на энергическихъ дѣйствіяхъ.

— Oui, oui, tu as raison, — шопотомъ, какъ дѣвочка, повторяла Cocô, все еще лежа головой на плечѣ Зины.

— А гдѣ же этотъ joli cocô?

Вопросъ Зиной былъ сдѣланъ въ такомъ тонѣ, что Cocô расхохоталась уже веселымъ, неудержимымъ хохотомъ, вскочила съ дивана и забѣгала по комнатѣ.

— Joli coco! C'est ça!..

„Joli coco“ остался въ Швейцаріи, у своихъ, будто бы, родственниковъ. Передъ отъѣздомъ она ему объявила, что больше женой его себя не считаетъ.

— Ты ему предложила разводъ?—опять серьезно спросила Зина.

— А то какъ же? Ты сама мнѣ сейчасъ говорила.

— Да, но такой душка даромъ не уйдетъ. Il t'a demandé une somme?..

— Précisément!—все такъ же весело вскрикнула Сосо.

— Combien?

— Deux cent mille francs!

— Matin!—вырвалось у Зины. Она задумалась, а Сосо взяла новую папиросу и прилегла опять около нея.

— Qu'en dis-tu?—уже съ безпокойствомъ спросила она.

— Послушай, Сосо,—начала Зина тихо, и голосъ ея слегка вздрогнулъ:—я тебѣ говорила о разводѣ—забудь мои слова! Не нужно тебѣ разводиться.

— Je ne puis supporter le mensonge!

— Погоди. Никто тебя не заставляетъ жить съ человѣкомъ, который мѣняетъ тебя на разныхъ drôlesses и воруетъ твои деньги. Но, если ты разведешься, тебя опять потянетъ туда же. Ne dis pas non, Soso.

— Je ne sais pas,—прошептала Софья Германовна.

— Потянетъ! Останься въ Россіи, при отцѣ, ну, хоть полгода... А тамъ живи, гдѣ хочешь; но останься замужемъ.

— Я не хочу носить его имени!

— Носи свое, дѣвичье...

— Но онъ принудитъ меня. У насъ контрактъ.

По контракту—напомнила Сосо Зинѣ—мужъ выговорилъ себѣ капиталъ, а ея деньги онъ проигралъ по ея же полной довѣренности.

— C'est une impasse!—закричала Сосо, и точно тутъ только поняла всю безвыходность своего положенія.

— Тогда откупись отъ него и живи, въ первое время, здѣсь.

— Il va me relancer jusqu'-ici!..

На это Зина ей отвѣтила, что отсюда можно его и выслать. И первый—ея мужъ, Рынинъ, похлопочетъ о высылкѣ такого „душки“.

Сосо притихла. Ея кузина наклонила надъ ней голову, та начала у нея на колѣняхъ плакать, и долго, долго, въ полутемной комнатѣ съ тлѣющимися угольями камина, чуть слышно раздавался ея низкій голосъ.

Она не изливалась передъ Сосо въ своихъ недавнихъ душевныхъ испытаніяхъ и говорила ей, точно мать или нѣжная старшая сестра, про то, какъ пора бросить эту блажь, ловлю мужчинъ, увлеченія, гдѣ все отзывается рабствомъ и безуміемъ, а брать жизнь въ томъ, что̀ она даетъ сегодня, и завтра, и послѣ-завтра, замужемъ или въ разводѣ; держаться за одну сво-

боду, за свободу отъ мужчины, отъ страсти или каприза, все равно.

Говоря эти тихія, материнскія слова, Зина сама себя провѣряла, и внутри у нея становилось такъ покойно и такую новую увѣренность пріобрѣтала она въ самой себѣ. Она—не Coco! Она застрахована.

— Ты слушаешь меня, дитя мое?—спросила она, растроганная собственными увѣщаніями.

— Oui, oui, Zina chérie!—пробормотала Coco и стихла.

Зина нагнулась ниже, чтобы разглядѣть лицо кузины.

Coco заснула, младенчески, подложивъ все еще пухлую ручку подъ похудѣлую щеку.

V.

Въ ресторанѣ, куда Парменій Никитичъ обѣщался губернатору пріѣхать къ завтраку, было еще очень пусто.

При входѣ, татаринъ-мальчикъ бросился снимать съ него шинель. Изъ-за буфета глядѣло сонное лицо одного изъ хозяевъ, въ усахъ. Главный хозяинъ похаживалъ вдоль обѣихъ бѣлыхъ комнатъ болѣзненной походкой, въ темныхъ туфляхъ; „шефъ", въ курткѣ и беретѣ, молодой, высокій брюнетъ, подошелъ къ Рынину съ карточкой.

Рынинъ сказалъ, что подождетъ заказывать и сталъ закусывать у буфета.

Утро случилось сѣрое, снѣжное. Ресторанъ смотрѣлъ уныло. Рынинъ давно тутъ не былъ, такъ давно, что и забылъ даже когда, едва ли больше одного раза, по возвращеніи изъ своей заграничной службы. Бѣлыя пыльныя стѣны, старая люстра, старые лакеи, татары, тѣсная стойка, круглый столъ, на который кладутъ верхнее пальто —говорили про плохія времена. Ресторанъ доживалъ свой вѣкъ.

Въ глубинѣ второй комнаты завтракало двое господъ, въ одиночку, съ газетами въ рукахъ. Передъ каждымъ стояла свѣча. Высокіе бронзовые шандалы и бѣлесоватое пламя свѣчъ придавали еще болѣе унынія ресторану.

Рынинъ выпилъ водки, положилъ себѣ икры на тарелочку и сѣлъ къ столу, въ первой комнатѣ, у окна.

Было время, не такъ давно, когда и онъ кучивалъ тамъ, наверху, въ отдѣльныхъ кабинетахъ. Никогда ему не было весело, а любилъ онъ только бѣсить француженокъ, брать дерзостью и

злобными выходками мужчины. Много денегъ онъ не спустилъ: у него ихъ не было, и врядъ ли онъ даже состоялъ когда-нибудь должнымъ „по счету“.

Одинъ изъ хозяевъ, съ унылымъ усатымъ лицомъ, подошелъ къ нему; онъ его узналъ.

Рынину захотѣлось спросить, былъ ли у него счетъ въ ресторанѣ. Французъ подумалъ и отвѣчалъ по-русски съ лѣнивой усмѣшкой:

— Никакъ нѣтъ!.. Ничего!..

Прошелъ мимо Рынина высокій мужчина, очень узко-одѣтый, по заграничному, въ короткой визиткѣ, широко разставляя ноги.

— Андреяновъ!—окликнулъ Рынинъ.

Тотъ обернулся.

— Давно ли въ отставкѣ?

— Третій годъ,—отвѣтилъ Андреяновъ, сильно картавя.

Рынинъ съ трудомъ узналъ его: слылъ красавцемъ во всей дивизіи, а теперь зеленый, со впалыми щеками, глаза тусклые, смотритъ „штафиркой“, какъ они, бывало, называли въ полку. Послѣ строевой службы состоялъ адъютантомъ при такомъ лицѣ, что могъ бы быстро пойти, былъ уже, кажется, полковникъ...

— Перешли въ штатскую?

— Въ отставкѣ.

— Чѣмъ же занимаетесь?

— Дѣлишками. Хочу, вотъ, въ Морской парикмахерскую открыть. Parole!..

Они пожали другъ другу руку. Тонъ у Андреянова всегда былъ тонъ благёра; но Рынинъ не хотѣлъ допытываться, серьезно онъ говоритъ, или нѣтъ. Онъ видѣлъ только, что изъ такого малаго ничего уже не выйдетъ. И безъ всякой злобы онъ порадовался этому. Сдѣлай онъ карьеру—и было бы одною пустельгою больше, среди его будущихъ сверстниковъ по службѣ. Пора положить конецъ системѣ набиранія администраторовъ вотъ здѣсь, въ ресторанѣ, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка.

Дверь изъ сѣней шумно растворилась. Въ буфетную ввалилась широкая мужская фигура и за ней еще двое: одинъ высокій брюнетъ, другой—пухлый блондинъ.

Снѣткинъ велъ съ собою обоихъ адъютантовъ Зинаиды Мартыновны, Шварца и Кремлева. Онъ первый замѣтилъ голову Рынина изъ-за косяка, гдѣ висѣло длинное зеркало.

— Мужъ!—шепнулъ онъ пріятелямъ.—Ну, братцы, держать ухо востро̀!

Оба друга кинули по одному быстрому взгляду на военнаго, доѣдавшаго свою икру на блюдечкѣ, и потомъ переглянулись между собой.

— Сурьезный мужчина,—сказалъ шопотомъ Шварцъ.

— Сурьезный,—отвѣтилъ Кремлевъ.

— То-то!

Окрикъ Снѣткина былъ веселый, но ему самому не совсѣмъ ловко было при видѣ мужа Зины. Послѣ пикника онъ у нея былъ, но не засталъ ея. Вѣроятно, Рынинъ сдѣлалъ ей сцену; должна же она была сказать ему, откуда пріѣхала въ три часа ночи. Можетъ быть, она и про исторію съ Надей разсказала. Болѣе чѣмъ вѣроятно...

Всѣ трое поспѣшно и тихо сняли свои пальто, съ помощью прислуги. Впереди пошелъ Снѣткинъ. Надо было представить Рынину обоихъ молодыхъ людей.

Всѣ трое подошли къ его столу.

— Вотъ, Рынинъ,—громко заговорилъ Снѣткинъ,—два образчика особой породы, des bons jeunes hommes.

Рынинъ привсталъ и подалъ руку обоимъ друзьямъ, сказавши имъ вмѣстѣ:

— Весьма радъ.

На лицѣ его они ничего не прочли и, видя, что ему хочется придержать Снѣткина, скромно ретировались, одинъ за другимъ, къ столу, въ дальней комнатѣ, къ тому, гдѣ уже сидѣлъ Андреяновъ. Онъ былъ изъ ихъ постоянной компаніи.

— Ты меня распекать начнешь?—тихо спросилъ Снѣткинъ, присаживаясь.—Да? За субботу? Я ей-Богу не...

— Знаю,—остановилъ его Рынинъ.—Тебѣ, любезный другъ, все-таки не слѣдовало соглашаться. Зина жила за границей, на полной волѣ. Для нея все ни почемъ; но ты долженъ былъ подумать о томъ, что мы въ Петербургѣ.

— Кому ты говоришь?!

— Пожалуйста, чтобы въ другой разъ этого не было.

— Слушаю, ваше высокородіе!

По глазамъ Рынина Снѣткинъ замѣтилъ, что тотъ знаетъ и про исторіи. Это его огорчило за Зину. Что за малодушіе! Какое же это товарищество! Или, быть можетъ, она представила все это въ смѣшномъ видѣ?

— Я предупреждалъ Зинаиду Мартыновну,—заговорилъ онъ серьезнымъ тономъ,—что отъ моей Нади можно всего ждать.

— А отъ тебя?—особеннымъ тономъ спросилъ Рынинъ и пристально поглядѣлъ на Снѣткина.

— Въ какомъ смыслѣ?

Рынинъ продолжалъ смотрѣть на него такъ же пристально, безъ злобы, безъ ироніи и не пренебрежительно. Ему этого хлыща сдѣлалось жалко не совсѣмъ такъ, какъ недавно Зину, а въ родѣ того.

— Послушай, Снѣткинъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, можешь заврваться... и кончить...

— Могу, могу,—торопливо отвѣтилъ Снѣткинъ.

— Да брось ты всю эту, извини меня, ёрническую жизнь... Маклачество, разныхъ дѣвчонокъ... Иди служить со мной!

— Тра-та-та!.. Нашелъ, чѣмъ ловить! Нѣтъ, голубчикъ! Извиняюсь еще разъ передъ Зинаидой Мартыновной. Я буду у нея сегодня же и паду къ ея ножкамъ. А службой я не прельщусь... Тебѣ желаю всякихъ успѣховъ!..

Онъ убѣжалъ отъ Рынина, пріятельски дѣлая ему ручкой.

Брынцевъ опоздалъ, въ чемъ слегка извинился. Онъ былъ въ новой формѣ, дѣлалъ оффиціальные прощальные визиты, страшно проголодался и долго закусывалъ у буфета...

Когда онъ сѣлъ противъ Рынина и они, вмѣстѣ съ шефомъ, обсудили завтракъ, Брынцевъ положилъ оба локтя на столъ, весь потянулся и громко вздохнулъ.

— Ѣздилъ на поклонъ къ принципалу? — спросилъ его Рынинъ.

Онъ смотрѣлъ на красивое лицо Брынцева, его съуженный черепъ, подстриженную черную бороду, тонкій носъ, его впалые глаза съ блескомъ и легкую просѣдь. Мундиръ сидѣлъ на немъ нѣсколько мѣшковато и грудь покрывало еще больше всякихъ знаковъ отличія, чѣмъ было у Рынина, считая съ иностранными.

— Съ плечъ долой, послѣ-завтра—вонъ! Глупое это петербургское бѣганье на кордѣ!..

Этого Брынцева Рынинъ считалъ краснобаемъ и склоннымъ къ рисовкѣ, но неглупымъ и вообще способнымъ. Своихъ идей онъ въ немъ не признавалъ. Гляля на него, онъ подумалъ, въ ту минуту:

„Вотъ вѣдь онъ у дѣлъ и пойдетъ ходче моего; быть можетъ, очутишься подчиненнымъ его“.

Оба были военные, если не въ равныхъ чинахъ, то въ близкихъ: одинъ—полковникъ, другой—генералъ-маіоръ, числящійся по арміи. Войди сейчасъ въ ресторанъ свѣжій человѣкъ, Брынцевъ—генералъ какъ генералъ, какихъ десятки, сотни. Онъ моложавъ на видъ, да и не старъ: ему не больше сорока-шести лѣтъ!..

А онъ—Рынинъ—все-таки чувствуетъ въ немъ что-то особенное. Передъ нимъ сидитъ начальникъ цѣлаго края, одной изъ важныхъ губерній въ Великороссіи. Въ трудно-уловимыхъ, замѣтныхъ только пытливому взгляду оттѣнкахъ манеры, выраженія лица, виденъ человѣкъ, сознающій, что тамъ, за тысячу верстъ, онъ не простой генералъ, сейчасъ дожидавшійся въ пріемной его высокопревосходительства, а дѣятель, руководитель, человѣкъ съ фактическимъ авторитетомъ.

Отними у него „постъ“, и что онъ будетъ здѣсь, въ Петербургѣ, при всей своей ловкости? Будетъ пробавляться кое-чѣмъ, сдѣлается, пожалуй, прихлебателемъ у какого-нибудь милліонщика или откроетъ игорный домъ, или, побившись, побившись, выйдетъ въ отставку; а то очутится нотаріусомъ или управляющимъ. Съ Георгіемъ на шеѣ генералы кончали этимъ же!

— Ну, городъ!—заговорилъ Брынцевъ озлобленно и оглянулъ ресторанъ.—Живешь въ губерніи, и тамъ нынче развелось краснаго звѣрья, жуликовъ достаточно. Но все не то! А здѣсь каждый такъ и ощупываетъ тебя:—нельзя ли хоть носовой платокъ вытащить?.. Право! Ты не находишь?

— Есть немножко, — отозвался Рынинъ. Ему разговоръ въ такомъ направленіи нравился.

— А твои дѣла?—спросилъ Брынцевъ, и такъ на него поглядѣлъ: „я, молъ, знаю, что ты ждешь оказіи“.

— Надъ нами не каплетъ!..

— Однако, есть кое-что въ виду?.. Или только тары-бары, хорошъ табачокъ, по губамъ смазываютъ? Впрочемъ, тебѣ что же прыгать?—Не нуждаешься, долговъ у тебя нѣтъ, а это—основаніе всему.

И онъ вздохнулъ.

— Развѣ ты все еще...

Рынинъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

— Ахъ, душа моя!.. Я прямо сказалъ: коли угодно держать меня на моемъ посту, приварокъ нуженъ!

— Надобно освободиться предварительно...

Рынинъ сказалъ это тихо. И вообще его нѣсколько стѣсняло за Брынцева то, что тотъ такъ безцеремонно разсказывалъ про свои дѣла въ ресторанѣ.

— Душа моя, извини, это по-французски называется: „une vérité de monsieur la Palice“! У кого же нѣтъ долговъ—кому нужно служить?.. У тебя? Такъ ты желаешь положенія... Девяносто-пять процентовъ — въ долгу или бьются. Оклады все-таки нищенскіе. А соблазнъ—огромный и тамъ, въ губерніи... Ка-

ждый наровитъ предложить тебѣ магарычъ. Я и такъ живу какъ настоящій простецъ. Кахетинское пью, а не такъ, какъ мы, вотъ, Pontet Canet! — Кахетинское и полынковое шипучее вино, для крюшоновъ, отъ Чеботарева выписываю изъ Новочеркасска. И тебѣ рекомендую! И все-таки.. не предвижу, когда разстанусь съ кредитными знаками собственнаго изготовленія!

Брынцевъ энергично напалъ на свой антрекотъ, и когда запилъ нѣсколько кусковъ стаканомъ краснаго вина, спросилъ:

— А тотъ свѣдущій-то? У старушенціи? Хорошъ мужчина? Какъ ты его нашелъ?

Рынинъ высказалъ ему свое впечатлѣніе насчетъ готовыхъ „клишé“ изъ петербургскихъ газетъ.

— Да, онъ жохъ! И всѣ они тамъ такіе, кто въ ходаки мѣтитъ. Послушай, душа моя,—Брынцевъ нагнулся къ нему:— никакого у насъ, и внутри страны, нѣтъ ни кредита, ни желанія поднять сословіе... Просто есть постоянная чесотка: какъ бы завести сундукъ для чужихъ денегъ, и поскорѣе ихъ сцапать въ своей компаніи. Такъ—во всѣхъ сословіяхъ, и въ высшихъ, и у купцовъ, и у православныхъ мужичковъ. Вѣдь это здѣшніе ваши божьи коровки, въ министерствахъ, охаютъ о поднятіи производительныхъ силъ, о кредитѣ, идутъ на такую удочку!.. Есть сундукъ. Онъ — пустой. Положатъ въ него чужихъ денегъ малую толику, и опять онъ пустъ... Вотъ тебѣ и все!...

— Однако, — возразилъ Рынинъ, — безъ матеріальной поддержки руководящее сословіе не поднимется.

— Эхъ, душа моя! сказка это про бѣлаго бычка! Сначала съ мужичками носились, потомъ съ коммерсантами, теперь до нашего брата очередь дошла! И ничего-то изъ всего этого не будетъ!

„Ничего-то у тебя нѣтъ за душой!“ подумалъ Рынинъ.

И ему захотѣлось показать Брынцеву, что онъ служитъ „и нашимъ, и вашимъ“, что въ немъ сидитъ полу-либералъ, полународникъ, что онъ „оппортюнистъ“, служилый человѣкъ, которому надо кормиться, что онъ не понимаетъ даже, куда надо вести страну.

Но онъ воздержался. Выводить его на свѣжую воду—значитъ наживать врага и, главное,—показывать свое внутреннее добро, давать другому возможность подражать себѣ, украсть у васъ вашу идею.

— За кого же тебя считаютъ тамъ?—сдержанно спросилъ Рынинъ:—за народника или за либерала, или защитникомъ охранительныхъ началъ?

— Никакой клички у меня нѣтъ, и я самъ по себѣ... Дѣлаю, что̀ законъ и совѣсть приказываютъ.—Глаза его заискрились.

„И все ты врешь,—поправлялъ его Рынинъ,—и также дрожишь надъ своей популярностью, и передъ мужичками хочешь себя Гарунъ-аль-Рашидомъ показать“.

— Я слышалъ,—заговорилъ онъ,—что тебя любитъ... народъ... Ты умѣешь ладить. Мнѣ недавно много про тебя разсказывали. Даже извозчики, и тѣ не нахвалятся.

Брынцевъ слегка покраснѣлъ. Это ему показалось почему-то насмѣшкой.

— Вотъ будешь самъ тянуть эту лямку, увидишь, легко ли добиться хоть того, чтобы тебя пòходя не ругали. Я никакой поблажки не даю... и ни передъ кѣмъ не прыгаю... Народъ, самъ по себѣ, я люблю, хоть и не записываюсь въ разрядъ тѣхъ, что мужичка обсахариваютъ. Для меня всѣ равны. И купечество меня одобряетъ, я знаю, и ему грѣшно было бы быть мною недовольнымъ. Что̀ могу—дѣлаю. Нынче, братъ, не то, что прежде. Нынче къ нимъ въ услуженіе господа дворяне идутъ.

— Вотъ это-то и постыдно!..

— Мало ли что! Ты видѣлъ того свѣдущаго человѣка? Развѣ онъ не смахиваетъ на бойкаго бухгалтера, а настоящій столбовой... Народъ!—вернулся опять Брынцевъ къ предмету, который задѣлъ его.—Это, душа моя,—стихія, чреватая всѣмъ. Надо тутъ такой нюхъ имѣть.

— У тебя вѣдь были и погромы... въ прошломъ году?—перебилъ Рынинъ.

— У меня, что ли, одного?... Почему?.. Какъ?—Одинъ Аллахъ знаетъ...

— И что̀ же?..

— Я сказалъ имъ на другой день утромъ: если, ребята, завтра хоть одного тронете—плакать буду, а разстрѣляю зачинщиковъ.

— Можно было о плачѣ-то и не говорить.

Брынцевъ слегка нахмурился.

— Отчего же? Это вѣдь не басурманскіе, а русскіе люди.

„И опять ты врешь“, подумалъ Рынинъ, но сердить Брынцева не хотѣлъ.

— Стихія!—протянулъ тотъ со вздохомъ, поднося къ себѣ свѣчу, и закурилъ сигару.—Когда пораздумаешь, чѣмъ вся машина наша держится, руками разведешь.

— А чѣмъ же, ты думаешь?

— Я не по ученому скажу: такимъ чувствомъ, какое прежде, въ старину, всѣ имѣли къ вотчиннику, владѣльцу...

— Ты, пожалуй, правъ,—сказалъ Рынинъ. Ему не совсѣмъ пріятно было найти у Брынцева выраженіе мысли, которую онъ гдѣ-то прочелъ, потомъ сталъ считать своею собственною. —Держится идеей власти! Только ее и создала русская жизнь. Не будетъ ея, все распадется!..

— Власть, власть!—повторялъ Брынцевъ.—Душа моя... времена прошли... когда, бывало, начальникъ губерніи, посрединѣ залы, въ дворянскомъ собраніи стоитъ, а вокругъ него—почтительная пустота. Кого позоветъ къ себѣ, тотъ только подходитъ съ поклономъ. Нашего брата каждый норовитъ теперь taper sur le ventre!.. И ничего не подѣлаешь!..

— Я не о такой власти говорю,—задумчиво произнесъ Рынинъ.—А вотъ та, чѣмъ держится стихія...

— Вотчиной!

Брынцевъ посмотрѣлъ на часы, потомъ взглянулъ въ окно и наморщилъ свой красивый лобъ.

— Тебѣ еще нужно по мытарствамъ?—спросилъ его Рынинъ.

— Да, въ одинъ день хочу спустить всю коллекцію.

Ихъ разговоръ не былъ истощенъ. И у того, и у другого осталось нѣсколько мыслей и убѣдительныхъ фактовъ, но они оставляли ихъ „про запасъ". Брынцевъ считалъ Рынина изъ „жилистыхъ", т.-е. изъ лицъ, которыя непремѣнно добьются своего и будутъ съ положеніемъ; только онъ не вѣрилъ его убѣжденности. „Всѣ мы такъ разсуждали,—хотѣлось ему сказать вслухъ,—а какъ говядинки хватимъ, и начнемъ съ попутнымъ вѣтромъ плыть!"

Думая такъ, онъ считалъ себя все-таки лихимъ малымъ, очень умнымъ и благороднымъ и вѣрилъ, что его „обожаютъ" тамъ, у него „въ губерніи", считаютъ „отцомъ края".

Рынинъ нашелъ для него слово „оппортюнистъ" и былъ доволенъ тѣмъ, что „пожурилъ" Брынцева. Онъ далъ ему мѣрило того, съ кѣмъ ему придется соперничать. Такихъ Брынцевыхъ было три-четыре. Остальные—„чинуши", какъ онъ выражался про себя.

Пріятели стали прощаться за кофе.

— Ты, я слышалъ, перечисляешься гражданскимъ чиномъ?— тихо спросилъ Брынцевъ.

— Еще не сейчасъ.

— А съ назначеніемъ можно скоро тебя поздравить? Мнѣ

говорили въ канцеляріи министра: твоя записка... найдена очень, очень замѣчательной...

Рынинъ промолчалъ. Онъ курилъ и пускалъ дымъ тонкой струей.

— Когда же и гдѣ увидимся?—громко спросилъ Брынцевъ. Въ передней его высокопревосходительства, въ одинъ изъ зимнихъ пріѣздовъ?

— Быть можетъ!

Они пожали другъ другу руку. Брынцевъ ушелъ. Рынинъ остался еще на нѣсколько минутъ. Тотъ тонъ, какой губернаторъ принялъ съ нимъ передъ уходомъ, лучше всякихъ словъ и увѣреній показывалъ, что его считаютъ тамъ, въ канцеляріи и въ пріемной министра, серьезнымъ кандидатомъ на постъ въ провинцію. Больше ему, пока, ничего и не нужно было.

Докурилъ онъ свою папиросу и допилъ кофе. Изъ второй комнаты раздался взрывъ спора. Это шло отъ стола, гдѣ сидѣли Снѣткинъ, его двое подручныхъ и Андреяновъ.

„А какая у тебя будетъ команда?—подумалъ Рынинъ.—Вѣдь не самъ же ты все станешь исполнять? Вотъ и придется взять такихъ же шалопаевъ, какъ тѣ“.

Его вывело изъ раздумья звяканье шпоръ и палаша по полу.

— Рынинъ! Bonjour!—кинулъ ему сбоку густой военный голосъ.

Онъ поднялъ голову.

— А! Александровъ!—откликнулся онъ и подалъ руку, совсѣмъ не стремительно, свѣтскимъ жестомъ.

Его окликнулъ средняго роста, полный, усатый, съ красными щеками блондинъ, въ полковничьихъ эполетахъ. Шелъ онъ, подавшись всѣмъ корпусомъ, особой, изломанной походкой, которая доставила ему репутацію „d'être excessivement nature“.

Рынинъ не былъ съ нимъ на „ты“, но зналъ его хорошо, какъ офицера той же бригады. Онъ считалъ его „неучемъ“, „un faux bon homme“, зналъ, что онъ живетъ картами, родомъ — изъ помѣщичьихъ дѣтей средней руки, но какъ-то вошелъ въ моду среди свѣтскихъ барынекъ, которыхъ и восхищаетъ выходками своей „натуры“.

— Ça va bien?—спросилъ гвардеецъ въ полъ-оборота и настолько небрежно, что Рынинъ разсердился.

— Какъ видите,—суховато отвѣтилъ онъ и постучалъ ножемъ о тарелку.

Онъ, еще въ полку, смѣялся всегда, за глаза, надъ этимъ Александровымъ, надъ его обязательнымъ французскимъ „bagout“,

понавороваиннымъ отъ кокотокъ и актрисъ, смѣялся и надъ тѣми высокопоставленными „gommeuses“, которыя записали его въ свои пріятели.

Брынцевъ сразу, послѣ такого Александрова, поднялся въ его глазахъ. Вѣдь и такой вотъ кончитъ тоже тѣмъ, что получитъ постъ, когда ему перестанетъ везти въ яхтъ-клубѣ, или женится, и жена захочетъ играть роль. И даже найдется у него гораздо больше покровителей, чѣмъ у Брынцева.

Но это не всколыхнуло его желчи. Такой Александровъ слишкомъ уже былъ ничтоженъ въ его глазахъ.

Только-что Рынинъ всталъ, къ нему подбѣжали Шварцъ и Кремлевъ и молча каждый пожали ему руку. Подошелъ и Снѣткинъ, послѣ плотнаго завтрака и двухъ рюмокъ коньяку.

— Не дуйся!—крикнулъ онъ ему.—У Зинаиды Мартыновны цѣлую ножки!..

„Какой хлыщъ!“—выбранился Рынинъ, и ему этотъ запанибратный тонъ вивёра былъ, въ ту минуту, чрезвычайно противенъ.

Весь ресторанъ съ его компаніей далъ ему ноту Петербурга, задолжавшаго, мелкокутильнаго, безъидейнаго, хищническаго и пустого для всякаго, кто видитъ, что̀ подъ всѣмъ этимъ копошится.

Никогда еще онъ не достигалъ такого яснаго сознанія своего превосходства. Чего ему смущаться, когда все, что̀ можетъ съ нимъ соперничать, вращается между полковникомъ Александровымъ и генералъ-маіоромъ Брынцевымъ!

Ужъ про него-то не скажутъ и не напишутъ, что воспиталъ онъ свои государственныя способности въ кабачкѣ, на углу Кирпичнаго переулка!..

VI.

Сосо̀ осталась въ Петербургѣ еще на трое сутокъ. Случился на недѣлѣ большой базаръ. Снѣткинъ и адъютанты Зины наговорили объ этомъ базарѣ „des merveilles“. И Зина была довольна поѣхать на базаръ, гдѣ можно сдѣлать смотръ всему, что̀ считается красивымъ и моднымъ; это гораздо удобнѣе и менѣе утомительно, чѣмъ отправляться въ субботу въ Михайловскій, когда происходитъ „сборъ всѣмъ частямъ“.

Молодые люди должны были ихъ встрѣтить на верхней площадкѣ парадной лѣстницы *** дворца. Снѣткинъ засталъ Зину во второй свой визитъ и выслушалъ отъ нея пріятельское внушеніе. Она спросила его прямо, что̀ значитъ это ношеніе ре-

вольвера? Онъ отвертѣлся шуточкой. Зина зло подсмѣялась надъ замашкой пугать свою Надю самоубійствомъ. Тогда Снѣткинъ попросилъ ее къ этому сюжету не возвращаться и предоставить ему покончить свое „прыганье на свѣтѣ“, какъ онъ найдетъ лучшимъ и въ какой именно моментъ. За сцену въ „Самаркандѣ“ онъ у нея попросилъ извиненія, самымъ искреннимъ тономъ, Зина признала виновной и самое себя, и разговоръ кончился тѣмъ, что Зина передала ему во всѣхъ подробностяхъ свои объясненія съ мужемъ.

— Браво, сестричка! — закричалъ Снѣткинъ и началъ неистово хохотать, такъ, что было слышно въ корридорѣ.

У нихъ уже были секреты отъ Сосо̀, которой Зина, какъ „маленькой“, не считала ни нужнымъ, ни пріятнымъ повѣрять ни недавняго своего прошлаго, въ деревнѣ и въ Москвѣ, ни теперешній родъ отношеній къ мужу.

Сосо̀ сейчасъ же почувствовала, что между Рыниными любви нѣтъ, начала допрашивать Зину, горячо и порывисто, умоляла ничего отъ нея не скрывать, предлагала свои услуги, если бы Зина думала развестись съ мужемъ.

— Не нужно мнѣ ничего этого!—сказала ей Зина спокойно и увѣренно. Если бы мнѣ стало совсѣмъ въ тягость жить съ нимъ —мы разъѣдемся, но разводкой я не хочу быть.

Сосо̀, вообще и прежде считавшая Зину существомъ высшей породы, теперь еще больше исполнилась преклоненія передъ ея умомъ, знаніемъ жизни и тактомъ, передъ тѣмъ особеннымъ взглядомъ на все житейское, и свое, и чужое,—вплоть до ея „полутраура“. Сосо̀ нашла, что носить полный трауръ по „такой“ матери, было бы только накладывать тѣнь на ея память. Туалеты Зины приводили ее въ восхищеніе. Они, по цвѣтамъ, не выступали изъ „demi-deuil“, а между тѣмъ въ нихъ не было ничего ни сухого, ни мрачнаго.

Она сама, отправляясь съ Зиной на базаръ, одѣлась потемнѣе, въ табачное платье. Цвѣтъ былъ модный, но къ ней не шелъ. Шляпа покрывала ея голову, какъ высокій колоколъ. Во всей фигурѣ было что-то почти смѣшное.

Парныя извозчичьи сани подвезли ихъ къ подъѣзду, во дворѣ *** дворца. Въ сѣняхъ, внизу, врывавшійся со двора холодный воздухъ такъ и ходилъ, охватывалъ дамъ дрожью, какъ только съ нихъ снимали шубы. Отъ этого холода Зина потащила Сосо̀ поскорѣе на лѣстницу; обѣ подобрали платья и быстро входили, не глядя ни на тѣхъ, кто поднимался вмѣстѣ съ ними, ни на отдѣлку лѣстницы и площадокъ.

Наверху, у продажи билетовъ, дожидались Шварцъ и Кремлевъ. Ихъ уже знала Сосó и нашла, что такихъ „jouvenceaux" непремѣнно надо имѣть при себѣ; въ Снѣткинѣ она почуяла соперника по дружбѣ съ Зиной и назвала его „un poseur jovial", хотя съ нимъ держалась своего тона „bon garçon".

— Всѣ наши базàрки...—на подборъ,—доложилъ Шварцъ, съ невозмутимымъ своимъ лицомъ.

— Пожалуйте!.. ждутъ вашего обзора,—добавилъ Кремлевъ.

Онъ подалъ имъ два билета, и обѣ пары вошли: дамы въ серединѣ, по бокамъ по молодому человѣку. Зала съ мраморной отдѣлкой, съ позолотой, въ два свѣта, съ хрустальными люстрами, вся въ пестрыхъ краскахъ драпировокъ и прилавковъ, съ звуками музыки, доносившимися откуда-то, съ парадной и сдержанной толпой, охватила обѣихъ кузинъ чувствомъ недавнихъ свѣтскихъ компаній, гдѣ онѣ дѣйствовали бокъ-о-бокъ. Базаръ былъ изящнѣе, чѣмъ онѣ воображали. Сосó сейчасъ же сказала:

— Ça rappelle Londres!

Это была ея высшая похвала. Онѣ обѣ знали нѣкоторыхъ свѣтскихъ gommeuses de marque только по Петергофу; остального общества почти не знали, кромѣ тѣхъ дамъ и дѣвицъ, какихъ встрѣчали за границей. Но общій видъ былъ для нихъ совсѣмъ новый. Ихъ привлекала не толпа, не отдѣлка, даже не мужчины, а тѣ женщины, что представляли собою приманку базара.

— Шварцъ!—скомандовала Зина и заставила разсказывать и называть имена.

То же приказаніе получилъ и Кремлевъ. Они знали всѣхъ, если не лично, то въ лицо, всѣхъ хорошенькихъ барынь и дѣвицъ; отмѣчали каждую красивую фигуру и талію, у прилавковъ, въ рядахъ покупательницъ, и кратко сообщали исторіи.

Въ большой залѣ, гдѣ помѣстились всѣ удачные прилавки, можно было найти и самыхъ привлекательныхъ „базарокъ". Слово это и Зина, и Сосо услыхали отъ своихъ провожатыхъ въ первый разъ. Оно имъ понравилось.

— Кто пустилъ?—дѣловымъ тономъ спросила Сосо.

— Газеты, — отвѣтилъ Шварцъ и сейчасъ же нагнулся и сказалъ:—вотъ вамъ двѣ самыя цѣнкія базарки. Только ужъ насчетъ этого мѣста извините — онъ обвелъ рукой лицо — за то отъ нихъ не отдѣлаетесь.

Они проходили мимо прилавка съ модными товарами. Двѣ пожилыя дамы, очень перетянутыя и разодѣтыя, зазывали на

перебой; голоса ихъ трещали безъ умолку. Прошли онѣ мимо трехъ-четырехъ „professional beauty", и на ухо имъ докладывалось все, что знали въ салонахъ и мужскихъ кружкахъ. Туалеты не приводили въ смущеніе ни Зину, ни Сосо. Для Сосо въ этихъ образчикахъ петербургскаго свѣта не было того, что она „обожала" въ лондонскихъ сборищахъ такого же стиля. Зина находила, что у женщинъ есть свой genre—выше сортомъ того, среди какого она выросла и воспиталась за границей: все гораздо изящнѣе, чѣмъ у высокопоставленныхъ нѣмокъ, менѣе крикливо и тревожно, чѣмъ у француженокъ, и менѣе чопорно, чѣмъ въ иныхъ англійскихъ „conversazioni"... Но ей ни мало не захотѣлось въ этотъ свѣтъ, сдѣлаться завтра же одной изъ самыхъ привлекательныхъ „базаровъ", принадлежать къ тому, что зовутъ „сборомъ всѣмъ частямъ". У нея точно совсѣмъ замеръ всякій инстинктъ соперничества. Она даже не задавала себѣ вопроса: почему? Изъ чего будетъ она тянуться, проникать въ гостиныя, ставящія сейчасъ женщину на особое мѣсто въ свѣтской іерархіи?..

— Гдѣ же Снѣткинъ?—спросила она Шварца.

— Онъ будетъ въ буфетномъ салонѣ.

— Обжора!..

— Тамъ легче найти,—добродушно защитилъ его Шварцъ.

Кремлевъ продолжалъ докладывать Сосо:

— Смотрите... M-lle Курчаева! Считается самой хорошенькой... послѣдняго вывоза.

— Какъ?—подхватила Сосо.

— Послѣдняго вывоза.

И Зина обернулась въ сторону прилавка, отдѣланнаго въ русскомъ вкусѣ, гдѣ висѣли полотенцы, ленты, вышиванья, кружева. Изъ-за одной драпировки выглядывало свѣжее, улыбающееся лицо дѣвушки съ золотистыми волосами. Ея большіе глаза смотрѣли прямо и немного удивленно. Она наклонила, въ ту минуту, станъ свой нѣсколько впередъ, и вся ея стройная талія, съ ловкимъ изгибомъ спины, въ бѣломъ матовомъ шерстяномъ платьѣ и шляпѣ съ эгреткой, выдѣлялась передъ проходившими.

— Jolie fillette!..—сказала одобрительно Зина и настолько громко, что двое военныхъ и одна дама оглянулись.

Глаза золотистой блондинки обратились къ ихъ группѣ и дѣтски-весело приглашали ихъ купить что-нибудь.

— Кто это?—переспросила Сосо Кремлева.

— Оля Курчаева, — отвѣтилъ за пріятеля Шварцъ.—Подъ покровительствомъ княгини Ряжской ..

— Ряжской?—остановила его Зина.

Фамиліи Ряжскихъ она никакъ не ожидала. Она точно обожгла ее, и щеки зардѣлись. Это ее ужасно удивило.

— Какой Ряжсвой?—продолжала она спрашивать и наблюдать за своимъ нежданнымъ волненіемъ.

— А вотъ... та, что по добрымъ дѣламъ. Она здѣсь навѣрно. Этотъ базаръ—подъ ея же главнымъ завѣдываніемъ.

Зина взяла руку Шварца. Въ толпѣ становилось тѣсно. Кремлевъ сдѣлалъ то же съ Сосѐ.

— Мать князя, что былъ когда-то въ полку, съ Рынинымъ?—спросила Зина, когда она переходила черезъ узковатую, длинную гостиную, раздѣленную на двѣ половины продольной колоннадой

— Да, вотъ что теперь... въ святые записался...

— Вы его знаете?

— Встрѣчалъ.

Она замолчала и стала усиленно смотрѣть по сторонамъ. Ей хотѣлось заставить себя не думать о князѣ.

Налѣво тянулся столъ, уставленный японскими вещами съ продавщицей, хорошенькой нѣмочкой, безкровной, съ пепельнымъ шиньономъ, въ платьѣ, которое и Сосѐ нашла „adorable“. Она разсѣянно отвѣчала состоявшему при ея кассѣ офицеру и какъ будто боялась просмотрѣть какую-нибудь высокую особу.

— De la finance?—послышался Зинѣ вопросъ Сосѐ Кремлеву.

— Да-съ, — отвѣтилъ за него Шварцъ.—Это — Гостиный островъ.

Остроты ни одна изъ кузинъ не поняла.

— Снѣткинъ соединилъ въ одно: Гостиный съ Васильевскимъ, и вышелъ Гостиный островъ.

И кузинамъ было объяснено, что барышня родомъ съ Васильевскаго острова, приданаго полмилліона, черезъ дамъ патронессъ попала на базары въ „professional beauty“—и не иначе хочетъ, какъ за такого жениха, кто бы доставилъ ей „кокошникъ“.

Чтѐ значитъ „кокошникъ“, Сосѐ и Зина знали прекрасно, еще у себя въ курортѣ.

Зина все отгоняла отъ себя мысль о князѣ. Она нарочно останавливала своего кавалера передъ столомъ, гдѣ двѣ дамы продавали туалетныя вещи. Одна была вся въ брилліантахъ, въ тяжеломъ и пестромъ туалетѣ, съ низкимъ вырѣзомъ на груди. Зина нашла, что у нея лицо смазливой горничной или швеи подъ тридцать лѣтъ. Она смѣялась громко, говорила разомъ съ тремя военными и обращалась съ ними, какъ полковая дама.

Шварцъ назвалъ ее по имени и прибавилъ, что изъ-за нея

одинъ чуть не отравился, и была еще „серьезная“ дуэль. Зина только усмѣхнулась. Ни эта женщина, ни всѣ, кого она оглядѣла въ большой залѣ, не вызывали въ ней женскаго чувства. Да она не замѣчала и взглядовъ мужчинъ; но ея провожатый очень хорошо видѣлъ, что эта, никому неизвѣстная, дама очень многихъ заинтересовала. Въ толпѣ мимо нея нельзя было пройти и не остановиться.

Вторая дама, продававшая цвѣты, заставила Зину что-то такое почувствовать. Она была также въ бѣломъ, какъ и блондинка съ дѣтскими глубокими глазами, но въ шолковомъ, а не въ шерстяномъ туалетѣ. И въ ея ушахъ и волосахъ горѣло не мало брилліантовъ. Вся голова ея, лобъ, волосы, носъ, глаза, привлекали Зину такъ, что она прикоснулась къ плечу Сосо̀ и шепнула ей:

— Regarde la brune!

И въ головѣ ея выскочила мысль:

„А вѣдь вотъ какую женщину можетъ князь встрѣтить здѣсь... и кто знаетъ, устоитъ ли онъ?“...

Она нашла эту мысль глупой и пошлой и заторопила Шварца въ буфетъ, гдѣ дожидался Снѣткинъ.

Въ угловой гостиной, увѣшанной рѣдкимъ оружіемъ, за столомъ вдоль лѣвой стѣны, продавала одна изъ самыхъ красивыхъ и молоденькихъ женщинъ сезона. Она нагнулась надъ столомъ и подавала чашку генералу въ серебряныхъ аксельбантахъ, причесанному по военной модѣ прошлаго царствованія. Ея головка, въ свѣтлой шляпѣ, державшейся только на высокой небольшой косѣ, видна была входившимъ въ полъ-оборота, а также румянецъ упругихъ щекъ, и носикъ, и бѣлая шея, къ затылку чуть покрытая завитыми каштановыми волосами. Бюстъ немного выгнулся и тонкіе пальцы держали чашку игривымъ жестомъ. При ней состоялъ такой же красивый офицеръ. Она подала генералу чашку и сейчасъ же вышла изъ-за буфета. Съ почтительной игривостью приблизилась она къ рослому молодому военному, на котораго публика поглядывала, какъ глядятъ на высокопоставленное лицо.

— Jolie à croquer, la petite! — сказала Сосо̀.

— Une poupée! — отозвалась Зина.

Красота или просто красивость, молодость, изящество, мода, большой свѣтъ, все это начинало тяготить ее. Она продолжала отгонять отъ себя мысль о князѣ. Его мать здѣсь... Не лучше ли она поступитъ, если поскорѣе познакомится съ нею и застрахуетъ себя окончательно отъ всякой новой вспышки тѣмъ, что будетъ

бывать у нея? Увидится тамъ и съ сыномъ, когда тотъ пріѣдетъ сюда. — Должна же она его встрѣтить гдѣ-нибудь. Послѣ того, что̀ она разсказала Рынину, безчестно было бы избѣгать князя. Да онъ можетъ, наконецъ, самъ сдѣлать визитъ. Вѣдь онъ ничего не понялъ и не почувствовалъ у себя, въ деревнѣ. Ея визитъ былъ для него добрымъ дѣломъ, христіанскимъ порывомъ нѣжной женской души. Онъ навѣрно пріѣдетъ.

— Сестричка!

Голосъ Снѣткина вывелъ ее изъ раздумья.

Онъ стоялъ передъ нею, веселый, краснощекій, съ бѣлымъ лбомъ и густыми, лоснящимися волосами, пестро одѣтый, въ англійскомъ жанрѣ, и глаза его точно насмѣшливо улыбались ей.

— Et bien, quoi?—окликнула она.

— Онъ здѣсь!—шепнулъ Снѣткинъ.

Сосѐ съ Кремлевымъ была у буфета. Шварцъ, кавалеръ Зины, глядѣлъ въ другую сторону.

— Кто?—спросила она и должна была сознаться себѣ, что тревога проникаетъ въ нее.

— Ряжскій въ Петербургѣ. Его мать здѣсь. Вы это знаете?

— Знаю.

— И онъ долженъ пріѣхать... Но этого мало.

— Сядемъ туда,—быстро заговорила она и перешла черезъ комнату, выбрала угловой круглый диванъ и сѣла.

Снѣткинъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Ну, такъ что-жъ, что онъ здѣсь?

Она сказала это съ улыбкой, какую дѣлаютъ себѣ, когда спрашиваютъ о совершенныхъ пустякахъ.

— А тутъ?

Большая ладонь Снѣткина, въ модныхъ яркихъ перчаткахъ, съ широкимъ шитьемъ, легла на то мѣсто груди, гдѣ сердце.

— Тутъ... все то же!..

Зина начала не на шутку сердиться на себя и уже боялась, что она себѣ измѣнитъ, возьметъ не тотъ тонъ.

Но передъ Снѣткинымъ ей что̀ же притворяться!..

— Знаете что̀, Снѣткинъ,—заговорила она и все оглядывалась на обѣ двери, выходившія одна въ слѣдующую залу, другая—на площадку.—Знаете что̀?.. Мнѣ бы очень хотѣлось сейчасъ же подойти прямо къ нему, подать руку и разсказать, вотъ какъ я вамъ разсказывала, про мою... escapade. Вы его видѣли?—перебила она самоё себя.

— Нѣтъ, но я откланивался его матери.

— Вы не можете меня съ ней познакомить?

И она сейчасъ же поправилась:

— Нѣтъ, это не такъ... Подождемъ. Онъ непремѣнно будетъ.

— Княгиня ждетъ его. Онъ тутъ долженъ быть ассистентомъ у одной хорошенькой барышни. Княгиня ее вывозитъ...

— Кто это?

Вопросъ, противъ воли Зины, былъ такъ быстръ, что Снѣткинъ громко вскрикнулъ:

— Сестричка!.. Да это—товò!

— Taisez-vous!—разсердилась она, прикусивъ губу.

Волненіе ея не проходило, это несомнѣнно.

— Вамъ угодно знать, кто барышня?—продолжалъ, точно подзадоривалъ ее, Снѣткинъ.—Курчаева. Тамъ—въ большой залѣ—глаза такіе круглые. И линія имѣется. Я одобряю, хотя барышни для меня—überwundener Standpunkt.

— Вы нелѣпы!..

— Покорно благодарю.

Онъ смолкъ и лицо его стало серьезнѣе.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ онъ, нагнувшись слегка къ Зинѣ,—la maman voudrait faire mijoter un mariage...

— Съ этой... куклой?—вырвалось у Зины.

— Она боится, что онъ совсѣмъ рехнется, со своей святостью. Продаетъ здѣсь книги и брошюры—и радъ! А потомъ, пожалуй, коробейникомъ пойдетъ по градамъ и весямъ... Вотъ старушка и хочетъ женить его!.. Вѣдь ему все равно. Онъ долженъ признавать бракъ цѣломудренно и, на весь вѣкъ, неразрывно... Барышня еще безъ всякаго душевнаго обличья. Стало, для него лестно будетъ сдѣлать изъ нея діакониссу.

Зина чуть не крикнула ему: „да перестаньте болтать!“ Она насилу сдержала себя.

— Qui pourrait me présenter à la princesse?—какъ будто про себя спросила она.

— Votre époux chéri... ou le prince lui-même. Онъ навѣрно будетъ. Да и вашъ супругъ попозднѣе завернетъ—погадать о своей судьбѣ, по какимъ-нибудь, ему только видимымъ, признакамъ.

Зинѣ уже было непріятно то, что она заговорила о матери князя и спрашивала, кто могъ бы ее представить ей. Къ чему все это?

Снѣткинъ смотрѣлъ на нее и улыбался. Этотъ улыбающійся взглядъ показался ей вдругъ нахальнымъ и глупымъ.

— Vous êtes infecte!—сказала она ему, отрывочно и серьезно, какъ, бывало, дѣвицей кому-нибудь изъ своихъ ухаживателей.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ Снѣткинъ.—Получилъ и расписался.

Она лучше бы сдѣлала, если бы сейчасъ же уѣхала отсюда. Нѣтъ, это будетъ малодушіе. Какъ будто она, въ самомъ дѣлѣ, чего-то испугалась!..

— Прикажете чего-нибудь съѣстного? — продолжалъ дурачиться Снѣткинъ.

Его тонъ раздражалъ ее; она находила его русскія шуточки чуть не лакейскими. Ей захотѣлось сказать ему чтò-нибудь... такое, чтобы онъ ушелъ, отсталъ отъ нея. Ей нужно было остаться одной, затеряться въ толпѣ. И Сосò, и эти два адъютанта тяготили ее, хотя и стояли въ сторонѣ, у буфета, и ею, въ ту минуту, не занимались вовсе.

Снѣткинъ понялъ сразу ея чувство.

— Я удалюсь,—кротко сказалъ онъ, и она увидѣла, что онъ хочетъ ей показать, какъ онъ ее понялъ.

И это ее сердило. Онъ вообразитъ сейчасъ, что она въ новомъ любовномъ припадкѣ, и внутренно готовъ подсмѣяться надъ нею.

Она встала и, ничего ему не отвѣчая, подошла къ Сосò и двумъ молодымъ людямъ.

Тѣ ее спросили, не хочетъ ли она чего-нибудь съѣсть? Сосò хотѣла, но она дожидалась Зины. Красивая продавщица уже отошла отъ военнаго и своимъ взглядомъ приглашала ихъ. Снѣткинъ лѣниво поднялся съ дивана и такъ же лѣниво подходилъ къ буфету.

Онъ началъ всего отвѣдывать.

— Qu'as-tu?—шепнула Сосò Зинѣ.

— Rien,—отвѣтила она и повела сурово бровями.

Этого движенія бровей Сосò всегда боялась у своей кузины.

— Mais si,—настаивала она.

„Вы всѣ мнѣ надоѣли!"—хотѣла имъ бросить Зина, но она себя пристыдила. Чѣмъ же они всѣ виноваты—и бѣдная Сосò, и Шварцъ, и Кремлевъ, и добрый, умный ея пріятель, который ѣлъ съ какой-то отчаянной рѣшимостью и запивалъ уже третьей рюмкой крѣпкаго вина?

Но „чувство" не проходило. Она не спокойна. Ее не занималъ болѣе базаръ, а на женщинъ, вотъ на эту продавщицу, она смотритъ особенно. Ея лицо сливается съ лицомъ той „дѣвчоночки", про которую сболтнулъ Снѣткинъ.

„Это невыносимо!"

Машинально Зина взяла въ руку чашку чаю; съ ней кто-то говорилъ, она чтò-то отвѣчала; потомъ она чтò-то еще ѣла и пила, кажется, рюмку вина съ бисквитами.

Рюмка еще была у нея въ правой рукѣ, когда она обернулась въ тотъ уголъ комнаты, куда выходила дверь на площадку.

Въ дверь входилъ ея мужъ.

Она ужасно ему обрадовалась, такъ что рюмка дрогнула у нея въ рукѣ и она чуть не расплескала вина. Снѣткинъ одинъ это замѣтилъ и подошелъ къ ней съ вопросительнымъ взглядомъ. Зина даже не посмотрѣла на него, быстро поставила рюмку и подбѣжала къ мужу.

— Парменій,—она назвала его такъ едва ли не въ первый разъ,—ты очень кстати пріѣхалъ.

Она тотчасъ же увлекла его въ глубину комнаты и, въ нѣсколькихъ словахъ, объяснила ему, что здѣсь княгиня Ряжская, которую онъ, кажется, знаетъ, и что всего лучше будетъ ему подвести ее къ ней.

Она говорила съ такимъ выраженіемъ глазъ, что Рынинъ могъ понять это за желаніе дать ему почувствовать, какъ съ нея слетѣло все, бывшее въ Ширяевѣ, и она теперь совсѣмъ не желаетъ избѣгать случая возобновить знакомство съ княземъ. Этимъ она покажетъ Ряжскому, что тамъ, въ деревнѣ, ничего и не было съ ея стороны, кромѣ участія къ его нездоровью.

Внутри у нея точно пробѣгали струйки особаго чувства, сродни тому, когда она такъ ловко заслоняла отъ мужа свою страсть. Она это и сознавала, и не сознавала.

Рынинъ былъ сначала какъ бы немного озадаченъ, но сейчасъ же выговорилъ:

— Изволь, только я мало ее знаю. Съ визитами бывалъ, но давно.

— Надо такъ сдѣлать!..—Зина сказала это порывисто и опять посмотрѣла на него, съ тѣмъ же выраженіемъ.

Подошелъ Снѣткинъ.

— А князь Ряжскій здѣсь? - небрежно спросилъ его Рынинъ.

Онъ никакъ не могъ бы подумать, что Зина разсказывала ему про ширяевскую исторію.

— Мнѣ княгиня сейчасъ говорила, что ждетъ его.

— Ты понимаешь,—тихо и быстро говорила Зина мужу,— я не могу же знакомиться съ княгиней черезъ Снѣткина.

Сосо и оба ея провожатыхъ видѣли, что о чемъ-то идетъ совѣщаніе. Они уже заплатили у буфета.

— Qu'est-ce?—опять съ участіемъ спросила Зину Сосо и взяла ее за локоть, по старой привычкѣ.

Она постоянно боялась, что между Рыниными выйдетъ сцена, боялась и внутренно была бы рада чему-нибудь рѣшительному.

— Ничего, Сосо, ничего,—отвѣтила ей Зина мягко, какъ успокоиваютъ подростковъ.—Идемъ въ залу.

И она головой скомандовала Шварцу и Кремлеву; оба, при Рынинѣ, сейчасъ же немного сократились.

Они пошли сзади, а ихъ мѣста заняли Снѣткинъ и „мужъ“,—такъ они между собой называли Парменія Никитича.

Зина сама пошла подъ-руку съ мужемъ и продолжала говорить ему, уже шутливо, какъ ей хотѣлось бы заслужить одобреніе княгини Ряжской и поступить даже въ ея „общество“. Онъ молчалъ, но не хмурился, только немножко недоумѣвалъ. Собственное волненіе уже не казалось Зинѣ подозрительнымъ; она говорила совсѣмъ не о томъ, что̀ у нея было въ головѣ.

Въ головѣ повторялось нѣсколько фразъ: „такъ лучше... это самое вѣрное средство... Il faut aller droit au but“...

Но къ какой цѣли? И почему ей такъ захотѣлось сейчасъ же быть представленной княгинѣ? Она не могла бы отвѣтить.

Рынину не былъ вполнѣ ясенъ мотивъ представленія Зины. Но онъ считалъ это допустимымъ... и даже не лишнимъ: большой, родовитый домъ—хоть и „шалыхъ“ людей. По благотворительности княгиня занимала очень высокое положеніе. Только лучше бы уже было найти въ залѣ и самого князя.

Имъ указывалъ путь Снѣткинъ.

— Да и онъ здѣсь!—вдругъ крикнулъ онъ и указалъ головой на драпировку изъ русскихъ кружевъ, откуда глядѣли круглые глаза дѣвушки.

Зина отвернула голову, заслышавъ слова Снѣткина, и встрѣтила тревожный взглядъ Сосо; та ничего не понимала, что̀ тутъ творится...

„C'est bien!.. Elle a un amant“,—мгновенно сказала Сосо про себя.

Зина почуяла это и густо покраснѣла.

И вдругъ, точно кто-то ее ударилъ подъ колѣни; ноги у нея дрогнули, и еслибъ Рынинъ не велъ ее, она бы непремѣнно упала. Онъ одинъ не замѣтилъ этого.

Такой ударъ испугалъ и взбѣсилъ ее. Она вся выпрямилась, оперлась на руку мужа и смѣло, съ улыбкой на губахъ, съ откинутой назадъ головой, подошла къ прилавку.

Князь стоялъ, немного согнувшись, и считалъ деньги, рядомъ съ дамой въ сѣдыхъ буклях, такого же почти роста, какъ и онъ. Худое, кроткое, простоватое лицо и большое изящество пожилой женщины схватила разомъ Зина, оглядѣвъ княгиню вбокъ; потомъ перешла взглядомъ къ блондинкѣ.

Все еще подъ-руку съ мужемъ, у прилавка, сказала она громко: „Bonjour, prince!“ послѣ того, какъ Рынинъ почтительно поклонился княгинѣ. Князь бросилъ деньги, слегка покраснѣлъ,— это она прекрасно замѣтила,—обернулся къ матери и сказалъ ей довольно громко:

— Зинаида Мартыновна Рынина.

Княгиня отвѣтила сначала ему ласковымъ взглядомъ и тогда уже протянула руку Зинѣ и пожала ее крѣпко:

— Je vous connais,—сказала она съ удареніемъ, пріятнымъ, тягучимъ голосомъ и подала потомъ руку Рынину.

Сосо тоже представили. Снѣткинъ подвелъ и обоихъ молодыхъ людей.

— Tableau de famille!—шепнулъ онъ Зинѣ.

Но она что-то уже выбирала у блондинки, вызывая ее на разговоръ.

„Poupée, va!“ — задорно мелькало въ головѣ Зины въ то время, какъ губы ея выговаривали разныя маленькія фразы, суховатыя и модныя, изъ того жаргона, которымъ она владѣла когда-то въ совершенствѣ.

Блондинка, розовая, надушенная геліотропомъ, отвѣчала ей все: „oui, madame, parfaitement, madame“, и это безпрестанное: „madame“ звучало у нея такъ, точно будто она, въ самомъ дѣлѣ, продавщица по профессіи. Зина и опредѣлила ее: „une petite de magasin“.

Она слушала, слѣва, разговоръ княгини съ мужемъ. Княгиня благодарила его за Зину, за ея доброту и сердечное вниманіе къ больному сыну. Рынинъ только наклонилъ голову и ничего не говорилъ.

„Вотъ это мило!“ подумала Зина. „Онъ, пожалуй, разсердится. Его же благодарятъ за мою поѣздку къ князю“.

Теперь можно было присоединиться къ ихъ разговору. Князь кончилъ считать деньги и что-то говорилъ Снѣткину. Сосо подошла къ прилавку и поглядѣла на Зину съ особымъ выраженіемъ, послѣ чего начала выбирать русскія кружева.

Этотъ взглядъ Сосо придалъ Зинѣ новой бодрости въ борьбѣ съ собою. Ничего у нея нѣтъ ни въ головѣ, ни въ крови, ни въ сердцѣ къ князю. Глупая Сосо сейчасъ съ своей маніей любви и отгадываніемъ увлеченій!..

И она сама заговорила съ княземъ, весело, немного даже по-пріятельски, спросила, доволенъ ли онъ тѣмъ, что дѣлаетъ въ Петербургѣ, что его деревенскіе школьники, долго ли онъ думаетъ прожить здѣсь? Попросила не забывать своихъ ширяев-

скихъ друзей, потомъ обратилась къ княгинѣ, „поручила себя“, по-французски, ея вниманію и очень почтительно поблагодарила ее за приглашеніе бывать у нея.

Одинъ всего, быстрый и обволакивающій, взглядъ кинула она на князя, когда онъ подавалъ ей руку, и ей показалось, что въ его голубыхъ глазахъ, подернутыхъ слезой, вспыхнула тревога, —что-то непохожее на его всегдашнее выраженіе.

— Вы здѣсь по доброй волѣ?—успѣла она бросить ему вопросъ, уходя...

Князь сдѣлалъ жестъ головой и улыбнулся; но опять не такъ, какъ улыбался въ деревнѣ.

Зина посреди залы оставила руку мужа и сказала ему:

— Я тебя не удерживаю...

И отъ Coco она ушла въ противоположную сторону. Ей надо было остаться одной. Она избѣгала разспросовъ кузины и ухаживанія своихъ провожатыхъ.

Шварцъ и Кремлевъ искали ее и нашли съ трудомъ въ той залѣ, гдѣ на эстрадѣ, за растеніями, помѣщался оркестръ.

Она ихъ прогнала и приказала сказать Coco, чтобы та ее не дожидалась, ѣхала домой, если ей скучно, а ей прислала бы назадъ сани.

Говоря это, Зина выпрямилась; ея лицо, блѣдное и нервное, съ античнымъ носомъ, съ короткими волосами на лбу, подъ шляпой строгихъ цвѣтовъ, рослый станъ и движеніе руки, когда она отдала имъ приказаніе, прельстили обоихъ пріятелей.

Они оба стояли съ минуту и глядѣли ей вслѣдъ.

— Одинъ восторгъ!—выговорилъ Шварцъ.

— Восторгъ!—повторилъ Кремлевъ.

Оба уже согласились наканунѣ, что „такую“ женщину не постыдно любить и вдвоемъ, даже и совсѣмъ „понапрасну“, какъ дразнилъ уже ихъ Снѣткинъ.

VII.

— Mon enfant, tu danseras encore une contredanse avec Olga...

Князь Ряжскій выслушалъ слова своей матери, сказанныя тихо и почти просительно, молча нагнулъ голову, въ знакъ согласія, и пошелъ отъ буфета въ залу, гдѣ уже проиграли приглашеніе къ кадрили.

Онъ знаетъ, его добрая и кроткая мать выбрала ему невѣсту,

хорошенькую Ольгу Курчаеву, и онъ очень ее огорчитъ, если откажется отъ этой дѣвушки. Конечно, княгиня вызвала его изъ деревни раньше, чѣмъ онъ собирался въ Петербургъ, съ тою же цѣлью.

„Жениться?" —Онъ признавалъ бракъ, одинъ, нерасторжимый; ему тридцать лѣтъ, дѣвушка милая... Мать вотъ ужъ сколько времени увѣряетъ его, что у Ольги—прекрасная душа, что она ждетъ только человѣка, призваннаго Богомъ направить ее на добро...

Можетъ быть!..

Въ залѣ было движеніе. Устанавливались пары и вдоль, и поперекъ большой залы, подъ мраморъ, съ старинной, золоченой мебелью. Этотъ вечеръ княгиня устроила для Ольги. На него она пригласила и Рыниныхъ.

Вонъ стоитъ Зина, въ правомъ углу. Она говоритъ съ распорядителемъ танцевъ, очень высокимъ, худымъ брюнетомъ, въ мундирѣ казацкаго адъютанта. Ея профиль и голова съ короткими волосами, изгибъ таліи, туалетъ, весь бѣлый—привлекъ взглядъ князя. Она сама пригласила его на эту кадриль.

Ему слышится, до сихъ поръ, голосъ ея, и то, что̀ она ему сказала, не на базарѣ, а у нихъ, когда пріѣхала къ нимъ съ визитомъ, одна, и онъ принялъ ее, до выхода княгини.

— Вы меня чуть не погубили! — сказала она ему въ тотъ разъ и громко разсмѣялась.

Онъ не понялъ. Тогда же она ему разсказала про свою попытку броситься на него съ чѣмъ-нибудь, съ револьверомъ, съ ножомъ, у него во флигелѣ. Это, конечно, была шутка. Онъ не сталъ разспрашивать; мать его вошла въ ту минуту. Но ему сейчасъ вспомнилось, какая она тогда, у него въ деревнѣ, была странная. Ему стало сейчасъ же не по себѣ, какъ будто совѣстно за то, что̀ случилось тогда... Значитъ, онъ былъ виноватъ. Но въ чемъ же? Онъ смотрѣлъ на нее, когда она говорила съ княгиней, сидя въ уголку, за кресломъ матери. Это лицо онъ плохо видѣлъ прежде, не разсмотрѣлъ. Въ немъ что̀-то начало его трогать и тревожить. И голосъ отзывался у него въ груди...

„А если она не пошутила?" —думалъ онъ, не слушая, о чемъ говорятъ мать съ Зиной: — „тогда что̀ же это было?"

Отвѣчать онъ не умѣлъ. У него давно не бывало въ головѣ мысли о томъ, что онъ можетъ возбудить въ женщинѣ страсть. Но если она не шутила, значитъ, онъ доставилъ ей душевное страданіе, не понялъ ее, не отозвался?

Не отозвался — на что̀? На страсть, т.-е. на „похоть“, на „прелюбодѣяніе“?

Эти слова наполнили его физическимъ отвращеніемъ. Ему сдѣлалось такъ неловко, что онъ съ трудомъ оставался въ гостиной, и въ то же время это лицо, этотъ голосъ приковывали его къ креслу все сильнѣе.

Надо было проводить гостью до передней. Княгиня два раза сказала ему.

— Oreste, reconduis madame.

Въ залѣ они остановились, оба разомъ.

— Вы пошутили?—сказалъ онъ ей.

— Нѣтъ,—отвѣтила она и такъ на него взглянула, что онъ весь вспыхнулъ.

— Только, князь, трагедіи я уже бросила; теперь я смотрю и на себя, и на все... гораздо проще.

Эти слова кончились смѣхомъ, для него и жуткимъ, и пріятнымъ. Онъ не нашелъ, что̀ ей отвѣтить, но не посмѣлъ, однако, сказать ей:

„Полноте, такъ нехорошо!“

А это онъ сказалъ бы непремѣнно, въ деревнѣ, у себя, или у нихъ, въ Ширяевѣ.

Два дня онъ рѣшалъ: поѣхать къ ней или нѣтъ? Мать его вздумала, тѣмъ временемъ, устроить „une petite sauterie“ для Ольги—и послала его сдѣлать визитъ Рынинымъ, пригласить ихъ; за себя извиниться: она, дѣйствительно, не выѣзжала дня три.

Онъ обрадовался этому порученію. Онъ самъ уже жаждалъ „хорошаго разговора“. Ѣхалъ онъ въ полной увѣренности, что ее увидитъ и даже одну; по дорогѣ—волновался, но онъ не засталъ Зины; дома былъ только мужъ. Это его огорчило, и въ первый разъ, едва ли не съ того времени, какъ онъ былъ въ полку, чувство досады овладѣло имъ.

Такъ онъ ее и не видалъ до этого вечера. Когда она вошла, онъ говорилъ съ Ольгой Курчаевой. Но его вдругъ стало тянуть къ „Зинѣ“,—онъ уже мысленно звалъ ее такъ,—и онъ задержалъ ее по пути въ гостиную, гдѣ сидѣла его мать, смотрѣлъ на нее, чувствовалъ, что ему совсѣмъ не то̀ хочется говорить, а то̀, съ чѣмъ онъ ѣхалъ къ ней въ отель.

Она бросила ему двѣ-три фразы по-пріятельски, тономъ, отъ котораго онъ совсѣмъ отсталъ, такимъ, какъ тогда на базарѣ, но сейчасъ же сказала:

— Если вы танцуете,—я даю вамъ одну кадриль.

И онъ пожалѣлъ, что не первую; на нее онъ пригласилъ Ольгу, по просьбѣ матери.

Зина отошла отъ брюнета. Ей надо было перейти поперекъ всей залы. Князь, въ нерѣшительности, не зналъ, гдѣ они станутъ: на той сторонѣ, гдѣ она, или тамъ, гдѣ онъ стоялъ? Она сдѣлала ему знакъ головой, чтобы онъ не трудился идти за ней и оставался бы тамъ, гдѣ ему и слѣдовало быть. Его визави помѣстился уже въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ она говорила съ распорядителемъ танцами.

На этотъ вечеръ она непремѣнно бы попала, если бы княгиня первая и не пригласила ее. Мужъ, можетъ быть, и хотѣлъ возражать; но настоящаго траура она не носила, это не балъ, а маленькій вечеръ, гдѣ были почти однѣ дѣвицы. Отъ Снѣткина знала она, что „sauterie“ княгиня затѣяла для Ольги, что Ольга уже почти невѣста князя. „Никогда этому не бывать!“—такъ рѣшила Зина и назвала Снѣткина „сплетникомъ“ и „вралемъ“. Онъ сталъ подсмѣиваться надъ „рецидивомъ“ ея страсти. Она не на шутку разсердилась на него и чуть не прогнала. Почти такая же сцена вышла у нея, два дня передъ тѣмъ, въ день отъѣзда Сосò въ Москву. Та также стала увѣрять ее, что она любитъ, и повторяла все одну и ту же фразу:

„Меня нельзя провести“.

Зина простилась съ нею сухо, надавала ей нѣсколько бранныхъ прозвищъ и даже не поѣхала проводить. Сосò не стала плакать, какъ всегда, не на шутку обидѣлась и пожелала кузинѣ узнать, наконецъ, чтò такое любовь, и поплатиться хорошенько...

На вечерѣ княгини Ряжской Зина была среди незнакомаго общества, съ „дѣвчонками“, какъ она сказала Снѣткину. Онъ получилъ отъ нея приказъ явиться. Въ томъ, какъ ее встрѣтилъ князь, было чтò-то новое, незнакомое ей въ немъ. Она боялась ошибиться и начала радостно мечтать... Она уже больше не пересиливала себя, не стыдилась, не возмущалась; способна была опять шутить съ княземъ, на тему своей „toquade“. Трагедіи она не хочетъ; но она ничего не испугается и посмотритъ, таковъ ли онъ будетъ здѣсь, и чтò у нихъ разыграется... Никакихъ другихъ вопросовъ она не желала задавать себѣ.

Но когда князь подалъ руку Ольгѣ Курчаевой и повелъ ее на мѣсто, Зинѣ вдругъ представилась возможность того, что эта „дѣвчонка“ будетъ его женой. Въ танцахъ она не выпускала ее изъ виду. Ея станъ, руки, голова мелькали мимо Зины и обдавали ее свѣжестью восемнадцати лѣтъ. Такой таліи у нея самой уже не было. Молодость Ольги, эти наивные глаза, чи-

стота линій тѣла, самый туалетъ—изъ нѣжныхъ цвѣтовъ, между розовымъ и желтымъ—бросали вокругъ сіяніе, веселили и красили остальныхъ дамъ.

И рядомъ съ нею—красавецъ, такой же блондинъ, какъ и она, съ пріемами англійскаго аристократа, съ милой неловкостью человѣка, почти разучившагося танцовать. Но фракъ на князѣ былъ лондонскій, бѣлый галстухъ шелъ къ нему изумительно. Кто бы подумалъ, что онъ пріѣзжалъ въ Ширяево въ валенкахъ и полушубкѣ! Вотъ такимъ, какъ теперь, онъ долженъ быть всегда, и надо его удержать здѣсь, въ Петербургѣ. Пускай его женятъ! Развѣ такая блондиночка съ дѣтскими круглыми глазами можетъ держать его въ своей власти?—Такъ думала Зина все время кадрили. Ей стало очень весело. Снѣткинъ и распорядитель танцевъ подводили къ ней молодыхъ людей. Она не искала князя; ей что̀-то говорило, что онъ не тотъ, какимъ былъ въ деревнѣ, и что отъ нея будетъ зависѣть провести его черезъ ощущенія, которыя онъ, въ своей святости, отрицалъ. Онъ, какъ будто, избѣгаетъ ея и, то-и-дѣло, взглядываетъ на нее издали.

Проиграли вторую ритурнель къ кадрили. Зина подошла къ князю. Ихъ стулья стояли въ самомъ углу у стѣны. Говорить было удобно.

Онъ сталъ надъ нею и глядѣлъ сверху внизъ на ея голову и бюстъ. Зинѣ передавалось то что̀-то, чего не было прежде въ князѣ. Она уже видѣла, что теперь она можетъ говорить ему съ самымъ игривымъ видомъ, шутить надъ нимъ и надъ собою, дѣйствовать по правиламъ новаго, дерзкаго кокетства, и онъ ее не остановитъ. Волненіе связывало ему языкъ.

Ихъ взгляды встрѣтились.

— Князь,—сказала она ему, поднявъ голову къ его лицу:—вы повѣрили тому, что̀ я вамъ сказала... помните?

— Да,—отвѣтилъ онъ, смущенный и странно улыбающійся.

— Могли погубить меня... не правда ли? Vous me devez une compensation.

— Это правда!—выговорилъ онъ и не могъ отвести отъ нея глазъ, а взглядъ ихъ—онъ чувствовалъ—былъ „нехорошій“.

Зина уже схватила этотъ взглядъ и встала—имъ надо было начинать—съ большою затаенною радостью: нужды нѣтъ, что въ ней не клокочетъ та страсть, налетѣвшая на нее въ деревнѣ. Теперь она сама сильнѣе, это ясно. Ей и не нужно никакихъ увѣреній въ томъ, что „клюнуло“. Такъ должно было случиться. Развѣ мыслимо мужчинѣ въ тридцать лѣтъ, изъ плоти и крови, съ такимъ лицомъ и глазами, блажить до потери вся-

каго чувства жизни?.. вотъ такой жизни, какая теперь начинается въ нихъ и между ними!

Вся зала заискрилась и запрыгала передъ Зиной... Она ласково глядѣла на Курчаеву, и чувство соперничества отлетѣло отъ нея. Пускай та танцуетъ, улыбается, мечтаетъ о замужествѣ... И всѣ остальныя дамы и дѣвицы пускай вытанцовываютъ себѣ мужей и любовниковъ. Онѣ всѣ хорошенькія, нарядныя, и казались ей совсѣмъ не такими полчаса назадъ. Она переходила глазами отъ одной къ другой, дѣлая фигуру кадрили. Красивѣе ея вонъ та брюнетка, молодая дама, въ черномъ платьѣ, съ ландышами въ волосахъ. Какія чудныя плечи!—такихъ у нея никогда не бывало – и что за бархатные глаза! И „дѣвчонки" ей уже нравились, всѣ безъ исключенія, и не дразнили ее больше своей свѣжестью, молодымъ румянцемъ и блескомъ глазъ, полныхъ бальныхъ ощущеній. Офицеры и штатскіе мелькали передъ нею, и она ихъ оглядывала съ той же тихой лаской, съ тѣмъ же сознаніемъ „чего-то" новаго въ князѣ. Эти „мальчики" и „дѣвочки" танцуютъ съ нею въ одной кадрили и не знаютъ, какъ ей хорошо... У нихъ есть тоже свои сердечныя дѣла; но она не завидовала ихъ любви, ихъ увлеченіямъ и восторгамъ. У нихъ—свое, у нея—свое... все то же самое, но неизбѣжное, противъ котораго не устоялъ и онъ...

Зина подала обѣ руки князю и сдѣлала съ нимъ кругъ. Онъ избѣгалъ ея взгляда. Рядомъ съ нею, въ прикосновеніи танцевъ, онъ продолжалъ испытывать волненіе. Его, то-и-дѣло, бросало въ краску, внутри что-то трепетало, пріятное и хищное, возраставшее отъ близости къ этой женщинѣ. Ни разу онъ не подумалъ о всей глупой суетности такого вечера, о „безобразіи" голыхъ плечъ и рукъ въ дѣвушкахъ по семнадцатому году, привезенныхъ матерями на показъ и продажу въ замужество, о возмутительной тратѣ денегъ на цвѣты, кружева, шолкъ, брилліанты. Забылъ онъ и про желаніе своей доброй и кроткой матери—женить его на одной изъ этихъ прыгающихъ тутъ барышенъ. Онъ какъ бы терялъ связь съ тѣмъ человѣкомъ, чтò, нѣсколько дней назадъ, соглашался жить въ Петербургѣ затѣмъ только, чтобы не огорчать матери своей и чтобы распространять привезенныя имъ книжки и брошюры.

Его уже не мучилъ вопросъ — неужели онъ могъ навести Зину на кровавый поступокъ? Женщина привлекала его въ ней, и такихъ онъ еще не встрѣчалъ...

— Какъ мила ваша невѣста, князь!

Эти слова точно разбудили его.

— Моя невѣста?—шопотомъ и быстро переспросилъ онъ.

— Да, вонъ та барышня! Очень мила, очень...

— Но это неправда,—почти съ сердцемъ выговорилъ князь. —Maman, дѣйствительно...

Ему тяжело было продолжать. Глаза Зины улыбались ему такъ игриво и увѣренно.

— Не оправдывайтесь... Я вѣдь знаю, что вы не женитесь. Вы не отъ міра сего!..

— Вы думаете?

Въ его вопросѣ была нота стыда...

Онъ началъ презирать себя въ ту минуту, но не могъ сказать ничего такого... прежняго, прекратить этотъ „срамной разговоръ“, какъ назвалъ бы его каждый изъ его пріятелей-мужиковъ, которые были однихъ съ нимъ взглядовъ на „цѣль жизни“.

„Это пройдетъ, это пройдетъ“,—мелькало у него въ головѣ, и рука его держала руку Зины, и глаза блуждали, прикованные то къ ея головѣ, то къ обнаженнымъ рукамъ, то къ профилю, то ко всему ея стану...

Дирижеръ танцевъ что́-то очень громко крикнулъ, и всѣ взяли дамъ за талію.

— Что же, князь?—пригласила Зина, и чуть не расхохоталась.—Voyons! du courage!..

И его рука обхватила ея талію, въ первый разъ. Онъ уже держалъ за талію Ольгу Курчаеву, и ему было почти гадко, совѣстно, но не такъ, какъ теперь—скорѣе смѣшно и чудно. А теперь его рука вздрагиваетъ, дыханіе Зины туманитъ ему взглядъ, въ ушахъ звонъ... Онъ путается... Кому-то наступилъ на платье.

— Ха, ха, ха! Орестъ! Осторожнѣе, братецъ!

Это крикнулъ на него Снѣткинъ, пустившійся въ танцы, чтобы почаще сталкиваться съ Зиной и шептать ей разныя глупости, которыя уже не сердили ее, скорѣе веселили.

Разсмѣялось и еще нѣсколько мужчинъ надъ неловкостью князя. Но Зина на своей таліи чувствуетъ вздрагиваніе его руки и ея пожатіе. Она киваетъ головой Снѣткину и потомъ, въ „balancez“—кидаетъ ему:

— Ça y est!

Фразу эту разомъ услыхали ея адъютанты, Шварцъ и Кремлевъ. Они танцуютъ vis-à-vis, въ новыхъ, вышитыхъ въ Парижѣ, пластронахъ рубашекъ; имъ давно уже замѣтно, что „патронша“ (такъ Зину прозвали они сами) занята своимъ кавалеромъ. Но они любятъ вдвоемъ и терпѣливо. Они состоятъ „при ней“, и не хотятъ лучшаго положенія.

Кадриль длилась, конца ей не было съ фигурами, отъ которыхъ дама освободила князя. Продолжительность эта и мучила его, и давала ему неизвѣданное чувство близости къ женщинѣ, разбудившей въ немъ „звѣря“: такъ онъ еще могъ минутами называть свое душевное состоянiе. Когда дирижеръ крикнулъ, точно ему перехватило горло веревкой:

— Saluez ves dames!

Князь былъ такъ близокъ Зинѣ, что ему вся зала, мужчины, женщины—сдѣлались несносны своимъ присутствiемъ. Зачѣмъ они не провалятся разомъ и не оставятъ ихъ вдвоемъ?!..

— Поведите меня въ буфетъ,—сказала ему Зина.—Мнѣ хочется пить...

Онъ стоялъ съ нею у того угла, гдѣ было шампанское, наливалъ его, чокался, самъ пилъ; сзади и сбоку гудятъ около него разговоры... Трудно ему захмѣлѣть. Въ полку его спаивали не разъ, и всегда находили, что онъ—изъ самыхъ крѣпкихъ. Отъ шампанскаго онъ долго не опьянѣетъ; но въ груди прiятно заныло и въ головѣ заиграли тѣ пузырьки, что искрятся въ стаканѣ... Такъ ему гораздо лучше.

Подошелъ Снѣткинъ. Онъ предлагаетъ и ему выпить.

— Молодецъ, Орестъ!—слышитъ онъ его жирный голосъ.—Какая у тебя чудесная учительница... въ танцахъ!..

Они втроемъ смѣются. Этотъ смѣхъ уже не кажется ему ни безстыднымъ, ни неумѣстнымъ. Лучше смѣяться и хоть немного опьянѣть. Въ глазахъ Зины онъ видитъ уже начало опьянѣнiя. Онъ не ошибается... И это ему не противно...

— Мы вмѣстѣ ужинаемъ, за особымъ столомъ,—говоритъ Снѣткинъ и подмигиваетъ имъ обоимъ.

— Да, да!—вскрикнулъ онъ съ Зиной.

Все будетъ устроено. Они усядутся въ комнатѣ налѣво отъ залы, возьмутъ Шварца и Кремлева и еще одну даму—ту брюнетку, что такъ понравилась Зинѣ, и больше никого.

— А твоя невѣста?—шепнулъ ему Снѣткинъ.—Маменька огорчится, если ты ее посадишь...

И въ отвѣтъ онъ вдругъ дѣлаетъ движенiе головой, ухарское, почти нахальное, и говоритъ:

— Дѣвицъ не нужно!

Всѣ трое опять смѣются. Ему хорошо въ этой грязи: чужая жена, вообще женщина, чуждая ему, его душѣ, и онъ желаетъ ее... такъ грѣховно, и уже не стыдится, а говоритъ ей, всѣмъ своимъ существомъ, что она найдетъ въ немъ своего сообщника въ паденiи, если только онъ ей не противенъ.

— Oreste!—окликнули его уже въ третій разъ.

Но онъ ничего не слышитъ.

— Княгиня!—толкнулъ его Снѣткинъ.

— Quoi, maman?—спросилъ онъ ее, и не узналъ ни голоса своего, ни тона.

Княгиня поглядѣла на него, на его даму и товарища, и въ этомъ взглядѣ былъ нѣмой упрекъ; но онъ до него не дошелъ.

— Ah! la contredanse!.. Je n'oublie pas!

Онъ говорилъ по-французски. Русскія слова у него нейдутъ какъ-то съ губъ. Мать позвала его жестомъ головы; когда онъ подошелъ къ ней, извинившись передъ Зиной, княгиня попеняла ему, что онъ совсѣмъ забываетъ Ольгу. Онъ чуть-чуть не сказалъ ей:

„Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ сватовствомъ".

— Donne-moi ton bras.

Съ неохотой подалъ онъ руку матери и, уходя, обернулся къ Зинѣ и Снѣткину.

— Что же, сестричка? теперь будете отнѣкиваться? А?..

— Нѣтъ, не буду,—отвѣтила Зина, и они чокнулись.

— Рецидивъ?

— Нѣтъ... совсѣмъ новая...

— Что новая?.. Болѣзнь?

— Очень пріятная...

Они выпили залпомъ.

— Поживите хотя за меня,—заговорилъ Снѣткинъ другимъ тономъ.

— Это еще что?

— Здѣсь, вотъ, въ Питерѣ... Я ѣду... на-дняхъ...

— Куда?

— Въ мѣстечко Парижъ.

— Съ ней?—спросила Зина.

— Yes...

Снѣткинъ вздохнулъ.

— И надолго?

— До истощенія финансовъ.

— А потомъ?

— Узнаете...

— Ахъ, Снѣткинъ! Пожалуйста, не пугайте... Я вѣдь не Надя...

Она не желала никакихъ намековъ, смущающихъ ея настроеніе. Болтать „по холостому"—вотъ что онъ обязанъ былъ дѣлать.—И ихъ разговоръ у буфета дѣлался все скабрёзнѣе,

забавлялъ ее контрастомъ съ невиннымъ характеромъ этой „sauterie“ для барышенъ.

Они пошли подъ руку въ залу, отыскивать князя, выручить его, бѣднаго. Мать не на шутку собралась его женить.—Зина стала сочинять вслухъ цѣлую исторію, гдѣ она будетъ играть роль „тигрицы“. Слово „тигрица“ очень ихъ забавляло.

Въ гостиной играли въ карты на двухъ столахъ. За однимъ—Рынинъ съ молодой дамой и двумя маменьками. Онъ исполнялъ свои обязанности съ такой серьезностью, что и Зина, и Снѣткинъ не могли его не одобрить. О немъ они говорили точно будто онъ былъ не мужъ Зины, а дядя или опекунъ, съ которымъ она будетъ выѣзжать зимой, въ „хорошіе дома“,—подсказалъ Снѣткинъ.

У Зины не было того же пріятнаго желанія „le mettre dedans“, какъ въ Ширяевѣ; но безъ всякаго усилія, просто, какъ самую законную вещь, она признавала полезнымъ, необходимымъ и естественнымъ оградить свое теперешнее „удовольствіе“ отъ всякаго контроля и вмѣшательства мужа.

Рынинъ что-то хотѣлъ ей сказать. Она подошла къ нему.

— Ты хочешь ѣхать? Устала?—спросилъ онъ ее мягко.

— Нисколько. Мы будемъ ужинать.

— Гдѣ?

— Не знаю.

Заиграли вальсъ, и Снѣткинъ увлекъ ее въ залу. Но на второй туръ ея талію держалъ князь и вертѣлъ ее порывисто. Она не вѣрила тому, что вальсируетъ съ нимъ; но его рука обличала такое волненіе, и глаза глядѣли не въ даль, а на нее, и губы вздрагивали.

„Богомолецъ!—смѣялась она внутри себя:—каково?.. Вотъ такъ успѣхи!..“

Голова закружилась у нихъ обоихъ, послѣ трехъ круговъ по залѣ. Съ вальса, между ними то „что-то“, которое овладѣло и княземъ, уже не пряталось, не колебалось, прямо заявляло себя. Онъ танцовалъ и съ блондинкой—по обязанности—но ихъ раздѣляло только разстояніе отъ одной стѣны залы до другой. Они не переставали уже быть вмѣстѣ и до котильона, и во время его. Ужинъ прошелъ шумно, какъ они условились съ Снѣткинымъ, за отдѣльнымъ столомъ. Князь не побоялся огорчить мать свою. Ольга Курчаева была имъ оставлена въ столовой. За однимъ столомъ съ нею очутился Рынинъ.

Стали разъѣзжаться, а они все ужинали... Князь провожалъ

Зину до подъѣзда и, когда мужу подавали шинель, сказалъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Какъ я былъ глупъ!

Шварцъ и Кремлевъ подсаживали Зину въ карету. Голова у нея кружилась.

— Ты, кажется, задумала месть женщины?—выговорилъ Рынинъ, кутаясь въ шинель.

— Что такое?—не разслышала Зина.

— Такая пьеса есть, Сарду—„Fernande". Русское заглавіе: „Месть женщины". Святошу я не узналъ... Или желаешь разстроить его свадьбу?

— Можетъ быть!..

Эти слова были сказаны задорно, и въ звукахъ слышался ужинъ съ шампанскимъ.

— Не обожгись,—замѣтилъ онъ, безъ раздраженія, тѣмъ тономъ превосходства, который не такъ давно приводилъ ее въ бѣшенство.

Но ничто не могло ее вывести изъ ея новаго настроенія. Что бы ни говорилъ этотъ полковникъ, считающійся ея мужемъ, ей рѣшительно все равно.

— Ça y est!—повторила она про себя; ея глаза слипались.

Она осталась бы, такъ, въ каретѣ, всю ночь, съ той же головой, гдѣ все танцовало и искрилось, съ замираніемъ сердца, не прежнимъ, жалкимъ и робкимъ, а сладкимъ—и грѣшнымъ, и хищнымъ,—съ сознаніемъ побѣды и чарующаго паденія, которое такъ близко... Завтра, послѣ-завтра...

— Зина, мы пріѣхали,—разбудилъ ее голосъ мужа.

— Какъ жалко!..—подумала она вслухъ.

П. Боборыкинъ.

ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ

ВЪ

АМЕРИКѢ.

„Всемогущій долларъ“ все съ бо̀льшею и бо̀льшею настойчивостью выступаетъ на первый планъ въ жизни Соединенныхъ Штатовъ, и притомъ проявляетъ—какъ увѣряютъ здѣсь—все бо̀льшую и бо̀льшую склонность сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ лицъ, въ ущербъ общаго благосостоянія массъ.

Это послѣднее утвержденіе представляется намъ однако же далеко недоказаннымъ. Но что преклоненіе передъ практическими успѣхами въ жизни и неизмѣнно связаннымъ съ ними богатствомъ усиливается въ Штатахъ и начинаетъ вести къ упраздненію многихъ условій, прежде почитаемыхъ необходимыми — того не станетъ отвергать никто. Лучше ли, выше ли была прежняя мѣрка человѣческихъ качествъ и достоинствъ — вопросъ иной; но что прежніе общественные идеалы отступаютъ на задній планъ передъ идеаломъ богатства—фактъ неопровержимый, вызванный самою жизнью, и съ нимъ приходится считаться. Если прежніе идеалы и немногимъ стояли выше — все же то были идеалы, подсказываемые людямъ душевными тенденціями ихъ, а не однимъ безприкрашеннымъ разсчетомъ, какъ теперь.

Каковы бывали требованія, предъявляемыя здѣсь человѣку хотя бы въ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годахъ, для того чтобы доставить ему средство войти и удержаться въ одномъ изъ тѣхъ „наиболѣе респектабельныхъ“ кружковъ того или другого изъ многочисленныхъ здѣсь городовъ, каждый изъ которыхъ непре-

мѣнно почиталъ себя „центромъ“ большей или меньшей притягательной силы?

Въ пуританскомъ Бостонѣ, напримѣръ, требовалась для того, во-первыхъ, принадлежность даннаго человѣка къ какому-нибудь изъ мѣстныхъ протестантскихъ толковъ и, притомъ, значительная доза образованія, и чѣмъ болѣе таковаго — тѣмъ лучше. Теперь же Бостонъ заполоненъ людьми самаго низкаго уровня развитія, преимущественно иностраннаго происхожденія, а „лучшіе слои“ Бостона—когда-то гордившагося названіемъ „американскихъ Аѳинъ“ —пропадаютъ отъ зависти передъ недосягаемымъ для нихъ блескомъ заѣзжихъ нью-іоркцевъ, съ ихъ бьющею въ глаза роскошью и дешевымъ остроуміемъ. Въ Филадельфіи, гдѣ въ былое время первымъ вопросомъ о новомъ человѣкѣ было: „кто его дѣдъ, и кто его прадѣдъ“, гдѣ закрыты были всѣ двери людямъ, не имѣющимъ длинной родословной, гдѣ преобладали честность и простота, введенныя первыми поселенцами, квакерами,—въ Филадельфіи теперь всюду проберется и всѣхъ къ себѣ залучитъ любой богачъ, способный давать хорошіе обѣды. Въ Нью-Іоркѣ, наконецъ,— гдѣ необходимо почиталось для всякаго респектабельнаго гражданина вести свою родословную отъ старыхъ гражданъ, поселившихся здѣсь еще тогда, когда Нью-Іоркъ звался Новымъ Амстердамомъ,—нѣтъ теперь лучшаго паспорта въ обществѣ, какъ репутація владѣльца массы долларовъ, порою подправленная слегка никѣмъ не провѣряемыми смутными сказаніями о родственныхъ связяхъ богача съ какою-нибудь изъ семей англійской аристократіи; и даже такія гордыя, богатыя и, по здѣшнимъ понятіямъ, старинныя семьи, какъ Асторы, которымъ дурно, бывало, дѣлалось отъ соприкосновенія съ „новыми богачами“ —и тѣ поступились своею спѣсью и снизошли до знакомства съ семьей грубоватаго Вандербильта, лишь только тотъ прислалъ имъ приглашеніе на свой балъ, давъ имъ стороною понять, что если и это приглашеніе будетъ отклонено, какъ прежнія, то онъ поквитается съ ними на биржѣ. О прежней гордости южныхъ плантаторскихъ семей не остается и слѣда, развѣ только въ порядочно обветшалыхъ „послѣднихъ могиканахъ“, затерянныхъ въ глухой провинціи: весь югъ застроился фабриками и потомки плантаторской аристократіи сплошь заражаются духомъ торгашества. Одни большіе центры американскаго Запада, съ Чикаго во главѣ, не измѣнили своихъ общественныхъ идеаловъ—и это лишь потому, что сами эти центры возникли или разрослись только за послѣднія десятилѣтія: Западу и его жителямъ несомнѣнна въ будущемъ первенствующая, руководящая роль въ Союзѣ; онъ и теперь мо-

жетъ похвалиться тѣмъ, что первый водворилъ у себя культъ богатства: но тогда это былъ скорѣе культъ успѣха, о которомъ свидѣтельствовало богатство, культъ энергіи, культъ тѣхъ силъ, физическихъ и умственныхъ, которыя доставляютъ человѣку побѣду въ жизненной борьбѣ, и только при широкомъ распространеніи въ массахъ этотъ культъ перешелъ въ простой и неподкрашенный культъ золотого тельца.

Но какъ бы то ни было, успѣхъ, богатство, почести въ Соединенныхъ Штатахъ такъ нераздѣльны, что ихъ приходится разсматривать сообща, заботясь лишь о томъ, чтобъ не смѣшивать причинъ со слѣдствіями.

ГЛАВА I.

Какъ возникли колоссальныя состоянія Вандербильтовъ, Асторовъ и Гульда.

Въ декабрѣ 1885 года внезапно скончался въ Нью-Іоркѣ Уильямъ Вандербильтъ—простой гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ самыхъ заурядныхъ способностей и ума, не заявившій себя при жизни ничѣмъ особенно дурнымъ или хорошимъ, не нажившій себѣ ни преданныхъ друзей, ни отъявленныхъ враговъ. Не прошло и мѣсяца съ его смерти, какъ личность его уже затерялась въ памяти людей; но имя его, конечно, будетъ еще долго жить въ лѣтописяхъ американской жизни, являясь само по себѣ представленіемъ цѣльнаго конкретнаго понятія и быстро прививаясь въ общемъ употребленіи подъ видомъ имени нарицательнаго.

Дѣло въ томъ, что людская молва приписываетъ этому простому гражданину Штатовъ состояніе въ двѣсти, если не въ триста милліоновъ долларовъ, вслѣдствіе чего Вандербильтъ могъ считаться богатѣйшимъ человѣкомъ нашего времени. Въ деньгахъ же, какъ извѣстно, кроется великая сила, и потому, въ виду сосредоточенія такого огромнаго состоянія въ рукахъ одного человѣка, нельзя не признать самый фактъ существованія такого человѣка въ странѣ—явленіемъ, достойнымъ не одного празднаго удивленія толпы, но и серьезнаго изученія и обсужденія со стороны изслѣдователей американской жизни и цивилизаціи.

Но людская молва, могутъ замѣтить, всегда склонна къ преувеличеніямъ: дѣйствительные размѣры состоянія Вандербильта могутъ и не согласоваться съ популярнымъ представленіемъ о немъ.

Въ отвѣтъ на это приходится указать на тотъ общеизвѣстный

въ Штатахъ фактъ, что людская молва, склонная преувеличивать цифры состоянія милліонеровъ, впадаетъ скорѣе въ другую крайность, лишь только милліоны эти умножаются настолько, что не могутъ уже въ умѣ простого человѣка переводиться ни на какія обычныя представленія о покупной способности такого количества денегъ. Какъ ни изощряйся владѣлецъ трехсотъ милліоновъ долларовъ, какъ ни будь онъ склоненъ къ расточительности, все же—пока разумъ его удерживаетъ нормальное равновѣсіе—онъ не въ состояніи будетъ придумать иныхъ тратъ, чѣмъ тѣ, какія доступны всѣмъ владѣльцамъ хотя бы десятой доли его сотенъ милліоновъ.

Вдобавокъ къ тому, состоянія въ двѣсти или триста милліоновъ необходимо возбуждаютъ нескончаемые толки со стороны современниковъ — толки, по большей части, нелестные для ихъ владѣльца, такъ какъ умъ человѣческій отказывается понять, какъ подобное скопленіе денегъ можетъ честнымъ путемъ сосредоточиться въ рукахъ одной семьи всего за два поколѣнія. Даже и тѣ, кто сознаетъ, что капиталъ, достигшій колоссальной величины, быстро увеличивается самъ собою, безъ всякихъ хитрыхъ изощреній со стороны его владѣльца, все же не могутъ признать такое непомѣрное накопленіе богатствъ въ единичномъ владѣніи вещью нормальной или желательной, и относятся къ этому если не съ завистью, то съ положительнымъ неодобреніемъ.

Понятное дѣло, что, въ виду этого, американскіе архи-милліонеры стараются всякими путями отклонить отъ себя вниманіе толпы, не бить ей въ глаза своимъ богатствомъ. Этому же побужденію и должно приписать тотъ фактъ, что они старательно скрываютъ цифру своего состоянія — даже при передачѣ такового по завѣщанію. Отецъ умершаго недавно Вандербильта, старый командоръ Вандербильтъ,—прозванный такъ потому, что нажилъ свои первоначальные капиталы постройкою цѣлаго флота судовъ,—оставилъ сравнительно небольшія суммы денегъ своему старшему сыну, дочерямъ и вдовѣ; все же остальное, включая и непоименованный въ завѣщаніи капиталъ, передалъ второму сыну, Уильяму. Недовольный этимъ распоряженіемъ, старшій сынъ командора, Корнилій, возбудилъ противъ младшаго брата процессъ, вынудилъ его выдать ему еще крупную сумму денегъ, а этимъ путемъ стало и публикѣ извѣстно, что Уильямъ получилъ отъ командора круглый кушъ въ сто милліоновъ долларовъ. Уильямъ Вандербильтъ, въ свою очередь, оставилъ по завѣщанію восьмерымъ своимъ дѣтямъ по десяти милліоновъ долларовъ, все свое движимое имущество, домъ, полмилліона денегъ и ежегодную ренту въ

200,000 долларовъ вдовѣ своей, 1.200,000 долларовъ оставилъ разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, а остальные капиталы завѣщалъ — опять непоименованными — подѣлить поровну двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ. Чему эти послѣдніе капиталы равняются — публикѣ остается неизвѣстнымъ; но, судя по тому, что капиталы эти представляютъ собою цѣлыя желѣзно-дорожныя линіи, принадлежавшія Вандербильту, и сотни тысячъ акцій другихъ дорогъ и пароходныхъ линій, люди, знакомые съ дѣловыми сферами, въ одинъ голосъ говорятъ, что старшимъ сыновьямъ Вандербильта досталось не менѣе какъ по восьмидесяти милліоновъ каждому,—а легко можетъ статься, что и по восьмидесяти-пяти. И эти догадки далеко не голословны, если принять въ соображеніе общеизвѣстный фактъ того, что наслѣдникамъ Вандербильта между прочимъ досталось 50,000 акцій „Lake Shore“; 40,000 акцій „New-York Central“; 30,000 акцій „North Western“; 20,000 акцій „Michigan Central“; кромѣ того, тѣмъ же сыновьямъ Вандербильта перешла цѣликомъ линія „Harlem R. R.“, стоющая 25.000,000 долларовъ, и линія отъ „Spuyten Duyvil“ къ Нью-Іорку, стоющая никакъ не менѣе десяти милліоновъ; кромѣ того, имъ же достанутся принадлежавшія ихъ отцу 4/5 всего капитала, положеннаго въ Вагнеровскую компанію спальныхъ вагоновъ, что̀ равняется еще шести милліонамъ, и множество другихъ акцій въ различныхъ торговыхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ. Если принять, притомъ, во вниманіе, что у покойнаго Уильяма Вандербильта до сорока милліоновъ долларовъ лежало за послѣднее время въ государственныхъ 4% бумагахъ, то станетъ для всякаго очевидно, что тѣ сто милліоновъ долларовъ, что оставлены были —всего семь лѣтъ тому назадъ—старымъ командоромъ Вандербильтомъ сыну Уильяму, за этотъ короткій срокъ болѣе чѣмъ удвоились. Люди компетентные исчисляютъ, что Уильямъ Вандербильтъ, умирая, оставилъ никакъ не менѣе трехсотъ милліоновъ, изъ которыхъ около 217.000,000 подѣлено между двумя старшими его сыновьями.

А какъ, спрашивается, могло совершиться такое баснословное приращеніе капиталовъ?

Конечно, не законнымъ путемъ торговли и промышленности —Вандербильты никогда не „торговали“ въ общепринятомъ значеніи этого термина; желѣзно-дорожныя линіи, контролируемыя Уильямомъ Вандербильтомъ, были всѣ почти отстроены при жизни командора и перешли къ нему уже состоя въ полномъ ходу. Всѣ эти несмѣтныя богатства несомнѣнно составились изъ обломковъ капиталовъ многихъ другихъ лицъ, потерпѣвшихъ финан-

совое крушеніе, и пріобрѣтены Вандербильтомъ въ Wall Street, на нью-іоркской биржѣ, гдѣ онъ, впрочемъ, самъ никогда почти не показывался, производя всѣ операціи свои черезъ своихъ тайныхъ агентовъ и черезъ завѣдомыхъ маклеровъ.

Однако же, подобно другому нью-іоркскому милліонеру, Гульду, Вандербильты могли бы съ основаніемъ отклонить отъ себя обвиненіе въ биржевой игрѣ и спекуляціи. Командоръ и сынъ его Уильямъ — никогда не „спекулировали“: они играли всегда навѣрняка и неизмѣнно оставались въ выигрышѣ въ той занимательной биржевой игрѣ, гдѣ вся суть состоитъ въ томъ, чтобъ обойти кого-нибудь. Система ихъ состояла въ томъ, чтобъ купить что-нибудь дешевле его стоимости, и продать то же за дорогую цѣну. Всѣ эти Вандербильтовскіе милліоны были ими выжаты изъ здѣшней „Wall Street“; и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, проявилась на дѣлѣ та неизмѣнная истина, что биржевая нажива перепадаетъ лишь тѣмъ, кто не ставитъ своихъ шансовъ на рискъ, а самъ руководитъ шансами и контролируетъ цѣнность валютъ.

Нѣтъ, Гульды и Вандербильты никогда не спекулируютъ: это предоставляютъ они публикѣ. Любимая система Вандербильта состояла въ томъ, чтобы искусственнымъ образомъ понижать цѣнность какихъ-нибудь акцій, до полной паники ихъ владѣльцевъ, затѣмъ скупить эти акціи за безцѣнокъ, поправить слегка дѣла той линіи, которую эти акціи собою представляли, а затѣмъ перепродать ихъ, наживая по сту и двѣсти процентовъ барыша—безъ всякаго риска, такъ какъ биржевыя цѣны, по большей части, въ такихъ случаяхъ создавались подъ руководствомъ его же — Вандербильта. Конечно, громадное состояніе Вандербильтовъ составилось не только благодаря ихъ финансовой смѣтливости, но и ихъ бережливости. Они не были скупы, но не проживали, конечно, и четверти своихъ доходовъ. Старый командоръ, подъ вліяніемъ жены своей, учредилъ университетъ своего имени въ Алабамѣ, а сынъ его Уильямъ перевезъ сюда на свой счетъ обелискъ, подаренный Штатамъ египетскимъ хедивомъ, потративъ на эту перевозку около 60,000 долларовъ, пожертвовалъ полмилліона долларовъ на нью-іоркскую медицинскую академію, да еще далъ взаймы 150,000 долларовъ покойному генералу Гранту, и, принявъ затѣмъ отъ того въ уплату долга всѣ рѣдкости и сувениры экс-президента, пожертвовалъ ихъ вашингтонскому правительству. Помимо этихъ пожертвованій на пользу общественную, Вандербильтъ не раздавалъ денегъ и тратилъ на себя весьма мало: единственная его забава состояла въ содержаніи кровныхъ быстроходныхъ лошадей,

которыхъ выѣзжалъ онъ самъ; отстроилъ онъ, правда, въ Нью-Іоркѣ домъ, стоившій болѣе милліона долларовъ, и далъ на своемъ новосельѣ въ этомъ домѣ балъ, по случаю котораго имъ выписано было изъ Флориды на 20,000 долларовъ (около 40,000 руб.) живыхъ цвѣтовъ. Но этимъ его кутежъ и ограничился.

Не проявляютъ пока расположенія къ мотовству и сыновья его, за исключеніемъ развѣ одного второго сына—Уильяма К., который, года полтора тому назадъ, къ величайшей досадѣ отца своего, потерялъ добрыхъ три-четверти своего состоянія на нью-іоркской биржѣ; но этимъ онъ, такъ сказать, заплатилъ за науку и, вѣроятно, болѣе на ту же удочку не попадется. Увѣряютъ, будто бы молодому Уильяму К. эта неудача была такъ горька, что онъ рѣшился съ той поры довольствоваться самыми скромными законными процентами на свои капиталы, предоставляя главные свои капиталы въ распоряженіе разсудительнаго своего старшаго брата, Корнилія.

Но если даже допустить и то невѣроятное предположеніе, что сыновья Вандербильта не станутъ стремиться къ чрезмѣрной наживѣ, все же состояніе ихъ будетъ увеличиваться со дня на день, если примѣнить къ нимъ попавшіяся намъ недавно финансовыя исчисленія лондонской газеты „London Spectator“, въ которой состояніе умершаго Вандербильта исчислялось всего въ 35.000,000 фунтовъ стерлинговъ, дающихъ по 5% въ годъ. „Если бы Вандербильтъ,—говоритъ „Spectator“,—тратилъ на себя хотя по 100,000 фунтовъ стерл. ежегодно, все-таки его 35 милліоновъ фунтовъ, помѣщенные на 5%, за какія-нибудь тридцать лѣтъ, не считая сложныхъ процентовъ, обратились бы въ 87.000,000 фунтовъ стерл., а считая и проценты на ихъ проценты, обратились бы, за тридцать лѣтъ, въ сто милліоновъ фунтовъ стерлинговъ—иначе говоря, въ 1.000.000,000 русскихъ рублей“... Страшно подумать, какая общественная сила олицетворяется сосредоточеніемъ такого колоссальнаго состоянія въ рукахъ одного человѣка. Будь онъ надѣленъ стремленіемъ проявить свою власть во всей силѣ, то могъ бы подкупать цѣлыя законодательныя собранія, заставляя ихъ проводить законы въ его интересахъ, могъ бы монополизировать всѣ пути сообщенія, захватить всѣ городскіе водопроводы; могъ бы запереть на время часть своихъ капиталовъ и, такимъ образомъ, произвести панику въ финансовомъ мірѣ, обращая опять разореніе тысячъ капиталистовъ въ свою пользу. Вандербильтъ не былъ одержимъ ни честолюбіемъ, ни властолюбіемъ, и потому былъ, до извѣстной степени, безвреденъ для заурядной публики. Но его примѣръ показалъ, до

какой степени возможно сосредоточеніе огромныхъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, и многіе, конечно, станутъ теперь стремиться слѣдовать его примѣру, а послѣдователи его могутъ быть въ избыткѣ надѣлены чертами характера, являющимися, при содѣйствіи огромнаго богатства, опасными для всей страны.

Уже и теперь Вандербильты не одни здѣсь владѣютъ сотнями милліоновъ.

Нью-іоркскіе Асторы имѣютъ въ распоряженіи своемъ болѣе двухсотъ милліоновъ долларовъ — и это состояніе опять нажито не торговлею и не личнымъ трудомъ. Основаніе ихъ богатству положено дѣдомъ ихъ на мѣховой и другой торговлѣ; тогда же капиталы его были здѣсь положены въ дома и городскіе участки земли; и съ той поры такимъ же образомъ помѣщаютъ всѣ свои деньги сыновья этого богача и его внуки; а такъ какъ, съ быстрымъ ростомъ Нью-Іорка, цѣны на землю и недвижимую собственность растутъ неимовѣрно, въ виду того, что городу негдѣ расшириться на узкомъ островѣ Мангаттанъ, то и состояніе Асторовъ растетъ само собою, не по днямъ, а по часамъ, безо всякаго для нихъ риска, такъ какъ въ немногихъ биржевыхъ своихъ операціяхъ Асторы дѣйствуютъ не иначе, какъ при полной увѣренности въ барышѣ. Подобно Вандербильтамъ, Асторы не имѣютъ никакой возможности, ни охоты проживать свои доходы, и помѣщаютъ излишекъ таковыхъ опять въ городскую землю и дома. Основатель ихъ состоянія увѣковѣчилъ свое имя учрежденіемъ великолѣпной публичной библіотеки его имени въ Нью-Іоркѣ; на ту же библіотеку жертвуютъ порою крупныя суммы и наслѣдники его, но, помимо того, ихъ пожертвованія весьма невелики и больше ограничиваются разными годичными обѣдами для бѣдныхъ и больныхъ въ больницахъ и т. п. предпріятіями, не требующими большихъ затратъ.

Въ настоящее время самымъ богатымъ членомъ семьи Асторовъ является Джонъ-Яковъ Асторъ, который получилъ двѣ-трети состоянія своего отца, т.-е. около 130.000,000 долларовъ; это было еще въ 1875 году. Съ той поры состояніе Астора значительно увеличилось, такъ что полагаютъ, что единственному сыну его достанется, по меньшей мѣрѣ, около полутораста милліоновъ, которые снова будутъ расти и расти, такъ какъ единственный сынъ этотъ, Уильямъ Вальдорфъ Асторъ, ожегшись разъ на политикѣ, потратя 70,000 долларовъ на свое избраніе въ конгрессъ и не добившись таковаго,—вполнѣ предался изящнымъ искусствамъ и литературѣ, къ которымъ проявилъ большую склонность за послѣдніе года, проведенные имъ въ Римѣ въ ка-

чествѣ посланника Соединенныхъ Штатовъ. Трудно и сообразить, до какихъ размѣровъ дойдетъ, въ концѣ концовъ, состояніе этой разсчетливой семьи, надѣленной, притомъ, самыми скромными и недорогими вкусами.

Какъ Вандербильты, такъ и Асторы, отличающіеся такимъ талантомъ сохраненія и увеличенія капиталовъ своихъ безъ риска — происхожденія германскаго: дѣдъ теперешнихъ Асторовъ прибылъ сюда безъ гроша въ карманѣ изъ Баваріи, а предокъ Вандербильтовъ явился сюда въ такомъ же видѣ изъ Голландіи.

Неизвѣстно, кто были предки другого нью-іоркскаго милліонера, Джея Гульда, но самъ онъ представляетъ уже совершенно иныя особенности, чѣмъ респектабельные Асторы или безмятежные Вандербильты. Джей Гульдъ уже и не щука, пущенная въ воду на то, чтобъ карась не дремалъ, а цѣлая акула. Личность его проявляетъ собою гораздо болѣе индивидуальности, чѣмъ всѣ Асторы и Вандербильты, взятые вмѣстѣ; энергія бьетъ въ немъ неистощимымъ ключомъ, а самоувѣренности нѣтъ предѣловъ, тѣмъ болѣе, что совѣсть его весьма растяжима и отнюдь не стѣснена излишествомъ нравственныхъ принциповъ. Народное воображеніе представляетъ себѣ Гульда въ здѣшнихъ финансовыхъ слояхъ полнымъ воплощеніемъ владыки преисподней; власть его на зло признается неизмѣримой; многіе взираютъ на него съ суевѣрнымъ страхомъ, будто на какую-то сверхъестественную вредоносную силу, и, надо сказать, самъ онъ всѣми силами старается поддержать этотъ суевѣрный къ себѣ страхъ. Про него уже едва ли можно сказать, чтобы онъ старался сбавлять цифру своего состоянія: хотя Гульдъ слишкомъ уменъ, чтобъ хвастать своимъ богатствомъ, онъ все-таки, съ немалымъ, повидимому, удовольствіемъ, представилъ въ 1882 году членамъ одной слѣдственной коммиссіи цѣлыхъ 50 милліоновъ долларовъ своихъ денегъ, помѣщенныхъ въ государственныхъ бумагахъ, присовокупляя, что — буде на то ихъ желаніе — онъ имъ можетъ представить одновременно еще цѣлыхъ два воза акцій и облигацій. Храбростью Гульдъ обладаетъ не малою, но и онъ при одномъ случаѣ такъ струсилъ возможности нашествія толпы нью-іоркскихъ санкюлотовъ на свой домъ, что цѣлыхъ двѣ ночи провелъ, скрываясь въ отелѣ „Уиндзоръ". Вообще же онъ не стѣсняется проявлять свою власть и силу, гдѣ бы ему ни потребовалось, и весьма извинительно гордится тѣмъ фактомъ, что самъ, однимъ умомъ и находчивостью своей, нажилъ свои сто милліоновъ. На чемъ его скопленіе богатствъ остановится, нельзя и предугадать, такъ какъ Гульду

теперь всего пятьдесятъ лѣтъ, и, несмотря на хрупкую внѣшность, здоровье и силы его находятся въ наилучшемъ состояніи.

Здѣсь, въ Штатахъ, Гульда зовутъ Наполеономъ финансовъ, и это названіе онъ заслужилъ уже до значительной степени. Личная исторія этого человѣка, столь замѣчательнаго по своему давленію на общественную жизнь, сама по себѣ представляетъ не малый интересъ; на ней стоитъ не надолго остановиться, и это, полагаемъ, не помѣшаетъ общему характеру нашей статьи.

Подобно громадному большинству американскихъ богачей, пробившихся на широкую дорогу собственными силами, Гульдъ родился въ деревнѣ. Отецъ его былъ мелкій фермеръ, имѣвшій 20 коровъ, которыхъ босоногій мальчикъ, Джей Гульдъ, и выгонялъ ежедневно на пастбище. Въ школу онъ попалъ не надолго, да и то въ самую первобытную—сельскую. Четырнадцати лѣтъ Джей отпросился у отца на заработокъ—и съ той ранней поры уже всегда жилъ на свои средства. Сначала онъ взялся вести книги одного кузнеца, работая за комнату и столъ; за такое же скудное вознагражденіе перешелъ онъ, годъ спустя, приказчикомъ въ сельскую лавку, гдѣ, по обыкновенію, продавалось все, начиная съ ювелирныхъ вещей, матерій на платья и кончая свинымъ саломъ и колесной мазью. У него была врожденная охота къ математикѣ: весь день работалъ онъ въ лавкѣ, но вставалъ въ три часа утра и усердно учился всему, чему занятыя у одного сосѣда книги могли научить его по части математики и землемѣрнаго искусства. Пройдя, что̀ могъ одинъ, въ теоріи, онъ прямо нанялся на практическія работы къ землемѣру, за плату по 20 долларовъ въ мѣсяцъ. Вскорѣ послѣ того молодой Гульдъ совсѣмъ измѣнилъ свое классическое имя Язона (Jason) на короткое: Джей (Jay), о чемъ нельзя не пожалѣть въ настоящее время, когда къ нему такъ подошла бы кличка древняго удачника по части добыванія золотого руна. Первая карта, составленная Гульдомъ, представляетъ собою Делаверское графство въ Нью-Іоркѣ, гдѣ самъ онъ родился въ 1836 году; карта эта помѣчена 1856 годомъ; 23-хъ лѣтъ Джей Гульдъ состоялъ уже помощникомъ на кожевенномъ заводѣ. Перепробовавъ нѣсколько другихъ занятій, Гульдъ — по его собственному свидѣтельству—впервые вступилъ въ Нью-Іоркъ, привезя съ собою на продажу имъ же изобрѣтенную мышеловку; проѣздомъ по городской конкѣ, эту мышеловку у него украли; онъ же, спохватясь во̀-время, соскочилъ въ догонку за воромъ, схватилъ того за шиворотъ и, за-одно съ нимъ, въ качествѣ свидѣтеля, запертъ былъ въ городскую кутузку. Такъ провелъ онъ свою первую ночь въ Нью-Іоркѣ.

Вскорѣ затѣмъ счастье впервые улыбнулось Джею Гульду, и съ той поры удачи его шли непрерывнымъ чередомъ. Въ одномъ городскомъ отелѣ онъ познакомился съ дочерью крупнаго желѣзно-дорожника, мистера Миллера, и женился на ней—тайкомъ отъ ея семьи. Отецъ сперва разсердился, но затѣмъ простилъ молодыхъ людей и скоро оцѣнилъ умъ и способности своего зятя по достоинству. Первымъ дѣломъ, тесть послалъ Гульда принять подъ свое управленіе, стоявшую на краю банкротства желѣзнодорожную линію „Renselaer and Saratoga R.R.“, въ которой Миллеръ былъ заинтересованъ. Гульдъ быстро поправилъ дѣла дороги, но передъ тѣмъ скупилъ за безцѣнокъ огромное количество ея акцій; когда же, затѣмъ, цѣна на акціи поднялась, Гульдъ всѣ свои распродалъ и разомъ нажилъ на этой операціи 750,000 долларовъ. Такой же системы дѣйствій держался затѣмъ Гульдъ во всѣхъ своихъ операціяхъ: возьметъ въ руки негодную желѣзную линію, захватитъ по дешевой цѣнѣ множество ея акцій, поправитъ дорогу, приведетъ дѣла общества въ порядокъ, а затѣмъ спуститъ акціи съ огромнымъ барышомъ.

Переселясь въ Нью-Іоркъ окончательно, Джей Гульдъ весь ушелъ въ биржевую агитацію; любимымъ его дѣтищемъ, по части дѣловыхъ операцій, стала телеграфная компанія „Western Union“, сѣть проволоки которой расходится на весь Союзъ и соединяется кабелемъ съ Европой. Сперва Гульдъ держался акцій „American Union Telegraph Company“, и когда между этими двумя телеграфными линіями поднялось соперничество, Гульдъ разными операціями подорвалъ фонды „Western Union“, не допуская эту компанію проводить линій вдоль его, Гульдовскихъ, желѣзныхъ дорогъ; поразоривъ это общество и захвативъ въ свои руки порядочный кушъ его акцій, Гульдъ далъ ему генеральное сраженіе и принудилъ его не только сдаться, но и его самого избрать директоромъ. Подъ руководствомъ Гульда дѣла „Western Union“ пошли блестяще; въ 1882 году оно скупило „American Union“, и теперь капиталы, помѣщенные въ акціи „Western Union“, доходятъ до 80.000,000 долларовъ, изъ которыхъ 20 милліоновъ—въ рукахъ самого Гульда. Такимъ путемъ, Гульдъ мало-по-малу захватилъ себѣ монополію телеграфовъ въ странѣ, подрывая всѣхъ соперниковъ, и направилъ дѣло такъ, что „Western Union“ вошло въ соглашеніе и заключило съ четырьмя союзными за-атлантическими кабельными компаніями контракты, въ которые, между прочимъ, включена была слѣдующая многозначительная статья: „Когда по кабелю передаются какія бы то ни было извѣстія, такъ или иначе касающіяся интересовъ общества

„Western Union“, обществу этому предоставлено будетъ право таковыя извѣстія просматривать“. А такъ какъ затѣмъ представлялось невозможнымъ предугадать, какія извѣстія могутъ затрогивать интересы „Western Union“, если не просмотрѣть всѣ, то на практикѣ устроилось такъ, что всѣ заграничныя телеграммы, немедленно по полученіи, отправлялись въ главную контору „Western Union“, на просмотръ агентамъ Гульда.

Получая, такимъ образомъ, первый всѣ политическія и финансовыя извѣстія изъ Европы, Гульдъ этими извѣстіями пользовался для биржевого ажіотажа—подготовлялъ всѣ свои планы финансовыхъ компаній заблаговременно, когда другіе финансисты не могли еще и предвидѣть, что̀ можетъ воспослѣдовать.

Но даже и этого не показалось Гульду достаточнымъ. Какъ паукъ, старался онъ растянуть сѣти свои все на бо̀льшій и бо̀льшій районъ. Ему показались малы его выгоды, и онъ протянулъ свои руки дальше: задался дерзкою мыслью контролировать печать страны, такъ же какъ контролировалъ онъ телеграфныя извѣстія, получаемыя со всѣхъ концовъ Союза черезъ компанію „Associated Press“. Компанія эта снабжаетъ, за извѣстное вознагражденіе, газеты Союза новостями, передаваемыми отовсюду по телеграфу; такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ не стоило бы держать для того спеціальныхъ корреспондентовъ, то собраніе мѣстныхъ извѣстій и передача ихъ въ „Associated Press“ возложены были на телеграфистовъ, т.-е. прямыхъ агентовъ Гульда, которые обязательно придавали передаваемымъ имъ новостямъ извѣстный колоритъ, въ интересахъ операцій Гульда. Въ Нью-Іоркѣ это общество собиранія извѣстій—„Associated Press“—поставляетъ свои депеши лишь первоначальной ассоціаціи шести главныхъ столичныхъ газетъ: „Tribune“, „World“, „Express“, „Herald“, „Times“, „Sun“ и „Journal of Commerce“. Каждая изъ этихъ газетъ имѣетъ на совѣтахъ „Associated Press“ своего представителя, и большинствомъ голосовъ этихъ представителей рѣшаются всѣ дѣла, касающіяся способа собиранія новостей и распространенія ихъ черезъ „Associated Press“. Этотъ-то совѣтъ представителей столичной прессы Гульдъ и рѣшился захватить въ свои руки. Онъ уже и прежде субсидировалъ двѣ газеты—республиканскую „Tribune“ и демократическую „World“—распоряжался, какъ хотѣлъ, съ „Express“ и черезъ эти три о̀ргана печати распространялъ въ публикѣ извѣстія, соотвѣтственныя его назрѣвающимъ планамъ. Всѣ представители этихъ трехъ газетъ на совѣтахъ „Associated Press“ были его покорными слугами, но большинство голосовъ все еще было за представителями неза-

висимыхъ органовъ печати. Тогда Гульдъ сталъ употреблять всѣ средства къ тому, чтобъ скупить одну изъ газетъ противнаго лагеря, но къ чести американской печати надо сказать, что это ему такъ и не удалось. Сознавъ невозможность успѣть въ этомъ дѣлѣ, Гульдъ пересталъ субсидировать „World", и эта газета перешла въ другія руки, отъ Гульда теперь не зависитъ и ведется прекрасно.

Но алчность и дерзость Гульда уже возбудили серьезныя опасенія представителей печати и дѣловыхъ сферъ. Собственникъ газеты „New-York Herald" рѣшилъ прекратить контроль Гульда надъ депешами, получаемыми изъ Европы, и съ этою цѣлью вступилъ въ товарищество съ извѣстнымъ американскимъ богачомъ, Джономъ Маки (John Mackey), и нѣкоторыми англійскими капиталистами, и учрежденная имъ компанія провела отсюда новый кабель на Ирландію, Англію и Францію. По этому кабелю теперь получаются депеши дешевле прежняго, и онѣ уже не подпадаютъ пересмотру Гульдовскихъ цензоровъ.

Такимъ путемъ давленіе Гульда на печать и общественное мнѣніе было значительно посбавлено; но сила его вліянія на законодательныя собранія различныхъ штатовъ, которыми проходятъ его желѣзно-дорожные линіи и телеграфы, не можетъ быть и приблизительно исчислена: желѣзныя линіи, состоящія подъ его контролемъ, тянутся на тысячи миль, отъ Атлантическаго побережья въ самый Техасъ, и интересы, связанные съ этою собственностью, заставляютъ Гульда зорко слѣдить за тѣмъ, какими путями добится, въ разныхъ пунктахъ, сподручнаго ему состава судей, членовъ собраній и прочаго нужнаго люда. Все это Гульдъ устроиваетъ такъ хитро и тихо, что дѣла его идутъ прекрасно, а орудія его дѣйствій рѣдко становятся извѣстными.

Главная причина успѣха Гульда, несомнѣнно, заключается въ его личномъ умѣ и энергіи, не стѣсняемыхъ никакими нравственными принципами. Для достиженія своихъ цѣлей или даже въ видахъ простой наживы, Гульдъ не затрудняется лгать напрямикъ и нерѣдко спокойнымъ духомъ ведетъ къ разоренію даже личныхъ своихъ друзей, если ихъ разореніе можетъ содѣйствовать его собственному обогащенію: здѣсь и теперь часто вспоминаютъ о томъ, какъ въ страшную пору здѣшнихъ огульныхъ банкротствъ, „Черную Пятницу"—24-го сентября 1869 года, Гульдъ потопилъ въ биржевой бурѣ нѣсколькихъ преданныхъ ему людей, давая имъ фальшивые совѣты насчетъ того, какъ въ данномъ кризисѣ поступать. Направя такъ друзей, самъ Гульдъ сталъ дѣйствовать совершенно иначе и нажилъ много милліоновъ при всеоб-

щихъ банкротствахъ этого финансоваго кризиса. Сила этого человѣка далеко не сломлена и теперь, и способность его на зло, по прежнему, является постоянною угрозою даже для общественныхъ интересовъ страны.

ГЛАВА II.

Удачники періода золотопромышленной горячки въ странѣ и способы ихъ обогащенія.

Приведенными въ предыдущей главѣ фамиліями, собственно говоря, и ограничивается число американскихъ богачей, состояніе которыхъ исчисляется сотнями милліоновъ. Есть, правда, еще одинъ американскій гражданинъ, близко къ нимъ богатствомъ подходящій,—а именно, Джонъ Маки (Mackey), извѣстный и Европѣ владѣлецъ золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ въ штатѣ Невадѣ. Предполагается, что и его состояніе равняется полутора милліонамъ долларовъ; но это чисто-гадательное предположеніе: пожелай Маки продать свои пріиски, за нихъ дали бы ему не болѣе 60-ти милліоновъ долларовъ, хотя, въ дѣйствительности, какъ говорятъ, богатые пріиски эти положительно неистощимы. Люди знающіе утверждаютъ, что Джонъ Маки не могъ бы самъ дать—если бы и захотѣлъ—даже приблизительно вѣрную цифру своего состоянія; семья его проживаетъ въ Парижѣ, какъ говорятъ, около двухъ милліоновъ долларовъ въ годъ,—считая тутъ, вѣроятно, и покупку драгоцѣнныхъ камней, которыхъ у миссисъ Маки имѣется огромная коллекція.

Маки принадлежитъ къ той группѣ американскихъ милліонеровъ, которые извѣстны здѣсь подъ именемъ удачниковъ 1848—1849 годовъ; иначе говоря, основаніе своему состоянію положили они одновременно съ первымъ проявленіемъ золотопромышленной горячки въ Калифорніи. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что разбогатѣли эти люди непосредственною добычею золотой и серебряной руды, напавъ внезапно на какую-нибудь баснословную залежь драгоцѣннаго металла. Число удачниковъ такого разряда и всегда было весьма не велико; кромѣ того, деньги въ ихъ рукахъ не удерживались—и это по весьма естественной причинѣ. Внезапное обогащеніе, вслѣдствіе необъяснимаго каприза фортуны, всегда вредно дѣйствуетъ на людей, нарушаетъ умственное равновѣсіе даже въ тѣхъ, которые одарены отъ природы наиболѣе свѣтлой головой; легко доставшееся богатство по большей части дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ настойчивому труду и со временемъ переходитъ въ руки его

болѣе энергичныхъ современниковъ. Это подтверждается примѣромъ всѣхъ тѣхъ милліонеровъ, которые стоятъ, по богатству своему, во главѣ здѣшнихъ и калифорнскихъ богачей: если Маки, Флодъ, Фэръ, О'Брайанъ, Сарджентъ, Шаронъ, Джонъ Джонсонъ и другіе обязаны богатствомъ своимъ счастью, то счастье это досталось имъ цѣною долгаго, тяжелаго, усиленнаго труда и терпѣливаго ожиданія и всѣ они въ молодости испытали нужду.

Джонъ Маки впервые прибылъ сюда изъ Ирландіи еще ребенкомъ, образованіе получилъ самое скудное и началъ заработывать деньги работникомъ у одного судостроителя, а затѣмъ держалъ пивную въ Нью-Іоркѣ. „Золотая горячка", проявившаяся въ Калифорніи, подѣйствовала и на его молодую голову, и онъ отправился на далекій западъ въ 1852 году, всего 17-ти лѣтъ отъ роду. Но даже и въ эту раннюю пору жизни, Маки надѣленъ былъ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, и не сталъ тратить время на то, чтобъ пытать свое счастіе на рудникахъ. Онъ занялся снова тѣмъ же, чѣмъ жилъ въ Нью-Іоркѣ, и открылъ въ Санъ-Франциско портерную, которая со временемъ пошла у него очень хорошо; но главная отъ нея выгода для смышленаго молодого человѣка состояла въ томъ, что въ эту портерную стекались рудокопы, приходившіе въ Санъ-Франциско сбывать свою руду; приходили они съ разныхъ концовъ штата и изъ Невады, и тутъ открыто обсуждали свои дѣла: попойки лишь усугубляли откровенныя рѣчи, а молодой, трезвый и смѣтливый хозяинъ портерной, прислуживая покупателямъ, набирался изъ ихъ разговоровъ опыта, и сталъ со временемъ большимъ знатокомъ по части того, какія мѣстныя руды наиболѣе надежны и прибыльны. Цѣлыми годами работалъ онъ, наживая деньги на своей портерной, и лишь въ 1864 году вошелъ въ дѣловое товарищество съ Флодомъ и О'Брайаномъ; затѣмъ въ то же товарищество принятъ былъ и Фэръ.

Всѣ эти компаньоны Маки были людьми болѣе или менѣе одинаковаго пошиба. Флодъ родился въ Нью-Іоркѣ, лѣтъ около шестидесяти тому назадъ, отъ бѣдныхъ родителей и получилъ заурядное образованіе въ публичныхъ школахъ. Поддавшись повѣтрію „золотой горячки", онъ приплылъ въ Калифорнію въ 1849 году и открылъ въ Санъ-Франциско харчевню. Равнымъ образомъ, и О'Брайанъ началъ жизнь въ бѣдности, открылъ свою карьеру содержателемъ харчевни, пробился въ золотопромышленники, потерпѣвъ неудачи на самыхъ различныхъ предпріятіяхъ, и умеръ владѣльцемъ десятимилліоннаго состоянія. Фэръ — третій компаньонъ товарищества—также ирландецъ родомъ, но образованіе

свое получилъ уже здѣсь, въ Иллинойсѣ. 18-ти лѣтъ отъ роду поддался онъ „золотой горячкѣ“ и отправился въ Калифорнію, гдѣ принялся за работу, вооружась обычными тогда доспѣхами рудокопа—заступомъ, кастрюлькой и лопаткой. Иногда счастье ему до того благопріятствовало, что дневной заработокъ его доходилъ до ста долларовъ; въ другіе же періоды онъ недѣлями не могъ добиться отъ руды никакого результата. Но хотя онъ и не богатѣлъ, зато пріобрѣталъ опытность и вліяніе въ мѣстности, и со временемъ сдѣлался общепризнаннымъ экспертомъ по части рудниковъ и, въ этомъ качествѣ, былъ приглашенъ руководить большими предпріятіями.

Изъ такихъ-то, закаленныхъ въ борьбѣ съ жизнью, трудовыхъ опытныхъ людей составилось товарищество, въ которомъ принялъ участіе Маки. Денегъ у нихъ было немного, но за то кредитъ имъ со всѣхъ сторонъ былъ открытъ неограниченный, и они сообща пріобрѣли пріиски, извѣстные теперь подъ названіемъ „Консолидированной Виргиніи и Калифорніи“. Послѣ разновременныхъ другихъ попытокъ, она стала, наконецъ, разработывать одну рудную жилу, признанную другими непригодною. Для нихъ же эта жила—Comstock lode—оказалась совершеннымъ кладомъ, и они быстро превратились въ совершенныхъ королей среди золотопромышленниковъ, стали—какъ ихъ здѣсь зовутъ—Bonanga kings. До какой степени доходна оказалась открытая ими жила, видно изъ того, что она дала драгоцѣнныхъ слитковъ, со времени ея открытія до 1879 года, на сумму въ 350 милліоновъ долларовъ. Съ 1873 по 1879 годъ „Консолидированная Виргинія“ дала съ своей стороны золота на 28 милл., а серебра—на 35 милліоновъ долларовъ. Пріискъ „Консолидированная Калифорнія“ далъ къ тому же времени золота на 50, а серебра на 58 милліоновъ долларовъ. Пріискъ „Виргинія“ былъ открытъ три года раньше пріиска „Калифорнія“, но затѣмъ оба разработывались вмѣстѣ. „Виргинія“ начала давать дивиденды въ маѣ 1875 года, и къ концу 1879 г. дала 51 дивидендъ, которые всѣ въ сложности представляли сумму въ 42.390.000 долларовъ. „Калифорнія“ дала первый дивидендъ въ маѣ же 1876 г., и въ три года дивидендовъ съ нея получено было 34, на сумму въ 31.320.000 долларовъ. Такимъ образомъ, за данный періодъ времени дивидендъ съ обоихъ этихъ пріисковъ равнялся крупной суммѣ 73.710.029 долларовъ.

Личное состояніе Флода оцѣнено въ 36 милліоновъ долларовъ—и это за исключеніемъ недвижимой его собственности и четверти милліона, которые онъ держитъ при себѣ наличными деньгами;

въ Санъ-Франциско онъ выстроилъ домъ, стоившій ему съ обстановкою пять милліоновъ долларовъ; дочери своей, въ день ея рожденія, этотъ бывшій содержатель мелкой харчевни подарилъ недавно два съ половиною милліона долларовъ, и миссъ Флодъ почитается самою богатою молодою дѣвушкою въ Соединенныхъ Штатахъ. Маки своихъ дѣтей не имѣетъ, и все состояніе его, вѣроятно, пойдетъ дочери его жены отъ перваго брака, которая прошлою зимою вышла въ Парижѣ за князя Колонну — члена знаменитой итальянской фамиліи.

Состояніе Фэра исчисляется теперь въ 42 милліона долларовъ, и онъ имѣетъ цѣлыхъ 70 акровъ земли въ самомъ городѣ Санъ-Франциско, гдѣ отстроилъ себѣ домъ въ полмилліона долларовъ. Бо́льшая часть его состоянія нажита была въ сообществѣ Флода на рудникахъ Невады, которые они пріобрѣли послѣ долгихъ колебаній: они внимательно взвѣшивали все, что̀ говорилось объ этихъ рудникахъ посѣтителями харчевни Флода, и не ошиблись, рѣшивъ, наконецъ, что невадскіе рудники самые прибыльные. Фэръ былъ въ 1881 г. избранъ сенаторомъ отъ Невады и до сей поры занимаетъ свое мѣсто въ вашингтонскомъ конгрессѣ.

Много еще и другихъ, менѣе крупныхъ милліонеровъ положили начало своему состоянію вслѣдствіе открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи, но изъ нихъ опять найдется весьма немного такихъ, которые разбогатѣли прямо съ копанья руды.

Значительно теперь поразорившійся „Bonanga king", Джонсъ —также бывшій сенаторомъ отъ Невады—предпринималъ всевозможныя дѣла и разработывалъ въ свое время множество продуктовъ этого штата, который, кромѣ милліонеровъ, гордится и другими продуктами—славится неисчислимыми естественными богатствами; въ Невадѣ находятъ золото, серебро, свинецъ, буру, соль, щелочную соль, мѣдь, сѣру, сурьму, киноварь, сѣрно-кислую известь, графитъ, марганецъ, кобальтъ, мышьякъ, магнезію, квасцы, никель, селитру, желѣзо, каменный уголь и талькъ. Удивительно ли, что при такомъ огромномъ разнообразіи естественныхъ продуктовъ предпріимчивые жители Невады богатѣютъ, а сенаторы изъ нея почитаются богаче всѣхъ своихъ собратовъ въ сенатѣ?

Третій сенаторъ-милліонеръ отъ Невады — недавно умершій Шаронъ, оставилъ послѣ себя до 70-ти милліоновъ долларовъ состоянія; онъ также прожилъ въ Калифорніи цѣлыхъ семь лѣтъ, присматриваясь къ дѣлу прежде, чѣмъ даже пробовать копать руду. Въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ занимался онъ про-

дажею разнаго краснаго товара и одежды рудокопамъ и за все это время скопилъ 50.000 долларовъ, которые затѣмъ и помѣстилъ въ рудники и другія предпріятія, и добился-таки многомилліоннаго богатства.

Еще другой калифорнскій милліонеръ „золотого періода“ — это Сардженть, бывшій, въ президентство Арзсѣра, посланникомъ въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Онъ нажилъ свои первыя деньги на прибыльной адвокатской практикѣ среди рудокоповъ, и уже затѣмъ, присмотрясь къ дѣлу, разбогатѣлъ разумнымъ помѣщеніемъ своихъ денегъ въ золотые и серебряные пріиски.

Огромныя владѣнія недавно умершаго здѣшняго преемника славы сказочнаго „маркиза Карабаса“ еще подтверждають приведенное нами замѣчаніе, что большинство калифорнскихъ богачей 48 — 50 годовъ не копанью руды и не слѣпому счастью обязаны своими милліонами, а личной энергіи, предусмотрительности и умѣнью пользоваться обстоятельствами. Этотъ американскій „маркизъ Карабасъ“ также былъ маркизомъ — и маркизомъ дѣйствительнымъ, хотя и продолжалъ состоять гражданиномъ демократической республики и носить нѣсколько плебейскую фамилію Мёрфи. Маркизъ Мёрфи обязанъ былъ титуломъ своимъ римскому папѣ, который наградилъ имъ его за тѣ огромныя пожертвованія, какія Мёрфи дѣлалъ на католическіе пріюты, училища и больницы. Во время калифорнской золотопромышленной горячки Мёрфи занимался, подобно Шарону, продажею табаку и одежды на стоянкахъ рудокоповъ, много лѣтъ держался профессіи коробейника, расхаживая по странѣ, все выспрашивая и высматривая и помѣщая вырученныя на торговлѣ деньги въ земли, скупаемыя имъ за сущій безцѣнокъ. Со временемъ, Мёрфи значительно расширилъ свои предпріятія и, ставъ маркизомъ, былъ уже однимъ изъ крупнѣйшихъ милліонеровъ. Едва ли будетъ ошибочно заявить, что Мёрфи былъ самымъ крупнымъ частнымъ землевладѣльцемъ на землѣ: въ его владѣніи было 4 милліона акровъ земли въ Мексикѣ, 60.000 акровъ въ Невадѣ и 23.000 акровъ въ Калифорніи. Въ одной Мексикѣ земли его тянутся на цѣлыхъ 60 миль,—т.-е. около 90 верстъ, —представляя собою богатые заливные луга, долины и сосновые лѣса; и за все это Мёрфи первоначально заплатилъ всего 200.000 долларовъ, то-есть по пяти сентовъ—десяти копѣекъ — за акръ. Въ Калифорніи за одинъ 1883 годъ, напр., сборъ съ его воздѣланныхъ полей далъ 55.000 мѣшковъ пшеницы; изъ Невады онъ отправлялъ на востокъ по 6.000 головъ своего скота ежегодно.

Было бы излишнимъ вдаваться въ подробную исторію того, какъ составились состоянія другихъ богачей Калифорніи за время державшейся въ этомъ штатѣ „золотой горячки". Кто изъ нихъ нажилъ первыя тысячи капитала на стиркѣ бѣлья для рудокоповъ въ ту пору, когда тѣмъ, за стирку одной рубашки, приходилось платить по четыре доллара, т.-е. около восьми рублей, и за все остальное—въ пропорціи; милліонеръ d-r Hung Glenn нажился на обозахъ, которыми совершалъ перевозку людей и руды. Маркъ Хопкинъ былъ коробейникомъ; тѣмъ же дѣломъ нажилъ свои первыя деньги и Леландъ Станфордъ, состоящій теперь въ конгрессѣ сенаторомъ отъ Калифорніи, хотя милліоны его были затѣмъ составлены уже на желѣзно-дорожныхъ и другихъ операціяхъ, которымъ онъ давалъ ходъ, пользуясь своими связями съ калифорнскими политиканами. Смѣтка, помогшая этому бывшему торговцу краснымъ товаромъ такъ разбогатѣть, не оставила его, повидимому, и теперь, если судить по недавней его громкой продѣлкѣ. Слухи объ этой продѣлкѣ Станфорда проникли, этою зимою, и въ европейскую печать, возбуждая въ публикѣ трепетное благоговѣніе передъ „просвѣщенною щедростью американскихъ богачей".

Дѣло въ томъ, что Леландъ Станфордъ вдругъ вызвался пожертвовать собственность, оцѣниваемую въ двадцать милліоновъ долларовъ, на устройство такого университета въ Калифорніи, который бы могъ постоять за себя и передъ богатѣйшими изъ старыхъ университетовъ Европы. Конечно, пожертвованіе это было принято Калифорніей съ благодарностью, хотя жертвователь и оговорилъ себѣ право на произвольное измѣненіе условій этого пожертвованія впослѣдствіи и, кромѣ того, контрактомъ обязывалъ штатъ назначить его самого—Леланда Станфорда—попечителемъ надъ этою собственностью, передаваемою имъ штату, и членомъ совѣта, имѣющаго выработывать статуты для предполагаемаго имъ въ Калифорніи университета. Но среди восторженныхъ похвалъ, посыпавшихся со всѣхъ сторонъ на щедраго жертвователя, рѣшительнымъ диссонансомъ прозвучало напечатанное въ газетахъ письмо одного скептика, который изслѣдовалъ дѣло на мѣстѣ и повѣдалъ публикѣ, до какой степени „пожертвованіе" Станфорда выгодно для самого этого благодѣтеля. Во-первыхъ, онъ все еще можетъ отмѣнить это пожертвованіе, когда ему заблагоразсудится; а тѣмъ временемъ, собственность эта, — будто бы обращенная на интересы мѣстныхъ школъ,—по законамъ штата не облагается налогами; самъ же Леландъ Станфордъ, выхлопотавъ себѣ званіе единственнаго надъ этою собственностью

попечителя, вполнѣ самовластно распоряжается ею, сдаетъ въ займы, съ выгодой, земли и дома, изъ которыхъ эта собственность состоитъ, и всячески увеличиваетъ ея цѣнность въ ожиданіи того, когда ему заблагоразсудится приступить къ ея ликвидаціи для составленія капитала на предположенное учрежденіе университета.

Конечно, весьма вѣроятно, что со смертью Станфорда эта собственность и поступитъ на университетъ, такъ какъ у него нѣтъ дѣтей; пока же Станфордъ живъ—а ему едва ли и 50 лѣтъ отъ роду — собственность эта даетъ ему крупный доходъ безо всякаго расхода на налоги и блестящую репутацію просвѣщеннаго благотворителя.

ГЛАВА III.

Дѣятели, возникшіе на почвѣ, подготовленной гражданскою войною.

Хотя тѣ причины, которыя вызвали собою непомѣрное обогащеніе энергическихъ калифорнійцевъ конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, не устранились и до сей поры и будутъ держаться въ силѣ, пока великія естественныя богатства далекаго запада являются открытымъ полемъ для личной предпріимчивости, но первые дѣятели временъ „золотопромышленной горячки“ если и не устарѣли, то должны были до значительной степени отступить на задній планъ передъ новыми дѣятелями періода, послѣдовавшаго за національною войною Юга съ Сѣверомъ въ 1861—65 годахъ.

Сотни томовъ посвящены были описанію великаго національнаго кризиса, изъ котораго наши американскіе современники вышли побѣдителями, отстоявъ единство Союза въ своей страшной междоусобной войнѣ; многіе изъ лучшихъ писателей и мыслителей обоихъ полушарій посвящали себя труду наилучшаго освѣщенія тѣхъ соціальныхъ причинъ, которыя вызвали эту разрушительную войну, и изслѣдованію тѣхъ чертъ американскаго характера и тенденцій, которыя съ наибольшею рельефностью проявились за этотъ тяжелый періодъ національной исторіи. Драматичный фазисъ войны 1861—65 годовъ—освобожденіе негровъ и систематичное угнетеніе прежнихъ рабовладѣльцевъ послѣ войны —сосредоточилъ на себѣ исключительный интересъ публики и писателей какъ здѣсь, такъ и въ Европѣ; а затѣмъ наступила естественная реакція и соотвѣтственное ослабленіе интереса къ дальнѣйшимъ результатамъ великой американской борьбы. Между

тѣмъ исторія того періода перестройки соціальнаго строя жизни въ Штатахъ, который непосредственно слѣдовалъ за войною и истекалъ изъ нея, представляетъ глубокій и важный, по своимъ неотвратимымъ слѣдствіямъ, интересъ, не менѣе самой войны заслуживающій серьезной разработки. Этотъ періодъ жизни Штатовъ еще ожидаетъ своего непредубѣжденнаго историка; но на него, къ сожалѣнію, уже обращены взоры многихъ изслѣдователей здѣшней жизни, стремящихся лишь къ тому, чтобы подгонять факты къ подтвержденію своихъ излюбленныхъ теорій.

Не берясь за непосильную намъ задачу полной группировки тѣхъ факторовъ, которые непосредственно были вызваны четырехлѣтнею кровопролитною междоусобною войною, мы отмѣтимъ здѣсь лишь факты, лежащіе, такъ сказать, на поверхности; укажемъ на тотъ поворотъ въ общественныхъ тенденціяхъ, который вызвалъ новыя условія въ здѣшней общественной жизни со времени войны и отразился на міровоззрѣніи новаго поколѣнія американцевъ, положивъ основаніе новой эрѣ въ практическомъ и моральномъ развитіи страны.

На первомъ планѣ несомнѣнно выступаетъ фактъ упраздненія прежнихъ завѣтовъ пуританской простоты и строгости жизни, проникавшихъ до той поры во всѣ слои природно-американскаго общества штатовъ не-рабовладѣльческихъ, равно какъ и фактъ непомѣрнаго распространенія роскоши въ странѣ, съ окончанія войны, и колоссальныя состоянія отдѣльныхъ лицъ, основаніе которымъ положено среди условій, вызванныхъ войною. Множество людей разбогатѣло самой войною. Послѣ краткаго періода реакціи, послѣдовавшаго за войной, страна вступила въ долгій періодъ усиленной торговой и промышленной дѣятельности, вдалась въ широкія предпріятія, вступила въ періодъ всеобщаго благосостоянія и такъ разбогатѣла, что становится Крезомъ среди другихъ странъ и народовъ. Матеріальное обогащеніе Штатовъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ безпримѣрно въ исторіи народовъ, и въ особенности быстро шло это обогащеніе послѣ войны начала шестидесятыхъ годовъ. Въ одномъ Бостонѣ, напримѣръ, насчитывается теперь восемьдесятъ милліонеровъ на 362,839 человѣкъ жителей; въ Нью-Іоркѣ милліонеровъ и не перечесть; а по всей странѣ найдутся уже не десятки, а цѣлыя сотни тысячъ людей, не имѣвшихъ ровно ничего съ четверть вѣка тому назадъ и которые теперь насчитываютъ свои быстро нажитыя состоянія сотнями тысячъ, милліонами, десятками милліоновъ долларовъ.

Война 1861—65 годовъ повела къ истребленію частной собственности на сумму нѣсколькихъ сотъ милліоновъ долларовъ, а

правительство вынуждено было заключить заемъ въ цѣлыхъ двѣ тысячи милліоновъ долларовъ для того, чтобъ продолжать начатую борьбу и отстоять цѣлость Союза. Казалось бы, эти два факта должны были естественнымъ образомъ побудить націю къ усиленной экономіи, отрезвить умы и упростить условія жизни.

На дѣлѣ же оказалось совершенно противоположное. Внутренній заемъ правительства распространенъ былъ въ народѣ путемъ насильственнаго займа, то-есть огромнаго количества бумажныхъ денегъ, такъ-называемыхъ здѣсь „гринбэковъ"—изъ-за того, что оборотная ихъ сторона зеленаго цвѣта. На каждой такой ассигнаціи полнотою выставлены были слова, свидѣтельствующія о томъ, что бумага эта служитъ представленіемъ о долгѣ, имѣющемъ быть уплаченнымъ—*народомъ же*; а между тѣмъ, по какому-то непонятному умопомраченію, массы, видя, что рынки страны запружены бумажными деньгами, вообразили, что это самое явленіе и свидѣтельствуетъ о богатствѣ страны. Обезцѣненные въ теченіе долгаго времени „гринбэки" естественно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты; но одновременно съ тѣмъ поднялся размѣръ платы за трудъ, уплачиваемый тѣми же бумажками. Получая большее количество долларовъ—хотя бы и дешевыми бумажками—массы народныя не останавливались на обсужденіи сбавленія покупной способности этихъ долларовъ, сказывавшейся постепенно: въ ихъ глазахъ умноженіе числа долларовъ являлось законнымъ побужденіемъ къ такимъ расходамъ, которыхъ большинство трудящагося люда въ былое время себѣ не дозволяло.

Это развращающее вліяніе обезцѣненныхъ бумажекъ и серебряныхъ долларовъ (trade dollars), представляющихъ собою въ дѣйствительности лишь 88% своей наличной стоимости, проникло во всѣ народные слои. Люди достаточные стали вдаваться въ жизни своей въ непомѣрную роскошь, а рабочіе стали тратить деньги на вещи, безъ которыхъ прекрасно прежде обходились; съ теченіемъ времени эти нововведенія становились насущной потребностью ихъ существованія, и результатъ былъ въ большинствѣ случаевъ тотъ, что заработокъ проживался иногда до его полученія, а при внезапномъ наступленіи періода безработицъ рабочіе сразу чувствовали на себѣ бремя неоплатныхъ долговъ.

Но въ первые года послѣ войны безработица еще не проявлялась. Это былъ періодъ лихорадочной, торговой и промышленной производительности. Въ особенности набросились спекуляторы на постройку желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе извѣстнаго

періода времени дороги строились съ лихорадочною поспѣшностью по всѣмъ направленіямъ, въ томъ единственномъ, какъ казалось, предположеніи, что всѣ степи обратятся въ цвѣтущія, многолюдныя торговыя общины, лишь только черезъ нихъ проведена будетъ желѣзная дорога. Подъ вліяніемъ этого курьезнаго предположенія за десять лѣтъ, отъ 1870 по 1880 годъ, какъ свидѣтельствують послѣдніе отчеты по народной переписи, построено было въ Штатахъ 21,307 миль желѣзныхъ линій 336-ю различными компаніями; кромѣ того, въ половинѣ 1880 года, еще 4,861 миля желѣзныхъ дорогъ близились къ окончанію. Круглымъ числомъ, со времени войны здѣсь строилось по 5,000 миль, т.-е. около 7,500 верстъ, желѣзныхъ линій на каждое десятилѣтіе,—и теперь, какъ исчисляетъ какой-то острякъ, американскія желѣзныя дороги могли бы лентой дважды обойти вокругъ всего земного шара.

Въ соотвѣтственной пропорціи стали разработываться естественные продукты страны, открывались новые пріиски, новыя каменоломни, строилась масса новыхъ бумагопрядильныхъ и другихъ фабрикъ.

Радужныя мечты желѣзно-дорожниковъ во многихъ случаяхъ не осуществились, и по линіямъ новыхъ дорогъ не возникало повсемѣстно богатыхъ городовъ и другихъ пунктовъ осѣдлости—будто по мановенію волшебнаго жезла; угольныя копи, каменоломни стали сбавлять плату рабочихъ, а во многихъ мѣстностяхъ и совсѣмъ переставали разработываться. Фабрики — и преимущественно бумагопрядильныя—процвѣтали только на югѣ, тамъ, гдѣ на нихъ переработывался хлопокъ, доставляемый по низшей цѣнѣ мѣстными плантаціями. Мануфактуристы всѣ усилія свои стали направлять на возвышеніе правительственнаго тарифа на ввозные товары, будто бы для охраненія отечественнаго производства отъ опасной конкурренціи; а въ видахъ достиженія этихъ цѣлей мануфактуристы производили, посредствомъ наемныхъ агентовъ, адвокатовъ и лоббіистовъ, давленіе на законодательныя палаты Штатовъ, на федеральный конгрессъ, развращали порою самихъ законодателей страны. Тѣмъ временемъ, толпы рабочаго люда, не находя себѣ заработка, бродили по странѣ, переходя изъ города въ городъ, съ фермы на ферму, вездѣ наступили ужасные года безработицы 1873—77 годовъ, въ теченіе которыхъ города кишѣли голоднымъ людомъ, а сельскія мѣстности стали небезопасными отъ множества поверженныхъ въ отчаяніе бродягъ.

Къ концу семидесятыхъ годовъ, финансы страны были,

однакоже, въ значительной степени поправлены разумными мѣропріятіями Джона Шермана, министра финансовъ въ президентство Гайза, вслѣдствіе которыхъ уплачена была значительная часть государственнаго долга и возстановленъ на твердомъ базисѣ кредитъ страны. Нѣсколько лѣтъ богатаго урожая, до извѣстной степени, устранили безработицу и сообщили новый толчокъ торговлѣ и мѣстному производству.

Черезъ всѣ эти періоды смѣняющагося застоя и процвѣтанія торговли и промышленности въ странѣ, безумная спекуляція тянулась безсмѣнною чредою, заражая собою все большее число людей. Усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ и увеличивающіяся потребности населенія—возросшаго съ 1870 по 1880-й годъ съ 38 милліоновъ на 50 и продолжающаго увеличиваться въ соотвѣтственной пропорціи — дали смѣтливымъ людямъ возможность составить себѣ многомилліонныя состоянія. Къ этому періоду надо отнести огромное приращеніе капиталовъ Вандербильта и обогащеніе Джея Гульда; на тѣхъ же желѣзно-дорожныхъ и другихъ спекуляціяхъ составили себѣ громадныя состоянія такія лица, какъ Гентингтонъ, который можетъ проѣхать отъ Атлантическаго побережья Штатовъ къ Тихому океану — въ теченіе цѣлой недѣли ѣхать исключительно желѣзно-дорожными линіями, или самому ему принадлежащими, или состоящими подъ его личнымъ контролемъ; за тотъ же періодъ времени нажили свои милліоны Джемсъ Кинъ, Миллсъ, Цейрусъ Фильдъ, Руфусъ Хатчъ, Рессель Сэжъ, Виллардъ и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли также быстро разориться, какъ, напримѣръ, Виллардъ, который изъ бѣдныхъ газетныхъ репортеровъ попалъ въ желѣзнодорожные магнаты, построилъ тихо-океанскую желѣзную дорогу черезъ весь американскій континентъ, обчелся въ разсчетахъ на ея возможную доходность и, года два тому назадъ, внезапно потерялъ все свое состояніе, вовлекши за собою въ банкротство множество неповинныхъ въ его безумно-дерзкихъ предпріятіяхъ лицъ. Другіе, болѣе осторожные люди, удержали свое состояніе и до сей поры; и замѣчательно, что тѣ капиталисты, которые съумѣли удержать богатство черезъ всѣ кризисы, были такого рода люди, которые пробивались въ гору долгими усиліями, а не поднялись вдругъ. Достойнымъ представителемъ этого класса людей, не легко выпускающихъ изъ рукъ нажитыя деньги, можно выставить Рёсселя Сэжа, родившагося въ бѣдной сельской мѣстности; онъ былъ поперемѣнно то посыльнымъ, то мальчикомъ при сельской лавкѣ, то клэркомъ, то приказчикомъ; 23-хъ лѣтъ завелъ свою торговлю—сначала розничную, а затѣмъ опто-

вую, составилъ себѣ въ своемъ сосѣдствѣ извѣстную популярность, попалъ въ альдерманы, въ конгрессъ, появился, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ здѣшнемъ биржевомъ мірѣ, сталъ строить западныя желѣзныя дороги, составилъ на разныхъ операціяхъ до восьми милліоновъ долларовъ, а теперь совсѣмъ основался въ здѣшней „Wall street", занимаясь преимущественно устройствомъ разныхъ такъ-называемыхъ pools—операцій, состоящихъ въ томъ, что составляется стачка нѣкоторыхъ капиталистовъ, которые складываютъ часть своихъ капиталовъ на скупку какихъ-нибудь цѣнностей или естественныхъ продуктовъ по обыкновенной цѣнѣ и, захвативъ на рынкѣ весь ихъ избытокъ, окольными путями набиваютъ на нихъ спросъ, а затѣмъ, монополизируя поставку ихъ, наживаютъ большіе барыши.

Другіе богачи послѣдней четверти вѣка нажились менѣе предосудительными путями, какъ, напримѣръ, Александръ Стюартъ, который первый повелъ торговлю свою въ Нью-Іоркѣ на манеръ парижскихъ магазиновъ „Louvre" и „Bon Marché". Онъ прибылъ въ Америку шестнадцатилѣтнимъ юношей изъ Ирландіи—безъ гроша денегъ, но съ нѣкоторымъ образованіемъ, и занялъ мѣсто помощника учителя въ Нью-Іоркѣ, съ 300 долларовъ въ годъ жалованья. На тысячу долларовъ, доставшихся ему затѣмъ по наслѣдству отъ отца, Стюартъ открылъ свою торговлю—и на одной торговлѣ нажилъ затѣмъ всѣ свои 50 милл. долларовъ, никогда не вдаваясь ни въ биржевую игру, ни въ спекуляцію. Въ теченіе многихъ лѣтъ фирма Стюарта уплачивала среднимъ числомъ по 30.000 долларовъ на день таможенныхъ пошлинъ; отъ 60 до 90 тысячъ долларовъ получалось ежедневной выручки въ его магазинахъ, при которыхъ состояло 2.200 человѣкъ служащихъ и куда заходило въ день около 30.000 человѣкъ покупателей. Самъ Стюартъ до самой смерти ежедневно навѣдывался въ свои магазины и пользовался доходомъ, превосходившимъ по размѣрамъ своимъ все, что̀ извлечено было до той поры кѣмъ бы то ни было изъ одной торговли.

Но милліонеры типа Стюарта—явленіе скорѣе отрадное въ странѣ, указывающее на здоровое процвѣтаніе торговли и промышленности; къ сожалѣнію, такого рода богачи немногочисленны: рѣдко кому посчастливится сколотить много милліоновъ на честной торговлѣ, не банкротясь ни разу, тогда какъ милліонеры того калибра, къ которому принадлежитъ вышеописанный Рёссель Сэжъ, чрезвычайно многочисленны, возникаютъ вокругъ разныхъ сомнительныхъ предпріятій цѣлыми группами, какъ осенніе опенки у полусгнившаго пня.

Духъ спекуляціи, раздуваемый на биржахъ капиталистами этого полета и твердо продержавшійся среди всѣхъ другихъ общественныхъ теченій, проникалъ тѣмъ временемъ все глубже и глубже въ народные слои. Страсть къ быстрой наживѣ на чужой счетъ перестала быть принадлежностью тѣхъ, которые, не имѣя добраго имени, не могли имъ и рисковать; даже въ честныхъ, всѣмъ извѣстныхъ съ хорошей стороны людяхъ, какъ-то притупилась способность распознавать „въ дѣлахъ“ хорошее отъ дурного, законное отъ сомнительнаго.

До какой ужасающей степени дошла общественная деморализація отъ этой страсти къ быстрой наживѣ, высказалось съ чрезвычайною рельефностью при банкротствѣ Фердинанда Уарда, повлекшаго за собою разореніе экс-президента Гранта и многихъ другихъ людей. Банкротство это случилось въ первыхъ числахъ мая 1884 г., операціи же Уарда открылись за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Первоначально, Уардъ былъ простымъ уличнымъ мальчишкой, бѣгавшимъ на посылкахъ; мало-по-малу онъ пробился вверхъ, и къ тридцати годамъ проявилъ въ здѣшнемъ финансовомъ мірѣ такую смѣтливость, что снискалъ восторженное удивленіе экс-президента Гранта. Грантъ, неоспоримо, былъ весьма успѣшнымъ полководцемъ; но онъ былъ столь же плохимъ финансистомъ. сколько и дѣльцомъ. А между тѣмъ—по примѣру многихъ другихъ замѣчательныхъ по своимъ талантамъ людей — Грантъ именно и стремился проявить свои силы на такой дѣятельности, къ которой онъ былъ неподготовленъ, да и по природѣ неспособенъ. Грантъ весьма равнодушно относился ко всѣмъ похваламъ, которыя сыпались на него какъ на военнаго героя, и таялъ отъ восторга и польщеннаго самолюбія, когда кто-нибудь намекалъ на то, что онъ—искусный дѣлецъ. Къ тому же въ немъ самомъ, съ годами постояннаго общенія съ богачами, проснулась страсть къ деньгамъ и наживѣ. Пользуясь своимъ личнымъ вліяніемъ и высокимъ положеніемъ въ Штатахъ, экс-президентъ Грантъ произвелъ значительное давленіе на мексиканское правительство и вызвалъ его согласіе на постройку въ Мексикѣ желѣзныхъ дорогъ американскими спекуляторами. Забота объ этихъ мексиканскихъ дорогахъ монополизировала всѣ силы и все время Гранта со времени его кругосвѣтнаго путешествія въ 1877—78 годахъ; но, встрѣтивъ Уарда, Грантъ былъ такъ ослѣпленъ его розсказнями, что рѣшился тутъ же употребить все, чтобъ содѣйствовать его смѣлымъ финансовымъ планамъ и, съ помощью его, разбогатѣть самому. Положимъ, что и тогда Грантъ былъ богатъ, благодаря щедрости его благодарныхъ согражданъ, осыпавшихъ

его денежными пожертвованіями и подарками домовъ и проч.; однако же милліонеромъ Грантъ далеко не былъ, а милліонеромъ ему и хотѣлось стать. Въ Уардѣ, казалось ему,—какъ самъ онъ часто говаривалъ,—открылъ онъ настоящаго Наполеона финансовъ. И этотъ Наполеонъ довелъ его до того Ватерлоо, на которомъ рушилось состояніе не однихъ Грантовъ, но многихъ вполнѣ неповинныхъ людей, довѣрившихъ Уарду свои деньги лишь изъ-за того, что банкъ, открытый этимъ послѣднимъ, носилъ названіе „Grant and Ward", а публика такъ слѣпо вѣрила въ честность Гранта, что клала деньги въ „его" банкъ безо всякаго опасенія.

Въ теченіе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ были довольны, всѣ вкладчики получали большіе доходы; болѣе же всего радовались искусству Уарда Гранты—въ особенности сыновья экс-президента, вступившіе съ Уардомъ въ товарищество на положеніи директоровъ банка и получавшіе по двѣсти и болѣе процентовъ въ годъ на довѣренные ими Уарду капиталы.

Понятное дѣло, что никакое законное предпріятіе, затѣянное банкомъ, не могло давать такихъ чудовищныхъ барышей. Почему же, спрашивается, не доискались директоры банка правды, почему не добились они отъ Уарда доказательствъ того, какими путями доставались ему деньги? Почему? Это „почему" именно и сводитъ насъ лицомъ къ лицу съ фактомъ ослабленія общественной совѣсти въ публикѣ и притупленія чувства сознанія справедливости въ индивидуальныхъ лицахъ. Деньги стали до такой степени необходимы всѣмъ для удовлетворенія непомѣрно растущаго расположенія къ роскоши, что множество респектабельныхъ, общеуважаемыхъ лицъ клали свои деньги въ банкъ Уарда, съ радостью забирали громадные проценты, выдаваемые имъ, и никто не задавалъ директорамъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ насчетъ того, какимъ путемъ эти деньги добывались. Вопросами люди боялись только попортить такъ прекрасно идущее дѣло. И что̀ имъ, въ самомъ дѣлѣ, была въ томъ за нужда?.. ходили между вкладчиками слухи, что будто Уардъ, съ содѣйствіемъ Гранта, установилъ такія связи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что ему постоянно сдаются чрезвычайно выгодные правительственные контракты. Но на какихъ же контрактахъ—хотя бы и правительственныхъ—могла банкирская контора удвоивать капиталы своихъ вкладчиковъ меньше чѣмъ въ одинъ годъ?

Но лишь только вкладчики доходили мысленно до этого тревожнаго сопоставленія фактовъ, они вызывали въ воображеніи своемъ фигуру любимаго народнаго героя; передъ ними возставала его незапятнанная репутація честнаго, неподкупнаго человѣка...

Неужели же такой человѣкъ, какъ Грантъ, дастъ Уарду на пользованіе свое имя и вліяніе на то, чтобъ обирать правительство или кого бы то ни было!?

Но даже и имя генерала Гранта не могло спасти отъ крушенія банкъ, всѣ операціи котораго, какъ впослѣдствіи оказалось, состояли въ томъ, чтобъ занимать деньги у одного лица, и уплачивать проценты на капиталы другого; и когда, въ маѣ 1884 года, совершилось это крушеніе, множество людей поплатилось большею частью своего состоянія — и Грантъ въ ихъ числѣ. Уардъ былъ засаженъ въ тюрьму, но общественное мнѣніе, хотя и признало въ немъ вора, все же не могло не сознавать, что одинъ Уардъ, безъ твердой поддержки такихъ людей, какъ Грантъ съ сыновьями, никакъ не былъ бы въ состояніи успѣшно обойти такъ много людей.

Что экс-президентъ Грантъ не зналъ о распространяемыхъ Уардомъ ссылкахъ на правительственные контракты—это можно почитать вещью доказанной: Грантъ былъ честнымъ человѣкомъ по природѣ своей, и былъ самъ президентомъ въ теченіе восьми лѣтъ, зная прекрасно, что контракты для американскаго правительства никакъ не могли давать такихъ барышей поставщикамъ, тѣмъ болѣе, что сдаются они по конкурсамъ. Но тѣмъ не менѣе остается неизмѣннымъ тотъ фактъ, что въ источникъ громадныхъ доходовъ банка Грантъ вникать не позаботился.

Въ этомъ нельзя не видѣть яркаго знаменія времени. Странному уклоненію должны были подвергнуться идеалы общественной этики, если даже люди, честно прожившіе всю свою жизнь, люди, стоящіе у всего народа на виду, пользующіеся заслуженною славою и общественнымъ почетомъ—и тѣ закрываютъ глаза на источникъ своихъ доходовъ, лишь только имъ отсыпаются большіе барыши.

В. Макъ-Гаханъ.

* * *

Есть мысли мрачныя, есть тягостныя чувства—
Въ нихъ много горечи и много правды въ нихъ;
Но ихъ не пріютитъ блестящее искусство
    Въ нарядныхъ капищахъ своихъ:

Съ готовой рамою въ міръ скорби и безсилья,
Тоски и зла—искать картинъ оно идетъ,
И только то̀ возьметъ, что̀ быстро, безъ усилья,
    Къ готовой рамѣ подойдетъ.

Оно волшебными тѣнями наполняетъ
Тотъ міръ, гдѣ въ тишинѣ цвѣтутъ его мечты;
Оно въ узоръ живой и муки заплетаетъ,
    И въ скорби ищетъ красоты...

А у толпы людской нѣтъ рамъ и формъ готовыхъ—
Она идетъ, куда судьба ее влечетъ,
И мечетъ въ ширь и въ высь волну своихъ суровыхъ
    И жгучихъ болей и невзгодъ.

Ей дѣла нѣтъ, когда она вопитъ и стонетъ,
Созвучнымъ стономъ ли ей вторятъ звуки лиръ;
Она безъ факеловъ мечты свои хоронитъ,
    Безъ розъ вѣнчаетъ свой кумиръ...

И никогда рѣзцу и кисти прихотливой,
Въ игривой ихъ тоскѣ и скорби расписной,
Не выразить того, что̀ скажетъ вздохъ тоскливый,
    Невольный стонъ души больной...

С. Фругъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

ОЧЕРКИ.

Посвящается памяти К. Д. Кавелина.

I.

...И у насъ открыто отдѣленіе крестьянскаго банка. И въ нашемъ „счастливомъ уголкѣ“ крестьяне, при содѣйствіи банка, покупаютъ земли. Пять деревень, смежныхъ съ моимъ имѣніемъ [1]), уже прикупили довольно значительное количество земли.

И выходитъ хорошо.

Владѣльцы довольны, что могутъ продать ненужныя имъ земли, съ которыми они не знаютъ что̀ дѣлать, съ которыхъ дохода не получаютъ, на которыя иныхъ покупателей, кромѣ крестьянъ, найти трудно. Продаются, большею частью, отрѣзки, запольныя земли, пустоша̀, отдѣльные запущенные хутора, и т. п.

Крестьяне довольны, что могутъ прикупать нужныя имъ земли „въ вѣчность“. Прикупленныя земли они могутъ „привести къ дѣлу“. Покупаемыя земли всегда существенно необходимы для крестьянъ; многіе изъ нихъ, большею частію, и прежде—а иные съ самаго „Положенія“—уже пользовались ими, отбывая за нихъ владѣльцамъ работы,—обыкновенно обработывали „кружки́“. Но работы эти для крестьянъ въ высшей степени стѣснительны. Только необходимость,—потому что „податься некуда“,—вынуждаетъ крестьянъ работать „кружки“ за пользованіе этими землями. Пользованіе—самое невыгодное, обыкновенно пользованіе только

[1]) С. Батищево, дорогобужскаго уѣзда, смоленской губерніи.

тѣмъ, чтὸ земля даетъ, оставаясь въ дикомъ, некультурномъ состояніи. А зе́мли у насъ тощія, плохія,—сами по себѣ дающія очень мало. Это плохіе суходольные покосы и выгоны. Только при обработкѣ и хорошемъ удобреніи ихъ можно „привести къ дѣлу", какъ говорятъ крестьяне; но это стὸитъ дорого и, пользуясь землею только временно—обыкновенно крестьяне снимаютъ зе́мли на годъ, много на три, безъ права распашки,—кто же станетъ влагать въ нее трудъ и деньги!

Теперь, благодаря содѣйствію крестьянскаго банка, дѣло, къ обоюдному удовольствію и владѣльцевъ, и крестьянъ, отлично улаживается. Владѣльцы получаютъ нужныя имъ деньги,—крестьяне пріобрѣтаютъ необходимыя имъ земли. Обѣ стороны довольны. Выходитъ хорошо.

Позвольте мнѣ разсказать объ этомъ дѣлѣ то, чтὸ я знаю и вижу. Но прошу—имѣйте въ виду, что я буду говорить только о „своемъ мѣстѣ", о своемъ уѣздѣ, много—губерніи, и только о томъ, чтὸ доподлинно знаю и вижу.

Вопросомъ о крестьянскомъ банкѣ я не занимаюсь, даже отчетовъ о дѣйствіяхъ банка не читалъ. Я просто хочу разсказать, какъ идетъ дѣло тутъ у насъ, около меня, да и говорить объ этомъ дѣлѣ намѣренъ только съ хозяйственной, съ агрономической стороны. Давно уже, еще приступая ко второй серіи моихъ писемъ „Изъ деревни" [1]), я предупреждалъ, что „рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ". Теперь, просидѣвъ шестнадцать лѣтъ въ деревнѣ, я еще болѣе погрузился въ хозяйство...

Одна изъ деревень, купившихъ, при содѣйствіи крестьянскаго банка, землю, деревня Б., лежитъ, такъ сказать, внутри моихъ владѣній. Надѣлъ ея отдѣляется отъ той части моей земли, на которой я веду хозяйство, небольшой рѣчкой. Сзади надѣла узкой полосой тянется моя же пустошь, недавно, при мнѣ, въ теченіе послѣднихъ шестнадцати лѣтъ, разработанная изъ-подъ лѣса; пустошь моя прилегаетъ ко всѣмъ тремъ крестьянскимъ полямъ, и только съ одной стороны крестьянскій надѣлъ межуетъ съ землей сосѣдняго владѣльца, которую крестьяне, при содѣйствіи банка, и купили въ 1885 году.

---

[1]) Первая серія моихъ писемъ „Изъ деревни" напечатана подъ псевдонимомъ А. Буглима (названіе деревни, близъ которой я прожилъ лѣто 1863 г.) въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1863 года. Вторая серія печаталась въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1872—1882 гг., а потомъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Надѣлъ у крестьянъ довольно хорошій, какъ по положенію, такъ и по качеству земли. Разумѣется, когда я говорю, что земля хороша по качеству, то это только относительно: по нашему, по смоленскому —хороша, но все же требуетъ неустаннаго удобренія и безъ навоза плохо родитъ хлѣбъ. Есть у крестьянъ довольно хорошій лугъ вдоль рѣчки. У большинства своего хлѣба для собственнаго прокормленія не хватаетъ, и хлѣбъ нужно прикупать. Смотря по урожаю, иногда хлѣбъ приходится прикупать съ масляной, иногда со Святой, рѣдко кому передъ новью только. Урожаи хлѣба за послѣднія пятнадцать лѣтъ замѣтно возвысились, что и понятно, такъ какъ крестьяне снимаютъ на сторонѣ много покосовъ съ части, содержатъ изрядное количество лошадей, скота и удовлетворительно удобряютъ землю. Надѣлъ у крестьянъ не высшій,—впрочемъ, до полнаго надѣла не хватаетъ немного. Крестьяне получили въ надѣлъ то, чѣмъ пользовались при крѣпостномъ правѣ, и прирѣзки земли до высшаго надѣла сами не пожелали, находя, что имъ достаточно и той земли, которой они прежде пользовались; но, конечно, потомъ вскорѣ оказалось „затѣсненіе въ землѣ“, стало „некуда подаваться“. Лугъ у крестьянъ очень порядочный, пахатной земли было достаточно,—а выгона для скота мало. Къ тому, порядки-то послѣ „Положенія“ пошли другіе.

Въ крѣпостное время было гораздо вольнѣе относительно пастьбы скота уже потому, что вездѣ велось одинаковое трехпольное хозяйство, и поля обыкновенно пріурочивались такъ, что во всѣхъ смежныхъ владѣніяхъ сѣялись одинаковые хлѣба. Къ моему паровому полю, напримѣръ, прилегали паровыя поля деревень Б., Д. и Х.; къ нимъ прилегало паровое поле сосѣдняго помѣщика, и т. д. Поэтому „уруги“ (особняки) для скота—да и скота у крестьянъ тогда было много меньше – было достаточно, и остерегаться нужно было только отъ потравы хлѣбовъ и „заказныхъ“ луговъ, насчетъ чего, конечно, было строго. Послѣ „Положенія“ все это измѣнилось. Положимъ, къ крестьянскому паровому полю прилегаетъ тоже паровое поле того или другого владѣльца, но ужъ это не только паровое поле, но и *чужое* паровое поле, на которое пускать скотъ нельзя, а хочешь пускать —послужи. Пустошá, прилегающія къ паровымъ полямъ, даже луга по рѣчкамъ и оврагамъ, находящіеся за паромъ, прежде поступали подъ выгонъ, на которомъ пасся господскій скотъ и кормились лошади крестьянъ, работавшихъ на барщинѣ; теперь же, особенно тамъ, гдѣ у владѣльцевъ нѣтъ своего инвентаря и обработка производится „кругами“, т. е. крестьянами съ ихъ

лошадьми и орудіями, часто и за паромъ „заказываютъ“ часть пустошей. Прежде, бывало, послѣ скоса травы и снятія хлѣбовъ было вольно; скотъ свободно ходилъ и по атавамъ, и по жнивьямъ, а теперь и на скошенный лугъ, и на жнивья *чужія*, если хочешь пускать скотъ,—послужи. Вначалѣ крестьяне долго привыкнуть не могли къ новымъ порядкамъ. Отдѣльная пустошь, напримѣръ, облегаетъ крестьянскія поля, владѣлецъ никогда на нее скота не пускаетъ за дальностью отъ усадьбы или даже за невозможностію прогнать свой скотъ на эту пустошь. Пустошь эту владѣлецъ коситъ и „заказываетъ“ не съ „Царя“ (т.-е. съ 21 мая), какъ „заказываются“ выгоны у крестьянъ, а съ ранней весны, какъ только снѣгъ согнало. Скосилъ владѣлецъ пустошь, убралъ сѣно, скота своего на нее не пускаетъ, атава задаромъ пропадаетъ, но пустошь *чужая*, и пускать на нее скотъ нельзя. Задаромъ пропадаетъ атава,—а „не смѣй пускать на мою землю! *моя* земля!“ Идутъ неудовольствія. Крестьяне, разумѣется, пробуютъ пускать. Разъ взяли лошадей „въ хлѣвъ“ —плати штрафъ за потраву; другой разъ взяли скотъ „въ хлѣвъ“; третій разъ свиней загнали. Все неудовольствіе. Чѣмъ постоянно „собачиться“, лучше послужить. Ну, и служатъ. Пока хозяйство у владѣльца ведется по той же системѣ, какъ у крестьянъ, все кое-какъ улаживается. Но въ послѣднее время пошли разныя перемѣны въ хозяйствѣ. Коегдѣ завелись многопольные сѣвообороты, хлѣба разные стали сѣять, клевера. У крестьянъ, напримѣръ, все то же паровое поле, какъ было въ старину, а на прилегающемъ полѣ сосѣдняго владѣльца, гдѣ въ старину тоже былъ паръ одновременно съ крестьянскимъ, теперь вдругъ очутился клеверъ, или ленъ, или овесъ. Тутъ уже и „послужить“ нельзя. Никто не дозволитъ и за послугу травить хлѣбъ или клеверъ - это и крестьянинъ отлично понимаетъ. Приходится сидѣть въ своихъ рамкахъ, на своемъ надѣлѣ, и нанимать „ругу“ если не для скота, то для лошадей, для „ночного“, на сторонѣ, водить туда лошадей въ поводу. Тутъ ужъ и владѣлецъ, при всемъ желаніи, иногда ничѣмъ помочь не можетъ.

И при полномъ высшемъ надѣлѣ разгуляться негдѣ; о томъ, чтобы было „вольно“, чтобы можно было безпечно пускать коня въ отдышку, и говорить нечего, лишь бы только накормить хорошенько,—а тутъ еще не высшій надѣлъ. Старики-то думали: довольно съ насъ и того, чѣмъ при крѣпости пользовались, жили вѣдь, — не захотѣли прирѣзки. Въ то время народъ „пушной“ былъ, какъ говорятъ теперь крестьяне. А потомъ пошли затѣс-

ненія. Надѣялись было, что еще земли прирѣжутъ, что будетъ передѣлъ...

Ну, и допекаетъ же теперь молодежь стариковъ, что не умѣли и надѣла побольше получить, и земли лишней пріобрѣсти. Тогда-то это было легко. Можно было часто получить значительныя прирѣзки пустопорожнихъ земель за очень дешевую плату—за отработку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ это и сдѣлали крестьяне нѣкоторыхъ деревень. Зе́мли тогда были очень дешевы.

— Не умѣли сдѣлать дѣла старики, прозѣвали землю, пушника!

Въ деревнѣ Б. именно молодежь—молодое новое поколѣніе, выросшее послѣ „Положенія"—и настояла на покупкѣ земли при содѣйствіи банка. Старики все боялись—въ „банку" платить нужно, помѣщику работать нужно (за дополнительный платежъ), засѣяться первый годъ на новой землѣ нужно. А тамъ, не заплатить во̀-время въ „банку"—землю отберутъ; это не то, что казенная недоимка. Старики навѣрно опять прозѣвали бы землю; тянули бы, сегодня такъ, завтра этакъ, дорого-молъ, не совсѣмъ съ руки, можетъ, и такъ прирѣзка будетъ, новое положеніе отъ царя выйдетъ, тоё да сё, воловодили бы да воловодили. А тамъ кто-нибудь и купилъ бы, потому что участочекъ очень хорошъ.

Молодежь настояла на покупкѣ земли. Дѣло сдѣлано. Теперь всѣ, и старики, даже бабы, не нарадуются, что прикупили землю —съ хлѣбомъ стали.

Деревня Б. прикупила къ надѣлу участокъ пахатной земли съ лужкомъ вдоль той же рѣчки, которая отдѣляетъ крестьянскій надѣлъ отъ моей земли. Прикупленный участокъ прилегаетъ къ одному изъ крестьянскихъ полей.

Покупка очень выгодная. Куплено около 50 десятинъ, что̀-то близко по 50 рублей за десятину. Часть денегъ далъ банкъ; уплату же остальной части помѣщикъ разсрочилъ на шесть лѣтъ, съ тѣмъ, что крестьяне, кто какъ пожелаетъ, могутъ платить деньгами или отработывать—„работать круги"—за опредѣленную, довольно хорошую, цѣну. Только два двора пожелали платить деньгами, остальные же взялись работать круги. Работа эта ихъ не очень стѣсняетъ и представляетъ еще ту выгоду, что, работая у помѣщика, крестьяне могутъ пользоваться для скота его „угугой", по крайней мѣрѣ, по снятіи травъ и хлѣбовъ.

Купленная крестьянами деревни Б. земля очень хороша. Прекрасное, покатое на юго-западъ поле пахатной земли, когда-то отлично удобрявшейся и только запущенной, но еще не истощенной, за послѣднія пять-шесть лѣтъ. Внизу, у подошвы поля,

небольшой болотистый торфяной лугъ, по которому протекаетъ рѣчка.

Прежде, въ имѣніи, небольшую часть котораго составляетъ купленная крестьянами деревни Б. земля, велось обширное хозяйство, и зе́мли отлично удобрялись. Въ этомъ имѣніи жилъ самъ владѣлецъ, у котораго было тутъ же, по близости, много, очень много, что-то около десяти тысячъ десятинъ, земли, преимущественно подъ лѣсами; было у него нѣсколько хуторовъ и множество „отрѣзковъ“, за которые работали круги крестьяне разныхъ деревень. Въ имѣніи, гдѣ жилъ владѣлецъ, было очень интензивное хозяйство. Скота содержалось въ имѣніи много, велось молочное хозяйство съ прекрасной швейцарской сыроварней. Одного клевера было 150 десятинъ. Съ винокуреннаго завода, находившагося въ другомъ имѣніи, доставлялась сюда барда для корма скота, свозились сюда же, въ случаѣ надобности, кормы съ другихъ хуторовъ, употреблялось значительное количество конопляныхъ жмыховъ; сывороткой съ сыроварни и хлѣбомъ откармливалось много свиней. Выгоны постоянно расчищались, изъ-подъ рощъ разработывались новыя земли. Навоза накоплялось множество, поля удобрялись отлично, хлѣбъ родился превосходнѣйшій, какой рѣдко гдѣ можно встрѣтить.

Когда я, въ 1871 году, поселился въ деревнѣ, хозяйство въ этомъ имѣніи было въ цвѣтущемъ состояніи. Впослѣдствіи, однако, мало-по-малу, дѣла̀ владѣльца поразстроились. Обширные лѣса были распроданы, хутора̀ — тоже. Нынѣшнему владѣльцу, наконецъ, досталось только это имѣніе, состоящее изъ главнаго участка, на которомъ ведется хозяйство, и разныхъ „отрѣзковъ“, за которые крестьяне обработываютъ кружки въ имѣніи. Конечно, по мѣрѣ уменьшенія средствъ владѣльца, а также и за отсутствіемъ его въ теченіе нѣкотораго времени, хозяйство стало опускаться. Не было уже того количества кормовыхъ средствъ, не было ни барды, ни жмыховъ, — одно время даже часть сѣна, клевера и соломы продавали. Скотоводство было сокращено. Навоза стало получаться меньше. Зе́мли стали хуже удобряться. Обработка тоже стала хуже. Но такъ какъ прежде, и много лѣтъ притомъ, земля очень сильно удобрялась, то она еще не истощилась, не потеряла старой силы, но только запущена, одичала. Сто́итъ только настояще взяться за эту землю, и она тотчасъ же себя покажетъ.

Участокъ пахатной земли, пріобрѣтенный крестьянами, составлялъ прежде часть экономическаго поля, сильно удобрялся и давалъ великолѣпнѣйшіе урожаи хлѣба. Послѣдніе же годы этотъ участокъ сдавался исполу крестьянамъ одной малоземельной

деревни, вовсе не удобрялся и обработывался до крайности плохо, кое-какъ, такъ что хлѣбъ пересталъ родиться. Но земля еще сохранила силу, что очень хорошо понимали крестьяне, покупая ее. Притомъ же крестьяне, купивъ этотъ участокъ по 50 рублей за десятину, вмѣстѣ съ тѣмъ, купили и подготовленный матеріалъ для удобренія этой земли, или, лучше сказать, подготовленный матеріалъ *для заправки земли*—именно, подготовленную къ вывозкѣ на поля торфяную болотную землю.

Я сказалъ выше, что на купленномъ крестьянами участкѣ, внизу, у подошвы пахатнаго поля, находится болотистый торфяной лужокъ. Лѣтъ десять тому назадъ, когда хозяйство въ имѣніи было еще въ цвѣтущемъ состояніи, владѣлецъ задумалъ употреблять для удобренія полей болотную торфяную землю. Облюбовавъ лужокъ, который теперь вмѣстѣ съ пахатной землей купленъ крестьянами, онъ нанялъ граборовъ выкопать торфяную землю и сложить ее высокими саженными грядами, для того, чтобы она вывѣтрилась и окислилась до вывозки въ поле. Года черезъ два по выкопкѣ, часть этой торфяной земли была вывезена на ту же пахатную землю, которую теперь купили крестьяне. Дѣйствіе этого торфяного удобренія было очень хорошее. Но потомъ, когда хозяйство пришло въ упадокъ,—вывозить на поля торфяную землю перестали, такъ что теперь остальная выкопанная торфяная земля досталась крестьянамъ.

Когда сдѣлалось извѣстно объ учрежденіи у насъ отдѣленія крестьянскаго банка, то прежде всѣхъ возымѣли намѣреніе пріобрѣсти землю при содѣйствіи банка крестьяне другой сосѣдней со мною деревни О. Дѣйствительно эти крестьяне и пріобрѣли цѣлый хуторъ, о чемъ я разскажу ниже. Вотъ это-то и дало первый толчокъ дѣлу.

— Они-молъ купили землю, цѣлый хуторъ!...

А такъ какъ крестьяне спятъ и видятъ, какъ бы имѣть побольше земли, то, конечно, фактъ, что покупается земля при содѣйствіи банка, произвелъ сенсацію, заставилъ и другихъ подумать, какъ бы и имъ, по примѣру тѣхъ, пріобрѣсти землицы. Земли у насъ дешевы, пустопорожнихъ земель множество, предложеніе земель на продажу огромное...

Вскорѣ стало извѣстно, что баринъ согласенъ продать землй крестьянамъ. Распространился слухъ, что онъ продаетъ отрѣзки крестьянамъ деревень Д. и Х., которые давно уже на нихъ сильно охотятся. Откуда-то узнали, что онъ не прочь продать участокъ земли, которая до сего ходила исполу, что крестьяне, которые до сихъ поръ держали этотъ участокъ по контракту на

нѣсколько лѣтъ, купивъ теперь хуторъ, рады были бы избавиться отъ работы на этомъ участкѣ исполу.

„А участочекъ-то—сливочки! Всего пятьдесятъ десятинъ, межа съ межой; пахать ли, подъ выгонъ ли пустить—прелесть! Одной пахатной земли 36 десятинъ, да и земля-то какая; положимъ, запущена, но силы еще не потеряла: добра-то въ нее чтò прежде заложено; да и была тутъ когда-то деревенька, которую баринъ при крѣпости еще свелъ, такъ-что часть земли—селидебной, на много лѣтъ сдобженной. Опять же и лужокъ внизу, овражки, покосецъ, хотя и не мудрый, а все же... Торфяная земля заготовлена. Рѣчка внизу протекаетъ. Отличный участочекъ—хоть кому! Если купить, да построить хуторочекъ, земелькой заняться, торговишкой какой-нибудь—отлично! Тѣ же, Б—скіе крестьяне за уругу, даже „за вскокъ“, сколько обработаютъ! А рядомъ еще деревня С., Д., В.—всѣ кругомъ. Да тутъ если настоящему человѣку, хозяйственному, да съ деньжонками, да „обходительному“, чтобы, то-есть, „развратности“ у него достаточно, такъ ему четыре смежныя деревни за-даромъ все обработаютъ, за вскокъ, да за то, что въ нуждѣ когда „вызволитъ“. И цѣна небольшая — 50 рублей за десятину; у кого есть деньги, чистыми можно отдать. Купитъ кто-нибудь, построится,—возжайся тогда съ нимъ, хуже большого барина будетъ...“

А крестьянамъ купить можно: часть денегъ дастъ банкъ, а другую—баринъ разсрочитъ подъ работу. Сильно задумались крестьяне, какъ бы пріобрѣсти эту земельку,— но если бы не молодежь, то весьма вѣроятно, что прозѣвали бы покупку земли и потомъ вѣкъ бы каялись. Пока бы старики думали да гадали, да бобы разводили, да почесывались, кто-нибудь и купилъ бы въ частную собственность — вотъ бы и были у праздника! Или баринъ, продавъ разные „отрѣзки“, раздумалъ бы продавать этотъ участокъ. Куй желѣзо, пока горячо. Настояла, все сдѣлала сельская молодежь. Однако, сначала, только нѣсколько человѣкъ изъ молодежи хотѣли, выдѣлившись въ товарищество, купить землю для себя и даже переселиться на нее. Но потомъ дѣло устроилось иначе: купила вся деревня. Помогъ деревнѣ въ этомъ отношеніи одинъ молодой изъ образованныхъ; онъ разъяснилъ крестьянамъ все дѣло, указалъ, кàкъ и чтò, уговорилъ купить всей деревней, въ общественную собственность. Теперь, когда дѣло сладилось и вышло хорошо,—такъ хорошо, какъ нельзя лучше,—крестьяне, слыхалъ я, записали имя этого юноши въ свои поминальницы, которыя подаютъ за обѣдней. „И это ему зачтется!“ говорятъ крестьяне.

— Ужъ зачлось!—съострилъ одинъ мой знакомый.

— Какъ?

— А помните, съ разспросами и развѣдками пріѣзжали.

Дѣло сладилось къ веснѣ 1885 года. Съ весны 1885 года помѣщикъ предоставилъ крестьянамъ покупаемую землю въ полное распоряженіе и пользованіе, съ тѣмъ, чтобы они убрали въ его пользу рожь, которая была посѣяна половинщиками въ 1884 году.

Однако первый блинъ вышелъ комомъ. Часть земли крестьяне засѣяли яровымъ, но въ 1885 году у насъ повсемѣстно былъ полнѣйшій неурожай ярового. Всѣ яровые хлѣба—ячмень, овесъ, ленъ—совершенно не уродились, такъ что мѣстами еле возвратили сѣмена. Урожай травъ былъ тоже очень плохой. Урожай ржи былъ у крестьянъ средній, да еще нужно было изъ этой ржи посѣять на прикупленной землѣ.

Предназначенную для посѣва часть земли крестьяне удобрили торфяной землей, о которой я упомянулъ выше, и тщательно удобрили; навоза положить не могли, потому что его не хватаетъ у нихъ для полнаго удобренія своей надѣльной земли. Осенью 1885 года зелень на этомъ полѣ была превосходнѣйшая, густая, темная цвѣтомъ, лучше, чѣмъ на надѣльной землѣ. Въ прошедшемъ году урожай ржи былъ превосходный, такъ что крестьянамъ хлѣба съ своей надѣльной земли да съ прикупленной хватитъ, безъ малаго, до нови, чего никогда прежде не бывало. Какъ тутъ бѣднякамъ было не записать имя „Виктора“ въ поминальницы! – Если бы, молъ, не онъ—купили бы землю нѣсколько товарищей помогутнѣе, посемьянистѣе, а бѣдняки да одиночки остались бы безъ хлѣба — покупай тогда у товарищей! Ярового крестьяне на прикупленной землѣ нынче не сѣяли, а обратили землю подъ рожь будущаго года. Обработали паръ тщательно, прошлою осенью вспахали на зиму, что̀ у насъ очень важно и полезно. Я всегда пашу паръ на зиму — черный паръ — трою лѣтомъ, и это имѣетъ огромное значеніе. Крестьяне, однако, до сихъ поръ не слѣдовали моему примѣру, потому что паръ имъ необходимъ для пастьбы скота. Теперь же, какъ прикупили землю, ведутъ на ней ту же обработку, какъ и я, свой надѣльный паръ оставили подъ скотъ, принаняли у меня участокъ—посѣчище недавно срѣзаннаго лѣса—для того, чтобы было гдѣ кормить лошадей, а на прикупленной землѣ завели настоящій черный паръ, какъ у меня. Вотъ и глядите, толкуйте о косности мужика! Нѣтъ, въ *хозяйственномъ* дѣлѣ онъ не такъ косенъ, какъ это кажется на первый взглядъ. Когда увидитъ дѣло, и *найдетъ возможность* его примѣнить—примѣнитъ. Конечно, если вы станете разводить турнепсы въ смолен-

ской губерніи, или садить кукурузу, конскій зубъ для силосованія, или разводить живокость, или что тамъ еще есть новаго,— росичка, кажется? — то мужикъ перенимать у васъ не станетъ. Мужикъ сѣръ, да не чортъ его умъ съѣлъ! Прикупили землю— на зиму пахать стали, отлично обработываютъ паръ, торфяную землю на поле возить стали...

Впрочемъ, прошлый годъ, крестьяне торфяную землю на пашню не возили, потому что лѣто было мокрое и вывозить торфяную землю изъ болота было трудно. Многіе зато вывезли на прикупленную землю навозъ, разсчитывая, что выгоднѣе положить его на хорошую, удобно расположенную, вновь прикупленную землю, чѣмъ на плохія низкія нивы надѣльной земли. Зелень осенью прошедшаго года на прикупленной землѣ очень хороша— поле видно изъ моей усадьбы, такъ что я постоянно могу слѣдить за нимъ—и можно надѣяться, что крестьяне въ будущемъ году опять получатъ хорошій урожай ржи. Интересно, что, какъ только земля попала въ крестьянскія руки, и именно въ собственность или „въ вѣчность", какъ говорятъ крестьяне, такъ и урожаи стали лучше, хотя, вообще говоря, въ среднемъ, у крестьянъ, большею частію, урожаи хуже, чѣмъ у помѣщиковъ; но это зависитъ не оттого, чтобы крестьяне хуже относились къ землѣ, лѣнились ее обработывать, какъ думаютъ нѣкоторые, но отъ множества сложныхъ причинъ.

Правда, крестьяне относятся очень недовѣрчиво къ разнымъ агрономическимъ затѣямъ и нововведеніямъ помѣщиковъ, но и то сказать, что и въ самомъ дѣлѣ нельзя иначе относиться—столько уже они видѣли неудачъ, ошибокъ, а главное дѣло, *легкомысленности*. Чего, чего не было перепробовано охотниками до агрономіи, и всегда съ мыслью тотчасъ увеличить урожаи или удешевить производство, быстро разбогатѣть,—но на дѣлѣ ничего не выходитъ, и помѣщичье хозяйство, въ общемъ, за немногими исключеніями, недалеко ушло отъ крестьянскаго. Да и понятно: научныхъ знаній нѣтъ, да и практическихъ знаній, какъ у мужика, который все же много знаетъ,—тоже нѣтъ. А по дурно понимаемой теоріи „здраваго смысла", безъ знаній — ничего не выходитъ.

Относясь недовѣрчиво къ нововведеніямъ, крестьяне, однако, внимательно слѣдятъ за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдняго помѣщика, и если дѣло дѣйствительно идетъ, установилось прочно, то крестьяне очень хорошо оцѣниваютъ выгодность того или другого нововведенія и примѣняютъ, если это возможно по условіямъ ихъ хозяйства. Такъ, у насъ, напримѣръ, давно уже введенъ у кре-

стьянъ посѣвъ картофеля на поляхъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я ввелъ у себя посѣвъ льна на облогахъ, крестьяне очень недовѣрчиво смотрѣли на это дѣло, а теперь, если только представляется возможность, арендуютъ облоги и сѣютъ ленъ. Когда я сталъ улучшать скотъ, крестьяне тоже смотрѣли на это дѣло какъ на барскую затѣю, а теперь постоянно покупаютъ у меня телятъ и выращиваютъ отличныхъ коровъ.

Недовѣрчиво относились крестьяне, когда я сталъ пахать на зиму будущее паровое поле, троить землю подъ озимь, но скоро увидали, что это хорошо. Однако свое поле не пахали, несмотря на многократныя мои убѣжденія, не пахали потому, что оно нужно имъ для пастьбы скота. Сколько разъ я ни доказывалъ крестьянамъ, что имъ выгоднѣе пахать свой паръ на зиму, а для выпаса скота нанимать землю у меня или у сосѣда-помѣщика, смотря по тому, какъ какой годъ будетъ удобнѣе, однако они все-таки оставались при своемъ и паръ не пахали—вѣроятно, боялись попасть въ слишкомъ большую зависимость отъ „пана". Теперь же, какъ только сами крестьяне купили землю и явилась возможность вспахать ее на зиму и подтроить подъ озимь—сейчасъ же это и сдѣлали. Явилась возможность удобрять поле торфяной землей—стали возить на пашню торфяную землю. Даже на такую, совершенно новую, вещь, какъ мои опыты удобренія *фосфоритной* мукой (см. мою статью: „Опыты удобренія рославльской фосфоритной мукой", въ №№ 40, 41, 42 и 43 „Земледѣльческой Газеты" за 1886 годъ), крестьяне тотчасъ же обратили вниманіе, и двое изъ деревни Б. сдѣлали опыты на своихъ нивахъ.

Въ 1885 году, я сдѣлалъ у себя опыты удобренія фосфоритной мукой, приготовляемой К. В. Мясоѣдовымъ изъ фосфоритовъ, найденныхъ мною въ рославльскомъ уѣздѣ въ 1884 году (см. мою статью: „Смоленскіе фосфориты", въ „Земледѣльческой Газетѣ" 1884, №№ 39 — 40). Фосфоритная мука, употребленная мною для удобренія подъ рожь плохого перелома, одна, безъ навоза, произвела *поразительное* дѣйствіе, которое *каждому было замѣтно прямо на глазъ*. Съ весны прошедшаго 1886 года, какъ только рожь тронулась въ ростъ, участокъ, удобренный фосфоритной мукой, тотчасъ же рѣзко отличился, и это отличіе сохранялось все лѣто, такъ что каждый, по наружному виду ржи, всегда могъ совершенно точно указать границы удобреннаго фосфоритной мукой участка. Рожь на немъ была гуще и выше ростомъ, перистѣе, отличалась темною зеленью, ранѣе выколосилась, стала ранѣе зрѣть, такъ что когда рожь на удобренномъ

участкѣ стала желтѣть, остальная часть была еще вполнѣ зелена, и потому удобренный участокъ можно было видѣть издали. Ко времени жатвы рожь на удобренномъ участкѣ была много спѣлѣе, на $^1/_2$ аршина выше ростомъ, толще соломою, колосистѣе. Когда рожь сжали, то на жнивьяхъ совершенно рѣзко было видно то мѣсто, которое было удобрено фосфоритной мукой, такъ что если бы фосфоритной мукой были сдѣланы надписи, то ихъ можно было бы читать на жнивьяхъ. Рожь на переломѣ, удобренномъ фосфоритной мукой, какъ небо отъ земли, отличалась отъ ржи на переломѣ, ничѣмъ не удобренномъ, и была такъ же хороша, какъ рожь на переломѣ, удобренномъ навозомъ.

Весною, на Троицу, у насъ, по обычаю, ходятъ „завивать вѣнки" въ рощицу, непремѣнно въ ржаномъ полѣ. Завиваніе, а потомъ развиваніе вѣнковъ—еще болѣе веселый праздникъ, когда обряжаютъ майское дерево и топятъ вѣнки—разумѣется, сопровождаются пѣснями, великолѣпными майскими пѣснями, съ ихъ мягкими, укачивающими напѣвами, пляскою, небольшой выпивкой, закуской. Кромѣ своихъ рабочихъ, къ намъ подъ вѣнки собирается много народа изъ сосѣдней деревни, преимущественно молодежи. Десятина, на которой былъ сдѣланъ опытъ удобренія фосфоритной мукой, находится какъ разъ около рощицы, въ которой въ нынѣшнемъ году завивали вѣнки. Я воспользовался случаемъ и показалъ ребятамъ, какое поразительное дѣйствіе произвела фосфоритная мука, которою я посыпалъ въ прошломъ году часть десятины, теперь рѣзко отличающуюся по виду зелени; всѣ, конечно, знали, что эта десятина не удобрена навозомъ, и что я на ней сыпалъ какую-то выписную землю. При этомъ я объяснилъ, что эта фосфоритная мука приготовляется изъ особаго камня, который мелютъ въ муку на простой мельницѣ. Мука эта, объясняю я обыкновенно крестьянамъ, почти то же, что зола, или, лучше, подзолъ, который остается, когда изъ золы дѣлаютъ щелокъ. Такое объясненіе понятно крестьянамъ, потому что наши крестьяне очень хорошо знаютъ, какое отличное удобреніе—зола; съ полезнымъ дѣйствіемъ золы, какъ удобренія, крестьяне отлично у насъ знакомы, потому что часто сѣютъ хлѣбъ на лядахъ, на пожогахъ, выжженныхъ послѣ рубки лѣса пространствахъ, также на грудкахъ, т.-е. сожженныхъ кучахъ хвороста. Даже суволоку съ конопляниковъ, пеньковую костру и т. под. у насъ крестьяне вывозятъ на нивы и сожигаютъ: хлѣбъ на такихъ мѣстахъ родится лучше. Въ крѣпостное время, въ числѣ разныхъ даней—барановъ, куръ, сушеныхъ грибовъ, и пр.—у насъ, между прочимъ, выбиралась и *зола*, сколько помню, кажется, по осьминѣ съ тягла. Эта

зола употреблялась для удобренія особыхъ десятинъ, на которыхъ сѣялись сѣмянные хлѣба; отъ навоза развиваются сорныя травы. Вотъ оно когда еще была въ ходу минеральная теорія удобренія!

Уже на Троицу рожь на удобренномъ фосфоритомъ участкѣ была такъ хороша, какъ нельзя лучше, и совершенно рѣзко отличалась отъ неудобренной части, что̀ особенно бросалось въ глаза: каждый могъ тотчасъ опредѣлить границы удобреннаго участка. Дивовались ребята.

Потомъ все лѣто рожь на удобренномъ фосфоритомъ участкѣ рѣзко отличалась, и ростомъ, и густотой. Крестьяне обратили вниманіе—и не то что молодежь, а даже старики.

Разъ какъ-то нынѣшнимъ лѣтомъ, объѣзжая поля, завернулъ я къ участку, удобренному фосфоритомъ. Подъѣзжаю, смотрю—стоитъ около ржи одинъ уже немолодой крестьянинъ изъ сосѣдней деревни, мѣстный богачъ.

— Здравствуй, Прокопъ. Что, рожь пришелъ посмотрѣть?

— Да, шелъ мимо,—въ К. за сапогами иду,—зашелъ поглядѣть. Видѣлъ овесъ, подъ который вы выписную землю сыпали: хорошъ, а рожь такъ еще лучше. Удивленіе! И откуда это земля такая берется?

— Камень такой есть, кругляччками, въ родѣ картофелинъ; зайдешь—покажу. Въ пескѣ этотъ камень слоями лежитъ, въ родѣ какъ картошка насыпанъ. Собираютъ, промываютъ, чтобы песокъ отмыть, и мелютъ на мельницѣ.

— На мельницѣ? на простой?

— Да, на простой.

— А у насъ здѣсь такого камня нѣтъ?

— Нѣтъ. Гдѣ такой камень на поляхъ водится, такъ тамъ хотя и песчаная земля, а къ году, безъ навоза, хлѣбъ отличный родится.

— А можетъ, и у насъ есть?

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ. Недалеко отсюда, въ рославльскомъ уѣздѣ, есть.

— Это куда вы позапрошлый годъ ѣздили?

— Да.

— Доходятъ же люди! Нѣмцы, небось, все?

— Конечно, нѣмцы. У нихъ огромныя фабрики для этого устроены. Каждогодно десятки милліоновъ пудовъ камня въ удобреніе переработываютъ и этимъ удобреніемъ поля посыпаютъ. Отличный хлѣбъ родится. Если бы да не это удобреніе, у нѣмцевъ никогда такого хлѣба не было бы, какой у нихъ родится. Еще больше у насъ покупали бы.

— Ну, это хорошо, что мало покупаютъ. Оттого, должно быть, у насъ, слава Богу, и хлѣбъ дешевъ. А если это дѣло пойдетъ, если эта выписная земля себя окажетъ, то это большое дѣло будетъ, большое.

— Конечно, большое дѣло. Да отчего же не пойти, отчего не пойти? У нѣмцевъ, говорю тебѣ, каждогодно десятки милліоновъ пудовъ удобренія изъ камня готовятъ... Не дураки же вѣдь. И у насъ камня этого много, пропасть, видимо-невидимо, цѣлые города есть, что этимъ камнемъ вымощены. Отчего не пойти? Ну, самъ видишь, рожь не хуже, чѣмъ на навозѣ. Вѣдь ты знаешь, что здѣсь навоза не было положено, земля „прѣсная", двадцать-пять лѣтъ, съ „Положенія", навоза не клали, облога была, трава совсѣмъ выродилась, въ запрошломъ году ленъ по пласту былъ. Вотъ только-что переломъ.

— Знаю, что „прѣсная" и до „Положенія" сюда навоза рѣдко попадало. Переломъ-то—переломъ, извѣстно на „переяловѣвшей" землѣ хлѣбъ всегда родится, но все же навозца потрусить нужно. А здѣсь вѣдь, мы знаемъ, навоза не положено, да и уголъ, гдѣ нѣмецкой землей посыпано, отмѣнный: какъ отрѣзано, и въ ту сторону, и въ другую. Удивленіе! Мнѣ Потапычъ говорилъ: сходи, говоритъ, посмотри: въ длину 20 саженъ, въ ширку—10 сыпали.

— Нѣтъ, въ ширину не 10, а 11 саженъ.

— Ну, все равно.

— Нѣтъ, не все равно. Какъ все равно? Нѣтъ, ты поди отмѣряй шагами отъ угла по то мѣсто, по которое рожь отмѣнна.

И я заставилъ мужика смѣрять шагами то мѣсто, на которомъ рожь „отмѣнна". Я это заставлялъ нынче дѣлать всякаго, кто соглашался поѣхать со мной посмотрѣть рожь на участкѣ, удобренномъ фосфоритной мукой. Пріѣзжаю къ участку, прошу указать, гдѣ рожь хороша—различіе было такъ велико, что каждый, каждая барыня даже, могъ отличить на глазъ, гдѣ рожь лучше,—и затѣмъ прошу обмѣрять шагами, гдѣ рожь отличается.

Я самъ не ожидалъ, что фосфоритная мука, приготовленная простымъ размоломъ нашихъ смоленскихъ фосфоритовъ, употребленная одна, безъ совмѣстнаго примѣненія навоза, хотя бы, положимъ, и на переломѣ, окажетъ такое поразительное, видимое на глазъ, дѣйствіе. Каждый день нынѣшнее лѣто я пріѣзжалъ посмотрѣть участокъ, который былъ удобренъ фосфоритной мукой. Мой старый конь, неизмѣнный мой слуга при объѣздахъ по хозяйству, такъ привыкъ къ фосфоритному мѣсту, что когда я поворачивалъ въ ржаное поле, конь шелъ прямо къ опытной деся-

тинѣ и останавливался какъ разъ у того мѣста, гдѣ было посыпано фосфоритомъ — точно и онъ понималъ. Каждый разъ я слѣзалъ съ бѣгунковъ, обходилъ участокъ, и—каюсь—идя, про себя шопоткомъ считалъ шаги. Глазамъ своимъ не вѣрилъ, думалъ, не сошелъ ли я съ ума, не помѣшался ли на этомъ фосфоритѣ; поэтому-то я и тащилъ каждаго посмотрѣть рожь на фосфоритномъ мѣстѣ и обмѣрять шагами. Вы подумайте только: двадцать лѣтъ тому назадъ, еще въ 1866 году, я объѣздилъ нѣсколько губерній, разыскивая и изучая залежи фосфорита, четыре года занимался въ лабораторіи изслѣдованіемъ собраннаго, писалъ объ этомъ очень много [1]). Дѣломъ тогда, повидимому, заинтересовались. Устроились заводы близъ Курска и стали готовить фосфоритную муку. Предположено было произвести обширные опыты въ казенныхъ фермахъ при сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Однако дѣло не выгорѣло, фосфоритная мука въ ходъ не пошла и заводы закрылись (см. мою статью: „О примѣненіи фосфоритовъ для удобренія", въ „Земл. Газетѣ" 1886, №№ 49, 50, 51 и 52). Только въ остзейскихъ провинціяхъ за эти двадцать лѣтъ начали прививаться привозимые изъ-за границы суперфосфаты—тоже приготовляемые изъ фосфоритовъ, которые оттуда, мало-по-малу, стали распространяться въ псковской губерніи и въ Бѣлоруссіи. Пятнадцатилѣтній опытъ собственнаго хозяйства убѣдилъ меня въ необходимости искать подсобнаго искусственнаго удобренія, и я вновь занялся фосфоритами. Въ 1884 г. я изслѣдовалъ залежи фосфоритовъ, указанныхъ мною въ рославльскомъ уѣздѣ еще въ 1866 году, въ 1885 году произвелъ первый опытъ удобренія подъ рожь, и успѣхъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Да и подумать только, какое это „большое дѣло"! У насъ масса пустопорожнихъ дикихъ, некультивированныхъ земель — пустошей, пустаковъ, кусточковъ, поросниковъ, хмызниковъ, лѣсныхъ посѣчищъ, облогъ, лядъ и пр., въ одномъ дорогобужскомъ уѣздѣ наберется нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ такихъ некультивированныхъ, дикихъ земель, которыя, при содѣйствіи фосфорита, можно превратить въ культурныя. При содѣйствіи крестьянскаго банка, крестьяне могутъ дешево скупить такія земли. Купили, сейчасъ расчистили, подняли по пласту ленъ. Вотъ земля и окупилась. По перелому не нужно навоза; я посыпалъ только фосфоритной мукой—хлѣбъ богатѣйшій. Не то что

[1]) Результаты этихъ изслѣдованій напечатаны въ Petersb. Akad. Bull., XII, 394, въ журналѣ „Сельск. Хоз. и Лѣсов." 1867—68, въ моемъ отчетѣ: „О фосфоритахъ въ Россіи", въ статьѣ: „Наши, втунѣ лежащія, богатства", „Спб. Вѣд." 1867, №№ 311, 312.

изъ степи, какъ теперь, будемъ возить хлѣбъ, а еще свой станемъ продавать нѣмцамъ...

Мужикъ остановился.

— Тридцать-четыре.

— Нѣтъ, у тебя шагъ малъ. Дай-ка, я отмѣряю... разъ, два, три... тридцать-три.

— Да, большое дѣло, если пойдетъ.

— Отчего же не пойдетъ? Помнишь, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я пріѣхалъ сюда и задумалъ сѣять ленъ по облогамъ, ты самъ, ты именно, говорилъ мнѣ, что здѣсь ленъ не будетъ родиться? Помнишь, говорилъ: „ничо̀го не будетъ, никогда здѣсь льновъ не было и не будетъ!“—помнишь?

— Какъ не помнить, помню.

— А теперь самъ ленъ по облогамъ сѣешь. Льномъ торгуешь, въ прошломъ году у меня же на 1.200 рублей льна купилъ.

— Да вѣдь не знали.

— То-то, вы ничего не знаете. Не́учи, а думаете про себя много. Мы-ста, да я-ста! Мы—хозяева; мы около земли ходимъ. Точно, что ходите, да только безъ фонаря ходите. Ты, вотъ, вѣкъ лучину жегъ и еще бы вѣкъ жегъ, если бы тебѣ не дали за 2 копѣйки фунтъ керосина. Вы, вонъ, отъ прирѣзки земли отказались, когда вамъ надѣлъ отводили.

— Пушно̀й народъ былъ.

— А теперь не пушной? Не́учи? Только думаете, что много знаете. Помните, какъ градовой агентъ васъ училъ?

— Помню.

— А вѣдь не страхуете?

— Да кто ее знаетъ...

— Ну да, знаю, „царю-Граду“ молитесь.

(11-го мая (обновленіе Царьграда въ 330 году) во многихъ деревняхъ крестьяне не работаютъ, молятся царю-Граду, чтобы онъ, батюшка, поля не побилъ. Молебны служатъ. Иной, можетъ быть, подумаетъ, что это празднуютъ Кириллу и Меѳодію, но очень ошибется.)

— Ну, что же? Какъ ты думаешь насчетъ фосфорита?

— Нужно испытать эту „приспориту“, какъ вы ее тамъ называете. Только, вотъ, солдатъ Акимъ говоритъ, что можно этой приспоритой землю испортить. Будетъ, говоритъ, сначала родить, а потомъ и перестанетъ: приспорита, говоритъ, весь сокъ, какъ есть, изъ земли вытянетъ.

— А ты и навозъ не забывай. Испортить землю фосфоритъ

не можетъ, а, напротивъ, *заправитъ*, но все же навозъ не слѣдуетъ забывать. Одинъ разъ фосфоритъ положишь, другой разъ, —а потомъ навозъ. Вѣдь ты возилъ на поле болотную землю—польза?

— Какъ же, возилъ. Польза есть.

— Что же ты думаешь, что одной болотной землей все и будешь удобрять? Вѣдь нужно и навоза положить.

— Знамо дѣло, что нужно и навоза.

— Ну, то-то же! А въ фосфоритѣ—конечно, гдѣ онъ требуется, нужно испытанія дѣлать—еще болѣе прока, чѣмъ въ болотной землѣ. Испортить имъ пашню нельзя, а польза—самъ видишь—отъ него большая можетъ быть. Вотъ хорошо будетъ, если послѣ фосфорита клеверъ посѣять, дать годика хоть два позловѣть землѣ, а потомъ ленъ, подъ рожь—опять фосфоритъ, а тамъ—навозъ. Вотъ вы теперь прикупили земли на четвертое поле,—можно часть и подъ клеверъ запустить, какъ я дѣлаю. Клеверъ—кормъ конямъ и скоту, навозъ, хлѣбъ. Будете болотной землей удобрять, фосфоритомъ и навозомъ не забывать—лишній навозъ подъ коноплю, подъ ячмень—такъ ваши поля заправите, что чудо! Будетъ хлѣба „и на сѣмены, и на ѣмены",—и на продажу. А тамъ еще земли прикупить можно; банкъ опять поможетъ, коли хорошо будете выплачиваться. Когда-нибудь все мое Батищево купите. Купили же сосѣди бывшій княжескій хуторъ. Говорятъ, нынче на два года запасъ хлѣба сдѣлали.

— Нужно испытать... Ужъ вы, А. Н., выпишите и для меня мѣшечекъ этой земли. Что̀ будетъ стоить—уплачу. Нужно испытывать.

Да, нужно испытывать и испытывать, а не разсуждать только теоретически. А то одинъ Акимъ говоритъ, что фосфоритъ—„пустяки", „заблужденіе"; другой—что нужно употреблять суперфосфатъ, да еще на хорошей землѣ, да еще не иначе, какъ съ чилійской селитрой. Оказалось же, что фосфоритъ на нашихъ плохихъ земляхъ дѣйствуетъ превосходно, и вотъ третій Акимъ говоритъ, что это такъ только на первый разъ, что потомъ фосфоритъ землю испортитъ, весь сокъ изъ нея вытащитъ, и т. д., и т. д. Всѣ только умствуютъ, сидя въ кабинетахъ, тогда какъ нужно испытывать, толково испытывать. Не мало уже потеряно времени. Все дожидаемся, пока американецъ долбней по лбу не ударитъ.

Впослѣдствіи и еще крестьянинъ изъ сосѣдней деревни просилъ меня выписать для него мѣшокъ фосфоритной муки. Разумѣется, я былъ въ восторгѣ, потому что если мужики станутъ

примѣнять фосфоритную муку—дѣло сдѣлано. Въ то время у меня не было фосфоритной муки, потому что всю фосфоритную муку, полученную весной, я уже разсыпалъ, частью подъ овесъ, частью по вспаханному на зиму пару подъ рожь. Изъ слѣдующей выписанной партіи, которая пришла передъ мѣшанью, я далъ крестьянамъ два мѣшка. Одинъ изъ крестьянъ удобрилъ фосфоритной мукой ниву перелома, другой—ниву прѣсной земли. Осенью я поѣхалъ посмотрѣть, что̀ вышло. Зелень на нивахъ, удобренныхъ фосфоритомъ, была отмѣнна, очень хороша.

Крестьяне, купившіе землю при содѣйствіи банка, этого по истинѣ благодѣтельнѣйшаго учрежденія, нынѣшній годъ ликовали. Земля отлично выручила. Хлѣба довольно. Эту прикупленную землю крестьяне какъ-то особенно любятъ, говорятъ о ней съ какимъ-то, если можно такъ выразиться, умиленіемъ. Постоянно думаютъ и заботятся о томъ, чтобы заработать денегъ и въ срокъ заплатить въ банкъ. Помѣщику за дополнительный платежъ работаютъ превосходно, всегда исправно являются на работы, дружно, всей деревней, по первому заказу.

Не хуже справились съ этимъ дѣломъ и другія деревни.

Двѣ деревни, Д. и Х., купили у того же помѣщика отличную пустошь. И дешево купили—что-то около 27 рублей за десятину. Эта покупка еще лучше, чѣмъ покупка деревни Б. Прикупленная земля надолго обезпечиваетъ деревни Д. и Х., и если они хорошо ее разработаютъ,—а мѣсто превосходное для распашки,— то будутъ богачи. Для разработки этой пустоши примѣненіе фосфоритовъ будетъ имѣть громадное значеніе. Лишь бы только убѣдить крестьянъ. Купленная ими пустошь одной стороной межуетъ съ моей землей; съ другихъ же сторонъ межуетъ съ надѣлами деревень Д. и Х., которыя и раздѣлили пустошь такъ, что каждая деревня получила прилегающую къ ней часть. Когда-то здѣсь былъ хорошій березовый лѣсъ. Незадолго, должно быть, до „Положенія“ значительная часть рощъ была вырублена на дрова, которыя владѣлецъ хотѣлъ сплавить по Днѣпру на югъ, но операція эта не удалась. Дрова, говорятъ, такъ и погибли. Вырубленныя пространства крестьяне раздѣлали на ляда и пустошные покосы.

Съ „Положенія“, деревни Д. и Х. постоянно пользовались этою пустошью за то, что обработывали владѣльцу 6 или 8 круговъ. Сначала имъ предоставлялось раздѣлывать удобныя мѣста на ляда̀, то-есть выжигать и сѣять на пожогахъ хлѣбъ, чѣмъ крестьяне широко воспользовались, но потомъ воспрещено было рубить лѣсъ, расчищать и жечь ляда̀, такъ что крестьяне могли

пользоваться этою пустошью только какъ покосомъ и выгономъ. Владѣлецъ намѣренъ былъ сохранить, что̀ осталось, стараго лѣса и вырастить новый изъ молодыхъ зарослей, что̀ со временемъ могло бы быть выгодно, вслѣдствіе близости желѣзной дороги. Но изъ этого ничего не вышло. Лѣсъ постоянно рубили, и свои, и чужіе, кому только нужно, потому что дѣло заглазное, участокъ отдѣленъ чужими землями отъ хозяйства владѣльца; лѣсъ былъ безъ присмотра, да и вообще въ хозяйствѣ не было, какъ у насъ говорится, никакой строгости, то-есть порядка. Когда, когда, наѣзжалъ лѣсной сторожъ или староста, но, конечно, что̀ же онъ могъ досмотрѣть. Такъ, мало-по-малу, все, что̀ было хорошаго въ лѣсу, выпустошили.

Когда крестьяне въ прошломъ году купили эту землю, она представляла, обыкновенную у насъ, дурно-содержимую пустошь, то, что̀ называется „земля подъ кустарникомъ". По мѣстоположенію и качеству земли участокъ очень хорошій и купленъ 27 рублей за десятину—очень дешево. Я говорю: *дешево* не потому, чтобы цѣна была ниже среднихъ у насъ цѣнъ на пусто́шныя земли. Въ этомъ смыслѣ—ни дешево, ни дорого. Пустошныя земли цѣнятся у насъ, въ среднемъ, не дороже 25 рублей за десятину, и это хорошія пустоша; плохія же, поросшія бѣлоусомъ, кустарникомъ, и еще того́ дешевле—10—15 рублей за десятину. При покупкѣ же цѣлыхъ имѣній, и хорошія пустоши, но запущенныя, нечистыя, въ родѣ той, какую купили деревни Д. и Х., цѣнятся въ общей сложности дешевле 25 рублей. И если считать по доходности для землевладѣльца, то такія пустоши болѣе и не стоютъ. Оставленныя въ дикомъ состояніи, сильно заросшія уже послѣ „Положенія", нерасчищаемыя,—что̀ же могутъ давать эти пустоши владѣльцу, особенно если не входятъ въ составъ хозяйства и не могутъ быть утилизированы даже для выго́на? Такіе „отрѣзки" только и даютъ доходъ—въ видѣ работы,—когда затѣсняютъ крестьянъ и необходимы имъ потому, что податься некуда. Конечно, если воздѣлать эти пустоши, то онѣ могутъ дать громадный доходъ. Но чтобы привести такія земли къ дѣлу, нужно затратить и капиталъ, и энергію...

Для крестьянъ же—совсѣмъ другое дѣло; для нихъ покупка пустошной земли по 25—27 рублей дешева, потому что они имѣютъ возможность „привести землю къ дѣлу". Притомъ же, покупаютъ крестьяне въ кредитъ при содѣйствіи банка.

Я давно и много говорилъ объ этомъ въ моихъ письмахъ, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ". Я всегда былъ убѣжденъ, что только съ переходомъ въ крестьянскія руки эти

земли будутъ воздѣланы, и не видѣлъ никакой возможности, чтобы это сдѣлалось, пока земли будутъ въ рукахъ владѣльцевъ. Хозяину не трудно было предвидѣть, какое благодѣяніе для страны будетъ, если эти земли перейдутъ въ руки крестьянъ, которые приведутъ ихъ въ культурное состояніе, — а они одни только и могутъ это сдѣлать. Великое дѣло—учрежденіе крестьянскаго банка!

Мнѣ часто приходилось говорить съ крестьянами деревни Д. по поводу покупки пустоши. Объѣзжая свою землю, я часто заѣзжаю и на эту межующую со мной пустошь, изъѣздилъ ее во всѣхъ направленіяхъ и знаю ее хорошо. Мѣсто прелестное въ хозяйственномъ отношеніи, даже красивое. Есть ручеекъ, есть хорошій оврагъ, кое-какой лѣсишко, пустошки возвышенныя есть, самыя хлѣбородныя мѣста,—разумѣется, по нашему, по смоленскому. Если кому купить въ собственность, построиться да распахать — можно хозяйство вести, двѣ деревни въ рукахъ, за „вскокъ", что̀ наработаютъ. Только, вотъ, денегъ ни у кого нѣтъ!

Проѣзжая по пустоши, я часто встрѣчалъ тамъ, особенно въ покосъ, крестьянъ, которые мнѣ всѣ, какъ ближайшіе сосѣди, хорошо знакомы.

Давно уже совѣтовалъ я крестьянамъ купить эту пустошь, которую, я зналъ, продадутъ рублей за 25 — 30 десятину. Крестьяне обыкновенно говорили, что дорого.

— Дорого! Двадцать-пять рублей за десятину—дорого! Да вѣдь „въ вѣчность" купите! И дѣти, и внуки, и правнуки ваши будутъ за это поминать васъ. Сколько лѣтъ послѣ „Положенія" вы за пользованіе этой пустошью работали барину, а пустошь все же его, а не ваша. А купите въ вѣчность—всегда ваша будетъ. Да и пользуетесь какъ... только покосомъ, выгономъ; покосы вы не расчищаете, заросли на ляда жечь не можете, пустошной лѣсъ въ порядокъ привести не можете, словомъ, не можете „привести землю къ дѣлу". Стоитъ пустырь,—пустыремъ всегда и останется, только конокрадамъ убѣжище. Пустота, дичь. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже покосы будутъ заростать, травы будутъ вырaживаться, косить станетъ нечего, будутъ только кусточки для выгона, а работать вы за нихъ будете все то же, потому что вамъ безъ этого выгона трудно обойтись. Купите-жъ, разъ заплатите; можетъ, баринъ въ разсрочку продастъ на отработку. Трудно, положимъ, будетъ, но зато земля ваша будетъ въ вѣчность. Вы ее скоро къ дѣлу приведете.

— Знамо дѣло.

— Лѣсъ приведете въ порядокъ, и что̀ закажете на дрова, то

будетъ расти. Вамъ подъ рукою—деревней усмотрите, чтобы никто не рубилъ. Вонъ, по оврагу крутая сторона, только подъ лѣсъ и годится; какой тутъ прежде лѣсъ стоялъ, а теперь что— однѣ баклуши да кустарникъ. Опять оврагъ: если его расчистить да ручью ходъ дать—какой покосъ будетъ. А и работы, если всей деревней выйти, всего на какихъ нибудь два-три дня. Пустоши все возвышенныя, земля самая хлѣбопашественная. Покосы плохіе, вонъ уже часть стала заростать бѣлоусомъ; а если эти пустоши распахать—что тутъ хлѣба взять можно! Сейчасъ, по пласту ленъ. Къ году что на льнѣ взять можно,— втрое противъ того, что за землю заплатите. Вѣдь вамъ не батраковъ нанимать—сами обработаете съ семьями. Что ни возьмете за сѣмя и ленъ—все ваше; все же выгоднѣе, чѣмъ на́ сторону въ заработки ходить. Видали, какой у меня подъ Дѣдовымъ на пустоши ленъ былъ?

— Видали, какъ не видать! нарочно ходили смотрѣть.

— А здѣсь чѣмъ хуже мѣсто? Теперь, если по пластамъ даже овесъ посѣять—тоже хорошъ будетъ къ году. Какой у меня овесъ былъ на Ивановомъ лядѣ, тоже навѣрно видѣли? А потомъ по перелому если-жъ посѣять!

— Извѣстно, на переяловѣвшей землѣ, да если еще навозцу потрусить, хлѣбъ будетъ добрый.

— То-то! Тутъ и говорить нечего. Если бы вы купили эту землю, въ нѣсколько лѣтъ всѣ деньги возвратили бы, а земля была бы ваша въ вѣчность. И дѣти, и внуки, и правнуки поминали бы. За 25—30 рублей десятина „въ вѣчность“!

— Да какъ купить-то? Откуда денегъ взять?...

Блеснула-было тогда надежда.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разнесся слухъ, что одинъ изъ крестьянъ деревни Д., старикъ Антонъ Бабьякъ, долженъ получить двѣсти тысячъ. Разсказывали, что племянникъ Бабьяка, живя въ Москвѣ, при хорошемъ мѣстѣ, скопилъ деньжонокъ. Теперь этотъ племянникъ умеръ въ Москвѣ, и послѣ его смерти остался билетъ, по которому его дядѣ, Бабьяку, приходится получить двѣсти тысячъ. Выходить эти деньги для Бабьяка взялась его сестра, живущая въ Москвѣ въ прачкахъ.

Черезъ нѣсколько времени подъявился ко мнѣ и самъ Бабьякъ посовѣтоваться на счетъ своего дѣла. Изъ его объясненій я сначала было подумалъ, что ему достался по наслѣдству билетъ, на который палъ выигрышъ въ двѣсти тысячъ, но при дальнѣйшихъ объясненіяхъ я уразумѣлъ, что ему просто достался выигрышный билетъ, но Бабьякъ думалъ, очевидно, что всякій

выигрышный билетъ стòитъ двѣсти тысячъ. Я ему объяснилъ, что̀ такое выигрышный билетъ, но Бабьякъ моимъ объясненіямъ не повѣрилъ и остался при убѣжденіи, что ему слѣдуетъ двѣсти тысячъ, которыя нужно только выходить. Изъ дальнѣйшихъ туманныхъ и таинственныхъ его объясненій я пришелъ къ заключенію, что, должно быть, билетъ получила его сестра, которой онъ далъ довѣренность. Бабьякъ, конечно, никакого представленія о двухъ-стахъ тысячахъ не имѣетъ, да едва ли даже умѣетъ считать до ста.

— Ну, что̀ же ты будешь дѣлать съ деньгами, если выходишь двѣсти тысячъ?

— А первымъ дѣломъ куплю подъ деревню С. пустошь. Потому, она намъ очень нужна. Тогда мы заживемъ.

— Ну, а еще что̀?

Ничего Бабьякъ болѣе придумать не могъ.

Однако Бабьякъ и до сихъ поръ ничего не выходилъ, а между тѣмъ открылось у насъ отдѣленіе крестьянскаго банка, и крестьяне, при содѣйствіи его, тотчасъ купили пустошь.

Распоряжаться пустошью они начали съ позапрошлаго, 1885 года. Тогда они могли воспользоваться только покосомъ и распахать лишь незначительную часть лужковъ. По пластамъ посѣяли—кто ленъ, кто овесъ. Первый годъ вышелъ неудаченъ, потому что въ прошломъ году яровое повсемѣстно пропало. Затѣмъ, часть рощицъ, что получше, крестьяне „заказали“, чтобы имѣть въ будущемъ дрова, и установили очень строгія правила противъ самовольныхъ порубовъ своими же однодеревенцами. О порубахъ чужими и разговора быть не можетъ, потому—кто же пойдетъ рубить на крестьянской землѣ; деревня и безъ сторожей усмотритъ, изловитъ и такую встрёпку задастъ, что по смерть помнить будетъ. Кустарникъ и плохія заросли крестьяне вырубили въ прошломъ году на ляда, выбрали дрова, а въ нынѣшнемъ году подобрали, кто лядечками, кто грудками, сдѣлали, словомъ, хозяйственно, выжгли весной и позасѣяли пшеницей, ячменемъ, а по снятіи этихъ хлѣбовъ—тотчасъ засѣяли рожью. Урожай на лядахъ въ прошедшемъ году, особенно ячменя, былъ очень хорошъ. Изъ вспаханныхъ въ позапрошломъ году нивокъ, въ прошломъ году я видѣлъ только одну, по перелому, засѣянную овсомъ, и овесъ былъ превосходнѣйшій. Правда, прошедшій годъ у насъ урожай яровыхъ былъ очень хорошій, а овса—превосходнѣйшій: у меня, напримѣръ, хозяйственная десятина, 3.200 кв. саж., дала на кругъ 24 $^{1}/_{2}$ четверти овса, чего еще ни разу не было за 16 лѣтъ моего хозяйства; были десятины, которыя

дали болѣе 35 четвертей. Къ сожалѣнію, на пустоши у крестьянъ только одна нивка была засѣяна, а остальныя пустовали, потому что въ позапрошломъ году былъ неурожай яровыхъ,—сѣмянъ къ прошлому году было мало, цѣна овса весною доходила до 6 рублей, да и то достать было трудно. У насъ было множество такихъ деревень, въ которыхъ яровыя поля, за недостаткомъ сѣмянъ, остались незасѣянными. На брошенныхъ прошлогоднихъ нивкахъ, однако, трава выросла очень порядочная, чѣмъ крестьяне хотя немного выручились.

Вообще, крестьяне деревень Д. и Х. въ прошедшемъ году не такъ хорошо выручились съ купленной земли, какъ крестьяне деревни Б., которые купили пахатную землю, но зато же и за землю заплатили вдвое дешевле. Въ будущемъ же крестьяне съ свѣжей пустоши возьмутъ болѣе и могутъ отлично устроить хозяйство.

Вопросъ теперь въ томъ, какъ будутъ далѣе пользоваться крестьяне купленною пустошью. Понятно, что всѣ овраги, овражки и лощины должны идти подъ покосъ, потому что съ нихъ будутъ получаться хорошіе урожаи травъ; возвышенныя же мѣста, суходольные пустошные луга, дающіе плохіе укосы сѣна, слѣдуетъ распахивать, удобрять фосфоритомъ и, соединивъ съ полевыми землями надѣловъ, ввести посѣвы клевера. Очень интересно, какъ возьмутся крестьяне за это дѣло. Думаю, что хорошо, судя, по крайней мѣрѣ, по тому, съ какимъ интересомъ разспрашивали меня крестьяне о моихъ разработкахъ пустошей, чѣмъ я уже столько лѣтъ занимаюсь.

Въ теченіе моего шестнадцатилѣтняго хозяйства, я постоянно распахивалъ новыя земли: сначала облоги, т. е. запущенныя послѣ „Положенія", вслѣдствіе уменьшенія запашекъ, полевыя земли, потомъ, когда всѣ облоги были распаханы—плохія пустоши. Обыкновенно я поступалъ, при разработкѣ этихъ луговыхъ земель, такъ: поднималъ облогу или пустошь и по пластамъ сѣялъ ленъ, иногда овесъ, иногда, но рѣдко, больше на пробу, рожь. Надежнѣе и выгоднѣе сѣять ленъ, а для крестьянъ ленъ и еще выгоднѣе, потому что для обработки его крестьянину не нанимать людей, все обработаетъ своей семьей по осени, въ глухое время, когда никакихъ заработковъ нѣтъ. Такъ какъ крестьяне не вѣрили, чтобы на плохихъ пустошахъ, дающихъ самые ничтожные укосы сѣна, могъ родиться ленъ, то я, послѣ перваго опыта, сдѣланнаго на свой страхъ, чтобы пріучить крестьянъ къ разработкѣ пустошей, поступалъ такъ: я давалъ землю и сѣмена съ тѣмъ, чтобы по осени крестьянинъ возвращалъ мнѣ сѣмена

вдвое. На это нашлись охотники, потому что ничего не нужно было затрачивать впередъ: ни сѣмянъ, ни аренды платить за землю. Такимъ образомъ, я получалъ около 10 рублей за десятину и распаханную землю; крестьяне же получали отличную плату за трудъ, такъ какъ на мое и ихъ счастье всѣ разы этотъ трудъ отлично удавался.

Послѣ льна или овса, посѣяннаго по пластамъ, по перелому, съ половиннымъ удобреніемъ, „потрусивши навозцемъ", безъ чего нельзя, я сѣялъ рожь и всегда получалъ великолѣпнѣйшіе урожаи, гораздо лучшіе, чѣмъ получались на мягкихъ земляхъ, при болѣе сильномъ навозномъ удобреніи. Для того же, чтобы не слишкомъ увеличивать запашку и имѣть достаточно навоза для удобренія, распахивая каждый годъ извѣстное количество облогъ или пустошей и пуская ихъ подъ пашню, я засѣвалъ соотвѣтственное количество мягкой земли травами (смѣсью клевера съ тимоѳеевкой) на долгій срокъ—6 лѣтъ, чтобы потомъ эти залуженѣвшія десятины, когда въ нихъ накопится азотъ, вновь распахивать подъ хлѣбъ. Опытъ показалъ, что находившіяся долгій срокъ подъ травами, отдохнувшія безъ культуры земли, накопившія азотистыя и перегнойныя вещества, точно такъ же, какъ облоги и пустоши, даютъ при разработкѣ отличные урожаи льна по пластамъ—и потомъ по перелому, съ половиннымъ количествомъ навоза—превосходные урожаи ржи.

Этой системѣ перемѣннаго хозяйства,—при которомъ идетъ правильный круговоротъ, причемъ истощенныя, относительно азота, культурой хлѣбовъ зéмли идутъ подъ травы, а обогащенныя азотомъ, залуженѣвшія земли поступаютъ подъ хлѣбъ,—я обязанъ тѣмъ, что въ пятнадцать лѣтъ урожаи ржи у меня болѣе чѣмъ удвоились. Такъ, съ 1 хозяйственной десятины получилось ржи:

Въ	1869 году	9	четвертей	3	мѣры.
Въ	1870 „	5	„	3	„
Въ	1871 „	5	„	2	„

Среднее, за трехлѣтіе 1869—71 гг.: 6 четвертей 5 мѣръ.

Въ	1884 году	12	четвертей	3	мѣры
„	1885 „	14	„	7	„
„	1886 „	15	„	„	„

Среднее, за трехлѣтіе 1884—86 гг.: 14 четвертей.

Слѣдовательно, теперь съ каждой десятины получается, въ среднемъ, на 7 четвертей 3 мѣры болѣе, чѣмъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Послѣдуютъ ли крестьяне моему примѣру? Перейдутъ ли они къ той же системѣ? Будутъ ли они, разрабатывая пустошь, удоб-

рять ее навозомъ и въ то же время соотвѣтственное количество мягкой земли засѣвать травами? Теперь, прикупивъ пустошь, крестьяне, казалось, могли бы ввести эту систему, и, безъ сомнѣнія, это было бы для нихъ выгодно: количество кормовыхъ средствъ увеличилось бы, увеличилось бы и количество навоза, хлѣбà стали бы родиться много лучше, особенно если ввести вспашку пара на зиму, ленъ и продукты скотоводства представляли бы доходную статью. При веденіи экстензивнаго навознаго хозяйства вся система была бы правильна и разумна; хлѣбà, требующіе азота, чередовались бы съ травами, подъ которыми азотъ накопляется.

Однако я сомнѣваюсь, чтобы крестьяне ввели травосѣяніе,— по крайней мѣрѣ, не думаю, чтобы они это тотчасъ сдѣлали. Слишкомъ большая ломка въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Постепенно крестьяне дойдутъ до этого, но не сейчасъ. Конечно, они воспользуются, и хорошо воспользуются, прикупленною пустошью. Уже теперь они оставляютъ тотъ способъ пользованія, который практиковали до сихъ поръ, пока пустошь имъ не принадлежала и арендовалась ими изъ года въ годъ. До сихъ поръ, арендуя землю, крестьяне, не расчищая ея, пользовались ею только какъ покосомъ и выгономъ — способъ пользованія самый невыгодный. Купивъ пустошь, первое, чтò сдѣлали крестьяне — стали расчищать покосы, вырубать кусты и зàросли, жечь ихъ на лядà и по пожогамъ сѣять хлѣбъ. Лядà всегда хорошо выручаютъ. Взявъ два хлѣба, крестьяне будутъ оставлять полядки заростать травами для покоса и выгона. Затѣмъ, возвышенные пустошные лужки крестьяне стали поднимать, чтобы сѣять по облогамъ ленъ. Въ прошломъ году ленъ не удался, но онъ точно также не удался на облогахъ, на полевыхъ земляхъ, какъ и на пустошахъ. Теперь уже посѣвъ льна по пластамъ на облогахъ и пустошахъ не новость въ нашихъ мѣстахъ. Неудача прошлаго года не остановитъ дѣла. Въ нынѣшнемъ году „придранныя" нивки пустовали, по перелому не было посѣяно, потому что не было яровыхъ сѣмянъ; но одинъ изъ крестьянъ засѣялъ прошлогоднюю нивку по перелому овсомъ, и овесъ былъ превосходный, чтò, конечно, замѣтили и всѣ другіе. Этого примѣра достаточно...

Крестьяне будутъ драть пустошь подъ ленъ, а по переломамъ сѣять хлѣбъ—это несомнѣнно.

Конечно, такое экстензивное пользованіе пустошью не дастъ возможности извлечь изъ нея всю пользу, какую можно извлечь, но все же крестьяне и при такомъ пользованіи хорошо выручатся, съ лихвою выручатъ очень скоро тѣ 27 рублей, которые ими заплачены за десятину. Банкъ можетъ быть совершенно

спокоенъ за свои деньги. Деньги будутъ возвращены, а за благодѣяніе, имъ оказанное, крестьяне вѣчно будутъ благодарить и поминать. „И это зачтется"!..

Если же, взявъ ленъ и хлѣбъ съ распаханныхъ пустошей, просто-на-просто бросать нивы, подобно тому какъ были брошены у насъ, послѣ „Положенія", массы полевыхъ десятинъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, то нивы эти будутъ заростать (самосѣвомъ) травой и давать не худшіе урожаи травъ, чѣмъ прежде получались съ пустоши. Черезъ нѣсколько лѣтъ опять можно будетъ возвратиться къ тому же самому, опять поднять и взять ленъ и рожь и т. д. Это, конечно, будетъ очень экстензивное пользованіе, но все же оно интензивнѣе того, какое было при арендованіи пустоши крестьянами изъ года въ годъ.

Наконецъ, и земля будетъ превращена изъ дикой въ болѣе или менѣе культурную. Поросшая кустарникомъ, дикая пустошь превратится въ чистое пахатное поле или суходольный лугъ. И будетъ всей мѣстности „продухъ", какъ у насъ говорятъ, а это здѣсь, при нашихъ сырыхъ почвахъ, имѣетъ первостепенное значеніе. У насъ всякая вырубка лѣсовъ, кустарниковъ и расчистка изъ-подъ нихъ земли благотворно вліяетъ на окрестныя поля и выгодно отражается на урожаяхъ. Я это знаю изъ собственнаго опыта: вырубка мною и расчистка на луга лѣса, узкой полосой окружавшаго — и, замѣтьте, съ сѣвера и востока—крестьянскіе надѣлы, а также расчистка и раздѣлка облогъ и пустошей чрезвычайно хорошо повліяли и на мои, и на крестьянскія поля. Весною наши поля просыхаютъ гораздо ранѣе, чѣмъ у ближайшихъ сосѣдей, гдѣ поля окружены зарослями и кустарниками.

Я говорилъ выше—сомнительно, чтобы крестьяне, прикупившіе пустоши, скоро взялись за травосѣяніе и ввели многопольные травяные сѣвообороты. Совсѣмъ другое относительно фосфоритной муки. Я увѣренъ, что крестьяне гораздо скорѣе могутъ *ввести въ употребленіе фосфоритную муку*. Это дѣло гораздо проще, чѣмъ введеніе травосѣянія и измѣненіе сѣвооборота, удобопонятнѣе, не требуетъ такой ломки въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не требуетъ согласія всего общества, притягиванія тѣхъ, которымъ, по бѣдности или инымъ причинамъ, нельзя вводить травосѣяніе. Тутъ каждый, кто понялъ выгодность дѣла, можетъ примѣнить удобреніе фосфоритной мукой на своей нивѣ, не мѣшая другимъ, никого не стѣсняя. Я говорилъ выше, что, когда явилась возможность, крестьяне деревни Б. стали удобрять свои нивы торфяной землей. Начали, конечно, богатые, семьянистые, а за ними, не желая отстать, и бѣдньки возили, кто сколько могъ. Наконецъ,

по моему мнѣнію, введеніе въ употребленіе фосфоритной муки теперь пока гораздо важнѣе, чѣмъ травосѣяніе (см. мою статью: „О примѣненіи фосфоритовъ для удобренія“ въ „Земл. Газ.“ 1886, №№ 49—52), потому что, *заправивъ землю фосфоритной мукой*, мы легко можемъ перейти къ болѣе интензивному хозяйству, какъ это дѣлается при разработкѣ „ландъ“ во Франціи.

Конечно, примѣненіе фосфоритной муки—дѣло новое; самъ я первый опытъ удобренія фосфоритной мукой произвелъ лишь въ 1885 году, и только въ нынѣшнемъ году примѣнилъ значительное количество—400 пудовъ. Но дѣло это должно пойти, не можетъ не пойти, непремѣнно пойдетъ. Нужно только поэнергичнѣе за него взяться и дать крестьянамъ возможность пріобрѣтать фосфоритную муку на мѣстѣ такъ же легко, какъ соль. Я говорилъ выше, что двое крестьянъ взяли у меня для испытанія по мѣшку фосфоритной муки и удобрили подъ рожь. Если и у крестьянъ фосфоритная мука такъ же себя оправдаетъ, какъ при моихъ опытахъ, то примѣру первыхъ послѣдуютъ и другіе, разумѣется, при извѣстной поддержкѣ, а затѣмъ примѣненіе фосфорита распространится въ округѣ. Нужно проповѣдывать и словомъ, и дѣломъ, раздавать въ кредитъ фосфоритную муку желающимъ, даже навязывать ее, наблюдать, чтобы она была правильно примѣнена къ мѣсту. Образованный классъ людей тутъ можетъ много сдѣлать.

Свои опыты примѣненія фосфоритной муки я и началъ потому, что совершенно убѣдился, что наши свѣжія земли, пустошныя и обложныя, которыя долго находились подъ травами, слѣдовательно накопили азотъ, все же требуютъ, хотя и половиннаго, навознаго удобренія, которое въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ своими минеральными веществами, а слѣдовательно можетъ быть замѣнено искусственнымъ, минеральнымъ тукомъ, для чего самое подходящее — мука изъ нашихъ фосфоритовъ. Опыты блестящимъ образомъ подтвердили эти предположенія и даже дали болѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Опытъ удобренія фосфоритной мукой переломовъ изъ-подъ облогъ и клевера показалъ, что фосфоритная мука, употребленная подъ рожь, производитъ поразительное дѣйствіе и вполнѣ замѣняетъ навозъ.

Еще важнѣе другой опытъ примѣненія фосфоритной муки на такой землѣ, съ которой послѣ разработки пустоши взято безъ удобренія навозомъ уже три хлѣба. У меня была старая пустошь, давно уже разработанная изъ-подъ лѣса, такъ что пни совершенно выгнили. Трава на этой пустоши уже выродилась, укосы сѣна получались самые ничтожные, часто и косить не стоило,

земля плохая, подзолистая, никогда не видавшая навоза. Я началъ разработывать эту пустошь съ 1882 года. Съ части пустоши былъ взятъ по пластамъ ленъ и овесъ, потомъ, по перелому съ легкимъ навознымъ удобреніемъ—25 возовъ на десятину—взята рожь, по ржи посѣяны травы. Съ другой части пустоши взятъ ленъ, потомъ овесъ или яровая рожь, потомъ еще яровая рожь или овесъ—на разныхъ десятинахъ чередовались разные хлѣба. Взято три урожая безъ навоза; урожай льна былъ превосходный, но урожай хлѣбовъ былъ плохой. Въ нынѣшнемъ году я обратилъ эту часть пустоши подъ рожь, въ предположеніи будущей весной засѣять травами. Половину земли я удобрилъ фосфоритной мукой (о томъ, сколько было высыпано фосфоритной муки и какъ, см. „Земл. Газету" 1886), а другую половину, для сравненія, оставилъ ничѣмъ неудобренной. Удобреніе фосфоритной мукой произведено полосами: полоса удобрена, полоса—нѣтъ, полоса удобрена, полоса—нѣтъ и т. д., всего 6 десятинъ: 3 удобрены, 3—нѣтъ. 4-го августа посѣяна рожь. Черезъ три недѣли, 26 августа, всѣ удобренныя фосфоритной мукой полосы отличались такъ, что каждый могъ ихъ указать. Осенью рожь на удобренныхъ фосфоритной мукой полосахъ была превосходная, такая же, какъ на самыхъ лучшихъ, сильно удобренныхъ навозомъ поддворныхъ ячныхъ нивахъ рядомъ лежащаго крестьянскаго поля. Большая проѣзжая дорога идетъ какъ разъ мимо этого поля и подлѣ удобренныхъ полосъ. Я поставилъ столбы съ надписями: „удобрено фосфоритомъ", чтобы проѣзжающіе обращали вниманіе на это драгоцѣнное удобреніе.

Эти опыты совершенно убѣждаютъ въ возможности обойтись безъ навоза при разработкѣ нашихъ смоленскихъ пустошей и ограничиться, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ, примѣненіемъ одной фосфоритной муки.

Фосфоритная мука представляетъ могущественное средство для поднятія хозяйствъ крестьянъ, прикупившихъ, при содѣйствіи крестьянскаго банка, пустоши. Если крестьяне деревень Д. и Х. при разработкѣ пустоши примѣнятъ фосфоритную муку, то результаты будутъ громадные. До сихъ поръ эти крестьяне постоянно прикупали хлѣбъ для собственнаго потребленія, а тогда станутъ продавать. Примѣненіе фосфоритной муки на пустоши и вообще на прѣсной полевой землѣ дастъ имъ возможность усилить удобреніе навозомъ поддворныхъ ячныхъ нивъ и увеличить коноплянники. Съ увеличеніемъ урожаевъ хлѣба увеличится количество получаемой соломы, а слѣдовательно количество корма и навоза.

Вообще, въ нашей смоленской губерніи, думаю—и въ дру-

гихъ сосѣднихъ—примѣненіе фосфоритной муки представляетъ могущественное средство для поднятія хозяйствъ, въ которыхъ забота о навозѣ составляетъ главное, такъ какъ наши земли безъ удобренія ничего не даютъ. Замѣна навоза фосфоритомъ— а что такая замѣна при извѣстныхъ условіяхъ вполнѣ возможна, доказываютъ мои опыты — сильно подниметъ наши хозяйства, и мы тогда уже не будемъ кланяться „степи", не будемъ ѣсть плохую сыромолотную степную рожь: къ намъ идетъ изъ „степи" самый плохой хлѣбъ, котораго нельзя сбыть ни нѣмцу, ни въ Москву, никуда, гдѣ нѣтъ такой нужды, какъ у насъ.

Не распространяясь далеко, возьму только нашъ дорогобужскій уѣздъ. По свѣденіямъ дорогобужской уѣздной земской управы, на 1883 годъ всей обложенной земли въ уѣздѣ—324.904 десятины. Изъ этого количества:

Земель 1-го разряда (заливныхъ луговъ) . . .	14.796	десятинъ, или	4,5%
Земель 2-го разряда (усадебной и о которой не доставлено свѣденій)	11.099	„ „	3,4%
Земель 3-го разряда (пахатной и пустошныхъ луговъ)	139.101	„ „	42,8%
Земель 4-го разряда (подъ лѣсомъ и кустарникомъ)	159.908	„ „	49,2%

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, какую ничтожную долю составляютъ въ нашемъ уѣздѣ заливные луга—всего $4^1/_2$%, и это при такихъ почвахъ, которыя требуютъ неустаннаго удобренія навозомъ. Понятное дѣло, при такомъ недостаткѣ луговъ, какой же можетъ быть кормъ, какой скотъ, какой хлѣбъ! При самомъ благопріятномъ урожаѣ, крестьянамъ не хватаетъ хлѣба на прокормленіе, и въ концѣ зимы приходится уже прикупать. Хлѣбъ изъ помѣщичьихъ хозяйствъ раскупается тутъ же крестьянами и еще его не хватаетъ, такъ что ввозится много степного хлѣба. При малѣйшемъ же неурожаѣ—а это бываетъ очень часто— крестьяне начинаютъ прикупать хлѣбъ уже съ Рождества, и тогда масса дѣтей идетъ „въ кусочки".

Во второмъ разрядѣ показаны земли усадебныя и такія, о которыхъ недоставало свѣденій; сюда отнесены 2.494 десятины помѣщичьихъ земель, за которыя владѣльцы должны платить по второму разряду. Это въ родѣ штрафа за невниманіе къ дѣлу, за недоставленіе свѣденій.

Къ третьему разряду отнесены пахатныя земли и пустошные луга, причемъ неизвѣстно, сколько именно пахатной и сколько пустошныхъ луговъ.

Къ четвертому разряду отнесены земли подъ лѣсами и кустарниками, и эти земли составляютъ 49,2%.

Такимъ образомъ, половина земли въ уѣздѣ находится подъ лѣсомъ и кустарникомъ, т.-е. вовсе остается некультивированною. Такъ какъ съ проведеніемъ желѣзной дороги лѣса сильно истребились и истребляются, огромныя количества ихъ, въ видѣ дровъ, досокъ, теса и т. п., ушли въ Москву, то можно безошибочно сказать, что бо̀льшая часть земель 4-го разряда состоитъ изъ кустарниковъ, лѣсныхъ посѣчищъ, зарослей, выпустошенныхъ лѣсовъ, изъ которыхъ выбрано все, что̀ есть хорошаго. Самое поверхностное наблюденіе при проѣздѣ по уѣзду показываетъ, что все это въ дѣйствительности такъ и есть, что огромное количество земель, принадлежащихъ владѣльцамъ, находится „подъ кустарникомъ". Все это стоитъ безъ разработки, потому что землевладѣльцы не имѣютъ ни средствъ, ни охоты разработывать эти выпустошенныя земли. Только послѣ перехода въ крестьянскія руки, эти выпустошенныя лѣсныя земли могутъ быть разработаны сначала на ляда, потомъ на пустошные луга, и, наконецъ, распаханы.

Если обратиться къ разсмотрѣнію земель, принадлежащихъ въ томъ же уѣздѣ крестьянамъ, то увидимъ, что у нихъ бо̀льшая часть земель находится въ культурномъ состояніи.

По свѣдѣніямъ земской управы, въ нашемъ уѣздѣ крестьянамъ принадлежитъ 139.645 десятинъ, что̀ составляетъ около 43% всего количества земли въ уѣздѣ. Изъ этого количества крестьянской земли:

Заливныхъ луговъ	7%
Усадебной.	5%
Пахатной и пустошныхъ луговъ.	76%
Подъ лѣсомъ и кустарникомъ	12%

Заливные луга составляютъ лишь небольшой процентъ, и если бы они были распредѣлены равномѣрно, то получаемаго съ нихъ количества сѣна только-что хватило бы для удобренія огородовъ, конопляянниковъ и поддворныхъ ячныхъ нивъ.

Главную массу крестьянскихъ земель составляютъ земли второго разряда (пахатныя земли и пустошные луга) — 76%. Но такъ какъ у крестьянъ въ надѣлахъ очень мало пустошныхъ луговъ, то бо̀льшая часть земли изъ этихъ 76% находится подъ хлѣбами. И чѣмъ же удобрять эти земли? Конечно, сѣна съ заливныхъ луговъ не хватитъ. Недостающее количество сѣна дополняется тѣмъ, что крестьяне нанимаютъ у владѣльцевъ покосы или за деньги, или за работы, или, наконецъ, убираютъ

съ части. Поэтому у насъ выкашиваются всѣ луга; даже самые плохіе луга, состоящіе сплошь изъ бѣлоуса, не остаются нескошенными. Сѣномъ, получаемымъ съ владѣльческихъ луговъ, крестьяне восполняютъ отчасти недостатокъ сѣна съ надѣловъ. Но и при всемъ томъ, количество сѣна, накопляемаго крестьянами, очень недостаточно, и его хватаетъ лишь для овецъ, телятъ и лошадей, да и то только въ урожайные годы.

Некультивированныхъ земель у крестьянъ очень мало, и количество ихъ ежегодно уменьшается, потому что при первой возможности крестьяне разработываютъ свои кустарники.

Совершенно иное отношеніе въ распредѣленіи угодій у землевладѣльцевъ. Здѣсь главная масса земель находится въ некультурномъ состояніи—76½%—и лишь незначительная часть подъ пашней и пустошными лугами—18½%. Эти отношенія хорошо видны изъ слѣдующей таблички:

	У землевладѣльцевъ:	У крестьянъ:
Всей земли	171.951 десятина	139.645 десятинъ
Изъ этого количества:		
Культивированной (пахатной и пустошныхъ луговъ	31.873 десят. (18½%)	106.076 десят. (76%)
Некультивированной (подъ лѣсомъ и кустарн.)	131.697 десят. (76½%)	16.917 десят. (12%)

Изъ этого видно, что у насъ хозяйство ведется, главнымъ образомъ, крестьянами. Владѣльцы же оставляютъ бо̀льшую часть земель пустовать. Съ переходомъ этихъ пустопорожнихъ земель къ крестьянамъ при содѣйствіи банка, земли эти будутъ разработаны и приведены въ культурное состояніе.

Четвертая изъ смежныхъ со мною деревень, деревня О., принявъ въ товарищи нѣсколькихъ человѣкъ изъ другихъ деревень, купила при содѣйствіи банка цѣлый хуторъ. А и деревенька эта небольшая, и земли у нея немного. Но народъ бойкій, трудолюбивый, зажиточный. Еще прежде эта деревенька купила дешево небольшую выпустошенную лѣсную землю въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни и раздѣлала ее на покосъ. Теперь же, какъ только открылось у насъ отдѣленіе крестьянскаго банка, деревня О., первая въ нашей округѣ, купила, при содѣйствіи его, землю, да еще цѣлый господскій хуторъ. А еще въ этой деревнѣ есть кабакъ, т.-е. не кабакъ,—я все забываю, что теперь въ Россіи нѣтъ кабаковъ,—а винная лавочка, такая лавочка, въ которой продаютъ водку въ запечатанной посудѣ и пить ее тутъ не позволяютъ, такъ что купившій водку долженъ унести ее изъ лавочки

и распивать въ особой избѣ, спеціально для того предназначенной. Какъ называется эта изба —не знаю; мужики называютъ, по старому, кабакомъ все это учрежденіе, т.-е. лавочку и избу, гдѣ распиваютъ. Мужики увѣряютъ, что все это такъ устроено для удобства кабатчиковъ, чтобы ихъ не безпокоили пьяные. Прежде водку пили въ самомъ кабакѣ — ну, разумѣется, для кабатчика безпокойство. Выпьютъ, шумятъ, галдятъ, сквернословятъ, пѣсни поютъ, ссорятся, задерутся еще, а тамъ кто и до безчувствія напьется — убирай его; еще иной обопьется. Мнѣ много разъ приходилось слышать жалобы отъ кабатчиковъ на это безпокойство: „напьютъ на рубль, а насквернословятъ на десять; тутъ дочь—дѣвица образованная, въ училищѣ училась, непріятно!“ Большое безпокойство для самого кабатчика и въ особенности для m-me кабатчицы. А у насъ, сколько я замѣтилъ главную роль въ кабакахъ играютъ m-mes кабатчицы, потому что бо́льшая часть мужчинъ кабатчиковъ-мужей — сами пьяницы, которые вѣчно находятся въ подпитіи: сидитъ у бочки — ну, и наспиртуется. Кабатчицы же не пьютъ и всѣмъ дѣломъ правятъ. Конечно, большое спокойствіе —ни шуму, ни ругани, чинно, благородно. Возьми водку въ запечатанной посудѣ—меньше полубутылки не отпускаютъ—и пей, гдѣ хочешь. Лѣтомъ, конечно, можно пить и на улицѣ, но зимой это не совсѣмъ удобно. Водка теперь вездѣ крѣпкая, въ 40%,—прежде у насъ вездѣ была водка слабая, 27—30%, дешевая, 3 р. 40 к. за ведро,—лавочка не отапливается, и водка имѣетъ почти ту же температуру, какъ наружный воздухъ, такъ что зимою, если внести водку въ комнату, то бутылка покрывается инеемъ. И вотъ такую-то, холодную, въ 15°, а можетъ 20°R, водку, да еще крѣпкую, да еще не менѣе полубутылки, нужно выпить на морозѣ. Тутъ, въ большой морозъ, и губы къ стакану примерзнутъ. Спеціалисты говорятъ, впрочемъ, что холодная водка пьется легко, только горло пересѣкаетъ, почему зимой такъ много охрипшихъ до совершенной невозможности говорить. Говорятъ, что выпитая крѣпкая 40% водка, да еще холодная, дѣйствуетъ не вдругъ, но потомъ сразу разбираетъ сильно, такъ что если проѣздомъ остановиться, выпить на морозѣ одну-другую полубутылочку, то сначала ничего, а потомъ, какъ проѣдешь нѣсколько верстъ, сильно разбираетъ, до безчувствія—можно замерзнуть или обморозиться. Это всѣ говорятъ. Какъ ни нападаютъ на безчеловѣчность кабатчиковъ, но все-таки же и они люди, и у нихъ „Христосъ“ есть; они очень хорошо поняли, что пить холодную водку на морозѣ, на улицѣ, невозможно, вредно,—изъ гуманности устроили вездѣ около вин-

ныхъ лавочекъ избы, гдѣ можно распивать купленную водку, гдѣ есть и крючокъ, чтобы откупорить бутылку, и стаканчики, и закуска. Можно посидѣть, поговорить, выпить въ прохладу, не спѣша; мало — еще спросить; кто не любитъ крѣпкой водки — можно спросить дешевой, разбавленной водой.

Я сначала не вѣрилъ, чтобы винныя лавочки были учреждены для спокойствія кабатчиковъ,—мужики всегда что-нибудь такое выдумаютъ, — но потомъ, когда распространились слухи, что скоро будетъ введена казенная продажа водки, то и мнѣ пришло въ голову, что эти спокойныя для кабатчиковъ винныя лавочки, вѣроятно, учреждены для того, чтобы постепенно подготовлять народъ къ благочинію въ кабакахъ. Понятно, что когда въ кабакахъ будутъ сидѣть казенные люди при формѣ, при какихъ-нибудь знакахъ, то шумѣть тамъ и сквернословить нельзя будетъ; безъ сомнѣнія, тогда будутъ требовать, чтобы при входѣ въ кабакъ снимали шапки, какъ теперь это требуется, напримѣръ, въ аптекахъ, даже не казенныхъ учрежденіяхъ, а только привилегированныхъ.

Такъ вотъ и кабакъ въ деревнѣ,—а все-таки крестьяне не спились и купили цѣлый хуторъ. Хуторъ, который купили они, принадлежалъ когда-то одному князю, хорошему хозяину, главное имѣніе котораго и резиденція находились верстахъ въ 30 отъ этого хутора. Прежде на хуторѣ содержалось достаточно скота, сѣялся клеверъ, и хлѣбъ родился хорошій. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я засталъ еще хорошее хозяйство на этомъ хуторѣ, хотя уже много полевой земли было запущено, и клеверъ перестали сѣять. При хуторѣ было много хорошаго березоваго лѣса. Затѣмъ, по смерти владѣльца, хуторъ былъ въ арендѣ, но баринъ-арендаторъ самъ въ немъ не жилъ, и хозяйство велъ староста. Хозяйство еще болѣе опустилось; стали заниматься льнами, чтобы утилизировать запущенныя послѣ „Положенія“ земли. Наконецъ, хуторъ этотъ, въ числѣ прочихъ имѣній, былъ купленъ купцомъ-лѣсоторговцемъ, который уничтожилъ хозяйство, вырѣзалъ лѣсъ на дрова и, наконецъ, продалъ крестьянамъ деревни О. Крестьяне начали распоряжаться на хуторѣ съ прошлаго года: распахиваютъ полевую землю, пользуются покосами и, главное, раздѣлываютъ вырубленныя рощи на ляда̀, жгутъ и сѣютъ хлѣбъ. Говорятъ, что въ нынѣшнемъ году крестьяне получили хлѣба столько, что имъ на два года хватитъ. Работа идетъ усиленная. Такъ какъ въ сведенныхъ купцомъ рощахъ осталось много лома, макушъ, негодныхъ на московскія дрова деревъ, то въ нынѣшнемъ году

крестьяне-владѣльцы сдаютъ подборку дровъ и всего, что можетъ годиться мужику въ хозяйствѣ, другимъ крестьянамъ.

Съ нынѣшняго года нѣкоторые крестьяне уже построились на купленномъ хуторѣ и переселились туда на жительство. Такимъ образомъ выростаетъ новая деревня, а на старыхъ мѣстахъ съ выходомъ многихъ лицъ станетъ свободнѣе относительно земли.

Смѣшной казусъ случился только съ этимъ переселеніемъ. Я говорилъ, что крестьяне приняли товарищей изъ другихъ деревень. Выселились на хуторъ одинъ крестьянинъ изъ одной деревни, другой—изъ другой. Вышло такъ, что одинъ крестьянинъ былъ приходомъ въ одно село, другой—приходомъ въ другое село; самый же хуторъ, когда былъ за помѣщикомъ, былъ приходомъ въ третье село. Крестьяне у насъ очень держатся своихъ приходовъ, во-первыхъ, потому, что каждая деревня празднуетъ своему празднику—кто Покрову-батюшкѣ, кто Троицѣ-матушкѣ, кто Вознесенію—и имѣютъ соотвѣтственные свои образа; во-вторыхъ, потому, что у каждаго въ своемъ приходѣ есть свои „могилки", а крестьяне очень строго держатся поминовеній по усопшимъ и каждую родительскую отправляются на могилки поминать родителей.

Каждый изъ выселившихся крестьянъ на праздникъ, чтобы освятить домъ, позвалъ попа изъ своего прихода—это еще ничего, потому что у насъ есть такія деревушки, въ которыхъ часть дворовъ приходомъ въ одно село, а часть въ другое; но вступился въ дѣло тотъ попъ, куда приходомъ былъ прежде хуторъ, и не дозволилъ другимъ служить

— Моя земля, говоритъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ: — не дозволю чужимъ на моей землѣ служить, образа отберу.

— Какъ отберетъ?—спрашиваю я.

— Такъ, говоритъ, не смѣютъ на моей землѣ служить, возьму образа „въ хлѣвъ",—разсказывалъ мужикъ.

— Какъ въ хлѣвъ?

Я сначала не понялъ, но потомъ разъяснилось, что крестьянинъ примѣнилъ къ образамъ то выраженіе, какое у насъ обыкновенно употребляютъ, когда возьмутъ въ потравѣ лошадь. Обыкновенно говорятъ: „взялъ въ хлѣвъ".

Такъ чужіе и побоялись служить. Крестьяне, говорятъ, наладили дѣло такъ, что пригласили отслужить въ новыхъ домахъ стараго заштатнаго священника, который не побоялся и отслу-

жилъ великолѣпно,—не то что попы новой формацiи, которые обыкновенно служатъ быстро.

— Такъ ужъ хорошо служилъ старый батюшка, такъ хорошо,—разсказывалъ крестьянинъ,—не то что молодые: по цѣлой свѣчкѣ передъ образами за службу сгорѣло, вотъ эстолько не осталось,—и онъ указалъ на кончикъ ногтя.

Крестьяне всегда измѣряютъ службу количествомъ сгорѣвшей у образа свѣчи и сообразно съ этимъ опредѣляютъ, дорого ли беретъ попъ, или нѣтъ. Попы новой формацiи у насъ не возвысили цѣны за обыкновенныя службы, безъ которыхъ можно обойтись,—возвысили только цѣны на свадьбы и пр., — но служатъ менѣе, скорѣе: на четверть свѣчки, на осьмушку, — какъ выражаются крестьяне.

Потомъ вышло, говорятъ, разрѣшенiе крестьянамъ остаться при своихъ приходахъ.

Живутъ эти крестьяне хорошо, въ хлѣбѣ не нуждаются, работаютъ какъ нельзя лучше и на старой надѣльной землѣ, и на вновь купленномъ хуторѣ, не упускаютъ, гдѣ кстати, и подходящихъ заработковъ на сторонѣ—доски теперь зимой съ паровой молотильни на полустановъ возятъ, хотя и невелика нынче цѣна за извозъ. Ничего не упускаютъ—„хоть маленькiй барышокъ, да почаще въ мѣшокъ“,—деньги накопляютъ въ „банку“ платить. Никогда эти крестьяне у меня ничего не работали, а нынче взялись сметать у меня въ стоги жнитво съ клеверомъ, и выполнили работу быстро, аккуратно, превосходно.

Я еще не видалъ, какъ раздѣлали крестьяне купленный хуторъ; въ будущемъ году, будемъ живы-здоровы,—думаю, пробраться туда съ фосфоритами. Эти, если поймутъ, да попробуютъ, да выйдетъ хорошо,—такъ у нихъ дѣло пойдетъ,—еще складъ фосфоритной муки на продажу откроютъ.

Пятая деревня Д., опять таки межующая со мною, тоже прикупила землю при содѣйствiи крестьянскаго банка. Эта деревня купила прилегающiе къ надѣлу „отрѣзки“, которыми и прежде пользовалась за послуги—работала круги—помѣщику, имѣнiе котораго лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Имѣнiе это купилъ купецъ-лѣсоторговецъ, который и продалъ крестьянамъ отрѣзки.

Крестьянамъ выгодно, когда имѣнiя переходятъ въ руки купцовъ-лѣсоторговцевъ. Рѣдко, рѣдко купецъ станетъ вести самъ хозяйство. Обыкновенно, онъ тотчасъ же начинаетъ сводить лѣсъ, чѣмъ даетъ *зимнiй* заработокъ крестьянамъ, въ особенности возкой. Вырубленныя пространства, купцу не нужныя—товарникомъ у насъ не занимаются, жженiемъ угля мало—со всѣмъ

ломомъ купецъ сдаетъ крестьянамъ на лядà для выжега и посѣва по пожогамъ хлѣба, и опять-таки сдаетъ подъ работу, и не подъ лѣтнюю работу, а подъ зимнюю, что крестьянамъ на руку. Наконецъ, при содѣйствіи банка, купецъ продаетъ крестьянамъ ненужную ему землю.

Такъ отразилось въ нашихъ мѣстахъ недавнее открытіе у насъ крестьянскаго банка.

Отрадное впечатлѣніе производитъ это „большое дѣло". Половина земель въ нашемъ уѣздѣ находится въ дикомъ, некультурномъ состояніи (кустарникъ, выпустошенные лѣса), но и затѣмъ еще изъ второй половины значительная часть находится въ самомъ экстензивномъ пользованіи, въ видѣ плохихъ пустошей, дающихъ самые ничтожные укосы плохого сѣна.

Въ ужасномъ видѣ находится наше несчастное дорогобужское хозяйство. Куда ни поѣдешь, всюду видишь печальную картину: кусты, заросли, пустоши, посѣчища и, какъ оазисы, тощія поля. Только и радуетъ долина Днѣпра съ его прекрасными заливными лугами; здѣсь и поля, и скотъ, и лошади—все иное.

Помѣщикамъ не съ чего подняться. Выкупныя свидѣтельства прожиты; деньги, полученныя за проданные лѣса, прожиты; имѣнія большею частью заложены; денегъ нѣтъ, доходовъ нѣтъ.

Только крестьяне могутъ разработать эти пустующія земли, потому что ихъ рабочія руки—капиталъ. Но крестьяне могутъ разработать эти земли только тогда, когда онѣ будутъ имъ принадлежать. Крестьянскій банкъ далъ „въ нашемъ мѣстѣ" первый толчокъ этому дѣлу. Первый опытъ далъ блестящіе результаты. Возможность простого и дешеваго примѣненія для удобренія фосфоритовъ еще болѣе подвинетъ дѣло.

Интересно и весело смотрѣть на отношеніе крестьянъ къ вновь прикупленнымъ землямъ. Эти земли они особенно любятъ, на нихъ возлагаютъ надежды, съ гордостью смотрятъ на свои пріобрѣтенія. Понятно, что прежде всего пріобрѣтаются крестьянами самыя необходимыя для нихъ земли, о которыхъ они постоянно мечтали, которыя волей-неволей снимали у владѣльцевъ, отработывая за нихъ лѣтнія работы, трудныя для крестьянъ, мало полезныя для владѣльцевъ при теперешнихъ условіяхъ. Шла одна канитель. Банкъ всѣмъ развязалъ руки. Возможность пріобрѣтенія земель при содѣйствіи банка здорово дѣйствуетъ, устраняя безплодныя, только раздражающія, неосуществимыя мечтанія о передѣлахъ, вольныхъ земляхъ и пр.

Заботятся крестьяне о своевременной уплатѣ въ банкъ очень,

боясь опоздать съ уплатой; зорко смотрятъ въ этомъ отношеніи другъ за другомъ и имѣютъ огромное нравственное вліяніе одинъ на другого, побуждая заработывать деньги и не упускать случаевъ, когда представляется какая-нибудь работа. Это особенно замѣтно на исключительныхъ для деревни безпечныхъ лѣнтяяхъ, которые обыкновенно ничего не дѣлали съ осени, пока есть хлѣбъ, и ни на какую стороннюю работу не шли. Мнѣ, какъ хозяину, требующему постоянно рабочей силы, въ особенности поденщиковъ, все это очень замѣтно. Нахожу даже, что живутъ крестьяне трезвѣе; прежде какъ-то больше спустя рукава жили. Есть хлѣбъ—ну и ладно: „хоть не уѣдно, такъ улежно"; а теперь не то—каждый заработать денегъ гонится.

Всѣ заплатили въ банкъ своевременно и работы за дополнительные платежи исполнили хорошо. А между тѣмъ 1885 годъ былъ очень тяжелый,—сужу объ этомъ не по тому только, что̀ видѣлъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, но и по тому, что̀ испыталъ въ своемъ собственномъ.

Въ то время, какъ въ позапрошломъ году журналы толковали о перепроизводствѣ и ныли о дешевизнѣ хлѣба, у насъ крестьяне просто-на-просто голодали. Вотъ уже 15 лѣтъ, что я живу въ деревнѣ, прожилъ и тѣ года, когда у насъ рожь доходила до 14 рублей за четверть, но подобнаго бѣдствія, какъ въ зиму 1885—86 г., не видалъ. Я не знаю, что̀ собственно на оффиціальномъ языкѣ называется голодомъ и гдѣ граница между недостаткомъ хлѣба и голодомъ, но въ прошломъ году самъ видѣлъ голодныхъ, которые по два дня не ѣли. Такихъ голодныхъ, съ такимъ особеннымъ выраженіемъ лица, я давно уже не видывалъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ рожь у насъ доходила до 14 рублей за четверть, такой голодухи не было,—не было такого множества ходящихъ „въ кусочки", какъ въ прошломъ году. Не только дѣти, старики, женщины, но даже молодыя дѣвушки и парни, способные работать, ходили въ кусочки. Положимъ, изъ ближайшихъ деревень, сосѣднихъ со мной, тѣхъ, которыя прикупили земли, мало кто ходилъ въ кусочки: совѣстились, старались такъ какъ-нибудь пробиться, забирали подъ работы, занимали, но изъ дальнихъ деревень ходили толпами, такъ что въ застольной, гдѣ подаютъ „кусочки", было замѣтное увеличеніе расхода на муку.

Не знаю, какъ гдѣ, но у насъ въ предпрошломъ году рожь вовсе не была дешева,—нынче дешевле. Привозную степную рожь въ Вязьмѣ предпрошлой зимой продавали 6 р. 30 к. за четверть. Крестьяне массами отправлялись въ Вязьму покупать рожь. У насъ тоже степная рожь продавалась по 7 рублей, а весною

и дороже. Мѣстная сухая рожь продавалась 7 р. 50 к., подъ весну—по 8 р. и дороже. Нельзя же эти цѣны считать дешевыми, и какихъ еще цѣнъ нужно! Разлакомились мы ужъ очень 14-ти-рублевыми цѣнами за четверть, какія были нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Но вѣдь эти цѣны были исключительныя. Не очень давно, въ 70-хъ годахъ, обыкновенная цѣна на рожь у насъ была 7 рублей за четверть, а давно ли то время, когда рожь продавали у насъ 3—4 рубля за четверть.

Хотя урожай ржи въ прошломъ году былъ хорошій, выше средняго въ нашей округѣ, но зато всѣ другія хозяйственныя условія сложились самымъ неблагопріятнымъ образомъ.

Вслѣдствіе необыкновенной засухи травы уродились очень плохо, и хотя во время уборки стояла хорошая погода, такъ что съ покосомъ убрались рано и сѣно получилось хорошее, но его было чрезвычайно мало.

Яровые хлѣба тоже уродились плохо. Ячмень совсѣмъ пропалъ, такъ что многіе и сѣмянъ не возвратили. Овесъ тоже пропалъ. Вслѣдствіе неурожая яровыхъ хлѣбовъ не было и яровой соломы — главнаго корма для скота.

Значитъ—ни сѣна, ни яровой соломы; за все, про все должна была отвѣчать ржаная солома.

Ленъ, пенька тоже не уродились, а между тѣмъ это—главный продажный продуктъ, дающій крестьянамъ деньги.

Вслѣдствіе недостатка корма скотъ по осени былъ ни почемъ, да и къ веснѣ цѣны на скотъ не повысились.

Заработковъ никакихъ. Даже заготовокъ дровъ для Москвы дѣлалось мало. Цѣны на вывозку дровъ, досокъ и пр., что составляетъ главный заработокъ крестьянъ, понизились до чрезвычайности, несмотря на дороговизну кормовъ и совершенный недостатокъ овса. Вслѣдствіе этого понизились цѣны на всѣ работы, главное же—никому рабочіе не были нужны, даже даромъ, изъ-за харчей. Чтобы добыть денегъ, крестьянамъ приходилось забирать впередъ деньги подъ лѣтнія работы, въ большемъ, чѣмъ можно выполнить, количествѣ. Но когда хочется ѣсть, объ этомъ не думаютъ. Авось какъ-нибудь выполнимъ.

Ходили массами въ кусочки, но и въ міру плохо подавали.

Рожь была вовсе не дешева. Да, кромѣ того, рожь отвѣчала за все. За отсутствіемъ ярового—ни каши, ни крупника, ни лепешекъ, ни блиновъ, ни киселя. Одинъ ржаной хлѣбъ да картошка. Опять же нужно и свиненку, и куренку; овса нѣтъ—отвѣчаетъ ржаная мука. Сѣна и яровой соломы нѣтъ, слѣдова-

тельно, и конямъ, и скоту—рѣзка изъ ржаной соломы, посыпанная опять же ржаной мукой.

Ну, такъ и перебивались. Не доѣдали. Къ веснѣ, и на людей, и на скотъ смотрѣть страшно было. Лошади весною были въ такомъ видѣ, что пахарю приходилось только жаворонковъ слушать. Пройдетъ борозду и станетъ. „Ну, матушка! ну, матушка! ну!" —а матушка только хвостомъ помахиваетъ. И стой, слушай, какъ жаворонки въ поднебесьѣ заливаются. Хорошо оно, весело жаворонковъ слушать, да не за сохою. Впрочемъ, пахать пришлось немного, потому что, за недостаткомъ яровыхъ сѣмянъ, бо̀льшая часть полей осталась незасѣянною.

Отвалился скотъ—полегче стало. Осталась одна забота: прокормиться самому до „нови". А много еще нужно, потому работа, день большой, хлѣба много требуется. Хотя и говорится: „придетъ весна, потеплѣетъ, люди подобрѣютъ", но нынче и весною никто не подобрѣлъ. Подъ работы все забрано, что̀ только можно взять. Тутъ ужъ на все бросались. Въ самую рабочую пору запрягаетъ мужикъ пару лошадей, ѣдетъ на паровую лѣсопилку, нагружаетъ два воза досокъ и тащитъ на полустанокъ. Цѣна извѣстно какая, когда мужику ѣсть нечего. Тащитъ на полустанокъ доски, лошадь по дорогѣ кормитъ—гдѣ пастись пуститъ, гдѣ травки накоситъ подъ вечеръ или ночью, гдѣ руками нарветъ. Привезетъ доски, свалитъ—сейчасъ разсчетъ; купитъ муки и живетъ недѣлю, а тамъ опять за доски. Хорошо еще, что были доски. Возка досокъ многихъ спасла. Съ нови всѣ возрадовались. Урожай ржи великолѣпный. Хлѣба—кому до нови хватитъ, кому до святой, самому бѣдному—до масляной. Долги всѣ отдали. Ячмень, овесъ, конопля, ленъ, кто сѣялъ, уродились на славу—урожай небывалый. Ликуй, земледѣлецъ! Одно только плохо—заработковъ никакихъ опять нынче нѣтъ! Нѣтъ заработковъ, нѣтъ денегъ, а деньги требуютъ во всѣ концы, благо начальство знаетъ, что годъ нынче урожайный. А денегъ нѣтъ...

А. Энгельгардтъ.

Батищево.—15-го янв. 1887.

НА МОТИВЫ

из Стеккетти.

I.

Я видѣлъ бабочку—ее поймали дѣти—
Какъ билася она о край зловѣщій сѣти!
Но тщетно: не могли несчастную спасти
Ея безплодныя и слабыя усилья,—
А злые шалуны, порвавъ бѣдняжкѣ крылья,
Кричали ей съ насмѣшкою:—Лети!

Такъ, сѣтью мелкихъ дрязгъ, заботы повседневной
Опутанный, я бьюсь, но, крылья обломивъ,—
Не въ силахъ ужъ летѣть на радостный призывъ...
А вкругъ меня твердятъ съ ироніею гнѣвной:
— Ужели силъ въ себѣ не можешь ты найти?
Вотъ цѣль желанная! Лети же къ ней, лети!—

II.

Мнѣ снился сонъ: какъ будто вольной птицей
Я къ высотамъ лазурнымъ поднялся...
Обрывки тучъ вилися вереницей,
Исчезло все: и горы, и лѣса.
Невидимою силой увлеченный,
Я все летѣлъ, но вдругъ ударилъ громъ,—
И, молніи сіяньемъ ослѣпленный,
Безжалостно разбитый, пораженный,
Я внизъ упалъ со сломаннымъ крыломъ...

Мнѣ снился сонъ: межъ рожью золотистой,
Среди полей я выросъ василькомъ.
Въ вечерній часъ, прохладный и душистый,
Шептался я съ залетнымъ вѣтеркомъ.
Среди ночей сіяніе зарницы
Я наблюдалъ на небѣ голубомъ;
Но часъ насталъ—пришли жнецы и жницы,
И срѣзанъ я блистающимъ серпомъ...

Мнѣ снился сонъ: что будто бы тобою,
Моя любовь, я также былъ любимъ,
Что счастіе, невѣдомое мною,
Меня лучомъ коснулося своимъ.
И плакалъ я, и вѣрилъ безотчетно!..
И, пробудясь, печалью удрученъ,
Я сожалѣлъ, что грёза—мимолетна,
Что это сонъ, не болѣе какъ сонъ!

О. М—а.

ДВОРЯНСТВО

ВЪ

РОССІИ

Историческій и общественный очеркъ.

III *).

Причины, вслѣдствіе которыхъ не могла образоваться аристократическая среда изъ потомковъ подчинившихся московскому правительству удѣльныхъ князей.—Незамкнутость всѣхъ слоевъ служилаго сословія. — Мѣстничество. — Іерархія московской службы.—Численность и распредѣленіе служилаго сословія по мѣстностямъ Россіи.—Постепенное перерожденіе этого сословія изъ ратнихъ людей въ хозяевъ-помѣщиковъ.—Объединеніе служилаго сословія при Петрѣ Великомъ. — Освобожденіе дворянъ отъ служилаго тягла и дарованіе имъ сословныхъ правъ личныхъ и по управленію уѣздомъ.—Черты внутренняго характера нашего дворянства, оказавшіяся послѣдствіемъ его развитія въ исторіи. — Общій взглядъ на коренное различіе въ національномъ характерѣ народовъ западно-европейскихъ и русскаго народа.

Когда власть московскаго правительства стала окончательно укрѣпляться, бо̀льшая часть удѣльныхъ князей, преклонившись передъ его могуществомъ, начала появляться въ Москвѣ и вступать по рядамъ съ великими князьями къ нимъ на службу. Такимъ служилымъ князьямъ или оставлялся въ видѣ вотчины удѣлъ, которымъ они прежде владѣли, или предоставлялась новая вотчина. Бывали случаи, когда московскіе великіе князья покупали чужія княжества у ихъ владѣльцевъ — и тогда послѣдніе

---

*) См. выше: апр., 531 стр.

обыкновенно, подъ именемъ окупныхъ князьковъ, оставались въ своей прежней волости, какъ въ вотчинѣ, съ которой они служили великому князю. Бывали случаи, что удѣльные князья, въ особенности если они были близкими родственниками великаго князя, завѣщали ему сами свои удѣлы, правда, озабочиваясь обыкновенно возложеніемъ на него и уплаты долговъ, которые послѣ нихъ оставались. Странно звучатъ цифры этихъ обязательствъ, ничтожныхъ по взглядамъ нашего времени. Князь Юрій Васильевичъ Дмитровскій, какъ видно по его духовной, оставилъ послѣ себя 752 рубля долгу, и притомъ большею частью подъ залогъ движимыхъ вещей, а князь Михаилъ Верейскій и того менѣе—267 рублей [1]).

Земля и ея владѣтели переходили постепенно подъ власть великихъ князей Москвы. Поступая на службу, они сохраняли титулъ князей; титулъ этотъ представляется единственнымъ наслѣдственнымъ званіемъ, прошедшимъ черезъ всю русскую исторію съ самаго ея начала. Тѣ изъ нашихъ княжескихъ родовъ, которые принадлежатъ къ Рюриковичамъ, могутъ похвалиться одною изъ самыхъ древнихъ генеалогій по сравненію съ западно-европейской аристократіей, бо̀льшая часть которой едва ли въ состояніи довести слѣды своего происхожденія до IX вѣка.

Благодаря происхожденію и наслѣдственному землевладѣнію, эти обломки независимыхъ княжескихъ родовъ, къ которымъ присоединились Гедиминовичи, выходцы изъ Литвы, и еще нѣсколько князей инородческаго корня, представляли элементъ, изъ котораго могъ бы выработаться классъ высшей земельной аристократіи, съ политическими правами и самостоятельнымъ общественнымъ положеніемъ. Названіе пэровъ, которое мы встрѣчаемъ на Западѣ, гораздо болѣе подходило бы по существу къ потомкамъ нашихъ удѣльныхъ князей, чѣмъ къ западно-европейскимъ феодаламъ, такъ какъ послѣдніе хотя и были когда-то самостоятельными, но происходили отъ служилыхъ родовъ; а наши князья были одного корня съ великими князьями, которымъ подчинились. Но въ Россіи мы встрѣчаемъ обратное явленіе. Русскіе князья очень быстро и безъ особыхъ затрудненій освоились съ положеніемъ царевыхъ слугъ. Въ обращеніяхъ къ царямъ они стали называть себя холопями, какъ остальные служилые люди.

---

[1]) Стоимость денегъ была значительно большею въ то время, чѣмъ теперь; но если даже и допустить ее въ сто разъ превышающею теперешнюю, какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, то и тогда упомянутыя цифры крайне скромны по размѣру.

Наиболѣе почетнымъ сдѣлалось званіе слуги, которымъ Иванъ Грозный отличилъ изъ среды бояръ князя Воротынскаго.

Принимая князей на службу, московскіе государи не давали княжескому титулу опредѣленнаго служилаго и общественнаго значенія. Многіе изъ княжескихъ родовъ занимали мѣсто въ спискахъ высшихъ чиновъ государства, но случались и захудалые рода, которые прозябали въ низшихъ слояхъ служилаго сословія. Разсыпавшись по всѣмъ ступенямъ іерархической служебной лѣстницы, потомки удѣльныхъ князей не представляли сплоченной группы. Цари старались отводить первое мѣсто личной службѣ. На этой почвѣ могла выработаться только служилая, а не родовая аристократія. Въ мѣстническихъ служебныхъ счетахъ титулъ князя также не имѣлъ ровно никакого вѣса; если князья не могли похвалиться первенствомъ службы предковъ, они должны были уступать мѣсто простымъ, не-титулованнымъ боярамъ.

Ослабленію престижа княжескихъ родовъ много содѣйствовало чрезмѣрное изобиліе князей. Отъ XI-го до XV-го столѣтія племя Рюриковичей чрезвычайно размножилось: однихъ князей этого корня было, по исчисленію г. Загоскина, 167 родовъ. Многіе поступали на московскую службу уже захудалыми изъ-подъ служилаго ярма какому-нибудь мелкому князьку, какъ напр. предокъ вѣтви князей Масальскихъ - Колодъ, которому у князя Воротынскаго были „приказаны собаки", т.-е. завѣдываніе охотой. Многокняжіе вообще оставило дурную память въ народѣ. Гласъ общества приписывалъ справедливо этому явленію бо̀льшую часть постигшихъ русскую землю бѣдствій. Вотъ указанія изъ относимаго къ XII-му вѣку извѣстнаго эпическаго творенія, „Слова о полку Игоревѣ". „Тогда,—вспоминается въ пѣснѣ,—сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась"... „Усобица княземъ на поганыя погибе,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начаша князи про малое—се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю рускую". Еще разъ повторяется та же жалоба на крамолы княжескія въ другомъ мѣстѣ съ прибавленіемъ выраженій общей скорби: „тоска разліяся по руской земли; печаль жирна тече средь земли руской". Очевидно, княжескія усобицы составляли наболѣвшій мотивъ въ сознаніи народа. „О стонати руской земли, помянувше первую годину и первыхъ князей! Того стараго Владиміра (Мономаха) не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ", —сожалѣетъ вѣщее слово. Оно оказалось предсказаніемъ. При-

шли еще татары—и стонъ русской земли усугубился. Какое же побужденіе могли имѣть русскіе люди, чтобы поддерживать маленькихъ князей противъ великой Москвы, исполнявшей внутренній завѣтъ народа, объединяя и укрѣпляя Русь?

А безъ поддержки народа князья не могли сдѣлаться ничѣмъ инымъ, кромѣ холопей государя, потому что, проведя весь вѣкъ въ безцѣльныхъ распряхъ, не создавъ ни единаго, сколько-нибудь сближавшаго ихъ принципа, они отличались полнымъ отсутствіемъ солидарности. Столкновенія—не только князей, но и вообще бояръ—съ властью носятъ характеръ такихъ же несерьезныхъ, случайныхъ домогательствъ, какъ и усобицы удѣльнаго времени. Поднялся въ XIV-мъ вѣкѣ въ Москвѣ извѣстный тысяцкій Алексѣй Петровичъ Хвостъ. Въ 1357 году, 3-го февраля, онъ былъ найденъ убитымъ на площади. „Нѣции глаголютъ,—прибавляетъ лѣтописецъ,—яко... всѣхъ бояръ общею думою убіенъ бысть, да яко же Андрей Боголюбивый отъ своихъ рабъ отъ Кучковичъ, тако и сій отъ своея дружины пострада“ (Воскр., 10). Соперничество бояръ между собою несомнѣнно помогало московскимъ правителямъ въ сосредоточеніи власти. О корпоративныхъ домогательствахъ не было и помину. Когда отдѣльныя лица московской знати входили въ силу во время малолѣтства царей, они распоряжались не какъ представители сословія и не въ интересахъ послѣдняго, а просто какъ временщики, думавшіе только о личномъ торжествѣ и счетахъ съ враждебными боярскими родами. Такъ было во время дѣтства Ивана Грознаго. Князь Овчина Телепневъ-Оболенскій, князья Шуйскіе, князь Бѣльскій и князья Глинскіе послѣдовательно захватывали власть, но они пользовались ею только для себя. „Свирѣпи, аки львове, а люди ихъ, аки звѣри дивіи до крестьянъ“,—говоритъ про боярское правленіе лѣтописецъ. Оно окончилось мятежемъ, во время котораго убитъ былъ Юрій Глинскій. Впечатлѣніе, оставленное въ народѣ господствомъ бояръ, было таково, что юный царь на первомъ бывшемъ въ Москвѣ земскомъ соборѣ въ 1550 году просилъ на лобномъ мѣстѣ народъ забыть прежнія обиды и разоренія, вражды и тяготы, обѣщая быть самъ для всѣхъ судьей и обороной.

Примкнувшіе къ боярству служилые князья сливались, для народа, въ одномъ представленіи съ прочими боярами. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы боярство было особенно популярнымъ во времена московской Руси. Конечно, были люди, пользовавшіеся народной симпатіей, которыхъ народъ называлъ добрыми боярами, но зато народъ приписывалъ дурное, что̀ дѣлалось на Руси, вліянію дурныхъ бояръ. Во время мятежа 1662 года, вызван-

наго затрудненіями отъ выпуска мѣдныхъ денегъ, народъ требовалъ расправы надъ измѣнниками: бояриномъ Милославскимъ, окольничимъ Ртищевымъ и гостемъ Шоринымъ. Когда въ 1679 г. явился въ Запорожьѣ самозванецъ Воробьевъ (иначе Матюшка), выдававшій себя за царевича Симеона Алексѣевича, то на козачьей радѣ произносились, между прочимъ, слѣдующія рѣчи. Кошевой атаманъ Сѣрко, называя самозванца многоцѣннымъ жемчужнымъ зерномъ и самоцвѣтнымъ камнемъ, даннымъ съ неба Запорожью, разсказывалъ, что причиною ссоры, послужившей къ бѣгству царевича изъ Москвы, была будто бы произнесенная имъ угроза матери, царицѣ Марѳѣ Ильинишнѣ, перевести всѣхъ нежелательныхъ бояръ, въ особенности же Милославскаго. Скудость даровъ, присылаемыхъ козакамъ изъ Москвы, Сѣрко объяснялъ тѣмъ, что хотя царское величество милосердъ къ козакамъ, много обѣщаетъ, но бояре и малаго не даютъ. При этомъ Сѣрко ссылался на авторитетъ царевича, но прибавлялъ, „что мы и сами это хорошо знаемъ". Когда посланцы царя просили отправить мнимаго царевича къ государю, то атаманы отвѣчали: „если и тысячу человѣкъ съ нимъ пошлемъ, то на дорогѣ его отнимутъ и до царскаго величества не допустятъ". Трудно себѣ представить, чтобы атаманы вѣрили въ подлинность царевича; послѣдній хвалился, что у него на тѣлѣ находятся царскіе знаки: вѣнецъ, орелъ, мѣсяцъ и звѣзда, а оказались у него на груди отъ одного плеча до другого восемь пятенъ бѣлыхъ, точно пальцемъ ткнуто, да на правомъ плечѣ точно лишай—широко и бѣло. Но упомянутыя рѣчи характерны, какъ мотивы, которые считалось нужнымъ развивать передъ толпою.

Посмотримъ теперь, каково было отношеніе къ служилымъ князьямъ московскаго правительства. Принимая ихъ на службу и предоставляя многимъ изъ нихъ выдающееся положеніе въ средѣ служилыхъ людей, правительство стремилось, по возможности, подчинить себѣ ихъ земельное достояніе, словно подозрѣвая въ нихъ воспоминаніе о прежней политической независимости. Первое распоряженіе XV вѣка о томъ, чтобы у бояръ отнимались вотчины, въ случаѣ отъѣзда въ другое княжество, относилось къ служилымъ князьямъ. Иванъ Грозный въ приговорѣ 1562 года установилъ существенныя ограниченія относительно права распоряженія и наслѣдованія въ ихъ старинныхъ вотчинахъ. Только сыновья служилыхъ князей имѣли безусловное право на наслѣдство; продавать вотчины, мѣнять ихъ, давать въ приданое и завѣщать пастырямъ (для поминовенія усопшаго — „душу строить", какъ говорилось въ то время) было совершенно запрещено. Встрѣ-

чается, между прочимъ, случай запрещенія одному изъ князей носить титулъ по мѣстности родового удѣла. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ князю Ромодановскому не писаться Стародубскимъ (по имени прежняго удѣла—Стародуба Ряполовскаго на Клязьмѣ). Это показалось обиднымъ Ромодановскому, онъ подалъ царю слезное ходатайство о сохраненіи титула, прося умилосердиться, не отнимать у него—„старой нашей честишки". Ходатайство было уважено, князю Ромодановскому оставлена была его „честишка".

Царь Иванъ IV поднялъ гоненіе противъ бояръ. Поводомъ къ тому послужило не солидарное противодѣйствіе бояръ, о чемъ не было и помину, а непокорность ихъ, какъ отдѣльныхъ лицъ. Царь ожидалъ видѣть въ нихъ холопей, какъ они себя называли—вѣрныхъ, безропотныхъ слугъ; между тѣмъ поступки бояръ иногда расходились съ ихъ словами. Они таили про себя замыслы и разсчеты, и когда послѣдніе сталкивались съ царской волей, бояре не всегда готовы были отдать ей первое мѣсто, какъ произошло, напримѣръ, когда во время болѣзни царя возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Иванъ Грозный поставилъ себѣ цѣлью выбить эту черту изъ боярства. Вотъ смыслъ казней и опалъ, направленныхъ противъ бояръ.

Въ средѣ боярства служилые князья отнюдь не составляли сплоченной группы и дѣйствовали совершенно разрозненно. Трудно было обвинять ихъ въ какихъ-нибудь общихъ замыслахъ. Даже въ тѣ эпохи, когда московскій престолъ оставался безъ законнаго преемника, они не объединялись съ цѣлью посадить на царство излюбленное лицо изъ своей среды. Послѣ Өедора Ивановича русскую землю получилъ Борисъ Годуновъ, сильный родствомъ съ царицей, но не принадлежавшій къ боярской знати. Какъ видно по родословной книгѣ, составленной при Өедорѣ Ивановичѣ, Годуновы происходили вмѣстѣ съ Сабуровыми отъ Зернова, потомка татарскаго мурзы Чета, поступившаго при Калитѣ на московскую службу изъ орды. Изъ Годуновыхъ до Бориса былъ конюшимъ бояриномъ только дядя его Дмитрій Ивановичъ; это не помѣшало Борису забрать въ руки власть въ государствѣ, а затѣмъ и самый престолъ. Только послѣ низверженія перваго Лжедимитрія на престолѣ удалось сѣсть Рюриковичу—князю Шуйскому. Въ грамотѣ о воцареніи онъ не преминулъ напомнить о правахъ своихъ на царство. „Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ римскаго кесаря,—писалъ онъ,—и потомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самаго прародителя нашего великаго князя Александра

Ярославовича Невскаго, на семъ россійскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ удалились на суздальскій удѣлъ, не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ престолахъ садиться". Онъ объявилъ въ той же грамотѣ, что обязывается никого не предавать смерти, не отнимать имѣнія у семействъ преступниковъ и ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ преступленіи, „не осудя истиннымъ судомъ съ бояри своими". Шуйскій успокоивалъ этимъ увѣреніемъ приближенный служилый кругъ, чтобы не было опасеній относительно возвращенія эпохи произвольныхъ опалъ и казней, отличавшихъ господство временщиковъ-бояръ во время малолѣтства Ивана Грознаго и позже—царствованія Бориса Годунова. Нѣтъ основаній предполагать, чтобы упомянутое обѣщаніе было результатомъ уговора бояръ съ Шуйскимъ. Онъ не былъ посаженъ боярами, онъ самъ посадилъ себя на царство. По замѣчанію келаря Авраамія Палицына, Шуйскій „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть царемъ и никѣми же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ"... „Не было совѣта со всею землею — и на Москвѣ не вѣдаху многіе люди", — замѣчается по тому же поводу въ лѣтописи смутнаго времени („О многихъ мятежахъ").

Прародительскія права на русскую землю оказались, однако, шаткими; просидѣвъ четыре года на престолѣ, Шуйскій, подъ давленіемъ общаго несочувствія къ его несчастному царству, долженъ былъ его оставить. Его паденіе совершилось необыкновенно просто—оно имѣло видъ переѣзда изъ царскихъ палатъ въ прежній его боярскій домъ. Мятежники собрались у Серпуховскихъ воротъ и постановили соборомъ отказать царю, потому что кровь при немъ напрасно льется и государь онъ несчастливый. Шуйскій подчинился этому требованію, переданному его свояконъ княземъ Воротынскимъ. Только черезъ два дня, 19-го іюня, бывшаго царя постригли и отвезли въ Чудовъ монастырь.

Послѣ Шуйскаго, „пока Богъ дастъ государя", — какъ начертано было въ присяжной грамотѣ, приняла бразды правленія боярская дума: князь Мстиславскій съ товарищи. Доблестнѣе для состава пребывавшихъ въ Москвѣ бояръ было бы, если бы они не признали польскаго царевича Владислава Жигимонтовича; но они преклонились передъ обстоятельствами. Договоръ, заключенный боярами съ Владиславомъ, не содержалъ въ себѣ особеннаго расширенія правъ боярской думы, за исключеніемъ лишь обязательства не увеличивать налоговъ безъ согласія думскихъ людей. Обязательство—никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не

ссылать, безъ вины великихъ чиновъ людей не понижать безъ слѣдствія и суда со всѣми боярами,—составляетъ, въ сущности, повтореніе въ нѣсколько расширенномъ видѣ обѣщанія, даннаго Шуйскимъ. Еще думѣ предоставлено было рѣшать дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, но это—мелочь. Во всемъ остальномъ бояре заботились только о томъ, чтобы дѣятельность думы продолжалась согласно съ обычаемъ московскаго государства. Аристократическая организація государства была настолько чужда Россіи, что боярамъ не пришло въ голову воспользоваться удобною минутой для установленія таковой по образцу Польши, откуда брали царя, но, напротивъ, держались какъ нельзя болѣе твердо чина своего царства.

Во главѣ земскаго движенія, спасшаго Россію, народъ увидѣлъ не великихъ бояръ, а малыхъ людей: стольника князя Пожарскаго и простого нижегородскаго гражданина Минина. Въ концѣ московской осады ратью Пожарскаго и Трубецкаго, произошла характерная картина. Стѣсненные въ Кремлѣ поляки выпустили оттуда, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ, сначала боярынь, потомъ бояръ, и когда послѣдніе появились на Неглинномъ мосту, казаки стояли на-готовѣ, чтобы наброситься на нихъ съ цѣлью грабежа, и земскому ополченію Пожарскаго пришлось ихъ защищать. Отъ времени избранія царемъ Михаила Өедоровича сохранилось указаніе, проливающее свѣтъ на отношеніе бояръ къ этому избранію. По словамъ Мельникова, Шереметевъ, въ письмѣ къ Голицыну, высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Миша Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ повадёнъ". Вотъ чего искали бояре въ личности верховнаго правителя Россіи: не льготъ и милостей для сословія, а слабости и потворства ихъ личнымъ цѣлямъ [1]).

Факты эти отнюдь не умаляютъ дѣятельности московской знати, какъ слугъ государевыхъ. Будучи постоянными сотрудниками царя, какъ органы высшаго управленія и члены его думы, они отслужили государству полезную службу. Они были на этомъ поприщѣ „разумными мужами и добрыми, надежными воеводами", но когда бояре выступали не въ качествѣ царевыхъ слугъ, а самостоятельно, они оказывались людьми, преслѣдовавшими мелкія, личныя цѣли.

Этою же чертою отличалось мѣстничество, оригинальный продуктъ самобытной русской службы. Мѣстническіе счеты составляли въ теченіе московскаго періода, такъ сказать, конституцію боярской

[1]) Костомаровъ, „Ист. монографіи", т. VI, стр. 294; Латкинъ, „Земскіе соборы", стр. 127.

и служилой жизни. Хотя начало это, основанное на родовыхъ притязаніяхъ, не могло объединять служилаго сословія въ солидарную группу, а скорѣе разбивало его по частямъ, но, какъ бы то ни было, оно затрудняло доступъ къ власти и почестямъ новымъ людямъ, которымъ надо было пробиваться черезъ сомкнутую толпу именитыхъ родовъ. Когда же при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ торжественно отмѣнено было мѣстничество, боярство потеряло окончательно почву. Правъ былъ окольничій начальникъ стрѣлецкаго приказа, Ѳедоръ Леонтьевичъ Щегловитовъ (болѣе извѣстный подъ именемъ Шакловитаго), когда въ 1687 году онъ, на возраженіе стрѣльцовъ, что противъ его замысловъ о вѣнчаніи царевны Софіи царскимъ вѣнцомъ будутъ патріархъ и бояре,—отвѣтилъ: „патріарха можно перемѣнить, а бояре—отпадшее, зяблое дерево“. Дѣйствительно, Петръ Великій, не отмѣняя даже боярства, просто прошелъ мимо него—и оно изъ жизни перешло на страницы исторіи.

Московское боярство въ теченіе царствованія Ѳедора Алексѣевича, вслѣдъ за отмѣною мѣстничества, разрѣшилось на своемъ предсмертномъ одрѣ грандіознымъ проектомъ о великородныхъ вѣчныхъ намѣстникахъ. О судьбѣ этого неосуществившагося проекта сохранилось слѣдующее указаніе: „Совѣтовали государю палатные бояре, чтобъ въ его царской державѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири и другихъ мѣстахъ быть царскимъ намѣстникамъ великороднымъ болярамъ вѣчно и титла имъ отъ тѣхъ царствъ имѣть. Также и митрополитамъ писаться: митрополитъ новгородскій и всего поморія, казанскій и всего казанскаго царства. И на сіе дѣло государь изволилъ и тому всему, гдѣ кому быть, тетрадь за помѣтою думнаго дьяка къ св. патріарху прислана, чтобъ онъ на то дѣло далъ благословеніе и въ исполненіи его помогалъ. Іоакимъ патріархъ еще и многую трудность имѣлъ отъ желающихъ этого, палатскихъ подустителей, но никакъ не допустилъ и возбранилъ всеконечно это дѣлать, для того, чтобъ учиненные вѣчные намѣстники великородные люди, по прошествіе нѣсколькихъ лѣтъ, обогатясь и пренебрегши московскихъ царей самодержствомъ, не отступили и единовластія не разорили“.

Замѣчательно, что званіе намѣстниковъ, не развившееся въ предположенную боярствомъ великородную и вѣчную форму, употреблялось и ранѣе того московскими царями въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ веденіи которыхъ правительство XVII вѣка сильно заботилось внушить иностраннымъ государствамъ надлежащее понятіе о своемъ величіи. Наименованія бояръ и околь-

ничихъ казались царямъ неподходящими для этой цѣли, какъ предметы домашняго обихода, а потому посланники, люди, которымъ поручались сношенія съ иностранными послами, и даже порубежные воеводы снабжались званіями вымышленныхъ намѣстничествъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ напечатана (т. II, № 715) интересная докладная записка при указѣ 16-го января 1678 года, въ которой наименованія эти распредѣлены, съ 15-го августа 1679 года, между разными приближенными царя. Какъ видно изъ указа 21-го марта 1679 года (П. С., II, 755), въ то время считалось невозможнымъ сноситься обыкновенными чинами даже съ малороссійскими гетманами. Для переписки съ Самойловичемъ окольничему Хитрово велѣно было называться намѣстникомъ ржевскимъ, а думному дворянину Змѣеву—намѣстникомъ серпуховскимъ, до тѣхъ поръ, пока они не поступятъ подъ начальство боярина Шереметева, а съ тѣхъ поръ не чинить особой пересылки съ гетманомъ и намѣстниками не писаться. Самый громогласный титулъ предоставленъ былъ для дипломатическихъ сношеній боярину Матвѣеву, князю Василію Васильевичу Голицыну — царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя (указъ 19-го октября 1682 года — П. С., II, 958). Сверхъ того, Голицынъ назывался ближнимъ бояриномъ и большого полка дворовымъ воеводой и намѣстникомъ новгородскимъ. Итакъ, территоріальныя званія, которыя на Западѣ имѣли значеніе грозныхъ воспоминаній феодальнаго времени, въ нашей жизни получили характеръ мирныхъ декорацій, которыми старались украсить поприще московской государственной дѣятельности для иноземныхъ странъ и людей.

Нельзя отрицать въ московскомъ служиломъ сословіи гордости породою; оно иногда претерпѣвало въ мѣстническихъ счетахъ тяжелыя наказанія: заключеніе въ тюрьмѣ, битье батогами, ссылку и иныя послѣдствія царской немилости, не соглашаясь уронить своего рода принятіемъ мѣста неподходящаго достоинства. Но эта гордость не только не подкрѣплялась сознаніемъ общности всей знати, но, напротивъ, выражалась главнымъ образомъ въ соперничествѣ одного рода съ другимъ. Это была гордость происхожденіемъ или *отечествомъ*, какъ выражались въ то время. Посмотримъ, на чемъ она основывалась. При мѣстническомъ столкновеніи князя Волконскаго съ бояриномъ Головинымъ была произнесена боярами, производившими разборъ этого счета, знаменитая фраза, что „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ". Одинъ изъ почтенныхъ изслѣдователей организаціи боярскаго класса замѣтилъ по этому поводу, что едва ли

феодальный баронъ съумѣлъ бы аристократичнѣе формулировать одно изъ основныхъ воззрѣній политической аристократіи. Мы не можемъ съ этимъ согласиться. Цѣлая пропасть отдѣляетъ корпоративный point d'honneur феодальнаго аристократа отъ служилой „честишки" нашихъ бояръ. Для феодала вопросы фамильной гордости взвѣшивались независимо отъ служилаго значенія рода. „Roi ne puis, prince ne daigne, Rohan je suis"—гласилъ извѣстный девизъ Рогановъ. Между тѣмъ „отечество" нашихъ аристократовъ московскаго царства имѣло своимъ источникомъ служилое, а не иное прошлое рода. Нерѣдко Рюриковичи должны были уступать въ мѣстническихъ счетахъ людямъ не-княжескаго рода. Это произошло даже, какъ нарочно, въ томъ случаѣ, когда была произнесена приведенная фраза о значеніи отечества. Князь Волконскій признанъ былъ моложе боярина Головина, какъ это бывало и въ другихъ случаяхъ; напримѣръ, князь Литвиновъ-Масальскій долженъ былъ уступить думному дворянину Олферьеву-Безнину, бояринъ князь Дмитрій Пожарскій, освободитель Россіи—боярину Салтыкову. Побѣдители князей были въ этихъ случаяхъ вѣковѣчными слугами московскаго правительства, тогда какъ князья происходили отъ первыхъ правителей русской земли. Въ мѣстническихъ счетахъ не было, слѣдовательно, чистаго аристократизма, а только аристократизмъ служилый. Повидимому, существенное значеніе имѣло то обстоятельство, какъ принятъ былъ извѣстный родъ на службу. Удѣльные князья, приходившіе на службу въ Москву нерѣдко съ своими вотчинами, принимались съ большою честью. Бояре должны были передъ ними разступаться, но князья, которые ранѣе того захудали, принимались хуже и становились на службѣ младшими. Вѣроятно, имѣли значеніе и случайныя обстоятельства. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Ѳедоръ Сабуръ на свадьбѣ князя Патрикѣева, литовскаго выходца, женившагося на сестрѣ (или дочери) великаго князя Василія Дмитріевича, сѣлъ выше старшаго брата Патрикѣева—князя Хованскаго, и, когда тотъ указалъ ему на младшаго брата, сидѣвшаго выше всѣхъ, Сабуръ отвѣтилъ: „у того Богъ въ кикѣ (намекая на его жену), а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ". Въ послѣднее время московскаго царства мѣстническіе счеты такъ перепутались, что въ нихъ стало положительно трудно разбираться. Иногда бояре мѣстничались даже не московскою службою, а службою удѣльнымъ князьямъ до перехода въ Москву.

Во всякомъ случаѣ, отечество, которымъ такъ хвалились московскіе бояре, было положеніемъ, пріобрѣтеннымъ службою, но не было дѣйствительною аристократичностью происхожденія, при-

несенною на службу. Дѣйствительно, отечества не могъ дать правящій царь (хотя онъ могъ превознести своего любимца милостями, несмотря на отсутствіе отечества), но послѣднее было отраженіемъ служилаго прошлаго рода. Московскіе служилые люди потому такъ упрямо мѣстничались и докучали царямъ своими челобитными, что каждая уступка на этомъ поприщѣ, состоявшемъ изъ служилыхъ прецедентовъ, равносильна была проигрышу, не только для даннаго лица, но и для его потомковъ. Только объявленіемъ, что назначеніе сдѣлано не въ мѣсто, цари устраняли значеніе послѣдняго случая для служилой оцѣнки рода; иначе все служебное прошлое опрокидывалось однимъ ударомъ.

Глубокое проникновеніе мѣстничества въ жизнь показываетъ, какъ сильно укоренилось въ обществѣ убѣжденіе, что средоточіемъ чести является царская власть. Мѣстничались не только бояре, но и дьяки (послѣдніе не родами, но старшинствомъ службы), мѣстничались гости съ дьяками, мѣстничались епископы и архіепископы. Всякій старался отстоять свое мѣсто или подняться мѣстомъ, потому что все достоинство его зависѣло отъ степени близости къ центру власти. Вблизи отъ царей мѣстничество доводилось до абсурда. Мѣстничались члены одного рода, и племянникъ доказывалъ свое первенство передъ дядей тѣмъ, что послѣдній—восьмой сынъ у отца, а онъ у отца первый сынъ, а дѣдъ племянника—бо́льшій братъ отцу дяди (мѣстническій счетъ князей Ромодановскихъ,—П. С., I, 77).

Передъ мѣстничествомъ останавливалось всемогущество московскихъ царей—такъ силенъ былъ этотъ обычай. Цари неоднократно нарушали мѣстническіе взгляды, безъ этого нельзя было обойтись; но все окружающее ихъ такъ пропитано было этими взглядами, что цари предписывали сами соблюденіе ихъ даже на низшихъ ступеняхъ служилой лѣстницы. Если кто могъ превознести служилаго человѣка выше его родового положенія, то только царь, а не воевода или осадный голова. Поэтому, какъ видно изъ разрядовъ, послѣднимъ предписывалось, чтобы „меньшія статьи дѣти боярскіе большихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ не ослуживали". Нельзя было давать младшимъ служилымъ людямъ даже и случая выдвигаться передъ старшими.

Откуда произошелъ обычай мѣстничества? Вопросъ этотъ имѣетъ цѣлую литературу, разобранную въ особомъ трудѣ г. Маркевича (О мѣстничествѣ, 1879). Мѣстничество является естественнымъ результатомъ условій, въ которыхъ выросло русское служилое сословіе. Сословіе это имѣло характеръ постепенной наносной формаціи. При легкомъ доступѣ въ дружину, а впослѣдствіи

въ дворъ и служилую среду великихъ князей всякихъ посторонпихъ элементовъ, кореннымъ боярамъ и служилымъ людямъ надо же было чѣмъ-нибудь защищать свое положеніе. Хорошо еще, когда было возможно отъѣзжать, но, во время усиленія Москвы, когда, съ постепеннымъ расширеніемъ территоріи, быстро наросталъ контингентъ служилаго люда, не было разсчета оставлять Москву и переходить въ особыя княжества. Приходилось пускать въ ходъ другое оружіе—и такимъ средствомъ явились традиціи прошлаго: старшинство и давность службы. Когда отъѣзды стали прекращаться, традиціи эти остались единственнымъ оружіемъ служилыхъ людей противъ обслуживанья новыми людьми. Благодаря этому обстоятельству и громадному значенію политической власти, зарождавшееся сознаніе фамильной гордости естественно сосредоточилось у насъ на поприщѣ служебнаго честолюбія. Въ вызванной централизаціею власти упорной борьбѣ за положеніе, мѣстничество сдѣлалось излюбленнымъ средствомъ сопротивленія противъ наплыва новыхъ элементовъ. Это обстоятельство должно было содѣйствовать сохраненію мѣстничества: обычаи его были въ интересахъ сильныхъ. Даже для пробившихся сквозь мѣстничество новыхъ людей оно было желательнымъ принципомъ, потому что затрудняло другимъ доступъ къ высотамъ и помогало ихъ потомству сохраниться на нихъ безъ труда. Но, кромѣ того, при образованіи московскаго царства развитію мѣстничества благопріятствовали и другіе факторы жизни. Если мѣстническіе счеты и стѣсняли порою царей въ ихъ служебныхъ распоряженіяхъ, то на первое время они были небезполезны для царской власти, какъ средство разъединенія служилыхъ людей. Всѣ эти разнородныя условія поддерживали мѣстничество и дали ему почву для развитія.

Но когда государственная жизнь вошла въ правильную колею, мѣстничество стало безполезнымъ и стѣснительнымъ явленіемъ. Правительство должно было стремиться къ полной свободѣ въ выборѣ своихъ слугъ. Впервые новое начало появилось на поприщѣ военной службы. Приговоромъ 1550 года Иванъ Грозный уничтожилъ право молодыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатными; право мѣстничества они получали только, когда сами становились воеводами, и въ этихъ случаяхъ прежняя подчиненная ихъ служба не должна была имѣть никакого вліянія; вмѣстѣ съ тѣмъ ограничено было число случаевъ, въ которыхъ воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливалось число случаевъ частичной отмѣны мѣстничества объявленіемъ со стороны

царей, что служба должна быть безъ мѣстъ. Мало-по-малу начало это проникло и въ гражданскую, и въ военную государственную службу. По мѣрѣ того какъ постепенно расширявшіяся потребности государственнаго дѣла вызывали необходимость въ дѣловыхъ людяхъ,—новая бюрократическая сила, въ лицѣ дьяковъ, этихъ дѣльцовъ московскаго царства, постепенно оттѣсняла родовую силу боярства. Послѣ отмѣны мѣстничества, приказная сила, превратившаяся, съ табелью о рангахъ Петра Великаго, въ бюрократическое чиновничество, сдѣлалась у насъ обычнымъ поприщемъ къ достиженію высшихъ должностей управленія.

Первоначально, дворянскою считалась, по преимуществу, военная служба; мы указывали уже, что въ оффиціальныхъ актахъ XVI вѣка дворяне и дѣти боярскіе, какъ ратные люди, отличались отъ приказныхъ людей; первымъ принадлежало выдающееся мѣсто. Это вполнѣ понятно. Чѣмъ моложе государство, тѣмъ болѣе значенія должно принадлежать въ немъ органамъ внѣшняго нападенія и защиты. Даже въ современной жизни можно квалифицировать подъемъ общественнаго положенія военнаго элемента, какъ доказательство стремленія даннаго государства разростаться, какъ, напр., это видно теперь въ Германіи. Но понятно, что, по мѣрѣ развитія внутренней жизни, должны получать все большее и большее значеніе органы гражданскаго управленія. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, съ появленіемъ первыхъ признаковъ бо́льшей замкнутости военнаго служилаго круга, въ видѣ запрещенія верстать въ дворяне и дѣти боярскихъ дѣтей неслужилыхъ отцовъ, сдѣлана была попытка возвысить и приказную службу. Указомъ 1641 года постановлено было не принимать въ подъячіе поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, торговыхъ (даже гостиной и суконной сотенъ) и вообще посадскихъ и пашенныхъ людей (А. И., III, № 92, XXI). Указомъ 8-го февраля 1665 года подтверждено было не назначать въ подъячіе распоповъ и раздьяконовъ, т.-е. разстригъ (П. С., II, 369). Распоряженія объ образованіи приказовъ изъ служилой среды не получили, однако, безусловной силы. Извѣстны случаи, когда до думнаго дворянства выслуживались посредствомъ службы въ думныхъ дьякахъ московскіе гости, напримѣръ отецъ и сынъ Кириловы. Отъ 23-го августа 1657 года сохранился указъ, данный разныхъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ города Переяслава-Рязанскаго, выбрать трехъ подъячихъ, но не обязательно изъ ихъ среды, а изъ всякихъ людей, „у которыхъ отцы не въ казачьей, не въ стрѣлецкой и не въ пушкарской службѣ, и не въ затинщикахъ, и не въ казенныхъ сторожахъ, и не въ тяглыхъ людѣхъ“; слѣдовательно,

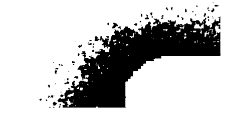
могли быть избраны въ городскіе подъячіе и люди торговые, выписавшіеся изъ тягла, и гулящіе люди, какъ-то поповы и дьяконовы дѣти (П. С., I, 213). Допущеніе неслужилыхъ элементовъ въ приказную службу объясняется тѣмъ, что положеніе подьячаго было, конечно, настолько незаманчивымъ, что служилому человѣку трудно было на него польститься. Дѣйствительно, жалованья положено было: по 10 рублей подъячимъ 1-ой статьи, 7 рублей—2-ой статьи, 5 рублей—3-ей,—очевидно, въ годъ (указъ 23-го августа 1657 года, П. С., I, 212). Что же касается высшаго слоя служилаго класса, то онъ брезгалъ даже положеніемъ дьяка въ московскихъ приказахъ. Ларіонъ Лопухинъ, бывшій жильцомъ, а потомъ московскимъ дворяниномъ, при составленіи Уложенія 1649 года, билъ челомъ, чтобы его или написали въ Уложеніи особой отъ дьяковъ статей, или отставили отъ дьячества. Государь пожаловалъ его, велѣвъ ему впредь того, что онъ служилъ въ дьякахъ, не ставить въ упрекъ и безчестіе передъ его братіей дворянами, „потому что онъ взятъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву имянному указу, а не его хотѣньемъ". Наоборотъ, провинціальное дворянство домогалось бюрократическихъ должностей въ приказахъ, но, конечно, по преимуществу въ Москвѣ, а не въ городахъ. Для него должности эти имѣли значеніе ступени въ карьерѣ, средства пройти въ думные дворяне или даже въ окольничьи.

Отсюда видно, что, несмотря на неоднократныя запрещенія, приказная служба отнюдь не была замкнутою въ московское время. Черта эта распространялась, въ сущности, на все служилое сословіе. Незамкнутость составляетъ, безъ сомнѣнія, самую твердую и постоянную отличительную черту служилаго слоя въ Россіи; она встрѣчается рѣшительно во всѣхъ періодахъ ея существованія. Во времена удѣльно-вѣчевыя, доступъ въ княжескую дружину, а впослѣдствіи въ княжескій дворъ, былъ совершенно свободенъ; онъ оставался такимъ же и въ московскій періодъ; принципъ этотъ проявляется и въ примѣненіи къ боярской средѣ, которую цари любили разбавлять иноземными и инородческими элементами, чтобы не давать аристократической гущѣ застаиваться; наконецъ, табель о рангахъ, дѣйствующая со времени Петра I, открываетъ полный ходъ по ея ступенямъ людямъ—съ сословной точки зрѣнія—худороднымъ.

Прослѣдимъ примѣненіе этого принципа. Когда образовывалось служилое сословіе, въ составъ его принимались не только потомки прежнихъ дружинниковъ, бояръ и дворовыхъ людей удѣльныхъ князей, но и вообще земскіе и разнаго рода иные

люди. Такъ, послѣ завоеванія новгородской области въ 1476 году, тамъ были сдѣланы помѣщиками набранные изъ боярскихъ дворовъ послужильцы; выселенные изъ Вятки простые горожане были въ 1489 году надѣлены помѣстьями въ Боровскѣ и Кременцѣ, т.-е. сдѣланы служилыми людьми; когда, при Иванѣ Грозномъ, опредѣлена была уложенная служба съ земли, то въ служилое сословіе должны были, очевидно, попасть всѣ землевладѣльцы. Въ коренныхъ московскихъ областяхъ недвижимая собственность была сама по себѣ, въ большинствѣ случаевъ, служилаго происхожденія, но въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ существовали, въ качествѣ землевладѣльцевъ, такъ-называемые земцы, которые послѣ присоединенія ихъ къ служилому сословію нѣкоторое время отличались отъ выводныхъ изъ низовыхъ (т.-е. московскихъ) областей служилыхъ людей. Напримѣръ, въ грамотѣ Ивана Грознаго 1555 года къ намѣстнику новгородскому Палецкому повелѣно было выслать на службу дѣтей боярскихъ и земцевъ (Д. А. И., № 65). Новгородскіе земцы не всѣ, однакоже, были записываемы на службу; нѣкоторые попадали и въ черное тягло (Д. А. И., I, № 57). Такимъ образомъ, при образованіи служилаго сословія въ первыхъ пріемахъ его организаціи не было ни замкнутости, ни исключительности.

Въ XVII вѣкѣ начинается то время московскаго царства, когда служилое сословіе, ставши многочисленнымъ, комплектуется уже не изъ постороннихъ элементовъ, а изъ своей собственной среды. Въ разрядахъ царствованія Михаила Ѳедоровича, напр., 124-го (1616) года можно найти приказъ царя о томъ, чтобы при раздачѣ помѣстій—„неслужилыхъ отцовъ дѣтей помѣстьемъ и деньгами не верстати“. Запрещеніе это проходитъ сплошь черезъ все столѣтіе, неоднократно повторяясь въ многочисленныхъ наказахъ о верстаніи. Дворянскимъ окладчикамъ, которые дерзнули бы нарушить такой запретъ, угрожалось великою опалою со стороны государя и жестокимъ наказаніемъ. Въ числѣ сословій, которыя не могли быть допускаемы въ служилую среду, поименовывались въ частности: поповскія дѣти (наказъ 20-го октября 1652 года и 31-го января 1660 года—П. С., I, 85 и 273), холопы боярскіе и пашенные мужики (наказы 1675 и 1678 года—П. С., I, 615 и 744). Далекіе отъ Москвы воеводы поморскихъ и сибирскихъ мѣстъ нарушали, однако, запрещеніе. Кузнецкій воевода сталъ приверстывать въ служилые люди ссыльныхъ; царь подтвердилъ ему грамотой 30-го ноября 1670 года, что на мѣсто умершихъ и побитыхъ людей могутъ быть приверстываемы въ службѣ ихъ дѣти, братья и пле-



мянники, а отнюдь не гулящіе или иные люди (А. И., IV, № 214). То же самое указано было грамотою 23-го мая 1673 года верхотурскому воеводѣ (А. И., IV, № 236).

Но цари не стѣснялись сами, когда въ томъ представлялась необходимость, пополнять служилый классъ новыми элементами. Запрещенія устанавливаемы были только для низшихъ органовъ. Включеніе въ служилую среду производилось отнюдь не за какія-либо заслуги, а по соображеніямъ посторонняго и случайнаго свойства. Въ Древней Вивліоѳикѣ упоминается указъ царя Алексѣя Михайловича 1659 года о раздачѣ денежнаго жалованья стрѣлецкимъ и казачьимъ дѣтямъ, отцы которыхъ были въ 1650 году поверстаны въ боярскія дѣти (XX, стр. 157). Изъ грамоты 30-го ноября 1670 года видно, что составъ дѣтей боярскихъ въ сибирскихъ городахъ былъ верстанъ на Москвѣ изъ военно-плѣнныхъ польскихъ и литовскихъ людей. Вѣроятно, свои служилые люди неохотно отправлялись въ далекіе края, между тѣмъ московское правительство не знало, какъ утилизировать военно-плѣнныхъ,—этимъ, какъ слѣдуетъ думать, объясняется распоряженіе о зачисленіи ихъ въ служилые люди въ Сибирь. Точно также были посланы и въ Астрахань такіе же плѣнные литовцы: Алексѣй Званскій съ товарищами—для пополненія служилаго сословія. Но астраханскіе боярскіе дѣти обидѣлись за присоединеніе къ ихъ средѣ людей, которыхъ они называли мѣщанскими и гайдуцкими дѣтьми, и въ 1668 году послали къ царю челобитную, гдѣ просили разверстать ихъ съ ними,— „чтобы намъ, холопамъ твоимъ,—говорили они,—передъ своею братьею верховыхъ городовъ ими впредь въ безчестьѣ не быть". Только получивъ эту челобитную, правительство признало нужнымъ привести въ извѣстность, имѣются ли у новыхъ астраханскихъ поселенцевъ, записанныхъ въ боярскія дѣти, надлежащія сказки о польскомъ шляхетствѣ (А. И., IV, № 206). Это, вѣроятно, единственные въ лѣтописяхъ исторіи примѣры образованія высшей среды общества изъ всего, что попадалось подъ руку.

При изданіи Уложенія 1649 года было въ послѣдній разъ предпринято зачисленіе на государеву службу лицъ, купившихъ вотчины. Статьею 37-й главы XVII Уложенія постановлено: „а которые патріарши же и митрополичьи, и архіепископли и епископли дворовые люди, не служилыхъ отцовъ дѣти и не природныя боярскія дѣти покупали себѣ вотчины, и тѣхъ людей по тѣмъ вотчинамъ написати въ государеву службу въ городы; а буде кто государеву службу дѣтей боярскихъ служить не похочетъ и у него купленная его вотчина взявъ отдать въ раздачу,

кому государь укажетъ“. Послѣ этой мѣры могли оставаться во владѣніи неслужилыхъ людей еще земли, которыя были изъ порожнихъ помѣстныхъ участковъ въ московскомъ уѣздѣ, Дмитровѣ, Рузѣ и Звенигородѣ проданы безъ ограниченія людьми служилаго званія еще при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ 1628 году (ст. 45—55, XVII главы Уложенія). Распоряженій къ возвращенію этихъ земель въ царскую службу не было принято, но ихъ не могло быть много, такъ какъ подмосковныя земли шли въ надѣлъ привилегированнымъ дворянамъ, а потому нельзя думать, чтобы порожними оставались большіе участки. Притомъ, пріобрѣтателями этихъ земель,—какъ справедливо предполагаетъ г. Градовскій,—были вѣроятно гости, т.-е. богатые купцы, проживавшіе бо̀льшею частью въ Москвѣ. При изданіи Уложенія правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретило боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ на будущее время получать и принимать въ закладъ вотчины подъ страхомъ отнятія земли и отдачи доносчику въ помѣстье (ст. 41, XVII глава), и постановить, что порожнія помѣстныя земли въ Новгородѣ и иныхъ городахъ могутъ быть продаваеми отъ казны только верстаннымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ (ст. 46 и 47).

Отсюда выработалась привилегія служилыхъ людей на землевладѣніе. Она имѣла своимъ источникомъ, очевидно, соображеніе такого свойства: „чтобы земля изъ службы не выходила“. Правительство стало мало-по-малу стѣснять пріобрѣтеніе земель даже гостями, этимъ разрядомъ посадскихъ людей, который относился къ царскимъ московскимъ и отъѣзжимъ службамъ. Указомъ 15-го іюня 1666 года было постановлено, что они не могутъ покупать и принимать подъ закладъ частныя вотчины безъ подписныхъ челобитенъ (П. С., I 390), а указомъ 19-го іюня 1679 года—что челобитныя эти должны быть за подписью думнаго дьяка (П. С., II, 767), откуда слѣдуетъ заключить, что онѣ восходили на разсмотрѣніе боярской думы, докладывавшей о своихъ рѣшеніяхъ государю [1]).

Приблизительно въ то же время можно найти слѣды другой привилегіи ратныхъ служилыхъ людей — владѣть крѣпостными людьми. Въ послѣдующее время изъ этихъ двухъ привилегій выработалось, по надлежащемъ ихъ сочетаніи, право владѣть населенными имѣніями. Безъ сомнѣнія, вторая привилегія была вы-

[1]) Ограничивая пріобрѣтеніе гостями вотчинъ, правительство само раздавало имъ иногда помѣстья; напримѣръ, въ 1687 году, по случаю мира съ польскимъ королемъ, были розданы помѣстные оклады, вмѣстѣ съ денежными, 29 московскимъ гостямъ (П. С., II, 1233).

звана также потребностями тягла, которыя можно видѣть въ томъ, что крѣпостные люди нужны были служилому сословію для выставленія даточныхъ людей, тогда какъ отъ другихъ сословій не требовалось выставленіе ратниковъ. Для разъясненія содержанія указа, на толкованіи котораго мы основываемъ наше мнѣніе объ ограниченіи владѣнія крѣпостными людьми только служилымъ классомъ, необходимо имѣть въ виду различіе между холопями и крѣпостными людьми. Послѣ производства ревизіи при Петрѣ Великомъ эти классы слились, но во время московскаго царства они различались весьма существенно: холопи были частною собственностью своихъ господъ, а крѣпостные—тяглыми людьми государства, подчиненными помѣщикамъ. Правительство, какъ мы уже упоминали, строго запрещало переводить крѣпостныхъ людей въ холопи. Оно не только ввело различную подвѣдомственность упомянутыхъ категорій людей (помѣстный приказъ для крѣпостныхъ и приказъ холопьяго суда—для холопей; П. С., II, 1293), но даже и различные способы укрѣпленія. На холопей надо было имѣть служилыя кабалы (ст. 9, 19 и др., гл. XX Уложенія), актами же, доказывавшими принадлежность помѣщику крѣпостныхъ крестьянъ, были писцовыя книги и ссудныя записи. Правительство настоятельно требовало, чтобы эти способы укрѣпленія не смѣшивались даже по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые были освобождены по отпускнымъ изъ холопства или крѣпостного состоянія. Если отпущенный холопъ билъ опять челомъ въ холопство, то на него надо было брать служилую кабалу; если же билъ челомъ въ холопство вольно-отпущенный крѣпостной, то на него надлежало брать ссудную запись (П. С., II, 869, 1073, 1028, 1246). Между тѣмъ, указомъ 29-го января 1682 года, разрѣшено было гостиной сотни торговымъ людямъ держать у себя людей въ работѣ по кабаламъ, а не по записямъ (П. С., II, 966). Отсюда слѣдуетъ, что торговые люди лишены были возможности пріобрѣтать крѣпостныхъ людей. Что же касается владѣнія по служилымъ кабаламъ, то право на таковое предоставлено было не только гостямъ, но, напр., и лицамъ духовнаго званія (напр., П. С., II, 1229).

Право владѣнія крѣпостными людьми составило, съ теченіемъ времени, самую существенную привилегію дворянства, ибо оно было источникомъ вотчинной, патримоніальной власти, при посредствѣ которой правительство черезъ помѣщиковъ въ до-реформенное время держало русскую землю. Замѣчательно, что вотчинная власть, которая въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ раздавалась въ видѣ личныхъ льготъ отдѣльнымъ служилымъ людямъ,

никогда не устанавливалась въ видѣ общей нормы. Но, по силѣ мѣстныхъ условій, она водворилась въ жизни и парализовала начатки самоуправленія, задуманные Иваномъ Грознымъ. О существованіи вотчинной власти помѣщиковъ въ XVII вѣкѣ, когда установилось крѣпостное право, можно заключать, при обозрѣніи тогдашняго законодательства, по намекамъ; въ Уложеніи 1649 г., которое столь подробно, что въ немъ помѣщена такса живности на случай штрафовъ [1]), нѣтъ ни малѣйшаго постановленія о правѣ помѣщиковъ судить крѣпостныхъ и расправляться съ ними, но есть статья, подразумѣвающая это право, какъ справедливо указываетъ г. Сергѣевичъ. Это—статья 13 главы II Уложенія 1649, запрещающая принимать навѣты крѣпостныхъ людей на господъ.

Вотъ въ чемъ заключались привилегіи служилыхъ людей во время московскаго царства—привилегіи, выросшія, какъ мы видѣли, на тяглой почвѣ. Посмотримъ теперь, какъ относилось правительство къ служилому тяглу дворянъ. Тягло это заключалось въ службѣ въ особыхъ полкахъ, которые отличались отъ регулярныхъ войскъ. Переводъ въ регулярныя части назначался неоднократно въ видѣ наказанія или за необъявленіе на службу, (напр., П. С., II, 1313), или даже за уголовныя преступленія (напр., за растлѣніе чужой дѣвки—П. С., II, 1124). Очевидно, служба въ регулярныхъ войскахъ была продолжительнѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ дворянскихъ полкахъ. Самою легкою считалась въ рейтарахъ, драгунахъ и копейщикахъ (изъ которыхъ образовался впослѣдствіи классъ однодворцевъ); самою тяжелою — служба въ солдатахъ. Но цари ни мало не стѣснялись приглашать и назначать дворянскихъ дѣтей въ регулярную, не-дворянскую, военную службу. Если формулировать отношеніе московскаго правительства къ служилымъ людямъ, то оно окажется аналогичнымъ съ отношеніемъ его къ землѣ: и люди, и земля, признавались принадлежностью государства, которою можно было пользоваться, смотря по необходимости. Когда пріобрѣтались земли, цари направляли ихъ эксплуатацію сообразно потребностямъ даннаго времени: нужны были деньги, земли отдавались въ оброкъ; нужно было усилить составъ служилыхъ людей, земли верстались на помѣстья. Точно такъ же поступали и съ людьми. Тѣхъ, которые записаны были въ тягло служилое или денежное, отъ него не отрывали; это было бы невыгодно для государства. Но тѣми,

[1]) Изъ этой таксы, напримѣръ, видно, что въ XVII столѣтіи индѣйка (куря индѣйское) стоила вдвое дороже гуся и въ пять разъ дороже простой курицы—6 алтынъ 4 деньги, и т. д. (глава XXIII Уложенія).

которые не были вписаны еще въ тягло, т.-е. приростомъ молодыхъ силъ, правительство считало себя въ правѣ распоряжаться вполнѣ по своему усмотрѣнію. Въ XVII вѣкѣ главныя усилія правительства устремлены были на образованіе регулярныхъ частей войска. Поэтому нерѣдко служилые люди переводились въ этотъ разрядъ. Мы уже упоминали объ указѣ Алексѣя Михайловича, объявленномъ въ 1653 году въ городахъ черезъ особыхъ посланцевъ. Они должны были собирать на съѣзжіе дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ, и милостивымъ государевымъ словомъ приглашать въ солдатскій строй ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, которые не въ службѣ и не надѣлены помѣстьями. При этомъ указано было обѣщать государское жалованье и милость, что велитъ государь написать ихъ по московскому и жилецкому списку, если они были выборными дворянами; если же они были по дворовому списку, то въ выборный, будетъ имъ и кормъ, и денегъ дадутъ на платье; а если въ солдатскій строй писаться не станутъ, то впередъ имъ служилыми людьми не называться и въ государевой службѣ отнюдь не бывать, а быть въ землепашцахъ (А. И., IV, № 70). Такія угрозы никого не удивляли. Неоднократно правительство назначало дворянскихъ новиковъ въ рейтарскую службу обязательно, безъ согласія съ ихъ стороны. Такъ, 21-го февраля 1659 года недоросли изъ боярскихъ дѣтей, которые ни въ какіе чины не написаны и денежнымъ окладомъ не верстаны, были, кромѣ принадлежавшихъ къ новгородскому и бѣлгородскому полкамъ, назначены на вѣчное житье въ рейтары въ Смоленскъ (такихъ оказалось 300) съ опредѣленіемъ имъ на содержаніе — по десяти крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, а за кѣмъ нѣтъ помѣстій—по десяти рублей жалованья (П. С., I, 240). Послѣдующими указами поощрялось опредѣленіе дворянъ и дѣтей боярскихъ въ рейтары, посредствомъ выдачи имъ усиленнаго жалованья по 30 рублей (П. С., I, 261), и сохранялись въ рейтарской службѣ тѣ, которые были въ нее зачислены (напр., наказомъ о верстаніи 1675 года—П. С., I, 615).

Впрочемъ дворяне, какъ шли добровольно въ холопи, такъ опредѣлялись охотно и въ рейтары. Поступленіе неимущихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ эту службу упорядочено было указомъ 1678 года. Лицъ этихъ велѣно было писать въ рейтарскую службу съ жалованьемъ по 24 рубля въ годъ; если они имѣли крестьянскіе дворы, то съ нихъ вычиталось изъ жалованья по 1 рублю за дворъ; съ пустопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ вычета не дѣлалось. Владѣющимъ же двадцатью-четырьмя крестьянскими дворами и болѣе указано было служить земскую полковую службу

безъ денежнаго жалованья; если такіе дворяне подавали челобитныя о поступленіи въ рейтарскую службу, то ихъ разрѣшено было принимать на эту службу, но только безъ жалованья. Равнымъ образомъ, тѣ, которые, имѣя менѣе 23 дворовъ, выражали желаніе служить не въ рейтарахъ, а въ дворянскихъ полкахъ, должны были одинаково служить безъ содержанія.

Но черезъ 10 лѣтъ, въ 1688 году, было по новгородскому полку запрещено дворянамъ поступать въ гусары, копейщики и рейтари, а эти части предписано набирать изъ недорослей гусарскихъ же, копейщиковыхъ или рейтарскихъ дѣтей (П. С., II, 1327). Слѣдуетъ думать, что въ новгородскомъ полку явился контингентъ, изъ котораго можно было формировать эти части, такъ что привлеченіе къ участію въ нихъ дворянъ оказалось излишнимъ.

Въ концѣ XVII столѣтія появляются, однако, несмотря на упомянутыя распоряженія московскихъ царей, нѣкоторые признаки почетнаго значенія дворянскаго званія. Оно было въ 1665 году пожаловано, вмѣстѣ съ назначеніемъ гетмана Ивана Брюховецкаго бояриномъ, казачьей старшинѣ: обозному, судьѣ, есауламъ, хорунжему, бунчужному, войсковымъ писарямъ и всѣмъ полковникамъ (П. С., I, 381). Пожалованіе боярскимъ саномъ безъ зачисленія на русскую службу было большою рѣдкостью, и царь въ указѣ, даннымъ разряду, считалъ нужнымъ оговорить, что объявленіе этой милости Брюховецкому по чину московскаго царства назначеннымъ для того человѣкомъ не можетъ быть поставлено послѣднему въ безчестье (П. С., I, 375). Пожалованіе въ дворяне, повидимому, было личнымъ; по крайней мѣрѣ, о потомственномъ пожалованіи нельзя дѣлать заключенія ни изъ общей грамоты, ни изъ особыхъ,—напримѣръ, грамоты о написаніи въ дворяне прилуцкаго полковника Лазаря Горненко (А. И., IV, № 183). Въ Сибири, даже въ XVIII вѣкѣ, встрѣчались пожалованные въ дворяне казаки, причемъ ихъ дворянство было какъ-бы чиномъ, не переходившимъ отъ отца къ дѣтямъ, такъ что въ коммиссіи 1767 года были заявлены возраженія относительно присоединенія ихъ къ сословному дворянству [1]).

Нѣкоторымъ шагомъ впередъ къ обособленію дворянства было установленіе при Θедорѣ Алексѣевичѣ, послѣ отмѣны въ 1682 году мѣстничества, 4-хъ родословныхъ книгъ: въ первую должны были быть внесены всѣ княжескіе и иные честные роды, которые занимали должности бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, или

[1]) Романовичъ-Славатинскій: „Дворянство въ Россіи“, стр. 514.

тѣ, которые съ царствованія Ивана Васильевича и при его державѣ явились въ посольствахъ, полкахъ и городахъ воеводами и въ иныхъ знатныхъ посылкахъ или въ близости государя; во вторую — тѣ роды, которые съ начала царствованія Михаила Өедоровича были въ полковыхъ воеводахъ, послахъ, посланникахъ, знатныхъ посылкахъ, въ иныхъ честныхъ чинахъ или въ десятняхъ (войсковыхъ спискахъ) написаны въ первой статьѣ; въ третью книгу—тѣ роды, которые написаны въ десятняхъ въ средней и меньшей статьяхъ; въ четвертую—тѣ, которые написаны въ московскіе чины изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ или за свои (П. С., II, 905). Учреждая веденіе этихъ книгъ, царь не установилъ ни малѣйшаго различія въ правахъ упомянутыхъ разрядовъ дворянства; единственною цѣлью составленія родословныхъ книгъ было,—по словамъ царя,—то соображеніе, что онѣ будутъ служить на память какъ современникамъ, такъ и потомству. Откуда появилась мысль о веденіи государственной родословной? Өедоръ Алексѣевичъ былъ воспитанникомъ западно-русскаго монаха, Симеона Полоцкаго, и владѣлъ польскимъ языкомъ. Посвящая царю написанныя имъ на польскомъ языкѣ книги, Лазарь Барановичъ писалъ: „извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Өеодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ, но и ляцкимъ языкомъ четъ книги". Какъ извѣстно, въ Польшѣ аристократическій принципъ былъ весьма сильно развитъ: весьма возможно, что мысль о родословныхъ явилась оттуда. Наше служилое сословіе отнеслось къ составленію книгъ весьма холодно; черезъ два года правительство издало указъ, гдѣ, упоминая о представленіи въ разрядъ немногихъ родословныхъ росписей, требовало принесенія ихъ безъ мотчанья (П. С., II, 1051). Въ 1686 году повелѣно было завести новыя книги для пополненія прежнихъ вновь поступившими или еще незаписанными родами (П. С., II, 1207) и раздѣлить всю родословную на главы, съ внесеніемъ каждаго рода порознь и со включеніемъ поколѣнной росписи (П. С., II, 1219).

Много ли было служилыхъ людей во время московскаго царства? По указаніямъ XVII вѣка, число ихъ было весьма значительно. Оно можетъ быть составлено по разрядамъ. Такъ, въ 1616 году число несшихъ службу равнялось 23.049; изъ нихъ считалось: 1.327 въ Смоленскѣ, 4.215—въ полкахъ противъ Лисовскаго, 1.967 — въ Брянскѣ, 386 — въ послахъ, 880—въ Устюжнѣ Желѣзопольской, 2.427—въ 3 полкахъ отъ крымскихъ людей, 10.227—въ южныхъ и 2.524—въ сѣверныхъ городахъ

(Разр., т. I, 1616 г.). Полный призывъ дворянъ производился очевидно только въ моменты сильныхъ напряженій, какими были первые года царствованія Михаила Өедоровича. Позднѣйшіе разряды даютъ меньшую цифру бывшихъ на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, очевидно потому, что не всѣ служилые люди были приглашаемы. По разряду 1679 года (послѣднему изъ напечатанныхъ въ изданіи разрядныхъ книгъ б. II отдѣленія), въ войскѣ подъ начальствомъ князя Черкасскаго состояло всего: 8.926 дворянъ и дѣтей боярскихъ; изъ нихъ большого государева полку, т.-е. стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ и жильцовъ 3.669 (кромѣ того, тѣхъ же чиновъ по новгородскому разряду—80, съ нижегородцами—576 и отдѣльно въ бѣлгородскомъ полку—15); изъ замосковныхъ городовъ (владимірской, смоленской, тульской и смежныхъ областей)—884; ярославскихъ мѣстъ—474; по новгородскому разряду (новгородской, псковской, отчасти тверской области) — 782; по нижегородскому краю — 164; изъ низовыхъ городовъ (симбирскихъ, пензенскихъ, саратовскихъ, самарскихъ мѣстъ)—338, а съ казанцами и свіяжанами—504; изъ рязанскихъ и сѣверскихъ мѣстъ—1.768.

На земскихъ соборахъ московской Руси, когда цари созывали людей всякихъ чиновъ и наименованій, дворяне составляли бо́льшую часть представителей и участниковъ собора. На соборѣ 1566 года было изъ 374 лицъ (по исчисленію г. Латкина)—32 духовныхъ лица, 29—изъ высшаго служилаго разряда, 205—низшихъ служилыхъ чиновъ (кромѣ дьяковъ и приказныхъ, которыхъ было 33) и 75 человѣкъ гостей, московскихъ купцовъ и смольнянъ; на соборѣ 1597 года, избравшемъ Бориса Годунова въ цари, было изъ 757 членовъ собора — 83 духовныхъ лица, 42 высшихъ служилыхъ чиновъ, 231 низшихъ служилыхъ чиновъ большей частью московскаго дворянства (не считая 27 дьяковъ, 2 барашей-обойщиковъ казеннаго приказа и 13 дворцовыхъ ключниковъ), 22 гостя и 13 сотскихъ черныхъ сотенъ; на соборѣ 1649 года было изъ 315 членовъ—13 духовныхъ лицъ, 32—высшей служилой среды, 159 низшихъ служилыхъ людей (кромѣ того, 2 дьяка, 15 стрѣльцовъ и 21 неизвѣстнаго чина), 3 гостя, 12 представителей московскихъ сотенъ и слободъ и 79 посадскихъ изъ городовъ. Многочисленность служилаго класса на соборахъ объясняется тѣмъ, что правительство не приглашало къ участію въ нихъ сельское тяглое населеніе, закрѣпощенное въ концѣ XVI вѣка. Между тѣмъ остальные элементы были, кромѣ служилаго разряда, весьма слабо развиты. Всѣ вновь заведенные на югѣ го-

рода отличались отсутствіемъ посадскихъ людей. По разряду 1668 года таковыхъ вовсе не было даже въ Харьковѣ, Тамбовѣ, Орлѣ. Воеводы оказывались въ большомъ затрудненіи, когда цари требовали отъ нихъ высылки въ Москву на соборы представителей посадскаго класса [1]). Кого же можно было, при такихъ условіяхъ, считать представителями мѣстнаго земства, какъ не служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ краѣ?

Ш.

[1]) На соборъ 1651 года воевода города Крапивны послалъ, вѣроятно, по зрѣломъ обсужденіи, вмѣсто посадскихъ людей, которыхъ было у него всего 3, — боярскаго сына и пушкаря, а ливенскій воевода, у котораго совсѣмъ не было посадскихъ, одного бобыля. Послѣднему воеводѣ не досталось отъ правительства за эту неисправность, вѣроятно, въ виду пословицы, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Но крапивенскому воеводѣ былъ сдѣланъ выговоръ. Дьякъ Заборовскій на отпискѣ воеводы отмѣтилъ: „онъ сглупилъ, мимо посадскихъ людей прислалъ въ ихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря мимо государева указу“, и за это постановлено было воеводу „осудить гораздо“. Не мѣшало бы подвергнуть этой мѣрѣ первымъ дѣломъ строгаго дьяка, который разсылалъ царскіе указы, не соображаясь съ числомъ посадскихъ людей въ городѣ. См. Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія, Латкина, стр. 102 и 108, и Земскіе соборы древней Руси, того же автора, стр. 266.

БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ

III *).

Съ 1837 года началъ появляться рядъ книжекъ Яна Чечота—до послѣдней, вышедшей въ 1846 году [1]).

Янъ Чечотъ родился въ новогрудскомъ уѣздѣ, минской губ.,— неизвѣстно, въ какомъ году, но, вѣроятно, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, потому что онъ былъ сверстникомъ Мицкевича, съ которымъ учился вмѣстѣ въ первоначальной школѣ

*) См. выше: апрѣль, 644 стр.

[1]) Эти книжки въ настоящее время рѣдки, и потому укажемъ ихъ подробнѣе:

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach. Wilno, 1837. 8⁰. VIII и 106 стр.; 107—111, оглавленіе пѣсенъ. Безъ имени издателя; предисловіе помѣчено 1834 годомъ.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno, 1839. 8⁰, 118 стр.; 119—124, оглавленіе. Безъ имени.

— Piosnki wieśniacze z nad Dźwiny. Książeczka trzecia. Wilno. 8⁰. XII и 89 стр.; 90—94, оглавленіе. Безъ имени; съ эпиграфомъ изъ Кохановскаго: „I oracz ubogi śpiéwa—Choć od pracéj aż omdléwa"; посвященіе, въ стихахъ: „Ukochanym kmiotkóm z nad Niemna i Dźwiny", и предисловіе.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiéj. Wilno, 1844. 8⁰, XVIII и 129 стр.; 131—137, оглавленіе, опечатки, объявленіе о книгахъ. Безъ имени; посвященіе въ стихахъ: „Dobroczynnym Panóm i Rządcóm ich majętności, troskliwym o dobry byt włościan".

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra. Wilno, 1845. 8⁰, XII и 103 стр.; 105—108, оглавленіе; посвященіе въ стихахъ: „Zacnym i bogobojnym Panienkom i Paniczom". Безъ имени.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiéj, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846. 8⁰. XXXIV и 123 стр.; 125 — 129, оглавленіе; 131 — 134, опечатки въ прежнихъ книжкахъ. Посвященіе въ стихахъ памяти Станислава Сташица. Предисловіе, отъ 1845, впервые подписано именемъ собирателя.

въ Новогрудкѣ (эти „повѣтовыя школы“ послѣ іезуитовъ были въ рукахъ доминиканцевъ). Чечотъ былъ потомъ товарищемъ Мицкевича и въ виленскомъ университетѣ, гдѣ они были дружны, дѣлили впечатлѣнія тогдашней возбужденной умственной жизни и романтическаго патріотизма, и когда основалось, или возобновилось, въ 1817 г. полу-тайное общество „филоматовъ“, то Чечотъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ былъ въ числѣ первыхъ въ тогдашней виленской академической молодежи, которые посвящены были основателями этого кружкà въ его идеи. Патріотизмъ, гуманность и просвѣщеніе были основной мыслью этого кружкà. Онъ просуществовалъ недолго; въ двадцатыхъ годахъ это движеніе было замѣчено, началось извѣстное слѣдствіе Новосильцова; многіе изъ профессоровъ виленскаго университета были удалены; „филоматы“ арестованы (въ томъ числѣ одно время и Мицкевичъ) и высланы изъ Вильны и изъ края. Чечотъ отправленъ былъ, въ 1823 г., въ Оренбургъ, гдѣ пробылъ, кажется, больше десяти лѣтъ; по возвращеніи на родину, онъ былъ библіотекаремъ у Адама Хрептовича въ извѣстномъ имѣніи его Щорсахъ, затѣмъ, по смерти Хрептовича, поселился въ деревнѣ и умеръ въ 1847 въ Друскеникахъ [1]).

По разсказу біографа Мицкевича, Чечотъ былъ человѣкъ мягкаго чувства, воспріимчивый и впечатлительный, въ своемъ добродушіи иногда раздражительный именно противъ тѣхъ, кому былъ преданъ. Эта мягкость его личнаго чувства отражается, какъ увидимъ, и на его сборникахъ. Этнографія, которую представляютъ его книжки, была особаго рода. Школа, которую онъ прошелъ въ юности, привила ему съ одной стороны народный романтизмъ—въ томъ кругѣ, гдѣ онъ жилъ, читали Бродзинскаго, знали Ходаковскаго и первыя этнографическія работы, появлявшіяся тогда, между прочимъ, именно въ виленскихъ изданіяхъ; съ другой стороны, или рядомъ съ этимъ, онъ былъ филантропъ,

---

[1]) Zdanowicz-Sowiński, Rys dziejów liter. polskiéj, т. III, 1876, стр. 85 – 86, 695 — 698; Chmielowski, Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki, Kraków i Warszawa, 1886, I, стр. 38, 94 (характеристика личности Чечота), 178 — 4, 197, 208, 221, 250—1, 292—3, 303—4, 308—9; 457. О Щорсахъ есть довольно свѣденій въ польской литературѣ. О нихъ говоритъ и Шпилевскій въ своемъ Путешествіи по Полѣсью и Бѣлор. краю: „Это древнее достояніе знаменитой бѣлорусской фамиліи Хрептовичей замѣчательно своимъ великолѣпнымъ каменнымъ дворцомъ, роскошнымъ садомъ и богатѣйшею библіотекою во дворцѣ, обязанною хранащимися въ ней рѣдкими книгами и рукописями нынѣшнему владѣльцу своему, извѣстному ученому археологу Адаму Хрептовичу“. „Современникъ“ 1853, т. 40-й, стр. 56. Щорсы — въ минской губ., между Новогрудкомъ и Минскомъ; см. о нихъ и о Хрептовичѣ (ум. 1844) также Zdanowicz-Sowinski, III, стр. 706.

принимавшій близко къ сердцу матеріальное положеніе „народа", т.-е. крестьянъ... Той эпохѣ польской литературы и общественности наши популярные историки приписываютъ обыкновенно или явную, или затаенную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патріотовъ къ западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавнюю часть ихъ польскаго отечества,—тѣмъ больше, когда съ русской стороны въ тѣ годы общественный интересъ къ этому краю почти не существовалъ [1]). Множество этихъ поляковъ, патріотовъ и писателей, были именно уроженцы этого края; „народъ" края не былъ польскій, но они по старой памяти считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитія народнаго романтизма ихъ интересъ направился и на этотъ народъ, какъ и на народъ собственно литовскій, и народъ польскій. Таково отношеніе къ западно-русскому народу у Чечота,—отношеніе непосредственное, почти наивное; ему, позидимому, не приходитъ въ голову, что народъ, которому онъ посвящаетъ свои изученія, есть именно самый русскій. Чечотъ настаиваетъ на простой красотѣ его поэзіи, на необходимости знакомиться съ этимъ народомъ и особенно облегчить его положеніе. Объ этомъ положеніи онъ принимается говорить нѣсколько разъ, и при этомъ обращается не столько къ полякамъ, сколько къ *панамъ*, говоритъ не о народности, а о крѣпостныхъ, которыхъ участь ему страстно хотѣлось бы видѣть улучшенной; объ этнографической наукѣ онъ думаетъ всего меньше; повидимому, онъ даже мало о ней знаетъ.

Свою первую книжку онъ начинаетъ въ предисловіи такими словами: „Крестьяне наши, народъ добрый, смиренный, трудолюбивый, почтенный, должны возбуждать въ насъ самыя доброжелательныя къ нимъ чувства. Съ ними мы можемъ быть счастливы. За работу ихъ рукъ, удѣляя имъ труды нашей мысли и просвѣщенія, мы можемъ умножить всеобщее благо. Не будемъ думать, чтобы мы не могли отъ нихъ чему-нибудь научиться. Мы многому научимся изъ познанія ихъ состоянія и быта; найдемъ у нихъ преданья, сказки, повѣсти, и чрезвычайно обильна будетъ жатва пѣсенъ, дающихъ узнать ихъ трогательныя, прекрасныя, даже тонкія и глубокія чувства. Не будемъ думать, что только каждый городъ или провинція имѣетъ своего ученаго пѣвца; мы увидимъ, что почти каждая деревня имѣла и можетъ имѣть сво-

[1]) Дальше укажемъ, что это простое объясненіе представлялось и болѣе спокойнымъ русскимъ наблюдателямъ въ новѣйшее время.

его не ученаго, но отъ души и сердца пѣвца. Я замѣтилъ, что на разстояніи нѣсколькихъ миль, даже полъ-мили, поются уже совершенно иныя пѣсни. Какое это сокровище для ученаго пѣвца и наблюдателя! Сколько тамъ невынужденной и свѣжей поэзіи! Будемъ слушать охотно ихъ пѣсенъ свадебныхъ, дожинковыхъ, купальскихъ и другихъ, и мы не разъ пріятно проведемъ время, и, что̀ важнѣе, пріобрѣтемъ бо̀льшую привязанность къ нашимъ добрымъ земледѣльцамъ"... Онъ жалѣетъ, что со стороны пановъ или ихъ управителей оказывается невниманіе или препятствія къ исполненію народныхъ обычаевъ, между тѣмъ какъ участіе въ нихъ сблизило бы обѣ стороны... „Отъ дѣтскихъ лѣтъ искренно любя нашихъ милыхъ и добрыхъ крестьянъ,—продолжаетъ Чечотъ, — я хочу представить имъ доказательство моей привязанности"...

Какъ мало было у него этнографическаго пониманія, видно изъ того, что этотъ сборникъ—какъ и другіе, кромѣ лишь послѣднихъ его книжекъ—представляетъ не подлинныя бѣлорусскія пѣсни, а ихъ *польскіе* переводы и „подражанія". „Я не слишкомъ держался оригинала,—замѣчаетъ онъ простодушно,—однако нѣкоторыя пѣсни переведены дословно; другимъ я, болѣе или менѣе, близко подражалъ". Впрочемъ онъ предоставлялъ себѣ въ другое время издать пѣсни и съ подлиннымъ текстомъ (что́ потомъ и сдѣлалъ).

Таковы и вторая, и третья книжки Чечота (пѣсни купальскія или свято-янскія, свадебныя, дожинковыя, дѣтскія и „различныя"). Въ предисловіи къ третьей книжкѣ онъ пишетъ: „Какъ сначала я думалъ, что на небольшомъ разстояніи пѣсни по деревнямъ бываютъ различны, такъ при дальнѣйшемъ собираніи ихъ я убѣдился, что даже на большихъ разстояніяхъ пѣсни бываютъ совершенно сходны, или только съ небольшими измѣненіями въ словахъ. Нѣманъ и Бѣлица не близки къ Двинѣ, Березинѣ и Лепельскому краю, и однако пѣсни сходны; похожи на нихъ и пѣсни на Виліи въ Завилейскомъ краѣ. Кто ихъ переносилъ? Не печать и письмо, но память, сердца и уста братскихъ племенъ". Нѣкоторыя изъ этихъ сходныхъ пѣсенъ онъ перевелъ для сравненія, но повтореніемъ другихъ не хотѣлъ отягощать своего сборника. О способѣ своего собиранія онъ на этотъ разъ говоритъ слѣдующее: „Сборникъ этотъ мнѣ было легко сдѣлать: занятому своими обязанностями на мѣстѣ, мнѣ не надо было ходить или ѣздить по деревнямъ, а только попросить достойныхъ и любезныхъ паненокъ, которыя, безъ большого труда и хлопотъ, безъ принужденія или оплаты, какъ это случалось другимъ собирате-

лямъ сельскихъ пѣсенъ, прямо отъ своихъ собственныхъ прислугъ или вызванныхъ изъ деревни селянокъ могли и могутъ записать столько пѣсенъ, сколько пожелается собирателю. И дѣйствительно, онѣ однѣ только способны у насъ собирать эти пѣсни. Наши поселяне—не знаю, поютъ ли когда-нибудь; а поселянки, слишкомъ скромныя и несмѣлыя, стыдятся проговорить свои пѣсни передъ мужчиной; начнутъ усмѣхаться, говорить, что въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ ничего хорошаго, и, покраснѣвши отъ стыда, ничего не скажутъ. А милой паненкѣ разскажутъ, къ паненкѣ онѣ бѣгутъ съ радостью, говоря:—вотъ еще я припомнила хорошую пѣсенку!..“

Но эту картину заслоняетъ у него другая мысль. „Этотъ милый и прекрасный образъ, присутствующій въ моемъ сердцѣ, я долженъ помрачить печальной мыслью о положеніи составителей и составительницъ сельскихъ пѣсенъ. Какъ изъ пѣсенъ съ Нѣмана, такъ и изъ пѣсенъ съ Двины, я позволилъ себѣ устранить несчастную водку, не разъ въ нихъ вспоминаемую, и замѣнить ее медомъ и пивомъ, которые теперь почти неизвѣстны поселянамъ. Водка есть гибель нашихъ поселянъ. Первый грошъ—отъ водки, говоритъ помѣщикъ и управитель; первое зло, говоритъ каждый разсудительный человѣкъ. Сердце болитъ, видя, какъ многочисленнѣйшій и трудолюбивѣйшій классъ населенія часто приходитъ въ такую нужду, къ какой всего скорѣе приводитъ пьянство“... И „этнографъ“ углубляется въ разсужденіе о бѣдствіяхъ народнаго пьянства; въ пѣсняхъ онъ даже удалилъ названіе водки. Въ концѣ онъ говоритъ, что былъ бы счастливъ, если бы его трудъ помогъ веселѣе справлять дожинки и купалу, еслибъ онъ хоть сколько-нибудь уменьшилъ пьянство, составляющее истинную бѣду для поселянъ. Онъ не будетъ искать для нихъ похвалы; она явится для чувствительныхъ душъ въ самой этой книжкѣ. „Имъ также (этимъ поселянамъ), какъ достойнымъ посвященія ихъ собственнаго труда, я посвящаю эту милую мнѣ забаву, исполненный святой надежды, что въ каждой благородной душѣ она возбудитъ истинную христіанскую любовь къ моимъ любимымъ крестьянамъ-авторамъ“.

Только уже въ четвертой книжкѣ Чечотъ, вызванный, наконецъ, и критикой, далъ образчики „первотворныхъ“ пѣсенъ, т.-е. на ихъ подлинномъ бѣлорусскомъ языкѣ, который онъ назвалъ „славяно-кревицкимъ“. Въ этомъ названіи заключается тенденціозность, но Чечотъ не самъ его выдумалъ, и, какъ увидимъ, его собственный интересъ остается опять, главнымъ образомъ, филантропическій.

„Поэзія, называемая теперь народною, сельскою (gminna),—

говоритъ онъ въ предисловіи,—въ древніе вѣка была общей всѣмъ нашимъ предкамъ: господская, княжеская, словомъ, народная (narodowa); поэтому она должна бы быть достойна вниманія даже у тѣхъ, которые не хотѣли бы видѣть ничего хорошаго въ томъ, что̀ есть только сельское, крестьянское. Нашимъ крестьянамъ мы обязаны сохраненіемъ старинныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Имъ и за это мы должны быть благодарны. Подчиняясь сами вліянію сосѣднихъ племенъ и цивилизаціи Европы, мы легче измѣнялись, чѣмъ они, а черезъ это забыли и тѣ пѣсни, какія отдаленная прабабка не одного изъ насъ пѣла за пряжей, можетъ быть, въ той же самой деревнѣ съ своими единокровными, которыхъ потомство, отъ недостатка заслугъ въ краѣ, осталось въ состояніи зависимости. И сама поэзія кревицкая подчинилась вліянію поэзіи украинской и польской. По нѣкоторымъ пѣснямъ это можно было положительно наблюдать. Теперь она сильно подчиняется вліянію народной поэзіи россійской, переносимой войсками, квартирующими по деревнямъ. Быть можетъ, и народная поэзія литовская—если бы мы имѣли изданіе ея пѣсенъ—представила бы подобныя произведенія, переводы или подражанія съ кревицкаго. Поэтому было бы любопытнымъ дѣломъ для прилежнаго изслѣдователя поэзіи и древности собирать самому сельскія пѣсни, быть на свадьбахъ и другихъ обрядахъ. Безъ этого нельзя ни сохранить должнаго порядка въ ихъ послѣдовательности, ни знать обрядовъ, какъ нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать, какія пѣсни остались отъ давнихъ временъ, и какія и какъ появляются вновь, такъ какъ и въ настоящее время могутъ быть тамъ-и-сямъ пѣвцы и пѣвицы, создающіе новыя пѣсни по собственному вдохновенію. Это, можетъ быть, теперь рѣже, чѣмъ бывало въ старину, потому что, во-первыхъ, старинная пѣсня особенно уважается, а во-вторыхъ, поселяне не такъ теперь одушевлены, чтобы легко могли браться за новыя созданія. Отсюда происходитъ заимствованіе пѣсенъ отъ солдатъ, квартирующихъ или возвращающихся въ большомъ числѣ изъ службы въ родныя деревни".

Такимъ образомъ, Чечотъ самъ пришелъ къ заключенію, что собираніе пѣсенъ черезъ паненокъ не есть лучшій способъ ихъ добыванія, и увидѣлъ, что для полноты наблюденія нужно отмѣчать „послѣдовательность" пѣсенъ и обряды, что́ было совершенно справедливо. Передъ нимъ мелькаетъ мысль объ особенностяхъ народнаго пѣсеннаго языка, который кажется ему очень „бѣднымъ" и „несовершеннымъ", потому что не имѣетъ словъ для отвлеченныхъ понятій и выражаетъ ихъ „фактомъ", т.-е. образомъ. Онъ дѣлаетъ заключеніе о древности пѣсенъ изъ частыхъ упо-

минаній о Дунаѣ, о морѣ, о виноградѣ; славянскіе предки долго должны были блуждать по берегамъ Дуная и пить дунайскую воду, чтобы имя этой рѣки запомнилось такъ крѣпко. У Чечота мелькаетъ мысль и о томъ, почему народная поэзія отличается своимъ особымъ складомъ, непохожимъ на складъ нашей искусственной поэзіи; но простодушный взглядъ на народную пѣсню сказался опять въ слѣдующемъ: авторъ заявляетъ, что къ народнымъ пѣснямъ онъ прибавилъ (къ счастью, въ особой рубрикѣ) нѣсколько „своихъ собственныхъ, по-крестьянски составленныхъ пѣсенъ", на бѣлорусскомъ языкѣ, съ польскимъ переводомъ. „Быть можетъ, онѣ проникнутъ какъ-нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ къ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ нравственности?"

Далѣе: „Какъ переводчикъ, я долженъ былъ бы описать всю жизнь моихъ *авторовъ*. Я много думалъ объ этомъ, даже читалъ о нихъ нѣсколько книгъ, хотѣлъ разсказать многое, но, размысливши больше, замолчалъ, и довольно будетъ съ меня, если укажу благосклоннымъ читателямъ источники, изъ которыхъ они сами могутъ почерпнуть свѣденія о состояніи крестьянъ и мысли объ улучшеніи ихъ быта". И вмѣсто ожидаемыхъ археологическихъ и этнографическихъ указаній, Чечотъ приводитъ рядъ сочиненій, посвященныхъ въ польской литературѣ крестьянскому вопросу съ конца прошедшаго столѣтія, сообщая ихъ главное содержаніе и оканчивая указомъ имп. Александра I, 1817 г., о крестьянахъ курляндской губерніи. „Предлагая вниманію благосклонныхъ читателей эти драгоцѣнные труды,—заключаетъ онъ,—внушенные истинно христіанскими чувствами и основанные на опытѣ и чистомъ разумѣ, я считаю себя свободнымъ отъ печальной необходимости гореванья надъ нищетой и бѣдственнымъ бытомъ любимыхъ поселянъ. Пусть каждый обратится на минуту къ своему сердцу, и сердце его скажетъ больше, чѣмъ я съумѣлъ бы сказать".

Пѣсенъ „первотворныхъ" помѣщено здѣсь по десяти съ Нѣмана и Двины. Пѣсни бѣлорусскія собственнаго сочиненія Чечота написаны въ складѣ народныхъ и заключаютъ обыкновенно какое-нибудь поученіе, которое авторъ хотѣлъ бы внушить поселянамъ.

Пятая книжка мало интересна: нѣсколько пѣсенъ съ Нѣмана, и затѣмъ пѣсни украинскія, взятыя, кажется, исключительно изъ Вацлава Залѣсскаго и Жеготы Паули, — то и другое только въ переводахъ; наконецъ, опять пѣсни собственнаго сочиненія, по-польски.

Наиболѣе любопытна шестая книжка, послѣдній трудъ Чечота. Въ предисловіи онъ жалѣетъ, что не имѣетъ достаточно научныхъ свѣденій, чтобы дать грамматическо-историческій очеркъ бѣлорусскаго („кревицкаго") языка; онъ долженъ ограничиться лишь немногими замѣтками, какія ему встрѣтились. Полное изученіе этого языка, которымъ еще на памяти автора (по словамъ его) любили, бывало, говорить старые паны, на которомъ нѣкогда писались оффиціальные акты, сдѣлано будетъ какимъ-нибудь знающимъ человѣкомъ, можетъ быть, крестьяниномъ, который, усвоивши научныя свѣденія, примѣнитъ ихъ къ объясненію хорошо ему извѣстнаго, родного языка.

Немногія замѣчанія Чечота, почерпнутыя изъ собственныхъ наблюденій, въ свое время были едва ли не первой, нѣсколько отчетливой, характеристикой бѣлорусскаго нарѣчія; онъ отмѣчаетъ особенности его звуковъ и формъ (стр. VII—XXV). По его мнѣнію, „кревицкое нарѣчіе занимаетъ середину между польскимъ, россійскимъ и украинскимъ: украинскій, или полянскій, въ своемъ строѣ и стихосложеніи болѣе сходенъ съ польскимъ, кревицкій—съ россійскимъ". Ему представился и вопросъ правописанія „кревицкаго" нарѣчія; онъ видитъ трудность его въ различныхъ случаяхъ, и, не имѣя возможности рѣшить дѣла, особливо по поводу нѣсколькихъ пѣсенъ, онъ хочетъ писать такъ, какъ выговаривается... Ему совсѣмъ не приходитъ въ голову, что наилучшее „правописаніе" этого языка было бы не польское, а „россійское".

„Познанію кревицкаго языка, — продолжаетъ авторъ, — помогло бы прислушиванье къ домашнему разговору крестьянъ; но это было бы нелегко для одѣтаго въ сюртукъ, и ему надо бы развѣ переодѣться въ сермягу и идти, какъ чужому человѣку, на вечерницы или въ корчму. Но гораздо болѣе удобный способъ научиться языку и дѣлать надъ нимъ наблюденія былъ бы тотъ, если бы кто сталъ слушать и съ точностью записывать сказки, выучившись заранѣе искусству быстраго письма: потому что это — литература, съ давнихъ вѣковъ сохранившаяся въ памяти крестьянъ и до сихъ поръ еще нетронутая. Это была бы гораздо болѣе обильная сокровищница языка, чѣмъ коротенькія пѣсенки, въ которыхъ всего чаще встрѣчаются только выраженія любовныя и нѣтъ выраженій, рисующихъ другія чувства и представленія. Это рѣчь скупая и неотесанная, бѣдная словами [1])

---

[1]) „Uboga w rzeczownikі"—раньше авторъ указывалъ бѣдность народнаго языка словами, выражающими отвлеченныя понятія.

и всѣми выраженіями умственныхъ понятій; но, все-таки, она, какъ и всякая, должна имѣть свои особенности и оригинальность.

„Не могу,—продолжаетъ онъ,—безъ какой-то милой тревоги вспомнить забытыя сказки, которыя я слышалъ и зналъ въ мои дѣтскіе годы. Въ нихъ часто заключена прекрасная нравственная мысль"... И онъ вспоминаетъ нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ, знакомыхъ ему съ дѣтства. Онъ уже думалъ о собираніи сказокъ, но жалѣетъ, что „никто еще у насъ ихъ не цѣнитъ и не окажетъ дѣйствительной помощи, а самъ я, при плохомъ здоровьѣ и подобномъ пренебреженіи къ этимъ плодамъ народной фантазіи и остаткамъ старины, до сихъ поръ не въ состояніи заняться этимъ милымъ и полезнымъ для отечественной литературы трудомъ". Онъ призываетъ другихъ, у кого найдется больше удобства и силъ, заняться этой заброшенной литературой, „которая, какъ пѣсни, была нѣкогда общей предкамъ пановъ и бѣдняковъ": „пусть другіе, болѣе сильнымъ и слышнымъ голосомъ, заохотятъ уважать и собирать эти крестьянскія, или лучше, народныя повѣсти и пѣсни"...

Не имѣя возможности, по ихъ нежеланію, назвать имена паненокъ и пань, сообщавшихъ ему пѣсни, Чечотъ находитъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, указать тѣ мѣстности, изъ которыхъ идутъ пѣсни. „Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ, пробудится въ комъ-нибудь любопытство узнать, не поются ли въ тѣхъ же мѣстахъ тѣ же пѣсни",—и онъ подробно указываетъ мѣстности по Нѣману и Двинѣ, откуда взяты пѣсни, помѣщенныя во всѣхъ его прежнихъ книжкахъ; пѣсни съ нижняго Днѣпра поются въ Липовецкомъ повѣтѣ: „нѣсколько изъ нихъ я получилъ отъ простого солдата, тамошняго уроженца, а другія—отъ одного почтеннаго ксендза, который жилъ тамъ въ молодости"; больше достать онъ не могъ; а пѣсни съ Днѣстра взяты изъ книгъ, печатанныхъ во Львовѣ (сборники Залѣсскаго и Паули).

„Относительно вліянія польскаго, россійскаго (русскаго) и украинскаго языка на кревицкій (бѣлорусскій), можно бы сказать, что это вліяніе сильнѣе на діалектъ наднѣманскій, чѣмъ на наддвинскій,—такъ какъ сторона наддвинская не имѣетъ постояннаго квартированія войскъ и больше отдалена отъ Мазовша и Украйны, чѣмъ сторона наднѣманская. Въ новогрудскомъ краѣ хлопцы съ охотой перенимаютъ россійскія пѣсни отъ солдатъ, и ими уже оглашаются поля, напр. въ Щорсахъ [1]), отъ ѣдущихъ

[1]) Гдѣ Чечотъ былъ библіотекаремъ у Хрептовича.

на ночлегъ съ лошадьми, а иногда слышатся онѣ тамъ и въ устахъ женщинъ при жнитвѣ, или отзываются въ пѣньѣ дворовыхъ женщинъ, которыя также переносятъ въ деревни и какую-нибудь, по своему передѣланную, польскую пѣсню. Поэтому-то, въ настоящемъ небольшомъ сборникѣ, я помѣстилъ больше пѣсенъ обрядовыхъ, жнивныхъ, и даже нѣсколько пѣсенъ, какія поются надъ дѣтской колыбелью, такъ какъ онѣ несомнѣнно мѣстныя".

Пословицы, собранныя въ той же книжкѣ (стр. 106—120, почти до двухъ-сотъ), почти всѣ, по словамъ собирателя, слышаны и вспомянуты съ дѣтскихъ лѣтъ; онѣ повторяются и между шляхтой. Собиратель расположилъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы облегчить послѣдующимъ собирателямъ ихъ дополненіе и, потомъ, приведеніе въ систему по содержанію. Чечотъ сожалѣетъ, что не могъ сличить ихъ съ изданными пословицами другихъ славянскихъ народовъ, такъ какъ не имѣлъ подъ рукою книгъ. „Все это остается кому-нибудь болѣе дѣятельному и счастливому, о которомъ, дай Богъ, чтобы мнѣ удалось услышать". Онъ жалѣетъ дальше, что не было еще до тѣхъ поръ описанія обрядовъ и игръ тамошняго края, — ему извѣстно только описаніе свадьбы въ Борисовскомъ повѣтѣ [1], —нѣтъ описанія домашняго быта, убогой утвари и народныхъ кушаньевъ. „Если бы кто захотѣлъ и съумѣлъ, могъ бы сдѣлать себѣ чрезвычайно пріятной деревенскую жизнь, занявшись собираніемъ обо всемъ этомъ свѣденій полезныхъ, любопытныхъ и желанныхъ. Теперь каждый жалѣетъ, что наши лѣтописцы, Длугошъ или Стрыйковскій, не собирали народныхъ пѣсенъ и преданій, о которыхъ упоминаютъ только мимоходомъ; когда-нибудь, черезъ нѣсколько вѣковъ, будутъ жалѣть и справедливо упрекать нынѣшнее время, если мы не соберемъ заботливо и не передадимъ потомкамъ этихъ памятниковъ; потому что, хотя деревенскій людъ (gmin) есть вѣрный и нелегко перемѣнчивый хранитель мѣстныхъ свычаевъ и обычаевъ, но съ ходомъ цивилизаціи или даже съ перемѣной политическихъ (krajowych) отношеній и онъ долженъ измѣняться и не можетъ сохранить въ чистотѣ образъ жизни, проходящей въ этой юдоли, и однако потомки любятъ всматриваться въ обличье своихъ прадѣдовъ; сохранимъ же его для ихъ чувствительности и, угаснувъ, еще пробудимъ въ сердцѣ ихъ бо́льшую привязанность и память о настоящемъ вѣкѣ".

Наконецъ, онъ сожалѣетъ, что „кревицкій" языкъ до сихъ

[1]) Tygodnik Wileński, 1819.

поръ не нашелъ изслѣдователя, когда даже небольшія славянскія племена на Западѣ еще въ концѣ XVI-го вѣка имѣли свои грамматики и словари. На „кревицкомъ" языкѣ Чечоту извѣстенъ только катехизисъ, недавно передъ тѣмъ изданный въ Вильнѣ, но и того онъ не видалъ. „Теперь именно пора вознаградить это нерадѣніе прошлыхъ вѣковъ и заняться составленіемъ грамматики и словаря кревицкаго нарѣчія, когда, съ небольшими исключеніями, оно еще остается въ своей чистотѣ; потому что еслибъ и захотѣли когда-нибудь учить крестьянъ другому нарѣчію, они не поймутъ его достаточно, не имѣя на своемъ собственномъ объясненія его словъ... Если мы рады видѣть остатки кельтскаго или герульскаго языка, то, быть можетъ, когда-нибудь будутъ возбуждать такое же и не праздное любопытство и памятники кревицкаго нарѣчія, которое — сомнительно, чтобы стало письменнымъ и образовалось самостоятельно".

Кромѣ пословицъ, въ книжкѣ помѣщенъ небольшой словарь къ пѣсеннымъ текстамъ, съ польскимъ переводомъ, и собраніе идіотизмовъ или особенныхъ выраженій „кревицкаго" языка, наконецъ этимологическія замѣчанія и статейка о сходствѣ славянскихъ языковъ съ санскритомъ, изъ книжки Маевскаго [1]).

Мы остановились дольше на книжкахъ Чечота потому, что онѣ представляютъ довольно характерное явленіе польской этнографіи относительно бѣлорусской народности, и притомъ эти книжки рѣдки и у насъ мало извѣстны. Названіе бѣлорусскаго племени „кревицкимъ" въ первый разъ пошло, кажется, отъ Нарбутта [2]), и изъ всего, что̀ мы цитировали, кажется, ясно, что въ Чечотѣ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ человѣкомъ какой-нибудь лукавой тенденціи, а съ искреннимъ любителемъ, который зналъ бѣлорусскій языкъ и народъ съ дѣтства и, воспринявъ въ своей школѣ народный романтизмъ и человѣчное отношеніе къ народу, примѣнялъ теперь это давнее настроеніе къ этнографіи. Къ спеціальному этнографическому изученію онъ былъ, очевидно, приготовленъ очень мало, — въ началѣ не понималъ, напр., даже того, что народная поэзія можетъ стать предметомъ научнаго

[1]) „O Sławianach i ich pobratimcach. Cześć piérwsza, obejmująca Rozprawy o języku Samskryckim, tudzież o literaturze Indian", przez W. S. Majewskiego. Warszawa, 1816.

[2]) Ср. позднѣйшее замѣчаніе Сырокомли: „Происходитъ ли названіе кривичанъ отъ литовскаго слова: Krywe? и должно ли поэтому доказывать до-историческое братство (pobratymstwo) ихъ племени и вѣры съ Литвой?—Этой мысли, брошенной впервые Ватсономъ, а нынѣ доказываемой историкомъ Литвы, Т. Нарбуттомъ, мы не чувствуемъ себя въ правѣ ни поддерживать, ни опровергать". Teka Wileńska, 1857, № 1, стр. 225.

интереса только на ея подлинномъ языкѣ: только въ послѣднихъ своихъ книжкахъ онъ помѣщаетъ „первотворныя" бѣлорусскія пѣсни и приходитъ къ заключенію, что лучшій способъ собирать произведенія народа—не черезъ паненокъ, а прямо изъ народныхъ устъ и въ самой обстановкѣ обычаевъ и обрядовъ. Его этнографическія наблюденія неразрывны съ мыслью о тяжеломъ бытовомъ положеніи крѣпостного народа, о которомъ онъ говоритъ съ несомнѣнно искреннимъ участіемъ. Жаль, конечно, что пѣсни, сообщенныя имъ только въ переводахъ, почти пропадаютъ для изслѣдованія и остаются только косвеннымъ матеріаломъ для сличенія [1]).

Не больше Чечота приготовленъ былъ къ этнографическому изученію Ромуальдъ Зенкевичъ, издавшій сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ 1851 году [2]). Намъ не встрѣтилось о немъ біографическихъ свѣденій; по указанію г. Безсонова [3]), это былъ почтенный мѣстный учитель, доживавшій свой вѣкъ въ крайней бѣдности и слѣпотѣ. Его отношеніе къ дѣлу было почти столь же простодушное, какъ у Чечота, но онъ пошелъ дальше тѣмъ, что къ своему польскому переводу онъ уже вездѣ прилагаетъ en regard бѣлорусскій подлинникъ, переданный, конечно, по польскому обычаю, польской азбукой. Главная доля сборника состоитъ изъ пѣсенъ надъ рѣками Пиной, Припетью и Цной (болѣе 200, стр. 1—377) и затѣмъ прибавлено нѣсколько пѣсенъ изъ волынскаго Полѣсья, съ Буга, въ окрестностяхъ Любомля. Въ небольшомъ предисловіи онъ указываетъ въ пѣсняхъ прелесть первобытной поэзіи, чуждой всего искусственнаго, и интересъ ихъ, какъ остатка далекой древности: „эти именно соображенія побудили меня къ собиранію народныхъ пѣсенъ, а пріютъ, который — когда лодка моя разбилась — я, во мракѣ вѣчной ночи (намекъ на его слѣпоту), находилъ въ теченіе нѣскольхихъ лѣтъ въ пинскомъ краѣ, въ домѣ князей Іеронимовъ Друцкихъ-Любецкихъ, далъ мнѣ къ этому удобный случай". Пѣсни онъ помѣщалъ „безъ всякихъ измѣненій и передѣлокъ, какъ ихъ слышалъ въ пѣніи"; въ рас-

[1]) Г. Безсоновъ упоминаетъ изъ этого времени еще познанскій сборникъ „изъ околицъ Алексоты", какъ заключающій польскіе переводы „съ литовско-жмудскаго и отчасти бѣлорусскаго", но эта книжка: „Pieśni ludu Nadniemeńskiego z okolic Aleksoty, zebrał i przełożył Karol M. Br....i (Brzostowski). Z dołączeniem do niektórych melodyj". Poznań, 1844. (16°, 129 стр., 51 пѣсня, изъ которыхъ при 8-ми приведенъ литовскій оригиналъ, — и поэма изъ народныхъ преданій) не представляетъ ничего бѣлорусскаго, а только литовское.

[2]) Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zbierał i przekładał Romuald Zieńkiewicz. Kowno, 1851. 8°. XVII (пред. и оглавленіе) и 414 стр.

[3]) Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII.

положеніи—руководился временемъ, когда онѣ поются народомъ, причемъ помѣстилъ и краткое описаніе обрядовъ; но полное объясненіе собиратель оставлялъ историкамъ и археологамъ. Въ переводѣ,—говоритъ онъ,—старался вѣрно передать духъ и внѣшнюю форму подлинника; но самъ сознается, что иной разъ старался придать пѣснямъ, слишкомъ отрывочнымъ, бо́льшую цѣльность — и переводы выходили обширнѣе подлинника. Кое-гдѣ Зенкевичъ уклонился отъ передачи нѣкоторыхъ подробностей, непріятныхъ для польскаго уха, хотя сохранилъ ихъ въ бѣлорусскомъ подлинникѣ пѣсни [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вдается въ небольшія миѳологическія объясненія — его параллели взяты иногда изъ библейскихъ сказаній, а особенно изъ греческой миѳологіи; конечно, объясненія совершенно отрывочны и случайны [2]).

Далѣе, мы встрѣчаемъ еще одну работу Зенкевича: „O урочищахъ и обычаяхъ пинскаго народа и также о характерѣ его пѣсенъ“ [3]): это—заслуживающее вниманія описаніе нѣкоторыхъ урочищъ пинскаго края, связанныхъ съ народными преданьями, и описаніе обычаевъ, колядскихъ, свадебныхъ и пр., служащее комментаріемъ къ пѣснямъ.—Зенкевичъ умеръ въ 1868 г. [4]).

Время съ тридцатыхъ до начала шестидесятыхъ годовъ представляетъ значительное развитіе интереса къ изученію западнорусскаго края. Виленскій университетъ, закрытый послѣ восстанія, въ 1832 г., успѣлъ возбудить умственную жизнь, и Вильна оставалась однимъ изъ главныхъ центровъ польскаго литературнаго движенія, въ которомъ здѣсь участвовали и нѣкоторые изъ бывшихъ профессоровъ университета. Такимъ отголоскомъ прежняго была дѣятельность Чечота. Въ сороковыхъ годахъ Крашевскій издавалъ въ Вильнѣ свой „Атеней“, Киркоръ (съ псевдонимомъ Jan ze Śliwina) издавалъ свои періодическіе сборники

---

[1]) Напр., на стр. 282: звѣздочка свѣтитъ—„nie dla ciebie, wrażу synu, Lasze“; подчеркнутыя слова остались непереведенными. Пѣсня о Гонтѣ, предводителѣ уманьской рѣзни и его казни (стр. 394—398), оканчивается нравоученіемъ (угрозой) не для поляковъ, а для украинцевъ.

[2]) Первый небольшой сборникъ Зенкевича, изъ 34 пѣсенъ, напечатанъ былъ еще въ 1847 году въ „Атенеѣ“ Крашевскаго (Athenaeum, pismo zbiorowe, Wilno, ч. IV, стр. 146—186: „Pieśni ludu, zebrane w Pińszczyznie i przełożone“ и пр.). а еще ранѣе онъ далъ образчикъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ изданіи Киркора: „Radegast“, 1843. Пѣсни „Атенея“ представляютъ нѣкоторые варіанты въ записи, иногда болѣе, кажется вѣрные, чѣмъ въ изданіи 1851 г., иногда—наоборотъ.

[3]) Biblioteka Warszawska, 1852, т. IV, стр. 505—527; продолженія, въ 1853-мъ, у насъ не было подъ руками. Раньше онъ помѣстилъ статью: „O kurhanach i grodziskach powiatu Oszmianskego“, въ „Атенеѣ“ Крашевскаго, 1848, т. V, стр. 119—128.

[4]) Encyklop. Powszechna, Оргельбранда, s. v.

„Radegast“ и „Teka Wileńska“; въ Вильнѣ работали мѣстные изслѣдователи, какъ Ярошевичъ, Балинскій, Киркоръ, гр. Тышкевичъ, Сырокомля и т. д.—трудами которыхъ, особливо первыхъ, обильно пользовались потомъ первые русскіе изслѣдователи исторіи и этнографіи западнаго края. Такъ, Іосифъ Ярошевичъ, авторъ упомянутой раньше книги объ исторіи „Литвы“, бывшій профессоръ виленскаго университета, писалъ о статистикѣ и этнографіи Гродненской губерніи [1]); въ томъ же „Атенеѣ“ Крашевскаго помѣщены были этнографическія свѣденія о жителяхъ кобринскаго уѣзда той же губерніи [2]); извѣстному поэту Сырокомлѣ (Кондратовичу) принадлежитъ монографія о Минскѣ, современномъ и историческомъ [3]); далѣе, изслѣдованія по исторіи и этнографіи края Н. Малиновскаго и особливо Киркора, труды котораго наполовину принадлежатъ русской литературѣ и о которомъ скажемъ еще далѣе. Одно изъ лучшихъ произведеній этой польско-бѣлорусской этнографіи есть книга гр. Евстафія Тышкевича—составившаго себѣ почетную извѣстность археологическими трудами—„Описаніе Борисовскаго уѣзда“ [4]). Книга составлена мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, который собранъ былъ гр. Тышкевичемъ, какъ предводителемъ дворянства (маршалкомъ), подъ его предсѣдательствомъ, и посвящена гр. Л. А. Перовскому, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, какъ ихъ „главному начальнику“, которому „обязаны своимъ развитіемъ всѣ статистическія работы въ имперіи“. Книга даетъ подробное и весьма обстоятельное описаніе по тѣмъ предметамъ, какіе указывались тогдашними статистическими программами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ отдѣлѣ этнографическомъ, быть можетъ, давала даже больше, чѣмъ тогда требовалось этими программами.

---

[1]) Materjały do statystyki i etnografii Gubernji Grodzieńskiej. Powiat Bielski,—„Athenaeum“, 1848, т. VI, стр. 168—186. Здѣсь, между прочимъ, замѣтки о народномъ бытѣ бѣлоруссовъ, о тяжеломъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ государственными, два образчика пѣсенъ, указаніе на другіе образчики въ книгѣ Войцицкаго, 1836, и въ 1-мъ выпускѣ „Ondyny“ друскеницкой, 1846.—Вѣроятно, эта статья Ярошевича („Статистико-этногр. свѣденія о Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи“) явилась по-русски въ „Гродн. Губ. Вѣдом.“ 1848, 20—22.

[2]) Kilka zarysów z życia ludu wiejskiego w Kobryńskiem. Przez K.,—„Athenaeum“, 1850, ч. IV, стр. 165—187.

[3]) Mińsk, „Teka Wileńska“, 1857, № 1, стр. 173—232; № 2, стр. 133—204. Въ исторіи этого края Сырокомля считаетъ, что Слово о полку Игоревѣ есть поэма бѣлорусская и что Баянъ жилъ именно въ Минскѣ; см. „Teka“, I, стр. 208.

[4]) Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, hospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o Obyczajach, Spiewach, Przysłowiach i Ubiorach ludu, Guslach, Zabobonach i t. d. Wilna, 1847. 446 и 43 стр. 8⁰.

За свѣденіями статистическими (о пространствѣ, границахъ, населеніи и пр.), помѣщены историческій свѣденія о судьбѣ края отъ древнихъ до новыхъ временъ, археологическіе остатки, свѣденія о городѣ и мѣстечкахъ, церквахъ православныхъ и католическихъ; геогностическое и естественно-историческое описаніе края; далѣе, описаны хозяйство, хлѣбныя растенія, промыслы; свѣденія медицинскія; образованіе, научныя собранія,—наконецъ, народная жизнь (стр. 286—446). Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщено множество любопытныхъ данныхъ, описаній обрядовъ съ сопровождающими ихъ пѣснями. Здѣсь выдѣлены особенно двѣ статьи: обряды деревенскаго народа съ береговъ Березины, наблюдавшіеся и собранные въ Побережьѣ и Скуплинѣ въ 1846 г., Е. М., и свадебные обряды въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ приходѣ Гаенскомъ, наблюдавшіеся въ 1800, 1801 и 1802 гг. съ нѣкоторыми пѣснями; это послѣднее есть работа Игн. Шидловскаго, перепечатанная изъ его журнала 1819 г. [1]). Далѣе, описаніе обрядовъ жнивныхъ съ ихъ пѣснями; народное чарованіе, суевѣрія, примѣты; собраніе пословицъ, расположенныхъ по рубрикамъ бытовыхъ отношеній и нравственныхъ понятій.

Въ западномъ краѣ и послѣ паденія польскаго государства шла та же польская жизнь, въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, даже подкрѣпленная русскою властью. Такъ, напр., здѣсь, какъ и на Украйнѣ, польское крѣпостное право надъ русскими крестьянами пріобрѣло болѣе спокойную прочность; іезуитство было уничтожено въ 1773 въ Польшѣ, но въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, оно было сохранено наперекоръ папской буллѣ, потому что іезуиты съумѣли здѣсь выставить себя вѣрнѣйшими подданными, и въ то время, когда въ самой Польшѣ (до послѣдняго раздѣла) началось и сильно развивалось движеніе въ болѣе новомъ просвѣтительномъ духѣ, въ западномъ краѣ еще долго господствовала іезуитская школа въ старомъ духѣ. Высшіе классы оставались и подъ русскимъ владычествомъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и судьба народа оставалась та же. Но образовательное движеніе, начавшееся въ Польшѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, распространилось и сюда и выразилось основаніемъ виленскаго университета; и съ развитіемъ новой литературы, гдѣ, какъ упомянуто, нашла мѣсто довольно распространенная (хотя неглубокая) народно-романтическая струя, умственная жизнь получила новую складку: возникъ интересъ къ народнымъ массамъ. Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ гро-

[1]) Tygodnik Wileński, 1819, т. VII, стр. 1 и 81.

мадномъ большинствѣ чужды польской національности—русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ-либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти иныя средства просвѣщенія, кромѣ польскихъ, и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ польскаго. Рядомъ съ этимъ была—часто горячая—любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенности, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чуждъ былъ и народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ; многіе изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „застѣнковой“, „околичной“, шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни,—и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій“, но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій—по любви къ территоріальной родинѣ и ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самого бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, его поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ и считался... Мы замѣчали уже, что въ этомъ взглядѣ на западный край, какъ на край польскій, у насъ видятъ неисправимую злонамѣренность польскихъ патріотовъ, и повторимъ, что съ другой стороны, напротивъ, по вѣковой исторической судьбѣ края они весьма естественно приходили къ этой точкѣ зрѣнія: польская цивилизація, католицизмъ или унія, польскій языкъ и, наконецъ, польскій патріотизмъ казались единственнымъ результатомъ, какой могъ предстоять народнымъ массамъ этого края... Намъ самимъ представляется обыкновенно, что или государство, или ходъ просвѣщенія должны только объединять инородные элементы подъ русское цѣлое; то же самое казалось полякамъ: сначала они объединяли государственной силой, потомъ присоединялась къ ней сила культурная, и послѣ паденія государства эта послѣдняя оставалась, и дѣйствительно — вслѣдствіе разныхъ условій, и между прочимъ нашего собственнаго призна-

нія и содѣйствія—оказывала свое дѣйствіе. Съ XVI-го вѣка, и даже раньше, культурная жизнь инородныхъ областей Польши складывалась въ польскую форму; теперь, при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, продолжалось то же: польская литература украшалась именами „литвина“ Мицкевича, „украинцевъ“ Богдана Залѣсскаго, Гощинскаго, „бѣлоруса“ Сырокомли и т. д., и если полякамъ трудно было увѣриться, что для Украйны окончательно наступилъ иной періодъ и путь развитія, то для бѣлорусской народности они такого пути не видѣли: она оставалась въ сферѣ польскаго культурнаго господства,—и сами русскіе долго не подозрѣвали возможности и необходимости наступленія иныхъ отношеній.

Въ сороковыхъ годахъ, когда совершались упомянутые польскіе этнографическіе труды по изученію бѣлорусскаго края, мѣстные патріоты говорили о „бѣлорусской литературѣ“, радовались ея возникновенію и желали ей успѣховъ. Какая же это была литература?—Всего меньше она была на бѣлорусскомъ языкѣ: она понималась, главнымъ образомъ, территоріально; это была литература польская, относившаяся къ Бѣлоруссіи, изображавшая ея природу, нравы и обычаи, передававшая мѣстныя черты и особенности—и въ томъ числѣ она касалась народнаго, а иногда вмѣщала въ себѣ и сочиненія на бѣлорусскомъ языкѣ. Словомъ, это была польская провинціальная литература. Ея начатки возникали въ самой средѣ обыденной жизни; въ частныхъ явленіяхъ мѣстнаго быта находился матеріалъ для легкой беллетристики, шутки и домашней сатиры; часто эта литература была письменная, ходила по рукамъ, любопытная и иногда только туземцамъ понятная; иной разъ она касалась и народной жизни; наконецъ, эти попытки выступали и на обще-литературную сцену... Не вдаваясь въ ея подробности, укажемъ два-три примѣра.

Этотъ мѣстный интересъ сталъ сказываться еще съ конца прошлаго столѣтія, и любопытно, что однимъ изъ первыхъ его проявленій была здѣсь, какъ и въ малорусской литературѣ, Энеида наизнанку, переложенная на бѣлорусскіе народные нравы и на бѣлорусскомъ языкѣ. Авторомъ этой „Энеиды“ былъ нѣкто Маньковскій, проживавшій въ Могилевѣ и бывшій потомъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. По словамъ польскаго мѣстнаго историка, эта поэма, изображающая, подъ видомъ героевъ Виргиліевой поэмы, бытъ богатыхъ бѣлорусскихъ хлоповъ,—чисто народна по своему духу и формѣ, и представляетъ совершеннѣйшій образецъ бѣлорусской шутки и юмора, и вмѣстѣ чистѣйшій образецъ бѣлорус-

скаго языка „Энеида“ Маньковскаго пользовалась великой популярностью въ средѣ мелкой шляхты, ходила въ рукописяхъ, стихи ея заучивались, но о самомъ авторѣ извѣстно было (и, кажется, осталось) очень мало [1].

Опуская другихъ писателей польскихъ, которые изображали бѣлорусскій край и его жизнь, какъ Каз. Буйницкій, Александръ Гроза, Лада-Заблоцкій и другіе, упомянемъ еще о писателѣ, котораго бѣлорусско-польскіе мѣстные патріоты называли въ сороковыхъ годахъ „львомъ“ этой литературы. Это былъ Янъ Барщевскій, род. въ 1794 г. Бѣлорусскій уроженецъ (его родина — витебская губ.), онъ принадлежалъ къ той многочисленной, но бѣдной шляхтѣ этого края, которая, по словамъ его польскаго біографа, „не имѣя сознанія о своей сущности, имѣетъ наиболѣе народныхъ жизненныхъ элементовъ и сохраняетъ съ несглаженнымъ цивилизаціею характеромъ наиболѣе народныхъ воспоминаній. Этотъ бѣдный классъ шляхты, имѣющій такія близкія связи съ классомъ народа сельскаго, что почти сливается съ нимъ, представляетъ собой переходъ и соединеніе этихъ двухъ сословій“,— которымъ Барщевскій и посвятилъ свое перо. Онъ учился въ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ, и еще въ школѣ пріобрѣлъ репутацію стихотворца, и писалъ стихотворенія и „ораціи“ на торжественные школьные случаи; возвращаясь домой на вакаціи, онъ занимался стихотворствомъ другого рода, писалъ шуточные стихи и каррикатуры, которые очень нравились, такъ что бѣдный поэтъ былъ желаннымъ гостемъ у „застѣнковой“ шляхты своего края, которая вознаграждала его творчество натурой—мѣрой гороху, пшеницы и т. п. Эта самая шляхта доставила ему типы, которые онъ изображалъ потомъ въ своихъ повѣстяхъ; нѣкоторые его стихи, на бѣлорусскомъ языкѣ, пріобрѣтали большую популярность, расходились „по всей Бѣлоруссіи“ (говоритъ его біографъ) и, „наравнѣ съ Маньковскимъ, ставили его во главѣ истинно народныхъ бѣлорусскихъ писателей“. Онъ отправился потомъ въ Петербургъ, былъ гувернеромъ, учителемъ греческаго и латинскаго языковъ, а лѣтомъ уходилъ пѣшкомъ въ свою Бѣлоруссію; съ нимъ, въ шапкѣ, были его тетрадки, писанныя стариннымъ почеркомъ и старинной орѳографіей; свое время проводилъ онъ въ народной и полу-народной мелко-шляхетской средѣ, которую зналъ совершенно. Свою печатную литературную дѣятельность онъ началъ изданіемъ періодическаго сборника „Niezabudka“,

[1]) Отрывокъ этой поэмы напечатанъ былъ въ „Маякѣ“, 1845, т. XXIII, Смѣсь, стр. 33—39: „Отрывокъ изъ Энеиды на изнанку на бѣлорусскомъ крестьянскомъ нарѣчіи“.

которому приписываютъ ту заслугу, что онъ будилъ интересъ къ литературѣ въ томъ кругу, гдѣ до тѣхъ поръ единственнымъ чтеніемъ были календари. Барщевскій началъ стихотворными балладами изъ народнаго быта и преданій и затѣмъ перешелъ къ разсказамъ, которые составили основаніе его литературной репутаціи. Польскіе критики сороковыхъ годовъ ставили его очень высоко [1]).

Съ нынѣшней и русской точки зрѣнія, разсказы Барщевскаго, пожалуй, не представятъ такихъ достоинствъ, какія видѣлись польскимъ критикамъ; изображенія быта не идутъ глубоко, отношеніе къ народу остается покровительственное — но и неясное; нѣтъ того непосредственнаго интереса къ народу, который былъ бы нуженъ и для цѣлей искусства, и диктовался бы мыслью о соціальномъ положеніи народа. Но въ тогдашнихъ условіяхъ, когда и въ русской литературѣ только еще готовилось это простое, гуманно-реальное представленіе народа въ понятіяхъ общественныхъ и художественныхъ, и когда польская литература была еще болѣе далека отъ подобнаго представленія, разсказы Барщевскаго могли явиться любопытною новостью, пріятною для мѣстныхъ патріотовъ изображеніями быта ихъ родины, а также пріятною и для тѣхъ, кто уже думалъ, что должны установиться иныя, болѣе человѣчныя отношенія къ хлопству. Разсказы построены очень просто: авторъ пріѣзжаетъ на родину и живетъ у своего дяди, шляхтича Завальни, мѣстнаго старожила, знающаго весь околодокъ, и встрѣчаетъ у него разнородныя лица, которыя и проходятъ въ разсказѣ съ цѣлымъ рядомъ исторій, рисующихъ мѣстную жизнь, народные нравы, суевѣрія и т. п. Разсказъ ведется въ тонѣ добродушнаго юмора, съ образчиками народной рѣчи и пѣсни [2]).

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ выступалъ съ своими сочиненіями на бѣлорусскомъ языкѣ мѣстный патріотъ Винцентій Дунинъ-Марцинкевичъ, котораго одна пьеса на бѣлорусскомъ языкѣ давалась даже въ Минскѣ на сценѣ съ большимъ успѣхомъ [3]).

---

[1]) См. собраніе разсказовъ Барщевскаго: Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach przez Jana Barszczewskiego. Poprzedzone krytycznym rzutem oka na literaturę Białoruską przez Romualda Podbereskiego. Wydał Jan Eynerling. Petersburg, 1844--1846, 4 книжки. Ср. письмо Головинскаго къ Мих. Грабовскому, „Pielgrzym", 1848, т. II, іюнь.

[2]) Имя этого писателя появлялось тогда и въ русской литературѣ; см. „Очерки сѣверной Бѣлоруссіи", Яна Барщевскаго, въ „Иллюстраціи", 1846, № 10.

[3]) Это была „Sielanka", комедія въ 2 д., Вильно, 1846. Затѣмъ имъ были изданы „Hapon, powieść białoruska, z prawdiwego zdarzenia, w jezyku białoruskiego ludu

Въ художественномъ отношеніи произведенія его не требуютъ критики; они любопытны только какъ бытовая черта. Въ предисловіи къ своему „Гапону“, авторъ объясняетъ, что въ своей пьесѣ „имѣлъ въ виду, чтобы наши обыватели, въ выборѣ на помощь себѣ оффиціалистовъ (управляющихъ), обращали попечительное вниманіе на ихъ характеръ и нравы: потому что они, злоупотребляя иногда ввѣренной имъ властью, для собственныхъ выгодъ притѣсняютъ трудолюбивый народъ и черезъ это, часто самымъ невиннымъ (т.-е., вѣроятно, со стороны самихъ пановъ) образомъ, навлекаетъ на пановъ его ненависть... И для того также я писалъ на языкѣ крестьянъ, чтобы пьеса, иной разъ прочитанная имъ въ праздничный день, могла привлечь ихъ сердца къ панамъ и тѣснѣе соединить ихъ интересомъ общей выгоды, и вмѣстѣ, чтобы уничтожить то, какъ будто врожденное, отвращеніе, съ какимъ нашъ крестьянинъ относится къ служенію краю“. — Въ примѣръ для крестьянъ и въ совѣтъ помѣщикамъ выставляется, напр., трудолюбивый и добродѣтельный „хлопекъ“, который получаетъ отъ пана награду; авторъ пишетъ на бѣлорусскомъ языкѣ особое „повиншованіе“, въ стихахъ, которымъ „войтъ Наумъ“ поздравляетъ панну въ день ея именинъ и т. п.

Прибавимъ еще, что тотъ же Марцинкевичъ сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Пана Тадеуша“ (первая часть, Вильно, 1856). Другой польско-бѣлорусскій писатель, Даревскій-Верига, кромѣ собственныхъ сочиненій, сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Конрада Валленрода“, оставшійся, впрочемъ, ненапечатаннымъ. По словамъ Киркора, „извѣстный польскій поэтъ Сырокомля (Людвигъ Кондратовичъ) не только отлично зналъ языкъ бѣлорусскій, но зналъ народъ, любилъ его, понималъ его нужды, его желанія, проникалъ всю глубину его чувства, зналъ его преданія, поговорки. Поэтому не удивительно, что его бѣлорусскія пѣсни особенно любимы народомъ. Ихъ поютъ вездѣ, хотя немногіе уже знаютъ, кто былъ ихъ авторомъ“ [1]).

---

napisana. Mińsk, 1855 (здѣсь же и другія стихотворенія и пьеса на польскомъ языкѣ); „Wieczernice“, тамъ же, 1855; „Ciekawyś?—przeczytaj“, 1856, гдѣ, кромѣ польскаго стихотворства, помѣщена: „Kupałła, powiastka ludowa, w białoruskiem narzeczu“; „Dudarz białoruski, czyli wszystkiego potrosze“. Mińsk, 1857, гдѣ опять, среди польскихъ пьесъ, помѣщены „Szczeróuskije Dożynki“, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Шпилевскій упоминаетъ о „Селянкѣ“ Марцинкевича какъ объ „извѣстной народной опереткѣ“ („Пантеонъ“, 1854, т. XV, стр. 51).

[1]) „Живописная Россія“, изд. Вольфа, т. III, 1882, стр. 327. Одинъ изъ писателей этой бѣлорусско-польской литературы, Казимиръ Буйницкій, издавалъ въ 40-хъ годахъ въ Вильнѣ періодическій сборникъ: „Rubon, pismo zbiorowe, poświęcone pożytecznéj rozrywce“, гдѣ было дано мѣсто и интересу народно-поэтическому. Здѣсь

Въ 1858 году, кружокъ польско-бѣлорусскихъ писателей издалъ „Альбомъ“ по случаю прибытія въ Вильну императора Александра II, гдѣ были выражены мѣстныя патріотическія чувства и добрыя пожеланія. Въ „Альбомѣ“, который поднесенъ былъ императору Кирворомъ и другими лицами, приняли участіе Одынецъ, помѣстившій свое стихотвореніе, и, между прочимъ, Викентій Коротынскій, написавшій здѣсь стихотвореніе отъ имени народа на бѣлорусскомъ языкѣ. Нѣтъ повода сомнѣваться, что это настроеніе было искреннее: по крайней мѣрѣ крайніе польскіе патріоты возстали противъ виленскаго „Альбома“, какъ противъ измѣны [1]).

Съ другой стороны бѣлорусскій языкъ послужилъ и для другого рода литературы: въ 1862 году ходила по рукамъ книжка „съ политической тенденціей“, вѣроятно, въ духѣ возстанія [2]).

Не будемъ останавливаться на другихъ явленіяхъ этой „бѣлорусской“ литературы [3]): мы имѣемъ въ ней вообще отраженіе польскаго взгляда на западный край, какъ на составную часть и польской территоріи, и польской національности, и только въ самое послѣднее время, передъ польскимъ возстаніемъ, стало возникать представленіе о болѣе сложномъ характерѣ этого края, гдѣ требовалъ себѣ вниманія и своего права элементъ народно-русскій.

участвовали, между прочимъ, извѣстный польскій критикъ и этнографъ Мих. Грабовскій (большая статья: O gminnych ukraińskich podaniach, т. VI, 1845, стр. 145—218, главнымъ образомъ, на основаніи неизданныхъ собраній г. Кулиша), Киркоръ (Jan ze S.), Чечотъ (стихотворенія), гр. Платеръ (по археологіи), и др. Въ V-мъ томѣ этого сборника, 1845, помѣщена статья: Rzut oka na poezję ludu Biało-ruskiego (стр. 35—82; подпись: Ign. Chr. . ., 1843, въ Кохановичахъ—витебской губ.); здѣсь, кромѣ попытки характеристики бѣлорусской народной поэзіи, помѣщено нѣсколько образчиковъ пѣсенъ. См. также пѣсни въ III-мъ томѣ, котораго мы не имѣли въ рукахъ.

[1]) Извѣстный польскій публицистъ того времени, Юліанъ Клячко, издалъ по этому случаю рѣзкій памфлетъ: „Odstępcy“; другой патріотъ, Корнелій Уейскій, нѣсколько позднѣе авторъ знаменитой революціонной пѣсни „Z dymem pożarów“, написалъ не менѣе ожесточенное нападеніе, гдѣ караетъ Одынца, Игнатія Ходзьку, Николая Малиновскаго, Киркора и кстати Коротынскаго. См. „Dziennik Literacki“, 1860, и въ отдѣльномъ изданіи: „Listy z pod Lwowa. Pierwsze trzy głosy“, Kornela Ujejskiego. Lipsk, 1861 („O Albumie Wilenskim“, стр. 11—20).

[2]) Книжка называлась „Hutorki staroho dzieda“; см. статью г. Ельскаго о бѣлорусской этнографіи въ газетѣ „Chwila“, 1886, № 20.

[3]) Онѣ перечислены вкратцѣ въ той же статьѣ Киркора въ „Живописной Россіи“, т. III, стр. 326—328.

IV.

Рѣзкій поворотъ въ судьбѣ бѣлорусской этнографіи начинается, какъ мы упоминали выше, съ послѣдняго польскаго возстанія. Въ русскомъ обществѣ, можно сказать, въ первый разъ явилось тогда болѣе или менѣе отчетливое представленіе о западномъ краѣ, какъ о русскомъ, и лишь около того времени началось первое внимательное и научнымъ образомъ поставленное изслѣдованіе западно-русской вѣтви русской народности. Это было новое, послѣ уничтоженія уніи, „возсоединеніе“ западнаго края съ русскимъ центромъ; къ сожалѣнію, дѣло, поднятое въ 1863 году въ исключительныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ остается натянутымъ, неяснымъ и обоюднымъ. Интересъ общества къ западно-русскому вопросу не былъ, или не могъ быть, полный: въ сущности онъ былъ поставленъ только съ тѣсно политической точки зрѣнія, почти исключительно въ смыслѣ анти-польскихъ репрессалій, и собственно народно-общественная сторона дѣла не нашла въ то время, да и послѣ, возможности выясниться и высказаться...

Упомянутое возсоединеніе русской народности было, конечно, очень запоздалое: главныя части бѣлорусскаго края почти уже сто лѣтъ находились въ соединеніи съ имперіей, и можно было бы ожидать, что національные инстинкты раньше окажутъ свое дѣйствіе и произведутъ то сліяніе, о которомъ стали такъ много говорить съ 60-хъ годовъ. Но причины этой запоздалости весьма понятны. Частью мы ихъ указывали выше. Сліяніе возможно лишь тогда, когда для него работаютъ не однѣ внѣшнія, но и внутреннія силы, не только политическія, но и общественныя, народныя, образовательныя. Между тѣмъ, какъ мы видѣли раньше, сама власть долгое время смотрѣла на западный край какъ на вполнѣ или наполовину польскій, и такъ-называемый культурный, а вмѣстѣ и владѣльческій классъ былъ въ самомъ дѣлѣ польскій или полонизованный до такой степени, что русская доля его была почти незамѣтна, оставалась почти безъ вліянія. Русское общество, до конца 50-хъ годовъ, было почти чуждо западно-русскому вопросу: оно не имѣло никакого голоса въ предметахъ, имѣвшихъ какой-нибудь политическій оттѣнокъ, и занято было тѣми заботами своего внутренняго развитія, какія оставались ему доступны и которыя, сами по себѣ, были слишкомъ серьезны, настоятельны и требовали не малыхъ усилій, — между тѣмъ западно-русскій вопросъ былъ именно политическій и народно-общественный. Говорить о „народѣ“ въ сколько-нибудь широкомъ

и серьезномъ смыслѣ этого слова не было возможности до тѣхъ поръ, пока нельзя было коснуться его существенной стороны — крѣпостного права. Въ западномъ краѣ народный вопросъ былъ въ особенности вопросъ крѣпостной, тѣмъ болѣе мудреный, что владѣльческой стороной являлся классъ иноплеменный или почти иноплеменный. По всѣмъ обстоятельствамъ времени вопросъ оставался недоступнымъ для общественнаго мнѣнія, а вмѣстѣ для литературы,—говорить о бѣлорусскомъ народѣ, какъ и принимать слишкомъ близко къ сердцу интересы народа русскаго (великорусскаго) значило бы прежде всего говорить о крѣпостномъ правѣ, о правѣ народа на лучшее гражданское положеніе, на школу и т. д. Не мудрено, что до начала новаго царствованія научный и общественный интересъ русскаго общества къ западному краю оставался отрывочнымъ и поверхностнымъ; не мудрено также, что первая, болѣе широкая мысль о предметѣ явилась только тогда, когда, при польскомъ возстаніи 1862 — 1863 года, оказалось, что небреженіе къ народному положенію западнаго края можетъ повлечь къ политической опасности или, по крайней мѣрѣ, къ политическому затрудненію и неудобству...

Одной изъ первыхъ и едва ли не первой русской книгой о западномъ краѣ былъ оффиціальный путеводитель, изданный по поводу путешествія въ Бѣлоруссію императрицы Екатерины въ 1780 году [1]). Книга начинается географическимъ описаніемъ мѣстностей и городовъ, лежащихъ на пути изъ Петербурга въ Бѣлоруссію (Красное Село, Ямбургъ, Нарва и пр.), и затѣмъ переходитъ къ описанію Бѣлоруссіи по тогдашнимъ намѣстничествамъ (полоцкое и могилевское) и ихъ уѣздамъ.

„Сія новая страна, — говорится здѣсь о Бѣлоруссіи, — коей краткое описаніе здѣсь слѣдуетъ, присоединена паки къ Россіи подъ благополучнымъ и славнымъ царствованіемъ Екатерины II. Названіе *Бѣлоруссіи* или *Бѣлой Россіи* разные писатели различно производятъ; иные думаютъ, что сіе названіе произошло отъ снѣговъ; другіе—отъ обыкновенія восточныхъ народовъ называть Россійскихъ государей *бѣлыми царями;* иные же—отъ освобожденія податей (ибо всѣ неплатежныя земли изъ стари въ *Россіи* назывались *Бѣлыми землями*), когда сія страна под-

---

[1]) „Топографическія примѣчанія на знатнѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества. 1780. При Спб. Импер. Акад. Наукъ". Мал. 8°. Было сдѣлано заразъ два изданія: одно, снабженное гравюрными орнаментами—147 стр., другое, лишь съ немногими украшеніями—133 стр., но оба печатаны однимъ наборомъ. Описаніе Бѣлоруссіи—стр. 42—121 по первому изъ этихъ изданій.

пала *Литовскому* владѣнію; но всѣ сіи догадки неосновательны,— снѣгами не одна Бѣлоруссія покрывается; въ нашествіе татаръ на *Россію* прочія ея области не были симъ именемъ названы; отъ бѣлой или безоброчной земли тѣмъ менѣе производить можно, что Литва не могла попустить покоренной оружіемъ землѣ быть отъ всѣхъ податей свободною; въ свойствѣ же или цвѣтѣ земли нѣтъ никакого различія отъ окольныхъ странъ. И такъ, вѣроятно, что сіе названіе дано произвольно сей завоеванной части отъ *Литвянъ* въ 14-мъ столѣтіи для различія отъ прочихъ странъ Россіи, какъ-то: *Великой, Малой* и *Червонной Россіи*". Нѣкогда эта страна принадлежала русскимъ великимъ князьямъ, потомъ Россія была расхищена на части, но русскіе государи, начиная съ вел. князя Іоанна Васильевича, „начали паки присоединять оторванныя части" — княжества черниговское, сѣверское, Смоленскъ; наконецъ, въ 1772 г., „все обстоятельствами временъ потерянное пріобщено и утверждено подъ державу Екатерины II". „Премудрыя узаконенія, утвердившія въ Россіи правосудіе... и показавшія всякому состоянію прямой свой долгъ, прямыя свои выгоды и прямыя свои упражненія" (и между прочимъ доставившія „обществу дворянъ существенныя ихъ преимущества"), теперь „озарили и новопріобрѣтенныя области",—внутренняя жизнь которыхъ подъ прежнимъ (польскимъ) владѣніемъ изображается самыми мрачными красками.

Названная книжка сообщаетъ о возвращенномъ русскомъ краѣ только внѣшнія топографическія и историческія свѣденія, мало останавливаясь на вопросѣ о русскихъ свойствахъ населенія и его быта, что́ вообще забывалось тогда, за соображеніями политическими. Заѣзжіе русскіе, которымъ случалось бывать въ краѣ проѣздомъ и по службѣ, видѣли иногда и эту сторону западно-русскаго быта [1]), но въ литературѣ этотъ предметъ оставался незатронутымъ; и какъ мало даже въ образованномъ кругу понимались эти народныя отношенія Бѣлоруссіи, примѣръ этому мы указывали выше въ Запискахъ академика Севергина, которому край казался просто польскимъ, а его православные жители—„схизматиками".

Въ концѣ концовъ, положеніе вещей должно было, однако, выясниться, и когда это выясненіе не достигалось средствами общественности, на него наводили научное изслѣдованіе — исторія и этнографія. Мы упоминали выше, что въ нашихъ журна-

[1]) См., напр., Записки Добрынина, Мертваго и др., изданныя, впрочемъ, только въ новѣйшее время.

лахъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, начинаютъ появляться отдѣльныя этнографическія свѣденія о западномъ краѣ, взятыя изъ мѣстныхъ польскихъ источниковъ. Что касается до изслѣдованій историческихъ, то русская наука уже скоро заняла въ этомъ предметѣ самостоятельное положеніе. Древность западнаго края для историковъ польскихъ не могла не представляться болѣе или менѣе чуждой. Западный край вступаетъ въ политическія связи съ Польшей лишь съ конца XIV столѣтія, а тѣснѣе сближается съ нею только съ конца XVI столѣтія, съ люблинской уніи; русскій языкъ, какъ извѣстно, оставался въ литовскомъ княжествѣ языкомъ оффиціальнымъ и придворнымъ и держался въ административномъ употребленіи даже въ XVII столѣтіи, но полякамъ онъ оставался чуждымъ — для нихъ край и его жизнь становились близки и понятны лишь съ распространеніемъ польскаго управленія, нравовъ, языка и католической церкви; собственно русское стало казаться все больше и больше провинціализмомъ и простонародностью. Между тѣмъ для историка русскаго западно-русская старина могла быть съ самаго начала совершенно доступна и понятна; о ней говорила та же старая лѣтопись, которая говорила о Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Галичѣ, потомъ Твери, Москвѣ, и т. д.; старый лѣтописецъ говоритъ о русскихъ племенахъ древняго западнаго края наравнѣ со всѣми другими русскими племенами; князья, владѣвшіе этимъ краемъ, были тѣ же князья Рюрикова рода; здѣсь была та же православная русская церковь, тотъ же народъ и языкъ, словомъ, это была естественная составная часть древняго русскаго цѣлаго. Такъ дѣло и было излагаемо въ „Исторіи“ Карамзина. Десятые и двадцатые года нынѣшняго столѣтія отличались особеннымъ возбужденіемъ историческаго интереса къ старинѣ, отчасти подъ вліяніемъ Карамзина, отчасти независимо отъ него, параллельно и въ помощь ему; историческія, филологическія и археологическія разысканія Калайдовича, Востокова, Малиновскаго, Арцыбышева, Успенскаго, нѣмцевъ Эверса, Круга, Лерберга и т. д., все больше и больше расширяли горизонтъ русской исторіографіи и, между прочимъ, сторону западнаго края. Въ этомъ послѣднемъ направленіи уже съ двадцатыхъ годовъ началъ работать извѣстный бѣлорусскій ученый, протоіерей Иванъ Григоровичъ, поддерживаемый знаменитымъ канцлеромъ Румянцовымъ. Протоіерей Григоровичъ (1792—1852) былъ сынъ православнаго священника въ г. Пропойскѣ (потомъ въ Гомелѣ), могилевской губерніи; онъ не былъ собственно бѣлоруссъ (отецъ его былъ родомъ изъ Малороссіи), но онъ выросъ въ западномъ

краѣ, учился потомъ въ петербургской духовной академіи, откуда снова вернулся на родину; здѣсь онъ былъ назначенъ священникомъ и начальникомъ духовной школы въ мѣстечкѣ Гомелѣ (впослѣдствіи уѣздный городъ), принадлежавшемъ тогда графу Румянцову. Въ 1831 году онъ былъ переведенъ въ Петербургъ священникомъ—сначала въ финляндскій полкъ, потомъ къ церкви Аничковскаго дворца, былъ сдѣланъ членомъ россійской академіи и Археографической коммиссіи вскорѣ послѣ основанія этой послѣдней. Еще при поступленіи въ духовную академію Григоровичъ былъ извѣстенъ Румянцову, который назначилъ ему стипендію. Григоровичъ хорошо зналъ древніе языки и пристрастился къ занятіямъ русской древностью, которымъ, вѣроятно, помогла хорошая классическая школа. Живя студентомъ въ Петербургѣ, онъ бывалъ въ ученомъ обществѣ Румянцова и, вернувшись въ Бѣлоруссію, продолжалъ свои ученыя занятія и сношенія съ извѣстнѣйшими тогда филологами и археологами, какъ митрополитъ Евгеній, Калайдовичъ, Лобойко, Зубрицкій и др. Въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ сочиненіе по исторіи западно-русской церкви, оставшееся ненапечатаннымъ, а затѣмъ рѣшился собрать древніе акты, относящіеся къ исторіи западнаго края; при помощи Румянцова, онъ получилъ разрѣшеніе осмотрѣть могилевскіе архивы, нѣсколько грамотъ доставилъ ему Румянцовъ, и изъ этого матеріала составилось изданіе, первая (и единственная) часть котораго вышла въ 1824 году [1]). Собранные здѣсь акты, на русскомъ и польскомъ языкѣ, простираются отъ половины XV до XVII вѣка, и трудъ Григоровича былъ у насъ первымъ опытомъ обратиться къ самымъ источникамъ западно-русской исторіи, въ ея средніе вѣка, опытомъ, который впослѣдствіи продолженъ былъ массою изданій историческихъ актовъ западнаго края и гдѣ опять Григоровичъ работалъ раньше другихъ въ Археографической коммиссіи. Въ Петербургѣ, въ 1834 году, онъ издалъ „Переписку папъ съ русскими государями“ и сочиненія знаменитаго бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго (который, по матери, приходился ему двоюроднымъ дѣдомъ), а вступивъ въ Археографическую коммиссію, работалъ преимущественно надъ двумя вещами—дополненіемъ иностранныхъ документовъ о Россіи, собранныхъ А. И. Тургеневымъ, и редакціей древнихъ русскихъ актовъ, особливо актовъ, относящихся къ западной Россіи [2]). Наконецъ, о. Гри-

---

[1]) Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. Часть 1-я. Москва, 1824, 4°. Книга издана была гр. Румянцовымъ.

[2]) Григоровичу принадлежитъ редакція первыхъ четырехъ томовъ этого изданія археогр. коммиссіи; надъ пятымъ онъ началъ работать.

горовичъ занимался составленіемъ бѣлорусскаго словаря; только часть его была напечатана до его смерти [1]).

Великая заслуга этой дѣятельности не требуетъ большихъ объясненій. Исторія—за отсутствіемъ другихъ средствъ общественнаго сознанія — оставалась однимъ изъ главныхъ основаній для пониманія судьбы и положенія современнаго наличнаго народа; изученіе исторіи должно было опереться на первыхъ источникахъ, и надъ этими источниками работалъ Григоровичъ. Иное изъ нихъ уже являлось въ польской литературѣ, гдѣ бѣлорусскіе памятники издавались въ польской переписи, какъ еще въ прошломъ столѣтіи сдѣланъ былъ сборникъ старыхъ польскихъ (и западно-русскихъ) государственныхъ актовъ, какъ теперь явился „Latopisiec Litwy i Kronika ruska“ въ первомъ изданіи Даниловича (Вильна, 1827) или „Zbiór praw Litewskich“, Дзялынскаго (Познань, 1836) и т. д., и нужно было, наконецъ, издать подобные памятники въ ихъ подлинномъ видѣ и въ болѣе полномъ собраніи. Необходимъ былъ и словарь бѣлорусскій, чтобы выяснить окончательно вопросъ о характерѣ языка, который поляки хотѣли понимать или какъ лингвистическую смѣсь, или даже какъ простое мѣстное нарѣчіе польскаго языка, и который для русскихъ оставался, въ сущности, неясенъ до словарныхъ работъ Носовича и до новѣйшихъ изслѣдованій о его звукахъ и формахъ... Но труды Григоровича оставались только спеціальными, подготовительными трудами и началомъ для дальнѣйшей научной разработки предмета, а въ его представленіяхъ о языкѣ была еще немалая неопредѣленность и неточность... Труды Григоровича, какъ выше замѣчено, были началомъ тѣхъ обширныхъ изданій, которыя сдѣланы были потомъ археографическими коммиссіями въ Петербургѣ, Вильнѣ, а также и Кіевѣ. Объ изслѣдованіяхъ по языку, Носовича и другихъ, скажемъ далѣе.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ изслѣдованія о Бѣлоруссіи были все еще скудны. Въ основанномъ тогда „Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ“, который велся тогда Надеждинымъ, и въ подобномъ изданіи министерства государственныхъ имуществъ стали появляться небольшія статьи о западномъ краѣ съ оффиціальными свѣдѣніями статистическими и особливо хозяйственными,—но очень мало статей общихъ, которыя могли бы служить не для одной характеристики внѣшняго быта, но и для

[1]) Планъ этого словаря, въ сокращеніи, напечатанъ былъ въ „Отчетѣ“ II-го отдѣленія академіи за 1848 г., а вполнѣ—въ его біографіи („Очеркъ жизни протоіерея I. I. Григоровича“, Н. Григоровича, въ „Странникѣ“, 1861, т. II, стр. 303 — 338), стр. 332—337, прим.

объясненія мѣстныхъ общественныхъ и народныхъ отношеній. Статьи послѣдняго рода рѣдки. Таковы были, напр., „Замѣтки о Бѣлоруссіи [1]); это не болѣе какъ отрывочныя путевыя замѣтки, сдѣланныя человѣкомъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію и, кажется, не имѣвшимъ для того и времени; основнымъ его впечатлѣніемъ остается то, что этотъ край, нѣкогда чисто русскій, несмотря на возсоединеніе (при которомъ надо было предположить вліяніе русской власти и русской жизни), все еще носилъ польскій характеръ [2]).

Изъ работъ собственно этнографическихъ можно опять отмѣтить рядъ небольшихъ отрывочныхъ статей въ журналахъ и газетахъ [3]). Въ мѣстныхъ изданіяхъ, губернскихъ вѣдомостяхъ и

---

[1]) Н. С. Щукина; см. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1846, т. XIV, стр. 1—49.

[2]) Напр. „Въ Витебскѣ (авторъ ѣхалъ изъ Петербурга) господствуетъ уже польскій языкъ. Дворяне и чиновники говорятъ между собою и съ жидами по-польски. Они *привыкли воображать себя* поляками, потому что предки ихъ, волею и неволею, приняли католическій законъ и два съ половиною столѣтія были подданными Польши. Но вотъ уже прошло три четверти вѣка, какъ они возвращены Россіи: пора бы и обрусѣть опять! Дамы и дѣвицы лучшаго круга почти всѣ говорятъ по-французски, а по-русски съ грѣхомъ пополамъ“ (стр. 16).

„Долговременное пребываніе Бѣлоруссіи подъ польскимъ владычествомъ измѣнило архитектуру нашихъ церквей: онѣ построены здѣсь по образцу католическихъ, въ одинъ этажъ и съ двумя колокольнями. Отъ католиковъ, кромѣ того, перенято и многое другое; такъ, напримѣръ, простой народъ при входѣ въ церковь становится на колѣни и цѣлуетъ полъ, а грамотные, въ продолженіе литургіи, читаютъ молитвенникъ“ (стр. 29).

„...Дворяне здѣшніе (въ могилевской губ.) почти всѣ исповѣдуютъ ученіе западной церкви и говорятъ между собою испорченнымъ (?) польскимъ языкомъ. Нѣтъ нужды, что въ древности были здѣсь русскія княжества... Нѣтъ нужды, что настоящіе поляки, жители царства польскаго, оскорбляются (?), когда чужіе навязываются имъ въ родство: вѣковыя привычки, хотя и привитыя насильно, упорны, какъ застарѣлыя раны. Есть нѣсколько помѣщиковъ чисто русскихъ; есть и туземцы, исповѣдывающіе православіе; но ихъ очень немного... Въ каждомъ помѣщикѣ замѣтны болѣе или менѣе слѣды полученнаго въ молодости образованія.. Воспитаніе женскаго пола такое же, какъ у насъ. Въ отдаленныхъ уѣздахъ дѣвицы вовсе не знаютъ по-русски, кромѣ тѣхъ немногихъ, которыя воспитаны въ институтахъ“... (стр. 33—34). Въ упомянутомъ замѣчаніи, что чистые поляки оскорбляются, когда „чужіе“ (т.-е. люди западнаго края) „навязываются имъ въ родство“, авторъ, кажется, ошибался или былъ неточенъ; напротивъ, какъ мы не разъ упоминали, польская точка зрѣнія состояла въ томъ, что западный край есть нераздѣльная часть польской національной территоріи.

Отзывы о положеніи крестьянъ—самые печальные (стр. 35—39). Вообще авторъ жалуется, что „Бѣлоруссія худо изслѣдована, и того хуже описана“ (стр. 21).

[3]) Напр., въ „Маякѣ“: „Слова два о языкѣ и грамотности Бѣлой Руси“, Цитовича, 1843, т. IX, Смѣсь, стр. 33; „Бѣлорусскія поговорки“, В. Васильева, 1844, т. XV, Смѣсь, стр. 29, и 1845, т. XXII, стр. 58 и т. д., XXIII, стр. 144; „Памят-

„памятныхъ книжкахъ“, которыя начинають издаваться по губерніямъ съ пятидесятыхъ годовъ, все чаще являются статьи, посвящаемыя особливо статистикѣ, а частію, и этнографіи края [1]). Въ Вильнѣ много работалъ Киркоръ, о польскихъ изданіяхъ котораго мы выше упоминали. Въ „Виленскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, издававшихся тогда по-русски и по-польски, и въ „Памятныхъ книжкахъ“ (которыя въ 1850—54 гг. выходили подъ редакціей Киркора) помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по старинѣ и этнографіи западнаго края и особенно виленской губерніи; это были по преимуществу работы Киркора [2]). Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ его труды въ изданіяхъ Географическаго общества.

Къ собственной этнографіи принадлежатъ за это время довольно многочисленные труды Шпилевскаго (Пав. Мих., 1827 — 1861). Шпилевскій родился или провелъ дѣтство въ захолустьяхъ Бѣлоруссіи [3]), и видимо наслушался съ дѣтства сказокъ, пѣсенъ, видывалъ обряды, потомъ не мало и читалъ. Его работы были новостью въ нашей этнографической литературѣ и характеризуютъ, между прочимъ, ея тогдашнее состояніе. Послѣ первыхъ небольшихъ работъ, онъ помѣстилъ въ 1846 году нѣсколько статей въ Журналѣ Министерства просвѣщенія подъ псевдонимомъ „Древлянскаго“ [4]); это—работы очень юношескія, нерѣдко просто-

---

ники бѣлорусской письменности“, А. Кавелина, т. XXIII; выше упомянуто, что здѣсь напечатанъ былъ и отрывокъ бѣлорусской „Энеиды наизнанку“, Маньковскаго.

Въ „Москвитянинѣ“:—„Гецыки“, П. Кушина, разсказъ изъ бѣлорусской жизни съ нѣсколькими пѣснями, плясовыми и свадебными, 1843, т. IV, стр. 383—412.

Въ „Моск. Вѣдомостяхъ“:—„Бѣлоруссія, этнографическій очеркъ“, А. Васковскаго, 1854, № 148—149, 152—153, и др.

[1]) Укажемъ, напр., „Путевыя замѣтки о западной и юго-западной Россіи“, К. И. Арсеньева, въ „Вилен. Губ. Вѣдом“. 1846, № 21—23, и его же „Статист. очерки въ Россіи“, Спб. 1848;—„Бѣлорусскія пословицы“, собранныя и объясненныя новозыбковскимъ протоіереемъ, К. Мальчевскимъ, въ „Могил. Губ. Вѣдом.“ 1850, № 40—42, 45, и др.

[2]) „Исторія, географія, этнографія и статистика западныхъ губерній, и виленской въ особенности“, „Вил. Губ. Вѣдом.“ 1847, № 15—19 и дал.; „Этнографія вил. губерніи“, тамъ же, 1848, № 1; въ „Пам. книжкѣ виленской губерніи“ на 1852 г.: „Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отеч. исторіи въ вил. губерніи“ и пр., и „Очерки городовъ вил. губерніи“.

[3]) Ср. „Современникъ“ 1853, іюль, отд. II, стр. 13; „...родной бѣлорусскій языкъ... нѣкогда, въ годы младенчества и дѣтства, раздавался въ ушахъ моихъ, когда добрая старушка-няня убаюкивала меня фантастическими сказками о шапочкѣ-невидимкѣ, о заклятыхъ князьяхъ и княжнахъ, о Бабѣ-ягѣ костяной-ногѣ“.

[4]) „Бѣлорусскія народныя преданія (повѣрья)“, въ прибавленіяхъ къ Журн. Мин. Просв. 1846, кн., I, стр. 4—25; кн. IV, стр. 85—125; 1852, Литер. приб., № 3, стр. 1—32 (послѣдняя статья уже съ подписью Шпилевскаго).

душныя и потребовали бы большой провѣрки отъ того, кто захотѣлъ бы воспользоваться указаніями юнаго тогда автора. Въ этнографіи и особливо въ миѳологіи онъ былъ видимо самоучка, между тѣмъ на этотъ разъ его тянуло именно къ миѳологіи. Собирая народныя преданія, Шпилевскій увѣренъ, что находитъ въ нихъ самое прямое продолженіе далекой языческой древности, и насчитываетъ у бѣлоруссовъ цѣлые десятки языческихъ „боговъ" и „богинь", которыхъ описываетъ иногда съ большими подробностями—ихъ вида, одѣянія, ихъ добрыхъ и злыхъ дѣйствій... Въ примѣръ довольно привести его толкованія „толоки" (то, что̀ у великоруссовъ называется обыкновенно „помочью"); по объясненію Шпилевскаго, бѣлорусская „толока́" есть „покровительница жатвы и плодородія", и въ пѣсняхъ, которыя поются при случаяхъ толоки, онъ находитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ Цереру [1]).

Въ 1853, Шпилевскій напечаталъ еще одно свое изслѣдованіе изъ области бѣлорусской миѳологіи [2]), любопытное по приведеннымъ здѣсь народнымъ повѣрьямъ и разсказамъ, насколько они достовѣрны.

Въ томъ же году, Шпилевскій началъ двѣ серіи статей о Бѣлоруссіи, въ „Пантеонѣ" и въ „Современникѣ" [3]).

Первый изъ этого ряда статей представляетъ, въ отдѣльныхъ главахъ, во-первыхъ, пересказы народныхъ бѣлорусскихъ преданій и сказокъ и, во-вторыхъ, описаніе различныхъ обрядовъ и обычаевъ съ принадлежащими къ нимъ пѣснями. Въ предисловіи Шпилевскій, повторяя нѣсколько словъ изъ своей первой статьи, указываетъ богатство сохранившихся въ бѣлорусскомъ народѣ древнихъ языческихъ преданій—о духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдьмахъ, заклятыхъ людяхъ, русалкахъ, оборотняхъ и другихъ страшилищахъ, преданій, которыя, по его словамъ, „съ теченіемъ времени облеклись только въ поэтическій вымыселъ и приняли живописный колоритъ въ устахъ разсказчика"... „Такова Бѣлоруссія въ настоящее время!.. И потому не можетъ не обра-

---

1) Ж. Мин. Пр. 1846, приб. IV, стр. 111—118.

2) „Изслѣдованіе о вовкалакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій", Москвитянинъ, 1853, т. II, ч. 5, стр. 1—30.

3) „Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ": Пантеонъ, 1853, т. VIII, кн. 4, Смѣсь, стр. 71—96; т. IX, кн. 5—6, стр. 1—20, 1—34; т. X, кн. 7, стр. 15—56; 1854, т. XV, кн. 5—6, стр. 21—44, 47—68 (здѣсь одной статьи мы не имѣли подъ руками); 1856, кн. 1, стр. 1—30; кн. 3, стр. 1—28.

—„Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю", Современникъ, 1853 г., т. XXXIX, стр. 75—98; т. XL (іюль и августъ), стр. 1—26, 39—110; 1854 г., XLVIII, стр. 1—58; 1855, т. LII, стр. 1—62.

щать на себя вниманіе образованнаго человѣка—русскаго, желающаго ознакомиться съ древнимъ бытомъ своихъ единоплеменныхъ собратовъ... Насъ интересуютъ преданія и вѣрованія древнихъ грековъ и римлянъ, мы пишемъ объ ихъ нравахъ, миѳологіи, языкѣ, даже пиршествахъ и обѣдахъ; отчего жъ не писать о родной Бѣлоруссіи, которая такъ богата своими самобытными нравами, миѳологіею, языкомъ и, наконецъ, игрищами и празднествами". Авторъ не замѣтилъ, что была разница въ интересѣ греческихъ и бѣлорусскихъ преданій, а научное значеніе изслѣдованія русскихъ народныхъ преданій, въ то время уже намѣченное въ первыхъ трудахъ Буслаева и Аѳанасьева, осталось ему не совсѣмъ ясно; его интересъ остается народно-романтическимъ; его привлекаетъ меньше этнографія, чѣмъ поэзія и живописный колоритъ.

Вотъ предметы, на которыхъ онъ останавливается въ своемъ разсказѣ: Сестра чаровница, преданіе минской губерніи;—Бѣлорусская ярмарка (бытовая картина);—Колядныя повечёрки, вечернія собранія дѣвицъ во время рождественскихъ святокъ, оканчивающіяся съ разсвѣтомъ (по замѣчанію автора, повсемѣстный обычай въ Бѣлоруссіи);—Свадебные обряды у поселянъ могилевской и минской губерній („малыя запоины", „большія запоины", „змовины" или сговоръ, печенье караваевъ, выкупъ невѣсты, пріемъ жениха, одѣваніе невѣсты, „поѣздъ въ церковь", „веселье", т.-е. свадебная пирушка, „переносины", т.-е. переѣздъ невѣсты къ жениху) съ относящимися къ этимъ обрядамъ пѣснями; —„Медвѣжье ушко", преданіе витебской и отчасти смоленской губерніи (собственно сказка, пріуроченная къ мѣстности);—Обряды поселянъ витебской и минской губерній при уборкѣ хлѣба съ полей (покрыванье поля, зажинки и дожинки съ относящимися сюда пѣснями);—„Волшебный цвѣтокъ", преданіе могилевской, минской и витебской губерній (т.-е. опять сказка);—Юрьевъ день, народные обычаи и повѣрья по случаю этого дня и двѣ пѣсни; — Молодиковая недѣля (т.-е. первое воскресенье послѣ новолунія, когда совершается богослуженіе передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, или такъ-называемыя „прощи"), мѣстный бытовой очеркъ опять съ пѣснями;—„Золотая щука", преданіе витебской губерніи (опять сказка);—Свадебные обряды у застѣнковцевъ (околичанъ) витебской губерніи, съ пѣснями (застѣнковцы или застѣнковая шляхта есть особый классъ въ родѣ однодворцевъ, занимающій середину между настоящей шляхтой и простонародіемъ и въ быту своемъ сохранившій также много старины);—Игрища (опять съ пѣснями);—Чары, заговариванья,

суевѣрія и предразсудки (по словамъ автора, отрывокъ изъ большого сборника);—Родины и крестины, опять съ пѣснями;—Похороны и поминки съ образчиками причитаній;—Волочобники, повсемѣстное бѣлорусское обыкновеніе (такъ называются особаго рода пѣвцы, которые ходятъ на Пасху по деревнямъ съ поздравленіями), съ нѣсколькими волочобными пѣснями;—Глѣбушкины слезки, преданіе могилевской и минской губерній,—опять нѣчто въ родѣ сказки съ мѣстнымъ пріуроченіемъ.

Таково разнообразное содержаніе этихъ статей Шпилевскаго. Онъ упоминаетъ однажды, что еще въ юности онъ много слышалъ и записывалъ народныхъ пѣсенъ, преданій и т. п., и, какъ видимъ, много пѣсенъ, повѣрій, описаній обычаевъ разсѣяно въ его разсказахъ. Къ сожалѣнію, ни у него не было, видимо, никакой правильной этнографической школы, ни въ общихъ литературныхъ понятіяхъ того времени еще не было достаточно распространено представленіе о должномъ отношеніи къ памятникамъ народнаго быта и поэзіи; поэтому многое въ его сообщеніяхъ получаетъ только беллетристическій интересъ и не имѣетъ достаточной научной достовѣрности. Таковы, напр., переданныя имъ сказки: это—не запись настоящаго народнаго текста, а собственное изложеніе сюжета, снабженное литературными украшеніями, которыя, по необходимости, подрываютъ довѣріе и ко всему тексту. Картинки бытовыя принадлежатъ, конечно, вполнѣ автору. Изъ большого числа пѣсенъ, вставленныхъ въ его разсказы, многія, вѣроятно, записаны имъ самимъ, но не одинъ разъ мы встрѣчали, повидимому, простое заимствованіе изъ сборниковъ Чечота и Тышкевича, нигдѣ, однако, не оговоренное; самъ Шпилевскій выдаетъ обыкновенно эти пѣсни за собранныя имъ самимъ [1]).

---

[1]) Приводимъ для будущихъ изслѣдователей нѣсколько сличеній.

— Пѣсня, въ „Пант.“ 1853, кн. 5, стр. 4, параллельна съ пѣсней у Тышкевича, стр. 291:

Сягодня заручники	Siagodnia zaruczynky
Богъ намъ давъ;	Boh nam dau;
Працíвъ нядзельки	Praciu paniadziełku
Богъ намъ давъ,	Boh nam dau,
И шли дары на три сталы	Szli dary, na try stały;
Таму-сяму па падарачку	Tamu siamu pa padarku,
Нашему NN (такому-то)	Naszamu Janeczku
Три падарачки	Try padareczki
Богъ яму давъ, и проч.	Boh jamu dau, и пр.

— Тамъ же „Пант.“, стр. 7: „Пріѣхали заручники“ и т. д.=Тышкевича, стр. 290: „Pryjechali zaruczniki“, и пр., съ небольшимъ варіантомъ въ одномъ словѣ.

Другой рядъ статей Шпилевскаго представляетъ путешествіе по бѣлорусскому краю, начатое изъ Варшавы. Это—разсказъ о подробностяхъ пути, дорожныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, съ описаніемъ встрѣчныхъ мѣстностей, городовъ и мѣстечекъ, съ картинами природы, историческими воспоминаніями и археологическими подробностями. Путешествіе написано вообще легко и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, слишкомъ мелочныхъ, эпизодовъ, не лишено занимательности, а въ свое время и новизны; впрочемъ и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, это сочиненіе не замѣнено другимъ подобнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ авторъ самъ обращается къ источникамъ по исторіи края, онъ видимо поль-

— Тамъ же „Пант.", стр. 9=Тышк., стр. 294:

Благославице, людзи,	Błahasławicie, ludzie,
Бляскіе сусѣдзи	Blizkije susiedzi,
Гэтаму дзицяци	Hetomu dziciaci
Каравай замясиць и пр.	Karawaj zamiasić, и пр.

Но пропущенное здѣсь у Шпилевскаго—находится у Тышкевича сполна. Другія каравайныя пѣсни также сходны.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 15: „Моя мамачка; приступи къ столачку", и пр.= Тышк. стр. 326: „Moja mameczka, prystup k stołaczku" и пр.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 16: „Цяпе́ръ я сѣла мижъ шипшинничку", и пр.= Тышк., стр. 327: „Ciaper ja sieła miż szypszyniczku", и пр.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 17: Та́ткавъ кутóчакъ"=Тышк., стр. 334: „Tatkou kutoczek", и пр.

— Далѣе „Пант." 1853, кн. 6, стр. 19 и далѣе, пѣсни жнивныя, отчасти сходны съ Тышк., стр. 395 и слѣд., хотя не тожественны.

— Далѣе, „Пант." 1853, кн. 7, стр. 40, пѣсня на Юрьевъ день: „Ой, иду я на улачку, а бычки бушуюць" и пр.=въ сборникѣ Чечота, 1846, стр. 2—3: „Oj wyjdu ja na ułeczku, byczki buszujuc", и пр.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 51, любопытная пѣсня, которую Шпилевскій „самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной пѣвицы": „Туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ" и пр., совершенно сходна съ пѣсней у Чечота, стр. 56: „Tuman, tuman, tuman, tuman na dalinie", и пр., съ маленькими разницами, вѣроятно ошибками у Шпилевскаго противъ Чечота.

— Далѣе, „Пант." 1854, кн. 5, стр. 32—43: „Леця́ць птушачки на три стадачки", и пр., записанная вѣроятно самимъ Шпилевскимъ, представляетъ сокращенное соединеніе двухъ пѣсенъ у Чечота, 1846, стр. 40: „Leciać ptuszeczki na try stadeczki", и стр. 15: „Zazulko, zazulko da nie holosno", и пр.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 31: „Да пристань, Боже, пристань"=Чечота, стр. 14; у Шпил. съ небольшимъ пропускомъ.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 33: „Знаць табѣ... замужъ хочетца" и пр.=Чечота, стр. 42: „Znać tabie... zamuż choczec ca", и пр.

— Далѣе, „Пант." 1854, кн. 6, въ описаніи чаръ, стр. 67—68, не оговоренная выписка изъ Тышкевича, стр. 410.

— Далѣе, „Пант." 1856, кн. 3, стр. 4—7, длинная пѣсня волочобниковъ взята цѣликомъ у Тышкевича, стр. 389—391, безъ одной подробности, выпущенной у Шпилевскаго, вѣроятно по цензурному соображенію, и находящейся у Тышкевича.

зуется готовыми матеріалами, особливо польскими, хотя, по обыкновенію, ихъ не указываетъ. Такъ, напр. въ описаніи минской губерніи и тамошняго народнаго быта онъ пользуется упомянутой книгой Тышкевича и выписываетъ изъ нея, не упоминая о ней [1]. Разсказъ кончается описаніемъ игуменскаго края.

Бѣлорусское племя Шпилевскій считаетъ едва ли не древнѣйшимъ изъ славянскихъ племенъ и самымъ древнимъ изъ племенъ русскихъ; живя издавна на своихъ мѣстахъ, бѣлоруссы сохранили наибольше подлинной славянской старины; оттого они и теперь отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ народной поэзіи и преданій [2]...

Въ 1853, вышло въ Петербургѣ первое и отдѣльное собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ [3]. Неизвѣстная составительница этой книжки, указавъ въ предисловіи богатство бѣлорусской поэзіи, желала представить свой сборникъ „какъ матеріалъ для ученыхъ“; пѣсни собраны преимущественно въ быховскомъ уѣздѣ могилевской губерніи, но общеупотребительность ихъ и въ другихъ уѣздахъ той губерніи побудила дать книгѣ общее названіе. „При всѣхъ стараніяхъ объ умноженіи сборника числомъ пѣсенъ“, собирательница была увѣрена, что даже въ быховскомъ уѣздѣ найдется еще много пѣсенъ кромѣ тѣхъ, какія вошли въ ея книгу; это было справедливо, но дальше указано обстоятельство, отнимающее у книжки значеніе „какъ матеріала для ученыхъ“: „я ни въ чемъ не измѣнила пѣсенъ, писала такъ, какъ слышала; но *не сохранила особенностей бѣлорусскаго выговора*, и приняла русскій алфавитъ“. Замѣчаніе объ „алфавитѣ“ показываетъ, что на мѣстѣ еще въ 50-хъ годахъ казалось новостью употреблять для тамошняго русскаго языка русскую азбуку. Въ сборникѣ помѣщено больше ста пѣсенъ, иногда прекрасныхъ по поэтическому обороту и обрядовому содержанію; къ сожалѣнію, онѣ потеряли подлинность въ пересказѣ; при пѣсняхъ свадебныхъ сдѣлано краткое описаніе обряда.

Наконецъ, бѣлорусская этнографія была затронута въ компетентныхъ ученыхъ обществахъ. Во-первыхъ,—въ обществѣ Географическомъ. Въ первое же время послѣ своего основанія (въ 1845 г.) Общество составило и широко распространило про-

---

[1] См. „Современникъ“, 1853, т. XL, стр. 89 и далѣе, и „Opisanie powiatu Borysowskiego“, Тышкевича; Шпилевскій упоминаетъ только археологическія изслѣдованія этого польскаго ученаго, и не мало другихъ книгъ.

[2] См. соображенія его по этому предмету въ „Современникѣ“, 1853, т. XL, стр. 71 и дал.

[3] „Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собраны Е. П.“ Спб. 1853. 8°. III и 86 стр.

грамму для собиранія этнографическихъ свѣденій, и уже вскорѣ въ Общество стали поступать изъ разныхъ концовъ Россіи болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на вопросы программы, между прочимъ подробныя описанія отдѣльныхъ мѣстностей и даже цѣлыхъ губерній. Этотъ матеріалъ собранъ былъ въ нѣскольнихъ томахъ „Этнографическаго Сборника" (1853—1864). Съ перваго же тома появляются матеріалы о западно-русскомъ краѣ. Здѣсь помѣщена статья объ Остринскомъ приходѣ (виленской губ., лидскаго уѣзда), профессора литовской семинаріи Юркевича (I, стр. 283—293). Любопытно при этомъ, что редакторъ „Сборника" (въ этой части его редакторомъ былъ К. Д. Кавелинъ), доискиваясь племенной принадлежности этого прихода, обращался не только къ изданной передъ тѣмъ (1852 г.) „Этнографической картѣ" Кёппена, но даже къ маленькой картѣ Шафарика: такъ были скудны подручныя свѣденія—не далѣе какъ о виленской губерніи. Въ самой статьѣ языкъ тамошняго населенія (т.-е. бѣлорусскій) изображается, какъ „смѣсь русскаго съ польскимъ", но „ближе къ русскому".

Во второмъ томѣ „Сборника" (редакторомъ его былъ опять Кавелинъ) помѣщена цѣлая обширная статья: „Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ" (стр. 111—268), въ составъ которой вошли свѣденія, полученныя Обществомъ отъ разныхъ лицъ изъ западнаго края въ 1848—50 годахъ. Въ числѣ этихъ свѣденій наиболѣе подробное, „превосходное" этнографическое описаніе въ отвѣтъ на программу Общества доставилъ г. Анимелле, вольноотпущенный одного помѣщика; это описаніе было положено въ основу статьи и дополнено другими сообщеніями, полученными отъ помѣщиковъ, священниковъ, учителей и даже отъ земскаго исправника.—Статья Анимелле даетъ весьма обстоятельные отвѣты на программу Общества и сообщаетъ свѣденія о разныхъ сторонахъ народнаго быта въ Бѣлоруссіи, отъ внѣшнихъ подробностей—устройства избы, двора,—до обычаевъ, суевѣрій, языка, частію пѣсенъ, и т. д. Авторъ обратилъ вниманіе на различія въ бытѣ и самомъ языкѣ поселянъ православныхъ и католиковъ (у послѣднихъ больше въ ходу словъ, взятыхъ съ польскаго), привелъ народный календарь, и т. д.

Въ третьемъ томѣ „Сборника" находимъ: „Замѣтки о западной части гродненской губерніи" (стр. 47—115, безъ имени автора) съ историческими свѣденіями о старинѣ этого края и образчиками языка, и обширный „Этнографическій взглядъ на виленскую губернію", А. Киркора (стр. 115—276). Здѣсь даны: географическое описаніе губерніи, распредѣленіе племенъ (литов-

скаго и бѣлорусскаго), народные обычаи, народный календарь, указаніе мѣстностей, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи, наконецъ, краткій словарь бѣлорусскаго языка (называемаго у автора „бѣлорусско-кривичанскимъ", стр. 193—201) и собраніе „кривичанскихъ" пѣсенъ (стр. 201—276). Пѣсни, можетъ быть, частію собраны были самимъ авторомъ изслѣдованія, но значительная доля взята изъ прежнихъ сборниковъ [1]).

Изслѣдованія о бѣлорусской народности нашли мѣсто и въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи. Въ „Извѣстіяхъ" этого отдѣленія за 1852 г. помѣщены были „Бѣлорусскія пословицы и поговорки", собранныя Н. Носовичемъ, о трудахъ котораго подробнѣе мы скажемъ дальше; въ слѣдующемъ году напечатанъ былъ сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ П. Шпилевскаго; наконецъ, помѣщались въ томъ же изданіи отчеты И. Микуцкаго объ его изслѣдованіяхъ въ западномъ краѣ по языку литовскому и также бѣлорусскому..

Въ пятидесятыхъ годахъ дѣлаются и попытки историческаго изученія западнаго края. Таковы были: книга И. Боричевскаго: „Православіе и русская народность въ Литвѣ" [2]); книга О. Турчиновича: „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ" (Спб. 1857), то и другое—самые общіе обзоры политической и церковной исторіи западнаго края. Рядомъ съ ними можно упомянуть: „Историческія свѣденія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣденій, къ ней же относящихся", генералъ-маіора М. О. Безъ-Корниловича (Спб. 1855)—гдѣ, кромѣ историческихъ подробностей о цѣломъ краѣ и разныхъ его мѣстностяхъ, собраны также данныя статистическія о мѣстныхъ промыслахъ и торговлѣ, наконецъ, свѣденія этнографическія. Книга—отрывочная, съ извѣстнымъ личнымъ знаніемъ мѣстнаго быта, но съ весьма случайными свѣденіями историческими и этнографическими. Авторъ знакомъ, между прочимъ, съ польскими источниками, и, вѣроятно, они отразились въ смутныхъ объясненіяхъ мѣстной этнографіи; упомянувъ о „древнихъ кривичахъ", Безъ-Корниловичъ замѣчаетъ, что „соединенные съ славянами (?) ихъ потомки, бѣлоруссы, съ принятіемъ христіанской вѣры, хотя забыли идоловъ, но до сихъ поръ сохранили свой особенный типъ въ обычаяхъ, предразсудкахъ, языкѣ, забавахъ", и пр. Далѣе: „народъ кривичанскій занималъ

---

[1]) Напр., стр. 201—212 изъ Чечота, 1846, стр. 17—32; стр. 212—223 изъ той же книги, стр. 46—62, и т. д.; только въ „Сборникѣ" Геогр. Общ. пѣсни переписаны русской азбукой.

[2]) Спб. 1851, напечатано сначала въ „Христіанскомъ Чтеніи".

всю витебскую губернію, южную часть псковской, сѣверо-западную часть смоленской и сѣверную половину губерній могилевской и минской, къ чему неоспоримымъ доказательствомъ служитъ *самое нарѣчіе бѣлорусскаго языка*, до сихъ поръ оставшееся въ разговорномъ, хотя *обрусѣломъ* (?), *языкѣ*, употребляемомъ жителями тѣхъ мѣстъ" [1])—фраза не весьма грамотная и показывающая, что „кривичей" авторъ, вслѣдъ за нѣкоторыми польскими писателями, принималъ какъ будто за совсѣмъ особое отъ русскихъ племя, только смѣшавшееся съ ними [2]).

Наконецъ, изысканія о западномъ краѣ предприняты были, съ новой точки зрѣнія, въ военномъ ученомъ вѣдомствѣ.

Генеральный штабъ, уже съ 1837 по 1854, производилъ статистическія работы, которыя имѣли три изданія и предназначались исключительно для военныхъ потребностей генеральнаго штаба и вѣдомствъ провіантскаго и коммиссаріатскаго. Для публики эти изданія не были доступны. Послѣ крымской войны, военное министерство положило собрать черезъ офицеровъ генеральнаго штаба возможно полныя и обстоятельныя свѣденія о губерніяхъ и областяхъ Россіи, какъ для своихъ собственныхъ потребностей, такъ и вообще для обогащенія свѣжими данными русской географіи и статистики.

Въ 1857, 1858 и 1859 году, департаментъ генеральнаго штаба издалъ на этотъ предметъ особыя инструкціи и программы; съ этого послѣдняго года назначенныя лица приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія, и съ 1861 года сталъ выходить рядъ изданій, посвященныхъ отдѣльнымъ губерніямъ. Однимъ изъ первыхъ явилось описаніе виленской губерніи, составителемъ котораго былъ г. Корева [3]). Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: географическое и топографическое описаніе губерніи; жители; промышленность; образованность; частный и гражданскій бытъ; управленіе; свѣденія о городахъ и мѣстечкахъ, наконецъ, приложенія. Кромѣ личнаго ознакомленія съ территоріей губерніи, авторъ, какъ исполнитель оффиціальнаго порученія, имѣлъ въ распоряженіи множество свѣденій, доставленныхъ гу-

---

[1]) Стр. 1—2.

[2]) На стр. 19 авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Надо полагать, что названіе *Кривичи* произошло отъ испорченнаго переписчиками (?), а можетъ быть, и самими лѣтописцами слова *крейвасъ*, *крейватисъ*, означающаго первосвященника", т.-е. что они были происхожденія *литовскаго*?

[3]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Виленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ А. Корева. Спб. 1861. VIII, IV и 804 стр. съ нѣсколькими картами.

бернскимъ статистическимъ комитетомъ и другими оффиціальными вѣдомствами, воспользовался литературой мѣстныхъ описаній, русскихъ и польскихъ, наконецъ, личнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ спеціалистовъ. Изъ литературы о западномъ краѣ авторъ называетъ Нарбутта, Балинскаго, Крашевскаго („Litwa"), историко-статистическія работы Киркора, П. Кукольника (о литовцахъ), Чацкаго и В. Григорьева (о евреяхъ), Мухлинскаго (о татарахъ западнаго края), проф. Юндзилла (ботаника), гр. Платера (зоологія западнаго края), Порай-Кошица (о мѣстномъ дворянствѣ). Изъ этихъ и особливо дѣловыхъ оффиціальныхъ источниковъ авторъ собралъ множество свѣденій о разныхъ отношеніяхъ мѣстнаго быта; этнографія затронута мало, и это—слабѣйшая часть книги. Авторъ, хотя трудолюбиво изучавшій край, видимо такъ и остался въ недоумѣніи относительно того, какіе „славяне" населяютъ виленскую губернію. Пользуясь своими польскими источниками и не имѣя ни живого знакомства съ народомъ, ни филологической и этнографической школы, авторъ продолжаетъ говорить о „кривичанскихъ славянахъ", не подозрѣвая, что это просто — русскіе. Его этнографическія опредѣленія очень запутанны. „Славяне, населяющіе виленскую губернію,—по словамъ автора,—кромѣ выходцевъ изъ Великороссіи, великороссіянъ, раздѣляются на бѣлоруссовъ, черноруссовъ и кривичей" (стр. 290),—такъ они раздѣлены и на этнографической картѣ, приложенной къ книгѣ; историческія свѣденія о Литвѣ весьма темныя, и авторъ считаетъ нужнымъ доказывать, что они принадлежатъ къ кавказскому племени,—религія ихъ изображается заимствованной то у грековъ, то у индѣйцевъ (стр. 290—292). „Виленская губернія представляетъ огромное разнообразіе въ населеніи, изъ котораго *только* славяне и литовцы [1]) *не отличаются* между собою большимъ различіемъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ; остальные затѣмъ народы [2]), считающіе своею колыбелью Азію, по языку, обычаямъ и нравамъ, не только разнятся отъ коренныхъ жителей, но не имѣютъ ничего общаго и между собою" [3])... Авторъ приводитъ (стр. 635 и дал.) „извлеченіе изъ пѣсенъ славянъ", т.-е. бѣлоруссовъ, которыхъ называетъ и „племенемъ кривичанскимъ";

---

[1]) А они-то и составляютъ главную массу „огромнаго разнообразія".

[2]) Это евреи и немногочисленные нѣмцы, татары и цыганы.

[3]) Укажемъ еще замѣчаніе о литовцахъ: „Каково бы ни было происхожденіе литовскаго народа и въ какую бы эпоху онъ ни поселился въ предѣлахъ нынѣшней Литвы, исторія этого народа, быть можетъ, до сихъ поръ оставалась бы тайною для человѣчества (!), еслибы жители Швеціи, Норвегіи и Даніи, извѣстные подъ именемъ скандинавовъ или нормановъ, не вызвали литовцевъ къ исторической дѣятельности"...

пѣсни взяты изъ текстовъ Киркора.—Свѣденія о мѣстной литературѣ (стр. 598—600) отрывочны и опять неясны.

Вторымъ трудомъ военныхъ статистиковъ по описанію западно-русскаго края было описаніе Гродненской губерніи, г. Бобровскаго [1]). Это—громадный и уже гораздо болѣе обстоятельный трудъ, по той же программѣ, но съ болѣе подробными экскурсіями въ исторію и съ бо̀льшимъ количествомъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ разнаго рода оффиціальныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ, изъ спеціальной литературы и, наконецъ, изъ сообщеній мѣстныхъ обывателей и знатоковъ края. Гораздо больше дано здѣсь мѣста и этнографіи (глава III: народонаселеніе по племенамъ; гл. V: народный бытъ). Въ „историческомъ обзорѣ о происхожденіи“ (т.-е. происхожденія) племенъ авторъ, вѣроятно, уже подъ вліяніемъ начавшихся въ то время толковъ о національной принадлежности западнаго края, доказываетъ историческими памятниками и языкомъ наличной массы населенія, что страна, занимаемая нынѣ гродненской губерніей, была и есть *русская*, что „почти съ самаго образованія Руси, *вѣра и языкъ* славянскихъ племенъ между Припетью и Нѣманомъ всегда находились въ тѣсной связи съ славянскими *племенами*, жившими на сѣверъ, югъ и востокъ отъ этой губерніи“. За исключеніемъ неточности выраженія, мысль была, конечно, справедлива.

Въ частности, на основаніи Шафарика, Ярошевича и другихъ писателей, а также на основаніи свѣденій, „собранныхъ черезъ приходскихъ священниковъ“, авторъ находитъ въ гродненской губерніи двѣ русскія народности: „черноруссовъ, тѣхъ же бѣлоруссовъ“ и „малороссіянъ или, лучше, полѣшуковъ или пинчуковъ и бужанъ“; „къ этимъ двумъ народностямъ,—прибавляетъ авторъ, — мы въ правѣ присоединить и подлясянъ русскаго происхожденія, раздробленныхъ по оттѣнкамъ языка на нѣсколько группъ“ [2]). Различныя нарѣчія бѣлорусскія и малорусскія авторъ характеризуетъ образчиками пѣсенъ, сказокъ и пословицъ, доставленными отъ приходскихъ священниковъ, а также записанными самимъ авторомъ или г. Парчевскимъ, составителемъ „Сельско-хозяйственной статистики“ края, въ которой

---

[1]) Матеріалы, и пр. Гродненская губернія. Составилъ членъ Импер. Русск. Геогр. Общества, генеральнаго штаба подполковникъ П. Бобровскій, 2 ч. Спб. 1863. Больш. 8°; XXII и 866 стр.; VIII и 1074 стр., съ нѣсколькими картами, планами и родословными таблицами.

[2]) Бѣлоруссовъ авторъ считаетъ потомками кривичей (въ сѣв. части губерніи); черноруссовъ—потомками дреговичей; въ южной части губерніи находитъ малоруссовъ—потомковъ древлянъ и бужанъ, и т. д. (стр. 622—623).

собраны были также и свѣденія этнографическія и которая была сообщена г. Бобровскому въ рукописи. Къ сожалѣнію, эти записи пѣсенъ и пр., сдѣланныя не-спеціалистами, не даютъ достаточныхъ ручательствъ точности и самаго однообразія пріема. Въ описаніяхъ быта, народныхъ повѣрій и суевѣрій также видна неопытность въ этнографіи [1]).

Не менѣе обстоятельный трудъ вышелъ нѣсколько позднѣе о губерніи Минской [2]). Въ это время событія поставили уже жгучій вопросъ о роли полонизма въ западномъ краѣ, и заключенія автора о положеніи вещей гораздо опредѣлительнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ. Вопроса этнографическаго онъ касается меньше, но свою точку зрѣнія указываетъ въ историческихъ частяхъ своей работы. Авторъ едва ли не первый обратилъ вниманіе на ту путаницу, которая господствовала въ этнографической номенклатурѣ западнаго края и которая требовала, наконецъ, разъясненія. Въ самомъ дѣлѣ, путаница существовала, накопившись отъ стараго преданія, отъ названій, нѣкогда употребительныхъ въ Польшѣ и занесенныхъ въ русское оффиціальное употребленіе, наконецъ, отъ новой, болѣе или менѣе тенденціозной терминологіи, введенной нѣкоторыми новѣйшими польскими писателями: чтó такое „Бѣлоруссія", „кривичанскіе славяне", „Черная Русь"; насколько эти названія приложимы къ современному западно-русскому племени и его оттѣнкамъ; насколько, наконецъ, можетъ быть употребляемо названіе „Литвы" въ примѣненіи къ западно-русскому краю? Авторъ пересматриваетъ старыя названія племенныя (кривичи, дреговичи), давно исчезнувшія, послѣдующія названія края по княженіямъ и землямъ, припоминаетъ мнѣнія старыхъ и новыхъ, польскихъ и русскихъ, этнографовъ и историковъ, начиная съ Карпинскаго (автора географическаго словаря, Вильно, 1766) и продолжая Карамзинымъ, Балинскимъ, Ярошевичемъ, Сырокомлей, Турчиновичемъ, К. И. Арсеньевымъ, Киркоромъ, указываетъ противорѣчія, которыя совсѣмъ спутываютъ представленіе о дѣйствительномъ этнографическомъ характерѣ края [3]). Относительно „бѣлоруссовъ" и „черноруссовъ"

[1]) Ср. стр. 808 и слѣд., 821—824, и пр. То же надо сказать и о книгѣ г. Коревы,—напр. „Вил. губ.", стр. 610—611 и др. О другихъ трудахъ г. Бобровскаго въ этой области упомянемъ еще далѣе. Весьма высокую оцѣнку книги г. Бобровскаго см. у Безсонова, „Бѣлор. Пѣсни", стр. XLVI — XLVIII.

[2]) Матеріалы, и пр.—Минская губернія. Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ И. Зеленскій. 2 части. Спб. 1864. V и 672; VIII и 701 стр., съ обильными приложеніями изъ оффиціальныхъ статистическихъ свѣденій, картами и планами.

[3]) См. т. I, стр. 401—411. Авторъ замѣчаетъ, напр. (стр. 407): „Сбивчивость понятія о границахъ Черной Руси и Бѣлоруссіи и привычка пріурочивать послѣд-

авторъ замѣчаетъ· „послѣднія два прозванія сохранились и по настоящее время, несмотря на то, что обѣ эти родныя вѣтви одного и того же племени славянскаго, элемента чисто русскаго, слились уже до такой степени, что теперь, по нашему мнѣнію, *нѣтъ* уже *никакой возможности* указать на тѣ характеристическія черты, которыя отличали бы одно населеніе отъ другого". Онъ предполагаетъ, что въ польское время могла быть какая-нибудь разница между этими оттѣнками, можетъ быть, есть и теперь; „но такъ какъ до сихъ поръ никто еще, кажется, не занимался подобными этнографическими изслѣдованіями, то мы рѣшительно отказываемся указать на тѣ мѣстности минской губерніи, которыя заняты тѣмъ или другимъ племенемъ". Авторъ замѣчаетъ также, что онъ не понимаетъ, какую разницу находилъ Киркоръ между „славянами-бѣлоруссами" и „славянами-кривичами", тѣмъ больше, что дальше самъ Киркоръ считалъ внѣ сомнѣнія, что „нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, есть именно то самое, которое употребляли древніе кривичи" [1]).

Наконецъ, изъ этого рода изслѣдованій упомянемъ книгу г. Цебрикова о Смоленской губерніи [2]). Сѣверо-восточные уѣзды ея заняты населеніемъ великорусскимъ (по счету г. Цебрикова, до 520.000); юго-западные—бѣлорусскимъ (до 600.000). Авторъ

нее названіе исключительно къ Могилевской и Витебской губерніямъ были, вѣроятно, причиною, что не только въ разговорномъ языкѣ, но и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, подъ именемъ Литвы разумѣютъ и Минскую губернію или, по крайней мѣрѣ, сѣверную ея часть"—между тѣмъ какъ литовцевъ въ этой губерніи почти совсѣмъ нѣтъ. Такъ это названіе „Литвы" было неточно употреблено Арсеньевымъ (Статист. очерки, стр. 179), а на основаніи его г. Егуновъ, въ своемъ изслѣдованіи „О среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи" (Отеч. Зап. 1852), говоря о скудномъ состояніи хозяйства въ этомъ краѣ, прямо приписываетъ его—безпечности и безпромышленности *литовскаго племени*, котораго тутъ вовсе нѣтъ.

[1]) Тамъ же, I, стр. 408. Дальше, стр. 411, и самъ авторъ считаетъ населеніе минской губ. состоящимъ изъ бѣлоруссовъ, „черноруссовъ" и полѣсянъ (эти послѣдніе—малоруссы).

Собственной этнографіи, какъ мы сказали, авторъ не касается. Мѣстныя бытовыя отношенія, повидимому, остались ему иногда не совсѣмъ ясны. Ему кажется, напр., что въ прежнее время ополяченіе высшаго класса совершалось только принудительными средствами (I, стр. 411), или, тамъ же: „Благодаря усердію незабвенныхъ іезуитовъ и римскаго духовенства, католичество — этотъ чуждый элементъ — пустило здѣсь сильные корни не только въ высшемъ классѣ, но и въ значительной части простого народа, бывшихъ уніатахъ, и теперь еще отличающихся какимъ-то непонятнымъ (?) равнодушіемъ въ дѣлѣ вѣры". Но вѣдь у нихъ дѣйствіе католичества и уніи уже прекращено; гдѣ же причина равнодушія?

[2]) Матеріалы, и пр. Смоленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ М. Цебриковъ. Спб. 1862.

останавливался, между прочимъ, и на этнографическихъ чертахъ быта и народной поэзіи смоленскихъ бѣлоруссовъ и частію великоруссовъ [1]). Собранный здѣсь этнографическій матеріалъ заслуживаетъ вниманіи, хотя весьма не обширенъ и не свободенъ отъ ошибокъ или неточностей, которыя, какъ мы видѣли, почти неизмѣнно сопровождаютъ прежнія описанія западнаго края у наблюдателей, не-спеціалистовъ по этнографіи [2]).

А. Пыпинъ.

---

[1]) О племенныхъ отличіяхъ населенія, стр. 125—127; нравы и обычаи, народные праздники, мѣстные повѣрья и предразсудки (съ образчиками пѣсенъ), стр. 258—316. Описаніе свадебныхъ обычаевъ великорусскихъ заимствовано изъ статьи Гендали, въ „Вѣстникѣ“ Географ. Общества, 1852, кн. IV.

[2]) Напр., стр. 125: „Пространство, занимаемое нынѣ Смоленскою губерніею, въ древнія времена было заселено кривичами,—народомъ славянскаго племени. Впослѣдствіи, потомки *коренныхъ* обитателей описываемаго края, находясь продолжительное время подъ владычествомъ Литвы и Польши, *слились* (?) съ польскими и литовскими выходцами. *Это обстоятельство* послужило причиною племенного различія, замѣчаемаго нынѣ въ народонаселеніи смоленской губерніи“. — Напротивъ, именно не слились, и *это* обстоятельство есть причина существующаго племенного различія; и откуда же было бы это различіе, если бы племена „слились“? Подобныя неточности и въ историческихъ свѣденіяхъ о краѣ.

ЗЛОЙ ГЕНІЙ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРІЯ.

Соч. Уильки Коллинза.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I *).

„М-ръ Гербертъ Линлей, я прошу позволенія отвѣчать на ваши вопросы письменно, потому что весьма вѣроятно, что нѣкоторыя мнѣнія, которыя я выскажу, оскорбили бы васъ, еслибы были высказаны не письменно, а словесно. Я не могу успокоить васъ насчетъ миссъ Сидни Уэстерфильдъ. Но могу высказать вамъ то, чтò я обо всемъ этомъ думаю.

„Вы правы, предполагая, что миссъ Уэстерфильдъ слышала про меня въ Моунтъ-Морвенѣ, какъ про агента и легальнаго совѣтника дамы, которая была когда-то вашей женой. Съ какимъ намѣреніемъ она обратилась ко мнѣ, вы тотчасъ это услышите. Что касается того, какъ она разыскала мою контору, то позвольте вамъ напомнить, что адресъ она могла найти въ любомъ календарѣ.

„Цѣль миссъ Уэстерфильдъ заключалась въ томъ, чтобы сообщить мнѣ, во-первыхъ, что преступная жизнь, которую она вела съ вами, окончена. Она отказалась отъ вашего покровительства не затѣмъ, чтобы снова къ нему возвращаться. Мнѣ жаль было видѣть (хотя она и старалась это скрыть изо всѣхъ

---

*) См. выше: апрѣль, стр. 687.

силъ), какъ ей тяжела была эта разлука. Вы были любимы двумя прекрасными женщинами такъ, какъ вы того не заслуживали.

„Объяснивши мнѣ все предыдущее, миссъ Уэстерфильдъ высказала затѣмъ мотивы, которые привели ее въ мою контору. Она спросила, могу ли я сообщить ей адресъ м-съ Норманъ.

„Эта просьба, сознаюсь, удивила меня.

„По моему мнѣнію, ей послѣдней изъ всѣхъ женщинъ пристало вступать въ какія бы то ни было отношенія съ м-съ Норманъ. Я говорю это вамъ, но ей, разумѣется, этого не сказалъ.

„Я позволилъ только себѣ спросить: зачѣмъ ей этотъ адресъ?

„Она отвѣчала, что у нея есть причины, которыя ей неудобно сообщить постороннему лицу.

„Послѣ этого я отказался дать ей адресъ.

„Не ожидая, очевидно, такого отказа, она спросила у меня адресъ м-ра Рандаля Линлея. Въ этомъ случаѣ я радъ былъ удовлетворить ея желаніе. Всего лучше ей обратиться за совѣтомъ къ вашему брату. Сообщая его лондонскій адресъ, я сказалъ ей, что вашъ братъ находится въ отсутствіи, гоститъ у знакомыхъ, но вернется черезъ недѣлю.

„Она поблагодарила меня и встала, собираясь уходить.

„Сознаюсь, что я заинтересовался ею. Быть можетъ, я подумалъ о томъ времени, когда она могла быть такъ же дорога своему отцу, какъ дороги мнѣ мои дочери. Я спросилъ: живы ли ея родители? Она отвѣчала, что умерли. Есть ли у нея друзья въ Лондонѣ? Она отвѣчала:—У меня нѣтъ друзей.

„Это было сказано съ такой покорностью, которую больно встрѣтить въ такомъ юномъ существѣ.

„Я рискнулъ разсердить ее и спросилъ: есть ли у нея деньги? Она отвѣчала:—У меня есть небольшія сбереженія отъ жалованья, которое я получала, будучи въ гувернанткахъ.

„Перемѣна въ голосѣ сказала мнѣ, что она намекала на то время, когда она жила въ Моунтъ-Морвенѣ. Невозможно было видѣть эту одинокую дѣвушку и не обезпокоиться насчетъ квартиры, въ которую она попадетъ въ такомъ мѣстѣ, какъ Лондонъ. Къ счастію, она пріѣхала ко мнѣ съ желѣзной дороги и еще не искала себѣ пристанища. Наконецъ-то, я могъ быть ей полезенъ. Мой старшій клеркъ принялъ на себя хлопоты о прiисканіи квартиры для миссъ Уэстерфильдъ и помѣстилъ ее къ почтеннымъ людямъ, въ домѣ которыхъ она могла проживать дешево и безопасно. Адресъ этого дома (ради нея) я отказываюсь сообщить вамъ.

„Вы ее не должны тревожить.

„Черезъ недѣлю меня навѣстилъ мой добрый пріятель, Рандаль Линлей.

„Онъ въ тотъ день видѣлся съ миссъ Уэстерфильдъ. Она сказала ему то, что говорила мнѣ, и повторила ту же просьбу, въ которой я ей отказалъ, признавшись, однако, Рандалю въ мотивахъ, которые отъ меня скрыла. На него произвело сильное впечатлѣніе самопожертвованіе этой раскаявшейся женщины, и онъ сначала готовъ былъ сообщить ей адресъ м-съ Норманъ.

„Но, по зрѣломъ размышленіи, объяснилъ онъ, убѣдился, что какъ бы ни были чисты и безкорыстны ея мотивы, въ чемъ не могло быть никакого сомнѣнія, это не даетъ ему права позволить ей подвергнуть себя послѣдствіямъ, могущимъ произойти отъ предполагаемаго свиданія. Все, что онъ посовѣтовалъ ей—это поручить ему передать м-съ Норманъ то, что говорила ему миссъ Уэстерфильдъ, и увѣдомить послѣднюю о результатѣ.

„Такъ какъ я безпокоился о томъ, что будетъ съ миссъ Уэстерфильдъ, то вашъ добрый братъ сразу успокоилъ меня на этотъ счетъ.

„Онъ предложилъ отдать миссъ Уэстерфильдъ на попеченіе старинному и короткому пріятелю ея покойнаго отца—капитану Бенедеку. Ея добровольная разлука съ вами доставила вашему брату и капитану тотъ случай, какого они оба ждали. Капитанъ Бенедекъ въ это время плавалъ въ морѣ на своей яхтѣ. Немедленно по его возвращеніи, вкусы и желанія миссъ Уэстерфильдъ будутъ спрошены, и она, безъ сомнѣнія, не откажется познакомиться съ другомъ своего отца.

„Теперь я сообщилъ вамъ все, что знаю, въ отвѣтъ на тѣ вопросы, съ какими вы ко мнѣ обратились. Позвольте мнѣ усердно посовѣтовать вамъ вознаградить зло, причиненное вами этой бѣдной дѣвушкѣ единственнымъ способомъ, какой для васъ возможенъ. Согласитесь на разлуку, которая имѣетъ въ виду не только ея благо, но и ваше собственное. Самуэль Саррацинъ“.

II.

Долго не получая извѣстій отъ капитана Бенедека, Рандаль нашелъ нужнымъ, въ интересахъ Сидни Уэстерфильдъ, навести справки о немъ въ клубѣ. Тамъ ничего не знали, гдѣ капитанъ и что дѣлаетъ. Рандаль написалъ въ гостинницу въ Сандисиль.

Отвѣтъ хозяйки гостинницы немного удивилъ его.

Нѣсколько дней тому назадъ, яхта снова появилась въ бухтѣ. Капитанъ Бенедекъ высадился на берегъ, повидимому, въ добромъ здравіи и уѣхалъ съ раннимъ поѣздомъ въ Лондонъ. Боцманъ объявилъ, что получилъ приказъ отвести яхту обратно въ портъ, безъ всякихъ иныхъ поясненій, кромѣ того, что плаваніе окончено.

Перемѣна въ планахъ капитана (окончившаго свое путешествіе мѣсяцемъ раньше того, чѣмъ предполагалъ вначалѣ) удивила Рандаля. Онъ отправился въ частную резиденцію своего пріятеля, но услышалъ отъ слугъ, что они не видѣли своего господина и не знаютъ, гдѣ онъ. Рандаль тщетно ждалъ въ Лондонѣ, что капитанъ навѣститъ его.

Но, наконецъ, терпѣніе его было вознаграждено самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ узналъ адресъ капитана изъ письма отъ Катерины, адресованнаго изъ „Букъ-отеля въ Сайденгемѣ". Упрекая его за то, что онъ и не пишетъ, и не ѣдетъ, она приглашала его обѣдать къ себѣ въ отель. Письмо заключалось словами: „кромѣ васъ, будетъ еще только одно лицо, вашъ другъ и (съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видались) нашъ другъ. Капитану Бенедеку надоѣло плавать по морю. Онъ поселился въ отелѣ, лечится сайденгемскимъ воздухомъ и находитъ, что онъ очень ему полезенъ".

Эти строчки навели Рандаля на серьезныя размышленія.

Повѣрить, что Бенедеку „надоѣло море" и что онъ предпочитаетъ воздухъ лондонскаго предмѣстья морскому воздуху—было бы слишкомъ глупо и нелѣпо для человѣка, хорошо знавшаго капитана. Несмотря на невинный тонъ письма Катерины, Рандаль заключилъ, что истинная причина прекращенія плаванія заключается въ самой Катеринѣ. Пребываніе на морскомъ берегу и время сдѣлали свое, и, оправившись отъ потрясеній, отъ которыхъ было подурнѣла, она стала такъ же хороша, какъ и прежде. Перемѣна имени охраняетъ ее отъ обнаруженія того, что она разведенная жена—обстоятельство, которое для такого религіознаго человѣка, какъ Бенедекъ, было бы возмутительно.

Ужъ не влюбился ли онъ въ нее? А она раздѣляетъ интересъ, который ему внушила?..

Рандаль написалъ, что принимаетъ приглашеніе, рѣшившись пріѣхать пораньше и частнымъ образомъ переговорить съ Катериной, экспромтомъ, не давая ей времени приготовиться къ его разспросамъ.

Въ тотъ короткій промежутокъ времени, какой истекъ до наступленія дня, когда онъ былъ приглашенъ на обѣдъ, произо-

шло событіе, только укрѣпившее его въ принятомъ рѣшеніи. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ разлуки, онъ увидѣлся съ Гербертомъ.

Неужели этотъ блѣдный, худой, растерянный человѣкъ, глядѣвшій на него жалкими глазами, налитыми кровью, былъ красивый, веселый, счастливый братъ, какимъ онъ его помнилъ?..

Рандаль былъ такъ огорченъ, что въ первую минуту не могъ сказать ни слова. Онъ могъ только указать брату на кресло. Гербертъ упалъ въ него, какъ человѣкъ, дошедшій до крайняго истощенія силъ. И, однако, заговорилъ сердито. Онъ казался разгнѣваннымъ.

— Я, кажется, пугаю тебя?

— Ты огорчаешь меня, Гербертъ, болѣе, нежели я могу выразить.

— Дай мнѣ стаканъ вина. Я все ходилъ... не знаю, куда. Далеко куда-то; я умираю отъ усталости.

Онъ жадно выпилъ вино. Если оно и подкрѣпило его, то не измѣнило расположенія духа. Въ человѣкѣ нравственно слабомъ несчастіе (переживаемое безъ всякой силы отпора) пробивается наружу сквозь оболочку джентльмена и показываетъ обнаженную природу человѣка, сродни нашему предку-дикарю.

— Лучше ли тебѣ, Гербертъ?

Онъ поставилъ пустой стаканъ на столъ, не обративъ вниманія на вопросъ брата.

— Рандаль, — сказалъ онъ, — ты знаешь, гдѣ находится Сидни?

Рандаль отвѣчалъ утвердительно.

— Дай мнѣ ея адресъ. Моя голова въ такомъ состояніи, что я не могу запомнить его. Запиши его для меня.

— Нѣтъ, Гербертъ.

— Ты не хочешь? Но почему же?

— Потому что не слѣдуетъ. Сядь, пожалуйста, опять въ кресло. Твои сжатые кулаки и яростные взгляды меня не запугаютъ. Миссъ Уэстерфильдъ поступила прекрасно, разставшись съ тобой. И ты неправъ, желая опять сойтись съ ней. Вотъ мои резоны, постарайся уразумѣть ихъ. А теперь, повторяю, сядь.

Онъ говорилъ сурово, даже сердце его болѣло за брата. Онъ былъ правъ. Строгость—единственный способъ обращаться съ человѣкомъ, который не умѣетъ переносить страданія, не унижая самого себя.

Бѣдняга сдался, видя твердый взглядъ и слыша суровый голосъ Рандаля.

— Не будь ко мнѣ такъ безжалостенъ, —сказалъ онъ.—Я

думаю, что человѣка въ моемъ положеніи можно пожалѣть, въ особенности родному брату. Я не похожъ на тебя; я не привыкъ жить одинъ. Я привыкъ, чтобы добрая женщина жалѣла меня и была моимъ товарищемъ. Ты не знаешь, какъ это пріятно—видѣть хорошенькое существо, всегда хорошо одѣтое, всегда у тебя на глазахъ, которое такъ много думаетъ о тебѣ и забываетъ о самой себѣ, и затѣмъ остаться одному, какъ я остался! У меня нѣтъ жены; она бросила меня и отняла у меня моего ребенка. А теперь у меня отняли и Сидни. Я совсѣмъ одинъ. Слышишь ты это? Одинъ! Возьми кочергу изъ камина и разбей мнѣ голову, или возврати мнѣ Сидни. Самъ я не могу рѣшиться убить себя! О! зачѣмъ я нанялъ эту гувернантку! Я былъ такъ счастливъ, Рандаль, съ Катериной и съ Китти!

Онъ устало прислонилъ голову къ спинкѣ кресла. Рандаль предложилъ ему выпить еще вина. Онъ отказался.

— Я боюсь, — сказалъ онъ: — я отъ вина прихожу въ бѣшенство. Ты слыхалъ про людей, которые заливаютъ горе виномъ? Я вчера попытался тоже; но оно зажгло мой мозгъ. Выпитый стаканъ уже подѣйствовалъ на меня. Нѣтъ! мнѣ не дурно. Моей головѣ легче, когда держу ее такимъ образомъ. Дай пожать твою руку, Рандаль; мы никогда еще съ тобой не ссорились; не будемъ начинать сегодня. Во мнѣ есть что-то пагубное. Я не зналъ, какъ я привязанъ къ Сидни, пока не потерялъ ея. Я не зналъ, какъ любилъ жену, пока не лишился ея.

Онъ умолкъ и поднялъ руку къ горячей головѣ. Неужели онъ бредитъ? Онъ удивилъ брата новой просьбой... самой неожиданной, какую только можно себѣ представить.

— Дорогой другъ, окажи мнѣ милость. Скажи мнѣ, гдѣ живетъ моя жена?

— Вѣдь ты знаешь, однако, что она тебѣ не жена больше, —отвѣчалъ Рандаль.

— Все равно. Мнѣ надо ей кое-что сказать.

— Это невозможно.

— Ну, такъ нельзя ли тебѣ поручить сказать ей это отъ меня?

— Скажи сначала, въ чемъ дѣло.

Гербертъ поднялъ голову и положилъ руку на плечо брата.

— Скажи ей, что я одинокъ, скажи, что я умираю отъ горя и попроси ее позволить мнѣ повидать Китти...

Его тонъ тронулъ Рандаля до глубины души.

— Мнѣ жаль тебя, Гербертъ,—сказалъ онъ съ чувствомъ.— Я передамъ ей твою просьбу и все, что могу сдѣлать съ своей стороны—все сдѣлаю.

— Такъ скоро, какъ только можно?

— Да; такъ скоро, какъ только можно.

— И ты не забудешь? Нѣтъ, нѣтъ, конечно, ты не забудешь.

Онъ хотѣлъ-было встать, но снова упалъ въ кресло.

— Позволь мнѣ отдохнуть,—молилъ онъ,—если я тебѣ не мѣшаю. Я тебѣ теперь не компанія; я уйду, когда ты мнѣ скажешь.

Рандаль не захотѣлъ отпустить его.

— Ты останешься со мной, и если мнѣ случится выйти изъ дому, то въ домѣ всегда будетъ человѣкъ, который тебя любитъ почти такъ же сильно, какъ и я тебя люблю.

Онъ назвалъ одного изъ старинныхъ слугъ Моунтъ-Морвена, который привязался къ Рандалю, послѣ распаденія семьи.

— А теперь спи,—сказалъ Рандаль,—и позволь мнѣ подложить тебѣ эту подушку подъ голову.

Гербертъ отвѣчалъ:

— Я опять чувствую себя точно дома,—и закрылъ глаза.

III.

Черезъ день Рандаль устроилъ свой отъѣздъ въ Сайденгемъ такъ, чтобы пріѣхать въ отель за часъ до обѣда. Шансы на то, чтобы просьба его брата встрѣтила милостивый пріемъ, были такъ ничтожны, что онъ воздержался—изъ боязни возбудить надежды, которыя окажутся на дѣлѣ неосновательными—сообщить о своей поѣздкѣ Герберту. Никто не зналъ, куда онъ отправляется, когда онъ выѣхалъ изъ дому. Когда онъ садился въ вагонъ, у окна, по обыкновенію, показался разнощикъ газетъ. Новый нумеръ весьма распространенной еженедѣльной газеты вышелъ какъ разъ въ этотъ день. Рандаль купилъ его.

Прочитавъ одну или двѣ политическія статьи, онъ дошелъ до столбцовъ, посвященныхъ исключительно „хроникѣ свѣтской жизни“. Не интересуясь этого рода новостями, онъ перевертывалъ страницы, ища глазами литературныхъ и драматическихъ статей, какъ вдругъ знакомое имя привлекло его взглядъ. Онъ прочиталъ слѣдующую замѣтку.

„Очаровательная вдова, м-съ Норманъ, какъ мы слышали, находится въ числѣ именитыхъ пріѣзжихъ, живущихъ въ отелѣ Бука. На ухо передаютъ, что эта дама выходитъ замужъ за отставного морского офицера, прославившагося въ полярной

экспедиціи, а теперь извѣстнаго какъ одинъ изъ нашихъ выдающихся филантроповъ".

Намекъ на Бенедека былъ слишкомъ ясенъ, чтобы его не признать. Рандаль опять прочиталъ слова:

„Очаровательная вдова"! Неужели возможно, чтобы подъ этими словами подразумѣвалась Катерина? Предположить, что она способна выдавать себя за вдову и—еслибы ея дочь спросила у нея, что̀ это значитъ,—сказать ребенку, что отецъ ея умеръ,—значило, по мнѣнію Рандаля, жестоко оскорбить ее. Борясь съ запавшимъ въ него подозрѣніемъ, онъ прибылъ въ отель, упрямо думая, что „очаровательная вдова" окажется посторонней женщиной.

Первое разочарованіе ждало его, какъ только онъ вошелъ въ домъ. М-съ Норманъ и ея маленькая дочка уѣхали кататься съ однимъ хорошимъ знакомымъ и должны были вернуться только къ обѣду. Мистриссъ Пректи была дома. Она гуляла въ саду отеля.

Рандаль нашелъ ее въ бесѣдкѣ съ шитьемъ въ рукахъ и газетой на колѣняхъ. Она пошла ему на встрѣчу съ улыбающимся и любезнымъ лицомъ.

— Какъ мило съ вашей стороны, что вы такъ рано пріѣхали!—начала она.

Но проницательный взглядъ ея увидѣлъ нѣчто въ лицѣ Рандаля, отъ чего вся ея веселость вдругъ пропала.

— Надѣюсь, что вы пріѣхали не затѣмъ, чтобы испортить нашъ веселый обѣдъ худыми вѣстями?—прибавила она, подозрительно глядя на него.

— Вы сами должны это рѣшить,—отвѣчалъ Рандаль.

— Слишкомъ много чести для бѣдной, безполезной старухи, мой другъ! Не будьте такъ таинственны, мой другъ! Я не принадлежу къ поколѣнію, которое производитъ бури въ стаканѣ воды и называетъ схватки съ дикарями—сраженіями. Говорите, въ чемъ дѣло!

Рандаль подалъ ей газету, открытую на томъ самомъ мѣстѣ, которое поразило его.

— Вотъ моя вѣсть!—сказалъ онъ.

Мистриссъ Прести взглянула на газету Рандаля и подала ему свою.

— Мнѣ очень жаль испортить вашъ драматическій эффектъ,—сказала она.—Но вы должны знать, что мы только на полчаса опаздываемъ въ Сайденгемѣ передъ вами, въ дѣлѣ новостей. Извѣстіе это преждевременно, мой другъ. Но еслибы газетчики

ждали, чтобы извѣстіе подтвердилось или было опровергнуто, то много ли бы сплетень читали люди въ своихъ любимыхъ газетахъ? Кромѣ того, если это невѣрно теперь, то будетъ вѣрно черезъ недѣлю. Авторъ говоритъ: „на ухо передаютъ"! Какъ это съ его стороны деликатно! Что за вѣжливый джентльменъ!

— Долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, мистриссъ Прести, что Катерина...

— Вы должны понять, что Катерина—вдова и этимъ мнѣ обязана, говорю это съ гордостью...

— Если это шутка, сударыня...

— Нисколько, сэръ.

— Извѣстно ли вамъ, мистриссъ Прести, что мой братъ...

— О! не говорите о вашемъ братѣ! Онъ—помѣха на нашемъ пути, и мы вынуждены были отдѣлаться отъ него.

Рандаль отступилъ на шагъ. Дерзость мистриссъ Прести была для него нѣчто непостижимое. „Ужъ не сошла ли эта женщина съ ума?"—подумалъ онъ.

— Садитесь,—пригласила мистриссъ Прести.—Если вы намѣрены поднимать изъ-за этого тревогу или настаивать на томъ, чтобы я оправдывалась, то вы этимъ докажете, что у васъ нѣтъ —что̀ очень конечно жаль—никакого чувства юмора, но я сдѣлаю такъ, какъ вамъ хочется. Буду оправдываться. Извольте. Вы услышите, какъ поступили съ моей разведенною дочерью въ Сандисилѣ и съ моей бѣдной маленькой внучкой, послѣ того, какъ вы отъ насъ уѣхали.

Разсказавъ о томъ, что̀ было, она предложила Рандалю сначала вникнуть въ положеніе Катерины и затѣмъ уже произносить свое сужденіе.

— Согласились ли бы вы на ея мѣстѣ вторично подвергнуться такому оскорбленію?—спросила она.—И пріятно ли бы вамъ было видѣть, что и вашъ ребенокъ страдаетъ вмѣстѣ съ вами?

— Я бы велъ уединенную жизнь и не рисковалъ бы знакомиться съ неизвѣстными людьми по гостинницамъ.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ? И вы бы осудили свою дочь тоже на заточеніе? Вы бы равнодушно смотрѣли на то, какъ она скучаетъ безъ дѣтскаго общества, и не пожалѣли бы ея? Желала бы я знать, какъ бы вы поступили, когда капитанъ Бенедекъ сдѣлалъ намъ визитъ въ Сандисилѣ? Онъ былъ представленъ мистриссъ Норманъ и маленькой дочкѣ миссъ Норманъ, и мы всѣ пришли отъ него въ восторгъ. Когда я осталась съ нимъ вдвоемъ, онъ спросилъ меня натурально, гдѣ находится счастливый мужъ такой

красавицы, какъ моя дочь. Еслибы онъ спросилъ васъ про м-ра Нормана, что̀ бы вы ему отвѣтили?

— Я бы сказалъ ему правду.

— Вы бы сказали, что мистера Нормана не существуетъ?

— Да.

— Ну, и я такъ сказала! А капитанъ, само собой разумѣется, заключилъ (послѣ того какъ увидѣлъ Китти), что мистриссъ Норманъ—вдова. Еслибы я сказала ему правду, что̀ сталось бы съ репутаціей моей дочери? Еслибы я сказала правду въ гостинницѣ, гдѣ всякому хотѣлось узнать, кто такая—красавица мистриссъ Норманъ, что̀ бы изъ этого вышло и для Катерины, и для ея маленькой дочери? Нѣтъ, нѣтъ! я исправила, насколько можно, нестерпимое положеніе. Я обезпечила спокойствіе несчастной, несправедливо обиженной женщины и ея ребенка.

Рандаль рѣшилъ разстаться съ ней.

— Вы все это сдѣлали съ согласія Катерины? — спросилъ онъ, вставая съ мѣста.

— Катерина подчиняется обстоятельствамъ, какъ женщина благоразумная.

— Она соглашается обманывать Китти, что ея отецъ умеръ?

Лицо мистриссъ Пресли стало серьезно.

— Постойте минуту; прежде чѣмъ придти къ такому рѣшенію, я спросила мать: позволитъ ли она Китти видѣться съ отцомъ?

Какъ разъ тотъ вопросъ, изъ-за котораго пріѣхалъ Рандаль.

— Что̀ же она вамъ на это отвѣчала?

— Она сказала: „ни за что на свѣтѣ". Послѣ того я сказала Китти...

— Довольно, мистриссъ Пресли,—перебилъ Рандаль.—Ваша защита вполнѣ достойна вашего поведенія.

— Скажите лучше, что мое поведеніе есть результатъ безчестнаго отношенія вашего брата къ моей дочери — это будетъ вѣрнѣе!

Рандаль пропустилъ это замѣчаніе безъ отвѣта.

— Будьте такъ добры, передайте Катеринѣ, что я готовъ извинить ее, но не могу обѣдать за ея столомъ и не смѣю глядѣть въ лицо моей племянницѣ, послѣ того, что̀ я слышалъ.

— И прекрасно дѣлаете. Вы бы своей кислой миной испортили все наше удовольствіе.

Рандаль церемонно раскланялся съ мистриссъ Пресли, какъ съ посторонней женщиной. Но неисправимая старуха простилась съ нимъ съ фамильярною ласковостью.

— Прощайте, милый Рандаль. Постойте минутку! Можно будетъ васъ пригласить на свадьбу?

Придя на станцію желѣзной дороги, Рандаль увидѣлъ, что ему надо подождать поѣзда. Пока онъ прохаживался по платформѣ, пришелъ поѣздъ изъ Лондона. Онъ остановился и разсѣянно глядѣлъ на пассажировъ, выходившихъ изъ вагона, какъ вдругъ услышалъ знакомый голосъ, спрашивавшій дорогу въ отель Бука. Онъ перебѣжалъ черезъ рельсы и очутился лицомъ къ лицу съ Гербертомъ.

IV.

Съ минуту оба брата глядѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Въ удивленныхъ глазахъ Герберта отражалось удивленіе его брата.

— Чтó ты здѣсь дѣлаешь?—спросилъ онъ.

Подозрѣніе омрачило его лицо въ ту минуту, какъ онъ задавалъ этотъ вопросъ.

— Ты былъ въ гостинницѣ?—ты видѣлъ Катерину?

Рандаль могъ, не солгавъ, утверждать, что не видѣлъ Катерины, и это успокоило Герберта.

— Сколько я тебя помню, ты никогда не говорилъ лжи,— сказалъ онъ.—Мы оба, конечно, прочли одно и то же извѣстіе въ газетахъ, и ты первый захотѣлъ выяснить дѣло. Такъ вѣдь?

— Да.

— Желалъ бы знать, кто эта другая мистриссъ Норманъ? ты не узналъ?

— Нѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ она не Катерина, и я уѣду домой съ болѣе легкимъ сердцемъ.

Онъ взялъ брата подъ руку, чтобы перейти на другую платформу.

— Знаешь ли, Рандаль, я вѣдь почти боялся, что Катерина окажется этой женщиной. Чортъ бы побралъ все это дѣло и тѣхъ людей, которые сообщаютъ такія вещи въ газетахъ!

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана газету и, разорвавъ ее пополамъ, бросилъ.

— Малькольмъ думалъ сдѣлать доброе дѣло, а вмѣсто того разстроилъ меня на цѣлое утро.

— Постой, Гербертъ; а что, еслибы газетный слухъ оказался вѣренъ?

— Послѣ того, чтò ты мнѣ сказалъ сейчасъ, къ чему предполагать такія вещи?

— Не сердись и помни пожалуйста, что разводъ даетъ и тебѣ право жениться, и Катеринѣ выйти замужъ.

Гербертъ разсвирѣпѣлъ еще болѣе.

— Если Катерина вздумаетъ выйти замужъ, то этому человѣку придется сначала имѣть дѣло со мной. Но не въ томъ вопросъ. Ты, кажется, забылъ, что женщина, о которой говорятъ въ газетахъ, названа вдовой. Уже то, что моя разведенная жена могла назвать себя вдовой—довольно скверно, но что она могла увѣрить въ томъ нашего ребенка — вотъ что̀ довело меня до бѣшенства. Но довольно объ этомъ. Ты видѣлъ въ послѣднее время Катерину?

— Нѣтъ.

— Я полагаю, что она такъ же хороша, какъ прежде! Когда ты попросишь ее позволить мнѣ повидать Китти?

— Предоставь это мнѣ,—вотъ все, что̀ могъ сказать Рандаль.

Онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи. Откровенной натурѣ его противно было обманывать Герберта, а между тѣмъ что̀ могъ онъ пока сказать ему утѣшительнаго?

Но не только положеніе брата тревожило его, а также и положеніе Сидни.

Вѣдь и ей тоже обѣщалъ онъ употребить всѣ усилія, чтобы уговорить Катерину повидать Сидни. Исполнить это обѣщаніе казалось теперь совершенно невозможнымъ. Подъ вліяніемъ досаднаго чувства разочарованія, къ которому она не была готова, кто знаетъ, какой неосторожный поступокъ можетъ совершить Сидни?

Даже надежда на покровительство Бенедека утратила свою живость, послѣ неудачнаго визита Рандаля въ Сайденгемъ. Что капитанъ приметъ такъ ласково дочь своего друга, какъ бы свою собственную дочь — въ этомъ нельзя было ни минуты сомнѣваться. Но что онъ не удѣлитъ ей теперь, когда онъ ухаживаетъ за Катериной, того вниманія, какое удѣлилъ бы при другихъ обстоятельствахъ—это тоже несомнѣнно. Но каковъ бы ни былъ результатъ, а Рандаль видѣлъ теперь передъ собой только одинъ путь. Онъ рѣшился поторопиться знакомствомъ Сидни съ капитаномъ и немедленно написать капитану, чтобы подготовить его къ этому событію.

Вотъ письмо, которое онъ написалъ ему подъ вліяніемъ сбивчивыхъ чувствъ и ощущеній, владѣвшихъ имъ.

„У меня есть новости для васъ, которыя вы услышите, я увѣренъ, съ удовольствіемъ. Дочь вашего стариннаго пріятеля отказалась отъ своего грѣховнаго образа жизни и принесла жертвы,

доказывающія искренность ея раскаянія. Не входя въ подробности, позвольте мнѣ завѣрить васъ, что я ручаюсь за Сидни Уэстерфильдъ, какъ за особу, достойную вашего участія. Могу ли я передать ей, когда увижу ее завтра, что вы побываете у нея? Я увѣренъ, что могъ бы и теперь уже сказать ей это, но думаю, что бѣдную дѣвушку ободритъ, если я могу обѣщать ей вашъ визитъ отъ вашего имени".

Онъ сообщилъ адресъ Сидни и отправилъ письмо на почту въ тотъ же вечеръ.

Утромъ слѣдующаго дня два письма съ сайденгемской почтовой маркой поданы были Рандалю.

На первомъ, которое онъ взялъ въ руки, адресъ оказался написаннымъ рукою мистриссъ Прести. Его мнѣніе о корреспондентѣ выразилось въ немедленномъ дѣйствіи: онъ бросилъ письмо нераспечатаннымъ въ корзинку для ненужныхъ бумагъ.

Другое письмо было отъ Бенедека и написано въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, но безъ всякаго намека на предстоящую перемѣну въ его жизни. Онъ писалъ, что ему нельзя будетъ оставить Сайденгемъ еще день или два. Никакого объясненія по поводу этого промедленія не давалось. Но, быть можетъ, это объяснялось тѣмъ, что вопросъ о женитьбѣ еще не былъ рѣшенъ и капитанъ все еще ждалъ отвѣта Катерины на свое предложеніе.

Рандаль положилъ письмо въ карманъ и пошелъ на квартиру Сидни.

V.

Погода стояла необыкновенно теплая.

Изъ всѣхъ мучительныхъ лѣтнихъ мѣстопребываній Лондонъ всего несноснѣе въ жаркое лѣто. Рандаль зналъ, что если Сидни и пойдетъ прогуляться, то не раньше вечера. Поэтому онъ былъ удивленъ, не заставъ ея дома.

— Неужели она отправилась гулять въ такую жару?

Нѣтъ, она не была въ состояніи ходить въ такой зной. Мальчикъ хозяйки бѣгалъ для нея за кэбомъ и слышалъ, что миссъ Уэстерфильдъ приказала кучеру везти себя въ Линкольнсъ-Иннъ-Фильдъ.

Адресъ этотъ сразу напомнилъ Рандалю про мистера Саррацина. Въ надеждѣ узнать что-нибудь, онъ отправился къ юристу. Ему показалось весьма вѣроятнымъ, что Сидни могла отправиться туда вторично, и, наведя справки, онъ узналъ, что его предполо-

женіе вѣрно. Миссъ Уэстерфильдъ пріѣзжала, но уже съ часъ тому назадъ какъ уѣхала.

Упомянувъ объ этомъ обстоятельствѣ, добрый мистеръ Саррацинъ внезапно перемѣнилъ разговоръ. Онъ заговорилъ о погодѣ и, какъ и всѣ, сталъ жаловаться на жару. Не встрѣчая сочувствія, онъ перешелъ къ политикѣ. Но Рандаль былъ непоколебимо равнодушенъ къ положенію партій и крайней необходимости въ реформѣ. Желая, повидимому, не дать посѣтителю заговорить о томъ, чтò его интересовало, мистеръ Саррацинъ сталъ угощать его сигарой и предложилъ холодное питье. Рандаль не чувствовалъ жажды и вовсе не желалъ курить. Побѣдитъ ли онъ упрямство адвоката, или нѣтъ? Кажется, что такъ. По крайней мѣрѣ тотъ самъ, наконецъ, сказалъ:

— Вамъ что-то отъ меня нужно, мой другъ? Чтó же именно?

— Я хочу знать, зачѣмъ къ вамъ пріѣзжала миссъ Уэстерфильдъ.

Рандаль льстилъ себя надеждой, что онъ отрѣзалъ всѣ пути къ отступленію такимъ прямымъ вопросомъ. Ничуть не бывало! Мистеръ Саррацинъ проскользнулъ у него между пальцами, какъ угорь. Неписанный законъ вѣжливости послужилъ ему желаннымъ убѣжищемъ.

— Самая ненарушимая тайна должна окружать дамскія признанія,—торжественно объявилъ онъ,—а тѣмъ болѣе когда дама молода и хороша собой. Неужели мнѣ нужно напоминать вамъ о томъ, чѣмъ мы обязаны прекрасному полу?

Такой взрывъ иностранной породы былъ недовъ для Рандаля въ его пріятелѣ. Онъ остался столь же равнодушенъ къ правамъ прекраснаго пола, какъ еслибы былъ девяностолѣтнимъ старикомъ.

— Миссъ Уэстерфильдъ говорила что-нибудь обо мнѣ? спросилъ онъ.

Увертливый мистеръ Саррацинъ прибѣгнулъ къ новой уловкѣ:

— Что-жъ это такое? — воскликнулъ онъ. — Ужъ не помѣнялись ли мы ролями и мѣстомъ нахожденія? Ужъ не свидѣтель ли я, призванный въ судебную палату, а вы—законовѣдъ, его разспрашивающій? Память измѣняетъ мнѣ, мой ученый другъ. Non mi ricordo. Ничего объ этомъ не знаю.

Рандаль перемѣнилъ тонъ.

— Мы довольно шутили; у меня есть серьезныя основанія, Саррацинъ, чтобы желать узнать, чтò происходило между вами и миссъ Уэстерфильдъ... и я надѣюсь, что мой давнишній пріятель избавитъ меня отъ этой тревоги.

Адвокатъ обыкновенно говорилъ о себѣ, что не любитъ полумѣръ. И отвѣтъ его Рандалю доказалъ, что онъ вѣрно понимаетъ свой характеръ.

— Вашъ давнишній пріятель оправдаетъ ваше довѣріе,— сказалъ онъ.—Вы желаете знать, зачѣмъ пріѣзжала сюда миссъ Уэстерфильдъ? Затѣмъ, чтобы обернуть меня вокругъ пальца, и долженъ сознаться вамъ, что она вполнѣ успѣла въ этомъ. Мой дорогой Рандаль, хитрость этого хорошенькаго созданія замѣчательна даже для женщины. Я—старый законовѣдъ, искусившійся въ знаніи жизни и людей.... но эта молоденькая дѣвушка совершенно обошла меня. Она спросила меня—и еслибы вы знали, съ какимъ невиннымъ видомъ!—долго ли пробудетъ мистриссъ Норманъ въ своемъ теперешнемъ мѣстопребываніи.

Рандаль перебилъ его.

— Неужели вы хотите сказать, что сообщили ей адресъ Катерины?

— Отель Бука въ Сайденгемѣ,—отвѣчалъ мистеръ Саррацинъ. – Она записала этотъ адресъ въ свою хорошенькую карманную записную книжку.

— Какая непростительная слабость!—воскликнулъ Рандаль.

Мистеръ Саррацинъ добродушно съ нимъ согласился.

— Непростительная слабость, вы правы! Хорошенькая миссъ Сидни вывѣдала, кромѣ адреса, еще много другихъ вещей. Она знаетъ, что мистриссъ Норманъ находится здѣсь для новаго помѣщенія своего капитала. Она знаетъ, кромѣ того, что насъ задерживаетъ одинъ изъ опекуновъ. Она, кромѣ того, высказала много разумныхъ замѣчаній. Она замѣтила, что слыхала, какъ мистриссъ Норманъ говорила, что воздухъ Лондона ей вреденъ, и высказала, что надѣется, что она поселилась въ здоровомъ, сравнительно, кварталѣ Лондона. Это, какъ вы видите, привело къ обнаруженію адреса. Злой духъ овладѣлъ мной; я допустилъ миссъ Уэстерфильдъ вытянуть изъ меня часть истины. Мистриссъ Норманъ находится въ настоящую минуту не въ самомъ Лондонѣ, а въ его окрестностяхъ. Знаніе женщинъ должно было бы приготовить меня къ тому, что̀ затѣмъ послѣдовало. Но со стыдомъ долженъ сознаться, что эта дама поймала меня въ-расплохъ.

— Что же она сдѣлала?

— Упала на колѣни, бѣдняжка, и сказала: „О! мистеръ Саррацинъ, будьте ко мнѣ еще добрѣе, чѣмъ были до сихъ поръ и скажите, гдѣ находится мистриссъ Норманъ?“ Я усадилъ ее обратно на стулъ и, вынувъ платокъ изъ ея кармана, вытеръ ей глаза.

— И затѣмъ сообщили ей адресъ?

— Готовъ былъ это сдѣлать, но все-таки удержался. Я спросилъ, въ чемъ дѣло и чтò вы для нея взялись сдѣлать. Увы, ваше доброе сердце заставило васъ обѣщать больше, нежели вы могли сдержать. Она ждала услышать отъ васъ о томъ, согласилась ли мистриссъ Норманъ на свиданіе съ нею, и ждала напрасно. Вѣдь трудное ея положеніе, не правда ли? И все-таки я жалѣлъ ее, но упорствовалъ. Я только ощущалъ тѣ симптомы, которые предостерегали меня о томъ, что я поступилъ какъ дуракъ; но тутъ она сообщила мнѣ свою тайну и ясно высказала, зачѣмъ ей нужно видѣть мистриссъ Норманъ. Слезамъ и мольбамъ ея я могъ противиться, но мотивы ея одолѣли меня. Необходимо, чтобы эти двѣ женщины увидѣлись!—воскликнулъ мистеръ Саррацинъ, вдругъ разгорячась.—Припомните, что эта бѣдная дѣвушка доказала, что ея раскаяніе непритворно. Я нахожу, что она въ правѣ высказать, а лэди, которую она оскорбила, въ правѣ выслушать то, чтò она сдѣлала, чтобы загладить прошлое. Ахъ, да! я знаю, чтò возражаетъ на это англійскій cant. Но чортъ бы побралъ англійскій cant! это худшее препятствіе для прогресса англійской націи!

Рандаль слушалъ разсѣянно; онъ думалъ:

„Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, куда Сидни Уэстерфильдъ отправилась, выйдя изъ конторы стряпчаго. Быть можетъ, въ эту самую минуту она и Катерина уже свидѣлись и разговариваютъ наединѣ“.

Мистеръ Саррацинъ замѣтилъ молчаніе своего пріятеля.

— Неужели вы меня не одобряете?—спросилъ онъ.

— Я не питаю такихъ надеждъ на результатъ свиданія этихъ двухъ женщинъ, какъ вы.

— Ахъ, другъ мой, вы вообще по натурѣ не сангвиникъ. Если мистриссъ Норманъ обойдется съ нашей бѣдной Сидни такъ, какъ обошлась бы дюжинная сварливая женщина, то я буду очень удивленъ. Но еслибы даже Сидни и оскорбили, то я увѣренъ, что она по крайней мѣрѣ не отвѣтитъ на оскорбленіе; нѣтъ такой жертвы, какой бы она не принесла, чтобы загладить свою вину. Ея характеръ закаленъ несчастіемъ. Но вѣрьте, что жизнь, которую вела Сидни, прежде нежели мы ее съ вами встрѣтили,— жизнь тяжкая. Боже мой! Чтò бы сказала моя жена, еслибы слышала меня! Женщины—хорошія созданія, но у нихъ есть свои слабости. Подождемъ до завтра, мой милый другъ, и будемъ довѣрять Сидни, не давая нашимъ женамъ—извините, я хочу сказать: *моей* женѣ—подозрѣвать, на какой запрещенный путь завлекли насъ наши симпатіи.

Кто устоялъ бы передъ увѣренностью этого человѣка и не

заразился бы ею? Рандаль уѣхалъ домой въ гораздо лучшемъ расположеніи духа, но мрачный видъ слуги, отворившаго ему дверь, поразилъ его.

— Что-нибудь неладно, Малькольмъ?—спросилъ онъ.

— Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, сэръ, что м-ръ Гербертъ оставилъ насъ.

— Оставилъ насъ! Почему?

— Не могу знать, сэръ.

— Куда онъ уѣхалъ?

— Онъ не сказалъ мнѣ, сэръ.

— Нѣтъ ли письма? Или не поручалъ ли онъ передать что на словахъ.

— Поручилъ, сэръ. М-ръ Гербертъ, вернувшись домой...

— Постойте! Откуда онъ вернулся?

— Онъ говорилъ, что ему стало скучно, когда вы уѣхали, и онъ, чтобы разсѣяться, отправился въ клубъ. И поручилъ мнѣ передать вамъ объ этомъ, когда вы вернетесь, и все это онъ говорилъ спокойно и весело... точно прежній нашъ баринъ, сэръ. Но когда онъ вернулся, то, простите, сэръ, но я никогда не видѣлъ болѣе разсерженнаго человѣка. „Скажите моему брату, что я благодаренъ ему за гостепріимство; но не могу имъ долѣе пользоваться“. Вотъ въ чемъ заключается порученіе м-ра Герберта. Я пытался-было вставить слово, но онъ хлопнулъ дверью и былъ таковъ.

Даже кроткая и терпѣливая натура Рандаля возмутилась отъ такого поступка брата. Онъ молча вошелъ въ свой кабинетъ. Малькольмъ послѣдовалъ за нимъ и указалъ на письмо, лежавшее на столѣ.

— Я подумалъ, сэръ, что вы нечаянно бросили это письмо,— объяснилъ старый слуга.—Я нашелъ его въ корзинкѣ, куда вы бросаете негодныя бумаги.

И, поклонившись съ глубокимъ почтеніемъ старыхъ слугъ, вышелъ вонъ.

Первымъ движеніемъ Рандаля было отложить всякое попеченіе о братѣ.

„Доброта ни къ чему не ведетъ съ Гербертомъ, — думалъ онъ.—На будущее время я буду поступать съ нимъ такъ, какъ онъ со мной поступаетъ“.

Но онъ никакъ не могъ выгнать мысли о братѣ изъ головы, —и распечаталъ письмо м-съ Прести въ надеждѣ, что оно дастъ иное направленіе его мыслямъ.

Но, вопреки м-съ Прести, вопреки самому себѣ, сердце его

болѣло по братѣ, который такъ дурно обошелся съ нимъ. Вмѣсто того, чтобы прочитать письмо, онъ сталъ раздумывать о томъ, нѣтъ ли какой-нибудь связи между посѣщеніемъ братомъ клуба и его сердитымъ порученіемъ. Не услышалъ ли Гербертъ въ курильной клуба какихъ-нибудь сплетень, которыя могли бы объяснить его поведеніе? Еслибы Рандаль былъ членомъ этого клуба, онъ бы пошелъ туда за справками. Нельзя ли ему получить свѣденія инымъ какимъ путемъ?

Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ припомнилъ обѣдъ, которымъ угощалъ пріятеля своего Саррацина, когда вернулся изъ Соединенныхъ Штатовъ, и то, что адвокатъ ушелъ послѣ того въ клубъ, имѣя въ виду цѣль, интересовавшую ихъ обоихъ. Къ этому самому клубу принадлежалъ и Гербертъ. Рандаль тотчасъ же написалъ записку м-ру Саррацину, сообщивъ ему о случившемся и сознаваясь, что это очень его тревожитъ.

Приказавъ Малькольму отнести записку на домъ къ адвокату, и если не найдетъ его дома, то узнать, гдѣ его можно найти, Рандаль прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему способу успокоить свои нервы: закурилъ трубку.

Онъ былъ закутанъ облаками табачнаго дыма, единственными, которыя никогда не обманываютъ насъ, когда письмо м-съ Пресли снова привлекло его вниманіе.

Если бы вмѣсто іюля на дворѣ стоялъ январь, онъ бросилъ бы его въ огонь. При существующихъ обстоятельствахъ онъ взялъ и сталъ читать его:

„Я не сержусь на васъ, любезный Рандаль, и пишу вамъ такъ же дружески, какъ еслибы вы и не наговорили мнѣ дерзостей въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись.

„Вамъ пріятно будетъ слышать, что Катерина была огорчена такъ сильно, какъ вы только могли этого пожелать, когда я вынуждена была, къ сожалѣнію, передать о томъ, что произошло между нами, чтобы объяснить ваше отсутствіе. Она была до того разстроена, что не могла даже скрыть этого отъ капитана Бенедека.

„—Я не могу быть съ вами такъ любезна, какъ слѣдуетъ,—сказала она ему, когда мы сѣли за столъ, — но вы, быть можетъ, извините меня. Я лишилась уваженія стариннаго друга, который жестоко меня оскорбилъ.—Изъ деликатности она не назвала вашего имени. Но я въ жизни не слышала лучшаго отвѣта, какъ отвѣтъ капитана.

„—Позвольте недавнему другу занять въ вашемъ сердцѣ мѣсто, утраченное стариннымъ другомъ.

„Онъ поцѣловалъ у нея руку. Если бы вы видѣли, какъ онъ это сдѣлалъ и какъ она глядѣла на него, то, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ кто-либо, сильнѣе, нежели я сама, стали бы убѣждать мою дочь выйти замужъ за капитана. Вы бросили ее; вы оставили ее съ единственнымъ другомъ, какой у нея есть. Благодарю васъ, Рандаль. Ради всѣхъ насъ, благодарю васъ.

„Безполезно прибавлять, что я ушла изъ комнаты и увела Китти съ собой, какъ только могла, и оставила ихъ вдвоемъ.

„Вечеромъ я вошла въ спальню Катерины. Нашъ разговоръ длился не болѣе минуты. Безполезно было спрашивать Катерину о томъ: сдѣлано ли ей предложеніе? Ея взволнованный видъ сказалъ мнѣ о томъ, что произошло. Я спросила только: — Милая Катя, ты сказала: да? Она поблѣднѣла какъ смерть и отвѣчала:

„— Я не сказала: нѣтъ.

„Но вѣдь и этого достаточно и это успокоительно. Желаю вамъ всего лучшаго. Мы увидимся на свадьбѣ".

Рандаль положилъ письмо и набилъ трубку вновь табакомъ. Онъ нисколько не сердился; онъ только нетерпѣливо желалъ видѣть м-ра Саррацина. Еслибы мистриссъ Прести увидѣла его въ эту минуту, то сказала бы:

— Я забыла, что негодяй куритъ табакъ.

Черезъ полчаса Малькольмъ распахнулъ дверь, — мистеръ Саррацинъ своей особой явился дать отвѣтъ пріятелю.

— Нѣтъ злѣйшихъ сплетниковъ, какъ клубные курильщики, — сказалъ онъ. — Газета начала бѣду, а ея издатель докончилъ ее; откуда онъ добылъ свои свѣденія, не знаю. Клубные сплетники затараторили объ извѣстіи, касавшемся прелестной вдовы, а издатель сталъ хвастаться своею деликатностью. Когда мнѣ доставили это извѣстіе, — говорилъ онъ, — авторъ упомянулъ о томъ, что мистриссъ Норманъ не кто иная, какъ разведенная мистриссъ Гербертъ Линлей. Но я нашелъ, что это неделикатно, и зачеркнулъ. — Кажется, что это было сказано при вашемъ братѣ. Онъ рѣдко ходитъ въ клубъ, и никто изъ членовъ не знаетъ его въ лицо. Дать вамъ спичку? ваша трубка погасла?

Рандаль не отказался прибѣгнуть снова къ успокоительному дѣйствію табака.

— Какъ вы думаете, вашъ братъ поѣхалъ въ Сайденгемъ? — спросилъ м-ръ Саррацинъ.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь.

VI.

Садъ гостинницы въ Сайденгемѣ принадлежалъ первоначально частному дому. Большой по размѣрамъ, онъ былъ превосходно разбитъ. Цвѣточныя клумбы и лужайки, красивый фонтанъ, скамейки, осѣненныя группами высокихъ и прекрасныхъ деревьевъ, доканчивали идиллическую прелесть этого мѣста. Извилистая дорожка шла черезъ весь садъ отъ задняго фасада дома. Спекуляторъ, купившій это мѣсто, провелъ ее дальше, до самой дороги, которая шла по окраинѣ мѣстности, сообщавшейся съ Хрустальнымъ дворцомъ. Посѣтителямъ отеля такъ нравился садъ, что многіе ради него возвращались сюда, предпочитая его приманкамъ другихъ мѣстностей. Разнообразные вкусы и разнообразные возрасты находили здѣсь удовлетвореніе. Дѣти радовались тому, что было гдѣ поиграть и побѣгать. Отдаленныя прогулки, заключенныя среди плодовыхъ садовъ, привлекали людей скрытныхъ и любящихъ уединеніе, пріѣзжавшихъ никому неизвѣстными и уѣзжавшихъ ни съ кѣмъ не познакомясь. Фонтанъ и лужайка приманивали болѣе общительныхъ посѣтителей, которые готовы съ каждымъ знакомиться. Даже художники-любители могли позволить себѣ вольное обращеніе съ природой и найти удобные пункты для снимания видовъ, на дальнихъ пунктахъ сада.

На другой день послѣ злополучнаго обѣда, когда одинъ изъ званыхъ гостей такъ горько разочаровалъ Катерину, въ Хрустальномъ дворцѣ происходило какое-то празднество, привлекшее всѣхъ жильцовъ отеля, такъ что садъ оставался почти безлюднымъ.

Съ закатомъ солнца, теплымъ лѣтнимъ вечеромъ, немногіе больные, которые осторожно бродили между цвѣточными клумбами или сидѣли подъ деревьями, стали понемногу расходиться, опасаясь сырости. Катерина съ дочкой и нянькой осталась одна въ саду. Китти объявила, что „съ мамой сегодня не такъ весело, какъ вчера“. Съ того роковаго дня, когда бабушка произнесла роковыя слова, воспрещавшія всякій намекъ на отца, дѣвочка постоянно капризничала, и жаловалась, если ее не забавляли.

Теперь она стала жаловаться на мистриссъ Прести.

— Мнѣ кажется, бабушка могла бы меня взять съ собой въ Хрустальный дворецъ, — сказала она.

— Милая моя, твоя бабушка поѣхала со своими знакомыми, дамами и кавалерами, которымъ скучно было бы возиться съ ребенкомъ.

Китти приняла это свѣденіе крайне нелюбезно.

— Ненавижу дамъ и кавалеровъ,—сказала она.

— Даже капитана Бенедека?—спросила мать.

— Нѣтъ; капитана люблю; онъ милый. И люблю корридорныхъ слугъ. Они бы взяли меня въ Хрустальный дворецъ, да имъ некогда. Я бы желала, чтобы поскорѣй наступило время идти спать; я не знаю, что̀ мнѣ съ собой дѣлать.

— Погуляй съ Сусанной.

— Куда я пойду?

Катерина поглядѣла на ворота, выходившія на дорогу, и предложила пойти навѣстить сторожа въ сторожкѣ.

Китти покачала головой. Сторожъ ей не нравился.

— Онъ все меня экзаменуетъ; все заставляетъ складывать цифры; онъ гордится тѣмъ, что хорошо знаетъ сложеніе, и постоянно уличаетъ меня въ ошибкахъ. Я не люблю старика-сторожа.

Катерина поглядѣла въ другую сторону, по направленію къ дому. Оттуда доносился шумъ воды отъ фонтана.

— Ступай кормить золотыхъ рыбокъ,—предложила она.

Это предложеніе восхитило Китти.

— Вотъ это дѣло!—вскричала она и побѣжала къ фонтану, а за ней поспѣшила и нянька.

Катерина осталась одна подъ деревьями и глядѣла на солнце, заходившее за горизонтъ на безоблачномъ небѣ. Воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ ея замужней жизни никогда еще такъ печально и неотступно не представлялось ея уму, какъ въ настоящее время, когда ей надо было рѣшить, выходить ли ей вторично замужъ. Воспоминанія о прошломъ, о которомъ она сожалѣла, и думы о будущемъ, которое представлялось ей не особенно заманчивымъ, терзали ее. День склонялся къ концу. Въ то время, какъ она наблюдала за заходящимъ солнцемъ, призракъ ея преступнаго мужа омрачалъ для нея небесный свѣтъ, прибавлялъ невыразимую горечь къ ея недовѣрію къ самой себѣ, которое пугало ее, не давало сказать: да, и оставляло ее нерѣшительной и неспособной сказать: нѣтъ.

Фигура человѣка показалась на пустынной дорожкѣ, которая вела къ воротамъ сада.

Машинально завидя ее, она встала съ мѣста и машинально же усѣлась опять. Послѣ первой нерѣшимости волненіе ея улеглось, и она снова получила способность думать.

Избѣгать его, послѣ того, какъ онъ, по ея просьбѣ, согласился отложить ихъ объясненіе — было бы неблагодарностью; принять его—значило снова поставить себя въ ложное положеніе женщины,

которая сама не знаетъ, что̀ ей дѣлать. Вынужденная выбирать одно изъ двухъ, она, изъ уваженія къ Бенедеку, осталась поджидать его. Когда онъ подошелъ ближе, она увидѣла тревогу на его лицѣ и замѣтила въ рукахъ его распечатанное письмо. Онъ улыбнулся, подойдя къ ней, и попросилъ позволенія сѣсть на стулъ около нея. Въ то же самое время, замѣтивъ, что она глядитъ на письмо, торопливо сунулъ его въ карманъ.

— Я надѣюсь, что вы не получили никакихъ непріятныхъ вѣстей?—сказала она.

Онъ снова улыбнулся и спросилъ:—не письмо ли, которое онъ держалъ въ рукѣ, заставляетъ ее это думать.

— Это не что иное, какъ докладъ отъ моего субъ-инспектора, которому я поручилъ завѣдываніе моимъ пріютомъ. Онъ — превосходный человѣкъ, но боюсь, что его раздражаетъ неблагодарность, которую мы часто встрѣчаемъ въ нашемъ дѣлѣ. Онъ не хочетъ понять того развращающаго дѣйствія, какое производятъ недовѣріе къ себѣ и отчаяніе даже на хорошія натуры. Нѣтъ, меня это нисколько не безпокоитъ. Я забываю всѣ мои заботы, кромѣ одной, когда нахожусь съ вами.

Глаза его сказали ей, что онъ готовъ вернуться къ тому предмету, котораго она всего больше опасалась. Она старалась— какъ это часто дѣлаютъ женщины въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ—выгадать время.

— Меня очень интересуетъ вашъ пріютъ,—сказала она.—Я хотѣла бы знать, какого рода это учрежденіе. Очень ли строга въ немъ дисциплина?

— Въ немъ совсѣмъ нѣтъ дисциплины, — горячо отвѣчалъ онъ.—Моя единственная цѣль быть другомъ моимъ несчастнымъ ближнимъ, а единственнымъ способомъ управленія ими служитъ для меня Нагорная проповѣдь. Менѣе всего хотѣлъ бы я, чтобы мой пріютъ напоминалъ имъ тюрьму. По этой причинѣ—хотя я отъ всей души жалѣю закоренѣлыхъ желчныхъ женщинъ, но не раскрываю передъ ними своихъ дверей. Для этихъ грѣшницъ и безъ того открыто много пріютовъ, гдѣ дисциплина неизбѣжна. Мое убѣжище предназначается страдалицамъ другого рода, такимъ, которыя потеряли извѣстное положеніе въ обществѣ, въ которыхъ было воспитано понятіе о чести и которымъ я могу помочь, съ Евангеліемъ въ рукахъ, перемѣнить образъ жизни и вернуться къ тѣмъ религіознымъ понятіямъ, съ которыми онѣ вступили въ жизнь. Время отъ времени мнѣ случается испытывать разочарованіе. Но я продолжаю держаться системы довѣрія— какъ если бы онѣ были мои дѣти, и по бо̀льшей части онѣ

оправдываютъ это довѣріе. Въ тотъ день—если только онъ когда-нибудь наступитъ — когда я признаю, что безъ дисциплины не обойтись, будетъ днемъ такого для меня разочарованія, что я закрою пріютъ.

— Вы одинаково принимаете въ свой пріютъ и мужчинъ, и женщинъ?—спросила Катерина.

Ему хотѣлось бы заговорить съ ней о предметѣ еще болѣе для него интересномъ, нежели самъ пріютъ. Отвѣчая на ея вопросы, онъ былъ поэтому разсѣянъ и водилъ тросточкой по мягкой землѣ подъ деревьями.

— Средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи, ограничены, — сказалъ онъ, — и поэтому я былъ вынужденъ выбирать между мужчинами и женщинами.

— И вы выбрали женщинъ?

— Да.

— Почему?

— Потому что потерянная женщина—существо болѣе безпомощное, нежели мужчина.

— Онѣ сами приходятъ къ вамъ? или же вы ихъ разыскиваете?

— Бо́льшею частью онѣ сами приходятъ. Есть, однако, одна молодая женщина, которая теперь ждетъ свиданія со мной и которую я самъ разыскалъ. Я очень сильно интересуюсь ею.

— Что же васъ такъ заинтересовало? ея красота?

— Я не видѣлъ ея съ самаго ея дѣтства. Она—дочь стариннаго моего пріятеля, который умеръ много лѣтъ тому назадъ.

— И вы заставляете ее ждать?

— Да.

Онъ уронилъ тросточку на землю и взглянулъ на Катерину, но не объяснилъ своего страннаго поведенія. Она была немного разочарована.

— Вы уже давно не были въ своемъ пріютѣ; когда вы думаете въ него отправиться?

— Тогда,—отвѣчалъ онъ,—когда я узнаю, могу ли я поблагодарить Бога, какъ счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Оба замолчали.

VII.

Катерина прислушивалась къ журчанью воды въ отдаленномъ фонтанѣ. Она сознавала, что питаетъ слабую надежду, — недостойную ея,—что, быть можетъ, Китти надоѣдятъ золотыя рыбки,

и она помѣшаетъ дальнѣйшему объясненію. Но ничего подобнаго не случилось; никто не показывался на дорожкѣ, извивавшейся по саду. Она была одна съ нимъ. Тихій лѣтній вечеръ располагалъ къ сердечнымъ изліяніямъ.

— Думали ли вы обо мнѣ со вчерашняго дня? — спросилъ онъ.

Она созналась, что думала.

— Могу ли я надѣяться, что ваше сердце обратится ко мнѣ?

— Я не смѣю слушаться своего сердца. Еслибы дѣло было въ моихъ чувствахъ...

Она умолкла.

— А въ чемъ же еще дѣло?

— Въ моей прошлой жизни... въ томъ, какъ я страдала и въ чемъ должна была раскаяваться.

— Вы не были счастливы замужемъ?

— Подъ конецъ... нѣтъ.

— Не по вашей, конечно, винѣ?

— Нѣтъ, конечно.

— И, однако, вы говорите, что въ чемъ-то вамъ приходится раскаяваться.

— Я не думала о моемъ мужѣ, капитанъ Бенедекъ, говоря это. Если я передъ кѣмъ и виновата, то только передъ самой собою.

Она думала о роковой уступкѣ, какую она сдѣлала матери и въ интересахъ ребенка, благодаря чему попала въ фальшивое положеніе передъ человѣкомъ, который любитъ и довѣряетъ ей. Бенедекъ увидѣлъ, что она поблѣднѣла, и упрекнулъ себя за это.

— Я надѣюсь, что вы простите меня?

Она удивилась.

— Что̀ я должна вамъ простить?

— Недостатокъ деликатности.

— О, капитанъ Бенедекъ, не говорите этого! Я не знаю человѣка деликатнѣе васъ.

Онъ слишкомъ серьезно сомнѣвался въ себѣ, а потому не могъ такъ сразу сдаться.

— Я невольно напомнилъ вамъ про ваши горести, — сказалъ онъ, — горести, въ которыхъ я не могу васъ утѣшить. Я не сто̀ю, чтобы вы простили меня. Но позвольте мнѣ дать единственное объясненіе этому. Позвольте мнѣ разсказать вамъ о себѣ.

Она знакомъ дала ему знать, что такая просьба излишня.

— Жизнь, которую я велъ,—продолжалъ онъ,—можетъ до

нѣкоторой степени объяснить мои недостатки. Въ школѣ я не былъ популярнымъ мальчикомъ; я подружился только съ однимъ товарищемъ, и онъ давно уже умеръ. О моей жизни въ коллегіи и затѣмъ въ Лондонѣ я не смѣю вамъ разсказывать; я самъ съ ужасомъ вспоминаю о ней. Мой школьный товарищъ повліялъ на мой выборъ профессіи; онъ поступилъ во флотъ. Не зная, что̀ дѣлать съ собой, я вскорѣ послѣдовалъ его примѣру. Мнѣ понравилась эта жизнь; могу сказать, что море спасло меня. Долгіе годы я не выходилъ на берегъ иначе какъ на нѣсколько недѣль. Я совсѣмъ не бывалъ въ обществѣ. Я почти никогда не бывалъ въ дамской компаніи. Перемѣна въ моей жизни наступила вмѣстѣ съ экспедиціей въ Полярное море. Боже упаси меня отъ того, чтобы пересказывать вамъ, чему подвергаются люди, затерянные въ этомъ поясѣ вѣчнаго льда. Я скажу только, что спасся — чудеснымъ образомъ спасся — затѣмъ, чтобы воспользоваться этимъ страшнымъ опытомъ. Онъ преобразилъ меня въ новаго человѣка; онъ измѣнилъ меня (надѣюсь, къ лучшему) во всѣхъ отношеніяхъ. О! я чувствую, что долженъ былъ бы скрыть вчера мою тайну отъ васъ... я хочу сказать то, что я люблю васъ. Мнѣ бы слѣдовало подождать, пока вы узнали бы меня, пока мой образъ дѣйствія снискалъ бы мнѣ уваженіе въ вашихъ глазахъ. Вы не станете смѣяться, если я сознаюсь, что (въ мои годы) я все-таки неопытенъ. Пока я васъ не встрѣтилъ, я не зналъ, что̀ значитъ истинная любовь... а вѣдь мнѣ уже сорокъ лѣтъ. Многимъ, очень многимъ это покажется смѣшнымъ, по мнѣ это кажется печальнымъ.

— Нѣтъ, не печальнымъ.

Голосъ ея дрожалъ. Волненіе, которое не было мучительно, пріятно овладѣло ею.

— Я думаю, что вы несправедливы къ себѣ, — заговорила она, и голосъ ея дрожалъ. — Симпатія, — я разумѣю такую симпатію, какъ ваша, — иногда говоритъ больше словъ. Развѣ вы этого не замѣчали?

— Я замѣтилъ это у васъ.

— Быть можетъ, я выказала слишкомъ явно, какъ я дорожу вами, какъ мнѣ грустно было бы лишиться въ васъ друга.

Она покраснѣла, говоря это. Когда слова эти уже вырвались у нея, она сообразила, что имъ можно придать совсѣмъ иной смыслъ. Онъ взялъ ея руку: всѣ сомнѣнія и страхи въ немъ разлетѣлись.

— Вы никогда не лишитесь меня, если позволите мнѣ быть вашимъ мужемъ.

Она закрыла лицо руками, потому что боялась, что оно выдастъ ее.

Онъ подождалъ съ минуту, вздохнулъ и выпустилъ ея руку.

— Я не хотѣлъ васъ огорчить,—грустно промолвилъ онъ.

Она взглянула на него, и онъ все понялъ. Рука его обвилась вокругъ ея таліи. Послѣдній лучъ солнца погасъ въ небѣ, и наступили мягкія лѣтнія сумерки.

— Мы будемъ жить въ уединеніи?

— Гдѣ хотите. Вы предпочитаете провинцію?

— Да, да; вы говорили про море, какъ про лучшаго своего друга; будемъ жить на берегу моря. Но я не хочу отнимать васъ совсѣмъ у бѣдныхъ созданій, которыхъ вы спасаете. Быть можетъ, я могу быть вашей помощницей? Вы въ этомъ не сомнѣваетесь?

— Я сомнѣваюсь только въ томъ, долженъ ли я васъ познакомить съ тѣмъ, чего я бываю иногда свидѣтелемъ. Я боюсь, что вы почувствуете себя несчастной.

— Я хочу быть достойной васъ. Когда мнѣ можно будетъ осмотрѣть вашъ пріютъ?

Онъ крѣпче обнялъ ее и нѣжно, хотя и застѣнчиво, поцѣловалъ.

— Это отъ васъ зависитъ,—отвѣчалъ онъ.—Когда вы будете моей женой?

Она колебалась. Онъ чувствовалъ, какъ она дрожала.

— Есть развѣ какое-нибудь препятствіе?—спросилъ онъ.

Но прежде, нежели она успѣла отвѣтить, послышался голосъ Китти, звавшій мать... и сама Китти подбѣжала къ нимъ.

Катерина похолодѣла, когда ребенокъ схватилъ ее за руку, стараясь овладѣть ея вниманіемъ. Все, что ей слѣдовало бы помнить, все, что она забыла въ нѣсколько свѣтлыхъ моментовъ, какъ длилась иллюзія—все это встало передъ ней, точно обвиненіе, и на минуту парализировало ея умъ, когда она почувствовала прикосновеніе Китти.

Бенедекъ увидѣлъ перемѣну. Неужели внезапное появленіе ребенка испугало ее? Китти надо было что-то сказать, и она сказала это прежде, нежели онъ успѣлъ заговорить.

— Мама, я хочу идти гулять съ другими дѣтьми. Сусанна пошла ужинать. Пойдемте со мной.

Мать даже не слушала ея. Китти съ нетерпѣніемъ повернулась къ Бенедеку.

— Почему мама не хочетъ говорить со мной?

Онъ успокоилъ ее словами:

— Я пойду съ вами.

Но безпокойство, какое внушала ему Катерина, было слишкомъ сильно.

— Позвольте мнѣ отвести васъ домой,—сказалъ онъ. — Я боюсь, что вамъ нездоровится.

— Это пройдетъ. Пожалуйста... уведите ребенка.

Она говорила тихо и разсѣянно; Бенедекъ колебался. Она съ мольбой сложила дрожащія руки.

— Прошу васъ, оставьте меня!

Голосъ, манеры ея требовали повиновенія. Онъ съ покорностью повернулся къ Китти и спросилъ, куда она хочетъ идти. Дитя указало на дорожку, которая вела къ одной изъ башенъ Хрустальнаго дворца, виднѣвшейся издали.

— Гувернантка повела другихъ дѣтей смотрѣть, какъ расходится публика. И я хочу идти туда же.

Бенедекъ оглянулся на Катерину, прежде, нежели потерять ее изъ виду.

Она сидѣла все въ той же позѣ, въ какой онъ ее оставилъ.

На противоположномъ концѣ дорожки, которая вела въ гостинницу, ему показалось, что онъ видитъ какую-то фигуру, шедшую къ дому. Еслибы Катеринѣ понадобилась помощь, она была бы близко.

Это соображеніе нѣсколько успокоило его, и онъ съ Китти вмѣстѣ вышелъ изъ сада.

VIII.

Она старалась думать о Бенедекѣ. Глаза ея слѣдили за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду, но мысли были далеко. Кроткая таинственность сумерекъ и уединеніе стали, наконецъ, давить Катерину, и она встала, чтобы вернуться къ свѣту и людскому обществу. Повернувшись лицомъ къ дому, она увидѣла, что больше не одна.

Женщина стояла на дорожкѣ и какъ будто поджидала ее.

Въ полусвѣтѣ и на такомъ разстояніи нельзя было узнать, кто эта женщина. Она, къ тому же, не двигалась и не говорила. Нервы Катерины, и безъ того уже натянутые до послѣдней степени, не выдержали. Она опустилась назадъ на скамейку и дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Кто вы? что̀ вамъ нужно?

Голосъ, отвѣтившій ей, точно такъ же дрожалъ отъ страха, какъ и ея собственный:

— Мнѣ надо съ вами поговорить.

Женщина, то дѣлая шагъ впередъ, то останавливаясь, то снова двигаясь впередъ, подошла, наконецъ. Свѣта было достаточно, чтобы разглядѣть ея лицо. То была Сидни Уэстерфильдъ. При видѣ ея смущеніе Катерины вдругъ уступило мѣсто гнѣву, и подъ его вліяніемъ самаго разстройства нервовъ какъ не бывало.

— Я удивляюсь вашей дерзости,—сказала она.

Въ отвѣтѣ Сидни зазвучала терпѣливая покорность, но не обида:

— Я два раза подходила къ дому, гдѣ вы живете, и два раза мужество покидало меня. Я опять ушла, все шла, шла, не знаю, какъ далеко зашла. Стыдъ и страхъ, вѣроятно, заглушаютъ усталость. Это моя третья попытка. Еслибы я стояла поближе къ вамъ, вы бы увидѣли, какихъ усилій мнѣ это стоитъ. То, что я имѣю вамъ сказать, не многословно. Могу я васъ попросить меня выслушать?

— Вы захватили меня врасплохъ, миссъ Уэстерфильдъ. Вы не въ правѣ были это сдѣлать. Я отказываюсь васъ выслушать.

— Попытайтесь, сударыня, повѣрить въ то, что никакое несчастное созданіе на моемъ мѣстѣ не стало бы подвергать себя вашему гнѣву и презрѣнію безъ серьезныхъ мотивовъ. Вы, можетъ быть, перемѣните ваше рѣшеніе?

— Нѣтъ!

Сидни повернулась, чтобы уйти... и вдругъ остановилась.

Другое лицо показалось изъ гостинницы,—ихъ перебили и самымъ тривіальнымъ образомъ. Нянька хватилась ребенка и пришла въ садъ, думая, что она съ матерью.

— Гдѣ миссъ Китти, сударыня?—спросила дѣвушка.

Госпожа сообщила ей о томъ, что произошло, и послала ее освободить капитана Бенедека отъ возложенной имъ на себя обязанности. Сусанна слушала, глядя на Сидни и узнавъ въ ней знакомое лицо. Когда дѣвушка собралась уходить, Сидни спросила ее:

— Я надѣюсь, что маленькая Китти здорова и счастлива?

Нѣтъ такой матери, которая бы могла устоять передъ тономъ, какимъ былъ сдѣланъ вопросъ. Разбитое сердце, любовь къ ребенку, которая все еще жила въ немъ, тронули даже служанку.

— Совсѣмъ здорова, миссъ, благодарю васъ,—отвѣчала Сусанна.

Когда она уходила, то увидѣла, что барыня предложила Сидни сѣсть рядомъ съ собой. Но нянька была уже слишкомъ далеко, чтобы услышать то, что при этомъ говорилось.

— Миссъ Уэстерфильдъ, забудьте то, что̀ я вамъ сейчасъ сказала!—съ этими словами мистриссъ Норманъ указала ей на стулъ.—Я готова васъ выслушать,—продолжала она.—Но прежде я хочу спросить васъ: то, что̀ вы имѣете мнѣ сообщить, касается только васъ или еще кого-нибудь?

— Это касается и другого лица, также какъ и меня.

— Если это другое лицо — мистеръ Гербертъ Линлей...

Сидни перебила ее самыми неожиданными для нея словами:

— Я больше никогда не увижу мистера Герберта Линлея.

— Онъ бросилъ васъ?

— Нѣтъ. Но *я* оставила *его*.

— Вы!

Тонъ, какимъ это было сказано, заставилъ Сидни впервые заступиться за себя.

— Еслибы я оставила его не по собственной охотѣ, то какое было бы оправданіе тому, что я сюда явилась?

— Что же, онъ жестоко обращался съ вами и вынудилъ васъ его бросить?

— Еслибы онъ былъ жестокъ со мной, неужели вы думаете, что я пришла бы жаловаться на него вамъ? Отдайте мнѣ хоть нѣкоторую справедливость и не считайте меня способной на такое униженіе. Я ни на что не жалуюсь.

— И однако вы его оставили?

— Онъ былъ добръ и внимателенъ, насколько этого отъ него можно было требовать; онъ все дѣлалъ, что̀ могъ дѣлать человѣкъ въ его несчастномъ положеніи, чтобы успокоить меня. И однако я его оставила. О! я не хвалюсь своимъ раскаяніемъ, хотя горько его чувствую! У меня, можетъ быть, не хватило бы мужества оставить его, еслибы онъ любилъ меня такъ, какъ нѣкогда любилъ васъ.

— Миссъ Уэстерфильдъ! вы—послѣдняя женщина, которая имѣетъ право намекать на мою замужнюю жизнь.

— Вы, можетъ быть, простите мнѣ этотъ намекъ, когда услышите то, что̀ я вамъ скажу. Я обязана передъ мистеромъ Гербертомъ Линлеемъ, если не передъ вами, сознаніемъ, что жизнь его со мной не была счастливою жизнью. Онъ старался изъ состраданія скрывать отъ меня свою тайну, но это ему не удалось. Я давно подозрѣвала истину, но ясно прочитала ее у него на лицѣ, когда онъ нашелъ книгу, забытую вами въ гостинницѣ. Вашъ образъ отъ начала до конца одинъ жилъ въ его сердцѣ. Я—несчастная жертва мимолетнаго мужского каприза. Вы были и остались единственной женщиной, которую любилъ по настоя-

щему вашъ мужъ. Спросите сами себя: какая женщина въ мірѣ созналась бы въ томъ, что̀ я говорю, еслибы не была въ томъ увѣрена?

Сердце Катерины упало въ груди; руки, безпомощно лежавшія на колѣняхъ, задрожали.

Было еще не совсѣмъ темно. Сидни могла видѣть лицо Катерины. Въ своемъ рвеніи исправить прошлое заблужденіе, она сдѣлала капитальную ошибку: слишкомъ поспѣшила.

— Позвольте мистеру Герберту Линлею явиться къ вамъ съ повинной.

Катерина разсердилась.

— Онъ слишкомъ многаго хочетъ! - мрачно отвѣчала она.— Онъ тоже, можетъ быть, здѣсь и хочетъ захватить меня врасплохъ, какъ и вы? Вы, можетъ быть, сговорились?

— Я неспособна позволить себѣ такую вольность. Я, можетъ быть, слишкомъ понадѣялась... Простите меня за это; я не смѣю настаивать...

— А посмѣете ли вы посмотрѣть истинѣ въ глаза? Помните ли вы, какія священныя узы онъ разорвалъ? Вы говорите о своемъ раскаяніи. Но помните ли вы о томъ, что онъ до сихъ поръ былъ бы моимъ мужемъ, еслибы не *вы*!

Сидни молча выслушала упрекъ. Катерина взглянула на нее и смягчилась.

— Я говорю это не затѣмъ, чтобы васъ оскорбить. Но прежде нежели просить меня простить и забыть, подумайте сначала, чего вы просите. Мы только разстроимъ другъ друга, если будемъ продолжать эту бесѣду,—прибавила она, вставая.—Быть можетъ, вы повѣрите, что я не желаю вамъ зла, если я спрошу: не могу ли я что̀-нибудь для васъ сдѣлать?

— Ничего.

Въ этомъ словѣ вылилось все безпредѣльное отчаяніе женщины, для которой не было никакого будущаго.

— Я вѣрю въ ваши добрыя намѣренія; я вѣрю въ ваше раскаяніе,—сказала ей Катерина на прощанье.

— Вѣрьте въ то, что я наказана,—отвѣчала Сидни.

И на этомъ онѣ разстались.

IX.

Не страхъ передъ своимъ одиночествомъ, не грустное воспоминаніе о прошломъ, не боязнь будущаго владѣли въ настоящую минуту умомъ Сидни. Единственное чувство, сказывавшееся въ ней,

была усталость. Безъ думъ, машинально, она отдыхала, какъ бы отдыхало выбившееся изъ силъ животное. Она ничего не слышала, ничего не видѣла и чувствовала только боль во всѣхъ членахъ. Луна взошла на небѣ и ярко освѣтила ее, и вдругъ Сидни услышала знакомый дѣтскій голосокъ:

— О, Сидни, дорогая моя! это вы?

И черезъ секунду ея маленькая ученица и товарищъ прежнихъ дней висѣла у нея на шеѣ, лежала у нея въ объятіяхъ.

— Милочка моя! откуда вы взялись?

Сусанна отвѣтила на вопросъ.

— Мы возвращаемся изъ дворца, миссъ. Я боюсь,—прибавила она застѣнчиво,—что намъ пора домой.

Съ безмолвною покорностью Сидни попыталась отцѣпить руки Китти.

Но дѣвочка крѣпко прижималась къ ней и цѣловала ее. И огрызнулась на няньку:

— Неужели вы думаете, что я оставлю Сидъ теперь, когда я ее нашла? Сусанна, вы меня удивляете!

Сусанна сдалась и отошла.

А Китти принялась осыпать свою бывшую гувернантку вопросами. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ было, однако, очень трудно отвѣчать правдиво. Китти спросила: видѣлась ли Сидъ съ ея мамой, и затѣмъ тотчасъ же захотѣла узнать, почему мама ушла и оставила Сидъ одну въ саду.

— Почему вы не пошли съ мамой въ домъ?—спросила она.

— Не спрашивайте меня, моя душа,—вотъ все, что могла сказать Сидни.

Китти немедленно вывела изъ этого неизбѣжное заключеніе:

— Вы поссорились съ мамой?

— О, нѣтъ!

— Ну, такъ пойдемте со мной къ намъ.

— Подождите немного, Китти, и разскажите мнѣ про себя. Какъ идутъ ваши уроки?

— Какая же вы глупенькая дѣвочка, Сидни, если думаете, что я стану учить уроки, когда не вы меня учите!—Гдѣ вы все это время пропадали?

Она умолкла; зоркіе дѣтскіе глазки съ откровеннымъ любопытствомъ разсматривали лицо Сидни.

— Это отъ луннаго свѣта лицо ваше кажется такимъ блѣднымъ и измученнымъ? или вы въ самомъ дѣлѣ несчастливы? Скажите мнѣ, моя милочка: вы поете тѣ пѣсни, которымъ я васъ научила?

— Никогда.

— У вась есть съ кѣмъ гулять и бѣгать, какъ бывало со мной?

— Нѣтъ, дружокъ, эти дни прошли безвозвратно.

Китти грустно прислонилась головкой къ плечу Сидни.

— Это не отъ луннаго свѣта,—сказала онъ.—Хотите, я вамъ скажу секретъ? Я тоже теперь часто несчастлива. Бѣдный папà умеръ. Онъ любилъ васъ; я увѣрена, что вамъ его жаль.

Отъ удивленія Сидни не могла вымолвить ни слова. Прежде, чѣмъ она успѣла спросить, чтò это значитъ, нянька, стоявшая за стуломъ, тронула ее молча рукой, давая этимъ знакъ не разспрашивать.

— Мы, кажется, всѣ теперь несчастливы,—продолжала Китти думать вслухъ. — Мама совсѣмъ не такая, какъ была, и даже мой милый капитанъ со мной совсѣмъ не разговаривалъ и не захотѣлъ идти къ намъ, а сказалъ, что пойдетъ къ себѣ.

Другой намекъ въ словахъ ребенка поразилъ Сидни. Она спросила, какъ зовутъ капитана. Вопросъ ея точно обидѣлъ Китти.

— Вотъ чтò значитъ, что вы нась бросили и не хотите знать: вы даже не знаете капитана Бенедека!

Имя корреспондента ея отца!

— Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

— Въ Сандисилѣ. Мамѣ онъ понравился, и бабушкѣ тоже —вѣдь это удивительно, не правда ли?—и я его поцѣловала. Обѣщайте не разсказывать того, чтò я вамъ скажу: капитанъ будетъ моимъ новымъ папой.

Сусанна остановила ребенка.

— Не слѣдуетъ говорить такихъ вещей, миссъ. Слѣзайте съ колѣнъ миссъ Уэстерфильдъ и пойдемте домой. Намъ давно пора.

Китти предложила сдѣлку.

— Я пойду, если Сидъ пойдетъ со мной.

— Милочка моя, я никакъ не могу.

Но всѣ убѣжденія и просьбы были напрасны. Китти уцѣпилась за платье Сидъ и со слезами кричала, что не пойдетъ безъ нея.

Сусанна прибѣгла къ хитрости.

— Миссъ Уэстерфильдъ подождетъ васъ здѣсь, а вы попросите позволенія у мамà придти за ней. Скажите: да! —шепнула она Сидни,—иначе намъ съ ней не справиться. Госпожа ни за что не пуститъ ея, и вы можете уйти черезъ садъ.

Когда они ушли, Сидни тоже встала. Но, сдѣлавъ нѣсколько

шаговъ, увидѣла, что ей трудно стоять на ногахъ; ноги подкашивались у нея, а слезы ослѣпляли глаза. Она бы упала, еслибы ее не поддержала сильная рука.

— Дитя мое,—сказалъ низкій, но добрый мужской голосъ,—вы совсѣмъ, кажется, выбились изъ силъ, позвольте мнѣ помочь вамъ.

— Никто не можетъ помочь мнѣ.

— Я отвезу васъ къ вашимъ друзьямъ.

— У меня нѣтъ друзей.

— Вы ошибаетесь; одинъ другъ у васъ есть во всякомъ случаѣ; я—другъ всѣмъ, кто несчастливъ. Вы отправитесь отсюда въ Лондонъ?

— Да.

— Завтра я долженъ видѣться съ другой дѣвушкой, которая также одинока въ мірѣ, какъ и вы. Если я скажу вамъ, гдѣ она живетъ, то вы не откажетесь справиться у нея, заслуживаю ли я довѣрія. Я только недавно узналъ ея адресъ, а вотъ и мой.

Онъ сунулъ свою визитную карточку въ руку Сидни.

Въ эту минуту изъ гостинницы донесся плачущій дѣтскій голосокъ, который о чемъ-то упрашивалъ. Сидни узнала этотъ голосокъ, и незнакомецъ тоже узналъ его и оглянулся.

Когда онъ повернулся къ особѣ, заинтересовавшей его, ея уже не было.

Въ испугѣ, что Китти вырвется и прибѣжитъ къ ней, Сидни убѣжала изъ сада и бросилась на станцію желѣзной дороги. Сидя уже въ вагонѣ, она поднесла къ глазамъ карточку незнакомца и при свѣтѣ фонаря прочитала имя капитана Бенедека.

X.

Мистриссъ Прести вернулась съ прогулки съ друзьями по Хрустальному дворцу въ чрезвычайно веселомъ настроеніи духа. Она какъ нельзя пріятнѣе провела время и, по обычаю всѣхъ себялюбивыхъ людей, была разсержена и возмущена, увидѣвъ, что расположеніе духа ея дочери не соотвѣтствуетъ ея собственному.

Она застала Катерину въ слезахъ и величайшемъ уныніи. Выслушавъ отъ нея разсказъ о неожиданномъ свиданіи съ Сидни Уэстерфильдъ, мистриссъ Прести окончательно вознегодовала, но негодованію ея не стало предѣловъ, когда Катерина объявила, что капитанъ Бенедекъ сдѣлалъ ей предложеніе и она приняла его, но твердо рѣшила сперва сообщить ему всю истину относительно своего настоящаго положенія.

Тщетно истощивъ свое краснорѣчіе въ попыткахъ переубѣдить дочь и заставить ее отказаться отъ своего намѣренія, мистриссъ Прести величественно объявила:

— Ты не хочешь меня слушаться и хочешь сдѣлать по своему! Прекрасно! увидишь, что̀ изъ этого выйдетъ. Мы живемъ въ эпоху выставокъ и золотыхъ медалей. Если когда-нибудь будетъ выставка идіотовъ, то я знаю, кому могла бы быть присуждена первая медаль.

Катерина привыкла сохранять почтительное отношеніе къ матери даже при трудныхъ обстоятельствахъ; но сегодня мать превзошла ту мѣру обидъ, которую, по понятіямъ Катерины, почтительная дочь обязана вынести отъ матери.

— Я жалѣю,—отвѣчала она,—что вообще слушалась вашихъ совѣтовъ. Лучше было бы, еслибы я ихъ никогда не слушалась. Отъ многихъ злыхъ минутъ была бы я спасена, еслибы всегда поступала по своему. Вы были злымъ геніемъ въ моей жизни съ той самой минуты, какъ миссъ Уэстерфильдъ впервые вошла ко мнѣ въ домъ.

Она прошла въ раскрытую дверь, но вдругъ остановилась и вернулась назадъ:

— Я не хотѣла васъ оскорбить, мама, но вы говорите такія обидныя вещи!.. Покойной ночи.

Ни словомъ не отозвавшись на это извиненіе, мистриссъ Прести, живая мистриссъ Прести, находчивая и остроумная мистриссъ Прести окаменѣла на мѣстѣ. Какъ? Она, ангелъ-хранитель семьи, чья опытность, преданность и здравый смыслъ руководили Катериной въ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ жизни, которыя могли привести къ окончательной гибели ея семейнаго счастія... она, примѣрная мать, была заклеймена названіемъ злого генія своей дочери—и кѣмъ же? родной дочерью! Что̀ тутъ сказать? что̀ тутъ дѣлать? Какой образъ дѣйствія, еще небывалый и неслыханный, принять послѣ такой обиды? Мистриссъ Прести стояла, безпомощная, посреди комнаты и задавала себѣ эти вопросы, задавала, дивилась и не находила отвѣта.

Прошло нѣкоторое время. Кто-то постучался въ дверь. Показался слуга. Онъ доложилъ:

— Какой-то джентльменъ желаетъ видѣть мистриссъ Норманъ.

Джентльменъ вошелъ въ комнату, и это оказался—Гербертъ Линлей!

XI.

Разведенный мужъ глядѣлъ на свою тещу, не дѣлая ни малѣйшей уступки требованіямъ вѣжливости. Онъ не подалъ руки и не поклонился. Нахмуренныя брови, раскраснѣвшееся лицо выдавали владѣвшій имъ гнѣвъ.

— Я хочу видѣть Катерину,—сказалъ онъ.

Такая рѣшительная грубость оказалась той живой водой, какою слѣдовало вспрыснуть эту старую даму, чтобы вернуть ей обычную энергію. Улыбка, всегда грозившая бѣдой и напастями, появилась на лицѣ мистриссъ Прести.

— Съ какого сорта людьми водились вы съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣла въ послѣдній разъ?—начала она.

— Какое вамъ дѣло до этого?

— Никакого, къ счастію. Я только подумала, не путешествовали ли вы гдѣ-нибудь въ южной Африкѣ и не проживали ли среди готтентотовъ? Вы являетесь въ гостиную незваный-непрошенный, находите въ немъ даму и ведете себя такъ, какъ еслибы пришли въ лавку за покупками. Позвольте мнѣ дать вамъ урокъ хорошихъ манеръ. Замѣчайте: я встрѣчаю васъ съ поклономъ и говорю:—какъ поживаете, мистеръ Линлей?—Понимаете меня?

— И не хочу васъ понимать—я хочу видѣть Катерину.

— Кто такая Катерина?

— Вы знаете это такъ же хорошо, какъ и я: ваша дочь.

— Моя дочь, сэръ,—посторонняя для васъ женщина. Покорнѣйше прошу называть ее тѣмъ именемъ, тѣмъ знаменитымъ именемъ, которое она носитъ по праву рожденія. — Вы желаете видѣть мистриссъ Норманъ?

— Зовите ее, какъ хотите. Мнѣ надо сказать ей одно слово, и я его скажу.

— Нѣтъ, мистеръ Линлей, вы его не скажете.

— Увидимъ! Гдѣ она?

— Моя дочь нездорова.

— Здорова или нездорова, я ее долго не задержу.

— Моя дочь ушла уже къ себѣ въ комнату.

— Гдѣ ея комната?

Мистриссъ Прести подошла къ камину и взялась за ручку колокольчика.

— Вы помните, что вы находитесь въ гостинницѣ?

— Мнѣ все равно, гдѣ я нахожусь.

— Прекрасно; но вѣдь въ гостинницахъ есть лакеи, а въ

такой большой гостинницѣ, какъ наша, даже и полисменъ. Прикажете позвонить?

Выборъ между необходимостью уступить мистриссъ Прести или быть позорно выведеннымъ представился Линлею. Какъ бы то ни было, а онъ все-таки былъ нѣкогда джентльменомъ и понималъ, что неприлично велъ себя.

— Я не стану утруждать васъ необходимостью звать прислугу, и прошу извинить меня, если я позволилъ себѣ быть грубымъ. Но прошу васъ вспомнить, что я былъ къ этому вызванъ.

— Вы?!—никакъ не могу съ этимъ согласиться. Всѣ вины и всѣ вызовы на вашей сторонѣ.

— Вы бы не говорили этого, еслибы знали все, что̀ я выстрадалъ...

Мистриссъ Прести взглянула на дверь.

— Постойте минутку,—сказала она:—я слышу, кто-то сюда идетъ.

Въ тишинѣ, послѣдовавшей затѣмъ, послышались чьи-то шаги; но они удалялись отъ двери, а не приближались къ ней. Должно быть, мистриссъ Прести ошиблась.

— Ну-съ,—сказала она, покоряясь судьбѣ и приглашая Герберта Линлея объясниться.

— Я пріѣхалъ, чтобы увидѣться съ Китти.

— Этого никакъ нельзя допустить.

— Не говорите этого, мистриссъ Прести. Я—несчастнѣйшій въ мірѣ человѣкъ и жажду единственнаго утѣшенія: видѣть своего ребенка. Китти, я знаю, не забыла меня. Мать ея не можетъ быть такъ жестока, чтобы отказать мнѣ въ этомъ. Во всемъ остальномъ я покоряюсь ея волѣ. Попросите Катерину позволить мнѣ видѣться съ Китти.

— Никакъ не могу этого сдѣлать.

— Почему нѣтъ?

— По разнымъ причинамъ.

— По какимъ же?

— По такимъ, о которыхъ вы не въ правѣ разспрашивать.

Онъ всталъ съ кресла. Лицо его приняло то же выраженіе, которое видѣла на немъ мистриссъ Прести, когда онъ только-что вошелъ въ комнату.

— Входя сюда,—сказалъ онъ,—я желалъ удостовѣриться въ одной вещи, и ваше обращеніе разъяснило мнѣ то, что̀ я хотѣлъ знать. Газеты, по желанію Катерины, величаютъ ее вдовой—вотъ что̀ я желалъ узнать, мистриссъ Прести. Теперь я знаю, почему мой братъ, который никогда меня не обманывалъ, обманулъ меня

въ этомъ случаѣ. Я понимаю, какую роль играетъ моя жена и какую дьявольскую ложь вы сказали моему ребенку. Нѣтъ, нѣтъ, лучше мнѣ не видѣться съ Катериной! Не одинъ мужъ убилъ свою жену по причинѣ менѣе важной. Вы правы, что не пускаете меня къ ней.

Вдругъ онъ умолкъ и оглянулся на дверь.

— Я слышу ея шаги! — закричалъ онъ:—Она сюда идетъ!

Шаги дѣйствительно приближались. Они раздались у самой двери. Гербертъ отошелъ отъ нея. Мистриссъ Прести бросилась къ двери, съ горестнымъ предчувствіемъ самыхъ худшихъ золъ . . . . и впустила капитана Бенедека.

XII.

Вниманіе капитана прежде всего было привлечено посѣтителемъ, котораго онъ засталъ въ гостиной. Онъ поклонился незнакомцу, но первое впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на него, казалось, было неблагопріятно.

Гербертъ, съ своей стороны, обидѣлся критическимъ отношеніемъ къ своей особѣ, которое замѣтилъ во взглядѣ и въ манерахъ пришедшаго. Оглядѣвъ Бенедека съ головы до ногъ, онъ спросилъ мистриссъ Прести:

— Кто этотъ джентльменъ? Можетъ быть, я ошибаюсь,— прибавилъ онъ,—но мнѣ показалось, что вашъ знакомый смотритъ на меня такъ, какъ еслибы зналъ, кто я.

— Я встрѣчалъ васъ раньше, сэръ.

Капитанъ далъ этотъ отвѣтъ вѣжливымъ тономъ, напомнившимъ Герберту о приличіяхъ.

— Могу я спросить, гдѣ именно я имѣлъ честь встрѣчаться съ вами?

— Вы прошли мимо меня въ гостинницѣ въ Сандисилѣ. Съ вами была молодая особа.

— У васъ лучше память, нежели у меня, сэръ. Я этого не помню.

Бенедекъ не сталъ настаивать.

— Можетъ быть, я помѣшалъ конфиденціальному разговору?— обратился онъ къ мистриссъ Прести:—я долженъ объяснить...

Мистриссъ Прести слушала разсѣянно, озабоченная страхомъ, что Гербертъ вызоветъ опасное открытіе, и трудностью предотвратить эту опасность. Она перебила капитана:

— Извините меня, мнѣ надо сказать нѣсколько словъ этому джентльмену.

Бенедекъ немедленно отступилъ вглубь комнаты, а мистриссъ Прести шопотомъ сказала Герберту:

— Вы хотѣли видѣть Китти, — аттаковала она сразу слабую сторону противника: — Это зависитъ отъ вашей скромности.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Не говорите про наши семейные раздоры, и я обѣщаю вамъ, что вы увидитесь съ Китти.

Гербертъ отказался что-либо обѣщать въ этомъ отношеніи и предложилъ мистриссъ Прести выслушать сначала то, чтò собирался ей сказать капитанъ Бенедекъ.

Мистриссъ Прести ничего не оставалось, какъ покориться. Никогда еще не ненавидѣла она Герберта Линлея такъ, какъ въ эту минуту. Капитанъ сказалъ, что у него были причины войти безъ приглашенія. Онъ вошелъ въ надеждѣ...

— Въ надеждѣ видѣть дочь мистриссъ Прести, — перебилъ Гербертъ.

— Это одна изъ причинъ.

— Будетъ ли нескромно спросить о другой?

— Нисколько. Я услышалъ чужой голосъ, говорившій съ дамой такимъ тономъ, какой обыкновенно не принятъ въ гостиныхъ, и хотѣлъ...

— Хотѣли заступиться за даму, — опять перебилъ Гербертъ. — Изъ этого я заключаю, что вы — капитанъ Бенедекъ.

— Радъ слышать, сэръ, что вы такъ догадливы.

— Благодарите за это газеты, которыя возвѣстили о предстоящей женитьбѣ вашей на мистриссъ Норманъ.

— Я не читаю газетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но, можетъ быть, газеты солгали. Позвольте васъ спросить: правда ли, что вы женитесь на „красавицѣ вдовѣ, мистриссъ Норманъ“ — такъ, кажется, стояло въ газетахъ?

Мистриссъ Прести вдругъ встала съ мѣста. Съ искаженнымъ отъ злости лицомъ, она пошла къ двери. Отворяя ее, она повернулась къ обоимъ мужчинамъ съ беззастѣнчивою развязностью, которая служила ей броней въ злыя минуты.

— Мнѣ очень жаль перебить этотъ интересный разговоръ, но я забыла, что мнѣ еще надо распорядиться по хозяйству. Я вернусь, когда окончу свои распоряженія, и съ удвоеннымъ удовольствіемъ послушаю васъ. Надѣюсь, что къ тому времени вы станете оба повѣжливѣе.

Она дошла до такого взрыва тайной ярости, что послала обоимъ воздушный поцѣлуй рукой, прежде, нежели вышла изъ комнаты.

Бенедекъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, убѣжденный, что подъ этимъ скрывается что-то роковое, но совершенно теряясь въ догадкахъ, что именно. Гербертъ продолжалъ разговоръ въ такомъ тонѣ, что ясно было, что онъ ищетъ ссоры съ капитаномъ.

— Какъ я уже замѣтилъ раньше, газетѣ не всегда можно вѣрить. Серьезно ли вы намѣрены, сэръ, жениться на мистриссъ Норманъ?

— Да, я надѣюсь на эту честь и счастіе. Но не понимаю, какое вамъ до этого дѣло?

— Въ такомъ случаѣ позвольте васъ просвѣтить. Меня зовутъ: Гербертъ Линлей.

Онъ ожидалъ, что имя его произведетъ громовой эффектъ, но ошибся. Въ манерахъ капитана и на его лицѣ не выразилось никакого волненія. Напротивъ того, онъ казался только заинтересованнымъ.

— Вы, вѣроятно, родня моему пріятелю?—спокойно спросилъ онъ.

— Кто вашъ пріятель?

— Рандалъ Линлей.

— Я—его старшій братъ.

Не подозрѣвая о семейныхъ раздорахъ фамиліи Линлей, капитанъ Бенедекъ только удивился.

— Сочтете ли вы меня за очень нескромнаго человѣка, если я спрошу васъ: одобряетъ ли мой братъ вашу женитьбу?

Тонъ вопроса показался Бенедеку такимъ же дерзкимъ, какъ и самый вопросъ.

— Я не спрашивалъ мнѣнія моего пріятеля,—коротко и сухо отвѣтилъ онъ.

Гербертъ сбросилъ маску.

— Ну, въ такомъ случаѣ выслушайте мое мнѣніе: вашъ бракъ—преступленіе, и я намѣренъ ему помѣшать.

Капитанъ поднялся съ мѣста и мрачно взглянулъ въ лицо человѣку, осмѣлившемуся сказать такую дерзость.

— Вы съ ума сошли?—спросилъ онъ.

Гербертъ готовъ былъ объявить, что онъ—разведенный мужъ Катерины, какъ вдругъ вошелъ слуга и доложилъ:

— Васъ спрашиваютъ, сэръ. Сейчасъ, немедленно, по очень важному дѣлу.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Одна особа и по очень важному дѣлу, не терпящему отлагательства.

Гербертъ повернулся къ капитану.

— Вы должны обѣщать мнѣ, что подождете меня, иначе я не уѣду отсюда.

— Успокойтесь. Я самъ не двинусь съ мѣста, пока вы не объяснитесь,—былъ твердый отвѣтъ.

Слуга провелъ Герберта по корридору и отворилъ дверь въ общій салонъ гостинницы. Гербертъ вошелъ—и очутился лицомъ къ лицу съ своей разведенной женой.

XIII.

Безъ всякихъ объясненій Катерина подошла къ нему и спросила:

— Отвѣчайте: вы уже сообщили капитану Бенедеку, кто я?

— Нѣтъ еще.

Онъ не узналъ Катерины. Въ послѣдній разъ, когда онъ видѣлъ ее въ Сандисилѣ, она была блѣдна и разстроена отъ неожиданной встрѣчи. Огорченіе и досада старили ее и придавали жесткое выраженіе ея лицу. Теперь она знала заранѣе, что увидитъ его, и приготовилась къ этому свиданію. Голубые глаза ея блестѣли, яркій румянецъ игралъ на щекахъ. Онъ былъ положительно ослѣпленъ ея красотой.

— Въ прошлое время, которое мы оба помнимъ,—сказала она,—вы находили, что я—самая правдивая женщина, какую вы только знаете. Съ тѣхъ поръ вы не перемѣнили своего мнѣнія?

— Нисколько.

— Прежде, чѣмъ вы вошли въ этотъ домъ, я рѣшила сообщить капитану Бенедеку то, что вы ему еще не передали. Скажите, вѣрите ли вы тому, что я говорю?

Онъ не спускалъ съ нея глазъ и мягко отвѣтилъ:

— Я вамъ вѣрю.

Она вынула письмо изъ-за корсета и показала ему, что оно не запечатано.

— Я писала его въ своей спальнѣ, когда матушка пришла и сообщила мнѣ, что вы сидите съ капитаномъ Бенедекомъ въ гостиной. Она побоялась ссоры и скандала и просила меня объясниться съ вами. Гдѣ капитанъ Бенедекъ?

— Онъ дожидается въ гостиной.

— Дожидается васъ?

Да.

Она подумала съ минуту и затѣмъ сказала:

— Я принесла съ собой письмо; хотите его прочитать?

Она подала ему письмо. Онъ не рѣшился сразу его взять.

— Вы мнѣ писали?—спросилъ онъ.

— Я писала капитану Бенедеку,—отвѣтила она.

Ревность, кипѣвшая въ немъ и на которую онъ не имѣлъ никакого права, заставила его притворяться равнодушнымъ. Онъ объявилъ, что не желаетъ знать содержаніе письма.

— Нѣтъ, вы должны узнать его,—настаивала Катерина.—Я пишу ему всю правду безъ утайки. Хотите прочитать письмо?

Онъ молча взялъ и сталъ читать. Стараніе быть спокойнымъ и благоразумнымъ было ему почти не подъ силу. Катерина услышала, какъ онъ тяжко вздыхалъ, читая письмо. Дочитавъ, онъ всталъ, подошелъ къ ней и подалъ письмо.

Два раза пытался онъ заговорить, и два раза голосъ измѣнялъ ему.

Наконецъ онъ справился съ собой и заставилъ голосъ не дрожать и произносить слова твердо, хотя и мягко:

— Стòитъ ли человѣкъ, за котораго вы собираетесь выйти замужъ, *этой* жертвы?—спросилъ онъ, указывая на письмо.

Она твердо отвѣчала:

— Стòитъ.

— Выходите за него замужъ, Катерина, и забудьте *меня*.

Великое сердце, которое онъ такъ жестоко оскорбилъ, дрогнуло отъ состраданія. Она простила ему и, заливаясь слезами, протянула дрожащую руку. Онъ прикоснулся къ ней губами ...и исчезъ.

XIV.

Веселая и радостная появилась въ гостиной мистриссъ Прести.

— Мы избавлены отъ нашего врага!—объявила она.—Я видѣла въ окно, какъ онъ уѣхалъ.

Она замолчала, пораженная глубоко-огорченнымъ видомъ дочери.

— Катерина!—воскликнула она: —я говорю тебѣ, что Гербертъ уѣхалъ, а ты такъ смотришь, какъ будто бы объ этомъ сожалѣешь! Чтò случилось?

— Ничего.

— Онъ успѣлъ сообщить Бенедеку про разводъ?

— Нѣтъ.

— Слава Богу! Теперь нечего бояться. Гдѣ капитанъ?

— Онъ все еще въ пріемной.

— Почему ты не идешь къ нему?

— Я не смѣю.

— Хочешь, я пойду.

— Да... и отдайте ему вотъ это.

Мистриссъ Прести взяла письмо.

— Ты хочешь, вѣрно, чтобы я разорвала письмо, и это умно съ твоей стороны.

— Я хочу сказать то, чтó я сказала.

— Дорогое дитя мое, если ты хоть сколько-нибудь уважаешь себя и меня, то не проси меня передавать Бенедеку это безумное письмо! Послушайся матери! Нѣтъ, не хочешь?

— Не хочу.

— Если когда-нибудь Китти будетъ такъ поступать съ тобой, Катерина, какъ ты поступаешь со мной, то тебѣ это будетъ подѣломъ. О! еслибы ты была ребенкомъ, я бы выбила эту дурь изъ тебя... ужъ я бы выбила!

Съ этимъ взрывомъ яростныхъ словъ она взяла письмо къ Бенедеку. Черезъ минуту она вернулась укрощенная.

— Онъ пугаетъ меня,—объявила она.

— Онъ очень разсердился?

— Нисколько... Это-то всего хуже. Когда мужчины сердятся, я ихъ никогда не боюсь. Онъ спокоенъ, слишкомъ спокоенъ. Онъ сказалъ: „Я жду мистера Герберта Линлея; гдѣ онъ“? Я отвѣчала:—Онъ уѣхалъ. Онъ сказалъ: „Что это значитъ?“ А я подала ему письмо.—Можетъ быть, это объяснитъ вамъ,—сказала я.—Онъ взглянулъ на адресъ и сейчасъ узналъ твой почеркъ. „Зачѣмъ она пишетъ мнѣ, когда мы живемъ въ одномъ домѣ? Зачѣмъ она не на словахъ объяснитъ мнѣ то, чтó хочетъ сказать?“—И глаза его, эти добрые глаза, такъ и впились въ меня, такъ и впились,—кто бы могъ это подумать!—точно онъ хотѣлъ насквозь прочитать меня. „Я васъ долѣе не задерживаю“,—объявилъ онъ вдругъ. Меня, ты знаешь, не легко смутить... но я рада была уйти отъ него поскорѣй. И чтò бы ты думала? не успѣла я выйти въ корридоръ, какъ онъ заперся на ключъ. Онъ заперся на ключъ, моя милая, понимаешь ты это? Мы здѣсь слишкомъ близко отъ него. Пойдемъ на верхъ.

Катерина отказалась.

— Я должна быть ближе къ нему; можетъ быть, онъ захочетъ меня видѣть.

Мать напомнила ей, что салонъ—общественная комната и можетъ понадобиться другимъ жильцамъ.

— Пойдемъ лучше въ садъ,—предложила она.—Мы скажемъ слугѣ, гдѣ найти насъ, если насъ пожелаютъ видѣть.

Катерина согласилась. Возбужденіе мистриссъ Прести всегда расходовалось въ болтовнѣ. Дочери ея нечего было говорить и неохота было ничего слушать. Жизнь какъ будто замерла въ ней въ эту страшную минуту ожиданія. Онѣ бродили по саду. Полчаса прошло, а никто не приходилъ за ними. Часы въ гостинницѣ пробили часъ. И все еще никакихъ гонцовъ не было видно.

— Я не могу долѣе терпѣть,—сказала Катерина.

Она упала на одинъ изъ садовыхъ стульевъ и схватила мать за руку.

— Подите къ нему, ради Бога!—молила она.—Я не могу долѣе терпѣть.

Мистриссъ Прести, храбрая мистриссъ Прести, тоже трусила.

— Онъ любитъ Китти,—сказала она.—Я ее пошлю къ нему.

Черезъ минуту Китти разыскали, мистриссъ Прести дала ей свои инструкціи, и дѣвочка побѣжала исполнять порученіе, гордясь и радуясь, что придетъ къ капитану одна, „точно большая".

Вскорѣ она прибѣжала назадъ.

— Хорошо, что вы меня послали!—объявила она.—Онъ сказалъ, что ни для кого другого не отперъ бы дверь... право, онъ такъ сказалъ.

— Ты тихонько постучалась, какъ я тебѣ говорила?—спросила мистриссъ Прести.

— Нѣтъ, бабушка, я забыла. Я сначала хотѣла отворить дверь. Онъ крикнулъ, чтобы его не безпокоили. Я сказала:—да вѣдь это я,—и онъ тотчасъ отперъ дверь. Отчего онъ такой блѣдный, мама? развѣ онъ боленъ?

— Можетъ быть, отъ жары,—нашлась мистриссъ Прести.

— Онъ сказалъ: „дорогая Китти!" и взялъ меня на руки и поцѣловалъ. Когда онъ сѣлъ и посадилъ меня къ себѣ на колѣни, онъ спросилъ: люблю ли я его? а я отвѣчала: да, очень люблю. И тогда онъ опять меня поцѣловалъ и спросилъ: вѣрно, я по немъ соскучилась, что пришла? А я, бабушка, забыла, что̀ вы мнѣ велѣли ему сказать и сама придумала.

— Что̀ ты ему сказала?

— Я сказала ему: и мама васъ такъ же любитъ, какъ и я, и она соскучилась по васъ. Тутъ онъ спустилъ меня съ колѣнъ, и подошелъ къ окну, и сталъ глядѣть. Я сказала ему, что такъ онъ ея не дождется, и сказала: я пойду и приведу ее. Но

вѣдь онъ ужасно упрямъ, нашъ милый капитанъ. Онъ ни за что не хотѣлъ отойти отъ окна. Я сказала:—хотите видѣть маму? А онъ сказалъ: „да". Ну, такъ не запирайте дверь, ей это не понравится. И что бы вы думали онъ мнѣ на это сказалъ:— „Прощайте, Китти!"—Развѣ это не смѣшно? Мнѣ кажется онъ самъ не понималъ, что говорилъ. Если хотите знать, мама, мое мнѣніе, то чѣмъ скорѣе вы къ нему пойдете, тѣмъ будетъ лучше.

Катерина колебалась. Мистриссъ Прести съ одной стороны, а Китти съ другой—повели ее въ домъ.

XV.

Капитанъ Бенедекъ встрѣтилъ Катерину съ дочерью у открытыхъ дверей. Мистриссъ Прести, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ, ждала въ корридорѣ, чтобы уловить выраженіе лица капитана. Но она ничего на немъ не прочитала.

Катерина же увидѣла въ немъ перемѣну. Въ его манерахъ было что-то подавленное и апатичное. Онъ походилъ на человѣка, который заставилъ себя сдѣлать нѣчто такое, что истощило всѣ его силы. Капитанъ былъ спокоенъ, капитанъ былъ добръ; ни словомъ, ни взглядомъ не далъ онъ понять Катеринѣ, что всѣ ихъ планы рушились; однако сердце въ ней упало, когда они встрѣтились у двери.

Онъ довелъ ее до кресла, говоря, что она пришла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ особенно желалъ съ нею переговорить. Китти спросила, можно ли ей остаться съ ними, но онъ ласково положилъ ей руку на голову, говоря:—Нѣтъ, моя душа, не теперь.

Ребенокъ взглянулъ на него и тоже понялъ, что онъ не такой, какъ всегда, и это открытіе произвело свое дѣйствіе: Китти молча и покорно удалилась.

Капитанъ затворилъ дверь и сѣлъ около Катерины.

— Благодарю васъ за письмо,—сказалъ онъ:—еслибы только это было возможно, то оно заставило бы меня уважать васъ еще сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Вы сознались въ ошибкахъ и обманѣ, допущенномъ вами, когда ничего не могли выиграть, а только проиграть, открывая истину. Только хорошая женщина способна на это.

Въ его голосѣ было больше чувства, нежели въ словахъ. Катерина придвинулась къ нему ближе и взяла его за руку.

— Вы не можете себѣ представить, какъ вы меня удивляете и утѣшаете!—съ жаромъ сказала она и пожала его руку.

Въ порывѣ благодарности, она и не замѣтила, что онъ не отвѣтилъ на ея пожатіе.

— Чѣмъ я васъ удивилъ? чѣмъ утѣшилъ?

— Я боялась, что вы будете презирать меня.

— Но почему же?

— Потому что я дѣйствовала съ самаго начала не прямо и не откровенно съ вами.

— Скажите лучше—за то, что вы человѣкъ съ такими же слабостями, какъ и всѣ люди. Развѣ вы видали безгрѣшныхъ людей?

— Иногда о нихъ читаешь въ книгахъ,—замѣтила она.

— Да. И это худшія и самыя безнравственныя книги, какія только существуютъ.

— Почему онѣ безнравственны?

— Потому самому, что сознательно извращаютъ истину. Какимъ низкимъ фарисеемъ долженъ былъ бы я быть, чтобы презирать васъ!

Она съ благодарностью взглянула на него, но сердце подсказало ей, что радоваться особенно нечему.

— Я жалѣю, что вы допустили обманъ, хотя и понимаю ваши мотивы,—продолжалъ онъ,—но исправить его такъ легко. Выведите вашу дочь изъ заблужденія, какъ вывели меня, и затѣмъ... у меня нѣтъ личныхъ мотивовъ ходатайствовать за мистера Герберта Линлея, послѣ того, какъ я его видѣлъ... но вы должны признать его права на ребенка.

— Вы хотите сказать, что я должна ему позволить видѣться съ Китти?

— Да, что̀ же другое? Да! видѣться съ нею. Сдѣлайте то, что̀ вы должны были сдѣлать въ тотъ проклятый день, который будетъ злополучнѣйшимъ днемъ въ моемъ календарѣ.

— О какомъ днѣ вы говорите?

— О томъ, въ который вы помнили о людскихъ законахъ, но забыли о божескихъ; о томъ днѣ, когда вы порвали брачныя узы, священныя брачныя узы, попросивъ развода!

Она слушала, но уже безъ страха, а съ негодованіемъ.

— Вы слишкомъ жестоки!—объявила она.—Вы судите безпощадно объ единственномъ безупречномъ поступкѣ въ моей жизни,—поступкѣ, которымъ я обезпечила за собою материнскія права надъ моимъ ребенкомъ. О! неужели это *вы* говорите? неужели это возможно?

— Возможно и должно,—горько вздохнулъ онъ.

— Какое странное заблужденіе! Почему проклинаете вы день, счастливый день, который вернулъ мнѣ моего ребенка?

— По самой эгоистичной причинѣ. Я проклинаю вашъ разводъ, потому что онъ разлучаетъ насъ на вѣки.

— Разлучаетъ насъ на вѣки? какимъ образомъ?

— И вы еще спрашиваете?

— Да, спрашиваю!

Онъ оглядѣлъ комнату. Общество религіозныхъ людей, посѣтившее гостинницу, когда она была только-что открыта, просило позволенія снабдить каждую комнату экземпляромъ библіи. Одинъ такой экземпляръ лежалъ на каминѣ въ гостиной Катерины. Капитанъ Бенедекъ взялъ библію и раскрылъ Новый Завѣтъ, на евангеліи св. Матеея.

— Прочитайте,—сказалъ онъ,—то, что̀ сказалъ снисходительнѣйшій изъ всѣхъ учителей въ Нагорной проповѣди.

Она прочитала: „кто женится на разведенной женѣ, тотъ сотворитъ прелюбодѣяніе“.

Другая невинная женщина на ея мѣстѣ указала бы на первую часть этого текста, въ которомъ предполагается невѣрность разведенной, и спросила бы:—неужели это къ ней относится? Но эта женщина, зная, что она его потеряла, знала также и то, чѣмъ обязана передъ самой собой. Она молча встала и протянула ему руку.

Онъ подождалъ прежде, нежели взять ея руку.

— Вы меня прощаете?—спросилъ онъ.

— Я васъ жалѣю.

— Оглянитесь назадъ, на дни вашей замужней жизни, и припомните слова, которыми вы были соединены съ мужемъ до тѣхъ поръ, пока смерть не разлучитъ васъ? Что̀ онъ обращался съ вами съ грубой жестокостью?

— Никогда.

— Онъ раскаялся въ своемъ прегрѣшеніи?

— Да.

— Спросите свою совѣсть: нѣтъ ли для васъ и для вашего ребенка болѣе достойной жизни, нежели та, какую вы теперь ведете?

Она молчала.

— Не заблуждайтесь насчетъ моихъ намѣреній,—мягко сказалъ онъ.—Я смотрю на несчастіе, поразившее меня, не съ эгоистической точки зрѣнія личнаго отчаянія... я думаю о *вашемъ* будущемъ и стараюсь указать вамъ наилучшій выходъ изъ вашего

положенія. Катерина, неужели у васъ не находится для меня дружескаго слова?

— Вы поставили меня въ необходимость сказать вамъ только одно слово: прощайте!

Онъ тихонько привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ. Мука, выразившаяся въ его лицѣ, была ей не по силамъ; она съ ужасомъ отскочила отъ него. Послѣдней его мыслью была забота о спокойствіи женщины, которую онъ любилъ. Онъ далъ ей знакъ выйти.

XVI.

Мистриссъ Прести ждала въ саду, чтобы къ ней пришли дочь съ капитаномъ Бенедекомъ, и ждала напрасно. Ея внучкѣ давно уже пора было спать; она рѣшила вернуться въ домъ.

— Зайдемъ за ними въ гостиную,—предложила Китти.

— Подождемъ минутку у двери, прежде нежели войти,—сообразила бабушка.—Если я услышу, что они разговариваютъ, я отведу тебя на верхъ спать.

— Почему?

— Потому что не слѣдуетъ ихъ перебивать.

— Почему?

Мистриссъ Прести удостоила Китти совѣтомъ насчетъ обращенія съ любопытными дѣтьми, который могъ ей пригодиться впослѣдствіи.

— Когда ты выростешь, душа моя, то берегись впадать въ только-что сдѣланную мною ошибку. Никогда не высказывай своихъ резоновъ, когда ребенокъ спроситъ у тебя: почему?

— Развѣ съ вами, бабушка, такъ обращались, когда вы были маленькая?

— Разумѣется, такъ.

— Почему?

Они дошли тѣмъ временемъ до гостиной. Китти безъ церемоніи отворила ее и заглянула. Комната была пуста.

Сдавъ внучку на руки няньки, мистриссъ Прести постучала въ дверь спальни Катерины.

— Можно войти?

— Войдите! Гдѣ Китти?

— Сусанна укладываетъ ее спать.

— Остановите ее! Китти не должна ложиться спать. Пожалуйста, безъ разспросовъ. Я объяснюсь, когда вы вернетесь назадъ.

Въ глазахъ ея видна была такая рѣшительность, а голосъ

былъ такой повелительный, что мистриссъ Прести нашла нужнымъ отложить всякія претензіи въ сторону и покориться.

— Я не спрашиваю, что̀ случилось,—сказала она въ отвѣтъ.— Твое письмо, это роковое письмо, оправдало худшія мои опасенія. Ради самого неба, что́ намъ теперь дѣлать?

— Уѣхать отсюда!

— Когда?

— Сегодня же.

— Катерина! ты знаешь ли, который часъ?

— Все равно; мы успѣемъ попасть на лондонскій поѣздъ. Не спорьте со мной! Если я останусь здѣсь, я съ ума сойду! Ударъ, нанесенный мнѣ, униженіе, которое я вынесла—говорю вамъ, что это мнѣ не подъ-силу! Оставайтесь здѣсь, если хотите. Я уѣзжаю.

Она бѣгала взадъ и впередъ по комнатѣ въ неописанномъ волненіи.

Мистриссъ Прести избрала единственное средство хоть сколько-нибудь ее успокоить.

— Не волнуйся, Катя, и все, что̀ ты хочешь, будетъ исполнено. Я покончу всѣ разсчеты съ хозяиномъ гостинницы и отдамъ приказанія горничной. Посиди у открытаго окна. Вѣтеръ освѣжитъ тебя.

Поѣзды изъ Сайденгема въ Лондонъ ходятъ очень поздно. За пять минутъ до полуночи, онѣ поспѣли на послѣдній отходившій поѣздъ. Когда они отъѣхали отъ станціи, Катерина настолько успокоилась, что могла говорить о своихъ планахъ на будущее время.

Ночь они проведутъ въ ближайшемъ отъ желѣзной дороги отелѣ, а на слѣдующій день найдутъ какой-нибудь тихій уголокъ за городомъ, гдѣ-нибудь, все равно, только, чтобы никто ихъ не безпокоилъ.

— Дайте мнѣ отдохнуть и успокоиться!—просила Катерина. —Спрячьте меня отъ гостей и знакомыхъ!

Эти условія были строго выполнены, и исключеніе было сдѣлано только въ пользу мистера Саррацина. Пока денежныя дѣла его кліентки не были улажены, стряпчій имѣлъ право быть къ ней допущенъ.

Послѣ ихъ отъѣзда капитанъ Бенедекъ, чтобы разсѣять себя, занялся чтеніемъ полученныхъ имъ писемъ, которыя до сихъ поръ были имъ не прочитаны. Среди многихъ мало интересныхъ писемъ одно оказалось вполнѣ заслуживающимъ его вниманія.

То было письмо отъ дочери его друга, Родерика Уэстерфильда. Изъ письма Сидни онъ узналъ то, что̀ уже раньше было сообщено ему объ ея печальной исторіи Катериной, но послѣдняя скрыла отъ него имя гувернантки, похитившей у нея мужа, великодушно щадя чужую тайну. Капитанъ Бенедекъ рѣшился лучше на словахъ сообщить свой отвѣтъ Сидни Уэстерфильдъ, и на слѣдующее утро съ первымъ поѣздомъ отправился въ Лондонъ и прямо поѣхалъ на квартиру Рандаля, чтобы добыть отъ него адресъ Сидни.

Сообщивъ ему адресъ, Рандаль спросилъ, намекая на помолвку, объявленную въ газетахъ:

— Можно васъ поздравить?

— Поздравить съ тѣмъ, что я нашелъ дочь Родерика Уэстерфильда?

Этотъ отвѣтъ и тонъ, которымъ онъ былъ сдѣланъ, заставилъ Рандаля спросить: — Развѣ слухъ о помолвкѣ преждевременный?

— Никакой помолвки не существуетъ,—отвѣтилъ Бенедекъ съ такимъ взглядомъ, который лучше всякихъ словъ говорилъ, что не слѣдуетъ распространяться объ этомъ предметѣ.

Но извѣстіе это обрадовало Рандаля, ради брата. Онъ рискнулъ поэтому спросить:—все ли еще Катерина находится въ Сайденгемѣ?

Капитанъ отрицательно качнулъ головой. Рандаль настаивалъ.

— Вы не знаете, куда она уѣхала?

— Никто не знаетъ, кромѣ ея повѣреннаго.

— Въ такомъ случаѣ,—заключилъ Рандаль,—я получу свѣденія, въ какихъ нуждаюсь.

И, замѣтивъ, что Бенедекъ смотритъ на него съ удивленіемъ, объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Герберту ужасно хочется видѣть Китти; я желаю ему въ этомъ помочь. Онъ, съ своей стороны, все сдѣлалъ, что̀ во власти мужчины, для того, чтобы загладить прошлое. Мнѣ кажется, что, какъ теперь сложились обстоятельства, я не оскорблю Катерину, если устрою свиданіе между отцомъ и дочерью. Какъ вы думаете?

Бенедекъ энергически и серьезно отвѣтилъ:

— Устройте это какъ можно скорѣе!

Они вмѣстѣ вышли изъ дому: одинъ—чтобы идти къ Сидни, другой—чтобы увидѣться съ мистеромъ Саррациномъ.

XVII.

Когда служанка доложила миссъ Уэстерфильдъ о приходѣ капитана, первымъ движеніемъ Сидни былъ страхъ за то, какъ онъ обойдется съ нею. Она помнила, что женщина въ ея положеніи нуждается въ такой снисходительности, какую не всегда можно встрѣтить даже у добрыхъ людей. Но съ первыхъ же словъ Бенедека она убѣдилась, что страхъ ея неоснователенъ.

— Душа моя, какъ вы похожи на своего отца! у васъ его глаза и его улыбка. Не могу выразить вамъ, какъ мнѣ пріятно это сходство съ моимъ дорогимъ другомъ.

Онъ взялъ ее за руку и поцѣловалъ такъ, какъ еслибы она была его дочь.

— Вы не помните меня, Сидни, какъ я бывалъ у васъ въ домѣ? Нѣтъ: вы были слишкомъ малы.

Она была глубоко тронута и тихимъ, дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Я помню ваше имя; мой бѣдный папà часто о васъ говорилъ.

Капитанъ Бенедекъ долго бесѣдовалъ съ Сидни и закончилъ разговоръ словами:

— Съ сегодняшняго дня, моя дорогая, мы начнемъ новую жизнь, и, если Богу угодно, она будетъ счастливѣе прежней. Есть ли у васъ какіе планы насчетъ вашей будущей жизни?

— Я бы хотѣла, если можно, эмигрировать,—отвѣчала покорно Сидни.—Я бы не отказалась ни отъ какого дѣла; никакое занятіе не сочла бы ниже своего достоинства и, кромѣ того, еслибы я отправилась въ Америку, то, можетъ быть, разыскала бы своего брата.

— Дорогое дитя мое, послѣ такого длиннаго промежутка времени нѣтъ никакой надежды, чтобы вы встрѣтили вашего брата. Да еслибы вы и встрѣтились, то не узнали бы другъ друга. Отбросьте эту тщетную надежду и останьтесь со мной. Вы можете быть полезны и счастливы у себя на родинѣ.

— Полезна? — повторила Сидни печально.—Ваше доброе сердце, капитанъ Бенедекъ, вводитъ васъ въ заблужденіе. Быть полезнымъ другимъ, полагаю, значитъ помогать имъ. А кто же захочетъ принять отъ меня помощь?

— Я,—отвѣчалъ капитанъ.

— Вы?

— Да. Вы можете быть очень полезной для меня помощницей. Я сейчасъ разскажу вамъ, какимъ образомъ.

И онъ сообщилъ ей про свой пріютъ и его назначеніе и предложилъ ей быть его секретаремъ. Рандаль засталъ ихъ за разборкой дѣловыхъ бумагъ и былъ пріятно удивленъ тѣмъ, что̀ ему сообщили о новыхъ занятіяхъ Сидни Уэстерфильдъ. Съ своей стороны, онъ пришелъ сообщить, что мистеръ Саррацинъ далъ ему адресъ Катерины и что Гербертъ Линлей поѣдетъ туда немедленно, если только узнаетъ, что капитанъ Бенедекъ на ней не женится, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, не рѣшится безпокоить женщину, бывшую когда-то его женой.

Капитанъ понялъ, чего отъ него требовали.

— Скажите ему обо мнѣ, что̀ хотите,—отвѣчалъ онъ,—и поскорѣе соедините отца съ дочерью... Черезъ это вы можете вызвать примиреніе между мужемъ и женой.

— Развѣ вы забыли,—замѣтилъ Рандаль,—что ихъ бракъ расторгнутъ?

Бенедекъ показалъ, что рѣшительно игнорируетъ такой законъ.

— Я помню только,—сказалъ онъ,—что бракъ былъ профанированъ.

XVIII.

Два дня спустя послѣ того, какъ они оставили гостинницу въ Сайденгемѣ, Катерина и ея маленькая семья поселились въ небольшомъ коттеджѣ въ Брайтуотерѣ.

Мистриссъ Прести замѣтила, что Катерина особенно грустна и озабочена, и на ея вопросъ, что̀ ее такъ особенно тревожитъ, отвѣчала, что она не знаетъ, какъ ей выйти изъ ложнаго положенія относительно маленькой Китти, созданнаго той ложью, какую ей сказали о смерти отца. Теперь отецъ желаетъ видѣться съ дочерью, а она не можетъ ему этого запретить, но... какъ же ей теперь быть?

— Предоставь мнѣ,—успокоила мистриссъ Прести.—У меня въ рукахъ средство выйти изъ затрудненія.

И она указала на книгу, которую держала въ рукахъ,—книгу, трактовавшую о кораблекрушеніяхъ.

Катерина вопросительно взглянула на нее.

— Ты не понимаешь? Впрочемъ я забыла, что ты не наслѣдовала отъ меня живости воображенія. Годы не ослабили во мнѣ этой способности, которая приводила въ такое изумленіе

твоего бѣднаго отца. Онъ постоянно дивился, почему я не пишу романовъ. Мистеръ Прести также высоко цѣнилъ мой умъ, но съ другой точки зрѣнія. „Пожалуйста, душа моя,—говаривалъ онъ,—не лишай себя того высокаго отличія, какое у тебя есть: ты теперь одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ въ Англіи: ты не написала ни одного романа".—Извини меня, я вдалась въ историческіе анекдоты и отвлеклась отъ дѣла. Предположимъ, что я прочитала исторію о кораблекрушеніи и о томъ, что пассажиры, считавшіеся утонувшими, вдругъ вернулись въ свои семьи, и какъ тѣ обрадовались... Какъ ты думаешь: можетъ это облегчить намъ нашу задачу?

Катерина такъ ухватилась за эту мысль, что захотѣла немедленно испробовать ее на дѣлѣ.

Послали за Китти, и та появилась съ удочкой на плечѣ.

— Я иду удить рыбу,—объявила она,—и принесу вамъ ее на обѣдъ.

Мистриссъ Прести остановила Катерину за руку въ тотъ самый моментъ, какъ та собиралась предложить дочкѣ почитать лучше исторію о кораблекрушеніи.

— Оставь,—прошептала она:—у нея теперь не то на умѣ, и она будетъ невнимательна. Пусть ее сначала позабавится. Когда ей надоѣстъ возиться съ удочкой, она рада будетъ всякому новому развлеченію.

Китти, въ сопровожденіи вѣрной Сусанны, отправилась къ рѣкѣ и закинула удочку.

Удить рыбу на солнцѣ могло бы быть само по себѣ урокомъ терпѣнія, и Сусанна могла бы полюбоваться терпѣніемъ барышни, еслибы не заснула. Но рыба не клевала, и Китти, въ концѣ концовъ, потеряла терпѣніе. Она положила удочку на берегъ и стала искать новой забавы. Собирая цвѣты, она очутилась у калитки какого-то огорода, загораживавшаго путь, а возлѣ калитки стояла простая скамейка. По правую руку у нея былъ деревянный мостъ, перекинутый черезъ рѣку въ этомъ мѣстѣ и служившій средствомъ сообщенія для слугъ и торговцевъ между коттеджемъ и селеніемъ, виднѣвшимся по ту сторону рѣки въ милѣ разстоянія.

Дѣвочка устала и ей было жарко. Она сѣла на скамейку и принялась связывать букетъ для своей матери. Среди этого занятія она вдругъ услышала голосъ, звавшій ее. Она оглянулась и увидѣла какого-то джентльмена, переходившаго черезъ мостъ. Онъ спрашивалъ у нея, какъ пройти въ брайтуотерскій коттеджъ.

Что-то въ голосѣ его поразило ее, и она побѣжала ему навстрѣчу. Когда они близко сошлись, глаза господина засверкали, щеки вспыхнули и онъ весело закричалъ:—Ахъ! вотъ и она сама!

Но тотчасъ же поблѣднѣлъ и смолкъ, видя, что дѣвочка смотритъ на него съ невиннымъ любопытствомъ. Онъ поразилъ Китти не тѣмъ, что казался разстроеннымъ и огорченнымъ, но потому что она нашла, что онъ похожъ—ахъ, какъ похожъ, хотя гораздо худѣе, блѣднѣе и старше—на ея покойнаго отца!

— Вотъ коттеджъ, сэръ,—тихо сказала она.

Печальные глаза его не отрывались отъ нея, и однако казалось, что она чѣмъ-то разочаровала его. Дитя рѣшилось спросить:

— Вы меня знаете, сэръ?

Онъ отвѣчалъ печальнѣйшимъ голосомъ, какой когда-либо слышала Китти.

— Милое дитя мое, почему вы думаете, что я васъ знаю?

Она не знала, что̀ сказать, боясь огорчить его. И только промолвила:

— Вы такъ похожи на моего бѣднаго папу.

Онъ вздрогнулъ, точно испугался, и взялъ ее за руку. Въ такой жаркій день пальцы его были холодны какъ ледъ. Онъ отвелъ ее назадъ къ скамейкѣ, на которой она передъ тѣмъ сидѣла.

— Я усталъ, моя душа,—сказалъ онъ.—Посидимъ немного.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ, казалось, очень усталъ; онъ просто съ трудомъ волочилъ ноги. Китти было его очень жаль.

— Я боюсь, что вы больны,—сказала она, усаживаясь съ нимъ рядомъ на скамейкѣ.

— Нѣтъ; не боленъ, но только усталъ и боюсь, не напугалъ ли я васъ.

Онъ держалъ ея ручку въ своей и гладилъ время отъ времени.

— Моя милочка, почему вы назвали своего папу „бѣднымъ", когда сейчасъ о немъ заговорили?

— Потому что мой папа умеръ, сэръ.

Онъ отвернулся и прижалъ обѣ руки къ груди, какъ бы стараясь подавить сильную боль. Наконецъ справился съ собой и спросилъ, кто ей сказалъ, что ея папа умеръ?

— Бабушка.

— А вы помните, что̀ вамъ сказала бабушка?

— Да; она сказала, что папа утонулъ въ морѣ.

Онъ сказалъ сквозь зубы:—Не мать сказала это, слава Богу, не мать!

Чтò онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Китти глядѣла на него во всѣ глаза и удивлялась. Онъ обнялъ ее.

— Сядь ко мнѣ ближе,—сказалъ онъ, — не бойся меня, моя милочка.

Она придвинулась къ нему ближе.

— Папа, вѣрно, цѣловалъ тебя; ты говоришь, что я похожъ на твоего папу; можно мнѣ поцѣловать тебя?

Она положила свои ручки къ нему на плечи и приблизила свое личико къ его лицу. Въ ту минуту, какъ онъ поцѣловалъ ее, она узнала его. Сердце у нея сильно забилось отъ восторга; она закричала: — Такъ меня папа цѣловалъ! О! вы мой папа вы мой папа! вы не утонули въ морѣ.

Она охватила рученками его шею, точно боялась отпустить его отъ себя.

— Милый папа! бѣдный папа!

Слезы текли по его лицу.

— Моя дорогая дѣвочка! моя милая, милая Китти!

— Пойдемъ,—сказала Китти,—къ мамѣ; она будетъ такъ же рада, какъ и я!

Онъ колебался. Она вскочила къ нему на колѣни, прижалась щекой къ его щекѣ съ привычной для него лаской.

— О! папа! неужели вы хотите огорчить меня въ первый разъ въ жизни?

Онъ сдался. Онъ былъ такъ слабъ въ ея рукахъ, какъ еслибы онъ былъ ребенокъ, а она—сильный мужчина.

Смѣясь, напѣвая и танцуя вокругъ него, Китти подвела его къ окну, выходившему изъ гостиной въ садъ. Кто-то затворилъ его изнутри. Мать ея услышала стукъ, мать подошла къ окну и... выбѣжала имъ на-встрѣчу. И вотъ эти трое лицъ снова соединились впервые послѣ того злополучнаго дня, когда оставили Моунтъ-Морвенъ, впервые послѣ неестественной разлуки между отцомъ и дочерью.

ЭПИЛОГЪ.

1. — Апологія законовѣда.

Чтобы женщина такихъ зрѣлыхъ лѣтъ, какъ моя жена, ревновала такого примѣрнаго мужа, какого только можно найти въ брачныхъ лѣтописяхъ—это, можно сказать, по меньшей мѣрѣ огорчительно. Мужчина склоненъ въ такихъ случаяхъ забывать, что добродѣтель находитъ награду въ самой себѣ, и спрашиваетъ: стоитъ ли послѣ этого быть вѣрнымъ мужемъ?

Какъ бы то ни было, а правиломъ брачной жизни должно быть: миръ во что бы то ни стало. Сегодня съ меня сняли зарокъ тайны; ты настаиваешь на объясненіи. Будь по твоему.

Въ тысячный разъ, душа моя, съ тѣхъ поръ, какъ мы соединили свою судьбу, ты права. Письмо, съ надписью: секретное, полученное мною за чаемъ, было дѣйствительно, какъ ты справедливо предположила, отъ дамы, отъ очаровательной дамы, находящейся въ большомъ затрудненіи. Мы коротко знакомы между собой уже много лѣтъ, въ качествѣ законовѣда и кліентки. Ей нуженъ былъ и на этотъ разъ мой совѣтъ и въ величайшемъ секретѣ. Совмѣстимо ли съ моими профессіональными обязанностями показать такое письмо женѣ? Мистриссъ Саррацинъ говоритъ: да. Мужъ мистриссъ Саррацинъ говоритъ: нѣтъ.

Позволь мнѣ прибавить, что эта дама—особа съ незапятнанной репутаціей и что она попала въ ложное положеніе не по своей винѣ. Говоря по просту, безъ затѣй, она была въ разводѣ съ мужемъ.

Да, моя кліентка—мистриссъ Норманъ, и къ ней отправился я на другой день. Тамъ нашелъ я своего пріятеля Рандаля Линлея, тоже явившагося по спеціальному приглашенію.

Постой минуту. Зачѣмъ я пишу все это, вмѣсто того, чтобы высказать на словахъ? Душа моя, ты принадлежишь къ старинной и знаменитой фамиліи; ты сдѣлала мнѣ честь выйти за меня замужъ и наслѣдовала (какъ мнѣ сказалъ твой отецъ въ день нашей свадьбы) надменный и горячій характеръ своей расы. Я предвижу взрывъ этого характера, а потому пусть лучше бумага подвергается ему, а не моя особа.

Это признаніе доказываетъ мою трусость — согласенъ. Но мужество, мистриссъ Саррацинъ, дѣло относительное: у самаго храбраго человѣка можетъ быть своя Ахиллесова пята.

Итакъ: мистриссъ Норманъ, Рандаль Линлей и я сидѣли и совѣщались въ коттеджѣ мистриссъ Норманъ.

Чтò нужно было моей прекрасной кліенткѣ?

Она затѣяла вновь вступить въ бракъ и призвала меня на совѣтъ.

Изъ словъ Рандаля Линлея я вывелъ заключеніе, что она собирается вновь выйти замужъ за своего разведеннаго мужа. Когда я спросилъ его, такъ ли это, онъ отвѣчалъ:

— Да, если законъ допускаетъ это.

Милая моя супруга, во всю совмѣстную жизнь нашу вамъ еще не доводилось видѣть вашего мужа въ состояніи такого удивленія. Какъ! вотъ женщина, которая по собственной охотѣ развелась съ мужемъ, и вдругъ, по собственной же охотѣ, опять хочетъ быть его женой. Да вѣдь это невѣроятно! И никакой романистъ не осмѣлился бы измыслить такую перипетію!

Ну, да Богъ съ ними, съ романистами! Возвратимся къ дѣлу.

Само собой разумѣется, что передо мной былъ одинъ только исходъ. Такъ какъ такое дѣло не имѣетъ прецедента въ моей практикѣ, то я отбросилъ профессіональный характеръ. Въ качествѣ простого знакомаго, я могъ сказать мистриссъ Норманъ только одно:—законъ объявилъ васъ и мистера Герберта Линлея холостыми людьми. Сдѣлайте то, чтò дѣлаютъ холостые люди. Купите разрѣшеніе и сдѣлайте оглашеніе въ церкви—и всенепремѣнно пошлите пригласительный билетъ на свадьбу судьѣ, который далъ вамъ разводъ.

Сказано, а черезъ двѣ недѣли и сдѣлано. Мистеръ и мистриссъ Линлей снова обвѣнчались сегодня утромъ; Рандаль и я были единственными свидѣтелями церемоніи строго приватнаго характера.

2. — Защита законовѣда.

Желалъ бы я знать, разорваны ли въ клочки предыдущія страницы и брошены ли въ сорную корзинку? Я знаю, что ты не захочешь усыпать коверъ рваной бумагой. Нѣтъ. Я могу быть растерзанъ тобой, но это мнѣ не помѣшаетъ отнестись къ тебѣ справедливо.

Какія возраженія представлялись противъ того, чтобы разведеннымъ мужу и женѣ снова сочетаться бракомъ?

Мистриссъ Прести высказала ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Ошибаюсь ли я, думая, что, въ этомъ случаѣ, ты будешь одного мнѣнія съ мистриссъ Прести?

Первое возраженіе: никто и никогда такого еще не дѣлалъ.

Второе возраженіе: раскаянный или нераскаянный грѣшникъ мистеръ Гербертъ Линлей, но онъ этого не заслуживаетъ.

Третье возраженіе: ни одна респектабельная женщина не будетъ съ ними знакома.

Первый отвѣтъ: вопросъ не въ томъ, дѣлалось это раньше или нѣтъ, а въ томъ, возможно ли это и хорошо ли само по себѣ. Въ брачномъ уставѣ нѣтъ правила, запрещающаго женѣ простить мужа, но есть прямое запрещеніе разлучать мужа съ женой.

Поэтому недурно простить мистера Герберта Линлея и безусловно хорошо выйти за него вторично замужъ.

Второй отвѣтъ: когда ребенокъ привелъ отца къ матери, принимая за безусловную истину, что ея мать и отецъ *должны* жить вмѣстѣ *потому*, что они ея отецъ и мать,—то Китти стояла на вѣрной почвѣ закона природы, а слѣдовательно и толковать нечего.

Третій отвѣтъ: я знаю одну почтенную женщину, которая будетъ у нихъ бывать:—мистриссъ Саррацинъ. Да, моя душа, ты это сдѣлаешь. Не потому, чтобы я на этомъ настаивалъ,—развѣ я когда-нибудь настаиваю на чемъ-нибудь?—но по собственной охотѣ... изъ состраданія къ глупой старухѣ. Я думаю, что ты сама согласишься со мной въ томъ, что мистриссъ Пресги нуждается въ хорошемъ примѣрѣ, когда я скажу тебѣ, что она объявила дочери, что послѣ того, что̀ произошло, ноги ея не будетъ въ ея домѣ.

Когда ты поѣдешь съ визитомъ къ молодымъ, по возвращеніи ихъ изъ свадебной поѣздки, то захвати съ собой мистриссъ Пресги.

3. — Последнее слово законовѣда.

Если вы навязываете мнѣ эту нелѣпую и скучную исторію (мнѣ кажется, что я слышу, какъ мистриссъ Саррацинъ говоритъ это), то самое меньшее, что̀ вы можете сдѣлать, это досказать ее до конца. Но, быть можетъ, вы искусно намѣрены досказать мнѣ о томъ, что̀ сталось съ Китти и какая кара постигла миссъ Уэстерфильдъ.

Нѣтъ, я и въ этомъ случаѣ предпочитаю отвѣтить письменно, сидя въ конторѣ въ Линкольнсъ-Иннъ-Фильдѣ, на безопасномъ разстояніи отъ своего дома.

Китти, само собой разумѣется, сопровождаетъ отца съ матерью въ ихъ путешествіи по континенту. Но сначала она настояла на томъ, чтобы проститься съ своимъ милымъ другомъ, своей быв-

шей гувернанткой. Рандаль и я вызвались отвезти ее (съ позволенія ея матери) повидаться съ миссъ Уэстерфильдъ. Постарайся не сердиться. Постарайся не растерзать меня.

Мы застали капитана Бенедека и его хорошенькаго секретаря дома отдыхающими и завтракающими послѣ долгой утренней работы въ пріютѣ. Капитанъ разрѣзывалъ цыпленка, Сидни приготовляла саладъ. Кошка сидѣла на третьемъ стулѣ и слѣдила за всѣми движеніями ножа и вилки. Картинка вышла, какъ видишь, недурная, а появленіе Китти на сценѣ только дополнило ее.

Когда мы уходили, Китти сказала дядѣ.—Какъ вы думаете, женится мой милый капитанъ на Сидъ?

Дядя отвѣчалъ:—Дорогое дитя, это не наше съ тобой дѣло.

Но Китти, ни мало не смущаясь, обратилась ко мнѣ:

— А *вы* какъ думаете, Самуэль?

Я послѣдовалъ примѣру Рандаля и отвѣчалъ:

— Почемъ я знаю?

Дѣвочка поглядѣла поочередно на насъ обоихъ и объявила:

— Знаете ли, чтó я думаю? Я думаю, что вы оба—большіе притворщики.

А. Э.

ЕЩЕ О СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТАХЪ

Н. Минскій и К. Фофановъ.

Кто слѣдитъ за движеніемъ нашей литературы какъ по вновь выходящимъ книгамъ, такъ и по журналамъ, тотъ не могъ не замѣтить, что среди великаго множества поэтовъ и стихотворцевъ, издающихъ, въ послѣднее время, сборники своихъ произведеній, недостаетъ одного имени, весьма извѣстнаго: имени Н. Минскаго. На поэтическое поприще г. Минскій выступилъ раньше другихъ представителей того же поколѣнія; его дѣятельность продолжается уже около десяти лѣтъ — и если ей до сихъ поръ никѣмъ еще не были подведены итоги, то это объясняется именно разбросанностью его стихотвореній. Скоро ли мы дождемся выхода ихъ въ свѣтъ отдѣльной книгой — не знаемъ, и именно потому не хотимъ больше медлить съ общею ихъ оцѣнкой; безъ нея былъ бы неполонъ нашъ обзоръ современной русской поэзіи [1]).

Отличительной чертой творчества г. Минскаго служитъ значительность, ширина содержанія. Поэтъ не замыкается въ свой тѣсный внутренній міръ, не отдается во власть одного господствующаго чувства; онъ не посвящаетъ всего себя и культу формы, не погружается всецѣло въ заботы о красотѣ стиха, о новизнѣ эпитетовъ, о необычайности пріемовъ и оборотовъ рѣчи. Онъ черпаетъ темы изъ прошедшаго и настоящаго, изъ дѣйствительности и фантазіи, изъ нашей и чужой жизни; разнообразія

---

[1]) См. янв. 1887, стр. 226.

у него больше, чѣмъ у кого бы то ни было изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ. Онъ рѣдко тенденціозенъ, но еще рѣже—объективенъ; рисуя картины, онъ ихъ почти всегда переживаетъ и часто вноситъ въ нихъ окраску личнаго настроенія. Это настроеніе измѣнчиво; оно колеблется между уныніемъ и надеждой, между глубокою печалью и свѣтлою радостью — неизмѣннымъ остается только главный источникъ поэтическаго вдохновенія. Г. Минскій — прежде всего пѣвецъ *любви*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: любви, торжествующей надъ ненавистью и злобой, ведущей къ прощенію и примиренію. Она борется въ немъ съ другими теченіями, но одерживаетъ верхъ, сохраняетъ за собою послѣднее слово. Всего ярче эта борьба отразилась въ „Бѣлыхъ ночахъ". „Уйди",—говоритъ поэтъ своей „воздушной подругѣ",—шепчущей ему „кроткія рѣчи":—„въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?.. Намъ безъ вражды невозможно любить, какъ невозможно оковы желѣзныя кроткой слезою разбить" (Ночь третья). Тишина все больше и больше становится въ тягость поэту; онъ призываетъ грозу, призываетъ бурю, лишь бы только встрепенулось сердце, удрученное безконечнымъ ненастьемъ. „Пусть стволы деревьевъ ураганъ ломаетъ, пусть весь лѣсъ отъ молній ярко запылаетъ... Жизни! жизни! жизни! Истомилась грудь, разъ хоть полной грудью хочется вздохнуть!" (Ночь четвертая.) Проходитъ день—и поэтъ содрогается передъ своимъ „безумно-изступленнымъ бредомъ". Онъ вспоминаетъ свои дѣтскія впечатлѣнія, свои юношескія мечты, и благословляетъ тотъ день, „какъ въ первый разъ онъ обнялъ всѣхъ людей любовью необъятной" (Ночь пятая). Эта любовь была кротостью; она учила его любить „нищихъ-богачей" наравнѣ съ „нищими-бѣдняками", одинаково скорбѣть „надъ палачемъ и надъ жертвой". Теперь любовь является къ нему „сурово-страстною, въ горячечномъ огнѣ, и бредитъ битвами, и местью, и бойцами". Ему снится мрачный духъ, вызванный имъ самимъ—„духъ мести и грозы"...

... „Чрезъ весь мой край родимый
Промчится бурно онъ, какъ разъяренный шквалъ—
И вскрикнетъ родина отъ боли нестерпимой...
Онъ, какъ пожаръ, пройдетъ. Сперва сердца людей,
Потомъ испепелитъ людскія онъ жилища...
Онъ когти обострить у дремлющихъ страстей...
На мѣстѣ городовъ воздвигнетъ онъ кладбища..
И тамъ, въ тиши полей, въ безмолвіи лѣсовъ,
Гдѣ нынѣ труженикъ покорно и безъ словъ
Гнетъ выю крѣпкую подъ иго вѣковое,—
Тамъ пламя злобы онъ раздуетъ роковое"...

Эта картина страшитъ поэта, страшитъ его тѣмъ болѣе, что она носится не только передъ нимъ однимъ. „Грозовая тѣнь“ грядущаго—

„Легла на всѣ сердца, сгущаясь каждый день.
И съ каждымъ днемъ въ душѣ все громче голосъ тайный
Рыдаетъ и зоветъ: „Возстань, очнись, поэтъ!
Забудь сомнѣнія“! Въ безмолвіи суровомъ
Въ сердцахъ скопляется гроза—источникъ бѣдъ...
Возстань, гони ее любви могучимъ словомъ,
Зови: да будетъ миръ! Зови: да будетъ свѣтъ!
И тихій возгласъ твой, другими повторенный,
Быть можетъ, прозвучитъ побѣдною трубой,
Какъ слабый звукъ средь скалъ, роняя камень сонный,
Обвала грохотомъ разносится порой“..

Любовью созидается и тотъ нерукотворенный храмъ, который рисуется передъ фантазіей поэта („Въ безчисленныхъ огняхъ“); любовь влечетъ къ постройкѣ новаго „столпа“, новой вавилонской башни („Столпотвореніе“)—башни, воздвигаемой „мечтаньями поэта, пыломъ героя, испытаннымъ умомъ мудреца, изъ чистыхъ помысловъ, святаго состраданья, изъ подвиговъ любви, изъ безкорыстныхъ думъ“. Понятна г. Минскому даже и та любовь, которая не можетъ пережить „потери родимаго гнѣзда“, принесеннаго въ жертву родимому краю („Засуха“).

Какъ бы всеобъемлюща ни была любовь, она всегда сосредоточивается преимущественно на комъ-либо или на чемъ-либо. У г. Минскаго главнымъ ея предметомъ является то русскій народъ, то молодое поколѣніе. Чувство любви къ народу выливается иногда въ форму, напоминающую Некрасова („Наше горе“, „Въ деревнѣ“)—но чаще оно обнимаетъ собою не одно крестьянство, а всю Россію. Ея „кроткій и великій образъ“ возстаетъ передъ глазами поэта, когда онъ любуется „праздникомъ на чужбинѣ, славнымъ юбилеемъ свободы“ („На чужомъ пиру“); вспоминая о ней, онъ испытываетъ такую же сердечную боль, „какъ еслибы попалъ невольно къ чужой семьѣ на яркій балъ, оставивъ мать больную дома“. Отчизна кажется ему „библейскою вдовой, что̀ на распутіяхъ безпомощно скорбѣла“. Какъ — спрашиваетъ онъ ее, — „какъ тайну разгадать судьбы твоей плачевной?“...

„Ни глубиной ума, ни кротостью душевной
Не ниже ты своихъ счастливѣйшихъ подругъ.
Добрѣе нѣтъ, сильнѣе нѣтъ народа
Твоихъ сыновъ-богатырей,
И поражаетъ щедростью своей

Твоя богатая природа...
Зачѣмъ же счастія въ тебѣ, отчизна, нѣтъ?
Зачѣмъ же твой народъ, народъ-Танталъ, страдаетъ,
Всѣмъ бѣденъ, лишь однимъ терпѣніемъ богатъ,
О лучшемъ будущемъ заботясь такъ же мало,
Какъ бы о роскоши случайнаго привала
За часъ предъ битвою—солдатъ?"

Оставляя на время родную страну—„страну невыплаканныхъ слезъ, страну порывовъ неоглядныхъ, силъ неразбуженныхъ, неисполнимыхъ грезъ, страну загадокъ неразгадныхъ" („Пѣсни о родинѣ"),—поэтъ думаетъ, что разстается съ ней безъ сожалѣнья; но мысль о ней слѣдитъ за нимъ всюду—и на берегахъ Рейна, и у кратера Везувія, и въ Римѣ, и въ Парижѣ. Не всегда, однако, эта мысль такъ печальна и горька, какъ при видѣ „чужого пира". Среди будничной парижской толпы мечта поэта устремляется „въ тотъ ненастный край, гдѣ еще не смѣшно вѣрить, рыдать слезами восторга, взывать съ молитвою къ правдѣ". Въ Колизеѣ ему слышится тихая рѣчь „призрака развалинъ", шепчущаго слова успокоенія и надежды. Безвозвратно-минувшее — вотъ настоящій источникъ неутѣшнаго горя; гдѣ есть будущее, тамъ нѣтъ мѣста для отчаянія.

„Когда гроза весенняя порвала
Желаннымъ громомъ зимнюю дремоту
И весело взыгралъ, ломая сучья
И старый прахъ взметая, буйный вихорь,—
Ты оробѣлъ, цвѣтовъ не видя тотчасъ?..
Иль ты бъ желалъ сковать вѣнецъ грядущій
Безъ молота, безъ пламени, безъ стука,
И новый храмъ построить безъ деревьевъ
Поверженныхъ?..
Какъ счастливъ ты, какъ скорбь твоя завидна!
Вечернему подобная туману,
Моя печаль сгущается, чернѣя;
Твоя же грусть и грусть твоей отчизны,
Какъ легкій дымъ въ лучахъ пурпурныхъ утра,
Разсѣется безслѣдно. Ты иль сынъ твой
Великое увидите...
Ужъ въ грудь твою ликующей волною
Врывается весны живящій лепетъ
И бодрый гость живыхъ надеждъ стучится.
Онъ лишь того, кто молодъ, посѣщаетъ"...

Тотъ же мотивъ звучитъ въ заключительномъ аккордѣ „Пѣсенъ о родинѣ" („Возвращеніе"), когда поэту видится образъ весны, улетающей съ береговъ южнаго, голубого моря „на сѣверъ дремлющій и милый":

...„Манитъ меня иная сторона:
Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она стыдливо
И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
Любви тоской нетерпѣливой...
Пройдусь я по снѣгамъ—растаетъ гладь снѣговъ;
Взгляну ль на голый лѣсъ—лѣсъ зашумитъ привѣтно
И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
Очнется съ лаской отвѣтной.
Пора! тамъ ждутъ меня... Повсюду, притаясь,
Трепещутъ юныя, зиждительныя силы“...

„Страданій народныхъ, какъ моря ковшомъ, нельзя исчерпать нашей пѣсней нарядной“—читаемъ мы въ первой изъ „Бѣлыхъ ночей“. Но въ морѣ есть волны — и одна изъ нихъ особенно близка и дорога поэту. Теперь она улеглась или разбилась, оставивъ глубокій слѣдъ въ нашемъ недавнемъ прошломъ— и въ поэзіи г. Минскаго. Если Надсонъ—по преимуществу поэтъ современной молодежи, то г. Минскому, въ первомъ періодѣ его дѣятельности, принадлежала, быть можетъ, такая же роль по отношенію къ молодому поколѣнію конца семидесятыхъ годовъ. Само собою разумѣется, что ни тотъ, ни другой не сосредоточили въ себѣ всѣхъ стремленій данной эпохи; и въ Надсонѣ, и въ г. Минскомъ отразились только нѣкоторыя, но характеристичныя черты двухъ историческихъ моментовъ. Одинъ изъ этихъ моментовъ мы еще переживаемъ, другой пережитъ нами еще слишкомъ недавно; отсюда невозможность подробнаго развитія параллели, намѣчаемой нами слегка и мимоходомъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, лишь одно: г. Минскій и Надсонъ гораздо тѣснѣе связаны съ средой и минутой, чѣмъ другіе молодые русскіе поэты. У послѣднихъ найдется сравнительно немного стихотвореній, которыя носили бы яркій отпечатокъ своего времени, которыхъ нельзя было бы отнести, съ одинаковою вѣроятностью, далеко назадъ или далеко впередъ; стихотворенія Надсона и г. Минскаго оставляютъ, съ этой точки зрѣнія, гораздо меньше мѣста для произвольныхъ предположеній. Ошибочно было бы видѣть въ этомъ слабую сторону обоихъ поэтовъ, залогъ недолговѣчности ихъ произведеній; созданіемъ минуты представляются вѣдь и „Ямбы“ Барбье, и „Châtiments“ В. Гюго, и нѣкоторыя изъ лучшихъ вдохновеній Некрасова. Раскройте вторую главу первой „Пѣсни о родинѣ“ —и вы увидите картину, дѣйствіе которой не уменьшается поразительнымъ сходствомъ съ несуществующимъ больше оригиналомъ. Съ той же темой мы встрѣчаемся и въ „Бѣлыхъ ночахъ“. Не ограничиваясь изображеніемъ фона, поэтъ рисуетъ здѣсь отдѣльные образы—рисуетъ товарища,

„не лукавившаго умомъ, не гнувшагося сердцемъ“, и именно потому не выдержавшаго житейской битвы. Его жребій былъ брошенъ „въ тотъ мигъ, какъ онъ столкнулся съ жизненнымъ сфинксомъ: иль умри, иль рѣши“. „Я не знаю“—таковы его послѣднія слова—

„Я не знаю, гдѣ правда и свѣтъ,
Я не знаю, какому молиться мнѣ Богу...
Я, какъ въ сказкѣ царевичъ, блуждалъ съ юныхъ лѣтъ,
Въ край завѣтный искалъ я дорогу—
И къ распутью пришелъ наконецъ... Впереди
Съ тайной надписью камень стоялъ одинокій—
И прочелъ я на немъ приговоръ свой жестокій.
Я прочелъ: здѣсь лежатъ предъ тобой три пути,
Здѣсь раскрыты три къ жизни ведущія двери.
Выбирай, что̀ твоимъ отвѣчаетъ мечтамъ:
Ступишь вправо—жди совѣсти тяжкой потери,
Ступишь прямо—съѣдятъ тебя лютые звѣри,
А налѣво пойдешь—станешь звѣремъ ты самъ...
—И заснуть, о, друзья! предпочелъ я въ преддверьи“..

Погруженіе въ жизнь, кипящую вокругъ поэта, внушило ему еще одну изъ лучшихъ его страницъ: „Послѣднюю волю“. Умирающій другъ проситъ приходить къ его могилѣ и сообщать вѣсти о томъ, что̀ творится въ оставляемой имъ отчизнѣ; занимается ли заря, или все еще царствуетъ сумракъ:

„И если, товарищъ, заря одолѣла,—
То мѣсто, гдѣ грудь молодая истлѣла,
Живыми цвѣтами покрой!..
Свершилось послѣднее друга желанье;
Я въ день годовщины пошелъ на свиданье,
Но только безъ свѣжихъ цвѣтовъ...
Плакучія ивы шептались сердито,
И долго искалъ я могилы забытой
Среди деревянныхъ крестовъ.
И странно! Гдѣ грудь молодая истлѣла,
Тамъ, густо разросшись, полынь зеленѣла,
И дрогнуло сердце во мнѣ...
И долго стоялъ я въ безмолвной печали.
—Какъ видно, товарищъ, тебѣ ужъ сказали,
Что̀ стало въ родимой странѣ!“

Поэзіи, такъ близко соприкасающейся съ самыми жгучими сторонами современной дѣйствительности, всегда свойственно высокое представленіе о призваніи поэта. Мы видѣли уже, что въ основу новой вавилонской башни г. Минскій кладетъ, между прочимъ, „мечтанія поэта“; мы видѣли, чего онъ ждетъ отъ „та-

хаго поэтическаго возгласа", повтореннаго тысячегласымъ эхо. Въ „Весталкахъ" жалобѣ на упадокъ „древняго величія", на безуміе черни, на сонъ боговъ, противопоставляется суровый голосъ всегда неизмѣннаго долга. „Пусть дряхлый Римъ забылъ свой жребій" —такъ ободряетъ одна изъ весталокъ свою унывающую подругу:

„Ты, жрица, помни свой: небесъ огонь священный
И сердце чистое храни...
И еслибъ міръ опять ниспалъ въ хаосъ нестройный,—
Владѣя искрою одной,
Ты изъ послѣдняго обломка съ ней спокойно
Послѣдній жертвенникъ устрой"..

Пророкъ—въ стихотвореніи этого имени—молитъ Бога взять у него изъ рукъ „мечъ отрезвляющихъ рѣчей", спасти его „отъ безполезнаго томленья". Пророчества не нужны; „міръ знаетъ самъ свои пороки и позабыть о нихъ спѣшитъ". Благословеніе достается на долю того, „кто чѣмъ-нибудь — затѣйной сказкой, пѣсней звучной—на мигъ волнуетъ нашу грудь, кто создаетъ въ пустынѣ скучной миражъ волшебной красоты, кто смерти грозное видѣнье отъ глазъ скрываетъ на мгновенье подъ дымкой радужной мечты". Мольба пророка остается неуслышанной; онъ получаетъ изъ руки Господней „чашу немолчной совѣсти, отрезвляющей тоски" —и выпиваетъ ее до дна.

Вѣра въ назначеніе поэзіи, какъ и всякая другая, не исключаетъ минутъ унынія и сомнѣнья. Такія минуты г. Минскій переживалъ, повидимому, еще недавно; ихъ отголоскомъ является цѣлый рядъ стихотвореній, относящихся къ 1884 и 1885 гг.:— „Скорбь", „Въ минуту скорби", „Мой демонъ", „Напрасно надъ собой я дѣлаю усилья", „Другу", „Дума". Настроеніе, въ нихъ выразившееся, не имѣетъ ничего общаго съ моднымъ и у насъ, въ послѣднее время, пессимизмомъ—пессимизмомъ, въ основаніи котораго лежитъ неудовлетворенная и неудовлетворимая жажда наслажденій, испытанная непрочность житейскихъ благъ, сознаніе надвигающейся старости или болѣзни, страхъ передъ вѣчно близкою, вѣчно грозящею смертью. Это и не тихая грусть, вызванная потерей надеждъ на личное счатье, не меланхолія, вытекающая изъ длиннаго ряда личныхъ разочарованій; это скорѣе тоска по утраченной вѣрѣ, напоминающая первую пѣснь „Rolla" или наиболѣе мрачныя стихотворенія Аккерманнъ:

„Какъ блѣдная луна румяный день смѣняетъ
И на уснувшій міръ струитъ холодный свѣтъ,
Такъ страстная печаль свой мертвый лучъ роняетъ
Въ ту грудь, гдѣ солнца вѣры нѣтъ..

Кумиры прошлаго развѣнчаны безъ страха,
Грядущее темно, какъ море предъ грозой,
И родъ людской стоитъ межъ гробомъ, полнымъ праха,
И колыбелью пустой".

Чувство, внушившее эти строки, носится въ воздухѣ нашего вѣка, подчиняетъ себѣ людей самаго различнаго склада, самыхъ противоположныхъ направленій; оно исчезаетъ по временамъ, но появляется вновь съ удвоенною силою, питаясь каждымъ неисполнившимся ожиданіемъ, каждой обманувшею мечтою. Особенно трудно устоять противъ него на рубежѣ между двумя смѣняющимися міросозерцаніями, между двумя періодами жизни; но когда пройденъ этотъ рубежъ, мракъ часто уступаетъ мѣсто новой зарѣ, отчаяніе—новой надеждѣ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такой переходъ совершился или совершается и въ г. Минскомъ. У него слишкомъ много бодрости и свѣжести, слишкомъ много чуткости къ свѣтлымъ, радостнымъ сторонамъ бытія, чтобы онъ могъ застыть и оцѣпенѣть въ отрицаніи жизни. Доказательство этому мы видимъ въ такихъ пьесахъ, какъ „Робкому соловью", „Предъ зарею", „Молитва" (нѣкоторыя изъ нихъ написаны весьма недавно):

..."Пролейте, о, созвѣздья,
Мнѣ въ душу кроткій лучъ сіянья своего,
Чтобъ могъ бѣжать я зла, хоть нѣтъ за зло возмездья,
Чтобъ могъ творить добро, не зная, для чего;
Чтобъ я свой путь земной, какъ вы—свой путь эфирный,
Безъ думы о концѣ свершилъ, трудяся мирно;
Чтобъ взоръ моихъ очей всю жизнь горѣлъ свѣтло,
Чтобъ было ихъ сомкнуть не слишкомъ тяжело! [1]"

Даже тогда, когда поэтъ пишетъ подъ вліяніемъ горькаго, грустнаго чувства, оно не всегда владѣетъ имъ нераздѣльно; сквозь облака пробивается, иной разъ, слабый солнечный лучъ. „Увы", — читаемъ мы въ стихотвореніи на смерть Кавелина,— „какъ огни послѣ пира, мудрѣйшіе, лучшіе гаснутъ межъ насъ, и ночь все темнѣетъ надъ родиной бѣдной... Напрасно горѣлъ ослѣпительный свѣтъ... Россія могилами только богата"... И что же? Это уныніе разрѣшается призывомъ къ бодрости, ожиданіемъ лучшаго будущаго. „Ужели безсиленъ тотъ край, гдѣ выросли

[1]) Читая эту строфу, мы невольно вспомнили слова, которыми заканчивается посвященіе одной изъ книгъ Д. Ф. Штрауса („Das Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet") ;въ нихъ выражаются желаніе и надежда „прожить если и не свято, то честно, и умереть если и не блаженно, то спокойно". Подлинныхъ словъ Штрауса мы не приводимъ потому, что не имѣемъ подъ рукою самой книги.

эти могучія силы?.. Быть можетъ, отъ насъ не на вѣкъ отлетѣли былыя надежды, былая весна: въ могилѣ того, надъ кѣмъ плачетъ страна, грядущее спитъ, какъ дитя въ колыбели".

Нѣтъ такого горя, котораго бы не могла облегчить великая утѣшительница—природа; нужно только умѣть находить въ ней утѣшенье—и это умѣнье дано г. Минскому, какъ и большинству другихъ русскихъ поэтовъ. Онъ поддается ея чарамъ, прислушивается къ ея успокоительному голосу („Херсонесъ", „На кораблѣ", „Вечеръ", „На высотѣ"); она заставляетъ его „закрывать темную книгу познанья и любоваться яркой виньеткой". Иногда онъ олицетворяетъ природу, извлекаетъ изъ нея фантастическіе образы, живущіе нашею жизнью („Везувій", „Казбеку"); иногда онъ изображаетъ ее какъ она есть, какъ она представляется простому взгляду. Таково, напримѣръ, начало „Фонтана":

„Тяжелый зной, недвижный, гнѣвный,
Лицо пустыни сожигалъ.
Объяты ужасомъ, застыли
Утесы мглистою грядой.
На нихъ, сквозь дымку ѣдкой пыли,
Кой-гдѣ виднѣлся мохъ сѣдой
И росъ бурьянъ мертворожденный.
Блестѣлъ сводъ неба раскаленный,
И блескъ, и зной, и мгла, и сонъ,
Казалось, въ душу проникали".

Конечно, бываютъ минуты, когда „душевная тревога" поэта не „смиряется" ни яснымъ днемъ, ни морскою далью, ни синѣющими горами („Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ"), когда его сердце рвется назадъ, къ городской суетѣ и смутѣ, въ вѣчно трепещущей злобѣ дня („Въ толпѣ людской ожесточенной"); но довольно уже и того, что для него возможенъ отдыхъ „на груди природы"—этотъ лучшій противовѣсъ безысходной тоскѣ, постоянному перебиранію однихъ и тѣхъ же скорбныхъ мотивовъ. Есть еще одна область, въ которой можно найти на время тишину и душевный миръ: это — область личнаго чувства, также знакомая г. Минскому („О, еслибъ знали вы", „Въ моей душѣ любовь восходитъ", „Я боюсь разсказать", „Прости"). Онъ остается и здѣсь вполнѣ оригинальнымъ, ни за кѣмъ не слѣдуя и никого не повторяя; если въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ встрѣчаются черты, общія съ Гейне, то это объясняется неизгладимою печатью, наложенною нѣмецкимъ поэтомъ на цѣлую отрасль эротической поэзіи. Гдѣ любовь смѣется сквозь слезы, иронизируетъ сама надъ собою, колеблется между элегіей и юморомъ, гдѣ сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое „горькое веселье" и

„сладкое горе“ любви („der Liebe süsses Elend und der Liebe bitt're Lust“),—тамъ нельзя не вспомнить объ авторѣ „Buch der Lieder“ и „Neue Gedichte“.

Мы коснулись далеко не всѣхъ сторонъ поэзіи г. Минскаго, но достаточно, кажется, подтвердили основной нашъ тезисъ: богатство ея содержанія. Цитаты, нами приведенныя, доказали, быть можетъ, еще другое: извѣстную степень художественности, которой часто достигаетъ у г. Минскаго поэтическая форма. Молодымъ (сравнительно) поэтамъ, о которыхъ намъ приходилось говорить до сихъ поръ, свойственна, въ большей или меньшей мѣрѣ, неровность исполненія. Рядомъ съ пьесами, внѣшняя отдѣлка которыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, попадаются другія, страдающія небрежностью или искусственностью, недостаткомъ или избыткомъ работы. Рѣзко, иногда, отличаются другъ отъ друга и отдѣльныя части одного и того же стихотворенія; прекрасное начало испорчено неудачнымъ концомъ, или, наоборотъ, блестящій конецъ не можетъ заставить забыть тусклое, блѣдное начало .У г. Минскаго мы этого почти не встрѣчаемъ. Само собою разумѣется, что цѣнность его стихотвореній далеко не одинакова—но между ними мало такихъ, которыя могутъ быть названы безусловно плохими. Еще рѣже—невыдержанность цѣлаго, явное несоотвѣтствіе между частями. Г. Минскому чуждо желаніе блеснуть, удивить, поразить; онъ слишкомъ увлеченъ своей идеей или своимъ чувствомъ, чтобы искать въ чемъ-либо другомъ средствъ дѣйствія на читателей или слушателей. Это предохраняетъ его отъ усилій, иногда приводящихъ къ цѣли, но чаще безплодныхъ или хуже чѣмъ безплодныхъ—расхолаживающихъ, уничтожающихъ впечатлѣніе. Если для той „Verstimmung“, о которой говоритъ Гёте („man merkt die Absicht—und man ist verstimmt“), достаточно слишкомъ явнаго „намѣренія“ со стороны автора, то что же сказать о намѣреніи не только явномъ, но вдобавокъ неисполненномъ или неисполнимомъ? Такимъ намѣреніемъ г. Минскій грѣшитъ весьма рѣдко; оно чувствуется ясно только въ одномъ стихотвореніи: „Всталъ онъ бодрымъ и пошелъ“. Намъ случалось слышать, какъ г. Минскаго упрекали въ наклонности къ реторикѣ, въ пристрастіи къ громкимъ, трескучимъ фразамъ; мы находимъ этотъ упрекъ совершенно незаслуженнымъ. Нѣкоторый подъемъ рѣчи является естественнымъ, неизбѣжнымъ результатомъ подъема мысли; реторикой онъ становится только тогда, когда нѣтъ гармоніи между содержаніемъ и формой, когда авторъ искусственно настраиваетъ себя на высокій ладъ и взбирается на ходули, когда порывъ оказы-

вается разсчетомъ, горячее чувство—подогрѣтымъ, лиризмъ—резонерствомъ. Ничего подобнаго въ стихотвореніяхъ г. Минскаго мы не видимъ; они дышатъ искренностью—дышатъ ею и тогда, когда въ нихъ слышится вопль душевной боли или крикъ восторженной надежды. Именно потому, быть можетъ, они выдерживаютъ испытаніе, часто опасное для поэта: они ничего не теряютъ, если читать ихъ одно за другимъ — скорѣе напротивъ. Каждый читатель найдетъ въ нихъ что-нибудь пережитое имъ самимъ, въ тѣ смутные годы, которые мы только-что оставили за собою... Изданныя отдѣльной книгой, стихотворенія г. Минскаго должны, если мы не ошибаемся, пріобрѣсти широкую извѣстность; вѣдь и популярность Надсона стала быстро расти именно съ тѣхъ поръ, какъ все написанное имъ было въ первый разъ соединено въ одно цѣлое.

Немного найдется книгъ, которыя производили бы такое оригинальное впечатлѣніе, какъ сборникъ стихотвореній г. Фофанова. Самое появленіе его было сюрпризомъ для огромнаго большинства читающей публики. Многимъ было неизвѣстно, до тѣхъ поръ, даже имя автора; многіе знали *только* имя, не соединяя съ нимъ никакого опредѣленнаго представленія [1]). Удивленіе возрастало по мѣрѣ знакомства съ содержаніемъ сборника. Рядомъ съ страницами, по истинѣ замѣчательными и выдвигающими автора въ первый рядъ современныхъ нашихъ поэтовъ, попадались произведенія до крайности слабыя, почти ребяческія и по мысли, и по формѣ. Становилось очевидно, что передъ нами — сила еще не сложившаяся, не овладѣвшая сама собою, не разобравшаяся въ собственномъ богатствѣ. Приходилось пожалѣть, что никакая дружеская рука не руководила авторомъ въ выборѣ стихотвореній, стоющихъ перепечатки [2]),—пожалѣть, ко-

[1]) Чуть ли не раньше всѣхъ угадалъ талантъ г. Фофанова другой поэтъ—Надсонъ. „Обращаю вниманіе читателя",—писалъ онъ лѣтомъ прошлаго года, задолго до выхода въ свѣтъ сборника стихотвореній г. Фофанова, — „на молодого поэта, г. Фофанова, обладающаго, по моему, большимъ дарованіемъ чисто-художественнаго оттѣнка. Къ сожалѣнію, онъ преимущественно печатался въ маленькихъ журналахъ и потому извѣстенъ немногимъ". Нельзя не замѣтить, по этому поводу, что большинству нашихъ молодыхъ поэтовъ совершенно чужда такъ-называемая jalousie de métier. Вслѣдъ за появленіемъ сборника г. Фофанова намъ случилось слышать чтеніе лучшихъ его стихотвореній двумя поэтами, относившимися къ нимъ съ самымъ горячимъ сочувствіемъ.

[2]) О небрежности, съ которою составленъ сборникъ, можно судить по тому факту, что два стихотворенія напечатаны въ немъ, почти безъ всякихъ измѣненій, по два раза, въ двухъ различныхъ мѣстахъ („Какъ дѣва грустная въ нарядѣ подвѣнечномъ"—стр. 9 и 58, „Богиня вѣчности во глубинѣ эфира"—стр. 27 и 95).

нечно, не потому, чтобы лучшимъ пьесамъ г. Фофанова вредило неудачное сосѣдство, а потому, что до нихъ трудно добраться, трудно выдѣлить ихъ изъ массы посредственнаго или плохого (всѣхъ стихотвореній въ сборникѣ болѣе двухсотъ). Кто не отступитъ передъ этимъ трудомъ, тотъ будетъ вознагражденъ за него съ избыткомъ.

Покончимъ сначала съ наименѣе привлекательной стороной нашей задачи—съ указаніемъ недостатковъ, свойственныхъ многимъ стихотвореніямъ г. Фофанова. Первый изъ нихъ—это необузданность образовъ, часто напоминающая крайности ультра-романтизма. Когда мы читаемъ стихи въ родѣ слѣдующихъ: „ты будешь безмолвна, какъ сумракъ темницъ, я буду какъ буря мятеженъ"; „духъ пѣвца, мятежный и кипучій, являетъ радугу восторженныхъ созвучій, пройдя сквозь пламенникъ страстей"; „на стягѣ пурпурномъ своемъ, облитомъ юношеской кровью, я выткалъ бисернымъ огнемъ: зло побѣждается любовью"; „изъ глазъ сомкнутыхъ мертвецовъ смотрѣла темь былыхъ вѣковъ, ихъ пастью вѣчность хохотала", — мы переносимся мысленно въ ту эпоху, когда Бенедиктовъ и Марлинскій были популярнѣе Пушкина и Лермонтова. Далеко не свободенъ г. Фофановъ и отъ другой слабости, болѣе современной—отъ погони за натянутыми сравненіями, за вычурными эпитетами. „Въ золотыхъ рукахъ возницы змѣи бѣлыя зарницы вмѣсто шолковыхъ возжей" (рѣчь идетъ о грозовой тучѣ); „будто бы чары испуганной грёзы, гасились одинъ за другимъ фонари"; „молю тебя, дитя, не вслушивайся ты въ житейскій шумъ и гамъ, *иль ляжетъ слѣдъ ужасный морщинъ безрадостныхъ въ небесныя черты* и отравитъ покой души твоей прекрасной"; стрѣлка часовъ „тихо ползетъ, безъ мышленій и словъ, на бѣломъ лицѣ циферблата"; волшебное мгновенье „улетаетъ безъ слѣда, какъ отстрадавшая звѣзда" —во всѣхъ подобныхъ картинахъ чувствуется претензія, не имѣющая ничего общаго съ истиннымъ искусствомъ. Иногда оба недостатка переплетаются между собою, усложняясь неясной, фантастичной до чудовищности идеей — и въ результатѣ получается какой-то мнимо-поэтическій бредъ. Вѣчность „считаетъ вѣка, сошедшіе изъ міра", поглощаетъ ихъ, „зѣвая пастью гробовой", и затѣмъ „спугиваетъ жадными перстами свѣтлый рой новыхъ вѣковъ". Эти вѣка, „съ мерцаніемъ лазурнымъ на пламенѣющихъ крылахъ", мчатся въ шумный міръ, „какъ день, родившійся въ потьмахъ". Погостивъ въ мірѣ „кровавыми и злыми, безъ упованій и лучей", они возвращаются „злодѣями больными къ печальной вѣчности своей". Не лучше и другое стихотвореніе,

озаглавленное: „Въ церковной оградѣ“. Въ то время, когда „лицо мечтательной луны блещетъ на небѣ райскимъ маякомъ“, поэтъ ожидаетъ появленія на церковной паперти „давно забытыхъ призраковъ и тѣней его больной души“, которые, „какъ нищіе, протянутъ къ нему руки, моля, чтобъ онъ ихъ вновь душой облюбовалъ, чтобъ ихъ облекъ въ цвѣты и звуки и, зарыдавъ, къ ногамъ припалъ“. Въ „Великой ночи“ вѣтеръ „взмываетъ сѣдую волну и разсыпаетъ ее надъ волною, сферы неба сливаются въ святую музыку съ падшею землею, вздрагиваютъ въ страхѣ иглы терній и голубая лазурь“. Рядомъ съ избыткомъ искусственности встрѣчается избытокъ реализма; тѣмъ или другимъ испорчено множество стихотвореній, хорошо задуманныхъ и наполовину хорошо исполненныхъ. Муза „одуваетъ“ перья умершаго поэта, истина спитъ „исцарапанною въ кровь“, ночь „спугиваетъ лиловыя зарницы“, звѣзда „мигаетъ землѣ, не удостоивая ее словомъ“, небеса „синимъ тюлемъ“ опрокинуты надъ лѣсами, любовь „отпархиваетъ въ глубь лазореваго рая“.

„Горе, припѣвая, въ нашемъ мірѣ рыщетъ,
Горе колосится въ полѣ яровомъ.
Горе перепелкой въ темномъ лѣсѣ свищетъ,
Солнышкомъ сіяетъ въ небѣ голубомъ;
Приголубитъ лаской, *заманитъ сторонкой*,
Вспѣнится, взыграетъ брагою хмѣльной,
Въ пору обернется красною дѣвчонкой
И столкнетъ, смѣяся, въ омутъ роковой“.

Подчеркнутыя нами мѣста совершенно уничтожаютъ впечатлѣніе, произведенное симпатичнымъ началомъ пьесы—и такихъ примѣровъ можно было бы привести весьма много. Въ рѣдкихъ случаяхъ небрежность исполненія идетъ еще дальше и доходитъ до слѣдующихъ невозможныхъ стиховъ:

„Это не женщина, другъ мой, *эдема намъ*
Не отверзаетъ она безконечнаго;
Это злой геній, ниспосланный *демономъ*“.

Излишняя плодовитость г. Фофанова влечетъ за собою массу повтореній, — повтореній не только въ мотивахъ, но даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и образахъ. Въ одномъ стихотвореніи, напримѣръ, „капли слезъ серебрятся въ урнѣ пышнаго тюльпана“ („Лѣтнія картинки“), въ другомъ — „въ огненной урнѣ тюльпана дрожитъ яркой слезинкой роса“ („Вѣтеръ въ запутанныхъ вѣткахъ чуть дышетъ“). Всего утомительнѣе, при массѣ матеріала, однообразіе, бѣдность содержанія; въ этомъ отношеніи г. Фофановъ составляетъ совершенный контрастъ съ г. Минскимъ.

Онъ почти не выходитъ изъ области личныхъ настроеній—*личныхъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. не зависящихъ отъ того, что совершается вокругъ поэта. Изрѣдка только у него звучитъ нота сочувствія къ чужому страданію или горю—но она производитъ впечатлѣніе чего-то навѣяннаго извнѣ, и между стихотвореніями, ею вызванными („Весною въ Божьи именины", „Если разъ хоть позналъ ты житейскій обманъ", „Мы при свѣчахъ болтали долго", „Столица бредила въ чаду своей тоски", „Лица унылыя, взоры туманные"), нѣтъ ни одного, которое возвышалось бы надъ уровнемъ посредственности. Тенденція, гдѣ она есть, выступаетъ на видъ во всей своей наготѣ, не заботясь о поэтическомъ покровѣ. „Но вспомяни",—такъ обращается г. Фофановъ къ беззаботному, лѣнивому ребенку, — „есть недалеко подвалы блѣдныхъ бѣдняковъ,—не имъ журчаніе потока, не имъ дыханіе цвѣтовъ! Скажи, дитя, не странно ль это? Однимъ — и блескъ, и ароматъ; другимъ—весна, зима и лѣто, и жизнь, и міръ—тяжелый адъ"! Не удаются г. Фофанову и стихотворенія на философской подкладкѣ; они слишкомъ легко принимаютъ резонерскій характеръ и обращаюся либо въ сухую прозу („А эти дни, когда душа живетъ, когда въ умѣ какой-то бредъ тяжелый,—какъ ихъ назвать? Не остовъ ли тѣ голый, которому разрушиться—исходъ"), либо въ реторическую шумиху, образецъ которой мы видѣли выше, въ стихотвореніи о „богинѣ вѣчности".

А между тѣмъ нѣтъ ни одного отдѣла въ книгѣ г. Фофанова, въ которомъ нельзя было бы найти настоящихъ поэтическихъ перловъ. Всего слабѣе, какъ цѣлое, „Библейскіе мотивы", начинающіеся съ обращенія къ *„выброскамъ природы"*, за которыми *„оравой"* бѣгутъ во слѣдъ глупцы"—но и здѣсь мы видимъ прекрасное переложеніе словъ Іеговы: „Напрасно, волю давъ молитвамъ и слезамъ", а въ заключительной пьесѣ: „Надъ Библіей" встрѣчаемъ мѣста, выдерживающія сравненіе съ еврейскими пѣснями г. Фруга. Между „Фантазіями", „Думами", „Отрывками", „Сказками и поэмами" есть вещи безусловно неудачныя („Грёзы", „Рай", „То было лѣтомъ", „Жизнь", „Скряга и Звѣзды", „Мраморная дѣва", „Месть любви", „Тѣни Пушкина")—но есть и превосходныя, въ родѣ „Предчувствія", „Каменотеса", „Невѣсты", „Осеннею порою". Еще больше прекраснаго—въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній. Замѣчательно, прежде всего, мастерство формы, котораго способенъ достигнуть г. Фофановъ. Стихъ, такъ часто не повинующійся ему или служащій сообщникомъ его прегрѣшеній противъ простоты и правды, становится, по временамъ, удивительно послушнымъ орудіемъ, тонкимъ, блестящимъ, неотра-

зимымъ. Самыя капризныя линіи удаются поэту наравнѣ съ самыми простыми; онъ то играетъ риѳмой, то отбрасываетъ ее въ сторону, пробуетъ себя въ самыхъ разнообразныхъ размѣрахъ и побѣдоносно справляется со всѣми трудностями. Прочтите, напримѣръ, „Тріолетъ“, написанный г. Фофановымъ въ самомъ началѣ его дѣятельности—и вы невольно подивитесь искусству, съ которымъ выдержана здѣсь, на протяженіи пятнадцати куплетовъ, замысловатая, капризная поэтическая форма:

„Царевичъ пылкій Тріолетъ
Расцвѣлъ въ краяхъ душистыхъ юга
И былъ восторженъ какъ поэтъ.
Царевичъ пылкій Тріолетъ
Любилъ цвѣты, а въ ночь досуга
Мечталъ, смотря на лунный свѣтъ.
Царевичъ пылкій Тріолетъ
Расцвѣлъ въ краяхъ душистыхъ юга“...

Длина „Тріолета“ составляетъ, пожалуй, его недостатокъ; обязательное повтореніе риѳмъ и строкъ становится, à la longue, немножко утомительнымъ—но граціозная легкость стиха до самаго конца не измѣняетъ поэту, да и сюжетъ, сказочный, задумчиво-нѣжный, выбранъ вполнѣ соотвѣтствующій формѣ. Прямую противоположность порхающему, причудливому стиху „Тріолета“ составляетъ изящно-простой, медленно движущійся бѣлый стихъ, которымъ написана „Невѣста“. Мы не находимъ, чтобы эта небольшая поэма была испорчена длиннымъ періодомъ (въ 17 стиховъ), составляющимъ ея вступленіе:

„*Теперь*, когда плыветъ лазурной степью
Весенній мѣсяцъ зеркаломъ блестящимъ,
Въ которое глядятся серафимы,
Когда они расчесываютъ кудри,
Чтобъ на землю спуститься и пріять
Тѣнь мирную усопшаго младенца,
Или отца почившаго смиренно
Отъ золъ людскихъ въ семьѣ своихъ дѣтей;—
Теперь, когда отъ вздоховъ и лобзаній
Трепещетъ воздухъ, напоенный сладкимъ
Дыханіемъ заплаканныхъ цвѣтовъ;—
Теперь, когда мигающія звѣзды
Передаютъ безгрѣшныя преданья
Болѣзненно растроганной землѣ;—
Теперь, когда теплѣй звучитъ молитва
И ласковѣй божественные сны,—
Теперь не спитъ, влюбленная, она“.

„Можно подумать“, — замѣчаетъ, по поводу этихъ стиховъ,

одинъ изъ критиковъ г. Фофанова,—„что это написано нарочно, въ шутку, чтобы читатель не дочелъ до конца и задохся". Съ такимъ мнѣніемъ мы рѣшительно не согласны. У нашихъ лучшихъ поэтовъ нетрудно найти періоды не менѣе или еще болѣе длинные; укажемъ, для примѣра, на Лермонтовскаго „Демона", который прямо начинается періодомъ въ *восемнадцать* стиховъ (или по меньшей мѣрѣ въ шестнадцать, если не относить къ нему первыхъ двухъ строкъ поэмы), или на варіантъ къ первымъ тремъ строфамъ восьмой главы „Онѣгина", въ которомъ мы видимъ періодъ въ *тридцать-два* стиха. Въ такихъ случаяхъ важно, прежде всего, искусное раздѣленіе періода на части, самостоятельныя если не въ грамматическомъ, то въ поэтическомъ смыслѣ слова. Въ „Демонѣ" внѣшнимъ признакомъ дѣленія служитъ слово: *когда*, въ Онѣгинѣ—слова: *когда* и *въ тѣ дни*; въ „Невѣстѣ" г. Фофанова ту же роль съ полнымъ успѣхомъ играютъ слова: *теперь*, *когда*. Передъ каждымъ ихъ повтореніемъ смѣло можно остановиться и спастись, такимъ образомъ, отъ опасности „задушенія". Еще важнѣе, конечно, чтобы длинная вереница образовъ слагалась, въ концѣ концовъ, въ одну цѣльную картину, чтобы многочисленности ихъ соотвѣтствовала внутренняя ихъ цѣльность. И этому условію начало „Невѣсты" удовлетворяетъ вполнѣ; оно проникнуто таинственною прелестью весенней лунной ночи, открывающей безграничный просторъ для молодыхъ мечтаній:

„Она не спитъ; окно ея раскрыто;
Душистый воздухъ теплою волною
Плыветъ въ окно изъ трепетнаго сада,
Уснувшаго подъ пологомъ прозрачнымъ
Тоскующей, мечтательной весны...
И вотъ она безшумною походкой,
Какъ тѣнь, идетъ въ росистый садъ; кусты
Привѣтствуютъ ее; въ ихъ очертаньи
Ей чудится улыбка, и она
Срываетъ кисть лиловую сирени
И въ звѣздочкахъ ея голубоокихъ
Невѣрною рукою ищетъ счастья
И счастіе находитъ, наконецъ...
Должно для ней свершиться завтра все,
О чемъ она молила и мечтала...
Она его любила всей душою,
Всей радостью, всей страстью юной жизни,
И завтра съ нимъ ее соединятъ.
Но отчего мучительно трепещетъ
Ея душа? И отчего она
Хотѣла бы, чтобъ эта ночь осталась
Всегда царить надъ сонною землей;

Чтобъ въ эту ночь переломило время
Свою косу, губящую все въ мірѣ;
Чтобы ея тревожная душа
Почила бы навѣки въ ожиданьи?"

Не чувствуется ли, при чтеніи этихъ строкъ, что ожиданье счастья незамѣнимо даже счастьемъ, что минуты, имъ наполненныя, переживаются только однажды—и переживаются съ смутнымъ сознаніемъ, что онѣ больше не повторятся? Настроеніе поэмы овладѣваетъ нами всецѣло; ея благозвучный, мягкій, нѣжный стихъ ласкаетъ ухо, какъ полу-меланхолическій, полу-страстный мотивъ Шуберта или Шумана... Менѣе безукоризненна по исполненію, но также богата красотами другая небольшая поэма: „Осеннею порою". И здѣсь рамка вполнѣ гармонируетъ съ картиной; рядъ старческихъ воспоминаній окруженъ сумерками угасающаго осенняго дня:

„Туманнымъ саваномъ окутывалась даль,
И нити пыльныя воздушной паутины
Бѣлѣли межъ вѣтвей алѣющей рябины,
Какъ хмурой осени истлѣвшая вуаль".

Въ сказкѣ: „Каменотесъ" есть нѣсколько слабыхъ штриховъ, но это не мѣшаетъ ей принадлежать—и по мысли, и по исполненію—къ числу самыхъ удачныхъ произведеній г. Фофанова. Вмѣстѣ съ „Невѣстой" и „Предчувствіемъ", вмѣстѣ съ одной изъ „Пѣсенъ о родинѣ" г. Минскаго, „Каменотесъ" можетъ служить доказательствомъ тому, какъ велика сила, какъ велико богатство русскаго бѣлаго стиха.

Лучшимъ поэмамъ г. Фофанова не уступаютъ лучшія изъ его мелкихъ стихотвореній. Когда ему попадается тема, родственная его таланту, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему удается выдержать тонъ, убеHowever, беречься, съ одной стороны, отъ небрежности, съ другой стороны—отъ вычурности и преувеличеній, онъ сразу поднимается на большую высоту и очаровываетъ читателя. Сколько оригинальнаго и поэтическаго, напримѣръ, представляетъ небольшая пьеса, служащая эпиграфомъ къ его книгѣ:

„Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные,
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя —
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.

И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи, ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя".

Это—не единственное стихотвореніе, внушенное г. Фофанову самымъ процессомъ поэтическаго творчества; онъ замѣтно отразился еще въ нѣсколькихъ особенно симпатичныхъ пьесахъ—„Пѣсни мои, пѣсни", „Въ дни весны моей", „Думы волнуются", „Грёзы крылатыя". Любовныя пѣсни удаются г. Фофанову въ особенности тогда, когда онъ изображаетъ только-что пробуждающееся, еще неясное чувство („Подожди, въ немъ тоже скоро вспыхнутъ страсти") или воспоминанія о минувшемъ счастьѣ („Не правда ль, все дышало прозой", „Печальный румянецъ заката", „Нѣжныя письма"). Хороши, мѣстами, и картины расцвѣтающей природы („Ночи блѣдныя, томныя", „Только проглянули первые цвѣточки")—хороши даже послѣ лучшихъ описаній весны, оставленныхъ намъ нашими прежними поэтами:

„Шумятъ лѣса тѣнистые,
Тѣнистые, душистые;
Свои оковы льдистыя
Разрушила волна.
Пришла она, желанная,
Пришла благоуханная,
Изъ свѣта дня сотканная,
Волшебница весна"...

Почти всѣ остальныя выдающіяся стихотворенія г. Фофанова вызваны мимолетными настроеніями, то радостными, то причудливыми, то грустными; онъ умѣетъ возсоздавать ихъ въ немногихъ яркихъ чертахъ и находить имъ отголосокъ въ душѣ читателя. Назовемъ, для примѣра, „Ночь на Ивана Купала", „Въ дилижансѣ", „Юность", „Посмотри, разсыпалъ кто-то", „Ива съ дубомъ, мечтая", „По саду я гулялъ задумчиво съ тобой"—и приведемъ цѣликомъ двѣ пьесы, которыми и заключимъ наши цитаты:

„Съ тоской въ груди и гнѣвомъ смутнымъ,
Съ волненьемъ, вспыхнувшимъ въ крови,
Не повѣряй друзьямъ минутнымъ
Печаль осмѣянной любви.
Имъ все равно; они отъ счастья
Не отрекутся своего;

Ихъ равнодушное участье
Больнѣй несчастья самого"...

„За моря ушла ночь съ дремотою,
И послѣднія звѣзды сгинули
И зари лучи въ тучки кинули
Нѣжно-розовой позолотою.
Здравствуй, божій день! здравствуй, солнышко!
Здравствуй, шумный міръ, пробужденный людъ!
Завари свой пиръ, зачинай свой трудъ,
Выпей чашу дня всю до донышка,
Многохмѣльную чашу, горькую;
Ночь придетъ опять, убаюкаетъ,
Снами-чарами міръ окутаетъ —
И проснется онъ съ новой зорькою"...

Лучшими своими сторонами г. Фофановъ соприкасается отчасти съ г. Полонскимъ, отчасти съ г. Фетомъ, едва ли въ чемъ-нибудь уступая здѣсь тому или другому. По справедливому замѣчанію Надсона, его дарованіе имѣетъ „чисто-художественный оттѣнокъ"; но это нисколько не уменьшаетъ его цѣны. Прошло то время, когда у насъ могла разсчитывать на успѣхъ *только* тенденціозная поэзія. Она сохраняетъ и теперь все свое обаяніе, всю свою силу —но рядомъ съ ней остается мѣсто для произведеній другого рода, черпающихъ свое содержаніе изъ области сердечной жизни или дышащихъ только любовью къ красотѣ. Отъ г. Фофанова никто не потребуетъ жертвоприношеній злобѣ дня, клятвы на вѣрность тому или другому „стягу"; пускай онъ остается пѣвцомъ „чистаго искусства", лишь бы только онъ сталъ строже къ самому себѣ и заботливѣе очищалъ отъ плевелъ свою роскошную пшеницу.

К. Арсеньевъ.

*
* *

Какъ будто все всѣмъ надоѣло:
Застыли чувства; умъ зачахъ;
Ни въ чемъ, нигдѣ живого дѣла,
И лишь по горло всѣ въ дѣлахъ.

Средь современности безцвѣтной
Вступили въ связь добро и зло,
И равнодушье незамѣтно,
Какъ ночь, насъ всѣхъ заволокло.

Намъ жизнь—не скорбь и не утѣха;
Въ нее нашъ вѣкъ лишь скуку внесъ;
Нѣтъ въ этой пошлой шуткѣ—смѣха;
Нѣтъ въ этой жесткой драмѣ—слезъ.

Порой, какъ силъ подземныхъ взрывы,
Насъ вѣсть бѣды всколышетъ вдругъ,—
И бытъ безпечный и лѣнивый
Охватятъ ужасъ и испугъ.

Иль вдругъ родится мысль больная,
Что людямъ надобна война,—
И рвемся мы къ войнѣ, не зная —
Ни почему, ни съ кѣмъ она.

Но чуть лишь мы, затишью вѣря,
Отъ передряги отдохнемъ,
Какъ страхъ и злая похоть звѣря
Ужъ въ насъ смѣнились прежнимъ сномъ.

И вновь, унылой мглой одѣты,
Дни скучной тянутся чредой,
Какъ похоронныя кареты
За гробомъ—улицей пустой...

Алексѣй Жемчужниковъ.

КАЗЕННАЯ СУБСИДІЯ

и

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ.

Затруднительное положеніе нашихъ финансовъ и хроническіе дефициты въ бюджетѣ давно уже вызвали у нашей финансовой администраціи усиленныя заботы о прiисканiи новыхъ источниковъ доходовъ. За послѣднее же время это стремленіе стало принимать особенно интенсивный характеръ. Необходимость заставляла не останавливаться даже передъ разными затрудненіями, лишь бы найти хотя и мелкій въ отношеніи доходности, но все-таки новый предметъ обложенія. На-ряду съ этимъ, но пока значительно еще въ меньшей степени, обнаружилось и стремленіе къ возможному сокращенію расходовъ нашего государственнаго казначейства. Иногда усилія въ подобномъ направленіи проявлялись даже по отношенію къ разнымъ новымъ производительнымъ расходамъ, особенно въ области просвѣщенія и т. п. Можно было бы привести множество примѣровъ, какъ самыя неотложныя преобразованія, въ родѣ распространенія новаго судопроизводства на окраины, учрежденія новыхъ школъ и гимназій и т. п., откладывались на неопредѣленное время—и все для избѣжанія обремененія необходимыми для этого новыми расходами нашего государственнаго казначейства. Конечно, при наличныхъ экономическихъ условіяхъ, когда, вслѣдствіе полнаго напряженія платежныхъ силъ главной массы населенія, новые или повышенные прежніе налоги стали давать весьма малое повышеніе,—всяческая экономія въ расходахъ съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью и представляетъ едва ли не единственное средство къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія въ нашемъ государственномъ

бюджетѣ. Если тратится масса усилій на введеніе новаго налога, ради увеличенія доходовъ государственнаго казначейства на нѣсколько сотъ тысячъ руб. ежегодно, то и всякій расходъ въ такомъ же размѣрѣ не представляется уже бездѣлицей, о которой не стоитъ много говорить, а требуетъ предварительныхъ доказательствъ своей необходимости и полезности.

Мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ расходы на потребности государственнаго управленія и защиты, вообще на разныя, такъ сказать, спеціально-государственныя нужды, на государственный кредитъ и пр., ассигнованіе которыхъ производится у насъ въ размѣрахъ, установленныхъ уже прежнею практикою, съ ежегодными лишь добавками на удовлетвореніе вновь возникающихъ нуждъ по каждой отдѣльной отрасли государственнаго управленія и хозяйства.

Всѣ расходы такого рода совершенно ускользаютъ у насъ отъ всякаго общественнаго контроля, и голосъ общественнаго мнѣнія рѣдко участвуетъ въ предварительномъ обсужденіи размѣровъ необходимаго и возможнаго кредита по каждой изъ подобныхъ статей расходовъ.

Но зато есть цѣлая область государственныхъ расходовъ, именно всѣ траты нашего государственнаго казначейства на всевозможнаго рода субсидіи и воспособленія различнымъ промышленнымъ и коммерческимъ предпріятіямъ, назначеніе которыхъ, во многихъ случаяхъ, производится подъ давленіемъ и при участіи нашей печати, дѣйствительныхъ и самозванныхъ представителей такъ-называемаго общественнаго мнѣнія. Каждое новое домогательство подобныхъ субсидій, особенно при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ, выходитъ уже изъ узкой сферы взаимныхъ отношеній заинтересованныхъ сторонъ и заслуживаетъ общественнаго вниманія по многимъ причинамъ. Выясненіе подобныхъ домогательствъ, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей страны, необходимо хотя бы потому, что авторы ихъ, ради достиженія своихъ цѣлей, въ весьма широкихъ размѣрахъ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ ссылкамъ на неисчислимыя блага, которыя сулитъ Россіи то или иное предпріятіе для поднятія нашихъ производительныхъ силъ. Нѣкоторые примѣры изъ области подобныхъ мѣропріятій способны, вмѣстѣ съ тѣмъ, ярко освѣтить дѣйствительныя основы господствующей системы, ея возможныя послѣдствія.

Однимъ изъ такихъ весьма характерныхъ примѣровъ можетъ служить возникшій въ настоящее время вопросъ: продолжать ли выдачу казенной субсидіи „русскому обществу пароходства и торговли“, дѣйствующему на Черномъ морѣ. 21-го мая текущаго года наступаетъ первый срокъ, когда казна, послѣ десяти лѣтъ, можетъ отказать на-

званному обществу въ дальнѣйшей выдачѣ помильной платы изъ средствъ государственнаго казначейства.

Выдача такой помильной платы производилась обществу, начиная со времени его возникновенія въ 1857 г. Въ послѣдній разъ выдача казенной субсидіи была продолжена въ 1877 г. на 12 лѣтъ въ ежегодномъ размѣрѣ около 700 т. руб. Такимъ образомъ, въ настоящее время, возникаетъ вопросъ о дальнѣйшемъ продолженіи на тотъ же срокъ и въ томъ же размѣрѣ подобной субсидіи, о возложеніи на государственное казначейство новой затраты — приблизительно въ 7 милл. руб., въ продолженіе будущаго десятилѣтія. Одинъ уже весьма значительный размѣръ расходовъ заставляетъ серьезнѣе отнестись къ вопросу объ ихъ полезности и необходимости. Но особыя условія положенія и дѣятельности названнаго общества, появленіе цѣлыхъ объемистыхъ сочиненій, направленныхъ къ апологіи его дѣятельности, къ доказательству необходимости выдачи ему дальнѣйшей казенной субсидіи—все это невольно придаетъ вопросу болѣе широкій характеръ.

Одной изъ наиболѣе типическихъ особенностей нашей финансовой политики за послѣднія десятилѣтія являются, какъ это не трудно замѣтить, всевозможныя заботы нашего правительства о возможно широкомъ развитіи у насъ внѣшней торговли и крупнаго производства во всѣхъ сферахъ нашей экономической дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое покровительство интересамъ крупной промышленности выставлялось у насъ одною изъ главныхъ задачъ здравой національной экономической политики.

Съ каждымъ днемъ такая національная политика получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе и господство. Частичныя мѣропріятія, предпринимаемыя въ интересахъ мелкаго народнаго производства, какъ земледѣльческаго, такъ и кустарнаго, и по размѣрамъ затраченныхъ на нихъ средствъ, и по предѣламъ своего вліянія, далеко не могутъ идти въ сравненіе съ мѣропріятіями указаннаго господствующаго характера; даже по своему ограниченному числу они просто тонутъ въ массѣ мѣропріятій въ той или другой формѣ, якобы направленныхъ къ удовлетворенію многочисленныхъ нуждъ торговли и крупнаго хозяйства. Все различіе системъ отдѣльныхъ руководителей нашихъ финансовъ заключалось лишь въ томъ, что, въ зависимости отъ временно выдвигаемыхъ на первый планъ тѣхъ или другихъ вопросовъ дня, одинъ изъ руководителей прилагалъ особыя старанія къ развитію у насъ желѣзныхъ дорогъ, другой —заводской и фабричной промышленности и т. д.

Только изрѣдка, въ недолгія минуты оживленія государственной дѣятельности, принимались разныя мѣры для непосредственной под-

держки хозяйства и благосостоянія главной массы нашего населенія, но „вѣянія“ скоро проходили и господствующимъ началомъ нашей финансовой политики, по прежнему, оставались указанныя заботы о поддержкѣ всевозможныхъ политическихъ и промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ все различіе сводилось на мелкія подробности. Кромѣ всевозможныхъ мѣръ косвенной поддержки, начиная съ повышенія таможенныхъ пошлинъ, наше небогатое государственное казначейство давно уже обременялось значительными расходами на выдачу разныхъ субсидій, гарантій, помильныхъ платъ и т. под. непосредственныхъ воспособленій изъ общегосударственныхъ средствъ отдѣльнымъ предпріятіямъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ такихъ предпріятій являлись настоящими баловнями судьбы, такъ какъ на нихъ изъ казеннаго сундука, какъ изъ рога изобилія, сыпались всевозможныя субсидіи и пособія. Такимъ особеннымъ баловнемъ, по справедливости, можетъ считаться именно „русское общество пароходства и торговли“. Названное предпріятіе было основано въ 1857 году для содержанія срочнаго пароходнаго сообщенія, пассажирскаго и грузового, какъ между разными пунктами русскаго черноморско-азовскаго побережья, такъ и между русскими и иностранными портами. Эта, въ сущности простая, цѣль тотчасъ же была пріукрашена разными соображеніями: будто бы, поддерживая названное предпріятіе, правительство окажетъ необходимое содѣйствіе не только развитію торговли южнаго края, но и создастъ путемъ субсидій этому обществу русскій торговый флотъ въ нашемъ важнѣйшемъ морскомъ бассейнѣ на югѣ, взамѣнъ уничтоженнаго въ то время военнаго черноморскаго флота. Конечно, не были забыты всевозможныя патріотическія фразы, приличествующія данному случаю, о важности поддержки обаянія русскаго флага, на востокѣ, при помощи пароходовъ „русскаго общества“, и т. д. и т. д. Словомъ, съ тѣхъ поръ на это общество посыпались всевозможныя воспособленія изъ государственнаго казначейства.

Пользуясь оффиціальными данными [1]) и отчетами самого общества, мы постараемся подвести итоги, во что̀ обошлось это общество нашей казнѣ. Вотъ не лишенный интереса длинный перечень пособій, оказанныхъ обществу въ видахъ поощренія и поддержки его предпріятія. При самомъ учрежденіи „русскаго общества пароходства и торговли“ правительство, съ цѣлью оказать ему содѣйствіе, взяло себѣ 6.670 акцій. Уплативъ за нихъ 2.001 т. руб., оно уступило эти же акціи впослѣдствіи тому же обществу за 799.344 руб., и такимъ образомъ вложило въ дѣло безвозвратно—1.201.656 руб. Причитав-

[1]) Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли, № 48 за 1886 г.

шійся на эти акціи, въ первыя пять лѣтъ существованія общества, дивидендъ былъ уступленъ правительствомъ въ пользу общества, что̀ составило всего—680.340 руб. За отчужденіемъ 1.200 принадлежавшихъ правительству акцій, дивидендъ на остальныя 5.470 акцій, въ послѣдующія пять лѣтъ существованія общества, также былъ предоставленъ въ его пользу, что̀ составило всего — 754.860 руб. Далѣе, правительство отпускало обществу, съ 1857 по 1877 г., по 64 т. руб. ежегодно на необходимыя ремонтныя исправленія пароходовъ.

Пять пароходовъ бывшей новороссійской экспедиціи, стоившіе казнѣ 603.493 руб., переданы были обществу за 143.281 руб., съ разсрочкой уплаты этой суммы на 5 лѣтъ, безъ процентовъ, или казна потеряла при этомъ въ пользу общества 460.212 руб. Кромѣ того, обществу за все время его существованія и до сихъ поръ выдается изъ государственнаго казначейства ежегодно особая плата за каждую милю, пройденную пароходами общества въ извѣстныхъ линіяхъ пароходныхъ сообщеній. Размѣры помильной платы, число и направленіе оплачиваемыхъ линій измѣнялись, но съ 1857 г. по 1-е января 1886 г. выдано было обществу помильной платы и пособій на ремонтъ всего *37.159.724 руб.* Такимъ образомъ, прямыя денежныя затраты правительства для поддержки русскаго общества пароходства и торговли достигли къ 1-му января 1886 г. весьма почтенной суммы *40.256.792 руб.* Но этимъ еще не ограничились пособія названному обществу. Такъ ему были оказаны еще слѣдующія льготы: 24-го марта 1858 г. обществу предоставлено было, для постройки въ Севастополѣ эллинга, принадлежащее казнѣ мѣсто Лазаревскаго адмиралтейства съ начатыми работами, и дозволено употреблять также безплатно и камень отъ доковъ и укрѣпленій Севастополя.

Всѣ необходимыя для общества механическія заведенія, пристани, верфи, конторы, магазины и всякія другія строенія дозволено ему устроивать на казенныхъ мѣстахъ безплатно. Пристани, магазины для складки товаровъ и угля и вообще всѣ портовыя мѣста въ Одессѣ и на другихъ пунктахъ, которыми пользовались пароходы новороссійской экспедиціи, также были предоставлены безплатно въ распоряженіе общества. Наконецъ, обществу отведенъ былъ въ Землѣ Войска Донского участокъ до 2½ верстъ для устройства антрацитовыхъ копей. Всѣ эти матеріальныя пожертвованія не оцѣнены на деньги, но всякій посѣщавшій порты Чернаго моря и видѣвшій значительные участки лучшихъ портовыхъ земель, занятыхъ „русскимъ обществомъ пароходства и торговли", легко можетъ понять, какую громадную цѣнность представляютъ эти земли въ настоящее время. При такихъ условіяхъ онѣ могли бы служить источникомъ значительныхъ доходовъ въ видѣ арендной платы за пользованіе этими участками, но

все это многомилліонное имущество уступлено казною безвозмездно въ пользу названнаго общества. Наше правительство не только, какъ мы видѣли, не жалѣло средствъ на пособія обществу,—оно не остановилось даже передъ подчиненіемъ своихъ агентовъ этому привилегированному обществу. Такъ, на основаніи еще до сихъ поръ дѣйствующаго устава (§§ 17 и 18) общества, „всѣ военныя и гражданскія начальства и присутственныя мѣста должны разумѣть общество, какъ учрежденіе особенно полезное для отечественной промышленности и торговли, а потому обязываются не только оказывать обществу всякую помощь, защиту и покровительство, но и отъ всякихъ, могущихъ послѣдовать ему убытковъ и вреда, предостерегать. Равномѣрно россійскіе консулы, находящіеся за границею въ тѣхъ мѣстахъ, къ коимъ будутъ ходить общественные пароходы, обязаны оказывать обществу возможную, съ ихъ стороны, помощь и принимать самое живое участіе въ его интересахъ, всемѣрно стараясь о развитіи торговыхъ его отношеній и самаго круга дѣятельности общества". Не знаемъ, какъ исполняются эти предписанія устава на практикѣ, но исключительная обязательность для правительственныхъ агентовъ защищать интересы одного предпріятія, безъ равномѣрной защиты всѣхъ русскихъ подданныхъ, несомнѣнно создаетъ для названнаго общества особое, привилегированное положеніе.

Итакъ, „русское общество пароходства и торговли" обошлось правительству въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Можно сказать прямо, что оно даже создалось исключительно на средства казны. Въ самомъ дѣлѣ, весь основной капиталъ по балансамъ общества исчисляется въ 10 милл. руб., раздѣленныхъ на 20 т. акцій, по нарицательной стоимости въ 500 руб. каждая. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, акціонерами общества внесено на каждую акцію только по 150 руб., или изъ всего акціонернаго капитала въ 10 милл. руб. только 2.812.500 руб., или лишь 28,1%, представляютъ дѣйствительно внесенный акціонерами капиталъ,—вся же остальная сумма составилась изъ прибылей предпріятія и перечислена, между прочимъ, въ 1878 г., изъ запаснаго капитала. Зато казна потратила за это время на общество однѣми наличными деньгами болѣе 40 милл. руб. Многимъ можетъ показаться слишкомъ фантастичнымъ, что акція, котирующаяся въ настоящее время на биржѣ по 860 руб., въ дѣйствительности была оплачена первоначально всего 150 руб. Чтобы не быть голословными, мы сошлемся на разсчеты Высочайше утвержденной въ 1874 г. коммиссіи для выработки новаго устава общества [1]) и на самые его отчеты.

[1]) Вѣстникъ финансовъ, промышл. и торговли, № 48, 1886 г.

По этимъ вычисленіямъ, изъ всего прежняго складочнаго капитала въ 9 милл. руб., было возвращено акціонерамъ, въ разное время, до 1879 г. по 150 руб. на акцію, или всего 4.500 т. руб., да уничтожено 10 т. акцій на сумму 1.687 т. руб. Итого возвращено 6.187.500 р., т.-е. дѣйствительно внесенный акціонерами капиталъ составляетъ только 2.812.500 руб. Эта сумма въ 1879 г., какъ это можно видѣть изъ объяснительной записки къ отчету общества за тотъ же годъ, была пополнена до 10 милл. руб. простымъ перечисленіемъ соотвѣтствующей части запаснаго капитала, который вслѣдствіе этого, вмѣсто 11.256.435 руб., уменьшился къ 1-му янв. 1879 г. до 4.726.612 руб. Мы не будемъ касаться вопроса, насколько необходимы были столь щедрыя затраты казны на „русское общество пароходства и торговли" въ прежніе годы его существованія. Всѣ эти пособія производились безвозвратно и не такъ, какъ платежи по гарантіи желѣзныхъ дорогъ, которыя записываются долгомъ за обществами жел. дор., и что бы ни говорили, все равно возвратить эти средства отъ общества теперь нельзя. Гораздо важнѣе вопросъ, насколько возможно и необходимо, при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ и дѣлъ самого общества, продолженіе ему выдачи прежней субсидіи на будущее время.

Мы видѣли уже, чѣмъ оправдывалась необходимость казенныхъ пособій въ прежнее время. Естественно возникаетъ вопросъ, насколько же соотвѣтствуютъ полученные результаты сдѣланнымъ затратамъ. Защитники „русскаго общества пароходства и торговли" даютъ намъ на это готовые отвѣты. „Заслуга общества, напримѣръ, по словамъ г. Скальковскаго, заключается не только въ томъ, что оно оживило торговлю всего черноморскаго побережья, связало между собою его населенные пункты и увеличило благосостояніе южно-русскаго населенія, но также и въ томъ, что оно живымъ примѣромъ доказало выгодность пароходныхъ предпріятій и возбудило довѣріе русскихъ людей къ отечественному мореходству. Оно образовало большое число моряковъ, механиковъ и машинистовъ, составляющихъ кадры для будущаго торговаго флота Россіи. Оно завязало также серьезныя торговыя сношенія съ иностранными портами, особенно восточными, и выяснило, какъ русскимъ людямъ слѣдуетъ въ нихъ дѣйствовать".

Пусть будетъ такъ, но надо было бы доказать все это соотвѣтствующими фактами и ради простого безпристрастія обратить также вниманіе и на другія стороны вопроса. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ заслугъ и пользы выдачи казенной субсидіи „русскому обществу пароходства и торговли" выставлялось всегда соображеніе о необходимости созданія на югѣ большого торговаго флота. Во время учрежденія общества, русскаго парового флота на Черномъ морѣ почти не существовало; казна потратила для этого 40 милл. руб.

на „русское общество пароходства и торговли"—и что же оказывается? —По оффиціальнымъ даннымъ, къ 1-му января 1886 г. ко всѣмъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей было приписано 228 русскихъ пароходовъ; изъ нихъ на долю „русскаго общества пароходства и торговли" приходилось всего 70 пароходовъ, или только 30% общаго числа.

Такимъ образомъ, болѣе 2/3 всего наличнаго парового флота на югѣ создалось *помимо* всякихъ государственныхъ субсидій. Причемъ же тутъ казенныя пособія и всѣ разговоры о невозможности развитія пароходства безъ подобной помощи? Возможно ли, сохраняя хоть тѣнь безпристрастія, восхвалять при такихъ условіяхъ „русское общество пароходства и торговли" за созданіе нашего торговаго флота, возвѣщать, какъ это дѣлается теперь, о каждомъ новомъ пароходѣ, пріобрѣтаемомъ обществомъ, какъ о какой-то заслугѣ передъ Россіей? Правда, „русское общество пароходства и торговли" за 30 лѣтъ увеличило число всѣхъ своихъ пароходовъ съ 17 до 80, т.-е. почти въ пять разъ, но и общая численность всего парового флота возросла въ этомъ бассейнѣ за тотъ же періодъ болѣе чѣмъ въ десять разъ. За одно послѣднее десятилѣтіе, съ 1876 г. по 1886 г., число пароходовъ на Черномъ морѣ возросло на 61%, а число судовъ „русскаго общества пароходства и торговли" увеличилось всего на 7, 6%. Увеличеніе слишкомъ медленное, вовсе не соотвѣтствующее обширнымъ средствамъ общества.

Также мало можно говорить о заслугахъ общества въ оживленіи торговли южной Россіи, по крайней мѣрѣ за послѣднія 20 лѣтъ. Значительное возрастаніе числа пароходовъ остальныхъ владѣльцевъ, кромѣ „русскаго общества пароходства и торговли", достаточно указываетъ, что это оживленіе шло естественнымъ путемъ, въ силу экономическаго роста нашихъ окраинъ, независимо отъ какихъ бы то ни было усилій названнаго общества. О размѣрахъ этого возрастанія говорятъ цифры оборотовъ движенія паровыхъ судовъ по нашимъ южнымъ портамъ. Однимъ изъ поводовъ выдачи субсидіи обществу пароходства и торговли выставлялась его задача развивать перевозку товаровъ въ заграничные порты на русскихъ судахъ. Между тѣмъ въ заграничномъ плаваніи обороты русскаго пароходства за послѣднее десятилѣтіе сократились, и значительная часть нашего экспорта производится на иностранныхъ судахъ. Такимъ образомъ въ важнѣйшей части своей задачи „русское общество пароходства и торговли" вовсе и не проявляло должной энергіи. Оно и понятно, такъ какъ щедрыя субсидіи, создавая высокіе дивиденды, въ такой же мѣрѣ усыпляютъ и предпріимчивость, а борьба съ иностранной конкурренціей требовала полнаго напряженія силъ. Что „русское общество па-

роходства и торговли“ не обнаружило особенной энергіи даже въ развитіи внутренней торговли, доказывается примѣрами, какъ многія линіи, брошенныя обществомъ вслѣдствіе отказа въ выдачѣ на нихъ казенной субсидіи, преисправно потомъ эксплоатировались несубсидируемыми предпріятіями. Какъ на примѣръ, укажемъ на темрюкскую линію въ Азовскомъ морѣ, содержимую теперь обществомъ пароходства по Дону, Азовскому и Черному морямъ, послѣ того, какъ „русское общество“ ее закрыло. Другимъ примѣромъ можетъ служить недавно возникшее черноморско-дунайское пароходство. Богатое „русское общество пароходства и торговли“ отказалось открыть эти линіи безъ ежегодной субсидіи въ 70 т. руб., а новое, спеціально учрежденное для этой цѣли предпріятіе нашло выгоднымъ содержать ихъ за 50 т. руб. въ годъ. Такихъ примѣровъ можно привести много, какъ много ихъ приводилось также для доказательства монопольнаго характера дѣятельности общества, которое не терпитъ и по возможности проваливаетъ разными средствами вновь возникающія пароходныя предпріятія каботажнаго плаванія, а средствъ этихъ у общества весьма достаточно. Владѣя собственными верфями, пристанями и пр., понижая фрахтъ, оно всегда можетъ стѣснить дѣятельность своего конкуррента и отбивать у него всякую охоту содержать пароходное сообщеніе на однѣхъ линіяхъ съ обществомъ.

Каковы бы ни были отрицательные результаты общей дѣятельности общества, какъ бы ни старались его защитники затушевать ихъ и превознести прежнія заслуги этого общества, въ интересующемъ насъ теперь вопросѣ о продолженіи субсидіи большое значеніе имѣютъ другія соображенія. Положимъ, что казенныя субсидіи были необходимы при учрежденіи общества, что безъ нихъ не могло создаться самое крупное въ Россіи пароходное предпріятіе. Но тогда были иныя условія, а теперь все измѣнилось. На Черномъ морѣ создался цѣлый торговый флотъ, учреждается и военный; существуетъ и богатѣетъ и само „русское общество пароходства и торговли“. Возможно еще съ разными натяжками поднимать вопросъ о казенной помощи новому предпріятію, бѣдному средствами, не обладающему опытомъ и т. п. Но развѣ „русское общество пароходства и торговли“ бѣдно?

Къ 1-му января 1886 г. общество имѣло, кромѣ 11 милл. руб. основного и страхового капитала, одного запаснаго капитала около 8 милл. руб. Стоимость его подвижного состава, за всѣми погашеніями, простиралась до 7.229.071 руб.; въ обществѣ числилось недвижимаго имущества, въ видѣ пристаней, магазиновъ, заводовъ, эллинга и пр.—всего на сумму 2.901.000 руб.; минеральнаго топлива въ складахъ состояло на 576.347 руб.; матеріаловъ и припасовъ —

на 259 т. руб.; стоимость антрацитоваго рудника достигала къ 1-му января 1886 г. до 1.037.686 руб. По дебету въ балансѣ общества числилось на текущихъ счетахъ 428 т. руб. и въ % бумагахъ — 4.159.928 руб. Эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, насколько хорошо обставлено разсматриваемое нами предпріятіе. За послѣднія 10 лѣтъ [1]) общество получило болѣе 17 милл. руб. чистой прибыли, или болѣе 25% всего валового дохода. За десятилѣтіе съ 1866 г. по 1876 г. было выдано въ дивидендъ 11.599 т. руб.; съ 1876 г. по 1-е января 1886 г. — 12.115 т. руб. Въ среднемъ выводѣ за 10 лѣтъ общество выдавало ежегодно по 59 руб. 34 коп. на каждую акцію; но были годы, напр. 1878 г., когда оно выдало 114 руб. на каждую акцію, въ 1879 г. — по 83 руб., и т. д. Принимая, какъ было уже указано выше, первоначальную стоимость акціи въ 150 руб., старые акціонеры получали ежегодно въ среднемъ около 40% на внесенный капиталъ; доходность чрезвычайно высокая, если не сказать болѣе. Въ 1885 г. было выдано въ дивидендъ болѣе 11%, даже если считать весь основной капиталъ въ 10 милл. руб. За десять навигаціонныхъ мѣсяцевъ 1886 г. „русское общество пароходства и торговли" перевыручило противъ того же періода 1885 г. на 330 т. р. болѣе. Вообще финансовое положеніе этого общества болѣе чѣмъ блестящее, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ всѣ эти цифры. Между тѣмъ находятся спеціальные органы, въ которыхъ доходность общества высчитывается въ 500 т. руб., когда помѣщенный чрезъ нѣсколько десятковъ страницъ балансъ общества показываетъ, что въ 1885 г. было выдано 1.101 т. руб. дивиденда, т.-е. почти вдвое противъ вычисляемой доходности. Цифры отчетовъ самого общества трудно опровергнуть. А разъ общество владѣетъ столькими капиталами и имуществомъ, не будетъ ли совершенно напрасной тратой казенныхъ денегъ дальнѣйшая выдача ему помильной платы? Эта выдача имѣла бы хоть тѣнь основанія, если бы общество было бѣдно и несло убытки, но вѣдь этого нѣтъ! Нѣкоторые, впрочемъ, ссылаются на бездоходность субсидируемыхъ линій. Надо замѣтить при этомъ, что всѣ содержи́мыя обществомъ линіи раздѣляются на субсидируемыя, за которыя производится выдача помильной платы, и несубсидируемыя. Къ числу первыхъ относятся всѣ заграничныя линіи и внутренняя—кавказская—линія отъ Керчи до Батума. Какія же изъ этихъ линій убыточны, какъ велики доходы по этимъ линіямъ, — общество не показываетъ. Оно приводитъ, съ 1874 г., въ своихъ отчетахъ лишь огульныя цифры сборовъ и

[1]) Эти цифры о финансовомъ положеніи дѣлъ „русскаго общества пароходства и торговли" мы заимствуемъ изъ оффиціальнаго „Вѣстника финансовъ, промышл. и торговли", № 48 за 1886 г.

расходовъ по всѣмъ линіямъ. Эта излишняя краткость отчетовъ, своеобразная манера ихъ составленія, могутъ быть объяснены простымъ неудобствомъ для общества показывать точныя цифры доходовъ по отдѣльнымъ линіямъ. Иначе, при отсутствіи подобной таинственности, тотчасъ же выяснилась бы передъ всѣми дѣйствительная доходность субсидируемыхъ линій или чрезмѣрная эксплоатація обществомъ внутреннихъ линій каботажнаго плаванія. Между тѣмъ теперь, при отсутствіи такихъ свѣденій, защитникамъ общества легко дѣлать голословные намеки на убыточность заграничныхъ линій, и тѣмъ самымъ убѣдить того, кто колеблется. Быть можетъ, нѣкоторыя линіи и давали когда-нибудь убытокъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что обществу необходимо теперь давать субсидію. Предпріятіе вѣдь ведется сообща по всѣмъ линіямъ, и высокій размѣръ дивидендовъ указываетъ, что гипотетическіе убытки на однѣхъ линіяхъ съ избыткомъ покрываются большими доходами по другимъ. Въ общемъ итогѣ, такимъ образомъ, получаются самыя удовлетворительные результаты. Ссылки на количество перевезенныхъ грузовъ и пассажировъ по разнымъ линіямъ также не имѣютъ значенія въ данномъ случаѣ, такъ какъ тысячи пудовъ груза, перевезеннаго изъ Херсона въ Одессу или изъ Одессы въ Китай, имѣютъ далеко не одинаковое значеніе для общества въ отношеніи доходности. Словомъ, всѣ приведенныя данныя, подтверждая вполнѣ блестящее положеніе финансовъ общества, вмѣстѣ съ тѣмъ не даютъ никакихъ основаній для продолженія выдачи ему казенной субсидіи. Между прочимъ, среди аргументовъ въ пользу субсидіи, проскальзываютъ угрозы, что, въ случаѣ отказа въ дальнѣйшей выдачѣ помильной платы, общество ликвидируетъ свои дѣла и закроетъ сообщенія на заграничныхъ, субсидируемыхъ теперь, линіяхъ. Быть можетъ, и существуетъ нѣкоторое стремленіе къ ликвидаціи, такъ какъ акціонеры при этомъ получатъ чуть ли не въ шесть разъ болѣе сдѣланныхъ ими взносовъ.

Но общая доходность предпріятія такъ велика, что акціонерамъ не легко будетъ помѣстить освободившіеся капиталы въ другое столь же доходное предпріятіе. Эти фиктивныя угрозы ликвидаціей характерны въ другомъ отношеніи и указываютъ, какъ могутъ щедро и неразсчетливо тратиться иногда государственныя средства въ интересахъ отдѣльныхъ предпріятій. Казна создала на свои средства громадное предпріятіе и отдала его, безъ всякихъ контрактовъ или оговорокъ, въ полное распоряженіе акціонеровъ, вложившихъ сравнительно ничтожные капиталы въ это дѣло. Вотъ и является теперь угроза правительству, что „если не будутъ выданы дальнѣйшія пособія, то мы закроемъ свои линіи“. Но всѣ эти угрозы носятъ слишкомъ уже явный дипломатическій характеръ, чтобы разбирать ихъ по суще-

ству. Сообщенія по выгоднымъ линіямъ не могутъ прекратиться, и если ихъ закроетъ „русское общество п. и т.“, то откроютъ другіе предприниматели.

Въ доказательствахъ необходимости выдачи казенныхъ пособій „русскому обществу п. и т.“ не могутъ имѣть мѣста и ссылки на субсидію добровольному флоту, такъ какъ между этими двумя предпріятіями существуетъ коренное различіе. Добровольный флотъ—не акціонерное предпріятіе, и всѣ расходы на него казны являются простыми оборотными расходами, а всѣ доходы отъ него остаются въ казнѣ.

Иное дѣло—„русское общество п. и т.“, гдѣ всѣ казенныя пособія идутъ непосредственно въ дивидендъ акціонерамъ.

Резюмируя все сказанное, легко можно видѣть, что продолженіе выдачи субсидіи „русскому обществу п. и т“. вовсе не оправдывается никакими серьезными доводами и явится напрасной тратой казенныхъ денегъ. Между тѣмъ такая трата не можетъ быть допущена, безъ нарушенія самыхъ элементарныхъ требованій государственной экономіи, при настоящемъ затруднительномъ положеніи нашихъ финансовъ. Отказъ въ выдачѣ субсидіи вовсе не означаетъ отказа правительства отъ всякихъ мѣръ дѣйствительной помощи *всему* русскому торговому флоту. Для развитія его нужны общія мѣры улучшенія всѣхъ условій плаванія нашихъ судовъ, и эти мѣры давно уже указываются различными изслѣдователями. Исторія и образъ дѣйствія „русскаго общества п. и т.“ служатъ живымъ примѣромъ, что образованіе на казенныя средства богатыхъ монопольныхъ предпріятій имѣетъ весьма малое отношеніе къ заботамъ о развитіи всего русскаго торговаго флота. Если у насъ тратились сотни милліоновъ рублей на сомнительныя желѣзно-дорожныя и иныя предпріятія, то это, конечно, не должно служить прецедентомъ для оправданія безполезной траты еще нѣсколькихъ новыхъ милліоновъ, которыхъ почти не откуда взять и которые нужны для удовлетворенія другихъ, болѣе насущныхъ потребностей государства...

С. Щ—въ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1887 г.

Ожидаемое повышеніе пошлины на заграничные паспорты; экономическое и общественное значеніе этой мѣры. — Проектируемыя ремесленныя и низшія техническія училища. — Необходимость законодательнаго регулированія земельныхъ товариществъ, созданныхъ уставомъ крестьянскаго поземельнаго банка. — Нѣсколько словъ по поводу толковъ и слуховъ въ печати о фабричной инспекціи и о земскихъ начальникахъ.

Четыре года тому назадъ въ нашемъ финансовомъ вѣдомствѣ возникла-было мысль о значительномъ повышеніи пошлины на заграничные паспорты. Встрѣченная рукоплесканіями нѣкоторыхъ органовъ прессы, она осталась, однако, безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Отказалось ли отъ нея, по собственному почину, финансовое управленіе, или она встрѣтила противодѣйствіе въ высшихъ законодательныхъ сферахъ—этого мы навѣрное не знаемъ; вѣроятнѣе первое, потому что она шла въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ тогдашней финансовой политики. Теперь она опять выступила на сцену, въ формѣ гораздо болѣе крупной и рѣзкой. Въ 1883 г. предполагалось взимать съ каждаго лица по одиннадцати рублей *кредитныхъ* за каждый мѣсяцъ пребыванія за границей, какъ бы долго оно ни продолжалось; теперь пошлина проектируется въ размѣрѣ десяти рублей *металлическихъ* за каждый изъ трехъ первыхъ мѣсяцевъ, а затѣмъ она постепенно растетъ, останавливаясь, по окончаніи перваго года, на тридцати рубляхъ металлическихъ въ мѣсяцъ. Другими словами, по проекту 1883 г., трехмѣсячное пребываніе одного лица за границей оплачивалось бы тридцатью-тремя, шестимѣсячное—шестидесятью-шестью, годовое—ста тридцатью-двумя, двухгодовое—двумя стами шестидесятью-четырьмя кредитными рублями [1]); теперь соот-

[1]) Судя по слухамъ, за вѣрность которыхъ поручиться нельзя, дѣло ограничится возвращеніемъ къ этому проекту прежняго министерства финансовъ, и будетъ взиматься по 12 руб. кредитн. съ лица за каждый мѣсяцъ пребыванія за границей.

вѣтствующія цифры составляютъ (если даже считать металлическій рубль равнымъ только 1 руб. 60 коп. кред.) сорокъ-восемь, сто двадцать, триста тридцать-шесть и девятьсотъ двѣнадцать рублей. Отсюда уже весьма недалеко до пошлины начала пятидесятыхъ годовъ, составлявшей 500 рублей въ годъ—до этой знаменитой пошлины, въ воскрешеніе которой еще недавно никто не захотѣлъ бы вѣрить, но при которой, однако, рубль равнялся четыремъ франкамъ. Вмѣстѣ съ цифрой *триста*, какъ максимальнымъ числомъ студентовъ въ каждомъ университетѣ, та цифра служила отличительнымъ признакомъ эпохи, которую всѣ считали безвозвратно минувшей и похороненной. Теперь, быть можетъ, придется сказать: les morts reviennent—и приготовиться къ цѣлому ряду аналогичныхъ политическихъ раскопокъ.

Чтобы вполнѣ понять значеніе подобной мѣры, необходимо имѣть въ виду, что взиманіе пошлины *съ паспорта* предполагается замѣнить взиманіемъ пошлины *съ лица*. Какъ бы велика ни была семья, отправляющаяся за границу, пошлина будетъ взыскиваться съ каждаго ея члена, за исключеніемъ только дѣтей, не достигшихъ десятилѣтняго возраста (и то если они ѣдутъ съ родителями, а не съ посторонними лицами). Семьѣ, состоящей изъ мужа, жены и трехъ дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, придется, такимъ образомъ, заплатить за три мѣсяца 240, за полгода—600, за годъ—1.680, за два года—4.560 рублей. Не ясно ли, что для громаднаго большинства семей, сколько-нибудь многочисленныхъ, введеніе пошлины въ проектируемыхъ размѣрахъ будетъ равносильно совершенному запрещенію поѣздокъ за границу, на болѣе или менѣе продолжительное время? „Въ древнемъ Римѣ",—писали мы въ 1883 г., когда въ первый разъ стали распространяться слухи о повышеніи паспортныхъ пошлинъ,—„существовало такъ-называемое jus trium liberorum, т.-е. совокупность привилегій для отца, имѣющаго по меньшей мѣрѣ трехъ дѣтей. У насъ въ Россіи нѣтъ надобности въ подобныхъ привилегіяхъ; но это еще не значитъ, чтобы можно было вдаваться въ противоположную крайность и облагать семью налогомъ, растущимъ прямо пропорціонально числу ея членовъ... Обложеніе паспортной пошлиной каждаго члена семьи было бы, до извѣстной степени, понятно, еслибы взятіе дѣтей за границу было, со стороны ѣдущихъ туда родителей, капризомъ, роскошью; но можно ли считать капризомъ желаніе отца или матери не разставаться съ семьею?" Прибавимъ къ этому, что разлука родителей съ дѣтьми, особенно тяжелая для первыхъ, особенно опасна для послѣднихъ именно тогда, когда дѣти вступили въ такъ-называемый переходный возрастъ. На попеченіи постороннихъ лицъ легче оставить ребенка, нуждающагося только въ физи-

ческомъ уходѣ, чѣмъ подростковъ, требующихъ постояннаго наблюденія и руководства. Небогатымъ семейнымъ людямъ, при дѣйствіи новаго закона, безпрестанно придется сталкиваться съ слѣдующей дилеммой: или отказаться отъ поѣздки за границу, необходимой для окончанія работы, для поддержанія здоровья, можетъ быть, для продолженія жизни,—или предпринять ее безъ семьи, создавая для себя источникъ самыхъ мучительныхъ безпокойствъ, подвергая дѣтей риску нравственной порчи. Если вѣрить газетамъ, составители законопроекта разсуждали такимъ образомъ: „уже одинъ фактъ отправленія дѣтей за границу вмѣстѣ съ родителями или другими близкими родственниками указываетъ на то, что родители въ состояніи дѣлать затраты по заграничнымъ поѣздкамъ не только на себя самихъ, но еще и на дѣтей“. Затраты вынужденныя, до крайности тяжелыя, можетъ быть, разорительныя, смѣшиваются здѣсь съ затратами произвольными, свидѣтельствующими объ избыткѣ свободныхъ средствъ или „бѣшеныхъ денегъ“. Взять или не взять съ собою дѣтей—это такой вопросъ, для котораго часто нѣтъ и не можетъ быть двухъ рѣшеній; не на кого оставить дѣтей въ Россіи—по-неволѣ повезешь ихъ съ собою за границу, если только есть какая-нибудь къ тому возможность. Само собою разумѣется, что во многихъ случаяхъ такой возможности на-лицо не окажется, и несправедливо-высокій налогъ отзовется разъединеніемъ семьи, серьезнымъ, иногда непоправимымъ разстройствомъ семейныхъ отношеній... И въ литературѣ, и въ законодательствахъ все больше и больше получаетъ право гражданства мысль, что семейное положеніе плательщика должно вліять на размѣръ подоходнаго налога, что при равномъ доходѣ меньше долженъ платить тотъ, у кого больше дѣтей. Проектируемая пошлина на заграничные паспорты идетъ прямо въ разрѣзъ съ этимъ началомъ, въ высшей степени разумнымъ и гуманнымъ.

Защитники разбираемой нами мѣры, въ особенности если они считаютъ нужнымъ прикрываться маской лже-народничества, оправдываютъ ее преимущественно тѣмъ, что она касается только людей достаточныхъ и составляетъ, собственно говоря, одинъ изъ видовъ пошлины на роскошь. Ее называютъ налогомъ на „праздношатаніе“, на „жуирство“; противниковъ ея обвиняютъ въ лицемѣріи, въ пренебреженіи къ интересамъ массы, не помышляющей о поѣздкѣ за границу. Посмотримъ, прежде всего, что̀ причисляется обыкновенно къ разряду такъ-называемыхъ „сомптуарныхъ“ пошлинъ, т.-е. пошлинъ на предметы роскоши. Леруа-Больё, напримѣръ, относитъ сюда налоги на собственныхъ (т.-е. не извозчичьихъ) лошадей и на собственные экипажи, на собакъ, на охоту (т.-е. на позволеніе охотиться), на игральныя карты, на билліарды, на клубы, на золотыя и серебря-

ныя вещи, на гербы (изображаемые на экипажахъ), на мужскую прислугу [1]). Общая черта этихъ налоговъ заключается въ томъ, что они упадаютъ на предметы, безъ которыхъ легко обойтись, которые служатъ только къ доставленію комфорта, къ удовлетворенію тщеславія или къ увеличенію суммы удовольствій; пользованіе всѣми обложенными предметами,—за исключеніемъ развѣ игральныхъ картъ, для обложенія которыхъ имѣются другія основанія,—указываетъ, притомъ, на значительную степень достатка пользующихся лицъ. При такихъ условіяхъ обложеніе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ справедливости и здраваго смысла; то же самое слѣдуетъ сказать и о его ростѣ. Весьма естественно, что владѣлецъ нѣсколькихъ лошадей и экипажей или наниматель нѣсколькихъ лакеевъ платитъ больше, чѣмъ владѣлецъ одной лошади и одного экипажа, наниматель одного лакея; весьма естественно, что для каждаго отдѣльнаго покупателя игральныхъ картъ сумма уплачиваемой пошлины растетъ пропорціонально числу купленныхъ колодъ. Къ высокой пошлинѣ на заграничные паспорты непримѣнимъ ни одинъ изъ признаковъ налога на предметъ роскоши. За границу ѣздятъ десятки—если не сотни—тысячъ людей, никогда даже не мечтавшихъ ни о мужской прислугѣ, ни о собственныхъ лошадяхъ и экипажахъ—десятки тысячъ людей съ самыми скромными средствами, отказывающихъ себѣ во многомъ, лишь бы только отъ времени до времени или хоть разъ въ жизни побывать за границей. Почему? Потому что только за границей они могутъ найти то, чтó имъ нужно. Одному необходимо провести нѣсколько мѣсяцевъ въ тепломъ климатѣ, окруживъ себя такими удобствами, которыя у насъ въ Крыму или на Кавказѣ совершенно немыслимы или доступны только для людей богатыхъ; другого притягиваютъ такіе центры умственной жизни, какъ нѣмецкіе университеты, третьяго—такія хранилища искусствъ, какъ Флоренція или Римъ, четвертаго—такіе очаги промышленной и торговой дѣятельности, какъ Лондонъ, Манчестеръ или Ливерпуль. Если поѣздка, предпринятая съ одною изъ этихъ цѣлей, можетъ считаться роскошью, то подъ понятіе о роскоши слѣдовало бы подвести и подписку на журналы и газеты, и пріобрѣтеніе книгъ, нотъ, гравюръ, рисунковъ. Масса народа, особенно у насъ, не читаетъ вовсе или читаетъ очень мало,—однако самые рьяные газетные проповѣдники лже-народничества не предла-

---

[1]) Во Франціи всѣ эти пошлины (кромѣ двухъ послѣднихъ, незнакомыхъ французскому законодательству) доставляли государству и общинамъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, около 35 милліоновъ франковъ (болѣе 14 милліоновъ рублей). Въ Англіи одинъ налогъ на экипажи составлялъ, въ 1876 г., болѣе полумилліона фунт. стерл. (около пяти милліоновъ рублей), налогъ на мужскую прислугу (по 15 шиллинговъ съ лица)—болѣе 150 тысячъ фунт. стерл. (около $1^1/_2$ милліона рублей).

гаютъ обложить высокою пошлиною газеты и все выходящее изъ-подъ типографскаго пресса, за исключеніемъ богослужебныхъ книгъ, душеспасительныхъ, кѣмъ слѣдуетъ одобренныхъ брошюръ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей и „Сельскаго Вѣстника". Найдутся, быть можетъ, газеты, готовыя рекомендовать и такое обложеніе—но покамѣстъ мы до этого еще не дожили, и призывъ къ логикѣ не потерялъ еще своей силы. Если поѣздка за границу предпринимается, сплошь и рядомъ, подъ вліяніемъ побужденій самыхъ пустыхъ или даже непохвальныхъ, то вѣдь и книги или произведенія искусства не всегда же покупаются для пріобрѣтенія новыхъ знаній, для развитія эстетическаго чувства; и въ нихъ многіе ищутъ только способа развлечься, убить время, польстить испорченному вкусу. Никто не видитъ въ этомъ аргумента въ пользу высокаго обложенія гравюръ или книгъ; на какомъ же основаніи фланерство однихъ ставится въ вину всѣмъ, разъ что рѣчь заходитъ о поѣздкахъ за границу? Фланеры не всегда отправляются на Западъ, многіе изъ нихъ ѣдутъ съ пустыми цѣлями въ Москву, на нижегородскую ярмарку, внизъ по Волгѣ, на югъ Россіи; значитъ ли это, что въ лѣтніе мѣсяцы слѣдуетъ повысить плату за проѣздъ въ первомъ и второмъ классѣ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ?.. Не ясно ли, притомъ, что всю тяжесть высокой паспортной пошлины чувствуютъ именно тѣ, которые ѣдутъ или хотятъ ѣхать за границу съ небольшими средствами, но необходимости или съ серьезною цѣлью? Фланерство, „праздношатаніе", „жуирство" доступно только для людей богатыхъ или очень достаточныхъ; оно предполагаетъ возможность сыпать деньгами, тратить ихъ, не стѣсняясь и не считая. У кого есть такая возможность, тотъ не остановится передъ уплатой нѣсколькихъ лишнихъ десятковъ или сотенъ рублей—не остановится тѣмъ болѣе, что праздношатаніе происходитъ, большею частью, въ одиночку или парами; фланирующихъ или жуирующихъ *семействъ* едва ли найдется много. Откажутся отъ поѣздки—или сократятъ, къ явному вреду для себя, ея продолжительность—только тѣ, для которыхъ она меньше всего была бы предметомъ роскоши. Всякому изъ насъ извѣстно, безъ сомнѣнія, множество случаевъ, въ которыхъ поѣздка за границу, обогатившая путешественника на всю жизнь физическими или умственными силами, была предпринята съ величайшимъ трудомъ, на послѣднія крохи—и не была бы предпринята вовсе, если бы ко всѣмъ расходамъ, съ нею сопряженнымъ, присоединилась еще высокая, прогрессивно растущая паспортная пошлина.

До какого циническаго легкомыслія доходятъ газетные защитники проекта, отстаивая его per fas et nefas, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. „Отговорка, что за границею лучше устроена

жизнь,—говоритъ одна петербургская газета, — не имѣетъ смысла, потому что тамъ оттого все лучше и устроено, что пріѣзжаетъ много публики. Давно ли Франценсбадъ былъ грязной дырой, а въ двадцать лѣтъ, на-половину на русскія деньги, онъ отлично обстроился. Дали бы тѣ же средства Липецку или Желѣзноводску — и они завели бы тѣ же удобства". Процвѣтаніе главныхъ заграничныхъ курортовъ началось давно, гораздо раньше наплыва русскихъ туристовъ; Карлсбадъ, Теплицъ, Спа, Пирмонтъ уже въ прошломъ столѣтіи или въ началѣ нынѣшняго были, toutes proportions gardées, тѣмъ же самымъ, чѣмъ мы видимъ ихъ теперь—да и Франценсбадъ, нѣсколько отъ нихъ отставшій, представлялъ, двадцать лѣтъ тому назадъ [1]), рѣшительно всѣ удобства, *необходимыя* для больного. Это объясняется очень просто: между большими и маленькими заграничными городами никогда не было того колоссальнаго различія житейскихъ условій, какое существуетъ до сихъ поръ у насъ въ Россіи. Чистое помѣщеніе и здоровую пищу гораздо легче найти въ нѣмецкомъ деревенскомъ трактирѣ, чѣмъ въ нашихъ уѣздныхъ, а иногда и губернскихъ гостинницахъ. Отъ деревни, конечно, никогда не отставали курорты, даже самые скромные. Пріѣзжая туда, больные всегда встрѣчали обстановку, не слишкомъ рѣзко расходившуюся съ ихъ привычками и во всякомъ случаѣ совмѣстную съ успѣхомъ леченья. Отсюда постоянное возрастаніе числа пріѣзжихъ, а параллельно съ нимъ—обогащеніе курортовъ, выражающееся въ лучшемъ устройствѣ домовъ, прогулокъ, лечебныхъ приспособленій, въ разнообразіи и утонченности развлеченій, предлагаемыхъ публикѣ. Въ исторіи нѣмецкихъ курортовъ едва ли можно отыскать такой моментъ, когда настоящее было бы принесено въ жертву будущему — другими словами, когда одному поколѣнію больныхъ приходилось бы претерпѣвать всевозможныя лишенія, чтобы обезпечить за слѣдующимъ всевозможныя удобства. А между тѣмъ къ чему-то въ этомъ родѣ приглашаютъ теперь нашихъ больныхъ. Имъ говорятъ: помѣщайтесь въ сырыхъ домахъ, пронизываемыхъ сквознымъ вѣтромъ, питайтесь гнилыми продуктами, садитесь въ грязныя ванны, глотайте пыль на гуляньяхъ, разстраивайте здоровье, для возстановленія котораго вы пріѣхали издалека — и утѣшайтесь тѣмъ, что на деньги, брошенныя вами понапрасну, устроятся образцовые курорты, которыми будутъ пользоваться... ваши потомки. Нѣтъ, такого самоотверженія нельзя ожидать и отъ здоровыхъ людей — тѣмъ менѣе отъ больныхъ. Еслибы наши русскіе курорты удовлетворяли хотя бы самымъ умѣреннымъ требованіямъ, достаточной приманкой для боль-

---

[1]) Пишущій эти строки былъ въ Франценсбадѣ какъ разъ въ 1867 г.

ныхъ они были бы уже давно вслѣдствіе страшнаго паденія нашего курса. Большинство предпочитаетъ до сихъ поръ Франценсбадъ — Желѣзноводску или Киссингенъ—Эссентукамъ не потому, что тамъ веселѣе живется, а потому, что здѣсь нѣтъ на-лицо самыхъ элементарныхъ условій для правильнаго леченья... Скажемъ болѣе: будущіе невольные посѣтители русскихъ минеральныхъ водъ не имѣли бы и того утѣшенія, которое имъ сулитъ вышеупомянутая газета: они не имѣли бы увѣренности, что въ близкомъ будущемъ все перемѣнится къ лучшему. Если уже теперь наши курорты такъ мало заботятся о соперничествѣ съ заграничными, то что же будетъ тогда, когда имъ дадутъ искусственную охрану отъ этого соперничества? Не повторится ли здѣсь исторія многихъ русскихъ фабричныхъ производствъ, мирно спавшихъ и спящихъ подъ покровомъ протекціоннаго тарифа?

Если высокая пошлина на заграничные паспорты не можетъ быть разсматриваема какъ налогъ на роскошь, то она теряетъ всякое право на существованіе. Фискальное ея значеніе совершенно ничтожно; доставить съ небольшимъ милліонъ рублей она можетъ только въ такомъ случаѣ, если почти не уменьшится число ѣдущихъ за границу—а этого, очевидно, ожидать нельзя. „Не лучше ли было бы"— говорили мы уже въ 1883 г., возражая противъ тогдашняго проекта обложенія заграничныхъ паспортовъ — „вмѣсто полумѣръ, безполезныхъ въ финансовомъ отношеніи и вредныхъ во всѣхъ другихъ, приступить, наконецъ, къ радикальной перестройкѣ всей финансовой системы, установить прогрессивный подоходный налогъ и облегчить такимъ образомъ массу, распредѣливъ податное бремя не по случайнымъ, обманчивымъ признакамъ, а по мѣрѣ дѣйствительной состоятельности плательщиковъ?" То же самое мы можемъ повторить и теперь, добавивъ только, во избѣжаніе недоразумѣній, что вмѣстѣ съ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ могли бы быть введены и всѣ возможные налоги на предметы роскоши,—роскоши, конечно, реальной, а не мнимой. Такъ смотрятъ на дѣло и многіе другіе противники проектируемой пошлины. Имъ, какъ и намъ, не зачѣмъ, поэтому, опасаться упрека въ игнорированіи народныхъ интересовъ, въ охраненіи кармановъ привилегированнаго меньшинства. Возставать противъ высокой пошлины на заграничные паспорты—не значитъ еще стоять за возвращеніе къ рутиннымъ финансовымъ пріемамъ, въ родѣ огульнаго возвышенія гербоваго сбора или удвоенія сбора съ низшихъ сортовъ табаку. Если министерство финансовъ дѣйствительно имѣетъ въ виду ту или другую изъ этихъ мѣръ, оно готовится впасть въ большую ошибку—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно было право въ стремленіи обложить тяжелымъ налогомъ

всѣхъ ѣдущихъ за границу... Чрезвычайно характеристичнымъ для нашихъ лже-народниковъ кажется намъ слѣдующее обстоятельство: та самая газета, которая всего усерднѣе отстаиваетъ противъ „либераловъ" высокую пошлину на заграничные паспорты, отнеслась весьма несочувственно къ недавнему докладу профессора Исаева въ „вольно-экономическомъ обществѣ"—докладу, выставлявшему на видъ необходимость скорѣйшаго введенія подоходнаго налога.

Способствовать поднятію нашего курса—уменьшеніемъ количества вывозимыхъ за-границу русскихъ бумажекъ — проектируемая пошлина, очевидно, не можетъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только спросить себя: когда же именно колебанія курса соотвѣтствовали увеличенію или уменьшенію числа лицъ, ѣдущихъ за границу? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такого момента исторія послѣднихъ тридцати лѣтъ не представляетъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ первый разъ были широко раскрыты двери за границу, курсъ нашъ стоялъ такъ высоко, что каждому предъявляющему заграничный паспортъ выдавалась, по желанію, извѣстная сумма золотой монетой. Всѣ дальнѣйшія пониженія и повышенія курса легко могутъ быть пріурочены къ условіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ бóльшей или мéньшей модой на заграничные вояжи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сильное пониженіе курса всегда уменьшаетъ число ѣдущихъ за границу. Что же, замѣтно ли обратное вліяніе этого явленія, влечетъ ли оно за собою, черезъ нѣсколько времени, повышеніе курса? Отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ никто не рѣшится—а между тѣмъ указанное нами соотношеніе было бы неизбѣжно, еслибы цифра затратъ, сопряженныхъ съ поѣздками за границу, состояла въ прямой связи съ колебаніями нашей валюты. Не говоримъ уже о томъ, какъ незначительны подобныя затраты въ сравненіи съ суммами, уплачиваемыми Россіей за иностранные товары [1]); не говоримъ и о другихъ, финансовыхъ и политическихъ причинахъ, которыми регулируется цѣнность нашего кредитнаго рубля. Достаточно замѣтить, что исторія рубля кредитнаго составляетъ, въ главныхъ чертахъ, повтореніе исторіи рубля ассигнаціоннаго — а вѣдь въ то время заграничная поѣздка выпадала на долю лишь весьма немногихъ „благополучныхъ россіянъ". Не мѣшаетъ вспомнить и о томъ, что Италіи, сѣвероамериканскимъ штатамъ, отчасти и Австріи удалось поправить свой

---

[1]) Въ послѣднее время у насъ выдавалось ежегодно, среднимъ числомъ, около 27 тысячъ заграничныхъ паспортовъ. Считая на каждый паспортъ среднюю цифру расхода въ тысячу рублей—чтó, безъ сомнѣнія, черезъ-чуръ много, — мы получаемъ сумму въ 27 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ стоимость иностранныхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію, исчисляется сотнями милліоновъ.

курсъ безъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ заграничнымъ поѣздкамъ... Въ пользу проекта приводится еще одинъ мотивъ: необходимость и справедливость привлеченія заграничныхъ путешественниковъ къ участію въ расходахъ по содержанію нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Серьезный разборъ этого мотива кажется намъ совершенно излишнимъ; кому же не извѣстно, что изъ тысячи русскихъ, путешествующихъ за границей, обратиться съ просьбой къ русскому посольству или консульству случается развѣ одному? За услуги, оказываемыя консульствами, взимается притомъ, въ большинствѣ случаевъ, на мѣстѣ особая плата.

Тридцать-семь лѣтъ тому назадъ, когда откровенность была больше въ модѣ, нежели въ настоящее время, никто не старался оправдать высокую пошлину на заграничные паспорты соображеніями финансоваго или экономическаго свойства; она прямо являлась тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ—т.-е. мѣрой чисто-политической. До извѣстной степени этотъ характеръ признается за нею даже теперь. Защитники ея не отрицаютъ, что она должна служить, между прочимъ, орудіемъ противъ „абсентеизма", возводимаго, при семъ удобномъ случаѣ, на степень „одного изъ величайшихъ соціальныхъ золъ" (!). Необходимо, прежде всего, опредѣлить нѣсколько точнѣе значеніе этого „страшнаго слова". Оно употребляется обыкновенно въ смыслѣ оставленія, навсегда или надолго, своего настоящаго поста—того поста, занятіе котораго составляетъ нравственную обязанность или призваніе даннаго лица. Нельзя, слѣдовательно, говорить объ абсентеизмѣ, когда идетъ рѣчь о *краткосрочныхъ* поѣздкахъ за границу. Никакое призваніе, никакая обязанность не требуетъ безсмѣннаго дежурства, *постояннаго* пребыванія въ предѣлахъ отечества; можно быть самымъ примѣрнымъ гражданиномъ, самымъ полезнымъ слугою государства, проводя, хотя бы даже ежегодно, нѣкоторое время за границей. Никто не назоветъ абсентеизмомъ и продолжительное пребываніе за границей, если оно составляетъ въ жизни человѣка эпизодъ единичный или повторяющійся весьма рѣдко, по прошествіи значительныхъ промежутковъ времени; центромъ дѣятельности, въ такихъ случаяхъ, остается Россія, по отношенію къ которой и самое житье за границей играетъ, сплошь и рядомъ, роль чисто служебную, т.-е. состоящую въ тѣсной связи съ обычными занятіями на родинѣ. Вопросъ объ абсентеизмѣ можетъ возникнуть только тогда, когда пребываніе за границей становится правиломъ, пребываніе въ Россіи—исключеніемъ. Введенный въ эти предѣлы, онъ перестаетъ быть „страшнымъ", какъ потому, что русскихъ, постоянно или почти постоянно живущихъ за границей, очень немного, такъ и потому, что между ними преобладаютъ люди преклонныхъ

лѣтъ или слабаго здоровья, неспособные трудиться на общую пользу. Наберется, пожалуй, и небольшой контингентъ людей, не желающихъ работать—но почувствуютъ ли они это желаніе, если ихъ заставятъ возвратиться въ Россію? Много ли выиграетъ государство, если нѣсколько сотъ „праздношатающихся“ станутъ гранить не заграничныя, а русскія мостовыя?.. Безспорно вреднымъ представляется, въ нашихъ глазахъ, только тотъ абсентеизмъ, вслѣдствіе котораго пустѣетъ наша провинція, оскудѣваетъ умственною силой наше земство —но въ борьбѣ съ *этимъ* абсентеизмомъ высокая пошлина на заграничные паспорты окажется совершенно безсильной. Образованные землевладѣльцы, оставляющіе „деревню“, отправляются, въ огромномъ большинствѣ, не за границу, а въ губернскіе города, въ Москву и Петербургъ, для пріисканія службы или иного „дѣла“. Помѣщиковъ, живущихъ исключительно на доходъ съ имѣнія, у насъ теперь уже немного; нужно думать о заработкѣ—а заработокъ за границей, какъ извѣстно, пріобрѣтается цѣною величайшихъ и рѣдко успѣшныхъ усилій.

Еслибы газетные защитники проекта захотѣли быть искренними, они не стали бы толковать объ „абсентеизмѣ“ и выставили бы другую формулу, менѣе замысловатую. „Незачѣмъ бѣгать по чужимъ краямъ—сказали бы они путешественникамъ in spe;—сидите дома и бросьте *завиральныя идеи,* не приводящія къ добру. За границей нельзя научиться ничему путному; у насъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ у басурмановъ — а если что̀ и похуже, то незачѣмъ въ томъ убѣждаться“. Не высказываются такіе доводы, между прочимъ, потому, что они заключали бы въ себѣ самую сильную критику проекта. Мы вполнѣ убѣждены, что при составленіи его не имѣлось въ виду ничего подобнаго—но не случайна, однако, возможность толкованія его въ смыслѣ до-петровскихъ тенденцій. Осуществленіе его было бы равносильно возстановленію китайской стѣны между Россіей и западной Европой. Конечно, въ этой стѣнѣ имѣлись бы ворота — но они отворялись бы только золотымъ ключомъ и оставались бы закрытыми именно передъ тѣмъ, кто всего больше нуждается въ проѣздѣ... „Bleibe im Land und nähre dich redlich“, гласитъ старинная нѣмецкая поговорка. Буквально она не соблюдалась даже въ тѣ времена, когда она возникла; странствованія изъ одной германской земли въ другую были общимъ правиломъ для нѣмецкой молодежи—и студенческой, и ремесленной—еще задолго до улучшенныхъ и удешевленныхъ способовъ передвиженія. Тѣмъ меньше примѣнимо первое правило поговорки теперь, когда все—и всѣ—въ Европѣ стало такъ близко одно къ другому; совершенно достаточно хранить вѣрность второму правилу—честно снискивать себѣ пропитаніе,—а для этого

сплошь и рядомъ бываетъ нужно *на время* разстаться съ своей страной, познакомиться съ тѣмъ, что̀ дѣлается за ея предѣлами. Больше чѣмъ для кого-либо эта необходимость существуетъ для насъ, русскихъ. Сколько бы шаговъ впередъ ни было сдѣлано нами со временъ Петра, не только пускавшаго, но и толкавшаго нашихъ предковъ за границу, Россія все еще во многомъ отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Вынужденное „Bleiben im Land" приведетъ однихъ къ китайскому самомнѣнію, несовмѣстимому съ самоусовершенствованіемъ, другихъ—къ преувеличенной оцѣнкѣ всего чужого, процвѣтавшей у насъ именно тогда, когда заграничные порядки были извѣстны громадному большинству только по слухамъ.

Заключимъ нашу замѣтку о проектируемой пошлинѣ словами Пушкина, выписываемыми нами изъ его дневника 1834 г. [1]): „Говорятъ, будто бы на дняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается... Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ... Но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одною изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства"...

Говоря, въ предыдущемъ обозрѣніи, о проектируемой учебной реформѣ, мы имѣли уже случай замѣтить, что она должна скорѣе увеличить, чѣмъ уменьшить наплывъ учениковъ въ гимназіи, а слѣдовательно и въ прогимназіи. Теперь главное назначеніе гимназій заключается въ приготовленіи къ университету; въ ближайшемъ будущемъ предполагается сдѣлать ихъ необходимымъ или почти необходимымъ преддверіемъ высшаго техническаго образованія. Понятно, что къ нимъ отхлынетъ тогда масса дѣтей, въ настоящее время поступающихъ въ реальныя училища; гимназическія скамьи, безъ того уже—по крайней мѣрѣ въ младшихъ классахъ—переполненныя учениками, должны переполниться ими еще больше. Все это не помѣшало газетнымъ реакціонерамъ пустить въ ходъ извѣстіе объ учрежденіи особой высшей коммиссіи, на обязанность которой возложено, будто бы, пріисканіе мѣръ къ возможно бо̀льшему сокращенію числа гимназій и прогимназій. Сенсаціонная вѣсть была сообщена въ самой утвердительной формѣ, не оставлявшей мѣста ни для какихъ сомнѣній. Тяжелое впечатлѣніе, ею произведенное, было, къ счастію, непродолжительно; чрезъ нѣсколько дней она была опровергнута offи-

[1]) Изданіе Литературнаго Фонда, т. V, стр. 206 и 207.

ціально, и мы упоминаемъ о ней только потому, что она характеризуетъ тенденціи, господствующія въ извѣстныхъ сферахъ. Выдуманную ими новость реакціонные вѣстовщики называли „радостною", „благою", возводили ее, въ связи съ моментомъ появленія выдумки, чуть не на степень пасхальнаго яичка. На самомъ дѣлѣ, она могла и должна была обрадовать только тѣхъ, кому давно уже хочется сдѣлать среднее (классическое) и высшее образованіе удѣломъ привилегированнаго меньшинства. Для этихъ господъ „нормальный порядокъ въ учебномъ мірѣ" не водворенъ еще до сихъ поръ, не водворенъ даже превознесенными — ими же — до небесъ реформами 1871 и 1884 гг. (гимназическою и университетскою); онъ воцарится только тогда, когда въ опустѣвшихъ классахъ гимназій, въ опустѣвшихъ аудиторіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній останутся одни лишь представители привилегій или туго набитаго кармана.

Сокращеніе числа гимназій и прогимназій связывалось реакціонными вѣстовщиками съ повсемѣстнымъ распространеніемъ профессіональныхъ школъ. Было бы весьма прискорбно, еслибы нововведеніе, само по себѣ въ высшей степени желательное и полезное, было искусственно соединено съ такой ретроградной мѣрой, какъ тенденціозное уменьшеніе числа гимназій. Сколько намъ извѣстно, ни о чемъ подобномъ нѣтъ рѣчи ни въ проектѣ общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи, ни въ представленіи, при которомъ внесены министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Государственный Совѣтъ проекты уставовъ промышленныхъ и реальныхъ училищъ. Высшее учебное вѣдомство, очевидно, находило и находитъ, что развитіе профессіональныхъ школъ вовсе не требуетъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ; предусматривалась только возможность закрытія нѣкоторыхъ реальныхъ училищъ, въ связи съ измѣненіемъ ихъ назначенія и устройства. Эта точка зрѣнія кажется намъ единственною правильною; шагъ впередъ въ одномъ направленіи не долженъ быть покупаемъ цѣною регресса въ другомъ, не менѣе важномъ.

Въ прошедшій разъ мы упомянули только объ одной категоріи вновь проектируемыхъ профессіональныхъ училищъ—о среднихъ техническихъ училищахъ, доступъ въ которыя обусловливается знаніемъ курса реальнаго училища. Другія двѣ категоріи — это училища ремесленныя и низшія техническія. Вмѣстѣ съ средними и высшими техническими училищами, они соотвѣтствуютъ четыремъ ступенямъ промышленнаго образованія, намѣченнымъ въ „общемъ нормальномъ планѣ". Ремесленныя училища должны приготовлять *рабочихъ*, хорошо развитыхъ и ознакомившихся съ главными пріемами производства; низшія техническія училища—*промышленно-торговыхъ дѣяте-*

лей и техниковъ, во главѣ не слишкомъ крупныхъ промышленныхъ учрежденій; высшія техническія училища—*инженеровъ* (въ обширномъ смыслѣ слова), всесторонне изучившихъ свое дѣло и могущихъ не только вести его въ какихъ угодно размѣрахъ, но и вводить въ него всѣ усовершенствованія, требуемыя опытомъ и наукой. Въ главныхъ своихъ чертахъ эта схема кажется намъ совершенно правильною; она не претендуетъ, конечно, на точное, абсолютное разграниченіе областей, незамѣтно переходящихъ одна въ другую, но указываетъ пути, наиболѣе соотвѣтствующіе каждому роду промышленной дѣятельности. Ремесленныя училища проектъ устава, какъ и нормальный планъ, пріурочиваетъ къ низшей ступени общаго образованія, т.-е. открываетъ ихъ для всѣхъ окончившихъ курсъ въ начальной одноклассной школѣ (все равно—городской или сельской, земской, министерской или церковно-приходской) или имѣющихъ свидѣтельство о знаніи этого курса. Это вполнѣ практично: требовать бо̀льшей подготовки—значило бы закрыть двери ремесленныхъ училищъ для громаднаго большинства крестьянскихъ мальчиковъ; требовать мѐньшаго—значило бы усложнить программу ремесленнаго училища или затруднить достиженіе преслѣдуемой имъ цѣли (не слѣдуетъ забывать, что въ составъ этой цѣли входитъ и общее развитіе учениковъ). Изъ общаго правила сдѣлано, однако, существенно важное исключеніе: поступать въ ремесленное училище могутъ и мальчики, не имѣющіе свидѣтельства о знаніи курса начальной школы, если они работали не менѣе двухъ лѣтъ въ промышленномъ учрежденіи и если, притомъ, они будутъ признаны вполнѣ способными воспользоваться обученіемъ въ ремесленномъ училищѣ [1]). Доступъ къ ремесленному образованію открывается, такимъ образомъ, и для тѣхъ, кто не успѣлъ въ свое время пройти курсъ начальной школы — вслѣдствіе слишкомъ ранняго, напримѣръ, поступленія на фабрику или въ ученики къ ремесленнику.

Существенная разница между „нормальнымъ планомъ“ и предположеніями министерства, насколько они касаются ремесленныхъ училищъ, заключается въ томъ, что нормальный планъ имѣлъ въ виду доведеніе общаго образованія учениковъ до степени сельскаго

[1]) Такія же исключенія допущены проектомъ и по отношенію къ низшимъ и среднимъ техническимъ училищамъ; и сюда могутъ быть принимаемы лица, не обладающія всѣмъ требуемымъ запасомъ свѣдѣній, если только есть основаніе предполагать, что они въ состояніи справиться съ трудностями предстоящаго имъ курса. Другая черта, общая всѣмъ тремъ категоріямъ училищъ—это разрѣшеніе посторонним лицамъ, работающимъ на поприщѣ промышленности, раздѣлять занятія учениковъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ обученія, если это возможно безъ вреда для нравственности учениковъ и для успѣшнаго хода дѣла.

двухкласснаго училища, а министерство довольствуется гораздо меньшимъ. Стремясь къ возможно-полному отдѣленію спеціальнаго образованія отъ общаго, оно относитъ къ послѣднему, въ курсѣ ремесленныхъ училищъ, только законъ Божій и русскій языкъ; ариѳметика, геометрія и начатки естествознанія пріурочиваются къ спеціальному образованію, т.-е. непосредственно приспособляются къ его особымъ цѣлямъ, — а исторія и географія вовсе исключаются изъ программы. Замѣчательно, что при этомъ продолжительность курса ученья скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается; по нормальному плану курсъ ремесленнаго училища могъ быть двухъ-или трехлѣтній, смотря по ремеслу, а предположенія министерства принимаютъ за основаніе курсъ трехлѣтній, хотя и не устраняютъ безусловно пониженія его до двухъ лѣтъ. Не запрещается министерствомъ соединеніе ремесленныхъ занятій и съ такою долей общаго образованія, которая соотвѣтствовала бы уровню двухкласснаго училища—но для этого установляется курсъ ученья четырехъ- или пятилѣтній. Намъ кажется, что ремесленное училище должно удовлетворять двумъ существенно-важнымъ условіямъ: курсъ ученья долженъ быть по возможности непродолжителенъ — потому что иначе онъ будетъ не по силамъ большинству учениковъ изъ среды крестьянства и бѣднѣйшаго мѣщанства, — и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ какъ можно больше расширить общее образованіе учениковъ, потому что развитому рабочему легче усовершенствоваться въ своей спеціальности, легче и перейти, въ случаѣ надобности, отъ одного рода работы къ другому. Нормальный планъ признавалъ возможнымъ одновременное достиженіе обѣихъ цѣлей; предположенія министерства жертвуютъ одною изъ нихъ, ничуть не приближаясь къ другой, т.-е. не сокращая продолжительности курса. Не слѣдовало ли бы, по меньшей мѣрѣ, сдѣлать опытъ на почвѣ, предначертанной нормальнымъ планомъ, т.-е. разрѣшить открытіе ремесленныхъ училищъ съ двухъ- или трехлѣтнимъ курсомъ ученья и съ программой двухкласснаго сельскаго училища? Противъ училищъ съ двухлѣтнимъ курсомъ можетъ быть сдѣлано возраженіе такого рода: если прохожденіе извѣстныхъ предметовъ въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ требуетъ двухъ лѣтъ, то возможно ли допустить, чтобы они могли быть пройдены въ тотъ же срокъ въ ремесленномъ училищѣ, гдѣ занятія учениковъ усложнены изученіемъ ремесла? На это мы отвѣтимъ, что изученіе ремесла, по дѣйствующимъ правиламъ, можетъ быть введено и въ курсъ двухкласснаго училища, безъ удлиненія его срока. Достаточнымъ, по нормальному плану, двухлѣтній срокъ ученья въ ремесленномъ училищѣ признается, притомъ, только тогда, когда изучаемое ремесло принадлежитъ къ числу *легкихъ*. Допустимъ,

наконецъ, что въ два года рѣшительно невозможно научиться ремеслу [1]) и пройти, вмѣстѣ съ тѣмъ, курсъ двухкласснаго сельскаго училища;—недоказанною, во всякомъ случаѣ, остается невозможность достиженія этого результата въ *трехлѣтній* срокъ. Нормальный планъ отводитъ для классныхъ занятій, при трехлѣтнемъ курсѣ, только два часа ежедневно, назначая семь часовъ для работы въ мастерскихъ; правильнѣе было бы, кажется, увеличить на одинъ часъ продолжительность классныхъ занятій, съ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ работы въ мастерскихъ. При такомъ распредѣленіи времени успѣшное прохожденіе курса, въ обѣихъ главныхъ его частяхъ, представлялось бы, повидимому, совершенно обезпеченнымъ.

Относительно низшихъ техническихъ училищъ, предназначенныхъ для подготовки „мастеровъ", предположенія министерства также не во всемъ сходятся съ нормальнымъ планомъ. Для общаго образованія будущихъ мастеровъ составители нормальнаго плана проектировали особыя высшія городскія училища, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, соотвѣтствующимъ, въ главныхъ чертахъ, курсу четырехъ старшихъ классовъ нынѣшнихъ городскихъ училищъ (организованныхъ на основаніи устава 1872 г.). Разница между вновь проектируемыми и теперешними городскими училищами заключалась бы въ томъ, что въ первыхъ были бы введены предметные учителя, взамѣнъ классныхъ [2]), и такимъ образомъ достигнута была бы возможность болѣе основательнаго изученія каждаго предмета. Окончившіе курсъ въ высшемъ городскомъ училищѣ поступали бы, по нормальному плану, въ спеціальную школу, съ двухлѣтнимъ курсомъ ученья, приспособленнымъ къ той или другой отрасли промышленности (механической, химической, строительной). Здѣсь учебное время распредѣлялось бы между преподаваніемъ предметовъ, прямо приспособленнымъ къ промышленной дѣятельности, и практическими занятіями въ мастерскихъ. Министерство народнаго просвѣщенія высказывается за другое рѣшеніе вопроса; оно предлагаетъ учредить техническія школы (также приспособленныя къ разнымъ спеціальностямъ), для вступленія въ которыя требовалось бы одно знаніе курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ. На этотъ разъ мы склоняемся на сторону министерскаго

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что изученіе ремесла въ ремесленномъ училищѣ не можетъ быть доведено до полнаго съ нимъ знакомства, до виртуозности, пріобрѣтаемой только продолжительною практикою; задача училища исполнена, если оно дало ученикамъ хорошую общую и спеціальную подготовку къ предстоящей имъ работѣ.

[2]) По уставу 1872 г. въ каждомъ классѣ городского училища всѣ предметы (кромѣ закона Божія) преподаются однимъ учителемъ, а самый классъ раздѣляется, въ большинствѣ случаевъ, на два или даже на три отдѣленія.

проекта. Онъ имѣетъ, прежде всего, преимущество простоты; создается вновь только одна категорія школъ, примыкающая къ существующимъ уже общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ. Пріурочивая школу для мастеровъ къ городскимъ училищамъ — да еще вдобавокъ „высшимъ", т.-е. существующимъ далеко не вездѣ, — нормальный планъ затруднялъ привлеченіе въ эту школу крестьянскихъ мальчиковъ; низшее техническое училище, проектируемое министерствомъ, одинаково доступно для учениковъ сельскихъ двухклассныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, т.-е. какъ для деревенскихъ, такъ и для городскихъ жителей. Продолжительность ученья одинакова и по нормальному плану, и по министерскому проекту; она составляетъ, и тамъ, и здѣсь, восемь лѣтъ [1]—но министерскій проектъ отводитъ гораздо больше мѣста для занятій въ мастерскихъ (62—67 часовъ въ недѣлю вмѣсто 28—36), не понижая черезъ-чуръ уровня общаго образованія. Если трехлѣтнія практическія занятія признаются, въ большинствѣ случаевъ, необходимыми для будущихъ *рабочихъ*, то едва ли послѣдовательно было бы ограничивать ихъ двумя годами для будущихъ *мастеровъ*.

Заслуживаютъ вниманія еще двѣ статьи министерскаго проекта, относящіяся одинаково ко всѣмъ промышленнымъ училищамъ. Одна изъ нихъ ограничиваетъ продолжительность лѣтнихъ вакацій шестью недѣлями, другая допускаетъ двухлѣтнее, за малоуспѣшностью, пребываніе въ одномъ и томъ же классѣ лишь въ видѣ исключенія, съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія попечителя учебнаго округа (если рѣчь идетъ о техническомъ училищѣ) или директора народныхъ училищъ (если рѣчь идетъ объ училищѣ ремесленномъ). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предполагается отступить отъ общепринятаго порядка — и отступить, какъ намъ кажется, безъ всякихъ правильныхъ къ тому основаній. Въ шесть недѣль нельзя отдохнуть какъ слѣдуетъ и запастись новыми силами, въ особенности если часть этого времени, какъ предусмотрѣно въ уставѣ, будетъ употреблена на полевыя практическія занятія. По отношенію къ ремесленнымъ, а отчасти и къ низшимъ техническимъ училищамъ, болѣе длинныя лѣтнія вакаціи необходимы въ виду еще одного спеціальнаго соображенія. Крестьянскій мальчикъ, учащійся въ двухклассномъ сельскомъ и даже въ городскомъ училищѣ, сохраняетъ, въ большинствѣ случаевъ, привычку къ земледѣльческому труду и является, въ страдную пору, полезнымъ помощникомъ своей семьи, продолжающей за-

---

[1]) По нормальному плану — два года элементарнаго обученія, четыре года въ высшемъ городскомъ училищѣ, два года въ спеціальной школѣ; по министерскому проекту — пять лѣтъ въ двухклассномъ (или соотвѣтствующемъ ему) училищѣ, три года въ низшей технической школѣ.

ниматься хлѣбопашествомъ. Весьма желательно, чтобы такую же роль, возвращаясь лѣтомъ въ деревню, игралъ и ученикъ ремесленнаго или низшаго техническаго училища. Желательно это, во-первыхъ, потому, что крестьяне станутъ тогда охотнѣе отдавать своихъ сыновей въ промышленныя училища, во-вторыхъ—потому, что окончившему курсъ въ ремесленной или низшей технической школѣ не всегда же придется порвать всякое отношеніе къ деревнѣ. Онъ можетъ переживать тамъ періоды промышленнаго застоя или срочнаго прекращенія фабричныхъ работъ, можетъ заняться кустарнымъ промысломъ, можетъ основать небольшую деревенскую мастерскую; во всѣхъ этихъ случаяхъ земледѣльческій трудъ можетъ оказать ему самыя существенныя услуги—да и деревня выиграетъ немало, если въ ней или около нея охотно станутъ поселяться ремесленники-земледѣльцы. Шести недѣль, еще урѣзанныхъ, быть можетъ, практическими занятіями, слишкомъ мало, чтобы способствовать поддержанію живой связи между ученикомъ промышленнаго училища и деревней —слишкомъ мало уже потому, что въ этотъ періодъ времени совершается далеко не полный циклъ земледѣльческой работы.

Строгое правило относительно учениковъ, не могущихъ перейти, за малоуспѣшностью, въ слѣдующій классъ промышленнаго училища, мотивируется дороговизною обученія въ этихъ училищахъ, а также тѣмъ, что примѣсь менѣе прилежныхъ учениковъ оказываетъ здѣсь болѣе вредное вліяніе, чѣмъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Дороговизна обученія съ гораздо бо́льшимъ правомъ можетъ служить аргументомъ въ пользу снисходительности, чѣмъ въ пользу строгости. Чѣмъ больше частное лицо, общество или казна затратили на обученіе ученика, тѣмъ менѣе желательно увольненіе его до окончанія курса, влекущее за собою полную непроизводительность сдѣланныхъ затратъ. Не лучше ли, и съ этой точки зрѣнія, дать ученику возможность поправиться и потомъ пойти дальше, чѣмъ прямо закрывать передъ нимъ избранную имъ дорогу? Въ промышленномъ училищѣ случаи малоуспѣшности могутъ встрѣчаться тѣмъ чаще, что преподаваніе обнимаетъ собою двѣ совершенно различныя сферы. Можно туго воспринимать *знанія* и быстро пріобрѣтать *умѣнье*, или наоборотъ — а для перехода въ слѣдующій классъ необходима извѣстная доля успѣха и въ томъ, и въ другомъ. Малоуспѣшность можетъ зависѣть и не отъ недостатка прилежанія, а отъ медленнаго развитія одной изъ способностей, къ которымъ обращается промышленная школа. Трудно понять, сверхъ того, почему лѣность въ промышленномъ училищѣ признается болѣе вредной, чѣмъ въ общеобразовательномъ; заразительное ея дѣйствіе вездѣ можетъ быть одинаково сильнымъ. Къ чему, наконецъ, та сложная процедура, которою

проектъ обусловливаетъ отступленіе отъ общаго правила, воспрещающаго оставлять ученика на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ промышленной школы? Возможна ли для директора народныхъ училищъ или, тѣмъ болѣе, для попечителя учебнаго округа фактическая провѣрка обстоятельствъ, вызывающихъ снисхожденіе къ тому или другому малоуспѣвшему ученику? Не слишкомъ ли великъ произволъ, предоставляемый педагогическому совѣту, — произволъ тѣмъ болѣе опасный, что форма проявленія его — чисто пассивная? Педагогическому совѣту достаточно будетъ *не возбудить ходатайства* передъ высшимъ начальствомъ—и участь „малоуспѣвшаго" ученика будетъ рѣшена безповоротно.

Въ области государственной жизни у насъ немного найдется теперь такихъ живыхъ дѣлъ, какъ то, которое ведется крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ. Неудивительно, что оно возбуждаетъ множество живыхъ вопросовъ, не сочиненныхъ а прямо созданныхъ дѣйствительностью. Одинъ изъ этихъ вопросовъ поставленъ и подробно разсмотрѣнъ г. Воропоновымъ въ статьѣ, напечатанной недавно въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества". Онъ касается товариществъ, на долю которыхъ приходится, какъ извѣстно, около половины всѣхъ покупокъ, совершаемыхъ при посредствѣ крестьянскаго банка. Положеніе 18-го мая 1882 г., включивъ товарищества въ число покупателей, имѣющихъ право на помощь банка, не опредѣлило ихъ юридическаго значенія, не указало мѣста. которое они должны занять въ нашемъ публичномъ и частномъ правѣ. Ставить это въ вину законодательной власти нельзя, потому что при составленіи и изданіи закона трудно, почти невозможно было предвидѣть его практическіе результаты; но теперь необходимость дальнѣйшихъ законодательныхъ опредѣленій едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, и нужно надѣяться, что они не заставятъ себя ждать слишкомъ долго. Матеріалъ, собранный и освѣщенный г. Воропоновымъ, указываетъ съ достаточною ясностью и самыя задачи, и способъ ихъ рѣшенія.

Положеніемъ о крестьянскомъ банкѣ установлено только минимальное число лицъ *(три)*, изъ которыхъ можетъ составиться товарищество, но не назначено для него никакой максимальной цифры. Отсюда—возможность товариществъ весьма многочисленныхъ, съ нѣсколькими десятками или сотнями участниковъ. На практикѣ образованію такихъ товариществъ способствуетъ уже то правило устава, по которому цифра ссуды соразмѣряется съ числомъ душъ или домохозяевъ, участвующихъ въ покупкѣ; обширное имѣніе или большой, цѣнный участокъ земли не могутъ быть пріобрѣтены небольшимъ числомъ покупателей. Еще больше растетъ число товарищей, когда

земля покупается съ цѣлью переселенія. Изъ десяти товариществъ этого рода, изслѣдованныхъ г. Воропоновымъ (въ губерніяхъ екатеринославской, полтавской и херсонской), ровно половина имѣла сто или болѣе участниковъ; въ одномъ товариществѣ ихъ было *сто девяносто-четыре*. Понятно, что при такомъ большомъ числѣ товарищей перемѣны въ составѣ товарищества, вслѣдъ за покупкой, а иногда и во время предшествующихъ ей переговоровъ, совершенно неизбѣжны; случается, что уже въ купчую крѣпость вносятся лица, завѣдомо отказавшіяся отъ участія въ покупкѣ, такъ какъ иначе потребовалась бы передѣлка документовъ, грозящая потерей времени или даже разрушеніемъ сдѣлки. Еще болѣе обыкновенное явленіе— отказъ или неявка нѣкоторыхъ участниковъ, когда покупка окончательно совершена и приходится переселяться на новое мѣсто или браться за обработку вновь купленной земли. Ни одно изъ десяти товариществъ, упомянутыхъ нами выше, не осталось въ томъ составѣ, который оно имѣло въ моментъ покупки. Число неявившихся, отказавшихся или умершихъ товарищей простирается иногда до одной четверти или одной трети первоначальнаго числа участниковъ сдѣлки; въ одномъ случаѣ оно доходитъ даже почти до половины этого числа. Столь же общая черта — принятіе новыхъ товарищей, взамѣнъ неявившихся. Между тѣмъ оффиціальнымъ владѣльцемъ купленной земли можетъ считаться только *все* товарищество въ *первоначальномъ* своемъ составѣ, т.-е. совокупность всѣхъ лицъ, прописанныхъ въ купчей крѣпости. Безъ общаго всѣхъ ихъ согласія невозможно, съ формальной точки зрѣнія, совершеніе какого бы то ни было акта отъ имени товарищества. Отказавшіеся отъ участія въ покупкѣ могутъ взять назадъ свой отказъ; не являвшіеся нѣсколько лѣтъ могутъ внезапно явиться и потребовать выдѣла земли, не ими поднятой и обработанной. Права новыхъ участниковъ товарищества ничѣмъ не обезпечены; они владѣютъ землею только по словесному соглашенію или домашнему письменному акту, который не можетъ, самъ по себѣ, служить основаніемъ права собственности на землю. Если одинъ изъ участниковъ товарищества умираетъ, не оставляя наслѣдниковъ, его доля является имуществомъ ничьимъ или выморочнымъ, т.-е. принадлежащимъ прежнимъ его однообщественникамъ, хотя бы они жили за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста поселенія товарищества.

Допустимъ, однако, что въ составѣ товарищества не произошло никакихъ измѣненій и всѣ товарищи находятся на-лицо; положеніе ихъ все-таки до крайности неопредѣленно. Если приравнивать ихъ къ лицамъ, владѣющимъ имѣніемъ на правѣ общей собственности, то каждое распоряженіе ихъ должно быть основано на общемъ со-

гласіи—что̀, конечно, фактически невозможно, особенно при многочисленности товарищей. Отсюда необходимость о̀ргана, который могъ бы постановлять рѣшенія отъ имени товарищества, необходимость правилъ, которыми опредѣлялся бы порядокъ постановленія этихъ рѣшеній и условія ихъ дѣйствительности. Только тогда можетъ быть рѣчь о прочномъ, правильномъ распредѣленіи земли между товарищами, о сборѣ причитающихся съ каждаго изъ нихъ платежей, о мѣрахъ къ взысканію недоимокъ, и т. п. Теперь возможенъ, напримѣръ, такой случай, приводимый г. Воропоновымъ. Нѣкоторые изъ числа товарищей внесли избранному сборщику упадающую на нихъ часть платежей крестьянскому банку; другіе ничего не внесли и вносить, повидимому, не намѣрены. Тогда исправные плательщики потребовали отъ сборщика возвращенія внесенныхъ ими денегъ. „Конечно“,—говоритъ г. Воропоновъ,—„имъ грозитъ продажа земли; но какъ было имъ поступить? Если они внесутъ въ банкъ все, что съ нихъ слѣдуетъ, то земля все-таки будетъ продана цѣликомъ за недоимку остальныхъ. Стало быть, имъ невольно приходило въ голову; не лучше ли хоть вернуть платежи, чѣмъ заплатить ихъ и все-таки лишиться земли?.. Да и вообще крестьяне-покупщики (члены товарищества) очень часто задаются вопросомъ: какъ поступить съ неплательщиками? Самый естественный исходъ, казалось бы, взять у недоимщика его земельную долю, по праву круговой поруки, на товарищество, т.-е. на исправныхъ плательщиковъ, или сдать эту долю кому-нибудь въ аренду. Да, это самый простой исходъ, только въ законѣ на этотъ счетъ нѣтъ ровно никакихъ указаній, и подобное дѣйствіе товарищей легко можетъ быть признано произволомъ. Лишенные земли, пожалуй, затѣютъ процессъ и — чего добраго — выиграютъ“.

Если товарищество купило землю для переселенія, то на мѣстѣ покупки образуется новая, не только земельная, но и общественная единица, нуждающаяся въ организаціи, въ внутреннемъ управленіи. Эта потребность такъ велика, что во многихъ мѣстахъ товарищи по собственному почину приступаютъ къ избранію изъ своей среды старосты—для охраненія порядка, сборщика—для взиманія платежей; но власть, не имѣющая за собою оффиціальнаго признанія, не имѣетъ и надлежащаго авторитета, и на практикѣ встрѣчаются уже случаи отказа въ повиновеніи „старостѣ безъ медали“. Обращеніе новаго поселенія въ сельское общество всегда сопряжено съ затрудненіями, съ продолжительной перепиской; но даже и послѣ образованія общества оно можетъ не совпадать вполнѣ съ товариществомъ, какъ потому, что нѣкоторые изъ товарищей не получатъ увольненія отъ общества, къ которому они прежде принадлежали, такъ и потому

что товарищи, и прежде жившіе недалеко отъ мѣста покупки, могутъ оставаться приписанными къ сосѣднимъ сельскимъ обществамъ. Исходя изъ этихъ соображеній, г. Воропоновъ видитъ задачу законодательства и администраціи не въ одномъ только содѣйствіи возможно-скорѣйшему образованію, на мѣстахъ поселенія товариществъ, новыхъ сельскихъ обществъ, но и въ регулированіи правъ и обязанностей товариществъ, какъ *общественныхъ союзовъ*, а не какъ простой агломераціи частныхъ владѣльцевъ. Необходимо предоставить товариществамъ имѣть сельскіе сходы, распредѣлять землю между товарищами по приговорамъ, постановленнымъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, производить (гдѣ не установилось подворное владѣніе) передѣлы земли, составлять раскладки платежей, взыскивать недоимки, принимать (подъ надлежащимъ контролемъ) новыхъ товарищей и увольнять прежнихъ, распоряжаться общественными арендными статьями и т. п.; необходимо также организовать управленіе товарищескихъ поселеній, еще не обращенныхъ въ сельскія общества. Все это можетъ быть сдѣлано только путемъ изданія новаго закона. Соглашаясь вполнѣ съ г. Воропоновымъ и признавая возбужденный имъ вопросъ въ высшей степени важнымъ, требующимъ неотложнаго рѣшенія, мы прибавимъ только одно: законъ о товариществахъ, покупающихъ землю съ помощью крестьянскаго банка, послужитъ, можетъ быть, первымъ шагомъ къ пересмотру и дополненію крайне недостаточныхъ и неудовлетворительныхъ постановленій объ общей собственности, заключающихся въ десятомъ томѣ гражданскихъ законовъ. Пресловутое „распоряженіе по общему согласію“, совершенно непримѣнимое къ многочисленнымъ товариществамъ, оказывается до крайности неудобнымъ и тогда, когда имущество принадлежитъ съобща двумъ или нѣсколькимъ частнымъ владѣльцамъ.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на продолженіе статьи г. Обнинскаго о фабричномъ надзорѣ („Юридическій Вѣстникъ“, № 4). Авторъ рисуетъ поразительную картину тѣхъ затрудненій, которыя переживаетъ теперь фабричная инспекція, тѣхъ опасностей, которыя ей угрожаютъ. Многое зависитъ отъ того, сохранитъ ли фабричная инспекція свой настоящій составъ и останется ли она въ вѣденіи министерства финансовъ, или же перейдетъ — какъ о томъ сообщалось въ газетахъ - въ вѣденіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ такимъ переходомъ было бы сопряжено, по всей вѣроятности, подчиненіе инспекціи мѣстному губернскому начальству и низведеніе ея на степень технической полиціи—а это было бы равносильно совершенной отмѣнѣ новаго фабричнаго законодательства.

дѣйствительно исполнять свои тяжелыя обязанности, при обстановкѣ до крайности неблагопріятной, фабричная инспекція можетъ только подъ условіемъ самостоятельности, признанной за нею законами 1-го іюня 1882 и 12-го іюня 1884 г. и лишь слегка поколебленной закономъ 3-го іюня 1886 г. Введенная въ составъ губернскихъ исполнительныхъ властей, она будетъ, можетъ быть, способствовать огражденію на фабрикахъ внѣшняго благочинія и порядка, но окажется безсильной во всемъ томъ, что касается улучшенія фабричнаго быта, охраны фабричныхъ рабочихъ. Неужели учрежденіе, такъ много сдѣлавшее въ короткое время, будетъ принесено въ жертву своекорыстнымъ жалобамъ и легкомысленнымъ навѣтамъ? Неужели будетъ зачеркнута одна изъ лучшихъ страницъ законодательной дѣятельности восьмидесятыхъ годовъ?.. До какой степени неосновательны нареканія на фабричную инспекцію и сѣтованія на новое фабричное законодательство, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту, приводимому г. Обнинскимъ. „Много было шуму и крику по поводу ежемѣсячныхъ сроковъ расплаты съ рабочими; и вотъ, когда фабричное присутствіе (московское), по ходатайству самой инспекціи, пригласило нѣкоторыхъ фабрикантовъ лично пожаловать въ засѣданіе и изложить встрѣчаемыя затрудненія, обѣщая возможное содѣйствіе къ ихъ устраненію, то въ засѣданіе почти никто не явился, а явившіеся отнеслись до того равнодушно къ крикливо-поднятому вопросу, что оставалось только отложить дѣло до другого раза. На томъ вся смута, вѣроятно, и закончится, а отчего? Оттого, что надобилось вовсе не дѣло, не удовлетвореніе той или другой дѣйствительной потребности, а просто крикъ и шумъ, какъ орудіе, пригодное для борьбы“...

Неизвѣстность относительно законопроекта о реформѣ мѣстнаго управленія начинаетъ разсѣяваться; въ газетахъ появились общія свѣденія о „земскихъ начальникахъ“, конечно, далеко еще не полныя, но все же болѣе точныя и подробныя, чѣмъ прежде. Встрѣчается даже обзоръ возраженій, сдѣланныхъ противъ проекта „однимъ высокопоставленнымъ лицомъ“. Нѣкоторыя основныя черты проекта выяснились, повидимому, окончательно; это — сословный характеръ новой должности, оставляющій мало мѣста для образовательнаго ценза; соединеніе въ лицѣ земскаго начальника, въ весьма широкихъ размѣрахъ, властей административной и судебной; назначеніе земскихъ начальниковъ по соглашенію губернатора съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства и утвержденіе ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; увольненіе ихъ отъ должности единоличною властью министра, по представленію губернскаго присутствія. Со-

словный характеръ должности имѣлъ бы совершенно иное значеніе, еслибы за нею была упрочена полная самостоятельность; сліяніе властей представляется въ совершенно различномъ свѣтѣ, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ онѣ соединены и какими гарантіями обставлено ихъ примѣненіе. *Избранію* должностныхъ лицъ свойственны и слабыя, и сильныя стороны; то же самое слѣдуетъ сказать и о *назначеніи*—но *комбинація избранія и назначенія* можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, соединять въ себѣ *только* слабыя стороны того и другого, въ особенности если увольненіе опредѣляемаго такимъ образомъ должностного лица зависитъ отъ усмотрѣнія единоличной административной власти.

Въ чемъ заключается главная опасность *избранія*, если оно предоставлено мѣстнымъ жителямъ? Въ томъ, что избиратели могутъ руководиться не столько достоинствами и заслугами избираемаго, сколько симпатіями или антипатіями, разсчетами, личными видами. Гдѣ же основаніе думать, что губернскій и уѣздный предводители дворянства —или, лучше сказать, одинъ уѣздный, такъ какъ губернскій предводитель, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ слишкомъ далеко отъ мѣстной уѣздной жизни,—не подчинятся, при рекомендаціи кандидатовъ, ни одному изъ этихъ вліяній? Гораздо вѣроятнѣе, наоборотъ, что уѣздный предводитель дворянства будетъ къ нимъ весьма чувствителенъ. Онъ—такой же мѣстный житель, какъ и всѣ остальные, онъ близокъ къ однимъ, равнодушенъ къ другимъ, враждебенъ къ третьимъ; онъ имѣетъ за собою прошедшее, давленіе котораго не всегда замѣтно, но тѣмъ болѣе сильно,—имѣетъ связи, дѣла́, родню, друзей, можетъ, наконецъ, имѣть надобность въ томъ или другомъ земскомъ начальникѣ. Ему предстоитъ засѣдать вмѣстѣ съ ними въ одномъ присутствіи; отсюда новое побужденіе желать, чтобы они были люди его „партіи“, его масти. Въ собраніи, сколько-нибудь многочисленномъ, одно теченіе можетъ быть уравновѣшено другими; полное торжество искусственно сплоченной группы бываетъ здѣсь скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Выборамъ предшествуютъ толки, пренія, споры; права кандидатовъ сравниваются между собою, взвѣшиваются, контролируются, освѣщаются иногда такимъ яркимъ свѣтомъ, котораго не видятъ только слѣпые. Ничего подобнаго рекомендація одного или двухъ лицъ, совершающаяся въ тиши кабинета, не представляетъ. Здѣсь также происходитъ *выборъ*, со всѣми его случайностями и увлеченіями, но безъ гарантій, которыми обставлено настоящее избраніе.

Нельзя отрицать, съ другой стороны, и опасности *назначенія* (мы остаемся и здѣсь въ области мѣстнаго управленія). Назначающій не всегда близко знаетъ назначаемаго, не всегда относится къ нему безпри-

страстно, не всегда горячо принимаетъ къ сердцу интересы и подробности мѣстности, которой непосредственно касается назначеніе. Очевидно, что все это вполнѣ примѣнимо къ губернатору, насколько онъ участвуетъ въ назначеніи земскихъ начальниковъ. Нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы министру и даже губернатору землевладѣльцы данной мѣстности были извѣстны точно такъ же, какъ были напримѣръ, гласнымъ уѣзднаго земскаго собранія. Хорошая сторона назначенія—это независимость назначающаго отъ мѣстныхъ вліяній, личная незаинтересованность его въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ назначаемому, многочисленность кандидатовъ, изъ среды которыхъ предстоитъ сдѣлать выборъ, разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ можно получить свѣденія о каждомъ отдѣльномъ кандидатѣ. Всѣ эти преимущества исчезаютъ безслѣдно, какъ только назначеніе, въ чистой своей формѣ, уступаетъ мѣсто назначенію „по соглашенію". Ограничивается, во-первыхъ, число кандидатовъ, потому что назначить можно только одного изъ „рекомендованныхъ"; ограничивается, во-вторыхъ, число способовъ удостовѣренія въ способности и пригодности кандидатовъ, потому что оффиціальнымъ и достаточнымъ удостовѣреніемъ является „рекомендація" (не говоримъ уже объ ограниченіяхъ, обусловливаемыхъ сословнымъ цензомъ). Независимость отъ мѣстныхъ вліяній становится немыслимой, разъ что одно изъ нихъ получаетъ долю участія въ назначеніи; по той же причинѣ не можетъ быть болѣе и рѣчи о незаинтересованности въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Съ избраніемъ, какъ и съ назначеніемъ, сопряжена извѣстная доля нравственной—а иногда и юридической—отвѣтственности. Правда, избиратели отвѣчаютъ коллективно—но этимъ отвѣтственность только уменьшается, а не уничтожается. Неудачный выборъ тяготитъ собраніе и возбуждаетъ въ избирателяхъ, сплошь и рядомъ, рѣшимость не допускать повторенія однажды сдѣланной ошибки. При комбинаціи назначенія и избранія раздѣленіе отвѣтственности легко можетъ повлечь за собою полное ея отсутствіе. Рекомендующій можетъ сказать самъ себѣ: мое дѣло—дать указанія, намѣтить кандидатовъ; окончательное рѣшеніе зависитъ не отъ меня, и я за него не отвѣчаю. Другой участникъ „соглашенія" можетъ возразить: я вѣрилъ рекомендаціи, я не имѣлъ возможности лично убѣдиться въ ея правильности; если я ошибся, виноватъ тотъ, кто меня ввелъ въ заблужденіе. Въ глазахъ населенія вся тяжесть отвѣтственности за неудачный выборъ будетъ ложиться, вѣроятно, на представителя центральной администраціи — но неудобства, нами указанныя, не сдѣлаются отъ этого менѣе чувствительными, да и авторитетъ правительственной власти не можетъ выиграть отъ того, что ей станутъ приписы-

вать рѣшенія, въ которыхъ она принимала, на самомъ дѣлѣ, только пассивное участіе.

Проектируемое расширеніе власти и правъ уѣзднаго предводителя дворянства состоитъ въ чувствительномъ противорѣчіи съ настоящимъ характеромъ этой должности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ уѣзднымъ предводителемъ избирается не тотъ мѣстный дворянинъ, который дѣйствительно заслуживаетъ быть primus inter pares, а тотъ, который располагаетъ достаточными средствами и достаточнымъ досугомъ для принятія на себя хлопотливыхъ, сложныхъ и неоплачиваемыхъ обязанностей. Иногда должность предводителя достается, безъ спора и безъ боя, тому единственному лицу, которое соглашается занять ее; иногда завязывается избирательная борьба—и ведется традиціонными средствами, выработанными вѣковою, но далеко не почтенною практикою. Двигателемъ борьбы всего чаще является тщеславіе, усложняемое иногда надеждой на будущую служебную карьеру. Въ бóльшей или мѐньшей степени все это примѣнимо и къ губернскому предводителю дворянства. Если далеко не безопаснымъ, для массы населенія, было бы избраніе земскихъ начальниковъ дворянскимъ собраніемъ или сословнымъ земствомъ, то что̀ же сказать объ избраніи ихъ—хоть не de jure, но de facto—отдѣльными лицами изъ среды дворянства, не возвышающимися надъ общимъ его уровнемъ, но считающими себя, въ силу самаго своего положенія, спеціально призванными къ охранѣ спеціально дворянскихъ интересовъ?

Рѣшающимъ аргументомъ въ пользу системы, совмѣщающей избраніе съ назначеніемъ, является, обыкновенно, ссылка на мировыхъ посредниковъ, опредѣлявшихся на должность именно въ такомъ порядкѣ. Не повторяя сказаннаго нами неоднократно о невозможности возвращенія къ обстановкѣ, при которой дѣйствовали первые мировые посредники, и о неубѣдительности разсужденій, основанныхъ на ихъ примѣрѣ, ограничимся только двумя замѣчаніями. Подлинный текстъ законопроекта, внесеннаго на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, намъ неизвѣстенъ; но если содержаніе его правильно изложено въ газетахъ, онъ установляетъ опредѣленіе земскихъ начальниковъ *по соглашенію* губернатора съ предводителями дворянства. Положеніемъ 19 февраля назначеніе посредниковъ было предоставлено губернатору, *по совѣщаніи* съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями. Это далеко не одно и то же *совѣщаніе* не связываетъ свободы дѣйствій губернатора,—при *соглашеніи* онъ становится только однимъ изъ участниковъ назначенія. Конечно, опасность нежелательныхъ мѣстныхъ вліяній весьма велика и при *совѣщаніи*—но при *соглашеніи* она неизбѣжна. Допустимъ, однако, что порядокъ назначенія земскихъ начальниковъ ничѣмъ не отличается отъ порядка

назначенія мировыхъ посредниковъ; несомнѣнно и въ высшей степени важно различіе въ порядкѣ *утвержденія* и *увольненія* тѣхъ и другихъ. Мировые посредники были утверждаемы въ должности и удаляемы отъ нея опредѣленіями перваго департамента Правит. Сената; земскіе начальники утверждаются и увольняются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Этого одного вполнѣ достаточно, чтобы *уничтожить всякую аналогію между настоящимъ проектомъ и Положеніемъ 19 февраля.*

Нужно ли объяснять отношеніе между порядкомъ увольненія земскихъ начальниковъ и соединеніемъ въ ихъ лицѣ судебной и административной власти? Не очевидно ли, что если администратору вообще трудно быть судьею—судьею не по имени только, а на самомъ дѣлѣ,—то администратору, увольняемому à volonté, быть судьею рѣшительно невозможно!.. За сліяніе властей у насъ высказывались авторитетные голоса и двадцать лѣтъ тому назадъ, передъ введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, и въ настоящее время (напримѣръ, въ петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, въ засѣданіяхъ 29 ноября и 13 декабря прошедшаго года); но въ основаніи всѣхъ мнѣній этого рода лежало предположеніе, что администраторъ-судья прежде всего будетъ *судьею*, образованнымъ, независимымъ, несмѣняемымъ, приближающимъ административную дѣятельность къ судебной, а не судебную—къ административной. Сліяніе, проектируемое теперь, представляется чѣмъ-то прямо противоположнымъ; оно соединяетъ въ себѣ всѣ неудобства, всѣ опасныя стороны сліянія властей, не имѣя ни одного изъ возможныхъ его достоинствъ. Въ сравненіи съ проектомъ, чѣмъ-то завиднымъ представляется даже программа меньшинства Кахановской коммиссіи — та самая программа, противъ которой мы такъ постоянно боролись. Участковые начальники, за которыхъ стояла (въ коммиссіи) симбирско-орловская группа, должны были быть избранниками земства — земства сословнаго, но все-таки земства, — независимыми отъ центральной администраціи; „земскіе начальники“ (земскіе—настолько же, насколько lucus происходитъ отъ non lucendo) напоминаютъ ихъ лишь по имени, но не по мысли.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая (19 апрѣля) 1887 г.

Натянутость международнаго положенія. — Воинственность газетныхъ патріотовъ въ Германіи и въ другихъ странахъ. — Дѣло Шнёбеле и вопросъ о военномъ шпіонствѣ. — Особенности спорнаго факта и ихъ серьезное значеніе. — Послѣдствія нѣмецкихъ мѣръ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Особая теорія государственной измѣны. — Англійскія дѣла.

Постоянное, хотя и неосновательное, ожиданіе войны, газетные толки объ ея неминуемости, общее недовѣріе къ миролюбію правительствъ и патріотическіе призывы къ укрощенію возможныхъ враговъ — все это создаетъ атмосферу крайне опасную для мирнаго существованія народовъ. Событія зависятъ отъ людей, и если въ обществѣ начинаетъ господствовать увѣренность въ неизбѣжности кроваваго столкновенія, то послѣднее дѣйствительно становится весьма вѣроятнымъ. Воинственность, какъ и боязнь войны, есть дѣло настроенія; разумная логика безсильна передъ стаднымъ чувствомъ, толкающимъ народы на путь слѣпой борьбы. Зачинщики военной паники или военнаго увлеченія не идутъ на войну и ничѣмъ не рискуютъ; имъ ничего не стоитъ пріобрѣсть славу патріотовъ и подготовить себѣ великія личныя выгоды на случай грознаго взрыва. Отдавать свою жизнь приходится не тѣмъ, которые громко заявляютъ въ печати о своемъ неудержимомъ патріотизмѣ; за нихъ расплачиваются другіе, до которыхъ нѣтъ никакого дѣла самозваннымъ охранителямъ народной чести. Ремесло кабинетнаго войнолюбца въ высшей степени удобно и заманчиво; оно даетъ репутацію благонамѣренной храбрости, открываетъ широкія перспективы по части хищеній и доставляетъ легкій успѣхъ въ публикѣ. Такихъ сомнительныхъ дѣятелей появилось очень много въ послѣднее время; каждая страна имѣетъ ихъ въ достаточномъ изобиліи. Они первые бьютъ тревогу, когда замѣтятъ малѣйшій поводъ къ международной ссорѣ; они усердно раздуваютъ всякій „инцидентъ", способный посѣять смуту въ политикѣ, придумываютъ враждебныя комбинаціи, требующія будто бы энергическаго отпора, подогрѣваютъ старые споры и сочиняютъ новые. При такихъ условіяхъ самый ничтожный случай можетъ превратиться въ ту искру, которая воспламенитъ накопившіеся горючіе матеріалы современнаго вооруженнаго мира въ Европѣ.

Нѣсколько разъ въ теченіе настоящаго года выступали наружу симптомы приближающейся опасности европейской войны. Симптомы появлялись то на Востокѣ, то на Западѣ; теперь гроза собирается только въ области франко-германскихъ отношеній. Кампанія берлинскихъ оффиціозовъ противъ Франціи по поводу вопроса о септеннатѣ не могла пройти безслѣдно; она оставила послѣ себя обоюдное раздраженіе, убѣдила французовъ въ ненадежности мира съ Германіею и напугала нѣмцевъ мнимою близостью „реванша". Задорная полемика между газетами обѣихъ странъ прекратилась отчасти; но не исчезло и не скоро еще исчезнетъ впечатлѣніе, произведенное систематическими нападками и угрозами нѣмецкой оффиціозной печати. Война можетъ вспыхнуть рано или поздно, благодаря этой взаимной подозрительности и безпокойству; мелкіе сами по себѣ факты пріобрѣтаютъ значеніе событій, могущихъ привести къ колоссальнымъ послѣдствіямъ.

„Дѣло Шнѐбеле", законченное нынѣ миролюбиво, было дѣйствительно серьезнымъ дѣломъ, и оно не безъ основанія принималось многими за признакъ рѣшимости нѣмецкихъ правителей напасть на Францію или вывести ее изъ терпѣнія; но и эта исторія не возбудила бы такихъ опасеній въ мирное время, при меньшей напряженности отношеній между двумя заинтересованными державами. Незадолго до того газеты говорили много о дѣлѣ Эйролля, уволеннаго изъ французскаго военнаго министерства за передачу секретныхъ свѣденій германскому военному агенту; послѣдній подвергался обвиненіямъ и подозрѣніямъ, которыя считались оскорбительными въ Берлинѣ, но умѣренные парижскіе óрганы рѣшительно протестовали противъ безтактныхъ выходокъ, ставившихъ нѣмецкаго представителя въ неловкое положеніе,—такъ-что непріятный эпизодъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Процессы о шпіонствѣ происходили довольно часто въ новѣйшее время, особенно въ Германіи; всякій разъ невольно бросалась тѣнь на иностранныхъ военныхъ агентовъ и офицеровъ, которые, однако, къ суду не привлекались. Когда французъ попадался въ руки нѣмцевъ, онъ обыкновенно высылался изъ предѣловъ имперіи: такъ поступлено было, напр., съ поручикомъ Летелье, арестованнымъ въ Карлсруэ. Еще съ большею осторожностью дѣйствовали французскія власти, которыя вообще избѣгали возбужденія щекотливыхъ дѣлъ по поводу пребывающихъ во Франціи сомнительныхъ наблюдателей-нѣмцевъ. Военныя министерства всѣхъ великихъ государствъ имѣютъ свои свѣденія о порядкахъ за границею и стараются по мѣрѣ возможности узнавать чужія тайны, касающіяся новыхъ вооруженій и изобрѣтеній, плановъ крѣпостей, распредѣленія войскъ, способовъ мобилизаціи, состава новыхъ взрывчатыхъ веществъ и т. п.,

—и нигдѣ не считается это предосудительнымъ. Военное соперничество оправдываетъ эту систему взаимнаго надзора, и каждая страна оберегаетъ себя отъ неудобной любознательности сосѣдей только пассивными мѣрами — выборомъ неподкупныхъ чиновниковъ по военному вѣдомству, усиленнымъ контролемъ за дѣятельностью иностранцевъ и безусловнымъ недопущеніемъ частныхъ лицъ въ извѣстныя области военныхъ приготовленій. Конечно, этихъ мѣръ недостаточно для устраненія случаевъ успѣшнаго шпіонства; но военная администрація не можетъ серьезно думать о полномъ уничтоженіи такой спеціальности, плодами которой она можетъ пользоваться сама относительно чужихъ державъ. Задача въ сущности сводится къ тому, чтобы довести до минимума успѣхи иноземныхъ лазутчиковъ и расширить шансы своихъ собственныхъ. Такъ какъ военная практика повсюду одинакова, то на этой почвѣ не могутъ возникать серьезныя столкновенія или пререканія, пока преобладаютъ интересы мира; но при болѣе тревожныхъ обстоятельствахъ эти развѣдочныя усилія военныхъ агентовъ представляютъ благодарнѣйшій матеріалъ для опасныхъ „инцидентовъ", которые могутъ быть устроиваемы когда угодно, по желанію того или другого правительства.

Дни, пережитые Европою отъ 8-го до 17-го апрѣля, можно назвать „недѣлею Шнѐбеле". Фактъ, занимавшій въ эти дни европейское общественное мнѣніе, выходилъ изъ ряда обычныхъ случаевъ подобнаго рода. На самой границѣ Франціи нѣмецкіе переодѣтые сыщики накинулись на французскаго полицейскаго коммиссара, взяли его въ плѣнъ и отвезли въ тюрьму, гдѣ онъ и содержался цѣлую недѣлю. Эльзасецъ Шнѐбеле (нѣмецкая фамилія—Schnäbele,—передѣланная у насъ почему-то въ Шнебѐлля) занималъ оффиціальную должность въ мѣстечкѣ Паньи (Pagny-sur-Moselle), въ округѣ Нанси; онъ формально утвержденъ въ правахъ французскаго гражданина и принадлежитъ безспорно къ составу французской администраціи. Приглашенный на дѣловое свиданіе своимъ нѣмецкимъ коллегою, пограничнымъ полицейскимъ коммиссаромъ Гаучемъ, онъ подвергся неожиданному нападенію двухъ нѣмецкихъ агентовъ, вырвался отъ нихъ и успѣлъ обратно перейти границу, но былъ настигнутъ вторично уже на французской территоріи. Дѣло происходило почти у самой пограничной черты, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ въ ту или другую сторону; началось оно на нѣмецкой землѣ, а кончилось на французской. Обстановка ареста была настолько двусмысленна, что одинъ изъ случайныхъ свидѣтелей событія высказалъ мнѣніе о совершенной невозможности точно опредѣлить мѣсто происшествія, ибо „ноги Шнѐбеле лежали въ Германіи, а голова — во Франціи". При арестованіи употреблено было насиліе, и французскій чиновникъ

былъ въ наручникахъ доставленъ въ Мецъ. Угрожающее значеніе имѣетъ не самый фактъ, а отношеніе къ нему германскихъ властей. Удивляться нужно не самому захвату пограничнаго коммиссара, а тому, что онъ не былъ тотчасъ же выпущенъ на свободу по приказанію изъ Берлина. Нѣмецкія оффиціозныя газеты ограничились на первыхъ порахъ заявленіемъ, что Шнебеле арестованъ на германской территоріи по законному распоряженію судебнаго слѣдователя, что онъ обвиняется въ шпіонствѣ и государственной измѣнѣ, въ соучастіи съ другими лицами, въ предѣлахъ присоединенныхъ провинцій, что нѣмецкія власти только исполнили свой долгъ. и что слѣдствіе будетъ производиться обыкновеннымъ порядкомъ. Органы князя Бисмарка сохраняли странное молчаніе о двухъ обстоятельствахъ первостепенной важности—объ оффиціальномъ характерѣ захваченнаго француза и объ арестѣ его на самой границѣ. Въ Берлинѣ допускали освобожденіе Шнебеле только въ двухъ случаяхъ:—если окажется, что нѣмецкіе агенты нарушили границу, или что они завлекли свою жертву въ засаду подъ предлогомъ какихъ-то переговоровъ. И оба эти пункта допущены были только на третій или четвертый день, когда понятное волненіе охватило Францію и отозвалось въ остальной Европѣ. Для удостовѣренія спорныхъ обстоятельствъ производились дознанія на мѣстѣ, составлялись и сличались протоколы, посылались документы изъ Парижа въ Берлинъ и обратно. Такая постановка вопроса была неправильна по существу и заключала въ себѣ значительную долю риска. Жизненные интересы двухъ великихъ народовъ невозможно ставить въ зависимость отъ выясненія подобныхъ мелкихъ случайностей. Шнебеле могъ не вырваться изъ нѣмецкихъ рукъ и могъ пройти нѣсколько лишнихъ шаговъ безъ приглашенія нѣмецкаго коллеги; и однако арестованіе его было бы явнымъ нарушеніемъ международныхъ приличій и вооружило бы противъ Германіи самыхъ миролюбивыхъ французскихъ гражданъ. Когда должностное лицо чужого государства подозрѣвается въ какихъ-либо враждебныхъ дѣйствіяхъ, то объ этомъ сообщаютъ заинтересованному правительству, требуютъ его удаленія или отдачи его подъ судъ; но прибѣгать къ насильственному задержанію иностраннаго чиновника и заключать его въ тюрьму по обвиненію въ политическихъ происках, безъ предварительныхъ сношеній съ дипломатіею его отечества—это значитъ обнаружить прямое неуваженіе къ данному народу и государству. Было ли такое намѣреніе у берлинскаго кабинета относительно Франціи? Если было, то все случившееся получаетъ свое разумное объясненіе; французамъ дано понять вполнѣ наглядно, что къ нимъ относятся безцеремонно, что ихъ не уважаютъ и не боятся. Но изъ словъ и дѣйствій князя Бисмарка очевидно,

что у него не было желанія оскорбить Францію или бросить ей вызовъ для ускоренія ожидаемой войны;—онъ просто не видитъ ничего обиднаго для побѣжденныхъ въ томъ, что̀ было бы великимъ оскорбленіемъ для побѣдителей. Въ этомъ и коренится главная опасность для будущаго: германскій канцлеръ и солидарные съ нимъ нѣмецкіе патріоты ни на минуту не забываютъ, что Франція побита Германіею, что французы должны чувствовать на себѣ естественныя послѣдствія пораженія и не могутъ претендовать на полную равноправность съ побѣдоносною нѣмецкою націею. Быть можетъ, германскіе правители поступили бы не менѣе круто, еслибы дѣло шло о чиновникѣ русскомъ или англійскомъ; но тогда не было бы той жгучей политической подкладки, которая придаетъ всякому столкновенію вызывающій, воинственный характеръ. Съ этой точки зрѣнія „инцидентъ Шнѐбеле" представляется въ высшей степени печальнымъ; онъ указываетъ на болѣзненную самоувѣренность и раздражительность въ оффиціальныхъ сферахъ германской имперіи, на готовность дѣлать рискованные шаги для поддержанія нѣмецкаго авторитета въ Европѣ. Французскій коммиссаръ выпущенъ былъ только тогда, когда не оставалось уже никакихъ формальныхъ оправданій для его ареста; завлеченіе его въ западню и преслѣдованіе его на французской территоріи были удостовѣрены настолько положительно, что даже нѣмецкая пресса должна была признать незаконность содержанія его въ нѣмецкой тюрьмѣ. Общественное мнѣніе повсюду высказывалось противъ поступка германскихъ властей; англійскія, австрійскія и итальянскія газеты—не говоря уже о русскихъ—единодушно осуждали усердіе нѣмецкой полиціи и выражали надежду на мирное обоюдное соглашеніе по дѣлу Шнѐбеле. Еслибы Германія даже пренебрегала чувствами французовъ, то она во всякомъ случаѣ не можетъ пренебречь мнѣніемъ всей Европы: коммиссаръ изъ Паньи-сюръ-Мозель, отнынѣ знаменитый, былъ освобожденъ 17-го апрѣля, чрезъ девять дней послѣ его задержанія.

Поведеніе французскаго правительства въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ достойно было всякаго сочувствія; оно одобрялось даже придирчивою нѣмецкою критикою. Кабинетъ Гоблѐ дѣйствовалъ съ замѣчательною осторожностью; онъ сохранялъ спокойствіе и хладнокровіе въ минуты общаго возбужденія, предвѣщавшаго неминуемую грозу. Министерство не предпринимало никакого дипломатическаго шага до тѣхъ поръ, пока дѣло не было разслѣдовано на мѣстѣ; никакихъ оффиціальныхъ запросовъ или требованій не предъявлялось въ Берлинѣ, и успокоительныя завѣренія даны были германскимъ повѣреннымъ въ Парижѣ по собственному почину князя Бисмарка. Французскія газеты вели себя крайне сдержанно и тактично; онѣ

удивляли всѣхъ своею умѣренностью и миролюбіемъ. Многимъ казалось, что правительство республики проявило постыдную слабость, не потребовавъ немедленнаго освобожденія коммиссара Шнѐбеле; одинъ изъ русскихъ корреспондентовъ разсказываетъ даже, что французскіе патріоты плакали, говоря о позорномъ паденіи Франціи при нынѣшнемъ ея режимѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что война разыгралась бы неизбѣжно, еслибы министерство послѣдовало совѣтамъ этихъ чувствительныхъ и нетерпѣливыхъ гражданъ. Требованіе объ освобожденіи не было бы исполнено уже потому, что этого не допустила бы національная гордость Германіи; нѣмецкій канцлеръ отвѣтилъ бы отказомъ, по крайней мѣрѣ условнымъ, ибо подчиниться французскому требованію было бы немыслимо для достоинства имперіи. Отказъ, хотя бы условный, поставилъ бы Францію въ необходимость или взять назадъ свое требованіе, или поддержать его силою оружія; такъ какъ первый путь невозможенъ для великой державы, то не было бы другого выхода, кромѣ войны. А воевать изъ-за Шнѐбеля не стоило,— тѣмъ болѣе, что военныя преобразованія, начатыя генераломъ Буланжѐ, далеко еще не приведены къ концу. Результатъ вполнѣ оправдалъ благоразумную политику министерства. Эльзасскій плѣнникъ выпущенъ былъ нѣсколькими днями позже, безъ категорическаго требованія Франціи, послѣ миролюбиваго обмѣна формальныхъ свѣденій и разъясненій по спорнымъ пунктамъ дѣла. Терпѣливая сдержанность была настоящимъ подвигомъ для французскаго темперамента, при существующихъ въ странѣ чувствахъ относительно Германіи. Трудно представить себѣ, чтобы берлинскій кабинетъ высказалъ такое же миролюбіе въ случаѣ захвата нѣмецкаго чиновника французскими властями; мы не сомнѣваемся, что князь Бисмаркъ тотчасъ потребовалъ бы надлежащаго удовлетворенія и не отступилъ бы даже передъ рискомъ войны.

Натянутыя отношенія между Франціею и Германіею могутъ измѣниться къ лучшему только послѣ того, какъ сойдутъ со сцены могущественные побѣдители французовъ, стоящіе еще во главѣ имперскихъ дѣлъ. Новое поколѣніе нѣмецкихъ правителей не будетъ уже непосредственно связано съ великими побѣдами 1871 года; исключительный авторитетъ князя Бисмарка не перейдетъ къ его преемнику. Управляемая дѣятелями, менѣе увѣренными въ своей силѣ, болѣе скромными по заслугамъ и по значенію въ Европѣ, германская имперія перестанетъ быть грозою для Франціи и пріобрѣтетъ тотъ мирный и спокойный характеръ, который соотвѣтствуетъ національнымъ качествамъ и стремленіямъ нѣмецкаго народа. Тогда и вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи можетъ уладиться безъ новой борьбы. Французы даже помирились бы съ утратою этихъ провинцій,

еслибы послѣднимъ дана была полная автономія и еслибы нѣмцы вообще прониклись болѣе справедливыми взглядами по отношенію къ сосѣднему, все-таки великому и передовому народу. Къ сожалѣнію, германскій канцлеръ успѣлъ наложить свой тяжелый отпечатокъ на всю политическую и культурную жизнь имперіи; онъ образовалъ цѣлую школу государственныхъ людей, дипломатовъ, публицистовъ и патріотовъ,—онъ подготовилъ новое нѣмецкое поколѣніе. которое будетъ еще слѣдовать его примѣрамъ и традиціямъ. Но очень многое соединено неразрывно съ личностью князя Бисмарка, и его удаленіе на покой отразится весьма существенно на международной политической роли Германіи.

Раздражительность и непослѣдовательность нѣмецкой политики относительно Франціи объясняются, главнымъ образомъ, неблагопріятнымъ положеніемъ дѣлъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Всѣ усилія привлечь населеніе этихъ областей на сторону имперской власти оказались тщетными. Нѣмецкая объединительная политика потерпѣла рѣшительное фіаско въ двухъ присоединенныхъ провинціяхъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, князь Бисмаркъ выразилъ увѣренность, что дѣти нынѣшнихъ эльзасцевъ будутъ уже вѣрными нѣмцами;— съ тѣхъ поръ дѣти превратились въ гражданъ, и всѣ они обращаютъ свои взоры на западъ, выбираютъ въ депутаты только сторонниковъ Франціи, записываются въ „патріотическую лигу“ и открыто стремятся къ отдѣленію отъ имперіи. Прежній оптимизмъ правительства уступилъ мѣсто полному разочарованію и раздраженію. Не достигнувъ цѣли добромъ, нѣмецкая администрація приняла систему репрессіи, которая окончательно оттолкнетъ эльзасцевъ отъ оффиціальнаго „отечества“. Въ провинціяхъ вводится осадное положеніе; французы изгоняются безусловно, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ нѣмецкія власти разрѣшили доступъ въ страну; люди, извѣстные своими симпатіями къ Франціи, въ томъ числѣ избранные недавно члены имперскаго сейма. какъ, напр., Антуанъ, удалены изъ предѣловъ родного края,—такъ что эльзасскіе депутаты отправляются въ Берлинъ на засѣданія рейхстага черезъ Бельгію. Коммиссаръ Шнэбеле обвинялся, между прочимъ, въ незаконныхъ сношеніяхъ съ наиболѣе выдающимся изъ этихъ германскихъ выборныхъ представителей области, Антуаномъ. Неудовольствіе и глухое броженіе усиливаются подъ вліяніемъ подобныхъ административныхъ мѣръ; надежды эльзасцевъ еще больше обращаются на западъ, и мысль объ освобожденіи отъ притѣснителей растетъ и крѣпнетъ по ту сторону Вогезовъ. Всякая новая строгость въ провинціяхъ отзывается болѣзненно во Франціи; создается и поддерживается постоянное раздраженіе, изъ котораго выростетъ, со временемъ, рѣшимость выступить на защиту

угнетаемыхъ эльзасцевъ, пользующихся всеобщими и вполнѣ понятными симпатіями французовъ. Князь Бисмаркъ не могъ бы дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ дѣйствуетъ теперь, — еслибы сознательною цѣлью его было тѣснѣйшее сближеніе Эльзаса и Лотарингіи съ Франціею и рѣшительное отдаленіе ихъ отъ имперіи. Что дальновидный государственный человѣкъ поступаетъ такимъ образомъ,—это только признакъ раздраженія и досады; политическаго разумнаго плана тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Даже на случай войны нежелательно для нѣмцевъ, чтобы въ занятыхъ провинціяхъ подготовлена была почва для восторженнаго пріема французскихъ войскъ и для скрытаго противодѣйствія нѣмецкой арміи; а теперь дѣлается все именно для созданія этого враждебнаго настроенія. Князь Бисмаркъ становится старъ, и самый геніальный дѣятель не можетъ не подчиняться естественному вліянію преклоннаго возраста; а долгая привычка къ господству мѣшаетъ сознавать свои слабости и ошибки, даже когда онѣ ясны для другихъ. Есть основаніе думать, что просвѣщенная асть нѣмецкаго общества смотритъ болѣе правильно на задачи управленія въ Эльзасъ-Лотарингіи и что съ удаленіемъ нынѣшняго канцлера восторжествуетъ политика умиротворенія, терпѣнія и справедливости—политика единственно возможная и цѣлесообразная, съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ германской націи.

Одна французская газета сравнила арестованіе Шнѐбеле съ захватомъ герцога Энгіенскаго Наполеономъ. Разумѣется, сравненіе это— совершенно неподходящее и даже нелѣпое; но если присмотрѣться поближе къ фактамъ, то дѣло Шнѐбеле, по своей логической основѣ, заключаетъ въ себѣ принципіальную возможность нарушеній еще болѣе важныхъ и грубыхъ, чѣмъ захватъ герцога Энгіенскаго. Въ парижской печати было справедливо замѣчено, что, обвиняя французскаго чиновника въ государственной измѣнѣ, нѣмецкія власти высказываютъ принципъ, по которому всѣ начальствующія лица во Франціи, министры и полководцы, подлежали бы аресту и суду, въ случаѣ, еслибы они вздумали перейти нѣмецкую границу. И дѣйствительно, французскій коммиссаръ былъ соучастникомъ въ политическомъ преступленіи, совершенномъ нѣкоторыми эльзасцами, а самое преступленіе состояло въ военномъ шпіонствѣ, въ собираніи свѣденій объ укрѣпленіяхъ Меца и его окрестностей, о передвиженіяхъ нѣмецкихъ войскъ и т. п. Но, собирая эти свѣденія, Шнѐбеле дѣйствовалъ не самостоятельно, а въ соучастіи съ другими, выше стоящими, лицами; онъ былъ только исполнителемъ распоряженій, исходящихъ отъ французскаго военнаго министерства, которое, въ свою

очередь, дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ французскимъ правительствомъ во всемъ его составѣ. Поэтому отвѣтственность Шнèбеле гораздо меньше той, которая лежитъ на французскихъ министрахъ и генералахъ; послѣдніе суть настоящіе виновники и зачинщики преступныхъ дѣйствій, совершаемыхъ ихъ второстепенными агентами. Во всѣхъ дѣлахъ о государственной измѣнѣ, возникающихъ въ судебныхъ мѣстахъ германской имперіи, участвуютъ, въ качествѣ интеллектуальныхъ виновниковъ, иноземные военные министры, генеральные штабы и военно-дипломатическіе представители чужихъ государствъ,—и всѣ они являются участниками нѣмецкихъ „преступленій“ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ ничтожный коммиссаръ изъ Паньи-сюръ-Мозелль. Когда нѣмецкій офицеръ продаетъ секретные документы или планы крѣпостей военному вѣдомству иностранной державы, напр. Россіи или Австріи, то въ государственной измѣнѣ нѣмецкаго офицера виновато-де и правительство русское или австрійское, такъ какъ оно воспользовалось плодами измѣны и заплатило за нихъ свои деньги; нѣмецкія власти будутъ производить слѣдствіе и постановлять приговоры объ иностранныхъ сановникахъ и чиновникахъ, а въ случаѣ возможности—будутъ и хватать чужихъ министровъ, когда тѣ, по незнанію, соберутся путешествовать черезъ германскую территорію. Такимъ образомъ, генералъ Буланжé, какъ главный организаторъ французской военной обороны и высшій начальникъ всѣхъ развѣдочныхъ агентовъ, могъ бы быть арестованъ и судимъ нѣмецкою полиціею въ случаѣ перехода его за пограничную черту, отдѣляющую имперію отъ республики. Очевидно, въ этомъ своеобразномъ взглядѣ на государственную измѣну и на соучастіе въ ней иностранныхъ правительствъ коренится нѣчто совсѣмъ неправдоподобное, сближающее дѣло Шнèбеле съ болѣе крупными вопросами международнаго права. Герцогъ Энгіенскій былъ французскій подданный: онъ могъ быть законно обвиняемъ въ измѣнническихъ предпріятіяхъ противъ своего отечества, и захватъ его былъ несправедливъ только потому, что совершился на чужой землѣ. Но чтобы иностранный генералъ или министръ могъ подлежать карательнымъ мѣрамъ того или другого государства за политическія дѣйствія, совершенныя на родинѣ, по долгу службы,—это предположеніе идетъ несравненно дальше Бонапартовскаго взгляда по дѣлу герцога Энгіенскаго и гораздо глубже нарушаетъ общепринятыя международныя отношенія, чѣмъ печальный подвигъ Наполеона. Во время войны 1870—71 годовъ нѣмецкія войска едва не завладѣли желѣзно-дорожнымъ поѣздомъ, въ которомъ находился Гамбетта; тогда возникъ и обсуждался въ печати вопросъ: можно ли брать въ плѣнъ министровъ непріятельской державы и позволительно ли поступать съ ними

какъ съ военноплѣнными. Тогда вопросъ рѣшался утвердительно по той простой причинѣ, что Гамбетта былъ руководителемъ военныхъ приготовленій и стоялъ фактически во главѣ французской національной защиты; но это было въ военное время, и тогдашняя точка зрѣнія нѣмецкаго правительства вполнѣ соотвѣтствовала обстоятельствамъ. Какой же смыслъ могутъ имѣть эти чисто-военныя мѣры и репрессаліи при мирныхъ отношеніяхъ между народами и государствами? Или Европа дѣйствительно превращается въ военный лагерь, и законы войны должны примѣняться и во время мира?

Недоразумѣніе усиливается еще крайнею односторонностью нѣмецкихъ газетныхъ толковъ объ иноземномъ и особенно французскомъ шпіонствѣ. Никто не станетъ отрицать, что германское военное вѣдомство имѣетъ такія же организованныя развѣдочныя агентуры во Франціи и въ другихъ странахъ, какъ и французское военное министерство. Въ Берлинѣ получаются точныя и подробныя свѣденія о вооруженіяхъ французскихъ, австрійскихъ и русскихъ; свѣденія проходятъ черезъ руки многочисленныхъ нѣмецкихъ Шнѐбелей, пребывающихъ во Франціи, Австріи и Россіи. Отчего же нигдѣ не поднимаютъ шуму по поводу неудобной дѣятельности нѣмецкихъ пограничныхъ соглядатаевъ? Почему не арестовываютъ и не судятъ ихъ въ чужихъ государствахъ, гостепріимствомъ которыхъ они пользуются невозбранно? Еслибы гдѣ-нибудь вздумали заключить въ тюрьму нѣмецкаго оффиціальнаго лазутчика, то что̀ сказали бы на это берлинскіе оффиціозы? Они едва ли рѣшились бы примѣнить къ себѣ правило, которое они выставляютъ въ назиданіе другимъ,—хотя иностранная держава могла бы спокойно сослаться на мудрое изреченіе: patere legem quam ipse tulisti. Германскія министерскія газеты свысока поучаютъ французовъ, что не слѣдуетъ допускать шпіонство въ предѣлахъ нѣмецкой имперіи, что такія дѣла, какъ „инцидентъ" Шнѐбеле, подвергаютъ опасности международный миръ, что необходимо осуждать дѣятельность подобныхъ сыщиковъ и не пользоваться ихъ услугами ни въ какомъ случаѣ. И это говорится отъ имени державы, гдѣ военное соглядатайство устроено самымъ совершеннымъ образомъ и гдѣ оно дѣйствительно достигаетъ своихъ цѣлей при помощи небрежнаго или снисходительнаго отношенія чужихъ правительствъ къ агентамъ извѣстнаго рода!

Мы не разъ имѣли случай высказаться въ пользу мирной дружбы съ могущественною и просвѣщенною Германіею; мы глубоко сочувствуемъ нѣмецкой интеллигенціи, нѣмецкой наукѣ и литературѣ, и насъ никто не заподозритъ въ предвзятой враждебности даже относительно политическаго направленія, господствующаго нынѣ въ германской имперіи. Увлеченія оффиціозныхъ публицистовъ и патріотовъ

извѣстнаго сорта могутъ быть признаваемы вредными, неосновательными и произвольными; они могутъ вызывать рѣзкую критику въ независимыхъ òрганахъ печати какъ внутри, такъ и внѣ страны,— но было бы слишкомъ близоруко дѣлать изъ этого выводъ, что критикующіе проникнуты непріязнью къ нѣмцамъ или склоняются на сторону Франціи по какимъ-либо особеннымъ разсчетамъ или симпатіямъ. Наполеоновскій режимъ во Франціи былъ намъ такъ же несимпатиченъ, какъ нѣкоторыя стороны Бисмарковскаго режима въ Германіи. Говоря о нѣмецкой политикѣ, о нѣмецкихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, мы всегда имѣемъ въ виду дѣятельность оффиціальныхъ берлинскихъ сферъ и взгляды признанныхъ выразителей ихъ въ журналистикѣ. „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета" обыкновенно зачисляетъ всякаго критика или противника идей князя Бисмарка въ лагерь явныхъ враговъ германской имперіи. Даже вѣнская „Neue Freie Presse", извѣстная своимъ тяготѣніемъ ко всему нѣмецкому, заподозрѣна въ преступномъ сочувствіи къ французамъ съ тѣхъ поръ, какъ она стала позволять себѣ нѣкоторое критическое отношеніе къ рискованнымъ теоріямъ и возгласамъ берлинскихъ оффиціозовъ. Поведеніе австрійской нѣмецкой прессы по поводу дѣла Шнèбеле должно было бы служить для Берлина весьма серьезнымъ указаніемъ, изъ котораго не трудно было бы извлечь пользу для будущаго. Слишкомъ узкіе патріотическіе взгляды, проводимые съ неуклонною послѣдовательностью, порождаютъ непріятное чувство даже среди родственныхъ элементовъ государства, связаннаго съ Германіею тѣсными политическими обязательствами и отношеніями. Вмѣсто того чтобы толковать о франкофильствѣ австрійскихъ нѣмцевъ, было бы гораздо справедливѣе подвергнуть болѣе хладнокровному и безпристрастному анализу тѣ отдѣльные факты, которые заставляютъ общественное мнѣніе высказываться противъ одностороннихъ взглядовъ берлинскаго кабинета и его òргановъ.

Въ „Сѣверо-Германской Газетѣ", отъ 19-го апрѣля, напечатано сообщеніе князя Бисмарка на имя французскаго посланника Гербетта, отъ 16-го числа, по дѣлу Шнèбеле. Въ этомъ сообщеніи говорится о французскомъ коммиссарѣ, какъ о подсудимомъ, и освобожденіе его мотивировано исключительно обстоятельствами перехода его чрезъ нѣмецкую границу по случаю переговоровъ съ пограничнымъ германскимъ чиновникомъ. „Предметомъ производящагося о Шнèбеле слѣдствія, — пишетъ канцлеръ, — служитъ преступленіе государственной измѣны; слѣдствіе опирается на полныя улики вины подсудимаго, которыя заключаются въ показаніяхъ нѣкоего Клейна, обвиняемаго по такому же дѣлу, и въ собственныхъ письмахъ Шнèбеле. Если нижеподписавшійся, тѣмъ не менѣе, исходатайствовалъ у императора

повелѣніе объ освобожденіи Шнѐбеле, то въ этомъ онъ руководствовался взглядомъ на дѣло съ точки зрѣнія международнаго права, именно тѣмъ соображеніемъ, что переходы черезъ границу, дѣлаемые съ цѣлью переговоровъ по службѣ между чиновниками сосѣднихъ государствъ, всегда считаются совершенными какъ бы въ силу молчаливаго обезпеченія свободнаго пропуска. Императоръ рѣшилъ, что, въ виду мотивовъ международнаго права, имѣющихъ цѣлью безусловно обезпечить международные переговоры, Шнѐбеле слѣдуетъ выпустить на свободу, несмотря на то, что противъ него имѣются улики". Германскій канцлеръ строго проводитъ здѣсь именно ту точку зрѣнія, что иностранный чиновникъ можетъ быть судимъ за „государственную измѣну" чужому отечеству; несомнѣнно, „улики имѣются противъ подсудимаго", но еще болѣе вѣскія улики существуютъ противъ генерала Буланжé, какъ и съ своей стороны французы могли бы заняться разслѣдованіемъ уликъ противъ графа Мольтке и его агентовъ. Эта оригинальная теорія „измѣны", примѣняемая пока только къ французамъ, можетъ привести къ цѣлому ряду политическихъ абсурдовъ,—и рано или поздно она будетъ отвергнута самими нѣмцами ради собственныхъ ихъ выгодъ и интересовъ.

Въ Англіи расколъ между политическими партіями сдѣлался какъ-бы хроническимъ. Бывшій радикалъ и приверженецъ Гладстона, Чамберлэнъ, произноситъ громовыя рѣчи противъ либеральныхъ дѣятелей, готовыхъ дать Ирландіи полную автономію. Умѣренные либералы, съ маркизомъ Гартингтономъ во главѣ, дѣйствуютъ за-одно съ консервативнымъ премьеромъ, лордомъ Сольсбюри, а сторонники Гладстона составляютъ какъ бы одну партію съ ирландскою группою Парнелля. Правительство внесло въ парламентъ новый законъ о преступленіяхъ въ Ирландіи, и по этому поводу продолжается горячая полемика въ печати, на митингахъ и въ палатѣ общинъ.

Въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ собралась 11-го апрѣля многолюдная сходка для выраженія протеста противъ правительственнаго билля. Болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ участвовало въ этой мирной манифестаціи. Надъ толпою развѣвались знамена съ соотвѣтствующими надписями, изъ которыхъ нѣкоторыя были весьма выразительны: „Ирландія—сестра, а не рабыня", „Долой принужденіе", „Земля для народа", „Еще борьба за свободу", „Довѣрьтесь народу", „Справедливость для Ирландіи" и т. п. Между прочимъ, обращалъ на себя вниманіе черный гробъ съ надписью: „Въ память принужденія". Въ разныхъ мѣстахъ парка воздвигнуты были платформы, съ которыхъ ораторы обращались съ своими рѣчами къ народу.

Говорили члены парламента Стюартъ, Секстонъ, Дэвитъ и Лабушеръ, г-жа Аштонъ-Дилькъ и лордъ-мэръ Дублина. Имя Гладстона не разъ привѣтствовалось громкими заявленіями сочувствія. Тѣмъ не менѣе шансы защитниковъ Ирландіи сравнительно слабы въ настоящее время; въ обществѣ преобладаетъ настроеніе, неблагопріятное для ирландской автономіи.

Большинство англійскихъ газетъ ратуетъ за сохраненіе государственнаго единства, подрываемаго будто бы проектами знаменитаго вождя либераловъ. „Times" предпринялъ спеціальный походъ противъ ирландской „національной лиги"; онъ старается доказать солидарность Парнелля и его товарищей съ динамитчиками и убійцами, причемъ прибѣгаетъ къ средствамъ довольно сомнительнымъ. Редакція „Times" пріобрѣла у кого-то факсимиле письма Парнелля къ казначею „земельной лиги", Патрику Эгану, отъ 15-го мая 1882 г.; въ этомъ письмѣ выражено косвенное одобреніе убійства, совершеннаго незадолго до того въ Фениксъ-паркѣ и жертвами котораго пали лордъ Кавендишъ и Боркъ. Парнелль категорически заявилъ въ парламентѣ, что письмо это—гнусный подлогъ, что подпись его поддѣлана весьма неумѣло и что текстъ писанъ рукою, не имѣющею никакого сходства съ почеркомъ его секретаря. „Times" настаиваетъ на своемъ, доказываетъ полное соотвѣтствіе содержанія письма съ неоднократными публичными заявленіями приверженцевъ Парнелля и наконецъ предлагаетъ послѣднему начать процессъ о клеветѣ. Въ томъ же смыслѣ высказываются правительственные ораторы, либеральные „уніонисты" и консерваторы; сторонники Гладстона, съ своей стороны, протестуютъ противъ голословныхъ обвиненій, подкрѣпляемыхъ подлогами. Нѣкоторые изъ ирландскихъ автономистовъ, задѣтыхъ разоблаченіями „Times'а", начали уже судебное дѣло противъ этой газеты; Парнелль удерживается отъ процесса только потому, что не разсчитываетъ на безпристрастіе англійскихъ присяжныхъ, которые, вѣроятно, рѣшили бы споръ въ пользу обвинителей. Очень можетъ быть, что письмо дѣйствительно писано Парнеллемъ, хотя это не соотвѣтствовало бы обычной осторожности „некоронованнаго короля" Ирландіи. Положеніе ирландскаго вождя таково, что онъ долженъ щадить крайнихъ революціонеровъ, доставляющихъ изъ Сѣверной Америки значительную массу средствъ для поддержанія дѣла „національной лиги". Это щекотливое положеніе Парнелля, въ виду кровавыхъ подвиговъ ирландскаго „патріотизма", было замѣчено и признано уже давно; къ этому, въ сущности, ничего не прибавитъ письмо, помѣщенное въ „Times'ѣ", еслибы даже оно оказалось подлиннымъ. Обвиняя Парнелля, „уніонисты" имѣютъ въ виду не столько его самого, сколько его нынѣшнихъ союзниковъ, принадлежащихъ

къ партіи Гладстона; они думаютъ заставить послѣднихъ отказаться отъ союза, который можетъ дискредитировать ихъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Но союзъ этотъ кажется теперь крѣпче, чѣмъ когда-либо; обѣ группы—ирландская и Гладстоновская—дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ. Иногда невозможно судить по содержанію рѣчей, кто ихъ произноситъ—настоящій ли автономистъ, или какой-нибудь бывшій либеральный министръ. „Въ теченіе пятидесятилѣтняго царствованія королевы,—говорилъ, напримѣръ, ораторъ на одномъ изъ недавнихъ митинговъ,—процвѣтали всѣ части государства, кромѣ Ирландіи. Въ теченіе этого срока погибло отъ голода около 1.225.000 ирландцевъ. Около 3.600.000 изгнано было землевладѣльцами и 4.186.000 выселились изъ страны навсегда. Когда лордъ Сольсбюри былъ еще лордомъ Робертомъ Сесиль, онъ справедливо замѣтилъ однажды, что разгадка ирландскаго вопроса заключается не въ томъ, что ирландцы —кельты, что они—католики, что ихъ увлекаютъ демагоги; а истинною причиною ирландской смуты является англійское правительство". Слова эти были сказаны бывшимъ министромъ въ кабинетѣ Гладстона, сэромъ Гаркортомъ. Рѣшимость покончить съ ирландскимъ вопросомъ и разрѣшить его разъ навсегда въ духѣ справедливости, согласно настойчивымъ стремленіямъ Ирландіи, установилась твердо въ средѣ единомышленниковъ Гладстона. На почвѣ этого вопроса будетъ продолжаться борьба между партіями до будущей избирательной кампаніи, пока успѣхъ не перейдетъ на сторону либераловъ. Отрицательныя мѣры консервативнаго кабинета не устранятъ и не разрѣшатъ задачи; неудовольствіе ирландцевъ будетъ проявляться все рѣзче и сильнѣе; группа Парнелля будетъ все больше тормазить дѣятельность англійскаго парламента, и наконецъ англичане мало-по-малу проникнутся убѣжденіемъ, что нѣтъ и не можетъ быть другого рѣшенія, кромѣ предложеннаго Гладстономъ. Тогда возстановится и единство либеральной партіи, нарушенное неудавшимся проектомъ ирландской автономіи. До тѣхъ поръ консерваторы, въ союзѣ съ уніонистами, останутся, вѣроятно, во главѣ управленія, и прежній торійскій духъ постепенно сольется съ неопредѣленно-умѣреннымъ направленіемъ виговъ.

Обычные доводы въ пользу или противъ репрессивной системы въ Ирландіи вновь наполняютъ собою столбцы англійскихъ газетъ. „Times" и его соратники въ журналистикѣ стоятъ энергически за репрессію; „Daily News" и другіе либеральные органы защищаютъ принципы самоуправленія. Радикалъ Чамберлэнъ отстаиваетъ консервативную точку зрѣнія, и въ интересной рѣчи, произнесенной имъ недавно въ Эйрѣ, въ Шотландіи, онъ подробно объяснилъ мотивы

своего разлада съ бывшими коллегами по либерализму. Чамберлэнъ напомнилъ публикѣ, что въ 1887 году либеральное министерство признало нужнымъ внести суровый принудительный билль, которымъ предоставлено было ирландской администраціи заключать въ тюрьму всякаго подозрительнаго человѣка, безъ формальнаго суда. На этомъ основаніи было арестовано въ разныхъ мѣстахъ болѣе тысячи заподозрѣнныхъ лицъ, и число преступныхъ дѣйствій еще больше увеличилось въ Ирландіи. Строгій законъ былъ замѣненъ болѣе мягкимъ въ 1882 году, и при управленіи лорда Спенсера преступность сократилась до ничтожной цифры. Но въ 1885 году поколебалось равновѣсіе между партіями, и незначительное меньшинство палаты общинъ, состоявшее изъ 85 послѣдователей Парнелля, получило возможность распоряжаться судьбами парламентскаго положенія. „Съ того времени,—говоритъ Чамберлэнъ,—измѣнилась коренньмъ образомъ традиціонная политика либерализма. Программа большинства либеральной партіи состоитъ теперь въ томъ, что мы должны прекратить безпорядки въ Ирландіи не удержаніемъ нарушителей закона отъ дурныхъ поступковъ, а отдачею всего авторитета и вліянія правительства въ руки этихъ именно нарушителей. Ирландцы рѣшились сдѣлать невозможнымъ англійское управленіе въ Ирландіи, и, къ несчастію, въ первый разъ въ нашей исторіи и, надѣемся, въ послѣдній разъ либеральная партія или главнѣйшая ея часть отождествила себя съ подобною политикою — политикою возмущенія и анархіи“. Чамберлэнъ негодуетъ по поводу новой системы, усвоенной въ Ирландіи и извѣстной подъ именемъ „плана кампаніи“: ирландскіе фермеры отказываются платить ренту землевладѣльцамъ-лордамъ, если послѣдніе не соглашаются на уменьшеніе платы по желанію фермеровъ. Непримиримые лорды прибѣгаютъ къ насильственному выселенію фермеровъ, при помощи полицейскихъ командъ; отсюда безпорядки и волненія, которыми пользуются „агитаторы“ для своихъ политическихъ цѣлей. Министерство Сольсбюри старалось уменьшить число насильственныхъ выселеній при помощи билля, по которому фермеры могутъ получать сбавку арендной платы черезъ посредство земельнаго суда; но эта мѣра едва ли много поможетъ массѣ нуждающихся арендаторовъ. Преступленія противъ землевладѣльческихъ агентовъ возросли весьма значительно: въ 1884 году число аграрныхъ нарушеній не превышало 762; въ 1885 году ихъ было 994, а въ 1886—1.056. Изъ этого Чамберлэнъ выводитъ, что правительственный билль безусловно необходимъ. Можно сказать, что на этотъ разъ билль настолько же оправдывается обстоятельствами, насколько оправдывались такого рода мѣры и въ прошедшемъ; но такихъ биллей издано

было не меньше 87 со времени „уніи" Ирландіи съ Англіею, и до сихъ поръ они ни къ чему не привели. Чамберлэнъ не упоминаетъ вовсе объ этой существенной сторонѣ вопроса, вытекающей прямо изъ указаній прошлаго.

Такъ судитъ и большинство заурядныхъ политиковъ, не видящихъ ничего дальше настоящей минуты и даннаго положенія; такъ рѣшило и большинство парламента въ засѣданіи 18-го апрѣля: послѣ бурныхъ и продолжительныхъ преній законъ принятъ 370 голосами противъ 269. Ирландская проблема остается въ томъ же видѣ, какъ была и въ прежніе годы; рѣшеніе отсрочено, но не устранено.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1887.

— *Н. Горбовъ,* Задачи русской народной школы. Москва, 1887.
— *Гр. П. А. Валуевъ,* Современныя задачи. II. Воспитаніе и образованіе. Москва, 1887.

Брошюра г. Горбова соединяетъ въ себѣ защиту церковной школы съ протестомъ противъ тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ обыкновенно усердные не по разуму ея ревнители. О протестѣ говорится ниже, въ Общественной Хроникѣ; не въ немъ заключается главное содержаніе книги и главная цѣль автора. Критика нѣмецкой педагогики и попытокъ пересадить ее на нашу почву составляетъ фундаментъ, на которомъ строится зданіе идеальной, по мнѣнію г. Горбова, народной школы. Въ критикѣ не мало основательнаго, но мало новаго; она занимается, большею частью, взламываніемъ открытой двери—открытой со времени появленія педагогическихъ статей графа Л. Н. Толстого. Не хорошо только то, что г. Горбовъ приписываетъ иногда нѣмецкой педагогикѣ положенія ей чуждыя или явно неправильно толкуетъ ея взгляды. По словамъ г. Горбова, научная (т.-е. нѣмецкая) педагогика утверждаетъ, что „стоитъ вести правильно воспитаніе—и человѣкъ уже окончательно готовъ". Мы желали бы знать, кому именно принадлежитъ этотъ невозможный тезисъ? Нѣмецкимъ педагогамъ, какъ и всѣмъ вообще мыслящимъ людямъ, не можетъ не быть извѣстно, что за предѣлами школьнаго воспитанія начинается—или, лучше сказать, продолжается—непрерывная воспитательная работа жизни. Другой примѣръ: г. Горбовъ приписываетъ Дистервегу мнѣніе объ „особенной глупости нѣмецкихъ дѣтей", составляющей, притомъ, ихъ „особое достоинство", — и въ подтвержденіе этого приводитъ, въ выноскѣ, подлинныя слова Дистервега, не переводя ихъ на русскій языкъ: „An Beweglichkeit, Anstelligkeit, Bildsamkeit und Gefügigkeit wird der deutsche Knabe von

Довольно любопытна аргументація, съ помощью которой г. Горбовъ оспариваетъ пользу чтенія „содержательныхъ книгъ" (т.-е. книгъ, содержаніе которыхъ не подходитъ подъ излюбленную авторомъ схему). Возьмемъ, напримѣръ, книгу, заключающую въ себѣ практическія свѣденія о земледѣліи; она предлагается къ чтенію въ народной школѣ, потому что Россія—„страна земледѣльческая, а земледѣліе „стоитъ въ ней на низкой степени развитія". „Это очень странное разсужденіе,—говоритъ г. Горбовъ:—земледѣліе, какъ и всякое практическое дѣло, стоитъ на низкой ступени не по одному незнанію. Не мѣньшее, если не бо́льшее значеніе имѣетъ бѣдность, да и привычка не мало значитъ, и не только привычка, но и совершенно законное опасеніе нововведеній. Хорошіе ли, дурные ли, но теперешніе пріемы (крестьянскаго хозяйства) даютъ опредѣленные результаты, а отъ перемѣны что-то еще выйдетъ?" Оставляя въ сторонѣ своеобразный квіетизмъ, выражающійся въ послѣднихъ словахъ г. Горбова, отмѣтимъ только продолжающійся разладъ его съ логикой. „Земледѣліе стоитъ на низкой ступени не по одному незнанію". Совершенно вѣрно; но, выражаясь такимъ образомъ, авторъ прямо признаетъ незнаніе *одною изъ причинъ*, противодѣйствующихъ развитію земледѣлія. Отсюда вытекаетъ, повидимому, необходимость усилій, направленныхъ къ устраненію этой причины—усилій, къ которымъ можетъ и должна присоединиться школа; но для автора послѣдовательность не существуетъ. Ему кажется, что, доказавъ многочисленность причинъ, онъ доказалъ этимъ самымъ безполезность борьбы противъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Не замѣтилъ онъ и того, что „привычка" состоитъ въ самой тѣсной связи съ „незнаніемъ", и что уменьшить послѣднее, значило бы поколебать власть, принадлежащую первой.

Въ старшемъ отдѣленіи школы, по мнѣнію г. Горбова, „русское чтеніе должно быть сведено на минимумъ; по-русски старшіе ученики должны читать только насколько это необходимо въ видахъ изученія грамматики. И наоборотъ, славянскому чтенію, т.-е. изученію богослужебныхъ книгъ (а не Евангелія) должно быть отведено самое широкое мѣсто". Этихъ немногихъ словъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о педагогическихъ „требованіяхъ" г. Горбова. Хорошъ будетъ „навыкъ" въ русскомъ чтеніи, если онъ будетъ пріобрѣтаться въ теченіе какихъ-нибудь восьми или шестнадцати мѣсяцевъ [1])! И здѣсь г. Горбовъ остается вѣрнымъ самому себѣ, т.-е.

[1]) Курсъ начальной школы, если онъ трехлѣтній, продолжается никакъ не болѣе 24 мѣсяцевъ; въ церковно-приходской школѣ онъ продолжается только два года, т.-е. 16 мѣсяцевъ. Понятно, что́ значитъ ограничить русское чтеніе одною третью или половиной и безъ того уже столь короткаго учебнаго времени.

своей привычкѣ впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Для чтенія въ старшемъ отдѣленіи предлагаются имъ почти исключительно такія книги, изъ которыхъ одну (главную) онъ самъ, нѣсколькими строками раньше, назвалъ „неразсчитанною для дѣтскаго возраста". Еслибы это чтеніе должно было идти параллельно съ другимъ, приспособленнымъ къ дѣтскому пониманію, мы не сказали бы противъ него ни слова; но разъ что оно является господствующимъ, ученики старшаго отдѣленія обрекаются на безконечный рядъ механическихъ упражненій, и одна изъ цѣлей обученія отодвигается на задній планъ именно тогда, когда достиженіе ея становится всего болѣе удобнымъ. Или, можетъ быть, ученики старшаго отдѣленія — уже не дѣти? Крестьяне, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, стараются отдать своихъ дѣтей въ школу какъ можно раньше, чтобы они ничѣмъ не отвлекались отъ физическаго труда, когда сдѣлаются къ нему способными. Сообразно съ этимъ, курсъ начальной школы оканчиваютъ, большею частью (особенно когда школа въ данной мѣстности существуетъ уже давно), одиннадцати- или двѣнадцатилѣтнія дѣти.

Объемъ библіографической замѣтки не позволяетъ намъ остановиться на разныхъ другихъ оригинальныхъ взглядахъ г. Горбова. Лютеранство (!) и невѣріе—по мнѣнію автора—вѣтви отъ одного и того же ствола; изъ нѣсколькихъ словъ на страницѣ 59-ой можно заключить, что протестанты, въ глазахъ г. Горбова,—не христіане... Ограничимся еще одной, послѣдней цитатой: „Никто не приглашаетъ учителя, въ умѣньѣ коего не увѣренъ; никто не долженъ былъ бы приглашать въ народную школу учителя, въ искреннемъ православіи коего онъ имѣетъ поводъ сомнѣваться. Это такъ очевидно, а между тѣмъ, такой взглядъ, увы! далеко не распространенъ". Неужели авторъ не замѣчаетъ, что онъ сравниваетъ здѣсь величины несоизмѣримыя? *Умѣнье* можетъ быть точно взвѣшено, опредѣлено; *искренность вѣрованія* не подлежитъ повѣркѣ, и распространеніе взгляда, поддерживаемаго г. Горбовымъ, могло бы привести только къ одному: къ развитію лицемѣрія.

По вопросу о начальномъ обученіи, графъ П. А. Валуевъ сходится съ г. Горбовымъ, по крайней мѣрѣ, въ окончательномъ выводѣ, но мотивы заимствованы изъ отчета синодальнаго оберъ-прокурора; бóльшею самостоятельностью отличается та часть брошюры, которая касается гимназическаго обученія, причемъ обращено вниманіе преимущественно на два пункта: переутомленіе учениковъ и значеніе закона Божія, какъ предмета преподаванія въ гимназіи. Переутомленіе учениковъ признается авторомъ, какъ фактъ, и фактъ прискорбный. Для устраненія или уменьшенія свидѣтельствуемаго неудобства предла-

гается, во-первыхъ, сокращеніе числа уроковъ по новѣйшимъ языкамъ и по исторіи; но эти предметы уже и теперь играютъ въ гимназіи самую подчиненную роль; во-вторыхъ,—освобожденіе отъ изученія греческаго языка всѣхъ тѣхъ учениковъ гимназіи, которые заранѣе откажутся отъ полученія аттестата зрѣлости, т.-е. отъ намѣренія вступить въ университетъ. Итакъ, судьба ученика должна быть предрѣшена уже при переходѣ его изъ второго класса въ третій, т.-е. въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ. Опять должна быть введена бифуркація, достаточно уже доказавшая свою несостоятельность—и притомъ бифуркація еще болѣе ранняя, чѣмъ прежде. Много ли найдется въ гимназіи учениковъ, которые—или родители которыхъ—рѣшились бы совершить предлагаемый авторомъ „опасный скачокъ" (saut périlleux)? Къ чему опредѣлять мальчика въ гимназію, если дорога къ высшему образованію заранѣе признается для него закрытой? Правильно ли, сверхъ того, связывать вопросъ о переутомленіи учениковъ единственно съ числомъ учебныхъ часовъ? Не зависитъ ли оно гораздо больше отъ характера преподаванія и содержанія учебныхъ программъ, отъ продолжительности обусловливаемыхъ тѣмъ и другимъ внѣ-классныхъ занятій? Всѣ мѣры противъ „переутомленія" окажутся палліативными, пока не измѣнится *цѣль*, а вмѣстѣ съ нею и *способъ* преподаванія древнихъ языковъ.

Доказывая необходимость поднять значеніе закона Божія, какъ предмета обученія въ гимназіяхъ, графъ П. А. Валуевъ — нельзя не отдать автору эту справедливость—очень далекъ отъ мысли (еще недавно высказанной въ одномъ изъ реакціонныхъ органовъ печати), что средствомъ подъема должно быть увеличеніе строгости, уравненіе закона Божія, по послѣдствіямъ неудовлетворительной отмѣтки, съ такъ-называемыми „главными предметами". Напротивъ того, авторъ настаиваетъ на уменьшеніи „заучиванья", на необходимости всевозможныхъ облегченій для учениковъ, „по личному такту законоучителя". Но все же, однако, его предложенія сводятся къ тому, чтобы въ высшихъ классахъ преподаваніе принимало „характеръ научно-религіозной, кроткой, дружественной, предупредительной и предохранительной полупроповѣди". Но вѣдь это вполнѣ возможно и теперь, тѣмъ болѣе, что въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи законоучитель не стѣсненъ требованіями программы, предписывающей только, въ общихъ чертахъ, „повтореніе" закона Божія. Совѣтъ автора „признать за законоучителями все подобающее имъ значеніе" остается, такимъ образомъ, до дальнѣйшаго выясненія малоопредѣленнымъ. Авторъ брошюры выражаетъ еще желаніе уменьшить знакомство учениковъ съ Гоголемъ, и вообще съ „сатирическою струною" нашей литературы, и увеличить знакомство ихъ съ Хомяковымъ и гра-

фомъ А. К. Толстымъ; но такой взглядъ на значеніе Гоголя въ русской литературѣ намъ весьма трудно раздѣлять.

— *Литературные очерки С. Я. Надсона* (1883—86). Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. С.-Петербургъ, 1887.

Покойный поэтъ, такъ быстро завоевавшій симпатіи русскаго общества и оставившій по себѣ такую глубокую, добрую память, былъ критикомъ только мимоходомъ; тѣмъ не менѣе Литературный Фондъ поступилъ совершенно правильно, собравъ и издавъ въ свѣтъ его критическіе очерки. Они объясняютъ происхожденіе вражды, преслѣдовавшей Надсона въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и не умолкнувшей даже послѣ его смерти; они показываютъ, какъ неосторожно поступила академія наукъ, поручивъ разборъ стихотвореній Надсона одному изъ нашихъ поэтовъ, и какую безтактность допустилъ этотъ поэтъ, согласившись исполнить порученіе академіи. Еще важнѣе, конечно, тотъ дополнительный свѣтъ, которымъ освѣщена теперь, благодаря новому изданію, личность умершаго поэта. Мы видимъ, какъ горяча была его любовь къ поэзіи, какъ велико сочувствіе къ молодымъ начинающимъ поэтамъ (Мережковскому, Чюминой, Фофанову) и къ поэтамъ неоцѣненнымъ, напрасно забытымъ (Симборскій, Старостинъ). Талантъ, гдѣ бы и въ чемъ онъ ни проявлялся, привлекалъ его къ себѣ, находилъ въ немъ правдиваго цѣнителя и усерднаго защитника; ненавистно и противно было ему зато все опошляющее литературу, все вводящее въ нее элементъ угожденія низкимъ, грубымъ вкусамъ. Всего яснѣе эстетическія воззрѣнія Надсона выразились въ его „замѣткахъ по теоріи поэзіи", въ первый разъ появляющихся въ печати. Онъ увлекается, утверждая, что будущность принадлежитъ только тенденціозному искусству, что „недалеко время, когда поэзія тенденціозная поглотитъ поэзію чистую, какъ цѣлое свою часть, какъ океанъ поглощаетъ разбившуюся объ утесы свою же волну"; но увлеченіе не дѣлаетъ его слѣпымъ къ прелестямъ чистой поэзіи, не дѣлаетъ его несправедливымъ къ представителямъ искусства для искусства. Онъ высоко ставитъ лучшія произведенія Полонскаго, Майкова, Фета, графа А. К. Толстого. Нѣкоторыя замѣчанія его о соотношеніи поэзіи и эстетической критики поражаютъ своимъ сходствомъ съ мыслями, высказанными въ одной изъ недавнихъ петербургскихъ лекцій Брандеса. Весьма можетъ быть, что для занятія болѣе виднаго мѣста въ области критики Надсону не хватило только одного: *времени*, котораго ему вообще было дано такъ мало.—К. К.

— *Изъ пережитаго.* Автобіографическія воспоминанія *Н. Гилярова-Платонова.* Въ двухъ частяхъ. М. 1886—87.

Воспоминанія г. Гилярова-Платонова печатались сначала въ одномъ изъ журналовъ; теперь онѣ вышли отдѣльной книгой, которая составитъ очень любопытный вкладъ въ нашу литературу автобіографическихъ записокъ,—тѣмъ болѣе любопытный, что рѣчь идетъ о недавнихъ еще временахъ, готовившихъ современное положеніе общества. Содержаніе своихъ записокъ авторъ опредѣляетъ какъ бытовое, педагогическое и психологическое,—и дѣйствительно, отъ личныхъ фактовъ своей дѣтской и юношеской біографіи онъ постоянно обращается къ общимъ чертамъ быта, среди котораго онъ росъ, къ объясненію или указанію педагогическихъ условій, къ движеніямъ своей психологической жизни. Понятно, что автобіографія при этомъ разросталась: въ двухъ плотныхъ книжкахъ авторъ разсказалъ свою жизнь съ дѣтства и только до поступленія въ московскую, или троицкую, духовную академію. Автобіографія имѣетъ свое генеалогическое введеніе. „Плебейское происхожденіе,—говоритъ авторъ (его генеалогія вращается въ кругу сельскаго и, частію, уѣзднаго духовенства),—не позволяетъ простираться мнѣ вдаль на цѣлые вѣка; однако, родословіе все-таки не потеряно для меня, по крайней мѣрѣ, съ половины прошлаго столѣтія". Обращаясь къ этой старинѣ и тому быту, среди котораго прошло его дѣтство и юность, авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Одинъ изъ умнѣйшихъ людей Россіи (П. В. Кирѣевскій) говаривалъ, что Россія живетъ въ многоярусномъ бытѣ. Часть не дошла еще до XVIII столѣтія; а гдѣ-нибудь въ пинскихъ лѣсахъ, отрѣзываемыхъ отъ остального міра болотами на цѣлые полгода, въ какомъ-нибудь мозырскомъ уѣздѣ, гдѣ уже на нашей памяти запалъ разъ исправникъ, наступленіемъ лѣта разобщенный со своей резиденціей и даже исключенный изъ списковъ, какъ умершій,—въ этомъ глухомъ углу живо пожалуй XIII столѣтіе. Подобныя же границы столѣтій пролегаютъ и въ одной мѣстности, но въ разныхъ слояхъ населенія. Въ той же Москвѣ большинство живетъ исходомъ XIX столѣтія, а безспорно, для другихъ это столѣтіе еще не начиналось. Понятія и бытъ—другъ другу не знакомые, хотя рядомъ живущіе и даже сносящіеся между собою отчасти. Духовенство же есть вообще особенный міръ; а семья, среди которой я выросъ, была и среди особенныхъ особенная: она жила въ XVII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, на переходѣ къ XVIII". Имѣя въ виду эти свойства „многояруснаго быта", авторъ сообщаетъ изъ исторіи своего рода (начиная съ прадѣда) множество любопытныхъ подробностей, которыми воспользуется нѣкогда исторія нашей „культуры". Нѣкоторыя замѣчанія чрезвы-

чайно справедливы и рисуютъ цѣлыя крупныя стороны нашей административной практики въ ея противоположности съ историческимъ и народнымъ преданіемъ... Родъ автора жилъ въ Коломнѣ и селѣ Черкизовѣ подъ Коломной; въ Коломнѣ была нѣкогда отдѣльная епархія и съ ней духовныя школы, семинарія. Впослѣдствіи коломенская епархія, въ ряду нѣсколькихъ другихъ старыхъ епархій, были уничтожены и разверстаны по губерніямъ. „Опустѣла родина,—говоритъ авторъ.—Она подошла подъ тотъ типъ казенщины, который тамъ раньше, тамъ позже, но неуклонно повсюду овладѣваетъ Россіей, стирая все бытовое, мѣстное, историческое, не щадя ни одного уголка, ни одного отправленія общественной жизни. Раньше развѣнчаны Ростовъ и Переславль, позже или одновременно съ Коломной—Бѣлгородъ и Переяславъ. Съ какимъ-то кажущимся озлобленіемъ, а въ сущности даже безотчетно преслѣдовались самыя названія, и притомъ когда они ничему не мѣшали и никакого затрудненія административной машинѣ учинить даже не могли. Къ какимъ затрудненіямъ, напримѣръ, могло повлечь именованіе епископа „тульскимъ и *каширскимъ*“? Второй титулъ архіереевъ ровно никакихъ практическихъ послѣдствій за собою вообще не влечетъ, хотя бы назвали кого гвинейскимъ или ново-зеландскимъ. Однако тульскій епископъ именуется теперь „тульскимъ и бѣлевскимъ“. Кашира все-таки древній городъ, значился въ старыхъ архіерейскихъ титулахъ; такъ нѣтъ же, долой ее. Для чего это?—Вопросомъ этимъ предполагается цѣль, умыселъ; расширеніе и углубленіе казенщины хотя и продолжается неутомимо, но давно перестало быть послѣдствіемъ чьихъ-либо разсчетовъ. Оно совершается самостоятельно; люди служатъ направленію, а не двигаютъ имъ... Лѣтъ десять, двѣнадцать назадъ велась въ печати оживленная рѣчь о томъ, чтобы и московскую духовную академію перевести изъ Троицкой Лавры въ Москву. Тоже находились поводы и основанія благовидныя. Но въ сущности, во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ дѣйствуетъ фронтовой идеалъ, который засѣдаетъ въ душѣ русскихъ умниковъ. Разнообразіе коробитъ, волнистыя линіи колютъ глазъ, личная самостоятельность, мѣстная особенность приводятъ умъ въ замѣшательство. Безотчетное чувство понуждаетъ приводить все къ одному уровню, превращать, хотя бы насильно, всякій органическій процессъ, если возможно, въ механическій. Между прочимъ, и мысли спокойнѣе. Она пріучается къ общимъ мѣстамъ, слѣдовательно къ безмыслію“ (I, стр. 45—46).

Картина жизни дѣдовъ автора очень любопытна подробностями стариннаго, чисто патріархальнаго быта, который держался еще на памяти автора, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Въ теченіе разсказа онъ не однажды приводитъ примѣры того, какъ медленно и какъ поздно распространялись въ томъ кругѣ, гдѣ онъ

жилъ, разныя бытовыя (очень простыя) нововведенія, которыя теперь проникаютъ сильно даже въ бытъ крестьянскій. „Цивилизація" въ тѣснѣйшемъ смыслѣ бытовыхъ и хозяйственныхъ удобствъ шла очень туго. Напримѣръ... „Стулья (въ началѣ столѣтія) были еще роскошью (въ домахъ священниковъ) въ провинціи, и въ нашей семьѣ они оставались недосягаемою роскошью до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Знаете ли, между прочимъ, чему обязаны знакомствомъ со стульями даже селенія, лежащія подъ самою Москвой? Нашествію французовъ и за нимъ послѣдовавшему нашествію крестьянъ на ту же Москву съ цѣлію грабежа. Награбленная мебель послужила образцомъ для комфорта и типомъ для ремесла. И еще, кто разноситъ, знаете ли, и сейчасъ цивилизацію домашней утвари по всей Россіи? Станціонные дома желѣзныхъ дорогъ, внезапно появляющіеся тамъ, куда изобрѣтеніе дивановъ и стульевъ еще не дошло". Авторъ разсказываетъ также, какъ недавно вошелъ въ употребленіе чай; затѣмъ кофе былъ неизвѣстенъ еще дольше.

Проживши молодые годы въ обстановкѣ, вообще свято хранившей преданія, авторъ находитъ въ старинѣ много хорошаго, что́ устранилось новѣйшими нравами или также вліяніями бюрократическаго вмѣшательства. Онъ сожалѣетъ, напр., объ измѣненіи нравовъ духовенства, происшедшемъ частію отъ измѣненія его оффиціальнаго положенія. „Въ тѣ времена,—говоритъ онъ,—въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ минувшаго столѣтія, ни въ самомъ духовенствѣ, ни между нимъ и другими званіями (за исключеніемъ дворянскаго), еще не пролегало рѣзкой черты, и еще не зачиналось поползновеній на какой-нибудь аристократизмъ попа предъ дьячкомъ и даже предъ крестьянами и ремесленникомъ. Аристократизмъ не успѣлъ, по крайней мѣрѣ, спуститься до села и до провинціи" (I, стр. 33). Проще были и отношенія съ властями. Авторъ разсказываетъ, какъ однажды въ духовномъ училищѣ долготерпѣливые ученики школы были, наконецъ, возмущены истязаніями, которымъ по старому обычаю подвергалъ ихъ одинъ изъ наставниковъ; школьники придумывали, какъ имъ избавиться отъ этихъ истязаній, и надумали идти съ жалобой къ архіерею (когда въ Коломнѣ была еще епархія); они отправили выбранную депутацію, и она имѣла успѣхъ, — архіерей сдѣлалъ строгій выговоръ, и учитель смирился. „Какъ поступлено было бы, не говорю, въ кадетскомъ корпусѣ, но въ гимназіи и, вѣроятно, даже въ теперешней семинаріи? Это—бунтъ. Но архіерей не счелъ это бунтомъ, самъ учитель не видѣлъ бунта, не думали бунтовать ученики. Во всей исторіи понятіе бунта отсутствовало, и съ вытаращенными глазами посмотрѣли бы ученики, и архіерей, и учитель, на того, кто заговорилъ бы по поводу этого о субординаціи и ея нарушеніи" (I, стр. 73).

Было бы, впрочемъ, долго останавливаться на всѣхъ любопытныхъ бытовыхъ подробностяхъ и сближеніяхъ, какія разсѣяны въ книгѣ г. Гилярова-Платонова: довольно сказать, что въ ней найдется множество интересныхъ фактовъ относительно быта духовенства въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и вообще относительно исторіи нашихъ нравовъ и образованности—между прочимъ въ такихъ кругахъ, которые мало подвергались наблюденію. Всего больше вниманія посвящено духовной школѣ, на ея первыхъ и среднихъ ступеняхъ: авторъ видѣлъ ея недостатки, но вмѣстѣ горячо защищаетъ многія ея достоинства, и нравственныя, и дидактическія. Трудно и по его описанію опредѣлить, что̀ брало верхъ, и выкупаютъ ли немногочисленные блестящіе образчики питомцевъ духовной школы ту массу ея неудовлетворительныхъ продуктовъ, обилія которыхъ и авторъ не отвергаетъ. Свои привязанности къ старинѣ авторъ простираетъ до того, что даже отдаетъ предпочтеніе старымъ головоломнымъ пріемамъ обученія чтенію передъ новымъ методомъ, который передаетъ это искусство очень быстро и очень просто... Во всякомъ случаѣ та школа, которую прошелъ авторъ и которую онъ защищаетъ отъ нареканій, играла, безъ сомнѣнія, большую роль въ ходѣ нашего образованія и литературы, въ складѣ общественнаго мнѣнія и тѣхъ понятій, какія дѣйствовали и дѣйствуютъ въ нашей общественной и въ самой государственной жизни. Авторъ, нерѣдко отличающійся не только оригинальностью своихъ мыслей, но и своеобразностью выраженія, называетъ наше общественное развитіе „полосатымъ“, и это слово дѣйствительно выражаетъ то разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ идутъ въ общество его разнородныя понятія, дѣйствіемъ и борьбою которыхъ приносятся прогрессъ и заиоздалость, создаются разнородные идеалы и—столько неурядицы въ общественныхъ понятіяхъ. Духовная школа составляетъ, конечно, одну изъ очень важныхъ „полосъ“, какъ другую подобную полосу проводятъ впечатлѣнія бытовыя, вліяніе преданій и т. п. Авторъ признаетъ, что эти послѣдніе источники сильно повліяли на его собственное міровоззрѣніе, и впослѣдствіи не разъ побуждали его смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ онѣ представлялись людямъ другой почвы и другой школы... Издатель „Современныхъ Извѣстій“ донынѣ извѣстенъ своеобразностью своихъ взглядовъ, часто неожиданной: очень часто, быть можетъ, съ этими взглядами нельзя согласиться, но иногда ему дѣйствительно случается ставить вопросы на ту почву здраваго смысла, которую способна давать непосредственная близость съ народомъ, хотя бы только въ пору воспитанія. Съ другой стороны, эта тѣсная связь съ непосредственнымъ бытомъ оставляла дѣйствіе, которое передадимъ словами самого автора. Главу: „Общественная жизнь“ онъ начинаетъ слѣдующими словами:

„Обойду ли молчаніемъ общественную жизнь родного города въ болѣе обширныхъ предѣлахъ, нежели приходъ?

„Ея не было; но въ томъ и дѣло. Когда въ зрѣломъ моемъ возрастѣ возникали и рѣшались крупные вопросы, политическіе и соціальные, вводились реформы, я за повѣркой обращался, между прочимъ, въ свои дѣтскіе годы, и искалъ тамъ зачатковъ, развитіе которыхъ теперь совершалось предо мной, вопросовъ, на которые давался теперь отвѣтъ законодательствомъ и печатью; я спрашивалъ объ отношеніи, въ какомъ находились къ тѣмъ самымъ вопросамъ мои современники тридцатыхъ годовъ. Тщетно; я не находилъ никакого отношенія, никакихъ запросовъ, никакихъ зачатковъ. Предъ крестьянскою реформой, напримѣръ, съ трудомъ я вошелъ въ мысль, что прекращеніе крѣпостныхъ отношеній должно произвести коренной, глубокій, всеобъемлющій переворотъ. Таково было недоумѣніе, оставленное во мнѣ средой, меня воспитавшею, несмотря на то, что я нѣсколько лѣтъ уже занималъ каѳедру, достаточно, между прочимъ, былъ знакомъ съ политическими и соціальными ученіями, современными и прошлыми, не говоря объ исторіи. Сужденіями по многимъ вопросамъ и событіямъ внутренней политики я производилъ на пріятелей, воспитавшихся въ другой средѣ, впечатлѣніе „институтки“; употребляю это выраженіе, сказанное въ тѣ времена мнѣ и обо мнѣ однимъ извѣстнымъ Россіи публицистомъ“ (I, стр. 168—169).

Признаніе не безъинтересное, которое авторъ приводитъ въ образчикъ „полосатости“ нашего общественнаго развитія... Съ этими данными авторъ получилъ особое направленіе мыслей; онъ не сочувствовалъ взглядамъ людей „сороковыхъ годовъ“ и примыкалъ скорѣе къ славянофильству, хотя окончательно, кажется, не примкнулъ. Бѣлинскаго и др. онъ отвергалъ по теоретическимъ основаніямъ, но, во всякомъ случаѣ, автору можно было бы признать, что явленія литературы, ему не сочувственныя, составляютъ также свою „полосу“ общественнаго развитія, за которой должна была быть, и дѣйствительно была, своя историческая основа, и съ этой точки зрѣнія за этими явленіями могло бы быть признано ихъ историческое и общественное значеніе...

—*Графъ Л. Н. Толстой*, какъ художникъ и мыслитель. Критическіе очерки и замѣтки *А. Скабичевскаго*. Спб. 1887.

Едва ли какой-нибудь изъ русскихъ писателей столько занималъ общественное мнѣніе характеромъ своихъ теоретическихъ идей, какъ занимаетъ теперь гр. Толстой. О немъ составилась уже цѣлая литература, выходящая изъ весьма несходныхъ, даже совсѣмъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: всѣ отдаютъ безусловное сочувствіе

и хвалу его великому художественному дарованію, всей его прежней дѣятельности въ этомъ направленіи,—но съ тѣхъ поръ какъ гр. Толстой, не довольствуясь чисто художественными задачами, началъ ставить и рѣшать вопросы религіозные, нравственные, соціальные, изъ художника превратился въ философа, проповѣдника и публициста, мнѣнія общества весьма рѣшительно раздѣлились. Одни, и многіе безусловно, увѣровали въ проповѣдничество гр. Толстого; другіе, и опять многіе, безусловно въ ней усомнились. Понятны и увлеченіе, и сомнѣніе. Въ ряду увѣровавшихъ была въ особенности молодежь, всегда ищущая идеала, стремящаяся найти принципы служенія обществу или народу: она и нашла въ новыхъ сочиненіяхъ гр. Толстого оригинальныя мысли, самоотрицанія, призывы, увѣщанія—и послѣдовала за ними, одѣвая мыслями и изреченіями гр. Толстого свои собственные идеальные и неясные порывы. Дѣйствовали здѣсь, конечно, и тѣ благія намѣренія, которыхъ мы не станемъ отрицать въ новыхъ твореніяхъ гр. Толстого; дѣйствовали и встрѣчающіяся въ нихъ картины нравственнаго разлада и соціальнаго бѣдствія, изображаемыя съ обычной силой таланта знаменитаго писателя,—но дѣйствовали, безъ сомнѣнія, и внѣшнія условія, въ которыхъ являлись новыя сочиненія графа Толстого. Эти сочиненія являлись впервые только въ частномъ обращеніи, не выходили на открытую литературную арену, и критика, которая хотѣла бы говорить противъ нихъ, была стѣснена тѣмъ, что къ ней приходилъ только частный документъ, нѣчто въ родѣ частнаго письма, гдѣ притомъ многое касалось такихъ предметовъ, относительно которыхъ наша литература доселѣ не имѣетъ возможности высказываться; тѣмъ временемъ, однако, частные документы производили дѣйствіе, о которомъ мы упоминали. Сомнѣнія, съ другой стороны, были также совершенно понятны; графъ Толстой, при всемъ, повидимому, всеобъемлющемъ характерѣ его новаго ученія, въ сущности касался нравственныхъ и соціальныхъ вопросовъ чрезвычайно отрывочно; вопросъ личной нравственности, къ которому онъ сводилъ ихъ, оставался, однако, такъ сказать, на воздухѣ, потому что при его рѣшеніи забывались даже необходимѣйшія практическія условія выполненія; отрицаніе науки, хотя очень рѣшительное, было, однако, совершенно младенческое; проповѣдь путалась въ теоретическихъ противорѣчіяхъ и непослѣдовательностяхъ. Все это критика въ первое время должна была совершенно умалчивать; потомъ, по мѣрѣ все бо́льшаго распространенія и все бо́льшей популярности новыхъ сочиненій графа Толстого, она стала прибѣгать къ выдуманнымъ, точно шалость, поводамъ, чтобы говорить объ этихъ вещахъ, требовавшихъ, наконецъ, вниманія; критикъ бесѣдовалъ съ воображаемымъ противникомъ, говорившимъ фразами графа Толстого, видѣлъ сны и въ нихъ встрѣчался

съ новыми ученіями графа Толстого и т. п.; одинъ критикъ, наконецъ, подъ видомъ цитатъ перепечаталъ чуть ли не цѣликомъ всю „Исповѣдь". Въ настоящую минуту возможность говорить объ ученіяхъ графа Толстого увеличилась, но вполнѣ не открылась и до сихъ поръ...

Въ томъ, что̀ было писано до сихъ поръ по этому предмету, статьи г. Скабичевскаго заслуживаютъ особеннаго вниманія, и очень кстати является собраніе ихъ въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали. Книга представляетъ, впрочемъ, не только статьи по поводу новѣйшихъ сочиненій гр. Толстого: это почти полный обзоръ его писательской дѣятельности. Она открывается „общей характеристикой литературной дѣятельности гр. Толстого по 1872 годъ"; затѣмъ слѣдуетъ статья: „Разладъ художника и мыслителя" по поводу романа „Анна Каренина"; далѣе—„Мысли и замѣтки по поводу нравственно-философскихъ идей гр. Толстого", занимающія вторую половину книги и посвященныя новѣйшимъ трудамъ писателя.

Переломъ въ художественной дѣятельности графа Толстого, или если не переломъ, то извѣстную двойственность, авторъ замѣчаетъ уже съ „Войны и мира". „Въ судьбѣ гр. Л. Толстого, — говоритъ г. Скабичевскій,—есть много общаго съ судьбою Гоголя. Дѣятельность Гоголя, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ два періода; въ первый періодъ онъ писалъ свои произведенія, не задаваясь никакими особенными замыслами: повинуясь своему непосредственному творчеству, онъ воспроизводилъ жизнь такъ, какъ она представлялась его художественному наблюденію, и несмотря на такую, повидимому, безцѣльность творчества, каждое произведеніе его этого періода исполнено глубокаго и важнаго содержанія, что̀ зависѣло не отъ чего иного, какъ отъ громадной силы творческихъ способностей Гоголя, умѣвшаго быстро схватывать общія и существенныя явленія жизни. Въ концѣ этого періода онъ началъ писать „Мертвыя Души", имѣя первоначально въ виду опять-таки ничего болѣе, какъ нѣсколько картинъ изъ нравовъ русскаго захолустья".—Въ періодѣ своего мистицизма Гоголь „началъ стремиться къ тому, чтобы каждый его шагъ въ жизни былъ исполненъ высшихъ цѣлей, стремился къ осуществленію тѣхъ мистическихъ идеаловъ, которые онъ себѣ поставилъ; сообразно этому онъ сталъ задавать себѣ вопросы; къ чему я пишу? какая цѣль всего этого осмѣянія пошлости? Вся его литературная дѣятельность показалась ему безцѣльною, и онъ началъ ее искусственно направлять къ своимъ идеаламъ". Во второй части „Мертвыхъ Душъ" Гоголь-художникъ „превращается передъ нами въ Гоголя-мистика, являются божественные помѣщики и божественные откупщики, очевидно, взятые не изъ жизни, а отвлеченно задуманные въ высшихъ соображеніяхъ: начинаются мистическія разсужденія, и надо пола-

гать, что еслибы Гоголю удалось кончить „Мертвыя Души", въ третьей части не было бы уже и слѣда чего-либо художественнаго, какихъ-либо характеровъ, сценъ, а былъ бы рядъ поученій въ духѣ „Переписки съ друзьями" (стр. 61—62).

То же самое указываетъ авторъ (въ статьѣ, писанной въ 1872 году) въ литературной дѣятельности гр. Толстого; первые труды писателя были плодомъ непосредственнаго художественнаго творчества, а затѣмъ „Войнѣ и миру" г. Скабичевскій приписываетъ ту роль, какую играли „Мертвыя Души" въ дѣятельности Гоголя; три первыя части романа остаются безукоризненны, даже представляютъ нѣчто небывалое въ нашей литературѣ, но затѣмъ является преднамѣренная тенденція, желаніе провести свои придуманные идеалы, стремленіе философствовать и поучать. Въ новѣйшихъ произведеніяхъ гр. Толстого эта послѣдняя тенденція становится господствующей.

Послѣдняя глава книги г. Скабичевскаго, посвященная, какъ мы сказали, новѣйшимъ произведеніямъ графа Толстого, составляетъ до сихъ поръ едва ли не самый обстоятельный пересмотръ тѣхъ произведеній гр. Толстого, разсмотрѣніе которыхъ было доступно для печати. Мечтательныя теоріи и поученія авторъ сопоставляетъ съ требованіями логики и здраваго смысла, сопоставляетъ ихъ съ фактами простой дѣйствительности и приходитъ всего чаще къ совершенно отрицательному выводу, съ которымъ было бы весьма полезно справиться тѣмъ, кто видитъ въ ученіяхъ гр. Толстого добытое рѣшеніе нравственно-общественнаго вопроса.

Еслибы шла рѣчь объ опредѣленіи всей писательской дѣятельности гр. Толстого, можно было бы и къ нему примѣнить заключеніе, къ какому приходитъ критика относительно Гоголя. Если оказывается несомнѣнная разница въ характерѣ однихъ и другихъ произведеній Гоголя, то самая личность, основное содержаніе писателя не представляютъ никакого принципіальнаго перелома: Гоголь второй половины 40-хъ годовъ подготовлялся уже давно; тогдашняя критика уже встрѣчала съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ такъ-называемыя лирическія мѣста первой части „Мертвыхъ Душъ". Точно также направленіе позднѣйшихъ произведеній гр. Толстого начинается не съ четвертой части „Войны и мира", а, напримѣръ, еще съ „Казаковъ" или еще раньше—съ „Ясной Поляны",—другими словами, оно лежало издавна въ цѣломъ личномъ характерѣ автора и давнишнемъ складѣ его идей.—А. П.

— *О. К. Нотовичъ* (маркизъ О'Квичъ). Еще немножко философіи (къ вопросу о свободѣ воли). Софизмы и парадоксы. Спб. 1887.

Говоря о первой книгѣ „маркиза О'Квича", вышедшей въ прошломъ году подъ заглавіемъ: „Немножко философіи", мы выразились, между прочимъ, что она написана „безъ всякихъ научныхъ претензій, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ юмора" (См. „Вѣстникъ Европы" 1886, апрѣль, Литер. Обозр., стр. 892 и сл.). Оказывается, однако, что мы ошиблись насчетъ истинныхъ намѣреній автора.

Г-нъ Нотовичъ объясняетъ теперь причины, побудившія его облечь свои разсужденія въ форму „софизмовъ и парадоксовъ". „Русскому публицисту,—говоритъ онъ,—выступать, при настоящемъ хаосѣ воззрѣній, въ роли философа столь же рискованно, какъ свѣтскому человѣку фигурировать на церковной каѳедрѣ въ качествѣ проповѣдника. Простое изложеніе существующихъ философскихъ ученій въ примѣненіи къ совершившимся событіямъ было бы и схоластично, и незанимательно для тѣхъ, кто ищетъ прямого отвѣта на запросы жизни. Самостоятельнымъ же освѣщеніемъ этихъ событій съ строго-философской точки зрѣнія,—что́ именно и требуется въ настоящую минуту,—публицистъ рискуетъ вызвать противъ себя или злорадный смѣхъ, или безцеремонную брань... Чтобы избѣгнуть того и другого и замаскировать мою дерзкую попытку пошевелить человѣческую мысль въ самомъ ея основаніи, я придалъ моимъ бесѣдамъ форму шутки и чуть ли не черезъ фразу разсыпался въ увѣреніяхъ, что эти бесѣды ни малѣйшей претензіи на научность не имѣютъ, а такъ себѣ — пріятный разговоръ... о высокихъ матеріяхъ или о томъ, о чемъ вообще въ современномъ порядочномъ обществѣ не принято разговаривать. Но, къ сожалѣнію, *моя шутка принята была за чистую монету* и, какъ обоюдоострое оружіе, обращена была противъ меня. Это была, съ моей стороны, большая ошибка, и я вынужденъ теперь категорически заявить, что *въ моихъ разсужденіяхъ нѣтъ ни одной строки, не обоснованной научно*, какъ ни въ одной строкѣ самаго новѣйшаго изъ пользующихся всеобщимъ признаніемъ мыслителей нѣтъ ничего оригинальнаго въ смыслѣ полной отчужденности или изолированности отъ предъидущихъ философскихъ системъ вплоть до египетской". Признаемся, что въ словахъ, отмѣченныхъ нами курсивомъ, мы склонны видѣть опять лишь парадоксъ, а „шутка", о которой сожалѣетъ авторъ, кажется намъ вполнѣ соотвѣтствующею дѣйствительному характеру легкихъ бесѣдъ и замѣтокъ „маркиза О'Квича". Намъ вообще неизвѣстны такіе философскіе трактаты, въ которыхъ „нѣтъ ни одной строки, не обоснованной научно", и, конечно, трудъ г. Нотовича не составитъ исключенія. Для автора довольно и того, что

онъ успѣлъ „пошевелить человѣческую мысль“ нѣкоторыми оригинальными и остроумными замѣчаніями, которыя будутъ съ интересомъ прочитаны публикою.

Маркизъ О'Квичъ отрицаетъ свободу воли и признаетъ одинъ общій законъ необходимости: люди могутъ дѣйствовать съ кажущеюся свободою и подавлять свои природные инстинкты только подъ вліяніемъ долгаго общественнаго воспитанія, результаты котораго становятся для человѣка какъ бы второю его натурою. Никакихъ преступленій не было бы, и вопросъ объ отвѣтственности не могъ бы возникнуть, еслибы условія общежитія вполнѣ достигали предположенныхъ цѣлей, воспитывая людей въ надлежащемъ духѣ и направленіи. „То же самое,—какъ думаетъ авторъ,—мы видимъ и на другихъ животныхъ: волкъ, напримѣръ, путемъ воспитанія или прирученія, становится безобидною и послушною собакою“ (?). Къ сожалѣнію, авторъ разсуждаетъ въ этомъ случаѣ слишкомъ отвлеченно, безъ всякой связи съ фактами естественными и историческими. Нельзя же разсматривать свободу воли съ точки зрѣнія метафизической; взгляды Канта или Шопенгауэра далеко не исчерпываютъ вопроса въ современной его постановкѣ, въ чемъ легко было бы убѣдиться при ознакомленіи съ такими популярно-научными книгами, какъ сочиненіе Рибо̀ о болѣзняхъ воли [1]).

Повидимому, авторъ смѣшиваетъ общежитіе съ государственностью, что̀ приводитъ его къ выводамъ крайне сомнительнаго свойства. „Идеалъ государства—по его словамъ—заключается именно въ достиженіи наивозможно бо̀льшаго отреченія отъ своихъ первоначальныхъ грубыхъ инстинктовъ; и съ этой точки зрѣнія, чѣмъ раціональнѣе и систематичнѣе ведется дѣло общественнаго воспитанія, тѣмъ болѣе осуществляется основная проблема государственности... Мы вполнѣ сознаемъ, что человѣкъ, въ основѣ своихъ волевыхъ актовъ, является рабомъ всеобщаго закона необходимости. Но, имѣя въ виду данное ему общественное воспитаніе, въ существѣ измѣнившее нѣкоторыя свойства его природы, мы, во имя этого воспитанія, требуемъ отъ него точнаго исполненія обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ добровольнаго (?) компромисса, лежащаго въ основаніи общественнаго союза (?)“. Можно подумать, что авторъ держится еще теоріи „Contrat social“ въ примѣненіи къ существующимъ государствамъ. Г-нъ Нотовичъ говоритъ о какомъ-то идеальномъ общественномъ воспитаніи, способномъ будто бы искоренять всякіе дурные инстинкты и устранять самую возможность правонарушеній со стороны отдѣльныхъ лицъ; но кто эти добродѣтельные воспитатели, и откуда возьмутся

[1]) См. Литературное Обозр. въ „Вѣстникѣ Европы“, 1884, іюнь, стр. 851 и сл.

они—неизвѣстно. Авторъ предлагаетъ уничтожить законы, стѣсняющіе человѣческую природу искусственными мѣрами и формами; тогда исчезнутъ многіе виды преступленій, и не будетъ повода винить во всемъ „злую волю" человѣка. Но, уничтожая одни законы, нужно создавать сотни новыхъ, которые, въ свою очередь, вызовутъ тысячи нарушеній; такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по тѣмъ пожеланіямъ, которыя высказываетъ авторъ относительно болѣе цѣлесообразнаго законодательнаго регулированія человѣческихъ отношеній: „Устраивайте общественныя отношенія такъ, чтобы въ бѣдномъ не могло и возникать побужденія во мракѣ ночи или изъ-за угла нападать на богатаго... Поставьте свободу супружескихъ отношеній въ такія раціональныя условія, чтобы одинъ супругъ не долженъ былъ искать улучшенія своей жизни насчетъ несчастія другого, и т. п.". Гдѣ эти идеальные и всемогущіе устроители, какъ могутъ они передѣлать реальную интимную жизнь милліоновъ людей — это опять-таки загадка. Авторъ настолько далекъ отъ положительной, фактической почвы, что въ существующемъ повсюду антагонизмѣ между личностью и государствомъ, правомъ и моралью, политикою и нравственностью онъ видитъ лишь „одинъ изъ величайшихъ софизмовъ современной науки" (?). По мнѣнію автора, достаточно было бы отмѣнить формальные законы, чтобы общественная совѣсть тотчасъ заняла ихъ мѣсто; не надо ни письменныхъ сдѣлокъ, ни содѣйствія суда и полиціи, такъ какъ эти способы именно и создаютъ нарушенія и развращаютъ людей. Такъ, напримѣръ, прислугѣ, швейцару или носильщику довѣряются часто дорогія вещи, платье и т. п., безъ всякаго риска; это возможно будто бы только потому, что сдѣлки совершаются безъ участія нотаріусовъ, въ силу простого довѣрія. Пусть введены будутъ какія-либо формальности, и „нравственный элементъ окончательно стушевался бы, и шубы, безъ сомнѣнія, пропадали бы десятками". Если мы не можемъ довѣрить денегъ тѣмъ самымъ людямъ, которымъ спокойно отдаемъ на храненіе наши вещи, то и въ этомъ виноваты уже законы, ибо „вопросъ о довѣріи наличныхъ капиталовъ и цѣнностей также поставленъ подъ особую регламентацію и тѣмъ самымъ изъятъ изъ сферы дѣйствія того нравственнаго элемента, который присущъ занятіямъ прислуги". Очевидно, авторъ, согласно своей задачѣ, намѣренно ищетъ парадоксальныхъ объясненій; онъ не хочетъ принять во вниманіе, что „деньги не пахнутъ" и не носятъ на себѣ печати владѣльца, какъ другое имущество; что ихъ ничего не стоитъ скрыть, что ихъ не надо сбывать на рынкѣ, рискуя попасться съ поличнымъ. Соблазнъ заключается здѣсь въ бóльшей легкости присвоенія и въ бóльшихъ шансахъ безнаказанности, а вовсе не въ существованіи тѣхъ или другихъ законовъ. Къ числу смѣлыхъ парадоксовъ слѣдуетъ также отнести утвержденіе,

что „деревня нравственнѣе города потому, что жизнь первой менѣе регламентирована, чѣмъ жизнь второго, но только по этой причинѣ, а вовсе не потому, какъ думаютъ народники, что правда жизни скрывается въ тайникахъ сознанія простого народа". И здѣсь регламентація ни-при-чемъ: гдѣ жизнь проще и однообразнѣе, гдѣ меньше потребностей и столкновеній, тамъ меньше и поводовъ къ уклоненію отъ обычныхъ нравственныхъ требованій. Авторъ ссылается на гласный судъ въ доказательство „крайней несправедливости сложившагося у насъ мнѣнія о нечестности русскаго человѣка"; но судъ основанъ весь на регламентаціи, и безукоризненная честность судебныхъ дѣятелей объясняется не только высокимъ образовательнымъ цензомъ, но и контролемъ общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти, какъ справедливо замѣчено авторомъ. То, что говорится далѣе объ уголовныхъ законахъ и о вмѣняемости, представляетъ рядъ рискованныхъ гипотезъ, не лишенныхъ впрочемъ остроумія. Сокращеніе кодексовъ „на двѣ трети ихъ объема" уменьшило бы число судебныхъ дѣлъ, но не могло бы повліять на количество тѣхъ дѣйствій, которыя во всѣхъ странахъ одинаково считаются преступными. Ничего опредѣленнаго не выражаетъ также требованіе, чтобы наказанія сведены были „къ двумъ цѣлямъ: исправленія, путемъ логически соотвѣтствующихъ этому понятію мѣропріятій, и огражденія государственныхъ интересовъ, путемъ удаленія изъ общества неудобныхъ для него членовъ". Исправленіе и удаленіе—старыя формулы криминалистовъ, и напрасно авторъ находитъ въ нихъ нѣчто новое, могущее будто бы примирить отсутствіе свободной воли съ принципами отвѣтственности и наказуемости. Опять-таки авторъ относится къ предмету слишкомъ формально и даже схоластично; онъ могъ бы найти много для себя полезнаго въ новѣйшей ученой литературѣ по сложному вопросу о преступности. Довольно мудрено въ настоящее время рѣшать подобныя проблемы независимо отъ научныхъ изслѣдованій психіатровъ и антропологовъ — изслѣдованій, отчасти доступныхъ и русской публикѣ, благодаря появляющимся у насъ переводнымъ работамъ. Повторяемъ, книга маркиза О'Квича вполнѣ отвѣчаетъ своему заглавію, какъ собраніе „софизмовъ и парадоксовъ", и въ этомъ смыслѣ она займетъ читателя.

— Прямые налоги и ихъ организація во Франціи. *Власія Судейкина*. Спб. 1887.

Извѣстно, что вопросъ о новыхъ налогахъ составляетъ у насъ настоящую злобу дня, и что онъ рѣшается въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ съ необычайною легкостью, безъ всякой справки съ опы-

томъ другихъ государствъ и съ фактами нашего собственнаго недавняго прошлаго. За новые и оригинальные проекты выдаются такія предположенія, которыя не только противорѣчатъ здравой финансовой политикѣ, но въ свое время были уже испробованы на дѣлѣ и потерпѣли у насъ заслуженное фіаско. Теперь, когда всякій знатокъ балета считаетъ себя компетентнымъ въ изобрѣтеніи податей, появленіе такихъ серьезныхъ работъ, какъ книга г. Судейкина, должно быть признано весьма своевременнымъ. Авторъ вполнѣ добросовѣстно изучилъ французскую финансовую организацію, причемъ пользовался содѣйствіемъ нашего министерства финансовъ. Правда, система налоговъ во Франціи не можетъ быть названа образцовою; но она во всякомъ случаѣ выше и лучше нашей, доставляя государству до четырехъ милліардовъ дохода безъ особеннаго обремененія плательщиковъ. Французскіе налóги, по словамъ автора, „не чрезмѣрно высоки и поэтому не сильно даютъ себя чувствовать и не возбуждаютъ такого неудовольствія въ массѣ населенія, какъ это можно думать“; притомъ „имъ подлежатъ всѣ классы населенія; изъятій отъ податной обязанности нѣтъ; классы лицъ, пользующихся бóльшимъ благосостояніемъ, облагаются выше“. Г. Судейкинъ заявляетъ въ другомъ мѣстѣ, что „благодаря постояннымъ нападкамъ на высшую финансовую администрацію и тому, что въ составъ ея выбираютъ дѣйствительно образованныхъ, знающихъ и понимающихъ дѣло людей, а не умѣренныхъ и аккуратныхъ невѣждъ, она постоянно занята мыслью о проведеніи бóльшей пропорціональности въ обложеніи; съ этою цѣлью въ налоги постоянно вносятся измѣненія, сообразно указаніямъ опыта“. Не мѣшало бы и нашимъ прожектерамъ принять къ свѣденію эти „указанія опыта“, безъ которыхъ немыслимо обойтись въ такой важной и запутанной области интересовъ, какъ государственные финансы.—Л. С.

ПОПРАВКИ

КЪ НОВѢЙШИМЪ ИЗДАНІЯМЪ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

Пройдетъ, вѣрóятно, не мало лѣтъ, пока явится изданіе сочиненій Пушкина, которое можно будетъ справедливо назвать вполнѣ достойнымъ имени поэта. Полученныя нынѣ редакціею нашего журнала „поправки“ изъ Казани, отъ проф. Н. Н. Булича, и изъ Кіева, отъ В. П. Науменко, служатъ только доказательствомъ того, что безъ помощи, такъ сказать, всего общества, никогда нельзя будетъ ру-

чаться, что нигдѣ и ничего больше не откроется въ рукописныхъ замѣткахъ на поляхъ книгъ, мемуарахъ и т. п., такого, что̀ могло бы заставить сдѣлать новыя поправки къ тексту Пушкина или даже цѣлыя дополненія. Довольно уже одного того обстоятельства, что напечатанное при жизни Пушкина не всегда могло соотвѣтствовать его же рукописному тексту, вслѣдствіе необходимыхъ уступокъ времени; между тѣмъ, теперь можетъ случайно открыться достовѣрная и современная копія того или другого стихотворенія, сохранившаяся въ какомъ-нибудь фамильномъ архивѣ и снятая кѣмъ-нибудь изъ лицъ, близкихъ къ поэту, и вотъ—придется вновь дополнять то, что̀ въ свое время было пропущено по-неволѣ. Потому-то желательно было бы пока, чтобы каждый, кто найдетъ недостатки въ новѣйшихъ изданіяхъ Пушкина, спѣшилъ заявлять о томъ въ печати. Нѣсколько такихъ полезныхъ заявленій уже сдѣлано въ газетахъ; присоединяемъ къ нимъ новыя поправки, обязательно сообщенныя намъ вышеупомянутыми лицами.

I.

Изъ писемъ Пушкина къ Погодину.

Въ изданіи Литературнаго Фонда (въ 7 томахъ, Спб. 1887) встрѣчаются слѣдующіе пробѣлы и неточности въ письмахъ А. С. Пушкина къ М. П. Погодину:

1) Совсѣмъ пропущено письмо, отъ 10-го іюня 1827 г., которое слѣдовало бы, по хронологическому порядку, помѣстить вслѣдъ за № 189 (т. VII, стр. 193). Вотъ содержаніе этого письма:

„Очень васъ благодарю и съ поспѣшностью возвращаю корректуру. Ай да Соболевскій, ай да байбакъ! Что́ тутъ онъ нагородилъ! Отъ него получилъ я письмо и на-дняхъ отвѣчу. Покамѣстъ съ вожделѣніемъ думаю о сельери по 11 р. асс.“.

2) Въ № 194, на 196 стр., напечатано: „скажите отъ меня *господину*“; слѣдуетъ дополнить: *Двигубскому*; а послѣ словъ: „быть учтивѣе и снисходительнѣе“—вовсе пропущено въ изданіи Лит. Фонда слѣдующее мѣсто:

„Плетневъ доставитъ вамъ сцену съ копіей отношенія Бенкендорфа; если московская цензура все такъ будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, и я опять буду безпокоить Государя Императора всеподданнѣйшею просьбою и жалобою на неуваженіе Высочайшей его воли“.

3) Въ № 196, на 198 стр., вмѣсто: „къ высшему *начальству*“ слѣдуетъ сказать: „къ высшему *цензору*“ [1]).

---

[1]) Извѣстно—кто взялъ на себя быть „цензоромъ“ Пушкина.

4) Въ № 198, на стр. 200, въ примѣчаніи (сноска 1) встрѣчается ошибка. По словамъ Пушкина, дѣло идетъ о томъ примѣчаніи Булгарина, которое онъ помѣстилъ *подъ перепечатаннымъ имъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ стихотвореніемъ: „Москва“; въ „Моск. Вѣстн.“ оно было помѣщено съ ошибками.* — Въ концѣ этого же письма, къ словамъ: „плюньте на суку“—слѣдуетъ прибавить: *„Сѣверную Пчелу“*.

5) Въ № 202, въ самой послѣдней строкѣ, стр. 202, слово: *„онъ“* поставлено вмѣсто: *Ксенофонтъ Телеграфъ*, а потому это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: „въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, Ксенофонтъ Телеграфъ со мною въ томъ было согласился“. Въ словахъ того же письма (стр. 203): „какъ свинья нужна кухнѣ, а N. N. (слѣдуетъ поставить: *Шишковъ*) Русской академіи“.

6) Въ № 255, на стр. 246, за словами: „Посылаю вамъ изъ Паѳмоса“—слѣдуетъ эпитетъ: *моего.*

7) Въ № 290, на стр. 273, вмѣсто: „жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ *Полевымъ*“ и т. д.—надобно читать слѣдующее:

„Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ *московскимъ университетомъ,* который долженъ рано или поздно *извергнуть васъ изъ среды своей*, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды *московскому университету*“,— а не Полевому, какъ сказано въ изданіи Лит. Фонда.

Въ концѣ того же письма пропущена еще слѣдующая приписка:

„У насъ есть счетецъ. За мною процентовъ было 225 р.; изъ оныхъ отдалъ я вамъ, помнится, 75—итого остается—150 р., кои вы получите, какъ скоро получу оброкъ съ Смирдина“.

Конецъ этого письма (№ 290) со словъ: „Пишите ко мнѣ прямо въ Царское“ и пр. — есть собственно конецъ другого, слѣдующаго письма къ Погодину (№ 291). Оно начиналось словами, не попавшими въ изданіе Фонда:

„Любезный и почтенный, не имѣю времени отвѣчать вамъ на ваше письмо. Увѣдомляю васъ только, что порученіе ваше касательно статистики Петра I исполнено; Жуковскій получилъ экземпляръ для Великаго Князя и для себя. Экземпляромъ, слѣдующимъ В. К. Константину, расположилъ онъ иначе. Жуковскій представилъ его Императрицѣ. Напишите, сдѣлайте милость, оффиціальную записку его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо (секретарю Ея Величества): „Осмѣливаюсь повергнуть къ ногамъ Ея Величества такую-то замѣчательную книгу“ и проч.), и доставьте письмо мнѣ. У гр. Бенкендорфа былъ я для васъ же, но не засталъ его дома; онъ въ Ц.-С. остается, слѣдственно на-дняхъ буду съ нимъ толковать. Покамѣстъ обнимаю васъ“.

8) Въ № 328, на стр. 303, въ самомъ его концѣ, напечатано:

„И что, еслибы еще должны мы были уважать N. N. N."; а слѣдуетъ читать: „мнѣнія Булгарина, Полевого, Надеждина?"

9) Въ № 340, на стр. 314, въ началѣ письма, есть пропуски. Вмѣсто: „Наконецъ я представилъ"—слѣдуетъ читать:

„Наконецъ *на масляницѣ царь заговорилъ какъ-то со мной о Петрѣ I, и я тутъ же* представилъ, что" и т. д.

Послѣ словъ: „помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима"—слѣдуютъ еще слова:

„Государь спросилъ: кого же мнѣ надобно, и при вашемъ имени было нахмурился (онъ смѣшиваетъ васъ (т. е. Погодина) съ Полевымъ: извините великодушно; онъ . . . .). Я кое-какъ умѣлъ васъ отрекомендовать, а Д. Н. Блудовъ все поправилъ и объяснилъ, что между вами и Полевымъ общаго только первый слогъ вашихъ фамилій. Къ сему присовокупился и благосклонный отзывъ Бенкендорфа".

10) Въ № 370, на стр. 340, напечатанъ только конецъ письма. Начало же его, нижеслѣдующее, пропущено:

„Радуюсь случаю поговорить съ вами откровенно. Общество любителей поступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время, какъ онъ единогласно забаллотированъ въ англійскомъ клубѣ (NB: въ петербургскомъ), какъ . . . . , ... , въ то самое время, какъ я въ отвѣтъ на всѣ его ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ. Мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ . . . . , толкующаго о чести и нравственности. И что же? Въ то самое время читаю въ газетѣ Шаликова: „Александръ Сергѣевичъ и Ѳаддей Венедиктовичъ, сіи два корифея нашей словесности, удостоены" etc. etc. Воля ваша: это пощечина. Вѣрю, что Общество въ этомъ случаѣ поступило какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня:

„Я всякому, ты знаешь, радъ".

„Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ, потому что тогда мнѣ было не до дипломовъ, —но ужъ имѣть сношенія съ Обществомъ любителей я не въ состояніи".

„Вы спрашиваете меня" и т. д. по печатному тексту (стр. 340).

Всѣ вышеприведенныя дополненія пропущенныхъ мѣстъ въ письмахъ Пушкина къ Погодину, происшедшихъ въ свое время изъ цензурныхъ и другихъ соображеній, сдѣланы были мною еще въ 1854 г., въ Москвѣ, хотя и не съ подлинныхъ писемъ Пушкина, но съ тщательныхъ копій руки Н. С. Тихонравова и съ корректуры „Москвитянина", гдѣ письма были первоначально напечатаны. Не знаю, гдѣ теперь подлинники, но точность пропусковъ въ новѣйшихъ изданіяхъ несомнѣнна. Предпослѣднее изданіе (Анскаго) повторило текстъ „Москвитянина" 1842 г., и изданіе Литературнаго Фонда сдѣлало, къ сожалѣнію, то же самое. Бумаги Погодина я видѣлъ въ Румянцовскомъ музеѣ.

Н. Буличъ.

Казань.

II.

По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Ѳ. Булгарина.

Безспорно,—не составляетъ ничего существеннаго для главнаго дѣла вопросъ: правильно или неправильно приписываются совсѣмъ сравнительно ничтожныя, и по объему, и по содержанію, произведенія такому писателю, слава котораго сложилась на основаніи многихъ капитальныхъ его твореній, но музѣ котораго, какъ извѣстно, не чуждо было творчество и въ другой области поэзіи, къ которой относятся эти литературныя мелочи. Хотя все это и такъ, однако уже одно имя великаго поэта требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія, до мелочей, всего, что̀ относится къ нему. Въ виду появившихся уже и появляющихся чуть не съ каждымъ днемъ новыхъ изданій полнаго собранія сочиненій Пушкина, а также въ виду нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, имѣющихся у меня подъ руками, считаю умѣстнымъ вновь затронуть вопросъ о двухъ мелкихъ произведеніяхъ, приписывавшихся нашему великому поэту и дававшихъ не разъ поводъ сомнѣваться въ томъ, кто былъ истинный авторъ ихъ.

Въ „Денницѣ", альманахѣ на 1831 г., издававшемся М. Максимовичемъ въ Москвѣ, были помѣщены двѣ эпиграммы, пущенныя по адресу Булгарина. Одна изъ нихъ:

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнассѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

Другая:

Повѣрьте мнѣ—Фигляринъ моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:
„Не должно красть; кто на руку нечистъ,
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ;
Не надобно въ судѣ кривить душой;

Не хорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться—низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!“
Ну что-жъ? Богъ съ нимъ! Все это къ правдѣ близко,
А *кажется*, и ново для него.

Обѣ эти эпиграммы приписывались, почти безусловно, Пушкину; по крайней мѣрѣ въ прежнихъ изданіяхъ его сочиненій онѣ постоянно помѣщались, причемъ — въ нѣкоторыхъ — съ оговорками. Такъ, въ изданіи 1857 г., при второй изъ нихъ въ примѣчаніи было сказано, что она приписывается и Баратынскому, но всего вѣроятнѣе, что мысль эпиграммы принадлежитъ обоимъ авторамъ (т. 7-й, стр. 107); въ изданіи 1880 г., подъ редакціей г. Ефремова, сказано почти то же, а именно, что обѣ онѣ приписываются и Баратынскому, но, можетъ быть, написаны сообща (т. 2, стр. 439). Просматривая теперь новыя изданія, мы въ однихъ встрѣчаемся съ ними, какъ, напр., въ изданіи В. Комарова, подъ редакціей г. Ефремова (т. 2-й, стр. 324), въ другихъ—нѣтъ, напр., въ изданіи „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, подъ редакціей г. Морозова; причемъ въ этомъ послѣднемъ сказано: „Баратынскаго же, а не Пушкина слѣдуетъ считать и авторомъ эпиграммъ: „Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ“ и „Повѣрьте мнѣ—Фигляринъ моралистъ“ (т. 2-й, стр. 91-я). Обращаемся, наконецъ, къ „Puschkinian'ѣ“ извѣстнаго нашего труженика по библіографіи—тамъ находимъ обѣ эти эпиграммы въ числѣ сочиненій Пушкина (стр. 114-я, №№ 1838 и 1839).

Разбирая теперь рукописи покойнаго М. А. Максимовича, я нашелъ листокъ съ библіографическими замѣтками, писанный его рукою въ концѣ 1857 года; этотъ листокъ даетъ возможность точно разрѣшить указанное сомнѣніе, такъ какъ Максимовичъ тамъ положительно опредѣляетъ, кто авторы этихъ эпиграммъ, и приводитъ нѣкоторыя частности, не оставляющія никакихъ дальнѣйшихъ сомнѣній. Привожу подлинныя слова г. Максимовича изъ этихъ замѣтокъ:

„На 107-й страницѣ седьмого тома сочиненій Пушкина (говорится объ изданіи г. Анненкова 1855—57 г.г.) помѣщены двѣ эпиграммы, которыя были напечатаны въ „Денницѣ“ на 1831 годъ. Къ одной изъ нихъ сдѣлано примѣчаніе, что она „приписывается и Баратынскому, но всего вѣроятнѣе, что мысль эпиграммы принадлежитъ обоимъ авторамъ“. Какъ издатель „Денницы“, я скажу съ достовѣрностью, что Пушкину принадлежитъ только одна изъ тѣхъ двухъ эпиграммъ („Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ“). Другая подлежитъ исключенію изъ сочиненій Пушкина: ее сочинилъ Баратынскій

еще до пріѣзда Пушкина въ Москву и написалъ ее мнѣ своеручно въ такомъ видѣ:

„Повѣрьте мнѣ—Фиглярииъ моралистъ и т. д."

„Послѣдній же стихъ читался такъ:

„А *можетъ быть*, и ново для него".

„Пушкинъ, по пріѣздѣ въ Москву, любовался этою эпиграммою; рукою властною онъ зачеркнулъ въ послѣднемъ стихѣ: *можетъ быть*, и надписалъ: *кажется*. Съ этою перемѣной и напечатанъ въ „Денницѣ" послѣдній стихъ:

„А *кажется*, и ново для него".

„Вотъ все, что̀ принадлежитъ Пушкину въ эпиграммѣ Баратынскаго!"

В. Науменко.

Кіевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го мая 1887.

Публичныя лекціи Георга Брандеса; затронутые имъ вопросы о предѣлахъ и задачахъ критики. — Отношеніе Брандеса къ его предшественникамъ. — Разногласіе въ средѣ защитниковъ церковно-приходской школы. — По вопросу о вѣротерпимости.

Когда, три года тому назадъ, въ Петербургъ пріѣхалъ Шпильгагенъ, онъ находился уже на склонѣ своего таланта и своей извѣстности; симпатичный пріемъ, оказанный ему большинствомъ образованной публики, относился не столько къ его настоящему, сколько къ его давно-прошедшему — не столько къ автору „Sturmflut" или „Plattland", сколько къ автору „Die von Hohenstein" и въ особенности „In Reih' und Glied". Другое дѣло — тотъ гость, съ которымъ мы только-что простились. Георгъ Брандесъ явился передъ нами въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія и своего авторитета. Никто изъ живущихъ теперь писателей не можетъ оспаривать у него права на первое мѣсто въ области литературной критики и исторіи литературы. На родинѣ успѣхъ былъ завоеванъ имъ не сразу, но въ Германіи, въ Россіи, онъ былъ оцѣненъ по достоинству вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго тома его „Литературы XIX-го вѣка". Давно уже нѣтъ ни одного русскаго журнала, который, слѣдя за движеніемъ европейской мысли, не познакомилъ бы своихъ читателей съ взглядами Брандеса, не посвятилъ бы ему одной или нѣсколькихъ критиче-

скихъ статей; первый томъ „Литературы XIX-го вѣка" весь цѣликомъ переведенъ на русскій языкъ. Неудивительно, что Брандесъ былъ встрѣченъ у насъ съ большимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, что лекціи его привлекли многочисленныхъ слушателей. Онъ не могъ прочесть ихъ на своемъ родномъ языкѣ, въ Россіи почти никому незнакомомъ; но полнотѣ впечатлѣнія это повредило весьма немного. Въ своихъ лекціяхъ Брандесъ показалъ себя тѣмъ, чѣмъ мы привыкли видѣть его въ его книгахъ: не только мыслителемъ, но и артистомъ. Если поэзія нашего времени, — какъ замѣтилъ Брандесъ во второй лекціи,—меньше прежняго далека отъ критики, то, скажемъ, и критика, въ лицѣ такихъ представителей, какъ Брандесъ, идетъ навстрѣчу поэзіи. „Брандесъ — говорилъ нашъ журналъ года четыре тому назадъ [1]"—не только человѣкъ, отзывчивый на всѣ вопросы, всѣ идеи нашего вѣка, не только широко-образованный знатокъ и любитель литературы; это вмѣстѣ съ тѣмъ художникъ, часто возвышающійся до истинной поэзіи. Онъ никому не уступаетъ въ умѣньѣ схватить характеристическую черту писателя, опредѣлить ее немногими мѣткими словами, сдѣлать изъ нея картину, поражающую воображеніе. Орудіемъ сравненія онъ владѣетъ какъ немногіе; проводитъ ли онъ параллель между двумя авторами, ищетъ ли онъ, чтобы выяснить свойство литературнаго явленія, аналогій въ исторіи или въ природѣ, добываетъ ли онъ лучи свѣта, ярко освѣщающіе изучаемый предметъ, изъ фантазіи или изъ жизни — онъ почти всегда достигаетъ цѣли, передаетъ намъ, вмѣстѣ съ мыслью, и одушевляющее его чувство". Такимъ остается Брандесъ и на каѳедрѣ—и простота его дикціи еще ярче выставляетъ на видъ смѣлый полетъ его мысли, творческую работу его воображенія.

Разбирая, во второй лекціи, методы и задачи современной критики, Брандесъ выразилъ мысль, что для критика недостаточно одного пониманія, что ему необходимо чутье, необходимо „интуитивное" проникновеніе въ самую глубь изучаемой имъ жизни—а это, въ полной мѣрѣ, возможно только по отношенію къ *своему* народу, только по отношенію къ произведеніямъ, написаннымъ на родномъ языкѣ критика. Въ пользу этой мысли, брошенной лекторомъ только мимоходомъ, говоритъ, безъ сомнѣнія, весьма многое—но согласиться съ нею безусловно намъ мѣшаетъ именно дѣятельность самого Брандеса. Кульминаціонныя точки его критики едва ли слѣдуетъ искать въ статьяхъ, посвященныхъ скандинавскимъ литературамъ. Внутреннее богатство этихъ литературъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ

[1]) См. статью: „Новый историкъ французскаго романтизма" въ № 8 „В. Евр." за 1883 годъ. Разборъ другой книги Брандеса: „Moderne Geister" можно найти въ Литературномъ Обозрѣніи № 5 „В. Евр." за 1882 г.

обыкновенно—но все же ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться съ литературами Франціи, Англіи, Германіи. Послѣднимъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ иниціатива „главныхъ теченій" (Hauptströmungen), по преимуществу изучаемыхъ Брандесомъ; какъ бы сильно движеніе, возникшее къ югу отъ Балтійскаго моря, ни отразилось въ Даніи, Швеціи, Норвегіи, все же оно остается тамъ *движеніемъ отраженнымъ*. Ограничившись изслѣдованіемъ скандинавскихъ литературъ, Брандесъ не только не *достигъ* бы европейской славы — онъ едва ли и *заслужилъ* бы ее, въ силу извѣстнаго поэтическаго афоризма: „es wächst der Mensch mit seinen gröss'ren Zwecken". Большому кораблю нужно большое плаваніе; большой силѣ нуженъ большой просторъ, нужна значительная задача — значительная въ томъ смыслѣ, въ какомъ Тэнъ говоритъ о значительности или важности характера (importance du caractère). Такую задачу Брандесъ могъ найти только за предѣлами скандинавскаго міра — и, только исполняя ее, онъ могъ подняться на ту высоту, на которой мы теперь его видимъ. Представляютъ ли его этюды по скандинавской литературѣ что-нибудь болѣе глубокое, въ сравненіи со всѣми остальными — объ этомъ мы не беремся судить, потому что слишкомъ мало знакомы съ самымъ предметомъ этюдовъ; но можно подойти къ вопросу съ другой стороны, можно посмотрѣть, недостаетъ ли чего-нибудь существеннаго статьямъ Брандеса о писателяхъ французскихъ или нѣмецкихъ, замѣчается ли здѣсь остановка передъ чертою, дальше которой не дано идти иностранцу, *какъ иностранцу*. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такой остановки у Брандеса нигдѣ не видно. Онъ не могъ бы, конечно, опредѣлить со всею точностью всѣ особенности *языка* иностраннаго писателя—но онъ за это и не берется, ему это и не нужно. Все типичное въ писателѣ, все составляющее его своеобразность, его главную силу или слабость, указано, въ лучшихъ статьяхъ Брандеса, съ такою мѣткостью, съ такою художественной правдой, которую едва ли могъ бы превзойти соотечественникъ разбираемаго автора. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Если даровитый историкъ можетъ возстановить жизнь несуществующаго болѣе народа, отдѣленную отъ насъ цѣлыми вѣками, если Гротъ можетъ перенестись и перенести насъ съ собою въ древнюю Грецію, Моммсенъ—въ древній Римъ, то почему же даровитый критикъ не могъ бы проникнуть во всѣ изгибы творческаго процесса, совершающагося за предѣлами его страны, но при условіяхъ, сравнительно легко поддающихся изученію? Въ психическомъ мірѣ современнаго человѣка на каждомъ шагу встрѣчаются черты, зависящія гораздо больше отъ его темперамента, отъ степени его развитія и образованія, отъ обстоятельствъ личной его жизни, чѣмъ отъ его на-

ціональности; вліяніе послѣдней никогда не можетъ быть всецѣло сложено со счетовъ, но оно можетъ быть предметомъ изслѣдованія, какъ нѣкій нерастворимый остатокъ, получаемый послѣ анализа всѣхъ другихъ элементовъ авторской личности. Весьма важнымъ орудіемъ изслѣдованія служитъ здѣсь, безъ сомнѣнія, знаніе языка, на которомъ писалъ изслѣдуемый авторъ—но этимъ орудіемъ Брандесъ вполнѣ владѣетъ, когда работаетъ надъ литературами: англійскою, нѣмецкою французскою. Еслибы на верхнихъ ступеняхъ критики могли найти мѣсто, по праву, только работы, посвященныя соотечественникамъ автора,—удалить оттуда, вмѣстѣ съ бòльшею частью написаннаго Брандесомъ, пришлось бы и „Исторію англійской литературы", и „Опытъ о Титѣ-Ливіи", Тэна — а справедливость послѣдней мѣры едва ли призналъ бы и самъ Брандесъ. Чѣмъ крупнѣе критикъ, тѣмъ больше роль, которую играетъ у него интуиція, „угадыванье"—это безспорно; въ такомъ критикѣ почти всегда скрывается поэтъ [1]), а въ поэтѣ часто говоритъ что-то безсознательное. Мы утверждаемъ только, что сфера „угадыванья" ничѣмъ не ограничена, что его источникъ слѣдуетъ искать не въ общности происхожденія и языка. Откуда, напримѣръ, вывелъ Брандесъ заключеніе о внутренней связи между личной жизнью Киркегоарда и его творчествомъ—заключеніе, вполнѣ оправданное изданною, нѣсколько лѣтъ спустя, перепиской Киркегоарда и приведенное лекторомъ въ доказательство разбираемаго нами тезиса? Исключительно изъ *содержанія* произведеній Киркегоарда, т.-е. именно изъ того, чтò вполнѣ доступно не для однихъ датчанъ.

Скажемъ болѣе: для такого критика, какъ Брандесъ, препятствіемъ къ правильному пониманію автора далеко не всегда служитъ даже незнаніе языка, на которомъ писалъ авторъ. Переводъ не можетъ, конечно, дать понятіе о прелести формы, о гармоніи стиха или прозаической рѣчи, — но онъ можетъ сохранить и воспроизвести всѣ особенности содержанія, а слѣдовательно, и послужить основой для плодотворной критической работы. Въ оцѣнкѣ русскаго романа Брандесъ едва ли остался позади Вогюэ, хорошо знающаго русскій языкъ. Если первая лекція Брандеса, посвященная Тургеневу, Достоевскому и Льву Толстому, уступала остальнымъ по законченности и глубинѣ, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ чемъ другомъ, какъ въ громадности избранной темы; въ полтора часа невозможно исчерпать даже самыя главныя черты творчества трехъ писателей, столь

[1]) Припомнимъ извѣстную фразу Сентъ-Бёва, помимо его воли вылившуюся въ стихи и послужившую поводомъ къ прелестному сонету Альфреда Мюссэ: „il existe, en un mot, chez les trois quarts des hommes un poète mort jeune à qui l'homme survit".

крупныхъ и столь мало похожихъ другъ на друга. Чтобы выйти съ честью изъ трудностей такой задачи, чтобы заинтересовать русскую публику бѣглымъ эскизомъ ея любимцевъ, нужно было дарованіе, далеко выходящее изъ ряда — нужно было, однимъ словомъ, дарованіе Георга Брандеса. Противопоставленіе національнаго пессимизма Тургенева національному оптимизму Достоевскаго, указаніе на меланхолію, какъ на общее свойство великихъ русскихъ романистовъ, на источники или оттѣнки меланхоліи, какъ на черту различія между ними — все это и многое другое носило на себѣ отпечатокъ большой критической силы. Только она позволила лектору справиться, въ предѣлахъ одной лекціи, и съ другимъ предметомъ, почти столь же обширнымъ: съ характеристикой современной критики, въ лицѣ трехъ представителей ея—Сентъ-Бёва, Тэна и самого Брандеса. Намъ случилось слышать мнѣніе, что напрасно Брандесъ говорилъ такъ много о сaмомъ себѣ и какъ бы старался превознести себя надъ другими. Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Во всѣхъ областяхъ знанія существуетъ извѣстная преемственность, безъ пониманія которой нельзя дать себѣ отчетъ въ успѣхѣ знанія. Если изслѣдователь указываетъ прямо, чѣмъ онъ обязанъ своимъ предшественникамъ и въ чемъ онъ расходится съ ними, онъ только облегчаетъ сравненіе, существенно необходимое для правильнаго вывода. Излишняя скромность была бы здѣсь неумѣстна, въ особенности въ устахъ того, кто уже достигъ высокаго положенія въ литературѣ. Несправедливъ или тщеславенъ Брандесъ былъ бы въ такомъ лишь случаѣ, еслибы онъ отрицалъ всякую внутреннюю связь свою съ Тэномъ и Сентъ-Бёвомъ. Онъ этого не дѣлаетъ; онъ признаетъ себя ихъ продолжателемъ — но продолженіе не равносильно повторенію или подражанію. Весь вопросъ сводится къ тому, вѣрно ли опредѣлены Брандесомъ главныя черты различія между нимъ и великими французскими критиками. На этотъ вопросъ мы, не колеблясь, отвѣчаемъ утвердительно. Такъ-называемыхъ vues d'ensemble у Брандеса, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ у Сентъ-Бёва; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить самую постройку „Литературы XIX-го вѣка“, направленную къ объединенію разрозненныхъ теченій— или картину французскаго романтизма, обнимающую собою безъ всякой натяжки не школу, не доктрину, а цѣлую эпоху. Столь же безспорно и то, что Брандесъ свободенъ отъ догматизма, иногда слишкомъ замѣтнаго у Тэна. Въ нашемъ журналѣ, пять лѣтъ тому назадъ (при разборѣ „Moderne Geister“), было подчеркнуто „духовное родство“ между Брандесомъ и Тэномъ, но при этомъ была сдѣлана оговорка, что „отъ родства до полнаго сходства еще весьма далеко“. „Брандесъ,—продолжали мы,—идетъ по той же дорогѣ, по которой

раньше его шелъ Тэнъ, но идетъ по ней совершенно самостоятельно. Въ натурѣ Тэна есть сухость, чуждая Брандесу; поэтическая струна звучитъ въ послѣднемъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ въ первомъ". Эта поэтическая струна—или, говоря словами Брандеса, эта способность къ интуиціи — и позволяетъ Брандесу углубляться дальше Тэна въ чужой психическій міръ, въ психическую жизнь писателя. Тэнъ схватываетъ лучше всего данное писателю извнѣ—расой, средой. моментомъ; Брандесъ прибавляетъ къ этому чисто-индивидуальныя черты, нерѣдко берущія верхъ надъ остальными.

„Новѣйшая критика, — такъ началъ Брандесъ свою вторую лекцію, — рѣдко судитъ; она излагаетъ и объясняетъ". Это замѣчаніе совершенно справедливо, если понимать подъ именемъ *суда* примѣненіе къ писателямъ и произведеніямъ какихъ-либо эстетическихъ законовъ, заранѣе установленныхъ, непреклонныхъ и неподвижныхъ. Судъ иного рода, болѣе свободный и широкій, едва ли отдѣлимъ отъ *объясненія*. Объяснить — значитъ не только раскрыть происхожденіе произведенія, но и показать, чего хотѣлъ достигнуть авторъ и чего онъ достигъ на самомъ дѣлѣ. Сличеніе того и другого уже само по себѣ равносильно критическому приговору—но критика можетъ идти еще дальше, не выходя изъ своей нормальной роли. Она можетъ подвергнуть оцѣнкѣ самое *намѣреніе* автора; она можетъ задаться вопросомъ, было ли оно *исполнимо*. Самъ Брандесъ нѣсколько разъ являлся передъ нами въ роли судьи: онъ подвергалъ сомнѣнію, напримѣръ, искренность юношескихъ произведеній Мюссэ; онъ защищалъ Вольтера противъ нападеній „Rolla"; онъ выставлялъ на видъ явную несообразность между замысломъ этой поэмы и ничтожностью ея героя. Въ опредѣленіи задачъ критики, данномъ Брандесомъ, есть, однако, большая доля правды. Если критика и не исчерпывается *объясненіемъ*, то оно составляетъ, во всякомъ случаѣ, ея краеугольный камень и вмѣстѣ съ тѣмъ ея вѣнецъ, ея главное призваніе и ея высшее торжество. Понять мысль Брандеса помогутъ намъ его слова, сказанныя имъ въ частной бесѣдѣ; онъ замѣтилъ, что настоящая область критики—лучшія произведенія искусства, что спускаться въ низины она должна только тогда, когда нужно противодѣйствовать торжествующей лжи, бороться съ фальшью, подчиняющею себѣ умы и имѣющею блестящій успѣхъ, временный, но тѣмъ не менѣе опасный. Критика будничная, чернорабочая, слѣдящая изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, за маленькими и большими литературными движеніями, не можетъ, къ сожалѣнію, воспользоваться совѣтомъ Брандеса; ея сторожевая, безпокойная служба тѣмъ болѣе необходима, чѣмъ ниже, въ данную минуту, уровень общественнаго развитія. На солдатское ружье, при такихъ условіяхъ, мѣняютъ

иногда свой мечъ и прирожденные полководцы; не даромъ же у насъ въ Россіи Бѣлинскій и Добролюбовъ не брезгали скромной библіографической работой. И все-таки Брандесъ совершенно правъ: путь на вершины критики дѣйствительно идетъ только по вершинамъ литературы. Бѣлинскій, съ этой точки зрѣнія, обязанъ безконечно многимъ Пушкину, Лермонтову, Гоголю; Добролюбовъ—Тургеневу, Островскому, Достоевскому и Гончарову; Сентъ-Бёвъ—романтической плеядѣ; Тэнъ—Шекспиру и Байрону, Бальзаку, Диккенсу и Теккерею; Брандесъ—всѣмъ представителямъ „главныхъ теченій" XIX-го вѣка.

Слухи о предстоящемъ объединеніи всѣхъ начальныхъ школъ по типу и образцу школы церковно-приходской продолжаютъ появляться, отъ времени до времени, въ нашихъ газетахъ. Не возвращаясь къ вопросу о томъ, насколько такое объединеніе было бы желательно и цѣлесообразно, мы хотимъ только указать на одно средство, чаще прежняго пускаемое въ ходъ односторонними приверженцами церковно-приходской школы. Это средство—коллективныя прошенія или депутаціи отъ крестьянъ, жалующихся на земскую школу и ходатайствующихъ о передѣлкѣ ея по alleinseligmachend'ному фасону. Объ одной изъ такихъ депутацій намъ повѣдала еще недавно петербургская лже-консервативная газета. Само собою разумѣется, что въ новой варіаціи на старую тему говорится и „объ общемъ голосѣ отцовъ и матерей", и о „безсмысленныхъ сказкахъ и пустыхъ поговоркахъ", будто бы наполняющихъ учебники Ушинскаго и барона Корфа, и о спасительности обученія грамотѣ по церковнымъ книгамъ, по часослову и псалтири. Просители находятъ „программы учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ", изданныя святѣйшимъ синодомъ, „совершенно согласными и съ духомъ православія, и съ исторически сложившимся народнымъ настроеніемъ", а теперь употребляемые учебники—„служащими въ явный подрывъ семейнымъ связямъ (!) и вѣрованіямъ русскаго народа". Попытки выставить народъ (ни мало, конечно, къ тому не причастный) судьею въ чисто-педагогическихъ вопросахъ встрѣчаются уже не въ первый разъ; ихъ цѣль совершенно ясна—и тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить имъ отпоръ съ такой стороны, которая никакъ не можетъ быть заподозрѣна въ несочувствіи новымъ вѣяніямъ. Мы говоримъ о брошюрѣ г. Горбова, извѣстнаго нашимъ читателямъ въ качествѣ одного изъ самыхъ крайнихъ противниковъ свѣтской, земской школы [1]). Вотъ что́ мы читаемъ

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 6 „Вѣстн. Евр." за 1884 г. и въ № 4 за 1885 г., а также Литературное Обозрѣніе въ настоящей книжкѣ нашего журнала.

въ этой брошюрѣ („Задачи русской начальной школы"): „Главное, чего надо желать для самой церковной школы, это чтобы какъ можно скорѣе прекратились громкія фразы ея защитниковъ, ихъ самодовольное порицаніе земской школы и нѣмецкихъ пріемовъ, ихъ пока ничѣмъ не оправданныя ожиданія,—чтобы *какъ можно скорѣе прекратились толки о „голосѣ народа", перестали появляться мірскіе приговоры о замѣнѣ земской школы церковно-приходской, приговоры, цѣна и происхожденіе коихъ всѣмъ извѣстны*". Въ другомъ мѣстѣ, посвященномъ звуковой методѣ обученія, г. Горбовъ замѣчаетъ, что она кажется ему неудобной, не болѣе. „Между тѣмъ,—продолжаетъ онъ,—*новоявленные педагоги—простые мужички разсматриваютъ ее, такъ сказать, съ точки зрѣнія ея православности*. Ужъ коли церковно-приходская школа, такъ и учить въ ней надо со всякими бры, кры, вспры; такъ, молъ, и первоучители учили" [1]). Злѣе посмѣяться надъ нелѣпыми притязаніями и фальшивыми пріемами едва ли возможно—и неотразимая сила насмѣшки тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что она идетъ отъ единомышленника, отъ „своего" человѣка... Въ видѣ иллюстраціи къ тому, чего стóютъ коллективныя нападки на земскую школу, и въ какой степени онѣ являются „голосомъ отцовъ и матерей", приведемъ небольшую выписку изъ другого нелицепріятнаго источника—изъ „Правительственнаго Вѣстника". По свѣденіямъ, собраннымъ нѣкоторыми училищными совѣтами губерній черниговской и полтавской, „крестьянское населеніе въ высшей степени сочувственно относится къ школѣ. Ежегодно, во время пріема учениковъ, многимъ изъ нихъ приходится отказывать за недостаткомъ мѣста. Изъ года въ годъ повторяются случаи, когда крестьянскія общества, по собственному почину, жертвуютъ изъ общественныхъ суммъ деньги на постройку школьныхъ помѣщеній и обращаются съ ходатайствами о назначеніи въ ихъ села учителей. Также есть много примѣровъ, что крестьяне посылаютъ дѣтей въ земскую школу въ ближайшее село, отстоящее на разстояніи четырехъ-пяти верстъ". Мы желали бы знать, много ли найдется въ земскихъ губерніяхъ уѣздовъ или волостей, о которыхъ нельзя было бы сказать буквально того же самаго?

Возвращаясь къ г. Горбову, отмѣтимъ еще нѣкоторыя черты, выдѣляющія его изъ среды его союзниковъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ, его о баронѣ Н. А. Корфѣ, въ высшей степени поучительный для „Московскихъ Вѣдомостей" и для всѣхъ тѣхъ, кто отравилъ послѣдніе годы жизни честнаго труженика и не переставалъ глумиться надъ нимъ

[1]) Шаблонность „новоявленныхъ педагоговъ", — т.-е. тѣхъ, кто говоритъ ихъ устами,—по истинѣ изумительна; ссылка на первоучителей есть и въ прошеніи, о которомъ мы говорили выше—а книга г. Горбова вышла въ свѣтъ до его подачи.

и послѣ его смерти. „Баронъ Корфъ—единственный русскій самостоятельный представитель научной педагогики; нельзя оставлять его взглядовъ безъ вниманія, хотя и соглашаться съ нимъ часто трудно... Онъ даетъ очень цѣнныя указанія о технической сторонѣ преподаванія закона Божія, и всякому сельскому законоучителю полезно познакомиться съ ними". Мнѣніе, въ силу котораго нельзя читать въ школѣ басни и сказки, г. Горбовъ называетъ „показывающимъ отсутствіе практической опытности". Онъ несогласенъ и съ тѣмъ, что надо начинать обученіе чтенію съ псалтири и часослова. „Засадить ученика прямо за псалтирь",—говоритъ онъ,—„значитъ заставить его побѣждать четыре трудности заразъ: трудность механическаго чтенія, трудность пониманія читаемаго вообще, трудность пониманія чужого языка и трудность пониманія книги, не разсчитанной для дѣтскаго возраста". Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Горбовъ расходится даже съ оффиціальными программами, изданными для церковно-приходскихъ школъ. Объяснительная записка къ программѣ по церковно-славянскому языку признаетъ, что „въ церковно-приходской школѣ желательно было бы начинать обученіе прямо съ церковно славянской азбуки", и уклоненіе отъ этого порядка допускается лишь въ видѣ уступки, во вниманіе къ затрудненіямъ, какія могло бы вызвать, въ настоящее время, „употребленіе стариннаго способа, отличнаго отъ современныхъ". „Лицамъ убѣжденнымъ и опытнымъ",—читаемъ мы дальше,—„отнюдь не возбраняется начинать обученіе съ церковно-славянской азбуки въ древле уложенномъ порядкѣ и съ подлинными названіями буквъ. *Такіе опыты даже желательны:* они дадутъ цѣнный матеріалъ для болѣе вѣрнаго и положительнаго рѣшенія вопроса объ обученіи церковно-славянскому чтенію въ церковно-приходскихъ школахъ". А вотъ что̀ говоритъ г. Горбовъ: „Начинать надо съ гражданской печати и учить читать какъ можно скорѣе... Представимъ себѣ двѣ школы. Въ одной, хотя бы и не православной, ученики къ концу зимы читаютъ всякую русскую и славянскую книгу, пишутъ и кое-что знаютъ изъ ариѳметики. Въ другой, строго церковной, они еще только кончаютъ азбуку. Куда долженъ отдать крестьянинъ своего сына?.."

Нельзя не пожалѣть о томъ, что усиленная агитація въ пользу церковно-приходской школы совпала съ эпохой школьныхъ и иныхъ преобразованій въ остзейскомъ краѣ. Чѣмъ меньше преобладалъ бы въ этихъ преобразованіяхъ элементъ національной и религіозной исключительности, тѣмъ больше были бы шансы прочнаго и широкаго ихъ успѣха. Нѣмецкая начальная школа, игнорирующая законныя требованія латышей и эстовъ, легче поддалась бы новымъ требованіямъ, еслибы ей пришлось стать лицомъ къ лицу съ школой, устроенной по русскому земскому типу. Ровно четыре года тому на-

задъ мы перепечатали изъ „Руси“ обзоръ желаній, заявленныхъ, по поводу сенаторской ревизіи Н. А. Манасеина, эсто-латышскимъ населеніемъ прибалтійскаго края. Въ составъ этой программы входило, между прочимъ, предоставленіе лютеранскимъ приходамъ права выбирать своихъ пасторовъ и обращеніе начальной школы въ дѣйствительно народную, съ изъятіемъ ея изъ-подъ власти пастора. Исполнено, въ настоящее время, только послѣднее желаніе; будутъ ли исполнены другія, не менѣе важныя?.. Заговоривъ однажды объ остзейскомъ краѣ, сдѣлаемъ еще два замѣчанія. Предметомъ эсто-латышскихъ ходатайствъ, кромѣ школьной реформы, были еще реформы судебно-административная и земельная. Первой изъ нихъ слѣдуетъ ожидать, повидимому, въ непродолжительномъ времени, хотя и неизвѣстно, подаритъ ли она остзейскому краю желаемыя имъ всесословныя земскія учрежденія; но о реформѣ земельной до сихъ поръ ничего не слышно—а она составляетъ, быть можетъ, краеугольный камень по отношенію ко всѣмъ остальнымъ [1]). Другое замѣчаніе наше заключается въ томъ, что распространенію православія въ остзейскомъ краѣ едва ли можетъ способствовать напоминаніе объ отвѣтственности, угрожающей отщепенцамъ отъ православной церкви. Лифляндскій губернаторъ, если вѣрить газетамъ, пришелъ къ убѣжденію, что въ Лифляндіи существуетъ довольно значительное число крестьянъ, которые, будучи окрещены по обряду православной церкви, впослѣдствіи конфирмовались или вѣнчались, или крестили своихъ дѣтей у лютеранскихъ пасторовъ. Для предупрежденія такихъ случаевъ на будущее время, губернаторъ призналъ нужнымъ разъяснить, что браки, неправильно вѣнчанные, а слѣдовательно и рожденныя отъ отъ нихъ дѣти, не могутъ считаться законными, а воспитаніе въ лютеранской вѣрѣ дѣтей, рожденныхъ отъ православныхъ родителей, можетъ имѣть послѣдствіемъ не только наказаніе родителей (тюремнымъ заключеніемъ), но и *отобраніе у нихъ дѣтей*. Фактически все это, конечно, совершенно вѣрно; законы, на которые ссылается губернаторъ, дѣйствительно существуютъ — но какъ-то плохо вѣрится въ возможность ихъ примѣненія, особенно въ возможность отобранія дѣтей отъ родителей. Это такая мѣра, о которой нельзя подумать безъ ужаса; нельзя себѣ представить чтобы изъ-за вѣроисповѣднаго вопроса могла быть разорвана священная связь между родителями и дѣтьми, нарушены самыя нѣжныя, самыя глубокія чувства. Къ чему же устрашать населеніе указаніемъ на мѣру, которая едва ли

---

[1]) Главныя желанія, относящіяся къ земельной реформѣ, были слѣдующія: выкупъ усадебъ по „казенной таксѣ“, а не по такъ-называемому добровольному соглашенію; надѣленіе батраковъ участками казенной или пасторатской земли, съ вознагражденіемъ, въ послѣднемъ случаѣ, пасторовъ; распространеніе на мызныя земли повинностей, лежащихъ теперь исключительно на крестьянскихъ земляхъ.

когда-нибудь осуществится? Не ясно ли, что это ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ увеличенію числа лицъ, обращающихся изъ лютеранства въ православіе? Отпаденіе вновь присоединенныхъ обратно въ лютеранство можетъ зависѣть отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ слишкомъ поспѣшнаго присоединенія—и отъ лишеній или гоненій, являющихся результатомъ обращенія въ православіе. Противъ перваго уже приняты мѣры святѣйшимъ синодомъ — а послѣднія сдѣлаются немыслимыми, какъ только крестьяне перестанутъ быть юридически и матеріально зависимыми отъ помѣщиковъ и пасторовъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи.—На поддержаніе сельской школы Кавелина, въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, и на могильный памятникъ—поступило:

1) Къ 1-му апрѣля 1887 г.	4.098 р. 98 к.
2) Въ теченіе апрѣля вновь поступило отъ Д. А. Корсакова, изъ Казани	100 „ — „
Всего къ 1-му мая 1887 г. .	4.198 р. 98 к.
Израсходовано по счету мастера В. Ефимова на установленный на Волковскомъ кладбищѣ могильный памятникъ	900 р. — к.
Въ остаткѣ на сельскую школу . . .	*3.298 р. 98 к.*

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Этюды о Ж.-Ж. Руссо. Томъ II: Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы. А. С. Алексѣева, проф. москов. унив. М. 1887. Стр. 368 и CLIII. Ц. 2 р. 50 к.

Новый выпускъ посвященъ исключительно извѣстному „Contrat social". Изложивъ исторію различныхъ редакцій „Общественнаго договора" и выяснивъ связь этого трактата съ первыми произведеніями Ж.-Ж. Руссо, авторъ даетъ картину государственнаго быта Женевы въ то время, когда совершались тамъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка политическія движенія, и, наконецъ, выясняетъ тѣ отношенія, какія образовались между принципами „Договора", женевскою конституціей и боровшимися тогда партіями въ Женевѣ, наканунѣ приговора книги женевскими властями къ публичному сожженію. Авторъ писалъ по рукописямъ, которыя онъ имѣлъ случай лично изучать въ Невшателѣ и Женевѣ, и это одно придаетъ его труду особенное научное значеніе; въ концѣ книги помѣщено обширное приложеніе съ подлинниками главнѣйшихъ документовъ, которые, въ свою очередь, могутъ послужить теперь общедоступнымъ сборникомъ матеріаловъ для изученія той любопытной эпохи, на которой остановился авторъ.

Политическая экономія, въ связи съ финансами. Л. В. Ходскаго. Второе изданіе. Спб. 1887. Стр. 535. Ц. 3 р. 50 к.

При появленіи перваго изданія въ 1884 г. мы имѣли случай познакомить читателей довольно подробно какъ съ достоинствами, такъ и съ нѣкоторыми слабыми сторонами этого почтеннаго и полезнаго труда,—если принять въ соображеніе недостатокъ у насъ цѣльныхъ руководствъ по политической экономіи. Новое изданіе, дополненное авторомъ, доставило ему случай какъ исправить общую теоретическую часть курса—слабая сторона перваго изданія, такъ и многое дополнить съ пользою для книги, которая въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ быть признана еще болѣе пригодною, какъ учебное пособіе.

Общедоступная военно-историческая хрестоматія. Съ рисунками, картами и планами. Состав. К. К. Абаза. Кн. 2. Спб. 1887. Стр. 398. Ц. 1 р.

Мы имѣли недавно случай указать при первомъ выпускѣ на значеніе подобнаго изданія для успѣховъ классанаго преподаванія исторической науки. Второй выпускъ имѣетъ цѣлью дать для русской исторіи то же, что далъ первый для всеобщей, но, по своимъ пріемамъ, послѣдній, какъ намъ кажется, много уступаетъ первому. Авторъ еще дальше отступаетъ теперь отъ основной мысли всякаго подобнаго изданія—поставить въ болѣе близкое соотношеніе учащагося съ живымъ словомъ или современниковъ событій, или классическихъ писателей новѣйшаго времени. Въ настоящемъ же видѣ новый выпускъ можно назвать только болѣе обширнымъ учебникомъ, съ огромными пропусками внутри: изъ этой хрестоматіи нельзя даже заключить, что у насъ есть такіе историки, какъ Карамзинъ, Соловьевъ, Погодинъ, Полевой, имена которыхъ даже и не встрѣчаются въ оглавленіи, при указаніи тѣхъ источниковъ, по которымъ статьи составлены, но зато тамъ можно встрѣтить, для статей объ отечественной войнѣ, кромѣ Тьера, Богдановича, и имя г. Шалфеева. Относительно иллюстрацій мы повторили бы сказанное нами по поводу перваго выпуска. Надѣемся, впрочемъ, что второе изданіе этого, тѣмъ не менѣе, полезнаго труда дастъ случай автору приблизиться къ той идеѣ, которая должна лежать въ основаніи задуманнаго авторомъ дѣла.

Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки. Т. I. Спб. 1887. Стр. 319.

Псевдонимъ автора пользуется такою заслуженною популярностью, что уже одно это имя содержитъ въ себѣ ручательство за то, что новое изданіе его „Сказокъ" представляетъ несомнѣнно и тѣ же достоинства, и тѣ же особенности таланта и направленія мысли автора. „Будить сознанье въ человѣкѣ", и притомъ для „лучшей жизни"—здѣсь—таковъ девизъ, избранный авторомъ, вмѣсто предисловія. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены восемь разсказовъ, изъ которыхъ обращаетъ на себя особое вниманіе „Князь Коста", гдѣ авторъ, окруживъ читателя почти дѣтской сферой, нашелъ, тѣмъ не менѣе, много случаевъ обнаружить тонкость своихъ наблюденій надъ природою человѣка и глубину анализа мельчайшихъ движеній нашей души.

Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ, Н. Булича. Ч. I. Казань, 1877. Стр. 639. Ц. 4 р.

Начало этого, въ высшей степени интереснаго труда обнимаетъ собою первый періодъ казанскаго университета, отъ 1814 г. до 1819 г., совпадающій съ лучшею эпохою царствованія имп. Александра I. Первыя главы этой части были составлены авторомъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, при существованіи университетскаго устава 1863 г. Разсказы, приводимые въ книгѣ изъ жизни и быта университета той отдаленной эпохи, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, не имѣютъ ничего общаго съ обычными оффиціальными университетскими „исторіями". Вторая часть будетъ имѣть предметомъ дальнѣйшую исторію хода и развитія высшаго преподаванія наукъ въ Казани, съ біографіею профессоровъ; туда же войдутъ подробности объ извѣстной ревизіи Магницкаго, во всемъ „контрастѣ печальнаго прошлаго нашего просвѣщенія съ мечтою о лучшемъ будущемъ". Трудъ пр. Н. Н. Булича, безъ сомнѣнія, займетъ весьма видное мѣсто въ исторической литературѣ, имѣющей своимъ спеціальнымъ предметомъ изученіе весьма разнородной, по различнымъ эпохамъ, судьбы высшаго просвѣщенія въ Россіи.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Д. Кобеко. Изд. 3-е. Спб. 1887. Стр. 474. Ц. 3 р.

Прошло пять лѣтъ со времени перваго выхода въ свѣтъ изслѣдованія Д. Ѳ. Кобеко, а оно появляется уже третьимъ изданіемъ, что само по себѣ говоритъ и о достоинствахъ труда, независимо отъ преміи, которою этотъ трудъ былъ почтенъ со стороны академіи наукъ, и объ интересѣ, возбужденномъ книгою въ читающей публикѣ. Авторъ поспѣшилъ воспользоваться такими частыми повтореніями своего изданія и обогатилъ его нынѣшній разъ свѣдѣніями изъ новѣйшихъ сборниковъ историческихъ документовъ; сверхъ того, онъ сдѣлалъ свою книгу болѣе удобною для пользованія ею изслѣдователями и спеціалистами—приложеніемъ алфавитнаго указателя личныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА **1887** Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки. . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою. .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за границей — 3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;— въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ Редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ ...ной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали ...сную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообще... подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) ...ется выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго ...жительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; ...иногородныхъ въ городскіе—40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — ...достающее до вышеуказанныхъ цѣнъ за границей.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

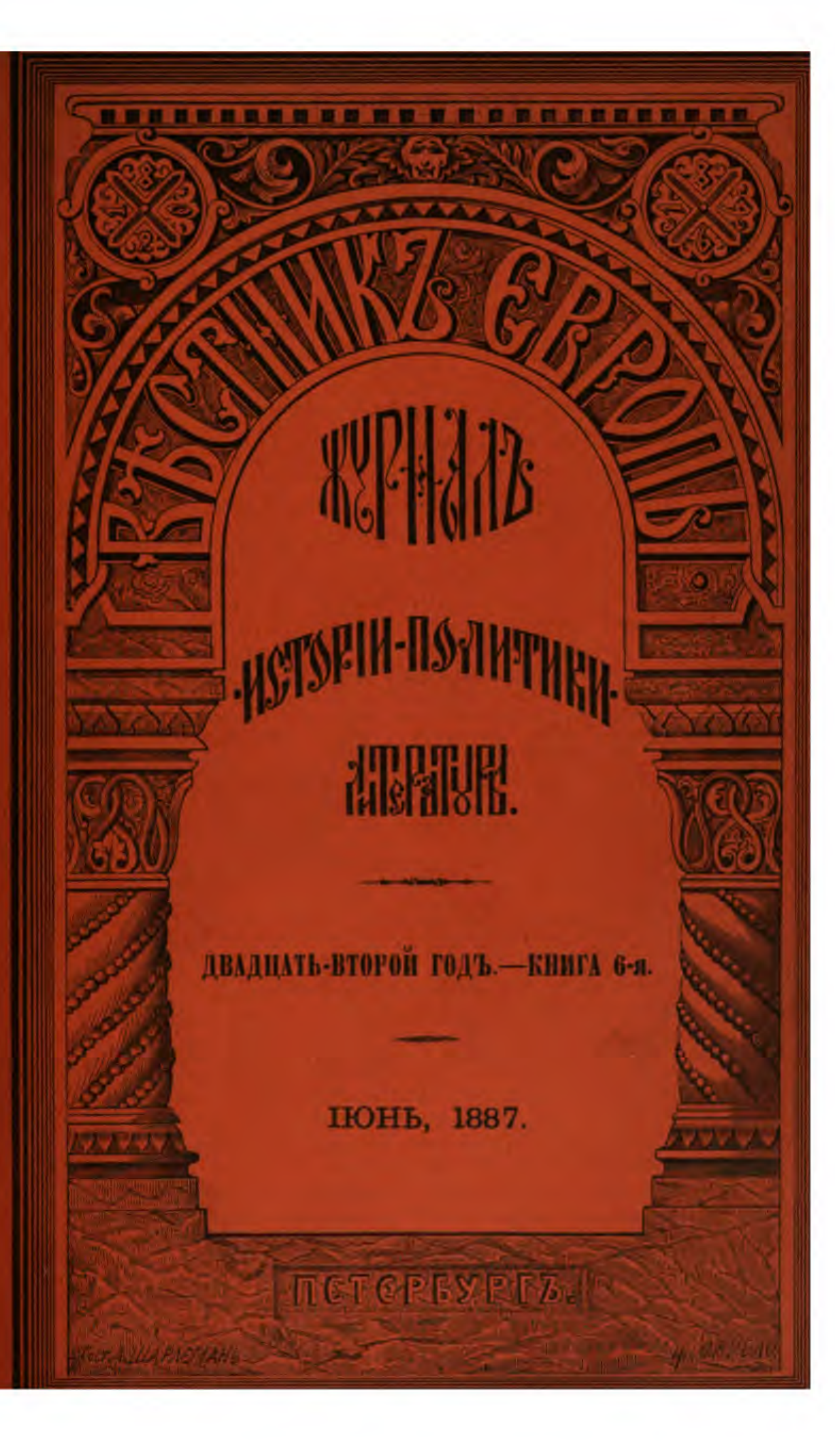
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.
ІЮНЬ, 1887.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1887.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

бъявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1887 г. см. ниже, на оберткѣ.

ДВОРЯНСТВО

въ

РОССІИ

Историческій и общественный очеркъ.

Окончаніе.

Вышеприведенную картину [1]) положенія служилаго земскаго сословія дополнимъ очеркомъ іерархіи московской службы, по которой оно двигалось и распредѣлялось. При изученіи этой іерархіи, получается впечатлѣніе лабиринта, въ которомъ не было однороднаго начала ни относительно характера служебныхъ ступеней, ни относительно родовъ службы, ни способа ея прохожденія. Съ современной точки зрѣнія, чины московскаго царства являются смѣшеніемъ чиновъ, въ собственномъ смыслѣ слова, съ званіями и должностями. Несомнѣнно, что чины вообще вырабатывались изъ должностей, постепенно утрачивавшихъ свое первоначальное назначеніе; таковы, напр., чины окольничьихъ, площадныхъ стольниковъ и стряпчихъ и т. д. Но нѣкоторыя должности не поддавались этому процессу, какъ-то: должности центральнаго и придворнаго управленія (напримѣръ—печатника, казначея, постельничьяго, кравчаго и т. д.), между тѣмъ они фигурировали въ общихъ спискахъ чиновъ.

Если проводить различіе между видами службы, во время

---

[1]) См. выше: май, 186 стр.

московскаго царства, то было бы возможно отмѣтить слѣдующіе: 1) *думную* службу высшихъ государственныхъ чиновъ, 2) *чисто-придворную*—такъ-называемыхъ комнатныхъ или ближнихъ чиновъ, 3) *чисто-военную*—простыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 4) *чисто-гражданскую*—приказныхъ людей, 5) *смѣшанную*—военную, гражданскую и отчасти придворную: площадныхъ стольниковъ и стряпчихъ, московскихъ дворянъ и жильцовъ. Чины послѣдней категоріи назначались и въ походы, и съ обыкновенными служебными порученіями; эта же группа фигурировала въ расшитыхъ одеждахъ на церемоніяхъ московскаго царства [1]). Стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы дѣлились на извѣстное число смѣнъ, которыя должны были чередоваться въ Москвѣ. Сначала этихъ смѣнъ было четыре, но потомъ, указомъ 17-го іюня 1683 года, ихъ сдѣлано было пять, съ тѣмъ, чтобы, отбывая свою четверть года, каждой смѣтѣ пришлось въ слѣдующемъ году нести службу въ другое время (П. С., II, 1023). Чины эти носили общее названіе государева полка, хотя въ дѣйствительности изъ нихъ не формировалось общей воинской части. Какъ можно заключить изъ приведенныхъ свѣденій, іерархія московской службы не отличалась простотой. Различные виды службы не были отдѣлены другъ отъ друга чинопроизводствомъ, какъ въ настоящее время. Все было перемѣшано.

Чины московскаго царства различались по достоинству. Какъ видно изъ указа 8-го мая 1687 года (П. С., II, 1243), въ боярскихъ книгахъ съ 1616 года писались: бояре, окольничіе, кравчіе, чашникъ, казначей, постельничьи, думные дворяне, думные дьяки и стряпчіе съ ключомъ. Это былъ высшій слой служилаго люда. Изъ нихъ принадлежали къ думнымъ чинамъ: бояре, окольничьи, думные дворяне, изъ которыхъ образовывался составъ боярской думы и думные дьяки, завѣдывавшіе дѣлопроизводствомъ въ этой думѣ. Къ придворнымъ чинамъ относились: кравчіе, чашникъ, постельничій и стряпчій съ ключомъ (постельничій былъ начальникомъ надъ спальниками, а стряпчій съ ключомъ завѣдывалъ гардеробомъ царя).

Чинами средняго достоинства слѣдуетъ считать печатника, конюшаго, оружейничьяго, ловчаго, стольниковъ, стряпчихъ, спальниковъ и московскихъ дворянъ. Спальники несли исключительно придворную службу; но стольники и стряпчіе,—смотря по тому, относились ли они къ придворной или общей службѣ,—но-

---

[1]) См. росписаніе, въ какіе дни надо было разнымъ чинамъ являться въ золотыхъ бархатныхъ и объяриннихъ ферезеяхъ на государевы выходы—П. С. II, 850.

сили названіе комнатныхъ (или ближнихъ) и площадныхъ. Званіе московскаго дворянина считалось весьма почетнымъ, сопровождалось испомѣщеніемъ въ окрестностяхъ столицы и, будучи наслѣдственнымъ, служило лучшей гарантіей, что почтённый этимъ званіемъ родъ сохранитъ близость къ царскому двору.

Наконецъ, нижними чинами были жильцы, дворяне и дѣти боярскія. Жильцами назывались назначаемые изъ выборнаго списка на три года, въ числѣ 300, дворяне и дѣти боярскія—для исполненія обязанностей почетнаго конвоя при царѣ. Они составляли внутреннюю стражу кремлевскихъ палатъ, прислуживали вмѣстѣ съ комнатными стольниками на торжественныхъ обѣдахъ и ѣздили передовымъ отрядомъ въ царскихъ поѣздахъ. Для обыкновенныхъ дворянъ назначеніе въ жильцы было едва ли не единственною ступенью, чтобы выслужиться, если они не хотѣли идти въ дьяки. Но, чтобы попасть въ жильцы, надо было принадлежать къ выборному списку лучшихъ дворянскихъ фамилій; въ списокъ этотъ заносились роды городовыхъ дворянъ по выбору царя. Остальные городовые дворяне дѣлились по роду службы: одни несли полковую службу, т.-е. должны были выѣзжать для составленія полковъ: „конные, людные и оружные"; другіе несли службу по городу, т.-е. составляли его гарнизонъ на случай осады.

Очевидно, что вся эта длинная вереница должностей, чиновъ и служебныхъ положеній не могла составлять, подобно теперешней табели о рангахъ, іерархической лѣстницы, которую надлежало проходить каждому служащему. Движеніе по службѣ было инымъ для потомка именитаго княжескаго или боярскаго рода, для человѣка средняго и для простого дворянина. Первый шелъ сокращеннымъ придворнымъ путемъ: юношей—онъ или стольничалъ у царицы, или прямо назначался стольникомъ къ царю, оттуда записывался въ московскіе дворяне или комнатные стольники и проходилъ непосредственно въ окольничьи или бояре. Такой путь долженъ былъ основываться на блистательныхъ служебныхъ прецедентахъ рода. Но иногда цари не удовлетворяли ожиданіямъ юныхъ честолюбцевъ. Извѣстенъ случай съ Головинымъ: отецъ его былъ бояриномъ, а онъ изъ дворянъ назначенъ былъ не прямо въ бояре, а въ окольничьи. Онъ билъ челомъ царю, что окольничихъ въ его родѣ нѣтъ. „Тебѣ, страднику, ни въ какой чести не бывать",—отвѣтилъ царь въ указѣ, но простилъ ему сѣченіе кнутомъ и ссылку въ Сибирь, къ которымъ приговорила его за дерзость боярская дума.

Средній человѣкъ назначался изъ дворянъ въ стряпчіе, столь-

ники, приходилъ къ сбору на площадку передъ постельничьимъ крыльцомъ, ожидая приказаній государя, или получалъ назначеніе на военную службу, гдѣ могъ добиться мѣста воеводы въ полку. За большія заслуги онъ могъ получить санъ окольничьяго, который былъ, за исключеніемъ любимцевъ царей, заключительнымъ звеномъ карьеры для людей неименитаго рода.

Простой городовой дворянинъ долженъ былъ, чтобы пробиться въ люди, попасть въ жильцы, откуда онъ могъ пойти среднею карьерою, т.-е. въ площадные стряпчіе и стольники; иначе ему оставалось только поступить въ дьяки и идти вверхъ приказною службою, которая могла привести его въ думные дьяки и, наконецъ, въ думные дворяне или даже окольничьи. Оставаясь на мѣстѣ въ обыкновенной ратной службѣ, дворянинъ не имѣлъ никакой возможности выдѣлиться изъ среды сослуживцевъ; цари требовали отъ воеводъ, чтобы они не давали младшимъ родамъ и низшимъ статьямъ случая ослуживать старшихъ и высшихъ; порученія, возлагаемыя на каждаго, должны были соразмѣряться съ его родовитостью. Въ 1685 году, указомъ 20-го марта, было повелѣно недорослей, у которыхъ отцы служили и служатъ съ городами, отнюдь не писать въ полковую службу и въ житье, а писать ихъ въ службѣ съ тѣми же городами, гдѣ отцы ихъ служили и служатъ (П. С., II, 1113). Для дворянъ городовой (гарнизонной) службы не было, слѣдовательно, никакого выхода изъ скромнаго поприща ихъ служебнаго удѣла.

Такимъ образомъ, для служилаго сословія въ московское время существовали два вида службы: одна, которая, путемъ сокращеннымъ или болѣе продолжительнымъ, могла привести ихъ къ знатнымъ чинамъ, къ мѣсту въ думѣ государя; служба оплачивалась милостями и отличіями и обезпечивала потомкамъ ихъ болѣе легкій и пріятный служебный ходъ,—и другая, заурядная, которая являлась тягломъ, безполезнымъ для честолюбія и даже вовлекавшимъ дворянъ въ расходы и долги. Отъ дворянъ требовали, чтобы они являлись на службу конными и вооруженными и приводили извѣстное число даточныхъ людей изъ крѣпостныхъ также на лошадяхъ и съ надлежащимъ вооруженіемъ; между тѣмъ хозяйство въ помѣстьѣ, доходы съ котораго должны были покрывать эти затраты, страдало отъ постоянныхъ и продолжительныхъ отлучекъ хозяина. Требованія службы, очевидно, противорѣчили интересамъ хозяйства. Естественно, дворяне старались всевозможными средствами уклоняться отъ выѣзда на службу. Во все время существованія московскаго царства продолжалась постоянная борьба между правительствомъ, настаивавшимъ на

точномъ исполненіи служилыхъ обязанностей, и нерадивыми дворянами, получившими характерное названіе „нѣтчиковъ". Въ XVI-мъ столѣтіи Иванъ Грозный приказывалъ разыскивать неявившихся на службу и, сыскавъ, бить кнутомъ и давать на поруку, а за порукою высылать на государеву службу. Указы XVII-го вѣка испещрены неумолкаемыми жалобами на лѣность и огурство дворянъ. Цари угрожали нѣтчикамъ торговою казнью и отобраніемъ ихъ помѣстій и вотчинъ въ пользу доносителя, а животовъ—на жалованье ратнымъ людямъ. Неявка дворянъ входила, однако, все болѣе и болѣе въ обычай. Въ 1687 году, во время похода князя Голицына противъ крымскихъ татаръ, оказалось въ нѣтяхъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 1.866 человѣкъ. Правительство уже не думало о примѣненіи къ неисправнымъ объявленныхъ имъ неоднократно строгихъ мѣръ взысканія; указомъ 5-го марта 1688 года оно, исчисливъ подробно всѣхъ нѣтчиковъ по городамъ, возобновило имъ приказаніе явиться въ Рыльевъ къ 1-му мая подъ начальство воеводы Неплюева и возложило на мѣстныя власти обязанность объѣхать всѣ мѣста, розыскать и выслать скрывавшихся по назначенію (П. С., II, 1280).

Параллельно съ этимъ явленіемъ, въ законодательствѣ московскаго царства появляется въ XVII вѣкѣ стремленіе приравнять помѣстье къ вотчинамъ. Это теченіе стало обратнымъ сравнительно съ существовавшимъ въ XVI-мъ столѣтіи. Тогда правительство, относясь неблагопріятно къ стариннымъ вотчинамъ, ограничивало, по возможности, право распоряженія ими. Въ XV-мъ вѣкѣ наступила реакція. Не вотчины приближаются къ помѣстьямъ, но, напротивъ того, помѣстья приближаются къ вотчинному праву. Помѣстья становятся предметомъ частныхъ сдѣлокъ; согласно уложенію царя Алексѣя Михайловича, разрѣшено было подвергать ихъ мѣнѣ съ вѣдома помѣстнаго приказа, причемъ можно было переводить вотчины въ помѣстья и наоборотъ, лишь бы казна не потеряла своихъ владѣній. Съ другой стороны, ограниченія по отчужденію и наслѣдованію вотчинъ стали слабѣть. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ признано было право наслѣдованія въ вотчинахъ за дочерьми: при братьяхъ онѣ получали указную часть изъ помѣстья, но, въ случаѣ отсутствія братьевъ—имъ дозволено было бить челомъ о введеніи ихъ въ наслѣдство вотчинами. Вдова имѣла право наслѣдованія только въ купленной вотчинѣ; изъ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ она ничего не получала; по уложенію царя Алексѣя Михайловича, вдова получала, впрочемъ, право на извѣстную часть выслуженныхъ вотчинъ съ обязательствомъ не продавать ея, не за-

кладывать, не отдавать въ приданое или по душѣ; съ бездѣтными женами были сравнены матери. При этомъ помѣстья все болѣе укоренялись въ извѣстныхъ родахъ; сынъ пропускался на мѣсто отца, и дворяне все болѣе и болѣе обживались въ имѣніяхъ, данныхъ имъ только въ пользованіе, привыкая смотрѣть на нихъ какъ на родовую принадлежность. Правительство поддерживало этотъ взглядъ, систематически переименовывая помѣстья въ вотчины, посредствомъ пожалованій въ видѣ награды или милости. Обыкновенною милостью московскихъ царей по случаю окончанія похода или высокоторжественнаго событія (бракосочетанія, совершеннолѣтія наслѣдника престола и т. д.) было пожалованіе части помѣстій въ вотчину. Первые два тома Полнаго Собранія Законовъ переполнены такими указами (напр., т. I, 400, 404, 433, 450, 512; II, 640, 871, 922, 961, 1079, 1114, 1155, 1177, 1213, 1247, 1291, 1317). Въ 1682 году, за скорый пріѣздъ къ Троицко-Сергіевскому монастырю на защиту молодыхъ царей Ивана и Петра и царевны Софьи отъ взбунтовавшихся въ Москвѣ стрѣльцовъ, стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы получили въ вотчину десятую часть помѣстныхъ окладовъ. Болѣе отдаленные новгородскіе дворяне и дѣти боярскія просились у воеводы со слезами идти на защиту государей—и получили за это менѣе, чѣмъ московскіе дворяне, но все же двадцатую часть помѣстій въ вотчину (П. С., II, 1079 и 1155). Кромѣ того, правительство разрѣшало обращать помѣстья въ вотчины, посредствомъ выкупа, съ платою по рублю за четверть земли (П. С., II, 700, № 3; II, 374).

Наконецъ, мѣрою, существенно повліявшею на отправленіе дворянами ратной службы, было образованіе въ XVII-мъ вѣкѣ особой воинской силы, независимой отъ земскихъ служилыхъ людей. Воинская повинность дворянъ не могла удовлетворять новымъ требованіямъ государства. Во-первыхъ, она давала ему войско опредѣленной численности на случай войны, но не давала постоянной военной силы, необходимой для порядка въ мирное время. Государство не могло задерживать на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ. По возвращеніи изъ похода, имъ надо было давать отпускъ для занятій хозяйствомъ; иначе предоставленіе имъ помѣстій теряло бы всякій смыслъ. Во-вторыхъ, земское войско, не обученное ратному дѣлу, могло оказаться успѣшнымъ, пока военныя дѣйствія сосредоточивались на востокѣ и югѣ въ столкновеніяхъ съ татарами и инородцами. Какъ только появилась возможность столкновеній съ болѣе культурными на-

ціями, въ войскѣ московскихъ государей начинаютъ появляться особые ратные люди. Въ XVI-мъ вѣкѣ они носятъ названіе пушкарей и стрѣльцовъ; но число такихъ ратныхъ людей, въ сравненіи съ дворянами, было въ то время менѣе значительнымъ, чѣмъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Такъ, по Разряду 1579 года на 10.532 русскихъ служилыхъ человѣка и 6.461 новокрещеновъ и инородцевъ приходилось 15.119 стрѣльцовъ и казаковъ; а по Разряду 1679 года, войско образовывалось изъ 8.926 дворянъ и дѣтей боярскихъ, а рейтаровъ и иныхъ солдатъ было около 70.000; инородцевъ же было только нѣсколько сотенъ. Измѣненіе условій войны повліяло на составъ ратной силы.

Такимъ образомъ соединились всѣ условія, чтобы обратить помѣщика-служилаго человѣка въ помѣщика-хозяина. Сами помѣщики лѣниво относились къ службѣ; правительство обращало ихъ пожизненное владѣніе въ потомственное и вѣчное; наконецъ, ихъ спеціальное назначеніе—воинская служба—стало требовать иной организаціи, чѣмъ та, которою обусловливалась ихъ служилая повинность. Изъ двухъ, сочетавшихся въ лицѣ помѣщиковъ московскаго періода и оказавшихся не вполнѣ соединимыми, состояній—земскаго и служилаго—первое стало, по силѣ обстоятельствъ, постепенно вытѣснять второе. Приближалось время, когда различіе въ тяглахъ должно было обратиться въ сословную привилегію съ оттѣнкомъ бо̀льшей чистоты происхожденія. За тяглыми классами сохранились ихъ повинности, тогда какъ предоставленныя служилому классу, въ виду его службы государству, права̀ на землю и крѣпостныхъ крестьянъ стали обращаться, съ освобожденіемъ дворянъ отъ служебной повинности, изъ условныхъ преимуществъ въ частныя, безусловныя права. Оправдалась извѣстная формула: beati possidentes!

Превращеніе это совершилось въ императорскій періодъ: первые шаги въ такомъ направленіи предприняты были въ царствованіе великаго преобразователя Россіи, Петра I. Періодъ XVIII и XIX вѣка отличается отъ прежней русской исторіи, какъ извѣстно, тѣмъ, что воздѣйствіе политической власти на русскую жизнь, имѣвшее неоспоримое значеніе для общественнаго строя Россіи, начинаетъ совершаться въ значительной степени подъ вліяніемъ образцовъ западно-европейской жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдніе отразились и на дальнѣйшемъ развитіи дворянскаго сословія, обратившагося изъ служилаго класса въ

сословіе благородное и привилегированное, какимъ было съ самаго начала феодальное сословіе на Западѣ. Мы такъ подробно остановились на характеристикѣ служилаго сословія въ московскій періодъ съ тѣмъ, чтобы показать всю его своеобразность и несоотвѣтствіе упомянутому идеалу. Не только въ прежнихъ установленіяхъ московскаго періода, но и въ нравахъ русской жизни конца XVII вѣка не было почвы къ самостоятельному образованію сословной рыцарской чести въ нашемъ служиломъ сословіи. Отношеніе къ нему царей отличалось патріархальной первобытностью. Өедоръ Алексѣевичъ завелъ, правда, книги дворянскихъ фамилій въ назиданіе и память потомкамъ, но представители этихъ фамилій не были изъяты отъ позорящихъ тѣлесныхъ наказаній; мало того,—примѣненіе ихъ даже не устраняло изъ сословія. Сама боярская дума приговаривала членовъ выдающихся фамилій къ сѣченію кнутомъ за строптивость въ мѣстническихъ счетахъ, и если кто миловалъ въ этихъ случаяхъ виновныхъ, то лишь сами цари. Внѣшность, одежда, вся жизнь служилыхъ людей подлежала усмотрѣнію царя. Предписывалось—кому ѣздить въ какихъ экипажахъ: думнымъ чинамъ было вмѣнено въ обязанность ѣздить на двухъ лошадяхъ; спальникамъ, стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ можно было ѣздить только на саняхъ въ одну лошадь; лѣтомъ они должны были совершать передвиженія верхомъ; кареты, существовавшія уже въ то время, были достояніемъ только членовъ царской думы (П. С., I, 902). Запрещено было подстригать волоса на головѣ и носить платья, кафтаны и шапки иноземскихъ образцовъ, перенимая „иноземскіе извычаи“; за нарушеніе этого запрета князь Кольцовъ-Масальскій переведенъ былъ изъ стряпчихъ въ жильцы (П. С., I, 607). Цари наказывали за нарушеніе воскреснаго дня дозволеніемъ работать въ этотъ день людямъ и крестьянамъ или произнесеніемъ скверныхъ словъ; за это князь Григорій Оболенскій былъ посаженъ въ тюрьму (П. С., I, 453). Когда Петръ Великій предписывалъ брить бороды и носить нѣмецкое платье, онъ не выходилъ изъ предѣловъ того, на что̀ былъ властенъ царь по обычаямъ времени.

Разсмотримъ теперь главнѣйшія распоряженія императорскаго періода относительно служилаго класса. Находясь въ области, приближающейся къ современнымъ понятіямъ сословности, мы имѣемъ возможность быть болѣе краткими, такъ какъ нѣтъ необходимости, посредствомъ детальныхъ фактовъ, возсоздавать строй жизни XVIII-го вѣка; онъ самъ по себѣ болѣе понятенъ, чѣмъ

сдѣлавшійся чуждымъ для нашего времени строй московскаго государства [1]).

Однимъ изъ существенныхъ явленій при Петрѣ Великомъ было прекращеніе раздачи помѣстій и уничтоженіе различія между помѣстьями и вотчинами. Начиная съ закона 1714 года о единонаслѣдіи, распространеннаго одинаково какъ на вотчины, такъ и на помѣстья, слѣдовательно сравнявшаго ихъ въ самомъ важномъ между ними различіи—въ порядкѣ наслѣдованія, государство перестало давать служилымъ людямъ помѣстья и замѣнило ихъ выдачей опредѣленнаго денежнаго содержанія. Послѣдніе слѣды помѣстной раздачи встрѣчаются, впрочемъ, и позже, въ особенности по отношенію къ инороднымъ князьямъ и дворянамъ, переходившимъ на русскую службу. Такъ, въ Малороссіи даны были Анной Ивановной помѣстья грузинскимъ дворянамъ, а въ новороссійскомъ краѣ при Елизаветѣ Петровнѣ—дворянамъ сербскимъ. Но вообще раздача имѣній начала принимать характеръ не предоставленія средствъ, изъ которыхъ дворянамъ надо было нести службу, а жалованья въ собственность, просто въ видѣ награды или милости. Въ XVIII вѣкѣ, какъ нарочно, территорія Россіи быстро увеличивалась—количество земли, находившейся въ распоряженіи государей, постоянно умножалось, и раздачи имѣній совершались щедрою рукой. Происхожденіе многихъ, существующихъ въ настоящее время, крупныхъ аристократическихъ состояній относится къ этой эпохѣ. Въ особенности обильна была раздача населенныхъ имѣній въ царствованіе императора Павла. Мало того, что раздаваемы были населенныя имѣнія близкимъ и заслуженнымъ людямъ (напр., 82.000 душъ въ день коронованія), но было даже прямо предоставлено начальству при испрошеніи наградъ чиновникамъ представлять ихъ къ полученію земель; въ 1800 году пожаловано было разнымъ чиновникамъ 213.000 десятинъ въ саратовской губерніи (П. С., 19858). Не даромъ приписываются Павлу I слова: „у меня столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ въ государствѣ (Записки Болотова, Р. Арх., ч. 2, стр. 781). До императора Александра I, пожалованіе имѣній совершалось часто предоставленіемъ извѣстнаго числа душъ. Александръ I прекратилъ раздачу населенныхъ имѣній съ крестьянами. Съ этого времени въ собственность жаловались только ненаселен-

[1]) Мы еще разъ останавливаемъ вниманіе читателя на трудѣ профессора Романовича-Славатинскаго, содержащемъ въ себѣ весьма полный сводъ фактовъ относительно дворянской исторіи, которымъ намъ приходилось широко пользоваться при изложеніи императорскаго ея періода.

ныя имѣнія, а населенныя земли предоставляемы были не иначе, какъ въ аренду. Первый видъ раздачи практиковался при Александрѣ I на довольно широкихъ основаніяхъ. Въ 1803 году предписано было раздавать въ новороссійскомъ краѣ ненаселенныя земли штабъ- и оберъ-офицерамъ—первымъ по 1.000, а вторымъ по 500 десятинъ (П. С., 20609). Ко времени царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I относится, какъ мы уже указали, начало главной массы дворянскаго землевладѣнія въ степномъ краѣ и нижнемъ Поволжьѣ. Послѣднею страницей правительственной раздачи земель (пріобрѣвшей въ минувшее царствованіе характеръ продажи на льготныхъ основаніяхъ) была происходившая на нашихъ глазахъ раздача земель въ уфимской губерніи.

Съ обращеніемъ при Петрѣ I помѣстій въ собственность, стала все болѣе и болѣе входить въ силу система вознагражденія служилыхъ людей денежными содержаніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранены были прежніе дворянскіе полки, составлявшіеся изъ дворянъ и отъ даточныхъ людей, и установлена была служба въ регулярныхъ войскахъ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Упорядоченіе служилой повинности дворянства на новыхъ основаніяхъ совершено было императоромъ въ послѣдніе годы его царствованія: съ этою цѣлью была издана табель о рангахъ 1722 г., и учреждена должность герольдмейстера.

Нельзя не замѣтить, что, при всей юности корпоративнаго чувства въ средѣ дворянскихъ депутатовъ, участвовавшихъ въ обсужденіи Наказа Екатерины въ коммиссіи 1767 года, нѣкоторые изъ нихъ сознавали несоотвѣтствіе идеѣ благородства привилегированнаго сословія пріобрѣтеніе дворянскихъ правъ чинами. Депутаты изъ Ельца, Ярославля, Михайлова, Курска и Клина ходатайствовали объ отмѣнѣ этого правила, указывая на то, что присвоеніе Петромъ Великимъ сословныхъ правъ чинамъ слѣдуетъ признавать временною мѣрою. Но отсутствіе замкнутости служилаго сословія было, какъ мы показали, историческою чертою его существованія въ Россіи,—и потому пріобрѣтеніе сословныхъ преимуществъ службою должно было неизбѣжно сохраниться, тогда какъ такая мѣра, какъ майораты, которое могло бы повести къ обособленію дворянства, погибла безслѣдно.

Царствованію Петра Великаго принадлежатъ первыя попытки къ объединенію дворянскаго сословія въ одно цѣлое. Мы видѣли, что нѣкоторый шагъ къ этому былъ уже сдѣланъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ установленіемъ дворянскихъ книгъ. Но когда Петръ В. сталъ окончательно упразднять, какъ отжившую свой вѣкъ,

указанную нами выше іерархію московской службы, возникла необходимость собрать въ одну храмину членовъ служилаго сословія, разсыпанныхъ по ступенямъ упразднившейся іерархіи. Замѣчательно, что Петръ I прибѣгнулъ, для обозначенія объединеннаго сословія, къ не-русскому выраженію: шляхетство. Понятіе дворянства хотя и употреблялось въ жизни, въ смыслѣ общаго термина, — представляло, вѣроятно, неудобство въ томъ отношеніи, что оно обозначало, въ то же время, извѣстную и притомъ низкую ступень служилой іерархіи. Память объ этомъ низкомъ значеніи дворянскаго званія была въ Петровскую эпоху слишкомъ свѣжа, чтобы не служить препятствіемъ къ наименованію этимъ званіемъ сословія, въ которое Петръ старался вселить сознаніе превосходства надъ другими и благородности происхожденія. Нельзя не упомянуть, что въ указахъ двадцатыхъ годовъ XVIII-го столѣтія проглядываетъ еще различіе въ средѣ шляхетства между дворянами и царедворцами, т.-е. обыкновенными служилыми людьми и близкими къ царскому двору. Но мало-по-малу къ половинѣ XVIII-го вѣка званіе дворянина начинаетъ окончательно пріобрѣтать права гражданства.

Петръ В. показалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣръ введенія общихъ сословныхъ отличій для дворянства. Это были упомянутые уже нами гербы и титулъ благородія, перешедшій къ дворянству въ наслѣдіе отъ членовъ царскаго дома послѣ измѣненія, въ 1721 году, ихъ титула изъ благородныхъ въ благовѣрные, тогда какъ въ московское время званіе благовѣрнаго предоставляемо было только наслѣднику престола. Установленіемъ по табели о рангахъ правила, что дѣти чиновниковъ отъ 8-го до 14-го класса не суть дворяне, Петръ I положилъ основаніе къ образованію новой категоріи въ средѣ объединеннаго имъ шляхетства: дворянства личнаго, которое имѣетъ право на титулъ благородія, но не можетъ получать гербовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петру Великому принадлежитъ первая попытка образованія мѣстныхъ учрежденій изъ дворянской среды. Въ 1702 году повелѣно было, съ упраздненіемъ губныхъ старостъ и сыщиковъ, воеводамъ отдать всякія дѣла съ выборными отъ дворянства лицами (П. С., IV, 1900), а въ 1715 году установлены были при губернаторахъ ландратскія коллегіи изъ дворянъ, которыя должны были вѣдать всякими административными дѣлами вмѣстѣ съ губернаторомъ (П. С., V, 2673). Послѣднія учрежденія, заимствованныя, судя по названію, изъ остзейскаго края, исчезли безслѣдно, и, наконецъ, въ 1718 году было возложено на дворянъ избраніе земскаго коммиссара въ губерніи,

на котораго возложены были весьма существенныя административныя полицейскія обязанности (П. С., V, 3245 и 3295).

Вотъ главныя распоряженія, сдѣланныя для дворянства Петромъ Великимъ, не говоря о единонаслѣдіи, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть. Титулъ благородія—наряду съ неизъятіемъ дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія, гербы—и пріобрѣтеніе дворянства чинами, обязательная ратная служба—и введеніе привилегированныхъ дворянскихъ властей въ мѣстномъ управленіи—какое удивительное сочетаніе противорѣчій! Нашедши служилое сословіе уже въ видѣ многочисленнаго и развитаго, но чисто тяглаго, служилаго класса, Петръ В. попытался вложить въ его организацію новыя мысли, но не видоизмѣнилъ существенно стараго. Получилась картина весьма своеобразная—единственная по своей оригинальности въ исторіи благородныхъ сословій.

Нельзя не замѣтить существеннаго вліянія на сдѣланныя нововведенія иностранныхъ и остзейскихъ образцовъ. Установленію майоратовъ предшествовало изученіе Петромъ В. иностранныхъ законовъ; учрежденіе ландратовъ, сохранившихъ даже первобытное остзейское наименованіе, даетъ указаніе на источникъ, откуда была заимствована мысль объ этомъ институтѣ. Вліяніе это сказалось и при учрежденіи корпоративной организаціи дворянства—введеніе, по примѣру остзейскихъ маршаловъ, дворянскихъ предводителей. Какъ видно по аккорднымъ пунктамъ о присоединеніи Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи (4-го іюля и 29-го сентября 1710 года, П. С., IV, 2279), тамъ существовалъ уже въ то время сохранившійся до-нынѣ отъ XVI-го вѣка строй дворянскихъ учрежденій: ландтаги, ландмаршалы и т. д., и объ оставленіи ихъ въ дѣйствіи былъ заключенъ прямой договоръ съ дворянствомъ. Естественно, русскіе монархи, остановившись на необходимости дать корпоративную организацію русскому дворянству, черпали соотвѣтствующее оттуда. Сохранилось указаніе, что, при составленіи жалованной грамоты дворянству, приглашены были императрицей Екатериной двое остзейцевъ: Ульрихъ и Сиверсъ; съ послѣднимъ государыня вела по этому предмету переписку, и ему приписывается, между прочимъ, мысль объ учрежденіи губернскихъ предводителей (см. Bienemann, „Die Statthalterschaftszeit", стр. 231, 258 и 260).

Мы не будемъ останавливаться на детальныхъ распоряженіяхъ, касающихся дворянства, которыя предприняты были непосредственными преемниками Петра Великаго. Капитальною мѣрою было устраненіе лежавшаго на немъ служилаго тягла, осуществленное манифестомъ, 18-го февраля 1762 года, Петра III.

Единственными остатками прежней служилой повинности являются въ этой грамотѣ: 1) повелѣніе, чтобы дворяне, „кои никакой и нигдѣ службы не имѣли", были презираемы и уничтожаемы (конечно, въ нравственномъ смыслѣ) всѣми вѣрноподданными и сынами отечества и не были терпимы ни на пріѣздахъ ко двору, ни на публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ; 2) распоряженіе о ежегодномъ избраніи дворянами каждой губерніи 50 человѣкъ для того, чтобы изъ нихъ состояли—30 при сенатѣ, а 20—при сенатской конторѣ; 3) принадлежность монарху права призывать дворянъ къ службѣ, когда того потребовала бы особливая надобность, и 4) возложеніе на дворянъ обязательства не воспитывать дѣтей „безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ" (П. С., XV, 11444). Только съ этихъ поръ можно считать начавшимся существованіе дворянства, какъ дѣйствительно привилегированнаго класса.

Окончательное установленіе правъ вольности и свободы россійскаго дворянства сдѣлано было жалованною грамотою 21-го апрѣля 1785 года (П. С., XXII, 16187). Права, которыми съ тѣхъ поръ пользовались дворяне, могутъ быть раздѣлены на отрицательныя, какъ-то: свобода отъ личной службы и личныхъ податей, освобожденіе дома отъ постоя, изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній,—и положительныя, какъ-то: права владѣть поземельною собственностью, нѣкоторыя преимущества по производству въ чины и по прохожденію службы и, наконецъ, весьма существенная прерогатива особой корпоративной организаціи. Съ предоставленіемъ, въ 1801 году, всѣмъ россійскимъ подданнымъ права пріобрѣтать земли безъ крестьянъ, привилегія дворянскаго землевладѣнія стала ограничиваться исключительно населенными имѣніями; съ нею была сопряжена весьма важная вотчинная полицейская власть помѣщика надъ его крѣпостными крестьянами. Съ другой стороны, дворянское званіе влекло за собою нѣкоторыя стѣсненія, напримѣръ, запрещеніе дворянамъ записываться въ гильдіи, выраженное окончательно въ сенатскомъ указѣ 26-го октября 1790 года (П. С., XXIII, 16914). Замѣчательно, что мысль объ этомъ ограниченіи заимствована была Екатериною II изъ Монтескьё (гл. XIII Наказа, § 320). Запрещеніе записываться въ гильдіи было, впрочемъ, отмѣнено закономъ 1-го января 1807 года, который, послѣ нѣкотораго колебанія въ 1825 году, былъ подтвержденъ въ 1827 г. и окончательно санкціонированъ закономъ 1863 года. Согласно жалованной грамотѣ, сословныя права должны быть сохраняемы непоколебимо и ненарушимо. Указано было, что дворянинъ можетъ быть лишенъ своего достоинства только по суду; при этомъ по-

яснялось, что такимъ судомъ можетъ быть лишь судъ равныхъ (§ 12). Нельзя не замѣтить, что это послѣднее постановленіе, идея котораго напоминаетъ нѣсколько средневѣковый судъ пэровъ, осталось совершенно безъ примѣненія.

Жалованная грамота дала дворянству корпоративную организацію: она образовала изъ дворянства каждой губерніи особое общество съ уѣздными и губернскими сословными представителями. Учрежденіе предводителей дворянства, окончательно закрѣпленное въ 1785 году, началось нѣсколько ранѣе. Въ 1766 г., при выборѣ депутатовъ въ коммиссію для составленія новаго уложенія, повелѣно было дворянамъ избрать изъ своей среды на два года предводителей по уѣздамъ (П. С., т. XVII, 12801). Послѣдующими указами повелѣно было возобновлять выборы по истеченіи упомянутаго срока (П. С., т. XVIII и XIX, 13119 и 13600), а указомъ 1771 года—избраніе уѣздныхъ предводителей вмѣнено въ обязанность, не ожидая новаго указа (№ 13661). Встрѣчаются указанія и на существованіе губернскихъ предводителей дворянства въ промежутокъ между 1775 и 1785 годами (напр., П. С. З, т. XXI, 15280). Но съ 1785 года должности уѣздныхъ и губернскихъ предводителей получаютъ окончательную организацію. Характерно, что, слитое въ губернскія и уѣздныя группы, дворянство при Екатеринѣ не получило однообразнаго внѣшняго облаченія. Кафтаны и камзолы, которые были ему предоставлены, различались по полосамъ и губерніямъ Россіи (П. С., т. XXII, 15973); только при императорѣ Николаѣ, въ 1832 году, была введена общая для дворянъ всей имперіи форма—мундиръ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ (П. С., т. VII, 5455).

Кромѣ того, по учрежденію о губерніяхъ 1775 года, дворянство получило право на замѣщеніе изъ своей среды по выборамъ многихъ должностей по полицейскому и судебному управленіямъ. Завѣдываніе уѣздною полиціей предоставлено было нижнему земскому суду, члены котораго (земскій исправникъ и два или три дворянскихъ засѣдателя) выбирались дворянствомъ, кромѣ двухъ сельскихъ засѣдателей, которые назначались изъ нижней расправы. Измѣненіе этого порядка произведено было въ 1837 году, когда установилось дѣленіе уѣздовъ на станы, подчиненные приставамъ, которые назначались губернскими правленіями, причемъ дворянскимъ собраніямъ предоставлено было только указывать означеннымъ правленіямъ на мѣстныхъ дворянъ для назначенія на эту должность; къ составу дворянской полиціи былъ присоединенъ, такимъ образомъ, коронный элементъ, который не долженъ былъ пополняться обязательно изъ состава дворянъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, изъ прежнихъ нѣсколькихъ дворянскихъ засѣдателей оставленъ былъ только одинъ, для постояннаго присутствованія въ земскомъ судѣ, подъ названіемъ старшаго непремѣннаго засѣдателя (2-е П. С., XII, 10305). По судебному управленію было учрежденіемъ губерній 1775 года предоставлено дворянству замѣщать по выборамъ членовъ уѣздныхъ судовъ, уѣздныхъ судей и 2 засѣдателей (П. С., XX, 14392, § 19) и 10 засѣдателей въ верхнихъ земскихъ судахъ, учрежденныхъ для всей губерніи и состоявшихъ подъ предсѣдательствомъ двухъ коронныхъ предсѣдателей (§ 37). Въ 1831 году предоставлено было дворянамъ избирать не только нѣкоторыхъ членовъ, но и самихъ предсѣдателей губернскихъ судовъ, переименованныхъ уже въ палаты (2-ое П. С., VII, отд. 2, 4989).

Право на замѣщеніе дворянствомъ полицейскихъ должностей въ уѣздѣ продолжалось до 1860 года; право на замѣщеніе дворянствомъ должностей по судебному управленію существовало до 1865 года. Остановимся на практическихъ результатахъ, данныхъ дворянскими учрежденіями. Дореформенное время уже такъ далеко, что многіе, склонные его идеализировать, забываютъ объ обратной сторонѣ медали. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ полицейскимъ и судебнымъ должностямъ дореформенной формаціи, сохранилась до настоящаго времени въ обществѣ память, далеко для нихъ не-благопріятная. Ограничимся теперь ссылками на чисто-оффиціальные источники.

Чѣмъ вызвано было установленіе, въ 1775 году, новой, весьма существенной, привилегіи дворянства на замѣщеніе органовъ мѣстнаго управленія? Относительно предводительскихъ должностей нельзя отвергать вліяніе остзейскихъ порядковъ, подавшее къ нимъ мысль. Остзейскіе термины, напр. названіе ландратовъ, мелькаютъ даже въ требованіяхъ мѣстнаго дворянства, заявленныхъ наказами, которые были даны дворянскимъ депутатамъ, избраннымъ для составленія новаго уложенія въ Екатерининской коммиссіи 1767 и 1769 гг. Такъ, боровское дворянство ходатайствовало объ установленіи ландрата въ уѣздѣ, которому быть его защитникомъ и опекуномъ. Весьма возможно, что и образцы дворянской полиціи и дворянскихъ судовъ, существующіе до настоящаго времени въ остзейскомъ краѣ, сохранившись тамъ съ XVI вѣка, имѣли для нашихъ дворянъ тоже значеніе. Между прочимъ, боровичане отождествляютъ должность ландрата съ воеводою-исправникомъ. Во всякомъ случаѣ, въ наказахъ нѣкоторыхъ дворянствъ весьма энергично указывалось на необходимость организаціи не только особенныхъ властей для завѣды-

ванія дворянскими дѣлами, но и мѣстныхъ властей для управленія краемъ по выбору дворянства. Таковы предположенія о выборныхъ воеводахъ коммиссарахъ; послѣдняя должность представляетъ особый интересъ, потому что коммиссару предполагалось дворянами дать, вмѣстѣ съ административной, и судебную власть, какъ-то: словесный разборъ крестьянскихъ споровъ и ссоръ, мелкихъ сосѣдскихъ споровъ помѣщиковъ и, между прочимъ, право подвергать крестьянъ наказаніямъ. Правительство приняло мысль дворянства объ устройствѣ мѣстнаго суда и управленія, на дворянскомъ началѣ естественно, такъ какъ дворянство, которому принадлежали земля и крестьяне, на ней живущіе, фактически уже обладало этою властью въ видѣ вотчинныхъ правъ помѣщиковъ. Другого нельзя было сдѣлать. Дворянство было всеобъемлющей мѣстной силой.

Начало царствованія Александра I ознаменовалось указомъ, возвѣстившимъ дворянамъ, что воля монарха предуказываетъ имъ ревностнѣе относиться къ участію въ выборахъ. Указъ этотъ начинается словами: „Доходитъ до свѣденія нашего, что будто лучшее дворянство, а также граждане, уклоняются отъ выборовъ. Изъ того само по себѣ выходитъ, что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя" (П. С., XXVII, 20381). Во время царствованія императора Николая I повторялось то же явленіе. Вотъ слова графа Закревскаго, бывшаго въ 1831 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ донесеніи государю императору: „усердіе и честность членовъ земскихъ судовъ нерѣдко измѣняютъ видъ свой подъ бременемъ бѣдности. Дворянинъ, имѣющій порядочное состояніе, избѣгаетъ той должности по выборамъ, которая ничего не обѣщаетъ, кромѣ труда и отвѣтственности. Званіе земскихъ засѣдателей, по обязанностямъ своимъ весьма важное, къ несчастію, въ общемъ мнѣніи пришло въ униженіе. Оттого мѣста сіи чаще всего достаются тѣмъ людямъ, которые или не хотятъ служить, но не извлекали средства избѣгнуть выборовъ, или вовсе неспособны къ службѣ, но, не имѣя никакой фортуны, доискивались какой-нибудь должности. Весьма примѣтно, что дворянскіе выборы далеко уклонились отъ прямой цѣли своего установленія". Въ указѣ 1-го января 1832 года императоръ Николай I въ слѣдующихъ чертахъ указалъ на недостатки дворянскихъ учрежденій: „Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. Отъ сего чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ

законахъ; по части же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ—запутанность и упущеніе, постановляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона" (2-е П. С. VII, 5053). То же самое продолжалось и въ послѣдующее время. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1842 годъ, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, заявлялъ: „дворянскіе выборы не всегда отвѣчаютъ своей цѣли. Чиновники, служащіе по выборамъ, нерѣдко менѣе способны и надежны, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства. На выборахъ не всегда обнаруживается чистое и безкорыстное стремленіе къ общественному благу. Званія земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижены въ общественномъ мнѣніи".

Объяснить эти явленія не трудно. Очевидно, на дворянство была возложена задача, не подходящая къ его характеру и отношенію къ службѣ. Издавна въ дворянствѣ сложилось уваженіе къ службѣ чиновной, подымающей человѣка надъ уровнемъ окружающихъ, и пренебреженіе къ мѣстной службѣ, составлявшей тягло, отъ котораго пріятно было избавиться. Простое дворянство XVI и XVII столѣтій относилось такъ къ обязательной воинской, а потомъ и гражданской службѣ; потомки его въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка относились не иначе къ службѣ выборной. Дворянство сдавало на административныя и судебныя должности мѣстной службы или своихъ пролетаріевъ, или своихъ инвалидовъ. Въ нѣкоторой степени, правительство, впрочемъ, само показывало примѣръ въ этомъ отношеніи. Достаточно вспомнить, что, послѣ окончанія войны 1812 и 1813 годовъ, было съ 1816 года Высочайше повелѣно опредѣлять городничими, завѣдывавшими полиціей въ городахъ и назначавшимися отъ правительства, преимущественно офицеровъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ.

Если сравнить минувшую дѣятельность дворянскихъ учрежденій съ теперешнею дѣятельностью органовъ земскихъ установленій и мировой юстиціи, то окажется неоспоримое улучшеніе. Что бы ни говорили про современныхъ мѣстныхъ дѣятелей, но ихъ нельзя болѣе характеризовать чертами типовъ, увѣковѣченныхъ въ „Мертвыхъ Душахъ" и „Ревизорѣ". Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что избирательная дворянская среда, изъ которой выходили дѣльцы старыхъ временъ, была въ нравственномъ отношеніи цѣльнѣе избирательной земской среды теперешняго времени, которая часто представляетъ картину неорганизовавшихся общественныхъ силъ, дробящихся на случайныя партіи. Значитъ,

среда, производящая выборы, не имѣетъ еще рѣшающаго значенія; сословность выборовъ не служитъ достаточнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ низкаго уровня избираемыхъ.

Нельзя не замѣтить, что положеніе дворянства въ земствѣ нельзя назвать теперь неблагопріятнымъ. Ему принадлежитъ бо́льшая часть земельнаго ценза и голосовъ въ съѣздахъ крупныхъ землевладѣльцевъ; къ его средѣ принадлежитъ также большинство людей, имѣющихъ необходимый образовательный цензъ для выборовъ и охоту служить въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Безъ особенныхъ стараній, на сторонѣ дворянства оказываются часто голоса сельскихъ обществъ. Крестьяне привыкли относиться съ уваженіемъ къ дворянамъ; они привыкли и къ тому, что служба составляетъ дворянское дѣло. Въ значительной части мѣстностей имперіи дворянству принадлежитъ даже большинство голосовъ на земскихъ собраніяхъ. Это объясняется тѣмъ, что дворяне имѣютъ болѣе досуга заниматься общественнымъ дѣломъ, чѣмъ лица другихъ сословій. Крестьяне не любятъ отрываться отъ трудовыхъ занятій и склонны видѣть въ обязанностяхъ гласнаго не общественное право, а повинность; главный контингентъ ихъ сословныхъ представителей на земскихъ собраніяхъ, это—волостные старшины и волостные писаря. Купцы заняты также своимъ торговымъ дѣломъ; что̀ значатъ для нихъ общественныя нужды? При такомъ составѣ земскихъ собраній, еслибы дворянство обладало живучестью на сословной корпоративной почвѣ, оно не преминуло бы воспользоваться своимъ руководящимъ положеніемъ въ земствѣ, чтобы проводить сословныя цѣли. Но этого нѣтъ. Дворяне, въ качествѣ земскихъ дѣятелей, широко откликались на нужды народа и сдѣлали для нихъ посильное. Въ дѣлахъ же, живо затрогивающихъ личные интересы, напр., въ выборахъ на земскія должности, дворянство, несмотря на свою корпоративную организацію, которая давала бы ему возможность поступать вполнѣ единодушно, нерѣдко само дѣлится на партіи. Замѣчается также, что многіе изъ дворянъ не ѣздятъ ни на выборы, ни на земскія собранія. Если такое отношеніе къ дѣлу даетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, бо́льшій просторъ вліянію кулаческаго элемента, то виною тому отнюдь не подавленное состояніе дворянства въ земской сферѣ, а собственное бездѣйствіе. Апатію дворянъ къ мѣстной дѣятельности можно было бы отнести къ безсословному характеру земскихъ учрежденій, будто бы оскорбляющему служилую честь дворянъ, еслибы послѣдніе въ учрежденіяхъ дворянскаго типа дѣйствовали съ дѣйствительною энергіей и рвеніемъ. Но жалобы правительства на небрежное исполненіе дворянами

обязанностей по выборамъ можно найти на страницахъ законодательства особенно часто за тѣ времена, когда весь уѣздъ находился въ рукахъ дворянъ. Дворяне не ѣздили въ дворянскія собранія, такъ что пришлось въ 1832 году установить особыя взысканія за неявку къ участію въ выборахъ (2-е П. С., VI, 4989, § 69); надо было разъяснять, что, напримѣръ, исполненіе обязанностей церковнаго старосты не служитъ законнымъ поводомъ къ уклоненію отъ выборовъ, и т. д. Избранные въ должности дворяне нерѣдко отъ нихъ уклонялись, и возникалъ вопросъ, какъ поступать правительству въ такихъ случаяхъ. Въ 1827 году было постановлено поступать при означенныхъ обстоятельствахъ на основаніи указа 20 іюля 1797 года, т.-е. замѣщать такія мѣста по назначенію губернскихъ правленій (2-е П. С., II, 853). По нашему убѣжденію, причины бездѣятельности дворянъ, и въ прежнее, и въ теперешнее время, одинаковы. Это, какъ мы уже разъяснили—абсентеизмъ крупныхъ дворянъ, слабость среднепомѣстнаго класса, традиціонное тяготѣніе къ государственной службѣ и пренебреженіе къ нечиновной службѣ. Если же безпристрастно спросить себя, въ какой періодъ дворянство проявило болѣе признаковъ общественной дѣятельности: въ исключительно сословный или земскій періодъ его существованія, то перевѣсъ выпадетъ безусловно на послѣдній.

Какъ примирить значительное участіе дворянскихъ силъ въ мѣстной земской дѣятельности съ несомнѣнными фактами оскудѣнія дворянства въ сферѣ землевладѣнія? Упомянутое явленіе объясняется, по нашему мнѣнію, болѣе широкимъ допущеніемъ новыхъ дворянскихъ элементовъ въ сферу выборной дѣятельности. Прежде, для непосредственнаго участія въ дворянскомъ собраніи надо было имѣть не менѣе 100 душъ или 3.000 десятинъ земли; положеніе о земскихъ учрежденіяхъ требуетъ для участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ и для избранія въ гласные отъ 200 до 500 десятинъ; тотъ же цензъ дѣйствуетъ теперь и для дворянскихъ собраній. Пониженіе ценза открыло двери въ общественную дѣятельность мелкопомѣстному дворянству, которое прежде не выступало на свѣтъ Божій. Вотъ этотъ-то элементъ въ настоящее время особенно замѣтенъ въ земствѣ.

Мы приблизились въ нашемъ изслѣдованіи къ порогу современности. Интересно удостовѣрить, въ чемъ заключаются въ настоящее время привилегіи дворянства? Мы видѣли, что главныя изъ нихъ были чисто отрицательнаго свойства. Наиболѣе существенная привилегія—свобода отъ службы и личныхъ податей—утратила всякій смыслъ послѣ установленія всеобщей воинской

повинности и отмѣны подушнаго налога. Обязанности всѣхъ подданныхъ по отношенію къ государству теперь одинаковы. Изъ всѣхъ реформъ минувшаго царствованія это уравненіе оказалось особенно ощутительнымъ для паденія привилегированнаго положенія дворянства, такъ какъ источникомъ сословной жизни въ Россіи было именно различіе въ тяглахъ между различными классами общества. Другою дворянской привилегіей было изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній. Но право это уже не составляетъ теперь прерогативы однихъ дворянъ; оно раздѣляется такимъ широкимъ кругомъ русскихъ подданныхъ, что исчисленіе всѣхъ лицъ, избавленныхъ отъ упомянутыхъ наказаній, занимаетъ нѣсколько страницъ въ законѣ. Изъ положительныхъ правъ дворянства отпало право на владѣніе населенными имѣніями, составлявшее существенную экономическую привилегію; устранились всѣ преимущества по назначенію на службу и прохожденію ея. Что же осталось? Свобода дворянскихъ домовъ отъ постоя, титулъ благородія, гербы и корпоративная организація. Но титулъ благородія можетъ быть легко пріобрѣтенъ канцелярскимъ чиновникомъ, за усердное переписываніе бумагъ, или даже курьеромъ, за услуги вовсе не дворянскаго свойства. О гербахъ никто не думаетъ, а корпоративная организація начинаетъ становиться ощутительнымъ бременемъ, такъ какъ налогъ на содержаніе дворянскихъ учрежденій, упадающій на однихъ дворянъ, увеличивается для участниковъ, по мѣрѣ уменьшенія числа дворянъ въ уѣздѣ и губерніи. Между тѣмъ все стало доступнымъ для каждаго — образованіе, служба, почести. Кто хочетъ сдѣлаться дворяниномъ, можетъ достигнуть этого званія даже не служилымъ путемъ,—если онъ располагаетъ лично большимъ состояніемъ,—посредствомъ удѣленія извѣстной лепты на благотворительныя учрежденія; всѣ крупные дѣльцы послѣдняго времени пріобрѣли права потомственнаго дворянства, если только они этого добивались.

Окончивши историческій обзоръ минувшихъ судебъ нашего дворянства, мы должны подвести итоги его историческаго роста. Въ чемъ заключаются его хорошія качества, какія его недостатки? Отвѣтъ самъ собою подсказывается: хорошія черты и заслуги дворянства принадлежатъ служилой сферѣ и проявлялись въ ней; самостоятельная же дѣятельность дворянства и теперь отличается отсутствіемъ корпоративности, сродства и единства между различными частями этого сословія. Основнымъ условіемъ аристократичности сословія является его малочисленность, замкнутость,

однородность историческаго прошлаго, единство задачъ и взглядовъ на жизнь. Всего этого нѣтъ въ нашемъ дворянствѣ. Оно слишкомъ многочисленно, слилось изъ разнородныхъ элементовъ, разъединено не только національными различіями, но и несходствомъ экономическихъ положеній и рода жизни его сочленовъ. Своею обширностью и разбросанностью оно напоминаетъ картину Россіи, съ ея безконечнымъ протяженіемъ, незамкнутыми границами, разнохарактерностью населенія и географическихъ свойствъ. Для созданія при такихъ условіяхъ твердой, въ сословномъ отношеніи, единицы было бы вдвойнѣ необходимо существованіе въ средѣ дворянства неизмѣннаго и непроницаемаго ядра въ видѣ надлежащимъ образомъ развитаго среднепомѣстнаго класса, но послѣдній слабъ и не имѣетъ достаточнаго распространенія.

Дворянство создано было правительствомъ, сначала какъ служилое, а потомъ какъ привилегированное землевладѣльческое сословіе. Но черты, пріобрѣтенныя имъ во время перваго періода его существованія, препятствовали его развитію въ другомъ направленіи. Въ началѣ историческаго прошлаго дворянства землевладѣніе и сельское хозяйство имѣло второстепенное значеніе; главнымъ его назначеніемъ была служба, а эксплуатація земли была для нея только средствомъ. Взглядъ на землевладѣльческое положеніе дворянскаго класса, какъ на нѣчто несущественное, однако сохранился, къ сожалѣнію, въ значительной части сословія и послѣ того, какъ оно было освобождено отъ служилой обязанности. Онъ сохранился точно также, какъ пережила установленіе привилегій другая традиціонная черта дворянства—его незамкнутость. Это можетъ послужить краснорѣчивымъ примѣромъ, какъ, несмотря на измѣненіе событій и направленія жизни, удерживаются черты, дѣйствительно глубоко укоренившіяся. Послѣ обращенія дворянства въ сословіе съ разными преимуществами, входъ въ это сословіе остался все-таки открытымъ; послѣ того, какъ снабженное помѣстьями и даровымъ трудомъ крестьянъ дворянство было освобождено отъ службы, оно тѣмъ не менѣе, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, продолжало искать величія на другихъ поприщахъ жизни, пренебрегая агрикультурными цѣлями. Въ лучшихъ случаяхъ, такіе дворяне продолжали службу; въ худшихъ — обращали проживаніе доходовъ, имѣвшихъ сначала служебное назначеніе, въ самостоятельное призваніе. Между тѣмъ мѣстное дворянство, проживавшее въ имѣніяхъ, не могло образовать изъ своей среды надлежащаго контингента силъ для мѣстнаго управленія и суда. Происходило странное явленіе: извѣстная часть

дворянъ порывалась на государственную службу и потому пренебрегала хозяйствомъ; другая часть—проживавшая на мѣстѣ—напротивъ, пренебрегала мѣстной службой. Когда привилегіи, охранявшія неприкосновенность дворянскаго землевладѣнія, были отмѣнены правительствомъ, то наплывъ въ землевладѣльческую среду новыхъ элементовъ не встрѣтилъ энергичнаго отпора.

Нельзя не замѣтить, что вліяніе идей западно-европейской образованности, составляющее немаловажный факторъ русской жизни со времени установленія прочныхъ отношеній къ Западу, сильно сказывалось во вредъ развитія сословныхъ стимуловъ. Отношеніе къ сословнымъ интересамъ дворянъ, принадлежащихъ къ составу такъ-называемой интеллигенціи, было большею частью чисто-отрицательное. Установленіе сословныхъ привилегій въ Россіи произошло такъ поздно (въ концѣ XVIII вѣка), что оно только немногими годами предшествовало торжеству буржуазныхъ началъ на Западѣ Европы. Увлеченіе новыми идеями вредило зарожденію корпоративныхъ интересовъ, къ которымъ молодые дворяне относились какъ къ чему-то уже устарѣвшему и подлежащему сдачѣ въ архивъ. Въ дворянскихъ семействахъ стала разыгрываться, все чаще и чаще, извѣстная драма между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, въ особенности обострившаяся въ эпоху реформъ. Неуспѣвшія окрѣпнуть въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій сословныя чувства въ дворянской средѣ не могли дать противовѣса мыслямъ, имъ противорѣчащимъ. Дѣйствительно, немногіе изъ интеллигентныхъ дворянъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ находили въ воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ дѣтства, въ традиціяхъ, внушенныхъ имъ съ колыбели, ту силу внутренняго убѣжденія, которая для западно-европейскаго аристократа дѣлаетъ такъ часто изъ сословныхъ интересовъ завѣтъ всей жизни.

Въ заключеніе историческаго обзора дворянской и сословной жизни въ Россіи, постараемся указать, въ чемъ же заключаются смыслъ и значеніе русской сословности? Отвѣтъ опять самъ собою подсказывается: отсутствіе единодушія, коллективнаго сознанія своихъ правъ и интересовъ, недостатокъ общественнаго взаимнодѣйствія, вотъ черты, которыми дышетъ каждая страница сословной исторіи Россіи.

Если бросить поверхностный взглядъ на русскую жизнь, то передъ нами оказались бы, повидимому, твердо и непоколебимо стоящія общественныя группы. Въ сознаніи каждаго онѣ отпечатлѣваются въ ясныхъ, опредѣленныхъ образахъ. Крестьянинъ рисуется передъ нами въ зипунѣ и лаптяхъ, съ загорѣлымъ лицомъ и мозолистыми, заскорузлыми руками; онъ занимается хлѣбопаше-

ствомъ и говоритъ грубыя мужицкія рѣчи. Купецъ облеченъ въ нанковый сюртукъ; онъ занимается торговлей, набоженъ, но, посѣщая исправно церковь Господню, не упускаетъ изъ виду, при удобномъ случаѣ, умножить и земное свое достояніе. Духовенство носитъ рясы и круглыя шляпы; пребывая въ страхѣ Божіемъ, оно, по скудости средствъ, вынуждено извлекать какъ можно болѣе отъ своихъ прихожанъ, потому что иначе, ему не прокормить многочисленной семьи. Дворяне ходятъ въ суконномъ нѣмецкомъ платьѣ; они по большей части занимаются службою или иными вольными профессіями; говорятъ они и даже часто мыслятъ по книжному.—Такова картина. Чего же, спросятъ насъ, идти далѣе? У насъ несомнѣнно существуютъ сословія, отпечатлѣнныя болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо. Всѣ упомянутыя группы существуютъ сами по себѣ. Одной нѣтъ дѣла до другой. Люди разныхъ слоевъ подчасъ даже съ трудомъ понимаютъ другъ друга. Но если всмотрѣться въ эту картину поглубже, то окажется, что у насъ дѣйствительно имѣются дворяне, купцы, крестьяне, но нѣтъ дворянства, купечества, крестьянства—въ смыслѣ сознательно и солидарно дѣйствующихъ общественныхъ силъ, а въ этомъ-то вся суть вопроса. Крестьянину одного села нѣтъ дѣла до крестьянина сосѣдней деревни, точно также какъ дворянину или купцу одной мѣстности до дворянина или купца другой мѣстности. У насъ имѣются сословныя рамки, но нѣтъ сословнаго духа. Наши сословія, это—организмы безъ скелетовъ. Говоря о сословныхъ рамкахъ, надо притомъ имѣть въ виду, что онѣ не только не замкнуты, но даже въ нѣкоторыхъ частяхъ совершенно неопредѣленны. Чтò такое наше торговое сословіе? Каждый, взявши гильдейское свидѣтельство, дѣлается купцомъ. Притомъ, наше купечество не имѣетъ опредѣленнаго отношенія ни къ потомственному почетному гражданству, ни къ мѣщанству. Или вотъ еще вопросъ. Въ какую категорію включать личныхъ дворянъ, этихъ людей благородныхъ, хотя и не родившихся благородными и не могущихъ оставить послѣ себя благородныхъ дѣтей? Потомственный дворянинъ или крестьянинъ могутъ заниматься торговлей; потомственный почетный гражданинъ можетъ купить землю и оставить торговыя занятія. Тогда центръ нравственнаго тяготѣнія ихъ жизни совершенно перемѣщается. Реальная сила общественной жизни и экономическихъ интересовъ стушевываетъ группировку людей по происхожденію.

Дворяне, купцы, крестьяне—отнюдь не враждебны другъ другу въ силу принадлежности къ разнымъ состояніямъ. Если интересы ихъ различны, то не потому, что одинъ—дворянинъ,

другой—купецъ, а третій—мужикъ, а потому, что занятія и положенія различныя. Пояснимъ это примѣромъ. Кому не извѣстна противоположность интересовъ крестьянскаго и дворянскаго сословій? Но развѣ мужикъ ненавидитъ помѣщика за то, что у него гербъ съ разноцвѣтными украшеніями или даже барскій домъ подъ желѣзной крышей? Если бываютъ столкновенія, то они обусловливаются различіями мелкаго и крупнаго землевладѣнія. У мужика нѣтъ лѣса и мало луговъ. Очевидно, онъ не прочь позаимствоваться незаконнымъ образомъ дровами изъ помѣщичьей дачи или покормить скотину на чужомъ сѣнокосѣ. Но тотъ же мужикъ охотно выберетъ своимъ земскимъ представителемъ дворянина, если тотъ этого пожелаетъ. Точно также купцы пріобрѣтаютъ теперь много земель, но они дѣлаютъ это вовсе не для того, чтобы обездолить дворянъ, а потому, что это составляетъ выгодное помѣщеніе капитала. Главное преимущество купцовъ передъ дворянами, въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, что купцы, по занятіямъ своимъ, наживаются, а дворяне—по своимъ привычкамъ и условіямъ жизни, наоборотъ, проживаются.

Въ нашихъ сословіяхъ нѣтъ политическихъ стремленій. Дворянамъ чуждо тенденціозное стремленіе къ олигархическому захвату власти, точно также какъ и купцу невозможно внушить, что онъ, по образцу западно-европейскаго буржуа, долженъ сочувствовать всякаго рода политическимъ и инымъ вольностямъ, или крестьянину—что для его благополучія необходимо обзавестись рабочими артелями. Въ томъ-то и заключается вся великая разница между значеніемъ политическихъ программъ на Западѣ Европы и въ Россіи, что тамъ за нихъ стоятъ интересы крупныхъ соціальныхъ группъ, а у насъ этого нѣтъ,—и сила теоретическихъ обобщеній опредѣляется поэтому ихъ обаяніемъ для отдѣльныхъ лицъ, въ нихъ воспитанныхъ. Пока существуетъ и поддерживается вѣра въ практическую осуществимость извѣстныхъ идеаловъ, они служатъ средоточіемъ для группировки интеллигентныхъ силъ—но относительная слабость идейной силы мыслей въ сравненіи съ реальными интересами жизни объясняетъ, почему русскіе интеллигентные люди нерѣдко перерождаются въ своихъ убѣжденіяхъ.

Согласно весьма распространенному взгляду, главною причиною слабости сословныхъ союзовъ въ Россіи является будто бы давленіе власти на эти союзы. Исторія свидѣтельствуетъ, что это не совсѣмъ такъ. Кто же объединилъ общественные классы въ Россіи, какъ не политическая власть? Когда во времена удѣльно-вѣчевого періода власть была въ зародышѣ, самостоятельной груп-

пировки общественныхъ силъ не произошло. Во время московскаго царства власть дѣйствительно давила, но не въ смыслѣ уничтоженія, а въ смыслѣ проведенія сословныхъ руслъ. Очевидно, правительство не хотѣло и, конечно, не могло вселить въ нихъ самостоятельный сословный духъ; это были группы, различавшіяся своими тяглами. Но когда правительство, въ видѣ исключенія, подняло въ XVIII вѣкѣ знамя сословныхъ привилегій и корпоративной организаціи—изъ дворянства все-таки не создалась цѣльная и единообразная корпорація. Послѣ освобожденія отъ служилаго тягла и дарованія дворянству вольностей, сословіе это было силой, чрезъ посредство которой правительство держало русскую землю. Но солидарности между отдѣльными представителями вотчинной власти все-таки не укрѣпилось; дворянство не сплотилось въ политическій союзъ. Между тѣмъ нельзя было жаловаться на отсутствіе поприща для проявленія творческой силы этого союза. Мѣстная полицейская, судебная и хозяйственная власти не могутъ быть признаваемы маловажными удѣлами. Какъ же думать о внѣдреніи сословнаго духа въ дворянство, въ настоящее время, когда землевладѣльческая его основа слабѣетъ подъ ударами конкурренціи и когда уже нѣтъ прежнихъ благопріятныхъ условій исключительнаго господства?

Намъ кажется, что не только въ исторіи русскаго народа, но и въ самомъ его характерѣ, въ томъ своеобразномъ способѣ мыслить, чувствовать и дѣйствовать, который составляетъ его отличительную черту въ сравненіи съ другими національностями, нельзя указать почвы для развитія чувствъ сословной обособленности.

Про характеръ русскаго человѣка много писалось противорѣчащаго: нашу жизнь сравнивали то съ неподвижной, непроницаемой стѣной, то—съ бѣшено скачущей тройкой. Дѣйствительно, каждый русскій человѣкъ можетъ констатировать въ себѣ то порывы настойчивой, непреклонной энергіи, то внезапный ея упадокъ. Но не эта сторона, нерѣдко изумляющая насъ самихъ, должна останавливать наше вниманіе при оцѣнкѣ творческой способности народа на сословномъ поприщѣ.

Когда говорятъ объ общественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ русскаго національнаго характера, то обыкновенно сравниваютъ—и это особенно охотно дѣлаютъ иностранные писатели—его черты съ необъятными протяженіями Россіи, ея дѣвственными, невоздѣланными и часто дикими пространствами, съ ея суровымъ климатомъ и однообразіемъ внѣшняго вида страны. Безъ сомнѣнія, параллель между страной и характеромъ насе-

ляющей ее націи имѣетъ существенныя основанія, если не придавать ей слишкомъ далекаго значенія. Разбросанность населенія, въ силу географическихъ условій, безъ сомнѣнія, сильно подрывала возможность образованія болѣе обширныхъ группъ и союзовъ. Уединеніе всегда располагаетъ жить про себя и для себя.

Но, кромѣ того, въ русскомъ характерѣ, насколько мы его понимаемъ, нѣтъ и другихъ условій, составляющихъ необходимую подкладку для образованія сословной обособленности. Способность складываться въ замкнутыя группы и служить ихъ интересамъ предполагаетъ не только сознательную солидарность ихъ сочленовъ, но, съ другой стороны, и извѣстную односторонность, узкость, стремленіе къ спеціализаціи и наклонность ограничивать задачи жизни заранѣе опредѣленнымъ кругомъ условныхъ цѣлей. Всѣ эти черты замѣчаются въ націяхъ съ отшлифованною сословною жизнью, но почти не проявляются въ русскомъ народѣ. Не даромъ русскій человѣкъ любитъ называть себя широкой натурой и въ этомъ опредѣленіи находитъ утѣшеніе во многихъ непослѣдовательностяхъ своей натуры.

Дѣйствительно, въ личной дѣятельности русскихъ людей въ сферѣ художественнаго и научнаго творчества мы найдемъ преобладающимъ стремленіе вширь и вдаль, постоянное желаніе вырваться изъ круга условной узкости. Для развитія науки это— въ высшей степени невыгодное свойство. Стремленіе къ всесторонности, которымъ отличается русскій человѣкъ въ своемъ вольномъ трудѣ, приводитъ къ господству дилеттантизма. Дѣйствительно, нигдѣ, какъ въ Россіи, не найдется столько людей, разносторонне развитыхъ и понимающихъ самыя различныя области человѣческаго духа,—и такъ мало людей, рѣшающихся посвятить всю жизнь на изученіе и дальнѣйшее развитіе какой-нибудь одной спеціальности. Наоборотъ, въ области художественнаго творчества стремленіе къ разносторонности, столь невыгодное въ другихъ сферахъ, является въ высшей степени драгоцѣннымъ качествомъ, обусловливающимъ собою выдающееся положеніе русскихъ художественныхъ произведеній. Они отличаются равномѣрнымъ развитіемъ всѣхъ сторонъ человѣческой личности: ума, чувства и фантазіи—и въ этомъ заключается прелесть ихъ обаянія, объясняющая впечатлѣніе, производимое ими на Западѣ. Въ лучшихъ, по красотѣ и лирическому подъему, страницахъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и графа Л. Толстого всегда виднѣется умный глазъ русскаго человѣка, спасающій ихъ отъ творческой запутанности и безплодныхъ полетовъ фантазіи.

Перейдемъ на болѣе широкое поприще. Во внѣшней политиче-

ской дѣятельности народа сказывается, безъ сомнѣнія, отношеніе его духовныхъ силъ къ интересамъ другихъ націй. Что̀ же мы видимъ? Наша внѣшняя политика, со времени окончательнаго объединенія территоріи нашего отечества, можетъ быть охарактеризована не какъ политика интересовъ, господствующая у народовъ съ развитымъ индивидуализмомъ, какъ Германія и Англія, но какъ политика историческихъ миссій. Въ европейской Турціи, гдѣ мы принесли всего болѣе усилій и жертвъ, наша дѣятельность была настолько безкорыстна, что чрезвычайно трудно указать, какъ мы могли бы въ настоящее время утилизировать результаты нашихъ прежнихъ подвиговъ для какихъ-нибудь затаенныхъ цѣлей. До сихъ поръ мы переходили Дунай для защиты православія и угнетенныхъ славянскихъ народностей. Достигнутые нами результаты громадны, если судить о нихъ съ точки зрѣнія пользы для другихъ, но они ничтожны, если стать на точку зрѣнія національнаго эгоизма. Русскій народъ проявилъ въ этой области свою душевность, способность отзываться на чужія страданія и приносить безкорыстныя жертвы для облегченія несчастья и горя другихъ. Намъ кажется, что эти черты русскаго характера не примиряются и съ сословнымъ эгоизмомъ. Онъ слишкомъ узокъ для русскаго духа.

Продолжимъ эту параллель. Наши общественные классы отличаются недостаточнымъ развитіемъ сословій, отсутствіемъ индивидуализаціи. Этой чертѣ соотвѣтствуетъ относительно весьма слабое развитіе личностей въ русской исторіи. У насъ не было Баярдовъ, Колиньи, Кромвелей—и, безъ сомнѣнія, труднѣйшимъ подвигомъ по русской исторіи было бы составленіе жизнеописанія народныхъ героевъ. Были—Пожарскій, Мининъ; но что̀ извѣстно изъ ихъ біографій? То, главнымъ образомъ, что они явились, когда надо было, чтобы спасти Россію. Но если у насъ мало было громкихъ подвиговъ отдѣльныхъ личностей, то нельзя не признать, что вся исторія Россіи есть великій подвигъ всего народа. Участіе всего народа въ глубоко-національной войнѣ 1812 года, такъ художественно выставленное въ знаменитомъ произведеніи графа Л. Н. Толстого, подвинуло его даже на жестокую критику объясненія историческихъ явленій вліяніемъ и значеніемъ отдѣльныхъ личностей. Русская нація, въ отличіе отъ западно-европейскихъ, сильна не развитіемъ личностей и сословій, а стихійной силой народа. Его духъ крѣпокъ въ примитивныхъ союзахъ: семьѣ, общинѣ, мірѣ, громадѣ; онъ неустойчивъ и немощенъ въ сословныхъ рамкахъ. Отсутствіе внутренней дѣеспособности въ сословіяхъ стоитъ въ связи съ нераздѣльнымъ господствомъ по-

литической власти въ русской исторіи; оно объясняетъ намъ причину ея исключительнаго могущества.

Но спросятъ насъ: какъ же можетъ существовать политическая власть безъ опредѣленныхъ устоевъ, разумѣя подъ ними общественныя группы? На это мы отвѣтимъ, что сословія тамъ, гдѣ они составляютъ живыя цѣлыя, вовсе не отвѣчаютъ положенію неподвижныхъ массъ, изъ которыхъ можно сооружать фундаменты. Сословія имѣютъ свои собственныя стремленія, и они могутъ исполнять назначеніе фундамента для политическаго строя —только пока интересы власти совпадаютъ съ ихъ интересами. Когда же эти интересы расходятся, фундаментъ обращается во враждебную силу. Власть, опирающаяся на сословія, должна, поэтому, мѣнять стремленія и даже организацію соотвѣтственно интересамъ господствующаго класса. Она неизбѣжно получаетъ содержаніе для своей дѣятельности и форму изъ общественной жизни. Конфликты между властью, являющеюся представительницей отжившей общественной силы, и новыми, вошедшими въ силу, общественными элементами, рѣшаются революціями. Вотъ картина политической жизни тамъ, гдѣ сильна общественная индивидуализація.

Неизмѣнявшееся могущество политической силы въ Россіи соотвѣтствуетъ слабости сословныхъ союзовъ. По нашему убѣжденію это—явленія вполнѣ нераздѣльныя. Сословные союзы у насъ не даютъ самобытныхъ политическихъ идей. Вотъ почему трудно пріурочить консерватизмъ въ Россіи къ тому или другому сословію. Развѣ купецъ или крестьянинъ имѣютъ политическіе идеалы, не соотвѣтствующіе уваженію къ существующей власти? Не только дворянство, но вообще вся русская земщина, въ обширномъ смыслѣ, стоитъ на сторонѣ государственнаго и общественнаго порядка.

Предоставленіе административныхъ привилегій дворянству, какъ намъ кажется, не создало бы, очевидно, новой эры въ его исторіи; оно не въ силахъ вызвать дѣйствительный поворотъ въ общественной жизни. Развѣ привилегіи эти могутъ остановить упадокъ дворянскаго землевладѣнія? Казалось бы, что онѣ съ этою стороною жизни и дворянства не имѣютъ ничего общаго. Процессъ обезземеленія дворянъ будетъ идти своимъ порядкомъ. Привилегіями этими была бы обезпечена только мѣстная служба дворянъ, а въ этой сферѣ дворяне и теперь чувствуютъ себя почти внѣ конкурренціи.

Историческимъ основаніемъ мысли о сословной власти является, помимо выборныхъ дворянскихъ учрежденій до-реформеннаго вре-

мени, упраздненная съ отмѣной крѣпостного права вотчинная власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Власть эта составляетъ въ русской жизни, какъ мы уже указывали выше, очень давнее явленіе. Появившись въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ на почвѣ личныхъ льготъ нѣкоторымъ помѣщикамъ или монастырямъ (несудимыя грамоты), она вошла въ XVII вѣкъ въ составъ крѣпостного права, съ отмѣною котораго должна была неизбѣжно пасть. Возстановить ее въ видѣ личныхъ прерогативъ каждаго помѣщика, очевидно, невозможно безъ возвращенія къ началамъ крѣпостной зависимости. Но съ выдѣленіемъ изъ состава этой власти, бывшей прежде личною, признака сословности—получается мысль о замѣнѣ бывшаго господства помѣщика надъ крестьянами господствомъ дворянскаго сословія надъ крестьянскимъ.

Жизнь отдалила насъ отъ крѣпостного права настолько, что временами прорывается уже склонность къ его идеализаціи. Въ каждомъ общественномъ отношеніи имѣются, однако, двѣ стороны: субъектъ и объектъ власти—и поэтому всесторонняя оцѣнка достоинствъ вотчиннаго устройства не можетъ быть произведена только съ точки зрѣнія бывшихъ ея распорядителей помѣщиковъ. Помѣщикамъ въ то время, очевидно, лучше жилось, чѣмъ теперь. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вотчинная власть составляла идеальное явленіе. Во всякомъ же случаѣ, если въ ней были хорошія и удобныя для жизни стороны, то возстановленіе ея на выборно-сословной почвѣ не возобновило бы этихъ сторонъ. Дѣйствительно, при условіи пребыванія помѣщика въ имѣніи, могли, во время господства личной вотчинной власти, образоваться патріархальныя отношенія между нимъ и мужиками. Онъ зналъ лично каждаго крестьянина; онъ могъ не только расточать строгости, но и входить въ нужды своихъ крѣпостныхъ. Этимъ личнымъ соприкосновеніемъ смягчалась внутренняя несправедливость положенія, въ которомъ одинъ былъ—безконтрольнымъ властелиномъ, а другіе—безмолвными рабами. Возстановить эту патріархальность теперь невозможно. Съ другой стороны, власть, находящаяся въ разстояніи 30, 40 верстъ,—не то, что власть на мѣстѣ, въ самомъ имѣніи. Жизнь состоитъ изъ мелочей: по поводу обыденнаго нарушенія, помѣщику, какъ и въ настоящее время, пришлось бы все-таки обращаться письменно къ мѣстному начальнику и ожидать вызова къ нему для представленія доказательствъ; въ этомъ-то заключается неудобство мировой юстиціи для землевладѣльцевъ. Если оно можетъ быть чѣмъ-нибудь устранено, то исключительно увеличеніемъ числа представи-

телей мѣстной власти; чрезмѣрное же расширеніе ихъ полномочій и сословность едва ли могли бы помочь бѣдѣ.

Главнѣйшимъ историческимъ недостаткомъ вотчинной власти, объясняющимъ въ сущности теперешнюю безпомощность мѣстной жизни въ сферѣ управленія, было отсутствіе въ ней почвы къ развитію элементовъ для будущаго. Она не могла дать ничего для завтрашняго дня, для той поры, когда ей пришлось быть отмѣненною. Съ одной стороны, недостатки теперешняго крестьянскаго самоуправленія, очевидно, вызываются вѣчной опекой, въ которой находилось это сословіе. Съ другой стороны, равнодушіе дворянства къ мѣстной выборной административной и судебной власти находило основаніе въ томъ, что каждый помѣщикъ былъ у себя въ имѣніи властелиномъ. Крупныхъ случаевъ, требующихъ вмѣшательства спеціальныхъ органовъ власти, бываетъ вообще мало, а для обыденнаго теченія жизни — своей власти было болѣе чѣмъ довольно. Если оказывался въ средѣ крестьянъ воръ или негодяй, помѣщикъ могъ избавиться отъ него безъ жалобы и особаго разбирательства. Онъ или отдавалъ его въ солдаты, или подвергалъ административной ссылкѣ въ Сибирь. Для воспитанія въ началахъ солидарнаго самоуправленія вотчинная власть рѣшительно ничего не давала для обѣихъ сторонъ: какъ для дворянства, такъ и для крестьянства. Вотъ почему мѣстная жизнь, въ этомъ отношеніи, оказывается теперь въ такомъ неустроенномъ положеніи.

Въ мѣстномъ положеніи дворянства не подлежатъ сомнѣнію два факта: 1) что оно теряетъ землевладѣніе, и 2) что въ дворянствѣ, за отсутствіемъ среднепомѣстнаго класса, сидитъ на мѣстахъ слабый мелкопомѣстный разрядъ, а крупнопомѣстный не имѣетъ наклонности къ пребыванію въ имѣніяхъ. При такихъ условіяхъ, административныя привилегіи дворянъ не могутъ быть признаны долговѣчными. Нельзя держать землю черезъ сословіе, которое теряетъ землевладѣніе и которое въ лицѣ крупнѣйшихъ своихъ представителей не пускаетъ корней на мѣстахъ. Съ другой стороны, если оцѣнивать эту мѣру, какъ переходную, то оказалось бы, что она, какъ вотчинная власть, ничего не даетъ для развитія въ будущемъ, потому что принимаетъ за основаніе идею сословности, составляющую въ русской жизни не глубокое, а чисто поверхностное явленіе.

Мы поняли бы цѣлесообразность подобныхъ привилегій тотчасъ вслѣдъ за отмѣною крѣпостного права. Тогда не было, по крайней мѣрѣ, фактовъ обезземеленія, противорѣчащихъ ихъ введенію. Составъ мѣстнаго дворянства былъ сильнѣе, ровнѣе и

лучше въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ теперь. Вѣдь тогда предводители были богатыми, вполнѣ самостоятельными людьми; тогда не было еще необходимости открывать дверь въ дворянскія собранія мелкопомѣстному дворянству. Тогдашній составъ дворянства можно сравнить съ полкомъ, который могъ выйти на парадъ; теперешній составъ, во многихъ мѣстахъ, имѣетъ сходство съ воинскою частью, совершившею тяжелый, утомительный переходъ, на которомъ она растеряла добрую часть своихъ ратниковъ, причемъ ея кадры пополнились слабосильными людьми. Институтъ мировыхъ посредниковъ далъ въ общемъ хорошіе результаты. Отчего было не идти впередъ развитіемъ этого учрежденія? Факты увеличивавшагося обезземеленія дворянъ заставили бы, съ теченіемъ времени, перейти на иную почву. Тогда не произошло бы той странной перестановки, что, въ періодъ болѣе благопріятный для дворянства, его сословный флагъ оказался въ мѣстномъ управленіи опущеннымъ, и что, наоборотъ, его подымаютъ теперь, когда мѣстныя силы сословія ослабѣли.

Но могутъ возразить намъ: если дворянство, въ настоящее время фактически несетъ на себѣ исполненіе бо́льшей части должностей по мѣстному управленію, то какая бѣда можетъ произойти отъ обращенія этого факта въ общеобязательную норму? Предоставленіе привилегій, въ настоящее время, имѣло бы два существеннѣйшихъ неудобства. Установленіе ихъ за общественной силой, слабѣющей и не выдерживающей экономической конкурренціи, могло бы возбудить, какъ показываетъ исторія, сознаніе несправедливости въ другихъ слояхъ, въ особенности если мѣра эта, какъ должно было бы произойти въ настоящемъ случаѣ, сопровождалась бы упраздненіемъ правъ, принадлежащихъ другимъ сословіямъ.

Затѣмъ, съ обращеніемъ земской въ дворянскую службу, на это сословіе перешла бы отвѣтственность за всѣ недостатки и прорухи мѣстнаго управленія. Между тѣмъ, при теперешнемъ мѣстномъ безлюдьѣ, трудно было бы отыскать людей, оказывающихся на высотѣ власти, которую, если слѣдовать типу вотчиннаго устройства, пришлось бы даровать мѣстнымъ о́рганамъ, сложивъ ее изъ весьма обширныхъ административныхъ и судебныхъ функцій. Конечно, бо́льшія преимущества службы, если таковыми были бы обставлены мѣстныя должности, могли бы привлечь нѣсколько новыхъ людей въ уѣздъ. Появилось бы, конечно, нѣсколько карьеристовъ для украшенія своихъ служебныхъ шансовъ рекламой мѣстной дѣятельности. Но это—перелетныя птицы, на которыхъ нельзя продолжительно разсчитывать. Безъ сомнѣ-

нія, все-таки главную часть служебнаго контингента составили бы тѣ же люди, которые занимаютъ мѣстныя должности въ настоящее время. Но если дѣятельность послѣднихъ признается недостаточною, если возвращеніе къ сословности назначеній вызывается тѣмъ, что мировые судьи и предсѣдатели управъ плохи, то какимъ же образомъ случится, что, служа по выбору дворянства, они вдругъ сдѣлались бы лучшими? Вѣдь чѣмъ сильнѣе и безконтрольнѣе власть, тѣмъ труднѣе найти для нея надлежащихъ исполнителей.

Къ будущему вообще слѣдуетъ относиться осторожно. Вотъ въ 1767 въ разсужденіяхъ дворянскихъ депутатовъ екатерининской коммиссіи сколько говорено было о взяточничествѣ, о безпорядкѣ въ уѣздѣ, о лѣности и праздности правительственныхъ властей. Для уврачеванія этихъ недуговъ предлагалось замѣнить пришлые правительственне органы мѣстными дворянскими. Это было сдѣлано, но недостатки дѣятельности властей сохранились —они перешли въ дворянскія учрежденія. Такъ часто бываетъ. Благія намѣренія остаются намѣреніями и не служатъ переходомъ къ исполненію. Вѣдь жизнь по приказу не передѣлаешь.

Мы кончаемъ наше изслѣдованіе. Мы постарались поставить вопросъ о будущности дворянства на почву фактовъ исторіи и современности. Ставя задачей своей разъясненіе вопроса, а не споры внѣ области твердыхъ данныхъ, мы объявляемъ себя чуждыми всякой полемики, основанной на фразахъ, а не на реальныхъ фактахъ. Совокупность историческихъ, бытовыхъ, экономическихъ и соціальныхъ условій привела насъ къ выводу, что программа, основанная на сословныхъ привилегіяхъ, не можетъ быть признана лозунгомъ будущности Россіи. Выводъ этотъ мы сочли нужнымъ выразить. Мы относимся къ убѣжденіямъ и симпатіямъ, имѣющимъ въ виду развитіе дворянства, съ уваженіемъ, тѣмъ бо́льшимъ, что отсутствіе сознательнаго отношенія къ сословнымъ интересамъ составляетъ слабое мѣсто русской жизни. Но прочное, въ житейскомъ смыслѣ, не можетъ быть создано на почвѣ однихъ идеаловъ, созданныхъ путемъ предположеній. Рѣшающее значеніе должны имѣть не заранѣе предвзятыя мысли,—а правда жизни и исторіи.

Ш.

ИЗЪ НОВЫХЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

VIII *).

Снѣткинъ взялъ со столика свою котиковую шапку и нагнулся къ кушеткѣ, гдѣ Зина, какъ всегда у себя, „больше лежала, чѣмъ сидѣла“, въ плюшевомъ пеньюарѣ темносиняго, почти черваго цвѣта.

Шелъ четвертый часъ, сумерки уже надвигались. Они сидѣли такъ, вдвоемъ, минутъ двадцать.

— Знаете что́, сестричка,—медленно выговорилъ Снѣткинъ и поникъ головой:—вѣдь у меня за васъ не особенно ладно на душѣ... право...

— Безъ меланхоліи!..

Зина отдѣлила голову отъ кушетки.

— Хорошо, если у благочестиваго человѣка достанетъ грѣховности—поддаться вамъ... какъ слѣдуетъ...

Они передъ тѣмъ, и намеками, и совершенно ясно, говорили, о князѣ, о томъ—что́ въ немъ теперь происходитъ.

— Не расхолаживайте!—сказала Зина, и тихо засмѣялась.

— Я не упираюсь, не отрицаю вашей побѣды... Цѣлую ваши ручки и сожалѣю о томъ только, что не держалъ съ вами пари. Какой угодно кабошо̀нъ изъ сапфира проигралъ бы вамъ съ великимъ наслажденіемъ!

*) См. выше: янв. 150; февр., 646; мартъ 132; апр., 572; май, стр. 35.

Зина улыбалась ему; глаза ея были полузакрытыми.

— Сегодня ждете?

— Не знаю... Да,—добавила она увѣренно.

— Мужъ дома?

— Кажется, нѣтъ.

— И вотъ на этотъ самый коверъ благочестивый человѣкъ опуститъ свои благородныя рюриковскія колѣни; вы его, хоть на первыхъ порахъ, носкомъ туфли толкните, чтобъ онъ почувствовалъ, заднимъ числомъ, какъ гнусно было его недавнее юродство.

— Ха, ха!

Зина опять громко разсмѣялась. Снѣткинъ, не зная того, вызвалъ въ ея памяти цѣлую сцену изъ заграничныхъ ея любовныхъ исторій.

Она сидѣла въ паркѣ, на дерновой скамьѣ—и передъ ней, прямо на дорожку, опустился длинный, длинный нѣмецъ, графъ, совѣтникъ посольства, носитель знаменитаго имени. Совершенно такъ, какъ Снѣткинъ сказалъ сейчасъ, она пихнула его туфлей и крикнула ему:

— As tu fini, Gugusse?

Нѣмецъ поднялся, весь красный, и ничего не нашелъ лучшаго, какъ начать выкладывать передъ ней:—какое онъ носитъ имя и чей онъ сынъ, и какую проходитъ карьеру; на что она ему опять, въ томъ же тонѣ бульварнаго voyou, сказала:

— Mon ami, allez vous faire photographier!

Вотъ когда она была сильна и дѣлала изъ мужчинъ что хотѣла! Это чувство возвращалось къ ней и теперь.

— Спасибо, Снѣткинъ!—оживленно выговорила она и разсказала ему сцену въ паркѣ.

Они опять посмѣялись. Но вдругъ Снѣткинъ всталъ и сейчасъ же присѣлъ къ ней на конецъ кушетки.

— Прощайте, сестричка,—я вѣдь къ вамъ на минутку зашелъ проститься.

— Да развѣ вы сегодня въ Парижъ?

— Завтра. Только завтра я не попаду къ вамъ.

— Я рада за васъ. Если вы съ вашей Надей ѣдете туда... Это полезно... Въ Парижѣ—вашъ collage кончится.

— Кончится,—повторилъ Снѣткинъ,—но на особый ладъ.

— Снѣткинъ! когда же вы, наконецъ, бросите эту замашку дурного тона: пугать насъ тѣмъ, что вы покончите съ собою?

— Сестричка, не говорите со мною... такъ... Вы уважьте во мнѣ хоть то, что я совсѣмъ не рисуюсь. И ничего торжественнаго не дѣлаю. Прощаюсь съ вами навсегда.

— Глупости!

Зина спустила ноги съ кушетки, сѣла выпрямившись и взяла Снѣткина за руку.

— Вы серьезно?

— Весьма. Мы ѣдемъ вдвоемъ, тамъ похороводимся, черезъ мѣсяцъ я ее отправлю сюда... къ хорошему человѣку на руки,— прибавилъ онъ съ улыбкой.—А тамъ—и финалъ!

— Да вы съума сошли? Вы, съ вашей...

— Эхъ, полноте!—остановилъ ее Снѣткинъ.—Я васъ считаю способной на то же, когда вы увидите, что нельзя идти все тѣмъ же ходомъ. А мнѣ, ровно черезъ пять недѣль, ходу нѣтъ— все проѣмъ. Только вы, сестричка, кажется, экономная... Есть грѣшокъ!..

— Скупа, что-ли?

— Да вѣдь я, какъ старушки говорятъ: „не въ осужденіе, а въ похваленіе". Держите мошну!.. Безъ капитала не то, что женщинѣ, да и такому цвѣтущему мужчинѣ, какъ я, нельзя жить...

— Вы серьезно?

Зина это спросила, и вопросъ, сдѣланный во второй разъ, тотчасъ же ей показался лишнимъ, глупымъ. Да, онъ покончитъ съ собой, безъ всякой трагедіи и рисовки, когда проѣстъ послѣдній франкъ и убѣдится, что ему не выпутаться изъ денежныхъ тисковъ; а инстинктовъ „прожигателя" ему не усмирить въ себѣ.

Развѣ она не способна на то же самое? Вѣдь становилась же она въ снѣжный сугробъ ногами, въ шолковыхъ чулкахъ, чтобы схватить тифъ? Чѣмъ же она застрахована отъ того же и теперь?..

Изъ любви не сдѣлаетъ этого, такъ сдѣлала бы, еслибы лишилась всего, должна была бы идти въ гувернантки или бонны.

Снѣткинъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

— Вы не бойтесь за насъ,—продолжалъ онъ,—вы узнаете изъ газетъ: все обойдется прилично. Ну, а ужъ кое-какіе коммерсанты не досчитаются по векселямъ. Они вѣдь меня сильно нагрѣвали. Мы сквитаемся... Ей-Богу!

Онъ тряхнулъ головой и всталъ.

Зина глядѣла на него снизу вверхъ, оставаясь все еще на кушеткѣ.

— Простите, сестричка, что разболтался объ этомъ... сегодня... Можетъ, разстроилъ васъ; вамъ нуженъ полный подъемъ духа... Вотъ здѣсь будетъ одержана побѣда, и на этомъ коврѣ долженъ валяться нашъ святоша...

Въ передней звякнули шпоры. И Зина, и Снѣткинъ узнали тяжеловатую походку Рынина. Они оба оглянулись и, точно заговорщики, пожали другъ другу руки. Въ этомъ пожатіи было то, чтò они сочли уже лишнимъ досказать.

— Я еще посижу,—успѣлъ шепнуть Снѣткинъ, прежде чѣмъ дверь изъ передней отворилась.—Дождусь совращеннаго праведника и прощусь съ нимъ за-одно. Позволяете?

— Позволяю,—отвѣтила Зина.

Вошелъ Рынинъ, въ сюртукѣ съ эполетами, въ перчаткахъ, причесаный старательно и съ подстриженой бородкой. Видно было, что онъ собрался съ визитомъ въ такой домъ, гдѣ одни погоны были бы недостаточно почтительны.

— Ты кстати!—крикнулъ ему Снѣткинъ, быстро повернувшись на каблукѣ.—Я вотъ прощался сейчасъ съ Зинаидой Мартыновной.

— Надолго? — спросилъ Рынинъ небрежно и уклончиво, какъ все, чтò онъ говорилъ Снѣткину.

— Навсегда!..

— Какъ такъ?

— Да хочу сдѣлаться гражданиномъ французской республики.

Зина поблагодарила Снѣткина взглядомъ за то, что онъ только съ ней говорилъ сейчасъ чистосердечно...

— Чтожъ... и съ Богомъ!—пошутилъ Рынинъ.—У тебя всѣ данныя, чтобы процвѣтать на бульварахъ... Добраго пути!..

Онъ обернулся къ Зинѣ.

— Ты дома сегодня? Будешь принимать?

— Да... А ты обѣдать вернешься?

— Постараюсь...

Что-то немного торжественное было въ его тонѣ; безъ Снѣткина онъ сказалъ бы женѣ, что отъ его сегодняшняго визита зависитъ, быть можетъ, его ближайшее назначеніе; но при немъ онъ не хотѣлъ этого.

— Былъ у тебя князь Ряжскій?—остановила Зина мужа.

Онъ уже собирался уходить.

— Нѣтъ, а что?

— Онъ намъ долженъ визитъ...

— Прими его... безъ меня,—выговорилъ Рынинъ и посмотрѣлъ на нихъ обоихъ съ усмѣшкой.

„Вы видите,—говорило его лицо:—я жить умѣю; не боюсь никакихъ увлеченій и капризовъ моей супруги“.

„Attends, mon bibi!“ выговорила про себя Зина, совершенно такъ, какъ повторяла въ Ширяевѣ; только тамъ она сама не

удержалась въ такихъ игривыхъ тонахъ, какъ здѣсь... Тамъ она кончила страданіемъ; теперь пускай страдаетъ тотъ, изъ-за кого она безумствовала.

Такъ понялъ ея мину и Снѣткинъ.

— Къ святой ты—префектъ?—спросилъ онъ, удерживая Рынина за руку.

— „Въ чинахъ мы небольшихъ",—отшутился Рынинъ.

— Перейди въ гражданскую... какъ разъ вылетишь въ штатскіе генералы...

— Прощай!—перебилъ Рынинъ, сдѣлавъ имъ общій поклонъ, и вышелъ.

Ему не хотѣлось портить себѣ расположеніе духа въ этомъ воздухѣ „безпробуднаго вздора", какъ онъ называлъ все препровожденіе времени и кавалеровъ своей жены. Не болѣе пріятно было бы ему и общество князя Ряжскаго, еслибы тотъ явился...

Онъ не могъ не замѣтить, что Зина опять занята княземъ. Можетъ быть, это разсчетъ тщеславія женщины, желавшей добиться побѣды, отмстить за то, что она испытывала три мѣсяца назадъ. Кто знаетъ,—и въ князѣ могъ пробудиться мужчина. Но разбирать это сейчасъ же, принимать какія-нибудь мѣры, Рынинъ не считалъ нужнымъ. А главное, онъ избѣгалъ такихъ думъ и „несвоевременныхъ тревогъ" именно сегодня. Одинаковая суета или „психопатія" (это слово онъ начиналъ любить) вставала передъ нимъ и въ душевныхъ пароксизмахъ Зины, и въ юродствѣ святоши-князя, и въ безпутствѣ Снѣткина. Но чувство жалости, которое, помимо его воли, началось въ немъ недавно къ Зинѣ, не смягчало его сегодня. Онъ весь отдался подъучиванью роли, какъ старательный актеръ, не разстающійся съ тетрадкой до той минуты, когда режиссеръ шепнетъ ему:

— Вамъ выходить!

— Вѣренъ себѣ!

Этимъ возгласомъ Снѣткинъ проводилъ Рынина и протянулъ руку по направленію къ выходной двери.

— Ахъ, сестричка, весело вамъ будетъ!.. Я бы остался съ вами здѣсь...

— Нѣтъ, поѣзжайте!

Зина вспомнила, что вѣдь онъ, въ самомъ дѣлѣ, прощался съ нею, десять минутъ назадъ, и прощался навсегда. Но она не хотѣла объ этомъ серьезно думать. Мало ли кто нынче говоритъ о самоубійствѣ!

— Уѣду, уѣду, какъ только онъ явится,—продолжалъ уже

искреннѣе дурачиться Снѣткинъ,—довольно я состоялъ въ наперсникахъ. Теперь я буду совершенно лишній!.. И безъ того васъ будетъ трое!..

Эти шутки не задѣвали въ Зинѣ ея теперешняго чувства. Вѣдь она сама не хотѣла ни за что „трагедіи". Только въ такомъ отношеніи къ мужчинѣ, когда его хочется покорить,—и сидитъ настоящее обаяніе женщины. Чувственная игра, а не страсть до самоуничтоженія, можетъ вызвать въ святошѣ грѣховные помыслы.

Ей легко было продолжать со Снѣткинымъ все въ томъ же духѣ. Онъ не уходилъ; непремѣнно хотѣлъ дождаться того момента, когда въ дверяхъ увидитъ „лучезарный ликъ угодника".

— А вдругъ какъ прибѣгутъ ваши Добчинскій съ Бобчинскимъ?—спросилъ онъ.

— Кто? Шварцъ съ Кремлевымъ?

— Yes...

— Да, это возможно...

— Не безпокойтесь. Я, уходя, скажу, чтобы никого больше не принимать.

— Ce serait scandaleux!

Они помѣстились на кушеткѣ такъ, какъ были до прихода Рынина, и стали бесѣдовать тише и серьезнѣе. Зинѣ сдѣлалось опять совѣстно за себя. Какъ можетъ она дурачиться съ человѣкомъ, который прощается съ ней передъ смертью? Она задала Снѣткину два-три вопроса: дѣйствительно ли онъ такъ запутался. Голосъ ея зазвучалъ искренно.

— Да полноте,—остановилъ Снѣткинъ,—ни вы, сестричка, никто мнѣ не поможетъ. Посмотрите на меня: неужели было бы лучше, еслибы я дожилъ до водянки или перерожденія почекъ? А я этимъ непремѣнно кончилъ бы, при моемъ режимѣ.

Онъ рѣшительно не допускалъ до задушевныхъ изліяній—насчетъ своей судьбы; но о ея судьбѣ онъ много говорилъ, полушутя, полусерьезно разсказывалъ ей разные эпизоды изъ юродства князя „pour sa gouverne"—какъ онъ выражался, предвѣщалъ ей блистательное совращеніе „блаженненькаго", съ „расторженіемъ узъ" и новымъ бракомъ, причемъ дѣло не обошлось бы, пожалуй, и безъ родительскаго проклятія, еслибы княгиня была на это способна... Но все обойдется „какъ по писанному", и ему одного жаль, что онъ не будетъ у нихъ „медъ пить" въ усадьбѣ, гдѣ „Орестушка" все-таки вернется къ старымъ затѣямъ и начнетъ выкидывать свои душеспасительныя „колѣна".

Подъ болтовню Снѣткина, Зина не замѣтила, какъ прошло еще полчаса, и перестала волноваться ожиданіемъ князя.

Парныя сани везли Рынина по Литейной. Онъ кутался въ шинель съ бобрами. Мокрый снѣгъ хлесталъ по лицу; начиналась уже распутица. До масляницы оставалось нѣсколько дней. Но погода не вліяла на внутреннее состояніе Парменія Никитича.

Онъ не зналъ навѣрное, выйдетъ ли нѣчто для него рѣшительное изъ сегодняшняго визита къ старухѣ Алехиной, но ему почему-то сдавалось, что даромъ визитъ этотъ не пройдетъ. Эта „старуха"—не чета Моршанской. Къ ней онъ ѣздилъ аккуратно, два раза въ недѣлю, проводилъ у нея и вечера, читалъ брошюры и рукописныя „записки", о которыхъ говоритъ весь чиновный Петербургъ; въ послѣдній разъ—обличеніе цѣлаго вѣдомства, сдѣланное крупнымъ чиновникомъ другого вѣдомства.

Прасковья Степановна Алехина была особа второго класса, вдова одного главноуправляющаго, еще изъ николаевскаго времени, съумѣла удержать за собою не только окладъ мужа, но и его аренды, безвыѣздно сидѣла дома на своей оттоманкѣ, постоянно принимала, но ни большихъ обѣдовъ, ни вечеровъ не давала. Такихъ старухъ Рынинъ только и признавалъ: умныхъ, бывалыхъ, прошедшихъ черезъ общество и вліяніе высокопоставленныхъ мужчинъ, старухъ начитанныхъ, съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній, анекдотовъ, остроумныхъ словъ, оцѣнокъ покойниковъ и живыхъ людей изъ петербургскаго свѣта, чиновнаго и дѣлового міра.

Еще вольноопредѣляющимся онъ былъ вхожъ къ ней. Старуха знавала его отца, и чрезъ нее тотъ получилъ мѣсто, на которомъ не удержался. Она благоволила и къ сыну, и по-французски говорила ему: „mon enfant". Зину онъ къ ней возилъ. Алехина нашла ее „красивой бабочкой" и сказала:

— Когда она здѣсь напрыгается, а вамъ губернаторство дадутъ, присылайте ее ко мнѣ разовъ въ недѣлю—я ей дамъ выправку.

Сани повернули въ Сергіевскую и остановились у дома-особняка. У подъѣзда стояла одиночка. Сѣрую, въ яблокахъ, и голубую шапку кучера Рынинъ узналъ. Его предчувствіе сбывалось: у Алехиной сидѣло лицо, нужное ему. Старуха въ послѣдній разъ, какъ онъ у нея былъ, напомнила:

— Завернули бы вы ко мнѣ, мой милый, въ четвергъ.

разгадку. Онъ переждалъ. Послѣ словъ генерала вышла маленькая пауза.

— Вотчиннымъ чувствомъ держится все,—выговорилъ онъ медленно, спокойнымъ тономъ, съ большою убѣжденностью.

Генералъ раскрылъ шире свои стальные глаза и подался немного подбородкомъ.

— Comment dites-vous, mon enfant?—переспросила старуха.

Это „mon enfant“ коснулось слуха генерала и какъ бы еще сильнѣе заинтересовало его фразой Рынина.

— Все держится вотчиннымъ чувствомъ,—повторилъ тотъ такъ же спокойно и убѣжденно.

Надо было объяснить мысль и сдѣлать это не профессорскимъ тономъ, безъ обширныхъ отступленій. Генералу это бы не понравилось, было бы сочтено за претензію... Слѣдовало говорить опредѣленно, сильно и мягко, чтобы слышался, въ голосѣ и выраженіяхъ, человѣкъ, думавшій о своемъ отечествѣ и желающій подняться до идеи власти, „отеческой и твердой“.

Тонъ ему сразу удался. Такъ нужно говорить собесѣдникамъ высокаго общественнаго положенія, не забывая и себя, своихъ правъ на своеобразность и вѣрность идеи.

Его выслушали съ большимъ вниманіемъ.

— Monsieur a raison!—выговорилъ генералъ, обращаясь къ хозяйкѣ.—C'est un point de vue nouveau... et acceptable.

На блѣдномъ лицѣ съ пепельными усами Рынинъ читалъ дальнѣйшую судьбу его „открытія“. Эти слова: „вотчинное чувство“—будутъ повторены въ ближайшемъ засѣданіи какой-нибудь коммиссіи, потомъ въ гостиныхъ. Идея сойдетъ за собственность сначала этого молодого сановника и сдѣлается лозунгомъ. Нужды нѣтъ, что творецъ ея (Рынинъ былъ уже непоколебимо увѣренъ въ томъ, что творецъ ея—онъ) останется въ тѣни; но сейчасъ его сосѣдъ призналъ новизну и вѣрность вывода. И злиться на то, что не онъ, а начинающій свою карьеру полковникъ Рынинъ дошелъ до этой идеи, тотъ не будетъ: видно, какъ ему она пришлась ко двору.

— Хорошо,—заговорила хозяйка:—вотчинное чувство... Но если такъ, то надо этимъ воспользоваться... Надо держать... la dragée haute! Вѣками складывалась эта... вѣра... Слѣдственно нужно прежде всего... Подскажите мнѣ слово, полковникъ,—шутливо добавила старуха.

— Идея власти!—значительно выговорилъ Рынинъ.

— Assurément,—чуть слышно какъ бы вздохнулъ генералъ изъ своей узкой груди.

— Такъ говорятъ только, а на дѣлѣ опять припѣвъ: мужички, да мужички. Mais votre idée, mon colonel,—продолжала Алехина,—est une vraie trouvaille; n'est ce pas, général?..

Генералъ наклонилъ голову съ замѣтной усмѣшкой, но ничего больше не сказалъ на тотъ же предметъ разговора и обратился къ хозяйкѣ съ какимъ-то порученіемъ отъ своей жены.

Рынинъ зналъ, что онъ принимаетъ по средамъ, и у него внутри немножко защемило: пригласитъ ли его генералъ бывать у нихъ. Женѣ его онъ былъ представленъ еще въ Петергофѣ, два года назадъ.

Генералъ всталъ; Рынинъ сдѣлалъ то же. Генералъ нагнулся, но не поцѣловалъ руки у хозяйки, и рукопожатія не было. Онъ поклонился очень низкимъ опущеніемъ головы на грудь и даже слегка прищелкнулъ шпорами.

Проходя мимо Рынина, онъ остановился, протянулъ руку, придержалъ въ ней руку Рынина и сказалъ тѣмъ тономъ, за который пріобрѣлъ прозвище „un charmeur":

— Nous sommes chez nous tous les mercredis... Ma femme sera enchantée de vous voir chez elle...

Потомъ онъ пошелъ короткими, мягкими шажками; въ походкѣ его не осталось ничего отъ кавалерійскаго офицера.

Его шаги затихли при поворотѣ съ площадки на лѣстницу. Хозяйка рукой указала Рынину на то кресло, гдѣ сидѣлъ генералъ, и когда онъ опустился въ него своей длинной фигурой, захлопала беззвучно въ ладоши.

— Молодецъ! молодецъ! побѣду одержалъ надъ нашимъ... accusateur public...

— Чѣмъ же?—какъ бы недоумѣвалъ Рынинъ.

— Ахъ, батюшка, нечего скромничать!.. Женѣ вашей можете объявить, что она будетъ губернаторшей къ веснѣ, послѣ святой... Est-elle ambitieuse? Ну, да все равно, съ годами придетъ, особенно безъ дѣтей. Je suis contente de vous, mon enfant...

Онъ наклонился къ ея старой, пожелтѣлой рукѣ, лежавшей на подушкѣ, почтительно взялъ ее и медленно поцѣловалъ.

— Вамъ я обязанъ,—выговорилъ онъ,—больше чѣмъ себѣ... тѣмъ, что̀ вышло удачнаго сейчасъ... У васъ каждый дѣлается умнѣе...

Алехина прикоснулась слегка губами къ его маковкѣ.

— Со старухами умѣете говорить, голубчикъ; нынче это рѣдкость... Не считаете ихъ муміями... Ласковое теля двухъ матокъ сосетъ. Хоть вы вообще-то не очень сладкій... настоящій админи-

страторъ... comme il y en avait de mon temps... А какъ это вы выдумали... идея-то ваша насчетъ мужичка и всего русскаго государства, чѣмъ все-то держится?..

— Вотчиннымъ чувствомъ,—выговорилъ Рынинъ и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Прекрасно сказано. Я постараюсь понять это получше, въ первую же безсонницу... Она не заставитъ себя ждать... Молодецъ!..

Рынинъ еще разъ приложился къ рукѣ. Старуха стоила этого: она его поняла и оцѣнила лучше всѣхъ.

Князь Ряжскій подъѣзжалъ на плохомъ извозчикѣ—кареты онъ не признавалъ—къ углу Михайловской улицы.

Черезъ пять минутъ онъ войдетъ въ нумеръ двадцать-шестой и увидитъ Зину. Она будетъ дома: въ этомъ онъ не сомнѣвался.

Что̀ онъ ей скажетъ? Неужели только передастъ новое извиненіе княгини? О чемъ они станутъ говорить? Ему не о чемъ съ ней говорить... Онъ не умѣетъ... онъ боится... Но его тянетъ, въ этомъ онъ увѣренъ, и больше уже не стыдится того, что его тянетъ къ ней...

Мать свою онъ огорчилъ. Она больше отъ него нездорова. Вчера она опять заговорила съ нимъ объ Ольгѣ. Онъ разсердился. Въ первый разъ вырвалось у него нѣсколько рѣзкихъ словъ, почти грубостей... Правда, онъ просилъ у нея прощенія; но никогда еще на него не налетала такая озлобленность.

Добрая, кроткая женщина, вся ушедшая въ любовь къ нему—и онъ такъ озлился! Но онъ не женится на Ольгѣ, ни на комъ не женится... Что̀ въ немъ такое... неужели простая похоть?.. Два дня думалъ онъ, стыдилъ себя, повторялъ это вѣское и позорящее слово, и все-таки не могъ оторваться отъ образа женщины—яркаго, какъ видѣніе, и не хотѣлъ лгать самому себѣ. Да,—это грѣховное, грязное влеченіе къ чужой женѣ, къ женщинѣ, которую онъ не поведетъ къ алтарю.

Виноватъ ли онъ, однакожъ, что другой раньше его назвалъ ее своей женой, кажется, не любя? Онъ мало вникалъ въ душу этого Рынина; но ему сдается, что такой человѣкъ неспособенъ на любовь, на ту любовь, которой держится святость брака. Но все-таки они—мужъ и жена. Всякій, кто „вожделѣетъ“ къ этой женщинѣ, внесетъ зло, грязь, позоръ. Бракъ—нерасторжимъ.

„Бракъ нерасторжимъ“, — повторилъ онъ вчера много разъ, точно хотѣлъ этими словами устрашить себя; но они мало дѣйствовали, не больше, чѣмъ то позорящее слово.

Онъ рѣшилъ-было: не ѣхать совсѣмъ къ ней; но потомъ это представилось ему постыднымъ малодушіемъ, прикрытой ложью. Развѣ не прямѣе: пойти на-встрѣчу злу, искушенію, своей животной природѣ, вызвать ихъ на бой и побѣдить? И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Такимъ рѣшеніемъ окрыленъ онъ былъ, когда ѣхалъ; а вотъ теперь, въ пяти саженяхъ отъ подъѣзда Европейской Гостинницы, онъ сталъ полонъ тревоги. Ему хочется не идти на-встрѣчу злу съ развернутой и высоко вознесенной хоругвію, а чего-то другого, гадкаго... застать ее одну... И самая эта тревога ему не тягостна, не омерзительна, какъ будто отрадна...

Надо слѣзать съ саней. Князь заплатилъ извозчику и быстро прошелъ узкой площадкой до сѣней. Онъ бросилъ, подъ шинелью, взглядъ на свой сюртукъ и поправилъ галстукъ инстинктивно; нашелъ, что и то, и другое говорятъ все о той же „похоти“. Сюртукъ былъ сшитъ здѣсь, по просьбѣ княгини; но онъ его надѣлъ съ умысломъ, и галстукъ также новый—подарокъ матери.

У перваго швейцара онъ спросилъ:

— Рынины дома?

Но ему хотѣлось знать не это; только то: дома ли Зинаида Мартыновна.

— Полковникъ выѣхали,—доложилъ швейцаръ,—барыня дома!

— Принимаетъ?

— Принимаютъ-съ.

Спросить—есть ли у нея кто-нибудь, онъ не посмѣлъ.

По лѣстницѣ князь входилъ съ поникшей головой. Такъ идутъ люди на скверное, постыдное дѣло: пьяница—за штофомъ, игрокъ —къ зеленому столу; эти сравненія пришли ему разомъ, когда онъ поднялся на площадку.

Налѣво—нумеръ двадцать-шестой. Еще минута—и онъ тамъ. И что̀ будетъ?.. Упадетъ онъ на колѣни или зарыдаетъ? Или бросится цѣловать ее?

Все было возможно; онъ это чувствовалъ.

Вотъ и дверь съ матовымъ стекломъ и нумеромъ на стеклѣ. Тихонько отворилъ онъ дверь и вошелъ въ переднюю. Его встрѣтила Милли.

Онъ этого не ожидалъ, и смутился. Милли узнала его по Ширяеву, сейчасъ же вся оправилась и, отворивъ дверь въ гостиную, крикнула:

— Seine Durchlaucht der Herr Fürst!

Этотъ возгласъ довершилъ его смущеніе.

— Ахъ! геръ Фюрстъ!—раздалось оттуда.

Князь узналъ голосъ Снѣткина, потомъ и онъ самъ выдвинулся въ дверь, взялъ его подъ-руку и ввелъ въ гостиную.

Стыдъ овладѣлъ имъ—такой стыдъ, точно его поймали съ поличнымъ. Этотъ Снѣткинъ однимъ своимъ присутствіемъ вызвалъ наружу всю грѣховную тину его чувства.

Не лучше ли бѣжать? Или сказать безъ колебанія, сейчасъ же:

„Вотъ я какой искатель свѣта! Вотъ съ чѣмъ я пріѣхалъ сюда, съ какой скверной во всемъ своемъ существѣ!"

— Князь, здравствуйте!

Отъ привѣтствія Зины онъ весь затрепеталъ. Такъ весело и просто, такимъ пріятельскимъ звукомъ кинула она ему эти два слова. Чѣмъ ему смущаться? Они—добрые друзья, не больше. Въ ней нѣтъ ничего грѣховнаго; она никуда не заманиваетъ его.

Ему протянули руку, онъ пожалъ ее, но не поцѣловалъ, сѣлъ около кушетки и заговорилъ довольно свободно; извинился за княгиню, спросилъ о мужѣ, отвѣтилъ на какое-то дурачество Снѣткина. И Снѣткинъ пересталъ его смущать. Даже хорошо, что онъ тутъ.

Но Снѣткинъ взялся за шапку, поглядѣлъ на него съ особой миной, потрепалъ его по плечу и спросилъ:

— А ты знаешь ли, Орестъ, что мы съ тобой больше не увидимся?

И онъ не остановился на смыслѣ этой фразы, пожалъ ему руку, и когда услыхалъ, что тотъ ѣдетъ въ Парижъ, пожелалъ ему „веселиться", ничего больше.

Ушелъ Снѣткинъ. Они вдвоемъ. Разговоръ какъ будто тотъ же, но глаза князя опущены; теперь онъ не рѣшается поднять ихъ; онъ чувствуетъ, что взгляда, одного взгляда довольно будетъ, чтобы все открылось.

Зина откинула голову и сквозь полусомкнутыя рѣсницы глядѣла на голову красавца, приводившую ее еще недавно въ такіе экстазы. Голова такъ же хороша: контуры лба, носъ, нервныя ноздри и глаза, въ ту минуту опущенные. Но экстаза не было. Другое чувство разлилось по ней и давало ей прежнее превосходство надъ мужчиной. Зина видѣла, что передъ ней человѣкъ, охваченный влеченіемъ къ женщинѣ, а женщина—она. Ей сладко сознавать это; но голова ея работаетъ, способна спросить себя—чѣмъ же кончится съ княземъ? Будетъ ли это простой „flirt", или связь подъ носомъ Парменія Никитича, свѣтскій „mariage à trois", еслибъ князь пошелъ на него? А если не то и не другое, то не пришла ли самая лучшая минута разорвать съ Рынинымъ, получить законную свободу и сдѣлаться княгиней Ряжской?..

На всѣ эти вопросы она успѣла отвѣтить прежде, чѣмъ князь перемѣнилъ положеніе головы и рукъ и обратилъ глаза въ камину, уже съ приподнятыми рѣсницами.

Да, только—послѣднее. Играть она устала; съ такимъ человѣкомъ связь, еслибы онъ и пошелъ на нее—обуза или что-нибудь нелѣпое, какой-нибудь „духовный скандалъ". Остается разводъ и новое замужество.

Зачѣмъ?

Не любовь-страсть, даже не жалость, или доброта, или оцѣнка его добродѣтелей влекли ее къ князю; скорѣе смутное чувство того, что это-то и будетъ конецъ.

Если онъ станетъ ея мужемъ—первымъ нумеромъ сдѣлается она, и такъ должно быть... Тутъ опять всплыло ея давнишнее убѣжденіе въ томъ, что любви между мужчиной и женщиной и быть не можетъ: любви-согласія, любви какъ взаимной жертвы...

Развѣ она не начинаетъ теперь же дѣйствовать съ нимъ, какъ съ врагомъ, хоть онъ ей и нравится? Мужемъ или любовникомъ она его возьметъ скорѣе всякаго другого, но между ними будетъ вѣчный антагонизмъ... только потому, что онъ—мужчина, а она—женщина.

Она не хотѣла ему мстить за Ширяево, за свое безумство, за свой женскій позоръ... Вся ночь послѣ поѣздки къ нему въ усадьбу пронеслась у нея въ головѣ, та ужасная ночь, точно раздѣлившая ея жизнь пополамъ. Нѣтъ! она мстить ему не будетъ, а могла бы... вотъ сейчасъ заставить пасть къ своимъ ногамъ и крикнуть, какъ тому нѣмцу, въ паркѣ: „as-tu fini, Gugusse?"

То, что̀ вскипѣло въ ней, когда-то въ деревнѣ, то̀ больше уже не повторится: выйдетъ она за него или только вступитъ съ нимъ въ связь.

— Князь, что же вы на меня не смотрите?—спросила Зина и засмѣялась.

Онъ взглянулъ на нее; рѣсницы его пришли въ нервное состояніе, щеки поблѣднѣли, ротъ начала также замѣтно сводить нервная дрожь.

Еслибы она сохраняла еще на минуту свое вызывающее лицо, онъ бы не совладалъ съ тѣмъ, что̀ его колыхало. Вышло бы что-нибудь „омерзительное", что-нибудь несмываемое никакимъ чистосердечнымъ сокрушеніемъ.

Но смѣхъ Зины смолкъ. Лицо ея—онъ опять на нее взглянулъ—стало вдругъ серьезно, улыбка исчезла; она, въ свою очередь, опустила рѣсницы и наклонила голову немного вбокъ.

— Я васъ смутила,—опять начала она совсѣмъ другимъ голосомъ:—вы помните мои слова?

— Да,—отвѣтилъ онъ чуть слышно. Это-то напоминаніе и помогло ему овладѣть собой.

Онъ хотѣлъ тогда вызвать ее на объясненіе, узнать, какъ могъ онъ вовлечь ее во что-то грѣховное; съ этою цѣлью дѣлалъ онъ ей первый визитъ въ тотъ разъ, когда не засталъ ее.

— Что же!—продолжала Зина, все такъ же искренно:—я вѣрю въ рѣшительныя встрѣчи. Вы сами знаете и вѣрите, что даромъ ничего въ жизни людей не бываетъ. Тогда я не понимала васъ, и все-таки вы такъ поразили меня...

Она не договорила.

Стыдъ за себя началъ овладѣвать имъ: какъ искренни ея слова, съ какимъ довѣріемъ она обратилась къ нему!.. А онъ?

Еще одно слово Зины, и онъ открылъ бы ей весь „смрадъ" своей души, повинился бы, какъ послѣдній изъ грѣшниковъ.

Смущеніе его Зина принимала все за тотъ же припадокъ страсти.

Стóитъ ей протянуть ему руку—и онъ ей принадлежитъ. Такой человѣкъ, коль скоро посягнулъ на сердце чужой жены, пойдетъ на всякую жертву. Для него адюльтеръ немыслимъ.

„Рынинъ долженъ вернуться обѣдать,—быстро сообразила Зина,—чего же лучше? Въ комнатѣ полусвѣтъ... они вдвоемъ... мужъ входитъ... застаетъ ее на груди князя... Нѣтъ уже ходу назадъ. Драться князь не станетъ, а то Рынинъ могъ бы и убить его, онъ—хорошій стрѣлокъ... Остальное все будетъ такъ, какъ она рѣшитъ".

— Какъ низко я палъ! Господи!

Глухія рыданія готовы были прорваться вслѣдъ за этими словами. Князь закрылъ лицо ладонями и смолкъ.

Рука Зины протянулась къ нему. Она слышала возгласъ: „Господи!"—но первыхъ словъ не могла схватить отъ волненія, которое овладѣло ею только тутъ: она уже не лгала, не интриговала, забыла и разсчеты на сцену и скандалъ. Она готова была отдаться ему.

Въ дверяхъ стоялъ Рынинъ. Зина такъ и осталась съ протянутой рукой; успѣла только громко сказать:

— Мой мужъ!

Князь поднялся съ мѣста, повернулся къ Рынину, пробормоталъ что-то и сталъ прощаться. Но все это вышло такъ похоже на его всегдашнюю манеру, такъ обыкновенно, что Рынинъ спокойно проводилъ его до передней, и Зина слышала слова мужа:

— Мой усердный поклонъ княгинѣ.

Зина удержалась отъ взрыва досады. Князь будетъ ея мужемъ, когда она захочетъ. Она сидѣла тихая и увѣренная въ томъ, что вела себя съ нимъ и умно, и честно.

— Зинаида Мартыновна!—весело окликнулъ ее Рынинъ въ дверяхъ.—Я заслужилъ обѣдъ. Прасковья Степановна Алехина приказала вамъ передать, что къ пасхѣ вы будете madame la préfète.

— Très bien, mon ami,—кротко отвѣтила Зина и позвонила.

До пасхи—она знала: кѣмъ она будетъ.

IX.

Больше двухъ лѣтъ сряду, князь Ряжскій, когда ложился спать, мысленно обозрѣвалъ пережитый день, рѣшалъ, самъ съ собою, каковы были истинныя побужденія всего того, что̀ онъ сказалъ и сдѣлалъ въ теченіе этого дня. И помыслы, хотя бы мимолетные, онъ также разбиралъ, всѣ до одного, какіе могъ вспомнить.

На другой же день послѣ встрѣчи съ Зиной въ Петербургѣ, онъ перестаіъ это дѣлать. Цѣлую недѣлю прожилъ онъ только съ минутными уколами совѣсти, но на ночь ему стыдно было отдавать себѣ отчетъ. Послѣ разговора съ глазу-на-глазъ, въ Европейской Гостинницѣ, въ тотъ же день, онъ вернулся къ своей исповѣди и пришелъ въ ужасъ.

Онъ не понялъ и тогда женщины, ея побужденій, еще менѣе ея разсчетовъ и того, какъ она проиграла свою партію, думая, что доводитъ его до пароксизма страсти. Ничего этого онъ не понялъ! Во всемъ онъ еще разъ обвинилъ себя. Своя собственная „гнусность“ предстала передъ нимъ и заслонила все остальное. И „гнусность“ эта была не передъ женщиной вообще, а передъ женой другого. Зинаида Мартыновна и не должна была знать про его „похоть“ и „посягательство“. Онъ вспомнилъ все, что̀ она говорила ему. Если она не шутила, если дѣйствительно въ Ширяевѣ онъ вызвалъ въ ней нечистое чувство, опять онъ же былъ виной. Стало, въ немъ самомъ сидѣло что-нибудь порочное, что̀ передалось и ей.

Вѣдь у нея нашлось же,—такъ разсуждалъ онъ,—достаточно душевной силы, чтобы побороть свою плоть!.. Она говорила съ нимъ по-товарищески; этотъ ея тонъ и возбуждалъ въ немъ грѣ-

ховность. Внезапно остылъ онъ только тогда, когда она начала говорить искренно. Значитъ, онъ—опять онъ—соблазнялъ ее.

Какой ужасъ! Какое паденіе! Не такъ слѣдовало ему покарать себя, когда вырвались у него слова:

— Какъ низко я палъ, Господи!

Онъ не долженъ былъ смущаться приходомъ мужа и убѣгать —точно воръ или развратитель честныхъ женщинъ, захваченный врасплохъ. Онъ долженъ былъ обратиться къ мужу и громко, чистосердечно повѣдать ему свою гнусность, выразить раскаяніе и попросить прощенія и у него, и у жены.

А онъ убѣжалъ!..

То, чтò ему слѣдуетъ дѣлать теперь — онъ это знаетъ,—и колебаній никакихъ у него нѣтъ.

Онъ началъ съ того, что пошелъ къ княгинѣ.

Огорчать ее отказомъ отъ женитьбы на Ольгѣ ему было тяжело; но какъ же могъ онъ брать въ жены ничѣмъ неповинную, хорошую дѣвушку, хоть и свѣтски-воспитанную, если онъ способенъ на такія внезапныя и гнусныя паденія?

Княгиня выслушала сына, тронутая его волненіемъ, слезами на глазахъ, глубокою искренностью всего, чтò онъ сказалъ.

Но первый ея вопросъ—вопросъ женщины—былъ:

— Tu as peut-être un amour... ailleurs, mon enfant?

Она спросила это безъ всякой строгости, какъ старшая сестра.

Вопросъ привелъ его въ еще бòльшую тревогу. Онъ началъ говорить о себѣ еще безпощаднѣе, обвинялъ себя въ такой душевной грязи, которую она и представить себѣ не можетъ. Она остановила его жестомъ руки и, улыбаясь, сказала, что не вѣритъ ему, что ничего злого ея Орестъ чувствовать не въ состояніи.

Княгиня знала, во чтò вѣруетъ ея сынъ, какую религію онъ себѣ создалъ—не раздѣляла его ученія насчетъ того, какъ жить, его отношеній къ народу, къ деньгамъ, къ простому мужицкому труду, но сама витала мыслями и мечтами на высотахъ піэтизма, не порвавшаго свѣтскихъ привычекъ и обычаевъ. Надъ „чудачествомъ“ своего Ореста она никогда, ни въ глаза, ни за глаза, не смѣялась. Многое должно было отпасть отъ него, когда онъ женится или просто сдѣлается старше. Но въ его волненіи она почувствовала возможность страсти; подумала объ этомъ не сразу, къ концу изліяній сына. Она воздержалась отъ всякаго намека и не вызывала дальнѣйшихъ его самобичеваній; напротивъ, остановила ихъ. Скрыть отъ нея онъ ничего не могъ и не хотѣлъ; но онъ не сталъ бы и называть имени женщины, особенно за-

мужней; продолжалъ бы только казнить еще сильнѣе одного себя, почему она его и остановила.

Онъ готовъ былъ ѣхать говорить съ Ольгой, хотя бы его мать и находила, что передъ ней онъ ни въ чемъ не виноватъ. Дѣвушка могла думать о серьезныхъ намѣреніяхъ съ его стороны; онъ не дѣлалъ ей предложенія, но не отказывался отъ нея, а что́ ужаснѣе всего—не любя ея, какъ нужно полюбить будущую жену, допускалъ этотъ бракъ въ мысляхъ своихъ.

И это объясненіе сына княгиня приняла болѣе кротко, чѣмъ даже можно было ожидать отъ нея. Ее считали въ свѣтѣ не очень умной, нѣкоторые даже—„простой". Умъ замѣняли ей—не потускнѣвшая въ свѣтѣ правдивость и способность сейчасъ спросить себя: не она ли виновата?

Такъ и тутъ, княгиня остановила во второй разъ самоосужденіе сына и безъ всякихъ упрековъ успокоила его.

Если у него нѣтъ настоящей любви къ Ольгѣ, о женитьбѣ и рѣчи быть не можетъ.

— Я вырву всякій грѣховный помыселъ и къ другой женщинѣ! — порывисто сказалъ онъ, и еслибъ его вѣра позволила ему, прибавилъ бы:—клянусь тебѣ, maman!

Но княгиня знала, что клятвъ сынъ ея никакихъ не допускалъ.

Ольгу онъ не завлекалъ — такъ говорила она сыну—велъ себя съ ней какъ съ дѣвушкой, которую мать его любитъ. И еслибы дѣйствительно вышло такъ, что Ольга почему-нибудь считаетъ себя близкой къ замужству съ нимъ, то не ему, а матери его надо взять на себя объясненіе.

Князь замолчалъ; но ему еще не было легко... Мать его слишкомъ добра; при такомъ „баловствѣ", ему не удастся дать ей даже понять: до какой степени былъ онъ преисполненъ отвращенія къ своей гнусности. Потому только согласился онъ мысленно со словами матери объ отношеніяхъ его къ Ольгѣ, что самъ онъ не хотѣлъ обижать дѣвушку, хотя бы туманными извиненіями, точно говорить ей: „вы, m-lle Курчаева, собрались за меня замужъ, такъ, извините, я на васъ жениться не могу".

Что это было бы безтактно, глупо, онъ не думалъ. „Глупость" и „безтактность" были для князя слова суетныя, означающія высокомѣрный взглядъ на поведеніе: чужое или свое—все равно. По его вѣрованіямъ, такое объясненіе съ дѣвушкой было бы просто „гнусно"—въ этомъ словѣ заключалось для него все.

Видя, что сынъ смолкъ и опустилъ голову, княгиня подумала, что больше у него уже нѣтъ на душѣ ни изліяній, ни самообвиненій. Ей отрадно было сознавать, какъ чистъ онъ своими

помыслами и какая у нихъ теплая связь. Зачѣмъ ему жену теперь, когда мать его еще не дряхлая старуха? Будетъ ли Ольга Курчаева способна понять его, не заставитъ ли она его страдать? Да и какая свѣтская дѣвушка, хоть и добраго сердца, согласится жить такъ, какъ онъ желаетъ; а характеръ у него есть, онъ уступитъ только изъ любви, и будетъ несчастенъ.

И зачѣмъ она—мать—такъ усердно хлопочетъ о томъ, чтобы женить его? Вѣдь тогда онъ для нея уже не будетъ тѣмъ, что̀ теперь.

И княгиня улыбнулась мысли, что сынъ ея останется здѣсь, при ней, по крайней мѣрѣ до весны, что онъ опять привыкнетъ къ ней, будетъ цѣнить, съ полною свѣжестью чувства, ея любовь и ласку.

Князь тяжело переводилъ дыханіе и сидѣлъ, не поднимая глазъ. Даже капли пота выступили у него на лбу. Ему предстояло огорчить мать свою и огорчить безповоротно. Но такъ надо было. Еще на дняхъ онъ слишкомъ рѣзко говорилъ съ ней о „безобразіяхъ“ городской жизни. Княгиня вынесла его рѣзкости и не стала съ нимъ спорить. Его взглядовъ она не бралась уже передѣлывать. Она только просила его пожить съ ней подольше.

Новый приступъ волненія прорвался у него въ возгласѣ:

— Прости, мама, я долженъ назадъ въ деревню!..

Этотъ глухой возгласъ былъ такъ порывистъ и силенъ, что княгиня почувствовала безполезность всякихъ упрашиваній. Она сказала только:

— Какъ знаешь, дитя мое; только ты былъ, кажется, доволенъ тѣмъ, какъ идетъ твоя...

Она затруднилась выборомъ слова: „пропаганда“ — она не хотѣла сказать, слово „дѣло“ не пришло ей сразу.

— Да,—торопливо заговорилъ князь, продолжая громко переводить дыханіе:—я не жалуюсь. Мнѣ горько... уѣзжать отъ тебя... не исполнить твоего желанія. Послѣ, черезъ полгода, я буду больше увѣренъ въ себѣ; а теперь...

Онъ не досказалъ; послѣ паузы, княгиня услыхала отъ сына вторую исповѣдь: какъ ему нужно остаться одному съ простымъ народомъ, съ мальчиками, съ глазу-на-глазъ со своею совѣстью и продолжать дѣло пересозданія своей души. Еслибы онъ не понадѣялся на себя, онъ не пріѣхалъ бы на зиму въ этотъ Петербургъ, даже и рискуя огорчить ее; много-много, провелъ бы съ ней два-три дня. Его увѣренность въ себѣ вышла простой гордыней, дряннымъ самомнѣніемъ. Грубая плоть, грѣховные, хищническіе позывы живутъ еще въ немъ, быть можетъ, и теперь, когда онъ приноситъ въ нихъ полное раскаяніе.

Опять не повѣрила княгиня мрачнымъ самообличеніямъ сына; но она не спорила, не просила, не сказала ему ничего горькаго. Она надѣялась на его привязанность. Черезъ три мѣсяца она его увидитъ въ деревнѣ, только бы эта деревня—съ постояннымъ углубленіемъ въ самого себя—не повела его къ какому-нибудь серьезному разстройству...

Княгиня это допускала.

Мягкость его матери вызвала въ князѣ новое недовольство собою.

Если у нея, какъ бы она ни была добра и снисходительна, не нашлось ни одного звука, чтобы подтвердить тотъ приговоръ, какой онъ себѣ самъ произносилъ, стало быть, онъ говорилъ ей не противъ себя, а въ свою защиту? Когда онъ уходилъ отъ нея, онъ желалъ перенестись сейчасъ же къ мужу Зины, не давать себѣ ни одной секунды времени на то, чтобы его недовольство собою остыло.

Но надо было доѣхать до Европейской Гостинницы. И брать извозчика сдѣлалось ему противно; все это пахло городомъ, барствомъ, наймомъ, сообщничествомъ съ жизнью, куда мужика—вотъ этого извозчика, чтд повезетъ его въ Михайловскую улицу,—влечетъ жалкій заработокъ и пріучаетъ къ глупому, безплодному труду, трактиру и трущобѣ.

Извозчика онъ все-таки взялъ, чтобы не потерять лишнихъ полчаса, чтобы, идя пѣшкомъ, не измѣнить своему чувству и рѣшенію.

Было еще довольно рано. Онъ могъ застать Рынина, тотчасъ послѣ завтрака. Такъ это и случилось.

Князь вошелъ въ его нумеръ, состоявшій изъ двухъ же комнатъ, съ передней, но поменьше и побѣднѣе отдѣланныхъ, чѣмъ у Зины. У письменнаго стола, кромѣ хозяина—спиной къ входной двери, сидѣлъ, лицомъ къ двери, гость, незнакомый ему, немолодой господинъ съ наружностью отставного военнаго. Они уже кончали дѣловой разговоръ.

Рынинъ всталъ и встрѣтилъ князя любѣзно, но безъ особенныхъ выраженій почтительности: онъ уже считалъ нужнымъ держать себя съ нимъ, усиленно соблюдая свое достоинство. Мелькомъ онъ представилъ обоихъ мужчинъ другъ другу и, когда опять сѣлъ въ свое кресло, обратился къ гостю съ заключительной фразой:

— Таково положеніе вопроса, а чтд дальше будетъ, увидимъ...

Тотъ на это отвѣтилъ довольно длинной тирадой, прежде,

чѣмъ встать. Князь сидѣлъ между ними нѣсколько поодаль, сосредоточенно смотрѣлъ на одну точку — на чернильницу письменнаго стола—и его дыханіе было затруднено. Рынинъ раза два, вскользь, посмотрѣлъ на его лицо и положеніе всей его фигуры и спросилъ себя: „Зачѣмъ этотъ пожаловалъ? Не спроста".

Въ головѣ его несовсѣмъ ясно, но проступали быстрыя соображенія насчетъ Зины, ея недавняго увлеченія княземъ, то, что̀ онъ самъ не такъ давно думалъ, когда поджидалъ ее изъ цирка, возможность „любовной вспышки". и въ этомъ „юродивомъ", какъ ему пріятно было называть Ряжскаго.

Первый гость ушелъ. Рынинъ проводилъ его до передней. Въ томъ, какъ онъ это дѣлалъ, уже появились нѣкоторыя новыя черты. Такъ провожаютъ посѣтителей съ вѣсомъ крупныя оффиціальныя лица, когда тѣ имъ дѣлаютъ свѣтскіе или полудѣловые визиты. И въ томъ, какъ онъ обратился къ Ряжскому, тотчасъ у дверей, съ обѣими руками, слегка только отдѣленными отъ туловища, сидѣлъ оттѣнокъ увѣренности и превосходства.

Онъ началъ практиковаться во всѣхъ этихъ пріемахъ авторитетнаго обхожденія.

За правило принялъ онъ идти прямо къ сомнительному поводу посѣщенія, какъ на этотъ разъ. Надо сейчасъ же предупредить князя и показать ему, что у него есть что-то особенное, съ чѣмъ онъ явился, и сдѣлать это просто, съ шуточкой, тономъ человѣка, для котораго нѣтъ затруднительныхъ положеній.

— Вы ко мнѣ не спроста пожаловали, ваше сіятельство?— сказалъ Рынинъ, сѣлъ столу и пододвинулся вмѣстѣ съ кресломъ къ гостю.—Вѣдь такъ?

Углы бровей князя поднялись. Лицо получило страдальческое выраженіе.

— Пожалуйста,—трудно выговорилъ онъ и просительно поглядѣлъ на Рынина влажными глазами: — не называйте меня такъ... даже въ шутку... Вы угадали... Я здѣсь по очень... очень важному дѣлу...

Не такъ хотѣлъ онъ выразиться. Слова: „важное дѣло"—вышли у него отъ волненія. Дѣло было первой важности для него; но Рынинъ могъ это совсѣмъ иначе понять.

— Къ вашимъ услугамъ, дорогой сосѣдъ.—Рынинъ поднесъ князю папиросницу.

— Я не курю!..

Эти слова Ряжскій выговорилъ почти жостко; углы бровей опали, между ними углубилась складка; рѣсницы онъ опустилъ

и сталъ смотрѣть на бѣлый жилетъ Рынина, виднѣвшійся изъ-подъ разстегнутой утренней блузы военнаго австрійскаго покроя.

— Виноватъ!.. И въ самомъ дѣлѣ—это большой грѣхъ.

Шутливо-безцеремоннаго намека на его „святость" Ряжскій не слыхалъ. По губамъ его прошлась дрожь, и можно было замѣтить, какъ онъ беззвучно началъ произносить слова, толпившіяся на его губахъ.

— Передъ вами—человѣкъ,—вдругъ, яснымъ и слегка вибрирующимъ голосомъ, сказалъ Ряжскій:—передъ вами,—повторилъ онъ,—жалкій рабъ своей похоти...

Рынинъ, въ первое мгновеніе, серьезно подумалъ, что передъ нимъ чудакъ, у котораго начался болѣе острый періодъ душевнаго разстройства. Онъ даже немного отодвинулся вмѣстѣ съ кресломъ, и сдѣлалось это инстинктивно. Но оглядывать Ряжскаго онъ не сталъ и сидѣлъ, слегка нагнувъ голову.

Вся его посадка и мина говорили: „ну, что-то будетъ дальше?"

Князь уже не путался въ словахъ, выговаривалъ ихъ отчетливо и не очень громко, но не въ тонѣ келейной исповѣди, а точно онъ говоритъ, безъ усилія, нѣсколькимъ человѣкамъ, собравшимся въ одной комнатѣ.

— Вотъ какъ я чувствовалъ и поступалъ,—кончилъ онъ и взглянулъ опять просительно и кротко на Рынина, послѣ того, какъ сказалъ ему, что̀ его привело сюда.—Простите меня!

Никакой неловкости не ощутилъ Парменій Никитичъ. Онъ не разсердился; но его уколола эта „выходка простоватенькаго святоши", какимъ онъ считалъ Ряжскаго, прозрачная искренность его покаянія, высказаннаго безъ всякой рисовки, правда, книжными словами, въ родѣ: „похоть" „плоть", „посягательство", „вожделѣніе", но такъ, что всякій долженъ былъ почувствовать себя тронутымъ.

Его же эта исповѣдь не тронула, а кольнула. Онъ увидалъ въ ней „блажь", и за нее нужно было сейчасъ же „осадить" этого юродиваго. Нужды нѣтъ, что онъ выказалъ душевную чистоту, вѣрность своимъ правиламъ, большую нравственную строгость къ себѣ; противъ „такихъ вещей"—Рынинъ не имѣлъ ничего, но онъ, выслушавшій раскаяніе человѣка, увлекавшагося его женой,—не долженъ очень умиляться такимъ поступкомъ, ни какъ мужъ, ни даже какъ членъ общества, какъ русскій дворянинъ извѣстныхъ взглядовъ на жизнь и мораль: все это отзывалось неумѣстнымъ отрѣшеніемъ отъ обычаевъ и отношеній, передъ которымъ „нечего прыгать".

— Дѣло вашей совѣсти, князь,—началъ онъ и откинулся на спинку кресла,—такое сознаніе нравственной вины... Я не вижу, откровенно говоря, чтобы вы очень прегрѣшили... даже и противъ седьмой заповѣди... Сколько я понялъ изъ словъ вашихъ, моя жена не слыхала даже отъ васъ самаго обыкновеннаго признанія...

— Это еще не все!..—прервалъ его князь, и весь встрепенулся.—Я смутилъ ея душу... Зинаида Мартыновна...

Быстро сообразилъ Рынинъ, что дѣло пойдетъ о странномъ увлеченіи Зины. Видно, она сама проболталась князю. Нельзя было допускать до дальнѣйшихъ объясненій.

— Тутъ,—Рынинъ поднялъ голосъ,—ваша роль кающагося грѣшника уже прекращается, князь. Позвольте мнѣ просить васъ: нейти дальше. Вы не можете знать, что происходило въ чужой душѣ. Прошу васъ думать,—онъ выпрямился,—что во мнѣ говоритъ не тщеславная щекотливость мужа. Предположимъ, что Зина, одно время, мечтала о васъ... не здѣсь, а въ деревнѣ. Это возможно, и даже понятно.. Вы можете нравиться женщинамъ, особенно съ вашей манерой жить, держать себя и разсуждать... Но я еще разъ прошу васъ не вдаваться въ такое прокурорское обнаженіе своихъ... совершенно фантастическихъ винъ!

— Вы не хотите меня понять?

У князя эти слова вырвались почти со слезами.

— Прекрасно понялъ васъ и отвѣчаю вамъ такъ, какъ сдѣлалъ бы всякій разумный человѣкъ на моемъ мѣстѣ. Только скажите мнѣ, князь: развѣ вы не могли всѣмъ этимъ проникнуться и оставить это при себѣ?

— Я васъ оскорбилъ моимъ сознаніемъ? — вдругъ испугавшись, спросилъ Ряжскій.

„Да онъ—дуракъ набитый!“ съ особымъ довольствомъ подумалъ Рынинъ, и вытянулъ ноги. Губы его повела усмѣшка.

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.—Не во мнѣ дѣло. Я просто хочу узнать: почему вы—человѣкъ, ищущій божественной правды, —сочли нужнымъ такъ поступить?..

— А то какъ же?—наивно спросилъ князь и поглядѣлъ на него удивленно.—Увидать свою гнусность — этого мало; надо придти и объявить тому, передъ кѣмъ виноватъ!..

— Да, если вы его оскорбили, заставили пострадать. Но ничего подобнаго, въ данномъ случаѣ, нѣтъ. Вы, — я буду выражаться по вашему,—вы почувствовали грѣшное влеченіе къ женѣ моей. Превосходно. И сейчасъ же обличили себя передъ

собственною совѣстью. Женщинѣ вы не нанесли никакой обиды, ничѣмъ ее не смущали.

— Какъ ничѣмъ? А то, что тамъ, въ деревнѣ...

— Князь,—Рынинъ всталъ, отошелъ за кресло и взялся обѣими руками за верхній ободокъ спинки:—я покорно прошу васъ не возвращаться къ тому, чего ни вы, ни я не имѣемъ права касаться. Вы изволите слышать: *ни я*! А я—ея мужъ. И ничего тутъ серьезнаго быть не могло. Зина воспитана, къ сожалѣнію, въ особенной средѣ. Она, вѣроятно, дурачилась, смѣялась... не надъ вами, а надъ самой собою. Она любитъ показывать свой скептицизмъ. Во всякомъ случаѣ—это до насъ съ вами не касается,—протянулъ Рынинъ послѣднее слово—и на минуту смолкъ.

Ему было пріятно слушать себя: такъ складно, литературно онъ говорилъ. Въ послѣдній годъ онъ совершенно исправилъ свою манеру выражаться: прежнихъ шероховатыхъ жесткостей офицера какъ не бывало; слышно было человѣка, умѣющаго не только соблюсти свое достоинство, свой авторитетъ, но и показать тому, кого надо „проучить", что его геройство, его евангельское смиреніе, сердечная чистота — неумѣстная рисовка: вотъ какъ Рынинъ понималъ себя въ эту минуту.

Тѣмъ легче было ему такъ именно чувствовать, что передъ нимъ князь сидѣлъ растерянный, съ „глупымъ" лицомъ.

— Я нахожу,—заговорилъ Рынинъ быстро и покачивался, стоя надъ кресломъ,—я нахожу, любезный князь, что въ такой исповѣди мнѣ, какъ мужу, не было ни малѣйшей надобности. Можетъ быть,—улыбка его сдѣлалась уже совсѣмъ снисходительной,—по вашимъ убѣжденіямъ, вы поступили возвышенно, по-ангельски; но я, грѣшный, считалъ бы такой поступокъ не только ненужнымъ, но и недостаточно скромнымъ...

— Вы думаете?—почти съ ужасомъ спросилъ князь.

— Читать вамъ мораль я не буду, не имѣю права. Ваше побужденіе было... похвально... Конечно... Но вы не вдумались въ самую суть поступка.. За симъ благодарю васъ за довѣріе и считаю инцидентъ поконченнымъ...

Рынинъ опять сѣлъ и протянулъ руку Ряжскому.

„Инцидентъ... что же это?"—спрашивалъ себя князь и не могъ никакъ привести въ связь свое „намѣреніе", свой сердечный порывъ—съ тѣмъ, что ему сейчасъ сказалъ этотъ мужъ своимъ довольнымъ, покровительственнымъ тономъ.

„Не то, не то, — повторилъ онъ мысленно: — не съумѣлъ! Себя выгородилъ, жалкій себялюбецъ!"

Руку его пожималъ Рынинъ: онъ этого не чувствовалъ; онъ весь трепеталъ. Но это возмущеніе собою вызвало въ немъ быструю реакцію.—„Не хорошо такъ возмущаться хоть и самимъ собою", приказалъ онъ себѣ внутренно, и стихъ; глаза стали смотрѣть въ пространство, лицо больше уже не краснѣло, въ тѣлѣ пропалъ нервный трепетъ.

— Не осуждайте меня,—сказалъ онъ спокойно и даже суховато, по звуку:—не берите на себя этого грѣха. Я не съумѣлъ покаяться передъ вами и проникнуть къ вашему сердцу. Простите и за это!..

— Полноте, князь!—Рынинъ потрясъ его руку, и они разомъ поднялись со своихъ мѣстъ.

— Дайте мнѣ время,—продолжалъ Ряжскій (онъ точно думалъ вслухъ, для самого себя):—мы увидимся, быть можетъ, въ деревнѣ, вы найдете во мнѣ другого человѣка.

— Вы ѣдете?—спросилъ Рынинъ умышленно-небрежно, чтобы дать понять гостю, что взвинченный тонъ объясненій пора прекратить.

— Завтра!—радостно выговорилъ Ряжскій.

Рынинъ подумалъ только: „неужели онъ пойдетъ объясняться къ Зинѣ?"—но больше ничего не сказалъ гостю, кромѣ:

— Добраго пути, и благодарю еще разъ за довѣріе.

Въ переднюю онъ пріотворилъ дверь, когда князь надѣвалъ тамъ шинель, но провожать его до корридора не сталъ.

Князь въ корридорѣ остановился, когда дошелъ уже до площадки. Онъ удержалъ себя. Ему показалось „постыднымъ" то, что онъ не захотѣлъ сразу докончить свое дѣло, идти къ Зинѣ, ограничивался только исповѣдью передъ ея мужемъ. Но страданіе, вызванное въ немъ словами Рынина, произвело новый приступъ обвиненій самого себя.

Вѣдь еще сегодня, утромъ, передъ разговоромъ съ матерью, онъ рѣшилъ, что надо открыть свою „гнусность" и мужу, и женѣ. А теперь онъ пошелъ къ лѣстницѣ, забылъ о ней, опять постыдно испугался... Ему пугаться—нечего!

Онъ съ новой силой жаждалъ самой безпощадной исповѣди; онъ долженъ былъ показать этой женщинѣ, что въ тысячу разъ хуже, чѣмъ она, опорочилъ и загрязнилъ свою душу.

Круто повернулъ онъ назадъ и пошелъ къ нумеру двадцать-шестому. Все, что̀ ему нужно было ей сказать, наполнило его сразу; онъ слышалъ свои слова, онъ не только обнажалъ свою грѣховность, но и благодарилъ ее: ей вѣдь онъ обязанъ тѣмъ,

что въ послѣдній визитъ все грязное слетѣло съ него такъ внезапно, когда она заговорила съ нимъ искреннимъ тономъ.

Безъ этого обращенія къ ней ничего не будетъ сдѣлано; на его душѣ останется все тотъ же грузъ.

Смѣло, безъ волненія, взялся онъ за ручку двери съ матовыми стеклами.

„Что это такое?“—спрашивала себя Зина и не могла еще добраться до чего-нибудь опредѣленнаго,—ее дергало въ разныя стороны: до такой степени то, что̀ вышло дѐсять минутъ передъ тѣмъ, опять на томъ же мѣстѣ, было странно, нелѣпо или унизительно, божественно, если не постыдно для нея, гораздо постыднѣе, чѣмъ сцена въ усадьбѣ князя Ряжскаго.

Она разсердилась на Рынина за то, что онъ третьяго-дня вошелъ не во̀ время, когда около нея сидѣлъ князь—слишкомъ рано, можетъ быть, на двѣ минуты раньше,—въ эти двѣ минуты „все было бы кончено“,—но она осталась вполнѣ увѣренной въ томъ, что князь былъ доведенъ до пароксизма страсти, и довела она его именно тѣмъ, что заговорила съ нимъ какъ женщина, способная пересоздать себя для него. Никакого сомнѣнія въ своемъ торжествѣ не было у нея, и весь тотъ день, когда она обѣдала съ мужемъ и про себя надъ нимъ подтрунивала, и на другой день... Тогда она притихла. Впередъ вкушала она, по кусочкамъ, предстоящую рѣшительную сцену. Мужъ могъ ихъ застать или не застать—это уже подробность. Князь—такой человѣкъ, что для него—поцѣловать женщину, значитъ—отдать себя ей на вѣки... пойти на всякую благородную жертву.

Не нужно ей было ни писать ему письма, вызывая на новый разговоръ, ни волноваться его ожиданіемъ. Онъ долженъ былъ придти.

За полчаса до его прихода, сегодня, она хотѣла-было поѣхать кататься, и осталась, увѣренная, что онъ будетъ.

Въ ней, за эти два дня, происходилъ новый успокоительный поворотъ къ личности князя. Она все болѣе и болѣе увѣряла себя, что создана именно для замужества съ такимъ человѣкомъ, что безъ него ей не выбраться изъ своего тягостнаго убиванья жизни. Она не впадетъ въ его „святошество“, но у нея будетъ мужъ, который зажегъ въ ней настоящую страсть, красивый, родовитый, кроткій. Не хочетъ она прибирать его къ рукамъ, чтобы заставлять его страдать; но она непремѣнно измѣнитъ въ немъ все то, что̀ мѣшало бы ихъ ладу.

Ладъ, душевное довольство представлялись ей возможными

съ этимъ предметомъ ея первой страсти. Она, думая о немъ, мѣшала серьезныя мысли и порыванья съ шутливыми; но серьезность превозмогала, даже противъ ея воли.

Передъ приходомъ князя, она была твердо увѣрена въ томъ, что все будетъ кончено, и если она „первая“ заговоритъ, продолжая въ томъ тонѣ, какой она взяла третьяго-дня—она сдѣлаетъ это изъ великодушнаго чувства. Ей пріятно будетъ согрѣть и себя, и его, словами, какихъ она еще никому не говорила, кромѣ его. Она покажетъ ему, до какой степени она не мстительна, не помнитъ страданій, доставшихся ей отъ него, отъ его непониманія и холодности.

Безъ малодушной тревоги заслышала она его шаги въ передней, сѣла на кушетку, поправила свой пеньюаръ и застыла въ одной позѣ, закрывъ глаза. Это состояніе было ей очень пріятно и ново: сознаніе своей побѣды, увѣренность въ томъ, что она „кончаетъ“, чтобы сейчасъ же „начать“. Болѣе полно, какъ женщина, безъ боли и волненій, она еще не жила. Ей ясно стало, что она, быть можетъ, не меньше склонна къ добру, чѣмъ ея будущій „настоящій мужъ“, только по своему.

Вотъ онъ вошелъ, остановился у дверей; она все еще не раскрывала глазъ. Онъ сдѣлалъ два шага къ кушеткѣ; она почувствовала, что ступаетъ онъ твердо. Тутъ только она взглянула на него.

Князь смотрѣлъ, какъ бывало въ деревнѣ, куда-то вдаль; въ лицѣ возбужденіе прошло, небольшая блѣдность дѣлала его еще привлекательнѣе.

Она не дала ему начать, пригласила рукой присѣсть къ кушеткѣ и заговорила, какъ-будто продолжала то, что̀ было прервано, третьяго-дня, приходомъ мужа.

Что́ она говорила ему? Неужели то, что она ясно видитъ теперь свою „судьбу“, что она готова сбросить съ себя „узы“, что она съумѣетъ сдѣлаться подругой, достойной такого человѣка?.. Неужели всѣ эти слова произносила она вслухъ, наклонившись къ нему? Неужели она, когда говорила, не разглядѣла на его лицѣ чего-нибудь, что̀ должно бы было удержать ее мгновенно?

Да, говорила... и такъ сладко, такъ пространно и мѣстами торжественно, какъ никогда не умѣла, съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ. Длилось это съ четверть часа. Онъ не прерывалъ ея; но глаза были опущены, мелькнуло передъ ней нѣчто, напоминавшее ей сцену во флигелѣ его усадьбы... но только мелькнуло. Все, до самаго конца, выговорила она. И опять, какъ

третьяго-дня, только еще сильнѣе, охватило ее чувство близости своей побѣды. Невольно опустила она глаза.

И что же? Онъ сидѣлъ, какъ прикованный къ стулу. Вышла пауза въ нѣсколько секундъ, показавшаяся ей ужасно долгой.

Она должна была и его дослушать до конца. Сначала ей послышался знакомый тонъ, какимъ онъ говаривалъ и въ Ширяевѣ, и у себя.

„Зачѣмъ все это? если онъ — мой, если я довела его до страсти?!"—спросила она себя.

Но слова были другія. Не сразу схватывала она ихъ: что-то ей мѣшало принимать ихъ въ себя, вновь уяснять себѣ ихъ смыслъ.

„Онъ отказывается отъ меня?"—былъ второй ея вопросъ.

Не отказывается, а кается ей въ чемъ-то, называетъ себя разными „душеспасительными", суровыми словами, повторяетъ нѣсколько разъ, что онъ одинъ, только онъ, а никакъ не она, во всемъ виноватъ. Она хотѣла-было спросить, подавленная, какъ бы въ просонкахъ: „да въ чемъ же вы виноваты?" —и способность рѣчи точно оставила ее. Князь продолжалъ настаивать на своемъ и еще въ чемъ-то обвинялъ себя... въ томъ, кажется, что онъ только выгораживалъ себя, даже и тогда, когда приходилъ каяться.

„Къ кому?"—мелькнуло у нея въ головѣ, но она не могла остановиться ни на одной опредѣленной мысли. Это ее давило; а мгновеньями казалось шуткой, или замаскированнымъ объясненіемъ, или неловкостью человѣка, испугавшагося любовнаго признанія.

Но князь кончалъ; онъ уже отвѣчаетъ теперь на то, что она ему сказала сейчасъ, значитъ—онъ все понялъ не такъ, какъ въ Ширяевѣ или у себя въ усадьбѣ. Не только понялъ онъ все, но и прямо разсказалъ, какъ, третьяго-дня, она же, Зина, „спасла" его, когда заговорила съ нимъ не шутливо-вызывающе, а „съ чувствомъ"... Но это чувство „грѣховно", и онъ еще разъ просилъ у нея прощенія за то, что возбудилъ его въ ея душѣ.

Слезы заблистали у него на опущенныхъ рѣсницахъ. Онъ прощался съ ней, протянулъ ей руку, сказалъ, кажется, что бѣжитъ изъ Петербурга... Еще немного, и она не удивилась бы, еслибы онъ протянулъ надъ ея головой обѣ руки и призвалъ бы на нее благословеніе неба, послѣ того, какъ выполнилъ свою роль кающагося грѣшника.

И вотъ она одна... и ничего нѣтъ!..

Нѣсколько разъ принималась Зина перебирать въ головѣ, чѣмъ это началось, какъ это кончилось, и не могла убѣдить

себя въ томъ, что такъ дѣйствительно было, что поправить ничего нельзя...

Онъ ушелъ—навсегда, сегодня же уѣдетъ въ деревню; а она останется тутъ, въ своей отельной гостиной: „à ruminer a bêtise, numero...“ она не докончила въ головѣ французской фразы и спросила себя:

„А какая это глупость, по счету?“—т.-е. какая любовная исторія, маленькая или большая? Она начинала по-дѣтски,—такъ, какъ припоминаютъ, сколько было изношено платьевъ или шляпокъ съ извѣстнаго возраста,—считать свои „флёрты“... „Двадцать-восемь?.. Кажется, всѣ?..“

Зина вслухъ засмѣялась и покинула ненавистную кушетку. Разомъ, злоба вскипѣла въ ней... Этотъ святоша, идіотъ, остался вѣренъ себѣ!.. Не на него накинулась она въ припадкѣ глухой ярости, а на себя. Ничего больше она не заслуживала, какъ такого, вотъ, послѣдняго наказанія за свою колоссальную глупость, за жалкую сентиментальность, за неумѣнье воспользоваться настроеніемъ и взглядомъ на жизнь, съ какими пріѣхала въ Петербургъ, послѣ своей болѣзни.

Ей ударило въ поясницу, такъ что она должна была схватиться за кресло, и острая боль отразилась сейчасъ же въ правой ногѣ, въ пальцахъ, всего сильнѣе въ большомъ. Это ее испугало. Она пріободрилась, сдѣлала нѣсколько шаговъ, взадъ и впередъ по комнатѣ, и заставила себя думать по другому...

Вѣдь это все вздоръ, не серьезнѣе ея романа съ юношей, на кумысѣ... Развѣ она опять полюбила князя или, въ самомъ дѣлѣ, рѣшилась бросить мужа, связать свою судьбу съ такимъ юродивымъ, надъ которымъ Парменій Никитичъ смѣется? И кто же это знаетъ: что̀ между ними происходило здѣсь, въ оба раза? Никто!.. Да она сама сегодня же разскажетъ обо всемъ мужу, въ такомъ же забавномъ тонѣ, какъ разсказывала про свою деревенскую страсть, за завтракомъ, въ день пріѣзда сюда Сосо̀.

И это надо сдѣлать, непремѣнно! Можно будетъ представить дѣло такъ, что князь, ни съ того, ни съ сего, пришелъ каяться въ своей любви...

Нѣтъ! Она ничего не скажетъ мужу: съ какой стати?.. Не будетъ она ни лгать, ни изворачиваться. Довольно ей и того, что она такъ плоско и банально обманулась: ждала взрыва страсти въ князѣ, въ первый его визитъ, какъ разъ въ ту минуту, когда въ немъ происходило „просвѣтлѣніе“, вызванное ея же тономъ.

Зина начала нервно потирать свои руки и щелкать суставами пальцевъ. Это, въ былое время, дѣлала она передъ припадкомъ. Привычка осталась; но звукъ хрустящихъ суставовъ остановилъ ее и снова испугалъ.

Безъ припадковъ!.. Не надо ихъ; она хочетъ быть здоровой всегда и во что бы то ни стало... Правая ступня продолжала ныть. Это еще что̀ такое?

Она взялась за ручку кресла, стоявшаго почти по срединѣ комнаты, и опустилась въ него... Больше она не могла ни разбирать того, что̀ случилось, ни возмущаться, ни бранить себя... Хоть бы кто нибудь пришелъ; плакать она тоже не могла, — а слезы облегчили бы ее; кусокъ, остановившійся въ груди, не давилъ бы ее такъ... Нѣтъ никого... ни Сосо̀, ни Снѣткина... Онъ—на пути въ Парижъ... Никого!.. Не пойдетъ же она къ мужу и не станетъ ему изливаться...

Безпомощно опустила она голову въ обѣ ладони, сидя все въ томъ же креслѣ.

— Зина!—окликнулъ ее голосъ мужа.

Она не тотчасъ подняла голову. Рынинъ подошелъ къ ней, дотронулся своей холодной ладонью до ея плеча. Она слегка вздрогнула.

— Ха, ха, ха!—разнесся по комнатѣ, заглушенный гардинами и ковромъ, непріятный смѣхъ Парменія Никитича.—Значитъ, блаженный князекъ былъ здѣсь и тебя такъ уходилъ?..

— А какъ вы это знаете?—рѣзко спросила Зина.

— Боже мой, Зина! Къ чему такъ волноваться? Что же тутъ удивительнаго?.. Онъ сейчасъ былъ у меня съ форменнымъ покаяніемъ... Только я не думалъ, что онъ еще къ тебѣ полѣзетъ! Идіотъ! Во всѣхъ частяхъ!..

Губы Рынина произвели что-то похожее на свистъ, но свистнуть вполнѣ онъ не позволилъ бы себѣ не только у жены, но и у себя въ спальнѣ: такія привычки были имъ оставлены въ полку.

Зина съ трудомъ поднялась и подошла къ нему, поглядѣла ему въ глаза со сдвинутыми бровями такъ сурово и гнѣвно, что онъ невольно отвелъ голову нѣсколько назадъ.

— Онъ былъ у васъ,—начала она, и дрожь голоса все возрастала:—онъ былъ у васъ... съ этимъ... и вы не могли меня предупредить?.. Прекрасно!

Руки ея сжались въ кулаки. Рынинъ подумалъ, что она его ударитъ. Лицо ея было блѣдно, впадало даже въ синеву; глаза стали больше; ихъ огонь сдѣлался зловѣщимъ...

Никогда еще Зина не чувствовала такъ, всѣмъ своимъ су-

ществомъ, коренную враждебность двухъ половъ: мужчины и женщины... И прежде этотъ человѣкъ былъ ей противенъ и тошенъ; но теперь, съ его самодовольной усмѣшкой, съ выраженіемъ желтоватыхъ глазъ, говорившихъ: „я все знаю,—вашъ юродивый, въ котораго вы влюбились до безумія, пришелъ каяться сначала мнѣ", онъ вызывалъ въ ней ярость, гораздо бо́льшую, чѣмъ та, что, за десять минутъ до его прихода, она испытала, здѣсь же, по срединѣ этой комнаты.

— Не извольте бѣситься,—сказалъ онъ:—я ни въ чемъ не виноватъ!

Онъ подошелъ къ ней еще ближе и взялъ за обѣ руки повыше кулака какъ будто съ успокоительной лаской, но тотчасъ же его сильные пальцы напомнили ей сцену въ Ширяевѣ въ его кабинетѣ...

Онъ и здѣсь поступитъ такъ же, пригнетъ ее къ креслу, и — что̀ еще гаже — сдѣлаетъ это съ шуточкой.

Вся кровь хлынула ей въ лицо. Но она уже овладѣла собою.

— Что̀ ты выдумалъ?—выговорила она и тихонько высвободила руки изъ его пальцевъ.—Я нисколько не бѣшусь!.. Но я только спрашиваю: неужели нельзя было предупредить меня?..

— Кто же могъ предполагать, что его идіотство дойдетъ до такого градуса? Я его два раза остановилъ, когда онъ сталъ говорить о грѣшныхъ чувствахъ, вызванныхъ имъ въ тебѣ.

— Онъ это говорилъ?!

Возгласъ Зины выдавалъ ея душевное состояніе. Рынинъ счелъ нужнымъ дать ей мягкій дружескій урокъ.

— Ты слишкомъ волнуешься, мой другъ, прилягъ на кушетку... Я тебѣ все разскажу. Ты сама разсудишь: кто тутъ больше виноватъ...

— Je suis tout oreille,—сказала она съ напускною веселостью, и сейчасъ же поняла, какъ фраза плохо прикрывала ея разстройство, обиду, злость...

И она, чувствуя во всемъ тѣлѣ разбитость, прилегла на кушетку.

— Какъ же онъ могъ это знать... про тебя?—спросилъ Рынинъ снисходительно, какъ отецъ говоритъ дочери, надѣлавшей непростительныхъ глупостей.—Ты ему сама разболтала?..

— C'était du persiflage!

— Не знаю. Если и такъ, то этотъ persiflage—дурного тона... какъ и тонъ, какимъ ты мнѣ разсказала про свою... любовную лихорадку въ Ширяевѣ!

Ее снова схватило, всколыхнуло ее всю—и она его прервала.

— C'est lâche, c'est infâme!—крикнула она, двигаясь нервно по кушеткѣ.—Вы точно въ уговорѣ были съ этимъ кретиномъ... Слышите! въ уговорѣ... Une conspiration de mâles!

Рынинъ пожалъ плечами. Его жестъ подлилъ только масла.

Зина не вспомнила бы черезъ четверть часа, что̀ она наговорила мужу. Но въ ея словахъ было не столько раздраженія противъ него, брезгливости, неизгладимой антипатіи къ его характеру, натурѣ, внѣшности, всему, всему,—сколько накопившихся страданій, какія дала ей страсть къ князю, позорнаго сознанія того, какъ она была сегодня одурачена, какъ человѣкъ, съ которымъ она мечтала „уйти навсегда", выдалъ ее мужу, ему первому пришелъ каяться въ „похоти" къ ней... Въ „похоти", и только!

Слушая Зину, Рынинъ внутренно торжествовалъ. Ему даже пріятны были ея „неистовства".

Развѣ не всѣ женщины такія же, какъ она? Гдѣ у нихъ что-нибудь похожее на правило, мысль, достоинство, серьезный интересъ въ жизни? Еще одно материнство спасаетъ ихъ—да и то не всегда—отъ постыдныхъ паденій, отъ вѣчно гложущаго ихъ полового инстинкта. Самый дрянной мужчина не въ состояніи бы былъ вести себя такъ, какъ его жена, а ее способны считать въ свѣтѣ изящной, умной, представительной женщиной, съ большимъ характеромъ!..

Парменій Никитичъ находилъ въ себѣ, во время „припадка" Зины, чувства доктора, спеціалиста по психіатріи, наблюдающаго явленія какой-нибудь „большой истеріи"...

Онъ все время стоялъ около камина и курилъ. Ему захотѣлось-было, цѣлымъ рядомъ вопросовъ, довести Зину до признанія виновной въ своемъ срамѣ и пораженіи только самое себя, но охота прошла: во второй разъ, и все на томъ же мѣстѣ, и въ той же комнатѣ отеля, ему стало ее жалко.

Вдругъ потокъ бѣшеныхъ рѣчей Зины смолкъ. Ее всю передернуло, она схватилась за ногу—и смолкла...

„Такъ вотъ лучше,—подумалъ Рынинъ:—бренное тѣло даетъ ей урокъ".

Онъ подошелъ къ ней. Съ закрытыми глазами лежала она затылкомъ на спинкѣ кушетки, мертвенно блѣдная.

— Дурно тебѣ?... Позвать Милли?—спросилъ онъ уже безъ насмѣшки въ голосѣ.

— Оставьте меня!..

Эти два слова вышли просительно-дѣтскимъ звукомъ, близкимъ къ плачу.

— На свободѣ обдумай все!—сказалъ онъ, уходя.—Пора перемѣнить... амплуа... другъ мой! Les grandes coquettes ne vous réussissent pas!

Когда его шаги смолкли за дверью передней, Зина продолжительно вздохнула, и, какъ маленькая, точно послѣ наказанія, она повторяла мысленно: „не воротишь! сама виновата, сама, сама!“

И слезы безъ конца потекли у нея по охолодѣлымъ щекамъ; затылокъ, свинцомъ налитый, былъ прикованъ къ кушеткѣ. Въ ногѣ то приливала, то отпускала жгучая боль, посѣтившая ее сегодня впервые, предвѣстница новаго недуга...

X.

Съ папками подъ мышкой, въ узкихъ пальто съ мерлушечьими воротниками и въ высокихъ шляпахъ, шагали Шварцъ и Кремлевъ по платформѣ Николаевскаго вокзала.

Они поджидали курьерскаго поѣзда. Утро стояло кислое, туманное; чуть замѣтно моросило. Шла уже вторая недѣля великаго поста.

Оба пріятеля говорили между собою мало; но имъ обоимъ одинаково хотѣлось увидать поскорѣе Зинаиду Мартыновну... Недѣлю тому назадъ она уѣхала внезапно въ Москву, вызванная депешей о смерти отца. Мужъ отправился черезъ день на похороны тестя. Онъ навѣрно возвращается съ ней—и это имъ было особенно непріятно... увидать сейчасъ же лицо этого „бурбона“—они его почему-то такъ прозвали—рядомъ съ той, кто для нихъ обоихъ была „одинъ восторгъ“!.. И безъ того въ послѣднее время, передъ отъѣздомъ въ Москву, Зинаида Мартыновна такъ вдругъ измѣнилась—почти не принимала ихъ, никуда не ѣздила, не помыкала ими,—что было бы „превосходно“; если и разспрашивала о городскихъ новостяхъ, то не слушала, когда они, на перебой, начинали ей докладывать. Даже Кремлевъ, такой скупой на слова, началъ острить и разсказывать анекдоты; но она его останавливала, говорила: „ахъ, перестаньте болтать!“ и сидѣла съ ногами на кушеткѣ, жаловалась все на боль въ ногѣ; за докторомъ не посылала, очень похудѣла.

— Но какое у нея лицо!—восторженно повторяли оба пріятеля, каждый день, за ужиномъ, кончая у Бореля свой день.

Поѣздъ имѣлъ уже пять минутъ „опозданія“:—такъ сказалъ имъ сторожъ. Они остановились у одного изъ столбовъ деревяннаго навѣса и оглядѣли—кто дожидается. Кромѣ цѣлой кучки артельщиковъ въ бѣлыхъ фартукахъ,—двѣ дамы съ дѣвочкой, старушка въ капорѣ, офицеръ въ жандармскомъ мундирѣ и нѣсколько человѣкъ мужчинъ, не больше пяти-шести, ходившихъ въ разныхъ направленіяхъ, подъ сводами вокзала, поодаль отъ нихъ.

— Что̀ ему нужно?—спросилъ Шварцъ своей обрывистой скороговоркой.—Точно за нами слѣдитъ?

Онъ указалъ головой на мужчину постарше ихъ, въ шинели съ бобромъ и въ лѣтней фѣтровой шляпѣ. Шварцъ поглядѣлъ на него и тихонько выговорилъ:

— Ignoble particulier!.. А по глазамъ — сейчасъ съ нами заговоритъ...

— Вотъ еще!

Кремлевъ всегда ужасно боялся „Богъ знаетъ съ кѣмъ разговаривать“.

Мужчина въ довольно подержаной шинели былъ Теняшевъ. Онъ тоже дожидался Зины. Пріѣхалъ онъ на дняхъ, прямо съ крайняго востока, остановился въ Европейской Гостинницѣ, узналъ, что Зина въ Москвѣ, хоронитъ отца, и будетъ назадъ въ среду. Онъ хотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ.

Теняшевъ пожелтѣлъ,—онъ полгода страдалъ лихорадкой,—но не высохъ, расплылся и значительно полысѣлъ; въ бородѣ, попрежнему неопрятно содержимой, бѣлѣлъ уже не одинъ сѣдой волосъ.

Въ Шварцѣ и Кремлевѣ онъ началъ распознавать адъютантовъ Зины. Навѣрно у нея есть они, вотъ этакаго именно вида. Ему захотѣлось съ ними заговорить; въ этихъ случаяхъ онъ никогда не стѣснялся.

Только-что они отошли отъ деревяннаго столба, Теняшевъ повернулся къ нимъ подъ прямымъ угломъ, приподнялъ свою лѣтнюю шляпу, сдѣлавшую весь переѣздъ черезъ океанъ, и самымъ утвердительнымъ тономъ сказалъ имъ:

— Вы дожидаетесь Рыниныхъ, господа?

А потомъ уже назвалъ себя и сейчасъ же прибавилъ, что знаетъ Зину чуть не съ дѣтства и „очень любопытенъ“ услыхать отъ нихъ, какъ ея здоровье, хорошо ли живетъ съ мужемъ и осталось ли отъ этого „шута гороховаго“ Мартына Ногайцева еще что-нибудь, кромѣ тѣхъ двухъ-сотъ тысячъ, которыя она принесла тому „ловкачу“ Рынину.

Пріятели съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ слушали его непрерывающуюся рѣчь, оглядывали его и дѣлали про себя почти одни и тѣ же соображенія. Неужели онъ—пріятель Зины? Говоритъ онъ по-русски съ трактирными словечками и пожиманіемъ плечъ; вообще „моветонистъ", но употребляетъ и французскія слова съ хорошимъ произношеніемъ; видно, что много жилъ за границей, да и сейчасъ отрекомендовался генеральнымъ консуломъ изъ такого мѣста, гдѣ консулы—политическіе агенты. Не могъ же онъ все это наврать. Вѣдь сейчасъ же пріѣдутъ Рынины и ея кузина, а ее онъ также называетъ запросто „Сосо", и разсказалъ уже имъ, какъ она „втюрилась" въ швейцарскаго янки, изъ „отставныхъ часовщиковъ", теперь „кусаетъ локти" и навѣрно хлопочетъ „опять о разводѣ". Что-то такое слыхали они мелькомъ и отъ Зинаиды Мартыновны.

Нечего дѣлать: надо обойтись съ нимъ вѣжливо. Они сказали ему свои фамиліи.

— Состоите при Зинѣ въ званіи ординарцевъ?—спросилъ со смѣхомъ Теняшевъ.

Они хотѣли-было обидѣться; но не обидѣлись: онъ—добрый малый, хоть и „хамоватъ". Ревновать его къ Зинѣ не стоило, это сейчасъ видно; теперь, въ траурѣ, въ великопостномъ настроеніи, оно и лучше, что такой пріятель внезапно появился; пускай его занимаетъ Зину; они будутъ только пользоваться минутами просвѣтлѣнія. Да и чаще ихъ будутъ пускать. Вѣдь „при ложѣ" дежурить уже нельзя. Она никуда ѣздить не будетъ—ни въ Михайловскій, ни въ циркъ, по субботамъ.

Кучка артельщиковъ пришла въ движеніе. Показалась круглая грудь локомотива, и свистокъ гулко и непріятно заныль, проникая до сводовъ дебаркадера.

Съ площадки спальнаго вагона, остановившагося наискось отъ мѣста, гдѣ Теняшевъ говорилъ съ Шварцемъ и Кремлевымъ, первая шагнула съ маленькимъ прыжкомъ Софья Германовна и попала въ широко разставленныя руки Теняшева.

Онъ, кажется, хотѣлъ ее обнять. Она не сразу узнала его и отскочила:

— *Же, же!* — крикнулъ онъ, ломая нарочно французскій языкъ.—Хороша барынька! Закадыку не узнала!

— Ah... le pauvre ami!

Сосо обрадовалась ему искренно и дала ему цѣловать свою руку въ перчаткѣ.

— А Зина?

Этотъ вопросъ Теняшева, сдѣланный довольно громко, услыхалъ Рынинъ, вышедшій изъ вагона раньше Зины.

Теняшевъ не почувствовалъ никакой неловкости. Ему все равно: онъ имѣетъ право такъ звать ее—и будетъ это дѣлать.

Вмѣсто отвѣта показалось въ полуотворенной двери лицо Зины, желтовато-блѣдное, вытянувшееся, очень болѣзненное. Шварцъ и Кремлевъ почти ахнули, и ихъ обоихъ ударило въ сердце то, что „она подурнѣла“.

— Ахъ, голубушка моя, что съ вами?

Возгласъ Теняшева былъ такъ громокъ, что обратилъ даже вниманіе нѣкоторыхъ пассажировъ.

Руки свои онъ также разставилъ, какъ и для пріема Сосо, но Зина остановилась на площадкѣ, взялась рукой за столбикъ и тихо сказала:

— Вы слишкомъ шумны, Теняшевъ. Сосо, ты поѣдешь съ Рынинымъ. Дайте мнѣ руку,—она протянула свою Теняшеву.—Я съ вами въ каретѣ... Есть экипажи отъ отеля?

— Все, все приготовлено!—быстро сказалъ Шварцъ.

Кремлевъ стоялъ съ приподнятой шляпой и безмолвно улыбался.

За Зиной вышелъ изъ двери докторъ Лукашинъ.

Шварцъ и Кремлевъ переглянулись. Они теперь только вспомнили, что одному изъ нихъ надо передать письмо отъ Снѣткина, застрѣлившагося въ Парижѣ, недѣлю передъ тѣмъ. Онъ просилъ, въ запискѣ, Шварца сдѣлать это въ „подходящую минуту“.

Теперь было бы совсѣмъ некстати.

Доктора они не знали въ лицо, но догадались, кто онъ, по тому, какъ онъ поддержалъ Зинаиду Мартыновну подъ локоть и какъ что-то сказалъ ей вполголоса, почти на ухо.

Всѣ скучились. Сосо спросила о чемъ-то Теняшева. Рынинъ отдавалъ квитанціи двумъ артельщикамъ. Засуетился и Лукашинъ.

— Вотъ моя рука, голубушка,—сказалъ Теняшевъ, подходя къ Зинѣ сбоку. Онъ замѣчалъ, что всѣмъ было неловко.

Молодые люди тоже топтались на мѣстѣ. Зина совсѣмъ и не смотрѣла въ ихъ сторону.

— Marchons!—усталымъ голосомъ сказала она и пошла съ Теняшевымъ. Обернувшись къ мужу и доктору, она прибавила:—Кто-нибудь останется для вещей. Сосо, я очень утомлена... вмѣстѣ мы завтракать не будемъ.

Тутъ только молодые люди подошли къ ней поближе, спро-

сили о здоровьѣ и узнали: можно ли будетъ, хоть вечеркомъ, явиться къ ней.

— Если не буду валяться, приму васъ...—кинула имъ Зина, и на ея лицѣ и тотъ и другой прочли большое разстройство.

Оба огорчились.

Въ каретѣ Теняшевъ взялъ Зину за обѣ руки и такъ къ ней наклонился, точно хотѣлъ поцѣловать ее.

— Вотъ и свидѣлись! Только что же это, родная, какого вы вида—это просто срамъ!

Его голосъ раздражалъ ее. Она высвободила свои руки и выговорила:

— Ахъ, Теняшевъ, вы такой же шумный! Я не могу такъ... я нездорова.

— Да чтò съ вами? Скажите на милость?

— Подагра!

— Ха, ха, ха!—покатился онъ со смѣху.

— Я вамъ серьезно говорю. Докторъ Лукашинъ увѣряетъ.

— Да онъ всегда былъ тупица... Просто, ударъ... кончина отца... похороны... Это всегда расшатаетъ нервы. А чтò,—спросилъ онъ, нагнувшись къ самому уху:—папахенъ скончался голъ какъ соколъ, или малую долю карбованцевъ не пропало еще? А?..

И онъ подмигнулъ ей съ той же пріятельской гримасой, какъ бывало за границей. Она не разсердилась на него за эту безцеремонность. Правда, онъ теперь казался ей ординарнѣе, еще менѣе интереснымъ, опровинціалившимся на своемъ крайнемъ востокѣ, но съ нимъ ей опять стало легко. Послѣ Снѣткина, она нуждалась въ пріятелѣ-мужчинѣ своихъ лѣтъ или старше; а на Теняшева она привыкла смотрѣть какъ на родственника.

— Послѣ него осталось двѣсти-пятьдесятъ тысячъ,—выговорила она безстрастно.

Ей эта крупная цифра не доставила никакого удовольствія, когда она вслухъ произносила ее въ первый разъ.

— Жоли!..

Теняшевъ даже подскочилъ.

— И своихъ приданыхъ не прожили?

— Нѣтъ.

— Умница!..

Онъ нагнулся и поцѣловалъ у нея руку и сейчасъ же, безъ всякаго перехода, началъ разсказывать про себя, про свою бывшую жену, и просилъ совѣта у Зины, какъ ему быть. Жена

чуть не побывала „въ морганатическихъ супругахъ“, а теперь пишетъ ему нѣжныя письма и не прочь сойтись съ нимъ опять.

— Вотъ комбинація-то!—кричалъ Теняшевъ. — Съ собственной женой въ незаконную связь вступить! Не дурно! Вѣдь еслибы мы и законнымъ опять пожелали, такъ насъ разведутъ... Чтожъ! Я ей зла не желаю; только она со мной не проживетъ и полугода. Да я теперь и не одинъ...

— Un collage?—оживленнѣе спросила Зина.

— По туземному! Во временномъ бракѣ, по нотаріальному условію и подъ гарантіею мѣстнаго высшаго начальства!.. Я вамъ скажу—премиленькія бабеночки: чистенькія, ласковыя, только волосы очень уже себѣ наващиваютъ. Сравненія нѣтъ съ тѣмъ, что̀ во французскихъ колоніяхъ зовутъ: „*конгай*“. У тѣхъ зубы подъ черный лакъ и въ головѣ насѣкомыя...

Зина прервала его жестомъ.

— Что̀ прикажете дѣлать, голубушка! Скучать сталъ... Смычокъ моихъ горчарокъ передохъ. Только у меня и оставалось. Что̀ дѣлать, что̀ дѣлать!.. И язычницъ съ косыми глазами будешь любить!.. На чужой сторонкѣ!..

Это полу-шутовское: „что̀ дѣлать, что̀ дѣлать!“—вызвало на губахъ Зины улыбку. Вотъ онъ выноситъ все, что̀ ему кидаетъ въ лицо жизнь, и утѣшается своей поговоркой. Съ нимъ, по крайней мѣрѣ, ей нечего сдерживаться... Она скорѣе ему, чѣмъ кузинѣ своей, стала бы говорить объ испытаніяхъ этой недѣли, о томъ, что̀ было въ день послѣдняго визита князя, какъ новые припадки уложили ее въ постель, какъ потомъ въ Москвѣ похороны отца и всѣ воспоминанія о смерти матери, о кладбищѣ, ея страсти и попыткѣ накликать на себя смерть,—какъ все это погрузило ее въ новое мертвенное равнодушіе. Всѣ тамъ были ей тошны: и мужъ, съ своимъ тактомъ великодушнаго сердцевѣда и джентльмена, и Сосо̀, и Лукашинъ, „выпалившій“ ей о подагрѣ, и городъ, и гостинница, и она сама... Но всего тошнѣе ей было глядѣть на Сосо̀ и слушать ее! Сосо̀ опять стремилась къ мужу, къ Альфонсу, обобравшему ее, послѣ возгласовъ о томъ, что онъ пересталъ для нея существовать, что онъ ей гадокъ своими грубыми обманами avec des drôlesses!

Но Зина не заговаривала о ней первая. Теняшевъ, отъ своихъ дѣлъ, перескочилъ и къ Сосо̀ и началъ отчасти спрашивать, отчасти самъ дѣлать свои соображенія:

— Обожглась... на часовщикѣ съ семнадцатью панталонами!.. А теперь, поди, ѣдетъ его же выручать?

Зина не выдержала и разсказала ему, какъ Сосо̀ въ Москвѣ,

въ самый день похоронъ Мартына Лукича, узнавъ о капиталѣ, оставленномъ имъ, стала просить у нея въ заемъ сто тысячъ рублей.

— Excusez du peu!—крикнулъ Тяпешевъ.

Разумѣется, Зина отказала на-отрѣзъ. Cocò разревѣлась, начала называть ее эгоисткой, неблагодарной, чуть не попрекнула всѣми платьями, какія ея мать шила Зинѣ въ дѣтствѣ. Самое Cocò она бы сейчасъ выручила изъ всякой бѣды, но давать ей сто тысячъ для ея Альфонса—никогда! Исторія кончилась тѣмъ, что Cocò пошла къ отцу,—она затѣмъ и ѣздила въ Москву,—да вдругъ застыдилась просить; отецъ же, на радостяхъ, что ему стало лучше, далъ ей продать нѣсколько паевъ по какой-то мануфактурѣ, что̀ составило, кажется, больше ста тысячъ. Она просила прощенія у Зины; но возмутительно то, что она опять „пылаетъ“ къ своему мужу и лжетъ, скрываетъ это, увѣряетъ, что она такъ стремится за границу только затѣмъ, чтобы спасти свое состояніе, откупиться отъ него.

— Ну, такъ я ее утѣшу!

Теняшевъ хлопнулъ себя по колѣну, подъ шинелью.

Онъ, по дорогѣ въ Петербургъ, въ Италіи, за однимъ табльд'отомъ наткнулся на парочку—супругъ Cocò и вольтижерка изъ цирка—ѣхали они изъ Монако и въ отелѣ были прописаны какъ monsieur et madame Stockers.

— Vrai?—почти вскрикнула Зина.

— Лопни мои глаза!..

— Угостите ее! Я очень рада! Надо взять рѣшительныя мѣры.

Оживившись, она стала менѣе блѣдна, и когда карета подъѣзжала уже подъ ворота отеля, Зина прибавила:

— Merci, mon ami, vous m'avez fait du bien!

— Только вотъ что̀,—успѣлъ сказать ей Теняшевъ, еще въ каретѣ:—не очень-то для васъ пріятная новость.

— А что?

— Княгиня Трубчевская... тутъ же въ отелѣ... лежитъ при смерти... Не нынче—завтра конецъ!

Зина оглянулась на него вбокъ. Лобъ ея наморщился.

— Въ отелѣ?—отрывисто спросила она.

— Въ отдѣленіи, подъѣздъ съ Итальянской, гдѣ приготовлено Софьѣ Германовнѣ.

— Est-elle bien bas?—спросила Зина прежнимъ, заграничнымъ тономъ, котораго у нея не находилъ пріятель.

— Elle file du plus mauvais coton.

— Il faut que j'aille la voir,—какъ бы про себя сказала Зина.

Карета остановилась подъ воротами.

Это извѣстіе о княгинѣ Трубчевской наполнило ее новой горечью, ощущеніемъ чего-то, явившагося прихлопнуть ее. Та и прежде-то была не особенно пріятна, съ циническимъ повтореніемъ фразы: „je vais claquer!"—а какова же будетъ она теперь!..

Внизу, на толстомъ войлочномъ коврѣ, Зина стояла растерянная. Теняшевъ, съ двумя ея мѣшками въ рукахъ, усмѣхался.

Служитель при лифтѣ предложилъ ей подняться. Она не согласилась.

— Почему?—шопотомъ спросилъ Тянешевъ.—Вѣдь вы на ногу жаловались.

— Не люблю!

Но она боялась. Такую точно боязнь она уже испытывала въ Москвѣ, когда скакала въ открытой коляскѣ, съ Козихи на Тверскую, убѣгая отъ матери въ столбнякѣ, когда ей чудилось, что вотъ-вотъ и у нея отнимутся ноги.

Теняшевъ передалъ мальчику оба мѣшка и повелъ ее подъ-руку. Онъ чувствовалъ, какъ она слабо ступаетъ на правую ногу и какая во всемъ ея тѣлѣ дрожь... Подъемъ потребовалъ чуть не десяти минутъ.

Когда они вошли въ нумеръ двадцать-шестой, ихъ встрѣтилъ Рынинъ, въ дверяхъ гостиной, съ газетой въ рукахъ. Онъ пріѣхалъ съ Сосо гораздо скорѣе и, не зная, вѣроятно, про то, что Теняшевъ сообщилъ женѣ его про умирающую тутъ же въ отелѣ княгиню Трубчевскую, выговорилъ:

— Снѣткинъ-то! каковъ?

И тотчасъ же остановился: увидалъ, что на Зинѣ и безъ того лица нѣтъ. Онъ только-что прочелъ въ лежавшемъ на столѣ сегодняшнемъ нумерѣ газеты извѣстіе изъ Парижа съ подробностями самоубійства Снѣткина.

— Чтó такое?

Зина вся выпрямилась и пошла къ нему, безъ помощи Теняшева.

— Ничего... мой другъ.

Но выпутываться Парменій Никитичъ былъ не мастеръ; первоначальное выраженіе туго сходило у него съ лица, даже подъ сильнымъ напоромъ воли.

— Снѣткинъ? — спросилъ, вмѣшавшись въ разговоръ, Теняшевъ.—Это тотъ?.. Самоубійца въ Парижѣ?.. Я былъ тамъ еще, въ самомъ Grand Hôtel'ѣ. Молодцомъ! Съ шпюттомъ умеръ! А вы его знали развѣ?

Рынинъ напрасно старался дать ему понять глазами; тотъ все выговорилъ.

Зина зашаталась. Ее успѣли поддержать съ обѣихъ сторонъ мужъ и Теняшевъ. Милли еще не пріѣхала съ багажемъ.

Въ шубѣ положили они ее на кушетку. Теняшевъ, перепугавшійся больше Рынина, ругалъ себя „осломъ“, бѣгалъ по комнатѣ, ища воды. Оба боялись обморока; но онъ не случился. Зина тихо стонала и жаловалась на новый припадокъ боли въ ногѣ. Рынинъ услалъ безтолковаго болтуна внизъ, въ квартиру Сосо, гдѣ долженъ быть и докторъ. Онъ жилъ въ томъ же корридорѣ.

Когда Зина оправилась и съ помощью вернувшейся Милли сняла съ себя шубу, шляпку и теплыя ботинки, у ногъ ея сидѣлъ на кушеткѣ Лукашинъ, въ головахъ наклонилась надъ ней Сосо. Рынинъ стоялъ у камина. Теняшева онъ почти выгналъ,—до такой степени тотъ былъ наянливъ.

— Pauvre chère!—закартавилъ надъ ней голосъ Сосó.

Эта нѣжность не трогала ее. Она знала, что у Сосо остался противъ нея „зубъ“, за Москву, а теперь она только испугалась, да и вообще не зла. И стало ей сейчасъ же противно то, что она, больная, еле-еле отдѣлавшись отъ припадка, все разбираетъ, судитъ другихъ, занимается своими мыслями и ощущеніями, не можетъ приказать своей головѣ ничего не думать, дать отдыхъ мозгу.

— Ничего, ничего,—раздался тоже ласковый, менѣе раздражавшій ее голосъ Лукашина, но все такой же „глупый“—она находила его такимъ и теперь, хоть и вѣрила тому, что онъ добрякъ и больше всѣхъ, гораздо больше мужа, жалѣетъ ее. Онъ да Милли.

— Ce Теняшевъ,—продолжала Сосо, уже пускаясь въ потокъ рѣчей:—ужасный болтунъ и сплетникъ! A-t-on jamais vu!

Но она удержалась, оставляя на вечеръ возмущеніе Теняшевымъ, который, съ подхихиканьемъ, успѣлъ уже разсказать ей про то, какъ онъ накрылъ ея мужа съ наѣздницей въ отелѣ Турина.

Зина поняла, къ чему относилось восклицаніе Сосо: „a-t-on jamais vu!“—и презрительная усмѣшка промелькнула на ея посинѣлыхъ губахъ. Какъ жалка эта Сосо! Она обидѣлась за своего Альфонса; она страшно ревнуетъ теперь,—это видно,—и поскачетъ отыскивать его, не потому, что боится за свои деньги, а мужчина ей нуженъ, возлюбленный!..

„Regain d'amour!“—съ гадливостью воскликнула умственно

Зина и вдругъ опустила ноги и сѣла на кушеткѣ. И стало ей еще противнѣе то, что никто не скажетъ ни слова о Снѣткинѣ, о его самоубійствѣ. Что за мерзкое бездушіе! Неужели и она такая же?.. Ну, Лукашинъ молчитъ, какъ докторъ, онъ добрякъ... А Рынинъ? А эта Coco?.. Не хотятъ ее разстроивать? Но почему же ея жизнь и здоровье цѣннѣе жизни молодого, красиваго, умнаго и способнаго малаго? Какъ она была благодарна своей ногѣ и расшатаннымъ нервамъ, что чуть не растянулась на полу. По крайней мѣрѣ, она показала мужу, что Снѣткинъ былъ ей близокъ... Отъ извѣстія о гибели Парменія Никитича она бы не зашаталась и съ больной ногой.

— Лежите, милая барынька!—остановилъ ее Лукашинъ, и даже взялъ ее слегка за плечо.

— Я здорова,—выговорила она и оперлась руками о кушетку.

— Chérie, pas de bêtises!—крикнула Cocò.

Рынинъ отдѣлился отъ камина и тоже хотѣлъ что-то сказать.

— Гдѣ у тебя газета?—строго сказала ему Зина.

— Какая?—спросилъ онъ.

— Ахъ, какъ это несносно!.. ну, газета, гдѣ—смерть Снѣткина?!

— Но, Зина, мой другъ,—началъ было Рынинъ:—зачѣмъ же себя разстроивать?

— Дайте газету! — безстрастно, но еще тверже выговорила она.

Лукашинъ робко оглянулъ ее, испугался, какъ бы съ ней не сдѣлался столбнякъ отъ раздраженія, и быстро повернулъ голову къ Рынину.

— Позвольте газету, Парменій Никитичъ.

И онъ такъ на него посмотрѣлъ, что тотъ сейчасъ же понялъ его опасеніе, взялъ газету со стола и поднесъ ее Зинѣ молча.

— Гдѣ?—спросила Зина.

— Вотъ тутъ, на четвертомъ столбцѣ.

— Ah! chérie!.. Quelle drôle d'idée!—не удержалась Cocò.

Зина только повела по ней взглядомъ и жадно начала глотать строки газетнаго столбца. Она хорошо схватывала смыслъ. Извѣстіе было перепечатано изъ „Figaro". Снѣткинъ застрѣлился у себя, въ нумерѣ Grand Hôtel'я, передъ письменнымъ бюро. Его нашли въ сидячемъ положеніи, съ улыбающимся лицомъ. Въ переводѣ приведена была французская фраза парижскаго репортера: „une mort très correcte". Никакого письма на имя женщины онъ не оставилъ. Жилъ онъ одинъ и родственниковъ у него не оказалось. Похоронили его на кладбищѣ „St. Ouen".

Ее кольнуло то, что не осталось письма на ея имя. Не хотѣлъ ее разстроивать? Да, онъ былъ умный и добрый. Умеръ такъ, какъ говорилъ, и прощался не на шутку; а она была тогда съ нимъ такъ себялюбива, такъ отдалась своей „grrrande passion“, какъ скартавила бы Сосо. Но какъ же его пріятели, Шварцъ и Кремлевъ? Неужели они ничего не знали? Конечно, знали. Ей ни тотъ, ни другой ничего не сказали на вокзалѣ. Изъ деликатности? Развѣ можно имѣть такія лица, получивъ только-что извѣстіе о смерти пріятеля?

Во рту Зины явилась жолчная горечь, физическое ощущеніе тошноты, которая все сильнѣе захватывала ее.

— Тебѣ его не жаль?—спросила она насмѣшливо кузину.

— Mais je ne sais pas!..

Лукашинъ сказалъ, со вздохомъ:

— Еще русскій неудачникъ!

— По собственной винѣ, — не могъ не замѣтить Рынинъ вслухъ и получилъ упорный взглядъ Зины.

Она даже не сказала ему никакой рѣзкости; только еще крѣпче уперлась руками въ кушетку и встала безъ большого усилія.

— Я здорова! — повторила она и пошла по комнатѣ...—Вы видите, Лукашинъ, я не хромаю. Боли въ ногѣ нѣтъ... Мнѣ хочется ѣсть. Мы можемъ завтракать у Сосо. Эта комната наводитъ уныніе.

Никто ей не противорѣчилъ. Черезъ часъ, въ нумерѣ Сосо́, послѣ завтрака, прошедшаго въ отрывочныхъ фразахъ Сосо́ и Рынина, Лукашинъ взглядывалъ на Зину, ѣлъ и иногда вздыхалъ. Первая встала Зина, прошлась по комнатѣ довольно твердо и спросила, остановившись у дверей:

— Сосо, ты идешь навѣстить княгиню?

— La princesse?—повторила растерянно Сосо.—Mais certes... seulement... rien ne presse... Да и ты... какъ же рисковать?.. Докторъ, не правда ли?

— Я должна ее навѣстить. Я знаю, что она здѣсь... On la dit au plus bas!.. Это было бы...—она искала слова:—ce serait de la dernière lâcheté ne pas aller la voir... Ты можешь и нейти.

Взглядъ Лукашина, обращенный къ Рынину, просилъ его не удерживать больную.

Рынинъ остался на своемъ мѣстѣ. Лукашинъ хотѣлъ-было поддержать Зину на ходу; она остановила его взглядомъ.

— Я совсѣмъ здорова!

Все тѣмъ же упорнымъ звукомъ сказала это Зина и пошла съ Сосо къ дверямъ. Та двигалась на своихъ коротких ножкахъ, какъ дѣвочка, которую послали въ классъ, на ходу оправляла лифъ и турнюру. Глубокій трауръ Зины, при ея высокой и сильно похудѣвшей фигурѣ, рядомъ съ полу-траурнымъ туалетомъ Сосо, дѣлалъ контрастъ между ними еще рѣзче. Сосо хотѣлось спросить, какъ вообще ей держаться у княгини, и не лучше ли бы было сначала послать хоть доктора; но она не смѣла выговорить все это вслухъ.

Имъ нужно было пройти до помѣщенія Сосо и сдѣлать еще нѣсколько шаговъ въ уголъ, гдѣ было отдѣленіе княгини,—запахло слегка лекарствомъ и особая тишина стояла въ этомъ углу.

Первая отворила дверь Зина. Въ темноватой передней—вдвое ниже остальныхъ комнатъ—сидѣлъ на стулѣ, у зеркала, лакей, изъ отельныхъ; но дежурившій тутъ—иностранецъ, кажется, французъ. Передняя на половину была заставлена дорожными, заграничными сундуками.

— Madame la princesse est très souffrante,—выговорилъ тихо лакей; онъ былъ родомъ изъ французской Швейцаріи.

Зина объяснила ему, зачѣмъ онѣ пришли, и спросила: есть ли кто-нибудь у княгини. Около нея „une soeur de charité" и горничная. Сейчасъ былъ докторъ. Консиліумъ собирался вчера.

— Madame est bien bas!—сказалъ швейцарецъ и пошелъ на цыпочкахъ сказать горничной, которую Зина знала еще за границей. Она неизмѣнно состояла при княгинѣ и была еще изъ крѣпостныхъ, данныхъ за княгиней въ приданое.

Подождали онѣ недолго и молча. Сосо уныло разсматривала сундуки въ чахлахъ съ коронами и иниціалами. Зина ни на что опредѣленно не глядѣла. Эта передняя давила ее своимъ низкимъ потолкомъ; изъ щелокъ двери проходилъ все лекарственный запахъ.

— Veuillez entrer!—пригласилъ ихъ лакей еще тише.

На цыпочкахъ вошли онѣ въ большую гостиную, и сходство ея отдѣлки непріятно поразило Зину. И также налѣво была дверь въ спальню. Къ нимъ на встрѣчу вышла сестра милосердія, пожилая, съ усталымъ лицомъ; жидкіе пепельные волосы выступали изъ-подъ ободковъ чепца и нѣсколько смягчали выраженіе.

— Княгиня очень слаба,—заговорила сестра усталымъ и глухимъ голосомъ:—но она не почиваетъ... мы ее посадили сейчасъ... Угодно, я доложу?..

— Пожалуйста,—попросила Зина, и назвала свою фамилію.

Сосо только опустила рѣсницы и стояла поодаль. Ей дѣлалось

все жутче. Она просто боялась увидать умирающую, да и никогда она не любила эту старую „грѣховодницу“—для княгини Трубчевской она всегда употребляла именно это русское слово.

— Княгиня проситъ васъ.

Сестра шепнула эти слова въ дверяхъ спальни и сейчасъ же скрылась. Оттуда заслышался голосъ, который Зина узнала скорѣе, чѣмъ Сосо: такой же жосткій, хриплый, но отрывистѣе, какъ будто она дразнитъ кого или надъ кѣмъ издѣвается. Этотъ голосъ заставилъ Зину вздрогнуть съ головы до пятокъ.

Въ спальню вошли онѣ съ Сосо не вмѣстѣ. Сосо осталась позади и переступала ножками въ перевалочку.

И спальня была точь-въ-точь такая, какъ у Зины: то же одѣяло, размѣръ кровати, умывальный столъ, цвѣтъ гардинъ. Княгиню посадили въ кресло, стоявшее ниже кровати, обложили ее подушками и накрыли ноги плэдомъ, привезеннымъ изъ-за границы; Зина узнала и его.

Горничная Даша, все такъ же похожая на дешевую гувернантку, въ темномъ шерстяномъ платьѣ и шелковомъ фартукѣ, съ чепцомъ на головѣ, наклонилась надъ княгиней и утыкала ее сбоку плэдомъ.

Княгиня была одѣта въ блузу изъ тафты стального цвѣта съ кружевами. Лицо ея ужаснуло Зину: все желтобурое съ темноватыми пятнами; краска на волосахъ отчасти сошла, и сѣдина пробивалась прядями и цѣлыми кусками. Жидкую косу закрутили ей на маковкѣ. Голая шея съ затвердѣлыми синими жилами, морщинистая и напряженная, зіяла темной впадиной подъ зобомъ.

— Bonjour, petite!—встрѣтила она Зину и протянула руку въ ея направленіи. Рука еще сохранила красивость.

— Ah, princesse!

Въ возгласѣ Зины дрогнуло волненіе. Сосо выступила изъ-за своей кузины и, набравшись духу, прокартавила:

— Comment allez-vous, princesse?

Та поглядѣла на нее оловянными зрачками, которые точно плавали въ желтыхъ бѣлкахъ, и ея насмѣшливый ротъ сдѣлалъ мину, отъ которой Сосо ударило всю въ краску. Княгиня еле кивнула ей:

— Vous avez de la chance,—съ трудомъ сказала она Зинѣ; видно было, что она не могла найти себѣ мѣста въ креслѣ.—Je vais claquer, cette fois pour sur!

Зина ожидала того же слова: „claquer“, какъ и въ Петергофѣ; но теперь въ звукѣ было что-то еще болѣе жуткое.

— Quelle idée!—вмѣшалась Сосо, чтобы только какъ-нибудь освободиться отъ своего смущенія.

Правый глазъ княгини безмолвно спрашивалъ Зину: „зачѣмъ привела она эту дурочку, cette cruche?“—какъ она назвала Сосо за границей.

— La faculté l'a dit!—заговорила опять княгиня:—les idiots!.. Comme si je ne le savais pas... Depuis longtemps ce n'est que de la pourriture!

И она указала рукой позади спины, тамъ, гдѣ почки.

Зина еле держалась на ногахъ. Смерть—въ образѣ этой старухи, ея руководительницы, ея образца и идеала—смотрѣла на нее оловянными зрачками и вливала ей внутрь почти осязаемый холодъ.

— Vous permettez?—прошептала она и опустилась на стулъ.

Ничего она не чувствовала къ умирающей, кромѣ холода, гнетущаго ужаса смерти и сожалѣнія о томъ, зачѣмъ она сюда пришла. Она точно хоронила въ этомъ чуть живомъ существѣ самое-себя. Такой она была бы непремѣнно, еслибы осталась вѣрной питомицей княгини Трубчевской; да и теперь она не ушла, быть можетъ, отъ точно такого же конца.

Ея руки дрожали. Она боялась что-нибудь выговорить, чтобы и дрожаніе губъ не измѣнило ей.

— Et bien, petite,—съ новымъ усиліемъ спросила княгиня:—faites-vous bon ménage avec le roublard?..

Она хотѣла-было разсмѣяться, но у нея недостало силы, и голову она сейчасъ же откинула на высоко-поднятую подушку.

Зина ничего не отвѣтила. Дрожь ея не проходила.

— Il est fort! M' a-t-il beaucoup arrangée à propos de mes démarches?!..

Не договоривъ, княгиня спохватилась. Зина не должна была слышать отъ нея самой про ея дѣла съ мужемъ, у котораго она хотѣла отобрать управленіе имѣніемъ, чтò ей не удалось и ускорило смертный исходъ ея болѣзни.

— Des justiciers!—вдругъ съ злобой и очень громко выговорила она и вся поднялась. Лицо было буро-красное, глаза потемнѣли, шея выпрямилась вмѣстѣ со всѣмъ станомъ.—Le régime de la vertu!.. Je m'en fiche!

Голова упала опять вбокъ на одну изъ подушекъ. Глаза закрылись, кулаки она сжала; княгиня заныла протяжно и съ кряхтѣньемъ.

— Господи!—испуганно крикнула горничная.

— Извините!—шопотомъ сказала обѣимъ посѣтительницамъ сестра милосердія.

Съ трудомъ поднялась Зина со стула и должна была опереться о плечо Сосо̂, выходя въ гостиную. Тамъ она еще присѣла, прислушиваясь къ тому, какъ въ спальнѣ обѣ женщины переносили княгиню на постель.

Вечеромъ, когда Зина оставалась одна въ гостиной, — Сосо̂ отправилась еще до обѣда по дѣламъ продажи своихъ купоновъ, а Рынина она сама заставила ѣхать и „не тормошиться для нея“,—Милли доложила ей о приходѣ Шварца. Она была разбита, но ничего у нея не болѣло. Не могла она отогнать отъ себя образа княгини съ ея бѣлками и кусками сѣдыхъ волосъ среди крашеныхъ прядей; и ея голосъ звучалъ у нея въ ушахъ, слово: „claquer“ и послѣдній возгласъ: „je m'en fiche!“ Когда она старалась перейти къ чему-нибудь другому, она начинала думать о самоубійствѣ Снѣткина, собралась даже посылать депешу Шварцу, да не знала его адреса, и съ восьми часовъ ждала его.

Она такъ обрадовалась его приходу, что хотѣла идти ему на-встрѣчу; но чуть не упала, когда встала на ноги. Шварцъ явился одинъ, вошелъ къ ней точно къ опасно-больной; она его за это выбранила и стала спрашивать о Снѣткинѣ нарочно сильнымъ голосомъ.

Подробности онъ зналъ только изъ двухъ французскихъ газетъ, которыя читалъ: изъ „Figaro“ да изъ „Gil Blas“. Надя писала ему изъ Ниццы, послѣ похоронъ, и спрашивала: не знаетъ ли онъ чего-нибудь побольше, не писалъ ли кому Снѣткинъ? Обижалась она тѣмъ, что съ ней онъ не разсудилъ проститься „какъ слѣдуетъ“. Зина слушала Шварца и не могла разобрать: жаль ли ему хоть немножко своего пріятеля; а онъ его дѣйствительно жалѣлъ, только Петербургъ навѣки его заморозилъ. Видѣла она, что онъ что-то такое отъ нея скрываетъ или къ чему-то готовитъ ее.

— У васъ есть письмо!—отгадала она:—подайте его!..

Шварцъ началъ-было отнѣкиваться. Она назвала его „уродомъ“, приказала сейчасъ же достать письмо изъ бумажника. Ей захотѣлось остаться одной. Этотъ длинный молодой брюнетъ, съ своимъ благообразнымъ арабскимъ лицомъ, тихимъ голосомъ и все тѣми же петербургскими словечками, мѣшалъ ей прочесть письмо. Передъ нимъ она не можетъ даже поплакать, еслибы слезы выступили у нея.

— Прикажете удалиться?—сказалъ онъ, съ условнымъ движеніемъ красивыхъ губъ, и подалъ ей письмо въ конвертѣ съ чѣмъ-то печатнымъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ заклеивался треугольникъ.

По крайней мѣрѣ, есть хоть тактъ. И онъ, и Кремлевъ явятся и исчезнутъ по ея знаку. А ему было и ее жаль—и онъ многое бы далъ, чтобы утѣшить ее; но онъ рѣшительно неспособенъ былъ ни сдѣлать это, ни выразить подходящими словами.

Такъ же тихо вышелъ онъ изъ гостиной, какъ и проникнулъ въ нее; его бѣлый галстукъ и вырѣзъ жилета промелькнули передъ глазами Зины, прикованными уже къ письму, которое она все еще не рѣшалась вскрыть.

Листокъ съ печатнымъ адресомъ парижскаго Grand-Hôtel вздрагивалъ въ ея рукахъ. Всѣ четыре страницы исписаны крупнымъ, очень четкимъ почеркомъ, безъ помарокъ, твердой рукой. Письмо Снѣткина было помѣчено 17-го марта новаго стиля.

„Прощайте, сестричка,—читала она:—когда вы разорвете конвертъ, меня свезутъ не знаю ужъ на какое кладбище: я особаго завѣщанія, на этотъ конецъ, дѣлать не буду. Но смѣю васъ увѣрить, что все исполню тихо и благородно, что работа будетъ „чистая". Я сижу теперь за моимъ бюро; всѣ бумаги и счета пересмотрѣлъ; ключъ въ замкѣ ящика, дверь нумера не заперта изнутри. Допишу вамъ, приложу дуло между четвертымъ и пятымъ ребрами и постараюсь сохранить сидячее положеніе въ креслѣ. Пугать никого не буду: ни гарсона, ни даже моей бонны Félicité—звукъ отъ бульдога самый жидкій. Бонна войдетъ въ спальню—приготовить постель и въ отворенную дверь увидитъ меня, вскрикнетъ: „Mon Dieu! monsieur s'est évanoui". А ужъ остальное пойдетъ какъ по печатанному.

„Вамъ только и пишу, да записочку Шварцу, чтобы онъ передалъ это письмо въ подходящую минуту. Не подумайте, что изъ фатовства, изъ боязни, чтобы вы не упали безъ чувствъ, а, просто, нѣкоторые не любятъ получать писемъ съ того свѣта, безъ предупрежденія. Причинъ, которыхъ такъ всегда доискиваются въ полицейскихъ дознаніяхъ, я излагать не стану; вы слишкомъ большая умница, чтобы нуждались въ этомъ. Я сдѣлалъ то, что̀ предсказывалъ еще, кажется, у васъ, въ усадьбѣ, помните, во время жаркаго принципіальнаго спора съ Рынинымъ; потомъ заявилъ вамъ, когда пришелъ проститься, въ нумеръ 26-й Европейской Гостинницы. Вашъ супругъ и повелитель, конечно, удостоитъ меня нѣсколькихъ фразъ будущаго государственнаго мужа, содержащихъ въ себѣ брезгливую жалость при

видѣ такого безумнаго расходованія силъ—не на пользу отечества. *Пущай* его! Извините за то, что я подамъ поводъ къ этимъ элукубраціямъ, во время вашего завтрака вдвоемъ.

„Но я хочу сказать вамъ лично, милая Зина,—простите мнѣ эту братскую privauté,—что вамъ такъ нельзя жить, какъ вы теперь живете, если вы не хотите кончить такъ же, какъ и я. Повѣрьте, вы ближе къ такому исходу, чѣмъ, быть можетъ, сами думаете. Мой случай проще вашего. Я ни въ купцы, ни въ дѣльцы не гожусь, валетомъ не хотѣлъ быть, безъ сторублевой ассигнаціи въ бумажникѣ существовать не могу... Ergo... и такъ далѣе. Вы вашихъ денегъ не проживете, по смерти отца, вѣроятно, еще что̀-нибудь получите, и все-таки можете свести свое я—на нѣтъ, если... Вотъ тутъ надо дать какое-нибудь краткое и глубокое заключеніе.

„Вся трагедія, для каждаго изъ насъ, мужчины или женщины, состоитъ въ томъ, что мы не во́-время явились. Прежде, въ 40-хъ годахъ, говорили: „среда заѣла“; а одинъ умный французъ называетъ это „совпаденіемъ признаковъ“. Мирабо — не случись революціи—былъ бы просто „ярыжный дворянинъ“ и кончилъ бы на галерахъ, а не великимъ ораторомъ. Такъ и мы всѣ. Не тотъ нумеръ взяли. Свой нумеръ вы, въ дѣвицахъ, судя по вашимъ разсказамъ, взяли удачно—священнодѣйствіе, во имя высшаго тона, во имя того, что̀ зовется „la haute gomme“, и вы были тогда уравновѣшены. Вернитесь къ этому, смотря по тому мѣсту, гдѣ будете жить: губернаторшей, если пожелаете нести вериги супружества, или соломенной вдовой, за границей. Послѣднее—лучше. Ни при комъ вы состоять не должны. Вы—сами по себѣ, и въ этомъ ваше обаяніе и смыслъ вашего бытія, выражаясь торжественнѣе.

„На тотъ случай, еслибы вы думали: „а что же Надя, его collage?“ — сообщаю, что я ее отправилъ обратно, или, лучше, сдалъ ее съ рукъ на руки одному богатенькому молодому кретину, который ее и утѣшаетъ.

„Они должны еще быть и по сіе время въ Монако.

„Не могу вамъ сказать: „до свиданія“, дорогая сестричка; спасибо за то, что позволили сойтись съ вами.

„Снѣткинъ“.

Слезы не заискрились на рѣсницахъ Зины. Ей только вступало въ високъ по мѣрѣ того, какъ она читала письмо. Языкъ Снѣткина вызывалъ въ ея мозгу самые звуки его голоса. Многое изъ этого слыхала она отъ него, даже тутъ вотъ, передъ

кушеткой, гдѣ она лежитъ; тѣ же почти выраженія. Ей представились: его улыбающійся красный ротъ, бѣлое лицо съ румянцемъ, лоснящіеся черные волосы. Онъ навѣрно усмѣхался, когда выводилъ перомъ мысли о своей судьбѣ. Жалости, чего-нибудь похожаго на ударъ въ сердце, бо̀льшаго огорченія она не могла выдавить изъ себя.

И зачѣмъ онъ кончаетъ обращеніемъ къ ней совѣтомъ? Не знаешь: смѣется онъ или это серьезно? Кто далъ ему право, передъ тѣмъ, какъ приставлять дуло револьвера между четвертымъ и пятымъ ребрами, жалѣть ее? кто просилъ объ этомъ?

Ей стало стыдно за свои почти негодующіе вопросы. Не она ли виновата въ томъ, что непремѣнно къ ней же вернулся и этотъ самоубійца, а не сказалъ ей чего-нибудь стоющаго, цѣннаго о себѣ.

Листокъ она сжала въ правой рукѣ и опустила голову на грудь. Ей стало тяжело; но не отъ того, что Снѣткинъ кончилъ такъ съ собою, а отъ того, что его письмо заставило ее опять вернуться къ своей личности.

Господи! когда же ей дадутъ забыться?! Неужели тогда только, когда она, послѣ какой-нибудь не менѣе ужасной болѣзни, чѣмъ у княгини Трубчевской, соберется умирать?..

Пришелъ навѣстить и узнать о томъ, какъ она себя чувствуетъ, Лукашинъ, сѣлъ въ ногахъ ея, тихо улыбнулся ей, особенно старательно одѣтый въ черный сюртукъ и даже подстриженный.

Зина хотѣла-было сказать: „да отстаньте вы отъ меня со своими заботами о моемъ здоровьѣ!“—но воздержалась.

Ей съ этимъ „идіотомъ“ менѣе тяжело, чѣмъ со всѣми. Его доброта дѣйствуетъ на нее лучше его лекарствъ, въ родѣ миндальнаго молока.

— Что вы такъ сіяете?—спросила она его, когда отвѣтила на его вопросъ.

— А нешто это видно?

Лукашинъ вскинулъ оставшеюся на лбу прядью волосъ.

— Еще бы.

Она отгадала: у него большая радость. Въ Петербургѣ, какъ разъ теперь, его закадычный другъ Блэзо, пріѣхалъ изъ Парижа по тяжебному дѣлу жены, и онъ съ нимъ, до возвращенія въ Москву, будетъ видѣться каждый день. Для свиданія съ нимъ онъ и отпросился на недѣлю у своего старика. Не скрылъ онъ и того отъ Зины, что Кунъ уже „наградилъ“ его, не дожидаясь смерти, обезпечилъ на всю жизнь.

— Я его не оставлю,—наивнымъ тономъ сказалъ Лукашинъ.— Не сбѣгу, заполучивъ кубышку! Добрый человѣкъ! Умретъ, буду ѣздить въ гости къ Ивѣ Альфонсычу. Ну, а Россіи-матушки все же не брошу!..

„Вотъ счастливецъ!—думала Зина:—есть же такіе! Съ деньгами или нищимъ—будетъ вѣчно доволенъ".

Лукашинъ пододвинулся къ ней и потрепалъ ее слегка по протянутой рукѣ.

— Ахъ, барынька!.. Умница вы моя... многаго я отъ васъ ждалъ. А, такъ вотъ, мѣста себѣ не найдете. Здоровьице свое забросили... Да и на душѣ у васъ неладно... Все отчего? Дѣтокъ бы нужно!.. Дѣтокъ!.. Денежекъ у васъ теперь еще больше стало... Отправились бы хоть за море, что ли, такую купель отыскали, которая плодородіе бы давала... право!.. Я ничего не могу... Сихъ дѣлъ не мастеръ я... Только хоть глупаго моего совѣта послушайте: не запускайте вы вотъ того, что ножку-то вашу мозжитъ...

Это было сказано такъ заразительно-добро, что двѣ слезинки заискрились на рѣсницахъ Зины.

XI.

Лакеи отеля убрали все со стола и оставили только кофе. У Рыниныхъ обѣдала Уклонская. Она сдѣлала имъ визитъ на другой же день послѣ возвращенія ихъ изъ Москвы, а на третій Парменій Никитичъ попросилъ ее обѣдать. Наканунѣ же вечеромъ умерла княгиня Трубчевская.

Уклонская пріѣхала къ замужней сестрѣ, въ „кумы", какъ она выразилась, крестить. Зина нашла ее нисколько неизмѣнившейся, такой же моложавой, изящной, совсѣмъ не пахнущей долгимъ житьемъ въ деревнѣ, но—послѣ того, къ чему привыкла уже здѣсь Зина—немножко чопорной и сухенькой. Этотъ оттѣнокъ въ натурѣ Уклонской сдѣлался ей замѣтенъ только здѣсь. Она было обрадовалась „чудихѣ", но черезъ полчаса разговора, съ-глазу-на-глазъ, передъ обѣдомъ, все-таки не могла начать съ ней говорить откровенно, не воспользовалась ея умомъ и пониманіемъ, сжалась и только слушала веселые и забавные разсказы про деревню и нѣкоторыя петербургскія гостиныя, гдѣ Уклонская уже побывала.

Трауръ Зины не вызвалъ въ ней никакихъ лишнихъ вопросовъ,—это было сдѣлано изъ нежеланія коснуться чего-нибудь

щекотливаго. Упомянуто было ею имя князя Ряжскаго. Она слыхала объ этомъ „чудодѣѣ“; это заставило Зину еще сильнѣе замкнуться.

За обѣдомъ Рынинъ, очень оживленный, не удержался и заговорилъ о смерти княгини Трубчевской, которую и Уклонская гдѣ-то за границей видѣла и много слышала про нее.

Зина замѣтила ему, что есть такая латинская пословица, запрещающая дурно говорить объ умершихъ.

Онъ согласился съ тѣмъ, что пословица хорошая, но княгиня Трубчевская была для него только поводомъ—поговорить насчетъ цѣлой эпохи, которая отходила уже къ „праотцамъ“. Разъ онъ все-таки назвалъ ее и ея сверстницъ „бонапартистками“ и „военно-исправительной ротой“ —но вскользь, и не сталъ дразнить Зину тѣмъ, какъ она когда-то обрекала себя на роль добровольной и даровой чтицы, изучала тонъ и житейскую мудрость княгини.

Отъ Трубчевской и „прожигательницъ“ шестидесятыхъ годовъ Рынинъ перешелъ къ тому, кто нынче „законодательницы модъ“—онъ любилъ литературные труизмы—задѣлъ, по дорогѣ, такую „*цыганщину*“, какъ Ожигова. Зина почему-то вздрогнула при ея имени. Онъ прошелся слегка надъ „милѣйшей“ Сосо̀, и сталъ перебирать, для Уклонской, давно не бывшей зимой въ Петербургѣ, какой нынче у модныхъ молодыхъ „бабёнокъ“ тонъ съ мужчинами и между собою.

Зина къ концу обѣда, когда разговоръ зашелъ на эту тему, замолчала, совершенно какъ въ Ширяевѣ; только тогда она себя теребила и приравнивала къ „глупой дѣвчонкѣ“, не умѣющей вести никакой „causerie“, а теперь ей не было никакой охоты вступать въ споръ или помогать своей гостьѣ припоминать, о комъ идетъ рѣчь; да она и сама знала петербургскій свѣтъ только „par raccroc“, мелькомъ.

Кофе она налила и Уклонской, и мужу; сама пить не стала. Гостья заняла ея мѣсто на кушеткѣ; Зина настолько себя хорошо чувствовала, что не попросилась туда. Нога ея имѣла свои дни, въ родѣ лихорадочныхъ пароксизмовъ.

Уклонская сѣла съ ногами на кушеткѣ и курила; Зина тоже удобно усѣлась на диванѣ, передъ столомъ, гдѣ стоялъ кофейный сервизъ. Рынинъ ходилъ по комнатѣ, мимо камина. Канделябръ Зина попросила у гостьи позволенія приказать вынести. Одна лампа давала полусвѣтъ.

Рынинъ былъ особенно въ ударѣ. То, что̀ онъ говорилъ, могла подтвердить и его пріятельница; а она сегодня поглядывала на него ласковѣе, чѣмъ въ деревнѣ; въ ея глазахъ мель-

кала улыбка одобренія; та же улыбка говорила и въ сторону Зины, хотя та не могла ее разсмотрѣть съ своего мѣста: „онъ правъ, вашъ мужъ, и вамъ не лишнее послушать его“.

— Я ухаживаніемъ не занимаюсь,—продолжалъ онъ,—но я слышу, какъ теперь молодые люди говорятъ съ дѣвушками... Такъ мы говорили только съ кокотками, да и то больше было... ну, хоть остроумія,—что ли!.. А самыя модныя наши „gommeuses“? Ну, вы знаете, напримѣръ, кое-кого изъ „май-дирокъ“?

Зина, движеніемъ головы, пожелала объясненія этого слова.

— Это тѣ, что сыплютъ все „my dear“, когда онѣ между собой. Княгиня Бетси, ея сестры... цѣлый кружокъ,—пояснила ей Уклонская:—онѣ самыя тонныя...

— Были,—подхватилъ Рынинъ,—но и онѣ нынче портятся... Между ними... Мими Бѣлкова... какая была прелесть!.. Правда, англизирована черезъ-чуръ... Досталась мужу-болвану. Это опять правда. А теперь, первое удовольствіе—вранье... самое скоромное... и шампанское, и рулетка... Да это куда бы ни шло; но языкъ, языкъ... Ну, вотъ вы, моя однокашница, любите мужицкія слова, и съ бабами вашими выражаетесь ихъ терминами.

— Васъ это коробитъ?—весело спросила Уклонская.

— Нѣтъ, это ужъ при васъ останется.

— Скажите лучше: вы—чудиха!

— Ничего не чудиха!.. Нашли себѣ игрушку и коротаете время съ пользой... Но я про жаргонъ говорю. Небось вы не станете у себя въ салонѣ за обѣдомъ, на балахъ... допускать языкъ, взятый на прокатъ у трактирныхъ ярыгъ. Поживите здѣсь, прислушайтесь... и скажите мнѣ потомъ: лгу я или нѣтъ...

Онъ остановился и заслонилъ отчасти потухавшее пламя камина.

— Знаете... я сейчасъ вспомнилъ... ѣхали мы съ вами, при родителяхъ... въ Швейцаріи это было.

— Изъ Дрездена въ Веве́?—вспомнила Уклонская.

— Такъ, такъ... мы съ вами улизнули въ другой вагонъ. Было это уже около Берна. Нашли мы тамъ русскихъ, и такъ еще обрадовались, что русскій громкій разговоръ услыхали.

— Помню!—еще радостнѣе вскричала Уклонская:—ѣхало цѣлое общество соотечественниковъ.

— А какъ они говорили?..

— Этого не помню.

— Я помню и весьма отчетливо... Ѣли они груши и абрикосы, было ихъ двѣ дѣвицы и трое мужчинъ. Одна, еще съ pince-nez, красивая такая.

— Да, да,—подтверждала Уклонская.

— Вотъ она и спрашиваетъ другую: „а сколько ты сожрала грушъ?“ Вы ужъ подошли было къ ихъ скамьѣ и такъ жадно вслушивались въ ихъ разговоръ. Это слово: „сожрала“—точно обварило васъ—маменька васъ строго воспитывала. Вы даже отступили немного назадъ.

— Все теперь припоминаю!

— Курносая-то и спрашиваетъ васъ:—Вы, кажется, испугались слова „жрать“?—Вы покраснѣли, но отвѣтили: „Нѣтъ, вы ошибаетесь“. А другая, красивая-то, сейчасъ и выложила весь свой лексиконъ.—Если, говоритъ, вамъ слово „жрать“ не нравится, такъ есть еще „лопать“ и „трескать“.—Вся компанія расхохоталась. Я разозлился и что-то хотѣлъ имъ отпѣть, да вы меня схватили за рукавъ и оттащили.

— Какая же мораль? - тихо выговорила Зина.

— А та мораль,—довольно добродушно откликнулся Рынинъ,—что даже и эти напускали на себя... жанръ. И они говорили такъ изъ жанра. Точно также и теперь наши гоммёзки.

— Ну, ужъ будто такъ? Я поотстала отъ Петербурга,—сказала Уклонская.

Зина промолчала.

— Да какъ же не такъ? Вотъ вамъ двѣ фразы для образчика: одну я услыхалъ на разъѣздѣ, другую въ гостиной, на большомъ балѣ... Обѣ сказаны самыми первыми гоммёзками.

— Пожалуйста, не томите! Вы очень меня интригуете.

Уклонская даже задвигалась на кушеткѣ и пустила сильную струю дыма.

— На балѣ... молодая женщина... хотите, назову?.. да это сплетничество будетъ—ну, изъ первыхъ, говоритъ постороннему молодому малому, не брату, не кузену—думаю, что не любовнику—въ полголоса, у зеркала, повернувшись къ нему спиной, а спина вырѣзана чуть не до крестца... „Петя, вынь поскорѣе... шпилька колетъ“...

— C'est possible,—согласилась Уклонская.

— Allons donc!

Возгласъ Зины былъ точно про себя.

— Слово въ слово!

— Qu'est-ce que ça prouve?—построже и погромче спросила Зина.

— Вторую фразу, пожалуйста... pardon, chère!—Уклонская кивнула ей.

— Вотъ она—стенографически записана. Такая же gom-

meuse... высшаго стиля—считается умницей первой степени—говоритъ своему двоюродному брату на разъѣздѣ: „Серёжка, а Сережка, подь-ка сюды!.. Уткни мнѣ глотку шалью"...

— Да это наши бабы—tout crachées!

Уклонская разсмѣялась.

— И я умѣю такъ!—добавила она.

— Не сомнѣваюсь; но тутъ это жанръ, самый новый видъ... какъ бы это сказать?—ухарства, что ли...

Рынинъ подошелъ къ столу, сѣлъ въ кресло, нагнулъ голову и оперся однимъ локтемъ о колѣно. Болѣе злая усмѣшка прошлась по его губамъ.

— Когда я попадаю... въ иныя гостиныя... гдѣ модныя барыни... такъ мнѣ все кажется, что я приглашенъ на крестины къ эскадронному вахмистру въ Отченашенскѣ, гдѣ съ насъ обязательно сходило по бѣленькой, и подносили намъ, на тарелкѣ, бокалъ теплаго Тотинскаго. Только тѣ полковыя дамы — жены вахмистровъ и писарей—были гораздо проще и приличнѣе... Онѣ не ломались такъ, не впадали въ озорство затѣмъ только, чтобы поддѣлаться подъ тонъ своихъ ухаживателей...

— Гдѣ же мораль?—уже насмѣшливо-строго выговорила Зина.

— Да ужъ если тебѣ угодно,—Рынинъ сохранялъ ту же позу,—я вотъ при однокашницѣ своей скажу, разъ навсегда: ничего нѣтъ легче, какъ незамѣтно пріучиться къ такому тону. Я считаюсь большимъ патріотомъ, но если уже выбирать изъ двухъ: на заграничный ладъ употреблять то, что зовется у васъ—онъ повернулся лицомъ къ Зинѣ—bagout, или вотъ такія прелести пускать: „уткни мнѣ глотку", лучше держаться заграничныхъ фасоновъ!

То, какъ онъ это сказалъ, было не тяжело и не зло и безъ учительства, скорѣе въ искреннемъ, пріятельскомъ тонѣ... Уклонская это поняла, Зина не хотѣла ни соглашаться съ нимъ, ни возражать... Ей никакого уже не было дѣла даже до собственнаго языка: какой онъ, петербургскій или заграничный. Ей показалось лишнимъ и почти смѣшнымъ и то, что Уклонская такъ, повидимому, заинтересовалась „урокомъ" Парменія Никитича.

Постучались. Вошелъ лакей и остановился у притолоки.

— Что нужно?—спросилъ Рынинъ.

— Панихида началась у княгини Трубчевской,—доложилъ онъ.

— Хорошо...

Рынинъ поглядѣлъ сначала на Зину, потомъ переглянулся съ Уклонской.

— Ты собираешься?

На вопросъ мужа, Зина ничего не отвѣтила прямо; сказала въ сторону Уклонской:

— Я васъ не гоню. Посидите... Ты, кажется, собирался куда-то?—спросила она Рынина.

— На минутку и я заверну; а теперь, моя милая однокашница, извините меня...

Онъ поцѣловалъ руку Уклонской и вышелъ.

Оставшись опять съ-глазу-на-глазъ съ Уклонской, Зина подумала сейчасъ-же: „нѣтъ, нельзя мнѣ имѣть пріятельницъ-женщинъ; лучше ужъ мужчинъ; съ тѣми проще, когда они не мужья и не влюбленные"....

Эта мысль пришла ей точно противъ ея воли. Она взглянула на Уклонскую,—лицо той было освѣщено лампой,—и въ ея умненькихъ, слегка насмѣшливыхъ глазкахъ не прочла ничего, отвѣчающаго на свое настроеніе.

— А мужъ-то у васъ—охъ какъ поумнѣлъ!—выговорила Уклонская...—Я не стану васъ допрашивать: хорошо вамъ за нимъ живется—такъ у насъ въ уѣздѣ говорятъ — зато прочно будетъ. Мужемъ всегда кончишь, рано или поздно.

Она чуть слышно вздохнула, поглядѣла на Зину съ улыбкой своихъ тоненькихъ губъ и даже комически кивнула ей головой, въ хорошей прическѣ. Потомъ встала, отряхнулась и начала прощаться. Зина удерживала ее вяло.

— Вамъ надо на панихиду... А я обѣщала своимъ провѣдать крестника. Онъ теперь уже спитъ навѣрно... Только знаете что̀, милая Зинаида Мартыновна: нужно ли вамъ идти на эту панихиду?

— Это послѣдняя...

— Ну, хорошо, если послѣдняя. Позвольте васъ поцѣловать. Я завтра назадъ... Поклониться сосѣду?..

Этотъ вопросъ показался Зинѣ подозрительнымъ. Она сухо отвѣтила:

— Съ какой стати?

Прикоснулась она губами къ щекѣ Уклонской и проводила ее до передней, разбитой походкой.

На панихиду надо было идти. Замѣчаніе Уклонской вернулось къ ней сейчасъ же. Все панихиды! Сколько она ихъ выстояла и въ какихъ-нибудь два мѣсяца! Тамъ будетъ Сосо, оставшаяся еще на два дня, и Тенишевъ, и эта ужасная Ожигова.

Ея имя, произнесенное передъ тѣмъ Рынинымъ, потому заставило ее вздрогнуть, что, въ день смерти Трубчевской, она была

въ спальнѣ покойницы, когда туда влетѣла Ожигова... Сейчасъ же начала она распоряжаться нервно, съ пылающими глазами, приказала приготовить все для омыванія тѣла и сама почти накинулась на него. Зина видѣла это изъ другой комнаты. Что-то отвратительное чудилось ей въ этой страсти Ожиговой къ покойнику, къ обмыванію его тѣла, одѣванію, укладыванію... Но уйти она не могла; сидѣла и смотрѣла.

На послѣднюю панихиду собралось больше; стояли и въ передней, и даже въ коридорѣ. Когда Зина подошла къ толпѣ, у всѣхъ уже были зажжены свѣчи. Она увидала за дверьми, ближе къ гробу, Ожигову, ея мужа, Сосѣ, Теняшева; за нѣсколько человѣкъ отъ себя, въ передней, Лукашина и его друга, Ива Блэзо, такого же серьезнаго, въ черной парѣ парижскаго портного. Онъ держалъ свѣчу, по сторонамъ не смотрѣлъ и съ пріятелями не разговаривалъ, велъ себя гораздо строже многихъ русскихъ.

Лукашинъ, завидѣвъ Зину, сейчасъ же началъ искать для нея, на чемъ сѣсть; но она сдѣлала ему знакъ головой — не безпокоиться. Отъ ладана и жара восковыхъ свѣчъ, ее скоро начало мутить, ноги подкашивались. Минорная нота діакона проводила по ея нервамъ точно смычкомъ.

Дольше она не могла выстоять, и тихонько попятилась назадъ, въ коридоръ. Ни Лукашинъ и никто изъ ея знакомыхъ не замѣтилъ этого. Она разсудила зайти къ Сосѣ; тамъ она посидитъ или даже приляжетъ и тамъ же напьется чаю. Туда же, навѣрно, придутъ и всѣ остальные.

Такъ она и сдѣлала. Никто не замѣтилъ ея ухода. У Сосѣ былъ приготовленъ уже чай и ломберный столъ помѣщался у камина, съ двумя свѣчами. Зина не взглянула на него. Дѣвушки не было.

Она прошла въ темную спальню, гдѣ ей такъ стало хорошо, послѣ ладана и свѣчного чада панихиды. Тамъ было прохладно и пахло смѣшанными духами Сосѣ, все той же знаменитой смѣсью, выдуманной ею еще послѣ своего перваго замужества: геліотропъ, жокей-клобъ и ирисъ.

Только-что она прилегла на постель и ея затылокъ освѣжило плотное и гладкое бѣлье, Зина заснула въ нѣсколько секундъ. Спала она крѣпко, безъ всякихъ грёзъ; ее разбудилъ взрывъ голосовъ.

Она оглянулась, не могла понять, гдѣ она—въ темнотѣ, лицомъ она лежала къ стѣнѣ—повернулась быстро на другую сторону.

Дверь была пріотворена. Въ гостиной шумно спорили.

— Лягушка вы этакая!

Она узнала крикъ Ожиговой.

— Да помилуйте!

Это возражалъ Теняшевъ.

— Mais la comtesse a raison!..

Зина узнала голосъ Сосо.

— Какъ же я не права? — задорно закричала Ожигова. — Какое же это баккара?.. Это хуже трынки...

— Ха, ха, ха!..

Хохотъ былъ сладковато-глупый. Онъ принадлежалъ ея мужу.

— Перестань!—дала на него окрикъ графиня.—Начнемте сызнова. Et pas de bêtises, mes petits, pas de bêtises!

— Madame n'a pas déclaré?

Это еще чей голосъ? Французскій акцентъ, глухой, жидковатый. Да, это Блэзо.

Всѣ тутъ—и послѣ панихиды играютъ въ баккара, или тѣ играютъ, французъ смотритъ.

Зина полежала еще минуты двѣ-три. Игра началась съ новымъ азартомъ. Сосо взвизгивала. Ожигова бранилась, мужъ ея безпрестанно хохоталъ.

„Не кошмаръ ли это?—подумала Зина, взяла себя за пульсъ, потомъ повела рукой по волосамъ.—Нѣтъ, это на яву!"

Она поднялась тихо, никто изъ игравшихъ не слыхалъ ничего, и стала въ дверяхъ спальни, правой рукой оперлась слегка о косякъ и смотрѣла.

Всѣ сидѣли за ломбернымъ столомъ, точно въ игорномъ домѣ, нагнувшись надъ зеленымъ сукномъ. Свѣчи въ канделябрахъ оплыли и утопали уже въ табачномъ дымѣ. Ей видѣнъ былъ потный лобъ Теняшева, съ папиросой въ углу рта, и профиль графа, съ румянцемъ на пухленькихъ, дряблыхъ щекахъ, и толстый, короткій носъ графини, въ строгомъ крепововъ барокѣ,—шляпу она сняла; выставлялась и грудь Сосо, тоже въ черномъ, съ брилліантами въ ушахъ, въ видѣ крупныхъ капель росы. Блэзо сидѣлъ немного поодаль; но и онъ былъ поглощенъ игрой. На его зрѣніе дѣйствовала пачка ассигнацій на одномъ углу стола, справа отъ Теняшева, занимавшаго среднее мѣсто.

На кругломъ столѣ чай давно остылъ въ чайникѣ. Особый маленькій столикъ занимали двѣ бутылки шампанскаго. Стаканы, до половины недопитые, стояли на карточномъ столѣ въ-разбродъ. Въ одномъ мѣстѣ было мокрое пятно отъ пролитаго вина. Держалъ стаканъ, еще непочатымъ, и Блэзо.

Минуты двѣ стояла Зина, даже задерживала дыханіе. Третьяго-

дня эта Ожигова убирала княгиню въ гробу, съ истерической страстью къ покойникамъ. Эта картина переплеталась теперь для Зины съ картиной баккара, гдѣ передъ ней вставала ея дѣвичья „vie à grandes guides“, на виллѣ Сосо... Всѣ были въ сборѣ, вплоть до фигуры Блэзо, для контраста, и до Лукашина. Онъ навѣрно побѣжалъ принести что-нибудь или распорядиться насчетъ ужина.

Сначала она почувствовала совершенное равнодушіе къ кузинѣ и пріятелю; потомъ и брезгливое сознаніе своего превосходства, каковы бы ни были ея глупости, пораженія, испытанный ею позоръ, ея недуги и ея супружеская жизнь. Она не можетъ оставаться съ такими русскими... не можетъ... Какъ-то особенно прозрачны стали для нея: Сосо, Теняшевъ, чета Ожиговыхъ... Вотъ и чета опять въ Россіи, все еще мечтаютъ возвратить себѣ прежнее положеніе, урвали что-нибудь въ деревнѣ и грубо кутятъ, играютъ, бросаютъ сторублевыя бумажки... Отъ нихъ не уйдешь... въ Петербургѣ. Они непремѣнно повадятся къ ней, завтракать, обѣдать... не выкуришь ихъ...

Одинъ здѣсь всего и есть человѣкъ, котораго она способна выносить—вонъ тотъ французъ. Онъ никогда не былъ близокъ ея душѣ; она даже не совсѣмъ вѣритъ его „непримиримымъ“ убѣжденіямъ; но въ его лицѣ ей представилась теперь Франція, Парижъ, въ которомъ она никогда подолгу не жила. Все-таки ей тамъ и одной будетъ легче... Солнце есть, тепло, всякая болтовня, и роскошь настоящая, изящная, дающая тонъ всему міру... А главное, игривый умъ... Она задумалась.

— Monsieur Blaizot,—громко выговорила она:—comment allez-vous?

Всѣ разомъ обернулись и расхохотались.

— Cette pauvre chérie!..

Сосо подскочила къ ней.

— Храповицкаго задали, голубушка, на славу!—крикнулъ Теняшевъ, сіяющій и все болѣе и болѣе потный. Ему везло.

— Пожалуйте! Поставьте бѣленькую!.. Послѣ панихиды отлично!.. Отъ мрачныхъ мыслей отводитъ, — улыбаясь во весь ротъ, говорилъ ей графъ и тянулъ за другую руку. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и перекачивался съ одной ноги на другую.

— Садитесь!—почти крикнула ей графиня:—задерживаете партію!.. И приструньте вы Теняшева... Еще немножко, и онъ плутовать будетъ.

Графъ глупо разсмѣялся. Зинѣ стало нестерпимо гадко.

— Я не могу, мнѣ пора домой,—выговорила она и отдѣлилась отъ двери. Ступала она довольно твердо.

— Глупости!—крикнула Ожигова.

— Tu vas mal?..

Сосо съ притворною живостью спросила это у нея, почти прикоснувшись носомъ къ ея лицу.

— Je vais bien, mais il faut que je rentre.

Она съ усиліемъ придала своему отвѣту свѣтскій, мягкій тонъ и обернулась къ Блэзо.

— Donnez-moi le bras, monsieur Blaizot... Vous allez me reconduire chez moi.

Французъ, не успѣвшій хорошо поздороваться съ нею послѣ панихиды, стоялъ все еще со стаканомъ въ рукѣ и хотѣлъ вставить свое привѣтствіе въ рядъ окриковъ и возгласовъ остального общества. Онъ поставилъ тотчасъ же стаканъ свой на ломберный столъ, съ менѣе суровымъ лицомъ пододвинулся къ Зинѣ и согнулъ лѣвую руку, по заграничному обычаю.

— Une fois, deux fois, trois fois,—опросилъ ее черезъ столъ Теняшевъ:—остаетесь?..

— Нѣтъ,—отвѣтила Зина.

— A cheval, messieurs, à cheval!—спаясничалъ онъ:—то бишь!.. A table, mesdames!.. A table!..

Всѣ опять накинулись на игру.

Въ корридорѣ Блэзо тихо и почтительно сталъ справляться о здоровьѣ Зины и выразилъ удивленіе, какъ она могла такъ крѣпко заснуть подъ шумъ игры. Онъ улыбался чуть замѣтно и выказывалъ свои крѣпкіе, желтоватые зубы. Въ этой улыбкѣ она читала то же превосходство надъ всей компаніей, какое было и въ ней самой, только Блэзо—кремень, или пріучилъ себя быть кремнемъ, а она—жалкая „истеричка“, какъ она уже давно прозвала самое себя. И она разспросила его о цѣли его пріѣзда въ Россію. Кое-что она слышала отъ Лукашина. Блэзо обстоятельно, въ очень литературныхъ, суховатыхъ выраженіяхъ, началъ ей разсказывать, кое-гдѣ пришпиливая легкій сарказмъ надъ русскими порядками и нравами. Они уже сидѣли у нея на диванѣ. Она приказала подать чаю, отъ котораго Блэзо не отказался: онъ былъ большой любитель чая съ тѣхъ поръ, какъ пожилъ въ Россіи.

Его разсказъ о тяжебномъ дѣлѣ его жены, оставшейся въ Парижѣ, слушала Зина съ удовольствіемъ, не потому, чтобы радовалась опасности, грозившей ему и женѣ его, потерять весь почти капиталъ, но факты говорили за то, какова страна, гдѣ

она сама должна будетъ жить, если останется супругой Парменія Никитича и состарѣется, переѣзжая изъ одного губернскаго города въ другой, если не оснуется навсегда въ Петербургѣ. Блэзо — жена и мужъ—попались такъ, какъ, по увѣренію ея гостя, невозможно было попасться во Франціи. Черезъ всѣ виды плутовства, подлога и недобросовѣстности прошли они въ своемъ тяжебномъ дѣлѣ. Жаловались они не на судъ, а на нравы, на поразительное отсутствіе того, что̀ онъ называлъ „sens moral“. Онъ это выговорилъ не горячась, съ жестковатой, но не злой усмѣшечкой.

Зина, безъ всякихъ подготовленій, ввела его въ то состояніе своей души, какое она вынесла изъ картежной комнаты Сосо̀. Выражаться по-французски ей было за̀ново легко и почти радостно имѣть передъ собой собесѣдника, способнаго оцѣнить всякій удачный оборотъ рѣчи. Она поблагодарила его за то, что онъ случился у Сосо̀, и за все, что̀ сейчасъ сказалъ. Во Франціи, среди парижскаго общества, должна она жить, а не на своей родинѣ, сдѣлавшей изъ нея—молодой женщины— „клиническаго субъекта“ въ какихъ-нибудь годъ съ небольшимъ!..

Она ждала одобренія со стороны Блэзо. Но онъ не согласился съ ней и сталъ ей, вмѣсто общихъ фразъ, разсказывать опять про себя. Вотъ три года, какъ онъ вернулся въ Парижъ съ женой и сыномъ. Возможность возврата была для него большой радостью. Онъ нашелъ друзей, товарищей, могъ возстановить свое прежнее положеніе, завязать новыя политическія связи, попасть въ ратушу, а потомъ и въ Palais Bourbon, основать газету... Все это осуществимо. Но... жена его начала замѣчать, да и онъ самъ, что ему случается хандрить... Онъ тоскуетъ!.. По комъ?.. По русскимъ!..

— Impossible!—вскрикнула Зина.

— Parfaitement, — подтвердилъ Блэзо тономъ профессора, излагающаго лекціи.

Она потребовала объясненій. Блэзо далъ ихъ. Въ Россіи, вотъ въ этомъ безпорядочномъ и плутоватомъ Петербургѣ, онъ привыкъ къ такой жизни сердца, къ такому добродушію, къ такому режиму дружбы, безъ всякаго разсчета на что-либо, что у себя онъ сталъ безсознательно страдать отъ настоящей сухости всѣхъ, кто тамъ окружалъ его, начиная съ родныхъ. И десятки указаній, случаевъ, портретовъ, сценъ пронеслись передъ Зиной въ его спокойномъ, мѣстами мѣткомъ, нѣсколько жестковатомъ описаніи.

— Croyez-moi, —закончилъ онъ, и его голосъ сталъ вдругъ

теплѣе,—restez avec les vôtres!.. Vous souffrirez parmi nous comme moi, beaucoup plus que moi... Il vous manquera toujours quelque chose... Et ce quelque chose,—онъ перевелъ духъ,—c'est l'âme large, quoique déséquilibrée, des slaves!..

Эту фразу слышалъ въ дверяхъ Лукашинъ и захлопалъ. Онъ прибѣжалъ узнать, какъ чувствуетъ себя Зина, и захватить Блэзо; ему хотѣлось увлечь его къ себѣ въ комнатку, до ужина... Блэзо черезъ день уѣзжалъ, и ему каждый часъ, проведенный съ нимъ, былъ дорогъ.

Зина сидѣла съ опущенной головой. Все сказанное Блэзо о русскихъ и о томъ, отчего онъ сталъ страдать, изумило ее; но она не хотѣла возражать... Въ этомъ она услыхала что-то пережитое, глубоко вѣрное...

Лукашинъ попробовалъ ея пульсъ, нашелъ, что она утомлена „въ личикѣ", вынулъ часы, показалъ, что у нея „девяносто-три" и настоялъ на томъ, чтобы она сейчасъ же легла, „хоть для проформы", такъ какъ она почивала урывками. Онъ увѣрилъ ее, что все это онъ говоритъ „какъ передъ истиннымъ Богомъ", а не потому, что ему хочется увлечь къ себѣ „благопріятеля".

— Est-ce que je n'ai pas raison?—сказалъ Зинѣ Блэзо, степенно и ласково, указывая глазами на Лукашина.

— Oui,—съ тихимъ вздохомъ вымолвила Зина.—Идите,—добавила она Лукашину:—облизывать вашего божка!

Когда оба друга вышли, Зина долго еще оставалась подъ впечатлѣніемъ словъ Блэзо. У нея внутри поднимались какъ будто голоса, говорившіе за-одно съ нимъ...

Въ комнаткѣ доктора, Блэзо, утомленный своими дѣловыми разъѣздами, панихидой и вечеромъ, въ ожиданіи поздняго ужина, отъ котораго онъ не хотѣлъ отказываться для Лукашина, легъ на его постель и чувствовалъ въ этомъ лежаніи одѣтымъ—„quelque chose de délicieusement slave".

Въ ногахъ его, на той же кровати, сѣлъ Лукашинъ и поджалъ подъ себя ноги. Одно его огорчало, что Блэзо уѣзжаетъ, и кто его знаетъ, когда вернется. Хорошо, коли тяжба его жены затянется и она еще разъ пришлетъ его ходить по адвокатамъ и судамъ.

Но онъ не выпускалъ изъ головы того, что̀ „Ива" Альфонсычъ сейчасъ такъ задушевно сказалъ Зинѣ.

— Вѣдь ты признайся,—говорилъ онъ французу, наклоняясь надъ нимъ, въ полусвѣтѣ узкаго нумера:—тебя, небось, тянетъ къ намъ, нужды нѣтъ, что у насъ воровского народа нынче столько развелось. Признайся... хоть съ-глазу-на-глазъ... Вѣдь такъ?

— Такъ...—отвѣчалъ медленно Блэзо и вытянулся.

— То-то! за это большое тебѣ спасибо, Ивушка, большое... Коли все у васъ съ жинкой прахомъ пойдетъ, не плачьте... Нужно будетъ на обзаведеніе чего-нибудь... я, по силѣ-возможности...

— Ладно!..—веселѣе выговорилъ Блэзо, и твердое „л" удалось ему, на этотъ разъ, очень хорошо.

— Спасибо тебѣ и за то, голубчикъ, что такъ говорилъ Зинаидѣ... Куда ей еще летѣть!.. Въ Парижѣ селиться!.. Зимой тамъ климатъ (Лукашинъ произносилъ: „климàтъ") отвратительнѣе здѣшняго; она, съ каминами, не выберется изъ своихъ болей; а весь ея организмъ совсѣмъ расклеился... точно фортепіаны, что̀ въ сыромъ чуланѣ съ годъ стояли... Тебѣ жаль ли ее... а? Ты, когда-то, помнишь, въ Петергофѣ, очень ужъ строгонько ее аттестовалъ... Того ли ты теперь мнѣнія... или помягче?

— Да, — отвѣтилъ Блэзо, голосомъ человѣка засыпающаго; но это „да" Лукашинъ понялъ по своему...

— Нельзя, Ивушка, такъ все приговоры произносить, какъ у васъ въ девяносто-третьемъ году, что ли, когда вы головы-то рубили точно у насъ, по осени, кухарки кочни капусты.

— Кочни?.. Qu'est-ce?

— Иль запамятовалъ?.. ну, капуста... цѣльная... кочанъ называется.

— Ah!..

— То-то молъ!.. Этакъ нельзя... Женщина, по одному своему естеству, такъ устроена, что достойна сожалѣнія, всегда... Нельзя съ нея требовать, что̀ съ насъ взыскивается... Ты вѣдь самъ физіологію проходилъ... пора бы у науки и терпимости научиться... Это, милый, наше евангеліе...

— You are right,—шутливо сказалъ Блэзо, потрепалъ друга по плечу и, послѣ маленькой передышки, прибавилъ:—C'est ça!.. Une femme slave est triplement femme!

— Премудро сказано!

Лукашинъ готовъ былъ поцѣловать его, но онъ зналъ, что Ива такихъ славянскихъ нѣжностей не любилъ и считалъ даже почему-то (онъ никакъ не могъ понять, почему) не совсѣмъ приличными. И опять взяла его досада: зачѣмъ тотъ стремится въ свой Парижъ?..

— Хоть бы ужъ вы опять тамъ получше накуралесили, опять бы ты генерала какого ни на есть къ стулу привязалъ и убѣгъ бы къ намъ... Или бы отыскали такого воеводу, чтобы онъ въ диктаторы попалъ, а тебя посломъ... Есть ли такіе на примѣтѣ воеводы?.. А?

Онъ теребилъ француза. Тотъ уже задремалъ и сквозь дремоту отвѣтилъ ему машинально:

— Oui, ma vieille!..

Лукашинъ тотчасъ же смолкъ, отошелъ на цыпочкахъ къ столу, поставилъ свѣчу на полъ, а самъ сѣлъ въ кресло, тихонько ждать, когда придутъ звать ужинать, и оберегать сонъ своего „Ивушки“.

XII.

Рынины остались одни въ Европейской Гостинницѣ. Сосо уѣхала за границу. Тѣло княгини Трубчевской похоронили довольно парадно: отпѣвали въ почтамтской церкви и свезли на кладбище Новодѣвичьяго. Особенно много дамъ и мужчинъ изъ ея общества что-то не собралось. Ее успѣли позабыть, да и неудача интриги противъ мужа вооружала противъ нея. Зина замѣтила это въ церкви, гдѣ она съ трудомъ выстояла обѣдню и панихиду и съ дурно скрываемою брезгливостью подошла проститься съ покойницей. На кладбище она не поѣхала, да ее не пустилъ бы туда и мужъ. Онъ сталъ больше заботиться о ней и чаще заходить въ ея помѣщеніе. Онъ же настаивалъ на томъ, чтобы призвать для консультаціи одну медицинскую знаменитость. На это Зина согласилась не сразу...

Съ Сосо прощанье было почти суровое. Она не могла заставить себя быть съ ней ласковой. Та расплакалась, всхлипывая, упрекала ее въ сухости, оправдывалась, говорила даже: „gronde-moi!.. donne-moi un bon conseil, soutiens-moi!“... Зина сказала ей только:

— Il faut que tu sois la femelle d'un mâle quelconque...

И ей не было ни грустно разставаться съ нею на долго, ни жаль ее... Пускай—этотъ ли Альфонсъ-мужъ, или кто другой —обираетъ ее до тла: она плакать не будетъ... Присутствіе Сосо въ отелѣ—останься она еще два-три дня—тяготило бы ее чрезвычайно. Свое поведеніе съ этой подругой дѣтства, такъ долго обожавшей ее, она не считала гадкимъ, недостойнымъ себя. Никакихъ вопросовъ такого рода она себѣ не задавала. Если кто могъ жаловаться, то, конечно, уже она сама. Двѣ недѣли сряду получала она одни горькія ощущенія... Князь, смерть отца, смерть Снѣткина... смерть Трубчевской... точно всѣ сговорились держать ее въ мертвецкомъ склепѣ...

Не пожалѣла она и объ отъѣздѣ Теняшева въ деревню, къ отцу. Онъ не могъ ей замѣнить Снѣткина: слишкомъ уже былъ

онъ старомоденъ, шуменъ и незанимателенъ, и она только упрекала себя за прошлое: какъ могла она, въ дѣвушкахъ, допустить себя до пріятельства съ такимъ, хоть и не злымъ, ничтожествомъ... И Лукашинъ, добрѣйшій и преданный ей болѣе другихъ, раздражалъ ее своимъ довольствомъ, чувствительной дружбой къ Блэзо, неспособностью понимать, какъ слѣдуетъ, причину ея физическаго разстройства. Когда Лукашинъ пришелъ къ ней проститься, возвращаясь въ Москву, къ своему „старче"—такъ онъ называлъ Куна—онъ, почти со слезами на глазахъ, упрашивалъ ее не упираться, пригласить знаменитаго практиканта и простить ему „неприличіе" его діагнозы, то, что ему ея новая болѣзнь кажется чѣмъ-то въ родѣ подагры.

— Не волнуйтесь, голубушка,—сказалъ онъ ей вполголоса,—насчетъ Парменія Никитича. Какъ ни какъ, а все-таки вамъ самый близкій человѣкъ, и каковъ онъ ни есть,—васъ не покинетъ. Нынче и такіе въ рѣдкость.

Оставшись совсѣмъ сама съ собой—Шварца и Кремлева она не считала—Зина видѣла около себя одного только мужа... Смутно прошла въ головѣ ея мысль: да чтó за радость ему-то жить съ ней, выказывать хотя бы только наружное вниманіе, выносить ея нравъ и болѣзненность?.. Не страсть и не грубый интересъ дѣйствуетъ въ немъ. Онъ—на дорогѣ, роскоши не любитъ; ея четырехъ сотъ тысячъ ему теперь не надо. Ей какъ будто становилось его жалко, въ первый разъ въ жизни... но онъ, до сихъ поръ, если не врагъ, то чужой... И въ простые друзья она не возьметъ его... Хорошо, еслибы удалось хоть уважать его, хоть послушаться въ чемъ-нибудь добровольно...

Въ каминѣ дотлѣвали послѣдніе угли. Свѣтъ отъ него падалъ на коверъ и оставлялъ остальную часть комнаты въ полутемнотѣ; лѣвый уголъ, гдѣ горѣла свѣча, въ высокомъ подсвѣчникѣ, бѣлесовато отдѣлялся отъ общаго сумрака.

Съ ногой, укутанной въ одѣяло—наканунѣ опять былъ припадокъ—Зина лежала на кушеткѣ, полузакрывъ глаза, и сквозь щелку ихъ глядѣла на красное пятно камина.

Боль въ ногѣ не безпокоила ее сегодня, но двигать ею неловко. То, на что „идіотъ" Лукашинъ намекалъ, подтвердилось; докторъ, знаменитость, разспросилъ ее про отца и про то, „какія у нея были кулинарныя привычки", выговорилъ безъ всякихъ смягченій, что это—„подагра не подагра", а „продромы" ея, что она наслѣдственна, а при „вкусѣ" къ ликерамъ и виноград-

нымъ винамъ можетъ „пожаловать“ и въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ потребовалъ самой тихой жизни, строжайшей діэты, и кончилъ предложеніемъ: лѣтомъ отправиться въ Швейцарію, въ Рагацъ.

Не одинъ этотъ „ужасъ“—сдѣлаться калѣкой въ двадцать-шесть лѣтъ, не одно сознаніе того, что она „affreusement infirme“, приковывало Зину къ кушеткѣ, больше, чѣмъ неловкость при движеніяхъ больной ноги. Она испытывала вся, до глубины своихъ нервовъ, невозможность такъ жить, какъ до сихъ поръ жила. Послѣднія недѣли казали ей, точно по какому-то уговору: или смерть, или глупую суету, или жалкую дрянность тѣхъ, съ кѣмъ она входила въ жизнь, кого она брала себѣ въ образцы. Эта княгиня Трубчевская, эта Сосо̀, ускакавшая къ своему мужу потому только, что долго не было около нея мужчины, а Теняшевъ разбередилъ ея запоздалую ревность одной сплетней, и эти Ожиговы—образчики того международнаго свѣта, гдѣ она душу свою клала на воздѣлываніе высшаго стиля. И самоубійство Снѣткина, и предвкушеніе того, что̀ можетъ ей дать петербургская бойкая жизнь, даже если при ней будутъ состоять и не такіе ординарцы, какъ Шварцъ и Кремлевъ, а молодые люди изъ посольствъ и канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ.

Ужъ о любви, о своей неудачной страсти, о возможности встрѣчи съ человѣкомъ, который вырвалъ бы ее насильно изъ-подъ гнета мужа, она и не мечтала. Не хочетъ она ни страсти, ни флёрта, ни новаго чувства, ни возвращенія къ старому. Не рвется она изъ замужества. Она чувствуетъ безконечную тягость; но не оттого, что человѣкъ, живущій съ нею въ одномъ отелѣ—мужъ ея!.. Съ нимъ или безъ него—все равно; но такая жизнь мучитъ ее, какъ отрава. Не смерти она боится и даже не опасной болѣзни, а неспособности забыть, какъ-нибудь и на чемъ-нибудь, свои все разростающіяся немощи; старости, самой страшной изъ всѣхъ немощей для женщинъ, сложившихся въ то, что̀ она изъ себя сдѣлала.

Уѣхать за границу и тамъ остаться?.. И до разговора своего съ Блэзо, она уже сама доходила почти до того же, только не хотѣла этого говорить. Все равно, ее будутъ посылать то въ Швейцарію, то во Франценсбадъ, то на зиму въ Ниццу... въ эту неизбѣжную, пошлую, до гадости пріѣвшуюся Ниццу! Даже страсти къ рулеткѣ она не получитъ въ Монте-Карло: поминки Трубчевской вызвали въ ней почти омерзеніе къ игрѣ...

Темнота комнаты не усыпляла ее, помогала только уходить съ меньшей душевной надсадой вглубь своего существа и знать

при этомъ, что ничего она тамъ не отыщетъ, чтò подняло бы ее, блеснуло передъ ней радужными цвѣтами и заставило забыть про больную ногу...

Тихонько пріотворилась дверь, вошла на цыпочкахъ Милли. Зина окликнула ее по-нѣмецки, не раскрывая совсѣмъ глазъ. Та доложила, что „Excellenz“ присылалъ спросить, не започивала ли „die Gnädige“; а если нѣтъ, то „Excellenz“ желали бы зайти: вернутся они поздно...

Парменій Никитичъ вчера снялъ мундиръ, переименованъ былъ гражданскимъ чиномъ и вчера же получилъ разрѣшеніе носить иностранный орденъ, пожалованный однимъ изъ славянскихъ государей—звѣзду съ лентой. На этотъ подарокъ Зина не полюбопытствовала даже поглядѣть; но Милли его видѣла и стала тотчасъ же звать барина: „Excellenz“.

Когда она приказала Милли просить барина и та уходила, Зина вспомнила свой разговоръ съ Уклонской—о Рынинѣ. Умная „чудиха“, видно, разсмотрѣла въ немъ что-то такое, чего она прежде не признавала, и прямо посовѣтовала Зинѣ держаться за своего мужа и благодарить судьбу, что „такой случился“.

Этотъ вечерній визитъ съ предосторожностями не особенно тронулъ ее, зато и не вызвалъ пренебрежительной усмѣшки. Что Рынинъ ничего не дѣлаетъ такъ, безъ соображеній—это было для нея аксіомой; но она не могла же не находить того, какъ онъ держится съ ней — неглупымъ и даже не лишеннымъ чего-то, похожаго на чувство. Тогда, при Уклонской, онъ говорилъ ядовито, но умно, и та съ нимъ соглашалась; стало быть, онъ не преувеличивалъ и такъ ловко велъ разговоръ, что Уклонская не обидѣлась, хотя и у нея образовался для деревни русскій языкъ въ мужицкомъ вкусѣ.

Все-таки онъ пожелалъ зайти проститься съ ней — по какому-нибудь особому случаю.

Въ дверяхъ уже стоялъ Парменій Никитичъ. Зина, все еще съ полузакрытыми глазами, не рѣшила вопроса, чтò такое ему понадобилось. Ея взглядъ, когда она повернула голову влѣво, упалъ сначала на что-то цвѣтное на его груди... Это была лента съ широкими полосами по краямъ, выступавшая на бѣломъ жилетѣ и пластронѣ рубашки; рамкой всему служили лацканы фрака.

„Такъ и есть,—подумала она:—показаться въ лентѣ“...

Она прежде непремѣнно прибавила бы слово: „farceur“, или что-нибудь въ томъ же родѣ; но тутъ прервала сама свою головную фразу и продолжала глядѣть на мужа, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ кушеткѣ: онъ во фракѣ, надѣтомъ въ пер-

вый разъ, много выигрывалъ; сухость фигуры и слишкомъ высокій ростъ исчезли; онъ казался полнѣе и пониже; лицо отъ бѣлаго галстуха получило небывалую нарядность, бородку онъ сбрилъ и оставилъ только усы... Зина знала, что для штатскихъ—это особый признакъ чиновнаго изящества, потому что такъ брѣются чины двора; фракъ сидѣлъ на немъ свободно, ленту и звѣзду носилъ онъ — точно въ нихъ родился...

Не могла она не согласиться съ тѣмъ, что Парменій Никитичъ вполнѣ представителенъ, и все, чтò теперь въ немъ есть и чего онъ добился — пріобрѣлъ онъ самъ, своимъ характеромъ. И слово „roublard" не было ею выговорено мысленно.

— Какъ ты себя чувствуешь?

Рынинъ спросилъ это простымъ, ласковымъ тономъ. Такъ онъ говорилъ бы съ больной сестрой.

Этого тона держался онъ неизмѣнно, даже и послѣ сцены по поводу князя и въ Москвѣ, гдѣ Зина точно совсѣмъ не замѣчала его присутствія. О деньгахъ, о ея новомъ наслѣдствѣ, онъ еще ни разу серьезно не говорилъ съ ней, какъ будто это до него совсѣмъ не касалось, даже не давалъ никакихъ совѣтовъ: куда помѣстить эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ. Она сама ему сказала, что оставитъ ихъ въ томъ же видѣ, какъ онѣ были при жизни отца...

Промелькнуло у нея въ головѣ, послѣ его вопроса о здоровьѣ: „вотъ сейчасъ заговоритъ о деньгахъ".

Она отвѣтила ему суше, чѣмъ его тонъ.

— Нога перестала ныть; но двигать ею неловко...

Звукъ ея голоса былъ подавленный. Въ немъ слышалось большое уныніе.

— Ты можешь побесѣдовать со мною минутъ десять?—спросилъ онъ и тихо сѣлъ на креслѣ, около нея, сдвинувъ свои высокія колѣни; складную шляпу положилъ онъ на столикъ.

— Это тебя не очень утомитъ?

— Нѣтъ, говори...

Но она сама чуть не расплакалась, и слезы уже протекли въ эти два слова.

Онъ наклонилъ впередъ и туловище, и голову, и остался такъ сидѣть съ опущенной головой.

— Вотъ видишь ли, Зина,—говорилъ онъ тише обыкновеннаго:—сегодня на вечерѣ должно состояться мое назначеніе... Я уже предупрежденъ... Я получаю постъ...

Слово: „постъ" онъ постарался произнести какъ можно проще.

— Поздравляю...

Насмѣшки не было въ поздравленіи Зины, а скорѣе тяжесть: такъ отвѣчаютъ больные, неспособные принять участіе въ удачѣ и радости другихъ потому, что имъ самимъ въ ту минуту слишкомъ тяжко...

— Вотъ я и хотѣлъ спросить тебя: принимать ли мнѣ этотъ постъ теперь, или отклонить до другой, ближайшей вакансіи...

— Почему?—живѣе откликнулась Зина.

— Можетъ быть, нужно будетъ ѣхать за границу, для твоего здоровья?.. Я могу, въ крайнемъ случаѣ, взять отпускъ.

— Не нужно! не нужно!—слезы опять зазвучали въ этихъ возгласахъ Зины.—Теперь мнѣ нужно лежать... За границу я могу и одна...

— Но если я буду назначенъ на дняхъ,—продолжалъ Рынинъ такъ же тихо:—надо ѣхать... А ты не можешь двинуться!..

— Что же тебѣ сокрушаться?—уже съ нѣкоторою горечью возразила она.—Поѣзжай на свой постъ... Я пріѣду послѣ... Отсюда или изъ-за границы... Впрочемъ все равно: bonnet blanc,—blanc bonnet... Я отъ тебя не прошу никакихъ жертвъ...

— Ты поправишься,—ты молода,—говорилъ Рынинъ, точно разсуждалъ вслухъ, самъ съ собою:—но вотъ вѣдь что̀, другъ мой: чтобы ты была здорова, тебѣ надо какой-нибудь интересъ въ жизни; у тебя нѣтъ никакого...

Зачѣмъ онъ пришелъ растравлять ея раны? Она сама изнывала отъ того же вывода; а онъ съ своими нравоученіями!

Голова Зины быстро отдѣлилась отъ подушки, къ щекамъ прилило, глаза блеснули...

— Я тебѣ не мѣшала и не мѣшаю ни въ чемъ,—начала она скоро, безъ слезъ и безъ раздраженія, но очень твердо, совсѣмъ не ласково и не кротко...

— Кто же тебѣ говоритъ?

— Я знаю, что̀ ты мнѣ скажешь: „ты сама видишь, Зина... что̀ за люди тебя окружали... Тебѣ и за границей, и въ Петербургѣ невыносимо тошно... Enfin tu as fini par une bauguerante morale...“ Но вѣдь это проповѣдь, это... въ родѣ глупостей князя Ряжскаго. Гдѣ у тебя право на такую роль? Мораль!.. Убѣжденія!.. Ты сейчасъ мнѣ наговоришь фразъ... Я знаю. А я не вижу и въ томъ, за что ты схватился... aucun fond moral!.. Противорѣчія, ложь, маска, разсчетъ. L'ambition! Вотъ что̀ дѣйствуетъ, вотъ что̀ толкаетъ тебя!.. Принципы, правила, идеи... или какъ ты тамъ назовешь... не въ томъ вовсе дѣло; а ты умѣешь создавать себѣ цѣль... ты увѣрилъ себя, что такъ тебѣ будетъ хорошо!.. Больше ничего тутъ нѣтъ!..

— Положимъ!—отвѣтилъ Рынинъ. Онъ ее не перебилъ; а увидалъ, что она сама остановилась и опустила голову на подушку.—Разстроивать тебя не хочу. Если тебѣ тяжело, я сейчасъ уйду...

— Нѣтъ, я ничего!..

Она сказала это такъ бодро, что онъ сдѣлалъ жестъ головой и продолжалъ говорить.

— Я и не спорю съ тобой... Ты воспиталась, жила и теперь еще видишься съ людьми, у которыхъ этого вотъ самаго „sens moral" и въ заводѣ никогда не было. Умомъ ты выше ихъ, а съ собой ничего не принесла, никакого запаса, чтобы хоть такъ жить, какъ простые люди говорятъ: „день да ночь—сутки прочь". Мнѣ тебя жалко... Ты не обижайся... Что̀ за счеты между нами!.. Кажется, я тебя своими супружескими правами не подавляю... Жалко мнѣ тебя чрезвычайно...

Она притихла. Голосъ его зазвучалъ гуще, искреннѣе...

— Если ты находишь, что я могу взять постъ въ провинціи послѣ заграничнаго леченія или черезъ двѣ-три недѣли, тебѣ нужно, все равно, жить начальницей губерніи... Я говорю на случай нашего совмѣстнаго житья... Тяжело тебѣ—живи одна. Я не препятствую... Только ты и одна, здѣсь ли, за границей ли, все равно будешь метаться. Тебѣ свобода ни на что!

„Онъ правъ,—подумала она и прибавила:—онъ не глупъ".

И она начала ему вѣрить.

— Войди въ общую колею—вотъ спасенье. Дѣтей намъ не дождаться, ты знаешь. Умъ у тебя безпокойный. Возьми да и приложи его... Кто знаетъ! Это самое „ambition", что̀ ты сейчасъ кинула мнѣ—оно можетъ охватить тебя. И прекрасно! Все тогда ты приложишь, что̀ теперь идетъ у тебя прахомъ: модный стиль твой, жаргонъ, умѣнье оцѣнивать людей, даже то, что ты на мужчину вообще смотришь какъ на врага... Попробуй!.. Вѣдь я не затѣмъ въ провинцію поѣду, чтобы намъ заглохнуть. Тебѣ предстоитъ играть роль здѣсь, держать салонъ.

— Помогать своему мужу дѣлать карьеру?—возразила она, все еще бодрымъ голосомъ.

— Я ее самъ сдѣлалъ.—Рынинъ выпрямился.

— Ты смотришь на всѣхъ женщинъ, я знаю какъ... Des êtres malfaisants et inférieurs!..

— Смотрю такъ на тѣхъ, кто мнитъ о себѣ много, а сами ничтожество! Ты просто изнываешь отъ неваренія... не желудка, а души, я такъ это называю.. Попробуй!.. Ничего лучше ты не

найдешь... Тогда и здоровье придетъ, потому что ты перестанешь метаться и глодать себя за всѣ свои неудачные эксперименты...

Онъ всталъ. Его фигуру, парадную, крупную, твердо стоящую на ногахъ, она чувствовала надъ собой. Къ чему было придраться изъ того, что̀ онъ сказалъ ей? Онъ вѣдь ничего не требуетъ: только совѣтуетъ и пришелъ спросить ее—какъ она желаетъ, чтобы онъ поступилъ сегодня, когда вопросъ о его назначенiи рѣшится?

— Хорошо...

Одно это слово Зины раздалось въ полной тишинѣ гостиной. Она не спорила и даже внутренно не желала возражать ему; но его выводы и то, что онъ ей показывалъ въ будущемъ, вошли ей внутрь, какъ ощущенiе неизбѣжности извѣстной мѣры. Ни въ сердцѣ, ни въ воображенiи не вставало никакихъ о̀бразовъ и порывовъ: голова готова была согласиться, все равно, что съ совѣтомъ доктора, пассивно, изъ боязни еще худшихъ послѣдствiй...

Своимъ „хорошо“ Зина и отпускала мужа. Но она прибавила, чтобы еще разъ выгородить себя:

— Жертвъ... не нужно!.. ни малѣйшихъ!.. Poursuivez votre but, sans vous inquiéter de moi!.

Эта французская фраза на „вы“ дала заключительную ноту ихъ совѣщанiю...

Тихо, шагая степенно по ковру длинными шагами, выдвинулся Рынинъ изъ комнаты, держа подъ мышкой складную атласную шляпу. Онъ внутренно былъ спокоенъ и уравновѣшенъ. Его желтоватые, сухiе глаза не блестѣли самодовольствомъ. Побѣду надъ „бѣдной“ своей женой онъ не считалъ даже „побѣдой“. Онъ сдѣлалъ сейчасъ, у ея кушетки, доброе дѣло, выразилъ ей свою высшую жалость и подалъ совѣтъ, который она вольна принять или нѣтъ! Онъ не сомнѣвался уже въ томъ, что Зина вполнѣ оцѣнила тѣ его качества, какихъ она ни въ одномъ изъ своихъ „мужчинокъ“ не нашла, да и не найдетъ. Видитъ она и то, что теперь ему не нужно ея четырехъ-сотъ тысячъ, что и не черезъ выкупъ Ширяева, вырученнаго на ея деньги, пошелъ онъ полнымъ ходомъ...

Въ корридорѣ, черезъ нѣсколько шаговъ отъ нумера двадцать-шестого, съ нимъ встрѣтились Шварцъ и Кремлевъ. Они оба были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, за аршинъ отъ него остановились оба и отвѣсили ему по поклону. Эта встрѣча смутила ихъ. Оба пробирались къ Зинѣ, посидѣть передъ скучнымъ раутомъ, куда имъ приказано было явиться...

Но оправились они оба очень скоро, и Шварцъ первый, со сдержанной улыбкой, выговорилъ:

— Поздравляю съ монаршей милостью...

— Получили назначеніе?—спросилъ почтительно Кремлевъ:— и въ дѣйствительные переименовались?...

— Ни то, ни другое, господа...

— Мы слышали о назначеніи,—подтвердилъ Шварцъ.

Рынинъ благосклонно взглянулъ на обоихъ молодыхъ людей: оба красивы, прекрасно держатся, фанаберіи мало, не болтливы, здѣсь бьютъ баклуши, безъ пути, какъ сотни другихъ петербуржцевъ, въ Зину они оба влюблены, это ясно—и такое ухаживаніе превратится въ преданность всему дому, если мужъ приблизитъ ихъ къ себѣ. Изъ нихъ могутъ выйти представительные чиновники по особымъ порученіямъ.

— Назначеніе еще не состоялось,—выговорилъ онъ тономъ благодушнаго начальника.

— Но ожидается,—съ дѣланной серьезностью подсказалъ Шварцъ.

И онъ, и Кремлевъ подумали: „угораздило же насъ наткнуться!"

— Если состоится... проситесь у Зинаиды Мартыновны на службу,—пошутилъ онъ и сдѣлалъ имъ обоимъ поклонъ.—Вы къ ней?..

— Узнать о здоровьѣ!—поторопился сообщить Кремлевъ.

— Кажется, она немного утомлена; но вы прикажите доложить о себѣ...

— Мы на минутку!—сказали они разомъ.

— Такъ проситесь къ будущей начальницѣ!

Всѣ трое разсмѣялись. Руки онъ имъ не подалъ. Они прошли мимо него учащеннымъ шагомъ, а Рынинъ, дойдя до площадки, остановился и оглядѣлъ себя въ зеркало. Правой рукой онъ началъ натягивать перчатку на лѣвую руку, по привычкѣ военнаго, еще не запомнившаго, что статская мода позволяетъ и даже требуетъ входить въ салонъ съ голыми руками...

Все еще передъ зеркаломъ, Парменій Никитичъ поправилъ галстукъ и высвободилъ одинъ край ленты изъ-подъ борта фрака.

„По камзолу",—выговорилъ онъ мысленно и нашелъ, что бѣлый жилетъ только и придаетъ лентѣ, надѣтой подъ фракъ, настоящее изящество, чего въ мундирѣ добиться нельзя... Но тотчасъ же онъ застыдился своей суетности, назвалъ себя даже „снобомъ" и отошелъ отъ зеркала... Не сразу сталъ онъ спускаться

по парадной лѣстницѣ. Лицомъ къ мраморнымъ periламъ, глядя на дверь въ столовую, однимъ сходомъ ниже, натягивалъ онъ перчатку и думалъ... Не думать онъ не умѣлъ, и этимъ всего больше гордился...

Мундира ему совсѣмъ не было жаль. Онъ по собственному желанію переименовался гражданскимъ чиномъ. Это больше шло къ нему, къ его „идеѣ", къ тому, что онъ всегда себя видѣлъ дѣятелемъ по внутреннему гражданскому управленію. Военнымъ въ душѣ онъ никогда не считалъ себя, находилъ только, что начинать службу въ видномъ полку и состоять потомъ въ адъютантахъ при комъ-нибудь, играющемъ политическую роль,—какъ сдѣлалъ онъ,—лучшая предварительная школа.

Но внизу онъ замѣтилъ свое отраженіе въ зеркалѣ, у входа въ столовую... Ему нельзя было еще разъ не посмотрѣть на себя. Отъ всего, еще молодого, мужчины, который стоялъ, во фракѣ и въ лентѣ „по камзолу", у мраморныхъ перилъ, шли къ нему обратно лучи того теплотвора, что наполнялъ его грудь вмѣстѣ съ сознаніемъ своей силы...

Въ чемъ она заключалась? Онъ въ ту минуту не хотѣлъ разбирать. Да и прежде, и недавно,—когда въ немъ додѣлывался „грунтъ" его направленія,—онъ не шелъ вглубь своихъ идеаловъ, не доискивался, послѣдователенъ ли онъ во всемъ, дѣйствительно ли онъ вѣритъ въ то, что̀ считаетъ спасеніемъ своей родины?.. Онъ вѣрилъ въ себя, и съ него было довольно... Для общаго объясненія существующаго порядка у него имѣлся выводъ о „вотчинномъ чувствѣ". Сколько въ этомъ выводѣ было тревожнаго или опаснаго, онъ не добирался... И не дѣлалъ этого сознательно. Можетъ, это и вздоръ... Мало ли что̀ кажется намъ вздорнымъ и уродливо смѣшнымъ у турокъ и у китайцевъ; а попробуйте, посмѣйтесь, когда васъ за этотъ смѣхъ могутъ посадить на колъ? Въ груди у него пріятно трепещетъ ему одному знакомый нервъ... И онъ знаетъ, что въ этомъ нервѣ—все дѣло... Ни на „своего брата" дворянина, ни на „мужичка" онъ не кладетъ никакихъ наивныхъ упованій... Ужъ передъ мужичкомъ-то всего менѣе способенъ прыгать... Не боится и тѣхъ, кого иные изъ его будущихъ сверстниковъ, съ желчной гримасой, зовутъ „интеллигентами". И съ ними онъ готовъ помѣряться—нужды нѣтъ, что онъ—не изъ ученыхъ „мо̀ментовъ", и покажетъ имъ, что онъ не генералъ Брынцевъ, что оппортунизма на русскій манеръ никто въ немъ не найдетъ.

„Никто!"—повторилъ Рынинъ про себя, и тогда только сталъ спускаться медленно на вторую площадку.

Уступать нужно одной силѣ, а на соперниковъ и даже на тѣхъ, кому придется дѣлать рапорты, смотрѣть, какъ на случайныхъ людишекъ „безъ идеи“. На такомъ грунтѣ слѣдуетъ устоять до конца, и онъ устоитъ.

— Карета готова!—крикнулъ снизу швейцаръ.

Мальчикъ подбѣжалъ съ шинелью, поднялся на цыпочки и накинулъ ее на плечи Рынина.

Парменій Никитичъ оглянулся на лѣстницу и благодарно обвелъ ее глазами: по ней входилъ онъ когда-то корнетомъ, а сходитъ кандидатомъ въ сановники...

Въ нумерѣ двадцать-шестомъ, все еще въ полусвѣтѣ,—лампа съ абажуромъ замѣнила свѣчу,—у большого стола сидѣли Шварцъ и Кремлевъ, за чайнымъ приборомъ. Зина лежала на кушеткѣ. Кремлевъ только-что налилъ чашку и спрашивалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Какъ прикажете, ваше превосходительство: пожиже или покрѣпче?..

— Покрѣпче...—отвѣтила Зина.

Они уже ей сообщили про слова Рынина насчетъ службы при губернаторшѣ. Шварцъ нашелъ за себя и за друга своего, что они поѣхали бы въ провинцію, еслибы „генералъ“ серьезно предложилъ имъ быть у него чиновниками.

— Мы съ вами и въ другую губернію переведемся... и всюду,—добавилъ Кремлевъ.

Имъ не было ни жалко, ни страшно бросить Петербургъ. Безъ Снѣткина и безъ Зины и здѣсь они будутъ адски тосковать.

Зина выслушала ихъ и сказала шутливо:—Я васъ принимаю.

Когда она взяла изъ рукъ Кремлева чашку чаю и всѣ трое замолчали, ея мысль ушла, не стѣсненная присутствіемъ этихъ двухъ молодыхъ людей, послушныхъ, преданныхъ, хорошо дрессированныхъ. Если въ ихъ тонѣ съ ней уже проскользнула петербургская фамильярность, то вѣдь это она ее сама допускаетъ, а дастъ одинъ легонькій щелчокъ, и они превратятся въ настоящихъ „ординарцевъ“.

Мысль ея продолжала дѣлать кругъ отъ той минуты, когда Рынинъ вышелъ изъ этой комнаты, и стояла теперь на полпути. Зина не хотѣла повторять его доводовъ, читать себѣ самой проповѣди; она только искала чего-то, въ родѣ того, какъ въ рѣшеніи задачъ ищутъ иксъ, неизвѣстное... И на половинѣ круга мыслей,

она сначала смутно, потомъ уже опредѣленнѣе начала схватывать этотъ иксъ... Что̀ ее подерживало прежде, тамъ, за границей, въ дѣвушкахъ? Развѣ она была умнѣе, чѣмъ сейчасъ вотъ, опытнѣе, лучше понимала людей, цѣнила больше то, что̀ всего дороже въ жизни? Вовсе нѣтъ. Отсюда Зина Ногайцева кажется ей довольно жалкой, полу-русской барышней-франтихой съ постояннымъ червякомъ своего незаконнаго происхожденія и бѣдности... Да и потомъ, на волѣ, богатой невѣстой, дворянкой, стояла ли она, какъ личность, выше, вела ли истинно радостную жизнь, наслаждалась ли, увлекалась ли, по крайней мѣрѣ? И того нѣтъ. Но она служила одному богу—стиля, высшей свѣтскости! Вотъ онъ—иксъ. Вотъ что̀ поддерживало ее, болѣзненную, наклонную къ „аглицкимъ привычкамъ“, не любящую мужчинъ, сухую и часто хандрящую.

Зина громко вздохнула, отпила немного изъ чашки и отставила ее. Да, служеніе чему-то обязательному, стоящему выше ея самой, держало ее на ногахъ и помогало жить. Письмо Снѣткина пришло ей на память. Вѣдь онъ то̀ же говоритъ. Надо вернуться къ прежнему, но уже не затѣмъ, чтобы рядомъ съ Сосо̀ быть первой „gommeuse“ курорта, а чтобы создать себѣ особое, новое положеніе женщины, не признающей ничего, кромѣ того „стиля“, какой она выработаетъ... Мужъ, его карьера, будущее вліяніе, власть, оффиціальная гостиная, все это должно служить ей, не она всему этому...

Иксъ былъ найденъ. Но лицо Зины что-то не просіяло, губы не раскрылись, глаза потускнѣли: она приговаривала себя къ долгой жизни безъ личныхъ радостей, и передъ ней поплыли картины какъ во снѣ: вотъ она тридцати лѣтъ, сорока, пятидесяти, вотъ изящной сѣдой старухой строгаго лица. Также прилегла она на кушеткѣ своего салона, и два адъютанта въ бѣлыхъ галстукахъ хлопочутъ около чайнаго столика...

— Messieurs!—произнесла она громче:—vous pouvez vous retirer!

И собственный голосъ показался ей постарѣвшимъ на тридцать лѣтъ...

П. Боборыкинъ.

1885—86

ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ

ВЪ

АМЕРИКѢ.

ГЛАВА IV *).

Поставщики развлеченій для массъ.

Несмотря на преобладающую, со времени войны, среди американцевъ склонность къ биржевой игрѣ и ажіотажу, основанным исключительно на стремленіи поживиться насчетъ менѣе дальновидныхъ или болѣе щепетильныхъ въ нравственномъ отношеніи ближнихъ, и теперь есть, однако, немало людей, составившихъ себѣ огромныя состоянія, если и не простою торговлей, то все-таки путемъ личной энергіи, трудолюбія и законной предпріимчивости. Если избранныя этими лицами средства къ наживѣ такъ или иначе вредно отзываются на ихъ согражданахъ, можно, однако, по справедливости сказать, что зло посѣяли не они сами, а стали только пользоваться въ своихъ интересахъ тѣми искаженными вкусами и нездоровыми тенденціями, которыя независимо отъ нихъ проявились среди народныхъ массъ.

Возьмемъ для освѣщенія особенностей этого класса американскихъ „удачниковъ" двѣ наиболѣе свѣтлыя и респектабельныя личности, достигшія успѣха и богатства путемъ вполнѣ общеизвѣстнымъ и честнымъ.

---

*) См. выше: май, стр. 116.

Эти двѣ личности—не кто иные, какъ прославившійся на весь свѣтъ владѣлецъ американскихъ цирковъ, Барнумъ, и издатель наиболѣе здѣсь распространеннаго беллетристическаго недѣльнаго изданія, Робертъ Боннеръ, составившій себѣ милліонное состояніе на своемъ „New York Ledger'ѣ". Оба они являются достойными представителями двухъ классовъ поставщиковъ развлеченія для массъ, которые отбили у народа охоту къ посѣщенію столь популярныхъ прежде публичныхъ чтеній и церковныхъ митинговъ, привили массамъ вкусъ къ чтенію пустыхъ сенсаціонныхъ романовъ и страсть къ посѣщенію театровъ, въ которыхъ странствующіе актеры даютъ дешевыя, нелѣпыя и не менѣе сенсаціонныя представленія.

Плохіе подражатели Барнуму и Боннеру заполонили страну плохими романами и актерами и почти совсѣмъ выжили многочисленный здѣсь прежде классъ лекторовъ, которые переѣзжали изъ одного города и селенія въ другое, забирались въ самую глухую провинцію, вездѣ останавливаясь съ тѣмъ, чтобы давать популярныя чтенія на всевозможныя темы: кто изъ этихъ лекторовъ говорилъ слушателямъ объ образѣ жизни народовъ, видѣнныхъ въ отдаленныхъ странахъ; кто отдавалъ отчетъ о томъ, какими путями справлялся онъ съ возложенною на него миссіей распространенія христіанства среди дикарей; кто читалъ Шекспира, сопровождая чтенія своими комментаріями и объясненіями; кто являлся съ общепонятнымъ, интереснымъ разсказомъ объ историческихъ дѣятеляхъ Новаго и Стараго Свѣта; кто занималъ публику повѣстью о собственныхъ испытаніяхъ за время войны, или сообщалъ слушателямъ о прелестяхъ жизни и богатствѣ природы на дальнемъ югѣ и западѣ Штатовъ; кто объѣзжалъ страну подъ видомъ спирита-медіума, кто проповѣдывалъ болѣе или менѣе дикія доктрины новоизобрѣтенной имъ религіи—лекторамъ не было счета, а области, въ которыя они вдавались, были по истинѣ безпредѣльны.

Конечно, много было среди этихъ лекторовъ лицъ предосудительныхъ; много было среди нихъ если и не прямыхъ мошенниковъ, то полупомѣшанныхъ чудаковъ; многіе изъ нихъ путешествовали по странѣ въ интересахъ той или другой компаніи, стремившейся распродать путемъ восхваленія никуда негодныя земли; но какъ ни предосудительны или корыстны были цѣли, руководившія тѣми или другими лекторами, дѣйствовали они открыто, и любому изъ слушателей предоставлялось право вступить съ ними въ диспутъ и опровергать ихъ заявленія. Допуская даже и то, что многіе изъ этихъ лекторовъ были сами невѣжественны,

чтенія ихъ все-таки имѣли за себя хотя то, что доставляли публикѣ безвредное развлеченіе, собирали въ одно мѣсто и стариковъ, и молодежь, доставляя имъ затѣмъ общую тему для разговоровъ, сближая ихъ этимъ путемъ и пробуждая здоровую жажду знанія въ массахъ. Конечно, многіе лекторы жили тѣмъ, что читали популярныя лекціи о томъ, чтó сами только-что прочли на-спѣхъ и недостаточно себѣ усвоили, но зато они передавали это устно, не читая съ рукописи, и по необходимости говорили плавно и занимательно, такъ какъ лектора безъ навыка и юмора никто изъ американцевъ не пошелъ бы и слушать; если же въ комъ ихъ недостаточныя лекціи пробуждали охоту къ чтенію и знанію, тотъ могъ благодарить лекторовъ за это указаніе на книжную область, хотя бы вскорѣ и самъ дознавался, въ какія грубыя лекторъ впадалъ ошибки. Но, въ общей сложности, американскій классъ публичныхъ лекторовъ былъ гораздо выше посредственности и вносилъ несомнѣнный свѣтъ въ массы, такъ какъ всякому легче передавать хотя бы вычитанные изъ книгъ факты, нежели выдумывать таковые изъ собственной головы; а карьера лектора, открытая всякому—равно какъ и платформа политическаго спикера—много содѣйствовала развитію въ американскихъ массахъ того національнаго дара краснорѣчія, которымъ они такъ блистательно отличаются отъ англичанъ и другихъ европейцевъ.

Постепенное исчезновеніе класса лекторовъ изъ среды общеобразовательныхъ факторовъ американской провинціальной жизни признается многими вещью весьма прискорбной. Намъ случалось касаться этого предмета въ разговорѣ со многими здѣшними выдающимися дѣятелями въ политическихъ, ученыхъ и общественныхъ сферахъ—и всѣ они заявляли сожалѣніе свое по поводу измѣненія народныхъ вкусовъ въ этомъ отношеніи; намъ разъ даже случилось быть на частномъ совѣщаніи по этому поводу наиболѣе образованныхъ гражданъ одного провинціальнаго города въ среднихъ штатахъ. Поводомъ къ этому совѣщанію послужило временное пребываніе въ этомъ городкѣ странствующей труппы актеровъ, которые привлекали молодежь самыми безобразными представленіями одной популярной комической оперы, а главное—тѣмъ, что женскій персоналъ труппы являлся на этихъ представленіяхъ во всемъ безобразіи дешевыхъ трико, бѣлилъ, румянъ, фольги и блестокъ. Много было на этомъ совѣщаніи приведено фактовъ въ подтвержденіе вреда даваемыхъ представленій, но всѣ соглашались съ тѣмъ, что послѣ трудового дня для рабочаго человѣка развлеченіе является законной насущной потребностью.

Одинъ лишь изъ присутствующихъ — и тотъ иностранецъ, путешествовавшій по странѣ членъ англійскаго парламента — рискнулъ замѣтить, что недурно бы представителямъ мѣстной интеллигенціи устроить отъ себя курсъ публичныхъ чтеній и другія подходящія здоровыя развлеченія для массъ; но его предложеніе было единогласно признано неосуществимымъ: всѣ присутствующіе американцы заявили, что никакія попытки, въ видахъ просвѣщенія низшихъ массъ народа высшими, здѣсь никогда не удавались. Американскій клеркъ, приказчикъ, рабочій съ ревностью отстаиваетъ свою свободу дѣйствій и съ негодованіемъ относится ко всякой попыткѣ организованной системы забавлять или просвѣщать его. „У насъ нѣтъ высшихъ и низшихъ классовъ; и всѣ эти попытки тѣхъ, кто себя почитаетъ въ числѣ „высшихъ", просвѣщать „низшихъ"—не что иное, какъ стремленіе заявить такъ или иначе свое превосходство"... Такіе отзывы мнѣ случалось по тому же поводу слышать отъ умныхъ, начитанныхъ рабочихъ, которые сами неодобрительно относились о фиглярствахъ странствующихъ комедіантовъ; но всѣ они сходились на томъ, что изъ двухъ золъ всегда слѣдуетъ выбирать меньшее, а опека „избранныхъ" согражданъ надъ простымъ людомъ —на ихъ взглядъ опаснѣе, хотя бы какъ соціальный прецедентъ, чѣмъ весь тотъ вредъ, который приносится молодежи плохими актерами.

Пусть, однако, читатель не выводитъ отсюда спѣшнаго заключенія объ упрямомъ сопротивленіи американскихъ народныхъ массъ насажденію среди нихъ просвѣтительныхъ началъ; когда хорошее образовательное движеніе проявляется непосредственно въ ихъ собственной средѣ, возникаетъ по иниціативѣ „своего брата" рабочаго, фермера или клерка, тогда подобныя попытки даютъ самые утѣшительные результаты.

Вернемся теперь къ тому классу людей, дѣятельность которыхъ такъ или иначе вредно отзывается на массахъ.

Сами по себѣ лица эти нетолько люди недурные, какъ, напр., Боннеръ, но иногда бываютъ, подобно Барнуму, людьми, общественная благотворительность которыхъ принимаетъ весьма широкіе размѣры. Въ тѣхъ двухъ лицахъ, которыхъ мы теперь выставляемъ представителями класса, приходится отмѣтить еще ту почетную особенность, что оба они пробились къ богатству собственными силами, являются тѣмъ, что здѣсь называется „self-made men"—самодѣланными людьми.

Робертъ Боннеръ, собственно говоря, даже и не американецъ родомъ, хотя онъ настолько здѣсь объамериканился, что нѣко-

торые изъ лично съ нимъ знакомыхъ природныхъ американцевъ удивляются, когда приходится при нихъ упоминать о томъ хорошо извѣстномъ фактѣ, что Боннеръ впервые прибылъ сюда изъ Ирландіи въ 1824 году, на пятнадцатомъ году своей жизни. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что молодые ирландцы чрезвычайно быстро ассимилируются съ природнымъ населеніемъ страны, тогда какъ переселяющіеся сюда представители расъ германскихъ, французы и итальянцы остаются здѣсь иностранцами и до конца жизни своей, коверкая самымъ безобразнымъ образомъ англійскій языкъ; во второмъ поколѣніи, однако, и они вполнѣ сливаются съ американской націей.

Прибывъ въ Америку, молодой Боннеръ поселился на фермѣ дяди своего въ штатѣ Коннектикутѣ, а вскорѣ надумалъ изучать ремесло наборщика, и въ непродолжительномъ времени изъ него вышелъ отличный наборщикъ. Рано въ немъ явилось честолюбивое желаніе пробиться въ люди; онъ сознавалъ свои силы, недоволенъ былъ жизнью въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, и на двадцатомъ году рѣшился попытать счастья въ Нью-Іоркѣ, гдѣ, благодаря своему искусству, немедля нашелъ себѣ работу наборщикомъ; но ему пришлось перемѣнить три газеты, прежде чѣмъ онъ окончательно основался при „Merchant Ledger"; здѣсь онъ проявилъ свой вкусъ въ расположеніи объявленій съ разсчетомъ на привлеченіе глаза читателя и вскорѣ былъ принятъ хозяиномъ въ компаньоны. Но мечты молодого человѣка заходили гораздо далѣе этого скромнаго успѣха: онъ уже составлялъ планы на пріобрѣтеніе своей газеты, что́ ему, наконецъ, и удалось. Пользуясь значительнымъ кредитомъ, онъ скупилъ газету у своего товарища и переименовалъ ее въ простой „Ledger". Но газету продали ему лишь потому, что шла она чрезвычайно плохо: задачей своей Боннеръ поставилъ привести ее въ хорошій видъ и привлечь на нее вниманіе публики.

Главною спеціальностью газеты установилъ онъ публикацію сенсаціонныхъ разсказовъ и романовъ—и на этой спеціальности Боннеръ нажилъ свое теперешнее огромное состояніе. Съ самаго начала веденія дѣла онъ сознаъ пользу пространныхъ, заманчивыхъ объявленій и на изобрѣтеніе новинокъ по этой части обратилъ всѣ свои способности. Въ началѣ его издательской карьеры въ Нью-Іоркѣ появилась писательница, нѣкая Фанни Фернъ, стяжавшая громкую, хотя и недолговременную, популярность, несмотря на весьма незначительный талантъ. Видя, куда клонятся вкусы публики, Боннеръ обратился къ Фанни Фернъ съ неслыханно для нея выгоднымъ предложеніемъ: она получала

весьма небольшую плату съ другихъ журналовъ, онъ же самъ предложилъ заплатить ей тысячу долларовъ за одинъ разсказъ. Но такъ дѣйствовалъ Боннеръ вовсе не по незнанію дѣла или по какимъ-нибудь филантропическимъ побужденіямъ: планъ его имѣлъ въ виду его же личную выгоду. Сговорясь съ Фанни Фернъ, Боннеръ снялъ цѣлые столбцы воскресныхъ выпусковъ газетъ и занялъ каждый столбецъ тремя фразами большого шрифта: *Фанни Фернъ пишетъ для* „Ledger'a"! *Купите* „New York Ledger"!! *Прочтите въ* „Ledger'ѣ" *разсказъ Фанни Фернъ, стоившій 1000 долларовъ*!!! Многіе читатели тогда совсѣмъ еще и не знали, чтò это за Фанни Фернъ, но, соображая, что тысячу долларовъ не заплатили бы иначе, какъ за произведеніе первокласснаго таланта, — всѣ бросались покупать газету Боннера. Пространныя объявленія стали затѣмъ постоянно употребляться Боннеромъ; онъ достигъ своей цѣли, разбогатѣлъ, но немало положилъ онъ этими годами геніальной изобрѣтательности на отстаиванье своего произведенія—газеты „Леджеръ".

Вначалѣ стали критиковать его систему громогласныхъ, зазывающихъ толпу объявленій, говоря, что это—„крайне дурной вкусъ". Чтò же дѣлаетъ Боннеръ? Въ ту пору появилась на нью-іоркскомъ журнальномъ горизонтѣ высоко-респектабельная недѣльная газета „Harpers Weekly": Боннеръ нанялъ опять по столбцу во всѣхъ воскресныхъ газетахъ и помѣстилъ на нихъ слѣдующія объявленія: *Покупайте* „Harpers Weekly"! *Покупайте прекрасную газету* „Harpers Weekly"! Публика, конечно, вообразила, что публикуютъ такъ о своей газетѣ сами ея „высокочтимые" издатели, и мало-по-малу свыклась съ новинкой и перестала осуждать Боннера. Впослѣдствіи Боннеръ сталъ держаться слѣдующей остроумной системы: онъ публикуетъ первыя главы новаго сенсаціоннаго романа въ ежедневныхъ газетахъ, снимая на то цѣлые столбцы, и прерываетъ печатаніе на самомъ интересномъ мѣстѣ, добавляя отъ себя, что продолженіе этого романа появится исключительно въ одномъ „Ledger'ѣ".

Борьба Боннера съ критиками его пріемовъ и простыми завистниками его успѣховъ далеко, однако, не была еще закончена. Но онъ преодолѣвалъ всѣ затрудненія. Стали, напримѣръ, говорить: „Въ „Ledger'ѣ" печатаются одни пустые романы неизвѣстныхъ писателей, не стоитъ ихъ и читать"... Боннеръ не захотѣлъ выносить такихъ нареканій на свою газету и сталъ залучать въ нее самыхъ лучшихъ писателей; въ числѣ сотрудниковъ „Ledger'a" стали встрѣчаться самыя уважаемыя и извѣстныя имена. Способы, которыми Боннеръ этого добился, весьма остроумны.

Такъ, напр., былъ въ то время въ Бостонѣ нѣкто Edward Everett, дипломатъ старой школы, занимавшій высокое положеніе въ обществѣ. Эвереттъ состоялъ президентомъ ассоціаціи американскихъ лэди, собиравшей деньги на покупку и поддержку дома и гробницы Вашингтона въ Mount Vernon. Боннеръ предложилъ Эверетту написать, — конечно, безплатно, какъ и подобаетъ высокопоставленой особѣ, — для „Ledger'a" серію статей „Mount Vernon", взамѣнъ чего обязался, со своей стороны, дать 10.000 долларовъ въ фондъ ассоціаціи, президентомъ которой Эвереттъ состоялъ. Впослѣдствіи Боннеръ разными дипломатическими ухищреніями залучилъ писать для „Ledger'a" общеуважаемаго историка Джорджа Банкрофта и двухъ величайшихъ свѣтилъ журналистики, Беннета-отца и Гораса Грили. Въ довершеніе всего онъ заручился даже сотрудничествомъ самаго популярнаго и остроумнаго американскаго проповѣдника, Генри Уорда Бичера, обратясь къ нему съ просьбою написать для „Ledger'a"—романъ! Проповѣдникъ отъ роду романовъ не писалъ, хотя въ жизни его они и разыгрывались—и притомъ самые сенсаціонные; но такъ какъ траты преп. Бичера всегда превосходятъ его большіе доходы и самъ онъ, этотъ баловень публики, всегда обрѣтается въ невылазныхъ долгахъ, а Боннеръ за романъ предлагалъ ему 20.000 долларовъ, то Бичеръ соблазнился, — и романъ его „Norwood", печатавшійся на столбцахъ газеты, читался почти всѣми американцами, тѣмъ болѣе, что этотъ знаменитый проповѣдникъ былъ о ту пору вовлеченъ въ скандальный процессъ, возбужденный противъ него мужемъ одной его прихожанки. Однимъ изъ главныхъ и неизмѣнныхъ „столповъ", на которыхъ зиждется популярность газеты Боннера, является m-rs Southworth—писательница рѣдкой плодовитости: ей только-что исполнилось 64 года, и въ настоящее время она печатаетъ свой 65-ый романъ.

Расходится газета Боннера сотнями тысячъ экземпляровъ, и онъ до сихъ поръ пристально слѣдитъ за своимъ дѣломъ. Главною и, если не ошибаемся, единственною его страстью въ частной жизни являются лошади, которыми онъ самъ правитъ, ежедневно на нихъ катаясь по парку; первыя семь лошадей, пріобрѣтенныя Боннеромъ, стоили ему, какъ говорятъ, до 300.000 долларовъ. Въ настоящее время онъ состоитъ владѣльцемъ знаменитой американской кобылы „Maud S.", которой онъ такъ дорожитъ, что когда на дняхъ ему предложена была за эту лошадь огромная сумма денегъ отъ одной вѣнской баронессы, страстной охотницы до лошадей, Боннеръ заявилъ, что не продалъ бы „Maud S."

и за такія деньги, которыя могли бы скупить цѣлыхъ пять другихъ наилучшихъ коней на свѣтѣ.

Но Боннеръ не скупится тѣмъ временемъ и на дѣла благотворительности: онъ пожертвовалъ недавно 50.000 долларовъ на свою приходскую церковь и постоянно даетъ большія суммы денегъ на коллегіи и больницы, содержимыя пресвитеріанцами, къ толку которыхъ и самъ Боннеръ принадлежитъ.

До кого въ свое время не доходилъ слухъ о Барнумѣ, великомъ американскомъ антрепренерѣ цирковъ, который, года три тому назадъ, повергъ въ печаль весь Лондонъ, скупивъ изъ тамошняго Зоологическаго сада и увезя въ Америку любимца англичанъ, слона „Джембо", а затѣмъ занималъ всю Англію и Америку газетными сообщеніями о покупкѣ имъ въ Сіамѣ священнаго бѣлаго слона, который долженъ былъ быть ему доставленъ въ Америку въ сопровожденіи приставленныхъ къ нему жрецовъ, а въ концѣ концовъ оказался простымъ плебеемъ, грифельнаго цвѣта слономъ, выкрашеннымъ въ бѣлую краску? Не знаю, какъ Россія, но Англія, Америка и Франція всегда глубоко интересовались и продолжаютъ интересоваться предпріятіями Барнума.

Финней Тэйлоръ Барнумъ—чистый американецъ, родившійся въ 1810 году въ самомъ лонѣ пуританской Новой Англіи. По лѣтамъ Барнумъ—старикъ, но по энергіи и живости нрава продолжаетъ быть молодымъ человѣкомъ: не сломились его силы за всѣ тѣ невзгоды и труды, которые ему привелось перенести въ своей долгой жизни.

Какъ и большинство американцевъ, пробившихъ себѣ дорогу къ богатству, почестямъ и извѣстности силами одной своей способности, энергіи и упорства въ трудѣ, Барнумъ родился въ деревнѣ и провелъ раннюю пору жизни на отцовской фермѣ, получая отъ отца по десяти сентовъ на день за то, что погонялъ лошадь, которая вела впередъ воловъ, впрягаемыхъ въ плугъ; на каждое 4-ое іюля и другіе дни національныхъ американскихъ празднествъ маленькій Барнумъ появлялся на улицахъ сосѣдняго городка съ лоткомъ сластей своего издѣлія, которыя тутъ же и продавалъ съ барышомъ. Въ Нью-Іоркъ прибылъ онъ впервые погонщикомъ скота, пятнадцати лѣтъ уже занималъ мѣсто клерка, работая за жалованье въ 6 долларовъ на недѣлю. Девятнадцати лѣтъ Барнумъ уже былъ женатъ, и въ этомъ опять пошелъ по стопамъ большинства дѣловитыхъ американцевъ, которые или женятся рано, несмотря ни на какія препятствія и бѣдность, или, отдавъ лучшую пору жизни на пріобрѣтеніе денегъ, остаются на вѣкъ старыми холостяками, утрачивая съ годами всякій ин-

тересъ къ чему бы то ни было, кромѣ дѣлъ и наживы. Кутежъ и распущенная жизнь почти неизвѣстны среди молодежи внѣ Нью-Іорка, да и въ этомъ городѣ безнравственность является скорѣе моднымъ повѣтріемъ, слабымъ подражаніемъ порокамъ европейской „jeunesse dorée", нежели зломъ самостоятельнымъ, и держится преимущественно среди молодежи того класса, который уже подвергся моральному зараженію вслѣдствіе неоднократнаго посѣщенія Европы. Нельзя не признать того факта, что Европа дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ на нравы многихъ американцевъ, прибывающихъ въ Старый Свѣтъ учиться или путешествовать; возвращаясь на родину, они, впрочемъ, большею частью остепеняются подъ строгимъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Что общественная нравственность стоитъ гораздо выше въ американскихъ большихъ городахъ, нежели въ европейскихъ, было ясно доказано здѣшнею печатью осенью 1885 г., когда, по поводу скандальныхъ разоблаченій газеты „Pall Mall" насчетъ лондонской жизни, поднятъ былъ вопросъ, не то же ли самое совершается и въ здѣшнихъ многолюдныхъ центрахъ. Но, несмотря на всѣ старанія газетъ вывести что-нибудь пикантное по той же части, преступленія противъ нравственности, выведенныя на свѣжую воду въ Лондонѣ стараніями Стэда, оказались несуществующими въ Нью-Іоркѣ.

Обзаведясь, такимъ образомъ, семьею на двадцатомъ году своей жизни, Барнумъ жилъ сдачею комнатъ въ наймы со столомъ, а къ 24-мъ годамъ онъ перепробовалъ до двѣнадцати различныхъ занятій, держась новаго дѣла лишь до тѣхъ поръ, пока оно было доходно, и—подобно большинству своихъ смѣтливыхъ согражданъ—бросая его и высматривая другое занятіе, лишь только прежнее становилось убыточнымъ.

Двадцати-пяти лѣтъ Барнумъ впервые напалъ на свое конечное призваніе къ жизни: онъ случайно купилъ старую негритянку, имѣвшую, какъ увѣряли, 160 лѣтъ отъ роду; Барнумъ заплатилъ за эту диковинку цѣлую тысячу долларовъ и сталъ ее развозить на показъ публикѣ; старуха не прожила и полугода, но Барнумъ все-таки не остался въ убыткѣ, и съ той поры постоянно содержалъ разные музеи и зрѣлища и, подобно Боннеру, не щадилъ ни денегъ, ни ухищреній на то, чтобы заявить себя, привлечь вниманіе публики. Барнумъ, на вѣку своемъ, нажилъ три или четыре большихъ состоянія, нѣсколько разъ банкротился и три раза терялъ весь капиталъ свой вслѣдствіе пожаровъ. Онъ то ѣздилъ по Штатамъ и Европѣ, показывая удивительнаго карлика, такъ-называемаго Тома Тумба, то выписывалъ въ Америку —

никогда до той поры и самъ ея не слыхавъ—знаменитую пѣвицу Дженни Линдъ и нажилъ полмилліона долларовъ барыша на концертахъ, которыми она сводила американцевъ съ ума въ 1850—1851 годахъ. Обанкротясь снова въ 1856 году, Барнумъ опять отправился со своимъ карликомъ въ Европу и объѣхалъ всю Англію, давая вездѣ публичныя чтенія объ „искусствѣ доставать деньги“ Проработавъ, какъ каторжникъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Барнумъ снова скопляетъ достаточно денегъ на покупку музея и богатѣетъ быстро, несмотря на то, что это было время войны 1861—65 годовъ. Въ 1865 году музей его сталъ жертвою пламени; то же повторилось съ нимъ въ 1868 году, но Барнумъ, точно фениксъ, снова возникалъ краше прежняго изъ пепла и развалинъ своихъ удивительныхъ музеевъ, и въ настоящее время имѣетъ состояніе въ 3.000.000 долларовъ и много жертвуетъ на библіотеки и разныя благотворительныя учрежденія своего родного городка. Теперь Барнумъ принялъ въ товарищество циркъ „Great London Show“, тратитъ по 200.000 долларовъ въ годъ на объявленія и въ разъѣздахъ по странѣ платитъ по пяти и шести тысячъ долларовъ въ день за перевозку своей труппы, людей, лошадей и звѣринца.

Популярность Барнума весьма велика во всемъ союзѣ и имя его чтится высоко многими, почитающими его за образецъ всѣхъ семейныхъ и общественныхъ добродѣтелей. Прибытіе цирка Барнума въ какой-нибудь городъ союза почитается событіемъ. Обыкновенно персоналъ его цирка выстраивается на одной изъ городскихъ окраинъ въ процессію вечеромъ и вступаетъ въ городъ при электрическомъ свѣтѣ и бенгальскихъ огняхъ, подъ музыку оркестра, причемъ всѣ клѣтки со звѣрями выставлены на открытыхъ колесницахъ, а красивѣйшія женщины труппы разставлены по плоскодоннымъ повозкамъ въ картинныхъ позахъ, тогда какъ разные пажи и средневѣковые рыцари въѣзжаютъ въ городъ на чистокровныхъ коняхъ, а скоморохи и карлы —на слонахъ и на пони. О днѣ вступленія цирка Барнума въ городъ всегда заранѣе оповѣщается газетами, и публика толпами высыпаетъ на улицы и терпѣливо стоитъ часами на холоду или жарѣ, ожидая длинную процессію и зрѣлище, до которыхъ американцы—страстные охотники. Даже Нью-Іоркъ не представляетъ исключенія, и въ немъ прибытіе цирка Барнума является своего рода событіемъ и предметомъ разговора въ публикѣ всѣхъ слоевъ въ теченіе однихъ или двухъ сутокъ.

ГЛАВА V.

Капиталисты, составляющіе „гордость націи“.

Ничто въ людской средѣ не имѣетъ такого блестящаго успѣха, какъ личная удача—„nothing is so successful as success“, говоритъ американская поговорка, и это совершенно вѣрно въ примѣненіи къ Соединеннымъ Штатамъ. Нигдѣ, кажется, личный успѣхъ не встрѣчаетъ такого восторженнаго одобренія, какъ въ этой странѣ.

Книги Талмуда свидѣтельствуютъ о томъ, что древніе евреи почитали бѣдность и болѣзненность чуть ли не позоромъ и во всякомъ случаѣ—порокомъ.. Въ этихъ воззрѣніяхъ американцы являются неуклонными послѣдователями евреевъ. Люди богатые высоко чтутся въ странѣ, хотя здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь встрѣчается низкопоклонство бѣдныхъ и лѣнивыхъ передъ богачами, отъ которыхъ можно ожидать подачки. И въ своемъ почитаніи богатства американцы отнюдь не руководятся какими-нибудь личными разсчетами; природные американцы просто-на-просто *гордятся* своими богачами, и доказываютъ это тѣмъ, что за послѣднее десятилѣтіе посылаютъ представителями своими въ конгрессъ бо́льшею частью людей, нажившихъ хорошія деньги на своихъ частныхъ предпріятіяхъ.

На первый взглядъ этотъ фактъ можетъ показаться лишь свидѣтельствомъ о подрывѣ законности народныхъ выборовъ, о паденіи общественной нравственности, допускающей богачей пробиваться въ конгрессъ, вѣроятнѣе всего, путемъ поголовнаго подкупа избирателей. Но на дѣлѣ это совершенно не такъ. Печать, и общественные спикеры и проповѣдники привыкли самыми мрачными красками описывать растлѣніе политическихъ нравовъ въ странѣ, и, поступая такъ, о́рганы печати и народные „учителя“ исполняютъ свое призваніе блюстителей народной нравственности: ежедневная печать тѣмъ и жива, что критикуетъ и выставляетъ на видъ малѣйшія уклоненія людей отъ стези правды и добра, равно какъ пасторы на томъ и стоятъ, чтобы толковать прихожанамъ о гнусныхъ грѣхахъ человѣчества; такъ оно, пожалуй, и лучше: чувствуя всегда на себѣ всевидящее око представителей печати, какъ политиканы, такъ и частныя лица десять разъ подумаютъ, прежде чѣмъ рѣшиться на явно противозаконный поступокъ. Намъ же, пришельцамъ изъ Европы, послѣ болѣе чѣмъ шестилѣтняго пребыванія въ странѣ надо придти къ тому заключенію, что пресловутая утрата со-

знанія политической честности въ американскихъ массахъ — не болѣе какъ миѳъ.

Несмотря на періодически поднимающіяся въ печати разоблаченія скандальныхъ злоупотребленій въ правительственныхъ сферахъ—теперь уже почитается доказаннымъ, что гражданская служба въ Штатахъ стоитъ гораздо выше по честности своей и дѣйствительности, чѣмъ та же служба въ Англіи; разница лишь въ томъ, что англичане не одержимы страстью американцевъ къ разоблаченіямъ и молча стараются заминать слухи о случающихся у нихъ злоупотребленіяхъ, тогда какъ американцы кричатъ о своихъ на весь свѣтъ.

То же замѣчается и въ другихъ отрасляхъ американской жизни. Въ какія бы подтасовки общественнаго мнѣнія ни вдавались присяжные политиканы, народныя массы—за исключеніемъ жителей тѣхъ кварталовъ большихъ городовъ, гдѣ скучены толпы неакклиматизированныхъ еще эмигрантовъ изъ Европы—народныя массы подаютъ голоса свои на выборахъ сознательно и неподкупно. И если они склонны подавать голоса за своихъ мѣстныхъ богачей, то это дѣлается по твердому убѣжденію въ томъ, что человѣкъ, съумѣвшій пробить себѣ у всѣхъ на виду дорогу къ богатству, долженъ также быть надѣленъ высшими противъ своихъ согражданъ дѣловыми способностями, а въ силу того съумѣетъ проявить свою разсудительность и въ выработкѣ законовъ для страны, и въ распредѣленіи народныхъ денегъ. Народъ теоретиковъ не признаетъ и краснобаевъ-неудачниковъ не любитъ. Въ первый періодъ существованія американскаго конгресса, въ немъ дѣйствовали почти исключительно одни юристы, какъ это собственно и предполагалось великими патріотами революціоннаго періода, составителями американской конституціи. Теперь же адвокаты и юристы попадаютъ въ конгрессъ лишь послѣ того, какъ достигаютъ успѣха и извѣстности въ частной жизни; большинство же членовъ законодательныхъ собраній страны являются практичными, дѣловыми людьми, притомъ даже весьма невысокаго уровня образованія.

Что здѣсь совсѣмъ не производится попытокъ на подкупъ избирателей въ интересахъ честолюбивыхъ богачей—утверждать невозможно. Но такого рода тактика удается лишь при содѣйствіи политикановъ или же тогда, когда самъ богачъ—пройдоха недюжинный. Года три тому назадъ, безобидный и недалекій по способностямъ милліонеръ, унаслѣдовавшій свои милліоны отъ отца, потратилъ въ одномъ конгрессіонномъ участкѣ Нью-Іорка цѣлыхъ 70.000 долларовъ на то, чтобы попасть въ конгрессъ—

и былъ не только забаллотированъ, но даже публично освистанъ за свои труды тою же толпой, которая брала раздаваемыя этимъ милліонеромъ „шальныя“ деньги.

Этою осенью республиканцы выставили своимъ кандидатомъ въ губернаторы Нью-Іорка безобиднаго молодого человѣка, не имѣвшаго за себя ничего, кромѣ унаслѣдованнаго богатства; этотъ мистеръ Давенпортъ былъ образцомъ общественной респектабельности, деньги давалъ на политическую кампанію безъ счета, — а все-таки губернаторомъ былъ выбранъ не онъ, а пробившійся своими стараніями изъ народа, демократъ Гилль.

Если даже и допустить тотъ фактъ, что американцы потому склонны довѣрять веденіе своего національнаго хозяйства людямъ, удачно составившимъ себѣ большіе капиталы, что почитаютъ ихъ лучше подготовленными къ дѣлу и ближе знакомыми съ практическою стороною жизни; то фактъ этотъ еще не поясняетъ причинъ того неоспоримаго уваженія, которымъ вообще пользуются американскіе богачи среди своихъ согражданъ.

Съ своей стороны, мы не рѣшаемся выставлять свои наблюденія за категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, но не можемъ все-таки не сказать, что американцы искренно гордятся своими богачами, хвастаются ими: богачи, очевидно, льстятъ ихъ національному самолюбію, то-есть тѣ богачи, которые сами составили свое состояніе и не пользуются таковымъ во вредъ общества и рабочихъ своихъ, какъ Гульдъ, котораго народъ ненавидитъ въ той увѣренности, что Гульдъ подкупаетъ и судей, и цѣлыя законодательныя собранія для проведенія биллей во вредъ обществу и рабочимъ. Но такого рода богачи здѣсь составляютъ исключеніе, и до сихъ поръ одинъ лишь Джей Гульдъ до того сознаетъ себя виноватымъ передъ народомъ, что не рѣшается переѣзжать по своимъ же желѣзнымъ дорогамъ, изъ боязни преднамѣреннаго крушенія своего поѣзда, и содержитъ цѣлый штабъ сыщиковъ, которые обязаны шпіонить за его рабочими и за его соперниками на биржѣ, являясь каждый день къ Гульду съ докладомъ. Вандербильтъ, никогда не пользовавшійся репутаціей друга народа, не былъ, однако, непопуляренъ. Въ большинствѣ же случаевъ въ американскихъ богачахъ сильно развито сознаніе отвѣтственности передъ обществомъ, налагаемой на нихъ богатствомъ. Это сознаніе вызываетъ даже наиболѣе себялюбивыхъ богачей платить на пользу общественную извѣстную дань въ формѣ крупныхъ денежныхъ пожертвованій, и въ результатѣ является то, что настоящій періодъ, проявляющій столько примѣровъ быстрыхъ обогащеній, не менѣе замѣчателенъ и по широтѣ развивающейся

въ немъ благотворительности. За нѣсколько лѣтъ мы имѣемъ слѣдующіе блистательные тому примѣры: m-r Rich даетъ два милліона долларовъ на бостонскій университетъ; Leonard Case—полтора милліона на реальное училище; m-r Otis—милліонъ на миссіи; m-r Slater—милліонъ на школы для негровъ; m-r Durant—милліонъ на высшее образованіе женщинъ. Другіе капиталисты стремятся къ улучшенію положенія своихъ фабричныхъ и, дѣлая это, достигаютъ прекрасныхъ финансовыхъ результатовъ для самихъ себя, какъ, напр., Пульманъ, построившій цѣлый городъ для своихъ рабочихъ, значительно увеличилъ тѣмъ свои доходы; а одинъ капиталистъ штата Коннектикута, который вздумалъ давать на своей бумагопрядильной фабрикѣ по чашкѣ бульона слабымъ работницамъ, не пріостанавливая работъ, тѣмъ такъ увеличиваетъ производительность труда на своей фабрикѣ, что закуска эта окупается вчетверо, если не болѣе.

Въ другихъ мѣстахъ мануфактуристы, желая какъ можно долѣе удерживать при себѣ рабочихъ, уже набившихъ себѣ на работѣ руки, устроиваютъ при фабрикахъ своихъ магазины угля, лавки провизіи и всякихъ предметовъ потребленія въ рабочемъ быту, продавая все это рабочимъ безъ всякаго для себя барыша за простымъ покрытіемъ издержекъ по этому дѣлу: рабочіе довольны—и хозяинъ богатѣетъ. Другіе мануфактуристы, проникнувшись сознаніемъ того, насколько производительнѣе трудъ грамотнаго рабочаго, устроиваютъ школы. На одной фабрикѣ катушечной бумаги каждому посѣтителю за послѣдніе годы бросалась въ глаза слѣдующая надпись гигантскими буквами: „Послѣ 4-го іюля 1884 года на фабрикѣ этой не станутъ нанимать на работы никого изъ неумѣющихъ читать и писать“...

Преслѣдованіе практическихъ цѣлей даже путемъ благотворительности — черта вполнѣ американская, и она не нуждается здѣсь ни въ какихъ объясненіяхъ.

Этотъ, давно среди американскихъ богачей установившійся, обычай удѣлять часть своего состоянія на благотворительныя или учебныя цѣли, на благо согражданъ—является въ значительной мѣрѣ искупительною чертою богатства въ глазахъ народныхъ массъ. Хотя несомнѣнно, какъ показано выше, что многіе богачи дѣлаютъ щедрыя пожертвованія, единственно уступая давленію общественнаго мнѣнія и безцеремоннымъ намекамъ печати на то, чего граждане вправѣ отъ богачей ожидать; зато многіе — и весьма многіе — американцы съ любовью кладутъ свои кровнымъ трудомъ скопленныя деньги на то, чтобы при жизни своей устроивать читальни, коллегіи, больницы, пріюты, не огра-

ничиваясь тѣмъ, чтобы завѣщать на благотворительныя дѣла капиталы, которымъ, все равно, по смерти самому пользоваться уже не придется. И народъ глубоко чувствуетъ эти благодѣянія просвѣщенныхъ богачей и высоко чтитъ имена такихъ людей, какъ Питеръ Куперъ, Джонъ Ваннамекеръ, Эзра Корнелль, Джонсъ Хопкинсъ, Вассаръ, Джорджъ Чайльдсъ и другихъ имъ подобныхъ.

Всѣ эти филантропы вышли въ люди изъ бѣдной среды, не получили почти никакого школьнаго образованія, а тѣмъ не менѣе главныя ихъ заботы потомъ направлены были на учрежденіе школъ и облегченіе путей къ высшему образованію. Не легко далась имъ жизненная борьба, и многіе изъ нихъ, по собственному ихъ сознанію, оттого стремились устроивать школы, что по опыту знали, какъ трудна дорога къ успѣху безъ предварительнаго образованія, хотя бы и при неуклонномъ трудолюбіи и энергіи.

Много аналогій представляетъ собою исторія этихъ замѣчательныхъ людей, этихъ, на нашъ взглядъ, наилучшихъ продуктовъ американской цивилизаціи.

Возьмемъ хотя популярнѣйшаго въ Нью-Іоркѣ богача Питера Купера, который умеръ девяностолѣтнимъ старикомъ, искренно всѣми оплакиваемый, весною 1883 года, послѣ того, какъ осуществилъ завѣтную мечту своей жизни – завершилъ, снабдилъ капиталомъ и пустилъ въ ходъ великолѣпное учрежденіе „Cooper Union“, въ которомъ недостаточная молодежь можетъ получать вполнѣ даровое образованіе по различнымъ спеціальнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и техническаго знанія. На постройку зданія „Cooper Union“—этого достойнаго, вѣковѣчнаго памятника его просвѣщенной гуманности—Питеръ Куперъ потратилъ до 700.000 долларовъ и, кромѣ того, снабдилъ это учрежденіе и присоединенную къ нему даровую читальню капиталомъ, инструментами и разными научными приспособленіями на сумму двухъ милліоновъ долларовъ... А какими средствами были собраны эти капиталы? Прослѣдить за этимъ процессомъ составленія капитала съ заранѣе предвзятою идеею благотворительности—вещь не безъинтересная.

Питеръ Куперъ родился не только отъ отца бѣднаго, но отъ человѣка чрезвычайно непостояннаго, всѣмъ недовольнаго, вѣчно бросавшагося отъ добра искать добра и всегда скитавшагося со своей семьей съ одного мѣста на другое. Питеръ былъ пятымъ изъ девяти дѣтей и ходилъ въ школу на всемъ своемъ вѣку только въ теченіе полугода—на восьмомъ году жизни, и то

лишь черезъ день, чередуясь съ братомъ. Восьми лѣтъ онъ уже принужденъ былъ отказаться отъ роскоши посѣщенія школы, хотя бы и даровой, такъ какъ долженъ былъ щипать шерсть со шкуръ кроликовъ, помогая отцу въ его выдѣлкѣ войлочныхъ шляпъ; тогда же Питеръ сталъ и домашнимъ башмачникомъ, такъ какъ дѣти сидѣли безъ башмаковъ; распоровъ разъ старый отцовскій башмакъ, Питеръ добросовѣстно анатомировалъ его, изучилъ его конструкцію и затѣмъ состроилъ изъ него новую пару для ребятъ. Въ подобныхъ трудахъ прошло все его дѣтство; но къ 17-ти годамъ ему удалось сколотить десять долларовъ, и онъ отпросился у отца на заработки въ Нью-Іоркъ.

Первымъ дѣломъ молодого Купера въ столицѣ было положить свои десять долларовъ на покупку лотерейнаго билета, который затѣмъ оказался проигрышнымъ. Урокъ былъ тяжелый, но полезный: Куперъ во всю свою жизнь затѣмъ не вдавался въ азартныя игры и не пытался удвоивать своихъ капиталовъ рискованными операціями и ажіотажемъ на биржахъ.

Потерю свою оплакивать Питеру не было времени, и онъ поступилъ на первое представившееся мѣсто подмастерьемъ къ каретнику на пятилѣтнюю выучку за плату по два доллара въ мѣсяцъ. Хозяинъ не мѣшалъ ему заниматься и читать по вечерамъ, а съ теченіемъ времени такъ къ нему привязался, что предложилъ ему, при окончаніи выучки, ссудить ему въ долгъ капиталъ на устройство своего каретнаго заведенія. Но Куперъ отказался, не желая связывать себя долгами, а поступилъ на шерстяную фабрику, за плату по 9 долларовъ въ недѣлю. Тутъ онъ изобрѣлъ усовершенствованную машину для стрижки овецъ и скопилъ, благодаря ей, 500 долларовъ въ два года: всѣ эти деньги онъ отдалъ матери своей, оставшись самъ при одномъ жалованьѣ.

Двадцати-трехъ лѣтъ Питеръ Куперъ женился, и рожденіе перваго ребенка дало его изобрѣтательности толчокъ въ новомъ направленіи: онъ придумалъ и устроилъ особую качалку, качающуюся безъ посторонней помощи, съ двигающимся надъ ней вѣеромъ для отгонки отъ ребенка мухъ и приводящую одновременно въ дѣйствіе музыкальный инструментъ, ребенка убаюкивающій. Эти изобрѣтенія ему, однако же, денегъ не принесли, и онъ переселился въ одно изъ предмѣстій Нью-Іорка, гдѣ купилъ полуразвалившуюся фабрику и сталъ на ней варить клей на продажу. На этомъ дѣлѣ Куперъ положилъ прочную основу своему состоянію. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ работалъ онъ, ведя дѣло одинъ, съ немногими рабочими, самъ развозя клей покупателямъ, самъ

же ведя и книги. Первыя пятнадцать лѣтъ онъ даже огни на фабрикѣ разводилъ самъ — работалъ совсѣмъ одинъ, весь день варя клей, а вечеръ проводилъ въ писаньѣ писемъ, сведеніи счетовъ и чтеніи съ семьей. Въ тѣ шесть лѣтъ, которыя предшествовали учрежденію Куперомъ своей фабрики, онъ перемѣнилъ девять различныхъ занятій и на каждомъ изъ нихъ наживалъ деньги: его правиломъ было держаться дѣла лишь до той поры, пока оно хорошо оплачивалось, немедленно бросая его, лишь только представлялось что-нибудь болѣе выгодное. При всей своей тяжкой работѣ и заботахъ о семьѣ, Куперъ находилъ время заниматься химіей и механикой; и хотя у него недоставало времени даже и на развлеченія, онъ не рѣшился отказаться служить обществу, когда его выбрали президентомъ училищнаго совѣта.

Очевидно, Питеръ Куперъ не принадлежалъ къ тѣмъ эгоистамъ-американцамъ, которые не хотятъ отрываться отъ своихъ частныхъ дѣлъ даже для того, чтобы сходить подать свой голосъ на ближайшемъ избирательномъ пунктѣ.

Кромѣ того, Куперъ имѣлъ совершенную страсть къ работѣ; оставаясь вѣрнымъ избранному дѣлу варки клея, онъ пробовалъ свои силы на всемъ, начиная съ выдѣлки кирпича и до постройки локомотива. Во время возстанія грековъ противъ турокъ, въ 1824—25 годахъ, Куперъ выстроилъ торпедную лодку и послалъ ее инсургентамъ, до которыхъ она, однако же, не дошла, погорѣвъ при морскомъ переѣздѣ. Энергія его не преклонялась ни передъ какими препятствіями. Сгорѣла разъ его фабрика клея — еще задолго до того времени, когда онъ разбогатѣлъ — онъ не потерялъ голову, собралъ свои сбереженія, воспользовался кредитомъ — и на другой же день послѣ пожара подвезъ матеріалъ для новыхъ построекъ и скоро возвелъ фабрику, втрое бо̀льшую прежней размѣромъ.

Для успѣшнѣйшаго хода разроставшагося его дѣла Куперу необходимо было имѣть подъ рукою желѣзно-дорожное сообщеніе. Одна желѣзно-дорожная компанія выстроила-было по близости его фабрики линію въ тринадцать миль, но на томъ и бросила дѣло, говоря, что на дорогѣ встрѣчаются такіе крутые повороты, что ими никакой паровикъ не пройдетъ. Тогда самъ Куперъ принялся за дѣло, и скоро самъ придумалъ и устроилъ первый въ Америкѣ локомотивъ: къ этому оригинальному паровику онъ прицѣпилъ ящикъ на подобіе вагона, насажалъ въ него директоровъ дороги и провезъ ихъ самъ по ихъ же линіи, сдѣлавъ 13 миль въ одинъ часъ. Много лѣтъ спустя, на обѣдѣ въ честь

Купера въ Балтиморѣ, этотъ старый паровозъ былъ снова предъявленъ его изобрѣтателю, при неистовомъ восторгѣ публики.

Затѣмъ въ Трентонѣ Куперъ устроилъ самый большой во всѣхъ Штатахъ прокатный заводъ; въ Пенсильваніи устроилъ огромную доменную печь, а въ штатѣ Нью-Іорка у него завелись большіе стале-литейные и проволочные заводы. Въ Андоверѣ онъ скупилъ желѣзныя копи, выстроилъ къ нимъ на восемь миль желѣзно-дорожную линію по самой неудобной мѣстности и вывозилъ этою линіей до 40.000 тоннъ желѣза ежегодно.

Къ этому времени Куперъ сталъ уже милліонеромъ, но все по прежнему оставался преданнымъ семьяниномъ и горячимъ сторонникомъ всѣхъ новыхъ открытій. Когда изобрѣтенъ былъ телеграфъ профессоромъ Морзомъ, Куперъ первый призналъ его важность. Особенную симпатію пробудилъ въ немъ проектъ нью-іоркскаго богача Цейруса Фильда проложить океанскій кабель въ Европу. Куперъ тутъ же положилъ 20.000 долларовъ на это дѣло, и много разъ затѣмъ давалъ меньшія суммы. Притомъ, въ теченіе всего періода времени отъ 1865 и по 1875 годъ, Куперъ былъ главною и почти единственною поддержкою американскаго географическаго общества.

Сорокъ лѣтъ уже проведено было имъ въ непрестанномъ трудѣ, въ преслѣдованіи рано имъ намѣченной цѣли обогащенія. Успѣхъ его былъ неоспоримъ; но чтò удивительно—за все это время, доброе имя Купера не подверглось ни малѣйшему нареканію; успѣхъ этотъ нельзя было приписать даже счастью: онъ былъ результатомъ тяжелой, неустанной работы, устойчивостью въ разъ намѣченной цѣли, при строгой экономіи времени, разсчетливомъ житьѣ; много, конечно, содѣйствовалъ успѣху Купера его здравый смыслъ, подсказывавшій ему хорошее помѣщеніе капиталовъ, быстрота его сообразительности и въ немалой степени и его честность: слово Купера почиталось не хуже его векселя, и кредитъ его былъ почти неограниченъ.

До какой изумительной, невѣроятной степени сохранилъ этотъ милліонеръ свѣжесть сердца, почти юношескій пылъ въ преслѣдованіи правды и добра, очевидно будетъ хотя бы изъ того факта, что Куперъ, сообразивъ, что прокатный заводъ даетъ ему, благодаря его патентамъ, „слишкомъ много“ дохода на затраченные капиталы, немедля спустилъ цѣну на произведенія своего завода, говоря, что нечестно высоко держать цѣну на желѣзо—вещь всѣмъ необходимую.

Не менѣе оригиналенъ и безъискусственъ былъ онъ и въ дѣлахъ благотворительности. Въ тотъ тяжелый періодъ всеобщаго

застоя въ дѣлахъ и безработицы, который стоялъ въ Штатахъ съ 1874 по 1877 годъ, множество празднаго люда переходило изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, въ тщетныхъ, отчаянныхъ поискахъ за работой, которой не хватало нигдѣ. И въ теченіе этихъ ужасныхъ зимъ, когда столько народу оставалось безъ пристанища и обходилось почти безъ пищи въ самомъ Нью-Іоркѣ, старый Питеръ Куперъ ежедневно, отъ 3-хъ и до 6-ти часовъ вечера, засѣдалъ въ кабинетѣ своего дома на Lexington Avenue; дверь дома открыта была для всякаго, а хозяинъ его сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, по одну сторону котораго лежала груда серебряныхъ полу-долларовъ, а по другую—доллары бумажками. Кто бы за эти часы ни приходилъ къ Куперу за деньгами — получалъ ихъ; тутъ не спрашивалось — достоинъ ли нищій помощи, не разбиралось—на что онъ эти деньги станетъ употреблять; одно ему приходилось заявить, а именно—что онъ въ этихъ деньгахъ нуждается. Питеръ Куперъ такъ разсуждалъ, что если уже человѣкъ потрудится войти къ нему за подаяніемъ, значитъ ужъ плохо ему приходится. И такимъ образомъ за три зимы Куперъ раздавалъ по 1.500 долларовъ въ каждую недѣлю.

Многіе приверженцы регулированной, систематической благотворительности, конечно, склонны презрительно пожимать плечами, ужасаясь такому „потворству лѣни и нищенству"; но Куперъ во всю свою жизнь не забылъ, что̀ значитъ голодъ, который самъ онъ не разъ испыталъ въ раннюю пору молодости—и дѣйствовалъ такъ, какъ подсказывало ему состраданіе. И надо сказать, что благодѣянія его глубоко чувствовались массами: стоило старику Куперу появиться въ своемъ открытомъ экипажѣ на городскихъ улицахъ, передъ нимъ снималъ шапку рабочій людъ, всѣ ломовики сторонились, чтобы дать ему проѣхать; когда же онъ умеръ, на 92-мъ году жизни, въ апрѣлѣ 1883 года, весь городъ повerженъ былъ въ трауръ: флаги спущены были на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, за гробомъ его слѣдовали огромныя толпы народа, оторвавшагося на эти часы отъ обычной работы; а имя его до сей поры съ гордостью произносится всѣми американцами, не то, что имя его же современника — милліонера Стюарта, о которомъ говорилось въ одной изъ предъидущихъ главъ. И Стюартъ появлялся въ роли благотворителя, но не иначе, какъ въ разсчетѣ на то, сколько барыша эта благотворительность ему самому принесетъ; онъ не раздавалъ милостыни, не поощрялъ лѣни, но зато не отказывалъ въ мѣстѣ у себя ни одному изъ разорившихся купцовъ, которыхъ въ его

магазинѣ перебывало до 1.300 человѣкъ; всѣхъ ихъ Стюартъ пристроивалъ у себя къ какому-нибудь дѣлу, но дѣлалъ это именно ради того, чтобы помѣшать этимъ несчастнымъ возвратиться къ той торговлѣ, на которой они были бы его конкуррентами. Умеръ Стюартъ — никто не сказалъ о немъ добраго слова иначе, какъ отдавая должное его дѣловитости и смышлености; когда же похоронили этого владѣльца 50-ти милліоновъ, тѣло его было похищено изъ склепа и виновные въ томъ не разысканы и до сей поры; о Стюартѣ вспоминаютъ лишь проѣзжая мимо его великолѣпнаго бѣлаго мраморнаго дома на Пятой Авеню, гдѣ, какъ въ золоченой клѣткѣ, затворницей живетъ, въ нѣсколькихъ комнатахъ, его бездѣтная, одинокая вдова.

Куперъ воздвигнулъ себѣ, еще при жизни, прочнѣйшій и популярнѣйшій памятникъ въ образѣ зданія „Cooper Union“, куда каждый вечеръ стекаются толпы рабочаго люда: кто учиться, кто читать, кто рисовать, кто производить физическіе и химическіе опыты, кто слушать даровыя популярныя лекціи съ туманными картинами, кто присутствовать на политическихъ митингахъ, происходящихъ иногда въ стѣнахъ того же зданія. Въ одно женское отдѣленіе „Изящныхъ искусствъ“ въ „Cooper Union“ стремилось въ прошломъ году поступить 1.500 женщинъ, но принята могла быть всего треть этого числа.

Постройкою „Cooper Union“ Куперъ достигъ конечной цѣли, намѣченной имъ себѣ въ раннюю пору жизни, осуществилъ свою завѣтнѣйшую мечту. Какъ мы уже видѣли, Куперъ былъ замѣчательно даровитый человѣкъ, изобрѣтатель многихъ механическихъ и химическихъ приспособленій, и все это далось ему собственными силами, безъ школьнаго образованія; но онъ тѣмъ живѣе сознавалъ, какъ связанъ былъ онъ въ дѣятельности своей недостаткомъ предварительнаго образованія; пробиваясь впередъ цѣною неимовѣрныхъ усилій, онъ еще юношей далъ зарокъ расчистить дорогу другимъ труженикамъ по тому же трудному пути, доставляя имъ возможность дарового обученія спеціальнымъ наукамъ уже по достиженіи взрослаго возраста: въ „Cooper Union“ не принимаются ученики моложе 15-ти лѣтъ.

Поставлено это дѣло Куперомъ на тѣмъ болѣе прочномъ основаніи, что при постройкѣ „Куперовскаго Института“ онъ, съ присущею ему мудростью, ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись предварительно со своими дѣтьми и женою, и теперь наслѣдники его сами продолжаютъ жертвовать деньги на „Cooper Union“, тогда какъ благотворительныя предпріятія другихъ бо-

гачей часто рушатся, подкапываемыя нескончаемыми процессами недовольныхъ наслѣдниковъ.

Не былъ, впрочемъ, и Питеръ Куперъ безъ недостатковъ: вдавался онъ въ разныя ереси по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ, выступилъ разъ даже кандидатомъ на президентство отъ малочисленной, такъ-называемой тогда „національной независимой партіи“ — и былъ, конечно, разбитъ на выборахъ; съ чисто дѣтскою наивностью Куперъ воображалъ себя весьма знающимъ человѣкомъ по политической экономіи и раздавалъ въ народѣ массы своихъ, весьма плохихъ, брошюръ по вопросу о бумажныхъ деньгахъ, о рабочемъ вопросѣ и проч. Но не вдаваться въ эти увлеченія онъ бы и не могъ — жизнь кипѣла въ немъ сильнымъ ключомъ до самой смерти, и онъ не могъ не принимать живого, хотя бы порою и ошибочнаго, участія во всемъ, что̀ волновало его современниковъ.

Мы остановились такъ подробно на описаніи карьеры Питера Купера именно потому, что въ немъ сосредоточилось такъ много наилучшихъ, обще-національныхъ чертъ американцевъ, пробивающихъ себѣ дорогу собственными силами. Въ немъ проявилась и склонность американца испробовать всѣ средства къ достиженію успѣха, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, и самоувѣренность, не допускающая американца сомнѣваться въ способности своей чего бы то ни было достичь, къ чему онъ сильно стремится; и благоговѣйное почитаніе знанія, стремленіе къ просвѣщенію, страсть распространять свои идеи путемъ печатнаго слова, привязанность къ семьѣ, увлеченіе разными соціальными вопросами, вѣчная юность духа, мѣшающая старымъ людямъ черствѣть и относиться безучастно къ стремленіямъ молодежи, готовность оказывать помощь тогда именно, когда она требуется, не откладывая ея въ долгій ящикъ въ видахъ наилучшаго урегулированія благотворительности; и, наконецъ, извѣстная систематичность въ дѣлахъ, побуждающая молодежь — несмотря на частую смѣну занятій — откладывать деньги при самомъ скудномъ заработкѣ, въ надеждѣ на то, что когда-нибудь откроется случай помѣстить эти деньги съ пользою. При всей распространенности этой послѣдней черты, тѣмъ не менѣе приходится отмѣтить то обстоятельство, что самое тщательное изслѣдованіе карьеръ американскихъ богачей и всѣ собранныя нами частными путями справки не доставляютъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы кто изъ нихъ одержимъ былъ порокомъ скупости; многіе были разсчетливы, но скупости—страсти скопленія денегъ ради самихъ денегъ—между американскими богачами не замѣчается.

Щедрою рукою раздаютъ они свои деньги на достойныя дѣла, и весьма часто дѣлаютъ это при жизни своей.

И это послѣднее обстоятельство опять не вызывается случайною наклонностью отдѣльныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что американцы, пробившіе себѣ дорогу къ богатству собственными силами, не получивъ въ молодости школьнаго образованія, несмотря на природный умъ и всю смѣтливость свою, являются съ годами совершенно лишенными возможности находить удовольствіе въ чемъ бы то ни было, кромѣ привычнаго имъ процесса наживы. Тѣ изъ нихъ, которые вынуждены бываютъ, по нездоровью и настоянію докторовъ, отказаться отъ дѣлъ, впадаютъ въ полную хандру, по неспособности пользоваться тѣми богатствами, которыя они такъ хорошо умѣли нажить; недостатокъ образованія не допускаетъ ихъ находить удовольствіе въ развлеченіяхъ развитой публики, путешествія имъ скоро надоѣдаютъ, чувственность въ нихъ притуплена долгою прежнею школою отказовъ и самоотреченія, да и нравственное ихъ чувство не дозволяетъ имъ вдаваться въ грубый кутежъ. Не находя, такимъ образомъ, нигдѣ пріятнаго для себя примѣненія своего богатства, американецъ, нападая, наконецъ, на идею какого-нибудь благотворительнаго предпріятія, отдается ему всею душою, щедро кладетъ на него деньги, увлекается исполненіемъ своихъ плановъ, предвидитъ порою возможность достиженія черезъ нихъ личной славы и почетной извѣстности —и въ результатѣ нерѣдко снискиваетъ счастье, покой и значительную популярность.

ГЛАВА VI.

Богачи „просвѣтители“ и ихъ происхожденіе.

Краткій обзоръ дѣятельности самыхъ крупныхъ американскихъ общественныхъ благотворителей будетъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что черты эти, отмѣченныя нами въ Питерѣ Куперѣ, повторяются на нашихъ глазахъ на примѣрѣ множества современниковъ. Что же касается прежнихъ временъ, то памятниками просвѣщенной благотворительности тогдашнихъ богачей является множество американскихъ коллегій, университетовъ, академій, которые всѣ, за немногими исключеніями, основаны и поддерживаются на капиталы, опредѣленные на то частными лицами.

Вассаръ положилъ свои милліоны, нажитые на пивоварнѣ, на постройку высшей коллегіи для дѣвушекъ, которая почитается теперь лучшею и самою богатою въ Штатахъ.

Джонсъ Хопкинсъ родился на фермѣ, отъ бѣдныхъ квакеровъ и, подобно всѣмъ деревенскимъ дѣтямъ, принужденъ былъ работать лѣтомъ, посѣщая школу только зимою, поступилъ 17-ти лѣтъ приказчикомъ въ овощную лавку, гдѣ тяжелымъ трудомъ и строгою экономіею скопилъ въ семь лѣтъ 800 долларовъ, и съ этихъ денегъ сталъ богатѣть, нажилъ милліоны на торговлѣ колоніальными товарами, продолжалъ жить экономно, помогая лишь учащейся молодежи и неудачникамъ изъ среды торговцевъ и все время обдумывая и заканчивая свои планы касательно наилучшаго употребленія нажитыхъ имъ капиталовъ. Когда, наконецъ, вскрыто было его завѣщаніе, то оказалось, что онъ оставилъ 7.000.000 на устройство университета въ родномъ своемъ городѣ Балтиморѣ. Теперь завѣтная мечта Джонса Хопкинса осуществилась, и университетъ его имени считается высшимъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ: туда поступаютъ слушать лекціи многіе изъ студентовъ, съ успѣхомъ кончившихъ курсъ въ другихъ университетахъ. При этомъ университетѣ, по идеѣ самого Джонса Хопкинса, учреждено двадцать стипендій имени его основателя, имѣется госпиталь, школа для образованія сидѣлокъ и пріютъ для четырехъ сотъ бѣдныхъ дѣтей, сиротъ-негровъ. Въ настоящее время при университетѣ Джонса Хопкинса состоитъ 41 профессоръ; стипендіи, размѣромъ въ 500 долларовъ на годъ каждая, раздаются недостаточнымъ и достойнымъ студентамъ, независимо отъ ихъ національности; еще въ прошломъ году, какъ мнѣ извѣстно, въ университетѣ Хопкинса состоялъ, въ числѣ стипендіатовъ, одинъ студентъ французъ, а другой—японецъ изъ Токіо. Въ этомъ университетѣ не существуетъ ни гонокъ судовъ, ни игръ и состязаній на призы: въ него поступаютъ лишь съ твердымъ рѣшеніемъ заниматься, и небрежныхъ студентовъ, какъ увѣряютъ, совсѣмъ нѣтъ. Полезную дѣятельность свою этотъ университетъ завершаетъ тѣмъ, что издаетъ на собственныя средства шесть спеціальныхъ научныхъ журналовъ—по математикѣ, химіи, филологіи, біологіи, исторіи и политической экономіи.

Эзра Корнелль, основатель большого университета этого имени въ западной части штата Нью-Іорка, также принадлежалъ къ семьѣ сельскихъ квакеровъ и провелъ дѣтство въ такой бѣдности, что не имѣлъ времени на посѣщеніе даже и ближайшей сельской школы. Но стремленіе къ образованію было въ немъ никакъ не слабѣе природной энергіи; и вотъ уже на шестнадцатомъ году жизни Эзра, съ братомъ 15 лѣтъ, берется за извѣстную плату срубить для сосѣда цѣлый густой лѣсъ на пятнадцати акрахъ; затѣмъ братья ту же землю расчистили отъ пней, засадили куку-

рузой, получили условленную за то плату, и этимъ путемъ собрали достаточно денегъ на то, чтобы жить, не работая, три зимнихъ мѣсяца, посѣщая школу. 17-ти лѣтъ Эзра Корнелль, собственными усиліями, при помощи меньшихъ братьевъ, построилъ дощатый домъ для семьи отца; а 18-ти онъ уже ушелъ изъ дома на заработки, занимая впослѣдствіи разныя мѣста при фабрикахъ и заводахъ въ качествѣ самоучки-механика и плотника.

Но деньги доставались ему туго, несмотря на правильную жизнь и устойчивый трудъ; 36-ти лѣтъ Эзра Корнелль очутился безъ дѣла и безъ гроша денегъ — съ женой и девятью дѣтьми на рукахъ! Тутъ онъ пѣшкомъ исходилъ не одну тысячу миль по восточнымъ и среднимъ штатамъ, въ поискахъ за какою бы то ни было работой. Наконецъ, его взялъ къ себѣ Морзъ, изобрѣтатель телеграфа; Эзра Корнелль всей душой увѣровалъ въ великое будущее телеграфнаго дѣла, связалъ съ нимъ всю свою дальнѣйшую судьбу и нажилъ свои первыя 6.000 долларовъ, взявшись построить по контракту телеграфную линію отъ Нью-Іорка къ Альбани. Какъ и большинству другихъ людей, тяжелѣе всего было Корнеллю нажить первыя тысячи; милліоны затѣмъ дались ему сравнительно легко, хотя ему и пришлось, въ теченіе цѣлыхъ 12-ти лѣтъ, работать не жалѣя силъ и почти все время вдали отъ горячо любимой семьи.

Добившись такого богатства, котораго никакъ и не ожидалъ, Эзра Корнелль задался вопросомъ: какъ бы наилучшимъ способомъ распредѣлить это богатство, и мысли его, естественнымъ образомъ, возвращались къ преодолѣннымъ въ жизни препятствіямъ и къ тому времени, когда онъ, юношей, стремился къ знанію и не могъ получить желаннаго образованія. Давалъ Корнелль много на церкви разныхъ толковъ, но это его не удовлетворяло. И вотъ, онъ основываетъ университетъ, удѣливъ на то 200 акровъ земли и полмилліона денегъ. Университетъ былъ открытъ въ 1868 году, и всего стоилъ Корнеллю три милліона. Затѣмъ, въ университетъ поступали пожертвованія отъ многихъ другихъ лицъ, такъ что въ настоящее время онъ почитается однимъ изъ богатѣйшихъ университетовъ въ Штатахъ, и на лекціяхъ его присутствуетъ болѣе тысячи студентовъ. Корнелль умеръ въ 1874 году, въ сознаніи того, что излюбленное дѣло поставлено имъ на твердую почву.

Джонъ Ваннамэкеръ—которымъ такъ гордится Филадельфія—по сію пору смотритъ молодымъ человѣкомъ, хотя ему уже 47 лѣтъ и онъ успѣлъ составить себѣ капиталъ въ нѣсколько милліоновъ долларовъ и снискать уваженіе и любовь согражданъ, преимущественно бѣднаго люда, изъ среды котораго вышелъ и самъ.

Первые заработки Ваннамэкера состояли изъ двухъ сентовъ на день, которые онъ получалъ отъ отца-кирпичника за то, что, вставая рано утромъ, маленькій Джонъ переворачивалъ по нѣскольку тысячъ кирпичей; мальчикомъ же поступилъ Ваннамэкеръ въ книжную лавку на жалованье $1^{1}/_{4}$ доллара въ недѣлю, изъ которыхъ проѣдалъ всего два сента на молокѣ и сухаряхъ въ полдень, откладывая все остальное, уходя на ночь домой, за четыре мили отъ города, возвращаясь, пѣшкомъ же, рано утромъ, обратно. Пребываніе въ книжной лавкѣ послужило мальчику вмѣсто школы, и чтеніе расширило его умственный кругозоръ до такой степени, что, всего 18-ти лѣтъ отъ роду, молодой Ваннамэкеръ вступилъ въ товарищество со знакомымъ молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ деньги, и принялся издавать газету подъ названіемъ „Everybody's Journal“. Въ дѣлѣ веденія этой газеты, просуществовавшей недолго, Ваннамэкеръ впервые проявилъ свою силу воли и энергію, доходящія почти до геніальности, а равно и способность работать безъ устали. Онъ самъ писалъ для своей газеты статьи, самъ собиралъ для нея матеріалъ и объявленія, самъ ее продавалъ, самъ набиралъ для нея подписчиковъ. Одновременно съ тѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ веденіи воскресныхъ школъ при разныхъ церквахъ и, незамѣтно для себя, присталъ къ обществу тѣхъ многочисленныхъ религіозныхъ американцевъ, которые живо и твердо вѣрятъ въ чудодѣйственную силу общей молитвы. Двадцати-трехъ лѣтъ, Ваннамэкеръ вступилъ приказчикомъ въ магазинъ готоваго платья, проработалъ въ немъ пятнадцать лѣтъ, сталъ партнеромъ, отлично велъ дѣла, честно продавая и хорошо помѣщая барыши, аккуратно сводя свои счеты и постоянно прибѣгая къ содѣйствію громкихъ объявленій. И теперь, отъ самаго Нью-Іорка до Филадельфіи, на 60 миляхъ желѣзной дороги, на глаза безпрестанно попадаются на придорожныхъ зданіяхъ и утесахъ объявленія съ именемъ „Wannamaker“, гигантскими буквами, гласящія о томъ, что въ его магазинахъ все можно купить по дешевой цѣнѣ.

Въ настоящее время, у Ваннамэкера три магазина въ Филадельфіи, изъ которыхъ самый большой занимаетъ цѣлыхъ семь акровъ, т.-е. около двухъ десятинъ земли; при одномъ этомъ магазинѣ состоитъ три тысячи служащихъ, имѣется читальня для посѣтителей, почтовое отдѣленіе, ресторанъ, контора для транспортированія покупокъ по всему Союзу и за границу, и проч.

Однако, какъ бы ни былъ занятъ дѣлами Ваннамэкеръ, онъ всегда готовъ все оставить, если какой, хотя бы вполнѣ ему незнакомый, „братъ во Христѣ“ явится къ нему съ просьбою

помолиться; милліонеръ ничуть не утратилъ вѣры своей въ евангельское сказаніе о томъ: „гдѣ соберутся двое или трое вѣрующихъ во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“, и всегда радъ оставить самое неотложное дѣло, чтобъ присоединиться къ искренней молитвѣ любого пришлаго, искренне вѣрующаго, человѣка. Въ теченіе тринадцати лѣтъ Ваннамэкеръ состоитъ президентомъ филадельфійской „Христіанской ассоціаціи молодыхъ людей“, на которую пожертвовалъ уже болѣе сотни тысячъ долларовъ; кромѣ того онъ построилъ на свои средства церковь, много денегъ даетъ на госпитали и пріюты, а лѣтъ пять тому назадъ учредилъ техническое училище въ „Bethany“, гдѣ 500 мальчиковъ и дѣвочекъ обучаются безплатно бухгалтеріи, телеграфному искусству, кухонному дѣлу, шитью, живописи, книгопечатанію; заведеніе это весьма сходно въ задачахъ своихъ съ институтомъ, учрежденнымъ Куперомъ въ Нью-Іоркѣ, хотя далеко не достигло такихъ широкихъ размѣровъ; нѣтъ, впрочемъ, сомнѣнія въ томъ, что Ваннамэкеръ многое еще сдѣлаетъ для этого любимаго своего учрежденія и не забудетъ надѣлить его частью своихъ капиталовъ, которые всѣ должны пойти на дѣла благотворительности, такъ какъ Ваннамэкеръ не женатъ и семьи не имѣетъ.

Въ Филадельфіи живетъ также другой замѣчательный представитель того немалочисленнаго класса американцевъ, которые, повидимому, ставятъ главною цѣлью своей жизни — разбогатѣть и распредѣлить затѣмъ, согласно разумѣнію своему, богатство свое, въ видахъ просвѣщенія и достиженія наибольшей пользы для согражданъ своихъ.

Я говорю о Джорджѣ Чайльдсѣ, собственникѣ большой газеты „Philadelphia Ledger“ и ближайшемъ другѣ недавно умершаго экс-президента Гранта. Помимо чертъ предпріимчивости, энергіи и благотворительности, свойственныхъ многимъ американцамъ этого типа, мистеръ Чайльдсъ проявляетъ на себѣ вполнѣ доказанный примѣръ того, какова выработывается въ человѣкѣ сила, разъ онъ задался извѣстною цѣлью и не упускаетъ ея затѣмъ изъ вида во всю свою жизнь. Про многихъ, какъ, напр., про Корнелля, Хопкинса, Купера, разсказываютъ, что всѣ они еще въ ранней молодости задались мыслью облагодѣтельствовать своихъ согражданъ устройствомъ именно такихъ учрежденій, нужду въ которыхъ они познали по личному опыту, учрежденій, которыя впослѣдствіи оказались стойкими, почетными памятниками ихъ славнаго имени. Но эти разсказы, хотя бы идущіе отъ самихъ этихъ милліонеровъ, еще не могутъ признаваться безусловно доказанными. Цѣлью, которой задался Чайльдсъ въ ранней юности,

было пріобрѣтеніе въ собственность большой газеты въ Филадельфіи, „Леджеръ", и это стремленіе его осуществилось блистательнымъ образомъ, и фактъ является вполнѣ доказаннымъ, такъ какъ Чайльдсъ много говорилъ объ этой цѣли молодымъ товарищамъ, которые не мало изъ-за того потѣшались надъ нимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не забавно ли было слышать отъ 18-тилѣтняго владѣльца нѣсколькихъ сотенъ долларовъ, что онъ купитъ большую газету? А между тѣмъ этотъ самый дерзкій замыселъ Чайльдсъ осуществилъ въ весьма непродолжительномъ времени. Впрочемъ Чайльдсъ, хотя еще молодой тогда годами, былъ старъ житейскою опытностью. Ему не было еще и тринадцати лѣтъ, когда онъ поступилъ на парусное судно; въ морѣ онъ пробылъ, однако же, немногимъ болѣе года и уже 14-ти лѣтъ пришелъ въ Филадельфію, нашелъ себѣ мѣсто въ книжной лавкѣ и сталъ усердно работать и копить деньги; сообразительность и расторопность мальчика оказались хозяевамъ настолько полезными, что жалованье его постепенно увеличивалось, такъ что въ четыре года, благодаря усиленной экономіи, онъ скопилъ нѣсколько сотъ долларовъ и на эти деньги открылъ свою торговлю — какъ разъ противъ зданія газеты „Леджеръ". Тутъ впервые запала ему въ голову мысль о томъ, какъ бы хорошо быть владѣльцемъ этого зданія и газеты, и съ той поры мысль эта овладѣла имъ всецѣло: онъ ежедневно пытался высчитывать, насколько ближе онъ подходитъ къ цѣли, и это помогло ему переносить всякаго рода лишенія, чувствительныя для юноши хотя бы самыхъ лучшихъ и умѣренныхъ вкусовъ. Торгуя книгами, Чайльдсъ проявилъ большой талантъ въ распознаніи того, что̀ именно требуется публикѣ, а черезъ три года, молодымъ человѣкомъ 21 года, онъ уже сталъ во главѣ издательскаго товарищества „Childs and Peterson". Богатства добился онъ раньше, чѣмъ могъ бы и ожидать, и въ 1864 году купилъ-таки „Philadelphia Ledger", который въ ту пору сталъ плохо расходиться и предложенъ ему былъ по дешевой цѣнѣ. Чайльдсъ быстро поставилъ эту старую газету снова на хорошую ногу, преобразовалъ ее въ тѣхъ видахъ, чтобъ она являлась вполнѣ „чистымъ листкомъ, который можно бы было, не стѣсняясь, давать въ руки молодежи", привлекъ въ нее объявленія и успѣлъ во всемъ этомъ такъ блистательно, что „Ledger" является теперь самою популярною газетою для торговцевъ и публики, помѣщающихъ объявленія; расходится она въ числѣ болѣе ста тысячъ экземпляровъ и даетъ Чайльдсу 400.000 долларовъ дохода въ годъ.

Достигнувъ первоначальной цѣли своей, Чайльдсъ задался

затѣмъ мыслью покровительствовать искусствамъ, а главнымъ образомъ, заботою объ облегченіи участи работающихъ при немъ людей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ успѣваетъ вполнѣ и пользуется вполнѣ заслуженною любовью и популярностью; не только среди бѣднаго люда Филадельфіи, но и во всемъ Союзѣ онъ единогласно признается испытаннымъ другомъ рабочаго человѣка. Отстроивъ великолѣпное зданіе для „Ledger'а", по своему вкусу и плану, Чайльдсъ отвелъ въ немъ прекрасныя помѣщенія для людей во время работы; въ томъ же зданіи рабочіе могутъ брать и ванны; платитъ имъ Чайльдсъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе хозяева, и, несмотря на всѣ настоянія другихъ издателей, рѣшительно отказывается сбавлять рабочимъ своимъ плату. На Рождество каждый его рабочій получаетъ отъ хозяина подарокъ, а по истеченіи извѣстнаго срока службы, или въ случаѣ увѣчья, Чайльдсъ даетъ рабочимъ пенсію. Одинъ рабочій получилъ въ типографіи Чайльдса серьезныя увѣчья, не проработавъ у него и года, и съ той поры онъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ пользуется пенсіей отъ Чайльдса, не работая совсѣмъ. Каждый рабочій при газетѣ Чайльдса имѣетъ двѣ-три недѣли вакансіи ежегодно при удержаніи полной платы. Въ заботахъ о рабочихъ своихъ Чайльдсъ дошелъ даже до того, что устроилъ для нихъ прекрасное кладбище, гдѣ имъ безплатно отводятся мѣста для погребенія.

Самъ Чайльдсъ съ семьею живетъ въ большой роскоши, но это ни мало ни въ комъ не возбуждаетъ зависти; напротивъ того, всѣ какъ-то привыкли ожидать, что Чайльдсъ всегда возьметъ на себя заботу о достойномъ чествованіи и угощеніи всѣхъ заѣзжающихъ въ Филадельфію почетныхъ иностранцевъ. Дома Чайльдса въ Филадельфіи, Ньюпортѣ замѣчательны, притомъ, не однимъ хлѣбосольствомъ хозяина и его добродушнымъ гостепріимствомъ: дома эти являются совершенными музеями разныхъ рѣдкостей; обходя ихъ впервые, трудно даже и понять, какъ могутъ люди комфортабельно себя чувствовать, живя въ этой ходульной обстановкѣ, гдѣ на каждомъ шагу наталкиваешься на предметы, имѣющіе самое различное историческое прошлое, на рѣдкія вещи, являющіяся высшимъ проявленіемъ человѣческаго искусства. Въ такомъ домѣ-музеѣ не можетъ, казалось бы, быть мѣста свободному развитію личной жизни простого семейства, но Чайльдсъ, повидимому, живетъ въ полномъ довольствѣ и никогда, кажется, не бываетъ такъ счастливъ, какъ когда ему удается залучить къ себѣ кого изъ проѣзжихъ иностранцевъ и водить ихъ по своему дому, показывая имъ свою богатую коллекцію рѣдкихъ часовъ, богатую библіотеку, драгоцѣнное собраніе автографовъ, между

которыми находятся рукописи Байрона, лорда Литтона, Тэккерея, полная рукопись „Нашъ Общій Другъ" Диккенса и много другихъ. Весьма велика и полна также коллекція фарфоровыхъ вещей въ домѣ Чайльдса, изъ которой онъ всегда предлагаетъ посѣщающимъ его впервые „туристкамъ" выбрать и взять себѣ какую-нибудь чашку на память.

Живя постоянно въ Филадельфіи, тамъ же наживъ всѣ свои деньги, Чайльдсъ щедро даетъ деньги на общественныя нужды, на устройство мѣстныхъ парковъ, на зоологическій садъ, музеи на мѣстную техническую школу. Онъ пожертвовалъ 100.000 долларовъ на устройство всемірной выставки въ Филадельфіи въ 1876 году. Лѣтомъ Чайльдсъ устроиваетъ даровыя загородныя экскурсіи для бѣдныхъ дѣтей; ежегодно даетъ большой обѣдъ мальчикамъ-продавщикамъ газетъ въ Филадельфіи; помогаетъ сотнямъ молодыхъ людей доканчивать свое образованіе. Вообще, когда бы ни открывалось въ Филадельфіи достойное поле для примѣненія частной благотворительности, стоитъ только обратиться за содѣйствіемъ къ Чайльдсу—отказа не бываетъ никогда.

Было бы тщетно и пытаться пересчитывать хотя бы наиболѣе видныхъ представителей того класса американцевъ, что вышли въ люди собственными средствами изъ бѣдной среды. Всѣмъ извѣстна исторія президента Гарфильда, павшаго подъ пулею убійцы Гито. Самъ Гарфильдъ состоялъ въ ранней молодости лодочникомъ на каналѣ, а затѣмъ попалъ въ сенаторы и президенты; и тотъ же Гарфильдъ, въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, говорилъ: „меня такъ и подталкиваетъ снимать шапку передъ каждымъ оборваннымъ мальчишкой, который мнѣ попадается на улицѣ — никто вѣдь не знаетъ, какія способности, какіе блестящіе задатки могутъ крыться подъ его оборванной курткой"... И это заявленіе Гарфильда вполнѣ оправдывается дѣйствительностью здѣсь, въ Америкѣ, гдѣ совсѣмъ еще не прививается европейскій обычай—гнуть дѣтей въ бараній рогъ, подгоняя ихъ подъ требованія родительскаго контроля и дисциплины или же лишая ихъ всякой энергіи, убивая въ нихъ всѣ задатки самостоятельности и предпріимчивости, искусственнымъ образомъ наталкивая ихъ на мысли и выводы, няньчаясь съ ними, какъ съ какими хрупкими тепличными растеніями, и тѣмъ временемъ вполнѣ упуская изъ вида то, что ребенокъ не меньше взрослаго можетъ находить удовольствія и пользы въ самомъ процессѣ преодолѣванія препятствій.

Нигдѣ, я полагаю, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, не предоставляется такой полнѣйшей свободы дѣтямъ, какъ въ Америкѣ, и это, надо замѣтить, клонится порою къ величайшему неудоб-

ству для постороннихъ лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ необузданными порывами и шумными, далеко не безвредными, шалостями и пороками этихъ „кандидатовъ въ великіе люди республики“—всѣхъ тѣхъ, кто неспособенъ раздѣлять восторга нѣжныхъ родителей передъ тѣмъ, что̀ эти послѣдніе почитаютъ проявленіями „рано дающей себя знать геніальности“. Рѣдкому иностранцу, полагаю я, не приходилось серьезно бороться съ желаніемъ преподать тому или другому изъ этихъ многообѣщающихъ феноменовъ полезный и чувствительный урокъ; но американцы относятся къ этому злу вполнѣ равнодушно, и, не будучи склонны ворчать и злиться на то, чему самимъ помочь невозможно, они съ спокойнымъ духомъ переносятъ въ семьяхъ непрестанный шумъ, вой и перерывы разговора, учиняемые ребятами, не приходятъ въ волненіе, когда имъ глаза выѣдаетъ дымъ отъ костровъ, разводимыхъ на улицахъ дѣтьми, не впадаютъ въ припадки ярости, наступая на петарды, разбрасываемыя дѣтьми на тротуарахъ, не учиняютъ собственноручной расправы, когда ихъ сбиваетъ съ ногъ дѣтскій велосипедъ или салазки, или попадаетъ имъ въ голову огромный резиновый мячъ, или же маленькій, твердый, какъ дерево, шарикъ, которыми, играя, перебрасываются черезъ улицу столицы подростки лѣтъ 14—16-ти.

И эта, ничѣмъ не стѣсняемая, свобода молодыхъ гражданъ даетъ, надо сказать, прекрасные результаты и подтверждаетъ догадки оптимистовъ, увѣряющихъ, что въ дѣтяхъ всегда преобладаютъ задатки хорошаго до той поры, пока эти задатки не попортятся неумѣлыми старшими. Но и то надо сказать, что, проводя добрую половину своего дня на улицѣ, юные американцы не проходятъ той „уличной школы“, которой подпали бы, живя въ любомъ изъ людныхъ европейскихъ центровъ. Правда, что, какъ вычислилъ мнѣ на-дняхъ одинъ мой пріятель, близко знакомый съ городскимъ хозяйствомъ Нью-Іорка, кабаки этого города, еслибы выстроить ихъ въ рядъ, протянулись бы на цѣлыхъ 42 мили (около 60-ти верстъ) въ длину, а виски, пиво и вино, выпиваемыя американцами, обходятся имъ ежегодно въ 900.000.000 долларовъ, т.-е. втрое больше, чѣмъ тратится здѣшнимъ 55-ти-милліоннымъ населеніемъ на хлѣбъ, мясо и народное образованіе, взятые вмѣстѣ; но американцы надѣлены способностью пить много, не утрачивая сознанія мѣры и приличія, хотя, несомнѣнно, на нихъ самихъ пьянство имѣетъ весьма разрушительное вліяніе—преимущественно дѣйствуя на нервную систему и нерѣдко приводя къ сумасшествію.

Какъ бы то ни было, но это печальное явленіе здѣшней

жизни не бьетъ въ глаза молодому поколѣнію, и здѣсь въ жилыхъ кварталахъ города, заселенныхъ природными американцами, годами не приходится встрѣтить пьянаго человѣка или натолкнуться на какую-нибудь изъ скандальныхъ сценъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу на многихъ людныхъ лондонскихъ улицахъ, среди бѣлаго дня, по закрытіи лавокъ въ полдень по субботамъ. Конечно, и здѣсь всякія сцены разыгрываются въ прирѣчныхъ кварталахъ и въ нижней и восточной части города, заселенныхъ пришельцами изъ Стараго Свѣта, продуктами или, скорѣе, отбросками процесса европейской цивилизаціи; но общественная жизнь самихъ американцевъ до такой степени прилична, что не можетъ производить, въ своихъ уличныхъ проявленіяхъ, ни малѣйшаго вреднаго вліянія на молодые умы. Что же касается домашнихъ дрязгъ и непріятностей, то они также не туманятъ дѣтскаго кругозора, благодаря природной сдержанности американцевъ, не допускающей ихъ забываться въ присутствіи дѣтей.

На такомъ-то просторѣ, въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ развиваются силы американскихъ дѣтей. Рано начиная жить школьною и уличною жизнью, мальчики рано проникаются сознаніемъ того, что имъ на каждомъ шагу встрѣчаются люди, располагающіе одинаковыми съ ними правами на школу, на игры, на паркъ, на улицы; они привыкаютъ сторониться, давая дорогу другимъ, но и сами тѣмъ же временемъ пріучаются проталкиваться впередъ, не наступая слишкомъ безцеремонно сосѣдямъ на ноги: возникаютъ препятствія—умъ ребенка изощряется въ измышленіи средствъ къ ихъ преодолѣнію; достигается успѣхъ —шумныя одобренія „своего лагеря“ щедро вознаграждаютъ за всѣ труды и лишенія; перепадаетъ мальчику въ уличной схваткѣ излишнее количество тумаковъ—горечь пораженія въ значительной степени умѣряется общностью доли съ десяткомъ-другимъ товарищей; то же раннее житейское общеніе развиваетъ въ дѣтяхъ сдержанность, привычку взвѣшивать свои силы и вѣроятныя послѣдствія, прежде чѣмъ пускаться въ рискованное предпріятіе; возбуждаетъ въ нихъ привычку къ логичному представленію своихъ взглядовъ, краснорѣчіе, въ которомъ они рано распознаютъ самое надежное орудіе для переубѣжденія противниковъ, школьная дисциплина, прививаемая дѣтямъ весьма рано подъ видомъ маршировки, разводовъ, репетицій, быстраго очищенія школьнаго зданія на случай пожара—все это располагаетъ дѣтей и на улицѣ держаться извѣстнаго порядка, слушаться своихъ избранныхъ для случая вождей. Этимъ путемъ въ тѣхъ

самыхъ дѣтяхъ, благодаря той самой свободѣ, на которую съ негодованіемъ жалуются иностранцы, естественнымъ образомъ возникаютъ и крѣпнутъ задатки, изъ которыхъ складывается затѣмъ ихъ общественная жизнь, въ видѣ полезныхъ граждань общаго отечества, и является тотъ типъ американца, который удивляетъ европейцевъ своей настойчивостью въ преодолѣніи всевозможныхъ препятствій, при невозмутимомъ внѣшнемъ хладнокровіи и подкупающемъ добродушіи. Ничѣмъ не стѣсняемая въ дѣтяхъ энергія процвѣтаетъ, крѣпнетъ на просторѣ, проявляясь въ жизни ихъ исподоволь, а не прорываясь дикими выходками „залихватской удали", какъ тамъ, гдѣ нѣтъ для дѣтской энергіи естественнаго русла; врожденная энергія подбиваетъ мальчика искать ей примѣненія, отсутствіе же мелкихъ придирокъ и притѣсненій, а равно и неразумной помощи отъ старшихъ, внушаетъ ему раннюю осмотрительность при всей его смѣлости. Въ головѣ американца—даже взрослаго—какъ-то не укладывается мысль о томъ, чтобъ онъ чего-нибудь не могъ сдѣлать, что далось сдѣлать другому человѣку. Когда же въ жизни встрѣчаются препятствія, сгоряча непредвидѣнныя, предпріимчивому американцу не хочется признать себя побѣжденнымъ и отступить; ему не на кого сваливать вину въ неудачѣ, нечего отговариваться „независящими отъ его воли помѣхами", самолюбіе его затронуто, и онъ готовъ десять-двадцать дѣлъ перепробовать, прежде чѣмъ признать себя оставленнымъ за флагомъ въ жизненной борьбѣ.

Взрощенный при такихъ условіяхъ, американецъ, по самому естеству своему, не проявляетъ никакой склонности къ уединенію, къ кабинетнымъ занятіямъ, на которыя такъ склонны представители германскихъ расъ, напримѣръ; кабинетные ученые здѣсь такъ малочисленны, что ихъ никто и не замѣчаетъ, и они не пользуются никакимъ общественнымъ уваженіемъ. Зато люди, привыкшіе съ успѣхомъ дѣйствовать „на людяхъ", постоянно поддерживаются одобреніями „своего кружка", набиваютъ руку въ постановкѣ торговаго, такъ сказать, діагноза; будто инстинктомъ, порою предугадываютъ тотъ моментъ, когда лучше бываетъ бросить доходное до того дѣло, приняться за другое, обѣщающее, при данныхъ обстоятельствахъ, бо̀льшіе барыши. Въ томъ же постоянномъ толченіи на людяхъ, въ толпѣ, на улицѣ, въ лавкѣ, въ трактирѣ, на биржахъ или въ Wall Street выработывается, по всей вѣроятности, и тотъ талантъ распознавать людей, набирать себѣ подходящихъ компаньоновъ и способныхъ помощниковъ—талантъ, который проявляется въ лицѣ всѣхъ почти американскихъ богачей.

Когда обдумываются американцами ихъ сложные планы торговыхъ и биржевыхъ предпріятій, какимъ путемъ назрѣваетъ въ нихъ твердо намѣченная система дѣйствій въ преслѣдованіи цѣли — сказать невозможно; по всей вѣроятности, опять путемъ „наитія", въ той же привычной толпѣ. Но что „цѣль"—ясная, твердо намѣченная цѣль—рано въ жизни начинала руководить всѣми американскими „удачниками", этотъ фактъ отмѣчается всѣми серьезными изслѣдователями соціальной жизни Штатовъ; и не ихъ, конечно, имѣлъ въ виду англійскій мыслитель Карлейль, когда писалъ: „Человѣкъ, не имѣющій цѣли въ жизни—то же, что корабль безъ руля: это не человѣкъ, а затерянная вещь, полнѣйшая ничтожность. Имѣйте цѣль въ жизни—хотя бы цѣль эта состояла въ томъ, какъ бы лучше убивать, разсѣкать и продавать быка на говядину; имѣйте только въ виду какую ни-на-есть цѣль; а намѣтивъ цѣль, прикладывайте къ дѣлу своему всю силу ума и мышцъ, которыми надѣлилъ васъ Господь".

Невозможно отрицать того, что міровоззрѣніе американцевъ развивается зачастую на самыхъ нераціональныхъ основахъ, но, тѣмъ не менѣе, это не приводитъ здѣсь еще ни къ какимъ особенно плачевнымъ результатамъ. Не находя, подчасъ, возможнымъ пользоваться школою въ дѣтствѣ, не успѣвъ составить себѣ привычки развитія вкуса къ дѣльному чтенію, американецъ читаетъ только одно—газеты, въ которыхъ находитъ всю необходимую для себя умственную пищу, отдыхъ, развлеченіе отъ дневныхъ заботъ, сообщеніе обо всемъ, что только его можетъ интересовать, и все это представляется ему въ самомъ легкомъ, сенсаціонномъ, заманчивомъ видѣ. Газеты для зауряднаго американца — это то же, что клубъ и университетъ для европейца; по нимъ узнаетъ онъ послѣднія политическія и общественныя сплетни и въ то же время, изъ тѣхъ же газетъ, почерпаетъ полезнѣйшія свѣденія въ дѣлѣ послѣднихъ научныхъ открытій, примѣненія знанія къ практическимъ цѣлямъ жизни, соціальныхъ требованій, политической экономіи, всесвѣтныхъ политическихъ вопросовъ и т. п.

Поставляютъ также свою лепту воздѣйствія на строй общественнаго міровоззрѣнія и американскіе проповѣдники, неизмѣнно вдающіеся, въ проповѣдяхъ своихъ, въ анализъ наиболѣе животрепещущихъ интересовъ дня; но ихъ вліяніе слишкомъ скоропреходящее, рѣчи ихъ не запечатлѣваются въ умахъ слушателей, подобно тому, какъ запечатлѣвается въ умѣ читателя то, что изо-дня-въ-день твердится газетами, и, притомъ, рѣчи эти, являясь продуктомъ мышленія одного лица, хотя бы и самаго раз-

витого и даровитаго, не могутъ снискать себѣ много приверженцевъ, даже среди самыхъ старинныхъ прихожанъ проповѣдника; въ общенародные же слои вліяніе этихъ рѣчей почти и не проникаетъ совсѣмъ.

ГЛАВА VII.

Благопріятныя условія для развитія самодѣятельности и изобрѣтательности.

Какъ ни благопріятны, однако, условія городской жизни въ Штатахъ для дѣтей, но неустранимая въ городахъ ограниченность дѣтскаго кругозора и спѣшность, эгоистичность всеобщаго строя жизни въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ и здѣсь невыгодно сказываются на дѣтяхъ, ускоряя ихъ развитіе, обезсиливая слабыхъ, дѣлая дѣтей порою старыми не по годамъ. Скороспѣлые плоды рѣдко бываютъ вполнѣ удачными; скороспѣлость же человѣческаго существа нерѣдко приводитъ его если не къ положительному уродству, то часто къ такому неравномѣрному развитію различныхъ сторонъ ума и тѣла, что получается порою значительная эксцентричность, плохо устраняемая тамъ, гдѣ не преобладаетъ въ народѣ склонности къ высшему образованію, сглаживающему многія шероховатости.

Эксцентрическія черты американскаго характера такъ мѣтко и зло очерчены Диккенсомъ въ его романѣ „Мартинъ Чодзльвитъ", въ „Американскихъ Запискахъ" и въ сообщеніяхъ другихъ, болѣе или менѣе наблюдательныхъ писателей, что черты эти прекрасно знакомы европейцамъ, принимающимъ, притомъ, всѣ преувеличенія, напр., Диккенса за чистую монету. Правда, что Диккенсъ описывалъ американцевъ такими, какими были они болѣе четверти вѣка тому назадъ, но многія изъ отмѣченныхъ имъ странностей проявляются въ мѐньшихъ размѣрахъ и до сей поры. Въ особенности много эксцентричностей представляется кореннымъ населеніемъ большихъ городовъ; а эксцентричность едва ли когда проявляется въ человѣческой системѣ, хорошо—физически и морально—уравновѣшенной. Какъ бы то ни было, а чтò-то кроется въ жизни скученными городскими массами, чтò мѣшаетъ здоровому, широкому, полному развитію человѣческихъ способностей. Долгія и разностороннія наблюденія американской жизни и тщательные разспросы у людей, надѣленныхъ разносторонней опытностью и проницательностью, приводятъ насъ къ тому выводу, что рѣдкіе изъ тѣхъ американцевъ, которые прославились своими успѣхами на житейскомъ поприщѣ, выросли въ большихъ городахъ.

Громадное большинство тѣхъ американцевъ, которые составили себѣ громкое имя на поприщѣ политики или военныхъ дѣйствій, торговли или благотворительности, предпріимчивости или научныхъ изобрѣтеній—большинство ихъ вышло изъ сельскихъ слоевъ, выросло на полномъ просторѣ полей или же въ интимныхъ кружкахъ маленькихъ городовъ. Въ особенности это замѣчаніе справедливо по отношенію къ тѣмъ сынамъ Америки, которые заслужили международную извѣстность своими изобрѣтеніями, обратили вниманіе всего цивилизованнаго міра на тотъ фактъ, что ни одна изъ другихъ странъ свѣта не доставляетъ такой постоянной и огромной массы новыхъ изобрѣтеній, производимыхъ притомъ, въ большинствѣ случаевъ, людьми весьма недостаточной научной подготовки.

Объясняя этотъ фактъ, лондонскій „Times" замѣчаетъ, что „житель Новой Англіи есть животное изобрѣтательное по преимуществу. Говорятъ, что такой уже складъ его ума. Онъ всегда старается приспособить вещь лучше, чѣмъ была она приспособлена до него. Каковы бы ни были его подготовка и его призваніе—умъ его вѣчно вертится на мысли о томъ, какъ бы сэкономить свой трудъ; онъ вдается въ механику такъ же, какъ древній грекъ предавался скульптурѣ, какъ венеціанецъ писалъ картины, какъ современный итальянецъ поетъ. Среди американцевъ возникла цѣлая школа людей, отличительная черта которыхъ состоитъ въ замѣчательно сильномъ, широкомъ и смѣломъ механическомъ воображеніи"...

И это совершенно справедливо. Американецъ не любитъ труда, при которомъ не можетъ быть примѣненія его изобрѣтательности; невѣжественный рабочій мало чему научается изъ житейскаго опыта; а предварительное школьное образованіе всякаго природнаго американца естественнымъ путемъ наводитъ его на размышленія, вызываетъ его изобрѣтательные таланты, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что столь многіе американскіе изобрѣтатели вышли изъ рядовъ простыхъ рабочихъ, которые, подобно Эзрѣ Корнеллю, работая хотя бы надъ выдѣлкою мельчайшей единичной части сложнаго механизма, не перестаютъ измышлять приспособленія къ ускоренію дѣла и облегченію труда. Нѣкоторыя американскія машины такъ хитро задуманы, что чуть не надѣлены человѣческимъ смысломъ: машины чистятъ яблоки, обираютъ съ кустовъ ягоды, щиплютъ перья съ живыхъ гусей, вынимаютъ косточки изъ ягодъ, свертываютъ свертки, запаиваютъ жестянки, считаютъ звонкую монету и такъ далѣе,—а все еще изобрѣтеніямъ не предвидится и конца.

И эта національная черта изобрѣтательности проявляется тѣмъ чаще и устойчивѣе, что ее холятъ повсемѣстно. Профессоръ Белль, шотландецъ родомъ, строитъ, напримѣръ, всѣ свои машины здѣсь, въ Америкѣ, а не въ Англіи, гдѣ рабочій трудъ значительно ниже, и объясняетъ это тѣмъ, что каждый американскій мануфактуристъ всегда готовъ на время измѣнить свой обычный методъ производства, лишь бы приспособить его къ опытамъ изобрѣтателя; и это не изъ-за какой платонической любви къ изобрѣтеніямъ, а просто изъ постоянной надежды на увеличеніе своихъ собственныхъ прибылей отъ каждаго новаго изобрѣтенія. Вслѣдствіе этого всякія новыя механическія приспособленія устроиваются здѣсь проще и дешевле, тѣмъ болѣе, что американскій рабочій —лучшій въ мірѣ механикъ-самоучка, такъ какъ умъ его обостренъ извѣстною долею высшаго знанія.

Было бы крайне ошибочно приписывать общеотмѣченный фактъ провинціальнаго происхожденія большинства замѣчательныхъ людей Америки одному лишь благотворному вліянію сельскаго воздуха и простора на физическое и моральное развитіе дѣтей. Хотя и несомнѣнно, что солидный успѣхъ большинства людей на всѣхъ житейскихъ поприщахъ въ Америкѣ неизмѣнно бываетъ связанъ съ хорошимъ здоровьемъ и, большею частью, съ веселымъ нравомъ и изобиліемъ безобиднаго юмора, этими чертами нельзя еще объяснить успѣхъ сельскихъ жителей въ житейскомъ состязаніи. Дѣло въ томъ, что американская провинція, даже маленькіе сельскіе города, совсѣмъ не представляютъ собою тѣхъ гнетущихъ чертъ провинціализма, которыя засасываютъ въ свою тину столько молодыхъ силъ въ странахъ Стараго Свѣта.

Федерализація штатовъ въ дѣлѣ самоуправленія давно привела къ полной децентрализаціи соціальныхъ и умственныхъ тенденцій въ странѣ. Судя по тому, какое вліяніе производится на провинціальныя воззрѣнія въ Англіи и Франціи тѣми умственными, литературными, учеными силами, какія сосредоточены въ Лондонѣ и Парижѣ, европейцы, судя объ Америкѣ, постоянно впадаютъ въ то заблужденіе, что принимаютъ за мѣрку американскаго развитія и за общее направленіе американскихъ симпатій и антипатій то, что доносится въ Европу посредствомъ органовъ печати, отражающихъ на себѣ жизнь такихъ промышленныхъ, политическихъ и научныхъ центровъ, какъ Нью-Іоркъ, Вашингтонъ, Бостонъ. Сами же американцы, напротивъ, весьма мало интересуются тѣмъ, что дѣлается въ этихъ мнимыхъ „центрахъ интеллигенціи“, и положительно ихъ таковыми не признаютъ, заявляя, не безъ нѣкотораго основанія, что ни Нью-Іоркъ, ни Бостонъ

нельзя и считать американскими городами, такъ какъ въ нихъ большинство населенія иностраннаго происхожденія и все ихъ муниципальное управленіе сосредоточено въ рукахъ людей ирландскаго происхожденія.

Далеко не лучшія въ странѣ газеты издаются въ этихъ городахъ, а если въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи издается наибольшее количество хорошихъ книгъ и журналовъ, то это еще не означаетъ того, чтобъ чтеніе этихъ изданій главнымъ образомъ производилось на мѣстѣ. Наиболѣе популярные журналы, издающіеся въ этихъ городахъ, расходятся, какъ сообщаетъ писатель, тщательно изучавшій этотъ предметъ [1]), *приблизительно* въ слѣдующей пропорціи въ различныя части Союза: 20% изданія остается въ четырехъ среднихъ штатахъ, 20% расходится въ Новой Англіи; 10%—въ десяти южныхъ штатахъ, а остальные 50%—въ западныхъ штатахъ отъ Аллеганскихъ горъ до тихо-океанскаго побережья; даже такой сухой, серьезный журналъ, какъ „North American Review" отправляетъ одну четверть своего изданія въ западные штаты. Вполнѣ точныхъ цифръ распространенія лучшихъ періодическихъ изданій и книгъ въ странѣ добиться, однако, невозможно, такъ какъ журналы не столько расходятся между подписчиками, сколько между книгопродавцами и странствующими агентами по книжной торговлѣ, продающими книги по сельскимъ мѣстностямъ и провинціи, и этихъ агентовъ въ Штатахъ насчитывается болѣе 5.000.

Равнымъ образомъ, не въ исключительныхъ мѣстностяхъ сосредоточены и главныя коллегіи и университеты страны; число таковыхъ, по переписи 1880 года, доходило въ Штатахъ до 364-хъ, разсѣянныхъ довольно равномѣрно по всѣмъ штатамъ; въ этихъ коллегіяхъ насчитывалось тогда же 4.160 профессоровъ и 59.594 учащихся обоего пола. Школъ реальныхъ, въ связи съ техническими (schools of science) имѣется въ Союзѣ 83 при 953 профессорахъ и 11.584 учащихся; богословскихъ школъ—142, при 633 преподавателяхъ и 5.242 ученикахъ; школъ юридическихъ—48, при 229 профессорахъ и 3.134 учащихся; школъ, выпускающихъ медиковъ и ветеринаровъ, дантистовъ и фармацевтовъ—120, при 1.660 профессорахъ и 14.006 студентахъ. Школъ для высшаго образованія женщинъ—227, при 2.340 профессорахъ и 25.780 учащихся; торговыхъ училищъ—162, при 619 профессорахъ и 27.146 учащихся. Нормальныхъ, учительскихъ семи-

[1]) Сенаторъ изъ Мэна, „E. E. Hale" въ октябрьской книжкѣ „North American Review", 1883.

нарій—220, при 1.466 учителяхъ и 43.077 учащихся; къ этому, наконецъ, приходится прибавить 29.264 учителя и учительницъ публичныхъ народныхъ школъ, въ которыхъ обучается 1.710.461 дѣтей, не говоря о множествѣ частныхъ и общественныхъ приготовительныхъ школъ и спеціальныхъ учрежденій для воспитанія глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, идіотовъ, и проч., и проч.

Всѣ эти многочисленныя школы, съ ихъ по истинѣ огромнымъ числомъ преподавателей и учащихся, разсѣяны по всему Союзу. Коллегіи американскія и университеты, стоящіе, замѣтимъ, неизмѣримо ниже старыхъ университетовъ Европы,— почти всегда находятся внѣ большихъ городовъ, въ видахъ огражденія студентовъ отъ вреднаго вліянія городской жизни и связанныхъ съ нею развлеченій; и эта отчужденность коллегій отъ большихъ городовъ не ведетъ за собою никакихъ неудобствъ для студентовъ, такъ какъ они всѣ требуемыя для себя книги находятъ у себя подъ руками, въ своихъ богато всѣмъ снабженныхъ библіотекахъ; вокругъ большихъ коллегій и университетовъ съ теченіемъ времени возникаютъ поселенія и даже маленькіе города, насквозь проникнутые духомъ того учебнаго учрежденія, къ которому они примыкаютъ, и не производящіе, со своей стороны, почти никакого побочнаго воздѣйствія на молодыхъ студентовъ.

Этой-то разсѣянности по странѣ коллегій съ принадлежащими къ нимъ циклами образованныхъ людей, и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, приписать не только тотъ вполнѣ доказанный фактъ, что въ американской провинціи читаютъ много больше и толковѣе, чѣмъ въ большихъ городахъ, гдѣ женщины ведутъ самую разсѣянную жизнь, а мужчины ограничиваются чтеніемъ однѣхъ газетъ, но также и неоспоримый фактъ высшаго уровня умственнаго развитія провинціальнаго населенія, за исключеніемъ, конечно, первобытныхъ, мало еще заселенныхъ, мѣстностей и тѣхъ частей страны, гдѣ особенно скучены пришлые изъ Европы невѣжественные эмигранты.

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, которыя не подвержены даже и этому освѣжительному соприкосновенію разсадниковъ человѣческаго знанія, любознательность и дилеттантскій интересъ къ прогрессу знанія и наукъ поддерживаются въ населеніи разными чтеніями, обществами и митингами, до которыхъ американцы такъ падки; трудно найти въ Штатахъ малѣйшее поселеніе въ нѣсколько сотъ жителей, которое бы не имѣло своего „шекспировскаго", или „чаутокскаго", или „историческаго кружка", или же какихъ собраній для практическихъ упражненій въ иностранныхъ языкахъ, для совмѣстнаго чтенія классиковъ въ англійскомъ переводѣ, не

заводило бы у себя религіозныхъ митинговъ, миссіонерскихъ обществъ, и проч., и проч. Тамъ, гдѣ уже рѣшительно не за что ухватиться интеллектуальному человѣку, онъ примыкаетъ къ церковнымъ обществамъ разныхъ толковъ, которыя, подъ руководствомъ пасторовъ, устроиваютъ концерты, чтенія, базары, театральныя представленія и прочія развлеченія съ благотворительными цѣлями, причемъ не послѣднее, по популярности, времяпрепровожденіе для лэди представляютъ собою „quilting parties“ въ домѣ пастора, куда въ назначенные дни сходится извѣстное число прихожанокъ на добровольную „барщину“, занимаясь стеганьемъ ваточныхъ одѣялъ для пастора и изготовленіемъ теплой одежды для мѣстныхъ бѣдныхъ, а иногда для первобытныхъ дикарей дальнихъ странъ, имѣющихъ быть обращенными въ христіанство и одѣтыми на цивилизованный манеръ.

Этой-то живой струѣ общественности и стремленію къ обмѣну мыслей во всѣхъ слояхъ природнаго населенія американской провинціи и слѣдуетъ приписать ту сравнительную легкость, съ которой пробиваются на поверхность молодыя силы; честолюбивой американской молодежи приходится, по большей части, преодолѣвать лишь матеріальныя лишенія, не наталкиваясь на каждомъ шагу на досадныя соціальныя ограниченія, ведущія лишь къ непроизводительной тратѣ молодой энергіи, къ озлобленности молодежи и ея враждебной обособленности отъ предшествовавшаго поколѣнія. Едва ли, полагаемъ мы, могъ бы, напримѣръ, издатель Чайльдсъ или изобрѣтатель Эдисонъ достигнуть такихъ результатовъ и такого высокаго общественнаго положенія въ какой другой странѣ въ такой короткій, сравнительно, періодъ времени.

Трудно подобрать болѣе рельефный примѣръ той непреодолимой энергіи и внутреннихъ рессурсовъ, составляющихъ эссенцію американскаго характера, чѣмъ тотъ, какой проявляется карьерою Томаса Эдисона, американскаго изобрѣтателя электрическаго освѣщенія.

Энергія, отличающая Эдисона, закалилась въ самой суровой школѣ. Родился онъ въ 1847 году въ маленькомъ городкѣ Миланѣ, штата Огайо, отъ весьма бѣдныхъ родителей, которые, однако же, обучали его сами кое-чему, такъ какъ школу ему во всю свою жизнь привелось регулярно посѣщать лишь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Двѣнадцати лѣтъ мальчику уже приходилось самому идти на заработки. Онъ выхлопоталъ себѣ мѣсто разносчика при поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ въ Мичиганѣ и сталъ торговать, запасаясь на мѣстѣ выхода поѣзда всякими сластями, фруктами, книгами и газетами, и затѣмъ, во время переѣзда

продавая эти вещи съ барышемъ пассажирамъ. Торговля его пошла такъ успѣшно, что ему пришлось принанять еще четырехъ мальчиковъ себѣ въ помощники. Но всего этого было недостаточно для того, чтобы дать примѣненіе всей энергіи, которую сознавалъ въ себѣ мальчикъ. Разъ ему случилось обмѣнять нѣсколько залежавшихся у него газетъ и журналовъ на „Качественный Анализъ“ Фрезеніуса, и эта книга сразу поглотила все его вниманіе: онъ обратилъ одинъ старый брошенный вагонъ въ лабораторію и проводилъ въ немъ все свое свободное время, употребляя бо̀льшую часть своего заработка на покупку разныхъ химическихъ составовъ и, чтобъ оградить эту свою собственность отъ пропажи, каждую бутылку помѣчалъ яркимъ ярлыкомъ съ надписью: „ядъ“. Скоро къ этому прибавилъ Эдисонъ еще новое предпріятіе: онъ купилъ по случаю за безцѣнокъ триста фунтовъ стараго типографскаго шрифта, продаваемаго одной изъ газетъ города Дитройта; о книгопечатаніи зналъ онъ въ эту пору лишь то, что̀ ему случилось замѣтить въ типографіяхъ, гдѣ онъ, бывало, наблюдалъ за дѣломъ наборщиковъ, приходя въ редакціи запасаться своимъ обычнымъ комплектомъ газетъ на продажу. Недостаточность знаній по части набора не представилась мальчику серьезнымъ препятствіемъ; онъ рѣшилъ, что научится дѣлу на практикѣ, и принялся печатать на поѣздѣ, когда тотъ былъ на полномъ ходу, и издавать газету „Grand Trunk Herald“ —листокъ въ 12×16 дюймовъ величины: онъ наполнялъ его желѣзно-дорожными новостями, анекдотами, сообщеніями о проѣзжаемыхъ мѣстностяхъ и проч. Эта газета Эдисона, если не ошибаюсь, была единственнымъ листкомъ, который гдѣ-либо набирался и печатался на самомъ поѣздѣ; предпріятіемъ молодого Эдисона заинтересовалось желѣзно-дорожное начальство, щедро поддерживали и ободряли его также и пассажиры: газета живо раскупалась, и дѣло шло прекрасно.

Но обоимъ этимъ раннимъ предпріятіямъ молодого Эдисона суждено было имѣть трагическую развязку. Отъ тряски вагона на ходу поѣзда упала однажды на полъ лабораторіи Эдисона склянка съ фосфоромъ и, разбившись, произвела пожаръ. Прибѣжавшій во̀-время кондукторъ затушилъ огонь, но побросалъ также за окно вагона много склянокъ и типографскаго шрифта и задалъ юному химику хорошую встрёпку. Собравъ что̀ уцѣлѣло, бѣдный Томасъ Эдисонъ перенесъ всѣ свои химическія снадобья и шрифтъ и сложилъ ихъ въ подвальномъ этажѣ отцовскаго дома, въ одномъ маленькомъ городкѣ Мичигана. Вскорѣ онъ снова сталъ издавать другую газету, подъ названіемъ „The Paul Pry“, которая была

больше и лучше его первоначальнаго „Герольда". Но, къ несчастію, предпріимчивый молодой журналистъ увлекся рвеніемъ къ дѣлу и самъ не замѣтилъ, какъ задѣлъ самолюбіе одного подписчика; тотъ, взбѣшенный этимъ обстоятельствомъ, подстерегъ Эдисона на берегу рѣки, схватилъ его за шиворотъ и бросилъ въ воду; къ счастью, Эдисонъ оказался хорошимъ пловцомъ и выплылъ благополучно къ берегу; издательскій жаръ, однако, былъ въ немъ охлажденъ надолго.

Предпріимчивость и настойчивость Эдисона въ преслѣдованіи своихъ цѣлей были таковы, что, не будь онъ даже отъ природы надѣленъ даромъ изобрѣтательности, онъ все-таки навѣрное пробилъ бы себѣ дорогу къ богатству и извѣстности другими путями. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, которыя онъ пробылъ разносчикомъ на поѣздѣ, онъ скопилъ цѣлыхъ двѣ тысячи долларовъ на своей мелочной торговлѣ; и все время, которое оставалось ему свободнымъ въ большомъ городѣ Дитройтѣ, онъ проводилъ за чтеніемъ книгъ въ мѣстной публичной библіотекѣ. Чтеніе это, правда, велось безъ всякой системы и не могло быть ему особенно полезнымъ, когда, по его собственному сознанію, онъ былъ такъ еще неопытенъ, что вначалѣ задался-было мыслью прочитать всѣ книги въ библіотекѣ подъ-рядъ, какъ онѣ стояли на полкахъ, и дѣйствительно, прочелъ всѣ книги на полкѣ въ 15 футовъ длины, а затѣмъ, конечно, бросилъ это времяпрепровожденіе. Странности Эдисона не мѣшали ему, однако же, быть весьма практичнымъ. Продолжая вести на поѣздахъ торговлю газетами, онъ, въ раннюю пору войны, придумалъ передавать по телеграфу заголовки газетныхъ статей на сосѣднія станціи; эти заголовки свѣжихъ извѣстій возбуждали любопытство подъѣзжающихъ путешественниковъ, и они разбирали газеты Эдисона на-расхватъ. Эта система повела къ большимъ барышамъ и возбудила въ самомъ Эдисонѣ интересъ къ телеграфному дѣлу. Около этого времени ему случилось, съ опасностью для своей собственной жизни, выхватить сына одного телеграфиста изъ-подъ подходившаго поѣзда, въ благодарность за что отецъ ребенка обучилъ Эдисона телеграфному дѣлу. Это дѣло такъ пришлось Эдисону по душѣ, что онъ тутъ же оставилъ свою торговлю и взялъ мѣсто телеграфиста за ничтожную плату шести съ половиною долларовъ въ недѣлю, и работалъ день и ночь, чтобы усовершенствоваться. Въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ, работая въ Мичиганѣ, Канадѣ, Индіанѣ и другихъ мѣстахъ, и всего 17-ти лѣтъ отъ роду изобрѣлъ уже свое первое телеграфическое приспособленіе—такъ-называемый „автоматическій повторитель".

Это былъ замѣчательный успѣхъ для такого молодого мальчика, и неудивительно, что онъ весь предался своей страсти къ научнымъ изслѣдованіямъ и съ немалыми для себя неудобствами. Въ Мемфисѣ его даже прогнали съ мѣста изъ-за того, что онъ былъ „мечтатель", занятый своими „дикими идеями". Въ Луисвиллѣ онъ опрокинулъ большой сосудъ съ сѣрной кислотой, прожегъ полъ своей и потолокъ нижней комнаты насквозь: и тутъ его разочли. Въ Цинциннати ему отказали отъ мѣста изъ-за того, что онъ проводилъ слишкомъ много времени въ публичной библіотекѣ. Много пришлось ему перемѣнить мѣстъ, пока онъ совершенно случайно не зашелъ въ Нью-Іоркѣ въ одно телеграфное общество въ то самое время, когда тамъ сломался инструментъ. Эдисонъ вызвался поправить инструментъ, справился съ дѣломъ прекрасно, обратилъ на себя вниманіе руководителей дѣла—и это было поворотнымъ шагомъ въ его судьбѣ: въ послѣдующія десять лѣтъ это и другія общества переплатили ему до полумилліона денегъ за привилегію первымъ покупать у него право на пользованіе его новыми изобрѣтеніями.

Теперь Томасу Эдисону всего 39 лѣтъ; онъ сохранилъ всѣ свои силы, свой прежній юношескій видъ, несмотря на пробивающуюся въ волосахъ сѣдину и почти совершенную глухоту. По сосѣдству съ Нью-Іоркомъ, въ Ньюаркѣ, онъ открылъ большую электрическую фабрику, гдѣ въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, съ помощью 300 рабочихъ, усовершенствовалъ около пятидесяти новыхъ своихъ изобрѣтеній по разнымъ электрическимъ приспособленіямъ. Въ двадцати-четырехъ миляхъ отъ Нью-Іорка устроилъ себѣ Эдисонъ частную резиденцію — такъ-называемый „Menlo Park"—съ огромной лабораторіей, и здѣсь онъ со страстью углубляется въ свои занятія, работаетъ по 18-ти часовъ въ день, окруженный всѣми удобствами, доставляемыми богатствомъ. Исторія его изобрѣтеній слишкомъ общеизвѣстна, чтобъ приводить ее здѣсь: Эдисонъ безпрестанно беретъ новые патенты, преисполненъ тѣмъ же юношескимъ энтузіазмомъ, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, и твердо настаиваетъ на томъ, что примѣненію электричества трудно найти и предѣлъ, и что съ нимъ новыя изобрѣтенія могутъ производиться со дня на день. Не измѣнилась въ Эдисонѣ и прежняя его легкость характера, веселость, преданность дѣлу и настойчивость въ преслѣдованіи цѣли: разъ какъ-то одно его изобрѣтеніе по части книгопечатныхъ машинъ долго ему не удавалось: тогда онъ взялъ съ собой на чердакъ, гдѣ стояла машина, пять человѣкъ рабочихъ и заявилъ, что самъ не сойдетъ съ мѣста, пока машина не станетъ дѣйствовать исправно; цѣлыхъ 60 часовъ

сряду онъ проработалъ тогда надъ этой машиной, не засыпая за все это время ни на одну минуту. Наконецъ достигъ своего, легъ спать—и проспалъ 30 часовъ безъ просыпа.

Конечно, не все давалось Эдисону однимъ личнымъ трудомъ и рѣшимостью, когда у него не было еще своихъ капиталовъ на производство опытовъ въ большихъ размѣрахъ. Но въ серьезныхъ денежныхъ затрудненіяхъ его всегда выручала отзывчивость его соотечественниковъ на всѣ научныя открытія и то чутье американцевъ, которое подсказываетъ имъ, какія новыя изобрѣтенія могутъ повести и къ большимъ практическимъ выгодамъ. Когда Эдисонъ пришелъ къ тому выводу, что электричество можетъ быть примѣнено къ освѣщенію, нью-іоркская банковая контора „Drexel Morgan & C°“ приняла живой интересъ въ его изысканіяхъ и ссудила ему цѣлыхъ сто тысячъ долларовъ на опыты съ электричествомъ для того, чтобы сдѣлать это освѣщеніе вещью практическою. Неистощимое терпѣніе Эдисона хорошо иллюстрируется хотя бы слѣдующимъ однимъ обстоятельствомъ изъ множества подобныхъ: люди, близко стоящіе къ Эдисону, увѣряютъ, что онъ перепробовалъ цѣлыхъ двѣ тысячи различныхъ матеріаловъ, прежде чѣмъ окончательно рѣшилъ ввести бамбуковыя волокна въ пустоту стекляннаго шара своей электрической лампы. Нечего и говорить о томъ, какія трудности ему пришлось преодолѣть при введеніи электрическаго освѣщенія вопреки яростной оппозиціи газовыхъ обществъ, когда въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ до четырехсотъ милліоновъ долларовъ положено въ акціи газовыхъ обществъ; а въ Англіи этихъ акцій насчитывается на цѣлыхъ пятьсотъ милліоновъ. Теперь это сопротивленіе газовыхъ обществъ въ значительной степени устранено и почти всѣ многочисленныя фабрики большихъ городовъ освѣщаются лампами Эдисона. Послѣднее по счету изобрѣтеніе Эдисона—сообщеніе телеграфныхъ станцій съ поѣздами на ходу и передача въ вагоны телеграфныхъ сообщеній безъ остановки поѣзда—принято здѣсь было при всеобщемъ энтузіазмѣ и будетъ, конечно, имѣть самое широкое примѣненіе. Эдисонъ пользуется въ странѣ великою популярностью, и успѣхи его съ электричествомъ такъ возбуждаютъ народный умъ, что американскіе рабочіе, кажется, готовы вѣрить, что съ электричествомъ для Эдисона нѣтъ ничего невозможнаго.

Двѣ-три особенности американской жизни, наиболѣе указываемыя въ Европѣ, нуждаются въ нѣкоторомъ разъясненіи. На первомъ планѣ стоитъ установившееся въ Европѣ убѣжденіе въ томъ, что Соединенные Штаты—по преимуществу страна земледѣльческая, а въ своихъ мануфактурахъ стоитъ еще далеко позади странъ

западной Европы. Полагая это, европейцы впадаютъ въ большую ошибку. Правда, что Соединенные Штаты вѣрно могутъ быть названы житницей міра, такъ какъ на 118 милліонахъ акрахъ воздѣлываемой здѣсь земли производится 2.698.000.000 бушелей зерноваго хлѣба, тогда какъ даже на 150 милліонахъ акрахъ земли, находящейся подъ плугомъ въ Россіи, производится всего 1.585.000.000 бушелей зерна. Въ 1880 году Штаты стояли во главѣ всѣхъ странъ по размѣрамъ естественнаго ихъ производства, исчисляемаго уже въ 3.020.000.000 долларовъ, тогда какъ даже естественныя производства Россіи, при гораздо большемъ народонаселеніи, за тотъ же годъ, исчислялись всего въ 2.545.000.000 долларовъ; къ тому же 1/4 всего народнаго богатства въ Соединенныхъ Штатахъ группируется при воздѣлываніи земли и усовершенствованіи ея продуктовъ.

Но еще болѣе знаменателенъ прогрессъ, замѣчаемый въ Штатахъ по мануфактурному производству: въ 1850 году производство каждаго рабочаго на американскихъ фабрикахъ равнялось 1.100 долларовъ въ годъ; а въ 1880 году цѣнность производства здѣшняго рабочаго возвысилась уже до 2.015 долларовъ на годъ. Одновременно съ тѣмъ возросло въ Штатахъ и количество рабочихъ, такъ что въ настоящее время—по народной переписи 1880 года—общій итогъ мануфактурнаго производства на 1.600.000.000 долларовъ въ 1850 году возвысился до 5.560.000.000 долларовъ въ 1880 году, т.-е. мануфактурное производство Штатовъ за тридцатилѣтній періодъ возросло почти на *шестьсотъ* процентовъ, тогда какъ мануфактурное производство Англіи, за тотъ же періодъ времени, возросло лишь на сто процентовъ, поднявшись въ 1880 году до 4.055.000.000 долларовъ. Такимъ образомъ, заатлантическая республика безспорно заняла уже и почетное мѣсто главной мануфактурной страны свѣта; этимъ собственно, какъ полагаемъ, и приходится объяснить быстрое обогащеніе страны: въ 1850 году все богатство Соединенныхъ Штатовъ исчислялось въ 8.430.000.000 долларовъ; въ 1880 году богатство республики дошло до 48.950.000.000 долларовъ, а теперь, въ 1886 году, оно вѣроятно уже простирается до громадной цифры 50.000.000.000 долларовъ.

Между тѣмъ неоспоримо, что, индивидуально взятые, англичане и шотландцы въ дѣлѣ мануфактуръ и изобрѣтательности проявляютъ болѣе таланта, чѣмъ американцы. По изслѣдованіямъ Andrew Carnegie, цѣлыхъ 49% всѣхъ живущихъ въ Штатахъ, англичанъ и шотландцевъ занимаются дѣлами мануфактурными,

тогда какъ въ той же отрасли труда участвуетъ всего 19% природныхъ американцевъ.

Несмотря на всесвѣтную славу американской изобрѣтательности, неоспоримо дознано, что большинство патентовъ выдается въ Соединенныхъ Штатахъ гражданамъ родомъ изъ Старой Англіи; тогда какъ большинство природныхъ американцевъ предается земледѣлію. Замѣчательно, однако, что даръ изобрѣтательности проявляется въ такой силѣ у англичанъ лишь при условіяхъ жизни въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ этомъ, ни съ чѣмъ на нашъ взглядъ несравнимомъ, музеѣ рѣдкостей—вашингтонскомъ музеѣ патентовъ—выставлено много тысячъ образцовъ всевозможныхъ моделей; съ 1836 года по 1880 годъ выдано было отсюда болѣе трехсотъ тысячъ патентовъ; а въ 1885 году выдано было болѣе 24.000 патентовъ, т.-е. почти на 80% болѣе, чѣмъ въ 1880 году.

Справляясь опять съ отчетами народной переписи въ Штатахъ за 1880 г., находимъ, что изъ тогдашняго 50-милліоннаго населенія страны около 17-ти милліоновъ приходилось лицъ, жившихъ на личный свой заработокъ; изъ нихъ цѣлыхъ 7¾ милліоновъ занималось воздѣлываніемъ земли въ той или другой формѣ, и лишь 3.800.000 человѣкъ приходилось фабричныхъ и другихъ лицъ, связанныхъ съ промышленными и мануфактурными отраслями въ странѣ; тогда какъ по рубрикѣ землепашества насчитывается всего 7% женщинъ, по мануфактурному производству ихъ уже оказывается 16% всего числа рабочихъ. Въ рубрику профессіональныхъ занятій занесено четыре милліона человѣкъ (сюда же причислены адвокаты, писатели, пасторы, доктора), изъ которыхъ насчитывается 1.360.000 человѣкъ женской прислуги. Перевозочная и торговая дѣятельность страны находится въ рукахъ 1.800.000 человѣкъ, изъ которыхъ всего 60.000—женщины.

Вообще и въ Соединенныхъ Штатахъ начинаетъ замѣчаться фактъ притяженія населенія къ большимъ центрамъ населенія; несмотря на то, что большинство замѣчательныхъ по уму и предпріимчивости людей выходитъ здѣсь изъ здоровой сельской среды, но рѣдкій изъ исключительно одаренныхъ молодыхъ людей долго мирится съ деревней — его скоро притягиваетъ къ себѣ городъ со своими широкими приспособленіями къ умственному удовлетворенію человѣка. Замѣчательно притомъ, что человѣкъ будто знаетъ, что отъ земли приходится ему всегда черпать новыхъ силъ въ случаяхъ истощенія: въ Штатахъ, напримѣръ, неизмѣнно замѣчается, что послѣ каждаго періода промышленнаго и торговаго застоя множество люда разсѣевается изъ городовъ

по сельскимъ мѣстностямъ, тогда какъ періоды процвѣтанія торговли притягиваютъ и сельскій элементъ къ большимъ городамъ.

Кстати сказать: ни на чемъ, кажется, такъ ярко не сказалась сила американской предпріимчивости, какъ на развитіи и улучшеніи путей сообщенія. Грандіозности достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ въ значительной степени содѣйствуютъ, впрочемъ, благопріятныя естественныя условія страны: значительнѣйшіе горные хребты всѣ расположены по краямъ, и изъ нихъ течетъ огромное количество водъ западнымъ бассейномъ, гдѣ Миссиссипи съ притоками своими орошаетъ около 1$^1/_4$ милліона квадратныхъ миль территоріи. По исчисленіямъ остроумнаго наблюдателя американскихъ учрежденій, Andrew Carnegie [1]), „пароходъ, вышедшій отъ Питтсбурга, въ Пенсильваніи, лежащаго въ 450 миляхъ внутрь страны отъ Нью-Іорка и въ 2.000 миляхъ отъ устьевъ Миссиссипи, пройдя всѣми этими рѣчными системами Штатовъ, проплыветъ пространство значительно большее всей окружности земного шара“... Длина Миссиссипи равняется 2.250 милямъ, тогда какъ судоходная длина ея притоковъ доходитъ до 20.000 миль, а великія озера Америки содержатъ въ себѣ $^1/_3$ всей прѣсной воды на земномъ шарѣ.

Великіе естественные водяные пути страны, кромѣ того, дополнены и соединены между собою искусственными каналами. Въ 1880 году въ Штатахъ насчитывалось 4.468 миль каналовъ, обошедшихся странѣ въ 265 милліоновъ долларовъ; грузъ, проходящій этими каналами, дошелъ, въ томъ же году, до 21.044.292 тоннъ, давая валового сбора на 45 милліоновъ долларовъ. Помимо тѣхъ огромныхъ суммъ, какія ежегодно ассигнуются конгрессомъ на поддержку водяныхъ сообщеній страны, большія деньги идутъ на очистку гаваней и на другія работы, находящіяся преимущественно въ рукахъ офицеровъ арміи и флота.

Давно вошло въ обыкновеніе, среди невѣжественной публики, глумиться надъ американскимъ военнымъ и морскимъ вѣдомствами, которыя многими почитаются чуть ли не пятымъ колесомъ въ административной машинѣ страны. Регулярная армія страны состоитъ всего изъ 25.000 человѣкъ; да и это число многими здѣсь почитается излишнимъ, такъ какъ не съ кѣмъ имъ воевать, кромѣ почти въ конецъ вымершихъ индѣйцевъ. Правда, что на случай войны армія въ 25.000 солдатъ весьма ничтожна; но зачѣмъ же и нужна американской націи постоянная армія, когда, за время гражданской войны 1861—65 го-

---

[1]) Andrew Carnegie: „Triumphant Democracy“.

довъ, она, какъ по мановенію волшебнаго жезла, поставила два милліона волонтеровъ и снарядила 626 военныхъ кораблей? За послѣднія же двадцать лѣтъ по всѣмъ штатамъ Союза добровольно организовалась милиція, члены которой—все люди зажиточные—несутъ службу даромъ, чтобы избавляться отъ „присяжной" повинности и ради нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ льготъ, и не стоютъ Штатамъ большихъ денегъ, кромѣ постройки бараковъ, манежей и т. п. необходимыхъ вещей; но благодаря этой милиціи, на случай войны, по призыву президента Союза, разомъ можетъ явиться въ его распоряженіи болѣе *семи* милліоновъ до извѣстной степени обученныхъ, а главное — образованныхъ, патріотичныхъ и интеллигентныхъ солдатъ.

Но офицеры регулярной американской арміи и флота и не претендуютъ на чисто военную карьеру, что было бы при настоящихъ условіяхъ даже смѣшно. Ихъ миссія вполнѣ мирная, но несравненно болѣе высокая и для согражданъ ихъ полезная: они работаютъ и производятъ наблюденія надъ измѣненіями атмосферы посредствомъ широкой системы сигнальныхъ знаковъ—U. S. Signal Service; въ ихъ рукахъ находится бюро измѣненій въ погодѣ—Weather Bureau; они ежедневно составляютъ подробныя метеорологическія и другія карты, немедленно передаваемыя по телеграфу во всѣ большія газеты Союза; ими выработана полнѣйшая система опредѣленія ожидаемыхъ бурь на морѣ и циклоновъ на твердой землѣ; они руководятъ гидрографическимъ бюро, они производятъ топографическія изслѣдованія, измѣренія территоріи, руководятъ обширною системою жизнеспасательныхъ станцій, расположенныхъ въ несмѣтномъ количествѣ вдоль всѣхъ морскихъ и озерныхъ береговъ Штатовъ, руководятъ коммиссіями по рыболовству: полезной дѣятельности офицеровъ арміи и флота въ краткихъ словахъ и не перечтешь.

Конечно, желѣзно-дорожные пути строятся здѣсь не этими слугами центральнаго правительства, а возникаютъ по мысли частныхъ лицъ и компаній, — но и тутъ результаты получаются грандіозные: за 55 лѣтъ въ Штатахъ проведено 128.000 миль желѣзныхъ дорогъ; въ 1880 году на всемъ земномъ шарѣ построено было меньше миль желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ за тотъ же годъ. Нигдѣ во всемъ свѣтѣ желѣзно-дорожный переѣздъ не обставленъ бо̀льшими удобствами.

В. Макъ-Гаханъ.

БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА

и

БОЛГАРСКІЙ ВОПРОСЪ

1877—1887 гг.

— Emile de Laveleye, La péninsule des Balkans. T. I—II. Paris, 1886.—A. von Huhn, Der Kampf der Bulgaren um ihre Nationaleinheit. Lpz. 1886.—Его же, Aus bulgarischer Sturmzeit. Lpz. 1886.—Spiridion Gopčević, Ereignisse in Bulgarien (Unsere Zeit, 1886).—X. Józef Hołubowicz, Bulgarja, jej przeszłość dziejowa etc., Krakow, 1885.

I.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы взяли на себя освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига,—и въ этотъ короткій срокъ намъ пришлось пережить много перемѣнъ и разочарованій. Положеніе наше на Балканскомъ полуостровѣ кореннымъ образомъ измѣнилось. Освобожденные народы рѣшительно отстраняются отъ своихъ освободителей и даже смотрятъ на нихъ какъ на противниковъ, отъ которыхъ нужно освободиться. Сербія окончательно втянулась въ сферу австрійскаго вліянія и австрійскихъ интересовъ; болгары ищутъ поддержки у англичанъ и нѣмцевъ: бывшіе защитники турецкаго господства дѣйствуютъ теперь подъ знаменемъ „свободы и единства“ Болгаріи; а мы отстаиваемъ какъ-будто формальныя права Турціи и неприкосновенность берлинскаго трактата, направленнаго противъ насъ же. Приверженцы

Россіи разсматриваются какъ измѣнники и бунтовщики въ предѣлахъ того княжества, которое создано русскимъ оружіемъ. Однимъ словомъ, роли такъ перемѣшались, что мы не узнаёмъ теперь ни балканскихъ „братьевъ-славянъ", ни западно-европейской дипломатіи, и даже о собственной нашей восточной политикѣ выражаемъ весьма различныя мнѣнія.

Цѣлый рядъ недоразумѣній окружаетъ болгарскій вопросъ въ нашей печати. Иностранный принцъ, предложенный Россіею же на постъ болгарскаго князя и утвержденный въ этомъ званіи всѣми великими державами, превратился вдругъ въ „авантюриста" и „проходимца"—въ глазахъ нашихъ газетъ—только потому, что онъ оказался тѣмъ, чѣмъ былъ съ самаго рожденія—германскимъ принцемъ. Военное возстаніе, низложившее князя, было принято нашими газетными лже-консерваторами за вполнѣ законный способъ дѣйствія, а участвовавшіе въ дѣлѣ офицеры и юнкера возведены были на степень особой политической партіи, призванной имѣть свою долю вліянія на управленіе страною. Регентство, назначенное болгарскимъ княземъ и одобренное большинствомъ народныхъ представителей, принималось за какую-то шайку самозванцевъ, захватившихъ власть по собственному произволу. Можно, дѣйствительно, осуждать политику князя Александра и его замѣстителей, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что общепринятыя политическія понятія должны быть примѣняемы навыворотъ къ болгарскимъ дѣламъ. Наши газеты отрицали, напримѣръ, полномочія софійскихъ правителей на томъ основаніи, что послѣдніе опирались на одну господствующую партію, съ устраненіемъ всякаго участія *оппозиціи* въ управленіи государствомъ; но гдѣ и когда привлекалась къ управленію оппозиція наряду съ господствующею въ данное время партіею? Вѣдь никто не находитъ ненормальнымъ одностороннее владычество консерваторовъ въ Пруссіи, торіевъ—въ Англіи, республиканцевъ—во Франціи, клерикаловъ—въ Бельгіи; почему же этотъ обычный порядокъ вещей вызываетъ обвиненія въ узурпаторствѣ, когда рѣчь идетъ о Болгаріи? Справедливо ли требовать отъ болгаръ, чтобы они дали Европѣ примѣръ какого-то небывалаго смѣшаннаго управленія, въ которомъ сливались бы всѣ разнородные элементы общества, безъ преобладанія одной партіи надъ другими? Говорятъ, что народные выборы производятся въ Болгаріи подъ давленіемъ правительства и его агентовъ; но гдѣ же видимъ мы выборы, вполнѣ свободные отъ оффиціальнаго воздѣйствія? Была ли свобода выборовъ болѣе обезпечена въ ту эпоху, когда князь Александръ уничтожилъ конституцію? Наши газеты находятъ,

что возмутительно и преступно со стороны болгарскихъ властей употреблять военную силу противъ военнаго возстанія и подвергать побѣжденныхъ суровымъ карамъ; но гдѣ и когда поступали иначе въ подобныхъ случаяхъ? Можно признавать политическою ошибкою примѣненіе крутыхъ мѣръ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; можно вообще возставать противъ жестокостей военной расправы, допускаемой, однако, законами всѣхъ странъ,—но нельзя ставить кому-нибудь такія нравственныя требованія, которыхъ ни одно правительство въ мірѣ не считаетъ для себя обязательными. Король Миланъ, внукъ крестьянина Милоша Обреновича, распоряжался въ Сербіи гораздо произвольнѣе, чѣмъ князь Александръ и его приверженцы въ Болгаріи; онъ арестовывалъ, изгонялъ и разстрѣливалъ оппозиціонныхъ дѣятелей, предпринялъ ничѣмъ не оправдываемое нападеніе на сосѣднее княжество, исключительно изъ-за личнаго честолюбія,—и наши „патріоты" не находили въ этомъ ничего особенно удивительнаго или беззаконнаго. Если мы не расположены силою заставить Болгарію слѣдовать нашимъ указаніямъ, то нужно дѣйствовать разумными доводами, а не обольщать самихъ себя невѣрнымъ освѣщеніемъ событій.

Неправильная оцѣнка болгарскихъ дѣлъ можетъ влечь за собою и практическія ошибки. Изъ-за личности князя газеты какъ-будто забыли о народѣ; у насъ отнеслись враждебно къ осуществленію завѣтной цѣли всѣхъ болгаръ—той самой цѣли, ради которой мы приносили столько тяжелыхъ жертвъ, и которой не удалось намъ достигнуть санъ-стефанскимъ мирнымъ договоромъ. Въ то время, какъ весь болгарскій народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ свое національное объединеніе, совершившееся столь легко и просто, наша печать нашла необходимымъ выступить рѣшительно въ защиту правъ султана и требовать возстановленія status-quo даже при помощи турецкихъ войскъ, къ полному недоумѣнію болгаръ и всего славянства. Мы явились въ этомъ случаѣ болѣе непреклонными охранителями берлинскаго трактата, чѣмъ сами авторы его—англичане и австрійцы; наши газеты гораздо больше заботились о правахъ Турціи, чѣмъ сама Порта. Соображенія, побуждавшія рекомендовать такой образъ дѣйствія, могли быть весьма вѣскими и основательными; но они были недоступны пониманію народныхъ массъ, и остались загадкою для большинства болгаръ. Съ этого момента начинается крутой поворотъ въ чувствахъ болгарскихъ патріотовъ относительно Россіи. Мы сознательно оттолкнули отъ себя Болгарію, увлеченную блестящимъ успѣхомъ безкровной филиппопольской революціи 6-го сентября 1885 года. Не при-

мирили нашихъ газетъ съ болгарами и неожиданныя побѣды ихъ надъ войсками короля Милана. Причиною того былъ князь Александръ,—но и онъ былъ устраненъ со сцены, чтобы облегчить возстановленіе могущественнаго русскаго покровительства. Однако эта надежда опять не сбылась. Удаленіе князя ни въ чемъ не поправило положенія страны; напротивъ, оно привело къ хронической неурядицѣ и къ опаснымъ междоусобіямъ. Болгары добивались назначенія новаго князя, сочувственнаго Россіи; но потерпѣли неудачу и въ этомъ. Второстепенные вопросы о срокѣ выборовъ въ народное собраніе и т. п. казались нашей печати болѣе важными, чѣмъ скорое и окончательное разрѣшеніе кризиса въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Болгарское регентство не было намъ враждебно на первыхъ порахъ: оно имѣло Каравелова въ своемъ составѣ, и наши требованія объ освобожденіи офицеровъ, возставшихъ противъ князя Александра, и о снятіи осаднаго положенія—были исполнены. Намъ, однако, не пришлось воспользоваться этимъ результатомъ, чтобы немедленно предложить подходящаго кандидата на княжескій престолъ; долго еще спорили о мелочахъ, возбуждались ненужныя пререканія и упражнялись въ рѣзкостяхъ по адресу регентовъ, которые понимали болгарскій патріотизмъ по своему. Нѣтъ такого оскорбительнаго эпитета, котораго не употребляли бы наши газеты относительно этихъ странныхъ „проходимцевъ", занимавшихъ уже прежде почетныя должности, основанныя на общемъ довѣріи населенія. Конечно, предсѣдатель болгарскаго народнаго собранія или бывшій министръ-президентъ княжества—могли казаться ничтожествами съ нашей болѣе широкой точки зрѣнія; мы привыкли у себя къ болѣе крупнымъ дѣятелямъ, — но вѣдь Болгарія—государство небольшое, и для нея могутъ быть достаточно хороши и тѣ „мелкіе" люди, которые выдвинулись на первый планъ и пріобрѣли популярность въ народѣ, какъ выдвигались многіе мелкіе люди во Франціи, во время ея борьбы съ Германіею. Мы порвали сношенія съ регентствомъ и отозвали нашихъ дипломатическихъ представителей, желая этимъ наказать непокорныхъ болгаръ; а въ дѣйствительности мы только очистили мѣсто непріязненнымъ вліяніямъ и оставили безъ надлежащей охраны русскіе интересы въ странѣ. Нашимъ кандидатомъ на трудный и отвѣтственный постъ правителя Болгаріи называли у насъ, правда, одно лицо, но это опять возбудило протесты даже въ сочувственныхъ намъ болгарскихъ кружкахъ. Анти-русскія тенденціи становятся, такимъ образомъ, рѣшительно преобладающими, по мѣрѣ того, какъ устраняются возможные способы примиренія; въ этомъ же духѣ измѣнился самый составъ регент-

ства, и послѣднее дѣйствуетъ теперь уже болѣе рѣзко и круто. Поднятъ былъ даже вопросъ объ укрощеніи болгаръ турецкими войсками, и эта оригинальная мысль серьезно обсуждалась въ нашихъ „патріотическихъ“ газетахъ, въ видѣ невиннаго будто бы проекта турецкой оккупаціи. Вообще наша печать дѣлаетъ все возможное для того, чтобы подорвать существующія еще симпатіи къ Россіи въ болгарскомъ населеніи и укрѣпить иностранныя связи на Балканскомъ полуостровѣ, а потомъ она же отыскиваетъ виноватыхъ за границею, громитъ австрійцевъ, англичанъ или нѣмцевъ, жалуется, подобно дѣтямъ, на берлинскую или иную интригу.

У насъ принято теперь обвинять Германію за всѣ неудачи русской политики въ теченіе послѣдняго десятилѣтія; но это объясняется лишь обычною нашею скромностью. Русская политика болѣе самостоятельна и свободна, чѣмъ полагаютъ иные патріоты; она не зависитъ даже отъ русскаго общественнаго мнѣнія, и тѣмъ менѣе можетъ слѣдовать указаніямъ изъ Берлина. „Берлинская дипломатія,—говорилось у насъ еще недавно,—не заставляла насъ ни останавливаться у Санъ-Стефано, ни отдавать наши условія мира на усмотрѣніе европейскаго конгресса, ни отталкивать Сербію и Болгарію небрежными или ошибочными дѣйствіями; во всемъ этомъ виноваты мы сами. Князь Бисмаркъ не разъ выражалъ недоумѣніе по поводу непонятной легкости, съ какою мы отказывались отъ естественныхъ плодовъ продолжительной и трудной войны, приведшей къ полному торжеству надъ Турціею; мы не держались принципа „beati possidentes“ и добровольно бросали добычу, купленную столь дорогою цѣною, подъ вліяніемъ дипломатическихъ угрозъ Англіи. Князь Бисмаркъ не мѣшалъ Россіи и во время недавнихъ болгарскихъ усложненій; Германія дѣйствовала за-одно съ нами и даже отдалилась замѣтно отъ Австро-Венгріи, на востокѣ, чѣмъ и вызвала горькія нареканія вѣнской печати. Если же мы не воспользовались благопріятными обстоятельствами и возбудили противъ себя вражду Болгаріи, то въ этомъ опять-таки виноваты не нѣмцы и даже не англичане или австрійцы, а мы сами. Наши собственныя ошибки запутали болгарскій кризисъ и сообщили ему нежелательное намъ направленіе; гораздо лучше сознаться въ этомъ прямо, чѣмъ взваливать отвѣтственность на мнимое коварство друзей и недруговъ“ [1]).

Извѣстная часть нашей печати всегда настойчиво проповѣдывала политику, основанную на пустомъ самообольщеніи. Но теперь и у другихъ встрѣчаются рѣзкіе отголоски взглядовъ, считавшихся

---

[1]) См. Иностранное Обозрѣніе, мартъ, 1887, стр. 408—9.

въ былое время спеціальною принадлежностью „Московскихъ Вѣдомостей“. Между прочимъ, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ было высказано желаніе присоединить Болгарію на правахъ Финляндіи, такъ какъ болгары не имѣютъ-де своего собственнаго правящаго класса, и мы могли бы имъ удѣлить великодушно нѣкоторую долю нашего испытаннаго чиновничества. Страна пользовалась бы самоуправленіемъ въ дѣлахъ внутреннихъ, подъ контролемъ русской военной силы; для этого, по увѣренію журнала, не нужно ни пересмотра берлинскаго трактата, ни согласія великихъ державъ: Европа не посмѣетъ противопоставить намъ свое „veto“—вѣроятно, изъ страха, что мы повторимъ знаменитую угрозу „закидать ее шапками“. Превращая Болгарію въ русскую провинцію, упомянутый журналъ считаетъ излишнимъ принимать въ разсчетъ желанія самихъ болгаръ или вассальную зависимость княжества отъ Турціи; достаточно знать, что такого рѣшенія болгарскаго вопроса требуетъ, будто бы, наша „народная совѣсть“, олицетворяемая кучкою храбрыхъ политикановъ, готовыхъ воевать съ цѣлымъ міромъ у себя дома [1]). Въ подобномъ же воинственномъ духѣ высказывается г. Иловайскій, который, какъ историкъ, долженъ былъ бы помнить тяжелые опыты недавняго прошлаго. То, чего нельзя было достигнуть путемъ войны съ одною лишь Турціею, можетъ быть устроено теперь, вопреки всей Европѣ,—такова, въ сущности, удивительная идея, которую развивали на разные лады наши предпріимчивые патріоты. Непостижимое легкомысліе этихъ утвержденій не ослабляетъ ихъ вреднаго вліянія на умы; вновь повторяется старая исторія, приводившая уже столько разъ къ опаснымъ испытаніямъ. Положеніе балканскаго вопроса не становится легче или яснѣе отъ смѣлыхъ возгласовъ нашей лже-патріотической печати.

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что авторъ этого курьезнаго завоевательнаго проекта, г. Южаковъ, въ той же книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ (1886, № 9), горячо возражаетъ противъ обвиненія его въ воинственности, высказаннаго нами мимоходомъ въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ (въ замѣткѣ „по поводу недавнихъ толковъ о войнѣ“). Онъ просто забылъ, что̀ имъ писано было раньше, напр., въ майской книгѣ „Сѣв. Вѣстника“ за 1886 годъ, гдѣ кровавая борьба за гегемонію признается какъ бы общимъ историческимъ закономъ, обязательнымъ и для будущихъ отношеній между народами; онъ также не разъ восхвалялъ генерала Буланжѐ, какъ представителя „отважной“ внѣшней политики во Франціи; онъ доказывалъ въ свое время неизбѣжность и законность англо-русской войны и т. п. Быть можетъ, во всемъ этомъ нѣтъ ничего дурного съ точки зрѣнія г. Южакова; но въ такомъ случаѣ становится непонятною та странная рѣзкость, съ какою онъ отозвался на нашу замѣтку. Остается лишь пожалѣть о томъ, что писатель, считающій себя прогрессивнымъ, передовымъ, такъ легко усвоиваетъ не только политическіе взгляды, но и полемическіе пріемы противнаго лагеря.

II.

Правильное пониманіе восточнаго кризиса можетъ быть выработано только путемъ безпристрастнаго ознакомленія съ политическими стремленіями балканскихъ народностей, съ ихъ общественнымъ развитіемъ и внутренними обстоятельствами за послѣдніе годы. Нужно сознаться, что русская печать сдѣлала въ этомъ отношеніи гораздо меньше, чѣмъ заграничная. Наша литература представляетъ очень мало добросовѣстныхъ описаній современнаго быта Болгаріи или Сербіи, такъ что подробныя свѣденія объ этихъ земляхъ приходится заимствовать изъ иностранныхъ источниковъ. Если не считать газетныхъ и журнальныхъ корреспонденцій, которыя большею частью относятся лишь къ текущимъ злобамъ дня, то въ сущности у насъ не оказывается ни одного цѣльнаго труда, посвященнаго изученію болгарскихъ дѣлъ и событій самаго послѣдняго времени. Между тѣмъ за границею появился за это время цѣлый рядъ подобныхъ сочиненій, и нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ полнаго вниманія по серьезной и талантливой разработкѣ фактовъ. За одинъ истекшій годъ вышло пять-шесть весьма поучительныхъ книгъ, написанныхъ иностранцами по поводу балканскаго вопроса, и въ числѣ этихъ книгъ мы находимъ двухтомное сочиненіе такого авторитетнаго ученаго изслѣдователя и публициста, какъ Эмиль де-Лавелэ.

Западно-европейскіе наблюдатели не всегда сохраняютъ безпристрастіе въ дѣлахъ Востока; они слишкомъ часто склонны судить о славянствѣ съ точки зрѣнія существующаго антагонизма интересовъ и традиціонныхъ политическихъ предразсудковъ. Но они имѣютъ одно важное преимущество передъ русскими корреспондентами: они гораздо больше интересуются общими условіями жизни страны и съ любопытствомъ останавливаются на такихъ особенностяхъ въ положеніи и развитіи народа, которыя для насъ кажутся чѣмъ-то привычнымъ и естественнымъ. Какъ бы ни думали иностранцы о восточномъ вопросѣ, они все-таки — только зрители происходящихъ или предстоящихъ событій: для нихъ балканскія племена—нѣчто постороннее и далекое, предметъ наблюденій и дипломатическихъ комбинацій, тогда какъ съ нашей стороны замѣшаны тутъ и внѣшніе государственные интересы, и соображенія національнаго самолюбія, и память о прошлыхъ войнахъ, и ожиданіе новыхъ войнъ. Мы невольно поддаемся чувству раздраженія или безпокойства, когда рѣчь идетъ о придунайскихъ „братушкахъ"; мы не можемъ хладнокровно анализировать явле-

нія, совершающіяся въ этой щекотливой для насъ области. Насъ занимаетъ главнымъ образомъ политическая сторона того сложнаго процесса, которымъ балканскія земли поочередно отчуждаются отъ Россіи; но не менѣе важное значеніе имѣютъ перемѣны въ хозяйственномъ бытѣ этихъ земледѣльческихъ странъ, подвергшихся внезапному напору богатыхъ и жадныхъ промышленныхъ силъ Запада. Любопытно прослѣдить, какъ насаждаются и дѣйствуютъ европейскія политическія идеи на свѣжей почвѣ молодыхъ балканскихъ государствъ,—какъ усвоиваются и передѣлываются на туземный ладъ дурныя и хорошія черты европейской правительственной системы. Перерожденіе общественныхъ нравовъ и понятій подъ вліяніемъ иностраннаго покровительства представляетъ такой же глубокій интересъ, какъ и экономическая борьба, могущая привести къ порабощенію освобожденныхъ народовъ заграничными биржами и кредиторами. Въ этомъ отношеніи имѣютъ для насъ особенную цѣнность наблюденія и замѣтки Лавелэ, изложенныя въ безпритязательной и отчасти отрывочной формѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „La péninsule des Balkans".

Книга Лавелэ посвящена „знаменитому защитнику угнетенныхъ національностей", Гладстону, чѣмъ и опредѣляется общій характеръ ея тенденціи. Авторъ хотѣлъ, между прочимъ, изслѣдовать, какія перемѣны произошли за послѣднія пятнадцать лѣтъ въ патріархальномъ режимѣ семейной задруги и общиннаго землевладѣнія у южныхъ славянъ. „Не надо пропускать настоящаго момента,—говоритъ онъ,—ибо всѣ эти населенія быстро измѣняются. Подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, новыхъ политическихъ формъ и болѣе близкихъ отношеній съ западною Европою, они не замедлятъ оставить свои мѣстные обычаи и первобытныя учрежденія, чтобы усвоить себѣ законодательство и образъ жизни, которые мы называемъ современною цивилизаціею. Они откажутся отъ своихъ живописныхъ костюмовъ и вѣковыхъ обычаевъ, чтобы одѣваться, мыслить, обсуждать дѣла по-парламентски, ссориться и поучать по образцу Парижа или Лондона". Авторъ остроумно жалуется на чрезмѣрное развитіе промышленности, грозящей „испортить и испачкать нашу планету"... „Химическіе продукты отравляютъ воды; отбросы фабрикъ покрываютъ поля; каменноугольный дымъ грязнитъ зелень растеній и лазурь неба; нечистоты большихъ городовъ превращаютъ рѣки въ помойныя ямы, откуда выходятъ микробы тифа. Полезное уничтожаетъ красоту. И вездѣ то же самое, и иногда это больно до слезъ. На прелестномъ островѣ святой Елены, близъ публичныхъ садовъ Венеціи, устроена фабрика локомотивовъ; церковныя развалины

V-го вѣка превращены въ печи и трубы, и черный дымъ покроетъ слоемъ грязнаго пота розовый мраморъ дворца дожей и мозаики св. Марка, какъ это можно видѣть въ Лондонѣ на фасадахъ св. Павла, покрытыхъ сплошь полосами грязи". Но Лавелэ находитъ и утѣшительную сторону въ этой непріятной картинѣ—возростаніе народнаго богатства, увеличеніе числа зажиточныхъ семействъ; и „если это будетъ такъ продолжаться, то массы будутъ состоять уже не изъ лицъ, живущихъ рабочей платою, а изъ людей, получающихъ прибыль, процентъ или ренту". Съ тѣмъ же легкимъ оптимизмомъ авторъ рѣшаетъ и другіе вопросы, встрѣчающіеся ему на пути; онъ ограничивается остроумными замѣчаніями, приводитъ фактическія данныя и освѣщаетъ ихъ по-своему, безъ всякихъ научныхъ претензій. Упомянувъ о новыхъ университетскихъ сооруженіяхъ въ Германіи, онъ замѣчаетъ: „прикладная наука есть главный источникъ богатства и слѣдовательно могущества; поэтому, о, государства! хотите быть могущественными и богатыми? Поощряйте ученыхъ". Проѣзжая черезъ австрійскія владѣнія, Лавелэ попалъ въ область жгучихъ національныхъ споровъ. „Пробужденіе національностей—по его словамъ—есть неизбѣжное послѣдствіе развитія демократіи, печати и литературы. Самодержавный монархъ можетъ управлять двадцатью различными народами, не заботясь ни объ ихъ языкѣ, ни объ ихъ происхожденіи. Но все измѣняется, когда наступаетъ царство представительныхъ собраній. Языкъ господствуетъ. На какомъ языкѣ будутъ говорить? Конечно, на народномъ. Занимаясь обученіемъ народа, вы можете дѣлать это только на его языкѣ. Судить людей также нельзя на языкѣ иностранномъ. Чтобы представлять народъ въ парламентѣ и заручиться голосами избирателей, необходимо говорить понятнымъ для народа языкомъ. Такимъ способомъ парламентъ, суды, школы, преподаваніе во всѣхъ его степеняхъ мало-по-малу завоевываются языкомъ національнымъ... Это служитъ источникомъ разногласій и затрудненій, которыя становятся почти неодолимыми въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ... Лучше было бы, безъ сомнѣнія, еслибы въ Европѣ существовало только три-четыре языка или даже одинъ общій для всѣхъ. Но въ ожиданіи, пока исполнится этотъ идеалъ единства, всякій освободившійся народъ, призванный управлять собою, будетъ домогаться признанія правъ своего языка и постарается соединиться съ людьми, говорящими на одномъ съ нимъ языкѣ,—развѣ только онъ найдетъ свое полное удовлетвореніе въ избранной національности, соотвѣтствующей его понятіямъ и традиціямъ. Эти именно требованія объ употребленіи націонал-

наго языка и стремленіе къ образованію государствъ, основанныхъ на племенныхъ группахъ, волнуютъ въ настоящее время Австрію и полуостровъ Балканскій".

Въ Вѣнѣ авторъ имѣлъ разговоръ съ министромъ-президентомъ графомъ Таафе, который воспользовался случаемъ для объясненія своей федеральной программы. „Истинное единство,—сказалъ между прочимъ министръ,—будетъ результатомъ всеобщаго удовлетворенія; а чтобы удовлетворить всѣхъ, нужно избѣгать нарушенія чьихъ бы то ни было правъ". Автора удивляетъ только коренное различіе между политикою австрійскаго правительства внутри и тенденціями ея въ дѣлахъ внѣшнихъ. „Внутри славянское движеніе, очевидно, поддерживается. Такъ, въ Галиціи и въ Чехіи ему уступаютъ во всемъ, исключая только возстановленія королевства св. Вячеслава, для котораго, однако, подготовляется почва. Напротивъ, во внѣшней политикѣ, и особенно по ту сторону Дуная, стараются противодѣйствовать славянскому движенію, рискуя даже увеличить въ тревожной степени популярность и вліяніе Россіи. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что общее имперское министерство совершенно независимо отъ министровъ Цислейтаніи. Общее министерство состоитъ только изъ трехъ министровъ—иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго; оно одно имѣетъ право заниматься внѣшними дѣлами, и венгерцы въ немъ преобладаютъ". Теперь, какъ извѣстно, Австрія поддерживаетъ, однако, славянскую автономію и за Дунаемъ; самыми усердными друзьями Болгаріи оказываются именно мадьяры, такъ что объясненіе Лавелэ представляется недостаточнымъ. Стремленія балканскихъ народностей вызывали австрійскую вражду только до тѣхъ поръ, пока они совпадали съ предполагаемыми планами Россіи. Графъ Кальноки лично объяснилъ автору свою политическую программу. „На Западѣ,—замѣтилъ онъ,—намъ приписываютъ завоевательныя намѣренія. Это нелѣпость. Намъ трудно было бы дѣлать пріобрѣтенія, способныя удовлетворить обѣ половины имперіи, и притомъ мы имѣемъ наибольшій интересъ въ сохраненіи мира. Но есть завоеванія, о которыхъ мы мечтаемъ, и которымъ вы, какъ экономистъ, будете рукоплескать. Эти завоеванія могутъ быть сдѣланы нашей промышленностью, нашей торговлею и нашей цивилизаціею. Для того, чтобы они могли осуществиться, необходимы желѣзныя дороги въ Сербіи, въ Болгаріи, въ Босніи, въ Македоніи, и особенно нужно соединеніе съ оттоманскою желѣзно-дорожною сѣтью, которое окончательно свяжетъ Востокъ съ Западомъ. Инженеры и дипломаты заняты этимъ дѣломъ. Надѣюсь, что мы достигнемъ цѣли въ скоромъ времени. Я думаю,

вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы удобный вагонъ доставилъ васъ въ три дня изъ Парижа въ Константинополь. Мы работаемъ для васъ, людей Запада". Болѣе подробныя свѣденія объ этомъ предметѣ авторъ получилъ отъ Каллая, имперскаго министра финансовъ и администратора Босніи. По мнѣнію министра, „Австрія призвана въ занятыхъ провинціяхъ исполнить великую миссію, изъ которой вся Европа извлечетъ свою выгоду: австрійцы должны оправдать оккупацію, цивилизуя край". „Насъ упрекаютъ,—продолжалъ Каллай,—что мы до сихъ поръ еще не разрѣшили поземельнаго вопроса въ Босніи. Но то, что происходитъ въ Ирландіи, доказываетъ, съ какими трудностями сопряжено рѣшеніе подобныхъ задачъ. Въ Босніи вопросъ усложняется еще столкновеніемъ мусульманскаго права съ нашими европейскими законами. Нужно изучить положеніе дѣлъ на мѣстѣ, чтобы понять замѣшательства, останавливающія насъ на каждомъ шагу. Такъ, по турецкимъ законамъ, всѣ лѣса составляютъ собственность государства, и мы придаемъ большое значеніе этому праву, въ видахъ сбереженія лѣсовъ. Съ другой стороны, поселяне настаиваютъ на своемъ правѣ пользоваться государственными лѣсами, въ силу обычая. Еслибы они довольствовались только тѣмъ, что имъ необходимо, мы не видѣли бы въ этомъ никакого зла; но они истребляютъ деревья безъ всякой пощады. Мы издадимъ законъ для охраны лѣсовъ, столь необходимыхъ въ такой гористой странѣ; но какъ заставить исполнять его? Нужно было бы имѣть армію лѣсныхъ сторожей и вызывать постоянныя столкновенія повсюду". Въ отвѣтъ на замѣчаніе Лавелэ о пользѣ соединенія Босніи и Герцеговины съ Далмаціею, Каллай указалъ на вѣроятные результаты „одного изъ первыхъ благодѣяній оккупаціи"—недавно оконченной желѣзно-дорожной линіи, соединяющей Вѣну съ центромъ Босніи, Сараевомъ. Авторъ вообще отзывается сочувственно о дѣятельности австрійцевъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ одобряетъ иноземное господство надъ босняками, установленное съ согласія Россіи на берлинскомъ конгрессѣ и вызвавшее извѣстный возгласъ Гладстона, обращенный къ Австріи: „Hands off"! Очевидно, въ этомъ пунктѣ авторъ не сходится съ знаменитымъ либеральнымъ вождемъ, которому посвящена его книга.

Направляясь въ Боснію, Лавелэ остановился на нѣсколько дней у извѣстнаго епископа Штроссмайера, въ Дьяковѣ. Авторъ превозноситъ личныя качества и общественныя заслуги католическаго архипастыря, которому хорваты обязаны своею академіею наукъ и своимъ университетомъ. Епископъ Штроссмайеръ при-

надлежитъ къ пренебрегаемой у насъ старой школѣ дѣятелей, считающихъ народное просвѣщеніе единственною основою всякихъ успѣховъ—политическихъ, культурныхъ и религіозныхъ. Результаты, достигаемые этою просвѣтительною дѣятельностью, чувствуются на каждомъ шагу въ возрождающейся національной жизни австрійскихъ славянъ. Авторъ не думаетъ, чтобы былъ возможенъ или желателенъ успѣхъ пропаганды въ пользу Рима; но „дѣло, которому отдалъ свою жизнь Штроссмайеръ,—возстановленіе хорватской народности,—поставлено настолько крѣпко, что оно выдержитъ уже самыя сильныя испытанія и удары". Въ окрестностяхъ Дьякова Лавелэ имѣлъ случай наблюдать патріархальный бытъ земледѣльческихъ семейныхъ общинъ, или задругъ, которыя, по его свидѣтельству, пользуются гораздо бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ прочія крестьянскія хозяйства. Постепенное исчезновеніе задругъ есть фактъ печальный, о которомъ искренно сожалѣетъ авторъ. „Мысль, что всякое нововведеніе есть прогрессъ, такъ овладѣла нашими умами, что мы склонны осуждать все исчезающее. Любовь къ перемѣнамъ, вкусъ къ роскоши, духъ неподчиненія, вѣянія индивидуализма и проникнутыя ими законодательства, называемыя прогрессивными,—все это убиваетъ задруги. Трудно видѣть во всемъ этомъ истинный прогрессъ". Въ Босніи авторъ нашелъ уже значительные слѣды австрійской культуры; но серьезныя реформы затрудняются еще преобладающею ролью мусульманства въ мѣстномъ населеніи. „Счастіе Сербіи, Болгаріи и Румеліи—въ томъ, что мусульмане, будучи турками, удалились или уходятъ оттуда. Здѣсь же, будучи славянами, они большею частью остаются". Въ Сараевѣ Лавелэ помѣстился въ роскошной, монументальной гостинницѣ, устроенной со всевозможнымъ европейскимъ комфортомъ, и по этому поводу онъ опять благословляетъ оккупацію. При содѣйствіи боснійскаго правителя, барона Николича, авторъ ознакомился съ любопытными особенностями землевладѣнія въ странѣ. „Источникомъ собственности считается трудъ. Деревья, посаженныя на чужой землѣ, или постройки, возведенныя на ней, составляютъ независимую собственность. То же самое существуетъ въ Алжирѣ, гдѣ часто произведенія почвы раздѣляются между тремя владѣльцами: одинъ собираетъ зерно, другой—плоды деревьевъ, а третій—кормъ для скота, въ теченіе лѣта. Владѣлецъ построекъ или растеній на чужой землѣ можетъ пріобрѣсть ее въ собственность, если стоимость его работъ превышаетъ цѣнность почвы. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ, отъ Марокко до Явы, расчистка земли есть одинъ изъ главныхъ способовъ прі-

обрѣтенія права собственности, и право утрачивается съ прекращеніемъ обработки. Общественный интересъ ставитъ границы правамъ частнаго владѣльца. Собственникъ можетъ только пользоваться, но не злоупотреблять землею; онъ долженъ сохранять ея производительность. Онъ не можетъ продавать свою землю кому угодно; сосѣди, обыватели села и арендаторъ имѣютъ право преимущественной покупки. Въ Босніи и Сербіи дѣйствуетъ съ давнихъ временъ благодѣтельный принципъ, ограждающій поселянъ отъ разоренія со стороны ростовщиковъ: кредиторы не могутъ отнимать у должника ни его жилища, ни пространства земли, необходимаго для его пропитанія. Мало того, если на земляхъ, подвергнутыхъ аресту и продажѣ, не оказывается скромнаго жилища, соотвѣтствующаго положенію неоплатнаго должника, то кредиторы обязаны построить ему избу. Множество людей живетъ въ Сараевѣ насчетъ благотворительности; по разслѣдованію обнаружилось, что всѣ эти нищіе владѣютъ домами". Но хорошіе принципы существовали только для мусульманъ, и христіанскіе поселяне были доведены до положенія безправнаго скота, или „райи", при турецкомъ владычествѣ. Австрійское правительство довольствуется пока посредничествомъ между землевладѣльцами-бегами и крестьянами-кметами, съ цѣлью установленія обязательнаго размѣра платежей и повинностей. Земледѣліе находится въ довольно печальномъ состояніи; авторъ совѣтуетъ водворять на государственныхъ земляхъ австрійскихъ поселенцевъ, способныхъ служить примѣромъ для туземнаго крестьянства, — хотя, съ точки зрѣнія босняковъ, раздача поземельныхъ участковъ иностраннымъ колонистамъ была бы крайне несправедлива и нецѣлесообразна. Въ Сараевѣ учреждено статистическое бюро, работы котораго отличаются полнотою и добросовѣстностью; подробный поземельный кадастръ составленъ въ теченіе семи лѣтъ, причемъ израсходовано около семи милліоновъ франковъ. „Пока Боснія принадлежала туркамъ, она оставалась областью болѣе невѣдомою, чѣмъ вершины Гималая или даже Памира. Теперь она извѣстна во всѣхъ своихъ деталяхъ: изслѣдована почва, описаны и измѣрены земельныя владѣнія, опредѣленъ составъ населенія по племени, религіи и занятіямъ, изученъ аграрный режимъ. Кто пересмотритъ оффиціальные труды здѣшняго бюро, тотъ будетъ знать эту страну лучше, чѣмъ свою". Число чиновниковъ значительно увеличилось; одинъ учитель приходится на 4.500 жителей; адвокатовъ нѣтъ совсѣмъ, и турки презираютъ ихъ, такъ какъ кораномъ строго осуждены люди, „занимающіеся чужими дѣлами съ хитростью и лукав-

ствомъ, и всякая личность этого рода должна быть изгоняема изъ хорошаго общества". Въ Сараевѣ издаются двѣ газеты—дѣло небывалое при турецкомъ правительствѣ. Австрійская власть старается сохранить безпристрастіе относительно католиковъ и православныхъ; она устроила православную семинарію, учредила духовную консисторію при митрополитѣ и даетъ средства на поддержаніе и возстановленіе православныхъ церквей. Православные босняки не поддаются католической пропагандѣ; вѣроисповѣданіе неразрывно связано у нихъ съ народностью. Обязательная военная служба сглаживаетъ религіозныя и національныя различія; представители будущаго поколѣнія обучаются совмѣстно въ военномъ боснійскомъ училищѣ и въ 42-хъ общихъ правительственныхъ школахъ. Въ Сараевѣ послѣдовательно учреждены—среднеучебное заведеніе, особенно для сыновей должностныхъ лицъ, классическая гимназія и высшая школа для дѣвицъ. По отчету 1883 года, въ Босніи числится 132 школы, съ 196-ю учителями и 8.132 учащимися; а если считать мусульманскія училища, то учащихся всего 35.660, или на 100 жителей приходится 3 воспитанника. На пути сообщенія потрачено, со времени оккупаціи, около 14-ти милліоновъ флориновъ, изъ которыхъ 13 милл. дано имперскимъ казначействомъ. Правительство издало уголовный кодексъ, уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, торговый уставъ и законъ о несостоятельности. Сдѣлана также попытка ввести городское самоуправленіе, которымъ пользуется пока только городъ Сараево. Несмотря на всѣ эти исключительные расходы, австрійцамъ удалось избѣгнуть дефицита въ бюджетѣ Босніи и Герцеговины: за 1884 годъ получился избытокъ доходовъ въ $56^1/_2$ тысячи, при общей цифрѣ бюджета въ $7^1/_2$ милл. флориновъ. Между тѣмъ бремя налоговъ не только не увеличилось, но еще напротивъ—ослабѣло; отмѣнены стѣснительные сборы съ поселянъ, пошлины съ продажи крупнаго скота, денежные взносы лицъ свободныхъ отъ рекрутчины и сборы съ православныхъ на содержаніе ихъ духовенства.

„Что̀ сказать теперь объ австрійской оккупаціи?—заключаетъ Лавелэ:—Если, забывъ политическіе счеты, имѣть въ виду только прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, то никакое сомнѣніе невозможно; всякій другъ человѣчества долженъ сердечно одобрять оккупацію. Неурядица, съ ея жестокими бѣдствіями и страданіями, все болѣе возростала подъ турецкимъ господствомъ. При новомъ режимѣ предстоитъ быстрое и общее улучшеніе. Но нельзя ли было рѣшить дѣло иначе и лучше? Не слѣдовало ли

присоединить Боснію и Герцеговину къ Сербіи? Предположивъ великодушную готовность Австріи возсоздать сербское царство Душана, мы наткнулись бы прежде всего на два важныя затрудненія. Во-первыхъ, босняки-мусульмане (448.613 чел.), которые сдерживаются теперь корпусомъ отборныхъ войскъ въ 25.000 человѣкъ, подчиняются Австріи только потому, что она можетъ располагать въ случаѣ надобности полумилліонною арміею; но они едва ли подчинились бы владычеству Сербіи, имѣющей въ мирное время не болѣе 15.000 солдатъ. Это было бы поводомъ къ постояннымъ столкновеніямъ и вызывало бы финансовыя усилія, разорительныя для молодого сербскаго королевства. Другое препятствіе еще болѣе серьезно. Боснія, присоединенная къ Сербіи, оставалась бы вновь отдѣленною отъ далматскаго побережья и портовъ, составляющихъ ея естественное и необходимое дополненіе. Не нужно стремиться къ идеалу, неосуществимому въ данное время. Содѣйствуя развитію благосостоянія и образованія въ Босніи, Австрія подготовляетъ великое будущее для южнославянской расы. Движеніе національностей столь могущественно и неодолимо, что настанетъ время, когда всѣ славянскія племена на югѣ успѣютъ соединиться подъ федеральною властью, или въ составѣ преобразованной австрійской имперіи, или въ независимомъ союзѣ" [1]). Къ сожалѣнію, народы предпочитаютъ свое управленіе дурное—чужому хорошему и разсчетливому, такъ что нынѣшняя австрійская администрація не можетъ пользоваться особеннымъ сочувствіемъ боснійскихъ сербовъ.

III.

Пребываніе въ Сербіи даетъ мало пріятныхъ впечатлѣній путешественнику при настоящемъ политическомъ положеніи страны. Лавелэ говоритъ о сербскихъ дѣлахъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи. Король Миланъ занятъ своимъ бюджетомъ; онъ радуется, что доходы, составлявшіе 13 милліоновъ въ 1868 году, при вступленіи его на престолъ, возросли до 34 милліоновъ въ 1883 году. „И мы не остановимся на этомъ,—говорилъ онъ автору,—ибо налоги плохо распредѣлены: они могутъ дать вдвое, не разоряя плательщиковъ". Лавелэ позволяетъ себѣ замѣтить, что „возростаніе бюджетовъ есть болѣзнь, свойственная всѣмъ совре-

[1]) Противъ этого австрофильскаго взгляда Лавелэ горячо возстаетъ г. Стоянъ Бошковичъ въ брошюрѣ: „La mission du peuple serbe" (Brux., 1886).

меннымъ государствамъ, что нужно бороться съ нею, чтобы она не сдѣлалась смертельною". Король Миланъ понимаетъ по-своему задачи правителя; онъ сооружаетъ рядомъ съ нынѣшнимъ своимъ „конакомъ" обширный дворецъ съ претенціозными куполами, выступающій вплоть до самой линіи бульвара. На обѣдѣ у короля, Лавелэ вторично напомнилъ, что „непроизводительные расходы повсюду разоряютъ семейства и государства", и что „монархи должны подавать примѣръ простоты и экономіи". Въ Сербіи хотятъ расширить полномочія центральной власти, въ ущербъ мѣстнымъ общинамъ, для того, чтобы все было болѣе однообразно и методично; „это прогрессъ навыворотъ, ибо на нашемъ западѣ всѣ признаютъ преимущества децентрализаціи, и мы были бы счастливы, еслибы можно было имѣть общину, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Сербіи". Бѣлградскіе „государственные люди" желаютъ искусственными мѣрами создать крупную промышленность; для этого устанавливаются монополіи, субсидіи и льготы, обременительныя для казны и для всего населенія. „Всякая монополія,—по замѣчанію автора,—есть преграда, задерживающая развитіе, и ее устраняютъ вездѣ, гдѣ только могутъ. Она имѣетъ еще смыслъ, когда приноситъ доходъ казначейству; но монополія, которая стоитъ денегъ государству и ложится бременемъ на плательщиковъ, есть вещь нелѣпая и несправедливая. Въ странѣ, гдѣ всѣ владѣютъ землею и обработываютъ ее, не наступило еще время для фабричной промышленности; нѣтъ пролетаріата, который могъ бы доставить дешевыя рабочія руки. Вмѣсто того, чтобы радоваться такому счастливому экономическому состоянію, позволяющему людямъ вести здоровую жизнь въ деревнѣ и заработывать хлѣбъ земледѣльческимъ трудомъ, сербское правительство хлопочетъ о созданіи искусственной индустріи, противорѣчащей природѣ вещей и болѣе доступной, чѣмъ наша, жестокимъ кризисамъ, отъ которыхъ мы страдаемъ періодически. Какое заблужденіе! Оно вызывается тою идеею, что страна, лишенная крупной промышленности, должна считаться отсталою, варварскою. Видя возвышающія фабричныя трубы, эти прогрессисты привѣтствуютъ ихъ, какъ проявленіе западной цивилизаціи. Кто имѣетъ выгоду отъ созданія этихъ учрежденій? Ни государство, дающее имъ всякаго рода льготы, ни публика, обираемая монополистами, ни рабочіе, оторванные отъ деревни и скученные въ мастерскихъ. Нѣкоторые иностранные спекуляторы обогатятся, можетъ быть, насчетъ Сербіи и пойдутъ расходовать въ другомъ мѣстѣ чистую прибыль, доставляемую привилегированными поборами... Почти все нужное жи-

телямъ деревень, т.-е. девяти-десятымъ населенія,—одежда, мебель, хозяйственныя принадлежности и земледѣльческія орудія,—приготовляется на мѣстѣ домашними промыслами. Зачѣмъ уничтожать эти промыслы монопольною конкурренціею, которая взамѣнъ хорошихъ, крѣпкихъ издѣлій, соотвѣтствующихъ климату и столь оригинальныхъ, дастъ дешевыя фабричныя матеріи, по образцу австрійскихъ и французскихъ? Здѣсь нѣтъ еще условій для развитія крупной промышленности: ни городскихъ рынковъ, ни потребителей, ни состава рабочихъ".

Лавелэ указалъ сербскому министру финансовъ еще на другую опасность, угрожающую Сербіи,—на „постоянное увеличеніе государственнаго долга, тяготѣющаго надъ страною, разоряющаго крестьянство и причиняющаго больше вреда, чѣмъ моръ, война и голодъ". Не существуетъ болѣе вѣрнаго способа обѣдненія: „бѣдствія войны изглаживаются быстро, какъ это видно было на примѣрѣ Франціи послѣ 1870 года; но долгъ вырываетъ хлѣбъ изъ рукъ земледѣльцевъ. Посмотрите на Италію, Россію и Египетъ. Особенно тяжело отзываются долги въ странахъ, отдаленныхъ отъ рынковъ Запада,—гдѣ цѣны продуктовъ низки и денегъ мало. Въ далекой провинціи, гдѣ-нибудь въ центрѣ Балканскаго полуострова, семья пользуется достаткомъ; но заставьте ее платить 20 или 30 франковъ золотомъ банкирамъ Вѣны или Парижа, въ качествѣ ея доли въ платежѣ процентовъ по государственному долгу, — и сколько произведеній должна будетъ продать семья, въ ущербъ своимъ потребностямъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ удобныхъ дорогъ для вывоза и нѣтъ покупателей на мѣстѣ, гдѣ всякій самъ производитъ все, что̀ ему нужно! Легкость займовъ представляетъ неодолимый соблазнъ для правителей. Немедленно получаются громадныя средства, а будущность позаботится объ уплатѣ процентовъ и о погашеніи долга. Банкиры всегда готовы предложить деньги взаймы; они берутъ себѣ премію и оставляютъ рискъ за публикою, участвовавшею въ подпискѣ. Дефицитъ возростаетъ; для покрытія его дѣлается новый заемъ; населеніе подавляется налогами, пока не наступаетъ банкротство. Такова обычная исторія восточныхъ займовъ. Кредитъ—это язва для странъ мало развитыхъ въ промышленномъ отношеніи... Дорого стоющія вооруженія, повторяющіеся займы, отдача въ залогъ самыхъ источниковъ дохода,—все это симптомы, вызывающіе безпокойство". Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается до преувеличенныхъ размѣровъ система чиновничества. „Тогда какъ Бельгія, при пяти съ половиною милліонахъ населенія, имѣетъ всего девять провинціальныхъ губернаторовъ, Сербія съ ея 1.800.000 жителей

раздѣлена на двадцать-одинъ департаментъ съ такимъ же количествомъ начальниковъ, и на восемьдесять одинъ округъ съ соотвѣтственнымъ числомъ чиновниковъ; у каждаго изъ областныхъ и окружныхъ начальниковъ есть секретари, писцы, канцелярскіе служители".

Подавляя народную жизнь чрезмѣрною чиновничьею опекою и жертвуя народными средствами для удовлетворенія своего честолюбія и тщеславія, бѣлградское правительство слѣдуетъ политикѣ весьма рискованной и опасной. „Нѣтъ ничего печальнѣе!—говоритъ далѣе Лавелэ:—вотъ и Сербія, страна свободная и только недавно достигшая независимости, идетъ по стопамъ Турціи и Египта. Она постепенно отдаетъ въ обезпеченіе и въ залогъ всѣ свои доходы, давая этимъ право европейскимъ капиталистамъ вмѣшиваться въ ея внутреннюю администрацію. Она утрачиваетъ свою самостоятельность. Она будетъ платить дань уже не въ Константинополѣ, а въ Вѣнѣ и Парижѣ, при условіяхъ болѣе суровыхъ. Она направляется по пути, который ведетъ къ банкротству или къ экономическому рабству сербскаго народа. Для такого ли будущаго боролись Георгій Черный и Милошъ!"... „Еслибы могъ быть услышанъ мой голосъ,—замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—я сказалъ бы сербамъ: сохраните ваши общинныя учрежденія, ваше равномѣрное распредѣленіе земли; уважайте ваши мѣстныя автономіи; берегитесь подавлять ихъ тучей регламентовъ и чиновниковъ. Старайтесь имѣть хорошихъ учителей, образованныхъ священниковъ, практическія школы сельскаго хозяйства, удобные пути сообщенія; затѣмъ предоставьте частной иниціативѣ дѣйствовать свободно, и вы сдѣлаетесь притягательнымъ центромъ для образующейся громадной организаціи — балканскаго союза. Но если, напротивъ, вы будете насиловать и давить населеніе, чтобы идти скорѣе и сблизиться съ Западомъ въ болѣе короткій срокъ,—вы приведете къ пропасти Сербію и самихъ себя".

Что касается внѣшняго положенія Сербіи, то оно, по мнѣнію автора, опредѣляется отчасти образомъ дѣйствій Россіи. „Русская политика,—говоритъ Лавелэ,—успѣла обнаружить замѣчательную неумѣлость и достигла того, что потеряла всѣ плоды своихъ жертвъ. Безъ сомнѣнія, Сербія въ значительной мѣрѣ обязана ей не только своимъ существованіемъ, въ качествѣ самостоятельнаго государства, но и особенно новѣйшимъ увеличеніемъ своей территоріи; между тѣмъ Россія, чтобы держать страну въ зависимости отъ себя, противодѣйствовала развитію ея свободы и возбуждала въ ней внутреннія несогласія. Вслѣдствіе этого сербы не сохранили къ ней никакого чувства признательности. Такую же точно политику про-

водитъ Россія и въ Болгаріи. Она дѣлаетъ вредъ самой себѣ и своимъ протеже́. Создавая молодыя государства, вы должны соблюдать ихъ независимость и поддерживать ихъ законныя стремленія. Тогда вы можете разсчитывать на нихъ въ минуту опасности". Авторъ не скрываетъ своего невысокаго мнѣнія о второстепенныхъ и третьестепенныхъ русскихъ дѣятеляхъ на Балканскомъ полуостровѣ. По дорогѣ въ Софію онъ испыталъ, напримѣръ, неудобства, весьма чувствительныя для западно-европейскаго путешественника; устранить ихъ было бы не трудно, — какъ онъ полагаетъ,—при нѣкоторой заботливости и пониманіи, безъ особенныхъ денежныхъ затратъ. „Здѣсь нуженъ толковый инженеръ путей сообщенія. Позднѣе мнѣ объяснили, что все, касающееся дорогъ, находилось въ завѣдываніи русскаго офицера. Тогда уже я не удивлялся плохому состоянію дорогъ". Конечно, въ настоящемъ конкретномъ случаѣ де-Лавелэ разрѣшилъ себѣ довольно широкое обобщеніе этого единичнаго факта, но, тѣмъ не менѣе, характеристично во всемъ этомъ то, что въ Болгаріи несомнѣнно существуетъ почва для усиленія нерасположенія къ намъ—и нѣтъ никакого противовѣса тому.

IV.

Лавелэ засталъ въ Болгаріи сильное броженіе, вызванное конфликтомъ съ Россіею по поводу филиппопольскаго переворота. По обыкновенію, онъ вкратцѣ излагаетъ исторію княжества и даетъ характеристику наиболѣе выдающихся его дѣятелей. Молодой и неопытный князь Александръ „мало довѣрялъ ультра-либеральнымъ учрежденіямъ, которыя приняты были болгарскимъ народомъ". Онъ подчинился вліянію консерваторовъ и по ихъ совѣту въ маѣ 1881 года потребовалъ исключительныхъ полномочій на семь лѣтъ. „Русскій генералъ Эрнротъ, назначенный министромъ, съумѣлъ, при помощи жандармеріи и спеціальныхъ коммиссаровъ, совершенно уничтожить свободу выборовъ. Либералы, преслѣдуемые какъ дикіе звѣри, воздержались отъ участія въ голосованіи... Консервативное министерство надѣялось водворить спокойствіе, удаливъ вождя оппозиціи, Цанкова: послѣдній былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Но цѣль не была достигнута. Произволъ только раздражалъ оппозицію. Пятьдесятъ-пять высшихъ чиновниковъ въ Софіи обратились къ государственному совѣту съ петиціею, въ которой ходатайствовали о гарантіяхъ противъ произвола правительства". Въ виду трудности положенія,

изъ Петербурга были присланы два весьма способныхъ генерала, которымъ удалось обезпечить консерваторамъ успѣхъ на выборахъ. Началась глухая борьба противъ гг. Соболева и Каульбарса, при участіи консерваторовъ и самого князя. Русская дипломатія поняла тогда ошибочность своихъ дѣйствій, направленныхъ въ пользу реакціи, и русскій консулъ побудилъ князя возстановить конституцію въ августѣ 1883 года. Во главѣ министерства становится Цанковъ, который впослѣдствіи уступаетъ мѣсто Каравелову. „Сколько низложенныхъ министровъ,—говоритъ Лавелэ, —сколько быстрыхъ перемѣнъ и скачковъ въ теченіе пяти лѣтъ со времени созданія нынѣшней Болгаріи! Духъ послѣдовательности отсутствовалъ совершенно, а онъ необходимъ, когда дѣло идетъ о новомъ политическомъ устройствѣ страны. Въ этомъ прежде всего виноваты князь и его совѣтники, которые, вопреки демократическимъ тенденціямъ народа, желали управлять самовластно. Попытка могла бы имѣть успѣхъ только при содѣйствіи русской военной силы. Русское правительство отказалось поддерживать этотъ опытъ неумѣстнаго деспотизма, и оно было право, какъ съ точки зрѣнія популярности Россіи между славянами на полуостровѣ, такъ и въ интересахъ европейскаго мира... Россія имѣетъ предъ собою вполнѣ опредѣленную роль на Востокѣ: она должна только защищать два великіе принципа, которымъ принадлежитъ будущее,—принципъ національностей и свободу народнаго самоуправленія. Она можетъ тогда не обращать вниманія на неблагодарность правителей, ибо она будетъ въ состояніи разсчитывать на симпатіи народовъ. Что особенно заслуживаетъ сожалѣнія и порицанія въ исторіи этихъ шести лѣтъ въ Болгаріи,—это наклонность честолюбивыхъ дѣятелей опираться на иностранныхъ агентовъ, для борьбы съ противниками и для низверженія ихъ. Общественное мнѣніе должно было бы безпощадно клеймить подобные факты. Вызывать вмѣшательство великихъ державъ—значитъ измѣнять отечеству. Всякій, кто виновенъ въ такомъ оскорбленіи народности, долженъ быть разсматриваемъ какъ измѣнникъ".

Авторъ считаетъ болгаръ весьма благоразумными, осторожными и разсчетливыми; они не поддаются приманкамъ заграничныхъ предпринимателей, стараются вести свои дѣла самостоятельно и не любятъ чужого вмѣшательства, хотя бы и дружественнаго. Внутреннія разногласія были забыты во время кризиса, пережитаго страною. Но русскіе дипломатическіе агенты — по мнѣнію Лавелэ — „играли въ Софіи роль неловкую и вредную: они хотятъ, чтобы все шло согласно ихъ волѣ, и когда этому противится народное чувство, они усиливаются запутать положеніе, смѣнить

министровъ, парализовать князя и доказать, что въ нихъ нуждаются. Единственный результатъ, котораго они достигнутъ, будетъ тотъ, что они заставятъ болгаръ забыть всѣ услуги, оказанныя Россіею, и уничтожатъ всякое чувство благодарности. Русскіе должны бы дѣйствовать совершенно иначе. Они должны покровительствовать, совѣтовать, но никогда не приказывать и не интриговать. Россія создала Болгарію; пусть она поможетъ ей быть независимымъ государствомъ. Зачѣмъ будетъ она мѣшать развитію дѣтища, которое она произвела на свѣтъ? Пусть она сохранитъ за собою роль, доставившую ей нѣкогда сочувствіе всѣхъ славянъ; пусть она поднимаетъ свой голосъ въ пользу райевъ въ Константинополѣ и въ совѣтахъ Европы, ссылаясь на необходимость прочнаго спокойствія и благосостоянія на Балканскомъ полуостровѣ, не только по соображеніямъ человѣчности, но и ради общаго мира. Только такимъ способомъ возстановитъ она свое вліяніе; въ противномъ случаѣ она утратитъ его въ Болгаріи и Македоніи, какъ потеряла его раньше въ Сербіи и Хорватіи". Авторъ признаетъ объединеніе болгаръ дѣломъ неизбѣжнымъ и въ высшей степени желательнымъ; онъ негодуетъ на дипломатовъ, допустившихъ на берлинскомъ конгрессѣ раздробленіе Болгаріи на двѣ половины и отдавшихъ Македонію обратно въ руки турокъ. Лавелэ приводитъ много фактическихъ свѣденій о несчастномъ положеніи македонскихъ христіанъ, угнетаемыхъ арнаутами и турецкою солдатчиною; онъ не разъ указывалъ въ англійской печати на вопіющую несправедливость того равнодушія, съ какимъ относятся великія державы къ жалкой судьбѣ населеній, оставленныхъ подъ турецкимъ игомъ. То, въ чемъ лордъ Биконсфильдъ видѣлъ спеціальный интересъ Англіи, является благодарною почвою для дальнѣйшаго русскаго вліянія, матеріаломъ для постоянныхъ усложненій и опасныхъ кризисовъ. Въ этомъ авторъ могъ убѣдиться и въ Софіи.

Между прочимъ, наблюдая ходъ внутренней жизни въ княжествѣ, Лавелэ не упускалъ случая повторять тѣ же благоразумные совѣты, какіе высказывались имъ въ Бѣлградѣ. Ему не понравилась чрезмѣрная роскошь княжескаго дворца, сооруженіе котораго стоило болѣе четырехъ милліоновъ франковъ; окрестности столицы лишены растительности, и „здѣсь болѣе необходимо сажать деревья, чѣмъ строить дворцы". Изъ бюджета въ 35 милліоновъ приходится на долю военнаго вѣдомства болѣе 13 милліоновъ; на народное образованіе расходуется около 2 милліоновъ. Въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгаріею первое мѣсто занимаетъ Австрія, второе—Англія, а третье—Румынія. „Русская промыш-

ленность, через-чуръ покровительствуемая, не можетъ соперничать съ западною индустріею, и притомъ экономическія условія Болгаріи и Россіи слишкомъ однородны, чтобы торговый обмѣнъ могъ быть значителенъ". Общее экономическое состояніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. „Нѣтъ ни крупнаго землевладѣнія, ни аристократіи, ни вражды между классами. Почти вездѣ крестьяне имѣютъ землю въ размѣрѣ вполнѣ достаточномъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Арендные договоры здѣсь неизвѣстны". Любопытна параллель, проводимая авторомъ между сербами и болгарами. „Сербъ обладаетъ болѣе живымъ темпераментомъ; онъ болѣе откровененъ, болѣе расточителенъ, болѣе краснорѣчивъ, болѣе благороденъ и поэтиченъ, но менѣе трудолюбивъ и менѣе настойчивъ. Болгаринъ хладнокровенъ, сосредоточенъ, разсудителенъ и молчаливъ; онъ медленно и вѣрно идетъ къ своей цѣли. Сербы напоминаютъ поляковъ, болгары—чеховъ и саксонцевъ. Первые сдѣлаютъ больше для развитія литературы; послѣдніе—для успѣховъ экономическихъ. Митхадъ-паша устроилъ кафешантаны, чтобы ввести западную цивилизацію въ придунайской области; но они не имѣли успѣха. Люди заняты работою и охотно проводятъ вечера среди своихъ семействъ. Въ общемъ—раса солидная, крѣпкая, плодовитая, нравственная. Она даетъ отличный матеріалъ для общества свободнаго и зажиточнаго".

Лавелэ останавливается, затѣмъ, на особенностяхъ болгарской конституціи—„одной изъ самыхъ свободныхъ и демократическихъ въ Европѣ". Когда-то говорили о Наполеонѣ III, что для него „свобода есть предметъ вывоза"; то же самое, по мнѣнію автора, примѣнимо и къ составителямъ тырновской конституціи, въ которой, однако, „можно видѣть доказательство полнаго безкорыстія Россіи". Самыя широкія вольности обезпечены болгарамъ: свободная печать, безъ залоговъ и цензуры; право сходокъ и союзовъ. Всякіе законы и налоги должны быть вотируемы народнымъ собраніемъ; народъ пользуется даровымъ и обязательнымъ обученіемъ. Приговаривать къ какому бы то ни было наказанію могутъ только суды. Конфискаціи не существуетъ. Частная собственность и частная переписка признаются неприкосновенными. Авторъ находитъ, что демократическій строй, установленный въ Болгаріи, требуетъ соблюденія двухъ условій: во-первыхъ, чтобы князь окончательно отказался отъ личнаго управленія и принималъ министровъ, указываемыхъ большинствомъ; и, во-вторыхъ, нужно сохранить старую общинную автономію и не стремиться къ централизаціи, могущей затруднить дѣятельность парламента. Само собою разумѣется, что конституція можетъ имѣть значеніе

только при обычномъ мирномъ ходѣ общественной жизни, а не въ эпоху политическихъ столкновеній, переворотовъ и междоусобій. Болгарія пока еще не имѣетъ внѣшняго долга. Даже послѣдняя война велась при помощи свободныхъ средствъ и реквизицій. Это — большое преимущество болгаръ передъ Сербіею, долгъ которой превышаетъ уже 260 милліоновъ франковъ, т.-е. 144 фр. на каждаго жителя, или почти 600 франковъ на семью. Болгарія процвѣтала бы во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы во главѣ ея поставленъ былъ правитель, болѣе свѣдущій и опытный, чѣмъ князь Александръ. „Недостаточно быть лейтенантомъ прусской арміи, чтобы умѣть управлять народами,—писалъ автору дипломатъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Софіи:—князю было не болѣе 21 года, и онъ мечталъ о блестящихъ дворцахъ, объ арміяхъ, объ орденахъ и европейскихъ союзахъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія объ искусствѣ управленія. Онъ вздумалъ поступать по образцу императора германскаго. Болгарскіе министры были ему непріятны, и онъ держалъ ихъ въ сторонѣ, стараясь имѣть съ ними какъ можно меньше дѣла. Онъ хотѣлъ воспитать болгарскій народъ черезъ посредство казармъ; только полковая служба, по его мнѣнію, образуетъ націю. Онъ серьезно заботился о томъ, чтобы пребываніе въ рядахъ арміи пріучало болгаръ къ мясной пищѣ. Въ Софіи воздвигнуты прекрасныя казармы и министерское зданіе для одного только вѣдомства,—конечно, военнаго. Что касается школъ, гимназій и госпиталей, то о нихъ не думали. Князь жалѣетъ, что не можетъ слушать „Лоэнгрина“ въ Софіи. Когда имѣютъ подобные вкусы, то остаются въ Берлинѣ или Дармштадтѣ, а не берутъ на себя управлять болгарами“. Лавелэ полагаетъ, что населеніе чувствуетъ глубокую благодарность относительно Россіи. „Общность расы и религіи составляетъ могущественную связующую силу. Русскіе солдаты, мягкосердечные, добрые, снисходительные, заслужили общую любовь... Несмотря на все это, болгары не имѣютъ ни малѣйшаго желанія быть русскими или имѣть русскихъ начальниковъ“. Съ своей стороны, авторъ обращается къ болгарамъ съ цѣлымъ рядомъ наставленій: „Надо избѣгать, какъ чумы, всякаго иноземнаго вмѣшательства въ дѣла внутреннія. Никто не долженъ быть назначаемъ на министерскій или иной вліятельный постъ, не будучи болгариномъ по рожденію или по натурализаціи. Продолжайте быть экономными въ расходованіи народныхъ средствъ; не дѣлайте публичныхъ займовъ. Остерегайтесь иностранныхъ финансистовъ; они васъ развратятъ, доведутъ васъ до разоренія и рабства. Но принимайте безъ узкой зависти и вражды тѣхъ про-

мышленниковъ, торговцевъ, агрономовъ, которые пожелаютъ поселиться между вами. Не торопитесь вводить у себя крупную промышленность при помощи субсидій и покровительственныхъ пошлинъ; берегите свои мѣстные и традиціонные промыслы; сохраните, по примѣру королевы румынской, свои національныя одежды, гораздо болѣе изящныя и удобныя, чѣмъ наши тѣсныя и мрачныя платья". Напрасные совѣты! Подражаніе, привычка смѣшивать форму съ сущностью, національное самолюбіе, личныя слабости правителей, — все это рано или поздно заставитъ болгаръ усвоить, вмѣстѣ съ европейскою культурою, и темныя стороны политической жизни, и внѣшнія особенности чужого быта. Нужно только пожелать, чтобы усвоеніе дурного ограничивалось лишь поверхностью, не затрогивая самыхъ основъ народнаго существованія и развитія.

Равноправный союзъ балканскихъ народностей кажется автору единственно возможнымъ и справедливымъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса. Недавняя сербская война освѣтила печальную фактическую обстановку, при которой долженъ осуществиться благодѣтельный проектъ федераціи. Враждебное соперничество сосѣднихъ племенъ, даже близкихъ по вѣрѣ и по языку, не обѣщаетъ скораго примѣненія разумныхъ требованій филантроповъ. Лавелэ съ понятнымъ негодованіемъ бичуетъ нелѣпую воинственную политику короля Милана. „Необходимо,—говоритъ онъ,—задавить въ самомъ зародышѣ эту безсмысленную и ненавистную теорію равновѣсія, недавно придуманную сербами въ видѣ предлога для самаго произвольнаго, ничѣмъ не оправдываемаго нападенія. Теорія эта не имѣетъ смысла, потому что ни историческіе, ни современные факты не даютъ ей ни малѣйшей точки опоры. Въ Европѣ маленькія государства, въ родѣ Голландіи, Даніи, Бельгіи, Швейцаріи, существуютъ рядомъ съ великими державами. Соединенные Штаты состоятъ изъ громадныхъ государствъ, какъ Калифорнія, Огайо, Нью-Іоркъ, и изъ государствъ очень малыхъ, какъ Мэнъ и Родъ-Айландъ. Въ Швейцаріи 160.000 итальянцевъ Тессина живутъ мирно и свободно на ряду съ 2.600.000 французовъ и нѣмцевъ. Сербія не имѣла никакого основанія противиться объединенію болгаръ, ибо сама она существуетъ только въ силу права народностей располагать своею судьбою. Эта теорія ненавистна, потому что первымъ ея послѣдствіемъ было бы возбужденіе между молодыми государствами полуострова постояннаго антагонизма, который побуждалъ бы ихъ вооружаться и бросаться другъ на друга при каждомъ успѣхѣ одного изъ нихъ. Предположите, что Греція присоединила Кандію или оставшуюся

за турками часть Θессаліи; Сербія и Болгарія не допустятъ этого, такъ какъ нарушилось бы равновѣсіе въ ущербъ ихъ интересамъ! Или: Сербія получаетъ Боснію и Старую Сербію; тотчасъ Греція и Болгарія будутъ имѣть право объявить ей войну!.. Сербскій умъ отравленъ старинными и ложными идеями равновѣсія, международнаго соперничества и завоеванія... Чувства, побудившія сербовъ (вѣрнѣе, короля Милана и его совѣтниковъ) предпринять войну, непостижимы. Вся южная часть Сербіи очень слабо населена; есть еще бо́льшія пространства земли, ожидающія только рукъ и капиталовъ для произведенія обильной жатвы. Вмѣсто того, чтобы употребить свои средства на колонизацію этой области, Сербія жертвуетъ деньгами и людьми для завоеванія территоріи, освобожденной уже отъ турецкаго ига и населенной другимъ славянскимъ племенемъ. Она разоряется, чтобы вредить другимъ, безъ всякой выгоды для себя. Еслибы, вмѣсто защиты правъ Турціи и преступнаго нападенія на своихъ собратьевъ, сербы соединились съ Болгаріей и Греціею для освобожденія Македоніи, то они въ настоящее время владѣли бы старо-сербскою землею, Греція распространила бы свою границу до черты своего племенного господства, а остальная область подчинилась бы Болгаріи". Въ этомъ случаѣ все дѣло — въ размежеваніи спорныхъ земель, и крайняя трудность подобной задачи, при смѣшанномъ составѣ населенія, какъ будто упускается изъ виду авторомъ.

Въ книгѣ Лавелэ удѣлено также не мало мѣста наблюденіямъ и свѣденіямъ относительно Турціи въ собственномъ смыслѣ и ея безобразнаго режима; но эта часть книги, также какъ и глава о Румыніи, не представляетъ для насъ новаго практическаго интереса. Мы привели лишь весьма немногое изъ того богатаго матеріала, который собранъ бельгійскимъ ученымъ, и это немногое даетъ гораздо больше для уразумѣнія балканскаго кризиса, чѣмъ сотни обычныхъ газетныхъ статей и корреспонденцій по поводу происходящихъ на злополучномъ полуостровѣ событій.

V.

Сочиненіе фонъ-Гуна о „борьбѣ болгаръ за національное единство“ заключаетъ въ себѣ подробный и живой разсказъ о военно-политическихъ событіяхъ въ княжествѣ и въ Восточной Румеліи, начиная съ филиппопольскаго переворота 6-го сентября 1885 года до полнаго торжества надъ сербами. Въ качествѣ

корреспондента „Кёльнской Газеты“, авторъ имѣлъ возможность непосредственно слѣдить за ходомъ дѣлъ и получать всякія свѣденія изъ первыхъ рукъ; но, какъ нѣмецкій патріотъ, онъ слишкомъ односторонне смотритъ на болгарскій кризисъ, на его причины и послѣдствія, на его главныхъ дѣятелей и участниковъ. Онъ черезъ-чуръ преувеличиваетъ личныя заслуги и достоинства князя Александра, который кажется ему высшимъ олицетвореніемъ болгарской національной независимости и свободы. Онъ въ такомъ тонѣ говоритъ о князѣ, объ *его* арміи и народѣ, какъ будто принцъ Баттенбергъ былъ прирожденнымъ повелителемъ страны и болгары были всегда его подданными. Фонъ-Гунъ не чувствуетъ симпатіи къ Россіи, хотя онъ увѣряетъ въ предисловіи, что у него нѣтъ вражды къ русскимъ, и что онъ „часто защищалъ русскіе интересы и будетъ еще защищать ихъ при другихъ обстоятельствахъ“. Онъ не любитъ также Австро-Венгріи и не скрываетъ своего сожалѣнія о томъ, что Германія поддерживаетъ русскую политику на Востокѣ. Взгляды автора во многомъ поверхностны и ошибочны, но фактическое содержаніе книги весьма любопытно.

По мнѣнію фонъ-Гуна, охлажденіе болгаръ къ русскимъ объясняется, прежде всего, неудачнымъ выборомъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣйствовавшихъ въ Болгаріи во время оккупаціи, ихъ высокомѣріемъ и расточительностью, ихъ щедрыми окладами, ихъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла княжества, ихъ привычками и требованіями, совершенно несогласными съ простотою и скромностью болгарскаго быта. Русскіе дипломатическіе агенты не всегда были дальновидными наблюдателями и часто поступали не совсѣмъ съ тактомъ, раздражая болгаръ безъ надобности и даже безъ намѣренія, вслѣдствіе малаго знакомства съ настроеніемъ и желаніями народа. Они сообщали своему правительству недостаточно полныя свѣденія и, повидимому, проглядѣли объединительное движеніе, направляемое революціоннымъ комитетомъ; поэтому филиппопольскій переворотъ оказался для нихъ неожиданностью. Князь Александръ объяснилъ автору, что о готовящейся революціи онъ узналъ только за три дня до ея наступленія и тотчасъ поспѣшилъ послать своего агента въ Филиппополь, чтобы предотвратить вспышку, согласно обѣщанію, данному имъ въ Франценсбадѣ; но было уже поздно: посланецъ не успѣлъ еще прибыть на мѣсто, какъ уже получена была депеша объ арестованіи Гаврила-паши и о всеобщемъ желаніи видѣть князя во главѣ единой Болгаріи. Князь колебался, обдумывалъ свой шагъ въ теченіе двухъ часовъ и, наконецъ, рѣшился взять на себя

отвѣтственность за совершившееся, чтобы избѣгнуть анархіи и рѣзни между болгарами и мусульманами. Говоря о военныхъ силахъ княжества, фонъ-Гунъ отдаетъ справедливость русскимъ офицерамъ, которые „въ дѣлѣ образованія болгарской арміи показали себя настоящими мастерами и въ поразительно короткое время успѣли создать хорошо дисциплинированное и готовое къ бою войско тамъ, гдѣ прежде ничего не было". Война съ сербами описана авторомъ весьма обстоятельно и толково; наиболѣе видные герои и подвиги ихъ превозносятся съ истинно-военнымъ восторгомъ. Между прочимъ, упомянувъ о храбромъ начальникѣ артиллеріи, Пановѣ, авторъ замѣчаетъ, что „этотъ выдающійся человѣкъ былъ на дурномъ счету у русскихъ, и они давно уже требовали удаленія его изъ арміи, такъ какъ онъ, не безъ основанія, считался однимъ изъ поборниковъ національной независимости въ средѣ болгарскихъ офицеровъ". Очевидно, русскія власти только по ошибкѣ или недоразумѣнію могли заподозривать того самаго Панова, который впослѣдствіи погибъ за свою приверженность къ Россіи. Фонъ-Гунъ полагаетъ, что подорвать авторитетъ и обаяніе русскаго имени въ народѣ было бы не во власти князя Александра или кого бы то ни было другого въ Болгаріи: русскимъ стоило бы только пожелать, и отношеніе къ нимъ болгаръ несомнѣнно измѣнилось бы къ лучшему. Авторъ нисколько не хлопочетъ о нѣмецкихъ или австрійскихъ интересахъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ какъ будто искренно увлекается идеею болгарской самостоятельности, хотя и отождествляетъ эту идею съ личностью принца Баттенберга.

Въ другой книгѣ фонъ-Гуна, вышедшей въ концѣ прошлаго года, излагаются событія „бурнаго времени въ Болгаріи", времени потрясеній и замѣшательствъ, послѣдовавшихъ за сербскою войною. Софійскій переворотъ 9-го августа, его предварительные симптомы, его причины и послѣдствія, удаленіе князя Александра и назначеніе регентства, миссія генерала Каульбарса и выборы въ народное собраніе,—все это является передъ читателемъ въ рядѣ живыхъ очерковъ и характеристикъ, подкрѣпляемыхъ фактическими и отчасти документальными данными. Понятно, что авторъ съ негодованіемъ говоритъ о низложеніи князя, который для него олицетворялъ собою Болгарію. Точка зрѣнія фонъ-Гуна весьма несложна: преступные бунтовщики возстали противъ своего законнаго государя и удалили его насильственно изъ предѣловъ страны; ихъ слѣдовало бы казнить безъ пощады, а князю нужно было возвратить законную власть при содѣйствіи Европы. Этотъ взглядъ невѣренъ даже съ формальной стороны. Принцъ Баттен-

бергъ былъ назначенъ княземъ на извѣстныхъ условіяхъ; онъ не былъ самостоятельнымъ правителемъ, а находился въ вассальной зависимости отъ Порты и подлежалъ контролю великихъ державъ. Если онъ нарушалъ свои обязательства, то его могли смѣнить европейскіе кабинеты, при участіи Турціи; поэтому и болгары не обязаны были подчиняться его смѣлымъ и самовольнымъ дѣйствіямъ, подвергавшимъ опасности внѣшнее положеніе княжества. Авторъ возмущается непостижимою для него суровостью, съ какою оффиціальная Германія отнеслась къ судьбѣ князя Александра. Требованіе германскаго канцлера о недопущеніи военнаго суда надъ участниками переворота представляется фонъ-Гуну крайне несправедливымъ; авторъ даже позволяетъ себѣ выразить сожалѣніе, что арестованные зачинщики не были разстрѣляны немедленно, безъ всякихъ церемоній. Само собою разумѣется, что никакіе смертные приговоры не поддержали бы князя послѣ удачнаго дѣла 9-го августа; они скорѣе вызвали бы катастрофу для него лично. Авторъ заканчиваетъ свою книгу пожеланіемъ, чтобы преемникомъ князя Александра не былъ нѣмецкій принцъ, и чтобы нѣмцамъ не пришлось уже болѣе волноваться изъ-за печальной участи земляка въ Софіи. Такое пожеланіе можетъ быть высказано и въ болѣе широкомъ смыслѣ: правителемъ Болгаріи не долженъ быть иностранный принцъ, чуждый народу по традиціямъ, воззрѣніямъ и интересамъ.

Нѣсколько иныя подробности передаются о тѣхъ же событіяхъ въ очеркахъ Гопчевича, печатавшихся въ журналѣ „Unsere Zeit“ и вошедшихъ позднѣе въ объемистую книгу, подъ заглавіемъ: „Bulgarien und Ostrumelien“. Гопчевичъ ближе знакомъ съ мѣстными условіями и дѣятелями; въ качествѣ австрійскаго серба, онъ соединяетъ въ себѣ положеніе незаинтересованнаго зрителя съ преимуществами полнаго пониманія родственной болгарской жизни. Онъ знаетъ бытъ страны и стремленія ея интеллигенціи не по однимъ лишь внѣшнимъ фактамъ и не по разговорамъ съ княземъ и его сторонниками; онъ поэтому могъ лучше разобраться въ имѣющемся фактическомъ матеріалѣ, чѣмъ нѣмецъ фонъ-Гунъ. Но Гопчевичъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: онъ приписываетъ себѣ значительную роль въ дѣлахъ политическихъ и даже военныхъ, а это обстоятельство вызываетъ невольное сомнѣніе въ правдивости его разсказовъ. По увѣренію автора, болгарскіе министры и офицеры часто слѣдовали его указаніямъ; такъ, письмо князя Александра къ королю Милану, не принятое послѣднимъ, было внушено Гопчевичемъ, который убѣдилъ Каравелова предложить Сербіи союзъ на основаніяхъ,

выработанныхъ имъ же, авторомъ; онъ же, Гопчевичъ, далъ министерству остроумный совѣтъ потребовать отъ Порты оффиціальнаго заявленія, что всякое нападеніе на Болгарію будетъ принято султаномъ за враждебное дѣйствіе противъ оттоманской имперіи, которой княжество подвластно; далѣе, авторъ принималъ участіе въ министерскихъ совѣщаніяхъ, являлся на полѣ битвы въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, первый вступилъ, рискуя жизнью, въ городъ Царибродъ, дѣлился своими запасами съ княземъ и совершилъ вообще не мало подвиговъ, о которыхъ ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. Гопчевичъ сообщаетъ, между прочимъ, что переворотъ въ Филиппополѣ былъ устроенъ по плану Каравелова и съ согласія князя, въ чемъ сознались автору самъ министръ-президентъ и одинъ изъ приближенныхъ князя, баронъ Ридезель. Авторъ видѣлъ и слышалъ еще болѣе невѣроятныя вещи: онъ будто бы засталъ бывшихъ министровъ Восточной Румеліи и главныхъ приверженцевъ партіи Крестовича превращенными въ простыхъ рабочихъ и носильщиковъ на филиппопольскомъ вокзалѣ. Малая достовѣрность подобныхъ утвержденій лишаетъ очерки Гопчевича того значенія, какое могутъ имѣть свидѣтельства очевидцевъ для правильной оцѣнки балканскихъ событій.

VI.

Рядомъ съ политикою и независимо отъ нея, продолжается въ Болгаріи внутренняя образовательная работа, содѣйствующая также отчужденію болгаръ отъ Россіи. Мы очень много сдѣлали для болгарской арміи, но очень мало—для болгарскихъ школъ, для интересовъ просвѣщенія и культуры. Нами заведены правительственныя и военныя учрежденія, но мы ничего—или почти ничего—не дали народу въ области тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, которыми питается и поддерживается всякое государственное развитіе. Объ этой духовной сторонѣ болгарской жизни мы находимъ нѣкоторыя поучительныя свѣденія въ книгѣ Іосифа Голубовича, посвященной, главнымъ образомъ, вопросу о католической пропагандѣ въ Болгаріи. Народъ понимаетъ необходимость образованія и высоко цѣнитъ услуги людей, работающихъ въ этомъ направленіи; и католицизмъ можетъ имѣть тамъ успѣхъ только благодаря тому, что мѣстные представители римской церкви употребляютъ всю свою энергію на устройство школъ и пріютовъ, на воспитаніе и обученіе юношества. Населеніе охотно даетъ свои средства на потребности образованія; въ

новѣйшее время основано болѣе 400 народныхъ училищъ, а для снабженія ихъ подготовленными учителями существуютъ двѣ учительскія семинаріи—въ Врацѣ и Шумлѣ. Въ короткій срокъ отъ 1879 до 1881 года, создано 277 новыхъ народныхъ школъ въ предѣлахъ княжества. Страна, уступающая многимъ изъ нашихъ губерній по величинѣ и по количеству жителей, имѣетъ теперь пять мужскихъ гимназій, пять женскихъ, четыре учительскихъ семинаріи, два духовныхъ училища, одну кадетскую школу (въ Софіи) и одну сельско-хозяйственную (въ Рущукѣ). Въ Румеліи было уже въ 1881 году около 840 народныхъ болгарскихъ училищъ, съ 48.000 учащихся и 1.000 учителей; среднихъ учебныхъ заведеній было всего четыре—два мужскія и два женскія. Католическіе миссіонеры имѣютъ свои школы въ Филиппополѣ, Адріанополѣ и Монастырѣ: нѣсколько школъ устроено французскими монахинями, прибывшими въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, по приглашенію уніатскаго епископа, Рафаила Попова. Роскошные католическіе костелы въ забалканской Болгаріи поражали поляковъ, принадлежавшихъ къ русской арміи, во время войны 1877 года. Первая деревня, занятая русскою императорскою квартирою послѣ перехода черезъ Дунай, оказалась католическою, и русскихъ встрѣчалъ тамъ ксендзъ. Въ Адріанополѣ есть гимназія и семинарія, единственныя въ цѣлой Турціи, но и тѣ—уніатскія; женскій пансіонъ содержится тамъ католическими сестрами изъ Загреба. Болгары были сильно удивлены, когда убѣдились, что русскія военныя власти вовсе не преслѣдуютъ католиковъ и относятся съ одинаковою терпимостью къ людямъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Руководители католическихъ школъ особенно боялись князя Черкасскаго, при которомъ чаще всего слышались наиболѣе употребительныя и легкія слова стараго административнаго лексикона: „закрыть“, „изгнать“, „запретить“. Подготовить дѣйствительный противовѣсъ чужой учебной пропагандѣ, въ видѣ русско-болгарскихъ школъ, семинарій и пансіоновъ,—объ этомъ мало думали, такъ какъ подобные способы дѣйствія требуютъ гораздо большей выдержки, настойчивости и пониманія. Католическіе миссіонеры нисколько не пострадали отъ присутствія русскихъ войскъ; напротивъ, они имѣли случай выказать свое самоотверженіе, помогая раненымъ, подбирая брошенныхъ болгарскихъ дѣтей и стараясь всѣми силами облегчить бѣдствія войны для мирнаго населенія. Любопытно и пріятно читать у автора—польскаго ксендза—описаніе того восторга, съ какимъ обычные враги Россіи привѣтствовали въ Адріанополѣ вторичное вступленіе русской арміи; всѣ съ лихорадочнымъ не-

терпѣніемъ ожидали русскихъ солдатъ, какъ избавителей отъ анархіи, какъ представителей порядка и законности. Но то, что̀ спасаетъ въ военное время, является недостаточнымъ при мирномъ ходѣ жизни, ибо не однимъ внѣшнимъ порядкомъ живутъ люди.

Если задать себѣ вопросъ, что̀ именно представляли мы собою въ Болгаріи, по окончаніи войны, въ періодъ мирнаго политическаго развитія страны, то прежде всего слѣдуетъ указать, какъ на главную цѣль—на созданіе государственности внутри и солидарности съ Россіею извнѣ. Но все это становится весьма неяснымъ и неопредѣленнымъ, если присмотрѣться ближе къ обстоятельствамъ злополучнаго княженія принца Баттенберга. Государственность можетъ быть различная — хорошая и дурная, строго бюрократическая и общественная, съ административнымъ произволомъ и съ строгою законностью, съ свободою хищенія и безъ этой свободы, и т. д. Солидарность съ Россіею можетъ быть также понимаема неодинаково; — она можетъ установиться на почвѣ одной военной дисциплины, или она можетъ быть основана на духовномъ родствѣ, на живомъ литературномъ общеніи, на единствѣ культурныхъ и политическихъ цѣлей, и т. п. Несомнѣнно, что при князѣ Александрѣ русское вліяніе было только внѣшнею силою, не успѣвшею еще въ точности опредѣлить свои истинныя задачи и свое будущее направленіе; этою силою ловко пользовался молодой иностранный принцъ, въ ущербъ интересамъ и популярности Россіи. Справедливость такого взгляда признана печатно двумя видными русскими дѣятелями въ Болгаріи, генералами Соболевымъ и Эрнротомъ, хотя воззрѣнія и симпатіи ихъ расходятся весьма существенно.

Въ запискѣ Л. Н. Соболева, напечатанной въ „Русской Старинѣ" и изданной также въ нѣмецкомъ переводѣ [1]), ярко обрисовывается неустойчивое и двусмысленное положеніе русскихъ людей, служившихъ въ Болгаріи при князѣ Александрѣ. Почтенный авторъ, повидимому, весьма разумно смотритъ на болгарскія дѣла. Въ княжествѣ введена была конституція, дабы не отдавать страну иностранному принцу „въ вотчинное управленіе"; но и переворотъ 1881 года, упразднившій конституцію, былъ „совершенъ русскими, которыхъ князь увѣрилъ лично и письменно,

[1]) Der erste Fürst von Bulgarien. Aufzeichnungen des russischen Generals und vormaligen bulgarischen Ministerpräsidenten *L. Sobolew.* Aus dem russischen. Mit einer Einleitung, Lpz. 1886. Мы пользовались только русскимъ подлинникомъ („Русская Старина", 1886, сентябрь).

что дѣлается это по указанію" русскаго правительства. „Такимъ способомъ князь достигалъ двухъ цѣлей—получилъ неограниченную власть и возбудилъ болгаръ противъ русскихъ; Россія, избавившая болгаръ отъ тяжелаго турецкаго ига, отдавала ихъ въ рабство нѣмецкому князю. У болгаръ явилось сомнѣніе въ устойчивости политики Россіи, и многіе изъ нихъ стали обращаться къ Западу". Въ помощь князю, по его просьбѣ, были назначены два генерала, которымъ князь поручилъ поддержать авторитетъ его власти и обезпечить успѣхъ желѣзно-дорожнаго предпріятія, задуманнаго въ Вѣнѣ и Дармштадтѣ. „Этою именно цѣлью и задался генералъ Соболевъ", по словамъ автора записки. Князь довольно откровенно заявлялъ свои желанія и требованія; русскіе дѣятели добросовѣстно брались за исполненіе ихъ. Допуская созваніе народнаго собранія для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ, князь говорилъ министру-президенту Л. Н. Соболеву слѣдующее: „я требую, чтобы составъ его былъ таковъ, при коемъ депутаты вотировали бы какъ рота солдатъ; если нужно будетъ назначить депутатами отставныхъ унтеръ-офицеровъ, то я ничего не буду имѣть противъ этого, лишь бы народное собраніе дѣлало то, чтò ему будетъ приказано". Генералъ Соболевъ не возражалъ и повидимому принялъ эту инструкцію къ свѣдѣнію. Болгарскіе министры и депутаты хотѣли уничтожить жандармерію, созданную въ видѣ особаго драгунскаго корпуса послѣ переворота 1881 года. „Во главѣ этой вооруженной полиціи,—поясняетъ авторъ, — какъ всегда дѣлалъ князь при принятіи какой-либо репрессивной мѣры, были поставлены исключительно русскіе офицеры. Жандармерія возбуждала въ княжествѣ крайнее неудовольствіе, ибо въ сущности служила цѣлямъ консервативной клики, и, исполняя ея приказанія, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ тѣснила всѣхъ, кто почему-либо былъ несогласенъ съ этою award кликою. Русскіе офицеры были поставлены въ унизительное положеніе исполнять приказанія болгарскаго министерства, истинныя цѣли котораго были отъ нихъ скрываемы". И однако русскіе генералы обѣщали князю сохранить жандармерію, вопреки прочимъ министрамъ и народному собранію,—„ибо не даромъ онъ выпросилъ въ Петербургѣ генераловъ". Послѣдніе, въ концѣ концовъ, побѣдили, при помощи чрезвычайныхъ полномочій. „Генералъ Соболевъ заявилъ собранію, что воля князя заключается въ сохраненіи драгунъ, какъ войска. Депутаты обидѣлись и принесли жалобу князю; этотъ послѣдній сказалъ генералу: „Vous avez froissé la chambre"... Генералы Соболевъ и Кауль-

барсъ были на сторонѣ князя и были возмущены тѣмъ, что ихъ коллеги-министры, кричавшіе о своей преданности своему государю (?), ни въ грошъ не ставили сего послѣдняго, когда онъ не хотѣлъ сдѣлать того, чего они домогались". По совѣту генераловъ, вопросъ былъ рѣшенъ княземъ самовластно, рескриптомъ на имя министра-президента. Всѣ эти энергическія усилія поддержать произволъ иностраннаго принца могли привести только къ напрасному раздраженію народа противъ Россіи и къ явному подрыву ея дѣйствительныхъ интересовъ. Впослѣдствіи генералъ Соболевъ понялъ странность своей роли въ княжествѣ; но, по обыкновенію, онъ винитъ только самого князя и иностранныя державы, Австрію и Германію. Для насъ не совсѣмъ ясно, почему нѣмцы и австрійцы виноваты въ томъ, что русскіе генералы работали для ихъ пользы и подготовляли почву для ихъ вліянія. Бороться съ народнымъ собраніемъ и съ законами, во имя личной воли князя—развѣ это не значило хлопотать объ охлажденіи болгаръ къ русскимъ дѣятелямъ, смѣшавшимъ почему-то авторитетъ власти съ ея произволомъ?

Позднѣе Л. Н. Соболевъ выступилъ противъ такъ-называемыхъ консерваторовъ болгарскихъ, высказывался за возстановленіе законнаго порядка и пріобрѣлъ этимъ большую популярность въ народѣ. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ запискѣ бывшихъ болгарскихъ министровъ, Стоилова, Грекова и Начевича, онъ утверждаетъ уже, что чрезвычайныя полномочія взяты были для того, „чтобы было легче эксплуатировать Болгарію, благо она богата". Князь Александръ оказывается уже не „государемъ", которому надо было подчиняться въ вопросѣ о драгунахъ, а чѣмъ-то совершенно другимъ. „Князь болгарскій, очевидно, не оцѣнилъ и не понялъ тѣхъ обязательствъ, которыя налагались на него фактомъ выбора его въ князья государства, созданнаго жертвами русскаго народа. Онъ стѣснялся своимъ положеніемъ; онъ хотѣлъ создать себѣ какое-то самостоятельное право. Онъ стѣснялся тырновскою конституціею: она связывала ему руки. Положеніе его казалось ему унизительнымъ, а главное—невыгоднымъ. Переворотомъ 1881 г. онъ разрывалъ нравственную связь съ Россіею и сближался съ Австріею и Германіею, которыя видѣли въ немъ проводника германизаціи южныхъ славянъ. Онъ опирался на слабую партію болгаръ, но съумѣлъ ввести въ заблужденіе народъ, заявивъ, что за переворотъ стоитъ Россія". Нравственный разрывъ съ Россіею одновременно съ порученіемъ власти русскимъ генераламъ, сближеніе съ Вѣною и Берлиномъ, посред-

ствомъ русскаго господства,—все это какъ-то плохо вяжется между собою и прямо противорѣчитъ фактамъ, передаваемымъ самимъ же авторомъ. Въ другомъ мѣстѣ Л. Н. Соболевъ замѣчаетъ, что окружавшая князя группа лицъ „окрестила себя названіемъ консервативной партіи, имѣя въ виду, что за одну эту кличку ее будто поддержитъ русское правительство", и что „въ 1881 году она дѣйствительно обманула наше правительство". При чемъ же тутъ Австрія и Германія? Забывая свои хлопоты объ авторитетѣ князя, бывшій министръ-президентъ находитъ уже, что „князь не долженъ вмѣшиваться въ финансовыя дѣла; онъ долженъ довольствоваться своимъ содержаніемъ". „Князь самъ говорилъ мнѣ,—продолжаетъ авторъ,—что короли должны обезпечивать себя, что Карлъ румынскій и Миланъ сербскій обезпечили свою будущность". Отецъ князя, принцъ Александръ Гессенскій, имѣлъ неосторожность жаловаться болгарамъ, что сынъ его бѣденъ, тогда какъ другіе принцы имѣютъ помѣстья, дворцы, капиталы. Насколько авторъ склоненъ обвинять иностранцевъ за русскія ошибки—это можно видѣть, напримѣръ, изъ отзыва его объ избирательномъ законѣ, который былъ имъ же одобренъ и подписанъ. „Выборный законъ былъ составленъ при содѣйствіи Себастіани, француза, участвовавшаго въ знаменитомъ Наполеоновскомъ переворотѣ 2-го декабря. Сей французъ судился впослѣдствіи за мошенничество (!). Въ Варнѣ, гдѣ былъ князь, меня умоляли (?) подписать законъ. Требовалась подпись русскаго генерала. Я его подписалъ, ибо онъ самъ по себѣ, при честномъ его примѣненіи, не могъ нанести большого ущерба народу". Очевидно, ссылка на чьи-то просьбы и на француза, виновнаго въ мошенничествѣ, нисколько не уменьшаетъ отвѣтственности за подписаніе плохого закона. Генералъ Соболевъ не раздѣляетъ того мнѣнія, что неудачныя дѣйствія русскихъ представителей могутъ „посѣять сѣмя раздора и несогласія" между двумя народами, подобно тому, какъ это случилось относительно Сербіи. „Сербы мнѣ говорили, что Россія сама толкнула ихъ къ Австріи, что графъ Шуваловъ на берлинскомъ конгрессѣ будто послалъ Ристича къ графу Андраши. Этого я не оспариваю. Это выражало, быть можетъ, нѣкоторое презрѣніе русскаго государственнаго человѣка къ Сербіи; но развѣ на этомъ можно основывать политику? Развѣ болгарскіе дѣятели могутъ вести дѣло къ охлажденію болгаръ къ Россіи только потому, что имъ кажется, что генералы Соболевъ и Каульбарсъ отнеслись презрительно къ вожакамъ консервативной партіи?.. Готовъ даже со-

знаться, что я выказалъ имъ это презрѣніе, хотя держалъ себя съ ними очень сдержанно. Но развѣ можно на этомъ строить политику?" На это не трудно отвѣтить вопросомъ: развѣ презрѣніе есть политика? Если мы презираемъ сербовъ или болгаръ, то нечего уже удивляться, что они ищутъ сближенія съ другими, которые ихъ не презираютъ, причемъ плоды нашихъ жертвъ и побѣдъ достаются иностраннымъ державамъ. Такой результатъ едва ли могъ быть желателенъ для Россіи и для русскаго правительства.

Дѣло именно въ томъ, что русскіе дѣятели въ Болгаріи не знали въ точности, что̀ желательно и что̀ нежелательно въ интересахъ русской политики на Востокѣ, и самыя мнѣнія объ этомъ предметѣ измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ. Генералъ Соболевъ считаетъ переворотъ 1881 года враждебнымъ для Россіи дѣломъ, а непосредственный руководитель переворота, генералъ Эрнротъ, держится противоположнаго взгляда и беретъ на себя всю отвѣтственность за событія. Князь никого не вводилъ въ заблужденіе; никакого участія Австріи или Германіи не было и быть не могло. Генералъ Эрнротъ полагаетъ, что въ Петербургѣ отнеслись къ перевороту вполнѣ одобрительно; возражали только „либеральствующія газеты", но до нихъ—прибавляетъ онъ—„мнѣ мало дѣла". О неминуемости кризиса дано было знать русскому правительству заранѣе; но у насъ, „повидимому, не особенно этимъ интересовались". Генералъ откровенно разсказываетъ, какъ произошло упраздненіе болгарской конституціи. „Когда 27-го апрѣля 1881 г.,—говоритъ онъ,—я принялъ на себя составленіе кабинета или, вѣрнѣе, всю исполнительную власть, князь Александръ не передавалъ мнѣ какихъ-либо указаній, будто бы имъ полученныхъ въ Петербургѣ. Не будучи обманщикомъ, я не могъ увѣрять своихъ подчиненныхъ, русскихъ офицеровъ, что мѣры, которыя тогда принимались по моему же почину, будто бы указаны русскимъ правительствомъ; въ этомъ никакой надобности и не было... Непосредственныхъ сношеній по политическимъ дѣламъ я съ министерствами въ Петербургѣ не поддерживалъ и не былъ даже снабженъ потребнымъ для сего шифромъ. Заботясь, прежде всего, о сохраненіи моихъ намѣреній въ тайнѣ, пока не наступила пора дѣйствовать, я не призналъ удобнымъ о нихъ сообщать, посредствомъ дипломатическаго агентства въ Софіи, и имѣлъ на это свои основанія... Приписать вліянію Австріи или Германіи переворотъ 1881 года—столь же вѣрно, какъ приписать его вліянію Бельгіи или Румыніи". При-

томъ, „дипломатическій агентъ Австріи, извѣстный графъ Кевенгюллеръ, въ 1881 году блисталъ въ Болгаріи своимъ отсутствіемъ“ [1]).

Выходитъ нѣчто весьма оригинальное: одинъ русскій генералъ видитъ иностранную интригу въ томъ, что̀ совершено другимъ русскимъ генераломъ, и оба они считаютъ себя солидарными съ русскимъ правительствомъ. Что̀ подумать болгарамъ при такихъ коренныхъ разногласіяхъ между авторитетными представителями Россіи въ княжествѣ? Въ данномъ случаѣ, разногласіе имѣло, впрочемъ, теоретическій характеръ, такъ какъ на практикѣ Л. Н. Соболевъ поддерживалъ тѣ самыя „чрезвычайныя полномочія“, которыя были добыты для князя К. Г. Эрнротомъ. Послѣдній ошибался только въ одномъ: онъ упустилъ изъ виду, что грѣхи „либеральствующихъ газетъ“ имѣютъ глубокіе и прочные корни въ Болгаріи, въ ея народномъ чувствѣ, въ ея стремленіяхъ къ національному самоуправленію и къ политической независимости. Кому до всего этого нѣтъ дѣла, тотъ не долженъ былъ бы принимать на себя отвѣтственности въ болгарскихъ дѣлахъ.

Русская политика не могла имѣть вполнѣ послѣдовательныхъ истолкователей въ Болгаріи уже потому, что дипломатическіе агенты смѣнялись слишкомъ часто, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои особые взгляды на задачи Россіи въ балканскихъ земляхъ. Въ теченіе шести лѣтъ, отъ 1881 года, въ Софіи дѣйствовали поочередно гг. Хитрово, Іонинъ, Кояндеръ, Богдановъ, Неклюдовъ, Карцевъ (временно) и генералъ Каульбарсъ. На каждаго дипломата приходится меньше одного года,—т. е. ровно столько, сколько нужно лишь для предварительнаго изученія интересовъ и потребностей княжества, для полнаго ознакомленія съ дѣлами и людьми. Въ Англіи или Австріи смотрятъ на дипломатическія агентства въ предѣлахъ европейскаго юго-востока какъ на посты первостепенной важности, которые могутъ быть поручаемы только опытнымъ и талантливымъ дипломатамъ; у насъ это не совсѣмъ такъ. Частая смѣна дипломатическихъ агентовъ и назначеніе ихъ изъ людей молодыхъ, недостаточно подготовленныхъ къ своей дѣятельности, приводятъ къ тому, что въ области нашихъ восточныхъ интересовъ, цѣлей и способовъ дѣйствія не выработалась еще до сихъ поръ точная и положительная программа, которой слѣдовали бы съ надлежащимъ постоянствомъ и единодушіемъ различные русскіе дипломаты на Балканскомъ полу-

---

[1]) „Русская Старина“, 1886, ноябрь, стр. 477—8.

островѣ. Австрійцы, нѣмцы и англичане имѣютъ передъ нами два преимущества: во-первыхъ, они твердо знаютъ, чего хотятъ на Востокѣ, и стараются достигнуть желаемаго наиболѣе цѣлесообразными средствами, и, во-вторыхъ, они опираются, сверхъ всего прочаго, еще и на европейское богатство, на обаятельную силу высшей культуры и цивилизаціи. На этой культурной почвѣ только и была возможна успѣшная борьба съ соперниками. Только духовнымъ, умственнымъ оружіемъ можемъ мы одерживать прочныя побѣды въ средѣ родственныхъ намъ славянскихъ народностей.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

По взморью бродилъ я—и морю внималъ.
    О чемъ-то печально и важно
Волна вопрошала—и ей отвѣчалъ
    Разсыпчатый берегъ протяжно.

Весь вечеръ ихъ рѣчи внималъ я одинъ,
    Объятый тоской безпредѣльной.
Всплылъ мѣсяцъ—и глетчеры дальнихъ вершинъ
    Зажглись красотою безцѣльной.

Раскрылся сводъ неба—прекрасенъ и нѣмъ,
    Подобно пустынному раю.
И волны въ тиши вопрошали: зачѣмъ?
    И берегъ шепталъ имъ: не знаю...

Батумъ.

ИСКУССТВО.

Въ глухой полночный часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ же лѣсъ взгляни:
Не тѣже-ль предъ тобой шумятъ деревьевъ кущи,
Не тотъ же ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя-бъ одной волной, одною вѣткой—лѣсъ?
Но ты ихъ не узналъ: ихъ солнце освѣтило,
И волны ожили, и каждый листъ воскресъ,
И все, что̀ въ нѣдрахъ тьмы таилось сокровенно,
Ликуя, родилось передъ лицомъ вселенной.

Н. Минскій.

СЧАСТЛИВЕЦЪ

Этюдъ.

Въ мое время, послѣднiе мѣсяцы въ закрытыхъ учебныхъ заведенiяхъ бывали очень оживлены. Казенная служба (на опредѣленный срокъ) была обязательна, и потому вопросъ о томъ, кто куда пристроится, стоялъ на первомъ планѣ; затѣмъ выдвигался вопросъ о томъ, что̀ будутъ давать родители на прожитокъ и, наконецъ, вопросъ объ экипировкѣ. Во всѣхъ углахъ интерната раздавалось:

— Ты куда?

— Разумѣется, въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

— Насъ, братъ, тамъ не совсѣмъ-то долюбливаютъ...

— Нѣтъ, у меня дядя тамъ; онъ похлопочетъ... Ахъ, кабы годикъ... attaché... въ Парижъ!! А ты куда?

— Я... въ департаментъ полицiи исполнительной...—запинается собесѣдникъ и какъ-то стыдливо краснѣетъ.

— Чудакъ!

— У меня тамъ тоже дядя... обѣщалъ мѣсто помощника столоначальника... Тысячу двѣсти рублей (тогда рубль еще былъ ассигнацiонный) на полу не поднимешь, а я...

Или:

— Тебѣ сколько родители на житье назначаютъ?

— Мнѣ... двѣ тысячи,—краснѣя, отвѣчаетъ товарищъ, прибавляя цѣлую половину или, по малой мѣрѣ, четверть противъ скромной дѣйствительности.

— А мнѣ пятнадцать! Maman ужъ прiискала квартиру и меблируетъ ее... un vrai nid d'oiseau! Пару лошадей въ деревнѣ нарочно для меня выѣздили, на-дняхъ приведутъ... О! я..

40*

Наконецъ:

— Ты у кого платье заказываешь?

— У Сарра̀, а бѣлье—у Лепре́тра. А ты?

— Я—у Клеменца... это вѣдь тоже хорошій портной... Бѣлье —дома маменька шьетъ...

— Ахъ!

Повторяю: такъ было въ мое время. Теперь, какъ я слышалъ, между воспитанниками интернатовъ уже существуютъ болѣе серьёзные взгляды на предстоящее будущее, но въ сороковыхъ годахъ разговоры въ родѣ приведеннаго выше стояли на первомъ планѣ и были единственными, возбуждавшими общій интересъ, и несомнѣнно—они не оставались безъ вліянія на будущее. Питомецъ, поступавшій на службу въ департаментъ полиціи исполнительной, жившій на какихъ-нибудь злосчастныхъ тысячу рублей и заказывавшій платье у Клеменца, могъ имѣть очень мало общаго съ блестящимъ питомцемъ, одѣвавшимся у Сарра̀, мчавшимся по Невскому на ворономъ рысакѣ и имѣвшимъ виды быть въ непродолжительномъ времени attaché при посольствѣ въ Парижѣ. Первое время по выходѣ изъ заведенія, товарищи еще видѣлись, но жизнь неумолимо вступала въ свои права и еще неумолимѣе стирала всякіе слѣды пяти-шестилѣтняго сожительства. Молодые люди, не встрѣчаясь въ обществѣ, легко забывали старое однокашничество, и хотя пожимали другъ другу руки въ театрѣ, на улицѣ и т. д., но эти пожатія были чисто формальныя. Уже въ самыхъ стѣнахъ интерната образовывалось два лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ не чуждъ зависти, другой—пренебреженія. Но что̀ всего замѣчательнѣе, даже въ одномъ и томъ же лагерѣ дружескія связи очень рѣдко завязывались прочно,—до такой степени, съ выходомъ на волю, жизненные пути развѣтвлялись, спутывались и все болѣе и болѣе уклонялись въ даль, въ самое короткое время.

Лично, я не могъ похвалиться тѣсными дружескими связями, но все-таки ближе другихъ былъ связанъ съ Валерушкой Крутицынымъ. Я былъ, такъ сказать, средній воспитанникъ; изъ ученья имѣлъ баллы не блестящіе, изъ поведенія—и того меньше. Мои виды на будущее были болѣе чѣмъ посредственные; отсутствіе всякой протекціи и довольно скудное „положеніе“ отъ родныхъ отдавали меня на жертву служебной случайности и осуждали на скитаніе по скромнымъ квартирамъ съ „чернымъ ходомъ“ и на продовольствіе въ кухмистерскихъ. Даже послѣднее было не всегда доступно, потому что молодость требовала дорогихъ развлеченій, и иногда, ради билета въ театръ, я вынуждался замѣнять скромный кухмистерскій обѣдъ десяти-копѣечной колбасой съ булкой.

Старый дядька, который жилъ при мнѣ, и тотъ имѣлъ въ мелочной лавкѣ пищу болѣе сытную и здоровую.

Напротивъ того, Крутицынъ, какъ оказалось изъ моихъ разспросовъ, былъ молодой человѣкъ вполнѣ обезпеченный. Лошадей онъ, правда, не будетъ держать, но квартирку устроитъ комфортабельно и чистенько, и обѣдать будетъ не иначе, какъ „настоящимъ образомъ“ и въ хорошемъ ресторанѣ. Франтовства особеннаго не дозволитъ себѣ, а станетъ одѣваться красиво и безукоризненно. На службѣ изнемогать онъ тоже не располагалъ (онъ называлъ чиновниковъ „хамами“), а отбудетъ свой срокъ и затѣмъ выйдетъ на всѣ четыре стороны. Онъ любитъ читать (не одни романы, но и серьезныя книжки), охотникъ до театра и не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ кутежамъ. Все это даетъ ему право надѣяться, что жизнь его устроится разумно, независимо и свободно.

Но главная его претензія—это быть джентльменомъ. Когда наступитъ время, онъ уѣдетъ изъ Петербурга въ „свое мѣсто“ и будетъ служить по выборамъ. Ибо только такимъ образомъ истинный джентльменъ можетъ оправдать свое призваніе; только тамъ, среди „своихъ“, онъ самымъ дѣломъ покажетъ, что̀ значитъ высоко держать „свое“ знамя.

— У насъ, mon cher, насчетъ этого самыя незрѣлыя, почти младенческія понятія,—говаривалъ онъ мнѣ. — Дворянство, за исключеніемъ немногихъ уѣздовъ, представляющихъ собой какъ бы оазисы, совершенно забыло о своемъ значеніи въ государствѣ и обратилось въ массу приживальцевъ на хлѣбахъ у казны. Какой-нибудь департаментскій штатскій генералъ съ высоты величія, почти съ пренебреженіемъ, смотритъ на бѣднаго дворянина, пріѣзжающаго въ Петербургъ ходатайствовать по своимъ дѣламъ. Въ провинціи, конечно, дѣло идетъ нѣсколько иначе, но едва ли лучше. Тамъ, наоборотъ, дворяне тѣсно стоятъ другъ за друга, но не въ смыслѣ джентльменства, а въ самыхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Само собой разумѣется, что такимъ образомъ дѣйствій они производятъ въ массахъ глухое раздраженіе. Крѣпостное право совсѣмъ не такъ худо, какъ о немъ разсказываютъ, и еслибы дворяне относились другъ къ другу строже, то Богъ знаетъ, когда еще этотъ вопросъ поступилъ бы на очередь. А теперь, пожалуй...

Это говорилось еще задолго до слуховъ объ эмансипаціи, и я положительно не понималъ, откуда могъ набраться Валерушка такихъ несвойственныхъ казенному заведенію „принциповъ“. Вѣроятно, они циркулировали въ его семействѣ, которое безвыѣздно

жило въ деревнѣ и играло въ „своемъ мѣстѣ“ значительную роль. Съ своей стороны, помнится, я относился къ этимъ заявленіямъ довольно равнодушно, тѣмъ болѣе, что мысль о возможности упраздненія крѣпостного права въ то время даже мелькомъ не заходила мнѣ въ голову.

Важнѣе всего, что у Крутицына, при самомъ выходѣ со школьной скамьи, была уже задача, довольно, правда, отдаленная и смутная, но все-таки, до извѣстной степени, опредѣлявшая его внутренній міръ.

Онъ не измѣнитъ данному слову, потому что онъ—джентльменъ; онъ не позволитъ себѣ сомнительнаго поступка, потому что онъ—джентльменъ; онъ не ударитъ въ лицо своего слугу, не заставитъ повара съѣсть попавшаго въ супъ таракана, не возьметъ въ наложницы крѣпостную дѣвицу, потому что онъ—джентльменъ; онъ привѣтливо приметъ бѣднаго помѣщика-сосѣда, который явится съ просьбой по дѣлу, потому что онъ—джентльменъ. Вообще, онъ не „замараетъ“ себя... нѣтъ, никогда! Даже наединѣ самъ съ собой онъ будетъ мыслить и чувствовать какъ джентльменъ.

Первыя шесть лѣтъ, которыя Крутицынъ прожилъ въ Петербургѣ, покуда не кончился срокъ обязательной службы, наши дружескія связи продолжали поддерживаться, хотя я долженъ сознаться, что это стоило мнѣ лично нѣкоторыхъ усилій. Впрочемъ не я одинъ, а и другіе товарищи его охотно посѣщали, и онъ всѣхъ принималъ радушно. Ни про кого изъ сверстниковъ я не слыхалъ отъ него паскудной клички „ami-cochon“, которую направо и налѣво разсыпали графъ Б., графъ О. и другіе баловни фортуны. Напротивъ того, онъ даже искусственной предупредительности не выказывалъ, какъ бы боясь оскорбить ею, а оставался все тѣмъ же простымъ, участливымъ и добрымъ малымъ, какимъ былъ на школьной скамьѣ. Правда, что нѣкоторое время по выходѣ изъ школы у него почти совсѣмъ не было „посторонних“ знакомствъ, и потому со стороны не представлялось случая для сравненій и выводовъ. Среда, въ которой ему предстояло вращаться, еще не опредѣлилась, и товарищи составляли пока единственный рессурсъ.

Я зналъ, что у него живетъ въ Петербургѣ сестра, замужемъ за княземъ X., что домъ этой сестры—одинъ изъ самыхъ блестящихъ, и что тамъ собирается такъ-называемое высшее общество. Валерушка бывалъ у сестры часто, и хотя это представлялось вполнѣ естественнымъ, но я какъ-то инстинктивно страдалъ всякій разъ, когда на мой вопросъ: дома ли Валеріанъ Сергѣичъ? мнѣ

отвѣчали: „къ сестрицѣ уѣхали“. Мнѣ казалось, что тутъ уже кроется зародышъ двойственности. Нерѣдко, когда я сидѣлъ у Крутицына, подъѣзжала въ щегольской коляскѣ къ дому, въ которомъ онъ жилъ, красивая женщина и дѣлала движеніе, чтобы выйти изъ экипажа; но всякій разъ на-встрѣчу ей торопливо выбѣгалъ камердинеръ Крутицына и что-то объяснялъ, послѣ чего сестра опять усаживалась въ коляску и оставалась ждать брата. Крутицынъ, съ своей стороны, извинялся предо мной и, поспѣшно надѣвши пальто, выходилъ изъ дома. Однажды даже такъ случилось, что красавица полюбопытствовала и вышла изъ экипажа, и хотя Валеріанъ крикнулъ ей въ переднюю:

— Je ne suis pas seul...

Но она не послушалась предостереженія и вошла въ кабинетъ.

— Надѣюсь, что вы позволите „вашему другу“ уѣхать со мной?— сказала она, обращаясь ко мнѣ.

Словъ было немного, но въ тонѣ, которымъ были произнесены слова: „вашъ другъ“, заключалась цѣлая поэма. Во всякомъ случаѣ, въ эту минуту въ первый разъ, но все еще смутно, мелькнула мнѣ мысль, что въ „принципахъ“ извѣстной окраски, если даже они залегли въ общее міросозерцаніе въ тѣхъ чуждыхъ надменности формахъ, въ какихъ ихъ воспринялъ Валерушка, можетъ существовать своего рода трещина, сквозь которую просачивается исключительность и относительно „своихъ“, не менѣе фаворизированныхъ фортуною.

Въ наличности этой трещины еще болѣе убѣдили меня дальнѣйшія сношенія съ Крутицынымъ. Съ теченіемъ времени, въ квартирѣ его начали появляться „постороннія“ личности. И хотя онъ очень предупредительно представлялъ насъ другъ другу, но я всегда чувствовалъ при этомъ невольную неловкость. Или придешь такъ, что „посторонняя“ личность уже тутъ, и тогда она немедленно снимается съ мѣста и—со словами: „Итакъ, въ такомъ-то часу...“—удаляется во-свояси.

Или же „посторонняя“ личность появлялась, когда я сидѣлъ у Крутицына.

Заглянувъ въ кабинетъ и увидавъ меня, она восклицала:

— А! ты занятъ дѣлами! Pardon! Я черезъ часъ зайду...

И дѣлала движеніе, чтобъ удалиться...

— О, нѣтъ! о, нѣтъ!—удерживалъ пріятеля Валерушка: — останься! ты не помѣшаешь!

Но, разумѣется, я, въ свою очередь, понималъ, что я лишній, и спѣшилъ удалиться.

Тѣмъ не менѣе, я упорствовалъ. Хотя существованіе трещины дѣлалось болѣе и болѣе несомнѣннымъ, но я увѣрялъ себя, что она засѣла не въ убѣжденіяхъ самого Валерушки, а въ той атмосферѣ, въ которой ему, волей-неволей, приходилось вращаться. Самъ онъ—говорилъ я себѣ—противникъ этой, худо скрываемой, надменности, и, конечно, не лжетъ, говоря, что въ ней заключается одна изъ причинъ сословной захудалости. Но не виноватъ же онъ, что рожденіе фаталистически кинуло его въ такую среду, отъ которой онъ отречься не можетъ. Не отказываться же ему, въ самомъ дѣлѣ, отъ людей, которыхъ онъ безпрерывно встрѣчаетъ въ обществѣ и изъ которыхъ многіе связаны съ нимъ узами крови... Нѣтъ, самъ по себѣ, онъ безупречно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и, конечно, въ „своемъ мѣстѣ" докажетъ на дѣлѣ, какое его знамя и какъ нужно держать его.

Вообще, Крутицынъ былъ мнѣ симпатиченъ, несмотря на то, что, по убѣжденіямъ, мы принадлежали, такъ сказать, къ совершенно различнымъ приходамъ. Я имѣлъ слегка соціалистическую окраску; онъ былъ экономистъ pur sang, штудировалъ Сэ и Бастіà, о соціалистахъ же пренебрежительно выражался, qu'ils cherchent midi à quatorze heures. Затѣмъ, онъ былъ приверженецъ замкнутой сословности, я же склонялся на сторону самой широкой безсословности, доходя чуть не до suffrage universel, мысль о которомъ тогда уже начинала волновать западную Европу. Но мнѣ, при томъ небольшомъ кругѣ знакомыхъ, какой я имѣлъ, дорогъ былъ въ Крутицынѣ разсуждающій сверстникъ, съ которымъ можно было спорить. Положимъ, эти споры были довольно первоначальнаго свойства и оставляли насъ при своихъ убѣжденіяхъ, но все-таки тутъ было упражненіе, которое въ юношескіе годы цѣнится очень дорого.

— Mon cher, — говаривалъ Крутицынъ:—раздѣлишь сегодня все поровну, а завтра неравенство все-таки вступитъ въ свои права.

— Я знаю это возраженіе,—отвѣчалъ я:—всѣ столоначальники опираются на него, какъ на каменную стѣну; но вѣдь дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ ты его рисуешь. Тутъ цѣлая система со множествомъ подробностей, со сложной обстановкой...

Однако, онъ не убѣждался моими возраженіями и продолжалъ:

— Или эти anti-lions, anti-réquins! Эти заботы насчетъ вывозки нечистотъ при помощи самоотверженныхъ когортъ... Бѣдный Фурье! онъ не предвидѣлъ ни ватерклозетовъ, ни нынѣшнихъ парижскихъ катакомбъ!

— И это сужденіе чисто-столоначальническаго свойства! Фурье не объ однихъ anti-lions писалъ, но и...

И т. д.

Вообще, какъ я уже сказалъ выше, онъ охотно читалъ, но вычитывалъ въ книгахъ именно то, что̀ не только не нарушало хорошаго расположенія духа, но, напротивъ, содѣйствовало поддержанію его.

Онъ былъ счастливъ. Проводилъ время безъ тревоги, испытывалъ доступныя юношѣ удовольствія и едва ли когда-нибудь чувствовалъ себя огорченнымъ. Мнѣ казалось въ то время, что вотъ это-то и есть самое настоящее равновѣсіе души. Онъ принималъ жизнь, какъ она есть, и бралъ отъ нея, что̀ могъ.

— Я ничего особеннаго отъ жизни не требую, — говорилъ онъ нерѣдко,—и нахожу, что она даетъ совершенно достаточно, чтобы удовлетворить меня. Никакой борьбы я не ищу и не буду искать, не потому, чтобы трусилъ, а потому, что борьба—не въ моихъ принципахъ. Только то̀ прочно, что̀ приходитъ въ свое время; насильственно же взятое или искусственно привитое, рано или поздно, погибаетъ, и даже скорѣе рано, чѣмъ поздно. Кто дѣйствуетъ мечомъ, тотъ отъ меча погибнетъ. Вѣрь мнѣ. Конечно, въ людяхъ, среди которыхъ мнѣ приходится жить, есть многое, что̀ мнѣ не по̀-сердцу, но, вѣроятно, и во мнѣ есть кой-что, что̀ не нравится другимъ. Поэтому я или покоряюсь факту, принимаю его, какъ онъ есть, или же, если это удобно, вступаю въ споръ, въ надеждѣ убѣдить. Но безъ раздраженія, разумно, съ полнымъ сознаніемъ права, которое имѣетъ противникъ отстаивать свое убѣжденіе.

— Но вѣдь иногда это совсѣмъ не убѣжденіе, а просто раздраженіе прихотливаго или развращеннаго темперамента,—возразилъ я.

— Въ такомъ случаѣ споръ напрасенъ. Надо отойти—и больше ничего.

Онъ любилъ женское общество и имѣлъ у женщинъ успѣхъ; но бывалъ ли когда-нибудь влюбленъ — сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, настоящая, страстная любовь нарушила бы его душевную ясность, и еслибъ даже запала случайно въ его сердце, то онъ, ради спокойствія своего, употребилъ бы всѣ усилія, чтобъ подавить ее.

Онъ любилъ быть „счастливымъ“ — вотъ и все. Однажды прошелъ было слухъ, что онъ безнадежно влюбился въ извѣстную въ то время лоретку (такъ назывались тогдашнія кокотки),

обладаніе которой оказалось ему не по средствамъ, но, на мой вопросъ объ этомъ, онъ очень резонно отвѣтилъ:

— Помилуй! неужели ты могъ повѣрить, что я положу на одни вѣсы мое личное спокойствіе и вопросъ о какой-то лореткѣ? Лоретка можетъ занять меня на одну минуту, не больше... Ихъ такъ много, такъ много, что предложеніе почти превышаетъ спросъ. Притомъ же, я совсѣмъ не тамъ ищу и не того мнѣ надо. Многіе изъ моихъ пріятелей постоянно проводятъ время въ обществѣ этихъ дѣвицъ; я и самъ иногда не прочь пробыть нѣсколько часовъ въ ихъ компаніи, но, въ концѣ концовъ, это скучно. Говорятъ онѣ глупо, поютъ пошлыя пѣсни, даже движенія у нихъ не красивы, а только циничны. Если тѣла ихъ и дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на физику, то это возбужденіе мимолетное. Вѣдь и тутъ все-таки необходима хоть искра ума или, по крайней мѣрѣ, выдержки.

Такимъ образомъ, онъ и съ этой стороны остался неуязвимъ. Самъ выдержанный, онъ и вездѣ искалъ такой же выдержки. Нашедши ее, чувствовалъ себя хорошо и удобно, не нашедши— не добивался и проходилъ мимо своею дорогою.

Мнѣ кажется, что и у женщинъ Крутицынъ имѣлъ успѣхъ именно благодаря этой выдержкѣ. Онъ былъ нѣженъ, а не страстенъ, и притомъ безусловно приличенъ и скроменъ. Можно было съ увѣренностью сказать себѣ, что онъ не только словомъ, но и выраженіемъ глазъ, лица не выдастъ тайны, а это въ интимныхъ отношеніяхъ главное. Тихое наслажденіе, безъ порывовъ и даже безъ назойливости, наслажденіе настолько, насколько оно обусловливается обстоятельствами, обстановкой— вотъ идеалъ, который онъ воспиталъ въ себѣ. Даже разговора о сношеніяхъ съ женщинами онъ не допускалъ, потому что и тутъ случайно могла прозвучать нотка, сказаться слово, которое выдало бы его.

— Женщина для меня святыня,—однажды сказалъ онъ мнѣ:— я боюсь коснуться этой святыни, чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ выраженіемъ не оскорбить ея. И потому храню молчаніе.

Между тѣмъ кругъ „постороннихъ“ друзей все больше и больше тѣснился около него. Изъ старыхъ товарищей только я одинъ его посѣщалъ, но и мнѣ приходилось видѣться очень рѣдко. Это было тѣмъ болѣе досадно, что онъ, повидимому, не замѣчалъ ослабленія дружескихъ узъ. По прежнему, онъ былъ со мною привѣтливъ и ровенъ, но, очевидно, большой цѣны частымъ свиданіямъ не придавалъ. Я уже начиналъ склоняться

въ мысли, что во всемъ этомъ кроется глубокій эгоизмъ, но, обдумавши, пришелъ къ убѣжденію, что это—не болѣе, какъ довольство самимъ собою, своимъ положеніемъ, довольство, при которомъ не чувствуется даже потребности въ анализѣ. Жизнь течетъ обычнымъ порядкомъ; обстановка кругомъ или измѣняется, или остается неизмѣнною—все равно; „принципы" остаются нетронутыми, такъ что ни съ какой стороны нѣтъ мѣста для тревогъ... Вотъ и достаточно.

Только обязательная служба до извѣстной степени выводила его изъ счастливаго безмятежія. Къ ней онъ продолжалъ относиться съ величайшимъ нетерпѣніемъ и, отбывая повинность, выражался, что и онъ каждый день приноситъ свою долю вреда. Думаю, впрочемъ, что и это онъ говорилъ, не анализируя своихъ словъ. Фраза эта, очевидно, была, такъ сказать, семейнымъ преданіемъ и запала въ его душу съ дѣтства въ родномъ домѣ, гдѣ всѣ, начиная съ отца и кончая деревенскими кузенами, кичились какою-то воображаемою независимостью.

Понять значеніе этой независимости было очень трудно, а доказать ее конкретнымъ дѣломъ еще труднѣе. Кажется, она въ томъ, по преимуществу, состояла, что „независимые" удалялись изъ коронной службы (были цѣлыя губерніи, называвшіяся „корнетскими", потому что почти сплошь всѣ помѣщики были отставные корнеты и вообще мало-чиновные люди, но зато обладавшіе хорошими матеріальными средствами). Отставные корнеты поселялись въ своихъ родовыхъ гнѣздахъ, служили по выборамъ и фрондировали, а по тогдашнему выраженію — „фыркали". Въ образѣ жизни они старались подражать псевдо-англійскимъ порядкамъ. Домашняя прислуга ходила въ ливрейныхъ фракахъ и безшумно мелькала по комнатамъ, исполняя свои обязанности; глава семейства выходилъ къ обѣду во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ; въ домѣ царствовала строгая и совершенно опредѣленная вымуштрованность, нарушенія которой не могла вызвать даже самая настоятельная необходимость, и, наконецъ, ни одинъ мѣстный чиновникъ, служившій не по выборамъ отъ дворянства, не допускался за порогъ барскихъ хоромъ. Въ то время это считалось вольнодумствомъ, и на людей, дозволявшихъ себѣ поступать такимъ образомъ, смотрѣли косо, какъ на строптивыхъ. Такъ что, въ суммѣ, вся независимость сводилась къ тому, что люди жили нелѣпою, чуть ли не юродивою жизнью, невѣдомо съ какого повода бравируя косые взгляды, которые метала на нихъ центральная власть, и называя это „держаніемъ знамени".

На такую именно жизнь осужденъ былъ и Крутицынъ, но

такъ какъ сѣмена ея залегли въ немъ еще съ дѣтства, то онъ не только не чувствовалъ нелѣпыхъ ея сторонъ, но, по примѣру старшихъ, видѣлъ въ ней „знамя".

Наконецъ, шестилѣтній срокъ обязательной службы истекъ, и Валерушка поспѣшилъ воспользоваться свободою. За два мѣсяца передъ окончаніемъ срока, онъ уже взялъ отпускъ и собрался въ „свое мѣсто", съ тѣмъ, чтобы оттуда прислать просьбу объ отставкѣ. Въ то время ему минуло двадцать-семь лѣтъ.

Въ день отъѣзда, я одинъ пріѣхалъ проводить его на дебаркадеръ мальпостовъ (желѣзная дорога до Москвы еще не существовала). Время было глухое, іюнь въ концѣ; „посторонніе" друзья разъѣхались по деревнямъ и за границу. Не могу сказать, чтобы сердце мое особенно сжималось въ виду предстоявшей разлуки, но все-таки чувствовалось нѣкоторое томленіе. Я говорилъ себѣ, что разлука будетъ полная, что о перепискѣ нечего и думать, потому что вся сущность нашихъ отношеній замыкалась въ личныхъ свиданіяхъ, и переписываться было не объ чемъ; что ежели и мелькнетъ Крутицынъ на короткое время опять въ Петербургѣ, то не иначе, какъ по дѣламъ „знамени" и врядъ ли вспомнитъ обо мнѣ, и что вообще врядъ ли мы не въ послѣдній разъ видимъ другъ друга.

Нечего и говорить, что ничего подобнаго въ мысляхъ Крутицына не было. Онъ просто уѣзжалъ, хотя, впрочемъ, искренно и крѣпко жалъ мнѣ руки, благодаря за то, что я не забылъ проводить его. Я помню, что въ послѣднія минуты мнѣ пришла въ голову довольно несообразная мысль. Нѣтъ, думалось мнѣ, надо, наконецъ, поставить вопросъ прямо. Намъ обоимъ по двадцати-семи лѣтъ, мы шесть лѣтъ уже пользуемся свободой, а какіе результаты дала намъ эта свобода? Можемъ ли мы указать на какое-нибудь дѣло или хоть на подготовку къ нему? Имѣемъ ли мы данныя, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить характеръ предстоящаго намъ будущаго? или намъ еще долго-долго придется плыть по житейскому морю безъ вѣтрила, просто въ качествѣ „молодыхъ людей"?

Мысль эту я не преминулъ сообщить на прощанье Крутицыну:

— Вотъ намъ уже подъ-тридцать,—сказалъ я:—живемъ мы шесть лѣтъ внѣ школьныхъ стѣнъ, а случалось ли тебѣ когда-нибудь задаться вопросомъ: что̀ дали тебѣ эти годы? сдѣлалъ ли ты какое-нибудь дѣло? наконецъ, приготовился ли къ чему-нибудь? Вообще, можешь ли ты дать себѣ отчетъ въ проведенномъ времени?

Онъ взглянулъ на меня удивленными глазами, точно впервые,

и съ неудовольствіемъ угадалъ во мнѣ какой-то совершенно чуждый ему „безпокойный“ элементъ.

— О чемъ ты говоришь — не понимаю! — отвѣтилъ онъ: — какіе отчеты, какое „дѣло“? какая подготовка? Я жилъ — вотъ и все!

И, подумавъ съ минуту, прибавилъ:

— А „дѣло“, которое мнѣ предстоитъ, и безъ подготовки — всегда на-лицо. Я съ благоговѣніемъ приму его въ свое время изъ рукъ отца и останусь вѣренъ ему до послѣдняго вздоха! Прощай.

Я угадалъ совершенно вѣрно: въ перепискѣ потребности не оказалось. Къ тому же я самъ вскорѣ, вслѣдъ за Крутицынымъ, вынужденъ былъ оставить Петербургъ и удалиться въ глубь провинціи. Валерушка, конечно, и не подозрѣвалъ, что я исчезъ и куда.

Ежели вообще даже внѣшняя перемѣна въ обычной жизненной обстановкѣ неудобно отражается на человѣческомъ существованіи, то тѣмъ тяжелѣе дѣйствуетъ утрата отношеній, имѣющихъ дружескій характеръ, особенно если одною изъ сторонъ эта утрата принимается равнодушно. Есть даже что-то оскорбительное въ подобныхъ внезапныхъ превращеніяхъ, какая-то приниженность чувствуется. Такъ было и со мною. Я называлъ навязчивостью тѣ усилія, которыя дѣлались мною съ цѣлью сохранить еле-державшуюся связь съ Крутицынымъ; я даже негодовалъ на себя, что продолжаю думать объ этой связи. Я положительно чувствовалъ себя пренебреженнымъ.

Впрочемъ поѣздка въ отдаленный край оказалась въ этомъ случаѣ пользительною. Связи съ прежней жизнью разомъ порвались; рѣдко кто обо мнѣ вспомнилъ, да я и самъ не чувствовалъ потребности возвращаться къ прошедшему. Новая жизнь со всѣхъ сторонъ обступила меня; сначала это было похоже на полное одиночество (тоже своего рода существованіе), но впослѣдствіи и люди нашлись... Вѣдь вездѣ живутъ люди, какъ справедливо гласитъ пословица.

О Крутицынѣ я не имѣлъ никакихъ слуховъ. Взялъ ли онъ въ руки „знамя“, и высоко ли его держалъ — никому до этого дѣла въ то время не было, и ни въ какихъ газетахъ о томъ не возвѣщалось. Тихо было тогда, безмолвно; человѣкъ могъ держать „знамя“ и даже въ одиночку обѣдать во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ — никто и не замѣтитъ. И во фракѣ обѣдай, и въ халатѣ

—какъ хочешь, послѣдствія все одни и тѣ же. Даже умываться или не умываться предоставлялось личному произволенію.

Я не сомнѣвался, однакожъ, что Валерушка устроился хорошо и не утратилъ душевнаго равновѣсія. Вѣроятно, онъ предводительствуетъ въ „своемъ мѣстѣ“, думалось мнѣ, когда воспоминаніе объ немъ случайно западало мнѣ въ голову. А предводительство, по его мнѣнію, само по себѣ уже есть „дѣло“, которому стоитъ посвятить жизнь. Мало ли у предводителя обязанностей? И ходатайствовать, и настаивать, и отстаивать и, наконецъ, „фыркать“. Съ утра до вечера—сущая толчея. Такъ, что когда наступитъ ночь, и случайно вздумаешь дать себѣ отчетъ въ прожитомъ днѣ, то не успѣешь и перечислить всего совершеннаго, какъ благодѣтельный сонъ уже спѣшитъ смежить глаза, чтобъ вознаградить усталый организмъ за претерпѣнную дневную сутолоку.

Цѣлыхъ восемь лѣтъ я велъ скитальческую жизнь въ глухомъ краю. И возлежалъ на лонѣ у начальника края, и былъ отметаемъ отъ онаго; былъ и украшеніемъ общества, и заразою его; и удачи, и невзгоды—все испыталъ, чтò можно испытать на строю обязательной службы, среди не особенно брезгливыхъ по служебной части коллегъ. Конца этому положенію я не предвидѣлъ. Сначала дѣлалъ нѣкоторыя попытки, чтобы высвободиться, но чѣмъ дальше шелъ вглубь, тѣмъ болѣе и болѣе обживался. Даже солонину и огурцы солилъ въ-прокъ, и вообще зажилъ своимъ домомъ, хотя былъ совсѣмъ одинокъ. И теперь вспоминаю объ этомъ времени съ какимъ-то сомнѣніемъ, дѣйствительно ли оно было.

Наконецъ, искусъ кончился. Конецъ пришелъ такъ же случайно, какъ случайно пришло и начало. Я оставилъ далекій городъ точно въ забытьѣ. Въ то время тамъ еще ничего не было слышно о новыхъ вѣяніяхъ, а тѣмъ болѣе о какихъ-то ломкахъ и реформахъ. Достовѣрно было только, что чиновникамъ предоставлено, вмѣсто прежнихъ мундировъ и вицъ-мундировъ, носить мундирные кафтаны и вице-кафтаны. Нѣсколько сутокъ я ѣхалъ, не отдавая себѣ отчета, чтò со мной случилось и чтò ждетъ меня впереди. Но, добравшись до Москвы, я сразу нюхнулъ свѣжаго воздуха. Несмотря на то, что у меня совсѣмъ не было тамъ знакомыхъ, или же предстояло разыскивать ихъ, я понялъ, что Москва уже не прежняя. На Никольской появилось Чижовское подворье, на Софійкѣ—Ломакинскій домъ съ зеркальными окнами. По Ильинкѣ, Варваркѣ и вообще въ Китай-городѣ проѣзду отъ ломовыхъ извозчиковъ не было—все благовонные товары везли: стало быть, потребность явилась.

Еще не такъ давно, такъ-называемыя „машины“ (орга́ны) были изгнаны изъ трактировъ; теперь Московскій трактиръ щеголялъ двумя машинами, Новотроицкій—чуть не тремя. Отобѣдавши раза три въ общихъ залахъ, я наслушался того, что ушамъ не вѣрилъ. Говорили, что вопросъ о разрѣшеніи курить на улицахъ уже „прошелъ“, и что затѣмъ на очереди поставленъ будетъ вопросъ о снятіи запрещенія носить бороду и усы. Говорили смѣло, рѣшительно, не опасаясь, что за такія рѣчи пригласятъ къ генералъ-губернатору. Въ заключеніе, желѣзный путь отъ Москвы до Петербурга былъ уже открытъ.

Хорошее это было время, гульливое, веселое. Денегъ было много, а ежели у кого и оказывалась недостача, то это значило: передъ деньгами! Пріятели, на радостяхъ, охотно давали взаймы, въ трактирахъ—охотно вѣрили въ долгъ. И, притомъ, много ли нужно человѣку, особливо московскому?—рюмка, двѣ рюмки, три рюмки — вотъ онъ и пьянъ! Потому что у него внутри ужъ гнѣздо заведено. А на закуску—кусочекъ хлѣба съ крошечнымъ ломтикомъ ветчины. И этого достаточно, потому что водка сама по себѣ насыщаетъ. Даже половые встрепенулись и летали по заламъ трактировъ съ сіяющими лицами, довольные и счастливые, что, наконецъ, узы разорваны и наступило время настоящей „вольной“ работы. И они высоко держали своего рода „знамя“.

Прибавьте ко всему этому прибаутки Кокорева, его возню съ севастопольскими героями, угощенія, увеселительныя поѣздки по Николаевской желѣзной дорогѣ, кутежи въ Ушакахъ,—и согласитесь, что бѣдному провинціалу было отъ чего угорѣть.

Когда я добрался до Петербурга, то тамъ куренье на улицахъ было уже въ полномъ разгарѣ, а бороды и усы стали носить даже прежде, нежели вопросъ объ этомъ „прошелъ“. Но всего болѣе занималъ здѣсь вопросъ о прессѣ. Несмотря на то, что цензура не была еще упразднена, печать ужъ повысила тонъ. Въ особенности провинціальная юродивость всплыла наружу, такъ что городничіе, исправники и даже начальники края не на шутку задумались. Затѣвались новыя періодическія изданія, и въ особенности обращалъ на себя вниманіе возникавшій „Русскій Вѣстникъ“. При этомъ Петербургъ завидовалъ Москвѣ, въ которой существовалъ совершенно либеральный цензоръ, тогда какъ въ Петербургѣ цензора̀ все еще словно не вѣрили превращенію, которое въ ихъ глазахъ совершалось. Что касается устности, то она была просто безпримѣрная. Высказывались такія сужденія, говорились такія рѣчи, что хоть бы въ Парижѣ, въ Бельвиллѣ. Словомъ сказать, пробужденіе было полное, и, разумѣется, однимъ

изъ первыхъ украшеній его составлялъ тогдашній premier amoureux, В. А. Коковревъ, который на своемъ ôбразномъ языкѣ называлъ его „постукиваньемъ".

Петербургъ былъ переполненъ наѣзжими провинціалами. Всѣ, у кого водилась лишняя деньга, или кто имѣлъ возможность занять, — всѣ устремлялись въ Петербургъ, къ источнику. Одни пріѣзжали изъ любопытства, другіе—потому, что ужъ очень забавными казались „благія начинанія", о которыхъ чуть не ежедневно возвѣщала печать; третьи, наконецъ—въ смутномъ предвидѣніи какой-то угрозы. Крутицынъ былъ тоже въ числѣ пріѣзжихъ, и однажды, въ театрѣ, я услыхалъ сзади знакомый голосъ:

— А! Мельмотъ-скиталецъ! Наконецъ!..

Мы встрѣтились радушно и просто, какъ будто разстались только вчера. Крутицынъ, по прежнему, глядѣлъ счастливо, такъ что сразу было видно, что онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. На щекахъ его игралъ румянецъ, въ волосахъ — ни признака сѣдины или другого ущерба; походка та́кая же легкая, съ пріятнымъ перевальцемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ; нигдѣ ни малѣйшей обрюзглости или отяжелѣлости; одѣтъ безъ франтовства, но безукоризненно. Вообще, онъ не только не постарѣлъ, а какъ будто даже помолодѣлъ. Напротивъ того, я, судя по его словамъ, и похудѣлъ, и обрюзгъ, и постарѣлъ.

— Видно, на окраинахъ-то живется не совсѣмъ припѣваючи!— молвилъ онъ, осматривая меня.

— Что̀ же ты не прибавляешь: самъ виноватъ?—пошутилъ я въ отвѣтъ.

— Я, голубчикъ, держусь того правила, что каждый самъ лучше можетъ оцѣнивать собственные поступки. Ты знаешь, я никогда не считалъ себя судьей чужихъ дѣйствій,—при этомъ же убѣжденіи остался я и теперь. Мнѣ достаточно слѣдить за самимъ собой, да и другому не худо бы слѣдовать этому правилу.

Я узналъ, что онъ пріѣхалъ на короткое время и остановился въ гостинницѣ. Не столько дѣла привлекли его, сколько любопытство. Какія могли быть у него дѣла съ бюрократіей?— конечно, никакихъ! Но для любознательности поводовъ было достаточно, и онъ не отрицалъ, что въ обществѣ проснулось нѣчто въ родѣ самочувствія. Не лишнее было принять это явленіе въ соображеніе, въ виду „знамени", которое онъ держалъ, и, быть можетъ, даже воспользоваться имъ на вящшее преуспѣяніе излюбленныхъ интересовъ.

— Здѣсь очень забавно, — выразился онъ чуть-чуть иронически: — курятъ на улицахъ такъ, что, того гляди, сводъ небес-

ный закоптять. И бороды отпустили — узнать мудрено. Одинъ Кокоревъ, съ своими героями, чего стоитъ! заглядѣться можно!

— А пресса-то, пресса! — подстрекнулъ я.

— Ну, да, и пресса недурна. Что же! пускай бюрократы побезпокоятся. Вообще, любопытное время. Немножко, какъ будто, сумбуромъ отзывается, но... ничего! Я, по крайней мѣрѣ, не раздѣляю тѣхъ опасеній, которыя высказываются нѣкоторыми изъ людей одного со мною лагеря. Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой свободы, какъ въ Англіи, и между тѣмъ нигдѣ не существуетъ такого правильнаго теченія жизни. Стало быть, и ты можешь ждать, что когда-нибудь внезапно смѣшавшіеся элементы жизни разлетятся по своимъ мѣстамъ.

Кромѣ того, я узналъ, что онъ женился. И теперь, въ Петербургѣ, онъ съ женой, но она уѣхала на вечеръ къ сестрѣ, а онъ предпочелъ театръ.

— Хорошая у меня жена, умница!—прибавилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Итакъ, ты счастливъ?

— То-есть, доволенъ, хочешь ты сказать? Выраженій, въ родѣ: „счастье“, „несчастье“, я не совсѣмъ могу взять въ толкъ. Думается, что это что-то пришедшее извнѣ, взятое съ бою. А довольство естественнымъ образомъ залегаетъ внутри. Его, собственно говоря, не чувствуешь, оно само собой разливается по существу и дѣлаетъ жизнь удобною и пріятною.

Сказавши это, онъ пожалъ мнѣ руку и удалился, причемъ не спросилъ, гдѣ я живу, да и самъ не пригласилъ меня къ себѣ. Очевидно, довольство настолько овладѣло имъ, что онъ утратилъ даже представленіе о какомъ-либо обществѣ, кромѣ общества „своихъ“.

Тѣмъ не менѣе, я не утерпѣлъ, и на другой же день, довольно рано, ужъ былъ у него.

Крутицынъ весь сіялъ счастьемъ, — это съ перваго взгляда бросалось въ глаза. Было часовъ около одиннадцати, но и онъ, и жена его уже держали свое „знамя“. Она, прелестная, свѣжая, благоухающая, сидѣла у круглаго стола и разливала чай. Крутицынъ правду сказалъ: по всѣмъ ея движеніямъ, неторопливымъ и плавнымъ, видно было, что она „умница“. И ѣла, и пила она настоящимъ образомъ, не жеманилась, не играла ложкой, не стыдилась, какъ бы говоря: это я случайно пью чай и булку съ масломъ ѣмъ, а обыкновенно я питаюсь ѳиромъ! И ѣла, и пила, какъ всѣ смертные, и даже мнѣ, безъ предварительныхъ разспросовъ, налила чашку, — все какъ слѣдуетъ ум-

ницѣ. Что касается до него, то онъ, въ утреннемъ неглиже́ (tout à fait correct), помѣщался сбоку стола. Разумѣется, меня не ждали, и какъ будто даже удивились, что я такъ поспѣшилъ.

— Мнѣ вчера еще Valérien говорилъ о васъ, — сказала она, когда Крутицынъ отрекомендовалъ меня:—и я очень рада познакомиться съ вами. Друзья моего мужа — мои друзья.

Я вспомнилъ подобную же сцену съ сестрою Крутицына, и мнѣ показалось, что въ словахъ: „друзья моего мужа — мои друзья", сказалась такая же поэма. Только это одно нѣсколько поразило впечатлѣніе въ ущербъ „умницѣ", но, вѣроятно, тутъ уже былъ своего рода фатумъ, отъ котораго никакая выдержка не могла спасти.

Черезъ четверть часа, „умница" скрылась въ сосѣднюю комнату, и мы остались одни. Я нѣкоторое время такъ пристально вглядывался въ Валерушку, что онъ, смѣясь, замѣтилъ:

— Ты что̀ на меня такъ странно смотришь? Что-нибудь необыкновенное примѣтилъ?

— Нѣтъ, я просто угадать хочу.

— Что̀жъ угадывать? Во мнѣ все такъ просто и въ жизни моей такъ мало осложненій, что и безъ угадываній можно обойтись. Я даже разсказать тебѣ о себѣ ничего особеннаго не могу. Лучше ты разскажи. Давно ужъ мы не видались, съ той самой минуты, какъ я высвободился изъ Петербурга—помнишь, ты меня проводилъ? Ну же, разсказывай: ка̀къ ты прожилъ восемь лѣтъ? Что̀ предвидишь впереди?..

Я разсказалъ, что̀ могъ, но запасъ у меня былъ не особенно обильный. Въ десять-пятнадцать минутъ все было кончено.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ я оставилъ позади за тѣ восемь лѣтъ, въ продолженіе которыхъ мы не видались? — воспоминаніе о какой-то безконечно-длинной и безсодержательной процедурѣ, до того однообразной, что она напоминала собой сказку о бѣломъ бычкѣ. Настолько была общеизвѣстна эта процедура, настолько всѣмъ надоѣла, что какъ только наступила благопріятная минута, всѣ взапуски спѣшили отдѣлаться отъ нея, какъ отъ кошмара. Что же касается до эпизодовъ и подробностей, которые оттѣняли одинъ день отъ другого, то они отзывались уже черезъ-чуръ узкою спеціальностью, и положительно никого не могли интересовать. Сегодня—слѣдствіе о вымогательствѣ, завтра—о сокрытіи, послѣ-завтра—о превышеніи или бездѣйствіи, и т. д. Хвалиться, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, передъ пріятелемъ, сколько стоило труда и искусства, чтобы поймать, уличить и вообще довести, съ грѣхомъ пополамъ, какого-нибудь воришку-становаго до

вожделѣннаго 3-го пункта—право, не стоило. Съ другой стороны, и бесѣдовать о дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ было не интересно. Какое дѣло Крутицыну до того, что въ городѣ Глазовѣ пара рябчиковъ стòитъ семь копѣекъ серебромъ? Все, чтò онъ можетъ сказать по поводу такихъ розсказней—это:

— Дешевизна такъ неимовѣрна, что рябчики непремѣнно должны быть давленные, а не стрѣлянные. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ порядочный поваръ не согласится подать давленную дичь на столъ.

— Нѣтъ, лучше о тебѣ будемъ говорить, — сказалъ я, истощивъ свой запасъ.

— Чтòжъ я могу разсказать тебѣ? Какъ видишь: женатъ, счастливъ; восемь лѣтъ прошли, какъ сонъ.

— Голубчикъ! вѣдь восемь лѣтъ не мало времени; положимъ, для меня, съ фактической стороны, они прошли почти безслѣдно. Существованіе мое было однообразное, подневольное и шло изо дня въ день въ совершенно чуждой мнѣ средѣ. Но и тутъ я убѣжденъ, что если еще не успѣлъ разобраться въ недавнемъ прошломъ, то впослѣдствіи оно все-таки откликнется. Выступятъ наружу личности, характеристики, освѣтятся факты, подробности, а за ними появится цѣлая свита ошибокъ. Сколько окажется поводовъ для самобичеванія, для укоровъ! Какія потрясающія драмы могутъ выплыть на поверхность изъ омута мелочей, которыя настолько переполняютъ жизненную обыденность, что ни сердце, ни умъ, въ минуту совершенія, не трогается ими! Нѣтъ, перемѣна, происшедшая въ моемъ существованіи, такъ еще свѣжа,—всего нѣсколько мѣсяцевъ,—что я не успѣлъ еще присмотрѣться къ прошлому, и не могу дать себѣ отчета, чѣмъ оно чревато, укорами или поощреніями. Напротивъ, та...

— Мнѣ кажется, что ты ужъ черезъ-чуръ трагически смотришь на вещи...

— Ну, будетъ; дѣйствительно, я что-то некстати развитійствовался. Разсказывай же, разсказывай о себѣ: какъ жилъ, чтò дѣлалъ?

— Какъ жилъ?—ну, жилъ, и больше ничего. Признаюсь, я даже не понимаю этого вопроса, и мнѣ кажется, что, гоняясь за разрѣшеніемъ его, tu cherches midi à quatorze heures. Смутно помнится, что мы уже однажды имѣли подобный разговоръ, и я объяснился съ тобою. Но ты, повидимому, неисправимъ. Итакъ, повторяю: я жилъ, и не имѣю причины быть недовольнымъ моимъ прошлымъ. Быть можетъ, что это происходитъ отъ того, что я ни-

чего особеннаго не требую, или отъ того, что сама судьба меня приголубливаетъ—во всякомъ случаѣ, я не жалуюсь и сознаю себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Однажды только я испыталъ серьезное горе—это когда умеръ отецъ, котораго я страстно любилъ. Но время сгладило и это горькое впечатлѣніе; у меня осталась мать, къ которой я также страстно привязанъ, и мы втроемъ живемъ душа въ душу: maman, жена и я. Жаль только, что съ сестрой приходится видѣться рѣдко, но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Словомъ сказать, я живу семейно и согласно, а ежели въ домѣ царствуетъ согласіе, то и жизнь не можетъ не радовать. Достаточно этого для тебя?

— Но вѣдь у тебя было дѣло? доволенъ ли ты имъ?

— И дѣло было, и надѣюсь, что и впередъ ему буду служить. И скажу безъ хвастовства, что сознательно противъ однажды усвоенной règle de conduite не поступалъ. Держать ввѣренное знамя совсѣмъ не легкая задача, и я исполнялъ ее по мѣрѣ моихъ силъ. Я не кичился моими преимуществами, не пользовался ими въ ущербъ моимъ довѣрителямъ, не былъ назойливъ, съ полною готовностью являлся посредникомъ тамъ, гдѣ чувствовалась въ этомъ нужда, входилъ въ положеніе тѣхъ, которые обращались ко мнѣ, отстаивалъ интересы сословія вообще и интересы достойныхъ членовъ этого сословія въ частности,—вотъ мое дѣло! Быть можетъ, оно не блестяще, но удовлетворяетъ меня вполнѣ. И несмотря на кажущуюся простоту, оно порядочно таки сложно, такъ что облѣниться или опуститься мнѣ не было времени. Вѣдь не только одна тишь да гладь царствовали, а были и шероховатости. Вспомни, что въ мою компетенцію входили не одни дворяне, но и крестьяне. Сверхъ того, и всѣ служащіе по выборамъ... Покойный отецъ сдѣлалъ многое, чтобы нашъ уѣздъ въ административномъ смыслѣ былъ безупреченъ, и я шелъ по стопамъ его. Неужели всего этого недостаточно?

— Помилуй! какъ недостаточно? напротивъ!

— Ты иронизируешь? находишь, что все это мелочи? Но что же дѣлать, если ничего болѣе крупнаго въ жизни не видится?

— То-то вотъ и есть... отчего однѣ только мелочи? отчего положеніе вещей остается на одной точкѣ и ни на какой осязательный результатъ указать нельзя?

— Pardon! Выраженіе: „мелочи"—сорвалось у меня съ языка. Въ сущности, я отнюдь не считаю своего „дѣла" мелочью. Напротивъ. Очень жалѣю, что ты затѣялъ весь этотъ разговоръ, и даже не хочу вѣрить, чтобы онъ могъ серьезно тебя интересо-

вать. Будемъ каждый дѣлать свое дѣло, какъ умѣемъ—вотъ и все, чтò нужно. А теперь поговоримъ о другомъ.

Мы поговорили еще минуть десять о вчерашнемъ спектаклѣ и разстались.

Прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ, наполненныхъ какою-то пестротою, въ которой трудно было отыскать руководящую нить. Эпоха „постукиванья" миновала быстро; наступило суровое, безпощадное отрезвленіе, умѣряемое случайными и не всегда мотивированными возвратами къ лучшимъ временамъ. Въ воздухѣ чуть не каждый день оттепель смѣнялась жгучимъ холодомъ, и наоборотъ; но настоящіе теплые дни перепадали рѣдко. Эти перемѣны заставляли себя чувствовать тѣмъ болѣе мучительно, что наступали внезапно и вслѣдствіе чисто внѣшнихъ, случайныхъ причинъ. Явленія, имѣвшія совершенно частный характеръ, обобщались и угнетающимъ образомъ отражались на цѣломъ жизненномъ строѣ. Жилось сомнительно, безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, безъ удовлетворенія днемъ настоящимъ. Знамена, которыя всякій спѣшилъ выкинуть въ дни „возрожденія", вдругъ попрятались; самое представленіе о возрожденіи стушевалось и смѣнилось убѣжденіемъ, что ожиданіе дальнѣйшихъ развитій было бы ребячествомъ. Умы воротились къ старинной, излюбленной темѣ: какъ бы выйти неповрежденнымъ изъ сутолоки насущнаго дня. Въ прессѣ, рядомъ съ „рабьимъ языкомъ", народился языкъ холопскій, претендовавшій на смѣлость, но, въ сущности, представлявшій смѣсь наглости, лести и лжи. „Улица" притихла.

Въ теченіе всего этого времени я былъ почти исключительно поглощенъ литературными занятіями. Скорбныхъ минутъ было не мало, но, по крайней мѣрѣ, поддерживалось горѣніе мысли—и за то спасибо. Всего мучительнѣе было то, что писатель не могъ опредѣлительно указать на своего читателя, такъ что голосъ его раздавался, такъ сказать, на удачу. Но, во всякомъ случаѣ, литературный трудъ самъ по себѣ представляетъ достаточно утѣшеній. Допустимъ, что на особенно плодотворные результаты разсчитывать нечего, но все-таки думается, что хоть что-нибудь, хоть штрихъ одинъ, хоть слабый звукъ—дойдетъ по адресу. Гудитъ и снуетъ безъимянная толпа, совсѣмъ не подозрѣвая, что къ ней обращено горячее писательское слово — и вдругъ выискивается адресатъ, который ловитъ это слово на-лету.. Это большое счастье, но, въ то же время, надо сказать правду, и боль-

шая рѣдкость, потому что адресатъ робокъ и обнаруживать свои чувства не всегда считаетъ полезнымъ.

Повторяю: результаты моей дѣятельности были сомнительны, но существовалъ самый процессъ излюбленнаго литературнаго труда, и это до извѣстной степени удовлетворяло. Настоящее слово выговаривалось съ трудомъ, но попытки сказать его уже существовали. Еще не утрачена была возможность полемизировать, и творцы холопскаго языка чувствовали хоть какую-нибудь узду. Съ теченіемъ времени и эта возможность исчезла, и холопскій языкъ получилъ возможность всесильно раздаваться изъ края въ край, заражая атмосферу тлѣніемъ и посрамляя человѣческіе мозги.

Съ своей стороны, Крутицынъ крѣпче, нежели когда-нибудь, держалъ свое знамя. Онъ понималъ, что плошать не слѣдуетъ, потому что въ пестрое время на первомъ планѣ стоитъ значеніе минуты и возможность ее уловить. Въ первый разъ пришлось ему постичь истинный смыслъ слова: „борьба“, но, однажды сознавъ необходимость участія этого элемента въ человѣческой дѣятельности, онъ уже не остановился передъ нимъ, хотя, по обычаю всѣхъ ищущихъ душевнаго мира людей, принялъ его подъ другимъ наименованіемъ. Онъ называлъ борьбу отстаиваньемъ освященныхъ вѣками интересовъ и съ гордостью говорилъ, что его нельзя смѣшивать съ толпою безпокойныхъ, которая занималась отыскиваніемъ какихъ-то новыхъ общественныхъ идеаловъ и формъ. Онъ, по преимуществу, дѣйствовалъ на мѣстныя правящія сферы: убѣждалъ, приглашалъ оставить опасный путь и идти объ руку, по стезѣ благонамѣренности. Но если же это не удавалось, то, выждавъ „минуту“, ѣхалъ въ Петербургъ и настаивалъ на своемъ. И такъ какъ выбранная минута была всегда такая, когда въ извѣстныхъ сферахъ было насчетъ благонамѣренности „твердо“, то жертвъ этой настойчивости оказывалось не мало.

Словомъ сказать, Крутицынъ былъ доволенъ, и среди „своихъ“ пользовался не только популярностью, но и любовью. Несмотря на почти непреодолимыя трудности, онъ создалъ изъ своего уѣзда дѣйствительный оазисъ, въ которомъ, послѣ эманципаціи, ни одинъ помѣщикъ не продалъ ни пяди занадѣльной земли, въ которомъ господствовалъ преимущественно сиротскій надѣлъ и уже зародились серьезные задатки крупнаго землевладѣнія. Даже мелкія сошки куда-то исчезли; остались только настоящіе столпы, кровные деревенскіе джентльмены, которые обѣдали въ своихъ семьяхъ, сидя за столомъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Хотя въ Петербургъ онъ пріѣзжалъ довольно часто, но со

мной уже не видался. Повидимому, дѣятельность моя была ему не по нраву, и хотя онъ не выражалъ по этому поводу своихъ мнѣній съ обычною въ такихъ случаяхъ ненавистью (все-таки старый товарищъ!), но въ глубинѣ души, навѣрное, причислялъ меня къ разряду неблагонадежныхъ элементовъ.

Отъ времени до времени мы видѣлись, но въ публичныхъ мѣстахъ, вполнѣ случайно, и безъ разговоровъ расходились, пожавъ другъ другу руки. Впрочемъ о цѣляхъ его наѣздовъ въ столицу я почти всегда зналъ. Фамилія Крутицына пріобрѣла уже значительную извѣстность и встрѣчалась въ газетахъ наравнѣ съ фамиліями самыхъ горячихъ защитниковъ интересовъ консервативной партіи. Помнится, что онъ даже кой-что пописывалъ, хотя безъ особеннаго успѣха. Онъ значительно измѣнилъ свои прежнія убѣжденія относительно бюрократовъ и соглашался, что, при извѣстныхъ условіяхъ, между интересами бюрократическими и сословными не только не существуетъ ни малѣйшей розни, но, напротивъ, первые споспѣшествуютъ вторымъ, а вторые оплодотворяютъ первые. Поэтому онъ относился съ довѣріемъ даже къ департаментскимъ столоначальникамъ. Онъ ходатайствовалъ, подавалъ записки, добивался участія въ разнообразныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ и уже не стоялъ исключительно на сословной почвѣ, но выказывалъ намѣреніе перейти на почву общегосударственную. Сословная обезпеченность можетъ быть достигнута только при соотвѣтствующемъ устройствѣ всего государственнаго уклада,—настаивалъ онъ, и слова его будучи, въ сущности, самымъ ординарнымъ общимъ мѣстомъ, считались мудрыми. Ему неоднократно предлагали мѣсто губернатора и даже выше, но онъ на-отрѣзъ отказывался. Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ отцовскимъ „принципамъ", и находилъ, что сословная честь требуетъ неизмѣнной преданности исключительно сословному знамени.

Раза два-три я встрѣчался съ нимъ за границей, преимущественно въ Эмсѣ, куда онъ отъ времени до времени ѣздилъ (всегда въ сопровожденіи жены), чтобы подлечить какую-то неисправность въ легкихъ. Здѣсь, благодаря полному досугу, онъ былъ менѣе сдержанъ и охотно возвращался къ дружескимъ собесѣдованіямъ. Разговоры наши, впрочемъ, не касались „знамени", ни вообще внутренней политики, а вращались исключительно около кулинарныхъ интересовъ. Гдѣ лучше обѣдать: въ Hôtel Vierjahreszeiten или въ кургаузѣ? А можетъ, еще лучше—съ утра разузнавать по извѣстнымъ отелямъ, въ которомъ изъ нихъ предполагается наиболѣе подходящій обѣдъ? Крутицынъ отзывался

о нѣмецкой кухнѣ не только безъ презрѣнія, какъ это дѣлаютъ большинство русскихъ гастрономовъ, но даже хвалилъ ее. И она, съ своей стороны, способствовала душевной ясности, перевариваясь легко, безъ желудочныхъ переполоховъ.—Во всякомъ обѣдѣ найдешь два-три блюда очень приличныхъ,—говорилъ онъ:—и притомъ такихъ, отъ которыхъ не чувствуется въ желудкѣ никакой тяжести. Все здѣсь такъ устроено, чтобы питаніе, безъ ущерба въ гастрономическомъ смыслѣ, не вредило леченію, но, напротивъ, содѣйствовало.

— Да, голубчикъ, огражденіе интересовъ желудка—это въ своемъ родѣ знамя,—поддакивалъ я ему.

— У насъ, гдѣ-нибудь во Владикавказѣ, непремѣнно свининой отпотчуютъ или солониной накормятъ, а здѣсь даже ménus въ табльдотахъ составляется не иначе, какъ подъ наблюденіемъ водяного комитета.

— Да, но вѣдь и свинина вкусна!..

— Вкусна—не спорю! но въ гигіеническомъ смыслѣ...

Стало быть, и въ кулинарномъ отношеніи онъ былъ счастливъ: желудокъ въ исправности!—Многіе этого блага съ дѣтскихъ лѣтъ добиваются, да такъ и сходятъ въ могилу съ желудочнымъ засореніемъ.

Сверхъ того, онъ былъ горячій поклонникъ Бисмарка и выражался о немъ:

— Это, братъ, человѣкъ!

И въ этомъ я ему не препятствовалъ, хотя, въ сущности, держался совсѣмъ другого мнѣнія о хитро-сплетенной дѣятельности этого своеобразнаго генія, запутавшаго всю Европу въ какія-то невылазныя тенёта. Но свобода мнѣній—прежде всего, и мнѣ не безъ основанія думалось: вѣдь отъ того не будетъ ни хуже, ни лучше, что два русскихъ досужихъ человѣка начнутъ препираться о качествахъ человѣка, который простеръ свои длани на востокъ и на западъ,—такъ пускай себѣ...

Повторяю: наши собесѣдованія были легкія, гигіеническія, и Крутицынъ былъ, повидимому, благодаренъ, что я не переношу ихъ на другую почву.

Однажды, однакожъ, я не вытерпѣлъ и спросилъ его:—Правда ли, что ты считаешь меня неблагонадежнымъ элементомъ?

— Mais puisque tu demandes cent milles têtes à couper!

— Фу, ты!

Отвѣтъ его былъ нѣсколько придурковатъ, но такъ какъ онъ, видимо, былъ счастливъ, высказавъ нѣчто похожее на остроуміе,

то я не возражалъ дальше. Счастье такъ счастье!—пусть выпиваетъ чашу ликованія до дна!

Нѣсколько разъ я порывался спросить его, что онъ дѣлаетъ въ „своемъ мѣстѣ", и подвинулось ли хоть на вершокъ что-нибудь вслѣдствіе его настояній, отстаиваній, ходатайствъ и вообще вслѣдствіе той сутолоки, которой онъ неустанно предается ради излюбленнаго „знамени"; но, предвидя тотъ же стереотипный отвѣтъ, который и прежде слыхалъ отъ него, воздержался.

Впрочемъ и за границей всегда такъ случалось, что постепенно наѣзжали на воды люди, связанные съ Крутицынымъ болѣе интимнымъ образомъ, нежели я, и тогда онъ незамѣтно исчезалъ для меня въ толпѣ „своихъ".

Гораздо позднѣе я узналъ, что счастье его усугубилось: онъ позналъ свѣтъ истины. Молодость уже миновала (Крутицыну было подъ-шестьдесятъ), да кстати подросъ и сынъ,—у него ихъ было двое, но младшій не особенно радовалъ,—которому онъ и передалъ изъ рукъ въ руки дорогое знамя, въ твердой увѣренности, что молодой человѣкъ будетъ держать его такъ же высоко и крѣпко, какъ держали отецъ и дѣдъ. Самъ же Валерьянъ Сергѣичъ безповоротно заключился въ своемъ château и исключительно предался осѣнившему его душевному обновленію. Сначала онъ отдался спиритизму, потомъ сдѣлался ревностнымъ редстокистомъ, а наконецъ и самъ началъ кой-что придумывать. Сложится у него въ головѣ какой-нибудь произвольный афоризмъ—онъ и исповѣдуетъ его, не останавливаясь передъ самыми крайними выводами. Разсказывали, что по вечерамъ въ обширномъ залѣ его château собирались домочадцы, начиная отъ жены, дѣтей, гувернантокъ и боннъ и кончая низшей прислугой. Ставился аналой; Крутицынъ надѣвалъ черную ряску, выбиралъ главу изъ евангелія и толковалъ ее, разумѣется, въ смыслѣ излюбленнаго афоризма. Толкованія эти продолжались часъ и два; слушатели, конечно, не прекословили, а только вздыхали. И онъ былъ счастливъ безмѣрно.

Въ эпохи нравственнаго и умственнаго умаленія, когда реальное дѣло выпадаетъ изъ рукъ, подобныя фантасмагоріи совершаются нерѣдко. Не находя удовлетвореній въ дѣйствительной жизни, общество мечется на удачу, и въ изобиліи выдѣляетъ изъ себя людей, которые съ жадностью бросаются на призрачныя выдумки и въ нихъ обрѣтаютъ душевный миръ. Ни споры, ни возраженія тутъ не помогаютъ, потому что, повторяю, въ самой основѣ новоявленныхъ вѣроученій лежитъ не сознаніе, а только призрачность. Нуженъ душевный миръ—и только.

Нельзя даже съ увѣренностью сказать, какъ относятся сами выдумщики афоризмовъ къ своимъ выдумкамъ: сознаютъ ли они себя способными поддержать ихъ, или послѣднія приходятъ къ нимъ случайно и принимаются исключительно на вѣру. Скорѣе всего, въ этихъ случаяхъ наиболѣе рѣшительнымъ образомъ вліяетъ безпріютность жизни, умственная расшатанность и полное отсутствіе реальныхъ интересовъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безсрочно удовлетворяться культомъ какого-то „знамени", которое и само по себѣ есть не что иное, какъ призракъ, и продолжительное обращеніе съ которымъ можетъ служить только въ смыслѣ подготовки къ другимъ призракамъ. Поэтому переходъ отъ „знамени" къ спиритизму, редстокизму и къ исповѣданію такихъ истинъ, какъ „уши выше лба не растутъ" или „терпѣніе все преодолѣваетъ", вовсе не такъ неестественъ, какъ это кажется съ перваго взгляда...

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Крутицынымъ недавно. Я былъ уже во власти неизлечимаго и тяжкаго недуга, какъ онъ совершенно неожиданно навѣстилъ меня.

Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ по крайнему случаю. Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ страшное горе: у него застрѣлился младшій сынъ, прекрасный и многообѣщавшій юноша, которому едва минуло осьмнадцать лѣтъ.

Молодой человѣкъ не успѣлъ еще сойти со школьной скамьи, а въ существованіе его уже закралась двойственность. Повидимому, онъ не такъ легко, какъ отецъ и старшій братъ, принималъ на вѣру розсказни о свойствахъ „знамени", и та обязательность, съ которою послѣднія принимались въ родной семьѣ, сильно смущала его. Самъ ли онъ дошелъ до какихъ-то неясныхъ сомнѣній, или былъ наведенъ на нихъ постороннимъ вліяніемъ, — во всякомъ случаѣ, въ немъ совершился внезапный и рѣзкій переломъ. Онъ рано началъ анализировать свою жизнь, рано сталъ вглядываться въ ожидавшее его будущее, такъ что въ ту цвѣтущую пору, когда испытываются однѣ радованія жизни, онъ былъ уже угрюмъ и нелюдимъ. За нѣсколько дней до катастрофы, онъ окончательно задумался и затосковалъ. Приходя по праздникамъ къ сестрѣ, онъ невпопадъ отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы, забивался въ уголъ и тамъ молчалъ. Страшно подумать, что въ осьмнадцать лѣтъ жизнь можетъ опостылѣть и привести юношу исключительно къ тому, что онъ думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе покончить разсчеты съ нею. Но въ

наше время господства призраковъ и этотъ безпощадный призракъ перестаетъ казаться противоестественнымъ. Скука и душевное утомленіе такъ велики, что даже возможность иныхъ, болѣе радужныхъ перспективъ въ будущемъ искушаетъ очень слабо. Левушка Крутицынъ былъ мальчикъ нервный и впечатлительный; онъ не выдержалъ передъ мыслью о предстоящей семейной разноголосицѣ и поспѣшилъ произнести судъ надъ укоренившимися въ семьѣ преданіями, пославъ себѣ вольную смерть.

Старикъ Крутицынъ глубоко измѣнился, и я полагаю, что перемѣна эта произошла въ немъ именно вслѣдствіе постигшаго его горя. Онъ погнулся, волочилъ ногами и часто вздрагивалъ; лицо осунулось, глаза впали и были мутны; волосы въ безпорядкѣ торчали во всѣ стороны; нижняя губа слегка обвисла и дрожала.

— Здоровья тебѣ принесъ!—сказалъ онъ мнѣ, стараясь приободриться:—еще не все для тебя кончено.

Онъ сѣлъ противъ меня, взялъ мои руки и, не выпуская ихъ, долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. И я увѣренъ, что въ эти минуты прошлое всецѣло пронеслось передъ нимъ, и онъ любилъ меня искренно, горячо.

Мы оба молчали. На этотъ разъ, впрочемъ, молчаніе было содержательнѣе, нежели самый содержательный разговоръ.

Наконецъ, вдоволь насмотрѣвшись, онъ всталъ и произнесъ:

— Ты, помнится, въ былое время спрашивалъ меня о результатахъ, какихъ я достигъ. Результаты—вотъ они! Дряхлая развалина и погибшій сынъ!

Съ этими словами, онъ безнадежно-тоскливо покачалъ головой и, пошатываясь, пошелъ изъ комнаты.

Больше мы не видались.

Н. Щедринъ.

БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ

V *).

Въ 1861 году обнаружилось въ царствѣ польскомъ политическое броженіе, которое потомъ все больше возростало и въ 1862 г. развилось до попытокъ открытаго возстанія. Волненіе уже вскорѣ отразилось на западномъ и частью даже на юго-западномъ краѣ. Въ мысляхъ поляковъ все это была та же Польша: „Корона" (собственно, царство польское), „Литва" (сѣверо-западный край) и такъ-называемая „Русь" (западная Малороссія), изъ которыхъ состояла Польша до-раздѣльная, должны были теперь добыть снова государственную независимость и вмѣстѣ заявить о своемъ политическомъ и „національномъ" единствѣ. Возстаніе окончилось, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ печальнымъ образомъ. Далеко не всѣ классы самого польскаго народа раздѣляли политическое возбужденіе; въ западномъ краѣ въ возстаніи приняла участіе только немногочисленная польская доля населенія, а масса оставалась пассивнымъ, сначала боязливымъ, потомъ несомнѣнно враждебнымъ зрителемъ совершавшихся кровавыхъ сценъ; на юго-западѣ, гдѣ процентъ польскаго населенія былъ совсѣмъ ничтожный, попытки возстанія оказались абсолютно неудачными. Нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробности событій, достаточно извѣстныхъ; остановимся лишь на томъ, какъ эти событія отразились на постановкѣ историческаго и этнографическаго вопроса.

Нѣтъ сомнѣнія, что самая возможность этихъ печальныхъ событій являлась слѣдствіемъ историческаго и этнографическаго

*) См. выше: май, 211 стр.

недоразумѣнія, долго покрывавшаго западно-русскій край и въ которомъ болѣе или менѣе повинны были обѣ стороны. Фактически, польскій элементъ господствовалъ въ западномъ краѣ какъ землевладѣльческій и культурно-бытовой; русскій народъ, со времени перваго раздѣла и вплоть до начала 60-хъ годовъ, до 19-го февраля 1861 г., былъ крѣпостнымъ подвластнымъ населеніемъ, которое здѣсь, какъ и въ самой Россіи, не имѣло и не могло имѣть никакого голоса, никакой защиты ни своего гражданскаго, ни затѣмъ даже національнаго положенія. Въ теченіе почти ста лѣтъ послѣ паденія своего государства, польская часть населенія, высшій его классъ, привыкла считать себя хозяевами края, его гражданскими интеллигентными представителями; никто ей въ томъ не противорѣчилъ; и хотя правительство сурово карало рѣдкіе примѣры политическихъ протестацій, отголосковъ возстанія 1831 года, но власть охраняла крѣпостное право польскихъ или полонизованныхъ помѣщиковъ надъ русскимъ народомъ, и это питало иллюзію польскихъ патріотовъ, считавшихъ край польскимъ въ отношеніи національномъ. Въ западномъ краѣ, какъ мы видѣли, развилась съ начала нынѣшняго столѣтія оживленная образовательная и литературная дѣятельность, средоточіемъ которой былъ виленскій университетъ и которая продолжалась здѣсь и по закрытіи университета. Вильна, вмѣстѣ съ Варшавой, Краковомъ, Львовомъ, Познанью, была однимъ изъ главныхъ пунктовъ польской литературной и общественной жизни и здѣсь складывался особый („литовскій“) оттѣнокъ польской поэзіи и литературы; въ западномъ краѣ, въ богатыхъ имѣньяхъ польскихъ аристократовъ собирались обширныя библіотеки, научныя и художественныя коллекціи (напр. въ Несвижѣ, Щорсахъ и пр.); польскіе мѣстные ученые предпринимали разнообразныя изслѣдованія о древностяхъ, топографіи, исторіи, этнографіи, статистикѣ, естественной исторіи края—изслѣдованія, которыми много пользовались потомъ и донынѣ русскіе изыскатели, направившіе сюда свои труды съ 1860-хъ годовъ... Правда, дѣйствительная сущность историческихъ и народныхъ отношеній западнаго края начала уже выясняться и съ другой точки зрѣнія: тѣ изслѣдованія историческія или то собираніе историческаго и этнографическаго матеріала, которое начиналось въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ русской литературѣ, не могли не проливать иного свѣта на положеніе вещей,—но эти изслѣдованія оставались покамѣсть книжными, были дѣломъ спеціалистовъ, мало проникали въ общество и еще меньше вліяли на административное и соціальное состояніе западно-русскаго на-

рода... Одинъ разъ прошла въ краѣ сильная полоса историческаго движенія—въ уничтоженіи уніи (1839): по существу, это былъ фактъ очень знаменательный, который могъ бы навести мѣстное общество на новыя мысли о положеніи народнаго вопроса въ западномъ краѣ, но бытовая рутина была все еще такъ сильна, что это событіе произвело, кажется, меньше впечатлѣнія и дѣйствія, чѣмъ можно было бы ожидать. Съ другой стороны, въ самомъ русскомъ обществѣ относительно западнаго края продолжалось прежнее незнаніе и равнодушіе.

Нужны были большіе перевороты и шумныя событія, чтобы заставить, наконецъ, оглянуться на прошедшее и на современное состояніе западнаго края. Во внутренней жизни русскаго общества такимъ переворотомъ были реформы, заявленныя и частію исполненныя въ началѣ прошлаго царствованія,—реформы, которыя, какъ бы ни думали о нихъ теперь, несомнѣнно подѣйствовали не только на развитіе понятій общественныхъ и гражданскихъ, но расширили горизонтъ историческій и этнографическій, а затѣмъ и сознаніе національное. Въ первый разъ рѣчь о народѣ имѣла уже не одинъ идеалистическій и платоническій характеръ, но говорила о народѣ настоящемъ, объ его юридическомъ и соціальномъ положеніи. Крестьянская реформа, въ своихъ приготовленіяхъ и въ своемъ совершеніи, поднимала вопросъ и о западно-русскомъ народѣ, на которомъ до тѣхъ поръ лежала крѣпостная пелена, скрывавшая его и отъ общественнаго мнѣнія, и отъ научнаго изслѣдованія. Едва объявлена была крестьянская реформа, произошли другія событія, сдѣлавшія западный край предметомъ напряженнаго вниманія. Старое недоразумѣніе, лежавшее на отношеніяхъ западно-русскаго края, высказалось, наконецъ, самымъ острымъ образомъ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Поляки въ послѣдній разъ выставили фикцію Польши 1772 года, и западный край сдѣлался сценой мнимо-народнаго возстанія. Извѣстно, что нѣкоторое колебаніе, съ какимъ правительство отнеслось сначала къ польскимъ волненіямъ, вскорѣ смѣнилось самыми крутыми мѣрами къ подавленію возстанія. Эти мѣры вскорѣ возъимѣли свое дѣйствіе: возстаніе было окончательно подавлено и начались репрессаліи. Возбужденіе общественной массы, или патріотической публицистики, было тѣмъ сильнѣе, что польское возстаніе, сдѣлавшись предметомъ европейскихъ толковъ, послужило поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству, которое было отвергнуто весьма рѣшительно русскимъ правительствомъ, что̀ еще усилило патріотическіе взрывы. Въ то время, когда правительство должно было

объяснять, что западный край есть край русскій по громадному большинству населенія и вмѣстѣ православный, та же тема создала цѣлую литературу въ газетахъ, журналахъ, книгахъ и брошюрахъ.

Въ это время русское общество въ первый разъ узнало съ достовѣрностью объ этнографическомъ составѣ западнаго края и получило понятіе объ его исторіи.

Не входя въ исторію этого политическаго вопроса, упоминаемъ о немъ лишь въ той степени, въ какой онъ касается нашего предмета. Какъ мы сказали, этотъ вопросъ создалъ цѣлую литературу. Къ сожалѣнію, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ ставился большею частію столь исключительно, съ такой крайней нетерпимостью, нерѣдко съ такимъ озлобленіемъ, которыя исключали безпристрастіе и спокойную оцѣнку фактовъ. Въ сущности, для тѣхъ, кто былъ нѣсколько знакомъ съ исторіей Польши и западной Руси, кто присмотрѣлся къ достаточно извѣстнымъ и раньше произведеніямъ старой западно-русской литературы и современной народной поэзіи, было совершенно ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самымъ настоящимъ русскимъ народомъ; но такъ какъ раньше большинство этого не знало, то это становилось открытіемъ, которое считали нужнымъ доказывать не простымъ, спокойнымъ объясненіемъ факта, но съ полемическимъ озлобленіемъ, а часто и съ пѣной у рта. Спокойныхъ разсужденій слышалось тогда всего менѣе: въ разгарѣ усмиренія считалось необходимымъ, говоря о предметѣ, употреблять тотъ же озлобленный способъ выраженій, иначе писатель подвергался обвиненію въ равнодушіи къ національному дѣлу или даже въ измѣнѣ. Воинствующая печать и дѣйствительно бросала подобнаго рода намеки или даже прямыя обвиненія противъ тѣхъ, кто не принималъ тогда участія въ этомъ походѣ противъ всего польскаго, который былъ настоящей травлей. Въ самомъ дѣлѣ, факты, какъ мы сказали сейчасъ, были очевидны и не требовалось особаго напряженія, чтобы доказать существованіе западно-русскаго народа и его исторіи; но, во-первыхъ, для справедливой оцѣнки западно-русскихъ затрудненій надо было признать въ полной мѣрѣ, чѣмъ были они приведены между прочимъ и съ русской стороны; а во-вторыхъ, когда спорный вопросъ рѣшался военнымъ истребленіемъ повстанцевъ и смертными казнями, простое человѣческое чувство запрещало издѣваться надъ побѣжденнымъ и слабымъ непріятелемъ,—и это человѣческое чувство, конечно, больше отвѣчало настоящему національному достоинству... Воинствующая публицистика находила

поводъ къ своему озлобленію въ тонѣ заграничной польской печати, доходившей нерѣдко до великихъ нелѣпостей; но сторонѣ правой можно было не соперничать съ нею тѣмъ же тономъ.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ тогдашняго положенія вопроса въ литературѣ.

Что западно-русскій вопросъ былъ для огромнаго большинства нашего общества открытіемъ и новостью, можно было судить уже изъ того, что о немъ заговорили вдругъ въ 1862 - 1863 году, когда за годъ передъ тѣмъ о немъ не было и рѣчи, заговорили съ величайшимъ азартомъ, который долженъ былъ прикрыть прежнее молчаніе объ этомъ предметѣ. Та часть литературы, которая особенно горячо взялась за этотъ предметъ, иногда прямо сознавалась, что вопросъ прежде былъ забытъ и русскому обществу неизвѣстенъ. Вотъ, напримѣръ, эпизодъ изъ своего рода манифеста подъ заглавіемъ: „Изъ Москвы, къ православнымъ бѣлоруссамъ не изъ крестьянъ, преимущественно къ бѣлорусскому духовному сословію“, подписаннаго „Редакціею газеты „День“, ея сотрудниками и всѣми сочувствующими съ нею“:

„Мы виноваты предъ вами — простите насъ, — писала редакція „Дня“.—Событія *раскрыли намъ глаза*, заслѣпленные польскою ложью, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыли и *всю бездну нашей вины*. Мы, русское общество, какъ будто *забыли про существованіе Бѣлоруссіи;* мы долго *коснѣли въ невѣдѣніи* о той глухой, безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной, святой борьбѣ, которую вели бѣлоруссы за свою народность и вѣру—съ могучими, сильными, искусными и богатыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ, врагами — польщизною и латинствомъ. Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство—бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной,—подвиги долготерпѣнія и мученичества! Ты старалось уберечь и поддержать въ народѣ до лучшихъ временъ, сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унію,— преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью... И ты уберегло и поддержало ихъ; лучшія времена настали, и оправдывается божественное слово: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.

„По истинѣ ваши подвиги безпримѣрно велики, хотя творились они въ тишинѣ и во мракѣ, безъ блеску и треску, безъ тѣхъ громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ пріемлютъ себѣ земную мзду за геройскіе подвиги своего алчнаго патріотизма ваши угнетатели поляки. Ваша борьба была тѣмъ труднѣе, что вы боролись честнымъ оружіемъ духа, шли нравственнымъ христіанскимъ путемъ къ честной цѣли, тогда какъ враги ваши, по іезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ всякія средства, — противополагали вамъ адскія козни и злоухищренія. Ваша борьба была еще тѣмъ труднѣе, что все богатое, мощное, владѣющее землею сословіе, ваша русская шляхта соблазнились выгодами власти, прельстились на житейскія удобства

и почести, и продали за нихъ православіе и русскую народность. Они ополячились, окатоличились; они, какъ это всегда бываетъ съ отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его вѣры,— и тѣмъ не менѣе вы, духовнымъ мечомъ, отстояли русскую землю... Хвала вамъ по всей Россіи! Только теперь вполнѣ начинаемъ мы здѣсь познавать всю мѣру добра, совершеннаго вами, все достоинство вашихъ дѣлъ,—удивляемся вамъ, благословляемъ васъ и несемъ вамъ дань нашего братскаго сочувствія и участія.

„Премудрость Божія послала нынѣ Бѣлоруссіи рядъ испытаній, которыми, какъ въ горнилѣ, искушаясь и очищаясь, бѣлорусскій народъ возрождается къ новой жизни. Онъ въ первый разъ выступилъ на поле исторіи, какъ историческій дѣятель; онъ явилъ себя міру въ первый разъ, какъ народъ,—русскій народъ,—господинъ и хозяинъ той земли, которую поляки всюду прославили Польшей,—и ничто и никто отнынѣ не отниметъ у него этой части. Польскій мятежъ обличилъ врага, котораго Россія, изъ благодушія, пригрѣвала у себя на груди, обнаружилъ предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ — коварство, дерзость и презрѣніе къ русскому народу польскаго или ополяченнаго дворянства, и возбудилъ законную месть народную. Настоящія событія — это какъ бы баня пакибытія для Бѣлоруссіи, по выраженію Апостола; это ея крещеніе въ новую, общую съ Россіей, духовную и гражданскую жизнь, крещеніе—въ неповинной крови зарѣзанныхъ поляками крестьянъ, замученныхъ и повѣшенныхъ поляками священниковъ бѣлорусскихъ—Прокоповича, Конопасевича, Рапацкаго, дьячка Іозефовича, учителя Смольскаго и многихъ другихъ! Отнынѣ уже не пановать надъ вами гордой польской шляхтѣ, наглымъ польскимъ оффиціалистамъ и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть ихъ уберутся къ себѣ домой, въ Польшу. Отнынѣ русская земля должна стать русскою во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, чтобы не было польскаго духу ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать... Спѣшите же изгладить послѣдніе признаки польскаго господства въ вашей несчастной странѣ, залечить общественныя раны, нанесенныя вамъ польскимъ гнетомъ, и такъ укрѣпить духовныя силы вашей народности, чтобъ и мысль о былой когда-то здѣсь Польшѣ не могла взойти на сердце поляку!“

Итакъ мы, русское общество, *забыли* о существованіи Бѣлоруссіи, мы коснѣли въ *невѣдѣніи* о той борьбѣ, которая совершалась тамъ долгіе годы, цѣлые вѣка; только теперь *начинаемъ мы здѣсь познавать* ту пользу, какая принесена была общему дѣлу русской національности этой борьбой бѣлорусскаго народа за свое существованіе, и только теперь, когда польскій мятежъ обнаружилъ „предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ“ настоящее положеніе вещей, мы являемся съ своими сочувствіями и съ своей помощію. Это признаніе было совершенно справедливо: западный край былъ дѣйствительно забытъ; но и теперь общественное и литературное отношеніе къ нему было не таково, каково должно бы быть... Правительственная власть явилась со всею своею си-

лою, чтобы подавить возстаніе, и успѣшно сдѣлала свое дѣло; но то, что должно бы быть сдѣлано силою общественною, было крайне неудовлетворительно. Мы упоминали прежде, что общественное дѣйствіе въ этомъ вопросѣ, по всѣмъ обстоятельствамъ времени, ограничилось только однимъ оттѣнкомъ нашего общественнаго мнѣнія и литературы; здѣсь оказалось не столько разъясненіе выступившихъ на сцену сложныхъ отношеній,—завѣщанныхъ исторіей, приводимыхъ настоящими потребностями населенія,—сколько продолженіе тѣхъ репрессалій, которыя совершались въ военныхъ и административныхъ дѣйствіяхъ того времени. Литература, присвоивавшая себѣ роль исключительно патріотической, ознаменовала себя политической травлей, терявшей, наконецъ, всякое нравственное достоинство, и въ концѣ концовъ оставила вредныя послѣдствія и для западнаго края, и для самого русскаго общества. Примѣры увидимъ дальше.

Не останавливаясь на дѣятельности газетъ, проводившихъ въ особенности политическую идею, или на газетѣ „День“, гдѣ западно-русскій вопросъ послужилъ поводомъ къ новому повторенію извѣстныхъ теорій, приведемъ нѣсколько эпизодовъ изъ одного изданія, теперь почти забытаго, которое было тогда спеціально посвящено вопросамъ западной и юго-западной Россіи. Это былъ журналъ: „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, предпринятый въ 1862 году Ксенофонтомъ Говорскимъ, лицомъ до того времени неизвѣстнымъ въ литературѣ. Это былъ, кажется, учитель семинаріи въ западномъ краѣ; онъ началъ изданіе именно въ то время, когда совершались первые факты польскаго возстанія; журналъ выходилъ сначала въ Кіевѣ, потомъ (съ сентября 1864 г.) перенесенъ былъ въ Вильну [1]). Журналъ Говорскаго представлялъ нѣчто странное. Онъ посвятилъ себя исключительно борьбѣ противъ полонизма, въ которомъ, конечно, заключалось и католичество,—и защитѣ западно-русской народности и православія, и на дѣлѣ сталъ однимъ изъ такихъ друзей, которые бываютъ иногда хуже враговъ. Вся исторія западнаго края представлялась журналу только съ одной точки зрѣнія: польская интрига и католическое насиліе; ничего другого въ этой исторіи не было; „интрига“ простиралась такъ далеко, что журналъ усмат-

[1]) Изданіе началось съ половины 1862 года, и годъ изданія продолжалъ и потомъ считаться отъ іюля до іюля. Съ 1867 г. годъ изданія сталъ считаться съ января. Съ этого же года, кромѣ „редактора-издателя“, Говорскаго, журналъ подписывалъ еще „редакторъ-сотрудникъ, Ив. Эремичъ“. Съ 1870 года журналъ, по болѣзни Говорскаго, велся однимъ Эремичемъ и прекратился на 4-й книжкѣ 1871 г. Въ это время умеръ и Говорскій.

ривалъ ее даже въ такихъ явленіяхъ самой русской жизни, которыя, между прочимъ, сами направлялись противъ полонизма. Тѣ мнѣнія, высказывавшіяся въ тогдашней русской литературѣ, которыя не совпадали съ теоріями „Вѣстника", называемы были безъ церемоніи измѣной; и хотя журналъ занятъ былъ обличеніемъ польскихъ притязаній на западный и юго-западный край, но онъ съ крайней злобой возставалъ противъ какого-нибудь движенія въ мѣстныхъ народностяхъ: такъ, „Вѣстникъ" Говорскаго въ особенности потрудился надъ распространеніемъ той полезной идеи, что украинофильство есть не что иное, какъ подвохъ польской интриги... Въ журналѣ печатались на первомъ планѣ старые документы изъ исторіи западнаго края, которые свидѣтельствовали о старыхъ угнетеніяхъ русской церкви и народности; далѣе печатались статьи по исторіи края, въ томъ же обличительномъ направленіи, помѣщались повѣсти (главными беллетристами „Вѣстника" были Кулишъ, въ первый годъ изданія; Н. Сементовскій, написавшій повѣсть изъ временъ князей Святослава и Владиміра; извѣстный г. Шигаринъ, изображавшій разные неодобрительные поступки поляковъ; далѣе, въ послѣдующихъ годахъ изданія, — Калугинъ, писавшій романы изъ XIV вѣка и драмы изъ еврейскаго быта, Скурховичъ, Вольперъ, Ольшвангеръ и другіе, столь же извѣстные авторы; были, наконецъ, свои стихотворцы, писавшіе не весьма тонкія, но очень злобныя басни на тему польской интриги и т. п.); въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала собирались свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, разсказывалось объ истребленіи повстанскихъ бандъ, съ удовольствіемъ говорилось о казняхъ предводителей, велась полемика съ польскими газетами, и т. д. Отдѣлъ публицистическій велся съ большимъ патріотическимъ жаромъ, впадавшимъ и въ семинарскій, и въ полицейскій...

Въ первомъ годѣ изданія была помѣщена статья: „Что такое хлопоманія, и кто такіе хлопоманы?" Здѣсь [1]) обличается хлопоманія польская, то движеніе, о которомъ намъ случалось говорить и которое, исходя изъ увлеченій польскаго романтическаго украинофильства, приняло теперь политическую тенденцію, въ предположеніи (которое было, конечно, глубокимъ заблужденіемъ), что малорусскій народъ можетъ быть вовлеченъ въ возстаніе; но отъ этой польской хлопоманіи журналъ совершенно отграничилъ хлопоманію малорусскую: въ этой послѣдней видѣлось ему естественное стремленіе къ народу, желаніе содѣйствовать его образованію и вмѣстѣ протестъ противъ польской пропаганды.

---

[1]) „Вѣстникъ", 1862—1863 гг., т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 139—156.

„Наши русинофилы убѣждены, — говорилъ безъименный авторъ статьи,—что просвѣщать народъ посредствомъ одного великорусскаго языка и ограничиваться одною великорусскою литературою—значитъ лишить здѣшняго русскаго человѣка тѣхъ средствъ къ самозащищенію, которыя даны ему Богомъ, затруднять здѣсь успѣхи русскаго просвѣщенія и почти-что цѣликомъ предавать нашъ народъ въ руки опытныхъ и изобрѣтательныхъ пропагандистовъ, поляковъ, тѣмъ болѣе. что населеніе юго-западныхъ губерній болѣе свыклось, болѣе знакомо съ польскимъ, чѣмъ съ великорусскимъ языкомъ, и лучше его понимаетъ, чѣмъ нарѣчіе великорусское, въ особенности литературное; они полагаютъ, что единственное средство спасти здѣшняго русскаго человѣка отъ польской пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы, подражая тактикѣ опытныхъ нашихъ враговъ, стараться поднять здѣшнее русское нарѣчіе въ глазахъ самого народа, доставлять ему просвѣщеніе на его родномъ, наиболѣе понятномъ для него нарѣчіи, какъ можно болѣе писать и печатать необходимо нужнаго для народа на этомъ его нарѣчіи; но писать и печатать русскою азбукою, и такимъ образомъ, опираясь на богатства общерусской литературы и просвѣщенія, привязывать его къ общерусской литературѣ. Слѣдуя такому убѣжденію, они употребляютъ всѣ силы, чтобы учить народъ на его родномъ нарѣчіи, издавать на этомъ русскомъ нарѣчіи руководства и народныя книги, наиболѣе принаровленныя къ понятіямъ, убѣжденіямъ, взглядамъ и потребностямъ народа, и такимъ образомъ въ противность дѣятельности поляковъ распространять въ народѣ русскую грамотность и просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ давать этому народу наиболѣе средствъ къ самозащищенію. На это-то и направлена теперь вся ихъ дѣятельность. Итакъ, дѣятельность ихъ почти исключительно—дѣятельность просвѣтительная, не заключающая въ себѣ ничего политическаго, кромѣ развѣ противодѣйствія польской пропагандѣ посредствомъ распространенія русской грамотности и просвѣщенія, и кромѣ стремленія выяснить и оживить для всего русинскаго племени ближайшее его духу начало, связывающее всѣхъ его членовъ, отъ Мармароша и Сана до Дона, въ одно нераздѣльное цѣлое и составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ естественное звено, прочно связывающее все это племя съ остальною Русью.

„Такой взглядъ на стремленіе и дѣятельность нашихъ русинофиловъ вынесенъ нами изъ непосредственнаго, *безпристрастнаго наблюденія* надъ ними. Насколько вѣренъ этотъ взглядъ, и насколько на самомъ дѣлѣ ошибочны, ложны стремленія и дѣйствія нашего молодого поколѣнія, предоставляемъ раскрыть времени. Смотря на это наше молодое поколѣніе съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ въ немъ не что иное, какъ ту силу, которую въ лицѣ образованныхъ нашихъ молодыхъ людей, сближавшихся, сросшихся душою съ русскимъ народомъ здѣшнихъ областей, съ его интересами и стремленіями, выставляетъ самъ нашъ православный народъ противъ дѣятельности ложныхъ хлопомановъ и противъ всякаго подавляющаго внѣшняго вліянія. А потому понятно, почему поляки и ихъ хлопоманы видятъ въ нихъ самыхъ опасныхъ для себя враговъ и прибѣгаютъ къ разнымъ клеветамъ, іезуитскимъ выходкамъ и наговорамъ, чтобы парализовать возростаніе этой нашей народной силы... зная

свойства и средства польскихъ пропагандистовъ вести борьбу съ врагами, и свойства, и качества нашихъ загнанныхъ русинофиловъ, мы имѣемъ полное право считать эти слухи злостною клеветою на наше молодое поколѣніе... *Неразумно, грѣшно и позорно* для насъ оставаться далѣе подъ вліяніемъ польскаго общественнаго мнѣнія относительно нашего же родного молодого поколѣнія, допускать полякамъ вносить вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашихъ же братьевъ и наслѣдниковъ; неразумно, говорю, и грѣшно намъ съ враждою, подозрительностью и непріязнью отвращаться отъ нашихъ младшихъ братій изъ-за какихъ-нибудь ихъ крайностей и увлеченій, и тѣмъ подрывать наши собственныя силы и, быть можетъ, вводить наше молодое поколѣніе еще въ большія крайности".

Но если въ ноябрѣ 1862 года таковъ былъ взглядъ, вынесенный изъ „безпристрастнаго наблюденія" надъ движеніемъ малорусскаго молодого поколѣнія; если было тогда „неразумно, грѣшно и позорно" допускать вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашу же братью и наслѣдниковъ, то уже въ началѣ 1863 года „безпристрастный взглядъ" былъ брошенъ и „позорное, грѣшное и неразумное" сдѣлалось въ глазахъ Говорскаго гражданскою обязанностью и добродѣтелью. Въ это самое время въ Петербургѣ издавалась „Основа", посвященная именно тѣмъ задачамъ народнаго просвѣщенія на мѣстной почвѣ, которымъ „Вѣстникъ" только-что заявлялъ свои сочувствія, и съ 1863 года Говорскій начинаетъ озлобленныя нападенія на украинофильство. Не видно, по какому сигналу начались эти нападенія, но онѣ превзошли всякую мѣру приличія и литературнаго достоинства. Смерть Шевченка, въ которомъ, при всемъ несочувствіи къ характеру его произведеній, нельзя было не признать замѣчательнаго поэта и утрата котораго вызвала много горячихъ сочувствій и воспоминаній въ средѣ его земляковъ,—для „Вѣстника" послужила поводомъ къ статьѣ по истинѣ гнусной [1]): это былъ цѣлый потокъ ругательствъ, и главною причиной всякихъ недостатковъ Шевченка оказывалось то, что онъ былъ неблагороднаго происхожденія. Мысль объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ языкѣ, которую излагалъ Костомаровъ въ „Основѣ", встрѣчена была градомъ обвиненій, какъ мысль зловредная и едва не измѣнническая [2]). Здѣсь было уже сказано, что эта мысль о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ идетъ „не отъ Бога" (слѣдовательно?), а вскорѣ потомъ въ другихъ статьяхъ было разъяснено, что украинофильство есть именно вѣтвь поль-

[1]) 1862—1863, т. IV, апрѣль, IV, стр. 32—42: „Эпизоды изъ жизни Шевченка" П. М—съ.

[2]) 1863—1864, т. I, іюль, III, стр. 1—6.

ской интриги — знаменитая тема, которая потомъ повторялась множество разъ и благополучно дожила, съ своими результатами, до нашихъ дней.

Эти образчики показываютъ, каково было отношеніе „Вѣстника" къ народному вопросу. Еслибы въ Бѣлоруссіи было какое-нибудь мѣстное движеніе въ видахъ оживленія народной массы, пробужденія ея изъ вѣковой умственной спячки какою-нибудь книжкой на доступномъ для нея языкѣ, „Вѣстникъ", очевидно, усмотрѣлъ бы и здѣсь „руку"—во-первыхъ, діавола, а во-вторыхъ, польской интриги. И вообще журналъ относился ко всякой заботѣ о народномъ образованіи неодобрительно: въ той же книжкѣ помѣщена статья „Кіевскія впечатлѣнія", гдѣ авторъ, изобразивъ простодушную вѣру кіевскихъ богомольцевъ, приходитъ къ убѣжденію о ненужности и вредѣ самой грамотности, кромѣ церковно-славянской.

„Спрашивается: нужна ли для *этихъ людей* (богомольцевъ, представляющихъ весь народъ) грамотность, о которой въ последнее время поднялось столько хлопотъ?.."

Нынѣшніе евреи,—разсуждаетъ авторъ,—всѣ грамотны, но на ихъ умѣ „лежитъ покрывало"; раскольники почти всѣ умѣютъ читать и — остаются раскольниками.

„А извѣстная личность, боящаяся ладану (!!), умнѣе и грамотнѣе всѣхъ ихъ, и евреевъ, и раскольниковъ, знаетъ превосходно всѣ языки и литературу древнюю и новую (!), едва ли даже не онъ (кто?) и заправляетъ всею свѣтскою литературой, какъ средствомъ проводитъ въ массы вредныя вѣрованія и убѣжденія; онъ самъ даже *вѣруетъ и трепещетъ*, да что толку съ этой дьявольской вѣрой этого колоссальнаго дьявольскаго просвѣщенія" [1]). Статья подписана: „Странникъ" и не вызвала никакого замѣчанія редакціи.

Взглядъ на просвѣщеніе, какъ на дьявольское [2]), достаточно рисуетъ мнѣнія редакціи „Вѣстника". Это была смѣсь стариннаго „Маяка" (одинъ изъ его представителей, И. Кулжинскій, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ публицистовъ „Вѣстника"), новѣйшей „Домашней Бесѣды" съ прибавкою политической полемики упомянутаго свойства. Оказывалось, что въ русской литературѣ, даже между весьма извѣстными именами, гнѣздились враги отечества. Такъ относился „Вѣстникъ" къ Костома-

---

[1]) Тамъ же, стр. 14.

[2]) Выше, въ числѣ представителей этого просвѣщенія названы, напр., Пиеогоръ (sic), Платонъ, Аристотель и „изъ новѣйшихъ знаменитостей" Адамъ Смитъ и Маколей (!!).

рову и ко всему украинофильству [1]). Въ 1863 году г. Н. Страховъ написалъ свою извѣстную статью подъ названіемъ „Роковой вопросъ“, имѣвшую въ виду указать культурную сторону польскаго вопроса, которая могла объяснить, въ извѣстной степени, преобладавшее прежде вліяніе польскаго элемента въ западномъ краѣ. Статья какъ-то не совсѣмъ отвѣчала обычному ходу мыслей г. Страхова защитою этой темы, въ которой была, впрочемъ, доля историческаго факта; она имѣла, какъ извѣстно, самыя печальныя послѣдствія: кромѣ того, что автору пришлось выслушать строгій репримандъ „Р. Вѣстника“ и принести повинную, самый журналъ Достоевскаго, гдѣ она была напечатана, былъ закрытъ. Любопытно, что̀ сдѣлалъ изъ этого „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“. Г. Страховъ, въ своей литературной дѣятельности положившій столько труда на обличеніе западныхъ и западническихъ лжеученій, оказался въ ряду „недоучившихся публицистовъ, словно державшихъ конкурсъ по части Геростратовскихъ подвиговъ глумленія надъ всѣмъ, что̀ составляло доселѣ основу силы и славы человѣческихъ обществъ вообще и Россіи въ особенности“,—или даже нѣтъ, г. Страховъ превзошелъ ихъ всѣхъ: „Вѣстникъ“—„еще не видалъ такого циническаго, такого звѣрскаго ковырянья въ язвахъ своей жертвы, какимъ обезсмертилъ себя авторъ этой статьи“... Довольно сказать, что авторъ статьи сравнивается заразъ съ Іудой, съ Хамомъ и Геростратомъ...

Всѣ мѣры, принимавшіяся тогда въ западномъ краѣ, встрѣчались „Вѣстникомъ“ съ величайшими сочувствіями; журналъ исполненъ былъ самыми истребительными намѣреніями относительно всего польскаго, и когда, напримѣръ, славянофилы, настаивая на обрусеніи западнаго края, все-таки допускали существованіе этнографической Польши, „Вѣстникъ“ и ей желалъ и пророчилъ полную гибель и сочинилъ даже, на извѣстную тему, „новую польскую пѣсню“:

Kiedy Polska nie zginela,
Niech że zginie,—my tak chcemy! и т. д. [2]).

Такого рода журналъ явился въ литературѣ спеціальнымъ защитникомъ „русскаго дѣла“ въ западномъ краѣ. Онъ, очевидно, желалъ идти въ параллель къ тому суровому способу дѣйствій,

[1]) Передъ тѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, намъ случилось, однако, видѣть Ксенофонта Говорскаго у Костомарова: былъ ли тогда тотъ же Костомаровъ человѣкомъ невреднымъ, или издатель „Вѣстника“ приходилъ къ нему въ качествѣ соглядатая?

[2]) Тамъ же, 1862—1863, іюнь, стр. 153.

какой былъ принятъ въ этомъ краѣ во времена управленія генерала Муравьева и, какъ мы видѣли, выходилъ изъ предѣловъ литературной постановки вопроса. Онъ, конечно, далеко оставлялъ за собою всякую славянофильскую нетерпимость: здѣсь она превращалась въ необузданное озлобленіе, приправленное ссылками на „истинное христіанство"...

Говорскій высказывалъ твердую увѣренность, что его журналъ именно представляетъ самую чистую русскую народность, ея содержаніе и ея требованія; впослѣдствіи, по смерти Муравьева, онъ ссылался на письмо, въ которомъ Муравьевъ воздавалъ похвалу патріотической дѣятельности „Вѣстника" и ея пользѣ. Говорскій даже приписывалъ себѣ честь поднятія самаго вопроса о западной Руси гораздо раньше „Катковыхъ, Аксаковыхъ и Кояловичей" [1]).

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ у журнала Говорскаго нашелся противникъ, его достойный — съ другой стороны: это была извѣстная газета „Вѣсть". Погода нѣсколько перемѣнилась: западно-русскій вопросъ затронутъ былъ съ новой точки зрѣнія,— „Вѣсть", которая вообще брала на себя защиту дворянскаго землевладѣнія и, для своихъ благихъ цѣлей, сыпала обвиненіями въ сенъ-симонизмѣ не только противъ изданій, болѣе или менѣе повинныхъ въ либерализмѣ, но и противъ самихъ славянофиловъ, эта „Вѣсть" взяла подъ свое покровительство и дворянское землевладѣніе въ западномъ краѣ, которое было польское. Такимъ образомъ допускалось нѣкоторое отрицаніе прежней, такъ сказать, только истребительной точки зрѣнія на польскій элементъ западнаго края; но и самое отрицаніе прежней крайности, при общемъ

---

[1]) Въ примѣчаніи къ одной статьѣ, гдѣ упоминалось, что уніатское духовенство ненавидитъ г. Кояловича, высказавшаго мысль о подложности мощей извѣстнаго Іосафата Кунцевича, редакція „Вѣстника" писала:

„Авторъ ошибается; не М. О. Кояловичъ первый высказалъ свою (?) мысль о подложности мощей Кунцевича, а К. А. Говорскій, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Витебскѣ, подъ заглавіемъ: „Жизнь Іоасафата" (читай: Іосафата) „Кунцевича", потомъ перепечатанной въ 1862 г. въ издаваемомъ имъ журналѣ „Вѣстникъ Зап. Россіи" и, наконецъ, въ изданной имъ вновь монографіи Кунцевича, въ 1865 г. въ Вильнѣ, и переведенной въ 1866 году на французскій языкъ и напечатанной въ Берлинѣ. Кстати, мы должны замѣтить здѣсь, *однажды навсегда*, что всякая *иниціатива* по рѣшенію, такъ названнаго въ нашей прессѣ, польскаго вопроса, принадлежитъ не Катковымъ, Аксаковымъ и Кояловичамъ, какъ многіе *напрасно думаютъ*, но именно Говорскому,—документальнымъ, слѣдовательно, неоспоримымъ доказательствомъ сего служитъ издававшаяся имъ неоффиціальная часть „Витебскихъ Губ. Вѣдомостей" за 1857 и 1858 годы, разныя, изданныя имъ, брошюры до 1860 г. и преимущественно издаваемый имъ съ 1862 года „Вѣстникъ Западной Россіи". *Пріиди и виждь!*" „Вѣстн. Зап. Россіи", 1867, т. III, кн. 9-я, отд. IV, стр. 232.

характерѣ „Вѣсти“, не внушало сочувствія; дѣйствительныхъ разъясненій положенія все-таки не было [1]).

Для остальной печати „Вѣстникъ Западной Россіи“ казался „мрачнымъ сонмищемъ“, напоминавшимъ Магницкаго и Рунича. Споръ съ нимъ былъ безполезенъ и, пожалуй, не безопасенъ, и существованіе такого „ȯргана“ само по себѣ объясняло, почему западно-русскій вопросъ вообще былъ представленъ въ тогдашней литературѣ такъ односторонне, — или вызывалъ съ другой стороны общественнаго мнѣнія только отрывочныя и неполныя возраженія.

Обратимся къ этнографическимъ фактамъ.

Мы видѣли, что порывъ искренности заставилъ воинствующихъ публицистовъ сознаться, что мы *забыли* о западномъ краѣ, что мы даже не знали и не интересовались, чтȯ въ немъ дѣлается. Это сознаніе подтверждено было голосами изъ самой Бѣлоруссіи, повторенными и въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго [2]). „Вина всему этому (слабости русскаго дѣла въ западномъ краѣ въ прежнее время) лежитъ, очевидно, глубже, тамъ, въ великорусскомъ обществѣ, въ его ученыхъ членахъ, въ его преподавателяхъ, въ его литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ: чтȯ было сдѣлано великорусскими людьми, чтобы распространить въ своемъ обществѣ правильный взглядъ на Бѣлоруссію, на эту несчастную Бѣлоруссію? Гдѣ сколько-нибудь порядочныя, общедоступныя сочиненія, которыя бы вѣрно изображали нашу горькую долю?“ Корреспондентъ указываетъ, что въ руководствахъ по русской исторіи недостаточно разъяснялись происхожденіе Бѣлоруссіи и перевороты, въ ней происходившіе, что Бѣлоруссіей считали обыкновенно только могилевскую и витебскую губерніи, а затѣмъ остальнымъ запад-

[1]) Въ разгарѣ полемики высказывались, однако, изрѣдка вещи, не лишенныя справедливости или, по крайней мѣрѣ, требовавшія вниманія. Такъ, въ газетѣ „Новое Время“, издававшейся тогда прежнимъ сподвижникомъ Скарятина, Юматовымъ, и Киркоромъ, читаемъ замѣчаніе (принадлежавшее Юматову), что „дѣятельность крайней польской партіи, направленная противъ Россіи, ничего не можетъ принести, кромѣ новыхъ несчастій для польскаго народа. Дѣятельность *нашихъ собственныхъ* крайнихъ патріотовъ ничего не принесетъ, кромѣ вреда для Россіи и для всего славянскаго міра: обѣ стороны вмѣстѣ и каждая порознь работаютъ не для Россіи и не для Польши. Онѣ безсознательно работаютъ, какъ мы говорили и прежде, единственно въ пользу Пруссіи“ (см. „Новое Время“ 1868, № 157, также № 147, 153 и пр.). „Вѣстникъ“ Говорскаго, полемизируя съ этой газетой (1868, т. III, кн. 7-я, отд. III, стр. 1—15), не нашелся, чтȯ отвѣчать на этотъ пунктъ; а злорадство журнала, что Пруссія умѣетъ справляться съ поляками, что „лехиты такъ боятся нѣмцевъ“, что „пруссаки — мастера стушевывать полонизмы“, это злорадство, конечно, только подтверждало мысль „Новаго Времени“.

[2]) 1863—1864, т. I, іюль, стр. 79—89, выписка изъ газеты „День“.

нымъ губерніямъ давали названіе „Литвы“, не растолковавши, въ какомъ смыслѣ и по какой причинѣ это дѣлается, такъ что читатели остаются въ убѣжденіи, что въ этой такъ-называемой Литвѣ дѣйствительно живутъ одни литовцы и поляки, между тѣмъ какъ литовцы составляютъ большинство населенія только въ ковенской губерніи, а во всѣхъ остальныхъ огромное большинство составляютъ бѣлоруссы, а поляки вездѣ—меньшинство.

Въ упомянутомъ воззваніи редакціи „Дня“, послѣ сознанія въ томъ, что мы забыли Бѣлоруссію, слѣдовало увѣщаніе бѣлорусскому духовенству, чтобы оно „разучилось по-польски“, чтобы оно перестало употреблять польскій языкъ, вошедшій у него въ привычку во времена польскаго господства и странный въ то время, когда западный край давно возвратился къ Россіи. „Посудите сами: можете ли вы назваться представителями русской народности (а другихъ она тамъ и не имѣетъ), если вы въ вашихъ семействахъ избѣгаете русскаго языка и говорите по-польски? Какого уваженія и довѣрія можете вы ожидать отъ мѣстнаго русскаго народа, если вамъ ближе, сроднѣе и сподручнѣе языкъ враговъ его вѣры и народности?.. Одушевитесь же всѣ, всѣ, безъ различія пола и возраста, истинною, плодотворною любовью къ вашей народности!.. Пусть русская дѣвица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдетъ себѣ жениха между вами; пусть русскій, употребляющій вмѣсто русскаго польскій языкъ, изгонится изъ вашего общества и лишится друзей. Стряхните же съ себя дремоту, вялость, дряблость, весь соръ и пыль, наметенный на васъ исторіей“, и т. д.

Относительно этого пункта въ Вильнѣ уже скоро были приняты мѣры. Рѣшеніе вопроса начато было приказомъ по полиціи виленскаго полиціймейстера, гдѣ, кромѣ распоряженій относительно наблюденія за порядкомъ въ костелахъ, на гуляньяхъ и т. п., недопущенія какой-либо одежды, имѣющей хотя тѣнь революціонной пропаганды, кромѣ производства „разновременно постепенныхъ обысковъ въ домахъ“, уничтоженія польскихъ вывѣсокъ, приказано было еще: „всѣ лавки, магазины, заѣзжіе дома, трактиры, кандитерскія, аптеки и гостинницы вновь осмотрѣть, и если еще гдѣ-нибудь отыщется веденіе счетовъ на польскомъ языкѣ, или же замѣчены будутъ разговаривающіе на этомъ *чуждомъ странѣ языкѣ*, то о всѣхъ тотчасъ же донести мнѣ“ [1]).

Между тѣмъ тотъ же бѣлорусскій корреспондентъ „Дня“ только-что разсказывалъ, что въ дѣйствительности этотъ „чуждый

[1]) „Вѣстникъ“, 1863—1864, т. III, мартъ, стр. 356.

странѣ языкъ" господствовалъ не только между поляками, не только между бѣлоруссами, но проникалъ и въ самыя русскія семьи. Корреспондентъ приписывалъ это „шаткости и неопредѣленности взгляда великорусскихъ людей" на западный край, вслѣдствіе чего „происходитъ и то въ высшей степени грустное явленіе, что великорусскіе люди, особенно если разсчитываютъ водвориться у насъ навсегда, *ополячиваются* сами или, по крайней мѣрѣ, *ополячиваютъ* свое *потомство*, женившись на полькахъ, причемъ приводятъ въ свое оправданіе извѣстную поговорку: съ волками жить—по волчьи выть". Чиновники бѣлорусскіе, происходящіе не изъ шляхты, обыкновенно остаются вѣрны своей національности, но не имѣютъ значенія; а чиновники изъ шляхты, жившей нѣкогда по польскимъ обычаямъ—„съ ногъ до головы заражены польскимъ духомъ, и только православная вѣра мѣшаетъ имъ окончательно слиться съ поляками, бредятъ уніей [1]), посѣщаютъ почти исключительно костелы, употребляютъ постоянно польскій языкъ дома, въ обществѣ, на гуляньяхъ, читаютъ только польскихъ авторовъ", и пр. Наконецъ, въ духовенствѣ, „языкъ польскій такъ глубоко въѣлся въ его плоть и кровь, что, во-первыхъ, часто во время литургіи слышишь его употребленіе между церковно-служителями, и, во-вторыхъ, есть пастыри, которые *исповѣдуютъ* своихъ прихожанъ по-польски" [2]).

Авторъ объяснилъ бы дѣло еще полнѣе, еслибы вникнулъ въ то, отчего же произошла эта „шаткость взгляда" великорусскихъ людей на западный край: безпристрастная исторія указала бы дѣйствительный характеръ отношеній,—но въ ту минуту о безпристрастной исторіи думали всего меньше...

Господство польскаго языка въ средѣ бѣлорусскаго духовенства, указанное печатью, повело также къ оффиціальному вмѣшательству церковной власти: епархіальное начальство разсылало не разъ запрещенія духовенству употреблять въ домашней жизни польскій языкъ...

Другой корреспондентъ „Дня" [3]), разсуждая о разныхъ мѣрахъ къ обрусенію западнаго края, относительно данной минуты указывалъ—„такое положеніе: напр. въ Вильнѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного русскаго врача (за исключеніемъ, конечно, полковыхъ), ни содержателя типографіи, гостинницы или кофейной, и вообще, за вычетомъ двухъ-трехъ портныхъ, ни одного рус-

[1]) Замѣтимъ, что изображаются 60-е годы—черезъ четверть столѣтія послѣ окончательнаго уничтоженія уніи въ западномъ краѣ.

[2]) Тамъ же, 1863—64, I, іюль, стр. 85—88.

[3]) 1864, № 1.

скаго ремесленника... и, такимъ образомъ, на каждомъ шагу чувствуется потребность, если не говорить, то, по крайней мѣрѣ, понимать по-польски"...

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда здравый смыслъ сталъ отчасти вступать въ свои права, мы находимъ въ самомъ „Вѣстникѣ" Говорскаго признанія иного рода. Не одинъ разъ, касаясь вопроса о бѣлорусскомъ духовенствѣ, онъ объяснялъ, что въ условіяхъ западно-русской жизни въ бытъ духовенства естественно проникали польскія черты и самый языкъ, и что надо, наконецъ, признать эти мѣстныя особенности, не вредящія политическимъ цѣлямъ власти. Самъ „Вѣстникъ" возстаетъ противъ мелочныхъ обвиненій, съ какими обрушивались на западно-русскихъ людей за эти мѣстныя особенности ихъ быта.

„Духовенство (западно-русское),—говорилъ журналъ,—оскорбляютъ подозрѣніемъ въ недостаткѣ... даже благонадежности политической... Подслушанное кѣмъ-либо въ семействѣ здѣшняго духовенства польское слово, подмѣченный въ священнической избѣ образокъ съ латинскою или польскою надписью, замѣченное, въ существѣ дѣла ничтожное, сомнительное и безразличное, отступленіе отъ православной обрядности Великороссіи, даже самый покрой платья и условія жизни женскаго пола—все это ставится въ укоръ здѣшнему духовенству, а нерѣдко и въ строку, не только писанную, но и печатную... Что наростало вѣками, отъ того нельзя освободиться моментально" [1]). Совершенно справедливо.

Въ другой разъ, говорится о положеніи духовенства юго-западнаго, подпадавшаго тѣмъ же вліяніямъ польскимъ, какъ и сѣверо-западное, — и объясняется, почему польскій языкъ дѣлается господствующимъ въ его домашнемъ быту и какой грубой ошибкой было бы дѣлать изъ этого обвиненіе противъ западно-русскаго духовенства [2]).

VI.

Тревожныя событія въ Польшѣ и западномъ краѣ вызвали и другую дѣятельность для выясненія положенія вещей. Нужно было, наконецъ, опредѣлить истинныя историческія и этнографи-

---

[1]) „Вѣстникъ", 1869, т. II, кн. 5-я, отд. III, стр. 17.

[2]) Между прочимъ, говорится здѣсь: „у насъ польскій языкъ до послѣдняго времени игралъ такую роль, какую теперь играетъ французскій языкъ въ высшихъ кругахъ нашего русскаго общества", и пр. „Вѣстникъ", 1867, т. III, кн. 8-я, отд. II, стр. 83—89.

ческія отношенія края; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство хотѣло дать отвѣтъ на запросы и толки европейской дипломатіи и печати: для той и другой цѣли послужили изданіе двухъ атласовъ западнаго края и одна работа археографической коммиссіи, о которой скажемъ далѣе.

Въ началѣ 1863 года вышло въ Петербургѣ французское изданіе этнографическаго атласа г. Эркерта [1]), предназначенное для читателей европейскихъ. Въ слѣдующемъ году это изданіе вышло по-русски [2]). Около того же времени вышелъ другой атласъ—извѣстный подъ именемъ атласа г. Риттиха [3]).

Атласъ г. Эркерта можно назвать оффиціальнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ составленъ въ особенности по оффиціальнымъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ (за 1858 годъ), къ которымъ присоединяются и многіе другіе статистическіе источники; но атласъ не былъ, кажется, исполненіемъ оффиціальнаго порученія и задуманъ былъ по собственной иниціативѣ автора [4]), чѣмъ и должна объясняться нѣкоторая особенность его мнѣній. Въ брошюрѣ, приложенной къ атласу, авторъ излагаетъ свои взгляды на историческій и этнографическій характеръ края. Какъ опредѣлить племенной составъ края, о которомъ шла тогда спорная рѣчь въ дипломатіи, правительственныхъ мѣропріятіяхъ и литературѣ? Вопросъ былъ сложный. Г. Эркертъ, который хотѣлъ быть безпристрастнымъ судьей отношеній, приходилъ къ убѣжденію, что въ западномъ краѣ ничто не опредѣляетъ черты, разграничивающей *русскую* народность отъ *польской*, такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ—

---

[1]) „Atlas éthnographique des provinces, habitées en totalité ou en partie par les Polonais".

[2]) „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи". Полк. Р. Ф. Эркерта. Спб. 1864 (72 стр.), съ атласомъ.

[3]) „Атласъ народонаселенія западно-русскаго края, по исповѣданіямъ. Составленъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное (Первое для публики)". Спб. 1864. Потомъ вышла еще: „Карта народонаселенія августовской и люблинской губерній по исповѣданіямъ и племенамъ". Спб. (1865) — на двухъ большихъ листахъ, по двѣ карты на каждую губернію.—Въ „Атласѣ" предисловіе и таблицы—на русскомъ и французскомъ языкахъ.

[4]) Сколько мы знаемъ, г. Эркертъ, пруссакъ по происхожденію и подданству, перешелъ изъ прусской гвардіи въ русскую около 1850 года, по личной рекомендаціи прусскаго короля имп. Николаю; онъ служилъ въ московскомъ полку, въ началѣ 1860-хъ годовъ былъ полковникомъ и около этого времени назначенъ командиромъ стрѣлковаго баталіона, потомъ стрѣлковой (5-й) бригады въ западномъ краѣ, и командовалъ ею долго; затѣмъ онъ получилъ дивизію на Кавказѣ. Года три тому назадъ онъ вышелъ въ отставку генералъ-лейтенантомъ и уѣхалъ на житье въ Берлинъ.

„въ западной Россіи, съ сравнительно немногими исключеніями, всѣ славянскіе обитатели православнаго исповѣданія должны считаться русскими, а всѣ тѣ, которые исповѣдуютъ католическую религію, — поляками. Этотъ способъ воззрѣнія не во всѣхъ случаяхъ и не абсолютно правиленъ (для волынской, подольской и кіевской губерній онъ правильнѣе, нежели для бѣлорусскихъ губерній); но, говоря относительно, онъ чрезвычайно вѣренъ. Если за основаніе дѣленія принять одинъ только языкъ, то численное отношеніе между русскими и поляками не мало измѣнилось бы въ пользу русскаго населенія и въ ущербъ польскаго" (стр. 6). Авторъ замѣчаетъ, что этотъ взглядъ на разграниченіе русской и польской народности фактически раздѣляютъ тамъ и простой народъ, русскій и польскій, гражданскія и военныя власти, духовенство, помѣщики и квартировавшія въ краѣ русскія войска, — и что „чѣмъ ниже степень просвѣщенія, на которой стоятъ народы, сравниваемые между собою въ національномъ отношеніи, тѣмъ важнѣе и рѣшительнѣе значеніе вѣроисповѣданія, какъ способъ разграниченія народностей" (стр. 10).

Далѣе г. Эркертъ говоритъ объ исторической судьбѣ края и, наконецъ, о современномъ этнографическомъ положеніи. Приводимъ два его замѣчанія. „Католическіе бѣлоруссы... по своему образу мыслей, привычкамъ и роду жизни—совершенные поляки. Даже православные по большей части, за неимѣніемъ русскихъ молитвенниковъ, придерживаются католическаго обычая читать въ церкви молитвы изъ польскихъ молитвенниковъ. Вслѣдствіе этого его высокопреосвященство митрополитъ литовскій, въ концѣ 1863 года, счелъ необходимымъ снова подтвердить тамошнему православному духовенству, чтобы оно усугубило стараніе вывести у прихожанъ изъ употребленія польскія молитвы и польскіе молитвенники и замѣнить ихъ молитвами и молитвенниками на славянскомъ или русскомъ языкахъ. Въ то же время православному духовенству литовской епархіи предписано, чтобы въ *священно-служительскихъ семействахъ* было прекращено употребленіе польскаго языка" [1]).

Въ тогдашнихъ предположеніяхъ о необходимости исправить

---

[1]) Стр. 65—66. Ср. распоряженіе литовской духовной консисторіи: „объ усугубленіи мѣръ, чтобы никто изъ православныхъ не ходилъ къ богослуженіямъ въ костелы и не употреблялъ польскихъ молитвенниковъ", въ „Вѣстникѣ юго-зап. и зап. Россіи" 1864—65, т. I, августъ, отд. IV, стр. 233—237 (изъ „Лит. Епарх. Вѣдомостей"), и „предложеніе митрополита Іосифа литовской консисторіи о подтвержденіи духовенству воспитывать своихъ дочерей во всемъ по русскому православному образованію" тамъ же, т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 49—50.

національное положеніе западнаго края считалось, между прочимъ, нужнымъ привлечь въ западный край чисто русскія силы: однимъ казалось, что нужны русскіе чиновники для замѣны ими чиновничества польскаго, оказавшагося вреднымъ для западнаго края; другіе находили необходимымъ усиленіе русскаго землевладѣнія (правительство, какъ извѣстно, употребило обѣ эти мѣры, призывая массами русскихъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній и передавая польскія конфискованныя имѣнія на льготныхъ условіяхъ благонадежнымъ русскимъ лицамъ); г. Эркертъ полагалъ, что въ западномъ краѣ есть уже большая сила, дѣйствующая въ національномъ русскомъ смыслѣ.

„Важнѣйшею связью, которая съ 1831 года практически соединяла русскій западъ съ русскимъ востокомъ, или, какъ мы готовы бы были сказать, *лучшимъ національнымъ*, сильнымъ *звеномъ* между ними и самымъ живительнымъ дуновеніемъ воздуха изъ Великой Россіи, постоянно сохранявшимъ свою чистоту и свѣжесть, было пребываніе огромнаго количества войска въ западномъ краѣ, которое, вслѣдствіе своихъ своеобразныхъ (?) зимнихъ стоянокъ, приходило въ самое непосредственное и близкое соприкосновеніе съ тамошнимъ русскимъ крестьяниномъ“ (стр. 60).

Атласъ, составленный подполковникомъ Риттихомъ, подъ руководствомъ г. Батюшкова, изданъ былъ первоначально не для публики, а только для оффиціальнаго употребленія. Только второе изданіе было выпущено для публики. Составленіе его начато было еще въ 1859 году г. Батюшковымъ, который завѣдывалъ устройствомъ православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ; въ основаніи атласа лежали данныя, доставленныя министерству внутреннихъ дѣлъ особыми чиновниками, командированными въ бѣлорусскій край для осмотра и возобновленія ветхихъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. По даннымъ министерства и по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ центральныхъ вѣдомствъ, составлены были первоначально (въ 1860—1861 г.) карты губерній витебской, могилевской и минской; но затѣмъ, съ развитіемъ церковностроительнаго дѣла и съ поступленіемъ новыхъ матеріаловъ статистическихъ и этнографическихъ, явилась возможность приступить къ составленію вѣроисповѣднаго атласа всего западнаго края имперіи. Окончательный сводъ матеріала, его разработки и провѣрки съ оффиціальными документами разныхъ вѣдомствъ и учеными статистическими изслѣдованіями, также какъ распредѣленіе на картахъ мѣстностей по исповѣданіямъ и племенамъ, производились г. Риттихомъ. Атласъ состоитъ изъ десяти картъ: одной

общей и девяти отдѣльныхъ картъ, для каждой губерніи [1]). Къ каждой картѣ приложены обильныя статистическія цифры на поляхъ и въ отдѣльныхъ большихъ таблицахъ; кромѣ того, въ началѣ атласа помѣщена не вошедшая въ первое изданіе синхронистическая таблица древнихъ княжествъ западнаго края, составленная Сербиновичемъ [2]). Предисловіе къ атласу, объясняющее способъ его составленія, заканчивается словами: „составленный не по гадательнымъ и голословнымъ предрѣшеніямъ, только извращающимъ истину, но основанный на самыхъ точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, атласъ по вѣроисповѣданіямъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ лживыхъ понятій, распространяемыхъ недоброжелателями Россіи о народномъ составѣ нашего западнаго края, который, несмотря на отпечатокъ, оставленный на немъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ, составляетъ въ религіозномъ, племенномъ и историческомъ отношеніяхъ неотъемлемую органическую часть русскаго государства". Въ началѣ заглавія поставленъ девизъ: „veritas salusque publica".

Таковы были двѣ обширныя работы, предназначенныя къ устраненію той недостаточности свѣденій о западномъ краѣ, которая создавала упомянутыя „лживыя понятія" и была дѣйствительно источникомъ многихъ печальныхъ и политически вредныхъ заблужденій. Нечего и говорить о томъ, какъ важно было, что наконецъ подобные труды появились; жаль было одно, что они не появились нѣсколькими десятками лѣтъ раньше, и отсутствіе ихъ въ прежнее время рисуетъ ту роль западно-русскаго вопроса и въ обществѣ, и даже въ самомъ правительствѣ, на какую мы раньше указывали [3]).

---

[1]) Эти губерніи были: могилевская, витебская, минская, виленская, гродненская, ковенская, кіевская, подольская волынская.

[2]) „По руководству русскихъ и польскихъ писателей: Карамзина, Павлищева, Нарбута, Крашевскаго, Ярошевича и друг. и согласно съ изданными археографическою коммиссіею древними государственными актами Литвы".

[3]) Первыя нѣсколько правильныя изученія этого вопроса предприняты были, кажется, въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ, въ министерство Перовскаго, когда въ первый разъ поставлена была задача оффиціальныхъ статистическихъ изслѣдованій. Въ ту пору обращено было вниманіе и на западный край, но работы частью были отрывочны, частью оставались въ неизданномъ видѣ, въ родѣ канцелярской тайны, пока ими не воспользовались офицеры генер. штаба въ своихъ описаніяхъ. Въ 1861 году издана была статистическая работа М. Лебедкина, о которой можно упомянуть здѣсь ради нѣкоторыхъ ея странностей. („О племенномъ составѣ народонаселенія западнаго края россійской имперіи" въ Запискахъ Географическаго Общества, 1861, кн. III, и перепечатана въ „Вѣстникѣ" Говорскаго, 1862—1863, т. II, октябрь). Лебедкинъ, состоявшій при центральномъ статистическомъ комитетѣ, пользовался оффиціальными

Атласы Риттиха и Эркерта, безъ сомнѣнія, имѣли немалое значеніе въ разъясненіи темнаго вопроса. Они встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ въ средѣ людей, заинтересованныхъ вопросомъ, и вызвали нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ важности.

По поводу французскаго изданія атласа Эркерта г. Кояловичъ дѣлалъ сообщеніе въ собраніи Географическаго Общества [1]). Онъ замѣчалъ многія неточности атласа Эркерта, напр., уменьшеніе бѣлорусскихъ поселеній, объяснялъ по картѣ историческіе пути распространенія польской стихіи и, между прочимъ, причины, почему это вліяніе въ прежніе вѣка и до послѣдняго времени встрѣчало такъ мало отпора съ бѣлорусской стороны. Указавъ, напр., на ужасную обстановку бѣлорусскихъ поселеній во многихъ мѣстахъ западнаго края, какъ въ бѣдной болотистой странѣ печально-знаменитаго бассейна Припети, онъ говоритъ: „на такой почвѣ, въ такомъ положеніи, само собою разумѣется, не легко могла выработываться любовь къ родному и энергическія ея выраженія. Легче могло развиваться, напротивъ, желаніе пересоздаться въ кого угодно, въ великорусса или поляка, лишь бы какъ-нибудь выйти изъ тяжелаго положенія. Этой измѣнчивости своему родному элементу много способствовало самое нарѣчіе бѣлорусское, которое, при неоспоримо русскомъ строѣ, представляетъ собою, однако, поразительную середину между русскимъ и польскимъ языками".—Г. Кояловичъ припоминаетъ также нѣкоторые историческіе факты, которые, съ другой стороны, объясняютъ эту слабость бѣлорусскаго племенного и религіознаго отпора. Напримѣръ, послѣ перваго раздѣла Польши и наканунѣ послѣдняго, въ Минскѣ еще кипѣла вѣковая борьба, и—„кипѣла очень

данными, но удивительнымъ образомъ смѣшавши современную статистику съ лѣтописными извѣстіями о древнихъ жителяхъ края, исчисляетъ здѣсь не только тѣ племена, какія находятся въ наличности въ западномъ краѣ, но и тѣ, которыхъ въ настоящее время совсѣмъ не имѣется, а которыя были здѣсь развѣ въ X—XII-мъ вѣкахъ. Напр., онъ не только даетъ цифру великороссіянъ, малороссіянъ, поляковъ, литовцевъ, но ему *извѣстно съ достовѣрностію*, что въ западномъ краѣ находятся поляне (108.453), древляне (196.900), кривичи (23.016), волыняне (93.744), тиверцы и угличи (8.398), хорваты (17.228); въ числѣ инородцевъ указаны ятвяги съ цифрой 30.927. Такимъ образомъ, когда историки полагали, что тѣ или другія древнія племена безслѣдно исчезли въ позднѣйшемъ племенномъ объединеніи, какъ, напр., какіе-нибудь древляне или тиверцы и угличи, или погибли въ исторической борьбѣ, какъ ятвяги, Лебедкинъ въ какихъ-то неисповѣдимыхъ источникахъ находилъ ихъ даже въ настоящую минуту и указывалъ ихъ численность не только въ тысячахъ, но даже въ сотняхъ, десяткахъ и единицахъ; и притомъ не только вообще, но даже въ частныхъ цифрахъ по уѣздамъ!

[1]) Въ маѣ 1863; оно напечатано въ „Днѣ", 1863, № 20.

оригинально. Въ 1794 году, въ то время, когда дипломатія рѣшала вопросъ о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда народу можно было, повидимому, бросить борьбу, въ полной увѣренности, что она рѣшится извнѣ и въ его пользу, минскіе церковные братчики, гласитъ преданіе, три дня бились съ поляками изъ-за ограды своей братской церкви. Но—какая странность! Въ скоромъ времени (когда все уже рѣшилось) имъ пришлось жаловаться, что великорусскіе монашествующіе устраняютъ ихъ отъ историческаго участія въ дѣлахъ своей церкви. Самая братская церковь переименована изъ древняго имени Петропавловской въ Екатерининскую! Я не даромъ привелъ этотъ фактъ. Я вижу въ немъ безплодное выраженіе физической силы и несчастное выраженіе моральной бѣлорусской силы".

Въ послѣднихъ не совсѣмъ ясныхъ словахъ авторъ желалъ сказать, конечно, то, что новая власть, къ сожалѣнію, не хотѣла или не умѣла показать вниманія и уваженія къ мѣстному преданію и обычаю, въ которыхъ и была нравственная сила бѣлорусскаго населенія; вмѣсто того, прямо вводился русскій ходячій обычай, въ которомъ оффиціальная сухость бюрократіи соединялась съ бытовою грубоватостью. Вводимое, многими сторонами своими, было чуждо мѣстному населенію, принималось по необходимости, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ соціальное преимущество все-таки осталось за поляками, бѣлоруссы не получили и теперь достаточно нравственно-общественныхъ опоръ для сопротивленія старому польскому преобладанію,—и, къ нашему удивленію, мы читаемъ у историковъ Бѣлоруссіи, что именно съ конца прошлаго вѣка и совершалась, съ успѣхомъ, усиленная полонизація западнаго края.

Нѣчто подобное этому, какъ увидимъ дальше, повторилось въ Бѣлоруссіи и съ 1860-хъ годовъ... [1]).

Г. Кояловичъ заканчивалъ призывомъ „дружнаго участія великорусскихъ общественныхъ силъ" для блага западнаго края...

Изъ другихъ отзывовъ, явившихся по поводу атласовъ Эркерта и Риттиха [2]), остановимся еще на подробной статьѣ г. Бобров-

[1]) Любопытно, что г. Кояловичъ, не по примѣру другихъ тогдашнихъ объединителей и оффиціальныхъ историковъ, признавалъ великій трудъ и историческую роль Малороссіи. „Я не могу,—говоритъ онъ,—не признавать *необыкновенныхъ подвиговъ* малороссійскаго племени, совершенныхъ для защиты родного западно-русскаго дѣла... Малороссійское племя выработало твердое сознаніе, что народная западно-русская сила неодолима, и обставило его *дивными преданіями*. Оно первое возстановило исторически прерванную народную связь Западной Россіи и Великой Россіи".

[2]) Напр., еще отзывъ г. Кояловича въ „Р. Инвалидѣ", 1864, № 174; „Спб. Вѣдом." 1864, № 68 и др.

скаго, представлявшаго извѣстный авторитетъ по указанному выше труду его о гродненской губерніи... Г. Бобровскій [1]) вообще отозвался объ атласѣ Эркерта съ похвалами, хотя находилъ числовыя погрѣшности въ разграниченіи поляковъ отъ бѣлоруссовъ, характеристику разныхъ племенъ (въ брошюрѣ) считалъ слабою и неполною. Главною теоретической и практической ошибкой Эркерта г. Бобровскій считалъ его взглядъ, что за основу разграниченія народностей русской и польской въ западномъ краѣ должно быть принято вѣроисповѣданіе. По мнѣнію г. Бобровскаго, въ этомъ случаѣ нѣтъ другого исходнаго пункта, кромѣ языка: „самъ г. Эркертъ чѣмъ, какъ не языкомъ, руководствовался при разграниченіи бѣлоруссовъ отъ малоруссовъ, литовцевъ и латышей отъ бѣлоруссовъ и поляковъ—а между тѣмъ не хочетъ признать такого же принципа для разграниченія поляковъ отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ". Если бѣлоруссы (по замѣчанію Эркерта) не называютъ себя этимъ именемъ, то они—„говорятъ по-бѣлорусски, *слѣдовательно* чувствуютъ и думаютъ по-русски". Собственное толкованіе этого предмета у г. Бобровскаго было слѣдующее:

„Бѣлоруссы, не зная того, что они бѣлоруссы, сохранили и въ обыденной рѣчи, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ свои опредѣленныя, національныя, логическія формы, свой духъ, свой опредѣленный характеръ—свои нравы [2]), свои обычаи и т. п. Вѣроятно, не безъизвѣстно г. Эркерту, что у бѣлоруссовъ, независимо отъ вѣры во Христа, и притомъ безразлично—по греческому или латинскому обряду, остаются еще глубокія вѣрованія въ нѣкоторыя естественныя явленія, какъ въ нѣчто необыкновенное, предубѣжденія, вѣра въ колдовство и чародѣйство; въ этомъ независимо отъ Евангелія заключается ихъ книга судебъ (?), ихъ мораль, загадка и разгадка ихъ существованія (?).

„Исполняя всѣ христіанскіе обряды какъ бы безсознательно, бѣлоруссъ—я говорю о большинствѣ, о крестьянахъ—будь онъ православный или католикъ, имѣетъ свои убѣжденія, свою нравственную философію и передаетъ все это вмѣстѣ съ языкомъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это суевѣріе... сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы и всегда неразлучно съ его языкомъ; въ этомъ-то и надобно искать племенного разграниченія здѣшнихъ

---

[1]) „Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія славянъ западной Россіи?" (по поводу атласа Эркерта). „Р. Инвалидъ", 1864, № 75, 80.

[2]) Вѣроятно такъ: въ подлинникѣ „права".

славянъ (?), тутъ выясняется и племенное отличіе бѣлоруссовъ, и происхожденіе ихъ отъ одного корня съ великоруссами"...

Г. Бобровскій предостерегаетъ и отъ излишняго довѣрія къ тѣмъ показаніямъ, какія наблюдатель можетъ встрѣтить на мѣстѣ.

„И ксендзъ, и помѣщикъ,—говоритъ онъ,—никогда не скажутъ о бѣлоруссѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, что онъ—бѣлоруссъ или русскій, а скажутъ: литовецъ... Поговорите съ этимъ литовцемъ, и вы услышите бѣлорусскую рѣчь.

„Мы имѣемъ этнографическіе списки отъ священниковъ и нѣкоторыхъ ксендзовъ гродненской губерніи, доставленные намъ въ числѣ другихъ матеріаловъ при исполненіи возложеннаго на насъ порученія [1]). На спискахъ *тѣхъ и другихъ* прихожане, какъ православные, такъ и католики, названы литовцами и тутъ же приложены образчики языка—вы думаете: литовскаго; нѣтъ, бѣлорусскаго или малороссійскаго...

„Ксендзъ это дѣлалъ потому, что эти бѣлоруссы когда-то входили въ число народностей литовскаго государства. Мы видимъ тутъ не политическую ошибку, какъ думаетъ г. Эркертъ, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку".

Другими словами, въ польскомъ и западно-русскомъ употребленіи до послѣдняго времени оставалось старое мѣстное обозначеніе края, державшееся здѣсь прежде въ теченіе нѣскольких вѣковъ и повторявшееся почти безсознательно. Любопытно опять, что сто лѣтъ русскаго господства не измѣнили этой исторически отжившей номенклатуры.

Вообще въ бѣлоруссѣ, полѣшукѣ (т.-е. жителѣ Полѣсья), бужанинѣ, г. Бобровскій видитъ „древнѣйшій типъ славянина, правда изувѣченнаго, но твердаго и терпѣливаго въ своихъ страданіяхъ". „По своему образу мыслей, говоритъ г. Э., привычкамъ и роду жизни бѣлоруссы (гродненской губерніи)—совершенные поляки. Нѣтъ, г. Эркертъ,—пишетъ г. Бобровскій,—вы смотрите на Бѣлоруссію по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ палацовъ и костеловъ, встрѣчавшихся по маршруту (?)".

Изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, что два наблюдателя вынесли весьма несходное впечатлѣніе, хотя оба жили на мѣстахъ, имѣли въ рукахъ массу оффиціальнаго и частнаго матеріала (намъ не думается при этомъ, чтобы г. Эркертъ руководился указаніями палацовъ и костеловъ: мнѣнія его были, кажется, довольно самостоятельны). Очевидно, что изслѣдованіе еще не установилось, что непривычный предметъ не поддавался опре-

---

[1]) Т.-е. описанія гродненской губерніи.

дѣленію на первый взглядъ. Это оказалось и въ общемъ результатѣ, полу-оффиціальныхъ и чисто-оффиціальныхъ изслѣдованій Эркерта и Риттиха. Сличая ихъ данныя, г. Бобровскій отмѣтилъ весьма значительную разницу: какъ мы видѣли, Эркертъ въ разграниченіи народности русской и польской придавалъ особое значеніе различію вѣроисповѣдному; атласъ Риттиха былъ именно вѣроисповѣдный, и тѣмъ не менѣе въ ихъ показаніяхъ [1]) открывалась слѣдующая разница (мы откидываемъ дроби):

	по Риттиху:	по Эркерту:
Русскихъ	2.854.000	2.531.000
Поляковъ	383.000	791.000
Литвы и Латышей . .	713.000	529.000
(затѣмъ, евреевъ, нѣмцевъ, татаръ и пр.)		
всего	4.485.000	4.294.000

Замѣтимъ, что у Эркерта не считаются военные, но число ихъ, по словамъ Бобровскаго, не соотвѣтствуетъ разности между обѣими цифрами населенія этихъ губерній, потому что число всѣхъ военно-служащихъ, съ женами и дѣтьми, не превосходило тогда 150.000. По одной гродненской губерніи, которую спеціально изслѣдовалъ самъ г. Бобровскій, разница польскаго населенія вышла слѣдующая: Эркертъ считалъ здѣсь поляковъ 270.000, а Бобровскій насчитывалъ всего 83.000. Разница такъ громадна, что въ ея основѣ, очевидно, лежитъ отсутствіе точнаго правила разграниченія, неясность самой сущности вопроса для кого-нибудь изъ изслѣдователей, а можетъ быть, для обоихъ.

Повидимому, г. Бобровскій справедливо указывалъ существенное значеніе языка и народнаго преданія, какъ отличительной этнографической черты; но, съ другой стороны, не совсѣмъ ошибался и г. Эркертъ—онъ ставилъ вопросъ на практическую почву и находилъ не безъ основанія, что въ данныхъ условіяхъ вѣроисповѣдное отличіе было едва ли не важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ говорили тогда въ одинъ голосъ, что католичество тѣсно связано съ полонизмомъ, и дѣйствительно, церковная католическая іерархія, священство и церковная школа, даже среди населенія католическо-бѣлорусскаго, были польскія или сильно полонизованныя, и при извѣстномъ умѣньѣ католическаго духовенства держать въ рукахъ свою паству, оно, конечно, должно было дѣйствовать и дѣйствовало на паству бѣлорусскую въ польскомъ смыслѣ: такимъ образомъ человѣкъ, говорящій по-бѣлорусски, по своимъ взгля-

[1]) Приводимыя ниже цифры относятся къ губерніямъ западнаго края, имѣющимъ бѣлорусское населеніе, именно къ могилевской, минской и значительной части гродненской, виленской и витебской.

дамъ могъ имѣть всѣ польскія сочувствія—у г. Бобровскаго онъ могъ быть зачисленъ въ бѣлоруссы, а у г. Эркерта—въ поляки. И въ чемъ же, по отзыву всѣхъ русскихъ историковъ, сказалась полонизація края, какъ не въ распространеніи католицизма (явнаго) и уніи (католицизма скрытаго), подъ вліяніемъ которыхъ и терялась русская народность?

Правительственныя мѣропріятія того времени и направлялись къ тому, чтобы устранить эту польскую стихію, прямую или косвенную; на томъ же настаивала и патріотическая публицистика. У всѣхъ на устахъ было слово: обрусеніе, которое должно было переродить (или истребить?) самую Польшу, — нечего говорить, что „обрусеніе" западнаго *русскаго* края стояло внѣ всякаго недоумѣнія. Этотъ предметъ породилъ въ свое время цѣлую обширную литературу, на которой было бы слишкомъ долго останавливаться, и мы ограничимся изъ нея двумя-тремя примѣрами, характеризующими этнографическій вопросъ.

Выше мы упоминали уже, что публицистика предлагала по этому случаю и обсуждала разныя мѣры—и полное удаленіе поляковъ (съ переходомъ землевладѣнія въ чисто русскія руки), и замѣщеніе всѣхъ должностей русскими чиновниками, и перевоспитаніе семействъ духовенства, и переселеніе русскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, и абсолютное запрещеніе польскаго языка [1]): нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ вполнѣ или частію приводились въ исполненіе правительствомъ, но оставалось, однако, сомнѣніе, и многимъ уже въ то время подобныя мѣры казались недостаточными. Одно изъ изданій, наиболѣе занимавшихся этимъ вопросомъ, объясняло, что съ усмиреніемъ польскаго мятежа сдѣлано только внѣшнее дѣло, но остается еще „важнѣйшая и труднѣйшая задача, которая не подъ силу никакой администраціи, какимъ бы искусствомъ и энергіей она ни отличалась и хотя бы въ распоряженіи ея были самыя обширныя средства".

„Дѣйствительно, въ чемъ теперь дѣло?—спрашивала газета.—Не въ томъ только, чтобы оградить внѣшнимъ образомъ православіе и русскую народность отъ латинскихъ и польскихъ захватовъ, а въ томъ, чтобы православіе и русская народность окрѣпли въ самихъ себѣ настолько, чтобы не нуждаться ни въ какой внѣшней оградѣ, чтобы собственною своею силой восторжествовать вполнѣ надъ папизмомъ и полонизмомъ... Что̀ можетъ сдѣлать государство въ этомъ отношеніи? Оно можетъ запретить *явное* совращеніе въ католицизмъ; но содѣйствовать дѣйствительному укорененію православія, не прибѣгая къ тѣмъ способамъ, которые осуждены исторіею и отвергаются

[1]) Въ „Днѣ" предлагалось даже отправленіе въ западный край русскихъ нянекъ.

духомъ нашего времени, оно *рѣшительно не въ состояніи.* Оно можетъ изгнать изъ употребленія польскій языкъ въ своихъ школахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, и, пожалуй еще, съ грѣхомъ пополамъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, кофейняхъ, кондитерскихъ и т. д.; но распространить и водворить русскій языкъ и русскій духъ въ польскихъ или ополяченныхъ семействахъ и въ обществѣ оно рѣшительно не въ состояніи. Только собственное *внутреннее преуспѣяніе* и процвѣтаніе мѣстной русской церкви и мѣстныхъ русскихъ училищъ, только добровольное усвоеніе русскаго языка и русской литературы, какъ единственнаго средства умственнаго общенія края со всею Россіей, въ связи съ процвѣтаніемъ этихъ силъ *въ цѣлой Россіи,* могутъ достигнуть такихъ результатовъ. И въ этомъ отношеніи государство можетъ сдѣлать очень многое. Прежде всего оно можетъ *освободить* русское духовенство и вообще русское *общество отъ препятствій и затрудненій,* которыя еще встрѣчаетъ у насъ самая благонамѣренная дѣятельность; затѣмъ оно можетъ дать средства для обезпеченія быта русскаго духовенства и русскихъ учителей, для умноженія православныхъ храмовъ, духовныхъ и свѣтскихъ училищъ. Но даже матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ въ настоящее время, окажется недостаточно, и необходимо содѣйствіе всего русскаго общества для того, чтобы въ западномъ краѣ Россіи наши православные храмы и православное богослуженіе могли своимъ благолѣпіемъ и торжественностью поровняться съ храмами и богослуженіемъ римско-католическими. Оно можетъ дать значительныя служебныя преимущества, возвысить оклады, назначить преміи для привлеченія изъ другихъ мѣстъ Россіи въ западный и особенно въ сѣверо-западный край ея достойныхъ русскихъ учителей и воспитательницъ; но и тутъ, кромѣ ограниченности средствъ, прошлогодній и отчасти нынѣшняго года опытъ показываетъ, что этихъ однѣхъ приманокъ недостаточно даже для замѣщенія учительскихъ должностей въ гимназіяхъ природными русскими. (Приводятся цифры по виленскому учебному округу, гдѣ оказывается, что русскіе учителя составляли меньше одной трети—противъ католиковъ и, частію, лютеранъ)... Необходимо воодушевленіе къ дѣлу и извѣстная доля самоотверженія во имя общей пользы, для того, чтобы человѣкъ рѣшился покинуть свою родину, своихъ родныхъ и друзей, и переселиться въ чуждый ему край, гдѣ предстоитъ тяжкая борьба противъ всей окружающей образованной среды, а это воодушевленіе не можетъ быть куплено ни деньгами, ни чинами; оно бываетъ возможно только въ такомъ дѣлѣ, которое цѣлымъ обществомъ принимается особенно близко къ сердцу. Говорить ли еще о томъ, что никакими денежными и служебными преимуществами нельзя вдохнуть въ человѣка рвеніе къ общему дѣлу и готовность служить ему всѣми своими силами, всѣмъ своимъ разумѣніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ,—рвеніе и готовность, въ которыхъ, конечно, нельзя отказать нашимъ противникамъ?

„Впрочемъ, попытка обрусить нашъ западный край одними чисто-правительственными способами была уже сдѣлана, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ прошедшее царствованіе, ознаменовавшееся, между прочимъ, возсоединеніемъ уніатовъ съ православно-греко-

россійскою церковью, и что же оказалось въ результатѣ? По свидѣтельству людей, самыхъ свѣдущихъ въ этомъ отношеніи, въ 1832 году, тотчасъ же по подавленіи польской революціи, сѣверо-западный край былъ *менѣе* ополяченъ, чѣмъ по прошествіи 31-го года, когда только-что былъ подавленъ нынѣшній мятежъ. Не поучительно ли это показаніе?...

„Повторяемъ еще разъ: въ настоящее время дѣло идетъ о нравственномъ завоеваніи западнаго края Россіи, а это завоеваніе не можетъ быть совершено иначе, какъ при самомъ живомъ, при самомъ дружномъ содѣйствіи со стороны всей Россіи, со стороны всего русскаго общества. Нравственныя силы нашего общества, за отсутствіемъ средствъ къ ихъ упражненію, дѣйствительно, не очень велики, но мы надѣемся, что ихъ хватило бы для этого дѣла, лишь бы только дана имъ была возможность свободно дѣйствовать порознь и сообща, и лишь бы стремленія къ общеполезнымъ цѣлямъ встрѣчались съ сочувствіемъ, а не съ тревожными и напрасными опасеніями“ [1]).

Все это было чрезвычайно справедливо, потому что дѣйствительно, если хотѣли достигнуть полнаго объединенія западнаго края съ русскимъ центромъ, оно не могло быть совершено одними канцелярскими или военно-административными мѣрами. Требовалось объединеніе жизненное, а эти мѣры были дѣломъ чисто внѣшнимъ, направлялись на поверхностныя проявленія, а внутри идущая жизнь могла продолжать свое прежнее теченіе, отзываясь на эти мѣры равнодушіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ, замыкаясь въ самое себя и создавая внѣшнее единство, подъ которымъ могъ скрываться старый разладъ и взаимное непониманіе. Къ сожалѣнію, оно такъ и было. Изложенный взглядъ, какъ мы сказали, былъ въ существѣ вѣренъ; къ сожалѣнію, жизнь русскаго общества, изъ котораго должно бы исходить объединяющее вліяніе, (по признанію самой газеты) не представляла тѣхъ условій самодѣятельности, при которыхъ только и возможно было бы желаемое нравственное воздѣйствіе. Нужно было бы прежде всего, чтобы западно-русскій вопросъ въ самомъ русскомъ обществѣ могъ быть обсужденъ съ его разныхъ сторонъ, обсужденъ искренно и открыто,—но этой возможности совершенно не было, и тотъ самый кругъ, отъ имени котораго говорила вообще упомянутая газета, не преминулъ бы обвинить въ „измѣнѣ“ тѣхъ, кто рѣшился бы указать иныя, упускаемыя изъ виду стороны предмета, а диктаторскія полномочія, съ которыми тогда управлялся западный край, и съ другой стороны закрывали его отъ общественнаго мнѣнія и литературы... Прошли, напримѣръ, десятки лѣтъ, пока могли явиться въ печати иные взгляды на по-

---

[1]) „Москов. Вѣдомости“, 1864, № 126.

ложеніе края въ 1860-хъ годахъ [1]), чѣмъ тѣ, какіе въ то время считались безусловно обязательными. Характеръ принимавшихся тогда мѣръ заставлялъ ожидать соотвѣтственныхъ результатовъ; слухи, доходившіе изъ края, не были особенно благопріятны, и разсказы и воспоминанія о томъ времени, напечатанные въ послѣдніе годы, вполнѣ ихъ подтверждаютъ; напр., усиленный вызовъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній далъ вообще не весьма удачный контингентъ дѣятелей, которые шли только на упомянутую „приманку" и не только не создавали нравственнаго общенія, но отталкивали мѣстныхъ жителей, такъ что и съ приходомъ этихъ „русскихъ дѣятелей" нравственное объединеніе не установлялось; свойство мѣропріятій, крутое и, что называется, экстра-легальное, также мало способствовало водворенію мирныхъ отношеній, среди которыхъ могла бы возникнуть нравственная связь, хотя бы въ первыхъ начаткахъ. Не вдаваясь въ этотъ предметъ, укажемъ одинъ образчикъ, отмѣченный даже въ тогдашней литературѣ. Въ „Голосѣ изъ гродненской губерніи" [2]) мы читаемъ: „Въ средѣ великорусскихъ чиновниковъ нашлись и такія личности, которымъ не мѣсто въ нашемъ краѣ, требующемъ великаго самопожертвованія, теплой любви, разумной дѣятельности и твердой честности отъ служащихъ здѣшнему народному дѣлу; которые прибыли къ намъ, кажется, для того только, чтобы безъ разбора все разрушать, ломать и ничего не созидать, которые, не желая или не умѣя понять и сообразиться съ положеніемъ, нуждами и духомъ здѣшнихъ обитателей, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ наше духовенство, много пострадавшее въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ за свою любовь къ св. вѣрѣ и русскому народу и, кажется, своими страданіями заслужившее нѣкоторое уваженіе, любовь и поддержку. Онѣ, эти личности, подрываютъ святое и плодотворное довѣріе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и своими грубыми, деспотическими поступками убиваютъ развивающееся теперь въ народѣ чувство законности — это необходимое условіе мира и благоденствія каждаго общества и государства". Повѣсть объ этомъ дѣятелѣ подробно разсказана въ гродненской корреспонденціи и была, конечно, не единственнымъ примѣромъ своего рода...

Въ ряду мѣръ, которыя принимались тогда для обрусенія края, одной изъ особенно замѣтныхъ было „преобразованіе" ви-

---

[1]) Напр., извѣстные, напечатанные недавно, разсказы покойнаго Н. В. Берга и нѣкоторые другіе мемуары о томъ времени.

[2]) „День", 1864, № 29.

ленскаго музея древностей. Это была довольно странная исторія, въ которой характерно отразилось двойственное состояніе края, причемъ „преобразованіе" не разрѣшило исторической и этнографической двойственности. Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ 1856 году основанъ былъ въ Вильнѣ, съ Высочайшаго соизволенія, музей древностей, который долженъ былъ заключать въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи западнаго края Россіи, съ цѣлью, содѣйствуя сохраненію памятниковъ древности, доставить возможность воспользоваться ими къ изученію края; въ рескриптѣ наслѣдника цесаревича, подъ покровительствомъ котораго долженъ былъ существовать вновь открывшійся музей, высказано было также, что музей долженъ былъ содѣйствовать „къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи". Основаніе музея было вполнѣ дѣломъ графа Евстафія Тышкевича, извѣстнаго ученаго археолога, съ именемъ котораго мы уже встрѣчались выше: онъ передалъ сюда собственную обширную коллекцію древностей и другихъ замѣчательныхъ предметовъ и былъ тогда же назначенъ попечителемъ музея; затѣмъ стали поступать другія пожертвованія отъ мѣстныхъ помѣщиковъ; въ 1858 году, къ упомянутому пріѣзду имп. Александра II-го въ Вильну, составленъ былъ наскоро каталогъ музея. При томъ состояніи соціальномъ, какое въ то время еще продолжалось и гдѣ польское землевладѣніе служило оффиціальнымъ представительствомъ края; при томъ положеніи этнографическихъ изученій, которыя, какъ мы видѣли, велись въ то время въ польской литературѣ и едва начинались въ русской (сопровождаясь здѣсь немалыми недоразумѣніями или незнаніемъ), понятно, что въ средѣ тогдашнихъ польскихъ основателей музея старина западнаго края понималась именно въ томъ смыслѣ, какъ привыкли издавна понимать ее въ польской интеллигенціи. Историческая и этнографическая принадлежность края была темнымъ вопросомъ для самихъ русскихъ изслѣдователей, даже самыхъ добросовѣстныхъ: мы упоминали о томъ, что и въ сороковыхъ, и въ пятидесятыхъ годахъ эти изслѣдователи не понимали слова „Литва" въ приложеніи къ губерніямъ съ бѣлорусскимъ населеніемъ, и старый политическій терминъ считали также и обозначеніемъ племени; что для поляковъ этотъ терминъ оставался еще въ употребленіи, какъ живое историческое преданіе; что и польскіе, и русскіе этнографы все еще находили здѣсь какихъ-то „кривичанскихъ славянъ", а одинъ русскій этнографъ (Лебедкинъ) находилъ еще въ 1861 году въ западномъ краѣ не только кривичей, но древлянъ, дреговичей, тиверцевъ, даже

ятвяговъ... Не будемъ притомъ думать, чтобы польскіе основатели музея были какіе-нибудь радикалы, которые съ злонамѣренной тенденціей хотѣли бы удалить изъ музея (какъ ихъ послѣ въ томъ обвиняли) всякій слѣдъ русской старины: напротивъ, это были мѣстные патріоты (въ томъ „литовскомъ" смыслѣ, какъ ихъ характеризовалъ г. Безсоновъ), далеко не чуждавшіеся связи съ русскою наукой; графъ Тышкевичъ принималъ участіе въ работахъ московскаго археологическаго общества и его имя пользовалось уваженіемъ въ средѣ русскихъ ученыхъ; Киркоръ доставлялъ свои труды въ Географическое Общество въ Петербургѣ, писалъ и по-польски, и по-русски; труды писателей этого круга долго (даже до сихъ поръ) служили для русскихъ изслѣдователей полезнымъ руководствомъ въ изученіи западно-русской старины, какъ труды Нарбутта, Крашевскаго, Ярошевича, Малиновскаго, гр. Тышкевича, Парчевскаго и т. д.; г. Безсоновъ, въ своемъ трудѣ по бѣлорусской этнографіи, съ признательностью называетъ эти и другія имена лицъ, служившихъ съ пользой дѣлу научнаго изслѣдованія западнаго края... Однимъ словомъ, точка зрѣнія, руководившая основателемъ виленскаго музея древностей, не была какой-либо новой выдумкой; это былъ привычный взглядъ интеллигенціи западнаго края, въ то время нимало неоспоренный съ русской стороны, даже признаваемый; присутствіе *польскаго* элемента въ западномъ краѣ, его участіе въ исторіи „Литвы" съ очень давнихъ и до очень недавнихъ временъ не возбуждало сомнѣній, хотя историческая роль Польши осуждалась съ русской точки зрѣнія; въ новѣйшихъ оффиціальныхъ изслѣдованіяхъ западнаго края, произведенныхъ офицерами генеральнаго штаба, были выведены цѣлыя сотни тысячъ польскаго и католическаго населенія... Въ одно прекрасное утро все это должно было перемѣниться. Крутыя мѣры, принимавшіяся въ западномъ краѣ съ 1863 года, захватили въ началѣ 1865 года и виленскій музей. Хотя, какъ мы видѣли, сами оффиціальные статистики генеральнаго штаба (Риттихъ, Зеленскій, Бобровскій) находили въ западномъ краѣ сотни тысячъ польскаго населенія, въ приказѣ виленскаго полиціймейстера польскій языкъ названъ былъ „чуждымъ странѣ"; весьма понятно, что съ этой точки зрѣнія и виленскій музей, въ которомъ собрано было не мало остатковъ польской старины западнаго края, терялъ право на существованіе [1]). Въ

[1]) Замѣтимъ еще, что въ то же время, когда офицеры генеральнаго штаба не подтверждали вывода виленскаго полиціймейстера относительно польскаго языка и вывода преобразователей виленскаго музея, дѣлалось—опять въ оффиціальной средѣ —другое статистическое исчисленіе, разнорѣчившее съ выводами полиціймейстера.

февралѣ 1865 года, въ археологической коммиссіи, состоявшей при музеѣ, происходило засѣданіе, съ какимъ-то злорадствомъ описанное въ „Вѣстникѣ" Говорскаго [1]), какъ своего рода coup d'état или скандалъ. Въ собраніи участвовало вновь вступившее туда военное лицо, которое заявило въ своей рѣчи о необходимости преобразованія музея и истребленія его польскаго духа [2]). Вслѣдъ за тѣмъ, въ концѣ февраля 1865 года, отъ главнаго начальника западнаго края, на имя тогдашняго попечителя виленскаго округа (назначеннаго и предсѣдателемъ „коммиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ виленскомъ музеумѣ древностей") поступило предложеніе о необходимости пересмотра и преобразованія виленскаго музея. Смыслъ предложенія заключался въ томъ, что музей, въ противность его назначенію быть собраніемъ древностей „литовско-русскаго края", въ большинствѣ предметовъ „составляетъ коллекцію, относящуюся къ чуждой этому краю польской народности". „Такое совокупленіе въ этомъ открытомъ для публики хранилищѣ литовско-русской старины предметовъ, относящихся къ польскому народу и польской исторіи, и размѣщеніе на первомъ планѣ тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе другихъ напоминали бы о временномъ владычествѣ польскомъ въ здѣшнемъ краѣ, служило къ поддержанію въ здѣшнемъ населеніи и обществѣ превратныхъ понятій о томъ, что край этотъ есть край

Въ статьѣ А. В. Рачинскаго: „Типографская дѣятельность Вильны въ періодъ 1864—65 года", помѣщенной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ", 1866, № 35, отношеніе славяно-русскаго печатанія къ латино-польскому было опредѣлено, по статистическимъ цифрамъ какъ 152 : 1216. Эта цифра повторена и въ оффиціально издаваемыхъ „Памятникахъ русской старины въ зап. губерніяхъ имперіи", г. Батюшкова, вып. 6-й, Спб. 1874, стр. 174.

[1]) 1864 — 1865, т. II, декабрь (1864; цензурное дозволеніе 25-го марта 1865), стр. 234—241.

[2]) Рѣчь начиналась такими словами: „Наука есть святыня, какъ и религія: религія есть вѣра въ истину, наука есть путь къ оной. Слѣдовательно, всякое искаженіе науки, равно какъ и религіи, изъ-за личныхъ выгодъ и для политическихъ цѣлей, есть святотатство".

Далѣе въ рѣчи говорилось, что музеи должны быть хранилищами исторической истины и быть „зерцалами" современнаго состоянія науки въ извѣстной мѣстности, и что было бы анахронизмомъ, еслибы музей продолжалъ „отражать разсѣявшійся польскій туманъ, когда уже въ него смотрится возстановленная историческая истина"; что говорившій, который бывалъ во многихъ иностранныхъ музеяхъ, нигдѣ „не замѣтилъ отсутствія патріотическаго начала, ни въ одномъ не видѣлъ даже отдѣла, напоминающаго, не только ига, но и нашествія непріятельскаго"; и что его „утѣшила только мысль, что на востокѣ Россіи нигдѣ нѣтъ хранилищъ, служащихъ прославленіемъ ига татарскаго".

польскій, а не русскій, а также къ возбужденію въ публикѣ польскихъ идей, противуправительственныхъ стремленій и притязаній на мнимыя права Польши на западно-русскій край"; поэтому, „въ видахъ пресѣченія на будущее время подобныхъ несвойственныхъ ни здѣшней народности, ни настоящему положенію края заявленій, а равнымъ образомъ, почитая необходимымъ сообщить виленскому музеуму надлежащій ему характеръ, соотвѣтственный назначенію быть собраніемъ и хранилищемъ предметовъ, напоминающихъ о русской народности, православіи, искони господствующихъ въ здѣшнемъ краѣ, и содѣйствовать къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ Россіею", приказано было составить особую коммиссію (въ которой приняли участіе два военныхъ лица), которая должна была привести въ порядокъ предметы музея, поставить на первомъ планѣ предметы, относящіеся къ русской народности, во второй разрядъ помѣстить „предметы, относящіеся къ литовско-русскому началу" (?), въ третій разрядъ—предметы обще-научные; наконецъ, предметы, принадлежащіе къ польской народности, „какъ несоставляющіе предметовъ назначенія музеума", собрать особо, т.-е. удалить изъ музея до дальнѣйшаго распоряженія. Назначенная коммиссія, гдѣ долженъ былъ принять участіе и основатель музея, графъ Тышкевичъ, и гдѣ изъ нѣсколько извѣстныхъ русскихъ ученыхъ находился г. Безсоновъ, служившій тогда въ западномъ краѣ, принялась за дѣло очень ревностно. Понятно, что музей, составлявшійся другимъ кругомъ людей съ прежними понятіями объ историческихъ преданіяхъ края, былъ энергически очищаемъ новыми распорядителями, считавшими польскій элементъ совершенно чуждымъ краю. Было бы долго передавать подробности этого разбора; довольно сказать, что большое число предметовъ отчислено было въ четвертый разрядъ и что дебаты не сохранили спокойствія, приличнаго научнымъ разсужденіямъ. Въ концѣ концовъ, графъ Тышкевичъ, не присутствовавшій по болѣзни въ послѣднихъ собраніяхъ коммиссіи, прислалъ (29-го марта 1865 г.) отзывъ, въ которомъ, при всей трудности своего тогдашняго положенія, рѣшился высказать свое мнѣніе о совершившемся преобразованіи и тѣхъ обвиненіяхъ, какія были направлены на устроителей музея.

Гр. Тышкевичъ объяснялъ, что, присутствуя въ коммиссіи, онъ подписывалъ ея протоколы не потому, чтобы всегда соглашался съ мнѣніями другихъ ея членовъ, а потому, что одинъ его голосъ противъ пяти голосовъ противнаго мнѣнія не могъ имѣть значенія, и, слѣдовательно, его особыя мнѣнія могли бы

только дать поводъ думать, что онъ затрудняетъ успѣшный ходъ дѣйствій коммиссій; теперь, когда главная работа кончена и предметы, подлежащіе исключенію изъ музея, уже назначены, онъ рѣшался „заявить свое мнѣніе не въ видѣ протеста или оффиціальнаго особаго мнѣнія, но собственно какъ выраженіе своихъ убѣжденій по предметамъ, имѣющимъ непосредственное соотношеніе съ занятіями коммиссій". Онъ объяснялъ ту историческую точку зрѣнія, съ которой основывался музей, и тотъ провинціальный интересъ, который естественно присоединялся къ мѣстной коллекціи. „Основывая музеумъ въ Вильнѣ, я имѣлъ въ виду древности и памятники польскіе, но мѣстные, т.-е. литовско-русскіе. Подъ словомъ: „виленскій музеумъ" —я разумѣлъ и разумѣю собраніе предметовъ, кои бы, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражали жизнь и дѣянія литовско-русскаго народа во всѣхъ эпохахъ его историческаго существованія. Не думая и не заботясь о томъ, чтобы собираемые предметы представляли только свѣтлые моменты изъ исторіи и дѣяній моихъ предковъ или чтобы изображенія ихъ непремѣнно были прекрасны, я желалъ только, чтобы они были похожи и служили точными снимками съ прошедшаго, на непреложныхъ началахъ исторіи. Я думалъ, что если въ лифляндскомъ и курляндскомъ музеумахъ собраны предметы временъ владычества рыцарей, въ финляндскомъ—Швеціи, въ керченскомъ и одесскомъ — татаръ, то это отнюдь не доказывало, что помянутые музеумы заботились о собраніи предметовъ, напоминающихъ нѣмецкое, шведское и татарское владычества, но старались только собрать все, что̀ бы могло нагляднымъ образомъ знакомить съ минувшими судьбами тѣхъ мѣстностей, для которыхъ музеумъ предназначался. — Такъ понимая значеніе провинціальнаго музеума, я, конечно, не исключалъ и тѣхъ предметовъ, кои относились къ эпохѣ владычества Польши въ этой странѣ. Но, при всемъ томъ, могу сказать сознательно, въ виленскомъ музеумѣ собственно польскихъ предметовъ почти нѣтъ. Все, что̀ есть,—это мѣстное, литовско-русское".

Ему приходилось разбирать, какого рода предметы подлежали исключенію изъ музея по новымъ требованіямъ. „На основаніи предписанія г. главнаго начальника края, коммиссія обязана была исключить предметы, напоминающіе временное владычество Польши и относящіеся къ польской исторіи. Извѣстно, что до 1569 года здѣшній край сохранилъ полнѣйшую политическую самостоятельность. Федеративнаго союза съ Польшею ни одинъ историкъ не назоветъ владычествомъ. Извѣстно, что поляки не только не могли здѣсь пріобрѣтать собственности, но

даже занимать служебныя должности. Литовско-русское дворянство строго за этимъ наблюдало и свято сохраняло права свои. Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, губерніи эти возвращены Россіи. Слѣдовательно, по буквальному смыслу предписанія, исключенію подлежать только тѣ предметы, кои относятся къ эпохѣ съ 1569 по 1795 годъ, и только такіе, которые въ непосредственной связи съ польскимъ владычествомъ или польскою исторіею. Но коммиссія не соблаговолила обратить вниманія на эту неопровержимую историческую истину".

Онъ указываетъ, что коммиссія къ предметамъ, подлежащимъ исключенію, т.-е. напоминающимъ владычество Польши, отнесла даже предметы новѣйшіе, — напримѣръ, знаки масонской ложи „Казиміръ Великій" („когда,—замѣчаетъ гр. Тышкевичъ,—этотъ Казиміръ никогда не господствовалъ надъ этой страною и умеръ еще до женитьбы Ягайлы на внучкѣ его Ядвигѣ"), или барельефъ въ память парижскаго конгресса 1856 г., изображающій торжество императора Александра, исключенный потому только, что подъ нимъ подпись скульптора Казиміра Ельскаго, сдѣлавшаго этотъ барельефъ. Гр. Тышкевичъ „ссылался на судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи, и заранѣе твердо убѣжденъ, что не найдется ни одного, который допустилъ бы даже мысль исключить изъ музеума, напр., портретъ такой знаменательной личности, какъ канцлера Льва Сапѣги, этого извѣстнаго издателя перваго Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, этого знаменитаго автора достопамятнаго письма, приводимаго всѣми историками, къ Іосафату Кунцевичу, въ защиту православныхъ". Онъ недоумѣвалъ, почему исключенъ изъ музея портретъ русскаго генерала Коссаковскаго, повѣшеннаго мятежниками во время народнаго движенія въ Вильнѣ, въ 1794 г., за свою преданность великой Екатеринѣ,—въ то время, когда русское правительство воздвигаетъ въ Варшавѣ памятникъ полякамъ, павшимъ жертвою мятежа за свою преданность правительству. Онъ не понималъ, почему должны были быть исключены изъ музея портреты и бюсты такихъ людей, какъ преданный Россіи митрополитъ Жилинскій, какъ пользовавшіеся европейскою извѣстностью Франкъ и Снядецкіе, какъ основатель обсерваторіи Почобутъ, историкъ Нарбуттъ, „котораго безпристрастный, добросовѣстный трудъ до сихъ поръ служитъ богатымъ матеріаломъ для всѣхъ русскихъ историковъ", какъ основатели разныхъ человѣколюбивыхъ заведеній въ Вильнѣ, здѣшніе уроженцы, жившіе уже подъ русскою властью... Просьба графа Тышкевича состояла только въ томъ, чтобы назначенные къ исключенію предметы были

вновь подробно разсмотрѣны, сообразно съ точнымъ смысломъ предписанія главнаго начальника края и „имѣя въ виду научныя начала и историческую истину въ отношеніи дѣйствительной эпохи владычества здѣсь Польши".

На этотъ разъ въ коммиссіи предсѣдательствовалъ не попечитель учебнаго округа, а одинъ изъ ея военныхъ членовъ, которымъ и составленъ былъ отвѣтъ на письмо графа Тышкевича. Отвѣтъ былъ очень рѣзкій, и въ немъ давалось понять, что письмо было дѣйствіемъ, которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ политической неблагонадежности [1]).

Вся эта исторія производитъ весьма печальное впечатлѣніе. Первый мотивъ къ преобразованію музея былъ, конечно, политическій, и скорѣе можно было бы понять, еслибы что-нибудь случилось съ нимъ въ самомъ разгарѣ страстей, въ періодъ возстанія; но возстаніе было давно укрощено, и вопросъ научный могъ бы рѣшиться болѣе спокойно въ кругу спеціалистовъ. Возможно, что въ музеѣ находились предметы, которые не совсѣмъ отвѣчали его назначенію и особливо данной минутѣ, но устраненіе ихъ могло бы совершиться болѣе мирно, какъ это соотвѣтствовало бы мирному дѣлу науки; та тенденціозность, которую указывали въ маломъ числѣ предметовъ, относящихся къ исторіи собственно русскаго начала въ западномъ краѣ, легко могла бы быть устранена (и это было бы очень желательно для полноты *мѣстнаго* музея) прибавленіемъ новыхъ предметовъ этого русскаго характера. Что касается удаленія предметовъ изъ эпохи польскаго владычества, оно, очевидно, было ненаучно: изъ исторіи нельзя было бы вычеркнуть дѣйствительно существовавшаго факта, и это былъ бы просто пробѣлъ, какъ, съ другой стороны, удаленіе ихъ походило на боязнь передъ польскимъ призракомъ, неприличную для господствующей власти: странно было бы думать, что присутствіе старинныхъ вещей въ историческомъ музеѣ можетъ навлекать какую-либо опасность для русской народности; сопоставленные съ предметами иного рода, которые гово-

[1]) Подробная исторія этого преобразованія виленскаго музея была изложена въ протоколахъ двадцати-четырехъ засѣданій коммиссіи съ 1-го марта по 27-е апрѣля 1865 года. См. „Дневникъ засѣданій коммиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ виленскомъ музеумѣ древностей", въ „Вѣстникѣ" Говорскаго, 1864—1865, т. III, апрѣль, отд. I, стр. I-VI и 1—74. Преобразованіе виленскаго музея было довершено г. Батюшковымъ; позднѣе, во время управленія западнымъ краемъ генерала Потапова, г. Батюшковъ „настоялъ на исключеніи изъ музея всѣхъ 256 предметовъ, признанныхъ неподлежащими храненію въ немъ, и распорядился отправкой ихъ въ Московскій Румянцовскій музей". См. „Р. Старину", 1887, май, стр. 555.

рили бы о племенной устойчивости и исторической борьбѣ западно-русскаго народа за свое религіозное и національное право,— эти предметы теряли бы свой односторонній смыслъ и получили бы только свое настоящее значеніе историческаго остатка; далѣе, виленскій музей былъ, очевидно, мѣстный музей западнаго края, и въ немъ должны были занять мѣсто предметы, принадлежавшіе его мѣстной исторіи и этнографіи; политически—это былъ край русскій, но этнографически въ немъ были не только бѣлоруссы, но и литовцы, и поляки, даже татары и евреи. Наконецъ, въ самомъ отвѣтѣ предсѣдателя коммиссіи относительно основателя музея признавалось, что доселѣ графъ Тышкевичъ показывалъ „несомнѣнную преданность" правительству, и признавалась „благая цѣль", съ какою онъ основывалъ музей; прибавимъ, что онъ вложилъ въ него много своихъ личныхъ, цѣнныхъ пожертвованій, наконецъ, что это былъ ученый уважаемый и за предѣлами своей родины [1]). По крайней мѣрѣ его личное участіе въ самомъ основаніи учрежденія, получавшаго теперь новое направленіе, заслуживало бо̀льшей терпимости и вниманія.

Какъ бы то ни было, исторія виленскаго музея была характернымъ отраженіемъ господствовавшаго настроенія. Литература, служившая этому настроенію, принимала, сколько только могла, воинственное, обличительное направленіе: не могло быть и рѣчи о спокойномъ сужденіи не только о новѣйшихъ, но и давно прошедшихъ событіяхъ и отношеніяхъ.

Собственно этнографическіе труды этого времени были немногочисленны. Той школѣ, о которой мы сейчасъ говорили, принадлежитъ собственно одинъ только сборникъ, вышедшій въ Вильнѣ въ 1866 году [2]). Въ обширномъ предисловіи, которое подписано г. Гильтебрандтомъ, даются разнородныя, но отрывочныя и безсвязныя свѣденія о значеніи народнаго творчества, объ исторіи края, о разрядахъ пѣсенъ, о чертахъ бѣлорусскаго языка

[1]) „Въ отдѣлѣ предметовъ каменнаго періода числится 747 экземпляровъ (говорится въ описаніи современнаго виленскаго музея). Для провинціальнаго музея это коллекція довольно богатая, тѣмъ болѣе, что въ ней есть экземпляры, не встрѣчаемые даже въ болѣе богатыхъ собраніяхъ. Коллекція эта тѣмъ драгоцѣннѣе, что вся она происхожденія мѣстнаго, такъ какъ только незначительная часть ея вывезена графомъ Тышкевичемъ изъ Швеціи. За эту коллекцію музей въ 1879 году получилъ похвальный отзывъ отъ Антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ". „Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка". Вильна, 1883, стр. 261—262.

[2]) „Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ. Изданіе редакціи Виленскаго Вѣстника". Выпускъ первый. Вильна, 1866, CXVIII и 300 стр., мал. 8°. Первый выпускъ остался и единственнымъ.

и ведется, кромѣ того, полемика съ поляками (заднимъ числомъ) и евреями. Научное значеніе этихъ свѣденій очень умѣренное и, повидимому, меньше занимало издателя, чѣмъ война противъ враговъ русской народности [1]). Собственной научной работы издателя было очень немного: нѣсколько внѣшнихъ сравненій бѣлорусскихъ пѣсенъ съ великорусскими; замѣчанія о бѣлорусскомъ нарѣчіи, взятыя изъ вторыхъ рукъ; свѣденія о народномъ бытѣ, выписываемыя изъ газетныхъ корреспонденцій; описаніе обрядовъ, заимствуемое у Шпилевскаго и т. п., и все это, снабженное защитой „русскаго дѣла" въ такомъ же стилѣ, какой мы видѣли въ „Вѣстникѣ" Говорскаго. Характеристика пѣсенъ крайне неумѣлая, путаная, противорѣчивая. Наибольшая доля пѣсенъ доставлена учениками молодечненской учительской семинаріи.

Подробную и весьма правильную оцѣнку этого сборника, произведенія тогдашней виленской науки, далъ г. Безсоновъ, самъ также въ Вильнѣ работавшій и видѣвшій близко дѣятельность этой науки. — „Вызванный нами въ край, — говоритъ г. Безсоновъ,—для серьезнаго развитія молодыхъ силъ на благодарномъ поприщѣ и весьма скоро обособившійся, въ ряду тогдашнихъ полонофаговъ и жидоѣдовъ, издатель (этого сборника) самъ не собиралъ пѣсней среди народа Бѣлой Руси и только отпечаталъ добытое другими собирателями. Изъ 300 набранныхъ такимъ образомъ, отчасти перепечатанныхъ пѣсней, къ типическимъ бѣлорусскимъ собственно относится менѣе половины: остальное—къ малорусскимъ или смѣшаннымъ... Издатель не задалъ себѣ труда даже хотя бы слегка провѣрить полученное отъ другихъ, внимательнымъ обращеніемъ къ самому народу, наблюденіемъ его быта и живого нарѣчія. У него не собраны, а какія попадаются, не выдѣлены и не разъяснены характерныя черты мѣстнаго народнаго быта... Разумѣется, у издателя пѣсни „дышатъ особеннымъ озлобленіемъ и ненавистью" противу пановъ и всячески проклинаемыхъ поляковъ, а когда пѣсня говоритъ: „не дивуйтесь, добры люди, что мужикъ гуляетъ, у него есть достатокъ по милости божьей, да и панъ хорошо его знаетъ,

[1]) Эта война начинается съ первыхъ же страницъ предисловія, и въ число предполагаемыхъ враговъ отечества попалъ даже г. Зотовъ, издававшій тогда съ Бауманомъ „Иллюстр. Газету", гдѣ помѣщена была статья, не понравившаяся г. Гильтебрандту: послѣдній ядовито замѣчаетъ, что журналъ „издается, кажется, русскими, но, повидимому, не считающими себя за таковыхъ" (стр. VII). Но, сколько извѣстно, В. Р. Зотовъ не отрекался отъ своей принадлежности къ русской народности и государству.

только бы не экономы (управляющіе), мужикъ самъ былъ бы паномъ",—это переводится издателемъ: „по милости божьей и панской—*иронія*—у него всего довольно", такъ что не знаешь, кѣмъ же тутъ сочинена иронія"... Выписавши потомъ нѣсколько нескладныхъ комментаріевъ издателя къ пѣснямъ, г. Безсоновъ продолжаетъ: „Всего же любопытнѣе отношеніе издателя къ мѣстнымъ евреямъ, которыхъ онъ глубоко ненавидитъ и которыхъ печать въ его время совѣтовала переселить въ степи, а порою загнать и въ море. Онъ признается, что въ пѣсняхъ „говорится о нихъ немного, всего, кажется, раза два", и только объясняетъ это скудостью своего сборника, выражая надежду, при дальнѣйшихъ выпускахъ, „достичь другихъ результатовъ". Тѣмъ не менѣе въ скудномъ своемъ сборникѣ онъ посвящаетъ 23 страницы охотѣ на евреевъ"... Пересчитавши затѣмъ цѣлый рядъ еврейскихъ преступленій (они „находятся подъ особымъ покровительствомъ поляковъ", сквернятъ муку на просвиры и вино на богослуженіе, занимаются поддѣлкою денегъ, совершаютъ поджоги и разбой, они—лѣнтяи и тунеядцы, у нихъ „бездна пороковъ", они „составляютъ государство въ государствѣ" и т. д.) и поставивши имъ въ вину даже и „значительное увеличеніе количества еврейскихъ головъ" (!), происходящее отъ ихъ цѣломудрія, которое кажется ему превратнымъ, г. Гильтебрандтъ ожидалъ, что народныя пѣсни непремѣнно должны выразить этотъ его взглядъ на евреевъ... „Внутренняго быта евреевъ,—замѣчаетъ на это г. Безсоновъ,—по собственному признанію, г. Гильтебрандтъ не вѣдаетъ, а пѣсни, подлежащія изданію, то же почти ничего не говорятъ о евреяхъ. Къ чему же распространяться? „Распространились мы о евреяхъ съ нѣкоторою подробностью для того,—пишетъ г. Гильтебрандтъ,—чтобы показать, что крестьяне *непремѣнно должны* сохранить въ пѣсняхъ воспоминанія о еврейскомъ гнетѣ и насиліяхъ". Они обязаны исполнить сей приказъ издателя... Евреямъ поставлено въ вину и то, что „заря свободы", открывшаяся крестьянамъ 19-го февраля, была „смутно (?) встрѣчена евреями"... Разумѣется, — продолжаетъ г. Безсоновъ,—сколько ни выражено здѣсь знаковъ благодарности тогдашнему попечителю округа, г. Корнилову, отъ подобнаго изданія не много выиграла Бѣлоруссія, разъясненіе ея народнаго быта и печатаніе „памятниковъ творчества": даже этнографія, въ самомъ узкомъ смыслѣ, не найдетъ чѣмъ воспользоваться",—потому что нѣтъ здѣсь ни подробностей объ обрядахъ и обычаяхъ, ни правильнаго распредѣленія пѣсенъ, ни какой-нибудь системы передачи бѣлорусскаго нарѣчія, такъ что Бѣлая Русь является

у г. Гильтебрандта, подобно древней Польшѣ, какимъ-то новымъ Вавилономъ племенъ и нарѣчій. „Мы можемъ только пожалѣть,— заключаетъ г. Безсоновъ,—что молодые таланты вступаютъ на такой скользкій путь, естественно приманчивый лишь извѣстнаго рода старцамъ, которые усердно обработывали симъ способомъ край изъ-за своихъ разсчетовъ“.

Еще раньше оказались нѣкоторыя другія подробности изданія, мало послужившія его научной репутаціи, а именно, въ сборникѣ открытъ былъ цѣлый рядъ пѣсенъ поддѣльныхъ, грубаго сочинительства которыхъ не съумѣлъ замѣтить издатель, ставшій на стражѣ бѣлорусской народности. Въ разборѣ „Сборника“ г. Гильтебрандта въ „Вѣстникѣ Европы“, 1866 [1]), указана, напр., нелѣпая пѣсня, гдѣ является на сцену „Чернобогъ“ [2]); затѣмъ, „заклинательная пѣсня“, гдѣ упоминаются древнія божества Ладо и Диво [3]); далѣе, пѣсня „Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка“ и „Я Грицъ козакъ“ [4]); наконецъ, еще одна пѣсня. „записанная“ однимъ изъ сотрудниковъ г. Гильтебрандта: „Отъ села до села“, которая на дѣлѣ взята изъ „Гайдамакъ“ Шевченка, и сочинена имъ [5]).

Любопытно, что пѣсня о Чернобогѣ, о Ладѣ и Дивѣ и еще одна пѣсня, направленная противъ ляховъ—въ цѣломъ „три прекрасныя пѣсни“, по словамъ издателя, сообщены г. Козловичемъ; между тѣмъ эта пѣсня, вмѣстѣ съ двумя другими, изъ которыхъ одна также была заподозрѣна критикой, явилась уже раньше въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, и пѣсня о Чернобогѣ показана записанною въ Несвижѣ [6]).

[1]) Т. IV, отдѣлъ 3, стр. 19—22; разборъ писанъ покойнымъ Н. И. Костомаровымъ.—*Ред.*

[2]) № CXVIII, стр. 115—116.

[3]) № CXX, стр. 117—118.

[4]) № VI, стр. 7, и № CXVI, стр. 111—113.

[5]) № XCIX, стр. 93—94. „Съ такою-то неразборчивостію составлялся этотъ сборникъ,—замѣчалъ критикъ „Вѣстника Европы“,—хотя бóльшая часть пѣсенъ и дѣйствительно записаны отъ народа, но многія изъ нихъ переправлены, подправлены, приправлены, и потому остается желать, чтобы народныя произведенія западнаго края впередъ являлись въ такихъ сборникахъ, которые бы могли служить матеріаломъ и для науки“.

[6]) „Вѣстникъ“, 1864—1865, т. II, январь, IV, стр. 423—426: „О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи“, статья А. С. Позднѣйшіе критики также не сомнѣвались въ подложности пѣсенъ о Чернобогѣ и Дивѣ; см. Безсонова: „Бѣлорусскія пѣсни“, стр. XLIX—L; Антоновича и Драгоманова: „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, I, стр. XXI. Кажется, впрочемъ, что эти критики не знали статьи „Вѣстн. Европы“; по крайней мѣрѣ, они не замѣтили другихъ ошибокъ и поддѣлокъ, какія тамъ были уже указаны. Ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ“ Кіевъ, 1886, стр. I—III.

Изъ другихъ трудовъ этого времени замѣтимъ еще только собраніе пѣсенъ, составленное приходскимъ учителемъ Н. Руберовскимъ и хорошо записанное; оно печаталось въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ [1]), и нѣсколько другихъ небольшихъ собраній пѣсенъ, сказокъ, описаній обычаевъ и т. д., которыя печатались въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“ западнаго края и бывали нерѣдко результатомъ добросовѣстнаго изученія. Такою мѣстною работой были, напр., труды М. Дмитріева, который издалъ потомъ свое собраніе отдѣльной книжкой [2])—книжка безпритязательная, но и весьма неумѣлая [3]). Въ мѣстныхъ изданіяхъ появились и первыя работы Юл. Крачковскаго; позднѣе онъ издалъ болѣе обширный трудъ, на которомъ мы остановимся дальше.

Въ семидесятыхъ годахъ положеніе вопроса измѣнилось къ лучшему. Правда, на мѣстѣ между-племенныя отношенія не исправились; мѣстные или заѣзжіе русскіе патріоты продолжали считать лучшую защиту русскаго дѣла въ крайней нетерпимости и травлѣ элементовъ не-русскихъ (но принадлежащихъ, однако, фактически краю) и даже элементовъ мѣстно-бѣлорусскихъ, когда они были не совсѣмъ похожи на чиновническое понятіе о русской народности,—по крайней мѣрѣ, дѣло измѣнилось несомнѣнно къ лучшему въ области науки. Высокая постановка этнографическаго вопроса въ лучшихъ произведеніяхъ нашей науки повліяла благотворно, и жизнь западно-русскаго народа стала, наконецъ, находить спокойное изслѣдованіе, съ цѣлями науки и внѣ той „злобы дня“, которая была прежде дѣйствительною злобою.

А. Пыпинъ.

---

[1]) 1867, № 75—77. Его же: „Свадебные обряды крестьянъ минскаго уѣзда“. „Вил. Вѣстн.“, 1868, № 8, Минск. Губ. Вѣд., 1869, № 31.

[2]) Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, М. А. Дмитріева, Вильна, 1869. 264 стр., мал. 8°.

[3]) См. разборъ ея у г. Романова, стр. III—IV. Сказки этого сборника раньше были сообщены Дмитріевымъ Аѳанасьеву (см. Нар. Р. Сказки, вып. 3, изд. 2-е, М. 1860, стр. 6—35), и въ этомъ пунктѣ обвиненія г. Романова несправедливы.

СТЕЛЛА

Романъ въ двухъ частяхъ.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Сѣрыя, старыя стѣны лашмерскаго за́мка высятся массивной твердыней надъ широкой рѣкой Эвонъ въ Миддльширѣ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ какъ разъ течетъ такъ плавно и мирно, что трудно повѣрить, чтобы въ ней нашлось достаточно силы, чтобы вертѣть мельничныя колеса или сплавлять барку. Въ этомъ мѣстѣ рѣка носитъ идиллическій характеръ и какъ бы создана для Хлои и Филлиды съ ихъ нѣжными стадами, а не для грубыхъ потребностей повседневной жизни. Однако эта самая рѣка дѣлается утилитарной и несетъ всякаго рода низкія вещи, которыя чернь швыряетъ въ ея воды; она облекается въ темную ливрею дыма и грязи нѣсколько миль далѣе на востокъ отъ лашмерскихъ рощъ, тамъ, гдѣ большой промышленный городъ Бруммъ омрачаетъ небеса дымомъ своихъ безчисленныхъ трубъ и портитъ воздухъ смѣшанной вонью многолюднаго города. Но здѣсь нѣтъ никакого даже намека на такое противное промышленное сосѣдство. Ничто не оскверняетъ зеленые скаты холмовъ, окаймляющихъ хрустальныя воды, и подъ сѣнью вѣковѣчныхъ дубовъ нельзя даже и подозрѣвать о существованіи такого мѣста, какъ Бруммъ, и всего лишь въ какихъ-нибудь десяти миляхъ разстоянія.

И со всѣмъ тѣмъ, хотя дымъ Брумма и не оскверняетъ голу-

быхъ небесъ, разстилающихся надъ зàмкомъ, но оказываетъ вліяніе, и далеко не пріятнаго свойства, на обитателей лашмерскаго зàмка, если судить по расположенію духа милэди въ то самое утро, когда она сидѣла за завтракомъ въ дубовой столовой, съ своимъ пасынкомъ, лордомъ Лашмеромъ, и своимъ сыномъ, школьникомъ изъ Итона.

Ея лордство, вдовствующая баронесса Лашмеръ, женщина именитая. Она—одна изъ дочерей высокорожденной маркизы Питлэндъ, знаменитой и богатствомъ, и талантами, и силой характера. Старая лэди Питлэндъ была законодательницей модъ и свѣтскихъ обычаевъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, пока не переселилась въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни каменно-угольныхъ копей, ни руководителей моды; но она передала по наслѣдству многое изъ своихъ талантовъ и прелестей дочерямъ, и старшая изъ нихъ, герцогиня Мальплакѐ, слыветъ умнѣйшей женщиной въ Англіи, такъ какъ съумѣла выдать всѣхъ своихъ дочерей замужъ за богатыхъ людей, и выростила, воспитала ихъ и вывозила въ свѣтъ, имѣя доходу неполныхъ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Экономическіе таланты лэди Лашмеръ не подвергались особенно строгому испытанію, такъ какъ Лашмеры богаты капиталами и землями, и могутъ безмятежно глядѣть на пониженіе земельной ренты. Но, тѣмъ не менѣе, въ лашмерскомъ зàмкѣ не пропадало ни одного унца масла и ни одной чашки молока; не было ни одного пыльнаго уголка и не проживало ни одного лишняго рта, ни въ замкѣ, ни въ старинномъ домѣ на Гросвенорскомъ скверѣ, принадлежавшемъ Лашмерамъ со временъ Питтовъ и Фоксовъ, когда этотъ аристократическій и исключительный скверъ только-что возникъ. У лэди Лашмеръ былъ соколиный глазъ, а умъ устроенъ на подобіе слоновьяго хобота, которымъ можно выворачивать дубъ съ корнями и поднимать съ пола булавку. Умъ лэди Лашмеръ могъ охватывать общественные вопросы и вмѣстѣ съ тѣмъ не упускать изъ виду ни одной мелочи въ кладовой и въ буфетѣ. Однако не слѣдуетъ думать, что лэди Лашмеръ удостоивала когда-либо лично показываться въ кухнѣ или буфетѣ. Ея умъ одинъ всюду царилъ. У нея была экономка, дрожавшая, если она хмурила брови, и рабски ей повиновавшаяся, и черезъ эту вѣрную служанку лэди Лашмеръ могла руководить всѣми закоулками своего дома, измѣрять всякую трапезу, съѣдаемую ея домочадцами, быть увѣренной, что лакеи не выпиваютъ больше положенной имъ порціи пива и что горничныя не жгутъ свѣчей по ночамъ за чтеніемъ романовъ или изготовленіемъ шляпокъ.

Лэди Лашмеръ уже десять лѣтъ вдовствовала и пользовалась десятилѣтнимъ безспорнымъ главенствомъ. Ей было теперь тридцать-восемь лѣтъ; она была красива, пряма какъ стрѣла, безъ единой морщинки или сѣдого волоса. Мистриссъ Монсунъ—собственная модистка принцессы Уэльской—говорила, что у лэди Лашмеръ самая безукоризненная фигура изъ всѣхъ ея кліентокъ и что она величайшая скряга.

— Не думаю, чтобы я нажила тридцать фунтовъ за всѣ годы, что работаю на нее,—говорила мистриссъ Монсунъ,—но платья такъ сидятъ на ней, что она привлекаетъ мнѣ заказчицъ.

Въ эпоху, когда скандальные разсказы про аристократію составляютъ любимую тему разговоровъ, про лэди Лашмеръ никто не могъ сказать ничего худого. Про нее лордъ Бланвиль, членъ кабинета, такъ выразился:

— У жены моего друга, Лашмера, всѣ добродѣтели. Она хороша собой, образована, исполнена чувства собственнаго достоинства и цѣломудренна, какъ Діана, и при всемъ томъ—самая непріятная женщина, какую только я знаю.

Лэди Лашмеръ была не изъ тѣхъ, которыя выходятъ изъ себя, когда сердятся. Разсказываютъ, что старуха лэди Питлэндъ ругалась, какъ извозчики, если кто-нибудь осмѣливался ей противорѣчить. Гнѣвъ лэди Лашмеръ изливался въ болѣе приличной, хотя и очень сильной формѣ.

Сегодня утромъ правильное лицо ея почти посинѣло отъ злости въ то время, какъ ея лордство протянуло мѣстную газету „Независимый Бруммъ" своему пасынку.

Они сидѣли за хорошенькимъ круглымъ столикомъ въ прекраснѣйшемъ изъ покоевъ замка. То была небольшая, невысокая комната, гдѣ старыя дубовыя панели выкрашены были въ бѣлую краску. Потолокъ былъ расписанъ купидонами и гирляндами. Высокій, узкій каминъ уставленъ великолѣпными образцами китайскаго фарфора. Драпировки и обшивка мебели изъ изящнаго французскаго ситца, и вездѣ, гдѣ только могла умѣститься ваза съ цвѣтами, красовались знаменитыя лашмерскія розы, красныя, розовыя и желтыя, въ полномъ расцвѣтѣ. Пока длились розы, лэди Лашмеръ не допускала никакихъ другихъ цвѣтовъ въ своихъ аппартаментахъ. Тщетно главный садовникъ выставлялъ рѣдкія растенія изъ теплицы.

— Пока у меня могутъ быть розы, не хочу экзотическихъ цвѣтовъ,—говорила лэди Лашмеръ.

Она сидѣла лицомъ къ окну, какъ особа, которой нечего бояться свѣта. Нѣтъ, на этомъ красивомъ лицѣ ни одна чер-

точка не говорила еще о прожитыхъ годахъ. Тѣ душевныя волненія, которыя способны измѣнять человѣческое лицо и класть отпечатокъ на черты чувствительныхъ людей, никогда не касались лэди Лашмеръ. Она почти всегда жила какъ хотѣла, она почти всегда была счастлива. Когда Богу угодно было призвать къ себѣ ея мужа, послѣ шестилѣтней совмѣстной жизни, она покорилась судьбѣ. Онъ былъ двадцатью годами старше ея и хронически больной человѣкъ. Гораздо лучше, что онъ умеръ пятидесяти лѣтъ отъ роду, нежели еслибы прострадалъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Лэди Лашмеръ думала также, что Провидѣніе хорошо бы сдѣлало, убравъ горбатаго сына ея мужа и расчистивъ мѣсто ея родному сыну, красивому, хорошо сложенному мальчику.

Да, сынъ лорда Лашмера былъ горбатъ. Это одно изъ тѣхъ словъ, которыя произносятся всего труднѣе. Старые слуги, знавшіе лорда Лашмера съ колыбели, говорили, что у него слабая спина; но его мачиха не любила играть словами. Она знала, что у него съ младенчества искривленъ позвоночный столбъ и что это слабый ребенокъ, родившійся отъ черезъ-чуръ развитой, интеллигентной матери, и отца, хорошо пожившаго на своемъ вѣку. Она знала, что съ годами спина будетъ искривляться все больше и больше и что узкая грудь можетъ легко дать мѣсто чахоткѣ. Она говорила себѣ, что Губертъ, лордъ Лашмеръ, не доживетъ до преклонныхъ лѣтъ; но боялась, что онъ можетъ достаточно прожить, чтобы жениться и оставить болѣзненнаго сына, который лишитъ наслѣдства ея Викторіана, это воплощеніе физической силы и цвѣтущей юности.

Она не была недобра къ пасынку. Она была слишкомъ умной женщиной, чтобы впасть въ такую ошибку. Она съ самаго начала рѣшила ладить съ сыномъ мужа. Такъ будетъ лучше для нихъ обоихъ и въ особенности для нея. Лашмеру было четырнадцать лѣтъ, когда умеръ его отецъ, а Викторіану—пять; разница между ними была на цѣлыхъ девять лѣтъ, и къ тому же Лашмеръ былъ старше своего возраста. Онъ совсѣмъ не былъ въ общественной школѣ, и не рѣшился вступить въ легкомысленную университетскую республику. Что бы дѣлалъ тамъ онъ, парія, горбунъ, среди атлетическихъ и здоровенныхъ молодцовъ? Онъ былъ выращенъ въ хлопкахъ. У него былъ пожилой гувернеръ, который находился при немъ съ десятилѣтняго возраста и, окончивъ его образованіе, остался въ качествѣ библіотекаря и секретаря, и былъ еще старый слуга. Лашмеръ много путешествовалъ съ гувернеромъ и со слугой. Онъ прочиталъ гораздо

больше книгъ, чѣмъ вообще двадцатипятилѣтніе молодые люди. Онъ получилъ хорошее классическое образованіе и былъ знакомъ и съ естественными науками. Короче сказать, то былъ болѣзненный мальчикъ, вскормленный книгами; но у него былъ великодушный характеръ и сильныя гуманныя чувства. Поселяне около Лашмера обожали его. Онъ пилъ чай со старухами, читалъ имъ библію, когда онѣ бывали больны, писалъ письма для молодыхъ и старыхъ, разговаривалъ о политикѣ и о метафизикѣ съ глубокомысленными мыслителями и вносилъ свѣтъ благороднаго ума въ каторжный домъ, куда входилъ.

Лэди Лашмеръ была сильна въ политикѣ, и ея идеи о законодательствѣ были стараго торійскаго закала. Она ненавидѣла радикаловъ, и величайшимъ горемъ ея жизни было то, что лашмерскій зàмокъ находился какъ бы въ нѣдрахъ революціи. Бруммъ былъ радикаленъ до мозга костей, а Бруммъ находился всего въ какихъ-нибудь десяти миляхъ разстоянія. Бруммъ былъ центромъ свободомыслія и нигилизма, а Бруммъ былъ у ея воротъ. Еслибы у нея былъ подъ рукой Аладиновъ африканскій волшебникъ, чтобы перенести ея замокъ куда-нибудь подальше на сѣверъ или на западъ Англіи, то она дорого бы заплатила ему за эту операцію. Но лашмерскій зàмокъ крѣпко вросъ въ ненавистную почву, и такъ какъ ея лордство презирало вдовье жилище, принадлежавшее ей по праву, и любила этотъ величественный баронскій зàмокъ и его величавую обстановку, то должна была выносить сосѣдство Брумма съ его сорока тысячью радикалами.

— Это рѣшительное нарушеніе всѣхъ житейскихъ приличій!— воскликнула она.

— Въ чемъ дѣло, матушка?—спросилъ Лашмеръ, взглядывая на нее своими глубоко впавшими, задумчивыми темнокарими глазами.—Опять чтò-нибудь о Больдвудѣ?

— Разумѣется. Это низкое созданіе опять ораторствовало на новомъ митингѣ. Въ этомъ Бруммѣ, кажется, только и дѣлаютъ, что созываютъ митинги.

— У нихъ мало другихъ развлеченій,—пробормоталъ Лашмеръ.

— У нихъ есть театры и цирки и ужасные кафе-шантаны,— замѣтила ея лордство.—Неужели этого имъ мало!

— Достаточно для легкомысленнаго большинства; но тамъ есть выдающееся меньшинство, научившееся мыслить и желающее высказать свои мысли о великихъ политическихъ вопросахъ.

— Эти мыслители и ораторы—настоящая общественная язва!— воскликнула лэди Лашмеръ, бросая въ сторону газету и принимаясь

за завтракъ съ такимъ видомъ, какъ будто не находила никакого вкуса въ начиненномъ трюфелями цыпленкѣ и въ арабскихъ персикахъ.—Переобразованіе—вотъ величайшее зло нашего времени. Послѣ воплей о свободныхъ школахъ и высшемъ образованіи, они начинаютъ ворчать на тираннію обязательнаго обученія.

— Быть можетъ, потому, что мы подаемъ имъ камень вмѣсто хлѣба,—отвѣчалъ Лашмеръ своимъ кроткимъ, задумчивымъ тономъ.—Мы кормимъ голодныхъ дѣтей логикой и грамматикой, и удивляемся, что они намъ не благодарны.

— Этотъ классъ людей никогда не бываетъ благодаренъ,—сказала лэди Лашмеръ, спокойно игнорируя замѣчаніе своего пасынка.—Но, къ счастію, такихъ негодяевъ, какъ Больдвудъ, немного, иначе нашъ зáмокъ давно бы ограбили, а насъ выгнали бы на большую дорогу; этотъ Больдвудъ хуже Робеспьера. Прочитай его тираду о неравномѣрномъ распредѣленіи богатствъ, его революціонныя выходки противъ крупныхъ землевладѣльцевъ и его грубыя дерзости насчетъ герцога Нотерлэндскаго.

— Больдвудъ всегда хватаетъ черезъ край. Однако, среди этой реторической дребедени, бываютъ проблески здраваго смысла. Я прочиталъ его спичъ раньше, чѣмъ вы сошли къ завтраку. Онъ отстаиваетъ земледѣльческіе интересы довольно умно, если принять въ соображеніе, что, какъ фабричный рабочій, онъ не можетъ чувствовать особенно сильной симпатіи къ земледѣльческому классу. Его идея о раздѣленіи большихъ фермъ на нѣсколько мелкихъ участковъ и о продажѣ ихъ крестьянамъ, которые бы уплатили за нихъ по частямъ, подобно тому, какъ бѣдные люди платятъ за фортепіано фабриканту, вовсе не дурно.

— А пріятно, нечего сказать, будетъ жить въ Англіи, когда она будетъ раздѣлена на мелкіе участки въ угоду такимъ людямъ, какъ мистеръ Больдвудъ. Но, право же, Лашмеръ, мнѣ кажется, что въ душѣ ты тоже радикалъ,—прибавила лэди Лашмеръ.

— Нѣтъ, я прогрессивный консерваторъ и считаю, что настоящій консерватизмъ заключается въ томъ, чтобы какъ можно болѣе заботиться о благѣ народа. Мы можемъ научить его уважать привилегіи собственности, только познакомивъ его съ удовольствіемъ владѣть собственностью. Нѣтъ устойчивѣе консерватора, какъ рабочій, которому удалось отложить сто фунтовъ стерлинговъ.

— Ты всегда говоришь какъ книга, Лашмеръ,—подсмѣялась милэди:—я бы желала послушать, какъ ты будешь возражать этому человѣку Больдвуду на большомъ публичномъ митингѣ.

Въ душѣ она находила, что ея горбатый пасынокъ дол-

женъ показаться очень жалкимъ на общественной платформѣ; какъ слабъ покажется его тихій серьезный голосъ послѣ громоподобнаго баса Больдвуда, раскаты котораго наполняли обширное зданіе, точно рыканіе льва!

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли бы слышать меня говорящимъ въ публикѣ?—спросилъ Лашмеръ, слегка улыбаясь. Гдѣ тотъ молодой человѣкъ, который бы много думалъ и много читалъ и не желалъ высказать публично свои мысли?

— Я бы желала, чтобы кто-нибудь отдѣлалъ это животное!—отвѣчала ея лордство нѣсколько уклончиво.

— Если такъ, то я постараюсь изо всѣхъ силъ разбить его въ будущую среду. Въ городской ратушѣ собирается въ этотъ день консервативный митингъ. Полковникъ Спиллингтонъ, новый консервативный кандидатъ, будетъ говорить рѣчь своимъ избирателямъ. Ожидаютъ, что Больдвудъ явится на митингъ со всѣми своими приверженцами и что произойдетъ свалка. Спиллингтонъ просилъ меня поддержать его... и... да, я охотно возьмусь отвѣчать Больдвуду. Мой спичъ, конечно, будетъ неблестящъ; я—не ораторъ отъ рожденія, какъ Больдвудъ, но на моей сторонѣ будетъ образованіе и...

— И обаяніе громкаго имени,—прибавилъ Викторіанъ, который до сихъ поръ слишкомъ усердно ѣлъ, чтобы принимать участіе въ разговорѣ.—Я жалѣю, что слишкомъ молодъ, а то бы я знатно отдѣлалъ этого Больдвуда. Я бы его въ порошокъ стеръ.

— Какія ужасныя выраженія привозитъ этотъ мальчикъ изъ Итона!—сказала миледи съ содроганіемъ. Но затѣмъ, бросивъ нѣжный, одобрительный взглядъ на красиваго мальчика, гордо прибавила:

— Я надѣюсь, что ты будешь въ парламентѣ прежде, нежели проживешь еще десятокъ лѣтъ, Викторіанъ, и что изъ тебя выйдетъ выдающійся политикъ.

— О! я согласенъ поступить въ парламентъ лѣтъ через десять, — безпечно отвѣчалъ мальчикъ,—но прежде желалъ бы объѣздить весь континентъ, какъ сдѣлалъ Генри Сентъ-Джонъ, прежде нежели выступить кандидатомъ въ своемъ фамильномъ округѣ. Ничто такъ не расширяетъ кругозоръ, какъ дипломатія. Я поступлю въ одно изъ посольствъ; затѣмъ же, какъ окончу курсъ въ коллегіи, поступлю въ парижское посольство, если можно, чтобы какъ можно лучше познакомиться съ жизнью, прежде, нежели окунуться въ политику.

— Парижъ — превосходное мѣсто... для молодого человѣка,

который желаетъ пріятно провести время, — сказалъ Лашмеръ, улыбаясь будущему дипломату.

— Ты развѣ даромъ потерялъ тамъ время?—спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, Викъ. Я не такого сорта человѣкъ, чтобы имѣть успѣхъ въ парижскомъ обществѣ. Мои дарованія иного рода.

— Бѣдный старикъ Лашмеръ! Ты—самый умный человѣкъ, какого только я знаю. Когда я подумаю, какъ много книгъ ты прочиталъ и насколько ты лучше знаешь греческій языкъ, чѣмъ наши классные наставники, я готовъ снять передъ тобой шляпу и раскланяться. Пожалуйста, Лашъ, скажи спичъ въ среду и задай перцу этому радикалу.

— Мы послушаемъ сначала, что скажетъ на этотъ счетъ Спиллингтонъ, — спокойно отвѣчалъ Лашмеръ:—если онъ пожелаетъ, я буду говорить. Онъ долженъ пріѣхать къ намъ наканунѣ митинга и переночевать. Вы ничего противъ этого не имѣете, матушка?

Лордъ Лашмеръ всегда обращался за совѣтомъ къ мачихѣ во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, приглашеніяхъ и проч. Въ лашмерскомъ замкѣ было только четыре комнаты, въ которыхъ онъ царствовалъ безусловно. Одна изъ нихъ была библіотека и другія — его собственная гостиная, столовая и уборная. Внѣ этихъ комнатъ онъ не пользовался никакой властью. Лашмерская библіотека была одна изъ богатѣйшихъ въ Миддльширѣ... во всей Англіи. Комната, въ которой хранились эти благородныя сокровища ума, была ихъ достойна. Это былъ продолговатый и высокій покой съ каминомъ на обоихъ концахъ, причемъ дубовая отдѣлка каминовъ вышла изъ-подъ рѣзца Гринлинга Гиббонса; потолокъ тоже рѣзной дубовый и книжные шкафы въ одномъ вкусѣ съ каминной отдѣлкой. Письменный столъ лорда Лашмера и его конторка, обширное покойное кресло и хорошенькій маленькій чайный столикъ составляли всю меблировку среди этого рѣзного дуба. Единственныя цвѣтныя пятна въ ней были отъ книжныхъ переплетовъ. Лашмеры были знатоки переплетнаго дѣла за послѣднія сто лѣтъ. Они тратили тысячи на это изящное искусство. Они „бросали“ деньги, какъ выражался равнодушный свѣтъ, люди, неспособные понять, что покрышка скромнаго на видъ эльзевира должна стоить четыре или пять фунтовъ.

Гостиная Лашмера выходила въ библіотеку и показалась бы очень большой комнатой въ другомъ домѣ. Она тоже была сверху до низу уставлена полками, на которыхъ помѣщалась

спеціальная библіотека молодого пэра, для котораго книги составляли единственную роскошь въ жизни—новыя книги, новыя изданія, книги на различныхъ языкахъ, книги, составлявшія утѣшеніе ихъ владѣльца во дни физическихъ страданій и усталости; жизнь Лашмера состояла изъ краткихъ промежутковъ здоровья, чередовавшихся съ длинными періодами болѣзни. Тѣ счастливые дни, когда онъ чувствовалъ себя хорошо, онъ проводилъ на воздухѣ, наслаждался природой.

Онъ много путешествовалъ и узналъ природу въ самыхъ ея великолѣпныхъ проявленіяхъ, но ему не надо было ходить далеко за красотой. Рощи вокругъ Лашмера, низкіе холмы и пасторальныя долины, извивающійся Эвонъ и англійскія изгороди могли удовлетворить потребностямъ его души.

„Еслибы только у меня былъ товарищъ, кому бы я могъ сообщать всѣ мои дикія фантазіи, я былъ бы вполнѣ счастливъ,—съ сожалѣніемъ думалъ онъ иногда.—Но у меня нѣтъ его. Викторіанъ подниметъ меня на смѣхъ, а милэди подниметъ брови и внутренно спроситъ себя:—нѣтъ ли въ крови Лашмеровъ частицы безумія?"

II.

Полковникъ Спиллингтонъ обѣдалъ въ лашмерскомъ за́мкѣ наканунѣ дня, когда назначенъ былъ митингъ. Это былъ хорошій типъ англійскаго офицера, прямой, рѣзкій, откровенный, ограниченный и честный, стойкій консерваторъ и настоящій джентльменъ. Онъ былъ достаточно хорошей фамиліи, чтобы его могла выносить дочь великой лэди Питлэндъ. По крайней мѣрѣ, въ его родѣ не было торговцевъ, а потому онъ былъ достоинъ сидѣть за столомъ лэди, богатство которой, главнымъ образомъ, было каменноугольнаго происхожденія и которая презирала торговлю. Онъ не особенно розово смотрѣлъ на свое избраніе и сила радикаловъ въ Бруммѣ внушала ему опасенія.

— Но вѣдь должны же здѣсь быть и порядочные люди?—спросилъ онъ.

— Боюсь, что нѣтъ,—отвѣчала милэди.—Еслибы здѣсь были порядочные люди, то такая личность, какъ Больдвудъ, не могла бы существовать.

— Къ несчастію для насъ, матушка, прошли тѣ дни, когда несноснаго гражданина можно было отослать къ его ремеслу или даже выставить у позорнаго столба. Больдвудъ—мирный человѣкъ въ частной жизни, хотя и бушуетъ на платформахъ.

— Кто этотъ Больдвудъ?—спросилъ полковникъ:—всѣ толкуютъ мнѣ про него съ тѣхъ поръ, какъ я согласился выступить кандидатомъ отъ Брумма; а такъ какъ я чужой въ этой мѣстности, а его репутація чисто мѣстная, то сознаюсь, что рѣшительно не имѣю понятія, что̀ это за страшный антагонистъ, котораго мнѣ предстоитъ завтра встрѣтить.

— Мистеръ Больдвудъ—жрецъ передового радикализма,—отвѣчалъ Лашмеръ.—Онъ вѣритъ въ естественное право каждаго человѣка захватить въ свои руки чужую собственность. Онъ непоколебимо стоитъ на старомъ тезисѣ: la proprіété, c'est le vol. Первый человѣкъ, который отгородилъ свое поле—былъ врагомъ человѣчества. Онъ—заклятый врагъ землевладѣльца и фабриканта. Его боги—Руссо̀ и Карлъ Марксъ. Онъ желалъ бы уравнять всѣ слои общества, воюетъ съ привилегированными классами, готовъ стереть съ лица земли нашъ домъ или превратить его въ фаланстеръ или больницу, упразднить монархію и палату лордовъ и учредить сенатъ изъ рабочихъ людей, среди которыхъ образованные и интеллигентные люди должны приходиться одинъ на трехъ. Онъ хотѣлъ бы всеобщаго мира, всеобщей свободы торговли; такъ какъ другія націи могутъ не раздѣлять этихъ воззрѣній, то онъ желалъ бы, чтобы Англія отправилась къ нимъ проповѣдывать это новое евангеліе и подставляла бы лѣвую щеку тому, кто ударитъ ее по правой.

— Вы говорите, онъ хорошій ораторъ?

— Я никогда не слыхалъ его; но мнѣ говорили, что онъ великолѣпенъ. Я жду съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня. Мы можемъ оказаться въ меньшинствѣ, но въ Бруммѣ довольно консерваторовъ, не смотря на сомнѣнія милэди, и мы помѣряемся силами. Изъ того, что̀ я слышалъ вообще про Больдвуда, я заключаю, что онъ не совсѣмъ невѣжда; нѣкоторые утверждаютъ даже, что онъ—джентльменъ по рожденію и получилъ ученую степень въ Оксфордѣ. Однако мнѣ трудно этому повѣрить, судя по внѣшности этого человѣка. Его показали мнѣ разъ на улицѣ, когда я проѣзжалъ по Брумму—великанъ съ нечесанными волосами, грязно одѣтый и съ неуклюжей походкой. Я не разглядѣлъ его лица, но имѣю полное понятіе объ его общемъ видѣ. Онъ—механикъ, заработываетъ большія деньги и считается геніемъ въ своей профессіи. Онъ не уроженецъ Брумма, и не думаю, чтобы кто-нибудь здѣсь зналъ о его прошедшемъ. Онъ—невѣрующій, и гордится этимъ. Онъ пріѣхалъ сюда семь лѣтъ тому назадъ съ женой и ребенкомъ. Жена вскорѣ умерла, но

онъ не женился вторично. Вотъ, полковникъ, все, что мнѣ извѣстно о Джонатанѣ Больдвудѣ.

— Я не боюсь этого джентльмена,—сказалъ весело полковникъ:—онъ увидитъ, что меня трудно обратить въ бѣгство. Но я разсчитываю на васъ, чтобы возражать ему. Я не ораторъ.

— Джентльменъ всегда справится съ хамомъ, — замѣтилъ Викторіанъ, который опустошалъ корзинку съ персиками въ то время, какъ старшіе занимались разговорами.

— Но не тогда, когда хамъ въ своей сферѣ и его окружаютъ пятьсотъ или шестьсотъ хамовъ, готовыхъ его поддерживать,—замѣтилъ Спиллингтонъ. -- Кстати, Лашмеръ: сколько народу вмѣщаетъ въ себя ваша ратуша?

— Полторы тысячи, и изъ нихъ навѣрное слишкомъ половина будетъ приверженцевъ Больдвуда. Но пусть это васъ не тревожитъ, такъ какъ добрая половина изъ нихъ не пользуется избирательными правами.

Митингъ назначенъ былъ въ восемь часовъ, а потому обитатели зàмка, послѣ поздняго полдника, отправились въ Бруммъ тотчасъ послѣ чая. Ужинъ послѣ митинга долженъ былъ служить замѣной восьмичасовому обѣду. Все это было какъ слѣдуетъ разъяснено полковнику Спиллингтону, который любилъ покушать и очень одобрялъ лашмерскаго chef. Онъ сильно померъ на полдникъ, разсчитавъ, что не скоро опять сядетъ за столъ, снабженный обильными яствами. Онъ ненавидѣлъ чай, кэки, поджареный хлѣбъ и всѣ тѣ лакомства, какими Викторіанъ наѣдался за пятичасовымъ чаемъ, когда небольшое общество собралось въ будуаръ лэди Лашмеръ, гдѣ былъ сервированъ чай.

— Попробуйте шоколаднаго кэка, полковникъ, онъ необыкновенно какъ вкусенъ, — предлагалъ Викторіанъ съ набитымъ ртомъ.

— Благодарю, мой другъ. Я уже лѣтъ двадцать какъ не беру въ ротъ сладостей и боюсь чаю. Онъ разстроиваетъ мнѣ желудокъ. Я бы охотно выпилъ содовой воды съ водкой, если можно,—вопросительно взглянулъ онъ на лэди Лашмеръ.

— Разумѣется, — отвѣтила любезно милэди, хотя внутренно прониклась презрѣніемъ къ человѣку, котораго требовалось постоянно поддерживать водкой съ содовою водой.

Лашмеръ позвонилъ.

— Надо запастись храбростью, полковникъ,—замѣтилъ онъ, смѣясь.

— Вы увидите, полковникъ, что Больдвудъ похожъ на Го-

меровскаго циклопа,—вмѣшался Викторіанъ.—Я слышалъ, что онъ много лѣтъ прожилъ съ цыганами и что жена его была цыганка. Онъ очень грубъ, полковникъ. Я не удивлюсь, если онъ вступитъ съ вами въ рукопашный бой на платформѣ.

— Если дѣло дойдетъ до рукопашной, то я радъ съ нимъ помѣряться, — засмѣялся полковникъ. — Меня пугаютъ только словопренія.

Они выѣхали изъ дому въ началѣ седьмого часа, намѣреваясь пораньше пріѣхать въ ратушу, гдѣ кандидатъ долженъ былъ встрѣтиться съ своимъ агентомъ и нѣкоторыми консервативными столпами въ Бруммѣ.

Былъ чудный лѣтній вечеръ, тихій, мирный; воздухъ напоенъ былъ благоуханіями, и ѣхать въ покойномъ ландо лэди Лашмеръ было очень пріятно.

— Прелестная мѣстность,—похвалилъ полковникъ,—но я все-таки удивляюсь, какъ вы можете проводить бо̀льшую часть года въ лашмерскомъ за̀мкѣ?

— Я люблю деревню, а Лашмеръ ненавидитъ Лондонъ, — отвѣчала милэди.—Но, вѣроятно, когда Викторіанъ выростетъ, мнѣ придется проживать бо̀льшую часть года въ Гросвеноръ-скверѣ.

— Я не буду жить въ Лондонѣ,—презрительно отвѣчалъ ея сынъ.—Когда я выйду изъ университета, я намѣренъ узнать жизнь. Я буду путешествовать по Европѣ. Я хочу быть свѣтскимъ человѣкомъ.

— Вамъ лучше пожить въ Лондонѣ, если вы хотите узнать жизнь,—сказалъ полковникъ.—Человѣкъ, который не ознакомился съ свѣтской азбукой въ Лондонѣ — навсегда остается полу-дикаремъ. Принято толковать о превосходствѣ иностранныхъ манеръ, но человѣкъ, воспитавшійся на континентѣ, вообще бываетъ тигромъ, а не львомъ.

— Ну, такъ и я буду тигромъ,—твердо отвѣтилъ Викторіанъ.

Они подъѣзжали къ Брумму, и это стало замѣтно по окружающей атмосферѣ. Чистый, ароматическій воздухъ сталъ отдавать дымомъ и копотью. Высокія трубы показались на синемъ горизонтѣ, цѣлый лѣсъ трубъ. И вскорѣ великолѣпное ландо̀ милэди, съ его большими гнѣдыми конями, кучеромъ въ бѣломъ парикѣ и напудреннымъ выѣзднымъ лакеемъ, его гербами на дверцахъ и блестящей упряжью, ослѣпило глаза ремесленниковъ и фабричныхъ дѣвушекъ, показавшихся на закопченыхъ людныхъ улицахъ. Уличные мальчишки бѣжали слѣдомъ, крича „ура“. А одинъ изъ этихъ востроглазыхъ сорванцовъ, усмотрѣвъ кривую линію,

образуемую спиной Лашмера въ профиль, завопилъ:—Ай, ай! поглядите-ка—горбунъ!

Тонкій слухъ Лашмера уловилъ это восклицаніе, и тонкія губы его слегка искривились отъ внутренней боли. Онъ столько разъ слышалъ это восклицаніе раньше. Оно не было для него чѣмъ-то новымъ. Онъ зналъ, что онъ—существо, отличное отъ другихъ, заклейменное природой. Богатство, высокое общественное положеніе и образованіе не могли измѣнить того, что сдѣлала въ злосчастную минуту природа. Творческая рука, отлившая столько мастеровыхъ и землепашцевъ, нищихъ и воровъ, въ безукоризненную съ головы до ногъ форму, дрогнула, создавая послѣдняго лорда Лашмера, и онъ долженъ былъ нести за это наказаніе. Онъ переносилъ свое несчастіе такъ терпѣливо, какъ переносилъ другое, не менѣе тяжелое, бремя невралгическихъ страданій, которыя терзали его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ только себя помнилъ. Онъ мужественно боролся съ несчастіемъ; онъ упражнялъ бѣдное, слабое тѣло, сколько могъ: за веслами въ лодкѣ, въ сѣдлѣ на верховомъ конѣ, въ прогулкахъ пѣшкомъ. Онъ, горбунъ, былъ искуснымъ гимнастомъ, но онъ никогда не показывалъ своего искусства въ публичныхъ гимнастическихъ залахъ. Онъ тонко понималъ всю смѣшную сторону такого безумнаго тщеславія.

Митингъ созванъ былъ мѣстной консервативной ассоціаціей, но публика допускалась не по билетамъ. Зала была открыта для всѣхъ и задолго до начала рѣчей была биткомъ набита народомъ. Большая, продолговатая зала кишмя-кишѣла неумытымъ или плохо вымытымъ человѣчествомъ, толпой, облеченной въ истасканное, грязное платье, жирныя пятна котораго блестѣли при свѣтѣ газа. Для лэди Лашмеръ, сидѣвшей на платформѣ, это море головъ, озаренное грубымъ желтоватымъ пламенемъ, казалось настоящимъ пандемоніумомъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ представлялись ея непривычному глазу воплощенными бѣсами, злыми, осклабившимися бѣсами.

Предсѣдатель открылъ засѣданіе миролюбивымъ, избитымъ спичемъ, повторивъ привычныя общія мѣста. Страна находится наканунѣ кризиса, кризиса, въ которомъ равно замѣшаны національные интересы и личные интересы: торговля, общественная безопасность, миръ внутри страны, честь въ сношеніяхъ съ чужими краями. Пришло время, когда консервативная партія призвана выступить изъ-за кулисъ, за которыми держала ее скромность, короче сказать, пришло время дать толчокъ, дать сильный, здоровый толчокъ общественнымъ дѣламъ.

Таковъ былъ популярный слогъ предсѣдателя, который, какъ онъ вообще убѣдился изъ опыта, всегда выручаетъ передъ собраніемъ, состоящимъ изъ смѣшанныхъ элементовъ.

Но въ настоящемъ случаѣ, прежде нежели консерваторы успѣли перейти къ рукоплесканіямъ, раздался чей-то грубый голосъ въ заднихъ рядахъ собранія, провозгласившій:

— Да, и перевернуть верхъ дномъ общественное зданіе; это самое вы, консерваторы, всегда и дѣлаете, когда начинаете свои толчки.—Это восклицаніе возбудило смѣхъ и испортило весь эффектъ предсѣдательской рѣчи.

А теперь наступилъ чередъ кандидату выступить передъ публикой и отрекомендоваться ей, что̀ онъ и сдѣлалъ въ нѣсколькихъ избитыхъ, шаблонныхъ выраженіяхъ. Жители Брумма слышали такіе спичи съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ у нихъ явились уши для выслушиванія политическихъ преній. Полковникъ Спиллингтонъ былъ плохой ораторъ и ничего не могъ сказать новаго. Но онъ былъ добродушный человѣкъ и съ очень пріятнымъ обращеніемъ. У него было тоже нравственное мужество, чтобы отстаивать свои убѣжденія, и онъ бросилъ нѣсколько крупныхъ камней въ противный лагерь, несмотря на свистки и неудовольствіе большинства, такъ какъ радикалы оказались самыми многочисленными изъ присутствующихъ. Во всякомъ случаѣ, они были самые шумные. И, быть можетъ, шумъ взялъ верхъ надъ численностью.

Прежде нежели полковникъ успѣлъ сѣсть, какой-то человѣкъ очутился посреди залы, гигантъ, великанъ между карликами, такъ какъ обитатели Брумма были малорослы, отъ вредной для здоровья работы.

Смуглое, угрожающее лицо обращено было къ платформѣ, ярко освѣщенной газомъ. Круглое лицо съ широкимъ лбомъ, выдающимися скулами и массивной челюстью, съ ярко горѣвшими глазами подъ густыми бровями и цѣлымъ лѣсомъ грубыхъ черныхъ волосъ.

Лампмеръ глядѣлъ на это лицо въ оцѣпенѣніи. Ему казалось, что онъ раньше видѣлъ его, давно, многіе годы тому назадъ во снѣ, прежде нежели родился; да! въ какомъ-то мистическомъ снѣ, въ предыдущей жизни. Ему знакома была каждая черта. Да! эти черты глубоко врѣзались въ его памяти.

III.

— Я предлагаю поправку,—провозгласилъ Джонатанъ Больдвудъ, густымъ, сильнымъ голосомъ.

— На платформу! ступай на платформу, Больдвудъ!—заревѣла толпа.—Говори, молодецъ! ты всегда скажешь чтò-нибудь дѣльное. Браво, Больдвудъ! Ура! Больдвудъ!

И вся зала загремѣла такъ, какъ бываетъ въ театрѣ, при появленіи любимаго актера. Толпа расчистила путь оратору, и крики стали оглушительными въ то время, какъ онъ вскарабкался на платформу, тряхнулъ гривой, сложилъ руки и оглядѣлъ собраніе глазами, горѣвшими какъ раскаленные угли.

— Вы хотите меня послушать, друзья,—началъ онъ своимъ низкимъ, звучнымъ голосомъ.—Хорошо! Я исполню ваше желаніе. Вы уже наслушались много пустяковъ отъ этихъ господъ, теперь вы услышите нѣсколько здравыхъ словъ отъ меня.

И онъ прямо аттаковалъ спичъ полковника. Онъ пересказалъ старую, старую исторію, шагъ за шагомъ, съ революціонной точки зрѣнія. Онъ подсмѣивался надъ старинными учрежденіями, старинными мнѣніями, епископами и пэрами, церковью и государствомъ, королевскими синекурами, дворянскими ничтожествами и безполезными чиновниками. Онъ говорилъ съ ретивостью Дантона и хитростью Мирабо. Онъ говорилъ, какъ бунтовщикъ противъ Бога и королевы, и рѣчь его усыпана была богохульствами.

Когда онъ кончилъ, зала задрожала отъ рукоплесканій, сквозь которыя прорывались робкіе свистки консервативнаго меньшинства.

Гдѣ видѣлъ его прежде Лашмеръ? Въ какую эпоху его жизни мелькнуло передъ нимъ лицо, на которое онъ теперь глядѣлъ во всѣ глаза? Если не въ предыдущей жизни, то давно, давно, во дни его ранняго дѣтства.

Да! теперь онъ припомнилъ: вся сцена встала передъ нимъ.

То было во время университетской гонки. Онъ былъ совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ и стоялъ съ отцомъ и матерью на лужайкѣ въ Мортлекѣ, на зеленой лужайкѣ, осѣненной липами, на которыхъ еще не было листьевъ. Онъ держался за платье матери, бѣдной, больной матери, уже отмѣченной перстомъ смерти, хотя онъ этого и не зналъ, держался за нее внѣ себя отъ возбужденія, зараженный волненіемъ толпы, самъ хорошенько не зная, чтò такое въ немъ происходитъ.

Толпа и рѣка, казалось, оцѣпенѣли подъ холодными лучами

мартовскаго солнца въ то время, какъ двѣ лодки показались изъподъ моста.

— Вонъ тотъ великанъ, шестой нумеръ, гребетъ точно дьяволъ!—закричалъ лордъ Лашмеръ.—Если только онъ не ослабѣетъ, его лодка побѣдитъ. Я никогда еще не видывалъ такого гребца.

Онъ назвалъ человѣка по имени, но сынъ его забылъ это имя, хотя ясно помнилъ слова отца. У него была своя собственная маленькая лодка въ ту пору на Эвонѣ и онъ только-что научился грести, а потому и былъ такъ сильно заинтересованъ гонкой.

Оксфордская лодка раньше пронеслась мимо лужайки, опередивъ соперниковъ, и тогда Губертъ Лашмеръ разглядѣлъ лицо гребца: смуглое, некрасивое лицо, сильно развитыя челюсти, широкій лобъ, густыя брови, но лицо, сіявшее гордостью тріумфа и побѣды. Оксфордъ выигралъ!

Теперь Лашмеръ видѣлъ передъ собой то же лицо, спустя девятнадцать лѣтъ. Тогдашній гребецъ и теперешній рабочій-слесарь — были одно и то же лицо. Его нельзя было забыть или принять за другого.

Лашмеръ всталъ и подошелъ къ платформѣ, не обращая вниманія на взгляды толпы, устремленные на него. Но здѣсь не было уличныхъ мальчишекъ, которые бы стали смѣяться надъ его уродствомъ. Онъ стоялъ передъ людьми, а несправедливость природы внушаетъ жалость даже ничтожнѣйшимъ изъ толпы.

Онъ былъ средняго роста и пропорціонально сложенъ, начиная отъ таліи, но горбатая спина и шея, ушедшая въ плечи, слишкомъ были очевидны. Блѣдное лицо съ классическими чертами, тонкія бѣлыя руки и неопредѣлимыя словами утонченность и знатность породы заинтересовали даже грубіяновъ Брумма. Они слыхали, что лордъ Лашмеръ—ученый и поэтъ, нѣчто въ родѣ Байрона, котораго они всѣ знали и читали, въ наши дни дешевыхъ библіотекъ и передовыхъ мыслей. Имъ понравился лордъ лашмерскаго замка, несмотря на то, что они отдались идеямъ, провозглашавшимъ, что лордовъ надо упразднить, землю отъ нихъ отобрать и сдѣлать достояніемъ всей англійской націи и сравнять всѣхъ людей безъ исключенія.

Лордъ Лашмеръ заговорилъ, и всѣ слушали его въ молчаніи.

У него былъ серьезный, твердый голосъ, низкій и звучный, который отчетливо слышался даже на концѣ залы, биткомъ набитой народомъ, голосъ совсѣмъ иного тэмбра, чѣмъ у Джонатана Больдвуда, но тоже обширный по діапазону и силѣ, и болѣе красивый.

— Друзья мои,—началъ онъ,—джентльменъ, только-что говорившій съ вами, называетъ себя вашимъ другомъ, но мы всѣ знаемъ, что̀ означаетъ дружба демагоговъ. Она означаетъ желаніе пролѣзть на чужое мѣсто по чужимъ спинамъ. Вы слышали про Марата, котораго зарѣзала въ ваннѣ Шарлотта Кордé, надѣясь этимъ убійствомъ остановить потоки крови, проливаемые этимъ человѣкомъ. Я не хочу сказать, что мистеръ Больдвудъ похожъ на Марата или что ему пріятно было бы видѣть рѣки крови. Мистеръ Больдвудъ—англичанинъ, Маратъ былъ французъ, а нашъ англійскій демагогъ—съ удовольствіемъ говорю это всегда—бываетъ весьма смягченной копіей съ своего французскаго образца. Однако я все же замѣчу, что еслибы Маратъ стоялъ передъ вами на этой платформѣ сегодня вечеромъ, то онъ говорилъ бы сходно съ мистеромъ Больдвудомъ. Онъ бы попрекалъ васъ вашимъ дневнымъ трудомъ, точно работать изъ-за куска хлѣба—позорно; точно всѣ мы, королева, принцы, министры, генералы, офицеры, полководцы, юристы, землевладѣльцы, живописцы, поэты, музыканты, всѣ мы не трудимся и не производимъ то, къ чему способны или что̀ умѣемъ, въ потѣ лица. Согласенъ, что есть сыны Ваала, что бываютъ среди честной и почтенной англійской аристократіи нѣсколько заблудшихъ овецъ, но развѣ ихъ нѣтъ между рабочими? Развѣ нѣтъ между ними лѣнтяевъ, живущихъ на чужой счетъ? Волки и овцы, друзья мои, водятся на всѣхъ ступеняхъ общества, сверху до низу, и тѣ, кто толкуетъ вамъ о равенствѣ людей, говоритъ о чемъ-то такомъ, чего никогда не было и не будетъ. Развѣ Каинъ и Авель были равны передъ Господомъ? Нѣтъ: Всевышній благословилъ одного и проклялъ другого. Развѣ судьба Іакова и Исава была равна, или судьба Іосифа и его братьевъ? Развѣ природа одинаково распредѣляетъ свои дары? Вотъ я стою передъ вами, друзья мои, сегодня вечеромъ, какъ живое доказательство неравноправности людей. Что же мнѣ нарекать хулы на Бога за то, что онъ меня создалъ отличнымъ отъ другихъ людей? Нѣтъ, я несу свой крестъ, какъ и другіе люди должны нести свой. Будьте увѣрены, что у каждаго есть свое горе. Что̀ каждый изъ насъ долженъ дѣлать, это—примириться съ своей долей и стараться извлечь какъ можно больше счастія изъ жизни для себя и для другихъ, устранять зло понемногу и постепенно, а не посредствомъ внезапныхъ переворотовъ. Надо ждать, чтобы идеи реформы достаточно созрѣли, надо удерживать то, что̀ есть хорошаго въ прошлыхъ учрежденіяхъ Англіи, и отвергать все, что̀ есть въ нихъ худого; отрубать засохшія вѣтви, но стара-

тельно охранять самое дерево; вотъ что̀ я называю истиннымъ консерватизмомъ или истиннымъ либеральнымъ консерватизмомъ".

Консервативное меньшинство очень дружно рукоплескало лорду Лашмеру. Больдвудъ сидѣлъ и глядѣлъ на публику изъ-подъ нависшихъ, густыхъ бровей глазами, въ которыхъ горѣлъ сердитый огонь, глазами человѣка, который сердитъ на жизнь, на людей, на свою собственную судьбу, на міръ, въ которомъ его постигли только бѣды и несчастья. Вдругъ поднялся шумъ голосовъ, взволнованные возгласы, долетавшіе изъ толпы и среди которыхъ онъ разобралъ собственное имя, и затѣмъ послышалось слово: „пожаръ!" Въ углу платформы говорили о немъ, глядѣли на него.

Онъ наклонился къ нимъ и спросилъ:

— Что̀ случилось, товарищи?

— Вы живете въ Гольдвинѣ, да?

— Да.

— Гольдвинъ горитъ!

Демагогъ вскочилъ со стула и бросился съ платформы, расталкивая толпу и бормоча:

— Боже мой! а ребенокъ... запертъ на ключъ въ комнатѣ четвертаго этажа!

Онъ схватилъ какого-то человѣка за плечо:

— Что̀ вы слышали о пожарѣ? Правда ли? кто принесъ это извѣстіе? Когда?

— Не болѣе пяти минутъ назадъ; уже многіе побѣжали на пожаръ. Всѣ обыватели Гольдвина.

Больдвудъ не сталъ дожидаться новыхъ подробностей, а продирался къ выходу. Извѣстіе о пожарѣ уже произвело смятеніе въ залѣ, и толпа устремилась къ выходу. Пожаръ былъ такое привлекательное и интересное зрѣлище, что никакой ораторъ не могъ съ нимъ конкуррировать.

Гольдвинъ было гигантское зданіе, выстроенное на восточной окраинѣ города, наиболѣе отдаленной отъ лашмерскаго за̀мка. То была громадная модель меблированнаго дома, выстроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ другомъ человѣчества, который хотѣлъ получить всего лишь девять процентовъ на свой капиталъ. То былъ гигантскій караванъ-сарай и кишѣлъ населеніемъ подобно муравьиной кучѣ, такъ какъ онъ былъ все же гораздо лучше чердаковъ и подваловъ, служившихъ жилищемъ населенію центра города, въ томъ отношеніи, что защищалъ отъ непогоды, чего о тѣхъ нельзя было сказать. Зато плата,

взимаемая за комнаты, была довольно высока, и только самые богатые изъ рабочаго класса могли жить въ Гольдвинѣ.

Больдвудъ занималъ тамъ двѣ комнаты: два небольшихъ ящика въ четвертомъ этажѣ, одинъ съ каминомъ, другой безъ онаго. Комнату съ каминомъ онъ отвелъ подъ спальню своей маленькой дочери, а самъ спалъ въ холодной. Въ Гольдвинѣ была общая кухня, въ которой обитатели могли варить себѣ пищу, и была общая прачешная, гдѣ женщины сравнивали свои лохмотья и пересказывали другъ другу свои горести; и была также клубная комната, гдѣ мужчины курили, говорили о политикѣ и играли въ домино. Клубъ этотъ былъ, само собой разумѣется, неугасимымъ очагомъ соціализма.

Для обитателей чердаковъ и подваловъ Гольдвинъ казался дворцомъ и жить въ Гольдвинѣ считалось почетнымъ. Гольдвинъ представлялъ изъ себя громадное, квадратное, шести-этажное зданіе съ дворомъ по срединѣ—чудовищную груду желтаго кирпича, пробитаго окнами одного образца, раскрывающимися на крытый желѣзный балконъ: все въ немъ было прямолинейно, плоско и однообразно. Эта кирпичная громада—тому, кто глядѣлъ на нее издали—казалась безобразнѣе фабрики, тюрьмы или рабочаго дома. Для тѣхъ же богатыхъ гражданъ, кому это безобразное строеніе маскировало видъ горизонта, оно казалось какимъ-то чудовищнымъ пятномъ на горизонтѣ.

Четверть столѣтія тому назадъ благодѣтельный Гольдвинъ купилъ нѣсколько акровъ пустопорожней земли, и когда грошевыя газеты подняли неумолчный вопль о томъ, какія скверныя жилища у бѣдныхъ жителей Брумма, мистеръ Гольдвинъ выступилъ на публичномъ митингѣ и поклялся выстроить образцовое зданіе, которое будетъ раемъ для рабочаго человѣка. Пока зданіе строилось, мистеръ Гольдвинъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Бруммѣ. И только когда домъ его былъ готовъ и наемная плата за квартиры стала всѣмъ извѣстна, популярность его стала быстро падать. Но хотя цѣна была и высока, но Гольдвинъ былъ всегда биткомъ набитъ сверху до низу жильцами.

Митингъ окончился среди суматохи и спичей никто не слушалъ. Извѣстіе о пожарѣ достигло и платформы, и лордъ Лашмеръ узналъ, что радикальный вожакъ полетѣлъ спасать своего ребенка. Даже милэди выразила свою симпатію по случаю этого трагическаго обстоятельства.

— Подумать, что у этого созданія можетъ быть человѣче-

ское чувство!—воскликнула она.—Надѣюсь, что никто изъ его близкихъ не сгоритъ.

Она не уразумѣла факта, что „близкіе“ демагога ограничивались однимъ ребенкомъ.

— Я думаю, матушка, съ вашего позволенія остаться здѣсь до конца пожара, только посажу васъ въ экипажъ. Я могу достать извозчичій экипажъ и въ немъ вернуться домой.

— Я останусь съ вами,—объявилъ полковникъ Спиллингтонъ.

— И я также!—закричалъ Викторіанъ.

— Нѣтъ, Викторъ, я не позволю тебѣ толкаться среди бруммской черни!—сказала лэди Лашмеръ.—И надѣюсь, что и вы, Лашмеръ, не станете возиться съ этими грубіянами.

— Со мной онъ не подвергается никакой опасности,—замѣтилъ полковникъ,—но юный Викторъ, конечно, лучше сдѣлаетъ, если поѣдетъ съ вами, милэди, домой.

Лэди Лашмеръ протестовала и предлагала подождать въ гостинницѣ, пока ея пасынку можно будетъ ѣхать съ ней домой, но Лашмеръ на это не согласился. Онъ усадилъ милэди въ экипажъ и видѣлъ, какъ Викторіанъ неохотно усѣлся напротивъ матери. Мальчику до смерти хотѣлось какихъ-нибудь приключеній; онъ чувствовалъ въ себѣ силу работать за десятерыхъ пожарныхъ. Пожарная труба пронеслась мимо въ то время, какъ экипажъ милэди стоялъ у крыльца ратуши. Пожарные похожи были на демоновъ; уличные мальчишки вопили въ то время, какъ блестящія каски и мрачныя, рѣшительныя лица подъ ними проносились мимо. И вдругъ приходится ѣхать домой и отказаться отъ интереснаго зрѣлища! Это было тяжело для пылкаго итонскаго школьника. Ландо уѣхало. Лашмеръ и полковникъ сѣли въ кэбъ и приказали извозчику везти себя на пожарище. Возница и лошади были въ волненіи и понеслись во весь опоръ.

Нужно было проѣхать нѣсколько улицъ и большихъ площадей, расчищенныхъ подъ новыя постройки, прежде, нежели достичь сцены пожара. Наконецъ, прямо передъ собой, они увидѣли Гольдвинъ, подобно огненному столпу въ пустынѣ. Все гигантское зданіе объято было пламенемъ и дымомъ.

— Должно быть, огонь успѣлъ разгорѣться до прибытія пожарной команды,—сказалъ Лашмеръ, высовываясь изъ кэба и глядя на бушевавшее пламя.

— Она никогда не успѣваетъ прибыть во-время,—отвѣтилъ Спиллингтонъ.—Какое счастіе, что пожаръ начался не ночью. Теперь, по крайней мѣрѣ, люди не спятъ и могутъ выбраться изъ дому.

— Но дѣти?—съ тревогою въ голосѣ проговорилъ Лашмеръ.—Маленькія дѣти, которыя одни остаются въ этой Вавилонской Башнѣ! Безпечныя молодыя матери слоняются по улицамъ, а отцы слушаютъ Больдвуда. Быть можетъ, вы не знаете, что за матери выходятъ изъ фабричныхъ дѣвушекъ? Господи, спаси бѣдныхъ дѣтей! Я увѣренъ, что десятки ихъ брошены сегодня вечеромъ на произволъ судьбы.

— Ужасно!—пробормоталъ полковникъ и подумалъ, что Лашмеръ, пожалуй, и правъ.

Они подъѣхали тѣмъ временемъ къ дому, но между ними и зданіемъ стояла густая толпа народа.

— Подождите насъ!—приказалъ Лашмеръ кэбмену, выходя изъ кэба, и вмѣстѣ съ Спиллингтономъ сталъ пробираться сквозь толпу.

Наступилъ самый драматическій моментъ. Пожарныя трубы размѣстились по другую сторону зданія и пожарные дѣятельно работали, но они не могли всюду поспѣть. Предположенія Лашмера оказались вѣрными. Въ этомъ человѣческомъ ульѣ оказался цѣлый рой дѣтей, и матери бѣгали взадъ и впередъ, безъ всякаго толку, умоляя пожарныхъ, толпу и даже пространство спасти ихъ малютокъ и указывая на окно: тамъ, тамъ малютки, здѣсь другія, въ пятомъ этажѣ, седьмомъ, если считать снизу. О! проклятіе на эти высокіе дома, гдѣ дѣти могутъ заживо сгорѣть и помощь невозможна! Огонь сразу вспыхнулъ и съ удивительной силой. Все зданіе было охвачено имъ въ какой-нибудь часъ времени, но зло таилось долгіе мѣсяцы. Труба, которая проходила черезъ прачешную, кухню и клубную комнату, давно уже раскалилась до красна, а никто этого не зналъ. Они только чувствовали, что въ теплые лѣтніе вечера имъ нестерпимо жарко. Но никто не подозрѣвалъ, что существуетъ опасность; а сегодня, въ десять часовъ вечера, стѣна въ одной изъ комнатъ близъ камина вдругъ загорѣлась, затѣмъ другая, третья, пока длинный столбъ дыма и пламени не поднялся къ небу изъ средины дома, какъ разъ съ центральнаго пункта, на которомъ стояло имя Уильяма Гольдвина, благодѣтеля народа, смѣло вырѣзанное сверхъ большихъ часовъ съ чернымъ циферблатомъ и бѣлыми металлическими цифрами и стрѣлами,—часы, пробившіе многимъ рабочимъ ихъ послѣдній часъ, но которые больше не будутъ бить ни для живыхъ, ни для мертвыхъ, такъ какъ металлъ, изъ котораго состоялъ ихъ механизмъ, расплавился и сбѣжалъ въ трубу подобно потоку ртути.

Да! вопли и всплескиванія руками, и бѣготня съ растрепав-

шимися волосами были въ этотъ вечеръ удѣломъ тѣхъ безпечныхъ юныхъ матерей, которыя заперли своихъ дѣтей въ домѣ, а сами ушли гулять. Онѣ спрятали подальше спички и заперли дверь на ключъ—и воображали, что позаботились о дѣтяхъ! И вотъ теперь они оказались запертыми въ этой гигантской казармѣ, гдѣ бушевало пламя.

Но пока однѣ матери бѣгали взадъ и впередъ, расталкивая толпу, бросаясь къ незнакомымъ людямъ на шею съ истерическимъ плачемъ и мольбами о спасеніи, а другія стояли блѣдныя какъ смерть и неподвижныя, покоряясь неизбѣжной судьбѣ, одинъ отецъ энергически принялся за дѣло спасенія своего ребенка, не прося ни у кого помощи и надѣясь только на себя.

— Глядите-ка!—завопила толпа, въ то время, какъ колоссальная фигура Джонатана Больдвуда карабкалась по желѣзнымъ балконамъ, цѣпляясь за водосточныя трубы и поднимаясь все выше и выше.—Глядите-ка! вотъ это человѣкъ съ львинымъ сердцемъ. Дочка у него заперта въ четвертомъ этажѣ. Спаси его, Господи! Онъ задохнется прежде, нежели доберется до нея.

— Онъ успѣетъ добраться!—кричали другіе, и Лашмеру припоминалось рѣшительное, смуглое лицо, наклоненное надъ веслами.

—Еще одинъ этажъ, и онъ тамъ!—кричала толпа.

Еще послѣдній балконъ, еще послѣднее усиліе... но прежде нежели онъ успѣлъ ухватиться за рѣшетку, большой столпъ пламени и дыма вырвался изъ окошка, приходившагося какъ разъ напротивъ, и охватилъ его. Раздался такой же отчаянный вопль, какъ тогда, когда Самсонъ ухватился за колонны храма, и колонны подались, а крыша рухнула... вопль отчаявшагося титана. Толпа отпрянула назадъ съ ужасомъ, и громадная фигура упала почти къ ногамъ Лашмера.

Ни помощи, ни надежды. Демагогъ убился до смерти. Онъ испустилъ духъ безъ единаго звука.

IV.

Въ то время какъ народъ столпился около покойника, оплакивая его, сожалѣя о немъ, требуя медицинской помощи, требуя носилокъ, Лашмеръ снялъ сюртукъ, бросилъ его на руки удерживавшему его полковнику Спиллингтону и принялся карабкаться по балконамъ, точь-въ-точь, какъ это сдѣлалъ передъ нимъ Больдвудъ, но съ бо́льшей опасностью, такъ какъ дымъ и пламя усиливались съ каждой минутой. Окно за окномъ было охвачено

и извергало пламя. Зрители, не поглощенные мыслью о покойникѣ настолько, чтобы не наблюдать за живыми, вскрикнули отъ ужаса, возбужденнаго такой безумной попыткой.

Но черезъ нѣсколько минутъ зрители убѣдились, что этотъ гимнастъ нѣсколько другого сорта, нежели Больдвудъ. Тонкая, худенькая фигура была надѣлена мускулами, развитыми какъ у атлета. Длинныя руки цѣплялись за балконы и водосточныя трубы съ гибкостью и ловкостью змѣи. Неужели то былъ горбунъ, который только-что стоялъ между ними, молчаливый и сосредоточенный?

Нѣкоторые узнали лорда Лашмера, бѣднаго, больного уродца, какимъ они его считали. Другіе, знавшіе его ближе, знали и то, что онъ выработалъ изъ себя искуснѣйшаго гимнаста и выстроилъ гимнастическій залъ въ лашмерскомъ зàмкѣ, гдѣ закалилъ свое тѣло не хуже римскаго гладіатора. Для этихъ послѣднихъ нисколько не удивительно было видѣть его теперешній подвигъ. Да! они были увѣрены, что подвигъ ему удастся. То, чего не могъ выполнить Джонатанъ Больдвудъ, обезсиленный нетрезвою и сидячею жизнью, то удастся... то уже удалось горбатому лорду. Вотъ онъ уже на балконѣ четвертаго этажа, и толпа издала крикъ: ура! походившій на рыданіе.

— Принесите пожарную лѣстницу!—закричали одни, а другіе бросились за ней на ту сторону дома, гдѣ пожарные тоже спасали чужія жизни: дѣтей, старухъ, больныхъ. Но нельзя же было не спасти избавителя, героя, Геркулеса, добровольно вышедшаго на борьбу со смертью.

Погибнетъ ли онъ въ своемъ великодушномъ предпріятіи? Вотъ страшное сомнѣніе, молніей пронизавшее толпу. Даже Рахиль, оплакивавшая дѣтей, прекратила на мгновеніе свои вопли и сухими глазами, съ выраженіемъ напряженнаго ужаса на лицѣ, глядѣла на верхній балконъ, черезъ который скрылся избавитель. Какая судьба ждетъ его во мракѣ и въ дымѣ? Не погибъ ли ужъ онъ?

Нѣтъ! въ то самое мгновеніе, какъ пожарная лѣстница показалась изъ-за угла, качаясь взадъ и впередъ въ рукахъ пожарныхъ, и толпа принялась помогать имъ и подталкивать лѣстницу, къ тому мѣсту, съ котораго скрылся лордъ Лашмеръ, въ тотъ самый моментъ, какъ подоспѣла помощь, тонкая фигура безъ сюртука, выдѣляясь бѣлыми рукавами рубашки, показалась изъ дыма. Лордъ Лашмеръ стоялъ на балконѣ четвертаго этажа съ ребенкомъ на рукахъ. Ему приходилось теперь только ждать, чтобы приставили лѣстницу и оберегать себя и свой живой грузъ отъ пламени, и дѣло въ шляпѣ.

Пять, десять минутъ крайняго напряженія, и все было кончено. Лашмеръ стоялъ среди толпы съ пятилѣтней дочкой Больдвуда на рукахъ, маленькимъ, худенькимъ созданіемъ въ бѣломъ ночномъ платьицѣ, съ худенькимъ, желтенькимъ сморщеннымъ личикомъ, съ большими лучистыми глазами.

— Боже васъ благослови, сэръ! Боже васъ благослови, сэръ!

Мужчины хлопали въ ладоши; женщины цѣловали его руки, исцарапанныя, окровавленныя руки, пахнувшія дымомъ и гарью. Не было больше ни радикаловъ, ни консерваторовъ, ни ненавистнаго землевладѣльца и аристократа. Великодушное сердце толпы билось любовью, состраданіемъ, нѣжностью, безкорыстнымъ наслажденіемъ великодушнаго поступка, благородно совершеннаго.

— Клянусь Юпитеромъ, Лашмеръ, я считалъ васъ погибшимъ человѣкомъ! — кричалъ полковникъ Спиллингтонъ.—Вы, должно быть, ранены, быть можетъ, опасно ранены,—прибавилъ онъ, ощупывая плечи и руки молодого человѣка, чтобы убѣдиться: цѣлы ли у него кости.

— Нѣсколько царапинъ, не болѣе того,—отвѣчалъ Лашмеръ спокойно, и затѣмъ, обращаясь къ толпѣ, прибавилъ:

— Друзья мои, чтò это вы такъ расходились? Я увѣренъ, что каждый изъ васъ сдѣлалъ бы то же самое.

Онъ протискался сквозь толпу къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ кэбъ, вмѣстѣ съ спасеннымъ ребенкомъ на рукахъ; дѣвочка судорожно цѣплялась за него, блѣдная и испуганная, не спуская съ него своихъ лучистыхъ, огромныхъ глазъ. Спиллингтонъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

— Чтò вы намѣрены теперь дѣлать съ этимъ ребенкомъ?— спросилъ онъ.—Ее придется помѣстить въ дѣтскій пріютъ.

— Я не намѣренъ помѣщать ее въ пріютъ. Я увезу ее къ себѣ въ домъ.

— Вы хотите увезти въ лашмерскій зàмокъ ребенка Больдвуда?—удивился Спиллингтонъ.

— Почему нѣтъ? я бы призрѣлъ заблудшую собаку; почему я не могу призрѣть одинокое дитя?

— Большая разница; вы, кажется, этого не признаёте. Взять на свое попеченіе дитя радикала — дѣло очень серьезное. И будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы немедленно отвезъ ее въ пріютъ и сдалъ на руки директрисѣ. Это лучшее, чтò вы можете для нея сдѣлать!

— Я спасъ ее отъ огня и не намѣренъ снова ввергать въ огонь,—рѣшительно отвѣтилъ Лашмеръ.—Она — моя по волѣ судьбы; это — мой призъ, моя награда. Она никогда, пока я живъ, не переступитъ за порогъ общественнаго пріюта.

Они уже сидѣли въ кэбѣ. Лашмеръ завернулъ въ свой сюртукъ ребенка, а самъ сидѣлъ въ одномъ жилетѣ. Онъ приказалъ кэбмену везти его къ „Джорджу“: главной гостинницѣ Брумма, покровительствуемой окрестными сквайрами, останавливавшимися въ ней, когда имъ случалось пріѣзжать въ Бруммъ.

То была старомодная гостинница, съ широкими воротами и просторнымъ дворомъ. Она была построена въ давно минувшіе дни почтовыхъ дорогъ, когда Бруммъ еще не возвышался до степени мануфактурнаго города.

Лорда Лашмера знали и почитали въ „Джорджѣ“. Сонные корридорные подавили зѣвки, низко кланяясь его лордству. Хозяйка, засидѣвшаяся за ужиномъ позже обыкновеннаго, ожидая новостей съ пожара, поспѣшила встрѣтить милорда, освѣдомляясь, не можетъ ли она быть ему полезна.

Она чуть не вскрикнула при видѣ ребенка, глядѣвшаго кругомъ себя испуганными глазами; такое жалкое, блѣдное, желтое личико было у ребенка, что хозяйка „Джорджа“ подумала, что она еще не видывала безобразнѣе ребенка.

— О! милордъ! гдѣ вы ее подобрали? Это, навѣрное, ребенокъ изъ Гольдвина?

— Это дочь Больдвуда,—отвѣчалъ полковникъ,—и милордъ рисковалъ жизнью, чтобы спасти ее. Кстати, что̀ вы выпьете, Лашмеръ, для подкрѣпленія силъ? Шампанскаго или содовой воды съ водкой?

— Я выпью содовой воды съ водкой, если хотите, — отвѣчалъ Лашмеръ. — Не одолжите ли вы мнѣ какую-нибудь шаль, мистриссъ Сейкмуръ?—спросилъ онъ раболѣпно присѣдавшую хозяйку.—И не можете ли вы достать мнѣ пару лошадей, которыя бы отвезли насъ въ Лашмеръ? Я боюсь, что милэди будетъ безпокоиться, пока мы не вернемся въ за̀мокъ.

— Разумѣется, милордъ.

И мистрисъ Сейкмуръ позвонила въ колокольчикъ. — Скажите Джо, чтобы онъ запрягалъ въ ландо̀ сѣрыхъ коней, и какъ можно скорѣе. А вы, Мэри, бѣгите ко мнѣ и принесите одну изъ моихъ шалей, теплую, вязаную, въ нижнемъ ящикѣ, знаете, моя душа. Не таращите глазъ, точно дурочка.

Мэри глазѣла на темнокожую дѣвочку на рукахъ у лорда Лашмера.

— Папочка! — вдругъ закричала дѣвочка жалобнымъ голосомъ, и большіе черные глаза наполнились слезами. — Гдѣ мой папочка? Я хочу видѣть папочку!

Лордъ Лашмеръ безпомощно глядѣлъ на нее. Что̀ могъ онъ

сказать или сдѣлать для утѣшенія ея, не солгавъ? Маленькое существо принялось судорожно рыдать.

— Папочка!—кричала она:—гдѣ папочка? Онъ сгорѣлъ въ огнѣ? онъ раненъ? Пустите меня къ папочкѣ!

— Потомъ, потомъ, моя душечка!—тихо пролепеталъ Лашмеръ.—Дайте ей молока и бисквитъ, мистриссъ Сейкмуръ. Бѣдняжка, можетъ быть, голодна.

— Бѣдное дитя,—сказала хозяйка,—хочешь сладкаго кэка, моя душа? Мэри, принесите стаканъ молока и кэкъ.

Но, когда хозяйка пыталась взять ребенка изъ рукъ милорда, маленькая дѣвочка изо всѣхъ силъ уцѣпилась за Лашмера.

— Отведите меня къ папочкѣ, — молила она, хмуря брови при видѣ улыбавшагося лица мистриссъ Сейкмуръ и не принимая отъ нея никакихъ ласкъ.

— Честное слово, Лашмеръ, вы ужъ черезъ-чуръ носитесь съ этимъ ребенкомъ! — закричалъ Спиллингтонъ, который выпилъ содовую воду съ водкой и нетерпѣливо желалъ уѣхать.

Для человѣка необѣдавшаго такая нескончаемая отсрочка ужина казалась мученьемъ.

— Вамъ бы, право, слѣдовало поручить на ночь дѣвочку хозяйкѣ, а завтра утромъ она передастъ ее кому слѣдуетъ. Я никогда не видѣлъ такой обезьяны. Она черна какъ Эребъ. Въ ней, должно быть, есть арабская кровь.

— Въ ней цыганская кровь, сэръ; каждый знаетъ, что жена Больдвуда была цыганка.

— Готова ли коляска?—спросилъ Лашмеръ.

Хозяйка закричала въ трубу, которая сообщалась съ конюшней. Послышались таинственные звуки, точно голоса изъ міра духовъ.

— Черезъ пять минутъ, милордъ.

Мэри, главная горничная, принесла тѣмъ временемъ молоко и кэкъ, и Лашмеръ пытался уговорить дѣвочку выпить молоко и съѣсть бисквитъ. Тщетно! Она плакала и отталкивала его ласковую руку.

— Гдѣ мой папочка? — безнадежно вопрошала она.

Лашмеръ завернулъ ее въ шаль и снесъ въ ландо, одну изъ тѣхъ просторныхъ колымагъ, которыя еще водятся въ провинціальныхъ гостинницахъ, какъ будто предназначенныя для восьмерыхъ. Она была стара, но покойна. Полковникъ Спиллингтонъ застегнулъ пальто на всѣ пуговицы и забился въ уголъ.

— Еслибы только эта дѣвчонка не помѣшала мнѣ выспаться, — думалъ онъ, и Провидѣніе сжалилось надъ нимъ, по-

тому что прежде, нежели они оставили далеко за собой каменныя строенія Брумма, дочь Больдвуда заснула крѣпкимъ сномъ, и полковникъ могъ, въ свою очередь, захрапѣть.

Но глаза Лашмера ни разу не сомкнулись въ эту долгую поѣздку при свѣтѣ лѣтнихъ звѣздъ. Онъ думалъ о мертвомъ лицѣ, искаженномъ отъ удара о мостовую, отъ котораго сломался позвоночный столбъ и треснула одна половина черепа, о смугломъ, энергическомъ лицѣ, въ которомъ каждая черта говорила о мощномъ умѣ въ мощномъ тѣлѣ. И этотъ человѣкъ, имѣвшій такое большое вліяніе на большой рабочій улей, этотъ смѣлый ораторъ и дерзкій мыслитель, человѣкъ, изрекавшій хулу на Создателя и ненавидѣвшій болѣе счастливыхъ своихъ собратій, исчезъ на вѣки,—отъ него остались одни только бренные останки, которые схоронятъ въ землѣ и позабудутъ.

Всѣ радикалы и свободные мыслители въ Бруммѣ пожалѣютъ объ агитаторѣ; но, быть можетъ, одно только это безпомощное маленькое существо, эта пятилѣтняя дѣвочка будетъ отъ души оплакивать человѣка.

И онъ былъ когда-то джентльменомъ. Какія тяжкія испытанія, какіе горькіе соблазны, ошибки, заблужденія легли между тріумфомъ оксфордскаго студента и страшною смертьюруммскаго слесаря? Книги, прочитанныя Лашмеромъ, научили его, что главныя бѣдствія людей происходятъ отчасти отъ нихъ самихъ, и онъ не могъ не подумать, что навѣрное этотъ слесарь согрѣшилъ передъ Богомъ или обществомъ, прежде, нежели обратился въ бруммскаго демагога.

Было уже половина второго, когда сѣрые кони изъ „Джорджа“ въѣхали въ аллею, которая вела къ лашмерскому зàмку. Рѣка сверкала, озаренная звѣздами, таинственная, прекрасная, среди береговъ, поросшихъ ивами. Въ окнахъ зàмка тоже былъ свѣтъ, и сѣни, куда вышли лэди Лашмеръ и Викторіанъ, на-встрѣчу прибывшимъ, тоже были освѣщены.

— Мой дорогой полковникъ, я думала, что вы никогда не вернетесь,—вскричала милэди.—Какъ страшно вы, должно быть, проголодались!

И вдругъ она вздрогнула при видѣ Лашмера, державшаго на рукахъ ребенка, завернутаго въ красную шаль:

— Боже мой, Лашмеръ! чтò это такое вы привезли?

— Ребенка, милэди, исчадіе ада: дочь демагога Больдвуда, спасенную изъ огня вашимъ героемъ-сыномъ. Клянусь Юпите-

ромъ, лэди Лашмеръ, вы можете гордиться своимъ сыномъ, — сказалъ полковникъ, съ усиліемъ прогоняя сонливость, все еще слипавшую ему глаза.

— Вы спасли ребенка Больдвуда?—закричала милэди, глядя въ закоптѣлое лицо Лашмера и затѣмъ оглядывая его платье, ободранное во многихъ мѣстахъ и обгорѣвшее. Но какимъ образомъ?

— Онъ забрался на четвертый этажъ по водосточнымъ трубамъ — самый геройскій поступокъ, какого я когда-либо былъ свидѣтелемъ, — отвѣтилъ полковникъ. — Я дивлюсь, что привезъ вамъ вашего сына живымъ, лэди Лашмеръ.

— Лашмеры всегда были храбрыми, — сказала съ достоинствомъ и милэди, и съ нѣкоторымъ формализмомъ, отъ котораго похолодѣла душа у полковника, поцѣловала пасынка въ лобъ.

— Вы не имѣли права рисковать жизнью изъ-за отродья демагога, —сказала она.— Почему же мистеръ Больдвудъ не могъ спасти ребенка?

— Онъ пытался-было, да убился при этомъ, — отвѣчалъ полковникъ.

— Больдвудъ убился?

— Да. Онъ больше не потревожитъ насъ съ вами, матушка. Его больше нѣтъ въ живыхъ, и это его сиротка-дочь.

— Но, ради самого неба, къ чему вы привезли ее сюда? Почему вы не передали ее кому слѣдуетъ?

— Вотъ и я то же говорю,—замѣтилъ полковникъ, всей душой стремясь къ ужину.

— Скажите, пожалуйста, кому же слѣдовало передать эту пятилѣтнюю сиротку? — рѣшительно спросилъ Лашмеръ.

— Какъ кому? въ дѣтскій пріютъ!

— Вотъ и я то же говорилъ лорду Лашмеру,—вторилъ полковникъ.

— И вы бы хотѣли, чтобы она начала жизнь какъ нищая и воспиталась бы какъ нищая?

— Воспиталась бы, чтобы быть хорошей служанкой—самое лучшее положеніе для молодой особы. Знаете ли, полковникъ Спиллингтонъ, что я плачу своимъ подгорничнымъ двадцать фунтовъ стерлинговъ въ годъ, причемъ съ подарками это составитъ и всѣ тридцать. Самая покойная и вѣрная карьера для молодой женщины, Лашмеръ.

— Пока я живъ, она не будетъ горничной, — твердо сказалъ Лашмеръ.—Кто изъ женской прислуги не спитъ? — обратился онъ къ лакею.

— Только горничная милэди, милордъ.

У милэди было двѣ горничныхъ. Она мало пользовалась ихъ услугами, будучи женщиной очень дѣятельной и совсѣмъ не лѣнивой. Но двѣ горничныя полагались ей по этикету, и ея гордость, а не лѣнь, требовала такого штата.

— Позвольте мнѣ попросить Баркеръ объ услугѣ? — спросилъ лордъ Лашмеръ.

— Разумѣется.

Баркеръ была подгорничная и очень милая особа, лѣтъ тридцати-пяти, которая зажигала свѣчи и прибирала комнаты милэди, не гнушаясь иногда взять въ руки метлу.

Баркеръ позвали, и она пришла, заспанная, но улыбающаяся, чтобы выслушать приказъ отъ милэди.

— Лордъ Лашмеръ желаетъ, кажется, поручить вашимъ заботамъ ребенка, Баркеръ,—сказала лэди Лашмеръ.—Вы можете, я думаю, положить ее на сегодняшнюю ночь въ свою постель, но сначала сдѣлайте ей теплую ванну. А волосы, я думаю, ей лучше остричь совсѣмъ, подъ гребенку.

— У ребенка нѣтъ скарлатины, матушка.

— Кто знаетъ? У бѣдныхъ людей бываютъ постоянно всякія болѣзни. Во всякомъ случаѣ она навѣрное очень грязна. Пожалуйста, Баркеръ, выкупайте и обстригите ее.

Ребенка вынули изъ шали, и Лашмеръ передалъ его на руки Баркеръ, причемъ бѣленькое платьице и голыя ножки дѣвочки послужили наилучшимъ опроверженіемъ словъ милэди. И платьице, и ножки были безукоризненно чисты.

— Что за безобразный ребенокъ!—закричала лэди Лашмеръ, и затѣмъ, видя, что полковникъ Спиллингтонъ стоитъ задумчивый, уставясь на покрытый для ужина столъ, сжалилась надъ нимъ.

— Унесите ребенка, Баркеръ, и устройте ее какъ только можно лучше, — сказала она. — А теперь будемъ ужинать. Вы, должно быть, страшно проголодались.

— Признаюсь, да, — отвѣчалъ полковникъ; онъ оживалъ, усаживаясь за столъ, и, раскрывая салфетку, съ интересомъ оглядывалъ то, чтò на немъ стояло.

Майонезъ изъ омара, жареные холодные цыплята и русскій саладъ, съ обильною примѣсью сметаны... гм! все это только закуски... но вотъ лакей подалъ ему горячую котлетку à l'indienne, а буфетчикъ сталъ раскупоривать бутылку шампанскаго. Въ сущности, сытымъ можно быть.

— Лашмеръ, неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, вскарабкался на

балконъ четвертаго этажа? Я знаю Гольдвинъ: тамъ весь фасадъ въ балконахъ... точно рѣшетка. Я бы самъ могъ, вѣроятно, это сдѣлать, но все же, должно быть, это было чертовски трудно. Я завидую тебѣ!—сказалъ Викторіанъ.

— Надѣюсь, что ты никогда не сдѣлаешь ничего вполовину такого дикаго, —замѣтила лэди Лашмеръ ѣдко.

Впервые она давала волю своему раздраженію; но блѣдность ея красиваго лица, гнѣвный блескъ въ глазахъ показывали, въ какомъ она находится состояніи духа съ той минуты, какъ увидѣла ребенка Больдвуда на рукахъ у пасынка. Она была, однако, настолько умна, чтобы не дѣлать сценъ. Лашмерскій замокъ принадлежалъ лорду Лашмеру; онъ былъ въ немъ хозяинъ, а она сама, какъ ни казалась всесильной домочадцамъ и сосѣдямъ, была въ немъ не болѣе какъ гостья. Если Лашмеру вздумалось привезти въ замокъ нищенское отродье и выращивать его въ немъ, подобно всякому другому комнатному животному, то не дѣло милэди вмѣшиваться въ это. Сознаніе своего безсилія только усиливало ея неудовольствіе.

— Викторіанъ, тебѣ давно пора спать!—воскликнула она.— Покойной ночи, полковникъ Спиллингтонъ, или, вѣрнѣе, добраго утра. Я оставлю васъ и Лашмера вдвоемъ, если позволите.

Она пожала руку полковнику, поцѣловала пасынка въ лобъ и ушла, охвативъ рукой своего мальчика за шею.

— Какой чудесный малый, нашъ Лашмеръ!—сказалъ Викторіанъ, поднимаясь съ матерью по лѣстницѣ.—Такой спокойный, скромный и ловкій. Я бы желалъ, чтобы у него была такая же прямая спина, какъ и у всѣхъ людей. Онъ такъ покорно переноситъ свое несчастіе.

— И я бы желала этого,—отвѣчала милэди:—тогда бы онъ не привезъ въ замокъ отродье радикала.

— О! но почему же? если онъ думаетъ обезпечить бѣдную сиротку, онъ помѣститъ ее въ дешевую школу... или пріютъ, знаете; онъ достаточно богатъ, чтобы заниматься благотворительностью.

Лордъ Лашмеръ не помѣстилъ дочь радикала въ дешевую школу; онъ не сталъ также приставать къ друзьямъ и пріятелямъ съ тѣмъ, чтобы они помѣстили сиротку въ какой-нибудь пріютъ, содержавшійся на средства благотворителей. Стеллѣ не суждено было попасть подъ кровъ заведенія, предназначеннаго для бездомныхъ сиротъ. Судьбой опредѣлено было Стеллѣ воспитываться въ домѣ англійскаго нобльмена и привыкать къ роскоши и утонченности, составляющей атмосферу тѣхъ, кто родился въ пурпурѣ.

Тщетно дочь великой лэди Питлэндъ протестовала противъ безумной затѣи пасынка усыновить нищенское отродье и намекала, что въ этомъ проглядываетъ копыто соціализма. Тщетно содрогалась она отъ такого поруганія наслѣдственныхъ палатъ. Лашмеръ былъ твердъ, какъ утесъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ спокойныхъ, несообщительныхъ молодыхъ людей, которые не скоро на что-нибудь рѣшаются, но, разъ рѣшившись, непоколебимо стоятъ на своемъ.

— Я рѣшилъ это въ то время, какъ ѣхалъ домой, матушка, —объявилъ онъ спокойно, мягко, но тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, который милэди слишкомъ хорошо знала.—Спиллингтонъ и дѣвочка спали, и у меня было время обсудить дѣло со всѣхъ сторонъ. Я хочу усыновить дочь Больдвуда и воспитать ее, какъ мою родную дочь. Есть много причинъ въ пользу моего проекта и ни одной противъ него. Я давно желаю имѣть существо, которое бы могъ любить, какое-нибудь юное созданіе, вполнѣ отъ меня зависящее и которое я самъ бы воспиталъ. Я очень люблю Викторіана, но онъ не можетъ быть моимъ постояннымъ товарищемъ. Ему надо пока учиться, а затѣмъ заботиться о томъ, чтобы составить себѣ карьеру. Но одинокая маленькая дѣвочка, которую я могу воспитать какъ хочу—она будетъ мнѣ какъ разъ тѣмъ товарищемъ, о которомъ я вздыхаю. Немного выше собачки и немного ниже равнаго мнѣ существа.

— Ты скоро увидишь, что она страшно стѣснитъ тебя. Если, напримѣръ, ты вздумаешь жениться.

— Я никогда не женюсь, никогда не буду имѣть родныхъ дѣтей. Къ тому времени, какъ эта дѣвочка подростетъ, я уже успѣю состариться. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ въ старости. Мнѣ недавно сказали — вы помните мою продолжительную консультацію съ сэромъ Уильямомъ Спенсеромъ, въ послѣдній разъ, какъ онъ пріѣзжалъ сюда — что, несмотря на мое слабое здоровье, я могу прожить до глубокой старости.

Лэди Лашмеръ замѣтно поблѣднѣла. Но она сидѣла довольно далеко отъ пасынка и глядѣла въ окно, такъ что онъ не замѣтилъ судороги, искривившей ея лицо. Она цѣлые годы твердила себѣ, что Губертъ Лашмеръ не долго проживетъ и что рано или поздно сынъ ея займетъ его мѣсто! И вотъ вдругъ теперь сэръ Уильямъ Спенсеръ объявилъ, что Лашмеръ можетъ прожить до глубокой старости! Тяжело было выслушать это извѣстіе, высказанное спокойнымъ, холоднымъ голосомъ пасынка. Она знала, что онъ—воплощенная правдивость и неспособенъ ни преувеличивать, ни искажать.

— И ты думаешь, что ребенокъ такого человѣка, какъ Больдвудъ, можетъ быть тебѣ товарищемъ и другомъ впослѣдствіи! Отродье цыганки и демагога! — вскричала лэди Лашмеръ, неспособная долѣе сдерживать свою досаду.—Ты не принимаешь въ разсчетъ наслѣдственныхъ инстинктовъ.

— Я больше вѣрю въ воспитаніе и привычки, пріобрѣтенныя съ дѣтства, нежели въ наслѣдственный инстинктъ. У дѣвочки хорошо развитый лобъ, прекрасные, ясные глаза, тонкія ноздри, тонкія губы, нѣжная кожа... она вовсе не такой ребенокъ, надъ которымъ не стоило бы поработать.

— Я, право, нахожу, что это безобразнѣйшій ребенокъ, какого только я видѣла въ жизни. Какимъ образомъ ты, такой поклонникъ идеальной красоты, можешь интересоваться такимъ уродцемъ, я, право, не понимаю.

— Она мала и смугла, но я не нахожу ея безобразной. Глаза ея сверкали, какъ звѣзды, вчера вечеромъ. По моимъ понятіямъ, изъ нея выростетъ очень интересная женщина.

— У тебя такія странныя понятія!

— Не сердитесь, матушка,—кротко успокоивалъ ее Лашмеръ. —Я согласенъ, что нѣсколько эксцентриченъ... природа, видите ли, отлила меня въ особую форму, но вѣдь, въ сущности, у меня немного прихотей. И я обѣщаюсь вамъ, что этотъ послѣдній мой капризъ не причинитъ вамъ много безпокойства. Дитя будетъ жить здѣсь въ домѣ; но вамъ незачѣмъ даже помнить объ ея существованіи. Все, что ей нужно — это пару комнатъ въ верхнемъ этажѣ, гдѣ у насъ множество комнатъ, которыя служатъ убѣжищемъ только крысамъ.

— Мышамъ, а не крысамъ,—протестовала милэди.

— Хорошо, пусть будутъ мыши. Это пріятнѣе слышать, но только это самыя крупныя и шумныя мыши, какихъ я только видѣлъ. Ну, вотъ, моя protégée прогонитъ мышей. Я найму ей няньку и отдѣлаю комнаты двѣ-три для нея и для няньки. Она будетъ жить тамъ и никому не помѣшаетъ; а когда я захочу ее видѣть, я велю привести ее въ мой кабинетъ. Вы можете ее случайно встрѣтить какъ-нибудь на лѣстницѣ или въ корридорѣ. Но вѣдь это не можетъ же васъ особенно обезпокоить, а затѣмъ вамъ нечего о ней и думать.

— Это—твой домъ, Лашмеръ. И если ты хочешь наводнить его отродьемъ соціализма, не мнѣ съ тобой спорить.

— Я надѣюсь, что наступитъ день, когда вы примиритесь съ моей пріемной дочкой; когда, быть можетъ, она будетъ служить вамъ такимъ же утѣшеніемъ, какъ и мнѣ.

— Никогда, Лашмеръ! Я могу терпѣть ея пребываніе въ этомъ домѣ изъ уваженія къ тебѣ. Я бы должна была точно такъ же подчиниться, еслибы тебѣ вздумалось завести у себя гремучую змѣю. Но я не раздѣляю твоихъ утопическихъ идей и нисколько не сомнѣваюсь, что тебѣ придется раскаяться въ своей великодушной опрометчивости прежде, нежели ты и твоя protégée проживете вмѣстѣ три года.

— Мы припомнимъ, по истеченіи этого времени, нашъ разговоръ, и я надѣюсь, что мнѣ удастся убѣдить васъ, что вы ошибаетесь,—сказалъ Лашмеръ невозмутимо.—А теперь, матушка, скажите: нѣтъ ли у васъ въ виду хорошей дѣвушки, которую я могъ бы нанять въ няньки Стеллѣ?

— Есть племянница Баркеръ; отецъ ея въ садовникахъ, какъ тебѣ извѣстно. Племянница Баркеръ просилась къ намъ въ услуженіе полгода тому назадъ.

— Я бы желалъ переговорить съ племянницей Баркеръ сегодня же утромъ.

Лэди Лашмеръ вздохнула, но приказала призвать племянницу своей горничной. Она не видѣла несносной сиротки со вчерашняго вечера. Дитя находилось на попеченіи у Баркеръ въ самой дальней комнатѣ помѣщенія, отведеннаго для слугъ. Ее пригласили на полчаса въ кабинетъ лорда Лашмера, передъ завтракомъ.

Новая обитательница зàмка не очень весело вступала въ свою новую жизнь. Безпрерывно, съ жалобными слезами и безразсуднымъ дѣтскимъ раздраженіемъ, она просилась къ отцу.—Гдѣ папочка? Отнесите меня къ папочкѣ!—вотъ былъ ея непрерывный крикъ. И Лашмеръ, при всемъ его философскомъ спокойствіи, никакъ не могъ рѣшиться сообщить ребенку печальную истину. Онъ не могъ раздавить ее словомъ: „никогда". Дѣти слишкомъ скоро познаютъ значеніе этого рокового слова. Поэтому онъ съ нѣжностью бралъ дѣвочку на колѣни, прижималъ къ сердцу и говорилъ ей, что она увидитъ своего папочку скоро, скоро.

— Когда? сегодня?—спрашивала она.

— Нѣтъ, милочка, не сегодня. Онъ уѣхалъ въ дальній путь.

— Въ Лондонъ?—спрашивала она.

— Дальше.

— Куда же?

— Въ чудную страну. И ты туда поѣдешь со временемъ и увидишься съ нимъ.

— Пустите меня къ нему теперь же.

— Нельзя, милочка.

— Хочу сейчасъ ѣхать къ папочкѣ!—закричала дѣвочка и, соскочивъ съ колѣнъ Лашмера, побѣжала къ двери.

Лашмеръ побѣжалъ за ней и удержалъ ее. Она кричала, бранилась и боролась съ нимъ.

— Я хочу къ папочкѣ! я хочу къ папочкѣ!

Онъ битыхъ четверть часа урезонивалъ и успокоивалъ ее. Но послѣ того пріобрѣлъ надъ нею вліяніе. Она съ удовольствіемъ сидѣла у него на колѣняхъ, пристально глядя на него большими черными глазами... ясными, какъ звѣзды, по его собственному выраженію. Она слушала его и какъ будто утѣшилась.

— Скажи мнѣ, крошка, какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

— Стелла.

— Стелла! Какое хорошенькое имя!

— Оно означаетъ звѣзду, — объяснила дѣвочка. — Мнѣ папочка такъ сказалъ.

— Хочешь быть моей звѣздой? Хочешь жить со мной въ этомъ домѣ и играть въ саду и кататься со мной въ лодкѣ по рѣкѣ?

Малютка вытянула шейку и выглянула въ широкое окно въ стилѣ Тюдоръ, выходившее на цвѣтникъ, и на зеленые скаты холмовъ въ паркѣ, и на яркую, голубую воду, струившуюся по долинѣ. Видъ былъ очень красивъ, въ особенности послѣ бруммскихъ пустырей, къ которымъ привыкъ глазъ малютки.

— Нѣтъ,—твердо отвѣтила она, поглядѣвши, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, на живописную картину, открывавшуюся въ окно.—Я не хочу жить съ вами; я хочу жить съ папочкой!

И вотъ, съ тѣмъ божественнымъ терпѣніемъ, съ той неизъяснимой кротостью, которыя отличаютъ тѣхъ, кто искренно любитъ маленькихъ дѣтей, Лашмеръ объяснилъ, что путешествіе ея папочки продлится очень долго; что, можетъ быть, пройдетъ лѣто и зима прежде, нежели онъ вернется назадъ или можно будетъ отвезти къ нему Стеллу.

— А до тѣхъ поръ ты не должна плакать и должна быть послушной, ради твоего папочки, Стелла; папочки бываютъ очень несчастны, если имъ говорятъ, что ихъ дѣтки дурно вели себя. Ты будешь добренькой и постараешься полюбить меня, Стелла, не правда ли? ради твоего папочки?

Дитя сдѣлало усиліе и сдавило свое маленькое сердчишко, отерло глаза, подавило рыданія и пошло вмѣстѣ съ Лашмеромъ гулять по саду и черезъ росистый паркъ къ рѣкѣ. Онъ

посадилъ ее въ свою лодку и каталъ по рѣкѣ съ полчаса или около того, и когда отвелъ назадъ въ зàмокъ, то желтыя щечки окрасились слабымъ румянцемъ, и дѣвочка съ аппетитомъ позавтракала, какъ ему потомъ сообщила Баркеръ.

Онъ увидѣлся съ племянницей Баркеръ послѣ полдника и нашелъ здоровую, краснощекую молодую дѣвушку, очень честную и смирную на видъ, и немедленно пригласилъ ее въ няньки къ Стеллѣ.

Маленькая дѣвочка отнынѣ стала называться просто Стеллой. Имя Больдвудъ было отброшено и позабыто. Затѣмъ, съ помощью и съ совѣта Баркеръ, лордъ Лашмеръ приказалъ отдѣлать двѣ комнаты въ юго-западной башнѣ, отдаленной отъ той части зàмка, гдѣ находились роскошные покои лэди Лашмеръ, и этажемъ выше, такъ что было весьма мало вѣроятно, чтобы дѣтскій голосокъ достигалъ ушей, а дѣтское личико попадалось часто на глаза милэди.

Одна изъ двухъ комнатъ была отдѣлана какъ гостиная; въ другой поставили двѣ кровати—для няньки и для ребенка. Въ верхнемъ этажѣ зàмка комнаты были биткомъ набиты хорошей, старинной, вышедшей изъ моды мебелью, и убранство комнатъ, отведенныхъ для пріемной дочки лорда Лашмера, совершилось безъ всякихъ хлопотъ. Видъ изъ оконъ башни былъ очаровательный.

— Пусть ее ростетъ среди этой чудной природы,—думалъ Лашмеръ, и затѣмъ далъ свои инструкціи племянницѣ Баркеръ, которую мы отнынѣ будемъ называть Бетси, какъ вести ребенка. Сущность этихъ инструкцій составляли: холодная вода, свѣжій воздухъ, правильное питаніе, здоровая и обильная пища. Старшей Баркеръ онъ поручилъ озаботиться о костюмѣ дѣвочки. Пусть она съѣздитъ въ Бруммъ и закупитъ тамъ все, чтò требуется, если милэди будетъ такъ добра и отпуститъ ее на нѣсколько часовъ.

— Я думаю, что я могу уладить это съ Селестиной, — замѣтила Баркеръ.

Селестина была парижанка и старшая горничная милэди, которая передѣлывала ея платья и штопала драгоцѣнныя кружева.

— Пожалуйста, уладьте это, какъ знаете, и купите ей самыя хорошія вещи, но простыя. Когда она будетъ годомъ или двумя постарше, я, можетъ быть, самъ буду выбирать ей платья. А теперь я хочу, чтобы она была одѣта всегда въ какую-нибудь легкую, мягкую шерстяную ткань, цвѣта crème, а юбокъ и всего, чтò на-

дѣвается подъ платье, должно быть какъ можно меньше, чтобы они не стѣсняли движенія ребенка.

— Господи! какія прихоти!—подумала Баркеръ, но вслухъ осмѣлилась только возразить на основаніи экономическихъ соображеній.

— Цвѣтъ crême очень марокъ, милордъ; мнѣ кажется, лучше было бы купить матерію лиловаго или коричневаго цвѣта, потемнѣе.

— Ни за что на свѣтѣ! Вы развѣ думаете, что я хочу, чтобы она похожа была на дѣвочку изъ пріюта? Я хочу, чтобы на нее весело было глядѣть.

— Она такой некрасивый ребенокъ, милордъ. Наряды къ ней не будутъ идти.

— Я хочу, чтобы она была одѣта въ платье цвѣта crême,—рѣшительно проговорилъ милордъ.—И вы купите ей съ полдюжины поясовъ, самыхъ широкихъ, какіе только достанете: пунцовыхъ и блѣдно-голубыхъ. Я дамъ вамъ чекъ въ двадцать или тридцать фунтовъ. Но прошу все купить въ томъ самомъ магазинѣ, въ которомъ покупаетъ свои вещи милэди.

— Это самый дорогой магазинъ въ Бруммѣ, милордъ.

— Самый дорогой магазинъ оказывается всегда на повѣрку самымъ дешевымъ,—замѣтилъ милордъ.

— Десяти фунтовъ будетъ достаточно даже и для дорогого магазина,—сказала Баркеръ.—Я вѣдь куплю только матеріалъ, а Бетси сошьетъ платья; она отличная портниха.

Бетси ухмыльнулась и покраснѣла при этой похвалѣ.

— Какая славная Бетси! — воскликнулъ Лашмеръ. — Но я вамъ дамъ двадцать фунтовъ, чтобы вы не скупились и непремѣнно купили бы самую мягкую и дорогую матерію. Я хочу, чтобы моя дѣвочка была хорошенькая.

— Это невозможно, милордъ,—отвѣчала Баркеръ съ убѣжденіемъ.—Но мы съ Бетси постараемся, чтобы она была какъ можно лучше одѣта.

V.

Слѣдствіе о смерти Джонатана Больдвуда было произведено на слѣдующій день, и лордъ Лашмеръ присутствовалъ на немъ. Свидѣтелей было пропасть, готовыхъ описать его паденіе, еслибы одного голоса для того было недостаточно. Всѣ пожарные признаны невиновными; они молодецки работали на другой сторонѣ дома; ни одна душа не погибла въ этомъ большомъ людскомъ

ульѣ. Единственнымъ несчастіемъ съ людьми была смерть отца, пытавшагося спасти своего ребенка.

Никто не явился, чтобы свидѣтельствовать о прошлой жизни Больдвуда или сообщить, кто онъ такой и какъ попалъ въ Бруммъ. Когда коронеръ спросилъ: чтò сталось съ ребенкомъ, лордъ Лашмеръ выступилъ впередъ и сказалъ, что онъ взялъ дѣвочку въ пріемныя дочери, и отнынѣ беретъ на себя отвѣтственность за ея будущность.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ оспаривать у васъ эту привилегію, милордъ,—отвѣтилъ коронеръ,—и надѣюсь, что когда дитя выростетъ, то съумѣетъ отблагодарить васъ за спасеніе своей жизни.

Въ комнатѣ раздались хвалебныя восклицанія, когда лордъ Лашмеръ уходилъ изъ нея. Но прежде, чѣмъ онъ оставилъ Бруммъ, онъ объявилъ властямъ, что желаетъ похоронить прилично и на свой счетъ бренные останки Больдвуда и купить ему могилу на кладбищѣ. Онъ настойчиво заявлялъ, что никакъ не хочетъ, чтобы Больдвуда похоронили на счетъ прихода.

Два дня спустя, онъ самолично присутствовалъ на похоронахъ—обстоятельство, отнюдь для него не пріятное, такъ какъ радикальная чернь Брумма поставила себѣ за честь сопутствовать мертвому тѣлу агитатора. Но Лашмеръ говорилъ себѣ, что наступитъ день, когда Стелла станетъ разспрашивать про похороны отца и захочетъ сходить на его могилу; онъ хотѣлъ имѣть право сообщить ей, что стоялъ у этой могилы въ то время, какъ гробъ засыпали землей, и слова надежды и упованія произнесены были надъ нимъ.

Поэтому Лашмеръ стоялъ около пастора, когда тотъ произносилъ эти возвышенныя слова, и онъ первый положилъ цвѣты—лѣтнія, бѣлыя розы—на гробъ демагога. Толпа протискивалась впередъ, чтобы поглядѣть на могилу, и не одна заскорузлая рука кидала полевые цвѣты на громадный дубовый гробъ. Въ толпѣ были женщины, которыя плакали, женщины, которыя никогда не слышали оратора, но сознавали, что потеряли друга. Развѣ онъ не отстаивалъ интересы бѣдныхъ и не возставалъ противъ богатыхъ? Развѣ онъ не былъ выразителемъ того недовольства, которое ростетъ со дня на день съ распространеніемъ образованія.

Послѣднія лѣтнія розы давно уже отцвѣли, прежде нежели Стелла перестала жалобно проситься къ папочкѣ. Она была кротка и послушна со своимъ благодѣтелемъ; она постепенно привязывалась къ нему. Она любила его общество, любила рѣку и сады, луга и цвѣтущіе берега, книги съ картинками въ биб-

ліотекѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла на полу, потихоньку переворачивая листы иллюстрированнаго тома, въ то время, какъ Лашмеръ писалъ или читалъ, ни мало не обезпокоенный ея присутствіемъ. Она благоденствовала подъ опекой Бетси Баркеръ и наслаждалась комфортомъ и счастіемъ своей новой жизни; но какъ ни была она мала, она не забывала отца. Внезапно лицо ея отуманивалось среди радостной обстановки ея жизни, и слезы градомъ катились по щекамъ, когда она спрашивала у Лашмера: „неужели папочка *никогда* не вернется?“ —Иногда Лашмеръ сожалѣлъ, что онъ сразу не сказалъ ей всю истину, и сомнѣвался, благоразумно ли онъ поступилъ, не постаравшись объяснить этому юному уму значеніе слова „смерть“. Но послѣ того, какъ онъ такъ долго оставлялъ ее въ заблужденіи, онъ не могъ вывести ее вдругъ изъ этого заблужденія. Онъ могъ только въ поэтическихъ и неопредѣленныхъ образахъ рисовать ей чудную страну, куда всѣ они переселятся со временемъ.

Однажды она спросила у него названіе этой отдаленной страны, и онъ сказалъ ей, что это Іерусалимъ.

Стоило ей увидѣть незнакомаго человѣка въ домѣ или въ саду, и она тотчасъ подбѣгала къ нему, вопросительно глядя ему въ лицо: не папочка ли ея вернулся? Каждый разъ, какъ она видѣла высокаго, широкоплечаго человѣка, она испытывала горьчайшее разочарованіе. Издали она принимала его за „папочку“, бѣжала къ нему и хватала за полы сюртука, называя дорогимъ ей именемъ, и—о! какъ горько было видѣть чужое лицо, съ удивленіемъ на нее глядѣвшее!

Сколько разъ послѣ такого разочарованія она плакала въ три ручья, пока не засыпала вся въ слезахъ.

Она была очень умнымъ и понятливымъ ребенкомъ, серьезнымъ не по лѣтамъ, любознательнымъ и глубокомысленнымъ. Она хотѣла все знать, и про солнце, и про луну, про звѣзды, про землю и все, чтó на ней обитало. Книжки съ картинками служили непрерывнымъ предметомъ для удивленія. Въ нихъ были всѣ этапы человѣческаго знанія, крупные и мелкіе, отъ сокровищъ Агамемнона до послѣдняго открытія о муравьяхъ или афидіяхъ. Лашмеръ былъ безконечно терпѣливъ съ своей живой игрушкой. Онъ откладывалъ въ сторону Платона, чтобы отвѣчать на дѣтскіе вопросы Стеллы, объяснять ей картинки, разсказывать исторіи. Онъ, для котораго книги были сама жизнь, вся прелесть и все счастіе жизни, закрывалъ любимаго автора, ради того, чтобы удовлетворить жаждѣ знанія пытливаго юнаго ума.

Больдвудъ многому научилъ своего ребенка, развилъ его не

по лѣтамъ. Онъ училъ ее, какъ учатъ обыкновенно люди съ обширнымъ умомъ и лѣнивымъ нравомъ. Онъ сажалъ ее къ себѣ на колѣни и толковалъ съ ней обо всемъ на свѣтѣ, перебѣгая отъ одного сюжета къ другому, то разсказывая ей какую-нибудь сказку изъ древней греческой миѳологіи, то сообщая какой-нибудь фактъ изъ жизни и привычекъ крокодиловъ. Но былъ одинъ сюжетъ, котораго онъ никогда не касался: онъ совсѣмъ не говорилъ съ ней о Богѣ. Лашмеру выпало на долю научить ее молиться. Первую, простѣйшую форму молитвы, которую онъ помнилъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ, когда его научила ей нянька, онъ сообщилъ Стеллѣ разъ вечеромъ, когда ребенокъ прощался съ нимъ, уходя спать.

— Стелла, я надѣюсь, что ты каждый вечеръ молишься, прежде нежели ляжешь въ постельку и когда встанешь по утру?— спросилъ онъ.

— Чтò значитъ молиться? Бетси говоритъ, что я должна молиться, но я не знаю, чтò это значитъ.

— Развѣ папочка не училъ тебя молиться, Стелла?

Она покачала головой.

— Еслибы это было хорошо, онъ бы научилъ меня,—сказала она:—онъ былъ всегда добръ къ своей Стеллѣ.

— Молитва для всѣхъ насъ хороша, моя душа. Папочка, вѣрно, думалъ, что ты слишкомъ молода, чтобы молиться, слишкомъ молода, чтобы понимать о Богѣ, который создалъ насъ и котораго мы должны любить и бояться.

— Папочка говорилъ, что нѣтъ Бога; что только глупцы вѣрятъ въ Бога.

— Дитя мое, если мы хотимъ быть счастливы, то намъ нуженъ кто-нибудь, кто выше и лучше насъ и кого бы мы почитали. Намъ нужно сознаніе, что у насъ есть другъ и покровитель, который заботится и охраняетъ насъ. Къ счастію, у большинства изъ насъ есть это сознаніе; оно родится вмѣстѣ съ нами; оно составляетъ часть нашего существа; оно проявляется въ странныхъ и разнообразныхъ формахъ въ различныхъ странахъ, но всегда съ тѣмъ же инстинктомъ—стремленіемъ въ міръ высшій.

И такъ какъ и чувства эти и слова были недоступны дѣтскому пониманію, онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и пересказалъ исторію Іисуса Христа, исторію его земной жизни, какъ онъ страдалъ и умеръ за людей.

Дитя слушало съ удивленіемъ, широко раскрывъ глаза.

— Папочка этого не зналъ, а то бы онъ полюбилъ Христа,— объявила она.

И послѣ того Лашмеръ научилъ ее первымъ четыремъ строчкамъ дѣтской молитвы, которой онъ научился отъ няньки двадцать-три года тому назадъ: „Gentle Jesus, meek and mild, look upon a little child“.

Стелла повторяла слова за нимъ яснымъ, звучнымъ дѣтскимъ голоскомъ. За этимъ послѣдовали другія молитвы, и прежде всего „Отче Нашъ“, и совѣсть Бетси была освобождена отъ бремени, тяготившаго ее.

Стелла прожила цѣлый мѣсяцъ въ замкѣ, прежде нежели попалась на встрѣчу лэди Лашмеръ. Вдовствующая милэди ѣздила въ Лондонъ съ Викторіаномъ и отвезла его въ Итонъ, а затѣмъ провела недѣлю въ Виндзорѣ, чтобы смягчить скорбь разлуки съ своимъ идоломъ. Она видѣла его на игрѣ въ теннисъ, видѣла его на рѣкѣ, и его юная красота казалась ей совершенствомъ подростающаго мужчины. Она говорила съ нимъ о его будущемъ, о его карьерѣ, напирая на это слово съ героическимъ стремленіемъ зажечь честолюбіе въ юномъ умѣ.

— Какъ младшій сынъ, ты обязанъ отличиться, Викторіанъ,— говорила она.—Твой бѣдный братъ, лордъ Лашмеръ, онъ можетъ проводить свои дни въ библіотекѣ въ праздныхъ грёзахъ; но ты будешь нулемъ, если не заработаешь себѣ высокаго положенія въ обществѣ. Ты долженъ быть творцомъ своего величія.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы быть творцомъ, но нисколько не желаю быть чернорабочимъ и по кирпичу складывать зданіе своего могущества, какъ это дѣлаютъ нищіе, избирая церковь или законовѣденіе для своего поприща.

— Твоей профессіей должна быть политика.

— Это чертовски медленное и, какъ говорятъ, чертовски трудное дѣло. Надо изнывать надъ синими книгами и тошной статистикой и задыхаться въ палатѣ въ душные лѣтніе вечера, когда фешенебэльная жизнь рѣкой струится за городомъ. Еслибы я могъ вечеромъ произнести краснорѣчивый спичъ о какомъ-нибудь жгучемъ вопросѣ и проснуться на другое утро знаменитымъ!

— Ахъ! вотъ такъ всегда разсуждаютъ мальчики, которые хотятъ добиться успѣха безъ труда!

— Матушка,—сказалъ мальчикъ, ближе подходя къ ней и понижая голосъ:—знаете ли, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей говорятъ мнѣ, что съ моей стороны было бы глупо работать, потому что я *долженъ* быть лордомъ Лашмеромъ со временемъ. Бѣдный Лашъ пользуется такимъ слабымъ здоровьемъ и, конечно, не долго проживетъ,—развѣ вы этого не знаете?

— Кто говорилъ тебѣ, что ты будешь лордомъ Лашмеромъ, тотъ твой злѣйшій врагъ,—строго замѣтила ему мать.—Лашмеръ жестоко страдаетъ отъ невралгіи, бѣдняжка, но у него нѣтъ никакого органическаго поврежденія. Сэръ Уильямъ Спенсеръ сказалъ ему, что онъ можетъ прожить до глубокой старости.

— Я радъ это слышать, — сказалъ мальчикъ, — потому что очень люблю старика Лаша. Онъ всегда былъ мнѣ добрымъ братомъ. Что касается того, чтобы работать, то я терпѣть этого не могу,—да и кто любитъ? — но я всегда и вездѣ стараюсь быть первымъ и буду. Я примкну къ аристократическому радикализму.

— Викторіанъ!—вскричала милэди, поблѣднѣвъ отъ ужаса.

— Никто такъ успѣшно не пролѣзаетъ въ люди, какъ ваши фаты радикалы. Погляди, напримѣръ, на Мопертіуса. Кого слушаютъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ его? Человѣкъ, родившійся въ пурпурѣ, производитъ такой эффектъ, когда спокойно излагаетъ теоріи крайняго соціализма. Я буду проповѣдывать нѣчто въ родѣ того евангелія, которое проповѣдывалъ съ такимъ краснорѣчіемъ бѣдный нищій Больдвудъ. Но только я буду такъ же мягокъ и вѣжливъ, какъ Мопертіусъ, знаете, и буду острякомъ палаты. Ничто такъ не дѣйствительно, какъ остроуміе.

— Но остроуміе—одна изъ тѣхъ немногихъ вещей, которымъ нельзя научиться,—замѣтила мать, нѣжно улыбаясь самонадѣянности своего мальчика.—Человѣкъ не станетъ теноромъ или острякомъ отъ того, что этого пожелаетъ.

— Посмотримъ,—самоувѣренно объявилъ Викторіанъ:—если я буду въ палатѣ, то заставлю ее смѣяться со мной, но не надо мной, матушка.

— Я бы желала, чтобы ты былъ честолюбивъ, — сказала милэди, цѣлуя широкій, крѣпкій лобъ сына: — пусть даже ты будешь самоувѣренъ, даже тщеславенъ — все не бѣда, пока ты прилеженъ и трудолюбивъ.

Это было ихъ прощальной бесѣдой. Лэди Лашмеръ никогда не позволяла себя даже намека на возможность для сына наслѣдовать титулу и богатству своего своднаго брата. И теперь у нея не вырвалось ни единой жалобы на ударъ, нанесенный ея надеждамъ благопріятнымъ діагнозомъ Спенсера. Она теперь сознавала, что надежды эти были безнравственны; однако утѣшалась тѣмъ, что всегда исполняла свой долгъ относительно пасынка, и всегда будетъ его исполнять. Еслибы Провидѣнію угодно было освободить его отъ бремени существованія, она нашла бы, что Провидѣніе поступило мудро и благодѣтельно какъ для

Лашмера, такъ и для Викторіана. Но вторая дочь лэди Питлэндъ была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы роптать на Провидѣніе. Она не даромъ ходила два раза въ день въ церковь по воскресеньямъ и ежедневно въ святую недѣлю. Она была крайне ортодоксальна въ своихъ понятіяхъ и смирялась передъ непостижимымъ и невѣдомымъ.

Она вернулась въ Миддльширъ и была радушно встрѣчена пасынкомъ, который выѣхалъ для встрѣчи ея на станцію, доказывая ей этимъ свое почтеніе. Онъ стоялъ на платформѣ, когда поѣздъ остановился, и милэди подумала, что никогда еще онъ не казался такимъ здоровымъ.

— Я не удивлюсь, если сэръ Уильямъ окажется правъ. Онъ смотритъ такъ, что, пожалуй, проживетъ девяносто лѣтъ, — сказала она самой себѣ, и затѣмъ со вздохомъ прибавила:

— Бѣдный Викторіанъ!

При всей своей ортодоксальности, она не могла не огорчаться, что сынъ ея, воплощеніе мужской силы и красоты, долженъ оставаться на заднемъ планѣ, благодаря невзрачному горбуну.

— Какъ ты загорѣлъ, Лашмеръ, и какимъ кажешься здоровякомъ!—проговорила она, пожимая ему руку.

— У меня ни разу не болѣла голова съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали. Я полагаю, что это потому, что я проводилъ больше времени на воздухѣ, чѣмъ обыкновенно.

— Я бы тебѣ совѣтовала всегда вести такой образъ жизни,— отвѣчала мачиха съ принужденной улыбкой.

Все время, пока они ѣхали домой, она была угрюма и молчалива, ссылаясь на усталость. Ни одного вопроса не задала она о protégée Лашмера; однако, подъѣзжая къ замку, она вспомнила про дочь Больдвуда. Изъ-за этой дѣвчонки, безъ сомнѣнія, Лашмеръ проводилъ свое время въ саду и загорѣлъ какъ мужикъ. Эта прихоть сообщила новый интересъ его жизни и оживленіе лицу. Лэди Лашмеръ былъ слишкомъ ортодоксальна, чтобы негодовать на Провидѣніе; но она чувствовала, что можетъ сколько угодно сердиться на дочь Больдвуда.

На слѣдующее утро она стояла на балконѣ въ пеньюарѣ и вдыхала чистый, благоуханный воздухъ, глядя на сверкающую зыбь рѣки. Далеко, далеко, въ саду розъ, красивомъ, старомодномъ квадратѣ изъ зеленаго дерна и розовыхъ кустовъ, окруженномъ живой изгородью, она увидѣла двѣ фигуры: Лашмера и маленькой дѣвочки въ бѣломъ платьицѣ. Дѣвочка перебѣгала отъ цвѣтка къ цвѣтку; мужчина расхаживалъ по дерну съ книгой

въ рукахъ; но время отъ времени отрывалъ глаза отъ ея страницъ и, взглядывая на ребенка, вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

Лэди Лашмеръ долго наблюдала за ними.

— Слыханное ли дѣло такая нелѣпая прихоть! — сказала она самой себѣ съ презрѣніемъ.

Часомъ позже она впервые встрѣтила дѣвочку въ корридорѣ. Стелла была одна и весело бѣжала, держа въ подолѣ цѣлую груду полевыхъ цвѣтовъ... веселая, свободная, счастливая. Она только-что вернулась съ утренней прогулки съ Лашмеромъ въ лодкѣ по рѣкѣ.

Милэди положила руку на плечо ребенка и нагнулась, чтобы заглянуть въ желтенькое личико.

Дурна? Нѣтъ, не такъ дурна, какъ ей показалось въ тотъ вечеръ.

Мелкія черты лица были слишкомъ тонки, чтобы почесться некрасивыми. Глаза же были удивительны... слишкомъ велики, слишкомъ черны для ребенка, но въ женщинѣ они были бы достойны Клеопатры.

— Я не удивлюсь, если эта тварь выростетъ красивой женщиной,—подумала милэди, и тогда всѣ шансы на лицо, что Лашмеръ на ней женится. Съ его эксцентричными идеями въ такомъ бракѣ не будетъ ничего удивительнаго. Дайте подумать: ей пять лѣтъ... раньше двѣнадцати или тринадцати лѣтъ она не годится въ невѣсты. Ну, это все-таки утѣшительно. А пока она помѣшаетъ ему жениться на комъ-нибудь другомъ.

Въ этой послѣдней мысли было тоже своего рода утѣшеніе; однако лэди Лашмеръ не могла принудить себя увидѣть въ ребенкѣ не какую-нибудь змѣю.

— Какъ тебя зовутъ?—строго спросила она.

— Стелла,—отвѣчало дитя, глядя на милэди и нисколько не смущаясь ни ея величественнымъ видомъ, ни великолѣпнымъ платьемъ, ни нахмуренными темными бровями.

— Стелла! Какое театральное имя!—Тебя, должно быть, Лашмеръ назвалъ Стеллой?

— Нѣтъ, мой папочка. Онъ звалъ меня Стеллой. Вы знаете, гдѣ мой папочка?—вдругъ спросила она, оживляясь.

Милэди готова была отвѣтить. Еще секунда, и горькая, тяжкая истина была бы обнаружена, но тутъ Лашмеръ вышелъ изъ кабинета и положилъ конецъ бесѣдѣ.

— Вотъ какъ! вы познакомились со Стеллой,—сказалъ онъ.— Не правда-ли, что она очень похорошѣла на попеченіи у Бетси?

— Я нахожу, что Бетси одѣваетъ ее слишкомъ нарядно,—

отвѣчала миледи, съ негодованіемъ глядя на бѣлое платье и пунцовый поясъ, красные башмачки и коралловое ожерелье на тоненькой шейкѣ, желтоватая бѣлизна которой напоминала слоновую кость.

— О! я люблю, чтобы она была нарядно одѣта! Она вноситъ красоту и жизнь въ скучную жизнь ученаго. Ну, бѣги теперь, Стелла. Бѣги и пообѣдай и приди ко мнѣ опять въ четыре часа для урока чтенія. Прощай до четырехъ часовъ.

Онъ поцѣловалъ ее и съ улыбкой отпустилъ. Она побѣжала, бормоча:—въ четыре часа, въ четыре часа... приходить въ четыре часа,—точно старалась запечатлѣть этотъ фактъ въ своей памяти.

Лэди Лашмеръ почувствовала безполезность спора съ пасынкомъ. Его спокойный, рѣшительный характеръ всегда бралъ надъ нею верхъ, когда дѣло шло о серьёзномъ намѣреніи съ его стороны. Въ пустякахъ онъ всегда уступалъ ей. Онъ позволялъ ей царствовать самодержавно въ домѣ, котораго онъ былъ наслѣдственный хозяинъ. Онъ предоставлялъ ей тратить столько изъ его денегъ, сколько ей хотѣлось, чтобы поддержать штатъ, далеко превосходившій его потребности; но въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ были замѣшаны чувства или привязанности, онъ былъ самъ себѣ господинъ.

Милэди желала отдѣлаться отъ старика-буквоѣда, учителя, когда Лашмеръ подросъ. Учитель научилъ ученика всему, что̀ только зналъ. Онъ былъ затрапезнаго вида старикашка и составлялъ пятно на великолѣпномъ фонѣ лашмерскаго за̀мка. Онъ получалъ двѣсти фунтовъ въ годъ за то, что ничего не дѣлалъ. Но когда она высказала эти взгляды Лашмеру, то онъ объявилъ ей, что желаетъ, чтобы Габріэль Вернеръ окончилъ свои дни въ за̀мкѣ.

— Вернеръ слишкомъ старъ, чтобы идти къ чужимъ людямъ и привыкать къ чужимъ обычаямъ, — сказалъ онъ, — и притомъ онъ очень мнѣ полезенъ какъ библіотекарь и секретарь. Онъ смотритъ за моими книгами и пишетъ за меня дѣловыя письма.

— Онъ столько же понимаетъ въ дѣлахъ, какъ вотъ эти павлины,—отвѣчала милэди, разсѣянно глядя на птицъ Юноны, расхаживавшихъ по террасѣ, распустивъ хвостъ на солнцѣ.

— Къ счастію, я понимаю и всегда могу научить его.

Такимъ образомъ, Габріэль Вернеръ остался, добродушнаго вида старичокъ съ согбенной спиной и плечами отъ вѣчнаго корпѣнья надъ книгами, такъ что казался почти горбатымъ.

Лэди Лашмеръ порой думала, что онъ изъ лести нажилъ горбъ. Это былъ безвредный старикъ, маленькаго роста и блѣдный, съ высокимъ лбомъ и серебристыми волосами, которые онъ носилъ какъ Мильтонъ, на котораго, ему казалось, онъ похожъ. У него было невинное интеллектуальное тщеславіе, и онъ составлялъ подробные комментаріи на Аристотелеву метафизику, которые боялся напечатать, чтобы вдругъ, чего Боже упаси, не прославиться на старости лѣтъ и не сойти въ могилу раздавленнымъ тяжестью лавровыхъ вѣнковъ, какъ Тарпея браслетами осаждающихъ. Онъ жилъ въ замкѣ, не появляясь на глаза его гордой госпожѣ. У него была своя гостиная около библіотеки, гдѣ онъ и пребывалъ въ одиночествѣ, когда не былъ съ Лашмеромъ. Разъ, когда она была въ милостивомъ настроеніи, лэди Лашмеръ пригласила его на полдникъ; въ другой разъ, когда у нея случился ученый гость, она позвала м-ра Вернера обѣдать, съ тѣмъ, чтобы онъ снялъ съ нея бремя бесѣды и восхищенія учеными рѣчами. Мало-по-малу она примирилась съ мыслью, что онъ окончитъ дни свои въ Лашмерѣ. Она даже связала ему теплыя перчатки, которыя онъ носилъ, съ умиленіемъ толкуя о „любезности къ нему милэди".

Въ настоящемъ случаѣ лэди Лашмеръ обратилась за симпатіей къ Габріэлю Вернеру. Она подошла къ нему въ то время, какъ онъ совершалъ свою обычную прогулку на террасѣ, послѣ умѣреннаго полдника, съ томомъ нѣмецкой метафизики подъ мышкой, въ который онъ время отъ времени заглядывалъ, и затѣмъ снова закрывалъ и продолжалъ прогулку.

— Любезный мистеръ Вернеръ, какой у васъ здоровый видъ! —воскликнула милэди:—вы, кажется, гораздо здоровѣй, чѣмъ тогда, когда я уѣзжала изъ замка.

— Я думаю, что это потому, что я гораздо больше бывалъ на чистомъ воздухѣ, чѣмъ обыкновенно,—отвѣчалъ старикъ, безсознательно повторяя отвѣтъ Лашмера.—Милордъ и я, мы проводили все время на водѣ въ послѣдніе теплые дни; мы брали съ собой и книги, и полдникъ...

— И игрушку милорда... эту ужасную дѣвочку,—перебила лэди Лашмеръ.

— Могу васъ увѣрить, милэди, что эта маленькая дѣвочка— послушнѣйшій ребенокъ и чрезвычайно интересный товарищъ. Я не видывалъ болѣе развитого дѣтскаго ума. Это заставляетъ меня согласиться съ Аристотелемъ, что нѣкоторые низшіе...

— Разумѣется, этотъ ребенокъ долженъ быть хитеръ и себѣ на умѣ. Она—дитя бунта и свободомыслія, дитя человѣка, умъ

котораго былъ направленъ къ тому, чтобы дѣлать зло. Я не удивляюсь, что вы находите этого ребенка умнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ея умъ будетъ служить нескончаемымъ источникомъ бѣдствій... для всѣхъ насъ... если только вы, любезный мистеръ Вернеръ, не употребите своего вліянія надъ Лашмеромъ. Вы имѣете большое на него вліяніе, дорогой сэръ; онъ положительно обожаетъ васъ и думаетъ, что ваша книга произведетъ переворотъ въ европейскомъ мышленіи.

Фраза была громкая, но лэди Лашмеръ не стѣснялась, когда преслѣдовала какую-нибудь цѣль.

— Вы слишкомъ добры,—пробормоталъ послѣдователь Аристотеля.

— Да, дорогой мистеръ Вернеръ,—продолжала милэди поспѣшно:—вы, право, должны пустить въ ходъ вашъ великій умъ, чтобы подѣйствовать на бѣднаго Лашмера. Онъ тоже очень умный человѣкъ, но онъ мечтатель. Вы должны указать ему на опасность, которая таится въ его фантазіи и которую онъ готовитъ себѣ въ будущемъ. Ради самаго неба, что̀ онъ будетъ дѣлать съ этой дѣвочкой, если она окажется дурной? А она навѣрно окажется дурной. Я глубоко вѣрую въ наслѣдственный инстинктъ.

— А я, дорогая лэди Лашмеръ, такъ же глубоко вѣрую въ воспитаніе. Ни за какія блага въ мірѣ не стану я мѣшать Лашмеру въ этой его фантазіи. Припомните, что онъ спасъ жизнь этому ребенку, рискуя своею собственной. Она дана ему самимъ Богомъ. И онъ, кажется, гораздо счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь. Она интересуетъ, забавляетъ его; она отвлекаетъ его отъ самого себя; а подумайте, какое счастіе забыть самого себя, когда природа, injusta noverca, была такъ недобра.

Габріэль Вернеръ умолкъ съ смущеніемъ. Не покажется ли фраза „injusta noverca“ личнымъ намекомъ? Къ счастію, лэди Лашмеръ воспитывалась въ тѣ дни, когда молодыя лэди не учились латыни.

— Не бойтесь результатовъ,—продолжалъ Вернеръ.—Я буду отвѣчать за воспитаніе дѣвочки и ручаюсь, что это воспитаніе побѣдитъ дурные инстинкты, еслибы такіе и оказались въ ея характерѣ.

Лэди Лашмеръ не продолжала разговора. Очевидно, и тутъ нельзя было надѣяться на помощь.

— Я пойду и надѣну шляпку,—сказала она довольно сухо:—мнѣ предстоитъ нѣсколько скучныхъ визитовъ. И оставлю васъ съ вашимъ любезнымъ Платономъ.

Послѣдователь Аристотеля вздрогнулъ при этомъ ненавистномъ имени. Подумать, что послѣ столькихъ лѣтъ бесѣды, послѣ того, какъ онъ такъ часто и такъ подробно излагалъ лэди Лашмеръ характеръ своихъ занятій и изслѣдованій, лэди Лашмеръ все еще не знаетъ, къ какой школѣ онъ принадлежитъ!

Въ продолженіе шести цѣлыхъ лѣтъ Стелла Больдвудъ была почти совсѣмъ счастлива. Она жила въ мірѣ, гдѣ всѣ вещи были новы—для существа, родившагося въ нищенской и простонародной средѣ,—въ мірѣ, гдѣ красота и роскошь были неизмѣнны, въ мірѣ, гдѣ мысль царила, съ каждымъ днемъ расширяя свой горизонтъ. Воспитаніе для Стеллы было то же самое, что солнечный свѣтъ для цвѣтовъ или весенній воздухъ для птицъ. Ея острый умъ жадно ловилъ знаніе; ея живое воображеніе озаряло собственнымъ свѣтомъ всякіе предметы и ее учили такъ, какъ рѣдко учатъ дѣтей въ нашъ архи-просвѣщенный вѣкъ. Ее учили такъ кротко и весело, какъ разсказываетъ дѣтямъ сказки мать, у которой они сидятъ на колѣняхъ. Лашмеръ выработалъ собственную систему обученія. Ее ничему не учили, что̀ ее не интересовало, не заставляли повторять сухихъ формулъ, какъ попугая. Ее не мучили техническими отвлеченностями, придуманными современными грамматиками, чтобы пытать дѣтей. Исторія земли, на которой она жила, не стала для нея отвратительной, благодаря сухимъ претензіямъ на ученость, длиннымъ перечнямъ высоты горъ, длины рѣкъ. Она училась красотѣ и славѣ вселенной незамѣтно, по картинкамъ и разсказамъ о различныхъ путешествіяхъ и приключеніяхъ. Вмѣсто того, чтобы набивать свою бѣдную головку всякими скучными цифрами, чтобы въ точности объяснить высоту того или другого пика въ Андахъ или въ Гималаяхъ, она представляла себѣ громаду этихъ горъ, трепетала на краю ихъ страшныхъ пропастей, знакомилась съ странными существами, обитающими на этихъ неприступныхъ высотахъ. Она сидѣла по цѣлымъ часамъ у ногъ Лашмера и слушала про похожденія какого-нибудь смѣлаго изслѣдователя и затѣмъ дѣтскимъ карандашомъ рисовала фантастическія картинки дикихъ, одинокихъ горъ, громадныхъ озеръ и страшныхъ лѣсовъ, міръ, который для ея живой фантазіи былъ такъ же близокъ, какъ и луга и огороды Миддльшира.

Лашмеръ училъ свою воспитанницу исторіи рядомъ разсказовъ, начинавшихся съ библейскихъ, продолжая темнымъ, таинственнымъ Египтомъ до свѣтлаго разсвѣта Греціи. Онъ долго и съ любовью пребывалъ въ миѳологическомъ мірѣ Олимпа. Онъ

до мозга костей пропитался греческими легендами, Гезіодомъ и Гомеромъ и всѣми гомерическими пѣснями.

И Стелла любила слушать прекрасные миѳы изъ отжившаго міра и опять, и опять просила разсказать ей исторіи про Діонисія и Деметру, про Елену и Париса, Гектора и Ахиллеса, Аякса и Агамемнона. Въ лодкѣ подъ ивами въ лѣтніе, теплые дни, или передъ зимнимъ каминомъ между послѣ-полуденнымъ чаемъ и восьмичасовымъ обѣдомъ, образованіе Стеллы шло своимъ чередомъ; образованіе путемъ легенды и исторіи, поэзіи и фактовъ; образованіе устнымъ способомъ, который не требовалъ умственнаго напряженія; образованіе, сѣявшее сѣмена, но не собиравшее жатвы. *Послѣдняя* должна была наступить позже.

Габріэль Вернеръ занимался съ ребенкомъ каждое утро въ продолженіе одного часа. Онъ училъ ее читать, писать и считать. Это былъ единственный трудъ въ ея воспитаніи. Остальное давалось легко и само собой.

Жизнь ихъ шла съ такимъ однообразіемъ, которое для всякаго, кромѣ ученаго, показалось бы нестерпимымъ. Лэди Лашмеръ пріѣзжала и уѣзжала. Она проводила сезонъ въ Гросвеноръсквэрѣ. Она прожила разъ цѣлое лѣто въ Гомбургѣ, для излеченія своей подагры, и брала съ собой Викторіана. Въ другой разъ на каникулы она возила его въ Энгадинъ. Разъ она провела съ нимъ цѣлый мѣсяцъ въ Парижѣ. Но, за исключеніемъ временныхъ отлучекъ въ Лондонъ, въ сезонъ картинныхъ выставокъ, лордъ Лашмеръ рѣдко разставался съ зàмкомъ. Онъ находилъ довольство, занятія и разнообразіе въ безподобной библіотекѣ, которою гордился лашмерскій зàмокъ. А развлеченіе и удовольствіе ему доставляло общество его пріемной дочери.

И вотъ, такимъ образомъ, среди роскоши, любимая и балованная, дожила дочь Джонатана Больдвуда до своего одиннадцатаго года. Она помнила годъ своего рожденія,—какъ ни была мала, и сообщила своему благодѣтелю, потому что этотъ день имѣлъ названіе. Черноволосая дѣвочка, съ глазами точно звѣзды, вступила въ жизнь въ день лѣтняго равноденствія.

Лашмеръ разспрашивалъ ее иногда про ея первое дѣтство... но очень осторожно, боясь оживить ея страстное сожалѣніе объ отцѣ. Онъ спросилъ ее, говорилъ ли ей отецъ что-нибудь про ея мать или про свою жизнь.

Да. Онъ говорилъ ей, что былъ когда-то джентльменомъ, что родился въ большомъ домѣ близъ моря, далеко, далеко отсюда, на шотландской границѣ. Онъ говорилъ ей, что мать ея была

красавица и должна была бы быть очень богата... вотъ все, чтó Лашмеръ могъ узнать изъ разспросовъ.

Но, въ сущности, вѣдь исторія Джонатана Больдвуда очень мало значила теперь. Ребенка, очевидно, никто не потребуетъ отъ него, а это для Лашмера было главнымъ дѣломъ.

Одна только вещь, принадлежавшая покойнику, была спасена изъ огня. Небольшой металлическій ящичекъ съ буквами Д. Б. былъ найденъ среди пепла и обгорѣлыхъ остатковъ въ той части дома, гдѣ находились комнаты, занимаемыя Больдвудомъ. Ящичекъ былъ узнанъ его сосѣдомъ жильцомъ и переданъ Лашмеру вмѣстѣ съ ключомъ, висѣвшимъ на стальной цѣпочкѣ его часовъ. Часы, цѣпочка и ключъ поступили въ распоряженіе Лашмера послѣ слѣдствія.

Содержимое ящичка вызвало большое разочарованіе. Въ немъ находились бумаги, которыя отъ дыма закоптились такъ, что ихъ нельзя было разобрать. Единственнымъ неиспорченнымъ предметомъ оказался миніатюрный портретъ въ двойномъ золотомъ футлярѣ, который лучше могъ противостоять дѣйствію огня, нежели плохонькій металлическій ящичекъ. Миніатюра—была старомодная живопись на слоновой кости, портретъ человѣка во цвѣтѣ лѣтъ. Строгое, смуглое лицо, съ большими черными глазами и высокимъ, лысымъ лбомъ. Лашмеръ, судя по особенной формѣ бороды и воротника у сюртука, заключилъ, что оригиналъ портрета былъ иностранецъ; типъ лица и всей внѣшности былъ не англійскій. Онъ показалъ Стеллѣ портретъ и спросилъ, видала ли она его раньше.

— Нѣтъ, никогда. Кто это такой? кто это такой?

Лашмеръ запечаталъ листы закопченой бумаги въ большомъ конвертѣ и тщательно надписалъ: „Обгорѣлыя бумаги, найденныя въ шкатулкѣ Больдвуда“, вмѣстѣ съ обозначеніемъ мѣста и числа. Онъ вычистилъ шкатулку и положилъ туда обратно миніатюру и бумаги, заперъ, привязалъ ключикъ къ скобкѣ и надписалъ на клочкѣ бумаги, который приклеилъ къ шкатулкѣ: „Эта шкатулка принадлежитъ Стеллѣ Больдвудъ и единственная вещь, которая была спасена изъ имущества ея отца“. Онъ поставилъ шкатулку въ шкафъ, гдѣ хранились наиболѣе дорогія изъ его книгъ: безцѣнный Декамеронъ, старинный экземпляръ Раблэ и нѣкоторые не менѣе почтенные изъ классиковъ, вышедшихъ изъ типографскихъ станковъ средневѣковой Венеціи.

А. Э.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КРИТИКА

Поль Буржэ, Жюль Леметръ, Фердинандъ Брюнетьеръ.

Французская критика, послѣ смерти Теофиля Готье и Сентъ-Бёва, послѣ окончательнаго перехода Тэна въ область философіи и исторіи, долго оставалась безъ выдающихся представителей. Въ работникахъ на этой почвѣ никогда не было недостатка, и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Поль де-Сенъ-Викторъ,—отличались несомнѣннымъ дарованіемъ; но они были почти неизвѣстны за предѣлами Франціи, да и у себя дома не пользовались ни популярностью, ни авторитетомъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ много шуму надѣлали критическіе этюды Эмиля Зола, рѣзко и смѣло водрузившіе знамя ультра-натурализма; но настоящимъ критикомъ Зола не былъ, да и самъ не считалъ себя. Ему нужно было только совершить „походъ" противъ враговъ „экспериментальнаго" романа (одинъ изъ его критическихъ сборниковъ такъ и называется: „Une campagne"), подвести теоретическій итогъ своимъ практическимъ стремленіямъ, присоединить къ „проповѣди примѣромъ" — „проповѣдь доктриной". Онъ слишкомъ чувствовалъ себя стороной, чтобы быть—или хотя бы только пытаться быть — безпристрастнымъ судьею; онъ признавалъ лишь два лагеря — свой и чужой, и, превознося первый, топталъ ногами и рвалъ въ куски все принадлежащее къ послѣднему. Ничего болѣе противорѣчащаго недавнему опредѣленію Брандеса: „современная критика не судитъ, а объясняетъ" — нельзя себѣ и представить. А между тѣмъ потребность въ *объясненіи* постоянно росла; въ области романа, какъ и въ области поэзіи, безостановочно шла усиленная работа, накоплялась масса характеристичныхъ явленій. Необходимо было разобраться между ними, отыскать ихъ источ-

никъ, установить ихъ взаимную связь, опредѣлить ихъ внутреннее значеніе. Для новаго дѣла нашлись и новые дѣятели. Съ однимъ изъ нихъ—Полемъ Буржэ — читатели нашего журнала уже отчасти знакомы [1]); другой—Жюль Леметръ—недавно выпустилъ въ свѣтъ три серіи критическихъ этюдовъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Les Contemporains", и онѣ всѣ выдержали, въ самое короткое время, нѣсколько изданій. Раньше Буржэ и Леметра началъ писать Фердинандъ Брюнетьеръ; но его статьи, сначала появляющіяся въ „Revue des deux Mondes", потомъ выходящія отдѣльными книгами [2]) — читаются гораздо меньше, хотя и заслуживаютъ вниманія.

Отличительная черта Жюля Леметра—отсутствіе односторонности и предвзятой мысли, готовность сочувствовать произведеніямъ самаго различнаго характера, писателямъ самыхъ различныхъ направленій. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ прямой контрастъ съ Эмилемъ Зола, для котораго существуетъ только одинъ видъ искусства, одинъ типъ художника. Не довольствуясь высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ второстепеннымъ талантамъ „съ того берега", въ родѣ Шербюлье или Октава Фёлье, Зола доходитъ, какъ извѣстно, до отрицанія Ж.-Занда – и встрѣчаетъ на этомъ пунктѣ рѣшительный отпоръ со стороны Леметра. „Скажите мнѣ, — спрашиваетъ молодой критикъ, — на какомъ основаніи я не долженъ находить удовольствія въ чтеніи „Индіаны"? Я люблю Лелію, обожаю Консюэло, выношу даже Жоржъ-Зандовскихъ рабочихъ—и сознаюсь въ этомъ, не краснѣя... Выборъ образцовъ, перенесеніе въ искусство тѣхъ или другихъ сторонъ дѣйствительности — это дѣло вкуса или темперамента, не подчиненное никакимъ законамъ; претендовать на регламентацію можетъ здѣсь только лже-пророкъ. Искусство, даже натуралистическое, неизбѣжно предполагаетъ *преобразованіе реальныхъ данныхъ* (une transformation du réel); въ силу какого права хотите вы опредѣлить границу, дальше которой не должно идти это преобразованіе? Что это за странная и педантическая тираннія, претендующая на управленіе моими наслажденіями? Расширимъ наши симпатіи,—самъ Зола можетъ отъ этого только выиграть, — и позволимъ художнику все, лишь бы только онъ не былъ посредственнымъ и скучнымъ". Въ другомъ мѣстѣ Леметръ обращается къ самой Ж.-Зандъ съ лирическимъ воззваніемъ,

[1]) См. статью г. Боборыкина: „Дюма-сынъ въ новомъ освѣщеніи", въ № 10 „Вѣстника Европы", за 1886 годъ.

[2]) „Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française", „Histoire et littérature", „Le Roman Naturaliste".

напоминающимъ—не формой, но основной мыслью—оцѣнку, данную ей Брандесомъ въ исторіи „главныхъ теченій XIX-го вѣка". Вопреки Зола, проводившему мысль о вредномъ, тлетворномъ вліяніи Ж.-Занда на читательницъ, Леметръ выражаетъ желаніе, чтобы современныя психопатки возвратились къ „Жаку" и другимъ романамъ великой идеалистки. „Женщина, павшая послѣ чтенія „Индіаны", пала бы и безъ того, только еще ниже... Дурно понятые романы Ж. Занда способствовали, быть можетъ, паденію Эммы Бовари, но имъ, зато, она обязана и тѣмъ остаткомъ душевнаго благородства, въ силу котораго она искала и нашла убѣжище въ смерти".

Принять сторону Ж.-Занда,—не значитъ еще, пожалуй, доказать особенную храбрость; доктринерамъ „натурализма" не удалось уничтожить обаяніе, выдержавшее гораздо бо̀льшую опасность, устоявшее противъ старческихъ произведеній самой писательницы. Гораздо больше мужества нужно для того, чтобы замолвить доброе слово за Ламартина. Забытый еще при жизни, онъ давно признается похороненнымъ въ литературныхъ архивахъ. Леметръ рѣшается утверждать, что нѣкоторыми стихами Ламартина и теперь еще можно восхищаться, что у него есть строфы, „на цѣлые часы наполняющія читателя музыкой или мечтою". „Не перечитывайте „Méditations" или „Harmonies",—таковъ иронический совѣтъ, съ которымъ критикъ обращается къ массѣ публики:—вы либо не найдете въ этомъ никакого удовольствія — и я сочту васъ тогда весьма достойными сожалѣнія,—либо до такой степени поддадитесь чарамъ божественной поэзіи, что сдѣлаетесь равнодушными... даже къ мелочамъ парижской жизни и къ ея хроникерамъ". Столь же мало заботится Леметръ о господствующихъ теченіяхъ и тогда, когда касается современныхъ писателей, почему нибудь не обрѣтающихся въ авантажѣ. Молодое поколѣніе—или, по крайней мѣрѣ, избранная его часть, считающая и до извѣстной степени имѣющая основаніе считать себя передовою (не въ политическомъ или соціальномъ отношеніи, а въ художественномъ),—не говоритъ иначе, какъ пожимая плечами, о беллетристикѣ и критикѣ „Revue des deux Mondes". Леметръ осмѣливается находить и провозглашать во всеуслышаніе,—что̀ далеко не все старо и слабо въ романахъ Октава Фёлье и Рабюссона, въ критическихъ этюдахъ Брюнетьера. Съ легкой руки Зола принято издѣваться надъ тяжеловѣсностью Франсиска Сарсэ, надъ его буржуазною банальностью; Леметръ протестуетъ противъ этихъ насмѣшекъ и обращаетъ ихъ остріе противъ самихъ насмѣшниковъ. „Сарсэ тяжелъ, тяжелъ какъ

слонъ, — это рѣшено и подписано, а всѣ подписавшіеся и подписывающіеся подъ рѣшеніемъ легки какъ бабочки... Мнѣ надоѣло, наконецъ, слышать нескончаемое повтореніе этой пѣсни. Нѣтъ, Сарсэ не тяжелъ; не тяжелъ ни его умъ, простой и искренній, ни его слогъ, воспитанный на Вольтеровской прозѣ. Вспомните слова Монтэня о его критикахъ: когда они бьютъ меня по носу, они даютъ щелчокъ Плутарху, — и смотрите, какъ бы ударъ, направляемый вами противъ Сарсэ, не задѣлъ Вольтера... Сарсэ — это XVIII-й вѣкъ, слегка развѣ разжирѣвшій и утолщенный"...

Вездѣ и у всѣхъ Леметръ расположенъ видѣть преимущественно сильныя, свѣтлыя стороны; трудно найти критика болѣе доброжелательнаго, болѣе готоваго признать все хорошее, подъ какимъ бы девизомъ оно ни являлось и въ какой бы цвѣтъ ни было окрашено. Строгъ онъ только къ претенціозности, безпощаденъ только къ банальности и пошлости. Онъ остается и здѣсь сдержаннымъ, учтивымъ, избѣгаетъ крѣпкихъ словъ, не говоритъ ничего оскорбительнаго для *человѣка* — но тѣмъ убійственнѣе удары, наносимые имъ *писателю*. На нѣсколькихъ страницахъ, ни разу, если можно такъ выразиться, не возвысивъ голоса, онъ просто уничтожаетъ Жоржа Онэ — этого представителя торжествующей бездарности, романы котораго, „отмѣнно-нравоучительные и чинные", замѣнили собою, въ сердцахъ буржуазной публики, побасенки Понсонъ-дю-Террайля и расходятся въ баснословномъ числѣ экземпляровъ, далеко опережая, въ этомъ отношеніи, даже „Assommoir" и „Nana" [1]). Другая bête noire Леметра — это Альберъ Вольфъ, типичный хроникеръ послѣдней формаціи, сплетникъ и вѣстовщикъ, гоняющійся за остроуміемъ и изяществомъ, но не умѣющій даже правильно писать по-французски. Въ лицѣ Вольфа (и Блавэ) Леметръ казнитъ „Фигаро", эту „удивительную газету, наиболѣе богатую фактами, т.-е. наполненную до самыхъ краевъ массой ненужныхъ свѣденій, — чванящуюся политическими мнѣніями графа Альмавивы, но гибкую и услужливую, какъ лакей, имя котораго она носитъ"... Въ борьбѣ съ претенціозностью, идущей рука объ руку съ бòльшимъ или мѐньшимъ талантомъ, оружіемъ Леметра служитъ шутка, добродушная, но не лишенная жала. Она господствуетъ, напримѣръ, въ статьѣ о Сулари, мало извѣстномъ у насъ, но довольно попу-

---

[1]) Внѣшній, рыночный успѣхъ романовъ Онэ служитъ новымъ доказательствомъ тому, какъ глубоко заблуждались фанатики золаизма, когда гордились ростущимъ запросомъ на романы своего патрона.

лярномъ во Франціи авторѣ многочисленныхъ сонетовъ, и въ статьѣ о Ришпенѣ, оригинальная фигура котораго знакома и русской публикѣ. „Есть писатели,—такъ начинается этюдъ о Ришпенѣ, — похожіе на живописцевъ, на музыкантовъ, на токарей, на парфюмеровъ; есть писатели, которыхъ можно назвать царями, и есть другіе, въ гораздо бо́льшемъ числѣ, настоящее мѣсто которыхъ было бы за прилавкомъ. Жанъ Ришпенъ—это наѣздникъ изъ цирка, или, еще вѣрнѣе, молодцоватый акробатъ, широкоплечій, цвѣтущій, смуглый, съ золотыми обручами въ густыхъ черныхъ волосахъ, гордо подбоченившійся, вдохновенно жонглирующій кинжалами и металлическими шарами. Эти кинжалы—жестяные, эти шары пусты внутри, но они звенятъ и блестятъ"... Въ другомъ мѣстѣ критикъ сравниваетъ Ришпена съ дорогимъ, породистымъ жеребцомъ, немного массивнымъ, но красивымъ въ своихъ необузданныхъ прыжкахъ и капризахъ. Въ „Рабагасѣ", Сарду, одно изъ дѣйствующихъ лицъ сожалѣетъ о томъ, что не знаетъ слова болѣе свинскаго, чѣмъ „свинья"; „г. Ришпенъ,—замѣчаетъ Леметръ,—часто ищетъ такого слова". Онъ любитъ выставлять себя врагомъ и отрицателемъ всего созданнаго цивилизаціей; на самомъ дѣлѣ сквозь шкуру дикаря, которую онъ на себя надѣваетъ, безпрестанно проглядываетъ риторъ, усвоившій себѣ всю школьную премудрость. „Туранецъ", презирающій боговъ и законы, на каждомъ шагу оказывается арійцемъ, мастеромъ въ нанизываніи словъ, бывшимъ ученикомъ нормальной школы, кое-что̀ заимствовавшимъ у романтиковъ, кое-что̀—даже у самого Буало. Вызовъ, посылаемый имъ божеству, былъ бы болѣе умѣстенъ въ устахъ атлета, готовящагося къ кулачному бою; атеизмъ Ришпена отзывается чѣмъ-то карнавальнымъ, площаднымъ. Звучность стиха, яркость колорита, опредѣленность рисунка — все это Леметръ охотно признаетъ и въ „Blasphèmes", и въ „Caresses", и въ „Chanson des Gueux". Онъ не вчинаетъ противъ Ришпена никакого procès de tendance, ни въ чемъ его не обвиняетъ, ни въ чемъ не хочетъ стѣснить его свободу; онъ только констатируетъ громадную натяжку, непрерывную искусственность поэтическаго бунта, наполняющаго собою произведенія Ришпена, и вслѣдствіе этого никакъ не можетъ отнестись къ нему серьезно. Въ концѣ концовъ получается критика гораздо болѣе злая и гораздо болѣе справедливая, чѣмъ самыя негодующія выходки противъ безбожія и безнравственности мятежнаго поэта.

Такихъ этюдовъ, какъ посвященные Онэ и Вольфу, Сулари и Ришпену, у Леметра, повторяемъ, немного; почти во всѣхъ

другихъ нота сочувствія и одобренія звучитъ гораздо чаще и гораздо сильнѣе, чѣмъ нота порицанія и осужденія. Разгадку этому слѣдуетъ искать въ натурѣ Леметра, въ его критическихъ пріемахъ и взглядахъ. Чуткій и впечатлительный, онъ легко поддается самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Не то, чтобы онъ подчинялся чужимъ мнѣніямъ, но онъ способенъ жить жизнью изучаемаго имъ писателя, способенъ воспринимать его настроеніе, смотрѣть его глазами, чувствовать его сердцемъ. Сегодня онъ восхищается простымъ здравымъ смысломъ Сарсэ, завтра онъ будетъ восхищаться утонченностью Ренана; сегодня ему нравится сухость, безстрастіе Рабюссона (il n'y a aucune émotion dans ses romans; c'est d'une sécheresse qui me ravit) — завтра ему будетъ нравиться нѣжность, задушевность Пьера Лоти. „Увы! —восклицаетъ онъ самъ:—во мнѣ до такой степени мало преобладаетъ критикъ, что писателю, мною овладѣвающему, я отдаюсь всецѣло, а потомъ также всецѣло перехожу во власть другого; послѣдующимъ впечатлѣніемъ у меня почти изглаживается предыдущее". Иногда личная особенность критика возводится имъ даже на степень системы. „Перемѣнчивые сами,—говоритъ онъ въ статьѣ объ Анатолѣ Франсѣ, парафразируя извѣстное изреченіе Сентъ-Бёва („nous sommes mobiles et nous jugeons des êtres mobiles"), — мы созерцаемъ вѣчно измѣняющійся міръ. Произведенія литературы дефилируютъ передъ нашимъ умственнымъ зеркаломъ; дефиле продолжается долго, зеркало успѣваетъ измѣниться, и новое отраженіе предмета существенно отличается отъ прежняго. Всякій можетъ убѣдиться въ этомъ по собственному опыту. Я нѣкогда обожалъ Корнеля и чуть не презиралъ Расина; теперь я обожаю Расина, а къ Корнелю сталъ почти равнодушенъ. Стихи Мюссé прежде приводили меня въ восторгъ, отъ котораго теперь я не нахожу и слѣда. В. Гюго былъ для меня волшебной силой, а теперь онъ чуждъ моей душѣ... *Мы хвалимъ то, что мы любимъ, вотъ и все*; только одни всегда любятъ, а потому всегда и хвалятъ одно и тоже, а отзывы другихъ измѣняются вмѣстѣ съ ихъ привязанностями... Каковы бы ни были притязанія критики, она не идетъ и не можетъ идти дальше констатированія *впечатлѣній*, вызванныхъ, въ данную минуту и въ данномъ лицѣ, даннымъ произведеніемъ искусства". Итакъ, Жюль Леметръ проповѣдуетъ критическій „импрессіонизмъ"; вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ просто провозглашаетъ самого себя „импрессіонистомъ", потому что въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ о Вейссѣ) онъ признаетъ возможность и даже необходимость критики болѣе послѣдовательной и систематичной, менѣе зависимой

отъ минутныхъ „впечатлѣній". Какъ бы то ни было, роль „впечатлѣнія" въ критикѣ несомнѣнно велика, и законность критическаго „импрессіонизма" едва ли подлежитъ спору, лишь бы только онъ не претендовалъ на единодержавіе и непогрѣшимость (у Жюля Леметра о такой претензіи вовсе нѣтъ и рѣчи). Весь вопросъ сводится къ тому, *кто* и *какъ* испытываетъ впечатлѣнія. На сколько незанимательны и неважны впечатлѣнія ума тяжелаго, ограниченнаго, односторонняго, сухого, настолько интересны впечатлѣнія артистической, даровитой, широкой натуры, ко всему воспріимчивой, на все отзывчивой. Такой натурой является Леметръ, не даромъ, очевидно, написавшій цѣлыхъ два тома стихотвореній („Médaillons" и „Petites orientales"). Поль Буржэ, какъ извѣстно, также былъ поэтомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться критикомъ и романистомъ; съ поэзіи началъ и Сентъ-Бёвъ.

Свобода отъ доктринерства, отъ системы, доходитъ иногда у Леметра до ироническаго отношенія къ самому себѣ. „Я цѣню мои размышленія,—говоритъ онъ въ статьѣ о Франсѣ,—не выше, чѣмъ они стоютъ на самомъ дѣлѣ; я знаю, что они правильны и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильны", т.-е. неправильны для того, кто не раздѣляетъ „впечатлѣній" автора. Онъ слѣдуетъ, гдѣ можетъ, завѣщанію Сентъ-Бёва, старается найти и раскрыть внутреннюю связь между личностью писателя и его произведеніями— но самъ же не прочь, иногда, посмѣяться надъ своими усиліями. Въ статьѣ о Глувé,—мало извѣстномъ, но, повидимому, довольно оригинальномъ романистѣ,—длинный рядъ остроумныхъ сближеній между содержаніемъ романовъ и саномъ автора (генералъ-адвоката при одной изъ провинціальныхъ судебныхъ палатъ) внезапно заканчивается восклицаніемъ: „а вѣдь я, пожалуй, и не подумалъ бы о всемъ этомъ, еслибы не зналъ, что г. Глувé служитъ въ судебномъ вѣдомствѣ!" Разобравъ, затѣмъ, лучшій романъ Глувé („Le berger"), Леметръ замѣчаетъ: „теперь я уже не спрашиваю себя, къ какому общественному классу принадлежитъ авторъ этого романа; это для меня совершенно безразлично; я долженъ сознаться, что если я непочтительно отыскивалъ въ другихъ романахъ г. Глувé отголосковъ его судейской профессіи, то только потому, что они не стоятъ на одной высотѣ съ послѣднимъ". Въ той же статьѣ мы читаемъ: „само собою разумѣется, что я преувеличиваю здѣсь свои впечатлѣнія—но такъ я буду дѣйствовать и впредь, чтобы быть болѣе яснымъ". Къ оговоркамъ, къ смягченіямъ Леметръ прибѣгаетъ очень часто; руководствуясь „впечатлѣніемъ", онъ словно боится, чтобы оно не завлекло его слишкомъ далеко, — и въ особенности боится быть

несправедливымъ по отношенію къ разбираемому автору. По временамъ Леметръ точно жалѣетъ, что ему не дано быть прямолинейнымъ, непреклоннымъ представителемъ той или другой эстетической теоріи. „Кто, подобно мнѣ,—говоритъ онъ въ статьѣ о Сарсэ,—старается проникнуть всюду, тотъ часто не имѣетъ собственнаго дома; а это—положеніе незавидное". Сожалѣніе Леметра кажется намъ напраснымъ. Если онъ иногда скользитъ по поверхности предмета, если нѣкоторымъ изъ его этюдовъ (напр., этюду о Ренанѣ) недостаетъ законченности и полноты, то это объясняется скорѣе поспѣшностью журнальной работы (Леметръ—постоянный сотрудникъ „Revue bleue"), чѣмъ отсутствіемъ критической доктрины. „Впечатлѣнія" Леметра могутъ быть слишкомъ сильны или слишкомъ слабы, но въ основаніи ихъ почти всегда лежитъ вѣрный, выработанный вкусъ, и еслибы авторъ захотѣлъ, то ему едва ли было бы особенно трудно вывести изъ нихъ и нѣчто въ родѣ системы. Во всякомъ случаѣ, за ними остается достоинство бодрости и свѣжести, рѣдкой въ нашу эпоху унынія и пессимизма.

Чтобы ближе познакомиться съ Леметромъ, остановимся на его отзывѣ о писателѣ, особенно интересномъ для русской публики—объ Эмилѣ Зола. Зола—въ глазахъ Леметра—не критическій умъ, хотя онъ и писалъ критическія статьи, и не правдивый романистъ, хотя онъ болѣе всего претендуетъ на правдивость; Зола — пессимистъ и эпическій поэтъ. Настоящій „натуралистъ" въ области современнаго французскаго романа—не Зола, а Альфонсъ Додэ. Зола больше сочиняетъ, чѣмъ наблюдаетъ; характеристичная черта его сочинительства—упрощеніе или обобщеніе. Онъ рисуетъ не столько фигуры, сколько символы или образы, олицетворяющіе собою какую-нибудь элементарную силу. Ему больше удаются массы, хоры, чѣмъ отдѣльныя личности, больше удается фонъ картины, чѣмъ детали перваго плана. Матеріализируя человѣка, онъ одухотворяетъ неодушевленные предметы; лѣсъ, кабакъ, рынокъ, магазинъ живутъ у него точно человѣческою жизнью, а люди нисходятъ почти на степень животныхъ... Сколько правды во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ, мѣстами поразительно схожихъ съ мнѣніемъ Брандеса, выраженнымъ въ публичной его лекціи о Зола! Одинаково далекій отъ безусловнаго восторга золаистовъ и отъ негодованія классиковъ или пуристовъ, Леметръ стремится исключительно къ тому, чтобы *понять* Зола и показать его такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Свободный отъ предвзятой мысли, критикъ не предъявляетъ къ романисту требованій, которыхъ послѣдній не можетъ

исполнить; брать, что дають, и отыскивать, въ получаемой такимъ образомъ рудѣ, крупицы драгоцѣннаго металла — вотъ главная задача Леметра. Дѣйствующія лица ругонъ-маккаровской эпопеи *живутъ*—этого для него довольно; *какова ихъ жизнь*—вопросъ, сравнительно, второстепенный... Къ общей оцѣнкѣ писателя присоединяется у Леметра рядъ отдѣльныхъ замѣчаній, бо̀льшею частью вѣрныхъ и остроумныхъ. Указавъ на пристрастіе Зола къ изображенію самыхъ грубыхъ, самыхъ низменныхъ сторонъ человѣческаго существованія, Леметръ продолжаетъ: „иногда г. Зола увлекается и рисуетъ широкія картины, въ которыхъ нѣтъ и слѣда плотскихъ слабостей; но затѣмъ онъ точно чувствуетъ раскаяніе, точно вспоминаетъ, что человѣкъ вездѣ и всегда остается животнымъ, и неожиданно вставляетъ въ свой разсказъ какую-нибудь циничную черту, въ качествѣ memento о всему присущей грязи“ (comme un memento de l'ordure universelle). Не менѣе удачно другое выраженіе Леметра: „романтизмъ—это въ одно и тоже время и отецъ Зола, и его bête noire“. Нѣтъ почти ни одного этюда, въ которомъ не нашлось бы такихъ же мѣткихъ опредѣленій. „Сюлли-Прюдоммъ,—читаемъ мы въ статьѣ объ этомъ поэтѣ,—расширилъ область поэзіи въ двѣ противоположныя стороны: въ сторону мечты и въ сторону спекулятивной мысли, тамъ соприкасаясь съ музыкой, здѣсь—съ прозой“... Сравнивая добросовѣстныхъ ученыхъ съ тѣми средневѣковыми рабочими, которые влагали всю свою душу въ обтеску камня, предназначеннаго для собора, Леметръ говоритъ о Гастонѣ Пари, соединяющемъ ученость съ артистическимъ чувствомъ: „искусный каменьщикъ, онъ могъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарисовать въ совершенствѣ планъ цѣлой постройки“. Очень удачно Леметръ пользуется и орудіемъ исторической параллели. Онъ предпринимаетъ иногда цѣлыя экскурсіи въ прошедшее, чтобы выяснить интересующій его современный типъ; онъ раскрываетъ, напримѣръ, преемственную связь Мопассана съ мастерами эротической новеллы, гривуазнаго разсказа, въ особенности съ Лафонтэномъ, и подчеркивая, въ то же время, различіе между прежней и новой разновидностями стариннаго жанра, присоединяетъ къ оправданію Мопассана характеристику свойствъ, дѣлающихъ его однимъ изъ главныхъ представителей „модернизма“. Чтобы понять, какимъ образомъ въ одномъ лицѣ (Армана Сильвестра) можетъ совмѣститься платоническій поэтъ съ бульварнымъ порнографомъ, Леметръ перебираетъ мысленно всѣ аналогическія явленія французской литературы, вспоминаетъ о Маро, Ренье, Жанъ-Баптистѣ Руссо. Разбору поэзіи Франсуа Коппе́ предпосланъ обзоръ главныхъ измѣненій, кото-

рымъ подвергалась, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, французская версификація. Все это сжато, легко (но не легковѣсно), чуждо всякаго педантизма. Иногда Леметру достаточно одного сравненія, чтобы бросить яркій свѣтъ на изучаемаго писателя; таково, напримѣръ, сравненіе Сюлли-Прюдомма съ Андре́ Шенье —по выбору нѣкоторыхъ сюжетовъ, съ Ренаномъ—по настроенію нѣкоторыхъ поэмъ.

Фердинандъ Брюнетьеръ составляетъ во многомъ прямую противоположность съ Жюлемъ Леметромъ. Леметръ передаетъ свои впечатлѣнія, Брюнетьеръ постоянно разсуждаетъ; Леметръ бесѣдуетъ съ читателями, Брюнетьеръ ихъ поучаетъ; Леметръ не хочетъ знать никакой теоріи, Брюнетьеръ ни на мигъ не отступаетъ отъ однажды принятой доктрины. Леметръ воспитался преимущественно на XIX-мъ, Брюнетьеръ—на XVII-мъ вѣкѣ. Леметръ—человѣкъ своего времени; Брюнетьеръ чувствуетъ себя всего свободнѣе и лучше, когда перенесется въ давно прошедшую эпоху. Чтобы справедливо оцѣнить Брюнетьера, нужно прочесть его этюды о Расинѣ, Мольерѣ, Боссюэ, Паскалѣ; здѣсь его главная сила, потому что здѣсь его сердечныя привязанности. Если вѣрить Леметру, даже языкъ Брюнетьера—именно тотъ самый, которымъ стали бы писать классики временъ Людовика XIV-го, внезапно перенесенные въ теперешнюю Францію. Насъ интересуютъ, на этотъ разъ, только взгляды Брюнетьера на современную литературу, и потому намъ придется меньше говорить о его достоинствахъ, чѣмъ о его недостаткахъ. Нельзя сказать, однако, чтобы послѣдніе безусловно преобладали надъ первыми даже въ статьяхъ о „натуралистическомъ романѣ“. Мнѣнія Брюнетьера, рѣдко безпристрастныя въ цѣломъ, часто основательны въ подробностяхъ. Изъ того, что онъ не захотѣлъ или не съумѣлъ подмѣтить сильныя стороны Зола или Гонкуровъ, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не бывалъ, сплошь и рядомъ, правъ въ указаніи и оцѣнкѣ ихъ слабыхъ сторонъ. Онъ безпрестанно впадаетъ въ крайность, но это—крайность реакціи, служащая небезполезнымъ коррективомъ преувеличенныхъ и тенденціозныхъ похвалъ. Возьмемъ, для примѣра, его отношеніе къ Зола, одинаково враждебное какъ въ 1875 г., когда ему пришлось говорить о первыхъ пяти романахъ ругонъ-маккаровскаго цикла, такъ и въ 1882, когда онъ разбиралъ „Pot Bouille“. Безъ сомнѣнія, онъ просмотрѣлъ настоящіе источники силы и оригинальности Зола; зато онъ не ошибся въ сигнализированіи подводныхъ камней, на которые наталкивается, не разбиваясь, мощный корабль

учителя, но которые становятся гибельными для болѣе мелкихъ лодокъ учениковъ. Еще лучше удалась Брюнетьеру полемика противъ теоретическихъ разсужденій Зола. Онъ показалъ наглядно, что натурализмъ и реализмъ внесены въ литературу задолго до ультра-натуралистической проповѣди, что предшественниками новѣйшихъ реалистовъ были, между прочимъ, тѣ самые писатели, на которыхъ они всего ожесточеннѣе нападаютъ (Руссо, В. Скоттъ, Ж.-Зандъ), что простотой замысла и интриги „Вертеръ", „Оберманъ", „Адольфъ" отличаются гораздо больше, чѣмъ многіе романы Бальзака. Онъ выставилъ въ яркомъ свѣтѣ несостоятельность того пріема, съ помощью котораго Зола-критикъ, Зола-доктринеръ поражаетъ старую „романтическую" манеру—пріема, сваливающаго въ одну кучу и основныя свойства жанра, и его извращенія или вырожденія. Подкапываясь подъ пьедесталъ В. Гюго и Ж.-Занда, Зола точно смѣшиваетъ ихъ, порою, съ Дюма-отцомъ или Фредерикомъ Сулье; по справедливому замѣчанію Брюнетьера, это все равно, какъ еслибы кто-либо сталъ бороться съ „натуралистическимъ" романомъ, заимствуя матеріалъ для его характеристики... изъ произведеній Поль-де-Кока. Мы сочувствуемъ Брюнетьеру и тогда, когда онъ протестуетъ противъ попытокъ Зола осквернить, если можно такъ выразиться, память Ламартина и Ж.-Занда соединеніемъ ихъ именъ съ самыми несимпатичными героинями „Pot-Bouille" [1]). Скажемъ болѣе: Брюнетьеръ былъ однимъ изъ первыхъ, констатировавшихъ противорѣчіе между теоріей и практикой Зола, упрекнувшихъ его въ отступленіи отъ основного принципа „экспериментализма". Зола,—говоритъ критикъ по поводу „Pot-Bouille",—пересталъ наблюдать. Son siège est fait, онъ знаетъ уже все то, чтò ему нужно знать; содержаніе его романовъ предрѣшено помимо тѣхъ справокъ, которыя онъ еще заблагоразсудитъ навести; онъ ограничивается *выводами* изъ заранѣе поставленныхъ посылокъ. Правда, къ послѣднимъ романамъ Зола это замѣчаніе примѣнимо въ гораздо меньшей степени — но въ дѣятельности романиста былъ моментъ, когда ему несомнѣнно угрожала опасность, указанная Брюнетьеромъ... Къ братьямъ Гонкурамъ нашъ критикъ справедливъ еще менѣе, чѣмъ къ Зола, но это не мѣшаетъ ему оцѣнить совершенно вѣрно претенціозность и изысканность Эдмона Гонкура, какъ автора „Faustin". Отсутствіе у Брюнетьера безусловнаго parti pris про-

[1]) Madame Жоссеранъ читаетъ „Jocelyn"; „André" Ж. Занда становится орудіемъ „сближенія" между Октавомъ Мурэ и Маріей Пишонъ. Въ связи съ критическими статьями Зола, это сопоставленіе не можетъ быть признано ни случайнымъ, ни безобиднымъ.

тивъ всей новомодной беллетристики доказывается высокимъ мнѣніемъ его о дарованіи Альфонса Додэ. Онъ дошелъ до этого мнѣнія не сразу; еще послѣ появленія „Fromont jeune et Risler aîné“ онъ совѣтовалъ Додэ не выходить изъ сферы очерка или разсказа,—но тѣмъ искреннѣе удивленіе, внушенное ему „Набобомъ“ и „Королями въ изгнаніи“. Эти романы заставили его признать, хотя и не безъ оговорокъ, законность „импрессіонизма“ въ изящной литературѣ. Этюдъ, озаглавленный: „l'Impressionisme dans le roman“, заключаетъ въ себѣ множество тонкихъ замѣчаній; особенно интересенъ разборъ техническихъ пріемовъ, съ помощью которыхъ Додэ увлекаетъ и покоряетъ своихъ читателей.

Всего тщательнѣе, изъ писателей несимпатичнаго ему лагеря, Брюнетьеръ изучаетъ Флобера, которому онъ, по вѣрному замѣчанію Леметра, „почти отдаетъ справедливость“. Дѣйствительно, не вполнѣ или недостаточно признанными остаются у Брюнесьера только немногія достоинства Флобера. Это тѣмъ болѣе говоритъ въ пользу критика, что онъ долженъ былъ постоянно вести борьбу съ своими вкусами, остерегаться отъ ошибокъ, въ которыя его могла вовлечь излюбленная система. „Не всѣ, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ раннихъ статей, — обладаютъ даромъ схватывать въ формѣ ὀбраза то, чтὸ представляется массѣ въ видѣ абстрактнаго выраженія предметовъ; но одного этого дара еще недостаточно... Изъ прозаическихъ и низкихъ сторонъ существованія нужно умѣть выдѣлить скрытое въ нихъ прекрасное; нужно отбрасывать, выбирать, нужно видоизмѣнять дѣйствительность (transfigurer la réalité), чтобы извлечь изъ нея идею высшей красоты. Мы принадлежимъ дѣйствительности только наименѣе благородными нашими сторонами (!) — необходимостью ежедневнаго труда, низводящаго насъ на степень машины, аппетитами, приближающими насъ къ животному; все, чтὸ есть въ насъ высшаго, способствуетъ нашему освобожденію отъ ига плоти. Въ этомъ смыслѣ можно было утверждать, что *міръ искусства истиннѣе природы и исторіи*—истиннѣе потому, что въ его сферѣ стушевывается поразительное противорѣчіе между величіемъ цѣли, къ которой мы стремимся, и жалкою слабостью средствъ, которыми мы располагаемъ... Конечно, нѣтъ такого униженнаго, презрѣннаго человѣка, который не могъ бы быть избранъ въ герои романа, но подъ однимъ условіемъ: чтобы въ глубину его униженія проникъ лучъ идеала, чтобы изъ тѣснаго круга, въ который онъ замкнутъ происхожденіемъ или порокомъ, онъ былъ перенесенъ въ область чувствъ, заставляющихъ биться каждое сердце“. Съ такими мнѣніями о задачахъ искусства до

крайности трудно понять Флобера, и если Брюнетьеръ все-таки до извѣстной степени его понялъ, то это объясняется критическимъ тактомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ теоретическое предубѣжденіе. Опредѣлить значеніе Флобера въ исторіи современной мысли и современнаго чувства, какъ это сдѣлали или пытались сдѣлать Брандесъ и Бурэ, Брюнетьеръ, безъ сомнѣнія, не могъ; но его статьи о Флоберѣ составляютъ крупный вкладъ въ эстетику новѣйшаго романа. Повторяя, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, работу, раньше исполненную имъ по отношенію къ Додэ, Брюнетьеръ анализируетъ весьма искусно внѣшніе пріемы творчества Флобера. Онъ показываетъ, напримѣръ, какимъ могучимъ орудіемъ служитъ, въ рукахъ автора „Madame Bovary", „транспозиція чувства въ ощущеніе", т.-е. выраженіе душевнаго состоянія въ соотвѣтствующемъ ему внѣшнемъ образѣ („она вспомнила свои мечты, упавшія въ грязь, *какъ раненыя ласточки*"; „любовь, въ которую она была погружена, стала понижаться, *какъ вода въ рѣкѣ*, *поглощаемая почвой* — и обнаружилось илистое дно рѣки"). Онъ обращаетъ вниманіе на ловкій выборъ грамматическихъ формъ, на мастерское употребленіе временъ, напр., прошедшаго несовершеннаго (imparfait), времени по преимуществу поэтическаго, означающаго какъ бы нѣчто среднее между настоящимъ и минувшимъ [1]). Онъ подчеркиваетъ роль, отводимую Флоберомъ воспоминаніямъ и мечтамъ—роль, благодаря которой романъ освобождается отъ длинныхъ вступленій и все существенное изъ прежней жизни дѣйствующихъ лицъ проходитъ передъ нами постепенно, мало-по-малу, въ видѣ отрывковъ, пріуроченныхъ къ удобному случаю и неразрывно связанныхъ съ ходомъ разсказа. Онъ констатируетъ различіе между описаніями классическими, мало опредѣленными, останавливающимися на общихъ чертахъ картины и едва выдѣляющими ту или другую ея подробность,—описаніями романтическими, нанизывающими одинъ эпизодъ на другой, безъ конца и безъ связи,— и лучшими описаніями Флобера, въ которыхъ все живетъ одною жизнью, все двигается и развивается гармонично и параллельно: обстановка, детали, дѣйствіе, душевныя движенія. По справедливому замѣчанію Брюнетьера, Флоберъ,—въ особенности Флоберъ „Madame Bovary" и „Education sentimentale",—стоитъ, въ этомъ отношеніи, гораздо выше Зола, описанія котораго слишкомъ часто обращаются въ перечисленія. Вотъ еще одна особенность

[1]) Такой же взглядъ на значеніе imparfait мы встрѣчаемъ въ статьѣ Бурже о братьяхъ Гонкурахъ.

описаній Флобера, подмѣченная Брюнетьеромъ: это—завершеніе ихъ такою чертою, которая сразу сообщаетъ имъ опредѣленную, яркую окраску. Таково, напримѣръ, паденіе зрѣлаго персика, оттѣняющее собою тишину осенней (именно *осенней*) ночи, или удары одиночныхъ капель о раскрытый зонтикъ, дорисовывающіе картину оттепели. Едва ли можно отрицать, что для уясненія *техники* Флобера всѣ эти замѣчанія Брюнетьера имѣютъ большую цѣнность, — а Флоберъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, у которыхъ техника намѣренно выдвигается на первый планъ и дѣйствительно имъ овладѣваетъ.

Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что, кромѣ техническаго искусства, доведеннаго до чрезвычайно высокой степени, Брюнетьеръ у Флобера ничего не видитъ. На одну доску съ техникою онъ ставитъ и психологію „Madame Bovary", признавая этотъ романъ—по нашему мнѣнію, совершенно справедливо—вѣнцомъ творчества Флобера. Первое произведеніе Флобера имѣло счастье появиться во время и сдѣлаться, вслѣдствіе этого, точно рубежомъ между двумя эпохами. Романтизмъ въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ отживалъ свой вѣкъ; претензію на открывшееся наслѣдство заявлялъ вульгарный реализмъ Мюрже и Шанфлери. Въ эту минуту выступилъ на сцену законный наслѣдникъ, законный уже потому, что онъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ умирающимъ. „Madame Bovary",—говоритъ Брюнетьеръ,—„соединила въ себѣ то, что желательно было сохранить изъ романтизма, съ тѣмъ, что было справедливаго въ требованіяхъ реализма". Наравнѣ съ Леметромъ, Брюнетьеръ измѣряетъ достоинство произведенія прежде всего его жизненностью, —а жизнь бьетъ ключомъ въ „Madame Bovary". Документальная точность сама по себѣ не имѣетъ большой цѣны, но она чрезвычайно важна въ связи съ другими достоинствами, также находящимися на лицо въ „Madame Bovary". Дѣйствующія лица этого романа, не исключая самыхъ второстепенныхъ, не только живутъ—они живутъ какъ типическіе представители своей профессіи, своего класса, своего медвѣжьяго угла. Кто захочетъ познакомиться съ нравами французской провинціи около половины XIX-го вѣка, тотъ долго еще будетъ обращаться къ первому роману Флобера. Еще важнѣе, впрочемъ, центральная фигура романа—Эмма Бовари, изображенная, по выраженію Брюнетьера, „во всей полнотѣ ея натуры" и стоящая на одномъ уровнѣ съ самыми долговѣчными созданіями искусства.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что Брюнетьеръ—вовсе не узколобый педантъ, не школьный учитель,

какимъ стараются его выставить фанатики „модернизма". Несвободный отъ доктринерства, онъ не погружается въ него съ головой, и если видитъ далеко не все, то многое видитъ какъ нельзя лучше. Онъ одностороненъ и исключителенъ наравнѣ съ Зола, ничуть не больше, только въ направленіи прямо противоположномъ. Въ одинаковомъ разстояніи отъ нихъ обоихъ стоитъ Леметръ, одинаково хорошо, поэтому, понимающій и того, и другого. „Въ самомъ несовершенномъ произведеніи Флобера,—такъ заканчиваетъ Леметръ свою статью о Брюнетьерѣ, — я люблю самого Флобера; въ самомъ строгомъ этюдѣ г. Брюнетьера мнѣ нравится самъ г. Брюнетьеръ. Желать ему побольше легкости, побольше снисходительности я не стану; это ему только бы повредило. Пускай онъ остается тѣмъ, что̀ есть; соглашаясь съ нимъ развѣ въ одномъ случаѣ изъ десяти, я всегда уважаю въ немъ мастера своего дѣла".

Поль Буржэ не похожъ ни на Леметра, ни на Брюнетьера — не похожъ на нихъ уже потому, что онъ не критикъ по профессіи, не совсѣмъ критикъ даже въ своихъ критическихъ этюдахъ. „Я вовсе не имѣлъ въ виду, — говоритъ онъ въ предисловіи къ первому тому „Опытовъ современной психологіи",— обсуждать дарованія, изображать характеры; личность изучаемыхъ авторовъ едва намѣчена мною, ихъ пріемы анализированы лишь настолько, насколько они служатъ признаками времени. Я хотѣлъ только подготовить кое-какой матеріалъ для будущаго историка нравственной жизни во второй половинѣ XIX вѣка". Въ предисловіи ко второму тому Буржэ опредѣляетъ свою задачу еще точнѣе; предметъ его изслѣдованій — „нѣкоторыя изъ причинъ современнаго пессимизма" или, другими словами, отраженіе пессимизма въ литературѣ, въ свою очередь отражающееся на обществѣ. Леметръ, въ своей статьѣ о Буржэ, формулируетъ ту же мысль нѣсколько иначе: онъ замѣчаетъ, что критика въ рукахъ Буржэ становится чѣмъ-то похожимъ на автобіографію. Прежде всего и больше всего Буржэ изучаетъ тѣ вліянія, которыя онъ испыталъ на самомъ себѣ. Онъ описываетъ преимущественно душевныя состоянія, имъ самимъ пережитыя, объясняетъ преимущественно взгляды, имъ самимъ усвоенные—и эта внутренняя исторія автора является, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрывкомъ изъ исторіи цѣлаго поколѣнія. Намъ кажется, что Леметръ правъ; главная сила—или, по меньшей мѣрѣ, главная прелесть — критическихъ этюдовъ Буржэ заключается именно въ личномъ элементѣ, которымъ они насквозь проникнуты. Полной оцѣнки изучаемыхъ имъ

писателей онъ не даетъ, но зато нѣкоторыя ихъ стороны выступаютъ на видъ необыкновенно ярко и рельефно.

Прослѣдимъ, для примѣра, этюдъ Буржэ о Флоберѣ. Какъ и въ другихъ своихъ статьяхъ, молодой критикъ—слѣдуя, въ этомъ отношеніи, методу Тэна—пріурочиваетъ свои замѣчанія къ двумъ-тремъ чертамъ, особенно характеристичнымъ. Онъ говоритъ сначала о романтизмѣ Флобера, потомъ о его нигилизмѣ, въ заключеніе—о его эстетической теоріи. Флоберъ не только выросъ въ эпоху торжества романтизма, не только воспитался подъ его вліяніемъ, но усвоилъ себѣ и сохранилъ навсегда нѣкоторыя отличительныя его свойства. Страсть къ экзотизму — ко всему чужому, странному, мало извѣстному, далекому въ пространствѣ и времени, — овладѣла Флоберомъ съ такою же силой, какъ и неутолимая жажда интенсивныхъ ощущеній. Романтическій идеалъ, слагающійся именно изъ этой жажды и этой страсти, былъ неосуществимъ, и чѣмъ жарче было стремленіе къ идеалу, тѣмъ бо̀льшей опасностью оно угрожало личному счастью. Флоберъ чувствовалъ себя титаномъ; находился ли онъ во власти атавизма, кипѣла ли въ немъ кровь старыхъ норманскихъ пиратовъ, дикихъ и безпокойныхъ какъ океанъ во всякомъ случаѣ нормальнымъ его состояніемъ была экзальтація, обусловливаемая грандіознымъ честолюбіемъ и сознаніемъ собственной силы. Чѣмъ-то прямо противоположнымъ этому состоянію являлась среда, въ которую былъ поставленъ Флоберъ—среда какъ въ самомъ тѣсномъ, такъ и въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. У него не было ничего общаго ни съ отцомъ, ни съ роднымъ городомъ (Руаномъ), ни съ Франціей временъ Людовика-Филиппа. Этого мало: къ противорѣчію съ средой и съ эпохой присоединялось въ Флоберѣ противорѣчіе съ самимъ собою. Рано пораженный неизлечимымъ недугомъ, онъ понялъ слабость и ничтожество человѣческаго организма онъ, который только-что съ разбѣга хотѣлъ взять безконечное. Онъ былъ, въ одно и то же время, поэтъ и аналитикъ, а эта комбинація—величайшее несчастье, какое только можетъ выпасть на долю писателя. Всѣ герои Флобера постигнуты тѣмъ же несчастьемъ; они всѣ неспособны наслаждаться, потому что всѣ слишкомъ многаго ожидали отъ наслажденья и всѣ привыкли сравнивать ожиданіе съ осуществленіемъ (говоря словами Пушкина, они всѣ думаютъ даже въ такое время, когда не думаетъ никто). Отсюда только одинъ шагъ до вывода, что такова общая судьба современнаго человѣка—и вотъ, по мнѣнію Буржэ, источникъ пессимизма и нигилизма, свойственнаго Флоберу. Разлагающимъ элементомъ является мысль, предшествующая опыту;

нужно ли, затѣмъ, развивать и поощрять работу мысли, какъ это дѣлаетъ наше время? Не играетъ ли оно съ мыслью, какъ ребенокъ съ ядомъ? Не подкапывается ли мысль подъ физическое здоровье, подъ чувство, подъ волю?... Утомленный и истощенный самосознаніемъ, Флоберъ желалъ слиться съ природой, *сдѣлаться матеріей*; страстнымъ выраженіемъ этого желанія заканчивается любимое произведеніе Флобера — „Tentation de Saint-Antoine". Послѣдовательнымъ выходомъ изъ такого состоянія было бы самоуничтоженіе, погруженіе въ Нирвану; но Флоберъ не даромъ былъ сыномъ расы, привыкшей къ оптимизму и къ труду. Онъ не измѣнилъ наслѣдственной привычкѣ,—и весь предался борьбѣ; бороться можно вѣдь не только дѣломъ, но и словомъ и съ словами. Романтизмъ и наука, оспаривавшіе другъ у друга власть надъ Флоберомъ, вступили въ союзъ, чтобы изобразить внутренній міръ его художественныхъ созданій. Всѣ завоеванія, сдѣланныя романтическимъ языкомъ, обратились у Флобера въ средства къ достиженію одной главной цѣли: къ воплощенію, путемъ слова, образовъ, ассоціація которыхъ образуетъ психическую жизнь. Нигилистъ Флоберъ жаждалъ абсолютнаго— и, не находя его ни внѣ себя, ни въ самомъ себѣ, сталъ искать его въ чемъ-то безличномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невещественномъ: *въ писанной фразѣ*. Ему казалось, что хорошо построенная фраза неразрушима, что она возвышается надъ всеобщей бренностью вещей (elle existe d'une existence supérieure à l'universelle caducité). И въ самомъ дѣлѣ, есть сочетанія словъ, настолько совершенныя и правильныя, что измѣнить ихъ къ лучшему было бы невозможно. Найти подобное сочетаніе — значитъ испытать такую же полноту умственнаго счастья, какую очевидность доставляетъ математику. Созерцаніе найденнаго прекращаетъ, на мгновенье, вѣчную душевную тревогу; умъ какъ бы живетъ въ созданной имъ фразѣ, содрогается отъ блаженства, примиряется съ бременемъ существованія [1]). За этимъ блаженствомъ, за этимъ примиреніемъ Флоберъ гонялся всю жизнь и, становясь все требовательнѣе, все строже къ самому себѣ, доходилъ до агоніи труда, болѣлъ мономаніей совершенства. Зато ему удалось задержать упадокъ французской прозы, этого сокровища, завѣщаннаго великою римскою цивилизаціей. Уступая въ поэзіи—англичанамъ,

[1]) Въ статьяхъ Бурже многое не поддается переводу; мы не беремся передать съ точностью фразы въ родѣ слѣдующихъ: „l'angoisse de l'esprit se détend une minute dans cette contemplation, disons mieux, dans cette incarnation, car l'esprit n'habite-t-il pas la phrase qu'il est parvenu à créer? De tels frissons de toute notre nature intelligente sont si pénétrants qu'ils consolent du mal d'exister".

въ музыкѣ—нѣмцамъ, въ пластическихъ искусствахъ—южнымъ своимъ сосѣдямъ, французы остаются абсолютными королями въ области прозы, и представителемъ этой королевской власти былъ, до самой своей смерти, Гюставъ Флоберъ.

Такова, въ главныхъ чертахъ, характеристика Флобера, набросанная Полемъ Буржэ. Критическая манера молодого писателя отразилась здѣсь со всѣми своими сильными и слабыми сторонами. Его Флоберъ живетъ и дышетъ, какъ центральная фигура психологическаго романа. Матеріалъ для нея заимствованъ изъ дѣйствительности, но въ его комбинаціи и группировкѣ мы узнаемъ скорѣе художника, чѣмъ критика. Послѣдовательность и простота, съ которою одно господствующее свойство вытекаетъ изъ другого, слишкомъ велики; на самомъ дѣлѣ двигатели, руководящіе жизнью, бываютъ гораздо сложнѣе. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что Буржэ составляетъ себѣ прежде всего общій взглядъ на писателя и потомъ уже ищетъ подтвержденій этому взгляду или просто доводитъ его до крайнихъ логическихъ его результатовъ. *Выводы* критика безукоризненны, но исходная ихъ точка иногда виситъ на воздухѣ. Если Флоберъ былъ скованнымъ титаномъ, то многое вытекаетъ отсюда само собою; но гдѣ доказательства этой титанической силы, этихъ „порывовъ въ безконечное“? Догадка относительно „атавизма“, цитата изъ романа Гонкуровъ, ссылка на впечатлѣніе, которое производилъ состарѣвшійся Флоберъ—этого слишкомъ мало, чтобы укрѣпить краеугольный камень цѣлой психологической постройки. *Возможность* перехода отъ романтизма къ нигилизму мотивирована у Буржэ какъ нельзя лучше; но возможное и реальное—не одно и то же, и мы не убѣждены, чтобы въ данномъ случаѣ одно совпадало съ другимъ. Оставлены въ сторонѣ критикомъ и скинуты со счетовъ такія данныя, которыя могли бы существенно повліять на рѣшеніе вопроса. Брюнетьеръ, безъ сомнѣнія, неправъ, называя Флобера *счастливымъ*,—но, по свидѣтельству друзей Флобера, въ его натурѣ было много добродушной наивности, онъ умѣлъ и любилъ быть веселымъ. Въ портретѣ, нарисованномъ Буржэ, для этихъ свойствъ не остается мѣста. На первый планъ выдвигаются черты, наиболѣе родственныя самому критику; когда Буржэ говоритъ о сочетаніи поэзіи съ анализомъ, какъ о неистощимомъ источникѣ печали, онъ несомнѣнно имѣетъ въ виду еще больше самого себя, нежели Флобера. Въ романахъ Буржэ весь интересъ сосредоточивается на немногихъ главныхъ лицахъ; не потому ли критикъ касается почти однихъ центральныхъ образовъ Флобера, хотя именно у послѣдняго (особенно въ „Education sentimentale“)

играютъ громадную роль второстепенныя фигуры?.. Собственный опытъ, зато, предохранилъ Буржэ отъ ошибки, въ которую слишкомъ часто впадаютъ поклонники Флобера; онъ понялъ, что Флоберъ только *хотѣлъ быть*, но не былъ на самомъ дѣлѣ писателемъ абсолютно безстрастнымъ и объективнымъ. „Флоберъ, —по мѣткому выраженію Буржэ,—только прикрылъ свое *я*, но не удалилъ его изъ своихъ произведеній. Подобно тому, какъ самая цѣломудренная одежда—будь она грубой монашеской рясой или тонкимъ шелковымъ пеньюаромъ — намѣчаетъ и выдаетъ формы тѣла, одѣяніе словъ, накинутое на чувствительность писателя, не можетъ скрыть ее совершенно".

Тонкій, чуткій, полный поэзіи, Буржэ меньше всего грѣшитъ банальностью, повтореніемъ ходячихъ мнѣній; тѣмъ рѣзче бросаются въ глаза немногія мѣста, составляющія исключеніе изъ общаго правила. Къ числу такихъ исключеній принадлежитъ приведенное нами мнѣніе Буржэ о французской прозѣ. Въ сферѣ прозы, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ искусства, нѣтъ мѣста для абсолютной монархіи; старинное выраженіе: république des lettres—сохраняетъ и здѣсь полную силу. Проза Гёте и Гейне, Тэккерея и Эллiота не уступаетъ лучшимъ образцамъ французской прозы, подобно тому, какъ проза Мериме, Теофиля Готье, Альфонса Додэ едва ли уступаетъ прозѣ Флобера. Флоберъ, какъ прозаикъ, не былъ королемъ ни всемірнымъ, ни спеціально-французскимъ. Нужно ли прибавлять, что меньше всего можемъ признать за нимъ этотъ санъ мы, русскіе, обладающіе Тургеневской прозой?.. Кстати о Россіи: критики, которымъ посвящена настоящая статья, всѣ знакомы, въ той или другой степени, съ русской литературой. Брюнетьеръ посвятилъ цѣлую статью извѣстному роману: „Что̀ дѣлать"; Леметръ, говоря о послѣднемъ произведеніи Октава Фёлье („Une morte"), противопоставляетъ шаблонной матеріалисткѣ французскаго писателя (Сабинѣ, являющейся воплощеніемъ всѣхъ пороковъ) живой образъ русскаго нигилиста, нарисованный въ „Преступленіи и Наказаніи"; Буржэ подробно, съ любовью изучаетъ Тургенева. Онъ преувеличиваетъ, какъ намъ кажется, зависимость Тургенева отъ умственнаго движенія, составляющаго главный предметъ „Психологическихъ этюдовъ"; онъ ошибается, утверждая, что высшимъ развитіемъ наблюдательности Тургеневъ былъ обязанъ французскимъ вліяніямъ и идеямъ,—но это не мѣшаетъ ему глубоко понимать нѣкоторыя черты нашего великаго романиста. Весьма тонко, напримѣръ, подмѣченъ у Буржэ личный характеръ, такъ часто свойственный описаніямъ Тургенева (т.-е. тѣсная связь между картиной и на-

строеніемъ того, кто ее видитъ); вѣрно опредѣлена разница между „средними, заурядными людьми", выводимыми у Тургенева и у французскихъ реалистовъ. У послѣднихъ человѣкъ толпы всего чаще является безсильнымъ, стертымъ (usé), у перваго— незаконченнымъ (inachevé) и побѣжденнымъ. Положимъ, что неудачники (râtés) выводятся на сцену и Тургеневымъ; достаточно назвать Веретьева („Затишье"), пропущеннаго Буржэ, но въ современномъ французскомъ романѣ имъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ произведеніяхъ Тургенева.

Критикъ-психологъ, критикъ-доктринеръ, и критикъ-дилеттантъ (въ лучшемъ смыслѣ слова): въ этой короткой формулѣ резюмируется все сказанное нами о Буржэ, Брюнетьерѣ и Леметрѣ. Преимущество дарованія — несомнѣнно на сторонѣ перваго; но работа послѣднихъ далеко не безплодна, и если Брюнетьеръ, удерживаемый тѣсными рамками теоріи, едва ли пойдетъ дальше и поднимется выше, то отъ Леметра, свободнаго и полнаго юношеской силы, можно ожидать еще многаго. Изъ „впечатлѣній" — на это мы находимъ намекъ и въ предисловіи къ первой части „Contemporains"—можетъ выработаться, современемъ, цѣлый рядъ „заключеній".

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ ТЕННИСОНА.

Ночь ли, горящая ризою звѣздной,
Мчится надъ бездной
Темныхъ морей,
Утро ль надъ спящими мирно водами
Блещетъ лучами
Алыхъ огней, —
Образъ любимый горитъ предо мною,
Жжетъ мое сердце безумной тоскою...
Призракъ обманутой, горькой любви
Брызжетъ отравою въ раны мои.

Мчись же, мой парусъ, стрѣлою летучей
По влагѣ пѣвучей
Водъ голубыхъ!
Вѣрь мнѣ—покуда ты, гордая, дышешь,—
Ты не услышишь
Жалобъ моихъ.
Пусть пролетятъ вереницею годы,—
Кровью купилъ я отраду свободы;
Пусть надрывается сердце тоской—
Воля, и гордость, и пѣсни со мной.

ИЗЪ ТОМАСА МУРА.

О, не шепчите надъ гробомъ вы имя его дорогое!
Пусть оно спитъ подъ землею въ глубокомъ и вѣчномъ покоѣ,
Пусть наши слезы печальныя льются изъ глазъ омраченныхъ
Тихо, какъ пéрлы росинокъ, дрожащихъ на ландышахъ сонныхъ.

Падаетъ тихо роса на коверъ изумруднаго луга,
Но отъ нея зеленѣетъ могила усопшаго друга;
Тихія жаркія слезы надъ этой печальной могилой
Въ теплыхъ сердцахъ оживятъ его образъ волшебною силой...

Я тихо брелъ въ тѣни задумчиваго сада...
Ночь мчалась надо мной, прозрачна и свѣтла,
И ароматная прохлада
Меня, какъ друга, обняла...

Изъ зелени вѣтвей, трепещущихъ и сонныхъ,
Летѣлъ, лаская слухъ, живой привѣтъ веснѣ
Незримаго пѣвца ночей посеребренныхъ,
Грёзъ опьяняющихъ, безумныхъ и влюбленныхъ...
Всего, что̀ такъ давно сжигало сердце мнѣ.

И въ синевѣ небесъ мерцали надо мною
Любимые глаза, и въ пѣснѣ соловья,
Окованный одной безсмертною мечтою,
Любимый голосъ слышалъ я...

И встрѣчи прежнія нежданно воскресали—
Подъ тѣнью блѣдныхъ ивъ надъ дремлющей рѣкой—
И въ сердце старый ядъ невидимо вливали,
И жгли меня блаженною тоской...

И все, что̀ сладкою отравою обмана
Вливалось въ грудь мою, что̀ отвлекло меня
Отъ битвъ, трудовъ и жертвъ—изъ сѣрой мглы тумана
Вставало предо мной подъ гимны соловья.

И стыдъ не жегъ меня, и пламя тайной муки
Въ душѣ не вспыхнуло!.. Подъ сладостные звуки,
Безъ думы сумрачной, безъ покаянныхъ слезъ,
Въ безсильѣ опустивъ безпомощныя руки,
Я пилъ блаженный ядъ воскресшихъ лживыхъ грёзъ...

Не рыдай надъ пустынной могилой!
Не оплакивай радужныхъ дней,
Чтó сковали съ волшебною силой
Васъ незримою цѣпью своей!

Изъ тумана невзгодъ и ненастья,
Зажигая волненье въ крови,
Улыбалось вамъ свѣтлое счастье
Благодатной взаимной любви.

Вы дышали блаженствомъ весною,
Не кляни-жъ разразившійся громъ
И иди съ закаленной душою
Многотруднымъ путемъ.

Теплотою живого участья
Согрѣвай изстрадавшійся людъ,
Гдѣ, не зная спокойнаго счастья,
Непомѣрное иго несутъ;

Гдѣ не горечь нежданной разлуки,
А борьба съ нищетой безъ конца,
Безъисходныя, вѣчныя муки
Омрачаютъ сердца...

ОТРЫВОКЪ.

... Какой разнузданный содомъ!
О, сколько зла и лжи кругомъ,
Разлито въ воздухѣ отравой!
Тутъ—умиленный патріотъ
Надъ трупомъ старины кровавой
Благоговѣйно слезы льетъ.
Тамъ лицемѣръ краснорѣчивый,
Боецъ отважный и прямой,
Какъ рабъ забитый и трусливый,
Предъ силой никнетъ головой.
Свои святыя убѣжденья
Въ мишурныхъ блёсткахъ пышныхъ фразъ
Для тупоумнаго глумленья
Мы выставляемъ на-показъ; —
Когда же грянетъ громъ нежданный
Мы вновь повержены во прахъ,
И замираетъ вопль желанный
На цѣпенѣющихъ устахъ.
Все тотъ же всюду шумъ безплодный
Неугомонной суеты...

Куда ни бросишь взглядъ—все лживо и ничтожно
Въ міркѣ презрѣнныхъ дрязгъ, разврата и цѣпей,
И сердце все болитъ, и рвется вдаль тревожно,
И проситъ воздуха и солнечныхъ лучей...
Природа вѣчная! раскрой свои объятья,
Дай силъ мнѣ на борьбу и влей мнѣ въ сердце вновь
Не безполезныя проклятья,
А животворную любовь!

СОНЪ.

Мнѣ снилось—смерть брела неслышными шагами
Ко мнѣ въ глубокой мглѣ
Безмолвной полночи—съ померкшими глазами,
Съ безстрастьемъ на челѣ,—

И, вѣя холодомъ, склонилась надо мною...
И—савана блѣднѣй —
Я ужасъ подавилъ, нахлынувшій волною,
И тихо молвилъ ей:
— Ты здѣсь!.. Струятся дни смѣющагося мая
Надъ радостной землей,—
А ты пришла ко мнѣ, безстрастная, нѣмая,
Съ мертвящею косой!
Помедли хоть на мигъ—и я приму забвенье;
Мнѣ душно и темно;
Отбросивъ ткань гардинъ, хоть на одно мгновенье
Открой мое окно!
Взгляни: надъ міромъ ночь прозрачно-голубая,
Въ одеждѣ золотой,
А ты пришла ко мнѣ, безстрастная, нѣмая,
Съ мертвящею косой!
Но если грудь мою сожжеть недугъ кровавый
И съ воплемъ на устахъ,
Не созданный для битвъ, забытый гордой славой,
Я обращусь во прахъ,
Но если ты, о, смерть! безсильна предъ судьбою —
Молю тебя, открой: —
Я буду-ль снова жить за сѣнью гробовою
Безсмертною душой?
И, отдавая дань могучему влеченью,
Покинувъ свой эѳиръ,
Могу-ль помчаться вновь неуловимой тѣнью
Въ родной преступный міръ,
Чтобъ вызвать вновь изъ мглы тревожной жизни гѳды
И тѣмъ послать привѣтъ,
Кто жадно рвался въ бой подъ знаменемъ свободы
За истину и свѣтъ,
Чтобы сродниться вновь съ ихъ чистыми мечтами
Отзывчивой душой,
Чтобъ слиться съ жизнью ихъ, чтобъ плакать ихъ слезами,
Томиться ихъ тоской?..

Ѳ. Ч—скій.

КЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Прошедшимъ лѣтомъ пришлось мнѣ поѣздить по нашимъ южнымъ степямъ и, между прочимъ, познакомиться съ тамошними переселенцами. Знакомство это представляло для меня большой интересъ. Хотя переселенческій вопросъ у насъ существуетъ уже давно, и почти каждый годъ мы прочитываемъ въ газетахъ переселенческія приключенія, изображаемыя то тѣмъ, то другимъ случайнымъ наблюдателемъ, но послѣдніе годы для переселенческаго дѣла имѣютъ особенно важное значеніе. Въ эти годы передвинулись большія массы и при новыхъ условіяхъ. Часть передвинулась на дальній востокъ—въ Сибирь, и о нихъ-то свѣденія бываютъ наиболѣе случайны. Другая часть идетъ на востокъ „не столь дальній"—въ Уфу и оренбургскій край. Сюда направляются преимущественно крестьяне рязанскіе, тульскіе, тамбовскіе, курскіе, вятскіе, а въ самое послѣднее время двинулись даже латыши. Наконецъ, третья часть направляется въ южныя степи—новороссійскія и при-кубанскія; сюда идутъ полтавцы, кіевцы, харьковцы и тоже куряне. Прикубанскихъ переселенцевъ очень много, и едва ли какая-нибудь статистика опредѣлитъ ихъ численность даже приблизительно, потому что большинство селится на владѣльческихъ земляхъ, безъ покупки ихъ, безъ перечисленій, тратя лишь собственныя деньги, такъ что переселеніе обходится почти безъ всякой помощи оффиціальныхъ учрежденій; невидимое ими, оно и не регистрируется. Усиленію переселенческаго движенія много содѣйствовалъ крестьянскій банкъ, потому что съ его помощью у переселяющихся явилась надежда

устроиться на новомъ мѣстѣ гораздо прочнѣе и удобнѣе. Прежній переселенецъ часто не зналъ—хватитъ ли у него средствъ для того, чтобы пріобрѣсти себѣ хотя клочокъ земли. Если переселенецъ и находилъ продажныя земли, то далеко не у большинства готовыхъ переселяться находились для того деньги: стало быть, надо идти наугадъ: можетъ-быть пріютятъ, а можетъ-быть придется вернуться ни съ чѣмъ, пространствовавъ напрасно долгое время. Да если гдѣ и пріютятъ, то это далеко не прочное устройство; вѣдь мало того, чтобы дали построиться — надо быть сколько-нибудь обезпеченнымъ въ томъ, что не сгонятъ съ занятаго и застроеннаго мѣста; а согнать ничего не стоитъ, если только переселенецъ сѣлъ безъ всякаго документа, безъ купли земли. Понятно, что когда явилась возможность пользоваться для покупки банковскими деньгами—дѣло пошло шибче. Кто на одни свои средства не могъ купить земли и переселиться, тотъ, послѣ открытія банка, получилъ эту возможность. Контингентъ переселенцевъ давно былъ готовъ и росъ съ каждымъ годомъ; помощь банка только снимала съ него путы безсилія; и если прежде переселеніе съ прочнымъ устройствомъ доступно было сравнительно болѣе состоятельнымъ, то теперь эта доступность захватила и группы, стоящія на послѣдующей низшей ступени зажиточности — малоземельныхъ и отчасти безземельныхъ. Какъ же тутъ было не усилиться переселенческому движенію! Теперь многіе могутъ уже идти не наугадъ, а зная—гдѣ сядутъ, чтó купятъ, сколько приблизительно получатъ на покупку и сколько надо припасти собственныхъ средствъ на переселеніе. Впрочемъ и помощь банка охватываетъ далеко не всѣхъ переселенцевъ. Для сибирскихъ она не существуетъ. Нѣтъ ея пока и для прикубанскихъ, гдѣ ожидается особенно сильный спросъ на нее, такъ какъ тутъ придется разомъ и помогать новымъ переселенцамъ, и содѣйствовать укрѣпленію массы старыхъ, сидящихъ покуда все еще на „чужой" землѣ.

Интересъ встрѣчи съ переселенцами усиливался еще и потому, что читаемыя въ газетахъ приключенія обыкновенно ограничиваются внѣшнею стороною дѣла и основываются исключительно на случайныхъ разсказахъ, требующихъ даже провѣрки ихъ достовѣрности. Тамъ голодали, тамъ плакали, здѣсь хоронили ребятъ, тутъ проклинали свое предпріятіе, а въ такихъ мѣстахъ кормились милостынею и т. под. Все это-то, конечно, интересно, но при чтеніи остается ощущеніе очень существеннаго пробѣла. Кто же именно были переселенцы, сколько между ними малоземельныхъ и болѣе состоятельныхъ, какія именно условія выгнали ихъ съ родины? Съ какими средствами они поднялись съ мѣста? Недостаточно выяснено ихъ прошлое, а еще проблематичнѣе ихъ будущность. Сѣли ли они

прочно на землю, и если сѣли, то что тамъ встрѣтили, какъ устроились? Переселенцевъ больше наблюдають на „пути", давая намъ какой-то отрывокъ общей перспективы ихъ перехода изъ одного состоянія въ другое; насъ больше знакомятъ съ однимъ моментомъ важнаго, но переходнаго фазиса ихъ жизни. Чувствуется необходимость чего-то болѣе систематическаго, дающаго, кромѣ картинокъ, еще цифру, число, мѣру. Наконецъ, интересно узнать, какіе результаты дало переселеніе, взялись ли переселенцы энергично за свое новое устройство, или большинство ихъ состояло изъ людей, только отличающихся непосѣдливостью, при которой, легко подымаясь съ одного мѣста, они также не пускаютъ корней на другомъ и готовы сейчасъ же искать третьяго. Обстраиваются ли они въ степи сейчасъ по приходѣ, или смотрятъ на новое мѣсто какъ на случайное кочевье? Вотъ объ этомъ-то въ печати почти ничего не говорится, и догадкамъ остается много простора. Впрочемъ всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ, не перечесть.

Занимаясь собираніемъ различнаго рода свѣденій, переѣзжая изъ одной мѣстности въ другую, изъ одного селенія въ другое, можно было почерпнуть не мало данныхъ, въ бо́льшей или ме́ньшей степени отвѣчающихъ на подобные вопросы. Приходилось видѣть и вновь початыя селенія, и селенія, уже устроенныя, и ихъ поля, и ихъ хлѣбъ, и вообще ихъ хозяйство; приходилось говорить съ сотнями людей.

Путь мой, какъ замѣчено уже выше, лежалъ на югъ, именно въ Новороссію. Здѣсь, особенно въ екатеринославской губерніи, переселенцевъ уже много, и они продолжаютъ прибывать туда изъ губерній: полтавской, харьковской, курской, кіевской.

Ѣхалъ я въ самой срединѣ лѣта, когда на югѣ уже вполнѣ опредѣляется урожай, когда становится яснымъ—будутъ ли люди сыты, или имъ придется голодать. Неудивительно, что въ такую пору, кого ни встрѣтишь—помѣщика ли, мужика ли, арендатора ли, хлѣбнаго ли скупщика—всѣ говорятъ объ урожаѣ. Да и по пути окрестныя картины говорятъ то же самое. Здѣсь желтѣетъ выколосившійся хлѣбъ, тамъ степь покрыта сохнущими дикими травами, здѣсь почти черное поле. Въ одномъ мѣстѣ земля говоритъ: накормлю, въ другомъ—изморю. И какъ ни противоположны подобныя обѣщанія, мнѣ приходилось встрѣчаться и съ тѣми, и съ другими, потому что урожаи и неурожаи прошлаго лѣта расположились именно полосами. Въ однихъ уѣздахъ одной и той же губерніи—порядочно, въ другихъ—видимая бѣда, ропотъ, а подчасъ и плачъ. Лѣто вообще было дождливое, холодное, но инымъ мѣстностямъ такъ не посчастливи-

лось, что въ самую нужную пору—апрѣль и май—не выпало ни одного порядочнаго дождя. Кое-когда и покажутся тучки, да либо разойдутся, либо направятся туда, гдѣ и прежде уже шли дожди. Встрѣчая противорѣчивые разсказы, то и дѣло приходилось сбиваться въ заключеніяхъ, не зная—кто говоритъ правду, и кто—нѣтъ. А между тѣмъ вышло, что почти каждый говорилъ правду, только каждый же—о своей мѣстности.

Встрѣчается на пути партія рабочихъ.—Откуда?—Изъ Крыма.—Что же вы такъ рано? вѣдь теперь только іюль, самая рабочая пора; или неурожай въ Крыму?—Какое неурожай! тамъ столько ячменя уродилось, какъ давно не бывало. Только и народу рабочаго нашло туда много, да въ Крыму еще стали заводить машины для уборки. Бѣда съ этими машинами. Мало рабочихъ спрашиваютъ—мы и пошли назадъ, въ орловскую губернію. Одно слово—бѣда. Проходились—и задаромъ.

Въ другомъ мѣстѣ разсказываютъ, что въ бердянскомъ уѣздѣ была даже драка между рабочими изъ-за заработка. „Право на трудъ" перессорило братьевъ по ремеслу. Въ третьемъ мѣстѣ жалуются на нѣмцевъ-колонистовъ, которые завели у себя даже фабрики для машинъ. Куда дѣнешься? Видно, что машины на югѣ порождаютъ уже какой-то тревожный вопросъ, стѣсняя отхожій земледѣльческій промыселъ.

Помѣщикъ жалуется:—Въ нашей окрестности,—говоритъ онъ,—совсѣмъ бѣда. Въ самую нужную пору—хоть бы тебѣ одинъ дождь. Ну, и пропалъ урожай; а тутъ еще суслики. Въ довершеніе же и цѣнъ не предвидится. Что хочешь, то и дѣлай.

— Ну, а вотъ въ такомъ-то уѣздѣ гораздо лучше,—разсказываютъ новые хозяева.—Дождей было довольно, хлѣбъ вышелъ хорошъ, народъ повеселѣлъ. Урожай не только прокормитъ, но еще вознаградитъ за тяжкій прошлый годъ.

— Не завидно же ваше положеніе, господа.

— Да, хозяйство въ степи—самое рискованное хозяйство: годъ—два, будетъ хорошо, а тамъ, смотри, лѣтъ пять только засухи. Нѣтъ труднѣе степного хозяйства. Кладешь зерно въ землю, и не знаешь даже, вернется ли оно тебѣ. Когда-то въ Египтѣ, при фараонахъ, было семь лѣтъ голода, да вѣдь они были послѣ семи лѣтъ урожая; семь на семь—это значитъ пополамъ. А у насъ дай Богъ два хорошихъ года на три скверныхъ. Правда, когда придетъ хорошій годъ—онъ дастъ столько, какъ нигдѣ; да поди-жъ ты, дождись этого года, угадай, когда онъ будетъ. Кабы знать, когда придетъ неурожай—не сѣялъ бы. Да и рабочіе тоже дороги и не всегда ихъ достанешь. Мѣстныхъ не хватитъ для хорошаго года, а пришлыхъ иной разъ

найдетъ много, такъ что дѣвать некуда, а въ другой разъ—совсѣмъ мало. Мужику худо, но ему еще легче справляться, потому что онъ работаетъ самъ; цѣна труда для него не составляетъ вопроса, потому что онъ самъ и хозяинъ, и работникъ, а помѣщику очень, очень трудно. Оттого они такъ и охочи продавать землю. Лѣтъ черезъ двадцать—тридцать, посмотрите, много ли уцѣлѣетъ у насъ помѣщичьихъ имѣній! И теперь нигдѣ нѣтъ такого количества новыхъ владѣльцевъ, какъ у насъ въ степи; кого только между ними нѣтъ: и евреи, и нѣмцы, и купцы, и мѣщане... Да и они не усидятъ долго.

Подобныя же рѣчи разсказывалъ и одинъ почтенный мѣстный старожилъ, занимавшійся систематическимъ собираніемъ статистическихъ данныхъ о помѣщичьихъ хозяйствахъ.—Здѣсь,—говорилъ онъ,—все зависитъ отъ случая. Степь—не то, что какая-нибудь центральная Россія. Системы хозяйства здѣсь—никакой. Это больше пустой разговоръ о правильныхъ хозяйствахъ. Собиралъ я свѣденія въ самыхъ лучшихъ и въ самыхъ большихъ экономіяхъ, гдѣ все записывается, и что́ же вышло? Сколько ни придумывали всякой правильности, а въ среднемъ выводѣ за десять лѣтъ все-таки выходитъ не больше двухъ съ полтиной дохода отъ десятины! Въ иныхъ же мѣстахъ и два рубля—дай Богъ. Ну какое-жъ это хозяйство, когда ту же самую десятину если просто сдать въ аренду мужику—получится полтинникомъ больше? Изъ-за чего тутъ хлопотать? Въ этомъ уже большинство начинаетъ убѣждаться.

Видъ полей невеселый; вѣсти о помѣщичьемъ хозяйствѣ плохи, мужики тоже жалуются. Кому же весело живется въ степи? Говорятъ, однимъ нѣмцамъ-колонистамъ, селенія которыхъ имѣютъ цвѣтущій видъ, которыхъ издали многіе считаютъ даже какими-то распространителями добраго хозяйства. Но на мѣстѣ и о нихъ узнаешь кое-что не совсѣмъ гармонирующее съ установившимися представленіями.

Нѣмцы-колонисты—говоритъ знающій мѣстный человѣкъ—это выхоленное, дорого стоющее растеніе, совсѣмъ не вознаграждающее за труды и затраты. Когда для мужика жалѣли десятинки—колонисту давали вдесятеро и въ двадцать разъ больше. Чего только для нихъ ни дѣлали! Земли дали вволю, гораздо больше, чѣмъ колонисты смогутъ обработать. Платежи назначили несравненно мѐньшіе противъ сосѣдняго мужика. Даже въ самое послѣднее время, при выдачѣ владѣнныхъ записей, разжившагося колониста больше пожалѣли, чѣмъ самаго бѣднаго мужика. Сравните-ка ихъ поземельные платежи! Колонистовъ чуть не сто лѣтъ освобождали отъ рекрутства, и вся та рабочая сила, которую обыкновенно терялъ при наборѣ мужикъ, у колониста сохранялась. Чего стоилъ одинъ этотъ источникъ

зажиточности! Для колонистовъ, при всѣхъ этихъ дарахъ, содержали еще особое „попечительство“, которое должно было ихъ защищать, тогда какъ мужикъ предоставленъ былъ всѣмъ поборамъ и притѣсненіямъ. Потому колонистъ и привыкъ смотрѣть на себя какъ на существо привилегированное; все это ухаживанье за нимъ пріучило его относиться къ сосѣднему населенію свысока, презрительно. Мужикъ—это для него какое-то животное. И что́ же въ результатѣ? Чуть объявили воинскую повинность—колонистъ смотритъ въ Америку, куда-нибудь въ аргентинскую республику; извлекъ изъ страны что́ можно—и въ чужой край! Онъ уходитъ, но не думайте, чтобы онъ бросилъ полученную землю; нѣтъ, онъ передастъ ее другому, превратитъ все въ деньги и съ деньгами уйдетъ на новое хозяйство. Вотъ-те спасибо.

— Я вамъ разскажу, для примѣра, одинъ эпизодъ изъ такой исторіи колонистовъ N....скаго округа, очень хорошо мнѣ извѣстный,—говорилъ одинъ мой собесѣдникъ. Земли у нихъ было вволю, но вообразили, что колонисты должны быть непремѣнно образцовыми овцеводами, такими, которые и другихъ научатъ хорошо вести овечье хозяйство. Для этой благой цѣли дали имъ еще прибавку—цѣлыхъ четыре тысячи десятинъ. Это уже не въ счетъ, а такъ себѣ, бенефисъ. Водите овецъ—и поучайте. Такъ и прозывалась эта земля „овчарною“. Хозяйничаютъ колонисты сколько-то лѣтъ, и вдругъ ходатайство: позвольте намъ овчарную землю засѣвать пшеницею. Это образцовые-то овцеводы! Забыли ли въ это время о цѣли первоначальнаго жалованья земли, или просто изъ снисхожденія къ колонисту, но ходатайство было уважено; и пошло пшеничное хозяйство на даровыхъ четырехъ тысячахъ десятинъ. Считайте какъ хотите урожаи, но спрашивается: что́ дастъ въ двадцать или тридцать лѣтъ доходъ отъ такой массы пшеничнаго посѣва? Дали въ видахъ развитія овцеводства въ краѣ, а свели все къ чистому и крупному подарку. Мудрено ли, что у колонистскаго округа выросъ новый капиталъ въ сотни тысячъ рублей, и на этотъ капиталъ колонисты скупаютъ новыя земли, обработываемыя наемными руками. Считайте хоть по рублю съ десятины—съ четырехъ тысячъ будетъ въ годъ 4.000 р., а въ тридцать—120.000, а въ пятьдесятъ лѣтъ—цѣлыхъ двѣсти тысячъ. При такихъ условіяхъ, при такомъ прошломъ, укрѣпившись въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, только и можно, что богатѣть. Посадите въ какую угодно страну—изъ массы подобныхъ льготъ что-нибудь выростетъ.

— Однако они считаются образцовыми хозяевами?

— И это въ порядочной долѣ предразсудокъ, который у насъ составился вдали отъ дѣйствительности или при самомъ поверхност-

номъ взглядѣ на дѣло, когда не доискиваются причинъ. А вглядитесь ближе—тоже хищническое хозяйство. Надо разбирать—чтó дали льготы, и чтó дали ихъ пріемы хозяйства. А поставили бы вы колониста въ такое же положеніе, въ какое ставили мужика—дошелъ ли бы онъ даже до нынѣшняго мужичьяго состоянія? Въ одномъ надо отдать справедливость колонистамъ: они сами работаютъ и умѣютъ беречь каждое пріобрѣтеніе. Это ужъ несомнѣнно.

— Да, это такъ,—подтвердилъ другой собесѣдникъ,—только надо сдѣлать маленькую поправку: есть разница между бережливостью и скупостью. Бережливость—это дѣло разсчета, а скупость—это просто страсть къ наживѣ, къ накопленію. Вотъ я вамъ разскажу примѣръ. Зналъ я одного богатаго колониста и видѣлъ самый процессъ его богатѣнія. Чѣмъ больше онъ входилъ въ лѣтà, тѣмъ больше наживался. Наконецъ, купилъ тысячу десятинъ. Кажется уже довольно; но, сдѣлавшись крупнымъ помѣщикомъ, онъ продолжалъ жить по прежнему и ѣздилъ въ томъ же безпокойномъ, традиціонномъ колонистскомъ фургонѣ, въ какомъ ѣздилъ бѣднякомъ. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ—мой Готлибъ Ивановичъ покупаетъ уже вторую тысячу десятинъ. И все тотъ же фургонъ составляетъ его всегдашній экипажъ. Тряско, больно костямъ, но деньги дороже костей. Наконецъ, однажды, еще черезъ нѣсколько лѣтъ, вижу—ѣдетъ Готлибъ Ивановичъ въ какомъ-то стареньком кабріолетѣ. Вотъ, думаю, наконецъ пожалѣлъ старикъ свои кости и раскошелился на покупку хоть плохого, но все же болѣе спокойнаго экипажа! Однако, ничуть не бывало. Оказалось, что Готлибъ Ивановичъ недавно купилъ уже третью тысячу десятинъ, и вмѣстѣ съ нею достались ему гуртомъ остатки стараго инвентаря; тутъ былъ и подержанный кабріолетъ, которому особой оцѣнки не сдѣлано. Вотъ почему Готлибъ Ивановичъ сталъ покоить свои кости. Ну, положимъ, бережливость—хорошее дѣло, но вѣдь всему есть мѣра; пріобрѣтеніе хорошо, когда оно ведетъ къ какому-нибудь улучшенію благосостоянія, а наживать и наживать, отказывая себѣ во всемъ — вѣдь это недалеко отъ родителя г-жи Простаковой, который умеръ съ голоду на денежномъ сундукѣ.

— Живетъ колонистъ скупо, это правда,—подтвердилъ третій собесѣдникъ. Истратить лишній рубль—это преступленіе. Какова бы ни была его состоятельность, онъ сдерживаетъ себя во всемъ. Его пища нейдетъ дальше молока, свинины да картофеля, потому что это все непокупное. Творогъ, сметану, ветчину у него всегда найдете; для гостя у него припрятана и бутылка вина, но себя онъ совсѣмъ не балуетъ.

— Разскажу вамъ еще одинъ прошлогодній анекдотъ. Ѣду я по

желѣзной дорогѣ и въ одномъ вагонѣ со мною—колонистъ, довольно крупный собственникъ, съ дочерью. Разговорились, долго шла у насъ бесѣда; но вдругъ, вижу,—Францъ Петровичъ поблѣднѣлъ и съ безпокойствомъ озирается вокругъ.—Что такое съ вами?—Гдѣ моя галоша?—воскликнулъ онъ, остановивъ вопросительный взглядъ на дочери. Оказалось, что на одной ногѣ колониста галоша есть, на другой—нѣтъ. Началъ онъ съ дочкою усердно разыскивать пропавшую галошу, но поиски не приводили ни къ чему: пропала, да и только. Начинаются догадки—какъ могла случиться пропажа, и наконецъ мой собесѣдникъ приходитъ къ печальному заключенію, что, вѣрно, садясь въ вагонъ, онъ зацѣпилъ ногою за ступеньку и потерялъ.—Ахъ, бѣда какая! Ай бѣда!... Охъ, охъ, охъ!—Омрачилось чело старика, и онъ угрюмо замолчалъ. Неловко какъ-то стало и мнѣ, въ виду его печали. Такъ прошло минутъ пять. Наконецъ, вдругъ лицо Франца Петровича прояснилось, повеселѣло и приняло даже какой-то торжествующій видъ. Что бы это значило? Разгадка послѣдовала немедленно:—Ничего,—весело произнесъ старикъ.—Я теперь вспомнилъ, что два года назадъ со мною былъ точно такой случай: тоже пропала галоша, и я тогда же спряталъ оставшуюся отъ пары галошу въ кладовую, тамъ она сбережена; теперь она, да вотъ эта, что на ногѣ, будутъ—пара. Убытку не будетъ.—Ну, гдѣ вы найдете такую предусмотрительность и аккуратность? Два года человѣкъ тщательно берегъ ненужную вещь и дождался, что она наконецъ пригодилась.

Да, какъ бы то ни было, аккуратность даетъ много колонисту, и это одно изъ его существенныхъ отличій отъ окружающаго люда всякаго состоянія. Правда, она доходитъ часто до курьеза. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ разсказывали такой примѣръ колонистской аккуратности. Есть у колонистовъ, какъ и у крестьянъ, свой волостной судъ. Разъ одинъ молодой Гансъ въ чемъ-то проштрафился; истратилъ ли лишнее, или въ чемъ другомъ согрѣшилъ—не помню, но его потащили въ волостной судъ. Почтенные судьи очень серьезно взвѣсили его грѣхъ и рѣшили, что виновному непремѣнно надо отпустить ровно 20 розогъ. Рѣшили, записали, но нужно выждать мѣсячный аппеляціонный срокъ до исполненія.—Нѣтъ,— заявилъ обвиненный, нѣсколько подумавши:—вы меня не высѣките!—Высѣкемъ,—твердо произнесли судьи. Гансъ уѣхалъ въ городъ и скоро привезъ свидѣтельство врача, удостовѣрявшее, что у него порокъ сердца, и потому столь неумѣренное наказаніе, какъ 20 розогъ, можетъ угрожать его жизни. Задумались власти колоніи—какъ тутъ быть? И вотъ, вскорѣ послѣ того, въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи получается рапортъ волостного правленія съ вопросомъ: правда, объясняетъ правленіе, человѣку съ порокомъ сердца опасно дать разомъ 20 ро-

вогъ; однако нельзя же не исполнить рѣшенія суда? Не разрѣшить ли присутствіе отпустить виновному ту же порцію, только не вдругъ, а въ разсрочку, въ нѣсколько пріемовъ: сегодня три розги, дня черезъ два—еще четыре, черезъ недѣлю—пятокъ и такъ до конца, пока не исполнится все назначенное число? Тогда и наказанный живъ будетъ, и правосудіе исполнено. Чѣмъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, не знаю.

Что́ бы ни толковали, однако, о колонистахъ, они составляютъ теперь главную массу довольныхъ въ степи. Владѣя и такъ уже массою земель, они скупаютъ новыя. Купитъ колонія на запасный капиталъ имѣніе и посадитъ туда приростъ своего молодого поколѣнія; но и этому поколѣнію земля дается не даромъ, а на выкупъ. Отцы надѣлятъ, а дѣти постепенно должны выплачивать своей метрополіи, у которой, такимъ образомъ, по истеченіи нѣкотораго времени опять возстановляется затраченный денежный капиталъ, и идетъ онъ на новую покупку и. т. д. Тутъ подобіе пчелиныхъ роевъ, основывающихъ новые ульи, въ свою очередь выдѣляющіе рои и т. д. Въ послѣднее время колонисты ударились уже въ Крымъ, въ сѣверную его часть, гдѣ земли еще не успѣли сильно вздорожать, и трудно сказать, гдѣ остановится ихъ расширеніе.

Оставивъ желѣзную дорогу, пришлось мнѣ пуститься въ глубь степи на телѣжкѣ. Прежде всякаго собиранія свѣденій, надобно явиться въ первый отправочный пунктъ—волостное правленіе. Безъ волостного правленія не сдѣлаешь перваго шага. Стоитъ это правленіе особнякомъ возлѣ большого селенія, на выгонѣ. Большая бѣлая изба, хотя и неряшливо содержанная, за отсутствіемъ настоящаго хозяина, такъ какъ единственный тутъ хозяинъ—писарь, существо перелетное. Если иному писарю удастся просидѣть десятокъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ, зато другой постоянно перекочевываетъ изъ одного правленія въ другое. Какой же это хозяинъ? Старшина же тутъ не жилецъ, а только частный гость. Южныя волостныя правленія—это не то, что великорусскія. Строены они плоше, полъ очень часто не деревянный, а земляной, только смазанный глиною и очень неровный: въ одномъ концѣ комнаты выше, чѣмъ въ другомъ. Внутреннее убранство тоже отличается отъ великорусскаго, за исключеніемъ, конечно, оффиціальной части: стола, покрытаго сукномъ, шкафа съ бумагами, прибитыхъ по стѣнамъ циркуляровъ и т. под. Въ великорусскомъ волостномъ правленіи, какъ и во всякой избѣ, вы увидите иконы на манеръ суздальскій; а въ южномъ очень часто—рядъ картинокъ; да и иконы другія, въ рамочкахъ, бумажныя; въ южной

хатѣ часто можно встрѣтить бумажныя иконы съ нѣмецкими подписями, съ эмблематическими изображеніями пылающихъ сердецъ, съ позолотою на самой бумагѣ; это, говорятъ, „венгерцы" разносчики снабжаютъ такими, за недостаткомъ русской живописи. Но зато у южной хаты огромное преимущество предъ великорусскою избою — въ опрятности: стѣны побѣлены, и паразитовъ почти нѣтъ. Проѣздивъ почти полтора мѣсяца, побывавъ во множествѣ хатъ, я не страдалъ отъ клоповъ, какими кишатъ великорусскія избы; случалось спать и на скамейкахъ (на „лавкахъ"), и на спеціальныхъ спальныхъ помостахъ (по мѣстному, „полъ") и не видать ни одного экземпляра этого ужаснаго животнаго. О тараканахъ нѣтъ и помину. Блохи бываютъ, но не въ такомъ количествѣ.

Возлѣ перваго же посѣщеннаго мною волостного правленія встрѣтилось большое селеніе переселенцевъ, которые только-что начали устройство своей осѣдлости. Видъ такого поселенія своеобразенъ: многое едва начато, многое доведено до половины, а кое-что уже закончено. Вотъ стоитъ новехонькая деревянная хата, въ которой виднѣется уже полная жизнь, копошатся бабы, дѣти; стѣны побѣлены, а вокругъ оконъ выведены красною или синею краскою бордюры съ разными фантазіями: цвѣточками, вѣточками и т. д. Видно, что строилъ сравнительно зажиточный мужикъ, которому не особенно трудно было въ какіе-нибудь полгода поставить себѣ жилище. Но службъ еще нѣтъ, колодезь только-что начали устраивать; зато огороды въ полномъ развитіи: тутъ и гряда картофели, и гряда огурцовъ, и гряда дынь или арбузовъ, и цвѣтки маку, а надъ ними возвышаются высокія тычинки подсолнечника съ своими зелено-желтыми головами, обращенными къ солнцу. За этою избою—другая, но она готова только на половину: одна комната готова—другая еще нѣтъ; половина крыши готова или представляетъ еще одни стропила, ничѣмъ не покрытыя, а другая половина не начата, словно кто-то отрубилъ половину большой хаты, перенесъ ее сюда и поставилъ; но и въ отрубкѣ уже копошится жизнь. Дальше — цѣлый старенькій домикъ съ постройками, только сильно запущенный; штукатурка обвалилась, крыша не въ порядкѣ, даже и въ окнахъ цѣлы не всѣ стекла; видно, что тутъ давно не живутъ. Это — постройки прежняго владѣльца проданной крестьянамъ земли. Войдешь внутрь—пустота; въ одномъ углу стоятъ какіе-то старинные поврежденные стѣнные часы въ футлярѣ; стрѣлка показываетъ какой-то часъ, но былъ ли это часъ выѣзда прежняго владѣльца, или часы остановились еще во время его пребыванія—не угадаешь; остались еще два непрочныхъ стула да деревянная икона безъ оклада; всю движимость владѣлецъ увезъ и бросилъ только эти остатки, ко-

торыми видимо ужъ совсѣмъ не интересовался. Въ одной двери уцѣлѣла мѣдная ручка, въ другихъ и того нѣтъ. Домикъ этотъ достался кому-то изъ крестьянъ-покупщиковъ, заплатившему за него обществу, и этотъ новый владѣлецъ начинаетъ уже приводить въ порядокъ свое новое жилище. Между отстроенными, полуотстроенными и только начатыми хатами встрѣчаются землянки; онѣ принадлежатъ тѣмъ, у кого денегъ не хватило на хорошую постройку. Но и землянки землянкамъ рознь. Одна даже мало отличается отъ хаты; все ея отличіе въ томъ, что стѣны кладены не изъ дерева, а изъ земляного кирпича, и она углублена въ землю на какой-нибудь аршинъ или даже немного меньше. Земляной кирпичъ—это нѣчто очень непрочное съ виду: намѣшаютъ въ ямѣ земли съ водою, подбросатъ туда, для связки, мелкой соломы или навозцу, потомъ нарѣжутъ изъ этой массы какіе-то кубики, высушатъ и такъ кладутъ въ стѣны; однако увѣряютъ, что такая землянка, если хорошо смазана глиною снаружи да хорошо покрыта соломою или камышемъ—простоитъ десятки лѣтъ, будучи меньше подвержена гніенію, чѣмъ дерево. Но бываютъ и другія землянки у совершенныхъ бѣдняковъ: выкопана въ землѣ яма, надъ нею очень низкая земляная надстройка, и вся крыша тоже земляная; окна почти при самомъ уровнѣ земли; среди крыши дымовая труба; издали такая землянка представляется кучкою земли, изъ средины которой вьется дымокъ. Вотъ изъ такихъ-то разнообразныхъ построекъ и составилось длинное, длинное новое селеніе, растянувшееся въ двѣ линіи, по обѣимъ сторонамъ долины, по которой протекаетъ ручей или маленькая рѣчка. Хаты каждой линіи селенія стоятъ на возвышенности, а отъ нихъ книзу тянутся дворы и огороды; огороды обѣихъ линій смыкаются между собою въ долинѣ. Возлѣ селенія выгонъ, на которомъ начата постройка какого-то общественнаго строенія, кажется, хлѣбнаго амбара. Хотя многое остается еще сдѣлать, но видно, какъ жизнь зашевелилась въ бывшемъ пустырѣ. Зато очень нехорошо смотритъ выгонъ: засуха выжгла почти всю траву, только держится дикій молочай, и весь выгонъ сильно изрытъ норами. Отъ одной норы до другой—сажень или около того. Это—злѣйшій врагъ степного земледѣльца, а особенно переселенца,—сусликъ или овражекъ нарылъ столько норъ. Временами онъ выглядываетъ изъ этихъ норъ, и вы видите нѣчто въ родѣ сѣренькой крысы съ коротенькимъ хвостикомъ, но чуть онъ увидѣлъ приближающагося человѣка—нырнулъ въ землю и пропалъ.

Жизнь появилась въ пустырѣ, а какой это былъ пустырь—показываетъ окрестность новаго селенія: сухая степь съ дикими травами и безчисленными сусличьими норами. Гдѣ было житье однимъ су-

сликамъ—тамъ теперь появился человѣкъ, и земля начала родить новыя, полезныя растенія—хлѣбъ, картофель, капусту, огурцы, дыни, подсолнечники, макъ и т. д. Старую степь, никогда не паханную или пахавшуюся лишь изрѣдка, участками, стали подымать плугомъ. Вотъ пространство, покрытое только-что вывороченными пластами земли, и по одному виду ихъ ясно, что тутъ вспахали или „цѣлину" (новь), или очень давнія залежи, мало знакомыя съ желѣзомъ плуга. Но поднять сразу всю купленную площадь мужику не подъ силу; для этого нуженъ огромный трудъ, а часто и немалыя издержки. Переселенецъ часто приходитъ изъ такихъ перепаханныхъ мѣстностей, гдѣ можно обработывать землю сохою, при помощи одной лошади, а цѣлину и старую зелень такъ не подымешь; тутъ нуженъ плугъ, который двигаютъ быки; стало быть, мужику, пригнавшему на новое мѣсто только свою лошадь, если онъ не имѣетъ средствъ сейчасъ же обзавестись волами и плугами,—нужно или платить постороннимъ людямъ по нѣскольку рублей за подъемъ каждой десятины, или сдавать имъ свою землю на подъемъ изъ доли урожая, причемъ, разумѣется, львиная доля достается тому, кто пашетъ. За вспаханными участками слѣдуютъ участки, покрытые хлѣбомъ, и еще очень много неподнятой степи.

Но гдѣ зашевелилась жизнь, тамъ сейчасъ же напоминаетъ о себѣ и смерть. Тутъ новое, недостроенное еще селеніе, а невдалекѣ отъ него, среди пустыря, деревянная ограда, внутри которой виднѣются два или три деревянныхъ креста. Это смерть начала свою жатву среди людей, едва только приступившихъ къ посѣвамъ. Жатва смерти опередила первую жатву хлѣба.

Собравшіеся мужички разсказали исторію своего переселенія. Жили они прежде въ самой густонаселенной части харьковской губерніи, гдѣ очень тѣсно и земли очень дороги. Сидитъ семья на двухъ-трехъ десятинахъ, и съ каждымъ годомъ становится ей тѣснѣе; гдѣ еще не такъ давно были мужикъ да баба—тамъ уже выросло двое или трое взрослыхъ сыновей; куда-жъ имъ дѣваться? не сажать же новую семью на каждой десятинѣ? Своя земля не кормитъ, а попробуешь снимать за деньги сосѣднюю, такъ надо платить рублей 15 или 20 въ лѣто за десятину, такъ что почти никакой выгоды отъ найма нѣтъ; иногда же не отыщешь наемной земли и за такія деньги. Тутъ по-неволѣ захочешь переселяться. И много крестьянъ пускается теперь въ дальнія степи на розыски подходящей земли. Да и степные помѣщики сами зазываютъ крестьянъ-покупателей, разсылая въ чужія мѣстности или факторовъ, или объявленія о продажной землѣ. Оттого теперь нерѣдко можно встрѣтить въ степи захожихъ мужичковъ; тѣ на заработкахъ высматриваютъ

земли, а эти просто бродятъ только для развѣдокъ; встрѣтишь того-другого, спросишь:—куда ты идешь?—„А Богъ его знаетъ куда!—отвѣтитъ онъ. — Самъ не знаю, куда зайду, а только намъ оставаться на старомъ мѣстѣ невозможно, житья нѣтъ".—Вотъ такимъ образомъ человѣкъ восемь изъ посѣщенныхъ мною переселенцевъ забрели въ с. Р—ку, гдѣ помѣщикъ объявилъ продажу земли. Много земель они пересмотрѣли раньше, да имъ тамъ не понравилось, а р—ская земля показалась хороша и цѣна болѣе подходящая. Приторговавши, они пошли домой и стали „набирать" товарищество для покупки высмотрѣнной земли. Дѣло въ томъ, что банкъ не выдаетъ въ ссуду больше 500 рублей на хозяина—стало быть, надо набрать столько семействъ, чтобы приходящаяся на нихъ ссуда, съ добавкою собственныхъ денегъ покупщиковъ, была достаточна для покупки всего р—скаго имѣнія. Центромъ дѣятельности по набору товарищей стала харьковская деревня С. Охотниковъ до покупки нашлось много, но не всѣ полагались на одни слова „соглядатаевъ"; нѣсколько партій изъ вновь набранныхъ пошли на мѣсто сами, и тутъ составъ покупщиковъ началъ сильно измѣняться: однимъ земля нравится, другимъ нѣтъ,—вотъ эти послѣдніе сейчасъ и отстанутъ; на ихъ мѣсто приходятъ новые, изъ которыхъ часть тоже пойдетъ на осмотръ. Кто изъ этихъ наслушался про засухи, да про жуковъ, да про сусликовъ —тѣ опять назадъ, а другіе плотно пристанутъ къ товариществу. Такъ, больше половины всѣхъ покупщиковъ успѣли осмотрѣть землю лично заранѣе, а ко времени совершенія купчей крѣпости на мѣсто явились почти всѣ. Когда купили, начали дѣлить землю, переѣзжать на мѣсто семьями, перегонять скотъ, строиться. Покупка обошлась по 55 рублей за десятину, и все-таки кругомъ на каждый дворъ пришлось приплатить около ста рублей изъ собственныхъ денегъ, сверхъ ссуды банка. Наконецъ, и послѣ покупки, часть покупщиковъ все-таки отстала: одни раздумали переѣзжать съ родины, а другіе испугались суслика и засухи и ушли. Земля на нихъ въ купчей записана, а ихъ самихъ нѣтъ. Оттого доли земли вышли неровныя; сначала всѣмъ рѣшили-было дать по 10 десятинъ, а послѣ пришлось дѣлить доли отказавшихся—онѣ и достались меньшинству, такъ что у иныхъ покупщиковъ стало вмѣсто одного пая—по два и по три. Раздѣлить эти доли между всѣми поровну нельзя было, потому что иные не хотѣли брать больше, а другіе не могли сдѣлать доплату на лишнюю землю. Многимъ изъ отказывавшихся самимъ было совѣстно отставать отъ общаго дѣла; эти не набрасывали свои доли „на товарищество", а старались передать свои доли добровольно другимъ и получали отъ охотниковъ свою доплату обратно. Одному до того было стыдно уходить, что онъ долго не признавался въ этомъ намѣ-

реніи сосѣдямъ и ушелъ втихомолку, ночью. „Утікъ въ ночі, чтобъ не такъ стыдно было"—такъ отозвались о немъ мужики. Всѣхъ переселенцевъ по купчей значилось 90, но изъ нихъ отказались 27, на смѣну которыхъ явилось 7 новыхъ охотниковъ. Новыхъ явилось бы и больше, да неурожай напугалъ.

Выходитъ, что переселенцы взялись за дѣло не легкомысленно, а съ твердымъ намѣреніемъ устроиться на новомъ мѣстѣ, съ полною готовностью на жертвы. Въ самомъ дѣлѣ, сколько имъ стоило все это дѣло! Не говоря уже о хлопотахъ, о потерѣ времени, сколько понадобилось вытрясти денегъ! Сверхъ ссуды банка, каждый хозяинъ отдалъ больше ста рублей своихъ собственныхъ денегъ. Перевозъ семьи верстъ за 300, перегонъ скота, перевозъ земледѣльческихъ орудій—это опять деньги и деньги. Далѣе, постройка новыхъ жилищъ. Поставить порядочную деревянную хату—это значитъ издержать 200 рублей и больше. Плохонькая деревянная хата обойдется не меньше ста рублей по мѣстнымъ цѣнамъ и способамъ постройки. Даже землянка—и на ту надо рублей 20—30, а которая получше—на ту и больше. Между тѣмъ въ новомъ селеніи стоятъ уже 52 готовыя усадьбы и дѣятельно ведется застройка другихъ. Наконецъ,—распашка цѣлинъ и давнихъ перелоговъ. Поднять 10 десятинъ земли, если нѣтъ на то собственнаго достаточнаго скота и подходящихъ орудій—рублей 60 или 70. Положимъ, всю землю сразу и не поднимутъ—силъ не хватитъ; но если надо засѣять два поля — озимое и яровое—все же надо поднять хоть десятинъ пять. Извольте же все это сосчитать! Сообразивъ такія тяжелыя условія переселенческой дѣйствительности, невольно задаешься прежде всего вопросомъ: да гдѣ же взяли переселенцы столько денегъ? Или это богачи, или люди, влѣзшіе по уши въ новые обременительные долги?

На повѣрку, однако, вышло ни то, ни другое. Переселенцы обстоятельно разсказали, сколько у кого было денегъ, и вышло нѣчто не совсѣмъ ожиданное. По сведеніи объясненій о каждомъ отдѣльномъ переселенцѣ, вышло слѣдующее: по сту рублей и меньше имѣли только шесть семействъ; двое принесли рублей по 150; около сорока хозяевъ (т.-е. ядро переселенческаго товарищества) имѣли отъ 200 до 300 рублей каждый; четверо имѣли по 400 рублей, одинъ—600 рублей, двое—около 700 руб. и, наконецъ, одинъ даже 1.000 рублей. Отсюда видно, что хотя нѣкоторымъ было и очень трудно, но все же деньги на главные расходы у большинства были. Входить же въ новые долги имъ было даже почти невозможно, потому что переселенецъ—существо, наименѣе пользующееся кредитомъ. На прежнемъ мѣстѣ жительства ему не вѣрятъ потому, что онъ оттуда уходитъ; а на новомъ мѣстѣ его не знаютъ, да притомъ и мѣстное населеніе

не совсѣмъ дружелюбно относится къ пришлому человѣку; для названія переселенцевъ уже сочинили новое словцо, намъ совсѣмъ непонятное: прозвали переселенцевъ почему-то „коркулями". Что̀ это значитъ—я никакъ не могъ разъяснить разспросами: просто дразнятъ „коркулями", да и баста, и изъ-за этого бываютъ даже ссоры. Встрѣчаетъ мѣстный мужикъ переселенца и привѣтствуетъ:—Здоровъ, коркулю! — Якій я тебѣ коркуль!.. И пошло, и пошло пререканіе и перебранка. Надо добавить, что это прозваніе случается слышать не только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской, но и въ степной части полтавской губерніи.

На вопросъ—не дѣлали ли переселенцы большихъ займовъ, они отвѣчаютъ просто и вразумительно:—да кто-жъ намъ повѣритъ? Но тотъ фактъ, что у нихъ были сотни рублей при самомъ переселеніи, требовалъ разъясненія: не собрались ли сюда самые зажиточные люди, такіе, которымъ хорошо жилось и дома, которые поэтому вовсе даже не нуждались въ переселеніи? Однако подкладка тутъ совсѣмъ иная: деньги выручались почти исключительно продажею надѣльныхъ земель на родинѣ и построекъ, иногда же сдачею земли въ аренду, а это далеко не богатство. Были, положимъ, у мужика въ усадьбѣ порядочныя постройки, которыя, при мѣстной дороговизнѣ лѣса, очень цѣнятся. Дòма эти постройки никакого богатства не составляли, а только давали своему хозяину жилище, да и занимали онѣ всего какую-нибудь четверть десятины. Живя въ самыхъ цѣнныхъ постройкахъ, при маломъ надѣлѣ, можно голодать. Жить постройками, конечно, нельзя—дохода онѣ не даютъ. Мѣстить въ нихъ три-четыре новыя семьи, на которыя распадается прежняя одна семья, послѣ того какъ подросли въ ней новые работники — тоже немыслимо. А продажею этой самой постройки можно выручить рублей 100 или, пожалуй, 200, что̀ очень помогаетъ при переселеніи. Но однѣ постройки бываютъ только у самаго малоземельнаго; у другихъ же есть еще и полевые надѣлы—маленькіе, но все-таки есть. Вотъ, напримѣръ, хозяинъ, у котораго на родинѣ было двѣ, три или четыре десятины всего; это значитъ—на *душу* всего одна десятина или даже дробь десятины. Въ такой тѣснотѣ харьковскій или курскій мужикъ задыхался; не нужно объяснять, что двумя-тремя десятинами возросшая и ростущая еще семья кормиться не въ состояніи. Но такъ какъ эти десятины находятся въ мѣстности, гдѣ земля въ послѣдніе годы сильно вздорожала (между прочимъ, отъ вліянія тѣсноты же), то за нихъ можно выручать рублей по сту, а иногда даже по полутораста. И выходитъ, что малоземельнѣйшій двухъ-десятинный мужикъ могъ выручить рублей 200—300; трехъ-десятинный—рублей 300—400. У кого на *семью* было и пять десятинъ—тотъ тоже малоземельный,

страдавшій отъ тѣсноты, но сбытомъ своего тѣснаго надѣла онъ пріобрѣталъ нѣсколько сотъ рублей, а включительно съ постройками —если онѣ были порядочныя—могъ получить и около 1.000 рублей. Наконецъ, кто не продалъ надѣловъ, а только сдалъ землю въ аренду —и тотъ получалъ не мало. Мы видѣли уже, что люди уходили изъ-за дороговизны найма сосѣднихъ земель, за которыя платили рублей 15—20 въ годъ; стало быть, кто сдалъ года на два въ аренду свои четыре-пять десятинъ, могъ пріобрѣтать больше сотни рублей. На вырученныя отъ продажи и сдачи въ аренду надѣловъ деньги мужикъ, конечно, жить не могъ, но эти деньги, при коренномъ переломѣ его хозяйства, совершающемся при переселеніи, дадутъ переселенцу большую подмогу.

Что же выходитъ изъ всего этого? То, что владѣніе нѣсколькими сотнями рублей при переселеніи и крайняя нужда — вещи вполнѣ совмѣстимыя. Кто имѣетъ эти сотни—ушелъ отъ несомнѣнной тѣсноты, и большинство такихъ представляетъ вполнѣ *подходящій* контингентъ для переселенческаго дѣла. Эти люди только мѣняютъ прежнія три-четыре десятины — на 10 десятинъ на новомъ мѣстѣ. Они уходятъ отъ тѣсноты и черезполосицы, соединенной съ вѣчными спорами и дрязгами, на просторъ, къ округленному владѣнію, гдѣ сосѣдскихъ споровъ почти не будетъ. Стало быть, все это предпріятіе —вполнѣ резонное, заслуживающее всякой поддержки. И сколько ни разспрашивалъ я въ данномъ селеніи о каждомъ отдѣльномъ хозяинѣ — все выходило, что у одного была только одна десятина, у другого—лишь двѣ-три, у рѣдкаго—семь-восемь десятинъ. Если допустить, что иные переселенцы и дóма были людьми болѣе состоятельными въ денежномъ отношеніи, то это мало измѣнитъ дѣло; если у кого и были залежныя триста, четыреста рублей, то при переселеніи эти деньги нашли себѣ лучшее дѣло, чѣмъ какое могли бы найти себѣ на старомъ мѣстѣ. Тамъ онѣ, можетъ быть, пошли бы на какую-нибудь рискованную торговлю или ростовщичество, а здѣсь онѣ пошли на воздѣлываніе новыхъ земель, на превращеніе печальныхъ пустырей въ хлѣбныя поля и цвѣтущіе огороды.

Но все-таки тягость условій переселенія, сама по себѣ, ведетъ къ извѣстному неравенству. У кого было сто или полтораста рублей —тотъ малосиленъ справиться съ массою задачъ, представляющихся переселенцу, и не одолѣетъ полнаго десяти-десятиннаго участка. Потому иные отказываются отъ полнаго участка и берутъ меньшіе, а кто побогаче—тѣ охотно берутъ покидаемыя доли. Въ данномъ товариществѣ, напримѣръ, оказалось, что минимумъ земельной доли спустился до 6 десятинъ, а всѣхъ владѣющихъ отъ 6 до 9 десятинъ набралось 13, половина всѣхъ хозяевъ получила по нормальному де-

сяти-десятинному паю, а зато остальные взяли по полтора, по два и по три пая. Необходимость дѣлежа покинутыхъ нѣкоторыми долъ по-неволѣ привела къ пріему въ товарищество нѣсколькихъ новыхъ участниковъ и надѣленію нѣкоторыхъ излишками, потому что не держать же землю впустѣ, когда „жатва многа, а дѣлателей мало". Ариѳметическое равенство въ жизни недостижимо; его далеко нѣтъ и на старыхъ надѣлахъ.

Бѣда только въ формальностяхъ. Земля куплена по купчей крѣпости, гдѣ поименованы всѣ участники покупки, даже и покинувшіе землю: эти послѣдніе передали свои доли другимъ, но какъ это укрѣпить формально, чтобы ушедшій не могъ потомъ отнять земли у своего преемника, когда послѣдній успѣетъ уже распахать землю и застроить? Это вопросъ, на который правила не даютъ опредѣленнаго и сколько-нибудь удобнаго отвѣта, а между тѣмъ разные „аблакаты" и нотаріусы уже крѣпко начинаютъ совать свой носъ въ крестьянскія и особенно переселенческія дѣла. Идутъ, напр., Иванъ съ Степаномъ къ нотаріусу за совѣтомъ: какъ, молъ, мнѣ, Ивану, передать свою долю Степану? Нотаріусъ знаетъ, что землю можно продавать по крѣпостному акту, а актъ совершенъ на все товарищество въ совокупности—стало быть, купчей тутъ не состряпаешь; и вотъ начинаются совѣты: „ты, Степанъ, землю возьми и деньги отдай Ивану, а въ обезпеченіе возьми вексель". А то бываетъ и проще: „выдай, Иванъ, Степану довѣренность на управленіе твоими десятинами и на оплату этой земли". Вотъ и пошли въ ходъ векселя да довѣренности. И бѣдный Степанъ вѣритъ въ силу своей довѣренности, не догадываясь, что отъ Ивана зависитъ уничтожить ее во всякое время. Нотаріусъ же взялъ деньги за совершенный документъ и о послѣдствіяхъ не думаетъ. Много тутъ путаницы надо распутать, и очень чувствуется здѣсь пробѣлъ закона, такъ какъ общіе гражданскіе законы неприложимы къ массовымъ крестьянскимъ владѣніямъ. Тутъ нужны такія основанія владѣнія, которыя подходятъ къ положеніямъ 19-го февраля.

Выше уже было сказано, что урожаи и неурожаи въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ расположились полосами. Но, случайно, первые видѣнные мною переселенцы были именно изъ попавшихъ подъ неурожай. Общее впечатлѣніе и выводы о переселенцахъ потому явятся уже въ концѣ настоящаго описанія; но разсказывать частности приходится по порядку, начавъ съ худшаго. Р—скіе крестьяне сильно жаловались на свое положеніе. Засуха сильно имъ повредила и разстроила много надеждъ; къ тому же бѣда не приходитъ одна. Къ засухѣ присоединились суслики (овражки или „оврагъ", какъ чаще называютъ ихъ переселенцы)—зло, которое уступаетъ только послѣ

долгой и настойчивой борьбы, не совсѣмъ ожиданной для переселенца. А третій врагъ — нашествіе жука. Р—скимъ переселенцамъ, такимъ образомъ, пришлось встрѣтиться разомъ съ тремя свирѣпыми врагами. Оттого засѣянныя поля ихъ имѣли довольно печальный видъ. Издали кажется хлѣбъ хлѣбомъ. Но вотъ подхожу къ этому хлѣбу, и получается другое впечатлѣніе. Мужики косятъ овесъ, но они не вяжутъ его въ снопы, а прямо сгребаютъ въ кучу, какъ траву. Отчего?—да просто оттого, что хлѣбъ не стóитъ старательной уборки. Онъ очень рѣдокъ и вдобавокъ очень мало зерна. Возьмешь нѣсколько скошенныхъ стеблей въ руки и видишь, что мужикъ говоритъ правду. Ну, а гдѣ рожь? Да и жито (рожь),—говорятъ,—вышло очень плохое. Солома, пожалуй, есть, а зерна почти нѣтъ; одно—то, что не дала налиться зерну засуха, а другое — проклятый жукъ „выпилъ" зерно. Рожь была уже убрана, такъ что повѣрку можно было сдѣлать только въ стогахъ, и она подтвердила сказанное.

— А какой же это былъ жукъ?—спрашиваю я, не надѣясь увидѣть его за совершившеюся уже уборкою хлѣба.

— А вотъ подивитесь (посмотрите), коли хочете.

— Да гдѣ жъ я его увижу, когда хлѣбъ собрали?

— Гдѣ?—воскликнулъ мужикъ:—а вотъ тутъ.—И съ этими словами онъ наклонился надъ землею убраннаго поля и сгребъ съ земли цѣлую пригоршню мертваго жука.—Вотъ, наѣлся нашего хлѣба, да и подохъ тутъ.

Вижу—жукъ, буренькій и съ какою-то черною лопатою на спинѣ; внутренніе края его крыльевъ обведены какою-то черною полоскою и при складываніи даютъ черную черту, словно рукоятка лопаты, а выше на спинѣ—примыкающій къ этой чертѣ черный четыреугольникъ. Такъ и получается видъ лопаты. Не знаю, какъ зовутъ этого жука, но одинъ хозяинъ увѣрялъ, что это-то и есть самый „австріякъ".

Мѣстные крестьяне говорятъ, что жукъ этотъ появляется съ довольно правильною періодичностью; по словамъ однихъ—разъ въ два года, а по словамъ другихъ—разъ въ три года. Явится и обсядетъ колосъ, такъ что на одномъ колоскѣ бываетъ по пяти, по восьми и десяти жучковъ. Такъ и „выпьютъ" зерно. Разсказывали еще про одного помѣщика, который, соображаясь съ періодичностью появленія жука, не сѣялъ въ тотъ годъ, когда ожидалъ его, ни ржи, ни пшеницы, а только овесъ, гречиху и другія растенія, на которыхъ, по формѣ колосьевъ, жуку сидѣть и двигаться неудобно. И будто система эта вполнѣ оправдалась. Но переселенцу все это въ новость.

Во всякомъ случаѣ, р—скіе переселенцы въ большомъ горѣ отъ постигшей ихъ въ первый годъ неудачи. Правда, ихъ утѣшаютъ

тѣмъ, что на слѣдующій годъ жука уже не будетъ, что и засухи бываютъ не каждый годъ, а послѣ двухъ неурожайныхъ годовъ (1885 и 1886) надо непремѣнно ждать всякаго добра и останется воевать только съ сусликомъ; но въ минуту большого горя утѣшенія дѣйствуютъ не сильно. — Вотъ кабы нынѣшній годъ былъ хорошъ, мы бы успѣли поправиться на новомъ мѣстѣ, и не отстало бы отъ насъ столько товарищей, — говорятъ они. Мужикъ, и особенно южный, страшно подавляется впечатлѣніемъ *настоящаго* неурожая: онъ оживляется уже при послѣдующемъ хорошемъ сборѣ хлѣба; тогда онъ спокойно говоритъ о пережитомъ горѣ. Мнѣ послѣ пришлось видѣть такихъ крестьянъ, т.-е. отбывшихъ одинъ тяжкій годъ и повеселѣвшихъ отъ новаго, хорошаго урожая.

Интересно было еще узнать—всѣ ли переселенцы успѣли сбыть свои надѣлы на родинѣ, легко ли они разстаются съ этими надѣлами. Вышло и тутъ нѣчто не совсѣмъ ожиданное. Хотя большинство надѣлы и сбыло, но многіе силятся удерживать ихъ за собою почти до послѣдней крайности. Изъ 90 переселенцевъ, числившихся вначалѣ, 21 человѣкъ все еще остались при старыхъ надѣлахъ, да и нѣкоторые изъ остальныхъ, говорятъ, словесно условились съ покупщиками, что если-де они вернутъ послѣднимъ взятыя у нихъ деньги, то покупщики согласны будутъ вернуть пріобрѣтенную землю. Положимъ, сами продавцы-переселенцы мало разсчитываютъ на это: гдѣ, молъ, мнѣ собрать деньги для возврата! Это такъ только, на всякій случай, оговорили. Однако и тутъ видится проявленіе привязанности къ надѣльной землѣ и инстинктъ осторожности, который особенно имѣетъ цѣну въ переселенцѣ, показывая, что предстоящій переселенецъ шелъ не очертя голову, а съ оглядкою.

— Зачѣмъ же вы удержали надѣлы?—спрашиваю.

— А вотъ поживемъ, посмотримъ.—Если хорошо здѣсь укрѣпимся, то, можетъ быть, продадимъ. Продавать теперь разомъ невыгодно: если всѣ станутъ продавать, то дадутъ полцѣны. Да и то сказать: отчего не удержать, если можно будетъ, землю и тамъ, и здѣсь? Тутъ я, положимъ, самъ соберу хлѣбъ, а тамъ, на родинѣ, батько или братъ, или кому отдамъ въ аренду. А можетъ быть и самъ обернусь какъ-нибудь туда и сюда.

— Да развѣ можно хозяйничать въ двухъ мѣстахъ, когда тутъ больше трехсотъ верстъ разстоянія? Какъ тутъ поспѣть?

Но нѣкоторые мужики увѣряютъ, будто можно, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, а землю сбывать во всякомъ случаѣ жалко.—Ну, да затѣмъ,—говорятъ они,—само собою будетъ видно—можно или нѣтъ, нужно ли продавать, или лучше удержаться.—Признаться, пріятно видѣть, когда мужикъ цѣпко держится за землю. Вѣрнѣ или невѣ-

ренъ его разсчетъ, но уже одинъ инстинктъ этотъ — здоровый инстинктъ. Въ другомъ мѣстѣ переселенецъ говорилъ: „мужикъ безъ земли ничего не стóитъ—какъ же ему не держаться за землю?“ Повидимому, особенно держались за надѣлы и надѣялись удержать ихъ болѣе крупныя семьи. Впрочемъ, инстинктъ, о которомъ идетъ рѣчь, не вездѣ одинаковъ. Не рѣшусь дѣлать обобщеній, но скажу, что менѣе держащимися за надѣльную землю, скорѣе сбывающими ее, мнѣ чаще представлялись полтавцы.

Р—скіе переселенцы оставили во мнѣ много впечатлѣній. При знакомствѣ съ ними открылось то, чего совсѣмъ не видно было на бумагѣ. Бытовая сторона переселенческаго дѣла представила такія внушительныя конкретныя черты, которыя можно было узнать только встрѣтившись лицомъ къ лицу съ самимъ переселенцемъ и осмотрѣвъ собственными глазами его хозяйство. Ясно было, что данные переселенцы не шли наобумъ, что у нихъ была сильная рѣшимость кореннымъ образомъ измѣнить свое положеніе, не останавливаясь передъ жертвами; а жертвы потребовались очень большія, тѣмъ болѣе, что природа и судьба не захотѣли побаловать искателей „новаго счастія“. Напротивъ, тутъ какъ нарочно сошлось многое, чтобы напугать смѣлаго искателя, съ перваго шага. Первый годъ переселенія—и уже цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій. Эти условія успѣли отогнать около четвертой части пришельцевъ, несмотря на ихъ затраты, но ядро переселенцевъ, хотя и преисполнившись огорченій, остается ждать лучшей поры. Да и на смѣну ушедшимъ явились охотники стать на ихъ мѣсто, несмотря на то, что всѣ неблагопріятности предъ ними были уже на-лицо.

Кое-какъ закусивши, чѣмъ можно было раздобыться въ волостномъ правленіи, подъ вечеръ я выѣхалъ изъ Р—ки. Скоро настала темная ночь, и въ степи было уже трудно различать что-либо. Южная, степная, лѣтняя безлунная ночь—далеко не та, что подъ Петербургомъ. Подъ Петербургомъ въ это время ночью свѣтло, почти бѣлыя ночи, а въ южной степи ничего не видно. Правда, небо ясно, звѣзды блещутъ ярко, но этотъ свѣтъ ничего не помогаетъ. Напротивъ, именно при звѣздныхъ-то ночахъ приходится часто терять дорогу отъ темноты. Ѣхать приходилось не по почтовому тракту, а проселочнымъ путемъ, гдѣ дороги не окопаны, насыпями не обставлены, деревьями не обсажены и гдѣ селенія попадаются не часто. Даже возница мой—и тотъ сбивался; то ему кажется, что ѣдетъ онъ какъ слѣдуетъ, то вдругъ объявитъ, что надо остановиться, поискать дороги, а потомъ рѣшитъ, что необходимо вернуться назадъ и сдѣ-

лать гдѣ-то какой-то поворотъ, котораго мы во-время не сдѣлали. Степь со всѣхъ сторонъ гладкая, такъ что трудно разбирать—гдѣ дорога и гдѣ цѣлинное поле. По временамъ случалось доставать изъ кармана спички, зажигать пукъ сухой травы или соломы и этимъ способомъ оріентироваться. Сверканія звѣздъ тутъ только дразнятъ: какъ будто и свѣтъ, а ничего при немъ не увидишь. Въ часы такого пути, когда окрестные предметы не развлекаютъ, открывается большой просторъ для думъ, а думать было о чемъ, такъ какъ р—скія наблюденія возбуждали цѣлый рядъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, я встрѣтилъ людей, повидимому, средней или близкой къ средней мужицкой состоятельности, — людей, пришедшихъ съ порядочными деньгами и довольно порядочно уже успѣвшихъ построиться въ первый же годъ; но таково ли большинство переселенцевъ, случайныя ли были предо мною явленія или болѣе общія? Я видѣлъ людей, испытавшихъ неудачи въ первый годъ, но вѣдь бываютъ переселенцы, постигнутые иною судьбою. Инымъ удается въ первый же годъ отвѣдать „счастія", т.-е. хорошаго урожая, что́, конечно, помогаетъ имъ сразу прочно укрѣпиться; другимъ же, при обычныхъ степныхъ условіяхъ, достанется на долю и два неурожая сряду, а каково это въ первое время по переселеніи, т.-е. когда люди только сѣяли да затрачивали и почти ничего не собирали? Такія ли явленія встрѣтятся въ подобныхъ селеніяхъ, какія пришлось встрѣтить въ Р—кѣ? Новизна встрѣченныхъ фактовъ естественно развивала интересъ къ будущимъ изслѣдованіямъ подобнаго рода.

Переѣхавъ изъ одного селенія въ другое, изъ другого въ третье, не имѣвшія никакого отношенія къ переселеніямъ и населенныя старожилами, я черезъ нѣсколько времени опять попалъ въ волостное правленіе такой волости, гдѣ были переселенцы. Дѣло было уже ночью; большое селеніе все спало, и среди темноты виднѣлся только одинъ огонекъ. Вѣрно, тутъ-то и есть правленіе. Мы не ошиблись: свѣча горѣла, точно, въ волостномъ правленіи, въ чемъ мы и убѣдились, когда вышелъ на крыльцо плотный, широколицый человѣкъ, въ какомъ-то балахонѣ, и на вопросъ мой объявилъ, что онъ—писарь такого-то волостного правленія. Въ правленіи оказался еще молодой парень—помощникъ писаря; тутъ же стоялъ, съ сумкою, какой-то разсыльный сельской почты, и наконецъ та же обычная обстановка правленій: столъ подъ зеленымъ сукномъ, кучи бумагъ, циркуляры по стѣнамъ и на дверцахъ бумагохранительнаго шкафа и т. д. Но здѣсь обстановка была нѣсколько хозяйственнѣе, чѣмъ въ Р—кѣ; было два-три диванчика, гдѣ, казалось, можно уснуть (а уснуть послѣ долгой ѣзды очень хотѣлось), да и стулья поспокойнѣе. Въ домѣ нѣсколько комнатъ, и въ одной замѣтна семейная обста-

новка. Видно, что писарь здѣсь живетъ давно и менѣе склоненъ къ скитаніямъ. Принесли самоваръ, яицъ, хлѣба, а затѣмъ оставалось только спать, распорядившись насчетъ завтрашней экспедиціи. Ночлегъ на диванчикѣ оказался не очень спокойнымъ, потому что тревожили блохи; одинъ разъ даже разбудилъ пріѣздъ разсыльнаго отъ какой-то мѣстной власти, но человѣкъ, по селамъ уже скитавшійся, привыченъ къ такимъ безпокойствамъ; все же не то, что въ иныхъ великорусскихъ избахъ, гдѣ часто никакъ не умудришься заснуть и представляется одинъ исходъ: ѣхать дальше — авось найдешь лучшій ночлегъ.

Раннимъ утромъ, пока ставили самоваръ, пошелъ я по деревнѣ. Селеніе очень большое, есть нѣсколько приличныхъ домиковъ подъ соломенною крышею—видно, тутъ есть два-три небольшихъ помѣщика. Есть даже лавка, гдѣ можно достать кусокъ мещерскаго сыру, коробку сардинъ, и тутъ же сальныя свѣчи, мука, ремни, гвозди и т. д. Невдалекѣ церковь, но меня остерегали подходить близко къ церковной сторожкѣ, потому что дьячокъ или пономарь держитъ ужасно злую собаку, которая не даетъ проходу постороннему человѣку. Между тѣмъ солнце подымалось уже высоко, пугая предстоящимъ зноемъ, и скоро послышался звонокъ телѣжки, въ которой я долженъ былъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Надо было спѣшить, тѣмъ болѣе, что до деревни, бывшей моею цѣлью, верстъ восемь или десять.

Мѣстность была въ томъ же родѣ, какъ и при с. Р—кѣ, т.-е. сильно выжженная долгою засухою. Всюду желтыя травы, пыль и т. под. Наконецъ показалась вдали какая-то деревня, и уже по одному виду ея можно было заключить, что это переселенческое поселеніе: новое дерево нѣскольких хатъ, постройки, доведенныя только до половины, землянки, начатые плетневые сараи, два-три колодца и т. под. На улицѣ — если только можно назвать улицею дорогу, вдоль которой хаты протянулись въ одну линію—стояло десятка два крестьянъ, которые меня уже дожидали.

Видъ этого поселенія былъ невзрачнѣе вида Р—ки. Прежде всего бросалось въ глаза то, что переселенцы поселились на почти безводной равнинѣ. Вода только въ колодцахъ (впрочемъ, хорошая), но нѣтъ ни рѣчки, ни ручья, ни прудика. Далѣе, обращало на себя вниманіе сравнительное изобиліе землянокъ. Ихъ было больше, чѣмъ хатъ, да притомъ землянки чаще встрѣчались худшаго типа; маленькія, тѣсныя, глубже сидящія въ землѣ; войдя въ одну изъ нихъ, я подивился тѣснотѣ, и мнѣ показалось даже сомнительнымъ, какъ могла тутъ жить цѣлая семья. Здѣсь у одной стѣны постель („полъ“), а аршинахъ въ двухъ отъ нея, или немного больше, уже другая стѣна;

тутъ же мѣстится и станокъ, на которомъ ткутъ полотно. Маленькія окна при самой землѣ. Входъ въ землянку—какой-то крутой спускъ; темно, мрачно. Оказалось, однако, что семья здѣсь живетъ несомнѣнно и уже перезимовала. Хозяева не особенно жалуются, хотя прибавляютъ, что, разумѣется, еслибы у нихъ было больше средствъ, то они устроили бы себѣ лучшее жилье.—Каково же было вамъ зимою? не болѣли ли дѣти?—Слава Богу, всѣ здоровы были.—И не холодно?—Нѣтъ, зимою тепло въ землѣ; вотъ только бѣда, когда оттепель: затопишь печку—дымъ не идетъ вверхъ, и его задуваетъ внутрь, въ хату, такъ что усидѣть въ ней трудно.—Хаты тоже какъ-то поменьше, и прочія постройки поплоше. Ограды не въ низинѣ (которой здѣсь нѣтъ), а заняты изъ-подъ ровной же степи. Видъ ихъ довольно жалкій—замѣтно, что солнце жгло ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ долины. Садили и сѣяли въ огородахъ все, что̀ и въ другихъ селеніяхъ, но растительность вышла тощая, желтая. Въ Р—кѣ можно было расположиться въ волостномъ правленіи, а тутъ надо было искать какого-нибудь пріюта. Мужики посовѣтовали мнѣ забраться на одинъ недостроенный сарай, плетневыя стѣны котораго въ данный часъ прикрывали отъ солнца, принесли туда досчатый столъ, скамейку и собрались сами толпою у входа. Тутъ и начались наши бесѣды.

Оказалось, что здѣсь курскіе переселенцы, которые купили землю уже два года тому назадъ, но вотъ до сихъ поръ все не могутъ устроиться какъ слѣдуетъ. Одно—то, что состоянія не хватаетъ, а другое—они уже отбыли одинъ жестокій неурожай, а теперь дождались второго; добра же еще не видали на новомъ мѣстѣ.

Исторія б—скихъ переселенцевъ (это поселеніе прозвали Б—кою) вначалѣ сходна съ предыдущею. Уходили отъ тѣсноты и дороговизны земель, посылали развѣдчиковъ, одинъ изъ нихъ нашелъ продажную землю и сторговалъ; ходило потомъ на осмотръ человѣкъ десять соглядатаевъ, и, наконецъ, образовалось товарищество покупщиковъ изъ 75 человѣкъ. Точно также послѣ покупки не явились на мѣсто человѣкъ 13 и фактически устранились отъ дѣла, а человѣка три умудрились завести хозяйство на новомъ мѣстѣ, продолжая жить на родинѣ. Они засѣяли нѣсколько десятинъ хлѣба и думали пріѣхать ко времени сбора или поручить этотъ сборъ своимъ довѣреннымъ. На замѣну ушедшихъ явился только одинъ новый охотникъ, что̀ легко объясняется вліяніемъ неурожая, отбивавшаго охоту приставать къ покупкѣ. Такимъ образомъ, фактическихъ хозяевъ на мѣстѣ оказалось 60, вмѣсто 75-ти. Разница небольшая, если принять во вниманіе всѣ постигшія переселенцевъ невзгоды. 22 человѣка уже построили себѣ хаты, а 33 — землянки. Эти переселенцы бѣднѣе предыдущихъ, а главное—испытали больше горя. У нихъ уже слы-

шался сильный ропотъ на свое положеніе:—Два года живемъ уже, а добра еще не видѣли; посмотрите, какой у насъ хлѣбъ? все пожгло, только одна трава; а ленъ? а огороды?—И точно, хлѣбъ очень плохъ, ленъ въ три вершка ростомъ, толщиною съ нитку и не по времени желтый; огородные листья вялые; а солнце продолжаетъ палить немилосердно и на дождь нѣтъ надежды. „Проклятый оврагъ", жукъ—предметы дополнительныхъ жалобъ.—Ну, какъ же тутъ жить намъ?—спрашиваютъ переселенцы. Два года ждали, приходится уже ждать третьяго, а тамъ что̀ будетъ?

Усугубленію затрудненій этихъ крестьянъ послужило то, что они принесли съ собою не очень много денегъ; а недостатокъ денегъ, между прочимъ, объясняется тѣмъ, что они очень неохотно продавали надѣльную землю на родинѣ. Продали всего 20 человѣкъ, а остальные всѣ удержали надѣлы. Изъ этихъ 20-ти шесть человѣкъ получили отъ 100 до 200 рублей каждый, семь человѣкъ—отъ 200 до 300, пятеро—отъ 300 до 400 и двое—отъ 400 до 500. Нѣкоторые, надо полагать, собрали еще кое-какія деньжонки помимо продажи земель, потому что иначе трудно объяснить, какъ вынесли они два неурожая. При благопріятныхъ условіяхъ, подобныя деньги помогли бы имъ устроиться сносно, но б—скимъ переселенцамъ пришлось хуже, чѣмъ какимъ-либо изъ видѣнныхъ мною. Они купили землю за 51 тысячу рублей; въ счетъ этой суммы уплатили 39 тысячъ полученною изъ банка ссудою (больше и нельзя было взять, такъ какъ 125 руб. на душу—максимальный размѣръ); 9 тысячъ рублей уже отдали продавцу изъ собственнаго кармана, а остальныя 3 тысячи отсрочены. Затѣмъ надо было переѣхать на новое мѣсто съ хозяйствомъ, построиться и поднять землю. Все это требовало бо̀льшаго времени, и въ первый годъ послѣ покупки переселенцы перезимовали еще на родинѣ, въ курской губерніи. Привыкшіе пахать на родинѣ мягкую землю сохами и лошадьми, они должны были на новомъ мѣстѣ подымать цѣлину; ихъ скотъ и орудія не могли выполнить подобной задачи, и потому пришлось платить постороннимъ людямъ по 7 рублей за подъемъ каждой десятины. Каково же, послѣ отдачи 9 тысячъ продавцу, издержекъ переѣзда и построекъ, да послѣ 7-ми-рублевой подесятинной уплаты за распашку—испытать два года неурожая? Вмѣсто хорошей жатвы приходилось кормиться покупнымъ хлѣбомъ. Какъ тутъ и не возроптать? И не переселенцу, а постоянно живущему на одномъ мѣстѣ, отъ двухъ-лѣтняго неурожая приходится такъ тяжко, что селенія разбѣгаются въ поискахъ за какимъ-нибудь ломтемъ хлѣба. Видимо, тяжекъ былъ для б—скихъ переселенцевъ нынѣшній неурожай, но прошедшій годъ, по словамъ ихъ, былъ еще

ужаснѣе. Теперь хоть кормъ скоту есть, а тогда страшно выжгло и хлѣбъ, и траву.

У большинства есть еще рессурсъ—непроданные на родинѣ надѣлы, за которые можно взять порядочныя деньги. Но эти курскіе мужики держатся за землю еще крѣпче, чѣмъ предыдущіе харьковцы. И постигшія ихъ въ Новороссіи невзгоды не побуждаютъ ихъ къ ускоренію продажи, а скорѣе воздерживаютъ отъ нея.—На всякій случай, лучше сохранить,—разсуждаютъ б—скіе куряне.

Купленная земля раздѣлена между хозяевами по душамъ; на душу положено $^3/_8$ десятины подъ усадьбы и 3 дес. поля; но число душъ въ семьяхъ не всегда совпадаетъ съ числомъ взятыхъ семьею душевыхъ долей. Разница эта находится въ зависимости отъ требовавшихся доплатъ къ ссудѣ банка изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ. Кто не могъ внести полной доплаты на все число своихъ душъ, тотъ бралъ нѣсколько меньше земли. При всемъ томъ неравенство невелико: наибольшій хозяйскій пай—на 9 душъ, и такіе паи взяли только двое; по одной душѣ взяли тоже двое; большинство же брало отъ 2 до 4 душъ. Ко времени моего посѣщенія „поднято" уже было около половины всей земли; остальная—подъ пастбищемъ и т. п. Итакъ, переѣздъ, застройка, распашка земли—какъ много уже сдѣлано для новаго устройства, при самомъ неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ! Выйдетъ третій годъ урожайный—сгладится вліяніе бѣдъ, такъ какъ урожаи здѣсь тоже бываютъ сильные, а не выйдетъ... но нельзя же ждать только однихъ несчастій. Другіе переселенцы, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, вознаграждались же за претерпѣнное вначалѣ.

Выѣхалъ я изъ Б—ки часа въ три днемъ, въ самый припекъ; отъѣхали въ „чистую", пустую уже отъ всякаго жилья степь; солнце палитъ, вѣтра нѣтъ: движенія нигдѣ никакого, кромѣ моей телѣги. Совершенная тишь, та характерная тишь, какая бываетъ въ часы напряженнаго зноя; слышится только, какъ будто кузнечики стрекочутъ. Но, прислушавшись внимательнѣе, замѣчаю, что это не совсѣмъ похоже на кузнечика: стрёкотъ съ какимъ-то особеннымъ присвистываніемъ. Спрашиваю возницу: — что̀ это такое? — Развѣ не видите, суслики пересвистываются.—Гдѣ же они?—А вонъ, а вотъ!—И дѣйствительно, вижу въ разныхъ мѣстахъ стоятъ на заднихъ лапкахъ мелкія животныя, въ родѣ крысъ, съ короткими хвостиками, и издаютъ свои характерные звуки. Оглядываюсь въ разныя стороны и насчитываю не менѣе десяти штукъ этого врага южныхъ земледѣльцевъ, и всѣ въ одной позѣ. Не смущаясь нашею ѣздою, они не двигаются съ мѣста и продолжаютъ свистѣть. Останавливаю телѣгу— они все не боятся. Но едва я спустилъ ногу на ступеньку, желая

сойти и разсмотрѣть поближе, каждый моментально нырнулъ въ свою нору, и нѣтъ его. Сусликъ понимаетъ, до какихъ поръ можно храбриться.

— Теперь съ нимъ ничего не подѣлаешь,—говоритъ мужикъ:— такія глубокія норы порылъ, что его и не достанешь. Съ весны надо „выливать", вотъ какъ только снѣгъ сойдетъ; тогда набьешь ихъ сколько хочешь; а теперь и въ глубину, и въ бокъ повыводилъ такіе ходы подъ землею, что ничего не боится.

Истину этого я скоро дозналъ опытомъ. Обычный способъ истребленія суслика — заливанье водою; весною или въ самомъ началѣ лѣта, когда норы еще неглубоки, льютъ въ нору ведро или два воды — сусликъ сейчасъ выплыветъ, и тутъ его убиваютъ. Но позднимъ лѣтомъ это уже трудъ напрасный. Въ одной деревнѣ, ходя съ мужиками по полю и замѣтивъ, какъ нырнулъ въ свою норку сусликъ, я предложилъ мужикамъ залить его.—Глубоко сидитъ,—отвѣчали мужики:—теперь вольешь ведро—вода только *загремитъ*, переливаясь подъ землею.—Однако колодецъ былъ близко, кстати возлѣ него были ведра, и мы принялись за дѣло. Влили одно ведро, и точно, послышался какой-то странный звукъ, къ которому очень подходило крестьянское выраженіе: „загремитъ"; вода быстро вбѣжала въ нору, и отъ нея не осталось слѣда; влили второе ведро — то же самое; послѣ пятаго ведра вода на нѣсколько секундъ было-задержалась на поверхности норы, показались пузыри, но затѣмъ опять вода быстро всосалась; сусликъ не вышелъ даже послѣ шестого ведра; тогда мы и бросили наше занятіе.

Ожесточеніе крестьянъ противъ суслика очень велико.—Иногда,— говорилъ мнѣ мужикъ, — вытянешь проклятаго „оврага" изъ норки крючкомъ, поднимешь его, да и размахиваешь крючкомъ на воздухѣ; „оврагъ" вертится, пищитъ, а его товарищи подъ землею откликаются ему и тоже пищатъ. Видно, жалко имъ товарища.

Земство поощряетъ истребленіе сусликовъ денежными уплатами. Устанавливаютъ обязательныя нормы — сколько сусликовъ долженъ истребить каждый хозяинъ, и учитываютъ эту повинность по числу представленныхъ въ земскую управу лапокъ. А кто представитъ лапокъ больше требуемаго количества, тѣмъ платятъ деньги, хотя, разумѣется, за каждаго суслика приходятся дроби копѣекъ.

— Знаете ли, сколько мы заплатили за сусликовъ въ нынѣшнемъ году?—говорилъ мнѣ членъ губернской земской управы одной новороссійской губерніи:—130 тысячъ рублей! По одному этому судите, какова масса ихъ, съ какою вредною силою намъ приходится бороться.

Въ самомъ дѣлѣ, ужасная цифра! На нее можно бы содержать

цѣлое крупное учрежденіе. Можно бы имѣть нѣсколько сотъ лишнихъ школъ. И все это выплачиваетъ населеніе одной только губерніи. И за всѣмъ тѣмъ суслика остается еще такъ много, что онъ является однимъ изъ самыхъ губительныхъ бичей сельскаго хозяйства. Если кругомъ на убитаго суслика положить даже копѣйку—и то выходитъ 13.000.000 убитыхъ; но платятся дроби; а сколько остается еще живыхъ? Бѣда въ томъ, что сусликъ плодится нѣсколько разъ въ годъ;—оттого его такъ много, оттого такъ важно истреблять его въ началѣ весны, чтобы онъ не оставлялъ потомства. За убитыхъ раньше и земство платитъ дороже, чѣмъ за убитыхъ лѣтомъ.

Но если такъ многочисленъ этотъ врагъ,—нельзя ли какъ-нибудь утилизировать его? Такая мысль невольно приходитъ въ голову, при слушаніи подобныхъ разсказовъ. Вѣдь есть же у него кожа, жиръ; если что-нибудь дѣлать изъ нихъ, то, съ одной стороны, будетъ новый продуктъ, а съ другой—охрана посѣвовъ; разомъ два дѣла.

— Да, пробовали,—разсказываетъ одинъ земецъ: — думали обращать сусличью кожу на перчатки, но кожа эта слишкомъ мала — хватитъ развѣ на дѣтскую перчатку. Были еще опыты вытапливанья сала для смазокъ, и ничего, кажется, годится. Только все это еще одни опыты, не больше.

— Одинъ мастеръ попробовалъ-было сшивать изъ сусличьихъ кожъ нѣчто въ родѣ мѣха. И сшилъ нѣсколько такихъ „мѣховъ". Я самъ купилъ у него за нѣсколько рублей, и сдѣлалъ себѣ халатъ,—разсказалъ другой земецъ. Можетъ быть, такой промыселъ и пошелъ бы, да только многіе ли захотятъ покупать подобный товаръ? Вотъ, еслибы кто-нибудь изъ модниковъ захотѣлъ пріобрѣсти себѣ подобную вещь, тогда, пожалуй, она вошла бы въ моду и развился бы промыселъ. Примѣръ важенъ, а такъ—едва ли у насъ что-нибудь выйдетъ.

Я двинулся въ болѣе благополучную мѣстность, гдѣ, по слухамъ, были порядочные дожди и хлѣбъ недуренъ. Опять дневной зной и темныя ночи, въ которыя то-и-дѣло приходится разспрашивать про дорогу. Встрѣтишь мужичка-малоросса, и спросишь:—а какъ мнѣ проѣхать на такой-то хуторъ? — Да ѣдьте прямо, все прямо,—скажетъ онъ, указывая вдаль рукою:—тутъ будетъ хуторъ Данчѐнка, а дальше—хуторъ Зинчѐнка; тамъ поверните направо и доѣдете до хутора Гнатчѐнка; а затѣмъ будетъ уже и тотъ хуторъ, куда вамъ треба.

На слѣдующій день, подъ вечеръ, вдругъ собрались грозовыя тучи, и скопилось ихъ столько, что ясно было быстрое приближеніе грозы. Освѣженіе воздуха послѣ долгаго зноя, конечно, пріятно, но

когда находишься въ пути — тутъ, прежде всего, хочется поскорѣе доѣхать туда, гдѣ можно скрыться отъ дождя. Однако, какъ ни погонялъ лошадей мой возница, тучи гнались за нами такъ быстро, что на спасеніе не оставалось никакой надежды. Скоро забороздили по небу частыя молніи, загремѣлъ поминутный громъ, поднялся страшный вихрь, наконецъ упала на лицо первая крупная капля, и за нею начался сильнѣйшій дождь, какого я давнымъ-давно не видалъ. Гонимый вѣтромъ, онъ хлесталъ все сбоку; каждая капля была чуть не съ ложку воды; молніи такъ ярки и часты, что, казалось, кто-то съ неба ежеминутно сыплетъ огонь подъ ноги лошадямъ. Досталъ я зонтъ, расправилъ, но вѣтеръ живо вывернулъ его покрышку, показавъ всю тщету надеждъ на подобную защиту. Пришлось предоставить себя на волю стихій, такъ какъ кругомъ одна степь, гдѣ встрѣчаются лишь хлѣбныя копны; а эти копны могутъ защищать только съ одной стороны и не даютъ никакой защиты сверху. Возница говоритъ, что до ближайшаго селенія еще версты три. Спѣшимъ, спѣшимъ, наконецъ блеснулъ гдѣ-то яркій свѣтъ; мы въѣхали въ какое-то большое село и направились прямо на огонь; достигнувъ домика, изъ котораго онъ свѣтился, пришлось еще долго стучать. Наконецъ достучались, дверь заскрипѣла, и на порогѣ показался неопредѣленный человѣческій образъ. — Пожалуйте, сюда пожалуйте!

Вхожу въ домъ, съ меня текутъ ручьи; предо мною—среднихъ лѣтъ еврей, въ длиннополомъ сюртукѣ, и рекомендуется:—Хозяинъ постоялаго двора, Моисей Абрамовичъ Шмольцъ.—Онъ любезно мнѣ услуживаетъ и выражаетъ сожалѣніе о постигшей меня участи.

— Вамъ, можетъ быть, самоваръ?

— Да, пожалуйста, поскорѣе.

— Сейчасъ, сейчасъ! Анна Абрамовна-а!..

Появилась Анна Абрамовна, толстая еврейка, жена или сестра Моисея Абрамовича — не знаю. Оказалось, что я попалъ какъ разъ на вечеръ шабаша, когда семейство Шмольцъ совершало свои моленья при свѣтѣ цѣлаго ряда свѣчей. Эти-то свѣчи и были источникомъ свѣта, бросившагося намъ въ глаза, когда мы въѣзжали въ деревню подъ дождемъ.

Скоро явился самоваръ, а затѣмъ попечительная Анна Абрамовна распорядилась принести двѣ большія подушки, увѣряя, что на ея диванчикѣ и этихъ подушкахъ я великолѣпно усну. Однако, боясь обилія историческихъ воспоминаній этихъ подушекъ, которыя, конечно, знакомы съ головами многихъ проѣзжихъ, я рѣшительно отказался, сказавъ, что всегда сплю на своей маленькой духовой подушкѣ.

Долго не вѣрила Анна Абрамовна, чтобы можно было спать на одной только подушкѣ, да еще такой маленькой, и выставляла достоинства своихъ. А подушки ея были, точно, замѣчательныя: по четыремъ сторонамъ каждой вышиты такія слова: „Головку склони, сладкимъ сномъ усьни". Откуда это взялись у Моисея Абрамовича подобныя надписи?—Я заснулъ, какъ убитый, подъ монотонное гудѣніе шабашковыхъ молитвъ, слышавшихся изъ третьей комнаты, а на слѣдующій день попалъ уже въ новую мѣстность, гдѣ поля смотрѣли гораздо лучше, чѣмъ видѣнныя мною прежде.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1887 г.

Новый законъ о порядкѣ образованія и о составѣ суда присяжныхъ; отношеніе его къ прежнимъ проектамъ, его сильныя и слабыя стороны. — Законопроектъ объ ограниченіи сферы дѣйствій суда присяжныхъ; три главныя группы дѣлъ, къ которымъ онъ относится; новая форма суда, имъ создаваемая.—Именной указъ 14-го марта. — Нѣсколько словъ о реформѣ мѣстнаго управленія.

Законъ 28-го апрѣля, измѣнившій постановленія о составѣ и о порядкѣ образованія суда присяжныхъ, имѣетъ, прежде всего, то значеніе, которое мы приписывали, въ свое время, закону 12-го іюня 1884 г.; онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что суду присяжныхъ, вопреки усиліямъ газетныхъ и иныхъ реакціонеровъ, не суждено исчезнуть изъ нашего судоустройства. Это очень утѣшительно—но этого одного еще мало. Если перемѣны въ полезномъ учрежденіи служатъ гарантіей противъ совершенной его отмѣны, то это — достоинство чисто отрицательнаго свойства; положительная сторона реформы зависитъ отъ характера и направленія нововведеній, вносимыхъ ею въ дѣйствующее право. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, законъ 28-го апрѣля далеко не во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названъ перемѣной къ лучшему. Мы не находимъ въ немъ кое-чего, давно уже признаннаго необходимымъ, — и находимъ, наоборотъ, немало правилъ, цѣлесообразность которыхъ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительна.

Начнемъ съ порядка составленія общаго списка присяжныхъ засѣдателей. Къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ прежде имѣлось въ виду привлечь и тѣхъ, кто можетъ, по закону, быть присяжнымъ засѣдателемъ. Каждому правоспособному, въ этомъ смыслѣ, лицу — если оно не принадлежитъ къ одному изъ податныхъ сословій—предполагалось вмѣнить въ обязанность самому заявлять о себѣ мѣстному мировому судьѣ, подъ опасеніемъ ареста или денежнаго штрафа. Это было бы самымъ лучшимъ средствомъ обезпечить полноту спи-

сковъ. Какъ бы серьезно ни относились къ своей задачѣ всѣ тѣ, на кого возложено составленіе списковъ, они легко могутъ допустить пробѣлы, особенно въ категоріяхъ, принадлежность къ которымъ обусловливается признакомъ трудно уловимымъ (напримѣръ, извѣстной цифрой годового дохода). Множество лицъ—и притомъ изъ числа такихъ, включеніе которыхъ въ списокъ присяжныхъ представляется весьма желательнымъ — ускользаютъ отъ отправленія повинности, тѣмъ тяжелѣе падающей на другихъ, и не считаютъ нужнымъ протестовать, потому что не привыкли дорожить своимъ гражданскимъ долгомъ. Оправданіемъ для нихъ служитъ, до извѣстной степени, самый законъ; они могутъ успокоивать себя мыслью, что привлеченіе или непривлеченіе ихъ въ число присяжныхъ зависитъ всецѣло отъ коммиссіи, составляющей списки, что никто не требуетъ и не ожидаетъ отъ нихъ иниціативы въ исполненіи обязанности, на нихъ лежащей. Нельзя не пожалѣть поэтому, что проектированная-было обязательность заявленій не осуществлена закономъ 28-го апрѣля. Уступаетъ онъ проекту 1883—84 г. и въ томъ отношеніи, что не объединяетъ въ однѣхъ рукахъ работу по предварительному составленію общаго списка. Прежде предполагалось возложить ее на участковаго мирового судью; теперь она распредѣлена между предсѣдателемъ уѣздной земской управы, городскимъ головою, непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія и начальникомъ полиціи. Участковый мировой судья стоитъ гораздо ближе къ крестьянскому населенію своего участка, чѣмъ непремѣнный членъ — къ крестьянскому населенію цѣлаго уѣзда; отъ мирового судьи скорѣе можно ожидать точныхъ и полныхъ свѣденій, чѣмъ отъ полиціи, заваленной самыми разнообразными обязанностями и привыкшей относиться слегка къ безчисленнымъ справкамъ, перечнямъ, вѣдомостямъ, отъ нея требуемымъ. Повѣрку списковъ, составленныхъ мировымъ судьею, предполагалось поручить мировому съѣзду, съ присоединеніемъ къ нему предводителя дворянства, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, товарища прокурора, уѣзднаго исправника и нѣсколькихъ уполномоченныхъ отъ уѣзднаго земскаго собранія. Коллегія, такимъ образомъ организованная, имѣла бы, какъ намъ кажется, одно большое преимущество передъ коммиссіей, установляемой закономъ 28-го апрѣля. Составъ той и другой—почти одинъ и тотъ же, но коммиссія является учрежденіемъ случайнымъ и временнымъ, лишеннымъ твердаго средоточія, вокругъ котораго могли бы группироваться всѣ остальные элементы, между тѣмъ какъ въ коллегіи, прежде проектированной, такимъ средоточіемъ служилъ бы *мировой съѣздъ*—учрежденіе постоянное, крѣпко сложившееся и хорошо спѣвшееся. За успѣхъ задачи, возлагаемой на коммиссію, будутъ чувствовать себя

нравственно-отвѣтственными одинаково *всѣ*—то-есть спеціально *никто*; при прежде проектированномъ порядкѣ главная отвѣтственность лежала бы на мировомъ съѣздѣ, тѣмъ болѣе, что его же членами — участковыми мировыми судьями—исполнялась бы работа по предварительному составленію списковъ. Далеко не лишено значенія и то, что въ коллегіи, ядромъ которой служилъ бы мировой съѣздъ, могли бы участвовать всѣ почетные мировые судьи, усиливая собою элементъ земскій, общественный, столь важный и для полноты, и для правильности списковъ.

Во всемъ томъ, что касается порядка составленія списковъ, законъ 28-го апрѣля является какъ бы подтвержденіемъ и продолженіемъ закона 12-го іюня 1884 года; гораздо болѣе новаго и важнаго представляютъ постановленія, опредѣляющія самый составъ суда присяжныхъ. Право и обязанность быть присяжнымъ обусловливались, на основаніи судебныхъ уставовъ, или службой (государственной и общественной), или владѣніемъ, или доходомъ. Эти три категоріи удержаны и новымъ закономъ, но въ каждую изъ нихъ внесены болѣе или менѣе существенныя перемѣны. Имущественный цензъ, выражающійся въ владѣніи недвижимостью, пониженъ; имущественный цензъ, выражающійся въ вознагражденіи за трудъ или въ доходѣ съ капитала, занятія, ремесла или промысла, значительно повышенъ. Съ наибольшимъ довѣріемъ законодательная власть отнеслась къ землевладѣльцамъ; до сихъ поръ въ списокъ присяжныхъ вносились лица, владѣющія ста десятинами или болѣе, а теперь для этого признается достаточнымъ владѣніе землею въ такомъ количествѣ, которое даетъ право голоса на съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ. Это количество равняется, какъ извѣстно, одной двадцатой существующаго въ данной мѣстности земскаго ценза, а послѣдній составляетъ, въ большинствѣ уѣздовъ, отъ двухсотъ до трехсотъ пятидесяти десятинъ, рѣдко восходя до 475, 650 и 800 десятинъ. Итакъ, минимальнымъ земельнымъ цензомъ, дающимъ право быть присяжнымъ, является теперь владѣніе десятью десятинами, максимальнымъ—владѣніе сорока десятинами; цензъ пониженъ въ $2^1/_2$—10 разъ. Законъ 28-го апрѣля идетъ, въ этомъ отношеніи, гораздо дальше проекта 1883—84 г., предлагавшаго ограничить цензъ для присяжныхъ одною четвертью земскаго ценза. Весьма незначительно измѣненъ цензъ для владѣльцевъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, кромѣ земельныхъ; цифры остались здѣсь тѣ же самыя (стоимость имущества, смотря по мѣстности, опредѣляется въ двѣ тысячи, одну тысячу и пятьсотъ рублей), но средняя изъ нихъ, до сихъ поръ имѣвшая силу для всѣхъ губернскихъ городовъ и градоначальствъ, удержана только для городовъ, въ которыхъ болѣе ста тысячъ жителей. Другими словами, всѣ гу-

бернскіе города съ меньшимъ населеніемъ (а ихъ по крайней мѣрѣ $^4/_5$) поставлены на одинъ уровень съ массой уѣздныхъ городовъ; присяжнымъ, и тамъ, и тутъ, можетъ быть всякій, владѣющій недвижимымъ имуществомъ на сумму не менѣе пятисотъ рублей [1]). Что касается до ценза, выражающагося въ доходѣ или вознагражденіи за трудъ, то судебные уставы опредѣляли его двумя цифрами: 500 рублей—для столицъ и 200 рублей—для всѣхъ остальныхъ мѣстностей. Новый законъ различаетъ и здѣсь тѣ же три категоріи мѣстностей (столицы, города съ населеніемъ болѣе ста тысячъ человѣкъ и все остальное), о которыхъ мы только-что говорили; для первой категоріи цензъ повышается до одной тысячи, для второй—до шестисотъ, для третьей — до четырехсотъ рублей. На одинъ рядъ съ доходомъ или вознагражденіемъ за трудъ законъ 28-го апрѣля ставитъ и жалованье или пенсію, получаемыя по государственной или общественной службѣ; другими словами, должностныя лица, получающія—смотря по мѣстности—менѣе тысячи, шестисотъ или четырехсотъ рублей, лишаются права быть присяжными, между тѣмъ какъ по дѣйствовавшему до сихъ поръ закону въ общій списокъ присяжныхъ вносились—за извѣстными исключеніями, и теперь сохраняющими свою силу или еще болѣе распространяемыми—*всѣ* состоящіе на государственной гражданской или мѣстной выборной службѣ. Итакъ, въ кругъ лицъ, могущихъ быть присяжными, *включаются вновь*, по закону 28-го апрѣля, землевладѣльцы, которымъ принадлежитъ менѣе ста, но болѣе 10—40 (смотря по мѣстности) десятинъ земли, и нѣкоторые домовладѣльцы въ губернскихъ городахъ, имѣющихъ менѣе ста тысячъ жителей; *исключаются изъ него* всѣ чиновники, промышленники, торговцы, ремесленники, люди либеральныхъ профессій, получающіе въ столицахъ—отъ 500 до 1000, въ городахъ съ населеніемъ болѣе ста тысячъ — отъ 200 до 600, въ остальныхъ мѣстностяхъ — отъ 200 до 400 рублей. Уменьшается число лицъ, могущихъ быть присяжными, еще въ другомъ отношеніи: необходимымъ условіемъ включенія въ списокъ присяжныхъ законъ 28-го апрѣля ставитъ *умѣнье читать по-русски*. Сверхъ того, онъ запрещаетъ включать въ списки присяжныхъ домашнюю прислугу и всѣхъ впавшихъ въ крайнюю бѣдность.

Прежде, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ всѣхъ этихъ нововведеній, мы должны подчеркнуть два пункта, по которымъ законъ 28-го апрѣля выгодно отличается отъ проекта 1883—1884 г. Судебные уставы назначили для всѣхъ сословій одинъ и тотъ же (двадцатипяти-лѣтній) возрастъ, раньше котораго нельзя быть присяжнымъ;

[1]) Правда, въ высшую категорію переходятъ уѣздные города, населеніе которыхъ превышаетъ сто тысячъ; но много ли у насъ такихъ городовъ? Кажется—одинъ Бердичевъ.

они открыли доступъ въ присяжные лицамъ сельскаго состоянія, занимавшимъ безпорочно, не менѣе трехъ лѣтъ, должности волостныхъ старшинъ или головъ, волостныхъ судей, сельскихъ старостъ, церковныхъ старостъ. Въ проектѣ 1883-84 гг. предполагалось отступить отъ этихъ началъ, повысивъ возрастный цензъ, для крестьянъ, до тридцати-пяти лѣтъ и признавъ ступенью къ званію присяжнаго, изъ всѣхъ должностей по крестьянскому самоуправленію, одну только должность волостного старшины. Въ свое время мы возражали противъ этихъ предположеній, въ такой же мѣрѣ несправедливыхъ, какъ и непрактичныхъ [1]). Мы указывали на то, что сельскій житель созрѣваетъ, говоря вообще, раньше горожанина, раньше достигаетъ степени развитія, на которой ему суждено остановиться; мы замѣчали, что если повысить возрастный цензъ для крестьянъ-присяжныхъ, то придется повысить его и для крестьянъ-избирателей, для крестьянъ-гласныхъ, и создать, такимъ образомъ, ни на чемъ не основанное различіе между крестьянами и лицами другихъ сословій. Мы старались доказать, что нѣкоторой гарантіей способности быть присяжнымъ служитъ не только исправленіе должности волостного старшины, но и исполненіе другихъ обязанностей по крестьянскому самоуправленію. Законъ 28-го апрѣля не коснулся ни возрастнаго ценза, ни должностного, установленнаго для крестьянъ— и это нельзя не поставить ему въ заслугу. Было бы лучше, быть можетъ, еслибы онъ и во многомъ другомъ поменьше расходился съ судебными уставами.

Въ чемъ заключается главная цѣль новаго закона? Повидимому— въ томъ, чтобы поднять умственный и нравственный уровень суда присяжныхъ. Способствовать этому должно, во-первыхъ, требованіе грамотности, какъ необходимаго условія, безъ котораго никто не можетъ быть присяжнымъ; во-вторыхъ—увеличеніе цифры дохода, дающаго право на званіе присяжнаго. Рядомъ съ этой послѣдней мѣрой стоитъ, однако, другая, могущая привести къ противоположному результату. Затрудняя доступъ въ присяжные для мелкихъ чиновниковъ, промышленниковъ, торговцевъ, законъ 28-го апрѣля облегчаетъ его для мелкихъ землевладѣльцевъ. Собственникъ десяти десятинъ, доходъ котораго исчисляется единицами или, въ лучшемъ случаѣ, десятками рублей, можетъ быть присяжнымъ, а хозяинъ небольшой лавки или мастерской не можетъ, если прибыль его отъ ремесла или торговли не превышаетъ 399 рублей. Почему? Развѣ владѣніе землею, даже въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, служитъ гарантіей доброй нравственности или умственнаго развитія?

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „В. Евр." за 1884 г.

Развѣ кулакъ, промышляющій землею, лучше кулака, промышляющаго товаромъ? Развѣ деревенскій торговецъ, купившій усадьбу, которую до тѣхъ поръ нанималъ, внезапно становится другимъ человѣкомъ? Еще менѣе объяснима опала, наложенная на мелкихъ чиновниковъ и на другихъ, мало заработывающихъ представителей умственнаго труда. Повсемѣстное почти повышеніе подоходнаго ценза съ двухсотъ до четырехсотъ рублей закрываетъ доступъ въ присяжные для множества лицъ, вполнѣ способныхъ къ исполненію этой обязанности—для большинства учителей уѣздныхъ училищъ, бухгалтеровъ или дѣлопроизводителей уѣздныхъ земскихъ управъ, провизоровъ, фельдшеровъ, управляющихъ имѣніями и т. п. Съ другой стороны, удвоенный цензъ вполнѣ совмѣстимъ съ полнѣйшимъ невѣжествомъ и непониманіемъ своего долга; совершенно необразованныхъ и неразвитыхъ людей, получающихъ болѣе четырехсотъ рублей, у насъ вездѣ найдется очень много. Гарантіей противъ подкупа такой доходъ, безъ сомнѣнія, служить не можетъ,—да едва ли, впрочемъ, это и имѣлось въ виду при изданіи новаго закона, потому что иначе явнымъ противорѣчіемъ было бы пониженіе земельнаго ценза. Нельзя же утверждать, что владѣлецъ десяти десятинъ больше огражденъ противъ соблазна, чѣмъ владѣлецъ мастерской или лавки, приносящей чистую прибыль въ нѣсколько сотъ рублей.

Болѣе согласнымъ съ вѣроятной цѣлью закона представляется, повидимому, требованіе грамотности—или, лучше сказать, *полу-грамотности*, такъ какъ рѣчь идетъ только объ умѣньѣ читать. Если присмотрѣться къ этому требованію поближе, то придется, однако, признать и его, съ одной стороны, недостаточнымъ, съ другой стороны — слишкомъ строгимъ. Оно слишкомъ строго въ томъ смыслѣ, что между неграмотными крестьянами немало людей, вполнѣ способныхъ быть присяжными; оно недостаточно потому, что грамотность— а тѣмъ болѣе полу-грамотность—является, сама по себѣ, весьма ненадежнымъ признакомъ развитія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ въ особенности нужно для присяжнаго? Кромѣ вниманія и добросовѣстности— умѣнье взвѣшивать доказательства и доводы, различать достовѣрное отъ правдоподобнаго и неправдоподобнаго, группировать фактическія данныя и выводить изъ нихъ логическія заключенія. Это умѣнье дается здравымъ смысломъ и житейскимъ опытомъ, укрѣпляется практическою дѣятельностью, выходящею изъ тѣсной рамки земледѣльческаго или иного физическаго труда. Неграмотный крестьянинъ, пробывшій три года волостнымъ старшиной, сельскимъ старостой, гласнымъ земскаго собранія, можетъ быть очень хорошимъ „рядовымъ“ присяжнымъ (значеніе, придаваемое нами слову: *рядовой*, будетъ выяснено нами ниже); въ этомъ едва ли сомнѣвается кто-либо

изъ исполнявшихъ обязанности присяжнаго, особенно въ провинціи. Не споримъ, крестьянамъ-присяжнымъ свойственно иногда предвзятое отношеніе къ нѣкоторымъ видамъ преступленій—слишкомъ суровое къ однимъ, слишкомъ снисходительное къ другимъ; но это не имѣетъ ничего общаго съ грамотностью или неграмотностью и зависитъ всецѣло отъ своеобразныхъ условій крестьянскаго быта. Если неграмотность не составляетъ препятствія къ избранію въ волостные старшины, въ гласные земскаго собранія и городской думы, если степень пользы, приносимая гласными-крестьянами, обусловливается—какъ въ этомъ удостовѣряетъ двадцатилѣтняя практика—исключительно степенью ихъ самостоятельности, то едва ли представлялась необходимость безусловно исключать неграмотныхъ изъ числа присяжныхъ засѣдателей. Изъятіе слѣдовало бы сдѣлать по меньшей мѣрѣ для тѣхъ, которые уже однажды исполняли обязанности присяжнаго—а то теперь однимъ почеркомъ пера зачеркнуты сотни или тысячи лицъ, практически знакомыхъ съ труднымъ дѣломъ.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ отнюдь не слѣдуетъ, чтобы сумма знаній и развитія, которою располагаетъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, присутствіе присяжныхъ, была, въ нашихъ глазахъ, чѣмъ-то безразличнымъ. Напротивъ того, мы придаемъ ей огромное значеніе—только измѣряемъ мы ее не количествомъ грамотныхъ или полу-грамотныхъ присяжныхъ. Идеальнымъ составомъ присяжныхъ кажется намъ такой, въ которомъ соединены люди разныхъ общественныхъ классовъ и разныхъ степеней образованія. Присутствіе присяжныхъ, состоящее изъ 9—10 неграмотныхъ крестьянъ и 2—3 образованныхъ людей, внушило бы намъ — ceteris paribus — больше довѣрія, чѣмъ присутствіе, въ которомъ всѣ умѣли бы читать—и, пожалуй, даже писать,—но не было бы ни одного образованнаго человѣка. Вотъ здѣсь-то и выступаетъ на видъ различіе между *рядовыми* присяжными и присяжными-представителями болѣе или менѣе интеллигентнаго меньшинства. Участіе въ составѣ присутствія нѣсколькихъ присяжныхъ послѣдняго типа представляется крайне желательнымъ, иногда почти необходимымъ, потому что безъ ихъ помощи работа можетъ оказаться непосильной для *рядовыхъ* присяжныхъ. Предоставленные самимъ себѣ, неграмотные или *только* грамотные присяжные (различіе между тѣми и другими, съ занимающей насъ точки зрѣнія, весьма невелико) могутъ встрѣтить величайшія затрудненія въ рѣшеніи дѣла—либо вслѣдствіе самаго его содержанія и свойства (назовемъ, для примѣра, дѣла о подлогѣ, о злостномъ банкротствѣ), либо вслѣдствіе процессуальныхъ усложненій (въ родѣ научной экспертизы). Безусловно непреодолимыми эти затрудненія назвать нельзя; нужно только, чтобы въ средѣ самихъ присяжныхъ

были лица, способныя руководить остальными, разъяснить имъ все для нихъ непонятное, устранить возможность недоразумѣній. Какъ бы искусенъ и опытенъ ни былъ предсѣдатель суда, исполнить эту задачу онъ можетъ далеко не всегда, по той простой причинѣ, что ему неизвѣстно душевное состояніе присяжныхъ, неизвѣстны сомнѣнія, рождающіяся въ ихъ умѣ и высказываемыя во время перерывовъ процесса, въ комнатѣ для совѣщаній. Слѣдить съ начала до конца за внутренней работой, происходящей въ каждомъ отдѣльномъ присяжномъ, и удалять съ ея пути всѣ помѣхи и преграды—можетъ только тотъ, кто самъ принадлежитъ къ составу присутствія. Чѣмъ больше между присяжными лицъ, стоящихъ выше средняго уровня, тѣмъ лучше, потому что соразмѣрно съ этимъ увеличиваются шансы всесторонняго и свободнаго обсужденія дѣла. Если въ цѣломъ составѣ присутствія образованный человѣкъ имѣется на-лицо только одинъ, онъ легко можетъ пріобрѣсти слишкомъ большую власть надъ другими; ничѣмъ не ограниченное и не уравновѣшенное, его вліяніе можетъ усилиться до степени нравственнаго гнета. Двухъ или трехъ образованныхъ людей—образованныхъ, приблизительно, наравнѣ съ судьями, обвинителемъ и защитникомъ [1]), — вполнѣ достаточно для того, чтобы присутствіе присяжныхъ могло справиться съ любою, самою трудною задачей. Участіе въ немъ людей изъ другихъ классовъ народа служитъ гарантіей пониманія бытовыхъ условій, часто незнакомыхъ городской интеллигенціи, и противовѣсомъ противъ односторонности и предвзятыхъ мнѣній, возможныхъ не въ одной только крестьянской сферѣ.

Итакъ, *важно не то, чтобы всѣ присяжные умѣли читать— важно то, чтобы между присяжными всегда было нѣсколько образованныхъ или, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько развитыхъ людей*. Новый законъ ни мало не обезпечиваетъ достиженія этой цѣли — а между тѣмъ приблизиться къ ней было бы не особенно трудно. Когда вопросъ объ улучшеніи состава присяжныхъ былъ поднятъ въ первый разъ, въ 1879-80 г., коммиссія, учрежденная при министерствѣ юстиціи, проектировала обязательное включеніе въ списки извѣстнаго числа лицъ, получившихъ высшее, среднее и затѣмъ хоть какое-нибудь образованіе [2]). Трудно понять, почему столь разумная мѣра, забытая или отвергнутая уже при составленіи проекта 1883-84 г., не введена въ законъ 28-го апрѣля. Она принесла бы гораздо больше пользы, чѣмъ требованіе полу-грамотности, вполнѣ совмѣстной съ полнѣйшею неразвитостью. Еще практичнѣе, быть можетъ, было бы

[1]) Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь только объ общемъ образованіи, а не о спеціальныхъ юридическихъ знаніяхъ.

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстн. Евр.“ за 1880 г.

составленіе нѣсколькихъ списковъ, между которыми присяжные распредѣлялись бы по степени образованія, съ тѣмъ, чтобы въ составъ присутствія входило каждый разъ, въ извѣстномъ процентномъ отношеніи, по нѣскольку лицъ изъ каждаго списка; иначе могло бы случиться, что по одному дѣлу въ составъ присутствія войдутъ всѣ наличные образованные люди, по другому—не войдетъ никто изъ нихъ. Чтобы увеличить абсолютное число присяжныхъ, болѣе или менѣе образованныхъ, слѣдовало бы установить образовательный цензъ, какъ дополнительное условіе къ цензу имущественному и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ самостоятельный источникъ обязанности и права быть присяжнымъ. Другими словами, при наличности образовательнаго ценза, хотя бы и не особенно высокаго—напримѣръ, при окончаніи курса, по меньшей мѣрѣ, въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ, — имущественный цензъ могъ бы быть пониженъ до крайнихъ предѣловъ, а въ иныхъ случаяхъ и отмѣненъ вовсе. Отъ кого можно ожидать съ бо́льшею вѣроятностью правильнаго исполненія обязанностей присяжнаго—отъ крестьянина, владѣющаго пятью десятинами, но окончившаго курсъ въ двухклассной школѣ, или отъ полу-грамотнаго лавочника, выручающаго изъ своей торговли не меньше четырехсотъ рублей? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ мы не можемъ себѣ и представить — а между тѣмъ законъ 28-го апрѣля разрѣшаетъ его въ пользу лавочника. Мы видѣли уже, что лавочникъ имѣетъ преимущество даже передъ учителемъ, фельдшеромъ, чиновникомъ, получающимъ менѣе четырехсотъ рублей; при образовательномъ цензѣ такая аномалія была бы немыслима.

Постановленіе новаго закона, запрещающее вносить въ списки присяжныхъ всѣхъ впавшихъ въ крайнюю бѣдность, имѣетъ въ виду, безъ сомнѣнія, устранить возможность повторенія такихъ случаевъ, когда присяжные не знаютъ, какъ пропитать себя въ продолженіе сессіи, и доходятъ чуть не до выпрашиванія милостыни. Мы не возражаемъ противъ этого постановленія, но считаемъ его недостаточнымъ для достиженія цѣли. Представимъ себѣ крестьянина, подлежащаго включенію въ списокъ въ качествѣ бывшаго сельскаго старосты. Онъ имѣетъ усадьбу и надѣлъ, ведетъ хозяйство, уплачиваетъ подати; никто и не подумаетъ признать его „впавшимъ въ крайнюю бѣдность"—а между тѣмъ онъ можетъ быть чрезвычайно затрудненъ необходимостью отправиться въ отдаленный отъ него на нѣсколько десятковъ верстъ уѣздный городъ и прожить тамъ, въ качествѣ присяжнаго, недѣлю или больше. Вотъ почему намъ кажется, что единственнымъ выходомъ изъ неудобствъ, сопряженныхъ съ бѣдностью присяжныхъ, было бы разрѣшеніе земскимъ собраніямъ ассигновать наиболѣе нуждающимся присяжнымъ проѣздныя

и суточныя деньги или — еще лучше — принятіе этого расхода на счетъ государственнаго казначейства.

Вполнѣ практичнымъ кажется намъ то постановленіе новаго закона, въ силу котораго присяжный, не явившійся въ судъ, хотя бы и по законной причинѣ, включается предсѣдателемъ суда въ списокъ присяжныхъ на одинъ изъ слѣдующихъ періодовъ засѣданій по тому же уѣзду. Совершенно справедливое по отношенію къ другимъ, исправнымъ присяжнымъ, это правило уменьшитъ число отказовъ по вымышленнымъ причинамъ, число недобросовѣстныхъ уклоненій отъ исполненія обязанностей присяжнаго. До сихъ поръ присяжный, не явившійся въ судъ, освобождался этимъ самымъ отъ вторичнаго призыва по меньшей мѣрѣ на годъ; теперь онъ можетъ быть призванъ вновь въ теченіе того же года—а запастись предлогами для цѣлаго ряда отказовъ довольно трудно. Высшій размѣръ штрафа за первую неявку увеличенъ вдвое (вмѣсто ста — двѣсти рублей); это также должно способствовать исправному исполненію обязанностей присяжнаго.

Въ тѣсной связи съ закономъ, измѣнившимъ составъ суда присяжныхъ, состоитъ законопроектъ, о которомъ недавно появились подробныя свѣдѣнія въ газетахъ [1]—законопроектъ, клонящійся къ ограниченію среды дѣйствій суда присяжныхъ. Однимъ изъ главныхъ основаній проектируемой мѣры служитъ, очевидно, предположеніе, что пониманію суда присяжныхъ доступны далеко не всѣ преступленія, подлежащія его вѣденію, вслѣдствіе чего цѣлыя категоріи дѣлъ получаютъ, сплошь и рядомъ, неправильное разрѣшеніе. Другими словами, еслибы личный составъ присяжныхъ былъ болѣе удовлетворителенъ, исчезла бы по меньшей мѣрѣ одна изъ причинъ, заставляющихъ желать уменьшенія компетенціи суда присяжныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы это желаніе было основательно; мы стараемся только опредѣлить его происхожденіе и указать на взаимную зависимость обѣихъ сторонъ вопроса—той, которую мы уже разсмотрѣли, и той, къ разсмотрѣнію которой теперь переходимъ.

Всѣ разряды дѣлъ, изъемлемые законопроектомъ изъ вѣденія суда присяжныхъ, могутъ быть раздѣлены, по мотивамъ изъятія, на три главныя группы. Къ первой изъ нихъ относятся дѣла, признаваемыя настолько сложными и трудными, что нельзя—съ точки зрѣнія составителей законопроекта—ожидать правильнаго ихъ рѣшенія судомъ присяжныхъ; ко второй — дѣла, исключаемыя изъ вѣденія присяжныхъ въ силу соображеній политическаго свойства; къ третьей—

---

[1]) См. „Новости“ 6 и 7 мая, №№ 122 и 123.

дѣла, исключаемыя изъ вѣденія присяжныхъ вслѣдствіе незначительности наказанія, угрожающаго обвиняемымъ. Въ составъ первой группы входятъ дѣла о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной, дѣла о преступленіяхъ, совершаемыхъ служащими въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, а также корабельщиками и штурманами, и дѣла о нарушеніи правилъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Съ нихъ мы и начнемъ разборъ законопроекта.

Можно ли утверждать, что дѣла о преступленіяхъ должности— подъ этимъ общимъ выраженіемъ мы разумѣемъ всѣ дѣла, перечисленныя нами выше — отличаются, въ среднемъ выводѣ, бо́льшею сложностью и трудностью, чѣмъ другія дѣла, оставляемыя въ вѣдѣніи присяжныхъ? Едва ли. Подлоги совершаются не только по службѣ, но и въ частной жизни; запутанными, хитросплетенными, нелегко поддающимися раскрытію они бываютъ какъ въ первомъ случаѣ, такъ и въ послѣднемъ. То же самое слѣдуетъ сказать о присвоеніи, о растратѣ, о всѣхъ другихъ преступленіяхъ, не-спеціально служебнаго характера. Если разборъ дѣла, вызваннаго крушеніемъ банка, сопряженъ иногда съ большими затрудненіями, то ничуть не легче разборъ иного дѣла о злостномъ банкротствѣ или о тонкомъ, умно задуманномъ и ловко исполненномъ мошенничествѣ. Если экспертиза, отъ которой зависитъ, бо́льшею частью, установленіе проступка, совершеннаго при эксплуатаціи желѣзной дороги, можетъ послужить, въ иныхъ случаяхъ, камнемъ преткновенія для присяжныхъ, то такую же точно роль могутъ разыграть показанія свѣдущихъ людей и во всякомъ другомъ дѣлѣ, разъ что для разъясненія его оказывается необходимымъ содѣйствіе техники или науки. Изъ числа преступленій чисто-служебныхъ одни — напр. лихоимство и вымогательство (т.-е. взятки)—не представляютъ ровно ничего непонятнаго для профана; другія—напр. превышеніе или бездѣйствіе власти—хотя и не такъ просты по своему составу, но всегда могутъ быть разложены на составныя части, т.-е. сведены къ фактамъ, установленіе которыхъ не требуетъ ни спеціальныхъ знаній, ни особой опытности. Никто не спрашиваетъ присяжныхъ, допустилъ ли такой-то превышеніе власти, имѣвшее важныя послѣдствія; въ вопросѣ, предлагаемомъ на ихъ разрѣшеніе, перечисляются конкретныя событія, квалификація которыхъ принадлежитъ суду. Признать, что рѣшеніе дѣла о преступленіяхъ должности превышаетъ разумѣніе присяжныхъ, значило бы вступить на наклонную плоскость, на которой трудно остановиться. Все, что можно сказать въ этомъ отношеніи о преступленіяхъ должности, примѣнимо ко многимъ, почти ко всѣмъ уголовнымъ дѣламъ—и логическимъ выводомъ изъ частной мѣры является общая, т.-е. совершенное упраздненіе суда присяжныхъ. Вотъ по-

чему мы настаиваемъ еще разъ на необходимости начать реформу съ другого конца и направить ее къ другой цѣли. Заботиться, какъ намъ кажется, нужно не о томъ, чтобы оставить за присяжными только дѣла, соотвѣтствующія ихъ способностямъ и силамъ, а о томъ, чтобы повысить уровень этихъ способностей и силъ, сдѣлать ихъ достаточными для разрѣшенія любого дѣла. Послѣдній путь ведетъ къ поднятію авторитета, столь необходимаго для суда—первый ведетъ къ его дискредитированію. „Что это за судъ",—могутъ сказать всѣ тѣ, кто привыкъ цѣнить учрежденіе исключительно по внѣшнимъ признакамъ,— „что это за судъ, которому государство поручаетъ исключительно дѣла, касающіяся частныхъ лицъ? Какъ только преступленіе направлено противъ интересовъ государства, оно изъемлется изъ вѣденія суда присяжныхъ; не ясно ли, что онъ не пользуется довѣріемъ власти, а слѣдовательно и не заслуживаетъ довѣрія?" Можно пойти еще дальше и спросить: на какомъ основаніи остаются въ вѣденіи присяжныхъ дѣла объ убійствѣ, о разбоѣ, о поджогѣ, едва ли менѣе важныя для самого государства, чѣмъ дѣла о служебной растратѣ или служебномъ подлогѣ? Одно изъ двухъ: или присяжные компетентны для рѣшенія дѣлъ перваго рода—и въ такомъ случаѣ нѣтъ причины устранять ихъ отъ рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ должности; или они одинаково некомпетентны и тамъ, и тутъ—и въ такомъ случаѣ судъ присяжныхъ вовсе не имѣетъ права на существованіе. На какой сторонѣ дилеммы истина—это не требуетъ объясненія. Единственный коррективъ, который можно было бы допустить по дѣламъ до крайности сложнымъ — это учрежденіе для нихъ чего-то въ родѣ спеціальнаго суда присяжныхъ, образуемаго на основаніи особыхъ списковъ или съ усиленнымъ преобладаніемъ образованнаго элемента надъ всѣми другими. Само собою разумѣется, что кругъ дѣйствій такого суда опредѣлялся бы не *предметомъ*, а *свойствомъ* дѣла; ему могли бы быть предоставлены всѣ дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, кого и чего они бы ни касались. Возбужденіе вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли передать дѣло на разсмотрѣніе спеціальнаго суда присяжныхъ, могло бы быть предоставлено прокуратурѣ или обвинительной камерѣ, а разрѣшеніе этого вопроса—уголовному кассаціонному департаменту сената.

Ко второй группѣ дѣлъ, изъемлемыхъ законопроектомъ изъ вѣденія суда присяжныхъ, принадлежатъ всѣ дѣла о преступленіяхъ, направленныхъ противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ, при исполненіи или вслѣдствіе исполненія послѣдними обязанностей службы. Для нѣкоторой части этихъ дѣлъ особенная подсудность была установлена уже закономъ 9-го мая 1878 г.; законъ 11-го мая 1882 г. нѣсколько ее ограничилъ—теперь предпола-

гается значительно ее расширить. Не перечисляя всѣхъ дѣлъ, приравниваемыхъ законопроектомъ къ сопротивленію или противодѣйствію власти, замѣтимъ только, что представителями власти являются здѣсь даже частныя лица (корабельщики, хозяева на золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ пріисках). Общимъ мотивомъ, въ силу котораго вся эта группа дѣлъ исключается изъ сферы дѣйствій суда присяжныхъ, служитъ, повидимому, предположеніе, что для интересовъ государственнаго порядка и спокойствія недостаточна охрана, доставляемая судомъ присяжныхъ. Присяжнымъ приписывается излишняя снисходительность къ преступленіямъ, не затрогивающимъ отдѣльныхъ лицъ и не всегда исходящимъ изъ корыстныхъ или безнравственныхъ побужденій; они признаются неспособными понять опасность, которою эти преступленія угрожаютъ обществу и государству. Въ основаніи этого предположенія лежатъ, безъ сомнѣнія, статистическія данныя—но доказательная ихъ сила требовала бы всесторонней повѣрки. Допустимъ, что въ тѣхъ судебныхъ округахъ, гдѣ нѣтъ присяжныхъ (варшавскомъ и тифлисскомъ), произносится, по дѣламъ о неповиновеніи власти, сравнительно менѣе оправдательныхъ приговоровъ; но зависитъ ли это различіе единственно отъ состава суда, или обусловливается еще другими, не менѣе важными причинами? Не слѣдуетъ ли, напримѣръ, имѣть въ виду, что дѣла о противодѣйствіи власти, возникающія изъ аграрныхъ отношеній, составляютъ явленіе гораздо болѣе обыкновенное въ центрѣ имперіи, чѣмъ на ея окраинахъ? Къ этимъ дѣламъ привлекается, сплошь и рядомъ, масса обвиняемыхъ,—а чѣмъ больше обвиняемыхъ, тѣмъ труднѣе убѣдиться въ виновности каждаго изъ нихъ, тѣмъ вѣроятнѣе оправданіе всѣхъ или многихъ. Нѣсколько дѣлъ этого рода могутъ до крайности повысить процентъ оправдательныхъ приговоровъ, вовсе не доказывая, въ сущности, систематическую слабость уголовной репрессіи. Строже ли, притомъ, будетъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, которымъ предполагается замѣнить, въ дѣлахъ о противодѣйствіи власти, судъ присяжныхъ? Въ этомъ позволительно сомнѣваться; въ 1881 г. (послѣднемъ, по которому обнародованы уголовно-статистическія данныя) изъ числа приговоровъ, постановленныхъ судебными палатами при участіи сословныхъ представителей, оправдательныхъ было больше половины (почти 53%), да и въ 1879 и 1880 гг. процентное ихъ отношеніе (33½ и 35⅓%) немногимъ только уступало соотвѣтствующимъ цифрамъ (38½ и 40%) изъ области суда присяжныхъ. Отсюда позволительно заключить, что увеличенію числа оправданій по дѣламъ о неповиновеніи или противодѣйствіи власти способствуютъ обстоятельства, не имѣющія ничего общаго съ составомъ суда. Быть можетъ, эти дѣла не всегда

возбуждаются съ достаточною осмотрительностью, не всегда изслѣдуются съ достаточнымъ безпристрастіемъ; быть можетъ, возбужденію ихъ предшествуютъ такія обстоятельства, которыя неизбѣжно становятся поперекъ осужденію обвиняемыхъ. Гораздо полезнѣе было бы обратить вниманіе на эти стороны вопроса, чѣмъ прибѣгать къ ломкѣ судебныхъ учрежденій, къ нагроможденію изъятій, грозящихъ заслонить собою общее правило. Законъ 9-го мая 1878 г. былъ уступкой требованіямъ минуты; онъ имѣлъ временный характеръ и не выходилъ за предѣлы, указанные его спеціальной задачей—усиленіемъ государственной самообороны. Законопроектъ, о которомъ мы говоримъ теперь, идетъ гораздо дальше; претендуя на прочность и на систематичность, онъ исключаетъ изъ сферы дѣйствій суда присяжныхъ всѣ дѣла, подходящія подъ данную рубрику, отличающіяся извѣстнымъ внѣшнимъ признакомъ. И здѣсь гораздо болѣе полезную службу могла бы сослужить совокупность мѣръ, направленныхъ къ улучшенію состава суда присяжныхъ. Если присутствіе присяжныхъ, состоящее всецѣло изъ необразованныхъ и неразвитыхъ людей, можетъ, пожалуй, не распознать опасности, коренящейся въ нарушеніи общественнаго порядка, то со стороны присутствія, располагающаго достаточнымъ запасомъ умственной силы, ожидать подобнаго отношенія къ дѣлу никакъ нельзя; гарантій пониманія и справедливости оно представляетъ ничуть не меньше, чѣмъ коронный судъ, съ участіемъ или безъ участія сословнаго элемента—и представляетъ ихъ одинаково по всякому уголовному процессу, каковъ бы ни былъ его предметъ.

Третья группа дѣлъ, предназначенныхъ къ изъятію изъ круга дѣйствій суда присяжныхъ, обнимаетъ собою всѣ случаи, въ которыхъ высшей мѣрой взысканія является наказаніе, сопряженное съ ограниченіемъ правъ, т.-е. съ потерей нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Сюда относится, съ одной стороны, цѣлый рядъ сравнительно-маловажныхъ преступленій изъ разныхъ областей уголовнаго права, съ другой стороны—преступленія, совершенныя малолѣтними и несовершеннолѣтними, когда они не влекутъ за собою ни лишенія всѣхъ правъ состоянія, ни лишенія всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Мы узнаемъ изъ газетъ („Новости", № 131), что по вопросу объ этихъ послѣднихъ преступленіяхъ предположенія министерства юстиціи вызвали возраженія со стороны министерства финансовъ. Мотивомъ къ измѣненію закона министерство юстиціи выставило здѣсь то обстоятельство, что снисходительность присяжныхъ къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ часто доходитъ до полнаго оправданія, равносильнаго помилованію. Иначе смотритъ на дѣло министерство финансовъ; оно замѣчаетъ, что смягченіе на-

казанія малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того. будутъ ли они признаны дѣйствовавшими съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія — а объ этомъ лучше всего могутъ судить присяжные, ближе стоящіе къ жизни вообще и въ особенности къ той средѣ, къ которой бо́льшею частью принадлежатъ обвиняемые. Мнѣніе министерства финансовъ кажется намъ совершенно правильнымъ. Противъ изъятія дѣлъ о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ изъ вѣденія суда присяжныхъ говоритъ, кромѣ того, еще одно существенно-важное соображеніе. По общему духу нашихъ законовъ, суду присяжныхъ подвѣдомственны всѣ дѣла, угрожающія *тяжкимъ* наказаніемъ. Этотъ признакъ часто имѣется на-лицо и въ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ малолѣтніе и несовершеннолѣтніе не подлежатъ лишенію правъ. Maximum наказанія по такимъ дѣламъ доходитъ до весьма продолжительнаго заключенія въ монастырѣ или тюрьмѣ, до ссылки на житье въ Сибирь и отдачи въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Всѣ эти карательныя мѣры не становятся легкими отъ того, что съ ними не соединена потеря правъ. Гдѣ же, затѣмъ, основаніе предоставлять упомянутыя нами дѣла рѣшенію короннаго суда, даже безъ участія сословныхъ представителей? Что касается до совершеннолѣтнихъ, то для нихъ высшимъ наказаніемъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, является заключеніе въ крѣпости—на четыре, въ тюрьмѣ—на два года. Это также не можетъ считаться *легкимъ* наказаніемъ, не говоря уже о томъ, что весьма чувствительно, въ иныхъ случаяхъ, и самое ограниченіе правъ. Достаточно припомнить, что для священнослужителей оно влечетъ за собою потерю духовнаго сана, для дворянъ—запрещеніе вступать въ государственную и общественную службу.

Итакъ, заключеніе, къ которому мы приходимъ. одинаково для всѣхъ дѣлъ, которыхъ касается законопроектъ: *нѣтъ ни одной группы преступленій, которую желательно было бы изъять изъ вѣденія суда присяжныхъ.* Посмотримъ теперь поближе на новую форму суда, создаваемую проектомъ. Къ вѣдомству коронныхъ судей онъ относитъ дѣла третьей группы, а также дѣла о преступленіяхъ должности, подсудныя сенату. За этимъ послѣднимъ исключеніемъ, дѣла первой и второй группы предоставляются вѣденію окружнаго суда или судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Судебной палатѣ, въ этомъ составѣ, проектъ подчиняетъ только дѣла о преступленіяхъ должности, если обвиняемые принадлежатъ къ одной изъ трехъ категорій. установленныхъ ст. 1073 уст. угол. судопр.; всѣ остальныя дѣла о преступленіяхъ должности и всѣ дѣла второй группы признаются подсудными смѣшанному присутствію окружнаго суда. Въ составъ этого присутствія входятъ предсѣдатель и два члена суда,

мѣстный уѣздный предводитель дворянства, мѣстный городской голова и одинъ изъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ. Сословные представители—какъ это принято и теперь въ смѣшанныхъ присутствіяхъ сената и судебной палаты—участвуютъ, наравнѣ съ судьями, какъ въ опредѣленіи вины или виновности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи. Различіе между закономъ 9 мая 1878 г. и настоящимъ законопроектомъ—мы говоримъ теперь только о процессуальной сторонѣ того и другого—сводится, такимъ образомъ, къ двумъ пунктамъ: мѣсто судебной палаты заступаетъ окружный судъ, и въ число сословныхъ представителей не входитъ губернскій предводитель дворянства. Численность коллегіи уменьшена, уменьшены и шансы опытности ея членовъ-спеціалистовъ — а всѣ слабыя стороны закона 9-го мая остались тѣ же. Главная изъ нихъ заключается въ томъ, что сословные представители, присоединенные къ коронным судьямъ, рѣдко могутъ сохранить самостоятельное отношеніе къ дѣлу. Присяжные призываются на цѣлую сессію, продолжающуюся иногда болѣе недѣли; они имѣютъ время пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ, между тѣмъ какъ сословные представители часто будутъ призываться въ судъ для рѣшенія одного только процесса. Присяжные обсуждаютъ дѣло отдѣльно отъ судей, не испытывая на себѣ постоянно всю тяжесть ихъ авторитета; сословнымъ представителямъ трудно отстаивать свои мнѣнія противъ цѣлой судебной коллегіи. Съ другой стороны, присяжные рѣшаютъ только вопросъ факта, для всякаго, болѣе или менѣе, понятный и доступный; сословнымъ представителямъ приходится рѣшать вопросы права, совершенно имъ незнакомые. Хорошо еще, если между судьями нѣтъ разногласія, и сословнымъ представителямъ остается только съ спокойною совѣстью присоединиться къ единодушному мнѣнію юристовъ; а что̀, если судьи держатся діаметрально-различныхъ взглядовъ, и сословнымъ представителямъ предстоитъ сдѣлать выборъ между двумя мнѣніями, одинаково для нихъ непонятными и неубѣдительными? Вѣдь это—положеніе человѣка, ходящаго во тьмѣ и знающаго, что отъ каждаго невѣрнаго его шага зависитъ чужая жизнь. Не слѣдуетъ ли ожидать, что, за невозможностью различить внутреннее достоинство мнѣній, сословные представители станутъ руководствоваться внѣшнею ихъ авторитетностью, т.-е. отдавать предпочтеніе мнѣнію предсѣдателя? Всегда ли, притомъ, сословные представители будутъ стоять выше средняго уровня присяжныхъ, всегда ли они будутъ соединять въ себѣ всѣ условія, необходимыя для правильнаго исполненія трудной обязанности? Волостной старшина, указанный жребіемъ, можетъ быть такимъ лицомъ, которое ни одна коммиссія не рѣшилась бы включить въ очередной списокъ присяжныхъ. Городской голова, особенно

въ уѣздномъ городѣ, нерѣдко принадлежитъ къ наименѣе развитой части купечества. Кто и какъ выбирается, сплошь и рядомъ, въ уѣздные предводители дворянства—это слишкомъ хорошо извѣстно. А между тѣмъ законопроектъ ставитъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей настолько выше суда присяжныхъ, что въ случаѣ совокупности преступленій, подлежащихъ вѣденію того и другого, отдаетъ первому преимущество передъ послѣднимъ, т.-е. предоставляетъ его рѣшенію и то дѣло, которое само по себѣ подсудно суду присяжныхъ.

Законъ 9 мая 1878 г. былъ изданъ поспѣшно, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ главнымъ было оправданіе Вѣры Засуличъ. Ничего подобнаго мы въ настоящую минуту не видимъ. Всѣ дѣла, сколько-нибудь соприкасающіяся съ государственной охраной, уже изъяты изъ вѣденія суда присяжныхъ; въ области, которую предполагается къ нимъ прибавить, не произошло и не происходитъ рѣшительно ничего, требующаго чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности; оправдательные приговоры присяжныхъ, служившіе, въ послѣднее время, поводомъ или предлогомъ къ агитаціи, относились вовсе не къ тѣмъ преступленіямъ, которыхъ касается законопроектъ. Вновь проектируемая форма суда представляетъ много серьезныхъ неудобствъ, ничѣмъ не выкупаемыхъ и не уравновѣшиваемыхъ. Въ виду всего этого, не лучше ли было бы отказаться отъ измѣненій въ юрисдикціи суда присяжныхъ, сосредоточивъ все вниманіе на поднятіи его состава и на улучшеніи самыхъ формъ уголовнаго процесса?

Именной указъ 14-го марта—обнародованный два мѣсяца спустя, въ половинѣ мая—является естественнымъ результатомъ взаимнаго недовѣрія, господствующаго, съ нѣкоторыхъ поръ, въ области международныхъ отношеній. Прежняя терпимость къ иностранцамъ, основанная на началѣ взаимности, все больше и больше выходитъ изъ обычая—и нельзя удивляться тому, что Россія присоединилась къ общему теченію. Не касаясь спеціально-политической стороны вопроса, мы остановимся только на значеніи, которое указъ 14-го марта можетъ имѣть для русскихъ подданныхъ. Ограничивая еще больше прежняго число лицъ, могущихъ покупать и арендовать имѣнія въ западномъ краѣ, онъ несомнѣнно ухудшаетъ положеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Всякое новое затрудненіе въ сбытѣ имѣній, всякое новое стѣсненіе въ распоряженіи ими неизбѣжно влечетъ за собою упадокъ ихъ цѣны, безъ того уже значительно пониженной цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ постановленій. Намъ кажется, что параллельно съ мѣрами противъ иностранцевъ должно было бы идти облегче-

ніе условій, противодѣйствующихъ пріобрѣтенію и арендованію имѣній лицами польскаго происхожденія. Чрезвычайно отяготительнымъ для русскихъ подданныхъ могутъ оказаться и тѣ правила, которыя требуютъ безотлагательнаго прекращенія установившихся гражданскихъ отношеній. Въ царствѣ польскомъ иностранцамъ запрещается завѣдывать недвижимыми имѣніями (внѣ городовъ) въ качествѣ повѣренныхъ или распорядителей. Изъ этого запрещенія не сдѣлано никакихъ изъятій; оно распространяется, слѣдовательно, на всѣхъ тѣхъ, кто состоитъ, въ настоящую минуту, повѣреннымъ или управляющимъ, какъ бы давно они ни занимали одно и то же мѣсто и какъ бы безупречно, во всѣхъ отношеніяхъ, ни было ихъ поведеніе. Землевладѣльцамъ царства польскаго придется, такимъ образомъ, немедленно уволить людей, къ которымъ они питаютъ полное довѣріе и которые, во многихъ случаяхъ, могли бы получить совершенно одобрительное свидѣтельство отъ мѣстной власти. Мы не видимъ причины, по которой высшему начальству края не могло бы быть предоставлено право освобождать такихъ людей отъ дѣйствія новаго закона или, по крайней мѣрѣ, допускать отсрочку, достаточную для пріисканія имъ преемниковъ. Одновременное замѣщеніе всѣхъ мѣстъ, очистившихся вслѣдствіе увольненія иностранцевъ, будетъ сопряжено, по всей вѣроятности, съ большими трудностями. Незавидна будетъ также участь землевладѣльцевъ (какъ въ царствѣ польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ), аренднымъ договорамъ которыхъ съ иностранцами наступаетъ срокъ вскорѣ послѣ обнародованія указа. Въ одномъ юго-западномъ краѣ, по словамъ мѣстной газеты („Кіевлянина“), иностранныхъ поселенцевъ-арендаторовъ насчитывается около ста тысячъ. Возобновленіе съ ними арендныхъ договоровъ, когда бы ни истекалъ срокъ аренды, безусловно воспрещено, и землевладѣльцамъ придется отыскивать имъ преемниковъ во что бы то ни стало. Не говоримъ уже о положеніи арендаторовъ, имѣвшихъ основаніе разсчитывать на возобновленіе аренды и внезапно теряющихъ не только возможность сохранить за собою насиженное мѣсто, но и возможность замѣнить его другимъ, сосѣднимъ и знакомымъ. Отсрочка, хотя бы небольшая, была бы и здѣсь настоящимъ благодѣяніемъ для обѣихъ сторонъ. Едва ли, наконецъ, необходимо было колебать значеніе актовъ, совершенныхъ до изданія новаго закона, но еще не осуществленныхъ на самомъ дѣлѣ. Такихъ актовъ не можетъ быть много, и сохраненіемъ ихъ силы число имѣній, остающихся за иностранцами, увеличилось бы едва замѣтно. Моментомъ пріобрѣтенія права на имѣніе считается у насъ утвержденіе акта, а не начало дѣйствительнаго владѣнія; отступленіе отъ этого начала оправды-

вается только такими исключительными обстоятельствами, о которыхъ едва ли можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ.

Правила 14-го марта имѣютъ, какъ сказано въ указѣ, только *временное* значеніе. Одна изъ петербургскихъ газетъ толкуетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ожидать дальнѣйшихъ мѣръ противъ иностранцевъ—напримѣръ экспропріаціи, т.-е. понудительнаго отчужденія имѣній, принадлежащихъ не-русскимъ подданнымъ. Не думаемъ, чтобы такое толкованіе закона можно было признать основательнымъ. Въ формальномъ *правѣ* государственной власти произвести экспропріацію имѣній, принадлежащихъ иностранцамъ, мы ни мало не сомнѣваемся — но *цѣлесообразной* она могла бы быть признана только при такой комбинаціи условій, которой покамѣстъ нѣтъ на-лицо, и только въ такой мѣрѣ, въ какой этого требовала бы крайняя необходимость. Изъ того, что владѣніе иностранцевъ можетъ представлять существенно-важныя неудобства въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, еще не слѣдуетъ, чтобы ему нужно было положить конецъ и въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ границы—напр. въ губерніяхъ витебской или минской (на которыя распространяется дѣйствіе указа 14-го марта). Придавая новому закону значеніе временныхъ правилъ, законодатель, какъ намъ кажется, имѣлъ въ виду не столько перспективу новыхъ ограничительныхъ мѣръ, сколько возможность возвращенія къ прежнему, нормальному порядку. Скоро ли наступитъ эта возможность — не знаемъ; но во всякомъ случаѣ позволительно надѣяться, что взаимность стѣсненій рано или поздно опять уступитъ мѣсто взаимности правъ и свободы.

Если вѣрить газетнымъ слухамъ, разсмотрѣніе государственнымъ совѣтомъ проекта положенія о „земскихъ начальникахъ“ отложено до осени. Нужно думать, что къ этому времени будетъ внесена въ государственный совѣтъ и вторая часть работы по преобразованію мѣстнаго управленія, относящаяся спеціально къ земскимъ учрежденіямъ. Обѣ стороны реформы такъ тѣсно связаны между собою, что трудно оцѣнить одну изъ нихъ, не зная всѣхъ подробностей другой. Отсрочка, однажды допущенная, могла бы быть утилизирована еще въ одномъ отношеніи: можно было бы обнародовать законопроектъ во всеобщее свѣдѣніе и разрѣшить, этимъ самымъ, обсужденіе его въ печати. Конечно, голосъ печати не замѣнилъ бы собою голосъ земства,—но все же было бы сдѣлано хоть что-нибудь для всесторонняго освѣщенія проектируемой перемѣны. Препятствій къ этому мы не видимъ уже потому, что тайна, долго покрывавшая содержаніе проекта, теперь болѣе не существуетъ. Главныя его черты

извѣстны; извѣстны даже нѣкоторыя возраженія, заявленныя противъ него въ оффиціальныхъ сферахъ. Почему бы не довершить начатое, почему бы не открыть просторъ для критики, основанной не на слухахъ, а на фактахъ, касающейся не только общихъ началъ, но и деталей? Это было бы вполнѣ послѣдовательно, вполнѣ согласно съ лучшими преданіями нашей законодательной практики.

Въ ожиданіи этой желанной минуты мы можемъ только отмѣтить признаки поворота, совершающагося между газетными защитниками законопроекта. Они близки къ тому, чтобы оставить одну изъ своихъ главныхъ позицій; они готовы отказаться отъ *соединенія властей* или, по крайней мѣрѣ, значительно съузить его сферу. Въ той самой петербургской газетѣ, которая не переставала курить ѳиміамъ проекту и его составителямъ, появляется, отъ имени редакціи, совѣтъ ограничить судебныя функціи земскихъ начальниковъ. Одинъ изъ сотрудниковъ газеты идетъ еще дальше; въ письмѣ къ редактору, напечатанномъ въ видѣ передовой статьи, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „было бы желательно, чтобы возлагаемыя на земскихъ начальниковъ обязанности по преимуществу ограничивались бы надзоромъ за сельскимъ самоуправленіемъ, *безъ присвоенія имъ судебной власти по отношенію къ крестьянамъ*, что повлекло бы за собою многочисленныя и разнообразныя неудобства, какъ по численному назначенію новыхъ начальниковъ, такъ и въ отношеніи соединенія, при наличности мирового института, судебной и административной власти въ одномъ лицѣ“. Итакъ, взглядъ „Вѣстника Европы“ на соединеніе властей нашелъ себѣ союзника именно тамъ, гдѣ мы всего меньше этого ожидали. Хорошо было бы, еслибы это было „признакомъ времени“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня (19 мая) 1887 г.

Перемѣна министерства во Франціи.—Кабинетъ Гоблѐ и французскіе финансы.—Исключительная роль генерала Буланжé.—Дѣятельность военнаго министра; его заслуги и слабости.—Популярность Буланжé и ея причины.—Французская политика относительно Германіи.—Газетные споры о русско-германскихъ отношеніяхъ.—Рабочее движеніе въ Бельгіи.

Перемѣна министерства давно уже не имѣетъ во Франціи того значенія, какое придается кабинетнымъ кризисамъ въ другихъ странахъ. Въ былое время французы могли съ нетерпѣніемъ ожидать отставки какого-нибудь Руэра или герцога де-Брольи; паденіе министерства могло означать паденіе цѣлой системы, болѣе или менѣе ненавистной обществу, и новыхъ министровъ встрѣчали съ надеждою или страхомъ, смотря по характеру господствовавшихъ вѣяній. Ничего подобнаго не испытываетъ современная Франція; она равнодушно относится къ періодической смѣнѣ кабинетовъ, встрѣчаетъ и провожаетъ ихъ съ насмѣшливой улыбкою, не волнуясь никакими опасеніями или сожалѣніями. Перемѣна министерства не связана теперь съ серьезными послѣдствіями для страны; она касается лишь поверхности политической жизни, не задѣвая существенныхъ интересовъ народа и общества. Для французовъ, въ сущности, безразлично, кто стоитъ во главѣ республиканскаго кабинета—Фрейсинэ ли, Гоблѐ, или Флокѐ, или Рувьѐ; всѣ эти дѣятели будутъ исполнять свои правительственныя функціи съ одинаковымъ усердіемъ, подъ обычнымъ контролемъ палатъ и печати. Публика чувствуетъ только временное неудобство въ промежуткѣ между двумя министерствами, когда неопредѣленность положенія безпокоитъ биржу и нарушаетъ отчасти мирный ходъ парламентскихъ дѣлъ; но кризисъ продолжается не болѣе двухъ-трехъ недѣль, и такой краткій періодъ тревоги не представляетъ особенной важности, даже если онъ повторится раза два въ теченіе года. Такъ смотрятъ теперь французы на министерскія перемѣны, волновавшія ихъ когда-то.

Паденіе кабинета Гоблѐ не было ни для кого неожиданностью; оно считалось неизбѣжнымъ еще два мѣсяца тому назадъ, благодаря возникшимъ разногласіямъ между правительствомъ и большинствомъ палаты депутатовъ по поводу финансовыхъ вопросовъ. Государствен-

ные финансы близко соприкасаются съ интересами всѣхъ и каждаго; въ этой области чаще всего зарождаются конфликты между представителями власти и общественнымъ мнѣніемъ. Сокращеніе расходовъ, превышающихъ нынѣ три милліарда франковъ, сдѣлалось общимъ девизомъ для всѣхъ политическихъ партій; масса избирателей настойчиво требуетъ облегченія податного бремени и возможно бо̀льшей экономіи въ бюджетѣ,—а желаніе народа обязательно для представителей его въ парламентѣ. Между тѣмъ министры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, не были въ состояніи исполнить это требованіе, такъ какъ для дѣйствительнаго и прочнаго уменьшенія расходовъ необходимы коренныя реформы въ администраціи: общее сокращеніе штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, уменьшеніе числа чиновниковъ и упрощеніе всей административной машины. Чтобы сократить бюрократію, министры должны были бы бороться съ своими собственными многочисленными о̀рганами, имѣющими за себя многолѣтнюю рутину; множество частныхъ интересовъ было бы затронуто весьма чувствительно, и борьба оказалась бы не по силамъ самому могущественному реформатору при обыкновенныхъ условіяхъ правительственной дѣятельности. Требовалось бы общее единодушіе не только въ пониманіи источниковъ зла, но и въ опредѣленіи средствъ для его устраненія; нужна была бы энергическая рѣшимость, раздѣляемая всѣми членами кабинета и поддерживаемая палатами и прессою.

Бюрократія имѣетъ особое свойство—разростаться непомѣрно въ силу внутренней своей плодовитости, безъ всякаго отношенія къ потребностямъ государства и независимо отъ количества производимой работы; чиновничество размножается само собою, расширяя существующія вѣдомства и канцеляріи подъ предлогомъ мнимыхъ пользъ государственной службы. Честолюбіе каждаго начальника заключается въ томъ, чтобы подвластное ему учрежденіе увеличивалось въ объемѣ и пріобрѣтало все бо̀льшее число служащихъ. Этотъ естественный недугъ бюрократіи находитъ надлежащій отпоръ только въ природной національной разсчетливости и бережливости, какъ, напримѣръ, у нѣмцевъ. Французы долго были заняты преобразованіемъ и улучшеніемъ своего политическаго строя; они мало интересовались подробностями управленія и второстепенными недостатками администраціи, пока тяжесть возроставшаго бюджета не заставила плательщиковъ обратить вниманіе на финансы. Оказалось, что финансовые вопросы неразрывно связаны съ состояніемъ административнаго механизма, унаслѣдованнаго отъ имперіи, и задача реформы выступила во всемъ своемъ сложномъ значеніи. Блестящее матеріальное процвѣтаніе Франціи позволило не только загладить по-

слѣдствія несчастной войны, но и дѣлать громадныя новыя затраты на укрѣпленіе границъ, на колоніальныя пріобрѣтенія и на общеполезныя сооруженія и работы; между тѣмъ общій промышленный кризисъ, приведшій въ Европѣ къ напраснымъ усиліямъ протекціонизма, отразился и на благосостояніи французскаго народа. Улучшеніе финансовъ стало главнымъ предметомъ заботъ и причиною министерскихъ кризисовъ. Кабинетъ Фрейсинэ палъ въ декабрѣ прошлаго года, вслѣдствіе того, что не могъ достигнуть сбереженій, на которыхъ настаивала палата. Парламентское большинство указало министерству на излишество личнаго состава въ мѣстномъ управленіи и на первый разъ признало возможнымъ уничтожить должности супрефектовъ (по нашему, вице-губернаторовъ); министры не соглашались на эту мѣру, и послѣ принятія ея палатою—вышли въ отставку. Министерство Гоблѐ пожертвовало нѣкоторыми супрефектами и сохранило остальныхъ; зато оно обѣщало привести въ порядокъ финансы, не прибѣгая ни къ новымъ налогамъ, ни къ займу. Присмотрѣвшись ближе къ положенію дѣлъ, новый кабинетъ убѣдился, что легче было обѣщать, чѣмъ исполнить предположенныя сокращенія; наиболѣе богатыя части бюджета—по вѣдомствамъ военному и морскому—почти не подлежали критикѣ, въ виду внѣшнихъ обстоятельствъ, и странѣ грозилъ значительный дефицитъ, котораго нельзя было бы пополнить путемъ экономіи. Къ тому же, министръ финансовъ, Дофэнъ, очевидно, не стоялъ на высотѣ положенія; онъ думалъ ограничиться пока составленіемъ сноснаго бюджета на слѣдующій годъ, отложивъ трудные вопросы о реформахъ до другого времени. Министерскій проектъ бюджета былъ отвергнутъ бюджетною коммиссіею палаты и возвращенъ Дофэну для исправленія еще до пасхи; но послѣ праздниковъ проектъ вернулся въ палату въ столь же неудовлетворительномъ видѣ. Министръ хотѣлъ незамѣтно ввести подоходный налогъ, измѣнивъ систему сборовъ съ движимаго имущества; онъ разсчитывалъ покрыть дефицитъ при помощи займа и вычеркнуть нѣсколько милліоновъ изъ смѣты обыкновенныхъ расходовъ. Никакихъ серьезныхъ сокращеній предложено не было, и бюджетная коммиссія вторично отвергла проектъ Дофэна.

Въ засѣданіи 16-го мая (нов. ст.) докладчикъ коммиссіи, Камилль Пельтанъ, прочиталъ въ палатѣ убійственный для кабинета разборъ его бюджетныхъ предположеній на 1888-й годъ. Коммиссія предлагала принять резолюцію, приглашающую министерство сдѣлать болѣе существенныя поправки въ бюджетѣ. При обсужденіи этого доклада въ палатѣ депутатовъ, 17-го мая, министръ финансовъ доказывалъ, что новые расходы вызываются примѣненіемъ законовъ, вотированныхъ парламентомъ, и что правительство готово подчиниться указа-

ніямъ коммиссіи относительно желательныхъ сбереженій. Президентъ коммиссіи, Рувьѐ, объяснилъ, что придумывать практическіе способы для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ—дѣло правительства, а не бюджетной коммиссіи, призванной лишь разбирать финансовые проекты министерства; никакіе доводы не ослабятъ того факта, что цифра предположенныхъ издержекъ на 1888 годъ превышаетъ на 58 милліоновъ бюджетъ 1887 года. „Заемъ фигурируетъ здѣсь на 400 милл., и для покрытія дефицита проектируются новые налоги на 136 милліоновъ,—говорилъ Рувьѐ,—такъ что въ основу бюджета положены начала, прямо противоположныя категорическимъ рѣшеніямъ палаты: заемъ, новые налоги и отсутствіе сбереженій".

Глава кабинета, Гоблѐ, произнесъ довольно удачную защитительную рѣчь, которую закончилъ, однако, не совсѣмъ ловко. Онъ удивлялся, что коммиссія отказываетъ министерству въ своемъ содѣйствіи и довольствуется рѣшеніемъ чисто-отрицательнымъ; дѣло идетъ, очевидно, не о финансовыхъ реформахъ, а о политической перемѣнѣ—о сверженіи министерства; въ такомъ случаѣ, имѣется, вѣроятно, въ виду готовый кабинетъ, у котораго есть уже, пожалуй, готовый проектъ бюджета, причемъ коммиссія играла бы роль двусмысленную. Гоблѐ старался, далѣе, доказать, что министерство не заслуживаетъ осужденія, что оно дѣйствовало вполнѣ патріотично во время недавняго международнаго кризиса, и что оно не уклонялось отъ правильнаго пути въ дѣлахъ внутренней политики. Послѣдняя часть рѣчи не произвела должнаго впечатлѣнія; общая дѣятельность кабинета считалась настолько безцвѣтною, что напоминать о заслугахъ его было нѣсколько рискованно при данномъ настроеніи палаты.

Камилль Пельтанъ возразилъ президенту совѣта министровъ, послѣ чего приступлено было къ голосованію. Рувьѐ въ послѣдній разъ спросилъ Гоблѐ, согласно ли министерство произвести дальнѣйшія сокращенія въ бюджетѣ 1888 года; Гоблѐ отвѣчалъ, что не знаетъ, въ чемъ именно искать экономію,—пусть укажутъ ему, и онъ согласится. Палата высказалась противъ министерства незначительнымъ большинствомъ 18 голосовъ: 275 депутатовъ вотировало согласно заключенію коммиссіи, а 257—въ пользу правительства. Гоблѐ немедленно заявилъ, что ему нѣтъ уже надобности участвовать въ дальнѣйшихъ преніяхъ. Кабинетъ Гоблѐ пересталъ существовать.

Паденіе скромнаго министерства Гоблѐ возбудило интересъ въ одномъ только отношеніи: оно выдвинуло на первый планъ вопросъ о дальнѣйшей роли генерала Буланже, котораго очень многіе во Франціи желали бы, во что бы то ни стало, сохранить во главѣ военнаго вѣдомства. Значительная часть радикальной партіи, вопреки

своимъ собственнымъ принципамъ, предлагаетъ создать для генерала Буланже какое-то совершенно исключительное, привилегированное положеніе; онъ одинъ былъ бы свободенъ отъ солидарной отвѣтственности кабинета и стоялъ бы въ сторонѣ отъ всякихъ министерскихъ комбинацій, оставаясь какъ бы несмѣняемымъ военнымъ министромъ. Для оцѣнки павшаго министерства весьма характеристично то, что оно почти всецѣло покрывалось личностью генерала Буланже, предъ которымъ совершенно стушевывались другіе члены кабинета, включая самого Гоблѐ. Популярность Буланже сильно поддерживалась неуклюжими нѣмецкими нападками; о немъ одномъ только и говорили, когда рѣчь шла о Франціи; о его планахъ и намѣреніяхъ разсуждали въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ былъ не просто министромъ въ кабинетѣ Гоблѐ, а полновластнымъ диктаторомъ или, по меньшей мѣрѣ, президентомъ республики. Нѣмцы видѣли въ Буланже олицетвореніе идеи возмездія; нѣмецкія газеты громили его неустанно, и французскіе патріоты должны были невольно проникнуться убѣжденіемъ, что этотъ генералъ представляетъ собою великую силу. Тѣмъ не менѣе, выдѣлить Буланже изъ состава министерства, потерпѣвшаго крушеніе, было бы трудно уже потому, что онъ больше кого бы то ни было содѣйствовалъ этому крушенію своими чрезмѣрными финансовыми требованіями. Никто не считалъ себя въ правѣ отказывать въ расходахъ на военныя надобности; предложенія военнаго министра обыкновенно даже не обсуждались, а принимались безпрекословно, чтобы не давать повода къ неудобнымъ или щекотливымъ преніямъ. Высшіе интересы народной обороны, представителемъ которыхъ являлся Буланже, требовали непрерывныхъ и колоссальныхъ жертвъ, и ни одинъ изъ военныхъ министровъ Франціи не доводилъ этихъ жертвъ до такого грандіознаго размѣра, какъ Буланже. Десятки и сотни милліоновъ уходили на усовершенствованія сомнительнаго свойства, на дорогіе опыты и ненужныя нововведенія, а министры имѣли слабость утверждать все, что̀ предлагалъ Буланже. Болѣе десяти милліоновъ употреблено было, напримѣръ, на введеніе какихъ-то новыхъ матрацовъ для солдатъ,—расходъ, не имѣющій, въ сущности, ничего общаго съ потребностями военнаго дѣла. Еще недавно генералъ Буланже потребовалъ ассигнованія четырехъ съ половиною милліоновъ на пробную мобилизацію одного изъ французскихъ корпусовъ, хотя эта затрата не только не производительна, но и можетъ оказаться крайне вредною, при нынѣшнихъ отношеніяхъ съ Германіею. Опыты, которыхъ не дѣлается ни въ германской, ни въ какой-либо другой европейской арміи, едва ли могутъ считаться необходимыми для арміи французской; но министерство Гоблѐ не противорѣчило генералу Буланже въ вопросѣ о пробной мобилизаціи, какъ

не возражало и раньше, въ вопросѣ объ усовершенствованныхъ матрацахъ. Слѣпое исполненіе каждаго желанія военнаго министра составляетъ главнѣйшій грѣхъ павшаго министерства; многіе милліоны бросались въ бездонную бочку военнаго бюджета безъ малѣйшаго подобія критики или контроля со стороны скромныхъ товарищей генерала Буланже. Какой смыслъ могли имѣть попытки министра финансовъ отыскать ничтожныя сбереженія въ расходахъ на таможенную стражу или на сборщиковъ податей, когда военный бюджетъ, возроставшій въ небывалой еще степени, оставался неприкосновеннымъ? Такое исключительное отношеніе министровъ и палатъ къ требованіямъ военнаго вѣдомства указывало на характеръ общаго настроенія во Франціи; оно свидѣтельствовало о безотчетномъ страхѣ войны, внушаемомъ дѣйствіями и угрозами Германіи. Ожиданіе неминуемой катастрофы не допускало и мысли о какомъ-либо ограниченіи средствъ, требуемыхъ для цѣлей обороны; всѣ силы бюджета подчинялись интересамъ арміи. Готовность французовъ не останавливаться ни предъ какими жертвами для увеличенія и лучшаго вооруженія арміи была принята нѣмцами за доказательство воинственныхъ замысловъ Франціи,—и нельзя отрицать долю правды въ этомъ выводѣ, если принять во вниманіе лихорадочную и разорительную для французскаго бюджета дѣятельность генерала Буланже. Дѣйствовать такимъ образомъ можно только въ виду скорой войны; быстрыя и дорого стоющія мѣропріятія французскаго министра не могли быть разсчитаны на пассивное поддержаніе вооруженнаго мира. Этимъ отчасти и объясняется безпокойство германской печати; нѣмцы опасались не самого Буланже и его военныхъ мѣръ, а тѣхъ грозныхъ симптомовъ войны, которые выступали наружу въ поспѣшныхъ приготовленіяхъ Франціи. И въ то же время, предположенія о воинственныхъ планахъ генерала Буланже и его единомышленниковъ опровергались многими реформаторскими проектами по военному вѣдомству, проектами, требующими долгаго времени для правильнаго и полезнаго примѣненія. Буланже—не полководецъ, не боевой генералъ, а ловкій организаторъ, энергическій и предпріимчивый бюрократъ, умѣющій извлекать пользу изъ національнаго патріотизма, не особенно разборчивый въ средствахъ и ищущій популярности повсюду, гдѣ можно ее добыть.

Генералъ Буланже опирается на радикаловъ крайней лѣвой, чтобы пріобрѣсть расположеніе народныхъ массъ; онъ замѣчательно простъ съ солдатами, доступенъ и любезенъ съ подчиненными, вѣжливъ и ласковъ со всѣми, особенно съ газетными репортерами и редакторами. Когда онъ служилъ подъ начальствомъ герцога Омальскаго, онъ добивался его протекціи для повышенія по службѣ; съ переходомъ

власти въ руки рѣшительныхъ республиканцевъ, онъ становится другомъ Клемансо́ и Анри Рошфора, поддержкою которыхъ пользуется понынѣ. Клемансо впервые выдвинулъ его въ началѣ прошлаго года, при образованіи министерства Фрейсинэ; военнымъ министромъ назначенъ былъ Буланже, благодаря могущественной протекціи предводителя крайней лѣвой. Генералъ Буланже взялся рѣшить въ радикальномъ духѣ стоявшій тогда на очереди вопросъ о членахъ царствовавшихъ династій во Франціи; онъ выступилъ въ палатѣ защитникомъ энергической мѣры—изгнанія принцевъ изъ состава арміи,—и эта мѣра была имъ приведена въ исполненіе. Онъ обошелся рѣзко и круто съ бывшимъ своимъ начальникомъ, герцогомъ Омальскимъ; газеты напомнили Буланже объ отношеніяхъ его къ герцогу, какъ къ корпусному командиру, и напечатали льстивое письмо его къ послѣднему по поводу ожидаемаго повышенія. Генералъ Буланже не усомнился публично объявить это письмо подложнымъ; онъ отрекся отъ унизительныхъ выраженій, употребленныхъ въ письмѣ, и не призналъ себя въ чемъ-либо обязаннымъ герцогу Омальскому. Тогда газеты напечатали факсимиле того письма и обнародовали еще другое, также адресованное герцогу полковникомъ Буланже. Военный министръ принужденъ былъ взять назадъ свое опроверженіе и пытался оправдать себя запамятованіемъ прежнихъ служебныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что онъ не считалъ герцога способнымъ обнародовать частныя письма безъ разрѣшенія авторовъ ихъ. Этотъ непріятный для Буланже эпизодъ остался, однако, безъ чувствительныхъ для него послѣдствій; онъ успѣлъ въ короткое время загладить впечатлѣніе этого удара и сдѣлался любимымъ генераломъ радикальной партіи. Онъ возстановилъ ношеніе бороды во французской арміи, показывалъ строгость относительно заслуженныхъ генераловъ, пробовалъ вытѣснить парижскаго губернатора, генерала Соссье, но долженъ былъ извиниться предъ нимъ оффиціально по желанію всѣхъ прочихъ министровъ, словомъ—терпѣлъ неудачи и незамѣтно создавалъ себѣ широкую извѣстность въ народѣ. Онъ старался быть постоянно на виду, служить предметомъ газетныхъ толковъ, давать поводы къ уличнымъ оваціямъ и восторгамъ; въ этомъ ему усердно помогали наиболѣе распространенные листки Парижа, при содѣйствіи газетъ Анри Рошфора и Клемансо. Какъ военный министръ, Буланже отличался плодовитостью и энергіею въ составленіи проектовъ, крайнимъ обиліемъ распоряженій, поддержкою всякихъ нововведеній и изобрѣтеній, широкою щедростью въ затратахъ на военныя надобности, хотя, можетъ быть, нѣкоторыя изъ принятыхъ имъ мѣръ окажутся полезными, и его дѣятельность усилила въ нѣкоторой степени военное положеніе Франціи.

Заслуга Буланже заключается, однако, не въ этихъ спеціальныхъ мѣрахъ, а въ той бодрости духа, которую онъ внесъ въ военныя и политическія сферы французскаго общества. Говорятъ, что онъ оживилъ чувство самоувѣренности въ арміи, поднялъ патріотическое настроеніе въ народѣ и сдѣлалъ изъ идеи возмездія вполнѣ реальную, осязательную силу. Но опасность войны подходила слишкомъ близко, а военныя реформы обходились слишкомъ дорого; умѣренныя партіи въ парламентѣ и въ печати стали тяготиться безпокойною дѣятельностью Буланже, которымъ былъ недоволенъ также президентъ республики, Греви. Есть основаніе думать, что вся парламентская аттака, предпринятая противъ кабинета Гоблѐ, была, въ сущности, направлена противъ военнаго министра. Правда, ни въ бюджетной коммиссіи, ни въ палатѣ не упоминалось прямо о непосильныхъ военныхъ расходахъ, вызываемыхъ проектами генерала Буланже; но противники министерства намекали весьма прозрачно на легкую возможность найти крупныя сбереженія среди трехъ милліардовъ бюджета. Упорное нежеланіе понять эти намеки и коснуться предположенныхъ издержекъ военнаго вѣдомства были истинною причиною паденія Гоблѐ. Самъ Буланже предложилъ сократить свой бюджетъ на 9 милліоновъ, но это сокращеніе относилось къ расходу на обыкновенныя потребности арміи, и тѣ же зачеркнутые милліоны должны были бы появиться въ другомъ мѣстѣ, въ смѣтѣ чрезвычайныхъ расходовъ. А пока военный министръ выказалъ свою мнимую бережливость, которая въ массѣ публики могла быть принята за чистую монету. Что вообще онъ заботится о своей популярности гораздо больше, чѣмъ о дѣйствительныхъ военныхъ интересахъ страны—это можно видѣть изъ многихъ отдѣльныхъ фактовъ. Онъ внесъ элементъ политическаго раздора въ армію, гдѣ и безъ того расшатаны основы прочнаго единства и крѣпкой организаціи; онъ не могъ не знать, что военный министръ, стоящій во главѣ французскихъ военныхъ силъ, не имѣетъ права быть человѣкомъ партіи, и что заигрываніе его съ радикалами, нужное для его личной карьеры, должно раздражать значительную и наиболѣе вліятельную часть французскаго офицерства. Онъ не стѣснялся требовать удаленія такого уважаемаго всѣми генерала, какъ Соссьѐ; онъ не остановился бы предъ увольненіемъ наиболѣе способныхъ генераловъ французской арміи, подъ предлогомъ ихъ монархическихъ связей и убѣжденій,—такъ какъ этимъ устранились бы соперники, могущіе помѣшать его дальнѣйшимъ успѣхамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Буланже имѣетъ въ себѣ всѣ задатки и замашки народнаго героя; ему недостаетъ только военнаго генія, чтобы уподобиться Наполеону I. Буланже не имѣлъ еще случая оправдать тѣ ожиданія, которыя возлагаются на него съ разныхъ сторонъ: онъ не выигры-

валъ никакихъ сраженій, не совершалъ особенныхъ подвиговъ и не отличался въ бояхъ съ непріятелемъ, а тихо и вѣрно подвигался впередъ по лѣстницѣ военнаго служенія, прибѣгая то къ покровительству герцоговъ, то къ протекціи радикаловъ. Онъ, по мѣткому замѣчанію князя Бисмарка, получилъ свою славу въ кредитъ, и онъ долженъ будетъ расквитаться съ этимъ долгомъ—посредствомъ войны. И дѣйствительно, если задать себѣ вопросъ, чѣмъ заслужилъ Буланже свою громкую военную репутацію, то отвѣтить придется не сразу. Никто не зналъ имени Буланже до назначенія его военнымъ министромъ въ кабинетѣ Фрейсинэ; съ тѣхъ поръ прошло менѣе полутора года, и военная слава его создалась исключительно на шумныхъ улицахъ Парижа, въ радикальныхъ депутатскихъ кружкахъ, въ мелкой французской прессѣ и въ оффиціозныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Такого рода извѣстность, какъ бы обширна она ни была, имѣетъ только временный, мимолетный характеръ; она можетъ пріобрѣсть какое-нибудь значеніе только въ томъ случаѣ, если генералу Буланже дана будетъ возможность продолжать фигурировать передъ страною въ качествѣ суетливаго военнаго министра.

Любопытно, что герой французскихъ радикаловъ пользуется сочувствіемъ и въ Россіи, въ средѣ наиболѣе благонамѣренныхъ патріотовъ нашего отечества. Одна изъ русскихъ газетъ, не имѣющихъ ничего общаго съ радикализмомъ, признала Буланже новымъ Наполеономъ, будущимъ спасителемъ Франціи и вѣроятнымъ союзникомъ Россіи въ борьбѣ противъ нѣмцевъ. Уличная парижская слава, завоеванная на плацпарадахъ, превратилась у насъ въ нѣчто серьезное, благодаря свойственной намъ довѣрчивости. Газетные корреспонденты, наиболѣе преданные почему-то генералу Буланже, сообщаютъ о немъ удивительныя свѣденія, для доказательства его правъ на званіе великаго патріота и политика. Во время дѣла Шнебеле онъ будто бы „предложилъ въ совѣтѣ министровъ бросить на границу 50.000 человѣкъ съ шумомъ и нарочитымъ трескомъ (?), дабы этимъ отвѣтить угрозой на угрозу; Буланже былъ увѣренъ, что этого достаточно, чтобы дѣло Шнебеле немедленно было закончено самымъ миролюбивымъ образомъ. Флурансъ возсталъ противъ этой мѣры. Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, потребованные военнымъ министромъ, были все-таки отправлены на границу, но безъ шума". Корреспондентъ добавляетъ таинственно, что ему въ точности извѣстенъ этотъ важный фактъ, котораго онъ не разглашалъ до сихъ поръ по соображеніямъ высшей политики. Фактъ этотъ приводится для того, чтобы выставить все геройство генерала Буланже сравнительно съ ничтожествомъ „мудрыхъ парламентаристовъ", которые будто бы „совершенно свыклись съ политикой бѣганья на заднихъ лапкахъ передъ Берли-

номъ". Если дѣйствительно военный министръ Франціи думалъ испугать Германію нѣсколькими десятками тысячъ войска, то это обнаружило бы въ немъ легкомысліе, понятное еще со стороны газетнаго репортера, но непростительное для военнаго человѣка. Во Франціи хорошо знаютъ, что въ пограничныхъ нѣмецкихъ провинціяхъ всегда стоитъ на-готовѣ внушительная военная сила, и участь французскаго отряда, брошеннаго на границу „съ шумомъ и трескомъ", была бы крайне печальна. Хотя генералъ Буланже придаетъ большое значеніе „шуму и треску", но несправедливо было бы приписывать ему явныя нелѣпости, совершеніе которыхъ могло быть желательно только худшимъ врагамъ Франціи. Можно обвинять въ чемъ угодно нынѣшнихъ правителей и полководцевъ Германіи; но никто не скажетъ, что они способны испугаться мелкой французской угрозы и сдѣлаться миролюбивыми подъ вліяніемъ военныхъ демонстрацій, руководимыхъ канцелярскимъ генераломъ. Газетныя сообщенія, въ родѣ приведеннаго выше, достигаютъ, между тѣмъ, своей цѣли: они какъ будто говорятъ читателю, что одинъ только есть на свѣтѣ великій патріотъ французскій, и что онъ, рано или поздно, поколотитъ нѣмцевъ, которые по неизвѣстной причинѣ кажутся намъ врагами. Сойдетъ теперь со сцены генералъ Буланже, и слава его померкнетъ такъ же скоро, какъ и возникла.

Главная трудность составленія новаго кабинета заключалась именно въ личности военнаго министра, за котораго стоитъ большинство радикальной партіи, составляющей необходимую опору правительства при настоящемъ составѣ палаты. Ни Фрейсинэ, ни Флоке, ни Дюклеркъ не могли взять на себя образованіе министерства, въ виду спорнаго вопроса о генералѣ Буланже; одни добивались сохраненія этого министра, другіе категорически возставали противъ такого компромисса, и, наконецъ, значительная часть печати находила прямо неудобнымъ удерживать во главѣ арміи генерала, вызывающаго постоянное раздраженіе въ Германіи. Пока на Буланже нападали нѣмцы, неловко было высказываться противъ него французамъ; удаленіе его въ то время имѣло бы видъ трусливой уступки, которой нельзя было ожидать отъ французскаго патріотизма. Но теперь, когда вышло въ отставку все министерство, благоразумные французы должны быть очень рады тому, что избавились во-время отъ честолюбиваго дѣятеля, поднимавшаго столько ненужнаго шума своею разностороннею хлопотливостью и своими разорительными для страны военными начинаніями. Гораздо лучше будетъ и для Буланже, и для Франціи, если этотъ генералъ пріобрѣтетъ гдѣ-нибудь въ Алжирѣ или въ Тонкинѣ тѣ военные или административные лавры, которыми надѣляли его пока въ кредитъ бульварные патріоты Парижа.

Министерство Гоблé имѣетъ, повидимому, одну существенную заслугу передъ Франціею и даже передъ Европою: оно держало себя прилично и твердо во время опаснаго международнаго кризиса, въ которомъ дѣло Шнебеле было лишь формальнымъ дипломатическимъ инцидентомъ. Кабинетъ не далъ себя увлечь на путь воинственности и сохранялъ замѣчательное хладнокровіе среди общаго возбужденнаго настроенія; рѣзкія выходки и придирки нѣмецкихъ газетъ оставлялись безъ отвѣта французскою печатью, и всѣ европейскія симпатіи были невольно на сторонѣ Франціи. Но сдержанность министерства принимала форму крайне неудобную въ политикѣ и могущую давать поводъ къ какимъ угодно толкованіямъ. Министры молчали; сторонники ихъ въ палатѣ и въ прессѣ осторожно обходили жгучій вопросъ о войнѣ и мирѣ; дѣйствовали только канцеляріи Флуранса въ Парижѣ и Гербетта въ Берлинѣ. Нѣмецкая печать долго и систематично обвиняла французовъ въ желаніи нарушить общій миръ, и никакого авторитетнаго отвѣта не получалось отъ министровъ или публицистовъ Франціи. Еще раньше, во время преній о септеннатѣ въ германскомъ сеймѣ, князь Бисмаркъ распространялся о французскихъ военныхъ приготовленіяхъ, о характерѣ будущей франко-нѣмецкой войны и даже о дѣятельности генерала Буланже, и никто изъ французскихъ государственныхъ людей не потрудился публично высказаться на эту жгучую тему, чтобы, по крайней мѣрѣ, опровергнуть приписываемыя Франціи намѣренія, опасныя будто бы для мира Европы. Когда нѣкоторые члены палаты пожелали обратиться съ запросомъ къ Гоблé, чтобы доставить ему случай протестовать противъ нѣмецкихъ обвиненій, то глава кабинета просилъ не затрогивать подобныхъ щекотливыхъ вопросовъ, такъ какъ онъ будто бы не можетъ располагать тою свободою слова, которою пользуются въ сосѣдней странѣ относительно французовъ. Этотъ аргументъ свидѣтельствуетъ, конечно, о крайней скромности министерства, но онъ едва ли долженъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что Гобле боялся сказать чтó-нибудь лишнее и задѣть нечаянно самолюбіе нѣмцевъ. Рѣчь о внѣшней политикѣ могла быть заранѣе составлена и затѣмъ прочитана съ трибуны, если ужъ дѣйствительно министры не довѣряли своему ораторскому самообладанію и своей парламентской опытности. Публичное заявленіе французскаго правительства, въ видѣ отвѣта на нѣмецкіе нападки, сразу уничтожило бы предлогъ для воинственной травли и, во всякомъ случаѣ, содѣйствовало бы разъясненію положенія. Всѣ говорили громко о неминуемой войнѣ, и гнетущее чувство овладѣло умами въ Европѣ, а Гоблѐ находилъ, что министры не имѣютъ основанія вступать въ полемику съ газетами. Но вопросъ о мирѣ и войнѣ зависитъ отъ обще-

ственнаго настроенія, подготовляемаго печатью, и ждать оффиціальныхъ причинъ для того, чтобы возвысить голосъ въ духѣ миролюбія, значитъ—не пытаться вовсе противодѣйствовать событіямъ.

Политика молчанія—плохая политика при настоящихъ условіяхъ международнаго мира. Неустанныя усилія нѣмецкихъ оффиціозовъ направлены къ тому, чтобы выставить Францію нарушительницею европейскаго спокойствія, виновницею общихъ вооруженій и тревогъ. Не встрѣчая надлежащаго отпора, этотъ взглядъ все болѣе укореняется не только въ нѣмецкомъ народѣ, но отчасти и въ другихъ странахъ. Энергическія и своевременныя возраженія противъ такого взгляда со стороны французскаго правительства и французской прессы дѣйствовали бы успокоительно на нѣмцевъ, ослабляли бы взаимную вражду и усиливали бы шансы мирнаго настроенія народовъ. Что безопаснѣе молчать, чѣмъ говорить,—это предразсудокъ, въ высшей степени вредный въ области внѣшнихъ отношеній. Нѣтъ ничего пагубнѣе тьмы въ международной политикѣ; существующее повсюду недовѣріе питается недоразумѣніями и недомолвками, противъ которыхъ есть одно только средство — открытое, правдивое слово. Ни одно правительство не полагается теперь на оффиціальныя увѣренія дипломатіи, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ между народами; всѣ прислушиваются къ мнѣніямъ газетъ, къ парламентскимъ рѣчамъ и къ разнообразнымъ симптомамъ такъ-называемаго общественнаго настроенія той или другой страны. И среди общаго шума Франція молчитъ; ея министры избѣгаютъ сказать свое слово, и ихъ молчаніе становится новымъ оружіемъ въ рукахъ враговъ французской націи. Система отмалчиванія настолько утвердилась въ практикѣ французскихъ министровъ по отношенію къ международнымъ дѣламъ, что даже дѣло Шнебеле не вызвало подобающей, хотя бы только газетной, критики. Близкіе къ правительству óрганы печати обсуждали отдѣльныя частности столкновенія, не затрогивая его принципіальной основы: самая сущность спора была объясняема въ русскихъ и англійскихъ газетахъ, тогда какъ во Франціи какъ будто не замѣчали всей чудовищности нѣмецкой теоріи, въ силу которой иностранные чиновники могутъ быть судимы за „измѣну“ германскому отечеству. Лондонскій „Times“ выразилъ даже удивленіе, что эта теорія принимается французами какъ нѣчто законное и удобопонятное, и что оффиціально она не была подвергнута критической оцѣнкѣ со стороны французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Нельзя не пожелать, чтобы преемники Гоблè были менѣе безличны въ вопросахъ внѣшней политики. Пассивное уклоненіе отъ участія въ жгучихъ международныхъ спорахъ представляетъ опасность для мира; молчаливость принимается за скрытность, за согласіе со всѣмъ тѣмъ,

чтó приписывается данному правительству, и отношенія могутъ испортиться окончательно, прежде чѣмъ зло обнаружится въ формѣ дипломатическихъ пререканій.

Много говорятъ въ послѣднее время о предстоящей будто бы новой группировкѣ державъ — о сближеніи Россіи съ Франціею для противодѣйствія преобладанію Германіи въ Европѣ. Изъ того, что союзъ съ двумя сосѣдними имперіями былъ для насъ совершенно безполезенъ, выводятъ заключеніе, что мы должны искать другихъ союзниковъ, болѣе симпатичныхъ и надежныхъ, и такими подходящими друзьями оказываются именно французы. У насъ вообще не умѣютъ держаться середины; отъ одной крайности мы впадаемъ въ другую, и это придаетъ всей нашей политикѣ характеръ неопредѣленный и колеблющійся. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы упорно считали себя обязательными союзниками и помощниками Австріи; мы близко принимали къ сердцу интересы Пруссіи, причемъ руководствовались только отвлеченными и отчасти сантиментальными мотивами, не думая вовсе о реальныхъ выгодахъ Россіи. Мы отличались своимъ великодушіемъ и безкорыстіемъ въ международныхъ дѣлахъ; мы хлопотали о чужихъ интересахъ, въ ущербъ собственной странѣ, и не разъ подвергали народъ жестокимъ бѣдствіямъ войны, изъ-за дружбы къ австрійскому императору Францу или къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму. Мы воевали съ французами для пользы нѣмцевъ и австрійцевъ; теперь предлагаютъ намъ бороться съ нѣмцами для пользы Франціи. Чрезмѣрная близость съ Германіею превращается въ столь же напрасную вражду, безъ малѣйшей въ томъ надобности, и пагубныя увлеченія, допущенныя нами въ былое время относительно Берлина и Вѣны, могутъ повториться относительно Парижа. Отъ полной солидарности съ германскою политикою мы готовы перейти къ отрицанію всякихъ связей съ нѣмецкою націею; мы какъ будто имѣемъ охоту совершить нелѣпый скачокъ на встрѣчу французскимъ шовинистамъ, мечтающимъ объ отобраніи Эльзаса и Лотарингіи—при помощи Россіи!! Такъ можно было бы судить, по крайней мѣрѣ, основываясь на сужденіяхъ извѣстной части нашей печати. Своей собственной политики и своихъ собственныхъ интересовъ мы какъ будто не имѣемъ; мы можемъ только имѣть чужія цѣли, если не нѣмецкія, то французскія.

Наши „патріотическія“ газеты настойчиво доказываютъ, что мы обманулись въ нѣмцахъ, что они постоянно мѣшали намъ на востокѣ, что они поддерживали притязанія Австріи и не давали намъ воспользоваться плодами нашихъ побѣдъ въ Болгаріи. По этому поводу завязалась весьма любопытная полемика, сопровождавшаяся важными

разоблаченіями со стороны берлинской оффиціозной прессы. „Сѣверо-германская Всеобщая Газета“ заявила категорически, что еще до начала русско-турецкой войны состоялось между нашею дипломатіею и вѣнскимъ кабинетомъ секретное соглашеніе, подписанное 15-го января 1877 года не только безъ участія, но и безъ вѣдома Германіи, и что въ силу этой сдѣлки предоставлено было Австріи занять Боснію съ Герцеговиною. Этимъ именно объясняется то обстоятельство, что представители Россіи не возражали на берлинскомъ прогрессѣ противъ предложенія объ оккупаціи австрійцами двухъ турецкихъ провинцій. Всѣ уступки, на какія могла разсчитывать Австрія, дѣлались ей помимо Берлина; Германія, съ своей стороны, поддерживала всѣ русскія требованія, заявленныя оффиціально на конгрессѣ, и готова была—по признанію óргана князя Бисмарка—отстаивать и другія, болѣе широкія, права побѣдителей, еслибы эти права были заявлены нашими дипломатами. Германское правительство не могло оказывать намъ поддержку въ томъ, чтó не находило опоры и защиты въ средѣ представителей самой Россіи. Эти фактическія указанія, исходящія изъ столь компетентнаго источника, дали новый оборотъ оживленнымъ газетнымъ спорамъ о значеніи бывшаго тройственнаго союза. Въ Вѣнѣ и Пештѣ были непріятно поражены разоблаченіями, подрывавшими въ самомъ корнѣ теорію безкорыстнаго туркофильства, которую мадьяры наивно приписывали тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, графу Андраши. Австрійцы привыкли утѣшать себя мыслью, что Боснія и Герцеговина заняты имъ по особому уполномочію и порученію отъ всей Европы, для водворенія порядка въ пограничныхъ турецкихъ провинціяхъ; теперь óрганъ германскаго канцлера уничтожаетъ эту иллюзію и высказываетъ прямо, что никакого европейскаго полномочія или „мандата“ не было дано Австріи, и что на конгрессѣ выражено было только согласіе на австрійскую оккупацію, предложенную англичанами и не возбудившую возраженія со стороны русскихъ дипломатовъ. Венгерскій министръ-президентъ, Коломанъ Тисса, старался смягчить жесткій смыслъ этого факта; но въ своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ 21-го мая, онъ не могъ поколебать достовѣрность сообщеній „Сѣверо-германской Газеты“. Выводъ изъ этого одинъ: не разсчитывать на союзниковъ, не входить въ секретныя сдѣлки, не замѣнять однихъ друзей другими, а только относиться съ бóльшимъ пониманіемъ къ собственнымъ интересамъ и нуждамъ, твердо оставаться въ предѣлахъ своихъ законныхъ правъ и не увлекаться фантастическими комбинаціями, къ которымъ такъ легко склоняются наши мнимые патріоты.

Бельгія продолжаетъ быть театромъ рабочихъ волненій, которыя имѣютъ, безспорно, политическую подкладку. Въ прошломъ году спокойствіе было возстановлено военною силою; теперь движеніе разростается, и руководители его ясно формулируютъ свои требованія, касающіяся общихъ вопросовъ внутренней политики, а не промышленныхъ интересовъ рабочаго класса. Населеніе Бельгіи давно уже протестуетъ противъ такого порядка вещей, при которомъ парламентская власть принадлежитъ исключительно верхнему слою общества. Бельгія управляется теперь клерикалами, имѣющими большинство въ палатѣ депутатовъ, а клерикалы были всегда непопулярны въ странѣ. Радикальная оппозиція добивается всеобщей подачи голосовъ, и, не имѣя возможности достигнуть чего-либо въ палатахъ, она пользуется волненіями рабочихъ, даетъ имъ организацію и направляетъ ихъ къ намѣченной цѣли. Бельгійское правительство имѣетъ предъ собою крайне трудную и сложную задачу: съ одной стороны, неудобно каждый годъ усмирять возстаніе и одерживать кровавыя побѣды надъ подданными, а съ другой—дѣлать конституціонныя уступки было бы какъ будто несовмѣстимо съ интересами господствующаго богатаго класса, которые по обыкновенію прикрываются достоинствомъ и авторитетомъ власти. Трудно сказать, чѣмъ кончится на этотъ разъ революціонное движеніе въ Бельгіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1887.

— *Народная поэзія.* Историческіе очерки. Ординарнаго академика *Ѳ. И. Буслаева.* Спб. 1887.

Въ прошломъ году вышло двѣ книги „Досуговъ" г. Буслаева, гдѣ были собраны журнальныя статьи по предметамъ, соприкасавшимся съ его спеціальностью, какъ вопросы художественной критики, путевые очерки и т. п. [1]). Мы отмѣтили эту книгу, какъ прекрасный вкладъ въ нашу образовательную литературу, въ которой рѣдко являются труды, исполненные такого разнообразнаго знанія и живого интереса къ литературѣ и искусству. Настоящая книга есть новый сборникъ трудовъ г. Буслаева, на этотъ разъ посвященныхъ спеціально изслѣдованіямъ о народной поэзіи; повидимому, она составляетъ только начало цѣлаго собранія сочиненій и, безъ сомнѣнія, будетъ еще съ бо́льшимъ интересомъ встрѣчена всѣми, кому близко изученіе нашей старины и народности. „Собранныя здѣсь монографіи,—говоритъ г. Буслаевъ въ предисловіи, — относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ одной небольшой, которая напечатана въ 1871 г. Какъ по научному методу и воззрѣніямъ, такъ и по матеріалу и пособіямъ, очень немногимъ отличаются онѣ отъ изданныхъ мною въ 1861 г. „Историческихъ Очерковъ", и какъ бы составляютъ ихъ продолженіе. — Съ тѣхъ поръ изученіе народности значительно расширилось въ объемѣ и содержаніи, и, соотвѣтственно новымъ открытіямъ, установились иныя точки зрѣнія, которыя привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ-называемая Гриммовская школа, съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи вза-

---

[1]) См. „В. Евр." 1886, іюнь, стр. 845 и слѣд.

имнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, что признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія".

„Чтобы издать вновь сочиненія, написанныя мною четверть вѣка тому назадъ, надобно было не только восполнить ихъ новыми матеріалами и пособіями, но и поставить на другія основы, данныя новою теоріею. Такая капитальная перестройка требовала многолѣтнихъ трудовъ, на которые у меня не хватало времени за другими спеціальными работами, да и вообще она была мнѣ уже не по силамъ, и я твердо рѣшился не издавать вновь такъ давно составленныхъ мною монографій по народной поэзіи. Однако, рѣшеніе мое было поколеблено лестнымъ для меня вниманіемъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, которое признало небезполезнымъ перепечатать мои изслѣдованія и безъ исправленій, въ видѣ матеріаловъ для исторіи науки по изученію старины и народности. Будучи поощренъ такимъ авторитетнымъ для меня заключеніемъ, я нашелъ въ немъ достаточное оправданіе моей смѣлости напомнить новому поколѣнію ученыхъ о такихъ устарѣлыхъ работахъ, которыя слѣдовало бы въ новомъ изданіи значительно передѣлать".

Въ этихъ скромныхъ словахъ виденъ истинный ученый, который не застываетъ въ одной, въ прежнее время господствовавшей теоріи, и остается чуткимъ и благожелательнымъ къ дальнѣйшему развитію изученія, хотя бы оно отрицало иной разъ его собственные выводы. Но эти прежніе труды, въ свое время плодотворно подѣйствовавшіе на развитіе народно-поэтическихъ изученій, сохраняютъ въ разныхъ отношеніяхъ свою цѣну и для „новаго поколѣнія ученыхъ". Они остаются не только важнымъ фактомъ исторіи науки, но образцомъ не сухого книжнаго, а живого любящаго отношенія къ предмету научнаго труда—народу и народной жизни. Во-вторыхъ, объясненія предмета, сдѣланныя у г. Буслаева, съ прежней точки зрѣнія, остаются своего рода программой вопросовъ для новой школы; если прежняя теорія давала болѣе или менѣе законченную картину развитія древняго эпоса по своему взгляду, то новая теорія обязывается не только отнестись критически къ этой постройкѣ, но и выяснить собственную систему построенія. Дѣйствительно, новая школа, выступившая у насъ на смѣну Гриммовской, представила до сихъ поръ много замѣчательныхъ критическихъ возраженій противъ послѣдней и сдѣлала много детальныхъ изслѣдованій большого научнаго значенія; но до сихъ поръ она даетъ слишкомъ мало указаній син-

тетическихъ, вслѣдствіе чего, какъ не разъ было указано, въ популярномъ и учебномъ обращеніи донынѣ господствуютъ наиболѣе одностороннія толкованія древней русской поэзіи по прежнему способу.

Въ настоящей книгѣ заключаются слѣдующія статьи: „Русскій богатырскій эпосъ" (1862); „Слѣды славянскихъ эпическихъ преданій въ нѣмецкой миѳологіи" (1862); „Бытовые слои русскаго эпоса" (1871); „Пѣсня о Роландѣ" (1864); „Испанскій народный эпосъ о Сидѣ" (1864); „Русскіе духовные стихи" (1861). Во всѣхъ этихъ статьяхъ разсѣяно много любопытныхъ объясненій эпическаго стиля, много тонкихъ наблюденій, которыя сохраняютъ свою цѣну, хотя измѣняются понятія объ источникахъ самаго содержанія русскаго эпоса. Замѣтимъ притомъ, что г. Буслаеву никакъ нельзя приписать тѣхъ крайностей, въ какія впадали толкователи, видѣвшіе въ богатыряхъ нашего эпоса представителей одной стихійной, облачной или громовой, силы; напротивъ, именно г. Буслаевъ съ самаго начала (въ статьѣ 1871 года) весьма доказательно опровергалъ эти неопредѣленныя и вмѣстѣ узкія толкованія, взятыя изъ миѳологіи природы.

„Чтобы оріентироваться въ необозримой массѣ сходныхъ между собою данныхъ по эпической поэзіи разныхъ народовъ, — говоритъ г. Буслаевъ, — нѣмецкіе ученые нашли удобнымъ распредѣлить эти данныя по немногимъ рубрикамъ миѳологіи природы, съ тѣмъ, чтобы въ основѣ эпическихъ сюжетовъ открывать идеи и представленія, общія эпосу съ миѳологіею природы. Но не слишкомъ ли поспѣшно и преждевременно рѣшились обобщить разнообразныя и разнородныя эпическія подробности, подводя ихъ подъ скудныя, голословныя заглавія статей изъ миѳологіи природы — о теплѣ, холодѣ и тому подобномъ? Пріемъ этотъ, какъ ни кажется онъ увлекателенъ съ перваго разу, очень опасенъ, легко можетъ быть употребленъ во зло, и это можетъ случиться всякій разъ, какъ только въ объясняемомъ эпическомъ сюжетѣ къ раннему миѳу примѣшивается преданіе мѣстное или историческое.

„Въ этомъ отношеніи надобно строго отличать сказку отъ былины. Сказка можетъ цѣликомъ состоять изъ какого-нибудь миѳа природы, не пріуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому она и не любитъ собственныхъ именъ... Напротивъ того, былина помѣщаетъ своего князя Владиміра въ Кіевѣ, ведетъ своего Илью Муромца изъ села Карачарова, черезъ лѣса Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города Чернигова и т. д.... Чѣмъ эпосъ первобытнѣе, какъ финская Калевала, тѣмъ больше въ немъ миѳологіи природы, и чѣмъ онъ развитѣе, какъ французскія chansons de geste, тѣмъ больше въ немъ исторіи и географіи. Такова и наша былина... Миѳы природы слишкомъ громадны въ своихъ размѣрахъ. Становясь сюжетами эпи-

ческими, они сокращаются, принимая мѣстныя формы историческаго быта и окрашиваясь въ мѣстный, бытовый колоритъ.

„Обратить былину назадъ, въ тотъ до-историческій періодъ, когда она интересовалась только краснымъ солнышкомъ да тучею съ дождемъ, а не княземъ Владиміромъ и Соловьемъ-разбойникомъ, значило бы отказать народному эпосу въ его національномъ интересѣ для послѣдующихъ поколѣній, которыя въ своихъ герояхъ хотѣли воспѣвать болѣе близкое для себя, болѣе человѣческое, нежели устарѣлые миѳы о солнцѣ, дождѣ или громѣ“ (стр. 248—250). Въ этихъ словахъ указана существенная ошибка односторонняго стихійнаго толкованія, и было бы полезно, еслибы онѣ были поняты хотя теперь.

Какъ мы сказали, у г. Буслаева его теорія выростала въ цѣльное представленіе о народной поэзіи, какого еще не создала, съ своей точки зрѣнія, новѣйшая школа (по крайней мѣрѣ, у насъ). Старому изыскателю его тема рисовалась въ цѣлой исторической обстановкѣ русской жизни, доходя и до современнаго положенія народной поэзіи и народной образованности. Въ прежнее время взгляды г. Буслаева въ этомъ послѣднемъ отношеніи подавали иногда поводъ къ недоразумѣніямъ; недостаточно ясно проведена была черта, отдѣлявшая симпатіи страстнаго археолога и любителя народной поэзіи отъ другого рода пристрастій къ „патріархальной старинѣ“; но уже вскорѣ недоразумѣніе выяснилось: основаніемъ взглядовъ автора была теплая, нѣсколько романтически окрашенная, любовь къ народной поэзіи и къ самому народу, свободная, однако, отъ славянофильскихъ односторонностей (къ которымъ г. Буслаевъ всегда относился довольно враждебно), далекая отъ всякой непріязни къ образованію, которая, какъ извѣстно, нерѣдко сопровождала и сопровождаетъ любителей народности, особливо мнимыхъ. Любопытны въ этомъ смыслѣ начальныя страницы въ изслѣдованіи о русскомъ богатырскомъ эпосѣ.

„Народное“, которое слишкомъ часто отождествляется съ исключительностью и ея узкими и грубыми послѣдствіями, для г. Буслаева, напротивъ, нераздѣльно съ общечеловѣческимъ, и высшее развитіе „народнаго“ достигается только въ высокой области общечеловѣческихъ интересовъ просвѣщенія и искусства. „Литература, служа выраженіемъ жизни народа, имѣетъ бо́льшее или мѐньшее значеніе по народу, которому принадлежитъ, т.-е., чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію человѣка, тѣмъ значительнѣе его литература... Счастливъ тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣческія стремленія, народъ, который, раскрывая свою національ-

ность, двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственнаго и литературнаго развитія, какой только могъ достигнуть человѣческій разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи... Литература русская, какъ и прочихъ славянскихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою преклонились бы прочіе образованные народы... Только та національность полагаетъ прочныя для литературы основы, которая совпадаетъ въ своемъ развитіи съ исторіей цивилизаціи".

Въ старыхъ европейскихъ литературахъ долго и крѣпко держалась народно-поэтическая основа, которой не заглушалъ искусственный стиль поэзіи; въ старой русской литературѣ было не то. „На Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ древнѣйшихъ временъ рѣзко отдѣлились другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и крайне односторонняго клерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить, а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною стариною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности".

Но г. Буслаевъ, въ противоположность славянофиламъ, въ самой старой Россіи до-петровской не находилъ вполнѣ народнаго развитія: это послѣднее было и тогда оттѣснено „бѣднымъ и одностороннимъ направленіемъ клерикальнымъ нашей письменности"; г. Буслаевъ не увлекался также и исторической Москвой, которой грубая сила подавила многое изъ народныхъ зачатковъ старины... Новѣйшее обращеніе къ народности, возникшее среди подражательнаго періода нашей литературы, не внушало г. Буслаеву полнаго довѣрія; съ одной стороны, ему казалось, что это могло быть опять только новой формой подражанія и слѣдовательно дѣломъ поверхностнымъ, а съ другой, что эта народность, къ которой вдругъ почувствовали нѣжность, можетъ оказаться предметомъ эксплуатаціи въ цѣляхъ, постороннихъ народу, какъ это и бываетъ.

Каковы бы ни были новѣйшіе успѣхи изслѣдованій въ этой области, труды г. Буслаева, какъ видимъ, не совсѣмъ еще отходятъ въ исторію науки, какъ онъ это предполагаетъ: чрезвычайно интересные и съ этой исторической точки зрѣнія, они сохраняютъ современное значеніе, заявляя вопросы, на которые еще должна дать отвѣтъ новая школа, и служа живымъ примѣромъ, который внушаетъ,

съ одной стороны, необходимость болѣе широкихъ историческихъ обобщеній, и, съ другой, говоритъ о глубокомъ любящемъ чувствѣ къ предмету изученій.

Полагаемъ, что настоящая книга есть начало цѣльнаго изданія сочиненій г. Буслаева, и пожелаемъ, чтобы оно не замедлило появленіемъ въ свѣтъ въ своемъ полномъ составѣ.

— *Сергѣй Филипповъ. Поволжье, Донъ и Кавказъ.* Путевые эскизы и силуэты. Москва, 1887.

Насъ очень заинтересовало заглавіе этой книги. Наша литература не совсѣмъ счастлива въ отдѣлѣ путешествій: есть, правда, множество „путешествій", чрезвычайно важныхъ для науки и очень интересныхъ, но посвященныхъ почти исключительно только далекимъ, мало извѣстнымъ, странамъ, какъ въ особенности Средняя Азія; но страны ближайшія остаются почти безъ описаній. Наша литература можетъ гордиться именами Ѳедченка, Пржевальскаго, Потанина; наше Географическое Общество снаряжаетъ множество ученыхъ экспедицій—для изученія такихъ странъ нашего отечества, какъ Новая Земля, Амуръ, Уссурійскій край, Туркестанъ; оно снаряжало, впрочемъ, и этнографическія экспедиціи въ западный и юго-западный край, на архангельскій и вологодскій сѣверъ, но внутренняя Россія остается точно забыта, и этнографы не разъ справедливо жаловались, что, напр., московская губернія въ этнографическомъ отношеніи извѣстна гораздо меньше, чѣмъ архангельская и олонецкая.

Восточный край Россіи, избранный г. Филипповымъ цѣлью своего путешествія, принадлежитъ также къ числу недостаточно описанныхъ и, надо думать, представилъ бы не мало важнаго и любопытнаго въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Своеобразная природа, типы населенія, особенности быта даютъ обильный матеріалъ для наблюденій; взявши трудъ присмотрѣться къ этой жизни, познакомиться нѣсколько съ тѣми свѣдѣніями, какія разбросаны въ литературѣ о разныхъ ея сторонахъ и подробностяхъ, можно было бы дать любопытную картину для тѣхъ, кого занимаютъ вопросы „отечествовѣдѣнія". Къ удивленію, однако, въ нашей новѣйшей литературѣ нельзя указать буквально ни одной сносной книги о Поволжьѣ и Донѣ; картины Дона и совсѣмъ нѣтъ, о Волгѣ лучшими остаются все-таки старыя книги, въ родѣ путеводителя, изданнаго при участіи г. Боголюбова (исключаемъ изъ этого отзыва „Волгу" г. Рагозина, къ сожалѣнію, остановившуюся на первыхъ выпускахъ). Года два назадъ намъ случилось говорить о новѣйшемъ путеводителѣ по Волгѣ, изданномъ г. Монастырскимъ: книга, все-таки стоившая автору не мало труда, была довольно ужасна.

Чтó же даетъ новый путешественникъ?

Книга написана въ томъ стилѣ, который въ послѣднее время начинаетъ у насъ все больше распространяться—не къ выгодѣ литературы. Это — стиль надоѣдливой фельетонной болтовни, которая должна представлять легкость и остроумiе. Въ старое время, путешественникъ по Россiи (такихъ нѣсколько было) относился къ своему предмету безхитростно, но, сколько могъ, добросовѣстно, — онъ старался дать понятiе о характерѣ страны, объ исторiи и „достопримѣчательностяхъ" встрѣченнаго города, о „нравахъ", насколько умѣлъ ихъ наблюсти; все это могло быть не совсѣмъ полно, не очень глубоко, но писатель хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, быть обстоятельнымъ. Путешественникъ новѣйшаго типа настроенъ совершенно иначе: всего меньше заботитъ его эта обстоятельность; онъ не желаетъ утруждать себя историческими и этнографическими справками; достаточно двухъ-трехъ кое-гдѣ надерганныхъ свѣденiй; онъ выше этихъ скучныхъ мелочей и, главное, стремится быть занимательнымъ повѣствователемъ—для кафе-шантанной публики.

Г. Филипповъ какъ будто впередъ желаетъ устранить отъ своей книги всякiя строгiя требованiя, назвавши ее „путевыми эскизами и силуэтами". „Эскизъ" и „силуэтъ"—кто же будетъ относиться строго къ подобнымъ произведенiямъ искусства? Справедливо,—но эскизъ есть въ искусствѣ, такъ сказать, черновая работа, и обыкновенно художникъ держитъ эскизы у себя въ портфелѣ и выставляетъ уже оконченныя картины. Если эскизъ книжный простирается, какъ у г. Филиппова, на 750 страницъ, то у читателя можетъ, наконецъ, явиться оскомина: онъ ждетъ, чтобы авторъ не только болталъ и остроумничалъ, но когда-нибудь сказалъ и серьезное слово. Но г. Филипповъ, кажется, рѣшилъ не слушать этихъ скучныхъ притязанiй читателя.

Вводная глава заключаетъ путь „отъ Москвы до Нижняго-Новгорода"; но читатель ровно ничего не узнаетъ о томъ, чтó находится на пространствѣ отъ Москвы до Нижняго-Новгорода; онъ узнаетъ только, какой плохой извозчикъ везъ автора до вокзала нижегородской дороги въ Москвѣ, потомъ, съ какими купцами автору пришлось сидѣть въ вагонѣ, и какой былъ глупый кондукторъ, который, ѣдучи изъ Москвы, не зналъ, наведенъ ли мостъ черезъ Оку въ Нижнемъ, чтó желалось знать автору. Книжка начинается слѣдующимъ образомъ:

„— Да погоняй же! Вѣдь такъ опоздаемъ!

„— Доѣдемъ, не сумлѣвайтесь...

„Взъерошенная пѣгая лошаденка, уныло понуривъ голову, мелкой рысцой труситъ по избитой московской мостовой. А дождь все моро-

сить, не переставая, и, кажется, скоро всѣ мои вещи и меня самого можно будетъ выжимать на подобіе мокраго бѣлья,—по неволѣ станешь „сумлѣваться".

„Наконецъ, миновали заставу. Городъ остался далеко позади и грязныя постройки Рогожскаго предмѣстья неясно вырисовывались въ туманѣ дождливаго ненастнаго дня, сливаясь въ одну общую сѣро-желто-бурую массу".

Затѣмъ столь же интересное описаніе давки на вокзалѣ, потомъ:

„Третій звонокъ... Оберъ-кондукторъ торопливо пробѣжалъ вдоль линіи вагоновъ, давая на ходу свистокъ. Ему въ отвѣтъ рѣзко прохрипѣлъ свистъ локомотива... Платформа опустѣла".—Очень ново и любопытно. Затѣмъ нѣсколько словъ о вагонной публикѣ, объ упомянутомъ кондукторѣ, наконецъ: ...„дверь съ трескомъ отворяется, показывается кондукторъ. — Приготовьте билеты! Билеты, господа... Нижній!"

Все это, какъ видимъ, авторъ спокойно могъ бы сохранить у себя въ портфелѣ. Читатель уже сдѣлалъ часть пути и встрѣтилъ пока у г. Филиппова одну, ни на что̀ не нужную, болтовню. Въ дальнѣйшихъ разсказахъ все такіе же „эскизы и силуэты"; авторъ соперничаетъ съ г. Лейкинымъ (до г. Немировича-Данченко ему очень далеко) въ описаніи встрѣчныхъ мужичковъ, купцовъ, барынь, франтовъ, очень ядовито надъ ними подшучиваетъ, и наполняетъ этимъ хламомъ половину книги. Важное и неважное одинаково быстро мелькаютъ передъ авторомъ, въ описаніи преобладаетъ разговорная форма, т.-е., что̀ можно сказать на двухъ строкахъ, говорится на двадцати; разсказы купцовъ или мужичковъ передаются съ свойственными имъ „идіотизмами" языка,—намъ все кажется, не подслушанными на мѣстѣ, а изученными у того же г. Лейкина.

Вторая глава о Нижнемъ-Новгородѣ начинается замѣчаніемъ, что „Нижній—кладъ для туриста"; но нашъ авторъ мало воспользовался кладомъ. „Прошлое города" изображено на нѣсколькихъ страницахъ отрывочными выписками изъ книжки г. Гацискаго: объ основаніи города княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, о мордовскихъ легендахъ по этому поводу, и т. п.; упомянуты затѣмъ Козьма Мининъ, перенесеніе ярмарки изъ Макарьева въ Нижній, основаніе слободы Кунавина. „Вотъ и вся исторія Нижняго", исторія столь скудная, что о ней не стоило бы и тревожиться. — Въ слѣдующей главѣ рѣчь о ярмаркѣ; свѣденія объ ея оборотахъ кончаются у г. Филиппова 1875 годомъ, и онъ „къ сожалѣнію не могъ добыть такихъ же свѣденій за послѣдующіе годы".

И такимъ образомъ на всю книгу—отрывочныя свѣденія, мелькающія имена мѣстностей, безчисленныя, но въ большинствѣ очень

мало интересныя „картинки нравовъ", съ ломанымъ „народнымъ" языкомъ, и т. п.

А между тѣмъ какой любопытной книгой могло бы быть путешествіе по этому краю—цѣлой громадной странѣ восточной Россіи, еслибы положено было на это хоть нѣсколько внимательнаго изученія, и велся бы разсказъ просто, безъ притязаній и потугъ фельетоннаго остроумія.—А. В.

— *Внѣшняя политика императора Николая I.* Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху севастопольской войны. *С. С. Татищева.* Спб., 1887.

Трудъ г. Татищева представляетъ собою критическій обзоръ дѣятельности русской дипломатіи отъ временъ „священнаго союза" до начала пятидесятыхъ годовъ, съ точки зрѣнія нынѣшнихъ „Московскихъ Вѣдомостей". Авторъ слѣдуетъ весьма удобной системѣ, усвоенной впервые „патріотами" названной газеты; онъ разсматриваетъ русскую дипломатію какъ нѣчто отдѣльное и независимое отъ русскаго правительства, и, восхваляя послѣднее, смѣло критикуетъ политику, руководимую будто бы посторонними для Россіи людьми. По изложенію г. Татищева выходитъ, что наши дипломаты, при имп. Николаѣ I, не только не выражали истинныхъ намѣреній и цѣлей русскаго правительства, но даже противодѣйствовали имъ въ угоду Австріи или Англіи, какъ будто графъ Нессельроде самъ назначилъ себя министромъ иностранныхъ дѣлъ и не имѣлъ надъ собою никакой власти, а баронъ Брунновъ насильно присвоилъ себѣ званіе русскаго представителя въ Лондонѣ. Всѣ ошибки и роковыя заблужденія политики того времени объясняются для автора очень просто: виноваты были иновѣрцы и иностранцы, дѣйствовавшіе отъ имени Россіи и увлекавшіе ее на невѣрный путь. Придерживаясь этой несложной точки зрѣнія, авторъ долженъ былъ бы зачислить въ инородцы такихъ несомнѣнно русскихъ людей, какъ „покорный слуга Меттерниха, Татищевъ" (стр. 141), посланникъ въ Константинополѣ, Бутеневъ и др.; и наоборотъ, чисто-русскими дѣятелями оказываются дѣйствительные иностранцы, графы Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Независимо отъ такой неудачной основной идеи, объемистая книга г. Татищева, по своему фактическому содержанію, заслуживаетъ серьезнаго вниманія русскихъ читателей, потому что авторъ мимоходомъ даетъ богатый матеріалъ для правильной оцѣнки прошлыхъ политическихъ ошибокъ, для пониманія ихъ причинъ и условій; и каждый можетъ изъ этого матеріала дѣлать свои собственные выводы, не стѣсняясь авторскимъ освѣщеніемъ, явно одностороннимъ и поверхностнымъ. Сверхъ печатныхъ источниковъ и обширной литературы предмета, авторъ пользовался

еще рукописнымъ „Обзоромъ политики русскаго кабинета" въ царствованіе императора Николая, составленнымъ въ 1839 году барономъ Брунновымъ для тогдашняго наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича.

Г. Татищевъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что, „для успѣшнаго состязанія съ иностранной дипломатіей, нашимъ представителямъ необходимо усвоить себѣ такія же познанія, при одинаковой степени трудолюбія и серьезнаго отношенія къ своему дѣлу". Очевидно, „нельзя допустить, чтобы драгоцѣннѣйшіе государственные интересы Россіи ввѣрялись людямъ, недостаточно образованнымъ, несвѣдущимъ по своей спеціальности и, слѣдовательно, поставленнымъ, по отношенію къ чужеземцамъ, съ которыми имъ пришлось бы имѣть дѣло, въ положеніе неловкое, затруднительное и унизительное. Это было бы равносильно отправленію арміи, вооруженной дрекольями, въ походъ противъ непріятеля, снабженнаго по части оружія всѣми усовершенствованіями науки и техники". Но, кромѣ спеціальной подготовки, нужно еще нѣчто другое, болѣе существенное; нужно точное знаніе политическихъ цѣлей, которыхъ требуется достигнуть для пользы и блага страны; а для этого необходимо широкое пониманіе дѣйствительныхъ интересовъ и потребностей государства и народа. Такое пониманіе не дается дипломатическою рутиною или строго-канцелярскимъ способомъ обсужденія текущихъ вопросовъ; отсюда является возможность коренныхъ недоразумѣній, противъ которыхъ не помогутъ самыя лучшія качества и орудія дипломатіи. Вмѣсто реальныхъ интересовъ, мы видѣли призраки, которымъ все приносилось въ жертву; силы и средства государства щедро отдавались въ распоряженіе чужихъ державъ, умѣвшихъ пользоваться нашею наклонностью къ фантазированію. Удивительнѣе всего то, что готовность расточать кровь народную для пользъ иностранныхъ кабинетовъ считалась доказательствомъ возвышенныхъ свойствъ внѣшней политики. Пренебреженіе къ нуждамъ и бѣдствіямъ собственной страны составляло главную основу политической программы, господствовавшей въ международныхъ отношеніяхъ Россіи до крымской войны. Эта особенность русской политики коренилась, по взгляду г. Татищева, въ обстоятельствахъ чисто-личныхъ и случайныхъ—въ довѣрчивости и великодушіи нашихъ государственныхъ дѣятелей, въ своекорыстіи и лукавствѣ иноземныхъ правительствъ. Авторъ упускаетъ изъ виду, что отвлеченныя воззрѣнія, предписанныя въ руководство нашимъ дипломатамъ, имѣли очень мало общаго съ потребностями и условіями русской дѣйствительности. У насъ не было общественнаго мнѣнія, или оно было слишкомъ безсильно, чтобы способствовать правильному пониманію политическихъ задачъ Россіи.

Г. Татищевъ, конечно, не одобряетъ владычества Меттерниха въ нашей внѣшней политикѣ; но австрійскій министръ успѣлъ пріобрѣсть „безграничное довѣріе“ императора Александра I и направлялъ его дѣйствія къ выгодамъ Австріи. Князь Меттернихъ возвысилъ значеніе своего „послушнаго и преданнаго ученика и послѣдователя, маленькаго Нессельроде“ (стр. 12), бывшаго съ тѣхъ поръ русскимъ министромъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Слѣдуя австрійскимъ внушеніямъ, Россія высказалась рѣшительно противъ стремленія грековъ освободиться отъ „законной“ турецкой власти. Чтобы помочь австрійцамъ подавить итальянцевъ, императоръ Николай, „снисходя на просьбу Меттерниха, приказалъ отпустить заимообразно австрійскому правительству шесть милл. рублей изъ нашего государственнаго казначейства“ (стр. 43). Россія энергически противодѣйствовала національному движенію въ Германіи и даже грозила Пруссіи военнымъ вмѣшательствомъ, въ союзѣ съ Австріею; за это „гнѣвъ германскихъ патріотовъ преимущественно обрушился на Россію“. Никакихъ самостоятельныхъ русскихъ интересовъ не признавалось въ ту эпоху. „Не разъ, со своего воцаренія,—говоритъ г. Татищевъ,—ставилъ онъ (императоръ Николай) всѣ свои силы въ распоряженіе Австріи и Пруссіи, а въ 1849 году доказалъ, что предложенія его не были пустою фразою, разсчитанною на эффектъ. И не однихъ, такъ сказать, ближайшихъ союзниковъ своихъ готовъ онъ былъ защищать русскою кровью. Совокупность поземельнаго status quo Европы, установленнаго договорами, имѣла, по его убѣжденію, право на его покровительство. Онъ одинаково былъ расположенъ послать русскія войска на помощь Голландіи, противъ возставшей Бельгіи въ 1830 году, и этой же самой Бельгіи, узаконенной обще-европейскимъ признаніемъ, противъ завоевательныхъ замысловъ Франціи въ 1852 году“ (стр. 125). Мы облегчили англичанамъ сблизиться съ Франціею, „лично оскорбивъ императора французовъ оговорками, сопровождавшими его признаніе, и отказомъ въ дарованіи ему обычнаго привѣтственнаго титула“ (стр. 128). Г. Татищевъ довольно рѣзко осуждаетъ „дипломатическаго Молчалина, сорокъ лѣтъ управлявшаго внѣшними сношеніями Россіи“ (стр. 192, примѣч.); но дѣло не въ личности министра, а въ тѣхъ принципахъ, которые были для него обязательны. По мнѣнію автора, императору Николаю недоставало „дипломатовъ, русскихъ умомъ и душой“; особенно неудачны были представители на востокѣ, отличавшіеся „корыстолюбіемъ и продажностью“. Графъ Киселевъ жаловался, что „мы имѣли талантъ населить весь край (дунайскія княжества) греками изъ Перы и ими раздражить всѣхъ противъ нашего правительства; теперь одного плута отозвали и замѣнили другимъ... т.-е. промѣняли кукушку на ястреба“ (стр. 221). Говоря о неспра-

ведливыхъ дѣйствіяхъ нашихъ относительно Греціи, авторъ объясняетъ ихъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „судьбы единовѣрнаго намъ народа призваны были рѣшать, въ качествѣ представителей Россіи, три иновѣрца: уполномоченные наши на лондонской конференціи, лютеранинъ Ливенъ и католикъ Матушевичъ, и самъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде, принадлежавшій, какъ извѣстно, къ англиканскому исповѣданію“ (стр. 274). Авторъ забываетъ, что противъ освобожденія грековъ возставалъ и императоръ Александръ, который даже разошелся съ своимъ министромъ, графомъ Каподистріею, подъ вліяніемъ австрійскаго канцлера. Въ защиту грековъ выступила Англія; она же впослѣдствіи добилась расширенія границъ новаго королевства, послѣ добровольнаго отреченія нашего отъ результатовъ, добытыхъ русскими побѣдами по ту сторону Балканъ“ (стр. 273). Результатъ былъ обычный: „та самая Греція, которая должна была дополнить собою систему политическаго преобладанія нашего на востокѣ, оказалась державой не только намъ не дружественною, но и прямо враждебною“, такъ что „первый опытъ учрежденія независимаго христіанскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ обратился въ явный намъ ущербъ“. Дунайскія княжества, которыя сама Порта предлагала присоединить къ русскимъ владѣніямъ, были очищены нами по просьбѣ Меттерниха, и „такимъ образомъ существенный русскій интересъ, самимъ императоромъ Николаемъ признанный за таковой, былъ принесенъ въ жертву соображеніямъ общей политики“. Подводя „итоги нашей дипломатической дѣятельности въ единовѣрныхъ намъ христіанскихъ княжествахъ Балканскаго полуострова въ первое десятилѣтіе по заключеніи адріанопольскаго трактата“, авторъ признаетъ ихъ крайне неудовлетворительными. „Несмотря на впечатлѣніе, произведенное нашими побѣдами, на обширныя права, предоставленныя намъ мирнымъ договоромъ, русское вліяніе отнюдь не усилилось ни въ дунайскихъ княжествахъ, ни въ Сербіи, и если оно не упало тамъ окончательно, какъ въ Греціи, то благодаря исключительно той, чисто внѣшней, зависимости, въ которую области эти были поставлены трактатами относительно русскаго двора. Не было сдѣлано ни малѣйшей попытки связать ихъ интересы нравственные и матеріальные съ нашими, развить и упрочить тѣ задатки общенія, которые заключались въ единствѣ вѣры, отчасти въ племенномъ родствѣ, наконецъ въ историческихъ преданіяхъ“ (стр. 334). Но почти то же самое приходится повторять теперь относительно Болгаріи, ибо одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя послѣдствія. Во время борьбы между Египтомъ и Турціею, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, русскія войска защищали султана, и если мы ничего этимъ не достигли, то только вслѣдствіе, будто бы, „ошибокъ, со

вершенныхъ вялою и безцвѣтною нашей дипломатіею", а также по „отсутствію единства и согласія между тремя нашими мѣстными представителями—дипломатическимъ, военнымъ и морскимъ" (стр. 374 и 381). Австро-русское соглашеніе 1833 года вытекало изъ мотивовъ, которые, по отзыву автора, „не выдерживаютъ и самой снисходительной критики". Наше политическое положеніе, столь могущественное съ виду, не имѣло подъ собою надежной почвы. „Матеріальныхъ интересовъ у насъ какъ бы вовсе не существовало на востокѣ... Но, за неимѣніемъ собственныхъ матеріальныхъ интересовъ, у насъ несомнѣнно были на востокѣ интересы нравственные, вѣковые, историческіе...; для поддержанія и развитія этихъ нравственныхъ интересовъ нашею дипломатіею не было сдѣлано ровно ничего... Съ господарями валашскимъ и молдавскимъ, съ сербскимъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ, мы находились въ отношеніяхъ самыхъ натянутыхъ и чуть ли не враждебныхъ. О Греціи и говорить нечего" (стр. 415). Авторъ во всемъ винитъ отдѣльныхъ нашихъ дипломатовъ, хотя въ одномъ мѣстѣ онъ самъ же замѣчаетъ, что „обвиненіе въ негодности орудія—пріемъ, свойственный людямъ, не умѣющимъ съ нимъ обращаться" (стр. 305).

Г. Татищевъ утверждаетъ, что ходъ нашей восточной политики не согласовался будто-бы „съ личными воззрѣніями императора Николая, съ высочайшею волею его", такъ какъ „о дѣйствительномъ направленіи нашей дипломатіи на востокѣ онъ знать не могъ" (стр. 419). По этой будто бы причинѣ „восточная политика Россіи потекла не по тому руслу, которое мы сами признали соотвѣтствующимъ нашимъ нуждамъ, пользамъ и достоинству, а по другому, прорытому руками нашихъ недруговъ, явныхъ и тайныхъ, нашихъ вѣковыхъ соперниковъ" (стр. 457). Крупнѣйшіе промахи совершаются будто бы случайно, помимо нашей воли, по внушеніямъ того или другого противника; такъ, въ угоду Пальмерстону, „мы собственными руками раздѣлываемъ дѣло, совершенное цѣлымъ рядомъ русскихъ поколѣній", обезсиливаемъ себя и, отказываясь отъ правъ своихъ, теряемъ наше нравственное обаяніе, плодъ вѣковыхъ усилій и блестящихъ побѣдъ военныхъ и дипломатическихъ" (стр. 517).

Почему все это случалось только съ нами и чѣмъ объяснить нашу несостоятельность во внѣшней политикѣ, сравнительно съ Австріею или Англіею,—объ этомъ г. Татищевъ даже не ставитъ себѣ вопроса. Онъ упоминаетъ, правда, о превосходствѣ британской политики, „ясной и опредѣленной въ своихъ цѣляхъ, смѣлой и рѣшительной въ средствахъ" (стр. 557), но онъ не входитъ въ разборъ причинъ, почему эти преимущества оказались для насъ какъ бы недоступными. Въ сороковыхъ годахъ русское правительство заявляло твердую рѣ-

шимость „не поощрять стремленій христіанскаго населенія Турціи освободиться изъ-подъ ея власти“; въ случаѣ надобности, мы вызывались даже „честно поддержать Порту въ усиліяхъ ея къ усмиренію ея мятежныхъ подданныхъ“ (стр. 566), и это послѣ ряда войнъ на защиту христіанскихъ народностей, подвластныхъ туркамъ! Даже г. Татищевъ не находитъ оправданія подобной политикѣ, противной, какъ онъ говоритъ, „истинѣ и здравому смыслу“. Опять-таки виновата тутъ наша „наносная, въ полномъ смыслѣ слова внѣземельная, дипломатія“, которая, несмотря на все свое усердіе, должна была стушеваться передъ сознательною энергіею Пальмерстона и сэра Стратфорда-Каннинга. При этомъ „собственное наше дипломатическое положеніе на Босфорѣ было, просто-на-просто, сведено къ нулю“ (стр. 626). Изъ нашихъ постоянныхъ ошибокъ и изъ послѣдовавшей затѣмъ крымской кампаніи авторъ извлекаетъ какой-то „вѣчный, непреложный законъ исторіи“, котораго онъ, однако, не формулируетъ.

Книга г. Татищева, какъ значится на заглавномъ листѣ ея, „рекомендована министерствомъ народнаго просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ“. Этимъ какъ будто признается польза ознакомленія учащихся съ нашей внѣшнею политикою и съ критическою ея оцѣнкою, какъ непрерывнаго ряда ошибокъ, хотя истинное пониманіе международныхъ вопросовъ доступно лишь болѣе зрѣлому возрасту, который одинъ можетъ и въ самомъ трудѣ автора отличить, что́ въ немъ заслуживаетъ вниманія, какъ въ сборникѣ фактовъ и документовъ, и что́ должно быть отвергнуто, какъ напускное и поддѣльное.—Л. С.

ЗАМѢТКА.

Университетъ въ Италіи.

— *Cogliolo*, Malinconie universitarie. Firenze, 1887.

Къ вопросамъ, давно стоящимъ на очереди и во вниманіи правительства, и въ сужденіяхъ прессы, и въ ожиданіяхъ общества, принадлежитъ въ Италіи и университетскій. Книжка проф. Кольоло даетъ полное понятіе о его нынѣшнемъ положеніи, освѣщая его возможно объективно, не скрывая и точки зрѣнія автора, какъ заинтересованнаго лица. Но этотъ интересъ не эгоистическій; Кольоло

глубоко проникнутъ важностью самаго дѣла, любовью къ идеѣ университета, взлелѣянной когда-то въ Италіи, развившейся у нѣмцевъ, такъ что итальянцамъ приходится теперь перенимать изъ Германіи свое же достояніе, съ которымъ они не умѣли справиться. Кольоло— поклонникъ нѣмецкихъ университетскихъ порядковъ; глава, посвященная воспоминаніямъ о гейдельбергскомъ юбилеѣ, написана съ неподдѣльной симпатіей; но въ этой симпатіи есть мѣра. Разбирая вопросъ о стилѣ и содержаніи университетскихъ лекцій, онъ открыто высказывается противъ французскаго метода чтенія (нынѣ, впрочемъ, рѣже практикуемаго, чѣмъ прежде), построеннаго на фразахъ и риторическихъ оборотахъ, трескучаго, но мало содержательнаго и слишкомъ общаго; но и спеціальные курсы нѣмецкихъ профессоровъ, которымъ нынѣ подражаютъ молодые итальянскіе преподаватели, кажутся ему столь же непригодными для цѣлей университетской практики, какъ и первые; между тѣми и другими нѣтъ выбора, но настанетъ необходимость примиренія съ чѣмъ-то среднимъ.

Чтò особенно прельщаетъ Кольоло въ Германіи—это свѣжесть и цѣльность университетскаго быта (vita universitaria), близкое общеніе профессоровъ съ студентами въ работахъ и бесѣдахъ запросто, основанное на взаимномъ признаніи, на уваженіи къ наукѣ и ея представителямъ, на общей любви къ alma mater, память о которой всякій нѣмецкій студентъ хранитъ до гроба, тогда какъ итальянскій—спѣшитъ забыть о ней за стѣнами аудиторіи. Въ этой картинѣ не послѣднюю роль играетъ, по мнѣнію Кольоло, и декоративный элементъ, котораго итальянцы начинаютъ стыдиться, какъ чего-то дѣтскаго въ тѣхъ немногихъ его проявленіяхъ, которыя еще пощадило время, ибо и торжественное празднованіе университетской годовщины, и церемонія поставленія новаго доктора, и кое-гдѣ сохранившіяся профессорскія тоги—все это было когда-то и въ Италіи обставлено тѣмъ живописнымъ рисункомъ, который, не обращаясь къ уму, питаетъ воображеніе и чувства, создавая любовь—къ знамени. Всего этого не создать, если оно уже не дано жизнью, но можно поддержать, чтò еще есть на памяти и несомнѣнно было въ исторіи. Старые порядки итальянскихъ средневѣковыхъ университетовъ во многомъ напоминаютъ нынѣшніе нѣмецкіе, и мелкіе университеты гдѣ-нибудь въ Камерино или Мачератѣ архаистичнѣе, напр., неаполитанскаго.

Матеріалъ, стало быть, есть; есть и отличныя рабочія силы; число студентовъ въ Италіи достигло въ прошломъ году почтенной цифры 14.633; но нѣтъ того, чтò дѣлаетъ университетъ живымъ институтомъ: нѣтъ любви къ нему ни въ профессорахъ, ни въ студентахъ. Послѣдніе только вторятъ первымъ, но и эти первые несутъ не свою вину. Кольоло повторяетъ отзывъ Савиньи изъ 1825-26-хъ годовъ, остаю-

щійся въ силѣ и донынѣ, что необезпеченность итальянскихъ профессоровъ, ограниченныхъ скуднымъ жалованьемъ, по-неволѣ отвлекаетъ ихъ, при всей любви къ наукѣ, отъ исключительнаго занятія ею. Приходится кормить семью, заботиться о ея будущемъ, и вотъ для медиковъ и юристовъ каѳедра становится чѣмъ-то побочнымъ, занимающимъ въ ихъ интересахъ не главное, а второстепенное мѣсто, ибо на первомъ становится адвокатская и медицинская практика. Философы, классики, ботаники поставлены въ этомъ отношеніи хуже, ибо на нихъ въ обществѣ нѣтъ спроса; одинъ бывшій коллега Кольоло соединялъ съ профессурой должность взимателя коммунальныхъ податей, другой—торговлю на ярмаркахъ лошадьми, третій занимался продажей старыхъ почтовыхъ марокъ; обезпечивъ профессоровъ хорошимъ жалованьемъ, предоставивъ людей науки ей одной, безъ необходимости искать заработка внѣ ея, правительство въ правѣ потребовать отъ нихъ того, чего они дать теперь не могутъ или даютъ, заработываясь черезъ силу и во вредъ здоровью. Эти требованія,—отдѣлить и въ профессорской средѣ овецъ отъ козлищъ,—люди, въ самомъ дѣлѣ преданные наукѣ, ограничатъ дѣятельностью въ университетѣ всѣ свои симпатіи, а встрѣчная симпатія слушателей не замедлитъ явиться. Для этого необходимы прежде всего средства: was die Wissenschaft vom Staate fordert, ist Geld, повторяетъ Кольоло слова министра Нокка, сказанныя имъ недавно на 50-лѣтнемъ юбилеѣ Гейдельберга. Но надо также, по ихъ мнѣнію, чтобы и слушатели лично оплачивали преподавателей; это создало бы между ними отношенія, какія обычны теперь въ Германіи, а въ былое время существовали и въ средневѣковой Италіи. Любишь особенно то, за что самъ сознательно платишь,—говоритъ Кольоло, ибо студентъ будетъ самостоятельно выбирать изъ двухъ-трехъ преподавателей одного предмета того, свѣденія котораго свѣжѣе и полнѣе въ избранной имъ наукѣ, и предпочтетъ талантъ посредственности. Выборъ опредѣлится не столько знаніемъ выбирающаго, сколько молвой, репутаціей выбираемаго: ошибки тутъ возможны, но поправимы отъ семестра къ семестру, тогда какъ подсказанный свыше выборъ часто приводитъ къ скандалу, въ родѣ недавно бывшаго, по разсказу Кольоло, въ Неаполѣ, гдѣ нѣкоторые правительственные, „уравненные“ (pareggiati) профессора изобрѣли средство заполучать побольше студенческихъ подписей, что̀ и дало какой-то газетѣ поводъ посмѣяться надъ этой „уравненной кражей“, furto pareggiato.

Мы не останавливаемся на многихъ вопросахъ, касающихся университета и поднятыхъ Кольоло съ знаніемъ дѣла и рѣдкой объективностью: о гарантіяхъ выбора въ профессора людей, дѣйствительно стоющихъ этого званія; объ испытаніяхъ студентовъ, которыя онъ

желалъ бы свести къ одному, окончательному и предметному, отбываемому по окончаніи курса. Одинъ вопросъ мы не обойдемъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что авторъ касается его въ началѣ книги: вопросъ о необходимости отмѣнить систему одинаковаго вознагражденія для всѣхъ профессоровъ вообще, ибо если одинъ ремесленникъ оплачивается больше другого, потому что лучше его работаетъ, то почему бы не сдѣлать такой же естественной разницы и между представителями науки, не становя подъ одну мѣрку людей талантливыхъ, если не геніальныхъ, съ рядовыми? И въ этомъ взглядѣ авторъ опирается на примѣръ Германіи. Приложима ли эта мѣрка въ другихъ странахъ—вотъ вопросъ, надъ которымъ можно задуматься. Кто будетъ судьей выдающейся талантливости? Общественное мнѣніе, репутація тутъ ни-при-чемъ; оба эти критерія могутъ быть обманчивы; мнѣнія товарищей, представителей науки,—слишкомъ часто субъективны и односторонни, и чувство товарищества можетъ одолѣть истину, а министерство, если даже представить его себѣ верховнымъ ученымъ ареопагомъ, находится въ томъ же положеніи. Приходится предоставить пока одной Германіи право предпочтенія, требующее, какъ посылку, сильно развитыхъ въ обществѣ научныхъ интересовъ, ибо не всѣмъ дозволено, что̀ дозволено Юпитеру.

Проектъ университетской реформы въ Италіи давно выработанъ и поданъ въ сенатъ, на разсмотрѣніе котораго онъ поступитъ въ скоромъ времени. Кольоло разбираетъ, въ одобрительномъ и отрицательномъ смыслѣ, положенія новаго проектируемаго устава, создать который подобало бы, по его мнѣнію, общему съѣзду профессоровъ, какъ естественныхъ знатоковъ университетской жизни и ея требованій и надеждъ. Спросъ по факультетамъ, учиненный министерствомъ Бонги, оказался безполезнымъ, по его собственному признанію: въ факультетѣ человѣкъ болѣе или менѣе связанъ, и его рѣшенія односторонни; въ обще-итальянскомъ университетскомъ съѣздѣ онъ почувствуетъ себя болѣе свободнымъ, особнякомъ, обязаннымъ сказать свое, не чужое, слово подъ бдительнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія и неумолимой прессы. Съ мнѣніями, такимъ образомъ высказанными, министерство обязано будетъ считаться. Это не то, что̀ назначенныя сверху коммиссіи, передъ которыми Кольоло ощущаетъ и трепетъ, и приливы неподдѣльнаго юмора. Коммиссіи въ Италіи, должно быть, одолѣли; ихъ созидаютъ по всякому поводу и мелочному вопросу, коммиссіи постоянныя и временныя, осѣдлыя и странствующія, такъ что, предлагая пріятелю завтракъ въ ресторанѣ, опасаются услышать зловѣщія слова:—Не могу, я состою въ такой-то коммиссіи.—Недостаетъ пока одной: коммиссіи для выработки устава коммиссій!

Такъ или иначе, законъ о новой, болѣе широкой и удовлетворительной, организаціи университетовъ уже находится на очереди, и намъ остается пожелать его скорѣйшаго обнародыванія. То, что̀ мы о немъ знаемъ, дѣйствительно поспособствуетъ къ развитію не только университетской науки, но и быта; онъ сохранитъ, вѣроятно, и мелкіе итальянскіе университеты, которые иные считаютъ полезнымъ сократить въ пользу болѣе многолюдныхъ университетскихъ центровъ. Кольоло защищаетъ право первыхъ на равное, дѣятельное существованіе; нѣкоторая неравномѣрность въ распредѣленіи числа слушателей между 21-мъ итальянскимъ университетомъ легко можетъ быть устранена основаніемъ въ захолустныхъ университетахъ стипендій, которыя отвлекутъ отъ другихъ излишекъ студентовъ. Сами по себѣ, провинціальные университеты полезнѣе столичныхъ въ извѣстномъ отношеніи и мѣрѣ: они болѣе сосредоточиваютъ юношу на первыхъ двухъ курсахъ, предлагая менѣе развлеченій и болѣе научнаго сближенія съ товарищами и профессорами; кончающимъ Кольоло совѣтуетъ, согласно съ нѣмецкимъ usus'омъ, посѣщеніе какого-нибудь первокласснаго университета, гдѣ къ вліянію извѣстныхъ преподавателей присоединится и выгода болѣе разнообразнаго товарищества и бо̀льшая широта общественныхъ интересовъ, слагающихся въ ученомъ и въ человѣкѣ. — Но есть и еще одна причина, которая именно въ Италіи поддержитъ существованіе многихъ университетовъ, въ родѣ „свободнаго" въ Камерано, въ Мачератѣ (съ 109 студентами противъ 3,894 въ Неаполѣ), Феррарѣ и др.: это—сочувствіе городовъ, ибо въ Италіи города и университеты связаны вѣковыми воспоминаніями, и если въ былое время послѣдніе были для первыхъ статьей дохода и почетомъ вмѣстѣ, теперь почетъ поддерживается преданіемъ, которое обязываетъ къ подражанію. Модена, Парма и Сіэна жертвуютъ до 100.000 франковъ въ годъ на свои университеты, добиваясь лишь признанія ихъ, со стороны парламента, первоклассными; Генуя, Мессина и Катанія принесли въ прошломъ году громадныя жертвы тому же дѣлу; Флоренція дала на стипендіи 200 тысячъ франковъ, Павія—42 т., Сассара—70 т.; недавно Неаполь вотировалъ своему университету 100 тыс., Туринъ—50 т. ежегодно, не считая 1½ милліона, назначеннаго городомъ на постройку новыхъ лабораторій. Едва ли подобное сочувствіе найдется гдѣ-либо, кромѣ развѣ Германіи; едва ли гдѣ-либо есть такая же готовность жертвовать на университетское дѣло. Въ Италіи это вопросъ забытый, но обновляющійся исторической традиціей.

А. В—скій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюня 1887.

Старый, но все еще нерѣшенный вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи.—Отчетъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ.—Судьба женскихъ врачебныхъ курсовъ.—„Двойная бухгалтерія", примѣняемая къ суду.—Новыя нападки на судъ присяжныхъ.—Еще перлъ лже-консервативной критики.

Ровно годъ тому назадъ мы говорили на этомъ мѣстѣ о прекращеніи пріема на высшіе женскіе курсы, въ виду возбужденія министерствомъ народнаго просвѣщенія общаго вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Намъ казалось уже тогда, что первое не вытекало съ необходимостью изъ послѣдняго, что дѣятельность курсовъ могла продолжаться и во время обсужденія ихъ дальнѣйшей судьбы, подобно тому, какъ дѣятельность университетовъ не останавливалась ни на минуту во время продолжительной подготовки новаго университетскаго устава. Еще яснѣе всѣ послѣдствія ничѣмъ, повидимому, не вызваннаго перерыва обнаруживаются теперь, когда существованіе высшихъ женскихъ курсовъ по прежнему виситъ на воздухѣ, а сфера ихъ дѣйствія уменьшается все больше и больше. Съ будущаго учебнаго года на петербургскихъ (бестужевскихъ) курсахъ останутся только двѣ группы слушательницъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ; средства курсовъ, составляющіяся преимущественно изъ взносовъ за ученье, оскудѣютъ еще больше. Между тѣмъ многіе изъ обязательныхъ расходовъ не состоятъ въ прямомъ отношеніи къ числу слушательницъ; такова, напримѣръ, уплата процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ для постройки дома, въ которомъ теперь помѣщаются курсы. Они переживаютъ, такимъ образомъ, финансовый кризисъ, застигшій ихъ именно въ то время, когда они только-что стали на ноги и имѣли полное основаніе вѣрить въ свою прочность. Можно надѣяться, что они выдержатъ этотъ кризисъ, выдержатъ его съ помощью того же общественнаго сочувствія, которому они обязаны своимъ быстрымъ ростомъ; но для этого необходимо, чтобы неизвѣстность, до сихъ поръ тяготѣющая надъ ними, прекратилась какъ можно скорѣе. Слишкомъ тяжело было бы допустить мысль, что бестужевскимъ курсамъ, какъ и всѣмъ другимъ учрежденіямъ этого рода въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, суждено закрыться, хотя бы на время, хотя бы только для того, чтобы немедленно возродиться изъ пепла. Непрерывность развитія—чрезвычайно важное условіе для успѣшнаго хода дѣла. Всѣ данныя для разрѣшенія вопроса о высшемъ жен-

скомъ образованіи имѣются на-лицо, и ничто, повидимому, не оправдываетъ дальнѣйшей отсрочки. Нужно отдать справедливость комитету, завѣдывающему петербургскими курсами; онъ сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы облегчить исполненіе задачи, возложенной на правительственную коммиссію. Его докладная записка, представленная коммиссіи еще осенью прошлаго года [1]), заключаетъ въ себѣ цѣлый арсеналъ доводовъ для защиты курсовъ и для борьбы съ ихъ противниками. Нѣтъ ни одной стороны дѣла, которая осталась бы невыясненною, ни одного обвиненія или упрека, которые остались бы неопровергнутыми. Всѣ характеристическія черты высшихъ женскихъ курсовъ выступаютъ на видъ одинаково рельефно и всѣ ведутъ къ одному заключенію, безусловно благопріятному для курсовъ.

Враги высшаго женскаго образованія любятъ выставлять его созданіемъ моды, искусственно призваннымъ къ жизни и искусственно поддерживаемымъ. Факты и цифры, приводимыя въ докладной запискѣ комитета, доказываютъ еще разъ всю несостоятельность этого мнѣнія. Подъ вліяніемъ моды можно, пожалуй, посѣщать лекціи, ничего за нихъ не платя, относясь къ нимъ совершенно пассивно и бросая ихъ при первыхъ признакахъ утомленія или пресыщенія; но когда лекціи посѣщаются исправно, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, когда столь же исправно сдаются репетиціи и экзамены, исполняются обязательныя работы, когда плата за ученье вносится изъ собственныхъ средствъ слушательницъ, и когда все это дѣлается исключительно изъ любви къ знанію, а не въ ожиданіи какихъ-либо правъ и преимуществъ, то говорить о модѣ, о мимолетномъ увлеченіи, о панурговомъ стадѣ—или недобросовѣстно, или смѣшно. Весьма знаменательна, съ этой точки зрѣнія, параллель, проводимая комитетомъ между бестужевскими курсами и петербургскимъ университетомъ. Изъ числа студентовъ не внесли, въ 1885 г., платы за слушаніе лекцій около 45%, изъ числа слушательницъ—только 8%. При бестужевскихъ курсахъ нѣтъ ни стипендій, ни общества для пособія нуждающимся курсисткамъ; огромное большинство слушательницъ сами взносятъ плату за ученье, сами добываютъ себѣ средства къ жизни. Безъ сомнѣнія, это ничего не доказываетъ противъ университета,—но это свидѣтельствуетъ о томъ, сколько энергіи нужно для слушательницъ высшихъ курсовъ, сколько жертвъ онѣ должны принести, чтобы достигнуть цѣли. Тѣмъ болѣе характеристично небольшое, сравнительно, число слушательницъ, оставляющихъ курсы до окончанія ученья. Если процентное отношеніе переходящихъ со второго курса на третій и съ третьяго на четвертый почти одно и то же

[1]) Она только-что вышла въ свѣтъ, вмѣстѣ съ отчетомъ комитета за 1885-86 г.

на бестужевскихъ курсахъ и въ университетѣ, то для переходящихъ съ перваго курса на второй оно гораздо выше на бестужевскихъ курсахъ; здѣсь оно достигаетъ 73%, между тѣмъ какъ въ университетѣ не превышаетъ 49%. Сравненіе съ университетомъ обнаруживаетъ еще одну любопытную черту: почти одинаковое распредѣленіе студентовъ и слушательницъ между сословіями. Въ университетѣ дворянъ было 59%, лицъ духовнаго званія 8%, лицъ остальныхъ сословій 33%; для женскихъ курсовъ соотвѣтствующія цифры (среднія за три года) были: 57%, 10% и 33%. Близость—поразительная, удостовѣряющая несомнѣнно, что стремленіе къ высшему образованію распространяется между женщинами совершенно нормально, а не прививается искусственно къ тѣмъ сферамъ, въ которыхъ нѣтъ для него достаточныхъ данныхъ. Особенно невелико на курсахъ число крестьянокъ и солдатскихъ дочерей; оно не превышаетъ 2% общаго числа слушательницъ.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ пользу серьезности занятій на бестужевскихъ курсахъ говоритъ весьма сильно распредѣленіе слушательницъ между обоими главными отдѣленіями курсовъ, т.-е. постоянное переполненіе болѣе труднаго—физико-математическаго отдѣленія, сравнительно съ болѣе легкимъ—словеснымъ. То же самое мы видимъ и въ отчетномъ году; на физико-математическомъ отдѣленіи слушательницъ было слишкомъ вдвое больше, чѣмъ на словесномъ (500 и 243), а къ первой цифрѣ слѣдуетъ прибавить еще 36 слушательницъ спеціально-математическаго отдѣленія. О результатахъ занятій даютъ понятіе слѣдующія данныя, заимствуемыя нами изъ докладной записки комитета. Общій средній баллъ, выведенный изъ экзаменныхъ списковъ 1884-85 г., равнялся, для слушательницъ словеснаго отдѣленія—$4^1/_4$, для слушательницъ физико-математическаго отдѣленія—$4^2/_5$, для слушательницъ спеціально-математическаго отдѣленія—$4^4/_5$; чѣмъ труднѣе курсъ, тѣмъ выше оказываются успѣхи. По богословію, обязательному для слушательницъ всѣхъ отдѣленій, средній баллъ былъ $4^3/_{10}$. Необходимо прибавить, что вышина средняго балла растетъ по мѣрѣ приближенія къ концу курса. На словесномъ отдѣленіи высшую отмѣтку (пять) получили при переходѣ во второй курсъ 48% всѣхъ слушательницъ, при выпускномъ испытаніи—$57^1/_2$%; для физико-математическаго отдѣленія соотвѣтствующія цифры—48 и 63%. Энергія слушательницъ, такимъ образомъ, постоянно растетъ, а не ослабѣваетъ. Неудивительно, что лучшія изъ нихъ оказываются, по окончаніи курса, вполнѣ способными къ ученой дѣятельности. Въ прошломъ году при бестужевскихъ курсахъ состояли, въ качествѣ профессорскихъ ассистентокъ, четыре бывшія слушательницы курсовъ: госпожи Сердобинская—по каѳедрѣ физики, Шиффъ—по математикѣ, Давыдова—по химіи, Россійская—по зоо-

гіи. Теперь къ нимъ присоединились еще пять: госпожи: Величко—по алгебрѣ и тригонометріи, Бѣлышева—по механикѣ и интегральному исчисленію, Соломко—по минералогіи, Щепкина—по русской исторіи, Веселовская—по латинскому языку. Работы двухъ бывшихъ слушательницъ: госпожъ Россійской—объ „исторіи развитія Orchestia littorea", и Андрусовой—объ инфузоріяхъ керченской бухты, были доложены въ зоологическомъ отдѣленіи петербургскаго общества естествоиспытателей; статья госпожи Щепкиной: „Популярная литература въ срединѣ XVIII-го вѣка", напечатана въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія".

Главное назначеніе общеобразовательнаго учебнаго заведенія, какимъ являются высшіе женскіе курсы, состоитъ, впрочемъ, не въ томъ, чтобы приготовлять ученыхъ спеціалистовъ. Приведенные нами факты весьма характеристичны въ смыслѣ свидѣтельства о высокомъ уровнѣ, до котораго могутъ дойти знанія, пріобрѣтаемыя на женскихъ курсахъ; но измѣрять пользу, приносимую курсами, количествомъ ученыхъ трудовъ, исполненныхъ бывшими ихъ слушательницами, было бы большою ошибкой. Намъ кажется, что курсы, и съ этой точки зрѣнія, достигли, въ короткое время, весьма многаго; но еслибы они и сдѣлали здѣсь гораздо меньше или не сдѣлали ровно ничего, еслибы ни одна изъ женщинъ, получившихъ высшее образованіе, не посвятила себя научной дѣятельности, это не могло бы служить аргументомъ противъ существованія курсовъ. Ихъ прямая задача—поднять общій уровень развитія, увеличить число силъ, участвующихъ въ общей образовательной работѣ, создать для нея новыя точки опоры въ той самой средѣ, откуда она слишкомъ часто встрѣчала противодѣйствіе,—пассивное, но тѣмъ болѣе упорное. Степень осуществленія этой задачи не подлежитъ точному взвѣшиванію или вычисленію; судить о ней можно будетъ только въ отдаленномъ будущемъ. Покамѣстъ достаточно доказать, что высшее образованіе женщинъ не отвлекаетъ ихъ отъ семейной жизни и помогаетъ имъ на тѣхъ дорогахъ, которыя издавна открыты для женскаго труда. Этому условію удовлетворяетъ докладная записка, составленная комитетомъ бестужевскихъ курсовъ. Комитету удалось собрать свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ 218 изъ 400 бывшихъ слушательницъ курсовъ. Изъ нихъ 70 вышли замужъ, не считая тѣхъ, которыя были уже замужемъ во время нахожденія на курсахъ. Это число довольно значительное, въ особенности если принять во вниманіе, что со времени перваго выпуска прошло не болѣе пяти лѣтъ, и что большинство слушательницъ оканчиваетъ курсъ довольно рано, лѣтъ 20 съ небольшимъ, принадлежа, притомъ, преимущественно къ небогатымъ семействамъ. Сто-тридцать-семь слушательницъ (изъ числа тѣхъ же 218) занимаются воспитаніемъ и преподаваніемъ, т.-е. именно

тою дѣятельностью, которая и до учрежденія высшихъ курсовъ составляла обыкновенный удѣлъ русской трудящейся женщины. Вся разница, такимъ образомъ, заключается въ томъ, что курсы даютъ подготовку, прежде недостававшую учащимъ женщинамъ, и обезпечиваютъ за ними возможность расширять все больше и больше свою педагогическую дѣятельность. Остается только устранить внѣшнія преграды, совершенно напрасно стѣсняющія это естественное движеніе. Вскорѣ послѣ открытія бестужевскихъ курсовъ было возбуждено ходатайство о предоставленіи слушательницамъ, успѣшно окончившимъ ученье, права преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій. Министерствомъ народнаго просвѣщенія это ходатайство было отклонено, но съ объясненіемъ, что право преподаванія во всѣхъ классахъ гимназіи „могло бы быть пріобрѣтаемо женщинами наравнѣ съ лицами, ищущими званія учителей среднихъ учебныхъ заведеній, по особому испытанію въ университетѣ, чему *высшіе женскіе курсы могли бы служить хорошимъ подспорьемъ*". Основываясь на этомъ отзывѣ, нѣкоторыя бывшія слушательницы курсовъ просили допустить ихъ къ испытанію на званіе учителя гимназіи, но встрѣчали постоянный отказъ со стороны учебнаго начальства. Нужно надѣяться, что министерство народнаго просвѣщенія возвратится къ своему первоначальному взгляду. Если женщины могутъ быть полезными профессорскими ассистентками на высшихъ курсахъ, то въ способности ихъ быть преподавательницами во всѣхъ классахъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній сомнѣваться, очевидно, нельзя. Замѣщеніе ими, мало-по-малу, всѣхъ учительскихъ вакансій въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ устранило бы всякій поводъ отрицать практическое значеніе высшихъ женскихъ курсовъ, а польза этой мѣры для учащихся дѣвочекъ едва ли требуетъ доказательствъ.

Нужно ли касаться еще разъ стараго вопроса о политической и нравственной благонадежности высшихъ женскихъ курсовъ? Прижатые къ стѣнѣ, газетные враги женскаго образованія ничего не могли привести въ подтвержденіе своихъ беззастѣнчивыхъ обвиненій; но клевета, однажды пущенная въ ходъ, всегда оставляетъ трудно изгладимый слѣдъ, съ которымъ волей-неволей приходится считаться. „Единичные прискорбные случаи,—читаемъ мы въ докладной запискѣ комитета бестужевскихъ курсовъ,—не могутъ и не должны служить основаніемъ для осужденія цѣлаго учрежденія, имѣющаго дѣло съ массою лицъ. Пусть судьи высшихъ женскихъ курсовъ найдутъ хоть одну, даже небольшую группу людей, въ которой не было бы заблуждающихся или даже испорченныхъ членовъ. Причина нравственной порчи единичныхъ личностей заключается, конечно, не въ изученіи наукъ и не въ строѣ учебнаго заведенія, а во внѣшнемъ вліяніи, которое серьезными научными занятіями можетъ быть только

ослаблено, а отнюдь не усилено. Приносимыя въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ извнѣ ложныя идеи и стремленія держатся лишь до тѣхъ поръ, пока увлеченная ими личность не заинтересуется преподаваемой наукой. По мѣрѣ того, какъ преподаваніе становится серьезнѣе, слушательницы начинаютъ все болѣе и болѣе увлекаться имъ. и въ старшихъ курсахъ *научные интересы*, а не какіе-либо иные, стоятъ для нихъ на первомъ планѣ... При оцѣнкѣ нравственнаго вліянія какого бы то ни было учебнаго заведенія на учащихся—что̀ вообще есть дѣло въ высокой степени сложное и трудное, требующее крайней внимательности, осторожности и добросовѣстности, — очень часто упускается изъ виду, что гораздо правильнѣе судить о заведеніи не по отдѣльнымъ случаямъ уклоненія отъ желаемаго порядка и поведенія въ средѣ учащихся, а по достигнутымъ результатамъ, по тому запасу нравственныхъ и умственныхъ силъ для борьбы со зломъ, который выносится въ жизнь его питомцами". Это — по истинѣ золотыя слова, примѣнимыя не къ однимъ только высшимъ женскимъ курсамъ и особенно цѣнныя въ переживаемую нами минуту. Въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется у насъ теперь высшихъ учебныхъ заведеній, изъ среды которыхъ никто никогда не былъ бы заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что весьма немного. Еслибы здѣсь могла быть рѣчь о солидарной отвѣтственности всѣхъ за нѣсколькихъ или за одного, свобода отъ отвѣтственности оказалась бы исключеніемъ, а не общимъ правиломъ; громадному большинству учебныхъ заведеній пришлось бы признать себя виновными—или, лучше сказать, безъ вины виноватыми. Численнымъ отношеніемъ заподозрѣнныхъ къ учащимся не доказывается ровно ничего, развѣ еслибы оно было уже черезъ-чуръ велико (чего мы нигдѣ не видимъ); во всякомъ случаѣ, цифрамъ, выражающимъ это отношеніе, нельзя придавать *абсолютнаго* значенія. Десять больше одного; но, какъ членъ пропорціи, десять изъ двухъ тысячъ — все равно, что одинъ изъ двухсотъ. И тамъ, и тутъ, отдѣльныя единицы тонутъ въ общей массѣ и не окрашиваютъ ея въ свою краску. Молодые люди, поступающіе въ высшія учебныя заведенія, приносятъ съ собою, сплошь и рядомъ, извѣстное направленіе, извѣстные взгляды; настроить ихъ на другой ладъ новая обстановка, новыя занятія могутъ только постепенно. Внезапной перемѣны нельзя ни ожидать, ни требовать; какъ бы бдительно ни было начальство учебнаго заведенія, оно не можетъ всего знать; какъ бы великъ ни былъ его авторитетъ, оно не можетъ сразу передѣлать молодой умъ и молодую волю. Если прибавить ко всему этому возможность вліяній, не имѣющихъ ничего общаго съ учебнымъ заведеніемъ, то границы его отвѣтственности становятся совершенно ясными. Предполагать

нѣчто въ родѣ причинной связи между высшимъ образованіемъ и развитіемъ преступныхъ стремленій можно было бы только въ такомъ случаѣ, еслибы послѣднія росли параллельно съ первымъ, еслибы на старшихъ курсахъ учебнаго заведенія наклонность къ политической агитаціи встрѣчалась чаще, чѣмъ на младшихъ, и достигала своего апогея ко времени окончанія занятій. Ничего подобнаго, на сколько намъ извѣстно, не наблюдалось у насъ никогда и нигдѣ: напротивъ того, каждый лишній годъ, проведенный въ высшемъ учебномъ заведеніи, уменьшалъ шансы уклоненія съ легальной дороги, и всего ниже эти шансы падали для тѣхъ, кто окончилъ полный курсъ ученья, т.-е. всего дольше оставался подъ вліяніемъ учебнаго заведенія. Гдѣ же, затѣмъ, основанія для заподозриванія учрежденій, служащихъ главнымъ источникомъ высшаго образованія, а слѣдовательно, и для принятія чрезвычайныхъ мѣръ, которыя уже грезятся нашимъ газетнымъ реакціонерамъ? Сокращеніе числа студентовъ, увеличеніе платы за ученье, открытіе доступа въ университетъ исключительно для лицъ, получившихъ аттестатъ зрѣлости въ томъ же учебномъ округѣ, усиленіе „отеческой власти" начальства надъ студентами—да и надъ профессорами, — все это входитъ, можетъ быть, въ программу мнимыхъ „гражданъ", но ни для чего подобнаго нѣтъ точекъ опоры въ дѣйствительности. Новый университетскій уставъ, съ разъясняющими и дополняющими его инструкціями и правилами, даетъ университету полную возможность регулировать занятія студентовъ, внести въ ихъ жизнь оздоровляющій и отрезвляющій элементъ усиленнаго труда. Для успѣшнаго исполненія этой задачи необходимо только одно: уваженіе учащихся къ учащимъ, довѣріе первыхъ къ искренности и самостоятельности послѣднихъ. Продиктовать профессорамъ содержаніе ихъ лекцій—значило бы подорвать въ самомъ корнѣ нравственное вліяніе ихъ на студентовъ.

Возвратимся, однако, къ высшимъ женскимъ курсамъ и спросимъ себя: чѣмъ задерживается до сихъ поръ рѣшеніе ихъ участи?—Вопросомъ о размѣрѣ правъ и преимуществъ, которыя имъ слѣдуетъ предоставить? Они развивались и процвѣтали безъ всякихъ привилегій; на томъ же основаніи они могли бы существовать и впредь, пока не наступилъ бы для нихъ моментъ болѣе благопріятный.—Вопросомъ о программѣ, которой они должны держаться? До сихъ поръ въ составъ преподаванія на высшихъ женскихъ курсахъ входили, по выраженію комитета курсовъ, всѣ „главные и основные предметы человѣческаго знанія"; программа курсовъ начертана, такимъ образомъ, сама собою, и едва ли есть поводъ къ ея измѣненію.—Вопросомъ о средствахъ содержанія курсовъ? Они не получаютъ изъ казны ничего или почти ничего, такъ что и съ этой точки зрѣнія продол-

женіе ихъ дѣятельности не можетъ представлять никакихъ затрудненій.—Вопросомъ о размѣрѣ свѣденій, которыхъ слѣдуетъ требовать отъ вступающихъ на курсы? И этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, не допускаетъ двухъ различныхъ рѣшеній. Высшее образованіе есть прямое и естественное продолженіе средняго: оно должно начинаться съ того, на чемъ заканчивается послѣднее. Дипломъ женской гимназіи—вотъ ключъ, достаточный для открытія двери высшихъ женскихъ курсовъ. Другое дѣло, еслибы этимъ курсамъ были предоставлены особыя права и преимущества, приравнивающія или приближающія ихъ къ университету; тогда тождеству правъ могло бы соотвѣтствовать тождество требованій. Еслибы бывшая слушательница высшихъ курсовъ могла получить, безъ дальнѣйшаго экзамена, званіе учителя гимназіи, то вступленіе на курсы, какъ и въ университетъ, могло бы быть обусловлено полученіемъ аттестата зрѣлости. Еще правильнѣе было бы, быть можетъ, пріурочить высокія требованія не къ моменту вступленія на курсы, а къ моменту испытанія на то или другое званіе, доступное для женщинъ. Изученіе классическихъ языковъ, въ размѣрѣ гимназическаго курса, было бы обязательно, такимъ образомъ, для тѣхъ лишь женщинъ, которыя хотѣли бы проложить себѣ дорогу въ высшія сферы педагогической дѣятельности: для всѣхъ остальныхъ незачѣмъ было бы затруднять чрезъ мѣру вступленіе на курсы. По мѣткому выраженію министерства народнаго просвѣщенія, курсы составляли бы только *подспорье* къ достиженію цѣли, преслѣдуемой сравнительно немногими, и организовать ихъ *исключительно* въ виду этой цѣли не было бы никакой надобности. Для громаднаго большинства слушательницъ высшихъ курсовъ, посвящающихъ себя семейной жизни или педагогическимъ занятіямъ съ дѣтьми средняго и младшаго возраста, знаніе классическихъ языковъ является совершенно излишнимъ. Аттестатъ зрѣлости, какъ conditio sine qua non для вступленія на курсы, былъ бы ни чѣмъ инымъ, какъ искусственной преградой на пути къ высшему образованію, преградой, ничѣмъ не оправдываемой и ни для чего ненужной.

Если судьба высшихъ женскихъ курсовъ держится на волоскѣ, то волосокъ, долго игравшій ту же роль по отношенію къ женскимъ *врачебнымъ* курсамъ, несомнѣнно доживаетъ свои послѣднія минуты. Со времени пріостановки пріема на эти курсы прошло уже пять лѣтъ, и они должны закрыться, если въ самомъ близкомъ будущемъ не раздастся, наконецъ, воскрешающее ихъ слово. А между тѣмъ пробѣлъ, который они оставятъ, будетъ еще чувствительнѣе того, который можетъ образоваться вслѣдствіе закрытія высшихъ женскихъ курсовъ. Польза, приносимая женщинами-врачами, давно уже стоитъ внѣ всякаго спора. Въ послѣднее время, какъ нарочно, сходятъ со

сцены, въ разныхъ концахъ Россіи, женщины-врачи, оставляющія по себѣ самую добрую память. Тяжелая, изнуряющая работа, захватывающая всю жизнь и безпрестанно доходящая до самоотверженія, быстро пробиваетъ бреши въ немногочисленныхъ рядахъ, а на мѣсто умершихъ труженицъ скоро перестанутъ являться другія... Для возобновленія дѣятельности женскихъ врачебныхъ курсовъ имѣются на-лицо и пути, и средства; неужели имъ суждено исчезнуть безслѣдно, неужели русскимъ женщинамъ, сознающимъ въ себѣ призваніе къ медицинѣ, опять придется искать гостепріимства за границей? Уже теперь въ одномъ Парижѣ между *сто-тремя* слушательницами медицинскихъ лекцій насчитывается *семьдесятъ-шесть* русскихъ (француженокъ—только восемь); что́ же будетъ тогда, когда окончательно утратится надежда на открытіе въ Россіи женскихъ врачебныхъ курсовъ? Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и здѣсь, пожалуй, можно было толковать о *модѣ*, но мода, непрерывно продолжающаяся болѣе пятнадцати лѣтъ и переживающая самыя тяжелыя испытанія, заслуживаетъ другого названія. Въ русской женской натурѣ влеченіе къ врачебному дѣлу коренится, очевидно, весьма глубоко, соприкасаясь съ самыми лучшими ея сторонами, съ способностью и потребностью самопожертвованія, съ готовностью отдаться всецѣло служенію одной идеѣ. Нигдѣ всѣ эти свойства не могутъ найти для себя болѣе широкаго и болѣе полезнаго примѣненія, какъ въ области медицины, особенно земской, т.-е. народной.

Агитація противъ судебныхъ уставовъ всего опаснѣе въ тѣ минуты, когда она совпадаетъ съ обсужденіемъ оффиціальныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ измѣненію основныхъ началъ уголовнаго процесса. Такая минута переживается нами теперь, и сообразно съ этимъ усиливаются въ печати замолкшія-было нападенія на судъ присяжныхъ. Они находятъ для себя заранѣе подготовленную почву въ одной особенности, свойственной нѣкоторымъ сферамъ нашего общества. Тамъ, гдѣ успѣло укорениться чувство законности и сознаніе равенства передъ судомъ, отдѣльное правонарушеніе, какъ бы оно ни было тяжко и серьезно, никогда не возбуждаетъ мысли о чрезвычайной репрессіи, о недостаточности обыкновенныхъ средствъ поддержанія и возстановленія порядка. Для того, чтобы почувствовалась потребность въ усиленіи общественной охраны, здѣсь нужна цѣлая цѣпь событій, выходящихъ изъ ряда, да и тогда возникаетъ вопросъ только объ измѣненіи закона, а не о дѣйствіи помимо и внѣ закона. У насъ такое отношеніе къ дѣлу стало возможнымъ только со времени судебной реформы, но главному теченію безпрестанно приходилось встрѣчаться съ побочными, новизнѣ безпрестанно (и не

всегда успѣшно) приходилось бороться противъ старины. Въ послѣднее время перевѣсъ въ этой борьбѣ явно сталъ переходить на сторону прежнихъ традицій, и онѣ громко заявляютъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, свое мнимое право. Обыкновенный ходъ процесса кажется, съ этой точки зрѣнія, слишкомъ медленнымъ, обыкновенный судъ — слишкомъ снисходительнымъ, обыкновенное наказаніе — слишкомъ слабымъ. Въ инсарскомъ уѣздѣ (пензенской губерніи) убитъ недавно управляющій имѣніемъ госпожи Тучковой, убитъ,—какъ говорятъ,—цѣлою толпою крестьянъ, имѣвшею съ нимъ столкновеніе по какому-то хозяйственному вопросу. Безспорно, это преступленіе возмутительное, но возмутительное не больше многихъ другихъ, разсматриваемыхъ, сплошь и рядомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ правилъ судопроизводства. Не такъ смотрятъ на него органы реакціонной печати; они находятъ, очевидно, что за первой о немъ вѣстью долженъ былъ немедленно послѣдовать рядъ мѣръ, направленныхъ не столько къ безпристрастному разбору дѣла, сколько къ скорой и суровой расправѣ. Понятно, что такимъ ожиданіямъ никогда не можетъ удовлетворить ни судъ присяжныхъ, ни процессъ, движущійся въ общихъ законныхъ рамкахъ и формахъ. Чѣмъ больше мысль о судѣ, карающемъ во что бы то ни стало, о законѣ, сохраняющемъ свою силу только для будничныхъ, заурядныхъ дѣлъ, о быстротѣ и натискѣ, не оставляющемъ мѣста для простой справедливости, — чѣмъ больше эта мысль проникаетъ въ умы, тѣмъ дальше идетъ путаница понятій. Опять появляется на сцену представленіе о двухъ мѣрахъ и двухъ вѣсахъ, о порядкахъ, годныхъ только для привилегированнаго меньшинства, но не для массы, не для черни. Помѣщикъ обвиняется въ убійствѣ пастуха — пускай онъ судится обыкновеннымъ судомъ, и если судъ найдетъ его дѣйствовавшимъ въ состояніи невмѣняемости, тѣмъ лучше; на этотъ разъ никто не станетъ упрекать судей въ наклонности смѣшивать преступленіе съ болѣзнью. Крестьянинъ обвиняется въ убійствѣ помѣщика или управляющаго—долой судъ присяжныхъ, долой судебныя гарантіи, пускай безотлагательно постановляется приговоръ, и приговоръ непремѣнно обвинительный. Покамѣстъ, къ счастію, эта „двойная бухгалтерія" существуетъ только въ мечтахъ реакціонныхъ газетъ, но опасны иногда и самыя мечты, въ особенности когда онѣ находятъ кое-какія точки опоры въ дѣйствительности.

Мы говорили недавно о смѣшномъ недоразумѣніи, въ силу котораго одна изъ петербургскихъ газетъ, всего меньше повинная въ „либерализмѣ", оказалась зачисленною—по спискамъ „Русскаго Вѣстника"—въ „либеральный" лагерь. Безмолвно протестуя противъ очевидной ошибки, заподозрѣнная газета доказываетъ свою чистоту...

усиленными выходками противъ суда присяжныхъ. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ состоялся недавно оправдательный приговоръ по дѣлу о купцѣ Б., обвинявшемся въ полученіи денегъ по подложнымъ документамъ. Главной уликой противъ обвиняемаго служило заключеніе экспертовъ, нашедшихъ сходство между его почеркомъ и подписями на подложныхъ документахъ; но кому же неизвѣстно, что сличеніе почерковъ принадлежитъ къ числу самыхъ ненадежныхъ доказательствъ? Учителя чистописанія и секретари судебныхъ мѣстъ, на которыхъ оно обыкновенно возлагается, настолько же компетентны въ этомъ дѣлѣ, какъ и всякій другой грамотный человѣкъ, обладающій наблюдательностью и хорошимъ зрѣніемъ. Объ экспертизѣ и экспертахъ, въ истинномъ смыслѣ слова, здѣсь не можетъ быть и рѣчи; нѣтъ такой науки, нѣтъ такого искусства, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть точныя данныя для опредѣленія сходства или несходства почерковъ. Другимъ основаніемъ обвиненія служило показаніе двухъ свидѣтелей, о которыхъ сама газета, негодующая противъ оправданія Б., выражается слѣдующимъ образомъ: „они съ какимъ-то непонятнымъ усердіемъ расписывали Б. самыми черными и густыми красками и даже взводили на него другія подобныя преступленія, которыя на предварительномъ слѣдствіи не подтвердились“. Что̀ же удивительнаго, затѣмъ, представляетъ собою оправдательный приговоръ присяжныхъ? Не вѣря свидѣтелямъ, могли ли они обвинить подсудимаго на основаніи однѣхъ только догадокъ, высказанныхъ мнимыми экспертами? Но для газеты, привыкшей бить лежачаго, не обязательна обыкновенная логика. Вердиктъ присяжныхъ признается ею то легко объяснимымъ, то „сокрушающе неожиданнымъ“; правосудіе, въ немъ выразившееся, провозглашается не только „опаснымъ“, но даже „подложнымъ“. „Иной разъ,—читаемъ мы въ той же газетной статьѣ,—встрѣчаясь на банковыхъ процессахъ съ удивительною терпимостью и слѣпымъ милосердіемъ присяжныхъ къ ворамъ и грабителямъ худшей категоріи, невольно начинаешь думать, что эти двѣнадцать случайныхъ Соломоновъ совершенно не вѣдаютъ, что̀ творятъ. Они не понимаютъ преступленія, и, произнося: *не виновенъ*, говорятъ на самомъ дѣлѣ: *не понимаю*. Не говоря уже о крестьянахъ и мѣщанахъ, даже чиновники и мелкіе купцы наши весьма плохо понимаютъ основы правильнаго и производительнаго кредита. Непониманіе это идетъ съ разныхъ сторонъ. Оно просто у мужика, тенденціозно у чиновника, корыстно у купца и торгующаго мѣщанина... Соберите вы изъ этихъ слоевъ общества двѣнадцать судей совѣсти, и одни искренно ничего не поймутъ изъ состава преступленія противъ кредита, другіе увидятъ въ немъ пріятное для нихъ наказаніе кулака, ростовщика и кровопійцы, а третьи увлекутся ловкачествомъ гра-

бителя и пожелаютъ наградить его за ловкость". Разбирать эти невѣроятныя разсужденія мы, конечно, не станемъ; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, доказывать серьезно, что въ полученіи денегъ по подложному документу нѣтъ ничего непонятнаго для крестьянина, окруженнаго со всѣхъ сторонъ ссудо-сберегательными товариществами, и ничего симпатичнаго для чиновника или купца, сплошь и рядомъ вносящаго въ банкъ собственныя свои деньги. Приведенная нами тирада заинтересовала насъ какъ „признакъ времени", какъ отголосокъ моднаго мотива. Нота, взятая наверху, отражается внизу, только въ другой формѣ, рѣзкой и грубой. Сомнѣніе въ компетентности суда присяжныхъ возводится здѣсь уже на степень прямого отрицанія; статистическія цифры и общія разсужденія замѣняются первымъ попавшимся фактомъ, хотя бы онъ и вовсе не годился для данной цѣли. Самъ по себѣ, вердиктъ по дѣлу Б. не доказываетъ ровно ничего; все равно, къ нему прицѣпляется выходка противъ „случайныхъ Соломоновъ". Избытокъ усердія, какъ и всегда, заводитъ слишкомъ далеко; если въ рѣшеніяхъ суда присяжныхъ, какъ и въ ихъ составѣ, преобладаетъ *случайность,* то логическій выводъ отсюда только одинъ: совершенное упраздненіе суда присяжныхъ,—а оно, покамѣстъ, не поставлено на очередь въ оффиціальныхъ сферахъ.

Намъ случилось какъ-то недавно привести нѣсколько перловъ *реакціонной* театральной критики. Автору, котораго мы цитировали, это выраженіе показалось страннымъ; намъ оно кажется совершенно естественнымъ, потому что реакціонный оттѣнокъ критика можетъ имѣть точно такъ же, какъ и публицистика, беллетристика, исторія и т. п. Само собою разумѣется, что изъ реакціоннаго лагеря можетъ выйти безпристрастный художественный критикъ (хотя такого явленія мы что-то не припомнимъ); но гораздо болѣе обыкновеннымъ бываетъ здѣсь подчиненіе эстетическихъ взглядовъ политическимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только привести еще одну критическую жемчужину, найденную нами въ реакціонной прессѣ. На этотъ разъ дѣло идетъ о критикѣ литературной; прославляется „поэтъ и мыслитель" К. Н. Леонтьевъ—и провозглашается во всеуслышаніе, что этотъ писатель, *„какъ художникъ,* долженъ быть поставленъ рядомъ съ высшими представителями русской литературы послѣднихъ десятилѣтій". Его „художественныя творенія исполнены живой, первобытной прелести и составили бы радость всякой, самой богатой европейской литературы". Дальше этихъ геркулесовыхъ столбовъ нельзя, повидимому, сдѣлать и шага; но усердный критикъ идетъ еще дальше. „Какъ публицистъ,—вѣщаетъ онъ,—Леонтьевъ имѣетъ еще бóльшее значеніе. Сборникъ

его разсужденій долженъ быть настольной книгой всякаго русскаго человѣка, который желаетъ понять подлинную сущность балканскаго вопроса... Въ вопросахъ внутренней политики Леонтьевъ является представителемъ и вдохновеннымъ жрецомъ священныхъ охранительныхъ началъ, на которыхъ стоитъ и держится русская земля... Разборъ извѣстнаго произведенія гр. Л. Н. Толстого: „Чѣмъ люди живы", заслуживалъ бы изданія въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, но даже и сотни оттисковъ его пролежали почти безъ спроса". Неблагодарная Россія! Какого сына она не оцѣнила и до сихъ поръ не цѣнитъ! Есть, впрочемъ—если вѣрить цитируемой нами газетѣ—„юные умы", плѣняемые г. Леонтьевымъ „въ послушаніе вѣры" и подъ его руководствомъ набирающіеся силъ для защиты „основъ". Интересно было бы познакомиться хотя бы съ однимъ представителемъ этой школы...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи. — На поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина, въ селѣ Ивановѣ, тульской губ., бѣлевскаго уѣзда:

1) Къ 1-му мая 1887 г. въ остаткѣ	3.298 р. 98 к.
2) Въ маѣ, отъ К. К. Арсеньева	10 „ — „
Всего къ 1-му іюня 1887 г. . . .	*3. 308 р. 98 к.*

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ — ІЮНЬ, 1887.

Книга пятая. — Май.

Книга шестая. — Іюнь. стр.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Современная Персія. — Картинки современной персидской жизни и характера, д-ра Уильса. Пер. съ англ. И. Коростовцова. Спб. 1887. Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

Книга англійскаго путешественника о Персіи, сосѣдней намъ странѣ, представляетъ не одинъ интересный матеріалъ для чтенія, который даетъ цѣлый рядъ картинъ и порядковъ, невѣроятныхъ для воображенія европейца, такъ что невольно соглашаешься съ характеристикою Персіи, приводимою авторомъ со словъ одного извѣстнаго дипломата, а именно, что Персія есть „le dernier des pays et le dernier des peuples". Но опытный глазъ д-ра Уильса не сдѣлалъ, однако, той ошибки, въ какую часто впадаютъ путешественники, которые, познакомившись съ деморализованною администраціею страны, съ паденіемъ нравовъ правящихъ классовъ, дѣлаютъ общее заключеніе о нравственномъ состояніи народныхъ массъ. По его мнѣнію, вышеприведенный презрительный отзывъ о Персіи никакъ не можетъ быть относимъ къ народу, а потому попытки укрѣпить свое вліяніе въ Персіи, подчинить себѣ эту страну средствами, разсчитанными на усиленіе деморализаціи въ странѣ, могутъ привести къ противнымъ результатамъ. Для насъ, русскихъ, особенно любопытна у д-ра Уильса та глава (XVIII), гдѣ говорится о нашей политикѣ въ Персіи. Онъ приписываетъ именно намъ стремленіе воспользоваться господствующими въ Персіи продажностью и подкупомъ, и, несмотря на высказанное имъ выше, все-таки приходитъ къ заключенію, что „если Англія намѣрена оказывать сопротивленіе Россіи на Востокѣ, то не лучше ли дѣйствовать противъ Россіи ея же оружіемъ", т.-е. пользоваться вышепоименованными качествами персидскихъ правительственныхъ классовъ.

Францъ Листъ. — Очеркъ его жизни и дѣятельности. П. А. Трифонова. Спб. 1887. Стр. 183. Ц. 1 р. 50 к.

Трудъ П. А. Трифонова знакомъ нашимъ читателямъ; онъ появился впервые на страницахъ нашего журнала и впослѣдствіи былъ переработанъ авторомъ. Благодаря появившемуся переводу этой біографіи на французскомъ языкѣ, Францъ Листъ успѣлъ наполнить ее примѣчаніями на поляхъ, и такимъ образомъ могли сдѣлаться извѣстными многіе факты изъ жизни Листа, которые безъ того пропали бы безъ слѣда.

Древніе и современные софисты. Соч. Брентано. Съ франц. перев. Як. Поповицкій. Спб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣль автора — доказать, что наше время не имѣетъ права относиться свысока и пренебрежительно ни къ софистамъ древности, которыхъ, по его мнѣнію, напрасно считаютъ людьми недобросовѣстными, ни къ средневѣковой схоластической философіи. Мы—говоритъ онъ въ предисловіи—наивно вообразили себѣ, что достаточно мыслить вполнѣ честно и свободно, чтобы избѣжать ихъ ошибокъ; въ результатѣ оказалось, что мы впали въ прежнія ошибки. У насъ другія идеи, другія слова, но при ихъ помощи мы начали ту же игру въ остроуміе. Въ оправданіе глубокаго разстройства новѣйшаго мышленія авторъ приводитъ одно соображеніе, а именно: если—говоритъ онъ—первая встрѣчная философская мечта принимаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе философіи, то заблужденіе наше въ этомъ случаѣ невольное; наши мнимые философы настолько искренни, насколько почитатели ихъ довѣрчивы,—однимъ словомъ, въ наше время, въ другой только формѣ, повторяется исторія греческой софистики и средневѣковой схоластики.—Главная часть труда Брентано посвящена изслѣдованію современныхъ англійскихъ софистовъ, и онъ особенно останавливается на Стюартѣ Миллѣ и Гербертѣ Спенсерѣ.

Русскій мыслитель. Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій Гоголя, его писемъ и воспоминаній. Собралъ Ив. Щегловъ. Спб. 1887. Стр. 182.

По словамъ составителя, цѣлью настоящаго изданія служитъ попытка обрисовать душевный строй Гоголя, какъ мыслителя, штрихами его же собственнаго пера,—другими словами, составитель имѣлъ намѣреніе такимъ способомъ дать читателю какъ бы автобіографію Гоголя. Многолетния замѣтки Гоголя о Россіи, русскомъ человѣкѣ, объ искусствѣ, литературѣ, театрѣ, женщинахъ—все это извлечено составителемъ преимущественно изъ писемъ Гоголя и его поэмы „Мертвыя Души". Задача автора, намъ кажется, была бы легче и благодарнѣе, еслибы онъ задался мыслью изобразить Гоголя, его же перомъ, но какъ художника, а не какъ мыслителя.

Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ. Историко-юрид. изслѣдов. П. О. Бобровскаго. Спб. 1887. Ц. 1 р.

Авторъ имѣлъ въ виду пополнить существенный пробѣлъ въ исторіи русскаго законодательства относительно источниковъ „Устава воинскаго" Петра Великаго, и съ этою цѣлью привелъ въ порядокъ всѣ свѣденія объ исторіи его образованія и установилъ связь между первоначальными изданіями „Артикула воинскаго", „Процессовъ", „Экзерциціи" и пр., и рукописями, хранящимися въ библіотекахъ Главнаго Штаба, Публичной Библіотеки и Румянцовскаго музея. Авторъ безусловно отрицаетъ долго господствовавшую мысль о томъ, что нѣмецкій текстъ „Устава воинскаго" есть его подлинникъ. Спеціалисты, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ этотъ трудъ, снабженный въ заключеніе приложеніями съ точными фото-литографическими снимками съ подлинной рукописи „Артикула Воинскаго".

Жизнь Іисуса Христа. Соч. Ф. В. Фаррара, перев. съ англ. А. П. Лопухина. 2-ое изд. Спб. 1887. Стр. 828. Ц. 8 р.

Въ подлинникѣ трудъ извѣстнаго богослова англиканской церкви и автора книги: „Жизнь и труды ап. Павла", въ теченіе 10 лѣтъ, имѣлъ тридцать изданій, а въ русскомъ переводѣ онъ появляется вторымъ, ничѣмъ не уступающимъ, по своей внѣшности, изданію оригинала. Русскій текстъ, какъ и англійскій, снабженъ массою иллюстрацій, знакомящихъ читателя съ археологическими памятниками той эпохи и съ картинами палестинской природы.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1887 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.
Съ доставкою	16 „ — „	9 „	5 „
Съ пересылкою	17 „ — „	10 „	6 „
За границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за границей — 3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☚

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ за границей.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.